HANDBOUND
AT THE

UNIVERSITY OF
TORONTO PRESS

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 2.

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ

ЗА 1883 ГОДЪ

СЪ

ПРИЛОЖЕНІЕМЪ.

СОСТАВЛЕННЫЙ
И. В. ЯГИЧЕМЪ.

СЪ ТРЕМЯ ЛИТОГРАФ. ТАБЛИЦАМИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1884.

Printed in the

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ. Іюнь. 1884 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

PG
2013
A65
t.33
no.2-5

LIBRARY
JUL 17 1967
UNIVERSITY OF TORONTO

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Отчетъ о присужденіи ломоносовской преміи въ 1883 г. 1— 6

Приложеніе къ отчету:

Статья первая. 7— 35

Обозрѣніе главнѣйшихъ сочиненій русскихъ, относящихся къ греческой палеографіи (7—10).— Дѣятельность о. Амфилохія по этой части (10—14).—Его трудъ: Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ (14—16). — Содержаніе и разборъ перваго тома этого труда (16—21). — Содержаніе и разборъ второго тома того же труда (21—26). — Содержаніе и разборъ третьяго тома того же труда (26—30). — Содержаніе четвертаго тома (30—33). — Общія замѣчанія (33—35).

Статья вторая. 36— 73

Изданіе древнеславянской псалтыри о. Амфилохія (36—40—Вопросъ о судьбахъ слав. перевода псалтыри (40—41).—Тожество языка въ слав. переводѣ псалтыри съ языкомъ перевода евангелія (41—43).—Особенности древнѣйшаго перевода псалтыри по списку синайскому въ словахъ и оборотахъ (43—48). — Отношеніе симоновскаго списка къ синайскому (49—55). — Грамматическія особенности синайскаго списка псалтыри (56—59).—О происхожденіи синайскаго списка и поправкахъ необходимыхъ въ изданіи его (60—65). — Особенности перевода псалтыри съ толкованіемъ Ѳеодоритовымъ (65)—69). — Вопросъ о происхожденіи и распространеніи списковъ Ѳеодоритовой псалтыри (69—72). — О исправленіи псалтыри въ XIV стол. (72—73).

Статья третья. 74—102

Изданіе четвероевангелія 1144 года о. Амфилохія (74—77).—Общая характеристика перевода, заключающагося въ тетраевангеліяхъ (78—79).—Отступленія галицкаго списка, напоминающія особенности Ѳеодоритовой псалтыри (79—81). — Остатки въ немъ первоначальнаго перевода рядомъ съ позднѣйшими измѣненіями (80—83). — Вопросъ о русскомъ вліяніи въ галицкомъ евангеліи (83—84). — Черты южнорусскія: жч вм. жд (85—88), оу вм. къ (88), и вм. ѣ (88—89), ьıє вм. нıє (90—91), мягкость шипящихъ (91—94), окончаніе ѫть вм. ѫу (94—96), мъı вм. мъ (96—97), отсутствіе смѣшенія ц съ ч (97), хр вм. кр въ хрьстити (97—98). — Общія замѣчанія о южнорусскихъ памятникахъ (98—99). — Свидѣтельство о древности южнорусскаго нарѣчія въ Кіевѣ (99—102).

Статья четвертая. 103—191

Мнѣніе о. Амфилохія о глаголицѣ (103—104). — Разборъ этого мнѣнія (104—108). — Мнѣніе проф. Всев. Миллера о мнимомъ вліяніи сассанидскаго письма на кириллицу (108—110). — Разборъ этого

мнѣнія (110—113). — Сочиненіе проф. Гейтлера о славянскихъ письменахъ: задача изслѣдованія (113—116). — Его мнѣніе о взаимномъ вліяніи обоихъ слав. алфавитовъ другъ на друга (116—118). — Оно вызвано наблюденіемъ палеографическаго характера (118—120). — Краеугольный камень цѣлой гипотезы: отожествленіе ѡ съ ѻ, ч и ц съ ѵ, основанное исключительно на внѣшнемъ сходствѣ (121—127).— Преувеличиваніе значенія различныхъ данныхъ палеографическихъ (127—132).— Противоположность и въ тоже время зависимость обоихъ алфавитовъ одного отъ другого не можетъ быть распространяема до полнаго взаимнодѣйствія палеографическаго (132—136).— Необходимость болѣе внимательнаго отношенія къ даннымъ, почерпаемымъ изъ разбора памятниковъ (137—139).—Критическій разборъ послѣднихъ пріурочиваетъ глаголицу западной полосѣ южныхъ славянъ, Паннонiи и Моравіи, кириллицу же восточной полосѣ южныхъ славянъ, Константинополю и придунайской Болгаріи (140—144)

Албанское письмо не производитъ впечатлѣнія древняго письма (144—146).—Попытка объяснить глаголическій знакъ для ą изъ албанскаго іотованнаго ѵ не выдерживаетъ критики (146—147).— Для того чтобы сблизить глаголическія письмена съ албанскими, необходимо много смѣлыхъ, ни на чемъ не основанныхъ предположеній (147—148). — Обозрѣніе глаголической азбуки съ попытками объясненія каждой буквы: ⰰ (148—149), ⰱ (149—150), ⰲ (150), ⰳ (150), ⰴ (150—151), ⰵ (151), ⰶ (151—2), ⰷ (152), ⰸ (152—3), ⰹ (153—4), ⰺ (154), ⰻ (154), ⰼ (154—5), ⰽ (155), ⰾ (155), ⰿ (155—6), ⱀ (156), ⱁ (156—7), ⱂ (157—8), ⱃ (158), ⱄ (158—9), ⱅ (159—60), ⱆ (160—1), ⱇ.ⱈ (161—162), ⱉ (162—3), ⱊ (162—4), ⱋ (164). — Отсутствіе знаковъ для ѯ и ѱ въ глаголицѣ и особый счетъ буквъ (164—5). — Разборъ поводовъ къ постановкѣ албанской теоріи. Соображенія географическаго свойства, говорящія въ пользу первенства глаголицы (166—7). — Отчего и когда явилась кириллица (167—8). — Кирилловскія буквы ѕ (169), ѧ.ѫ (169), ѣ.ѣ̈.ѥ (169—70).—Соображенія палеографическаго свойства. Передача одного звука посредствомъ соединенія двухъ знаковъ (170—1). Объясненіе глаголической буквы ⱌ (171—2).—Необходимо ли для объясненія глаголицы прибѣгать къ римскому письму (173—4). — Соображенія основанныя на названіи буквъ (174—6). — Не вполнѣ объективное отношеніе автора къ палеографическому матеріалу подъ вліяніемъ теоріи объ албанскомъ происхожденіи глаголицы (176). — О глаголическомъ знакѣ для ѥ (177), о значеніи кавычки при глагол. ę (177—8), о глагол. ѡ (178), о глагол. і (178), о ѣ.ѣ (178—9), о глагол. ъ (179—180), о начертаніяхъ знака ѥ̈ въ рукописи Григорія Богослова (180), о двоякомъ начертаніи большого юса (180—1), очередь появленія іотованныхъ гласныхъ въ кириллицѣ (181—2), значеніе греческихъ и латинскихъ буквъ въ глагол. памятникахъ (183), глаголическое ⱌ и изображеніе его въ боснійской кириллицѣ (183—4). — Заключительныя слова (184—9). — Поясненія къ прилагаемымъ таблицамъ (190—1)

ОТЧЕТЪ

О

ПРИСУЖДЕНІИ ЛОМОНОСОВСКОЙ ПРЕМІИ ВЪ 1883 ГОДУ.

СОСТАВЛЕННЫЙ

Академикомъ **И. В. Ягичемъ.**

Успѣшный ходъ научныхъ изслѣдованій заключается не только въ выводахъ, обогащающихъ наши познанія новыми истинами, но и въ добросовѣстно исполняемыхъ задачахъ предварительнаго характера, въ внимательномъ наблюденіи явленій, въ усердномъ собираніи данныхъ, въ тщательномъ сравненіи и провѣркѣ собранныхъ матеріаловъ. Иногда выпадаетъ на долю не одного только поколѣнія довольствоваться скромною ролью наблюдателей и собирателей, пока наступитъ пора выводовъ въ широкихъ размѣрахъ или же практическаго примѣненія наукою добытыхъ истинъ на пользу человѣчества. Радуясь удачному рѣшенію того или другого вопроса, наука должна съ признательностью вспоминать и о всѣхъ тѣхъ, которыхъ усиліями сдѣлалось возможнымъ довести дѣло до конца.

Русская филологія, какъ часть славянской, находится теперь еще въ такомъ состояніи, что нуждается въ многочисленныхъ трудахъ археологическаго и библіографическаго свойства. Для

полноты выводовъ, которые должны освѣтить историческій ходъ русскаго языка, желательно имѣть какъ можно болѣе изданій памятниковъ, описаній и обозрѣній содержанія малоизвѣстныхъ рукописныхъ сборниковъ, опредѣленія ихъ особенностей палеографическихъ и степени зависимости отъ извѣстныхъ или предполагаемыхъ подлинниковъ.

Уже первый трудъ, удостоенный Ломоносовской преміи въ 1867 году, принадлежалъ къ числу такихъ явленій русской научной литературы, которыя, не задаваясь рѣшеніемъ какого либо спеціальнаго вопроса, сразу дѣлаются необходимымъ пособіемъ для успѣшной разработки цѣлаго ряда ихъ. Это было «Описаніе славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки» А. Горскаго и К. Невоструева. Тогдашняя коммисія конечно не случайно остановилась на упомянутомъ трудѣ, выборъ былъ обусловленъ какъ высокими достоинствами самого сочиненія, такъ и общимъ ходомъ русско-славянской филологіи. Два раза послѣ того приходилось присуждать преміи лексикографическимъ трудамъ, разъ самостоятельнымъ изслѣдованіямъ въ области русской грамматики. Въ нынѣшнемъ году вниманіе коммисіи было опять обращено въ ту сторону, которая нашла достойную оцѣнку въ первомъ присужденіи, на рядъ изданій неутомимаго труженика въ области славяно-русской литературной археологіи, архимандрита о. Амфилохія, окончившаго въ послѣдніе годы нѣсколько важныхъ изданій по древнерусской письменности въ связи съ славянскою и греческою, именно: на изданное имъ съ 1879 по 1881 годъ *„Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ съ IX по XVII вѣкъ“*, въ четырехъ томахъ in folio, обнимающее 366 страницъ текста и 113 таблицъ литографированныхъ снимковъ; на оконченныя въ 1881 году вторымъ изданіемъ изслѣдованія о древнеславянскомъ переводѣ псалтыри, подъ заглавіемъ: *„Древлеславянская псалтирь сумоновская до 1280 года, сличенная съ рукописными псалтирями XI—XVII в. и старопечатными XV и XVI в., съ греческимъ текстомъ X вѣка сличеннымъ съ псалтирью въ Синайской библіи, псалтирью 862*

года, псалтирью X в. Норовскою, псалтирью X—XI в.“, въ 4 томахъ; и наконецъ какъ на новѣйшій трудъ, на изданіе галицкаго евангелія 1144 года, появившееся въ свѣтъ въ 1883 году въ трехъ томахъ, подъ заглавіемъ: „*Четвероевангеліе Галичское 1144 года, сличенное съ древлеславянскими рукописными евангеліями XI—XVII в. и печатнымъ Острожскимъ 1571 и Кіевскимъ 1788 г., съ греческимъ евангельскимъ текстомъ 835 года*“ и т. д.

Зная зависимость славянской палеографіи отъ греческой, мы считали бы первый изъ упомянутыхъ трудовъ о. Амфилохія и тогда важнымъ для русской литературы, если бы онъ ограничился одними снимками съ греческихъ рукописей. Но трудолюбивый авторъ на этомъ не остановился. Въ обширныхъ введеніяхъ, предпосланныхъ таблицамъ каждаго тома, въ одинакой мѣрѣ обращено вниманіе какъ на греческіе тексты, послужившіе источниками для приложенныхъ снимковъ, такъ на соотвѣтствующіе имъ славянскіе переводы. Такимъ образомъ это изданіе даетъ гораздо больше, чѣмъ обѣщаетъ заглавіе его. Это не только палеографическое описаніе греческихъ рукописей, а богатый сборникъ библіографическихъ указаній и по малоизвѣстнымъ подлинникамъ изданныхъ текстовъ греческихъ и славянскихъ. Остановимся на богатомъ и разнообразномъ содержаніи послѣднихъ. Въ I томѣ напечатаны между прочимъ параллельно съ греческими текстами отрывки изъ сборниковъ Святослава 1073 и 1076 года, изъ евангелія 1144 года (которое тогда еще не было издано), изъ толковаго апостола 1220 года, изъ постническихъ главъ рукописи чудовской библіотеки 1358 года (о которой въ обозрѣній И. И. Срезневскаго и не упоминается), изъ лѣствичника рум. муз. XII в. № 198 (извѣстнаго только по краткому описанію у Востокова), изъ маргарита 1499 года московской синод. библіотеки, изъ поученій Григорія богослова по списку синод. библіотеки, XIV в.—Во II томѣ имѣются отрывки изъ типографскихъ апракосъ- и четверо-евангелія XII в., изъ евангелій: юрьевскаго, добрилова и карпинскаго, изъ словъ Константина презвитера

болгарскаго по синодальному списку XII—XIII в., изъ богородичника рум. м. XV в. и такого же синодальной библіотеки XV в., изъ часослова XIII—XIV в. синод. библіотеки, изъ житія св. Осодора XVI в. собранія Ундольскаго, изъ постановленій апостольскихъ синод. библіотеки (безъ обозначенія времени), изъ трефологія собранія о. Амфилохія XV—XVI в., изъ стихираря XII в. соф. новгор. библіотеки. — Въ III томъ вошли отрывочные тексты изъ каноновъ XIV в. рум. муз., изъ служебника хутынскаго XIII в., изъ діоптры 1493 года, изъ кормчей XI—XII в. синод. библіотеки, изъ тріоди постной XII в. той же библіотеки, и т. д. — Въ IV томѣ заключаются отрывки изъ январьской минеи типографской XI вѣка, изъ декабрьской XII—XIII в. и изъ разныхъ другихъ служебныхъ книгъ.

Многіе изъ упомянутыхъ здѣсь памятниковъ до сихъ поръ были извѣстны почти только по имени, а здѣсь впервые сообщаются изъ нихъ отрывки текста при удобной для пользованія обстановкѣ, т. е. съ параллельно прибавленными греческими подлинниками, заимствованными тоже исключительно изъ рукописей. Надѣясь, что текстъ напечатанъ довольно вѣрно, нельзя не поблагодарить о. Амфилохія за это обогащеніе нашихъ свѣдѣній по древне-русской письменности.

Изслѣдованіе о псалтыри въ первыхъ двухъ томахъ обнимаетъ полный славянскій переводъ по списку XIII вѣка съ прибавкою параллельнаго текста греческаго по списку X вѣка; къ обоимъ текстамъ присоединено множество разночтеній. Въ третій томъ послѣ дополненій (славянскихъ и греческихъ), обыкновенно присоединяемыхъ къ псалмамъ такъ называемыхъ слѣдованныхъ псалтырей, вошли отрывочныя замѣчанія автора о переводахъ и толкованіяхъ, съ извлеченіями славянскаго текста изъ послѣднихъ, и наконецъ небольшой объяснительный словарь. Послѣдній (четвертый) томъ содержитъ сводный текстъ перевода псалмовъ на нынѣ употребительный церковный языкъ, подобранный авторомъ изъ различныхъ, старыхъ и новыхъ, славянскихъ и русскихъ переводовъ, сообразно съ требованіями еврейскаго подлинника.

Хотя и этотъ трудъ не рѣшаетъ многихъ вопросовъ, которые наука обязана задать себѣ о переводѣ столь важной въ христіанской жизни народа книги, все-таки изданіе о. Амфилохія богато драгоцѣнными указаніями.

Наконецъ недавно (втеченіе 1882 и 1883 годовъ) вышло опять новое немаловажное изданіе того же автора: Четвероевангеліе галичское 1144 года. Оно здѣсь впервые издано въ полномъ видѣ, съ прибавкою параллельнаго греческаго текста, заимствованнаго изъ знаменитой порфиріевской минускульной рукописи 835 года; тотъ и другой текстъ съ многочисленными разночтеніями. Къ этому содержанію двухъ объемистыхъ томовъ (I томъ на XXI и 897, II томъ на 1008 стр.) прибавленъ еще третій въ видѣ дополненія (*„Дополненіе къ галичскому сличительному четвероевангелію“*), въ которомъ говорится то снова о разночтеніяхъ по глаголическимъ спискамъ, то о переводахъ и исправленіяхъ евангельскаго текста, наконецъ приложенъ маленькій словарь, къ сожалѣнію не въ алфавитномъ порядкѣ.

Нельзя правда согласиться ни со всѣми пріемами автора, принятыми въ изданіи этого памятника, ни съ нѣкоторыми мнѣніями, высказанными въ третьемъ томѣ, однакожъ суть дѣла въ томъ, что онъ опять оказалъ новую услугу славянской филологіи, напечатавъ памятникъ древнерусской письменности, замѣчательный полнотою содержанія и мѣстомъ происхожденія, обогативъ его ссылками на разные другіе, отчасти мало извѣстные до сихъ поръ тексты, которые даютъ возможность вникнуть въ характеръ каждаго отдѣльнаго изъ нихъ, опредѣлить ихъ взаимную зависимость другъ отъ друга и ихъ отношеніе къ существующимъ или пока еще не открытымъ старшимъ подлинникамъ южнославянскаго письма.

Имѣя въ виду эту богатую дѣятельность архимандрита о. Амфилохія за послѣдніе годы, посвящающаго давно уже все свое время древностямъ славянской письменности, приносящаго немало матеріальныхъ жертвъ на изданія трудовъ не оплачивающихся, главнымъ же образомъ руководясь убѣжденіемъ, что

упомянутые труды о. Амфилохія внесли въ славянскую филологію богатый вкладъ драгоцѣнныхъ источниковъ и пособій, отдѣленіе русскаго языка и словесности постановило присудить о. Амфилохію Ломоносовскую премію за 1883 годъ. Это постановленіе было одобрено въ общемъ собраніи Императорской Академіи наукъ 3 декабря т. г.

Остановимся на каждомъ изъ упомянутыхъ изданій нѣсколько подробнѣе, не для того только, чтобы разбирать, какъ авторъ выполнилъ свою задачу, хотя я по неволѣ и этого долженъ коснуться, но чтобы сообразно съ содержаніемъ каждаго изъ трехъ сочиненій, и самому по мѣрѣ возможности участвовать въ рѣшеніи различныхъ вопросовъ, которые могутъ и должны быть подняты по поводу этихъ изданій.

I.

Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ съ IX по XVII вѣкъ.

Славянское письмо (какъ кирилловское такъ глаголическое) обязано своимъ существованіемъ греческому. Всѣ палеографическіе пріемы древнихъ славянскихъ памятниковъ образовались подъ непосредственнымъ вліяніемъ графики греческой. Несмотря на этотъ фактъ, изслѣдованія по греческой палеографіи въ русской литературѣ крайне небогаты; почти все существующее ограничивается передачею почерка разныхъ памятниковъ въ болѣе или менѣе удовлетворительныхъ снимкахъ; да и послѣднихъ не много. Въ «*Матеріалахъ для исторіи письменъ*», изданныхъ въ 1855 году въ Москвѣ, изображены почерки только четырехъ греческихъ рукописей московской синодальной библіотеки; три заимствованы изъ рукописей средняго и новаго унціальнаго письма, четвертый снимокъ представляетъ минускульное письмо. Ни одна изъ рукописей не помѣчена годомъ, снимки сдѣланы очень недурно. Это изданіе повидимому осталось неизвѣстнымъ заграничнымъ палеографамъ, Гардтгаузенъ не упоминаетъ о немъ ни словомъ. Зато пользуется заслуженною извѣстностью палеографическій трудъ епископа можайскаго (нынѣ архіепископа тверскаго) Саввы: *Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей московской синодальной библіотеки*, изд. въ 1863 г. въ Москвѣ. Не буду повторять того, что объ этомъ великолѣпномъ изданіи сказано покойнымъ И. И. Срезневскимъ (см. въ XV томѣ «Сборника отдѣленія русскаго языка и словесно-

сти» статью озаглавленную «о русскихъ трудахъ по греческой палеографіи» стр. VIII—IX); прибавлю только, что во всѣхъ новѣйшихъ руководствіяхъ по палеографіи, въ числѣ важныхъ пособій указываютъ на этотъ трудъ епископа Саввы, отдавая полную справедливость ему (сл. W. Wattenbach Anleitung zur griech. Palaeographie[2] 4; V. Gardthausen Griechische Palaeographie 15).

Въ то же время московскій публичный музей началъ было издавать «*Фотографическіе снимки съ миніатюръ греческихъ рукописей, находящихся въ московской синодальной бывшей патріаршей библіотекѣ* (есть и французское заглавіе: Copies photographiées des miniatures des Manuscrits grecs)», всего издано три выпуска, in folio, 1862—1865 года. Изданіе превосходное, но по своей недоступности не оказавшее существенной пользы наукѣ. Впрочемъ и цѣль его не палеографія, а исторія миніатюрнаго искусства; въ планъ его входили только греческія рукописи съ миніатюрами. Въ первомъ выпускѣ изображены въ фотографическихъ снимкахъ всѣ миніатюры (ихъ 24), находящіяся въ рукописи синод. библіотеки: акаѳистъ Божіей Матери, относимой однимъ къ X, другимъ къ—XIV вѣку; несомнѣнно послѣднее опредѣленіе ближе къ истинѣ. Второй выпускъ представляетъ миніатюры (числомъ 57) изъ греческой минеи за февраль и мартъ, рукописи XI (а можетъ быть и XII) вѣка. Въ третьемъ выпускѣ заключаются снимки съ миніатюръ двухъ рукописей: словъ Григорія богослова X вѣка (а можетъ быть и XI) и новаго завѣта съ псалтырью XII вѣка. На многихъ таблицахъ при миніатюрахъ виденъ конечно и почеркъ письма, но въ палеографическомъ отношеніи всѣ эти рукописи не такъ важны.

Иные снимки, преимущественно эпиграфическіе, попали въ разныя повременныя изданія археологическаго характера; самое важное мѣсто въ числѣ ихъ безспорно занимаетъ трудъ архимандрита Антонина, изданный въ 1874 году археологическимъ обществомъ подъ заглавіемъ «*О древнихъ христіанскихъ надписяхъ въ Аѳинахъ*». Значеніе снимковъ, приложенныхъ къ этому изданію для греческой палеографіи, вызвало дѣльную и въ рус-

ской литературѣ доселѣ единственную статью И. И. Срезневскаго, напечатанную въ XV томѣ Сборника: «*Палеографическія наблюденія по памятникамъ греческаго письма*». Къ сожалѣнію и изданіе архимандрита Антонина осталось мало извѣстнымъ тѣмъ, которые на западѣ занимаются палеографіею: Гардтгаузенъ знаетъ объ изслѣдованіи И. Срезневскаго со словъ проф. Лескина, но о самомъ изданіи надписей не говоритъ ничего, очевидно онъ не видалъ его. Иначе трудно вѣрить, что бы онъ пропустилъ въ числѣ новѣйшихъ тружениковъ по греческой эпиграфикѣ упомянуть достойнаго русскаго ученаго.

Наконецъ въ нынѣшнемъ году какъ одинъ изъ результатовъ путешествія профессора новороссійскаго университета Н. П. Кондакова на Синай вышелъ фотографическій альбомъ видовъ и древностей синайскаго монастыря, изданный провожавшимъ его художникомъ фотографомъ Рауль: *Vues et antiquités du Sinaï par M. le Professeur Kondakoff et photographe J. X. Raoult.* Изъ сотни таблицъ этого прекраснаго изданія греческой палеографіи посвящено болѣе чѣмъ половина. Русскій ученый посѣтилъ Синай съ цѣлью, что бы пополнить свои свѣдѣнія по исторіи византійскаго искусства; его вниманіе конечно главнымъ образомъ было сосредоточено на рукописяхъ съ миніатюрами, но почти всѣ таблицы кромѣ иллюстрацій даютъ по нѣсколько строкъ текста, по этому изданіе оказываетъ немалую услугу тоже греческой палеографіи. Большинство рукописей, съ которыхъ сняты снимки, принадлежитъ X—XII в.; болѣе точное опредѣленіе времени у иныхъ изъ нихъ затруднительно. Напр. снимокъ представленный на табл. 76-й съ иллюстрированной минеи ноябрьской въ сочиненіи проф. Кондакова (Путешествіе на Синай, стр. 159) отнесенъ къ XII вѣку, въ атласѣ же помѣченъ XI в.; первое опредѣленіе вѣрнѣе. На табл. 85-ой изображены инипіальныя буквы съ нѣсколькими строками текста изъ поученій св. Ѳеодора Студита; рукопись пріурочивается авторомъ въ сочиненіи то къ IX вѣку (на стр. 126), то къ X-му (на стр. 159), но мнѣ сдается, что и это послѣднее опредѣленіе можно еще понизить на одно столѣтіе (на снимкѣ

минускульнаго характера, я замѣчаю уже примѣсь унціальнаго почерка въ буквахъ ε, κ, λ, встрѣчается открытое ϑ вм. θ). По крайней мѣрѣ въ сравненіи съ таблицею 88-ой, изображающею снимокъ съ лѣствицы Іоанна X вѣка, характеръ письма преждеупомянутой рукописи несомнѣнно новѣе. Конечно проф. Кондаковъ причисляетъ лѣствицу Іоанна № 417 на стр. 109 своего Путешествія не къ X, а къ VIII или началу IX вѣка, но мнѣ кажется, что и съ этимъ опредѣленіемъ трудно согласиться; вѣрнѣе сказать, что и эта рукопись принадлежитъ концу IX или началу X столѣтія (почеркъ ея похожъ на таблицу 4-ю у Ваттенбаха и Фельзена съ опредѣленнымъ годомъ 905). При возможности такого колебанія было бы крайне желательно получить побольше снимковъ съ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ; къ сожалѣнію ихъ не много и за исключеніемъ одной унціальной 967 года, съ которой снято нѣсколько таблицъ (№ 79—82, № 83 въ томъ экземплярѣ, который былъ у меня подъ руками, нѣтъ), всѣ прочія начинаются только съ XI вѣка; снимки съ этихъ послѣднихъ ограничиваются коротенькими послѣсловіями, сгруппированными на нѣсколькихъ таблицахъ.

За исключеніемъ двухъ трехъ замѣтокъ въ сочиненіи Антонина и нѣсколькихъ таблицъ въ изданіи еп. Саввы, изображающихъ ходъ греческаго письма въ хронологическомъ порядкѣ—о чемъ см. отзывъ Гардтгаузена въ его Griechische Palaeographie S. 15—только въ вышеупомянутой статьѣ И. И. Срезневскаго представлены нѣкоторыя общія наблюденія по греческой палеографіи. Важный и естественный вопросъ объ отношеніи славянской графики къ греческой остался и здѣсь, какъ и во всѣхъ прочихъ упомянутыхъ трудахъ, не тронутымъ.

Переходимъ къ палеографическимъ трудамъ архимандрита Амфилохія.

Влекомый любовью къ славянскимъ древностямъ, архимандритъ Амфилохій давно уже убѣдился въ томъ, что изучать славянскіе памятники можно только не упуская изъ виду ихъ главнаго источника, письменности греческой. Послѣдней посвящалъ онъ вте-

ченіе многихъ лѣтъ значительную часть свободнаго времени, если не въ качествѣ систематическаго изслѣдователя греческой палеографіи, такъ по крайней мѣрѣ какъ усердный собиратель матеріаловъ, описатель памятниковъ и переписчикъ многихъ изъ нихъ черезъ прозрачную бумагу, чтобы практически изучить ихъ почерки. Бо́льшая часть накопившихся матеріаловъ была въ разныя времена напечатана, но въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, предназначенныхъ не для публики, а только для немногихъ любителей. Вотъ какъ лѣтъ восемь тому назадъ отзывался объ этой дѣятельности арх. Амфилохія академикъ И. И. Срезневскій: «Едва ли кто нибудь на своемъ вѣку приготовилъ самъ своею рукою столько снимковъ съ такого множества рукописей, какъ архимандритъ Амфилохій въ тѣ годы, когда живя въ Московскомъ Покровскомъ монастырѣ онъ могъ находить утѣшеніе отъ невзгодъ его постигшихъ только въ молитвѣ и въ научныхъ занятіяхъ. Все за что брался, снималъ онъ на прозрачную бумагу литографическими чернилами и найдя для себя добраго помощника въ литографѣ Гавриловѣ, печаталъ свои снимки для раздачи любителямъ. Это не были изданія въ обыкновенномъ смыслѣ слова; библіографія ихъ не отмѣчала, въ библіотеки они попадали случайно; но все-таки это были изданія, доступныя по крайней мѣрѣ для нѣкоторыхъ, подобно тѣмъ печатнымъ книгамъ, которыя печатаются въ очень маломъ числѣ оттисковъ». Срезневскій упомпнаетъ нѣкоторыя изъ этихъ изданій, но далеко не всѣ. Такъ напр. въ библіотекѣ Императорской академіи наукъ я нашелъ литографическій снимокъ 25 листовъ изъ греческаго требника XIV вѣка, синодальной библіотеки № 279. Снимокъ обнимаетъ литургію св. Василія великаго, сдѣланъ и изданъ архимандритомъ Амфилохіемъ, не знаю когда. Или же—изучая греческій кондакарій, архимандритъ Амфилохій уже въ 1869 году снялъ съ греческой рукописи XII—XIII вѣка (находится въ синодальной библіотекѣ) довольно много листовъ, которые лѣтъ черезъ десять имъ же были налитографированы и вышли отдѣльною книжкою подъ заглавіемъ: «*Снимки изъ кондакарія XII—XIII в.*

сдѣланные архимандритомъ Амфилохіемъ въ ,аѰоѳ году. Москва. Литографія Гаврилова». Книжечка обнимаетъ 227 стр. въ мал. 4.

Эти многолѣтнія занятія два раза заставили автора привести свой матеріалъ въ нѣкоторый порядокъ, чтобы представить его въ болѣе систематическомъ видѣ. Первый разъ по поводу перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ, въ «Трудахъ» котораго Амфилохій напечаталъ статью озаглавленную «*О вліяніи греческой письменности на славянскую съ IX по начало XVI вѣка*» (во II томѣ, на стр. 860—873 съ приложеніемъ 17 таблицъ въ б. л.). Несмотря на краткость этой статьи, въ ней есть нѣкоторыя указанія, которымъ греческая палеографія въ новѣйшее время придаетъ большое значеніе. Если бы изложеніе автора заблаговременно стало извѣстнымъ спеціалистамъ-палеографамъ западной Европы, они не преминули бы отдать справедливость его вѣрному палеографическому чутью. Такъ онъ основательно отвергалъ возможность причислять къ VIII вѣку синодальное евангеліе № 226, чего желалъ еще епископъ Савва; его противоположное мнѣніе основано на соображеніяхъ, которыя вполнѣ подтверждаются новѣйшими изслѣдованіями греческой палеографіи (см. Гардтгаузенъ Griech. Palaeographie 160 и слѣд.). Жаль только, что авторъ ни тогда ни послѣ не попытался сгруппировать тѣ палеографическія данныя, благодаря которымъ только въ послѣднее время наука стала точнѣе опредѣлять характеръ литургическаго унціальнаго письма, въ чемъ преимущественная заслуга профессора Гардтгаузена; ср. его статью «Die jüngere Unciale» въ Beiträge zur griech. Palaeographie, Leipzig 1879.

Укажу на другое вѣрное замѣчаніе Амфилохія. «Въ греческихъ рукописяхъ X в., говоритъ онъ, заглавія закрашивались блѣдно-желтою краскою, похожею на сокъ отъ весеннихъ почекъ душистаго тополя, какъ и въ славянскихъ юсовыхъ рукописяхъ XI вѣка». Хотя авторъ и не воспользовался этимъ вѣрно подмѣченнымъ фактомъ въ смыслѣ обогащенія нашихъ палеографиче-

скихъ наблюденій, я привожу его все-таки потому, что онъ только въ новѣйшее время сталъ обращать на себя вниманіе спеціалистовъ-палеографовъ, какъ мнѣ извѣстно изъ частнаго разговора съ проф. Гардтгаузеномъ. И въ моемъ изданіи Маріинскаго евангелія указано уже на эту черту (см. снимокъ и стр. 408 изданія), только что въ глаголическомъ памятникѣ закрашиваніе дѣлалось малиноваго или вишневаго цвѣта краскою. Проф. Гейтлеръ сообщаетъ о томъ же пріемѣ, существующемъ въ синайской глаголической псалтыри, гдѣ закрашиваніе производилось желтоватою или зеленоватою краскою, и о глаголическомъ служебникѣ синайскаго монастыря разсказываетъ тоже самое. Оба эти памятника принадлежатъ по всей вѣроятности XI вѣку. Нельзя стало быть утверждать, что упомянутое закрашиваніе было въ ходу только въ X вѣкѣ; этотъ палеографическій пріемъ продолжался также въ памятникахъ XI, даже и начала XII вѣка (въ рукоп. Императорской публичной библіотеки № 100, написанной въ 1111 году, заглавія отдѣльныхъ статей слегка намазаны желтоватою краскою, какъ это вѣрно указано у Амфилохія въ «Палеографическомъ описаніи» II. 59—60. Къ этому надо прибавить, что такимъ же способомъ отмѣчены иныя строки въ стихирарѣ 1106 года, но только съ л. 199 по 205 и на послѣдней страницѣ послѣсловія).

Упомянутая статья Амфилохія дѣлаетъ наконецъ честь его палеографическимъ познаніямъ еще и тѣмъ, что въ ней высказалось его твердое убѣжденіе, что источниковъ или первообразовъ нашего кирилловскаго письма не надобно искать въ болѣе древнемъ греческомъ почеркѣ (какъ иные полагали), когда наглядный источникъ его существуетъ въ литургическомъ унціальномъ письмѣ греческомъ IX—X вѣка.

Въ приложенныхъ къ упомянутой статьѣ таблицахъ виденъ богатый матеріалъ и большóе трудолюбье, но такъ какъ авторъ здѣсь еще почти исключительно довольствовался перечнями алфавитовъ, взятыхъ изъ реальной обстановки памятниковъ, то и къ этому труду примѣнимъ тотъ не вполнѣ благопріятный отзывъ,

который въ наукѣ былъ высказанъ по поводу хронологическихъ таблицъ епископа Саввы.

Новый случай, воспользоваться своимъ богатымъ палеографическимъ матеріяломъ, представился архимандриту Амфилохію, когда онъ рѣшился подобрать всѣ накопившіеся у него снимки съ датированныхъ греческихъ рукописей и выпустить ихъ въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ: *Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ.* Этотъ трудъ (нѣсколько словъ о немъ сказано выше), отличается двумя замѣчательными особенностями. Вопервыхъ онъ заключаетъ въ себѣ греческія рукописи исключительно русскихъ книгохранилищъ; вовторыхъ онъ ограничивается, какъ было уже замѣчено, рукописями опредѣленныхъ лѣтъ. Первое очень похвально потому, что издатель, заимствуя матеріалы для своего труда не изъ печатныхъ и уже доступныхъ источниковъ, а изъ подлинниковъ, хранящихся въ русскихъ библіотекахъ, такимъ образомъ расширилъ кругъ нашихъ библіографическихъ и палеографическихъ познаній. Но нельзя не признать вполнѣ основательной и ту главную мысль, которая руководила имъ въ исполненіи второго намѣренія. Пока еще палеографія не успѣла подыскать достаточнаго количества примѣтъ, знаменательныхъ для различныхъ періодовъ греческой графики какъ унціальнаго, такъ и минускульнаго письма, становится необходимымъ класть въ основаніе внимательнаго палеографическаго изученія отдѣльныхъ памятниковъ рукописи помѣченныя годами. Этого мнѣнія придерживались также издатели изящныхъ Exempla codicum graecorum litteris minusculis scriptorum (Heidelbergae 1878), Ваттенбахъ и Фельзенъ, опередившіе своимъ изданіемъ русскаго палеографа, хотя трудно сомнѣваться въ томъ, что онъ началъ собирать свой матеріалъ гораздо раньше ихъ.

Но когда уже рѣчь зашла объ изданіи Exempla codicum graecorum, я долженъ замѣтить слѣдующее: Уже въ то время, когда мнѣ былъ доставленъ первый томъ труда о. Амфилохія, я не могъ побороть того не совсѣмъ пріятнаго впечатлѣнія, которое производитъ напрашивающееся сравненіе изданія москов-

скаго съ гейдельбергскимъ. Въ послѣднемъ пріятно дѣйствуетъ на глаза изящная художественная отдѣлка, большая же аккуратность въ передачѣ подлинниковъ, достигнутая новѣйшими усовершенствованіями фотографической техники, подкупаетъ и располагаетъ ко внимательному изученію; въ первомъ напротивъ очень незамысловатый и примитивный способъ сниманія на прозрачную бумагу съ такою же неусовершенствованною передачею снимковъ на камень вызываетъ поневолѣ сомнѣнія на счетъ точности, нѣтъ даже особенной охоты имъ подробно заниматься, потому что чувствуешь, что нельзя во всемъ полагаться на него (сл. Archiv für slavische Philologie IV. 699). Есть и другого рода недостатки, обусловленные иными причинами, на которые тамъ же мною указано; но все это не исключаетъ возможности остановиться на трудѣ о. Амфилохія, какъ на изданіи очень полезномъ. Если не можемъ увлекаться его внѣшностью, за то мы должны отдать полную справедливость его многосодержательности, выкупающей по моему мнѣнію недостатки техническіе, по крайней мѣрѣ на столько, на сколько вообще можно при палеографическихъ снимкахъ довольствоваться и менѣе изящнымъ видомъ отдѣлки. А вѣдь позволительно же быть и менѣе требовательнымъ. Въ примѣръ приведу извѣстное руководство Ваттенбаха «Anleitung zur griechischen Palaeographie». Автографическое приложеніе этого сочиненія вмѣстѣ съ таблицами (XII Schrifttafeln zu Wattenbach's Anleitung) своею техническою стороною нисколько не превышаетъ изданія русскаго, а все-таки польза его давно уже признана всѣми (см. н. пр. Гардтгаузена Griechische Palaeographie, стр. 11—12).

Имѣя возможность провѣрить «Палеографическое описаніе» по крайней мѣрѣ на тѣхъ рукописяхъ, которыя находятся здѣсь въ Императорской публичной библіотекѣ, въ С.-Петербургской Духовной академіи и въ Археологическомъ обществѣ, я убѣдился въ томъ, что описаніе отдѣльныхъ памятниковъ вообще довольно вѣрно, снимки же настолько похожи, что по нимъ всегда легко узнать подлинникъ, и опредѣлить существенныя черты его

почерка. Судя по этой провѣркѣ, вѣроятно попадаются и другія неточности, но ихъ должно быть не много, нѣкоторыя изъ нихъ можно бы легко избѣгнуть. Напримѣръ если уже снимки сдѣланы въ двѣ краски, то по моему слѣдовало соблюдать правило, чтобы строки черной краски подлинника и во снимкѣ передавались черными буквами, и на оборотъ строки, написанныя въ подлинникѣ красными или малиновыми красками или киноварью, и въ снимкѣ что бы были передаваемы буквами краснаго цвѣта. Но это правило не всегда соблюдалось. Такъ на табл. II-ой II-го тома, въ снимкѣ съ рукописи 1020 года, первыя шесть строкъ подъ заставкою сдѣдовало напечатать буквами краснаго цвѣта; или же—на табл. XXIV-ой того же тома, въ снимкѣ съ рукописи 1111 года, строка ἀρχὴ и т. д. въ подлинникѣ написана обыкновенными чернилами, съ какой стати передавать ее буквами краснаго цвѣта въ печатномъ снимкѣ? Вообще о снимкахъ скажу слѣдующее: чѣмъ почеркъ подлинника крупнѣе и грубѣе, тѣмъ легче было скопировать его: въ такихъ случаяхъ снимокъ очень близокъ къ подлиннику. Но коль скоро письмо отличается тонкостью почерка, число неточностей увеличивается. Авторъ не принадлежитъ къ тѣмъ, кто неохотно сознается въ недостаткахъ своего дѣла; будемъ же и мы, оцѣнивъ общими словами достоинство его труда, довольствоваться его откровеннымъ признаніемъ «что иногда нѣкоторыя буквы или украшенія не округло копированы или какая буква тоньше или толще сдѣлана», но что онъ «заботился о точной копировкѣ».

Посмотримъ теперь, разбирая каждый томъ отдѣльно, какой матеріалъ содержитъ «Палеографическое описаніе» архимандрита Амфилохія въ сравненіи съ другими палеографическими пособіями.

Томъ I

представляетъ на 26 таблицахъ снимки съ 12 датированныхъ рукописей, изъ нихъ 4 принадлежатъ къ IX, прочихъ 8 къ X столѣтію. Въ частности

на таблицѣ I представленъ снимокъ съ рукописи 835 года (Порфиріевское евангеліе минускульнаго письма, теперь въ Императорской публичной библіотекѣ съ помѣтою: Порф. 4); къ этой таблицѣ относится текстъ стр. 7—8;

на таблицахъ II—III даны снимки съ бывшей порфиріевской псалтыри унціальнаго письма 862 года (теперь въ Императорской публ. библіотекѣ: Порф. 1); сюда текстъ на стр. 9—11;

на таблицахъ IV—VIII изображенъ въ снимкахъ почеркъ греческой рукописи, названной аскетиконъ Василія великаго, хранящейся въ синод. библіотекѣ въ Москвѣ № 254, она писана въ 880 году; сюда принадлежитъ текстъ на стр. 12—28;

на таблицахъ IX—XI помѣщенъ почеркъ рукописи 899 года, лѣствица Іоанна Лѣствичника, синод. библ. № 145; сюда текстъ стр. 29—37.

на таблицахъ XII—XIII изображены снимки съ рукописи 917 года, толкованіе на посланіе св. ап. Павла къ Римлянамъ Іоанна Златоустаго, въ синод. библ. № 96; сюда принадлежитъ текстъ стр. 38—41;

на таблицахъ XIV—XV снимки съ рукописи 932 года, сборникъ полемическаго содержанія, синод. библіотеки № 394, описаніе съ выписками на стр. 41—48;

на таблицахъ XVI—XVII снимки съ рукописи 975 года, слова св. Григорія Назіанзена богослова, синод. библіотеки № 60, описаніе съ выписками на стр. 48—55;

на таблицѣ XVIII снимки съ рукописи 977 года, бесѣды св. Василія великаго, синод. библіотеки № 20, описаніе съ выписками на стр. 55—59;

на таблицѣ XIX—XX снимки съ рукописи 990 года, толкованіе Іоанна Златоустаго на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ, синод. библіотеки № 104, описаніе съ выписками на стр. 59—64;

на таблицахъ XXI—XXIII снимки съ рукописи 992 года, лѣствица Іоанна Лѣствичника, синод. библіотеки № 313, описаніе съ выписками на стр. 64—71;

на таблицахъ XXIV—XXV снимки съ рукописи 993 года,

толкованіе Іоанна Златоустаго на посл. къ Евреямъ и Колоссянамъ, синод. библ. № 100, описаніе съ выписками на стр. 71—83; на таблицѣ XXVI снимокъ съ грамоты 983 года, снятый съ фотографіи этой грамоты, привезенной изъ Аѳона покойнымъ Севастьяновымъ; текстъ отрывка напечатанъ на стр. 83—84.

Вотъ содержаніе перваго тома. Оно можетъ быть отчасти провѣрено, отчасти дополнено другими изданіями, на которыя считаю нелишнимъ указать. Къ первой таблицѣ можно прибавить образецъ письма той же рукописи въ Exempla codicum Ваттенбаха и Фельзена подъ № 1 или же (что одно и то же) у Гардтгаузена Beiträge zur griechischen Palaeographie I, Tafel 2, гдѣ по фотографическому снимку, доставленному самимъ преосв. Порфиріемъ (но въ нѣсколько уменьшенномъ видѣ), представлены двѣ страницы этого въ палеографическомъ отношеніи важнаго кодекса. Снимокъ, сдѣланный отъ руки, конечно не можетъ соперничать съ фотографическимъ, однакожъ и послѣдній не вполнѣ удовлетворяетъ, хотя можетъ дать вѣрное понятіе объ изящномъ минускульномъ письмѣ памятника. Палеографамъ важно будетъ обратить вниманіе на оборотную страницу 1 листа и на первую страницу 344 листа, жаль что ни той ни другой нѣтъ въ снимкѣ у Амфилохія; едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что и этотъ почеркъ того же времени, т. е. около 835 года, но употребленіе отдѣльныхъ буквъ нѣсколько различается отъ остального письма евангельскаго текста; такъ возлѣ минускульнаго ω здѣсь можно найти курсивное β, возлѣ обыкновеннаго минускульнаго ϐ курсивное ε, ϑ чередуется съ θ, словомъ здѣсь замѣтна наклонность къ употребленію нѣкоторыхъ буквъ по почерку минускульному и курсивному смѣшанно. Не будь тотъ же колеръ и та же величина буквъ, я бы предпочелъ вторую страницу перваго листа отнести къ болѣе позднему времени напр. къ XI или XII вѣку. Все это доказываетъ, какъ мало пока еще изслѣдованъ ходъ греческой графики VIII—IX—X вѣка.

Ко второй и третьей таблицѣ, представляющимъ почеркъ унціальнаго письма 862 года, можетъ послужить дополненіемъ

на 24 таблицѣ изданія В. Ваттенбаха «Schrifttafeln zur Geschichte der griechischen Schrift» снимокъ двухъ страницъ, сдѣланный гораздо точнѣе. Такъ напр. у Амфилохія на таблицѣ II-ой въ снимкѣ послѣдняя страница рукописи со всѣхъ сторонъ окружена шнурками, на дѣлѣ же оказывается, что въ подлинникѣ шнурка внизу нѣтъ, онъ произвольно прибавленъ литографомъ Амфилохія. Есть неточности также въ знакахъ придыханія и ударенія, т. е. въ подлинникѣ они сдѣланы очень тонкими чертами, поэтому когда снимали на прозрачную бумагу, они не всегда были видны. Описывая эту рукопись Амфилохій не забылъ припомнить, что кромѣ унціальнаго письма въ ней же встрѣчается одинъ листъ «скорописи» (л. 348), относимый имъ къ IX—X вѣку. Одну страницу этой «скорописи» издалъ Гардтгаузенъ въ Beiträge zur griechischen Palaeographie I. Leipzig 1877. Tafel I; не зная, изъ какой рукописи ее доставилъ ему преосв. Порфирій, онъ могъ только по палеографическимъ соображеніямъ считать курсивный почеркъ ея очень древнимъ. Гардтгаузенъ правъ, этотъ листъ составляетъ вмѣстѣ съ листомъ 345 одно цѣлое, пергаментъ тонкій, оба листа на видъ не позднѣе, а вѣроятно древнѣе всей рукописи; вшиты ли они (эти два листа, т. е. 345 и 348) въ псалтырь Порфиріемъ или же онъ нашелъ ихъ уже вшитыми, мы этого не знаемъ, но кромѣ курсивнаго почерка страницы, изданной Гардтгаузеномъ, надо обратить вниманіе не только на то, что помѣщается на оборотной страницѣ того же листа (повидимому продолженіе текста), а также на почеркъ 345 листа, исполненнаго не курсивнымъ и не минускульнымъ, а унціальнымъ письмомъ мелкаго но довольно краснваго почерка, который можетъ быть принадлежитъ девятому столѣтію. Въ такомъ случаѣ конечно и курсивъ 348 листа писанъ въ то же время. Предоставляя рѣшеніе этого вопроса лучше меня знающимъ эту спеціальность, замѣчу еще слѣдующее: рядомъ съ наклоннымъ почеркомъ унціальнаго письма попадается на 343 листѣ обр. 5 строкъ хорошаго, прямого почерка, который можно было бы считать даже ранѣе 862 года, если бы не нахо-

дился среди страницы, такъ что о времени написанія этихъ 5 строкъ не можетъ быть сомнѣнія. Новое доказательство, какъ легко видоизмѣнялся почеркъ въ одно и то же время. Къ сожалѣнію снимокъ этихъ строкъ у Амфилохія (на таблицѣ III) не даетъ правильнаго понятія о настоящемъ характерѣ письма, напр. вм. **К** надо было изобразить **К**, вм. **Y** только V, буквы должны бы стоять прямо, не косо, и т. д. Въ описаніи этой рукописи невѣрно говорится, что заставка на л. 9, составлена будто бы изъ перевитыхъ между собою змѣй; нѣтъ, бока четырехугольной заставки изображаютъ просто линейный орнаментъ. Наконецъ вѣрно замѣчено, что листы 346 и 347 (не 345 и 346) писаны опять особымъ почеркомъ; но и это наклонное унціальное письмо, нѣсколько мелче письма псалтыри, по всей вѣроятности не старше его.

Къ содержанію прочихъ таблицъ можно прибавить снимки изъ тѣхъ же рукописей въ изданіи архіеп. Саввы за исключеніемъ памятниковъ, которыхъ почеркъ изображенъ на табл. 18, 21—23, 24—25 и 26. Такимъ образомъ иногда въ обоихъ изданіяхъ повторяется одно и то же, а сравненіе такихъ случаевъ доказываетъ, что снимки на таблицахъ Амфилохія довольно близко подходятъ къ снимкамъ Саввы. Если у послѣдняго техническая сторона удовлетворительнѣе, за то у Амфилохія матеріалъ богаче. Недовольствуясь только нѣсколькими строками изъ заглавій или записей, изображеніемъ заставокъ, нашъ авторъ обыкновенно прибавляетъ еще образцы алфавита, перечень различныхъ сокращеній, вязей, титлъ, знаковъ препинанія и принадлежностей палеографическаго орнамента. Интересующемуся греческою или славянскою палеографіею понятна важность всѣхъ этихъ данныхъ; поэтому безъ преувеличенія скажу, что по таблицамъ арх. Амфилохія, насколько онѣ вѣрны, можно глубже вникнуть въ особенности почерка отдѣльныхъ памятниковъ. Жаль только, что этому довольно богатому и разнообразному матеріалу не придана опредѣленная система, все выходитъ чѣмъ-то случайнымъ.

Описаніе рукописей, предшествующее таблицамъ, вдается въ

подробности болѣе библіографическаго, чѣмъ палеографическаго свойства. Конечно въ «палеографическомъ» описаніи легко обойтись безъ подробнаго изложенія содержанія каждой рукописи; еще менѣе можно ожидать обширныхъ выписокъ изъ нихъ, даже съ приложеніемъ параллельныхъ славянскихъ переводовъ. Все это собственно палеографіи не касается, потому что не прибавляетъ ничего новаго къ снимкамъ. Но отрицать пользы этихъ приложеній тоже нельзя. Зато приходится не разъ жалѣть о томъ, что авторъ не рѣшился при каждой рукописи своими словами подробно изложить всѣ выдающіяся особенности ея почерка, указывая при этомъ для поясненія на приложенные снимки; даже болѣе подробное описаніе по крайней мѣрѣ снимковъ было бы не лишнее, потому что при настоящемъ отношеніи описанія къ снимкамъ кое что остается неяснымъ.

Томъ II

изображаетъ на 30 таблицахъ почерки 21 рукописи XI и XII вѣка. Считаю не лишнимъ перечислить ихъ всѣхъ потому, что описаніе памятниковъ, предпосланное таблицамъ, въ изданіи о. Амфилохія не указываетъ на таблицы, таблицы же не указываютъ на описаніе, однимъ словомъ согласовать то и другое не очень легко.

На таблицахъ I—II представлены снимки съ рукописи 1006 года, бесѣды Іоанна Златоустаго на ев. отъ Матоея, синодальной библіотеки № 75, описаніе съ выписками на стр. 1—4;

на таблицахъ II—III снимки съ рукописи 1020 года, евангеліе апракосъ, Импер. публ. библіотеки № 71, описаніе съ выписками на стр. 5—6;

на таблицахъ III—IV снимки съ рукописи 1022 года, каноникъ богородичный, синод. библіотеки № 438, описаніе съ выписками на стр. 7—19;

на таблицѣ V снимки съ рукописи 1022 года, житія свя-

тыхъ, синодальной библіотеки № 162, описаніе и выписки на стр. 19—28;

на таблицахъ VI и VII снимки съ рукописи 1023 года, сборникъ житій святыхъ, синодальной библіотеки № 15, описаніе съ выписками на стр. 29—35;

на таблицѣ VII кромѣ снимковъ съ упомянутаго сборника еще снимки съ рукописи 1034 года, евангеліе апракосъ, с.-петербургской духовной академіи, описаніе съ выпискою на стр. 35—37;

на таблицахъ VIII—XI снимки съ рукописи 1044 года, евангеліе апракосъ, севаст. собранія № 119 (по описанію А. Викторова № 6 (457), описаніе съ выпискою на стр. 37—39;

на таблицахъ XI—XII снимки съ рукописи 1052 года, бесѣды Іоанна Златоустаго на ев. Матѳея, синод. библіотеки № 79, описаніе съ выпискою на стр. 40—41;

на таблицахъ XII—XIII снимки съ рукописи 1055 года, евангеліе апракосъ, синод. библіотеки № 43, описаніе съ выпискою на стр. 42—43; на таблицѣ XIII у Амфилохія ошибочно означенъ годъ 1056, потому что запись указываетъ на мѣсяцъ ноябрь 6564 года;

на таблицѣ XIV снимки съ рукописи 1062 года, четвероевангеліе съ толкованіемъ, Импер. публ. библіотеки № 72, описаніе съ выпискою на стр. 44—46;

на таблицахъ XV—XVI снимки съ рукописи 1063 года, житія и похвалы святыхъ, синодальной библіотеки № 9, описаніе съ выпискою на стр. 46—49;

на таблицѣ XVII снимки съ рукописи 1069 года, сочиненія св. Іоанна Дамаскина, Импер. публичн. библіотеки № 73, описаніе съ выпискою на стр. 50—52;

на таблицѣ XVIII снимки съ рукописи 1072 года, апостолъ съ апокалипсисомъ, рукопись московской университетской библіотеки, описаніе съ выписками на стр. 52—56; въ иныхъ экземплярахъ изданія (между прочими въ томъ, который у меня подъ рукою) къ таблицѣ снимковъ изъ этой рукописи приложена еще таблица снимковъ съ миніатюръ;

на таблицахъ XIX—XX снимки съ рукописи 1086 года, аскетиконъ Василія великаго, синод. библіотеки № 29, описаніе съ выпискою на стр. 57—59;

на таблицахъ XXI—XXIII снимки съ рукописи 1106 года, стихирарь Импер. археолог. общества (сл. описаніе его въ книгѣ Опись древнихъ рукописей хранящихся въ музеѣ Импер. русскаго археологическаго общества, составлена Д. Прозоровскимъ, СПБ. 1879, стр. 3—14), описаніе и выписка у Амфилохія на стр. 74—78;

на таблицахъ XXIII—XXIV снимки съ рукописи 1111 года, постановленія апостольскія, Импер. публ. библіотеки № 100, описаніе съ выписками на стр. 59—65;

на таблицахъ XXV—XXVI снимки съ рукописи 1116 года, паремейникъ синод. библ. № 485, описаніе съ выписками на стр. 65—68; этой рукописи я не нашелъ въ Указателѣ архим. Саввы;

на таблицѣ XXVII снимки съ рукописи 1126 года, житіе Нифонта, синод. библіотеки № 406, описаніе съ выпискою на стр. 68—71; въ Указателѣ архимандр. Саввы эта рукопись озаглавлена иначе: житіе Маріи египетской;

на таблицѣ XXVIII снимки съ рукописи 1142 года, четвероевангеліе, порфиріевскаго собранія Импер. публ. библіотеки № 7, описаніе съ выпискою въ Дополненіи къ описаніямъ и выпискамъ на стр. 5—6. Амфилохій относитъ эту рукопись къ 1144 году, но приложенный на таблицѣ снимокъ доказываетъ, что не слѣдуетъ читать μηνὶ φευρουαρίῳ κγ ἰνδικτιῶνος ζ τοῦ ,ϛχνγ ἔτους, какъ у Амфилохія напечатано, а такъ: μηνὶ φευρουαρίῳ κ̃γ, ἰνδικτιῶνος ε̃ τοῦ ,ϛχν—ῦ ἔτους т. е. 23-го февраля, индикта 5, 6650 года. Вѣрность этого чтенія подтверждается прибавкою: βασιλεύοντος τοῦ ἀοιδίμου βασιλέως ἡμῶν Κυροῦ Μανουὴλ καὶ Κομνηνοῦ τοῦ Πορφυρογεννήτου; Іоаннъ Комнинъ скончался въ 1143 году;

на таблицѣ XXIX снимки съ рукописи 1199 года, четвероевангеліе синодальной библіотеки № 278, описаніе съ выпискою на стр. 71—74;

на таблицѣ XXX снимки съ рукописи 1043—1055 года, евангеліе апракосъ, въ хлудовскомъ собраніи, описаніе съ выписками въ «Дополненіи» къ описаніямъ и выпискамъ, на стр. 1—5. Амфилохій обозначаетъ эту рукопись годомъ 1043, но опредѣленіе времени въ записи (ἐπὶ Κωνσταντίνου βασιλέως τοῦ μονομάχου καὶ ἐπὶ πατριάρχου Μιχαὴλ τοῦ Κηρουλάρι) не даетъ права отнести рукопись прямо къ году 1043.

Только семь рукописей изъ здѣсь вычисленныхъ представлены въ снимкахъ у архіеп. Саввы, но и для нихъ-то я не считаю изданія Амфилохія лишнимъ, потому что оно прибавляетъ различныя подробности, которыхъ у архіеп. Саввы нѣтъ. На сколько же я могъ провѣрять описанія и снимки по подлинникамъ, я долженъ прежде всего исправить одну неточность выраженія. Амфилохій не забылъ обратить вниманіе на ту палеографическую черту, которой въ новѣйшее время придаютъ важное значеніе: рѣчь идетъ о томъ, стоятъ ли въ рукописи строки письма на нарѣзахъ (линейкахъ) или же ниже нарѣзовъ (линеекъ). Палеографическое значеніе этой разницы подробно изложено у Гардтгаузена. Замѣтки Амфилохія относительно рукописей IX и X вѣка подтверждаютъ фактъ подмѣченный Гардтгаузеномъ: ркп. 835 года писана на линіяхъ или нарѣзахъ, точно такъ рукоп. 862 г. (здѣсь при унціальномъ письмѣ это не имѣетъ значенія), въ рукописяхъ 880 и 899 года линій или нарѣзовъ не видно, рукописи же 917, 932, 977, 990 и 993 года писаны уже, по собственнымъ его словамъ «ниже линеекъ». При рукописяхъ 975 и 992 года авторъ не упомянулъ этой особенности, т. е. не сказано ни на нарѣзахъ ни ниже линеекъ. Въ рукописяхъ XI—XII вѣка, вошедшихъ во второй томъ «Описанія», мы по наблюденію Гардтгаузена конечно предполагаемъ, что строки всегда помѣщаются ниже линеекъ, однакожъ терминологія Амфилохія оставляетъ насъ въ недоумѣніи: о памятникахъ 1006, 1020, 1034, 1044, 1052, 1062, 1069, 1086, 1111, 1116, 1199 годовъ у него сказано только, что письмо писано «по нарѣзамъ»; это выраженіе естественнѣе было бы понимать въ смыслѣ «на нарѣзахъ», чѣмъ «ниже

нарѣзовъ», но на провѣрку оказывается, что рукописи 1020, 1034, 1062, 1069, 1106, 1111, 1144 года (о нихъ-то я могъ справиться въ публ. библіотекѣ) всѣ писаны «ниже линеекъ». По всей вѣроятности въ томъ же значеніи надо понимать «по нарѣзамъ» и относительно всѣхъ прочихъ рукописей XI—XII вѣка; однакожъ о рукописи 1023 года, очень неудовлетворительный снимокъ съ которой представленъ на таблицѣ 6-ой, я убѣдился, что писецъ ея (или писцы) не всегда держался правила писать ниже нарѣзовъ, а выходитъ такъ, что иногда строки начинаются на нарѣзахъ иногда между нарѣзами иногда по нарѣзамъ или ниже нарѣзовъ.

Замѣчу еще слѣдующія подробности.

Въ снимкѣ съ рукописи 1020 года на таблицѣ 4-ой заглавіе, изображенное подъ заставкою въ 5 строкахъ, въ подлинникѣ выходитъ нѣсколько иначе потому, что вмѣсто гладкихъ очертаній буквъ виденъ обыкновенный въ то время самый простой орнаментъ, маленькіе узлы, по 2—3—4 на каждомъ штрихѣ. Такимъ образомъ всѣ строки вмѣстѣ производятъ впечатлѣніе не гладкаго, а узловатаго узора, сл. такой же орнаментъ въ снимкѣ таблицы 38, въ атласѣ Кондакова-Рауль (съ евангелія X—XI вѣка) или въ снимкѣ таблицы 13 у Амфилохія или же 10 у еп. Саввы (съ евангелія 1053 года). Стоитъ упомянуть и о томъ, что въ четвертой строкѣ этого заглавія въ подлинникѣ не написано καὶ (какъ въ снимкѣ сдѣлано), а сокращенное ϗ.

Въ снимкѣ таблицы 14 у Амфилохія (съ евангелія 1062 года) почеркъ письма не выходитъ наглядно наружу, потому что не снято вмѣстѣ письмо текста и письмо объясненій. Кромѣ этого двоякаго письма тамъ же надо было обратить вниманіе еще на третій почеркъ золотомъ писанныхъ оглавленій, помѣщаемыхъ то надъ текстомъ то подъ нимъ, это красивое полуунціальное письмо писано между нарѣзами, или линейками. Передъ началомъ каждаго евангелія нарисована заставка, первая и четвертая представляютъ не полный четырехугольникъ, онѣ внизу открыты, въ видѣ ⊓, вторая же и третья полные четырехугольники; чертежъ второй

изображенъ у Амфилохія, въ третьей заглавіе помѣщается въ заставкѣ въ строку. Такимъ образомъ эта рукопись представляетъ своими заставками переходный типъ и переходное время, о которомъ говоритъ Гардтгаузенъ на стр. 90.

Къ описанію почерка таблицы 17 (текстъ на стр. 50) надо прибавить, что первый листъ, заключающій въ себѣ оглавленіе сочиненія, написанъ малымъ унціальнымъ письмомъ; почеркъ оглавленія послѣ заставки, писаннаго золотыми буквами, нельзя назвать «не прямымъ уставомъ», это обыкновенное хорошее полуунціальное письмо, какъ видно изъ снимка.

Томъ III

заключаетъ въ себѣ снимки съ рукописей XIII—XIV вѣка, на 35 таблицахъ изображены почерки 27 рукописей. Въ этомъ и слѣдующемъ томѣ довольно трудно разобраться и угадать, какъ таблицы соотвѣтствуютъ предпосланному описанію съ выписками. Главное затрудненіе въ томъ, что не рѣдко на той же таблицѣ помѣщаются снимки съ двухъ (или даже трехъ) различныхъ рукописей и не всегда можно съ точностью опредѣлить, что принадлежитъ той и что другой рукописи. Содержаніе этого тома слѣдующее:

на таблицахъ I—II снимки съ рукописи 1235 года, богородичникъ (θεοτοκάριον) изъ собранія Севастьянова № 1116 (? по описанію А. Викторова № 8 (476) съ названіемъ: параклитикъ), описаніе съ выписками на стр. 1—4;

на таблицахъ II—III снимки съ рукописи 1275 года, псалтырь, синод. библіотеки № 197, описаніе и выписки на стр. 4—6;

на таблицахъ IV—V снимки съ рукописи 1285 года, четвероевангеліе синод. библіотеки № 227, описаніе съ выписками на стр. 6—8;

на таблицахъ VI—VIII снимки съ рукописи 1285 года, лѣствица Іоанна Лѣствичника синод. библіотеки № 146, описаніе съ выписками на стр. 9—13;

на таблицахъ VIII—IX снимки съ рукописи 1289 года, сборникъ нравственнаго содержанія, синод. библіотеки № 405, описаніе и выписка на стр. 14—17;

на таблицѣ IX снимокъ съ рукописи 1292 года, сочиненіе Раймонда медулльонскаго (не медіоланскаго, какъ у автора сказано), въ Импер. публ. библіотекѣ № 113, описаніе на стр. 18;

на таблицахъ X—XI снимки съ рукописи 1295 года, прологъ на семь мѣсяцевъ, синод. библіотеки № 300, описаніе съ выписками на стр. 19—26;

на таблицахъ XII—XIII снимки съ рукописи 1297 года, патерикъ монаха Павла, въ двухъ томахъ, рукопись синод. библ. подъ № 202 и 348; описаніе съ выпискою на стр. 26—38;

на таблицахъ XIII—XIV снимки съ рукописи 1298 года, уставъ іерусалимскій, синод. библіотеки № 202, описаніе и выписки на стр. 38—41;

на таблицѣ XV (хотя трудно опредѣлить что собственно) снимки съ рукописи 1306 года, лѣствица Іоанна, синод. библіотеки № 361, описаніе и выписка на стр. 42—44, но текстъ снимка и текстъ описанія его не совпадаютъ;

на той же таблицѣ XV и отчасти XVI снимки съ рукописи того же года 1306, литургія Іоанна Златоустаго, по фотолитографическому свитку, привезенному Севастьяновымъ, это такъ называемый Κοντάκιον (ср. у Гардтгаузена на стр. 59), описаніе съ выписками на стр. 44—50, но текстъ снимка и описаніе его не совпадаютъ;

на таблицѣ XVI снимки съ рукописи 1318 года, сборникъ нравственнаго содержанія, Импер. публ. библіотеки № 116, описаніе съ выпискою на стр. 51—52; снимокъ съ этой рукописи смѣшанъ на той же таблицѣ съ предыдущею рукописью, запись не прочитана вѣрно;

на таблицахъ XVII—XVIII снимки съ рукописи 1320 года, апракосъ евангеліе севастьяновскаго собранія № 20 (по описанію А. Викторова № 13 [464]), описаніе съ выпискою на стр. 53—54;

на таблицѣ XIX снимки съ рукописи 1321, четвероевангеліе въ частныхъ рукахъ, привезенное изъ Болгаріи; описаніе съ выписками на стр. 55—58;

на таблицахъ XX—XXI (на послѣдней трудно опредѣлить что) снимки съ рукописи 1339 года, шестодневъ св. Василія великаго, синодальной библіотеки № 251; выписки съ описаніемъ на стр. 61—65;

на таблицѣ XXI кромѣ того снимки съ рукописи 1340 года, слова Григорія богослова, синод. библіотеки № 59, описаніе съ выпискою на стр. 58—61;

на таблицѣ XXII снимки съ рукописи 1341 года, молитвы и пѣснопѣнія синод. библіотеки № 269 (сборникъ статей литургическихъ), описаніе съ выписками на стр. 65—69;

на таблицѣ XXIII снимки съ рукописи 1342 года, номоканонъ Властаря, синод. библіотеки № 149; описаніе съ выпискою на стр. 69—72;

на таблицѣ XXIV снимки съ рукописи 1344 года, тріодь постная, синод. типографской библіотеки № 484; описаніе съ выписками на стр. 72—76;

на таблицахъ XXV—XXVII снимки съ рукописи 1345 года, сборникъ бесѣдъ Іоанна Златоустаго изъ маргарита, изъ книги о священствѣ и другихъ, синод. библіотеки № 136, описаніе съ выписками стр. 76—82;

на таблицахъ XXVII—XXVIII снимки съ рукописи 1345 года, лавсаикъ Палладія, синод. библіотеки № 165, описаніе съ выписками на стр. 82—87;

на таблицахъ XXIX—XXX снимки съ рукописи 1355 года, постническія слова Исаака Сирина, синод. библіотеки № 308, описаніе съ выписками на стр. 87—97;

на таблицахъ XXXI—XXXII снимки съ рукописи бумажной 1359 года, сочиненіе о созданіи твари, синод. библіотеки № 56, описаніе на стр. 97—98;

на таблицѣ XXXII снимки съ рукописи 1375 года, литургіи Василія великаго, по фотографическому снимку Севастьянова

(ср. у А. Викторова на стр. 84 подъ № 39), выписки на стр. 98—103;

на таблицѣ XXXIII снимки съ рукописи 1387 года, сборникъ полемическихъ статей, синод. библіотеки № 366, выписки на стр. 103—112;

на таблицѣ XXXIV снимки съ четвероевангелія безъ обозначеннаго времени; о. Амфилохій опредѣляетъ его по миніатюрѣ на 22 листѣ, изображающей византійскаго императора Михаила IX Палеолога (— 1320), Муральтъ напротивъ по миніатюрѣ на листѣ 383, гдѣ изображенъ на колѣнахъ молящійся ὁ δοῦλος Χριστοῦ τοῦ θεοῦ Δημήτριος Παλαιολόγος, и на этомъ основаніи относитъ рукопись приблизительно къ 1450 году. По хорошей выдѣлкѣ пергамента и довольно красивому, ровному почерку письма этотъ памятникъ можно бы отнести даже раньше чѣмъ къ XIV вѣку; но точно такъ же онъ можетъ быть относимъ и къ XV вѣку. Вопросъ рѣшается только при помощи миніатюръ, что я предоставляю знатокамъ миніатюрнаго искусства; я не вижу только причины считать изображеніе Димитрія Палеолога прибавкою позднѣйшею, какъ вообще я не понимаю, почему однѣ миніатюры этой рукописи должны быть написаны до, другія же послѣ 1320 года; рукопись Импер. публ. библіотеки № 118, описаніе на стр. 113—115;

наконецъ на таблицѣ XXXV снимки съ рукописи, относимой о. Амфилохіемъ къ XIV вѣку, именно къ годамъ 1354—1376, лицевой греческій акаѳистъ синод. библіотеки № 429, описаніе на стр. 118—123. Прежде считали эту рукопись принадлежащею къ X вѣку, противъ чего говоритъ уже почеркъ крупнаго минускульнаго письма, представленный здѣсь въ снимкѣ. Если бы вѣрно было, что въ описаніи у Амфилохія сказано (длина «бумаги» такая-то, т. е. какъ будто бы подлинникъ былъ написанъ на бумагѣ!), въ такомъ случаѣ уже это обстоятельство не позволяло бы говорить о X вѣкѣ; однакожъ рукопись пергаменная, писанная двумя почерками, первый изъ нихъ хотя по крупнѣе второго и на видъ изящнѣе, въ архаистическомъ стилѣ, все-таки обнаружи-

ваетъ несомнѣнные признаки XIII—XIV вѣка, такъ поперечная черта буквы ⲁ и Д поднимается очень высоко, возлѣ ⲙ существуетъ ϩ съ широкимъ, растянутымъ нижнимъ кругомъ, буква є вытягиваетъ языкъ и связываетъ съ нимъ слѣдующія буквы, напр. ο, σ и т. д.

Только часть снимковъ этого тома можетъ быть дополнена матеріаломъ вошедшимъ въ изданіе еп. Саввы, гдѣ изображены почерки тѣхъ же рукописей, которыя здѣсь представлены на таблицахъ 4—5, 6—8, 8—9, 12—13, 15—23, 27—28 и 33. Снимки у Амфилохія богаче и разнообразнѣе, но за то, вслѣдствіе разбросанности по разнымъ таблицамъ, не производятъ цѣльнаго впечатлѣнія.

Томъ IV

долженъ познакомить читателя съ почерками рукописей XV—XVII столѣтій. Таблицъ оказывается на лицо 22, которыхъ содержаніе еще труднѣе согласовать съ предпосланнымъ имъ описаніемъ, чѣмъ въ III томѣ. Поэтому польза, которую этотъ томъ долженъ бы принести изучающему греческую палеографію, становится нѣсколько проблематичною. Результатъ моихъ поисковъ, къ какому тексту отнести тотъ или другой снимокъ, вышелъ не вполнѣ удовлетворительнымъ; я не въ состояніи уяснить себѣ содержаніе всѣхъ таблицъ.

На таблицѣ I представленъ снимокъ съ рукописи 1400 года, патерикъ синодальной библіотеки № 416, описаніе на стр. 1—3;

на таблицахъ I—II снимки съ рукописи 1404 года, январьская минея севастьяновскаго собранія № 41 (№ 31 [490] по описанію А. Викторова), описаніе на стр. 3—7;

на таблицахъ II—IV снимки съ рукописи 1421 года, декабрьская минея севаст. собранія № 34 (№ 29 [484] у А. Викторова), описаніе на стр. 7—10;

на таблицѣ IV снимки съ рукописи 1424 года, грамматическіе вопросы Мануила Критскаго, Импер. публ. библ. № 58, описаніе на стр. 10—11;

на той же таблицѣ еще снимокъ съ рукописи 1444 года, которой въ описаніи я не нахожу;

на таблицѣ V снимки съ рукописи 1445 года, дѣянія апостольскія и слова Григорія богослова, синод. библіотеки № 5, описаніе съ выписками на стр. 11—22; первоначальной записи, о которой говорится въ объясненіяхъ, въ снимкѣ нѣтъ;

на таблицахъ VI—VII снимки съ молитвослова севастьяновскаго собранія № 1. (№ 17 [473] у А. Викторова), описаніе на стр. 22—25 и 44—45, двѣ приписки упоминаютъ годы 1449 и 1466, но на таблицѣ VI—VII годъ 1466 не отмѣченъ;

на таблицахъ VII—IX снимки съ рукописи 1460 года, тріодь постная севастьяновскаго собранія № 29 (№ 23 [478] у А. Викторова), описаніе и выписки на стр. 25—29, но не всѣ снимки въ текстѣ объяснены, иные же такъ помѣщены, что не видно ихъ связи;

на таблицѣ IX представленъ еще снимокъ молитвы съ помѣтою 1470 года, о которомъ нельзя сей часъ догадаться, что онъ продолжается на таблицѣ X, въ снимкѣ изображенномъ въ лѣвомъ углу ея, тамъ же читается и запись 6978 года; но какая эта рукопись? въ объясненіяхъ и выпискахъ о ней и рѣчи нѣтъ. Судя по словамъ А. Викторова, это параклитикъ севастьяновскаго собранія № 20 (489), который о. Амфилохій подъ названіемъ октоиха описываетъ на стр. 29—32; вѣроятно сюда же принадлежитъ еще цѣлая XI таблица снимковъ;

на таблицѣ XII изображено нѣсколько снимковъ: а) снимки съ рукописи 1475 года, книги ветхаго завѣта синодальной библіотеки № 19 (годъ этой рукописи не упоминается ни въ описаніи на стр. 32—33, ни въ снимкѣ на табл. XII, но изъ Указателя видно, что эта та же рукопись); б) снимки съ рукописи 1477 года, постановленія апостольскія синод. библ. № 455, описаніе на стр. 33—35; в) снимокъ съ молитвослова, помѣченный 1480 годомъ, но прямого указанія на этотъ годъ нѣтъ а пасхалія начинается 6987 годомъ. А. Викторовъ называетъ эту рукопись каноникомъ № 42 (498). Къ описанію рукописи и

снимковъ на стр. 42—44 прибавлены выписки на стр. 36—42; часть снимковъ съ этой рукописи помѣщается на таблицѣ XIII;

на таблицѣ XIII кромѣ того снимокъ съ рукописи 1517 года, метафизика Аристотеля синод. библ. № 6 (описаніе на стр. 45) и снимки съ рукописи 1520 года, служебная минея за январь синод. библ. № 330 (описаніе съ выписками на стр. 45—49); часть снимковъ помѣщается на таблицѣ XIV;

на таблицѣ XIV снимокъ съ рукописи 1542 года, уставъ синодальной библіотеки № 380 (стр. 49—50 описаніе съ выпискою) и снимокъ съ рукописи 1546 года, собраніе молитвъ синод. библ. № 318 (описаніе съ выпискою на стр. 50—51); оба снимка смѣшаны такъ, что трудно разобрать, что куда относится;

на таблицѣ XV снимокъ съ псалтыри 1547 года, севастьяновскаго собранія, у А. Викторова № 5 (470), описаніе съ выпискою на стр. 51—52;

на таблицѣ XV—XVI снимокъ съ псалтыри Максима Грека, писанной въ Твери 1540 года, она находится въ с.-петербургской духовной академіи № 78 (описаніе съ выписками на стр. 52—55);

на таблицѣ XVII снимки съ рукописи 1553 года, Іоанна Ксифилина бесѣды, синод. библіотеки № 45, описаніе на стр. 55—56;

на таблицѣ XVIII снимки: а) изъ рукописи Іоанна Кантакузина синод. библ. № 459, сочиненіе противъ Магомета писанное въ 1569 году (опис. на стр. 56), б) изъ писемъ Гликн синод. библ. № 219, сочиненія 1603 года (описаніе на стр. 56), в) изъ сборника различнаго содержанія 1610 года, синод. библ. № 260 (описаніе на стр. 57);

на таблицахъ XIX—XX снимки съ рукописи 1611 года, находящейся въ частныхъ рукахъ, архіерейскій служебникъ, описаніе съ выписками на стр. 57—64;

на таблицѣ XXI снимки: а) изъ хронографа 1622 года синод. библіотеки № 457 (описаніе на стр. 65), б) изъ сборника 1625

года севастьяновскаго собранія, у А. Викторова № 69 (523), описаніе съ выписками на стр. 65—71;

на таблицѣ XXII снимки: а) изъ чего-то помѣченнаго годомъ 1627 (и 1629), б) изъ сборника статей синод. библ. № 292, написаннаго въ 1630 году; описанія снимковъ этой таблицы въ предпосланномъ текстѣ нѣтъ, есть только выписка изъ послѣдняго сборника на стр. 72—73.

Въ изданіи епископа Саввы изображены снимки изъ рукописей 1445, 1529, 1542, 1569, 1603, 1622 и 1630 годовъ и надо признать, что они лучше исполнены.

Это обозрѣніе содержанія всѣхъ четырехъ томовъ (я сдѣлалъ его, чтобы облегчить себѣ и другимъ употребленіе ихъ) доказываетъ, что въ нихъ собрано дѣйствительно немалое число снимковъ, превышающее изданіе еп. Саввы не только количествомъ, но и многими подробностями. Главный недостатокъ труда—несовершенство техническое—объясняется неблагопріятными обстоятельствами, устранить которыя стояло не во власти автора. Другой недостатокъ обусловленъ составомъ русскихъ книгохранилищъ: въ снимкахъ этого изданія изображена почти исключительно письменность церковная, палеографическій характеръ которой развивался гораздо однообразнѣе и шелъ медленнѣе, чѣмъ письменности свѣтской. Наконецъ чувствительнѣе всего—отсутствіе какихъ либо теоретическихъ указаній на то, что въ памятникѣ и его почеркѣ имѣетъ значеніе, чѣмъ отличается графика той или другой эпохи, какія начертанія и какіе пріемы свойственны тому или другому столѣтію. Мы охотно вѣримъ, что о. Амфилохій многолѣтнею практикою пріобрѣлъ столько палеографическаго навыка, что не легко ошибется относительно времени написанія рукописи (см. его признаніе въ IV томѣ), но тѣмъ болѣе жаль, что не сдѣлано ни малѣйшей попытки сообщить хоть бы самую незначительную долю этого запаса практическихъ познаній.

За исключеніемъ псалтыри 862 года — прежде порфиріевской, теперь Импер. публичной библіотеки—всѣ прочія рукописи этого изданія писаны минускульнымъ письмомъ въ обыкновенномъ текстѣ, унціальное же или полуунціальное употреблено только въ заглавіяхъ и другихъ чѣмъ-либо выдающихся строкахъ. Поэтому преимущественное вниманіе должно быть обращено на развитіе минускульнаго письма. Судя по даннымъ образцамъ оно раздѣляется на собственно минускульное письмо и на скоропись курсивную. Разница, устанавливаемая обыкновенною терминологіею, между уставомъ и скорописью не исчерпываетъ всѣхъ существующихъ различій почерковъ. Если напр. арх. Амфилохій, описывая псалтырь 862 года, обыкновенное письмо этого памятника называетъ «уставомъ», то это пожалуй вѣрно, хотя правильнѣе было бы этотъ уставъ назвать «наклоннымъ литургическимъ уставомъ». Но если тамъ же сказано, что въ той же рукописи находится листъ (348) писанный «скорописью», то это выраженіе въ сравненіи съ прочими случаями, гдѣ слово «скоропись» употребляется въ смыслѣ обыкновеннаго минускульнаго письма, выходитъ невѣрнымъ, Эту «скоропись» надо было какъ нибудь отличить отъ обыкновенной скорописи, потому что она, настоящее курсивное письмо, существенно разнится отъ обыкновенной скорописи, т. е. опредѣленнѣе говоря, отъ минускульнаго письма. Гардтгаузенъ издалъ снимокъ той и другой «скорописи», т. е. минускульнаго и курсивнаго письма, въ своихъ Beiträge: существенное различіе обоихъ почерковъ бросается рѣзко въ глаза. Или же возьмемъ другой примѣръ. Евангеліе 1062 года (у Амфилохія II табл. 14) написано, какъ обыкновенно говорится, скорописью, но снимки представленные на таблицѣ, свидѣтельствуютъ наглядно, что почеркъ записи существенно разнится отъ почерка текста. Стало быть и здѣсь надо различать обыкновенное литургическое минускульное письмо отъ курсивнаго (скорописи).

Изъ существованія этой разницы слѣдуетъ, что говоря о почеркѣ того или другого памятника, необходимо обратить вниманіе на каждый родъ письма отдѣльно. Иначе получатся непра-

вильные, сбивчивые выводы. Если бы напр. кто-нибудь захотѣлъ по почерку евангелія 1062 года судить о ходѣ греческой графики, не различая при этомъ курсивной записи отъ минускульнаго текста, ему пришлось бы утверждать, что уже тогда въ минускульномъ письмѣ было въ большомъ употребленіи β, между тѣмъ какъ на дѣлѣ оказывается, что тогда въ минускульномъ текстѣ было въ ходу одно только α, а β употреблялось только въ унціальныхъ или полуунціальныхъ строкахъ. Амфилохій, правда, обыкновенно обращаетъ вниманіе на разницу между унціальнымъ или полуунціальнымъ и минускульнымъ письмомъ описываемыхъ имъ памятниковъ, вслѣдствіе чего его алфавиты, извлеченные изъ памятниковъ, представлены въ двойномъ видѣ. Но иногда и этого еще бываетъ недостаточно.

Давно уже замѣчено, что, при общей неподвижности литургическихъ почерковъ, для опредѣленія времени рукописи важную роль играютъ лигатуры (связи) и сокращенія. Издатель палеографическаго описанія доказалъ, что и эта черта не ускользнула отъ его вниманія. Конечно приводимые имъ примѣры слишкомъ отрывочны, чтобы можно было не желать болѣе подробныхъ данныхъ о каждомъ отдѣльномъ памятникѣ. По моему какъ филологическія, такъ и палеографическія изслѣдованія должны быть основаны на внимательномъ изученіи всего текста, не довольствуясь лишь тѣмъ, что случайно бросается въ глаза.

II.

Древле-славянская псалтирь Сумоновская до 1280-го года.

Съ шестидесятыхъ годовъ о. Амфилохій не перестаетъ вносить въ науку свои разысканія о памятникахъ древнеславянской и древнерусской письменности, обогащая ими наши библіографическія и археологическія свѣдѣнія. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ были удостоены Демидовской или Уваровской преміи. Въ числѣ ихъ выдается обширностью и значеніемъ изданіе древнеславянскаго перевода Псалтыри, въ которомъ авторъ поставилъ себѣ задачею, прослѣдить судьбу славянскаго перевода псалтыри по различнымъ спискамъ, начиная съ самыхъ древнихъ, сохранившихся въ рукописяхъ XI вѣка. Первое изданіе этого сочиненія появилось уже въ 70-хъ годахъ, подъ заглавіемъ «*Древлеславянская Псалтирь XIII—XIV вѣка*», (первый томъ вышелъ въ 1874, второй въ 1877 году). Въ основаніе легли два неизданные текста: славянскій, заимствованный изъ русско-славянской рукописи конца XIII вѣка, и параллельно съ нимъ греческій по рукописи X вѣка. Если бы авторъ только этимъ и ограничился, то мы и тогда охотно признали бы за нимъ ту заслугу, что наконецъ-то онъ догадался издать одинъ изъ древнихъ текстовъ славянскаго перевода псалтыри въ полномъ видѣ, чего не сдѣлали другіе, у которыхъ были подъ руками даже такіе списки, какъ псалтырь болонская и очень близко находились псалтырь толстовская или погодинская. Текстъ, избранный о. Амфилохіемъ, не принадлежитъ, правда, къ древнѣйшимъ, но

издатель остановился на немъ по всей вѣроятности просто по сподручности и ради полноты его. Будь онъ въ С.-Петербургѣ, я увѣренъ, онъ избралъ бы погодинскую или толстовскую псалтырь—та и другая гораздо старше какъ временемъ написанія такъ и характеромъ перевода. О. Амфилохій прибавилъ кромѣ того къ изданному имъ параллельному славяно-греческому тексту еще богатыя содержаніемъ разночтенія, почерпнутыя изъ рукописей, частью неизданныхъ, и изъ старопечатныхъ книгъ. Трудъ его такимъ образомъ становится важнымъ пособіемъ для справокъ по различнымъ вопросамъ критической или грамматической стороны перевода псалтыри; не только любитель духовнаго чтенія, не только археологъ или библіофилъ, но и филологъ найдетъ въ немъ много полезныхъ указаній.

Уже первое изданіе о. Амфилохія обратило на себя вниманіе спеціалистовъ; позволю себѣ сослаться на мой отзывъ, напечатанный въ «Archiv für slavische Philologie», III стр. 164—168, гдѣ, какъ мнѣ кажется, изданіе оцѣнено по достоинству, выставлены какъ всѣ хорошія стороны его, такъ и нѣкоторые пробѣлы или недостатки. Къ послѣднимъ я причисляю между прочимъ неполноту приводимыхъ разночтеній. Несмотря на кажущееся изобиліе, значеніе этого матеріала въ значительной мѣрѣ ослаблено тѣмъ, что авторъ большинствомъ памятниковъ, изъ которыхъ почерпалъ разночтенія, пользовался только отрывочно, не проведя сличенія до конца. Такъ напримѣръ погодинская или дечанская псалтырь, памятники важные, — они хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ—вошли въ изданіе о. Амфилохія только незначительнымъ запасомъ разночтеній, почерпнутыхъ изъ отрывковъ, напечатанныхъ въ юсовыхъ памятникахъ И. И. Срезневскаго. Для полной же оцѣнки тѣхъ памятниковъ, для характеристики ихъ перевода, этихъ данныхъ конечно мало.

Приводимыя разночтенія не всѣ одинаково важны. Часть ихъ вызвана критическими особенностями греческаго текста, другія произошли на домашней почвѣ отъ замѣны выраженій,

исправленія ошибокъ и т. д., иныя даже чисто орѳографическаго свойства и безъ значенія для исторіи перевода. Если устранить послѣдній матеріалъ какъ ненужный, отдѣлить же критическое, на сколько оно вытекаетъ изъ особенностей греческаго текста, отъ лексическаго и грамматическаго, то изъ данныхъ разночтеній не трудно будетъ извлечь глубокій смыслъ, не трудно будетъ найти въ нихъ отвѣтъ на важные вопросы. Но у автора все это осталось почти не тронутымъ.

Самый текстъ напечатанъ въ первомъ, и, прибавимъ, также во второмъ изданіи не безъ ошибокъ, хотя издатель старался вѣрно сохранить всѣ графическія особенности памятника, т. е. не допуская ни малѣйшихъ измѣненій, онъ передавалъ все такъ, какъ находилъ въ своихъ рукописныхъ источникахъ. [1]) Этотъ пріемъ менѣе поражаетъ при славянскомъ чѣмъ при греческомъ текстѣ.

Вотъ суть моего отзыва о первомъ изданіи «Древлеславянской Псалтири». Онъ примѣнимъ и ко второму, въ которомъ только объемъ увеличенъ, главныя же начала и всѣ качества труда остались прежнія. Правда, уже въ заглавіи сочиненія сдѣлана своего рода поправка. Тотъ же славянскій текстъ, названный въ первомъ изданіи псалтырью XIII—XIV вѣка, здѣсь опредѣляется точнѣе какъ «Псалтирь Симоновская, написанная до 1280 года». Доказательства въ пользу этой поправки приводятся въ 2-мъ предисловіи къ I тому новаго изданія. Для полной убѣдительности надо было подробнѣе изложить отношеніе псалтыри, названной теперь симоновскою, къ симоновскому же евангелію 1270 года. Между тѣмъ мы не узнаемъ ничего о сходствѣ

1) Въ первомъ изданіи отмѣчена мною между прочими одна послѣдовательно повторяющаяся опечатка: глаголъ потрѣкнути у автора постоянно пишется—потрькнути. Вѣроятно мой отзывъ о первомъ изданіи не былъ ему доступенъ, иначе не сомнѣваюсь, онъ успѣлъ бы во второмъ изданіи исправить эту странную опечатку. Кромѣ того во второмъ изданіи вѣроятно вслѣдствіе типографскаго недосмотра выпалъ цѣлый 3-й стихъ псалма IX—въ первомъ изданіи онъ напечатанъ въ своемъ мѣстѣ. И этого промаха авторъ не замѣтилъ.

обѣихъ рукописей по почерку и особенностямъ языка или правописанія. Въ псалтыри черты говора новгородскаго высказываются сильно, не только постоянное смѣшеніе *ц* съ *ч*, но и такія формы какъ дожгь, одъжгить, дрожгиꙗ попадаются. Въ евангеліи должно быть существуетъ то же самое, по крайней мѣрѣ Востоковъ, описывая его въ своемъ Описаніи рукописей рум. музея подъ № CV, указываетъ на новгородское нарѣчіе «мѣняющее *ц* на *ч* и обратно». Жаль, что и нашъ авторъ къ прочимъ соображеніемъ не прибавилъ еще тѣхъ доказательствъ, которыя могло ему доставить сличеніе почерка и особенностей правописанія обоихъ памятниковъ. Впрочемъ хронологическое опредѣленіе «псалтырь написанная до 1280 года» не удачно придумано. Если псалтырь, о которой рѣчь идетъ, дѣйствительно принадлежитъ тому же писцу (въ послѣсловіи евангелія онъ называется «Георгій сынъ поповъ глаголемаго лотыша съ Городища») или тому же «чернцу» Симону, для котораго было написано евангеліе 1270 г., то было бы во всякомъ случаѣ лучше и вѣрнѣе опредѣлить время написанія ея тѣмъ же годомъ, т. е. остановиться на немъ, какъ на данной не подлежащей сомнѣнію и сказать, что и псалтырь написана «около 1270 года».

Первые два тома новаго изданія (томъ I. Москва 1880, стр. IX и 544; томъ II. Москва 1881, стр. 545) соотвѣтствуютъ тѣмъ же томамъ перваго изданія, объемомъ на 90 страницъ болѣе перваго изданія. Разница произошла отъ того, что число разночтеній въ новомъ изданіи увеличено. Усердное трудолюбіе издателя высказалось въ томъ, что онъ къ славянскому тексту прибавилъ разночтенія еще изъ пяти новыхъ источниковъ: изъ псалтыри митрополита Кипріяна, изъ толковой Ѳеодоритовой 1472 г. (это дополненіе существенно), изъ псалтыри Максима грека и изъ двухъ новыхъ переводовъ XVI—XVII вѣка, сдѣланныхъ уже не съ греческаго текста. Не всегда отъ прибавленій дѣло выигрываетъ. Вносить разночтенія изъ новыхъ переводовъ, которыми уже не продолжается исторія первоначальнаго перевода, такъ какъ они не имѣютъ къ нему прямого отношенія—это по

моему дѣло едва ли не безполезное; для освѣщенія судьбы первоначальнаго перевода такого рода прибавки не даютъ никакихъ новыхъ данныхъ, напротивъ въ большомъ и безъ того количествѣ разночтеній являются только лишнимъ обремененіемъ; напр. псалтырь Фирсова 1683 года, разночтеніямъ изъ которой (а ихъ понятное дѣло очень много) въ матеріалѣ отведено даже первое мѣсто, переведена съ языка нѣмецкаго, она стало быть уже этимъ самымъ прерываетъ многовѣковую связь и зависимость всѣхъ славянскихъ списковъ отъ первоначальнаго, славянскимъ апостоламъ приписываемаго труда. По моему не было нужды присоединять изъ этого особаго перевода варіанты къ даннымъ прочихъ списковъ, возникшихъ изъ совсѣмъ другого источника.

Въ самомъ дѣлѣ вопросъ о судьбахъ славянскаго перевода псалтыри, намѣченный ходомъ и развѣтвленіемъ существующихъ многочисленныхъ списковъ, все еще ждетъ болѣе опредѣленнаго отвѣта, чѣмъ онъ данъ въ изслѣдованіяхъ Вячеслава Срезневскаго и о. Амфилохія. Въ III томѣ новаго изданія о. Амфилохія представлены, правда, нѣкоторыя общія замѣчанія въ статьяхъ, подъ заглавіемъ «о переводѣ псалтыри съ греческаго языка» (стр. 278—386), «о переводѣ съ латинскаго языка» (стр. 387—390), «о переводѣ съ нѣмецкаго языка» (стр. 391—403) и «объ исправленіяхъ древлеславянской псалтыри» (стр. 404—418). Этими статьями новое изданіе выгодно отличается отъ перваго, но и заключающихся въ нихъ свѣдѣній еще слишкомъ мало; все это не что иное, какъ опять новый матеріалъ, содержащій въ себѣ кое какія данныя, но безъ надлежащей обработки.

Если бы у автора не преобладали цѣли археологическія, онъ могъ бы при той же затратѣ труда и времени изложить судьбу славянскаго перевода псалтыри приблизительно по слѣдующимъ пунктамъ: а) коснуться перевода псалтыри сравнительно съ переводомъ евангелія, чтобы отвѣтить на вопросъ: видно ли въ томъ и другомъ переводѣ участіе, если не одного лица, то по крайней мѣрѣ одной школы, одного времени; б) выставить различія въ

спискахъ псалтыри, при чемъ были на очереди такіе вопросы, какъ напримѣръ: въ чемъ отступаетъ текстъ псалтыри чудовскаго списка XI вѣка отъ прочихъ древнихъ текстовъ и какая тенденція этихъ отступленій? какія различія существуютъ между древними списками, помимо упомянутыхъ отступленій чудовскаго и ему подобныхъ текстовъ, заключающихъ въ себѣ толкованіе Ѳеодоритово? не замѣтна ли въ древнѣйшихъ спискахъ псалтыри такая же противуположность двухъ группъ текстовъ, какую критики уже давно подмѣтили въ текстахъ евангельскихъ? и которые изъ древнѣйшихъ текстовъ псалтыри склоняются въ ту или другую сторону? в) остановиться на позднѣйшихъ исправленіяхъ перевода, между прочимъ на-вопросѣ: какъ отразилось на славянскомъ переводѣ то исправленіе церковныхъ книгъ, которое, какъ говорятъ, въ XIV вѣкѣ совершилось въ Константинополѣ?

Вотъ рядъ вопросовъ существенной важности, коль скоро рѣчь идетъ объ исторіи славянскаго перевода псалтыри: они остаются и послѣ изданія о. Амфилохія нерѣшенными, хотя справедливость требуетъ признать, что въ его трудѣ заключается довольно много данныхъ и указаній, существенно облегчающихъ ихъ рѣшеніе. Пользуясь этими данными я хочу въ слѣдующемъ показать, какъ мнѣ представляется рѣшеніе упомянутыхъ вопросовъ.

Отвѣтимъ прежде всего на первый вопросъ.

1. О ближайшей зависимости перевода псалтыри отъ перевода евангелія не позволяютъ сомнѣваться многочисленныя данныя языка, передающаго весь запасъ отвлеченныхъ понятій того и другого текста одними и тѣми же выраженіями: какъ видно эти слова, разъ подысканныя въ языкѣ, не привыкшемъ сначала къ подобной фразеологіи, остались потомъ готовыми образцами для всѣхъ дальнѣйшихъ переводовъ. Здѣсь можно привести такія выраженія, какъ напримѣръ: χάρις переводится въ евангеліи и псалтыри словомъ благодать или благодѣть, χρηστός передается черезъ благъ, оттого и χρηστότης (въ евангеліи его нѣтъ) въ апостолѣ и псалтыри благость или благостыни; ἔλεος переводится милость, оттого ἐλεημοσύνη милостыни; καλός

значитъ добръ, ἀγαθός то добръ, то благъ, оттого въ псалтыри κάλλος и καλλονή: доброта; слова сложныя съ εὐ — переводятся черезъ благо: εὐδοκέω благоволити, εὐδοκία благоволеніе, εὐλογεῖν благословити и благословестити, но εὔσημος въ псалтыри и ἐπίσημος въ евангеліи переведено нарочитъ, εὐφραίνομαι значитъ веселитися, къзвеселитися, χαίρω радоватися, въздрадовати са, оттуду χαρά радость, а εὐφροσύνη веселіе; печаль соотвѣтствуетъ греческому θλῖψις и μέριμνα, первое также скрѣбь, но скрѣбѣти обыкновенно передаетъ λυπεῖσθαι, оттого περίλυπος прискрѣбенъ, иногда печаленъ; πλεονεξία переведено буквально лихоимство или лихоимствіе, βδέλυγμα мрѣзость, ζῆλος жалость, θυμός ярость, ἐπιθυμία желаніе или желѣніе и похоть; αἶνος значитъ хвала, αἰνεῖν хвалити, αἰσχύνη стоудъ, ἀφροσύνη безоуміе; γνῶσις и σύνεσις переводятся словомъ разоумъ, оттого συνετός разоуменъ, ἀσύνετος неразоумивъ; πονηρός лѫкавъ (слова непрязнь въ пс. нѣтъ); ταραχή мятежь, а глаголъ ταράσσω съмѫтити, съмятися; ταπεινός съмѣренъ, ὑπερήφανος гръдъ, ὑπερηφανία гръдыни, и т. д.

Такое же совпаденіе замѣчается и въ другихъ областяхъ словъ, напримѣръ въ бытовомъ отношеніи: ἀγρός переводится словомъ село, αὐλή дворъ, σκηνή кровъ и сѣнь; οἶκος, οἰκία: домъ, χραμъ, χραμина, τρίβος: стьза, πύλη врата, θύρα двьри, κοίτη, κλίνη ложе, одръ, κατοικία, κατοίκησις жилиште, πόλις градъ, λαός людіе, ἔθνος ꙗзыкъ, γενεά родъ, φυλή колѣно, συγγενής жжика, ἀλλότριος тоужда, βασιλεύς цѣсарь, ἄρχων кънязь, δεσπότης и ἡγεμών владыка, оттуду δεσποσία, ἡγεμονία: владычьство, δυνάστης силенъ, οἰκουμένη = вьсѣленаꙗ, и т. д.

Не моя задача вдаваться въ болѣе подробный перечень, иначе можно бы привести еще много другихъ примѣровъ удивительнаго совпаденія въ переводѣ словъ, вовсе не принадлежащихъ къ числу обыкновенныхъ; я полагаю, и этого небольшаго количества достаточно, чтобы внушить убѣжденіе въ тожествѣ языка евангелія и псалтыри.

2. Недавно изданная проф. Гейтлеромъ синайская псалтырь,

памятникъ глаголической письменности XI вѣка, значительно облегчаетъ теперь рѣшеніе также другого вопроса: о первоначальной редакціи перевода псалтыри. Оказывается, что существовало полнѣйшее соотношеніе между евангеліемъ и псалтырью, т. е. можно доказать, что всѣ особенности грамматики и лексикона, которыми отличаются древнѣйшіе, глаголическіе тексты евангелія, повторяются также въ первоначальной редакціи перевода псалтыри.

а) Согласно съ глаголическими евангеліями въ древнѣйшей псалтыри исключительно пишется трѣкл 36.2, 89.6, и т. д. (син. только изрѣдка трава въ пс. 103), питѣти 30.4, 32.19, 54.23, (вм. питати), подрѣжати 34.16, 43.14, 78.4, 79.7, (вм. подражати), заповѣдѣти 7.7 и исповѣдѣти 87.11, 96.17; лакати 106.5.9.36 и възлакати (вм. алъкати — възалъкати) 33.11, 49.12, 58.7.15; я считаю форму лакати — възлакати первоначальною потому, что она господствуетъ въ зограф. евангеліи, сл. матѳ. XII.1.3, XXI.18, XXV.35.42, мрк. II.25, XI.12, лук. IV.2, VI.3.25, іо. VI.35; тоужда 17.45, 18.14, 48.11, 68.9, 80.10, 108.11; 57.4 еще и симоновская псалтырь сохранила отоужденъі (хотя обыкновенно пишетъ: чюжа или чюжда). Нельзя сомнѣваться въ томъ, что владѣши 88.10 оригинальнѣе, чѣмъ владѣеши, какъ нельзя отрицать древности формъ искѫ, искѫште (вм. иштѫ, иштѫште), исключительно употребляемыхъ въ синайской псалтыри: 21.26, 23.6, 26.8, 34.4, 37.13, 39.15, 68.7, 69.3, 70.13.24, 118.33, и т. д.; 39.17 осталось еще и въ симоновской псалтыри искоуціи. Вм. вѣровашѧ по старинному вѣрѫ ѩсѧ син. псалтырь 105.12.24, согласно съ другими древними списками, ср. вѣрѫ ѩсъ 118.66. Къ первоначальной паннопо-моравской старинѣ принадлежатъ формы съ ꙗ слова братрига: 21.23, 49.20, 68.9, 121.8. Такъ и ино вм. кдино въ словахъ иночадъ: 24.16, 34.17, иномъıшленіе: 54.15, 82.6, иномъıслънъ 67.7, (такъ и въ переводѣ панд. Антіоха), инорогъ: 21.22, 28.6, (въ послѣднемъ мѣстѣ еще и симоновская псалтырь оставила ино). Слово μαρτυρία переводится съвѣдѣніе и съвѣдѣтелство, первое въ древнѣйшихъ памятни-

кахъ славянскихъ, напр. пс. син. 18.8. Къ тому, что въ маріинскомъ евангеліи на стр. 468 сказано о благословєстити, можно теперь прибавить, что и синайская псалтырь даетъ исключительное предпочтеніе этой формѣ слова (иногда даже благословєстьити): 3.9, 9.24, 15.7, 17.47, 25.12, 27.6.9, 28.11, 33.2, 48.19, 62.5, 71.15; эта форма слова встрѣчается также въ чуд. псалтыри, напр. 64.12, 66.8, и т. д. Значенія στιλβοῦν, καθαρίζειν, ἐξαλείφειν и ἱλάσθαι передаются въ синайской псалтыри глаголомъ оцѣстити (вм. очистити) 7.13, 11.7, 18,4, 24.11, 77.33, 78.9, оцѣщтєніе 129.4, (но очистити 50.4.9, очищтєніѣ 88.45, и конечно чистъ, не *сцѣстъ); несомнѣнно и эта форма слова указываетъ на западъ (мораво-паннонскій, словено-хорватскій), гдѣ живетъ еще и цѣста, слово встрѣчающееся въ псалтыри 143.14, по древнѣйшимъ спискамъ (переводъ греческаго ἐν πλατείαις).

b) Замѣна однихъ словъ другими — а славянскіе списки псалтыри даютъ много примѣровъ ея — обнаруживаетъ опять то же отношеніе между отдѣльными списками, какое уже извѣстно изъ евангельскихъ текстовъ. Приведу всѣ важнѣйшіе примѣры.

Вмѣсто обыкновеннаго позднѣйшаго слова съборъ въ синайскомъ и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ псалтыри еще господствуетъ сънѧмъ 15.4, 21.17, 25.4, 39.11, 61.9, 73.2, 81.1, 101.23 и т. д.; 85.14, 105.18 и 110.1 осталось и въ симоновской псалтыри сънѧмъ, точно такъ 105.17 на сънѧмищи.

Позднѣйшему блиꙁѧнии для передачи греческаго ὁ πλησίον предшествовало слово искрѧнии, употребляемое и въ синайской псалтыри: 11.3, 14.3.4, 23.4, 27.3, 34.14, 44.15, 87.19, 100.5 (но οἱ ἔγγιστα переведено и въ синайской псалтыри и въ хорватскихъ глаголическихъ спискахъ словомъ блиꙁѧнии 14.3. 37.12).

Слово вины только въ древнѣйшихъ текстахъ передается еще выраженіемъ тєпєнъ, такъ въ синайской пс. 72.14, и согласно съ нею также въ погодинскомъ и въ толстовскомъ спискахъ.

Глаголическимъ словомъ можно назвать ѣдро вм. обыкновеннаго скоро: 68.18, 78.8, 137.3; оттуду оуѣдрити вм. оускорити: 15.4, 30.3, 105.13, и ѣдрописьца вм. скорописьца 44.2; и

здѣсь древность синайской редакціи поддерживаютъ болонскій, погодинскій и отчасти толстовскій списки; это слово было извѣстно переводчику пандектовъ Антіоха по списку XI вѣка, оно осталось также въ глаголическихъ текстахъ хорватской редакціи.

Такимъ же замѣчательнымъ словомъ давно уже признается глаголъ натроути вм. напитѣти или напитати: 79.6, 80.17; и здѣсь старина сохранилась кромѣ синайскаго еще въ болонскомъ, погодинскомъ, толстовскомъ спискахъ и въ хорватскихъ текстахъ.

Вмѣсто врачь встрѣчается еще балии 87.11; синайскую псалтырь поддерживаетъ въ этомъ словѣ погодинскій списокъ и хорватскій текстъ у Берчича.

Старинное выраженіе отълѣкъ вм. обыкновеннаго останъкъ читается въ синайской псалтыри 16.14, 36.37, 75.11, оно уцѣлѣло еще въ погодинскомъ и толстовскомъ спискахъ, даже чудовская псалтырь несомнѣнно знала отълѣкъ, потому что списокъ 1472 года сохранилъ ѿлѣкы 16.14, а 75.11 въ самой чудовской псалтыри читаемъ одолѣкъ! И хорватскіе тексты у Берчича сохранили это слово.

Глаголъ ἐπαιτέω переведенъ въ син. въсхлѧпаѭтъ 108.10, (сл. Маріинск. еванг. стр. 467). Это старинное слово, которое знаетъ еще изводъ 1472 г. чудовской псалтыри, замѣнено въ симоновскомъ спискѣ глаголомъ въспросѧть.

Западнославянское слово отокъ вм. островъ сохранила не только синайская псалтырь 71.10, 96.1, но и другіе древнѣйшіе списки, въ числѣ ихъ чудовская псалтырь, въ которой это слово только ошибочно написано отроци 71.10; въ евгеніев. отрывкѣ читается 96.1 отоци.

Слово мъıто въ значеніи δῶρον, τὰ δῶρα существуетъ до сихъ поръ у югозападныхъ славянъ: въ син. пс. мъıта 14.5, 25.10; оно засвидѣтельствовано кромѣ синайской псалтыри еще погодинскимъ спискомъ и хорватскими текстами.

Замѣчательно, что въ синайской псалтыри преимущественно господствуетъ рѣснота вм. истина: 30.6.24, 39.11.12, 42.13, 44.5,

50.8, 53.7, 56.4.11, 57.2, 60.8, 68.14, 70.22, 84.11.12, 85.11, 87.12, 88.2.3.6.9,15,25,34.50, 90.5, 91.3, 95.13, 97.3, 99.5, 107.5, 118.30, 131.11, 137.2, и рѣснотивьнъ 85.15; конечно и слово истина встрѣчается нерѣдко (напр. 5.10, 11.2, 14.3, 24.5.10, 25.3, 29.10, 35.6, 110.7.8, 116.2, 118.43.75.86.90.142.151.160) и прилаг. истинъный 18.10. Первое выраженіе должно быть попало въ переводъ въ предѣлахъ Панноніи, потому что отпрыски этого корня до сихъ поръ живутъ у словенцевъ (также хорватскихъ); слово рѣснота могло быть втеченіе времени вытѣсняемо синонимомъ истина, но едва ли было бы правдоподобно сказать, что оно явилось въ текстъ позднѣе. Дѣйствительно, какъ мною уже упомянуто въ Маріинскомъ евангеліи, по разночтеніямъ о. Амфилохія къ изданію евангелія 1144-го года можно узнать, что слово рѣснота, не встрѣчающееся иначе въ обыкновенныхъ текстахъ евангельскаго перевода,—даже въ зографскомъ или маріинскомъ нѣтъ его, — сохранилось все-таки въ замѣчательномъ карпинскомъ спискѣ. Вотъ всѣ примѣры, отысканные мною по упомянутымъ разночтеніямъ: въ рѣснотѫ мрк. XV.39, лук. IV.25, XII.44, XX.21, XXI.3, іо. XVII.8.17, рѣснотѫ іо. XVI.7.13, рѣснота іо. XVII.17, ѡ рѣснотѣ... ѿ рѣсноты іо. XVIII.37, и прилагательное въ рѣснотивьнѣмъ лук. XV.11. Судя по старинному характеру карпинскаго евангелія, едва ли правдоподобно, чтобы это слово было внесено въ текстъ позднѣе (развѣ изъ псалтыри?); да откуду взять его въ предѣлахъ Болгаріи или Македоніи, гдѣ этого выраженія, кажется, вовсе не знали. Если же оно въ карпинскомъ евангеліи осталось изстари, то уже этотъ одинъ примѣръ свидѣтельствуетъ краснорѣчиво, какъ рано въ переводѣ евангельскомъ, самомъ употребительномъ текстѣ въ христіанской церкви, начались исправленія и замѣны словъ. Глаголическія псалтыри хорватской редакціи также устранили слово рѣснота, подобно обыкновеннымъ спискамъ евангельскаго текста, хотя въ хорватскихъ текстахъ псалтыри можно найти много слѣдовъ старины. И такъ мы вправѣ, какъ мнѣ кажется, причислить слово рѣснота къ тѣмъ, которыя очень рано, уже въ древнѣйшихъ

спискахъ, стали уступать другимъ выраженіямъ болѣе распространеннымъ.

Неменѣе замѣчательно слово сѧтъ вм. рече, оно осталось въ синайской псалтыри еще 35.2, было же извѣстно и переписчику толстовской псалтыри, какъ свидѣтельствуетъ его отмѣтка на л. 87-мъ: аще сѧ къде наречеть «сѧтъ», то то ѥстъ «рече»; и въ переводѣ псалмовъ, вошедшемъ въ пандекты Антіоха, встрѣчается это слово: пс. 65.13, изъ главы 120-й, (о. Амфилохій приводитъ сѧтъ еще изъ главы 122-й, если это не одно и то же мѣсто, тогда въ пандектахъ существуютъ всего три примѣра этого рѣдкаго глагола, потому что въ словарѣ указанъ еще третій примѣръ изъ главы 98).

Извѣстный оборотъ встрѣчающійся въ древнѣйшихъ спискахъ евангелія неврѣдоу сътворити (ἀποδοκιμάζω) находится и въ псалтыри 117.22 въ син. и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ, но симон. уже небрѣгоша, сл. Маріинск. ев. стр. 469.

Приведу еще нѣсколько словъ, свойственныхъ древнѣйшему переводу псалтыри: вмѣсто без-оума въ древнихъ переводахъ читаемъ ашоуть 34.7.19 (δωρεὰν) или спъіти 68.5, 119.7, 108.3, 118.16, а какъ переводъ слова μάτην: въ соуе 38.7.12; вм. ашоуть въ глаголическихъ текстахъ хорватской редакціи пишется ешоуть, нынѣ это слово чешско-словацкое, прежде же могло быть и паннонское. Второе слово живетъ до сихъ поръ въ словенско-хорватскомъ spitek и ošpiten (первое обозначаетъ исхудалаго, болѣзненнаго мальчика, второе значитъ: слишкомъ мало, въ неудовлетворительной мѣрѣ). Вмѣсто възвѣстити или съказати древнѣйшій переводъ любилъ слово повѣдѣти (сличи нынѣшнее словенско-хорватское povèdati-pevêm и povédati-povédam, и чешско-словацкое poviedať-pověděti), напр. 43.2 повѣдѣшѧ, 72.15 повѣмь, 77.6 повѣдѧтъ (въ послѣднемъ мѣстѣ остался тотъ же глаголъ еще и въ симоновской псалтыри) сл. мой словоуказатель къ Маріинскому евангелію. О словѣ мѫдити или моудити сказано много въ Маріинскомъ евангеліи на стр. 466, прибавимъ замоуди въ синайской псалтыри 39.18,

(симоновскій списокъ, не понимая слова, написалъ забоуди!), 69.6. Вмѣсто безаконьнъ, безаконьникъ читаемъ законопрѣстѫпьнъ, законопрѣстѫпьникъ 35.2, 40.9, оттого и глаголъ παρανομεῖν переводится свободно прѣстѫпати законъ 74.5; стоитъ упомянуть, что такъ передаютъ всѣ древнѣйшіе списки; пражскіе отрывки и переводчикъ пандектовъ Антіоха знали тотъ же переводъ; пс. 70.4 осталось еще и въ симоновской псалтыри законопрестоупьнаго. Старинное любъі сътворишѧ 105.39 замѣнено въ симоновскомъ спискѣ позднѣйшимъ съблоудиша (πορνεύειν).

Греческое νῶτος въ синайской псалтыри передается постоянно словомъ хрьбетъ или хрибетъ 17.41, 20.13, 65.11, 68,24, 80.7, 128.3; симон. пс. въ двухъ первыхъ мѣстахъ употребляетъ слово плешта. Форма слова хрибетъ могла въ извѣстной мѣстности такъ и произноситься (ср. словенское hrib, hribar), точно такъ, какъ хорватскіе словенцы до сихъ поръ произносятъ cirkva, а эта форма слова тоже засвидѣтельствована древнѣйшими памятниками.

Къ признакамъ древнѣйшей редакціи надо причислить еще переводъ глагола ἐντείνω не словомъ напрѧзати, а менѣе извѣстнымъ налѧцати, въ совершенномъ видѣ налѧшти: налѧшѧ 10.2, 36.14, 63.4, налѧци 44.5 (старые южнославянскіе списки и переводчикъ пандектовъ Антіоха знали еще налѧцѣи, въ остромировомъ ев. напротивъ напрѧзи, какъ и въ обыкновенныхъ позднѣйшихъ текстахъ), налѧчетъ 57.8, налѧцаѭштеи 77.9 и т. д. Изъ этихъ примѣровъ видно, что и 7.13 вм. отъвлѣче слѣдовало написать налѧче. Глаголъ nalecati знаютъ хорватскіе словенцы до сихъ поръ, онъ внесенъ и въ словарь Бѣлостѣнца. Съ предлогомъ съ имѣется еще: сълѧшѧ 56.7 и сълѧци 68.24 вм. съмѣрити; послѣднее мѣсто читается точно такъ и въ чудовской, а предыдущее въ болонской псалтыри.

Греческое βδέλυγμα переводится въ евангеліи сушествительнымъ мръзость, слѣдовательно въ псалтыри 5.7 βδελύσσεται мръзитъ (отъ мръзѣти, сл. сербохорв. мрзи ме): лъживъ мръзитъ господеви; 55.6 осталось еше и въ симоновской псалтыри

мьрзѧхоу имъ, точно такъ 118.163 мьрзѣ ми; но 106.18 уже въ син. пс. употреблено обыкновенное позднѣйшее выраженіе възгнѫша сѧ, такъ и въ хорватской редакціи у Берчича.

Глаголъ ἐπαίρεσθαι переведенъ пс. 46.10 възнѣсѧ сѧ, вм. чего въ симоновской пс. въздвигоша сѧ по той же замѣнѣ, по которой възнѣсѧ лук. 17.13 въ савиной книгѣ замѣнено глаголомъ въздвигѫ.

Греческое ὦα или ὤα въ древнихъ спискахъ переводится словомъ омега 132.2, но симоновскій списокъ замѣнилъ это слово болѣе знакомымъ русскимъ подолъкъ, встрѣчающимся въ многихъ русскихъ спискахъ евангелія.

в) Для оцѣнки изданнаго о. Амфилохіемъ списка псалтыри можно бы указать еще на разныя мѣста, гдѣ переводъ его не сохранилъ старины, тогда какъ всѣ древнѣйшіе списки, согласно съ синайскимъ, представляюъ собою другой, именно первоначальный переводъ, т. е. другое выраженіе; напримѣръ 9.29 въ сѣдалищи: въ старинныхъ текстахъ въ лаателихъ (ἐν ἐνέδρᾳ); 8.9 поути: старые тексты стьѕѧ (τρίβους); 39.8 въ главизнѣ: древнѣйшіе списки въ съвитъцѣ (ἐν κεφαλίδι); 42.3 и 131.5.7 сѣни (σκηνώματα): древнѣйшіе списки села, такъ и симоновскій списокъ во всѣхъ другихъ мѣстахъ, ср. еще въ симон. 105.25 въ коущахъ вм. селѣхъ; 9.25 разгнѣва: другіе тексты раздражи, такъ и 105.29 разгнѣваша: раздражишѧ; послѣдній глаголъ для передачи греческаго παροξύνω остался еще въ симоновск. псалтыри 73.10.18 и 106.11, но 77.41 всѣ тексты даютъ уже прогнѣвашѧ; 34.6 съблазнъ: всѣ старые списки плъзокъ или плъзъкъ (ὀλίσθημα), 114.7 осталось еще въ симоновск. псалтыри ѿ въспоползениꙗ: ἐξ ὀλισθήματος; 100.5 презоривоу: всѣ прочіе (за исключеніемъ чудовской псалтыри, о которой рѣчь потомъ) оставили слово гръдъ, которымъ переводится греческое ὑπερήφανος, сл. напр. 17.28, 88.11, 93.2, 118.21.78; 48.21 неразоумьнъіхъ: всѣ прочіе несъмъісльнъіхъ (ἀνόητος); 9.33 и 73.19 нищихъ: лучше въ прочихъ спискахъ оубогъіхъ, какъ переводъ греческаго πένης; ништь передаетъ греческое πτωχός, эту разницу соблюдаетъ впрочемъ и симоновская

псалтырь, сл. 48.3, 71.4, 81.4; только 21.26 переведено πένητες во всѣхъ спискахъ словомъ ништь, вѣроятно потому, что стихомъ раньше было уже ништаго, какъ переводъ греческаго τοῦ πτωχοῦ, да и въ латинскомъ переводѣ въ обоихъ мѣстахъ читается pauper; 4.2 оущедри: прочіе помилоуи, такъ и 102.13 щедрить: милоуетъ, оущедрить: помилоуетъ; послѣднимъ глаголомъ переводится οἰκτειρίζω и въ симоновской псалтыри: 36.2, 58.6, 59.3, 76.10, 101.14, но 101.15 и 122.12 уже въ синайской псалтыри является глаголъ оуштедрити, такъ и во всѣхъ прочихъ спискахъ, не исключая хорватскихъ; 105.46 въ щедротъı εἰς οἰκτιρμοὺς: синайскій и другіе старые списки въ милость, ср. 118.156 щедротъı: милости; 17.18 оукрѣпиша сѧ ἐστερεώθησαν: древнѣйшіе списки, какъ напр. синайск. погод. чуд. оутвръдишѧ сѧ, послѣдній глаголъ для передачи греческаго στερεόω существуетъ и въ симоновск. псалтыри 32.6, 74.4, 92.1, 135.6; 118.23 всѣ прочіе глоумлѣаше сѧ ἠδολέσχει: симон. пооучаше сѧ, вѣроятно попечаше сѧ, ср. ib. 27, 48.78; 38.7 събираеть: древній переводъ даетъ съкръıваеть θησαυρίζει, такъ читается въ син. чуд. погод. и другихъ лучшихъ спискахъ; 88.30, 104.6 и 105.27 σπέρμα въ син. и прочихъ древнихъ переводится сѣмѧ: симон. племѧ, 111.2 сѣмѧ: имѧ, 17.51 симон. еще сѣмени, но списокъ 1472 племени, ср. 20.11, 21.24 и т. д.: вездѣ чуд. пс. или списокъ 1472 г. пишетъ племѧ для передачи греческаго σπέρμα; наоборотъ 77.67.68 и 104.37 син. колѣно (φυλή), а симон. племѧ; 36.24 разбиѥтьсѧ καταραχθήσεται симон.: въ син. погод. толст. и въ хорватскихъ спискахъ пороутить (порѫтить) сѧ; 62.12 заградишѧ (ἐνεφράγη): лучше заѩсѧ (такъ въ синайскомъ), потому, что глаголъ ἐμφράττω переводится тѣмъ же глаголомъ еще и въ симоновской псалтыри 106.42.

Такія же отступленія можно найти еще въ 24.11 (мъногъ: велии), 39.5 (гнѣвъı лъжьнъıѧ: неистовлениꙗ лъжьнаа), 55.9 (съхранихъ: исповѣдѣхъ), 60.2 (въноуши; въньми), 63.3 (ѿ развращениꙗ: съньма), 72.7 (размъıшлениѥ: любъве), 81.2 (принимаѥте: обиноуетесѧ), 88.12 (исполнениѥ: коньцѧ), 88.47 (гнѣ-

ваѥши сѧ: отвращаеши сѧ), 93.14 (наслѣдиꙗ: достоꙗниꙗ), 95.11 (исправлениѥ: исплънениѥ), 101.5 (трава: сѣно), 103.21 (рекоуще: рикающте), 104.23 (ѡбита: приде), 105.13 (сътьрпѣша: съхранишѧ), 105.27 (разсѣꙗти: расточити), 105.33 (разлоучи: разньствова), 106.10 (съпѧтъı: окованъı), 107.8 (възнесоусѧ: въздрадоуѭсѧ), 108.11 (доведеть: наставитъ), 118.39 и 75 (соудьбъı: повелѣниꙗ), 118.43 (словеса: соудьбы), 118.70 (въсѣдесѧ: оусъıрѣсѧ) и т. д. Во всѣхъ здѣсь приведенныхъ примѣрахъ первое выраженіе читается въ спискѣ симоновскомъ, второе (послѣ двухточія поставленное) въ синайскомъ и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ.

г) Гораздо рѣже попадаются такіе примѣры, гдѣ симоновская псалтырь по всей вѣроятности сохранила первоначальный переводъ, а синайскій списокъ удалился. Къ числу такихъ можно отнести 24.14 завѣтъ (син. законъ), 30.14 гаждениѥ (син. рѫжение), 31.6 потрѣбьно (син. подобьно), 27.2 помолю сѧ (син. възовѫ); 19.8 на колесьницахъ ἐν ἅρμασιν (син. на орѫжъихъ). Стоитъ упомянуть, что во всѣхъ этихъ примѣрахъ хорватскіе тексты даютъ не тотъ переводъ, который въ синайскомъ спискѣ, а тотъ который въ симоновской псалтыри—новое доказательство, что здѣсь старина не на сторонѣ чтенія синайской рукописи. Въ русскомъ спискѣ псалтыри съ толкованіемъ Ѳеодоритовымъ 1472 г., а его можно считать вѣрною передачею такого же стариннаго текста, какъ чудовскій, написано 19.8 тоже въ ѡрꙋжиихъ (вм. на колесьницахъ): спрашивается, не слѣдуетъ ли видѣть тутъ ошибку перваго переводчика, спутавшаго ἐν ἅρμασι съ латин. in armis? Какъ бы то ни было, но Шафарикъ невѣрно считалъ (Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus S. 12) 131.15 вьдовицꙋ и 137.5 въ пѣспѣхъ — крупными промахами переводчика; напрасно еще не давно Миклошичъ указывалъ на первый примѣръ, какъ плохое свидѣтельство знанія греческаго языка у первыхъ переводчиковъ (man erinnere sich der zahlreichen Verstösse gegen die elementare Kenntniss des Griechischen, wo wenn θήρα in Folge der Verwechslung mit χήρα

durch vbdovica wiedergegeben wird, говоритъ онъ въ недавно изданномъ изслѣдованіи Geschichte der Lautbezeichnung im Bulgarischen, стр. 5). На дѣлѣ выходитъ, что иные греческіе списки дѣйствительно писали χήραν (вм. θήραν) и ὠδαῖς (вм. ὁδοῖς) — а переводчикъ поступилъ правильно, т. е. перевелъ вѣрно. Точно такъ онъ нашелъ въ греческомъ текстѣ 140.6 ἠδυνήθησαν и перевелъ, какъ слѣдуетъ възмогѫ (такъ еще въ симоновскомъ спискѣ), которое потомъ по другому греческому тексту исправлено въ наслади ша сѧ (такъ уже въ чудовской псалтири).

Къ случайнымъ описькамъ я причисляю: 10.6 одрѣжитъ син. вм. одѣждитъ или какъ въ симон. одѣжгита (ἐπιβρέξει); 109.3 печали син. вм. силы (τῆς δυνάμεως) всѣхъ прочихъ списковъ (и хорватскихъ); 119.5 бѣ села темьнаѣ син. (вм. кидараска, κηδάρ) встрѣчается также въ спискѣ хорватской редакціи у Берчича, причина такого страннаго отступленія остается мнѣ непонятною.

д) Непереведенныя слова въ древнѣйшихъ спискахъ, напр. синайскомъ, многочисленнѣе, чѣмъ въ позднѣйшихъ, напр. въ симоновскомъ. Доказать это не трудно. Такъ согласно съ евангельскими текстами (сл. Маріинское евангеліе, стр. 473) въ синайскомъ спискѣ 49.20 осталось еще скандѣлъ, между тѣмъ какъ обыкновенно переводится съблазнъ; слово иерн остается 77.64, 98.6, 131.9 въ син. и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ, но потомъ переводятъ его то словомъ жрѣца (такъ симон.), то словомъ сѣштеникъ (такъ чуд. сп.); слово ἐπισκοπὴ осталось 108.8 во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ епископьство, но потомъ было переведено: надѣник симон., намѣстьк чуд. и 1472 г.; пс. 113.8 τὴν ἀκρότομον древнѣйшіе тексты оставили безъ перевода акротомъ, но симон. и чуд. несѣкомъи камъкъ (или камень); слово ἀὴρ въ древнѣйшихъ спискахъ не переводится: мрѣнъихъ 17.12, но симон. въздоушанъихъ; греческое τοῖς κροτάφοις 131.4 въ син. и другихъ спискахъ осталось кротафома (хорв. тоже кротопома), но симон. переведено скраниима; слово ἐρυσίβη (aerugo) въ первоначальномъ переводѣ оставалось еще 77.46 ерисеви син. ерѳсии пог. (такъ и въ старосерб. изданіяхъ), но потомъ переводи-

лось словомъ ржжда (ржа симон.); 103.15 ὄναγρος не переводится въ древнѣйшихъ спискахъ (онагри спн. пог. онагри толст. евг.), но симон. осли дикіи; греческое τὰ δαιμόνια оставлено 95.5 демони, 105.37 дем(о)номъ въ спн. и нѣкоторыхъ другихъ спискахъ, иначе переводится словомъ бѣсъ; слово ἔλαιον передается обыкновенно латинскою формою слова олѣи, напр. 4.8, 22.5, 44.8, 54.22, 88.25, 103.15, 108.18.24, въ позднѣйшихъ спискахъ иногда уже переводится словомъ масло, такъ симон. 88.25, 108.21 и постоянно въ чуд. сп., но греческое ἐλαία уже въ древнѣйшихъ спискахъ переведено маслина 51.10, прилагательное маслинънъ 127.3.

Слово Χριστός въ древнѣйшихъ спискахъ не переводится: хѵ 88.39.52, симон. иногда уже употребляетъ помазанъіи, но оставляетъ тоже безъ перевода: 17.51, 83.10, 104.15, 131.17; чудовская псалтырь ввела уже правильно переводное слово помазанъіи и помазаникъ. Непереведеннымъ осталось также ψαλτήριον: псалтъіра 91.4, но симон. пѣснѣница, а чуд. или списокъ 1472 г. переводитъ это слово также въ 32.2, 56.9. Слово στηλογραφία обыкновенно переводятъ стлъпописаніе, но въ древнѣйшихъ спискахъ, какъ напр. спн. погод. и т. д. читается тѣлописаніе или тѣлописаніе 55.1, 56.1, 57.1, 58.1, 59.1; и чуд. списокъ знаетъ этотъ, несомнѣнно первоначальный, переводъ. Слово тѣло въ значеніи греч. στήλη приводится въ словарѣ Миклошича изъ перевода Григорія Богослова. Еврейское слово βάρις осталось непереведеннымъ 44.9 барѳи и 47.4 дарѣхъ (описка вм. барѣхъ) не только въ спн. но и въ болон. спискѣ; вѣроятно только по недоразумѣнію въ толст. бара передѣлано въ тбара, и эта форма попала въ глаголическій тестъ хорв. редакціи у Берчича. Невѣрный переводъ тажесть (онъ въ симоновской псалтыри) въ древнѣйшихъ спискахъ, какъ видно, не встрѣчается, стало быть и эта улика въ невѣжествѣ не можетъ быть распространена на перваго или первыхъ переводчиковъ.

Рѣдко попадаются примѣры, гдѣ синайскій списокъ представляетъ уже слово переводное, между тѣмъ какъ въ другихъ оста-

лось безъ перевода. Такъ ὁλοκαύτωμα въ син. всегда переводится прилагательнымъ вссесъжагаемо, множ. ч. вссесъжагаема, напр. 19.4, 39.7, 49.8, 50.18.21, 65.13.15. И ассеманово евангеліе употребило уже этотъ переводъ (сл. Маріинское евангеліе стр. 472). Но не только симоновскій снимокъ оставилъ греческое слово безъ перевода, оно читается даже въ глаголическомъ хорватскомъ текстѣ въ греч. формѣ олокавтома; если бы здѣсь обратная замѣна состоялась позднѣе, подъ вліяніемъ напр. латинскаго текста, то не осталось бы олокавтома (мн. ч. олокавтомата), а получилась бы форма болѣе близкая латинскому holocaustum. Названіе вѣтра Λίβα 77.26, въ лат. переводѣ Africus, оставлено безъ перевода въ симоновскомъ спискѣ и всѣхъ прочихъ древнихъ, но въ син. переведено словомъ западенъ, хорв. сп. у Берчича на запад'; въ чудовской псалтыри напротивъ въсточьнъ. Слово συκάμινος осталось безъ перевода какъ въ древнѣйшихъ евангельскихъ текстахъ, такъ и въ псалтыри 77.48 по нѣкоторымъ древнѣйшимъ спискамъ, однакожъ въ син. чрѣница согласно съ чуд., а погод. и симон. шгодичие (шгодина встрѣчается въ мстиславовомъ и добриловомъ евангеліяхъ); въ глагол. хорв. текстѣ у Берчича овоцие.

Считаю нелишнимъ упомянуть, что греч. слово μύρον, которое обыкновенно оставляли безъ перевода, пс. 132.2 въ син. и прочихъ древнѣйшихъ спискахъ передается словомъ, правда тоже не славянскимъ, но очень часто встрѣчающимся именно въ древнѣйшихъ памятникахъ: χρисма, см. въ Мар. ев. 472 и въ словоуказателѣ; слово же θυσιαστήριον переводится во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ извѣстнымъ выраженіемъ олтарь (заимствованнымъ непосредственно изъ нѣмецкаго языка), только въ чуд. псалтыри и изводѣ изъ него 1472 года иногда попадается переводъ трѣвникъ, напр. 50.2.

c) Иногда различіе въ переводахъ зависитъ отъ разночтеній греческаго текста. Нѣсколько примѣровъ подобнаго рода я уже привелъ выше. Прибавимъ еще слѣдующіе: пс. 16.8 ражде же сѧ син. передаетъ греч. ἐπύρωσας, а симон. искоусилъ кси

ἐπείρασας; 39.9 посрѣдѣ срьдьца моего син. сообразно съ греч. ἐν μέσῳ τῆς καρδίας μου, а симон. оутробѣ моею τῆς κοιλίας μου; 62.2 коль множицеѭ тебѣ плоть моѣ син. и другіе древніе сп. по греческому ποσαπλῶς, а сим. како простре сѧ плъть моꙗ, гдѣ прибавленъ переводъ греческаго объяснительнаго глагола ἐπετάθη; 70.20 въ син. передъ възведе мѧ (ἀνήγαγές με) стоитъ слово древле сообразно съ греч. πάλαι: въ симон. этого слова нѣтъ, какъ и въ иныхъ греч. спискахъ, а чуд. сп. вм. древле пишетъ пакы по другому греч. чтенію πάλιν; 107.13 иде соуетьно (по лат. quia vana) син., а симон. и соуе по гр. καὶ ματαία; 111.8 не подвижитъ сѧ син. (ср. лат. non commovebitur), а симон. не оубоить сѧ οὐ φοβηθῇ; 136.3 пѣниѣ син. вѣроятно предполагаетъ чтеніе ὕμνους, а симон. хвалоу ὕμνον. — Иногда синайскій и симоновскій списокъ совпадаютъ, но за то другіе отступаютъ, такъ 55.8 син. и симон. даютъ спш̑и т. е. съпасеши по греческому σώσεις, а серб. старопечатн. изданія XV—XVI вѣка ѡтринеши, чуд. пс. и сп. 1472 года низринеши, по греческому ὤσεις; пс. 89.12 симон. окованъıꙗ, син. і і кованъıѧ (несомнѣнно описка подлинника или опечатка вм. і окованъıѧ) по гр. πεπεδημένους, но по другому чтенію πεπαιδευμένους (vulg. eruditos) въ спискѣ съ толкованіемъ Ѳеодорита 1472 года наоученыи, такъ и въ хорв. редакціи у Берчича.

По приведеннымъ даннымъ опредѣляется не только характеръ древнѣйшаго перевода псалтыри, но и отношеніе этого перевода къ переводу евангелія. Какъ изъ всего видно, не подлежитъ сомнѣнію, что древнѣйшій видъ перевода псалтыри сохранился въ такихъ текстахъ, какъ синайскій и тѣ кирилловскіе, которые близко подходятъ къ нему, напр. погодинскій, толстовскій, отрывокъ евгеніевскій и т. д. Во всѣхъ этихъ спискахъ замѣчаются тѣ же черты языка въ подборѣ словъ и грамматическихъ формъ, къ какимъ мы привыкли въ переводѣ евангелія по глаголическимъ спискамъ. Кирилловскихъ текстовъ евангелія съ уцѣлѣвшими чертами древняго, первоначальнаго перевода почти что нѣтъ, но за то кирилловскіе списки псалтыри въ старинномъ

видѣ перевода существуютъ въ нѣсколькихъ экземплярахъ. Для безпристрастнаго изслѣдователя это обстоятельство очень важно. Онъ можетъ и долженъ имъ воспользоваться для вѣрной оцѣнки различій между глаголическими и кирилловскими списками памятниковъ вообще. Послѣ евангелія (и апостола, о которомъ существуетъ, какъ извѣстно, удовлетворительное изслѣдованіе Гр. Воскресенскаго) наши взоры поневолѣ обращаются къ псалтыри, какъ къ ближайшему памятнику, и мы находимъ, къ нашему изумленію, что всѣ тѣ особенности, которымъ въ глаголическихъ спискахъ евангелія сначала мы можетъ быть и не хотѣли придавать значенія, относясь къ нимъ съ нѣкоторымъ недовѣріемъ, потому что не находили ихъ въ такихъ замѣчательныхъ текстахъ, какъ Остромирово евангеліе—что всѣ онѣ какъ разъ повторяются въ древнѣйшихъ спискахъ псалтыри, и не только въ глаголическихъ, но и въ кирилловскихъ. При такомъ положеніи дѣла не можетъ быть никакого сомнѣнія: простая логика фактовъ заставляетъ насъ увѣровать въ подлинность и первенство всѣхъ тѣхъ чертъ, которыя согласно повторяются въ древнѣйшихъ текстахъ евангелія, апостола и псалтыри, какого бы письма они ни были.

ж) Какія эти черты, извѣстно теперь не только относительно евангелія (по моимъ изслѣдованіямъ) и апостола (по изслѣдованію Гр. Воскресенскаго), но по выше изложенному, надѣюсь, и относительно псалтыри. Укажу только нѣсколькими примѣрами еще на грамматическую сторону древнѣйшаго перевода псалтыри, чтобы доказательство было полное. Давно уже, разбирая языкъ толстовской псалтыри, П. А. Лавровскій выставилъ множество формъ простого (несигматическаго) аориста, какъ особую черту этого памятника; В. Срезневскій замѣтилъ то же самое, и распространилъ, какъ и слѣдовало, на другіе древнѣйшіе кирилловскіе списки псалтыри: слуцкій, погодинскій, въ меньшей мѣрѣ болонскій. Множество примѣровъ какъ простого аориста такъ сигматическаго стараго вида изъ погодинской псалтыри было давно уже собрано Вл. И. Ламанскимъ. Теперь присоединяется ко

всѣмъ этимъ памятникамъ еще псалтырь синайская глаголическаго письма, подтверждая какъ нельзя лучше, что эта черта «старословѣнской» грамматики дѣйствительно господствовала не только въ первоначальномъ переводѣ евангелія и апостола, но также псалтыри. Въ синайскомъ спискѣ простые и стараго вида сигматическіе аористы въ исключительномъ употребленіи съ удивительною послѣдовательностью. Приведемъ примѣры:

α) Простой аористъ 1-е лицо ед. ч.: идъ 36.36, обидъ 26.6, придъ 68.3, сѣдъ 25.4, обрѣтъ 68.21, 88.21, 114.3, въздвигъ 24.1, 118.48. исохъ (т. е. исъхъ=из-съхъ) 101.12, сътрѧсъ 108.33, оуглекъ (т. е. оуглькъ) 68.3; — 1-е л. мн. ч. проидомъ 65.12; — 3-е лицо дв. числа: изнеможете 17.37, 87.10, 108.24, сърѣтете 84.11, ищезете 68.4; — 3-е лицо мн. ч. възидѫ 121.4, вънидѫ 68.2, изидѫ 18.5, обидѫ 16.11, 17.6, 21.13.17, 87.18, 108.3, 117.10.11.12, придѫ 17,13, 43.18, 78.1, 104.31.34, прѣидѫ 41.8, 72.7. 104.13, прѣвъзидѫ 37.5, разидѫ 21.15, сънидѫ 47.5; падѫ 19.9, 26.2, 77.28.64 (падѫтъ ошибочно 35.13), допадѫ 15.6, нападѫ 57.4, 68.10; сѣдѫ 118.23, 121.5; обрѣтѫ 75.6, 106.4, 114.3, 118.143; възмогѫ 20.12, изнемогѫ 26.2, 106.12, прѣмогѫ 64.4, 128.2; въздвигѫ 82.3, 92.3; отъвръгѫ 77.57; ищезѫ 36.20 (симон. хотѣлъ исправить и написалъ ищезноу̑), 63.7, 101.4; оуньзѫ 37.3; навъıкѫ 105.35; оумлъкѫ 106.29.30; възникѫ 91.8; сосъхѫ 101.4; погъıбѫ 72.19; оуглъбѫ 9.16, 68.15; охръмѫ 17.46.

β) Сигматическій аористъ стараго вида (образуемый, какъ извѣстно, непосредственнымъ присоединеніемъ аористическаго суффикса къ корню, оканчивающемуся на согласную): 1-е лицо ед. числа: възвѣсъ 120.1, 122.1, съмѧсъ 54.3, 76.5, 118.60, отъврѣсъ 38.10, 118.131, възнѣсъ 65.17, 88.20, 130.20; (вѣрѫ) ıѧсъ 118.66, приıѧсъ 68.8, отъıѧсъ 108.33; клѧсъ 88.36; 94.11, 118.106; начѧсъ 76.11; рѣхъ 39.11, тѣхъ 57.5, сълѧхъ 37.7, възвлѣхъ 118.131;—1-е лицо мн. ч.; съмѧсомъ 89.7, приıѧсомъ 47.10; — 3-е лицо дв. ч. издрѣсте 65.14. въвѣсте 42.3, извѣсте 118.136, възнѣсте 130.1; — 3-е лицо множ. числа: ѣсѧ 21.30,

77.29, поѣса 77.45, 78.7, 104.85, сънѣса 105.28; чиса 21.18; къзмаса 75.6, 106.27, съмаса 17.8, 45.47, 47.6, 63.9 (менѣе вѣрно съмаша 6.3, 30.11); отъкрѣса 21.14, 108.2; къзнѣса 46.10, 106.25; (вѣрѫ) іаса 39.13, 77.27.32, 105.12, сваса 16.12, 114.3, заіаса 62.12; рѣша 82.13, нарѣша 48.12; тѣша 61.5, истѣша 104.41, потѣша 77.20, 104.41, расѣша 73.5, извлѣша 36.14, облѣша 64.14, налаша 36.14, 63.4, сълаша 56.17; къжѣша 73.7.

Противъ ожиданія читаемъ пс. 85.4 къзаχъ вм. къзасъ.

γ) Кромѣ этой главной, количествомъ примѣромъ въ глаза бросающейся грамматической особенности древнѣйшаго перевода, есть и другія немаловажныя. Такъ 3-е лицо мн. ч. повелительнаго наклоненія вѫдѫ 108.8.9.13 (γενηθήτωσαν), гдѣ симоновскій списокъ, не понимая формы, исправилъ ее въ воудоуть, не прибавивъ однакожъ еще частицы да, которая уже дополнена во всѣхъ позднѣйшихъ спискахъ. — 3-е лицо дв. числа всегда правильно оканчивается на -тє, что въ симон. спискѣ уже исправлено на -та только иногда случайно осталось еще старое окончаніе, напр. 9.29 очи.. къзираєтє (призираста симон.), 10.4, 65.7 призираєтє (—та симон.), 16.2 видитє (—та симон.), 22.4 оутѣшистє (—ста симон.), 26.10 оставистє (—ста сим.), 34.21 видѣстє (—ста сим.), 37.17, 72.2 нозѣ... подвижастє (—ста син.), 39.12 застѫпистє (—ста симон.), 42.3 наставистє (—ста симон.), 62.4 похвалитє (—та симон.), 68.4 ищєзєтє (симон. исправилъ только въ ищєзноустє, оставивъ окончаніе -тє), 70.23, 88.13 къзрадоуєтє са (— та сим.), 80.6 порабощастє (—ста симон.), 83.3 къзрадоваστє са (— ста сим.); 118.73 осталось еще и въ симон. створистє (sc. рѫцѣ).

Условныя предложенія выражаются посредствомъ вспомогательнаго глагола би, бимъ, не бъіχъ, какъ въ позднѣйшихъ спискахъ: аштє би ми... поносилъ, прѣтръпѣлъ бимъ, и аштє би... оукрѣпилъ са бимъ 54.13; ѣштє бища... послоушали, ѣштє би ходилъ.. съмѣрилъ бимъ.. възложилъ бимъ 80.14—15, ср. 93.17, 118.92.

δ) Въ склоненіи син. псалтырь представляетъ нѣсколько осо-

бенностей, которыхъ я не смѣю считать первоначальными, потому что онѣ не повторяются правильно во всѣхъ прочихъ древнѣйшихъ спискахъ. Сюда принадлежитъ послѣдовательное окончаніе род. падежа ед. числа на -и вм. -є основъ консонантическихъ, напр. 13.1, 19.7 съ нєвєси, 21.10.11 матєри моєи, 22.3 имєни єго ѓади (сл. Archiv für slav. Philologie VII стр. 127, и Маріинское ев. 438—439); предложный падежъ тѣхъ же словъ на -и (вм. -є), напр. 10.5, 35.6 на нєвєси и т. д.; даже окончаніе -оби (вм. -обє) именительнаго падежа мн. ч. *и*-основъ: 17.46 сѣви тоужди, 28.5 сѣноки кѣи, 35.8 сѣви чѣчи, и т. д. Въ первыхъ двухъ случаяхъ колебаніе между окончаніемъ на -є и на -и, какъ извѣстно, началось уже очень рано; третій случай напротивъ поражаетъ тѣмъ большею неожиданностью, что въ болгарскомъ языкѣ и до сихъ поръ живетъ окончаніе на *-обє*, въ сербскомъ же окончаніе на *-ови* еще въ XIV—XV ст. считается большею рѣдкостью. Такъ какъ возлѣ сѣноки встрѣчаются также примѣры правильнаго сѣноке, то м. б. въ -оби слѣдуетъ видѣть болгарское смѣшеніе неударяемаго *е* съ *и*, чему нѣсколько примѣровъ приведено Гейтлеромъ въ введеніи, на стр. XXII. И такъ уже въ син. псалтыри, несмотря на ея относительную древность — я отношу этотъ памятникъ къ концу XI вѣка — не все принадлежитъ первоначальному переводу. За то важнымъ отраженіемъ первоначальной редакціи я считаю сохранившіеся въ син. пс. довольно многочисленные примѣры окончаній сложнаго склоненія на -аѧго и -оуѥмоу—тѣмъ болѣе, что какъ извѣстно и въ зографскомъ и въ маріинскомъ евангеліи сохранились такія формы. Нельзя полагать, что всѣ эти памятники пріобрѣли упомянутыя окончанія только тогда, когда они, перейдя съ сѣвера на югъ, были здѣсь списываемы съ подлинниковъ; ибо въ такомъ случаѣ мы ожидали бы гораздо большаго ихъ распространенія въ памятникахъ южнославянскихъ, а между тѣмъ, многіе несомнѣнно болгарскіе памятники, сохранившіе впрочемъ всѣ черты древности, этихъ окончаній вовсе не знаютъ, напр. знаменитая погодинская псалтырь.

3. Синайскій списокъ псалтыри очевидно писанъ на югѣ, по всей вѣроятности въ Македоніи. Въ немъ заключается много драгоцѣнныхъ данныхъ для опредѣленія особенностей македонско-болгарскаго нарѣчія XI столѣтія, самая замѣчательная черта — частое смѣшеніе ѫ съ ъ — служитъ доказательствомъ, что уже тогда въ Македоніи рѫка произносилось какъ рѫка, какъ и теперь; рѣже смѣшивается ѫ съ оу, что можно уже назвать сербизмомъ. Важно замѣтить, что синайскій списокъ сохранилъ также нѣсколько чертъ сѣверно-славянскаго (паннонско-моравскаго) нарѣчія—доказывающихъ, что подлинникъ его попалъ въ Македонію дѣйствительно съ сѣвера, изъ предѣловъ Моравіи или Панноніи. Сюда я причисляю интересную форму пс. 24.7 невѣзества (вм. невѣждества, ср. Мар. ев. стр. 437—8), потомъ 15.7 вѣрозоумѣшаго (вм. вѣразоумѣшаго), и 29 1 сѣнѫце, гдѣ ожидали бы сѣѫце, т. е. сокращеніе требуемаго смысломъ слова сѣѫценіѣ, во всякомъ случаѣ здѣсь ц замѣняетъ шт. Наконецъ сѣверозападно-славянская черта языка отзывается, какъ мнѣ сдается, также въ довольно часто являющемся предлогѣ вѣı- вм. из-, напр. вѣıрини 5.15, вѣıриновени 35.13, вѣриньша (читай вѣıриньша) 48.15, вѣıгѫна 43.3, 79.9, вѣıгѫнаѫ 100.5, вѣıгѫнани 36.28, 108.10, вѣıгонаштеи 118.157. Обоихъ примѣровъ, указанныхъ Шафарикомъ (Ueber den Ursprung etc. стр. 44), пс. 44.5 и 68.19, въ синайскомъ спискѣ нѣтъ; но они важны тѣмъ, что свидѣтельствуютъ о раннихъ поправкахъ перевода, сдѣланныхъ уже въ глаголическихъ спискахъ. Пс. 44.5 первоначальный переводъ былъ и наѧци и спѣи и цѣсарьствоуи, позднѣе кирилл. списки, какъ уже сказано, измѣнили наѧци въ напрази, глаголическіе же по латинскому тексту intende prospere procede et regna вм. наѧци поставили вѫнами, и оставивъ глаголъ спѣи (κατευοδοῦ) прибавили еще вѣıстѫпи для передачи латинскаго procede. Такимъ образомъ въ глагол. текстѣ вм. трехъ оказываются четыре глагола: вѫнами, спѣи, вѣıстѫпи и цѣсарьствоуи. Поправка или прибавка вѣıстѫпи (по хорв. редакціи вистоупи) доказываетъ уже формою слова (съ предлогомъ вѣı-), что она

принадлежитъ очень раннему времени—она могла произойти не только въ Панноніи, но и въ Истріи или на островѣ Кърке.

Синайскій списокъ псалтыри занимаетъ такое важное мѣсто въ ряду древнѣйшихъ, что не будетъ безполезно сказать еще нѣсколько словъ объ изданіи его. Самъ памятникъ нельзя назвать тщательно писаннымъ, переписчики (ихъ было нѣсколько) отнеслись къ своему дѣлу довольно небрежно или же очень спѣшили, чтобы скорѣе покончить. Такого мнѣнія и издатель памятника (ср. стр. VII введенія). Оттого попадается много описокъ, а можетъ быть есть и опечатки; различить то отъ другого трудно. Отмѣтимъ важнѣйшія: пс. 2.2 г҃ѣ сна: смыслъ требуетъ г҃ѣ і на; 7.13 оръжье ст҃ое: читай оръжье свое; 9.15 а възвѣщѫ надо дополнить: (ѣко д)а възвѣщѫ; 9.21 насъ німи: описка или опечатка вм. надъ німи; 9.34 по сръдъци: несомнѣнно во сръдъци; 12.7 издатель напечаталъ (въ)пиѭ... и въ[с]пиѭ, т. е. къ первому глаголу онъ прибавилъ предлогъ въ, при второмъ онъ желалъ бы устранить с, проще и правильнѣе читать поѭ... и въспоѭ (такъ въ симоновскомъ и другихъ спискахъ, такъ и у Берчича); 13.1 бесоуменъ: конечно безоуменъ; 16.5 да се подвижѩтъ сѧ: испр. да не подвижѧтъ сѧ; 17.11 на кроулоу: испр. на крилоу, 17.30(29) і бѯѣ: испр. о бѯѣ; 17.40 подѫ мноѭ; испр. подъ мноѭ; 18.8 непореченъ: испр. непороченъ; 18.12 отъ тоуждоухъ: конечно отъ тоуждихъ; 21.16 грътані моімъ: испр. грътани моемъ; 23.4 чьстъ: читай чистъ; 23.9 сънидетъ: судя по другимъ спискамъ вънидетъ; 24.6 штедротъ: читай штедротъі, но въ син. псалтыри довольно часто пишется ъ вм. ъі и наоборотъ ъі вм. ъ (напр. 26.7 оуслъші вм. оуслъіші, 27.6 оуслъша вм. оуслъіша, ср. подобные примѣры въ Маріинскомъ ев. стр. 425, и у Гейтлера въ введеніи на стр. XIX); 32.2 во псалътъіри же сѫтъ строуньнѣ: по смыслу и другимъ спискамъ надо читать во псалътъіри десѧтостроуньнѣ (глаголическую букву ѧ не трудно смѣшать съ ѫ); 34.17 отъ зъловъ іхъ: смыслъ требуетъ отъ зъловъі ихъ (т. е. зъловъ-іхъ); 33.15 пожоні: должно быть опечатка вм. пожені; 34.24 и 26 конечно надо исправить пора-

доуѭтъ и облѣкѫтъ вм. описокъ подлинника или опечатокъ изданія; 36.11 второе наслѣдѧтъ читай насладѧтъ; 47.4 даръхъ испр. въ варъхъ; 47.6 пако видішѧ сѧ: вѣроятно опечатка вм. тако дивишѧ сѧ; 48.15 обътъшаетъ испр. обетъшаетъ; 48.20 до рова: несомнѣнно до рода; 49.10 ѣко ті въ горахъ: читай скоти въ горахъ (въ подлинникѣ должно быть ꙋ смѣшано съ ѧ); 49.14 жрътвѫ хвалѫ: ожидаемъ жрътвѫ хвалъі, а 50.21 жрътвѫ правьдѫ: ожидаемъ жрътвѫ правьдъі (случайныя ли это описки, или можетъ быть ѫ по болгарскому глухому произношенію смѣшано съ ъі? ср. еще 106.22); 54.10 ѭзъі: издателю слѣдовало въ скобкахъ дополнить къі, т. е. ꙗзъі(къі); 54.23 печьль: описка вм. печѣль; 58.17 въздрадоуѭтъ: ожидаемъ въздрадоуѭ; 64.14 овьці: конечно овьні; 67.6 сіхъ і іхъ: читай сіръіхъ (какъ легко смѣшать глагол. ь и ь!); 67.11 издатель напечаталъ животъна[на]і, т. е. онъ считаетъ второе на лишнимъ, надо же читать: животъ (т. е. живѫтъ, о вм. ѫ встрѣчается въ син. нерѣдко) на неі, т. е. собственно поправки требуетъ только одна буква; 72.6 издатель напечаталъ одръжаѭ(тъ), полагая, что надо прибавить тъ; напротивъ, ничего не прибавлять, а читать надо: одръжаѭ, гдѣ ѭ неправильно стоитъ вм. ꙗ; 72.28 дъщери своеі: по смыслу ожидаемъ дъщери сиони; 76.18 прѣгодѧтъ: конечно описка вм. прѣходѧтъ; 77.21 издатель напечаталъ гнѣвъ (и)зіде, слѣдовало же исправить иначе, т. е. или гнѣ^{в} възіде или просто гнѣ(въ) възіде; 77.46 троухъ: издатель желая оправдать эту форму слова, указываетъ на литовское trúsas, но всѣ прочіе памятники пишутъ троудъ ихъ, а такъ какъ въ син. послѣ троухъ ожидаемаго ихъ нѣтъ, то нельзя сомнѣваться въ томъ, что троухъ—просто описка подлинника вм. троудъ ихъ; 77.67 колѣно: несомнѣнно колѣна; 78.8 овьніштаго: испр. овьніштахомъ; 79.12 до мѣрѣ: читай до морѣ; 80.4 вънарочите испр. въ нарочитъ; 82.8 віторѣ: несомнѣнно въ тѵрѣ или еще ближе во тірѣ; 82.9 ѣсоухъ: испр. ѣсоуръ (опять смѣшано глагол. ь и ь); 83.2 селъ: читай села; 88.11 издатель предлагаетъ ѣзвьна (ѫ)родаего, но всѣ прочіе памятники пишутъ гръдааго, поэтому и здѣсь

нельзя допустить его попра̄вки; 88.29 вѣрьноумоу: греч. текстъ и другіе списки требуютъ вѣрьнъ емоу; 88.43 вм. възвеселитъ сѧ надо бы писать възвесели вьсѧ; 89.12 і і коканъіѩ: читай і окованъіѩ; 94.3 б҃ъ велеі ихъ: по греч. тексту испр. въ б҃ъ велеі г҃ь; 118.5 ісправѭли: читай ісправили (ѧ вм. и!); 118.140 раждeлено: вѣроятно опечатка вм. раждежено; 135.2 ѣко въ егъ: испр. ѣко благъ.

Иногда не измѣняя ни одной буквы, нужно только иначе разставить ихъ, чтобы получить правильное чтеніе; отчего издатель не сдѣлалъ этого, мнѣ непонятно. Такъ простою разстановкою исправляются 24.8 благо і правъ (т. е. благъ і правъ вм. благоі), 32.11, 48.12 и 101.25 въ родъ і родъ (вм. родъі), 36.25 ібо състарѣхъ сѧ (вм. невѣрнаго і босъ старѣхъ сѧ!), 56.1 да̄до въ тѣлопъсанье (не да̄довъ, читать надо: не истали давидоу въ тѣлопьсаниіе), 67.10 изнеможе тъі же (вм. невѣрнаго изнеможетъ іже), 67.17 ибо г҃ь (вм. невѣрнаго и б҃огъ, уже титло показываетъ, какъ надо читать), 72.19 ісконьчашѧ (вм. і сконьчашѧ), 72.20 ѣко сонъе (вм. сонъ е), 72.22 оуничьженъ і (вм. оуничьженъі), 73.20 домоувъ (болгаризмъ вм. домовъ) неправъденъ (вм. невѣрнаго домоу въ неправъ денъ!), 74.4 штітъ і оржжье (вм. штітъі), 76.4 въскръбехъ (е стоитъ вм. ѣ, невѣрно напечатано въ скръбехъ), 77.30 іначе (вм. і наче, надо полагать, что приписанный надъ строкою слогъ одъ собственно стоитъ вм. едъ, хотѣлось получить слово единаче, которое на дѣлѣ читаемъ въ чудовской псалтыри; одиначе былъ бы непонятный для меня русицизмъ! ср. однакожъ 71.15 золъта!), 77.68 горѫ сіонъ ѭже възлюбі (вм. сіо̊нъѭ, если бы подлинникъ хотѣлъ выразить прилагательную форму слова, такъ написалъ бы сіонѭ), 80.3 пъсаломъ і (вм. невѣрнаго пъсаломъі), 105.30 и ста финісъ (вм. стафинісъ, что не имѣетъ смысла), 111.4 правъденъ (вм. правъ денъ), 121.3 зиждема ѣкъ градъ (вм. зиждемаѣ къ, ѣкъ стоитъ вм. ѣкъі, т. е. ъ вм. ъі), 126.1 бьдѣ стрѣгѫі (вм. стрѣгѫ і; бьдѣ не есть что другое, какъ аористъ глагола, по греч. ἠγρύπνησεν, литовскія нарѣчія на еі тутъ ни

при чемъ), 126.4 отѧтъıхъ (вм. отѧтъ ıхъ), 127.6 мирь на (вм. мирьна, собственно миръ на).

Издатель повидимому не захотѣлъ пользоваться обыкновенными, всѣмъ доступными печатными текстами слав. перевода псалтыри, иначе онъ не предлагалъ бы намъ странныхъ догадокъ тамъ, гдѣ дѣло проще объясняется то опискою подлинника, то неправильною разстановкою буквъ въ текстѣ. Напр. я исправилъ выше 76.18 прѣгодѧтъ въ прѣходѧтъ (въ глагол. не трудно смѣшать ѫ и ь), потому что всѣ тексты такъ и пишутъ; издатель же не хотѣлъ взглянуть хоть бы въ изданіе Берчича, онъ предпочелъ въ предисловіи стр. XXIV поставить вопросъ, не стоитъ ли прѣгодѧтъ вм. прѣгѫдѧтъ! На стр. 338, пс. 123.7 ясно написано отъ сѣти ловѧ штıхъ (такъ и у Берчича); издатель же, не обращая вниманія на слогъ штıхъ слѣдующей строки, предлагаетъ ловѧ считать прилагательнымъ ловьчѧ! Выше исправленное мѣсто пс. 126.1 въ соуе вьдѣ стрѣгѫı (εἰς μάτην ἠγρύπνησεν ὁ φυλάσσων) издатель и въ предисловіи не хотѣлъ читать, какъ слѣдовало (ср. стр. XXIV введенія), оттого и явились у него лишнія догадки. Пс. 93.15 ꙗдѣ въ предисловіи (стр. XXII) предлагается считать менѣе правильнымъ, вм. ıѫдѣ; но едва ли это такъ, ср. въ словарѣ Миклошича s. v. ꙗдѣ.

Въ альбомѣ проф. Кондакова, о которомъ была рѣчь впереди, помѣщены на двухъ таблицахъ фотографическіе снимки (7 листовъ) съ этой замѣчательной псалтыри. Сравнивая съ ними печатный текстъ, я убѣдился, что проф. Гейтлеръ вообще списалъ съ подлинника довольно вѣрно, за что нельзя не благодарить его при такомъ памятникѣ, съ котораго новаго списка не легко достанешь. Конечно безъ небольшихъ неточностей не обошлось, онѣ простительны тамъ, гдѣ надо было списывать спѣшно. Укажемъ на болѣе важныя описки (смѣшеніе ı съ и оставляю безъ вниманія):

На лл. 6—11, пс. 4 ст. 3 вмѣсто въскѫıѫ въ подлинникѣ вьскѫıѫ; въ соуеть[т]наа лишней буквы, поставленной въ скобки,

въ подлинникѣ соєтьнаа; вм. лъжѫ въ подлинникѣ лъжѧ, такъ и лучше, потому что глаголъ іщєтє требуетъ родительнаго падежа; ст. 4 възовѫ: въ подл. вьзовѫ; пс. 5 ст. 6 вм. твоіма, хотя такъ вѣрнѣе, но въ подл. ясно моіма; ст. 8 домь: въ подл. домъ; ст. 9 пѫть: въ подл. кажется пѫтъ; ст. 10 льщаахѫ: въ подл. кажется лъщаахѫ; ст. 12 възвеселѧтъ: въ подл. вьзвеселѧтъ; пс. 6 ст. 6 въ съмръті: въ подл. вь съмръті; пс. 7 ст. 5 аще: въ подл. ащте, ст. 6 въ пръсть въселитъ: въ подл. вь пръсть вьселітъ.

На л. 128—133 пс. 50 ст. 4 безаконньѣ: въ подл. безаконеньѣ, ст. 14 владъічьнемъ: въ подл. владъічънемъ, ст. 16 кръві: въ подл. кръві; 51.2 въ до(ид)оумѣанъ кромѣ ид надо поставить въ скобки еще предыдущее о слога до, т. е. д(о); тамъ же вм. д҃ад҃о: въ подл. д҃ад҃ъ; ст. 3 чьто: въ подл. чъто, зълобѫ: въ подл. зълобо; ст. 8 оузьрѩтъ: въ подл. оузърѧтъ; пс. 52 ст. 7 буквы л, поставленной въ скобки, въ словѣ (въ)звесел[л]ітъ, не нужно; пс. 53 ст. 3 пропущена одна строка, т. е. послѣ словъ бж҃е въ імѧ твое сп҃(и) мѧ въ подлинникѣ какъ новая строка слѣдуютъ слова: и въ силѣ твоеі сѫди ми.

На л. 262—263 пс. 102 ст. 1 бл҃ьси: въ подл. бл҃си, ст. 5 похоть: въ подл. кажется похотъ, ст. 7 мосию: въ подл. мосѣоу и нѣсколько далѣе буква ю, ст. 9 враждоуетъ: въ подл. вражьдоуетъ, ст. 13 от҃цъ: въ подл. от҃цъ.

4. Послѣ небольшого отступленія, въ которое увлекъ насъ синайскій текстъ, возвращаемся еще разъ къ судьбамъ славянскаго перевода псалтыри, чтобы сказать нѣсколько словъ о чудовскомъ спискѣ. Мы очень обязаны о. Амфилохію за обширныя извлеченія изъ этого памятника, т. е. изъ толкованія Ѳеодоритова; изъ текста псалмовъ приводятся только разночтенія. Хотя полное изданіе чудовской псалтыри и послѣ этого не будетъ лишнимъ, но указаній, находимыхъ въ трудѣ о. Амфилохія, достаточно для того, чтобы дать вѣрное понятіе о значеніи этого памятника.

Текстъ чудовской псалтыри — гдѣ нѣтъ его въ спискѣ XI вѣка, тамъ мы пользуемся изводомъ 1472 года, которымъ изда-

тель очень кстати пополнилъ пробѣлъ стараго списка—основанъ на переводѣ первоначальной редакціи, о которой была рѣчь; доказательствомъ служатъ многія слова, свойственныя только первоначальной редакціи, сохранившіяся и въ этомъ памятникѣ. Такъ онъ знаетъ форму благословестити, употребляетъ иногда въ сложныхъ словахъ ино- (вм. ѥдино-), напр. 67.7 иномъісльнъіꙗ, 82.6 иномъішлениѥмь, пишетъ согласно съ синайскимъ или болонскимъ спискомъ 9.25 прѣдъ лицемь его, употребляетъ слова: съньмь, ꙗдро, сълѧшти и налѧцати, отокъ, отълѣкъ и т. д. Но эта первоначальная редакція сквозитъ только изъ-подъ сильнаго наслоенія новыхъ исправленій, свойственныхъ спискамъ псалтыри съ толкованіемъ Ѳеодоритовымъ. Здѣсь нѣтъ почти стиха, который не представлялъ бы собою какое либо отступленіе отъ первоначальной редакціи. Эти отступленія должно быть явились въ видѣ поправокъ въ текстъ псалмовъ именно тогда, когда онъ былъ снабженъ переводомъ толкованія Ѳеодоритова. Большая часть этихъ поправокъ не имѣла большого распространенія, онѣ вошли въ списки съ толкованіемъ Ѳеодоритовымъ, въ списки же безъ толкованія или съ толкованіемъ Аѳанасіевымъ онѣ не переходили.

Объяснимъ это примѣрами.

а) Пс. 2.1 ἐφρύαξαν ἔθνη всѣ списки переводятъ шѧташѧ сѧ ꙗзъіци, только чуд. възгърдишѧ сѧ странъі; слово страна для передачи греч. ἔθνος вм. обыкновеннаго ꙗзъікъ повторяется постоянно: 17.44, 21.28.29, 93.10, 95.7, 101.16;—пс. 2.8 κληρονομία во всѣхъ спискахъ переводится достоꙗниѥ, такъ еще 15.5.6, 32.12, 36.18, 46.5, 60.6, 73.2, 77.62.71, 93.5 и т. д., но чуд. списокъ или изводъ 1472 года употребляютъ слово причѧстиѥ (или причѧщениѥ) и чѧсть; ср. также глаголъ причѧстити 82.13 вм. обыкновеннаго наслѣдити; — пс. 16.10 ὑπερηφανία во всѣхъ сп. гръдъіни, такъ и 30.19.24, 35.12, 58.13, 72.6, 73.3.23, 100.7 и т. д., но чуд. сп. и изв. 1472 года прѣзоръ, прилаг. прѣзоривъ 118.21.69.78 вм. обыкновеннаго гръдъ, а 88.11 величавъіи; — пс. 14.4 ἐξουδενῶται во всѣхъ проч. сп. оуничьженъ ѥсть, только въ

чуд. (т. е. въ его изводѣ 1472 года) оукорень есть, а 57.8, 58.9, 59.14, 72.22, 88.39 вм. оуничьжити чудов. употребилъ глаголъ оумалити; ἐξουδένημα 21.7 и 89.6 вм. оуничьжениѥ прочихъ списковъ въ чудов. похоулениѥ, оттого 21.25 похоулилъ есть вм. оуничьжи (ἐξουδένωσεν) и 43.6 похоулимъ чуд. (проч. оуничьжимъ), ср. 50.19, 52.6, 77.59, 101.18, 105.23 — во всѣхъ этихъ мѣстахъ чуд. или изводъ 1472 года пишетъ хоулити, похоулити вм. оуничьжити; — пс. 55.6 ἐβδελύσσοντο мръзѣахѫ всѣ прочіе, но чуд. и 1472 г. хоулѧхоу; — пс. 77.19 καταλαλεῖν въ прочихъ переводится глаголати на, въ чуд. опять является глаголъ хоулити (и бг҃ хоулишѧ); — пс. 21.7 ὄνειδος въ проч. сп. поношениѥ, но чуд. и 1472 года оукоризна, такъ и 30.12; оттого 34.17 ὠνείδισαν прочіе переводятъ поносишѧ, а чуд. и 1472 г. оукориша; 122.4 вм. поношениѥ опять любимое сдово похоулениѥ въ сп. 1472 г.; — пс. 16.5 σαλεύεσθαι прочіе переводятъ глаголомъ подвижати сѧ, но чуд. сп. и 1472 г. въсколѣбати сѧ, такъ и 59.4 вм. подвижа сѧ прочихъ списковъ въ чуд. поколѣба сѧ; ср. еще 61.3, 72.2, 108.10; въ иныхъ мѣстахъ то же слово замѣнено въ чуд. и 1472 г. глаголомъ възъıбати сѧ или позъıбати сѧ, такъ 17.8, 29.7, 35.12, 45.6; — пс. 17.9 всѣ прочіе въспланеть сѧ: чуд. въсполить сѧ; — 17.13 всѣ прочіе оуглиѥ (ѫглиѥ) огньни: чуд. главнѧ огньнъı; — 32.2 прочіе исполинъ: чуд. щюдовинъ (это слово встрѣчается въ изборникѣ Святослава); — 34.13 и 68.12 прочіе врѣтиште: чуд. ꙗригъ; — 34.13 прочіе постъ: чуд. алканиѥ, а 68.11 поштениѥ; — 35.9 прочіе обилиѥ: чуд. масть; — 40.10 прочіе льсть: сп. 1472 г. прелоукованиѥ (слова прѣлѫкованиѥ въ словарѣ Миклошича нѣтъ); ср. еще 124.5 въ прочихъ развращениѥ: въ сп. 1472 г. лоукованиѥ; — 44.10.14 прочіе прѣоукрашенъ: чуд. измьчьтанъ; — 45.5 прочіе рѣчьнаꙗ оустрьмлениꙗ: чуд. рѣчьни исходи; — 48.10 пагоубъı: сп. 1472 г. разсыпаниꙗ: — 49.8 прочіе жьртва: чуд. или сп. 1472 г. треба, ср. еще 77.58 ἐν τοῖς βουνοῖς въ прочихъ на хлъмѣхъ, но чуд. на требиштихъ; — 51.4 прочіе бритва: чуд. бричь; — 67.11 τὰ ζῶα въ прочихъ животьнаꙗ: въ чуд. животи; —

67.26 ἐχόμενος переводится близъ (еще раньше было ѣдѣ, такъ и 93.15), а въ чуд. запатѣ; — 68.6 прочіе прѣгрѣшенїа: чуд. лихновенїа; — 68.8 прочіе срамота: чуд. срамъ; — 68.18 и 85.16 прочіе отрокъ: чуд. рабъ; — 73.6 прочіе оскрѣдъ: чуд. чеканъ (ср. сербское «чекић»); — 77.28 прочіе станъ: чуд. плъкъ; — 78.11 прочіе окованъ: чуд. съвазанъ, ср. 101.21; оттого 104.18 въ окованнѣіхъ сим. въ оковехъ син.: но чуд. въ оузахъ; — 83.1 прочіе точило: чуд. тѣскъ; — 83.4 прочіе птенца: чуд. птишта; — 92.4 прочіе строугъı: чуд. или изв. 1472 г. издержанїа (есть и разночтеніе сътренїа, греч. ἐπιτρίψεις); — 96.7 прочіе истоуканьнѣмъ... о идолѣхъ: сп. 1472 г. извалиннѣмъ... о коумирѣхъ; ср. еще 105,36.38 изваганъ чуд. вм. истоуканьнъ и 134.15 коумири вм. идоли; — 101.7 всѣ прочіе нѣрише: чуд. и сп. 1472 г. домованъ дворъ; — 101.8 прочіе на зѣдѣ: чуд. на храмѣ; — 106.34 прочіе плодовитъ: чуд. животанъ; — 110.10 прочіе начало (син. покона): чуд. зачатокъ; — 118.19 пришалъца: чуд. приходникъ; — 119.5 прочіе пришалъствїе: сп. 1472 г. обитанїе; — 138.13 оутровоу (жтровѫ) мою (моѭ): чуд. или сп. 1472 г. истесѣ мои (νεφρούς μου).

б) Свободное отношеніе чуд. списка къ старому переводу, замѣчаемое въ этихъ отступленіяхъ, повторяется также въ стремленіи перевести слова, остававшіяся до тѣхъ поръ безъ перевода. Такихъ примѣровъ довольно много. Слово ἱματισμός 21.19 остается безъ перевода во всѣхъ древнѣйшихъ спискахъ, даже въ симоновскомъ, но чуд. даетъ уже одежда; — κέδροι 28.5, 103.16 въ прочихъ остаётся кедри, но чуд. и 1472 г. смрѣчїе, ср. 91.13 κέδρος прочіе кедръ, сп. 1472 г. смрѣча; 79.11 тоже κέδροι переведено въ чуд. и 1472 г. словомъ тисїе; 36.35 τὰς κέδρους τοῦ λιβάνου въ прочихъ спискахъ осталось кедрѣı ливанъскѣıа, но пс. 1472 смрѣчи доубравнаа (вѣроятно смр. доубравныа), поэтому и 28.6 τὸν μόσχον λιβάνου прочіе переводятъ телца ливанъскѣıи, но 1472 г. т. доубравъскѣıи; — 77.60 σκηνὴ осталось въ син. и симон. скинїа, но чуд. и 1472 г. храмъ; — 132.2 въ прочихъ моуро (син. даже хризъма), но сп. 1472 г. благовонъная масть;

136.2 прочіе органы: сп. 1472 г. сосоудъı;—80.5 λάβετε ψαλμὸν καὶ τύμπανον въ прочихъ остается псалмъ и тоумпанъ, но чуд. и 1472 г. пѣснь и бѫбанъ, оттого 67.26 νεανίδων τυμπανιστριῶν въ прочихъ сп. дѣвъ тоумпаница, но чуд. и 1472. дѣвица бѫбаница; — 67.32 Αἰθιοπία остается ефиопиꙗ, но чуд. мꙋрацкаꙗ (въ подл. описка тоурацкаꙗ) землꙗ, ср. 71.9 ετίοπῆνι син. ефиопꙗне обыкн. сп., но чуд. мꙋри; 73.14 ετιοπασκομ или ефиопаскомъ всѣ прочіе, но чуд. мꙋрацкъıмъ;—слово ὑπόστασις обыкновенно не переводится, но чуд. и сп. 1472 всегда переводятъ его, такъ напр. 38.6.8 прочіе оупостасꙗ: 1472 г. съставъ, 88.48 прочіе оупостасꙗ: сп. 1472 г. съвѣтникъ;—91.11 ἐν ἐλαίῳ πίονι въ син. симон. и проч. въ олѣ (или колѣи) маслитѣ: чуд. и сп. 1472 г. въ маслѣ тоучанѣ.

Состоялись ли эти исправленія текста подъ вліяніемъ перевода толкованія, какъ мнѣ сдается, или нѣтъ, это можно будетъ окончательно рѣшить только тогда, когда переводъ толкованія сдѣлается доступнымъ въ полномъ изданіи. Судя по отрывкамъ, напечатаннымъ у о. Амфилохія, и по примѣрамъ, приводимымъ у В. Срезневскаго, иногда какъ будто бы замѣчается нѣкоторое несовпаденіе перевода толкованія съ переводомъ псалмовъ, т. е. съ исправленіями, сдѣланными въ этомъ переводѣ; однакожъ типическія слова, внесенныя въ текстъ псалмовъ, встрѣчаются также въ переводѣ толкованія.

в) Всѣ до сихъ поръ извѣстные списки псалтыри съ толкованіемъ Θеодоритовымъ принадлежатъ русской редакціи. Но приведенные примѣры, какъ вообще и весь переводъ толкованія, говорятъ въ пользу предположенія, что это трудъ самой ранней эпохи церковнославянской письменности, возникшій гдѣ нибудь въ предѣлахъ южныхъ славянъ, не позднѣе конца X вѣка. Въ языкѣ перевода толкованія и въ поправкахъ, внесенныхъ м. б. подъ его вліяніемъ въ текстъ псалмовъ, сильно отзывается лексическій характеръ южнославянскихъ нарѣчій. Точнѣе опредѣлить мѣстность, пока еще нельзя. Я догадываюсь только, что переводъ не сдѣланъ въ одномъ изъ центровъ тогдашней литературной дѣя-

тельности; иначе онъ не остался бы такъ мало извѣстнымъ и такъ мало распространеннымъ. Основываясь на недоконченности перевода толкованія (недостаетъ въ переводѣ толкованія на пс. 144—150), о. Амфилохій полагаетъ, что толкованіе Ѳеодоритово переведено позднѣе толкованія такъ называемаго Аѳанасіева. Но пока мы не знаемъ, какъ оканчивался текстъ чудовскаго списка XI вѣка—онъ уцѣлѣлъ въ очень неполномъ видѣ, въ спискѣ же 1472 года и спискѣ Румянцовскаго музея недостающій переводъ толкованія Ѳеодоритова пополненъ изъ второго толкованія—трудно утверждать, который изъ двухъ переводовъ сдѣланъ раньше. Вѣдь можно бы и на оборотъ предположить такъ, что переводъ толкованія Ѳеодоритова сдѣланъ раньше, а такъ какъ переводчикъ не успѣлъ довести дѣло до конца, то когда состоялся второй переводъ, тогда изъ этого перевода заимствовано дополненіе пробѣла, оказавшагося въ переводѣ перваго толкованія. По моему лучше не вдаваться въ рѣшеніе этого вопроса, пока еще ни тотъ ни другой текстъ толкованія не изданъ. Достаточно сказать, что переводъ обоихъ толкованій явился независимо другъ отъ друга и, что несомнѣнно, въ различныхъ мѣстностяхъ. Опираясь на фактъ, что толкованіе, такъ называемое Аѳанасіево, всегда примыкаетъ къ тексту псалтыри древней, первоначальной редакціи, не вліяя повидимому на его измѣненіе, я полагаю, что можно съ нѣкоторою вѣроятностью утверждать, что толкованіе такъ называемое Аѳанасіево относится къ первой, скажемъ глаголической, или западной югославянской литературной школѣ. Какъ извѣстно, въ болонской псалтыри и въ евгеніевскихъ отрывкахъ сохранились даже видные слѣды глаголицы: оба списка принадлежатъ къ толковымъ псалтырямъ одного типа. И въ погодинской и толстовской псалтыри — обѣ съ тѣмъ же толкованіемъ—разныя черты языка и подборъ словъ указываютъ на ихъ прямую зависимость отъ такихъ глаголическихъ подлинниковъ, какъ синайскій списокъ. Такого же мнѣнія Миклошичъ о сербскомъ спискѣ толковой псалтыри Бранка Младеновича (ср. Starine IV. 29). Нѣсколько иначе дѣло поставлено относительно

перевода толкованія Θеодоритова. Характеръ его какой-то исключительный. Переводчикъ повидимому не дорожилъ преданіемъ стариннаго текста, онъ смѣло измѣнялъ слова, даже самыя обыкновенныя въ переводѣ евангелія и псалтыри не были обезпечены отъ его покушеній; онъ не колеблясь переводилъ и то, что до тѣхъ поръ оставалось безъ перевода, и исправлялъ тамъ, гдѣ ему казалось, что переводъ не соотвѣтствуетъ подлиннику. Это отношеніе анонимнаго труженика къ своей задачѣ напоминаетъ отчасти особое положеніе савиной книги въ ряду древнихъ евангельскихъ текстовъ, а также супрасльскаго сборника по отношенію къ параллельному тексту, насколько онъ сохранился въ Glagolita Clozianus.

Не будучи пока въ состояніи точнѣе опредѣлить мѣстность этой литературной школы, я довольствуюсь назвать ее восточной югославянской, κατ᾽ ἐξοχὴν кирилловскою, присоединяя догадку, что она можетъ быть и не ограничивалась узкою полосою придунайской Болгаріи, а распространялась также на сѣверъ отъ Дуная и Савы. При этомъ я позволю себѣ указать на нѣкоторыя внѣшнія обстоятельства, можетъ быть не совсѣмъ случайныя. Всѣ эти памятники въ позднѣйшее время открываются въ западныхъ или югозападныхъ предѣлахъ Россіи: супрасльскій сборникъ, савина книга, такъ м. б. и туровское евангеліе и чудовская псалтырь, которыхъ во всякомъ случаѣ должно считать памятниками южно- или югозападнорусскими. Θеодоритова псалтырь 1472 года тоже писана на западѣ: «при дръжавѣ великаго королѧ Казимира... оу Володимери при епископѣ Демьѧнѣ» (стало быть въ городѣ волынскомъ, мѣстности, которая входила тогда въ составъ государства литовскаго). Второй списокъ Θеодоритова толкованія писанъ въ 1560 году, какъ говорится въ записи: «оу земли пр҃жскіѧ, а доконасѧ м҃ца авгꙋста и҃і дн҃ь на Столце҃ берку». Это тотъ «Столценбергъ», предмѣстье города Данцига, въ которомъ И. Копіевичъ въ 1706 году напечаталъ «Рꙋковеде́ніе въ грамма́тыку во славѧнороссійскꙋю (см. П. Пекарскаго Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ, СПБургъ

1862. II, стр. 132—3 и И. И. Балицкаго Матеріалы для исторіи славянскаго языкознанія. Кіевъ 1876, стр. 20). Наконецъ и тотъ списокъ, который описанъ Востоковымъ подъ № 334 рукописей Румянцовскаго музея, обнаруживаетъ въ языкѣ очевидные слѣды югозападнорусскаго происхожденія. Не намѣчена ли этими географическими данными мѣстность, въ которой двигались и распространялись многіе памятники южнославянской церковной письменности? т. е. не доказываютъ ли эти данныя, хотя и принадлежатъ къ болѣе позднему времени, что уже въ X вѣкѣ былъ не одинъ только путь, по которому славянскія книги проникали въ древнюю Русь: Константинополь, побережье Чернаго моря, Днѣпръ, Кіевъ, но еще и второй, черезъ нынѣшнюю Румынію, Трансильванію, Буковину и Галицію? Первый путь я могъ бы назвать оффиціальнымъ, ему вѣроятно мы обязаны существованіемъ такихъ текстовъ церковнославянскихъ въ Россіи, какъ остромирово евангеліе, и распространеніемъ такого языка ,какъ языкъ этого памятника, по всей области русской церкви, по всей Россіи. Второй путь вѣроятно доставлялъ кромѣ того и такія книги, которыя не выходя изъ оффиціальныхъ центровъ, отличались разными особенностями въ грамматикѣ или лексиконѣ, въ выборѣ словъ, и въ переводѣ вообще. Слѣды памятниковъ этого рода существуютъ и доселѣ, только они не нашли въ свое время такого широкаго распространенія въ русской церкви и такого общаго признанія въ Россіи, что бы ихъ характеръ могъ существенно повліять на церковнославянскій и въ то же время литературный языкъ древней Руси.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Переводчикъ толкованія Ѳеодоритова называетъ свой языкъ «словенскимъ», какъ Іоаннъ экзархъ болгарскій или Константинъ презвитеръ, ср. у Амфилохія т. III, стр. 365 и 366.

5. Остается отвѣтить на вопросъ, какъ отразилось на слав. переводѣ псалтыри то исправленіе церковныхъ книгъ, которое въ XIV вѣкѣ сдѣлано въ Константинополѣ, въ Студитскомъ мо-

настырѣ? Предоставляю рѣшеніе этого вопроса другимъ, потому что у меня для него нѣтъ данныхъ.

6. Возвращаясь еще разъ къ труду о. Амфилохія о славянскомъ переводѣ псалтыри, укажу на содержаніе 4-го тома: онъ заключаетъ въ себѣ сводный текстъ псалтыри на нынѣ употребительномъ церковнославянскомъ языкѣ, подобранный изъ различныхъ списковъ славянскаго или русскаго перевода, въ соотвѣтственность еврейскому подлиннику. Я не считаю себя компетентнымъ судить объ этой довольно оригинальной попыткѣ о. Амфилохія. Повидимому онъ старался воспроизвести славянскій переводъ псалтыри, какъ вѣрную передачу еврейскаго подлинника; для этой цѣли онъ воспользовался помимо славянскаго перевода, сдѣланнаго конечно по греческому тексту, еще и тѣмъ, который существуетъ въ русской литературѣ, какъ переводъ съ еврейскаго подлинника. Выборъ того или другого чтенія авторъ оправдываетъ въ примѣчаніяхъ, указывая на источники, приводитъ даже разночтенія. Эта реставрація славянскаго текста на ладъ еврейскій не имѣетъ конечно ничего общаго съ историческими судьбами древнеславянскаго перевода, но такъ какъ въ русской литературѣ уже существуютъ переводы псалтыри съ еврейскаго или по еврейскому тексту, то и авторъ, посвятившій столь много труда спеціально псалтыри, имѣлъ нѣкоторое основаніе остановиться и на этой сторонѣ вопроса. Позволю себѣ только относительно «церковнославянскаго» языка этого сводnаго текста замѣтить, что въ немъ встрѣчаются крупныя ошибки, какъ напр. «аще бы земля поколебася» (вм. поколѣбалася) или «аще бы возшумѣша» (вм. возшумѣли).

III.

Четверо-Евангеліе Галичское 1144 года, сличенное съ древле-славянскими рукописными Евангеліями, съ греческимъ евангельскимъ текстомъ 835 года... Трудъ Архимандрита Амфилохія.

«Закончивъ печатаніемъ древле-славянскую псалтырь симоновскую до 1280 года съ греческимъ текстомъ X в. теперь приступаю къ печатанію галичскаго четвероевангелія 1144 года, сличеннаго мною съ рукописями XI—XVII вв. и старопечатнымъ евангеліемъ 1571 (!1581) года, помѣщенномъ въ острожской библіи, евангеліемъ кіевскаго изданія 1788 года съ греческимъ текстомъ X и X—XI вв. и съ двумя печатными четвероевангеліями. Славянскій текстъ четвероевангелія 1144 года я предпочелъ всѣмъ другимъ, какъ полный текстъ всего четвероевангелія и какъ писанный на югѣ, ближе къ мѣсту первыхъ переводчиковъ евангелія, святыхъ первоучителей славянскихъ, Кирилла и Меѳодія, и почти сходный буквально, кромѣ правописанія, съ древнѣйшимъ четвероевангеліемъ зографскимъ XI в., изданнымъ г. Ягичемъ въ Берлинѣ въ 1879 году, чѣмъ евангелія писанныя на сѣверѣ». Такъ говоритъ на первыхъ двухъ страницахъ предисловія о. Амфилохій о своемъ намѣреніи, для насъ теперь уже совершившемся фактѣ, въ видѣ трехъ объемистыхъ томовъ. Мы очень рады, что его вниманіе въ неутомимой издательской дѣятельности остановилось на четвероевангеліи 1144 года, хотя трудно было бы согласиться съ нимъ, если бы онъ полагалъ, что памятникъ,

благодаря именно его южнорусскому происхожденію близокъ къ первоначальному труду первоучителей славянскихъ; да и поразительной близости вовсе нѣтъ, какъ мы ниже увидимъ. Но во всякомъ случаѣ изданный о. Амфилохіемъ памятникъ принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ остаткамъ церковной древнерусской письменности XII вѣка и давно уже заслуживалъ полнаго изданія. Что у о. Амфилохія растянуто на три тома, то при другихъ пріемахъ можно бы значительно сократить, едва ли въ ущербъ самому изданію. Я напримѣръ не вижу надобности въ обширныхъ разночтеніяхъ къ греческому тексту; даже и славянскій матеріалъ разночтеній слѣдовало бы болѣе сосредоточить. Но я не желаю дѣлать замѣчанія на такія стороны почтеннаго труда, которыя могли бы правда быть сдѣланы лучше, однакожъ и въ нынѣшнемъ видѣ удовлетворительны. Къ сожалѣнію есть недостатки поважнѣе, которыхъ издатель можетъ быть не избѣгъ именно потому, что его вниманіе было черезъ чуръ поглощено безконечными разночтеніями. При множествѣ ихъ, и славянскихъ и греческихъ, онъ какъ будто забылъ свой главный предметъ, издаваемый имъ славянскій текстъ. На него положительно обращено слишкомъ мало вниманія, вслѣдствіе чего и вкрались многія неточности или же остались неисправленными разныя опечатки. Не могу конечно похвалиться, что я свѣрялъ изданіе съ подлинникомъ; еслибъ я это сдѣлалъ, то непремѣнно напечаталъ бы результатъ провѣрки на пользу всѣхъ желающихъ изучать памятникъ по изданію о. Амфилохія. Можетъ быть сдѣлаютъ то, чего я не могъ, другіе, которымъ памятникъ ближе подъ рукою, а можетъ быть и о. Амфилохій приметъ на себя этотъ трудъ, который только увеличилъ бы пользу его изданія. Но чтобы мой отзывъ, въ этомъ одномъ пунктѣ нѣсколько неблагопріятный, не показался голословнымъ, я обязанъ привести хоть нѣсколько доказательствъ. Горскій и Невоструевъ, опредѣляя правописаніе евангелія 1144 года, говорятъ, между прочимъ, что иногда надъ гласными, имѣющими удареніе, также чистыми, пишется знакъ ˆ. Изъ приводимыхъ ими примѣровъ видно, что не

только объ удареніи надъ гласными рѣчь идетъ, но и о томъ знакѣ смягченія, который по примѣру южнославянскихъ подлинниковъ попадается также въ древнерусской письменности, но только въ древнѣйшихъ, и какъ кажется, преимущественно *южнорусскихъ* памятникахъ. Справляясь же по изданію о. Амфилохія, оказывается, что такіе примѣры, какъ клањаше сѧ или древлѧнимъ, на нь, или рахиль, ѓега и т. д., только иногда вѣрно обозначены, обыкновенно же знакъ мягкости то совсѣмъ опущенъ, то поставленъ не на своемъ мѣстѣ. Такъ уже на первой страницѣ (Матѳ. 1.1) напечатано авраамлѧ, между тѣмъ какъ снимокъ у епископа Саввы ясно изображаетъ авраамлѧ. Коль скоро издатель не отказался отъ передачи надстрочныхъ знаковъ, то и эту не совсѣмъ пустую орѳографическую особенность слѣдовало передавать точнѣе. О пропущенныхъ ъ и ь не буду говорить, нефилологу они кажутся мелочами. Но есть и другіе недосмотры. Матѳ. 27.36 напечатано стрѣжахоу и, а между тѣмъ изъ христоматіи проф. Буслаева видно, что въ подлинникѣ стоитъ стрѣжахоуть и,—это опять нарушеніе одной грамматической особенности памятника, которой я придаю значеніе черты южнорусской. Іо. 21.24 напечатано съвѣдѣтельство, снимокъ же въ Матеріалахъ для исторіи письменъ доказываетъ, что въ подлинникѣ стоитъ съвѣдѣтельствые и т. д. Судя по такимъ примѣрамъ можно полагать, что въ изданіе вкрались многія неточности, я же повторяю, что мы охотно поступились бы частью примѣчаній въ пользу болѣе усиленнаго надзора надъ вѣрною передачею самого текста.

Когда авторъ рѣшился на такой обширный трудъ, какимъ вышло его изданіе евангелія 1144 года, то нельзя не жалѣть о лаконизмѣ описанія памятника; на стр. XV предисловія, сказано такъ: «Четверо-Евангеліе Галичское, которое взято въ основаніе древняго славянскаго евангельскаго текста, писано на пергаментѣ, въ четвертку, на 260 листахъ. Оно описано г. Буслаевымъ въ 1855 г.». И только! Но вѣдь описаніе проф. Буслаева появилось въ изданіи, которое теперь уже принадлежитъ къ библіографическимъ рѣдкостямъ; я помню, сколько напрасныхъ усилій было

употреблено мною, чтобы достать его въ Берлинѣ (ср. Archiv für slavische Philologie I 368). Да какъ и можно было, издавая памятникъ, пропустить точное палеографическое описаніе его. Даже нѣсколько хорошихъ снимковъ его почерка не мѣшало бы, потому что и проф. Буслаевъ и преосв. Савва, и раньше еще Погодинъ, ограничились очень немногими образцами.

Филологи должны жалѣть еще объ одномъ пробѣлѣ. Какъ извѣстно, памятникъ въ нынѣшнемъ видѣ состоитъ изъ 260 листовъ, первая рука оканчивается уже на листѣ 228, все же остальное написано отличнымъ отъ первой руки письмомъ, относимымъ проф. Буслаевымъ къ XIII — XIV в., описателями же рукописей синодальной библіотеки къ XIV вѣку. Эта часть памятника важна по языку, обнаруживаетъ черты южнорусскаго, галицкаго, нарѣчія, и отличается также правописаніемъ. Вотъ изъ ней то было бы очень желательно найти въ третьемъ томѣ изданія о. Амфилохія по крайней мѣрѣ нѣсколько выписокъ; онѣ были бы, скажу откровенно, важнѣе и ближе подходили бы къ главной цѣли труда, чѣмъ большая часть тѣхъ статей, которыми теперь наполненъ третій томъ.

Несмотря однакожъ на упомянутые здѣсь и на другіе недостатки, которые найдутся при тщательномъ сличеніи изданія съ подлинникомъ, почтенный трудъ о. Амфилохія достигъ своей цѣли, онъ сдѣлалъ доступнымъ для филологическихъ и критическихъ изслѣдованій одинъ изъ важнѣйшихъ памятниковъ русской старины. Воспользуемся этимъ новѣйшимъ, надѣемся не послѣднимъ, доказательствомъ безпредѣльной любви автора къ грекославянской письменности, чтобы по поводу изданія, на основаніи богатаго его матеріала, сказать нѣсколько словъ объ особенностяхъ памятника.

1. Списки евангельскаго перевода не давали писцамъ много простора вводить особенныя черты языка. Переводъ былъ сдѣланъ уже давно, неприкосновенность же содержанія сдерживала ихъ и устраняла возможность большихъ измѣненій въ языкѣ. При такихъ стѣснительныхъ обстоятельствахъ мы будемъ рады, если намъ удастся уловить хоть бы нѣкоторыя черты въ языкѣ,

свойственныя памятнику вслѣдствіе его происхожденія въ извѣстной мѣстности. Исходною точкою для этого долженъ послужить готовый переводъ, полученный въ видѣ полнаго четвероевангелія съ юга. Лѣтъ около двадцати тому назадъ было высказано мнѣніе, что какъ списки апракосовъ ближайшимъ образомъ сходствуютъ между собою въ чтеніяхъ и переводѣ, такъ и тетры, въ извѣстныхъ мѣстахъ отступая отъ нихъ, сходствуютъ между собою. Апракосы будто бы въ тѣхъ мѣстахъ представляютъ переводъ древній, иногда съ недостатками, показывающими отчасти недоразумѣнія переводчиковъ, «вульгарность» и необработанность языка, естественныя у новообразованнаго народа, съ словами и формами его древнѣйшими... Тетры напротивъ, появившіеся послѣ апракосовъ, хотя и вскорѣ, въ тѣхъ же мѣстахъ представляютъ-де переводъ уже исправленный, съ нынѣшнимъ согласный, языкъ очищенный и поновленный (К. Невоструевъ въ Кирилло-Меѳодіевскомъ сборникѣ). По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, при чемъ я могъ бы сослаться на приложенія къ Маріинскому евангелію, вопросъ долженъ быть поставленъ и рѣшенъ иначе: т. е. въ древнѣйшихъ спискахъ замѣчается еще полное сходство текста между апракос- и тетра-евангеліями. Напр. если приводится, что io. 21.15 обыкновенные апракосы пишутъ ѡвѧца моѧ, а древнѣйшіе тетры агнѧца, то не надо забывать, что ассеманово евангеліе, хотя апракосъ, присоединяется къ чтенію агнѧца, поэтому и не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что не ѡвѧца, а агнѧца, было первоначальное чтеніе. Или если матѳ. 10.10 обыкновенные апракосы даютъ пищѧ своѥѧ, то не надо забывать, что и зографское евангеліе, хотя тетръ, сохранило пищѧ, такъ и никол.; поправка мѧздѣı стало быть не проведена послѣдовательно черезъ всѣ тетраевангелія, хотя она является уже въ маріинскомъ евангеліи. Что матѳ. 10.37 ἄξιος переводится словомъ достоинъ, это не только выраженіе тетраевангелій, но и такихъ древнихъ апракосовъ, какъ остромирово или ассеманово евангеліе, стало быть слово подобанъ не можетъ быть признано выраженіемъ первоначальнаго перевода. Однимъ

словомъ, той противуположности, которую нѣкогда думали найти между древнѣйшими апракос- и тетра-евангеліями, сначала въ дѣйствительности не было; она развилась потомъ.

2. Но за то можно доказать, что текстъ евангелія 1144 года въ многихъ случаяхъ уже отступаетъ отъ первоначальнаго перевода, гдѣ древнѣйшіе представители и апракосъ- и тетра-евангелій, какъ напр. ассеманово, остромирово, зографское, маріинское евангелія и пр., сохранили еще старинныя выраженія. При этомъ я придаю особенную важность тому факту, что нерѣдко замѣна словъ въ евангеліи 1144 года напоминаетъ точно такой же процессъ подновленія въ чудовскомъ и другихъ того же извода спискахъ псалтыри, о чемъ была рѣчь выше на стр. 66—69. Должно быть тѣ и другія поправки относятся къ той же школѣ литературной дѣятельности, къ той же мѣстности, и несомнѣнно къ тому же времени. Объяснимъ это нѣсколькими примѣрами.

Какъ въ чудовской псалтыри, такъ и здѣсь, для передачи слова ἔθνος употреблено иногда выраженіе страна вм. ѩзъıкъ: матѳ. 6.32 странѣı гал. (ѩзъıци зогр. мар. и т. д.), 10.5 странъ гал. (ѩзъıкъ зогр. остр. и т. д.), 10.18 странамъ гал. (ѩзъıкомъ зогр. мар. и т. д.); чаще однакожъ еще здѣсь ѩзъıци, между тѣмъ какъ въ другихъ древнерусскихъ памятникахъ XII—XIII вѣка все болѣе и болѣе распространяется выраженіе страна.

Какъ въ чуд. пс. κληρονομία передается черезъ причастіе, такъ и здѣсь марк. 12.7 причастьıе, въ другихъ мѣстахъ еще достоıнаıе, а κληρονόμος и тамъ и здѣсь причастьıникъ марк. 12.7, матѳ. 21.38, но лук. 20.14 еще наслѣдникъ.

Какъ тамъ, такъ и здѣсь вмѣсто старинnаго гръдъıни, греческое ὑπερηφανία передается словомъ прѣзоръ.

Вмѣсто обыкновеннаго мьрзость βδέλυγμα марк. 13.14 читаемъ въ гал. ев. гадъ, что напоминаетъ выраженіе псалтыри 30.14 гаждение ψόγος.

Глаголъ ὀνειδίζω, кромѣ обыкновеннаго перевода поносити, передается также словомъ корити матѳ. 11.20, а въ чуд. пс. имѣется оукорити и оукоризна.

Какъ въ чуд. пс., такъ и здѣсь σάκκος переводится словомъ вригъ мато. 11.21 (но лук. 10.13 еще въ вретищи).

Замѣна слова постъ νηστεία выраженіемъ алканиѥ принадлежитъ къ позднѣйшимъ поправкамъ, а не на оборотъ: ср. мато. 17.21 алканьемь (прежде постомь, какъ еще марк. 9.29, лук. 2.37); глаголъ νηστεύω остался еще въ старомъ переводѣ постити са, позднѣе и его стали замѣнять словомъ алкати.

Слова θυσία и θυσιαστήριον остались въ гал. ев. еще въ старинномъ переводѣ жьртва и олтарь, но вм. послѣдняго лук. 1.11 является уже требникъ, а марк. 12.33 ὁλοκάυτωμα передается знакомымъ чудовской псалтыри выраженіемъ трѣба.

И въ словечкѣ запать сходятся чуд. псалтырь и гал. евангеліе, которое мато. 20.5 ἅμα πρωΐ передаетъ черезъ запать за оутра, ср. марк. 14.70 авьѥ запати пакъı.

Приведенные примѣры — вычислены конечно не всѣ — не допускаютъ видѣть въ гал. текстѣ отраженіе первоначальнаго перевода евангелія безъ измѣненія. Многія слова напоминаютъ, правда, еще старинную редакцію, такъ напр. остались еще слова: година (вм. часъ), искрании, мъıтарь (вм. мьздоимьць), непригазна, область, потъвѣга или подъвѣга, сънамиче, глаголы вѣнити, клепати (вм. знаменати), минѫти (вм. мимо ити), тепѫ (вм. бьıѫ) и т. д.; но нѣтъ уже калии вм. врачь, нѣтъ миса вм. блюдо, нѣтъ вратъ вм. вартапъ или ограда, нѣтъ жалъ, жалии вм. гробъ, нѣтъ ютеръ вм. нѣкъıи, нѣтъ къıспра вм. горѣ, нѣтъ спъıти или тоуѥ вм. без оума, нѣтъ ѣдро вм. скоро, нѣтъ натроути вм. напитати, нѣтъ заклепе са вм. заткори са, нѣтъ χλѫпати вм. просити и т. д.

Иногда существуетъ рядомъ то и другое, т. е. въ одномъ случаѣ первоначальное выраженіе, а въ другомъ—позднѣйшій варіантъ: напр. не родити еще не совсѣмъ вытѣснено словомъ не врѣшти; для глагола ἀποδοκιμάζω осталось еще старинное неврѣдоу сътворити лук. 20.17 при позднѣйшемъ неврѣци мато. 21.42, и совсѣмъ уже особомъ, новомъ не требовати мрк. 12.10. Обыкновенно употребляемое слово съвѣдѣтель разъ лук. 24.48

замѣнено выраженіемъ послоухъ, такъ и вм. съвѣдѣтелъство читается послоушьство мрк. 1.44. Савина книга знаетъ послоухъ мато. 18.16, и послоушати лук. 4.22, гдѣ гал. ев. оставило съвѣдѣтелъствовати.

3. Иностранныя слова, согласно съ общимъ характеромъ памятника, отчасти остались безъ перевода; къ числу такихъ принадлежатъ: игемонъ, сказа мато. 22.19, форъ лук. 20.22 (но ib. 23.2 уже дань), динаръ лук. 7.41 (но чаще пѣназь, а цата не употребляется), кринъ лук. 12.27, кентоурионъ мрк. 15.45 (иначе сътаникъ), литра, скриница, хризма для передачи греч. слова μύρον, и даже замѣчательное мѣсто лук. 18.8: пришьдъ ара обрѣщеть ли ἐλθὼν ἆρα εὑρήσει, гдѣ мар. и зогр. ἆρα переводятъ оубо. Что ара не случайно попало въ гал. ев., и что оно скорѣе уцѣлевшій старинный остатокъ первоначальнаго перевода, тому свидѣтельствомъ могутъ служить два памятника, гдѣ тоже осталось ара: второе бѣлградское евангеліе, изъ котораго приведены варіанты Даничичемъ въ изданіи никольскаго евангелія: ара обрѣштеть ли, и болонскій сборникъ богомила Хвала, гдѣ читается: ора обрѣштеть. Не лишнимъ считаю припомнить, что это мѣсто первоначально не входило въ составъ апракосъ-евангелія.

Но еще чаще въ гал. евангеліи уже переведены такія слова, которыхъ въ древнѣйшихъ текстахъ не переводили:

При имени, повторяющемся семь разъ, лук. 1.1 читается уже жрьца и лук. 1.5 жрьчьскомоу.

Вмѣсто олѣи, старинаго на западѣ заимствованнаго слова (ср. древненѣмецкое olei), въ гал. ев. пишется то масло (лук. 7.46, 10.34, 16.6), то маста (мато. 25.3.4.8, мрк. 6.13).

Греческое ἀκρίς передается вм. акридъ переведеннымъ словомъ пржгъ; а греч. ἀφεδρών, оставшееся сначала безъ перевода, переводится словомъ проходъ мато. 15.17, марк. 7.19.

Греческое πήρα осталось то безъ перевода (лук. 22.33.36), то въ старомъ переводѣ мошьна мато. 10.10, который былъ знакомъ уже зогр. и мар. ев., то въ новомъ мѣхъ мрк. 6.8, которое должно быть попало въ ев. текстъ уже въ Россіи.

Непереведенныя τεκτονъ и τεκτονокъ замѣнены переводомъ дрѣводѣлинъ сынъ.

Слово χλαμυδα мато. 27.28.31 переведено окрилъ, вм. καταπετασμα мато. 27.51 читаемъ понавица, лук. 23.45 осталось безъ перевода греч. слово, а марк. 15.38 переведено словомъ опона, которое извѣстно уже въ зогр. и мар. ев.

Слово σίκερα передается уже въ зогр. ев. народнымъ выраженіемъ творенъ квасъ, въ гал. употреблено названіе олъ (ср. лит. alùs домашнее пиво, брага) лук. 5.15; такъ какъ производное слово оловина знаютъ и южнослав. тексты, то и олъ можно бы назвать южнославянскимъ словомъ, и даже проще сказать, что олъ было слово общеславянское.

Греческое παράκλητος переведено оутѣшитель io. 14.16.26, но 15.26, 16.7 осталось еще параклитъ.

Непереводимое впрочемъ io. 19.13 на литостротѣ въ галич. ев. переводится на каманѣ помостѣ.

Нѣчто совсѣмъ особое представляетъ гал. евангеліе переводя греч. слово ὑποκρίτης необыкновеннымъ сложнымъ существительнымъ лицедѣи вм. прежняго лицемѣръ, это—нововведеніе, должно быть, русскаго писца, оно читается только два раза вм. старинаго лицемѣръ: мато. 23.14.23. мрк. 7.6, а восемь разъ—мато. 6.2, 22.18, 23.13.15.25.27.29, 24.51—вм. упокритъ старинаго текста. Кромѣ упомянутыхъ двухъ мѣстъ, впрочемъ слово лицемѣръ, найденное переписчикомъ уже въ подлинникѣ, оставлено безъ измѣненія: мато. 6.5, 7.5, 15.7, лук. 6.42, 11.44, 13.15, напротивъ, непереведенное упокритъ не уступило новому выраженію (лицедѣи) только въ двухъ мѣстахъ: мато. 6.16, лук. 12.56. Эти цифры я не считаю случайными, онѣ доказываютъ, что русскій писецъ собственно только тамъ вносилъ свое новопридуманное слово лицедѣи, гдѣ въ подлинникѣ находилъ упокритъ, оставляя лицемѣръ нетронутымъ; особымъ выраженіемъ онъ какъ будто хотѣлъ нарочно ознаменовать свое участіе въ исправленіи текста.

И глаголъ βλασφημέω передается особымъ способомъ: рус-

скій исправитель, не желая оставить слово безъ перевода, какъ оно находилось въ его подлинникѣ, обратилъ вниманіе на происхожденіе слова и руководясь въ данномъ случаѣ вѣрнымъ этимологическимъ чутьемъ, что βλασφημέω собственно сложилось изъ βλάψις и φημέω (ср. A. Pott Etymol. Forschungen[2] I. 575, Wurzel-Wörterbuch V. 258), онъ перевелъ: врѣднѣ гл҃еть мато. 9.3, а βλασφημία: врѣдно гл҃аньѥ матѳ. 12.31, 15.19. Но этотъ переводъ или не понравился, или же надо допустить участье еще одного исправителя; какъ бы то ни было, слово βλασφημέω передается въ томъ же гал. евангеліи еще черезъ безаконнѣ разоумѣти (или разоумѣвати): матѳ. 26.35, мрк. 2.7, 3.28.29, слѣдовательно βλασφημίαι: безаконьнии разоуми мрк. 3.28, 7.22 или безаконьно разоумѣньѥ матѳ. 26.65, мрк. 14.64. Старинный способъ передачи непереведеннымъ словомъ остался еще лук. 12.10, іо. 10.36, лук. 5.21, іо. 10.33.

4. Славянскія нарѣчія еще слишкомъ мало изслѣдованы для того, чтобы можно было по особому выбору словъ опредѣлить мѣстность памятника. Евангеліе 1144 года заключаетъ въ себѣ нѣсколько выраженій, не встрѣчающихся въ обыкновенныхъ древнѣйшихъ спискахъ евангельскаго перевода, но о большинствѣ ихъ я не рѣшаюсь утверждать, что они попали въ текстъ на почвѣ русской. Такъ напр. слово посохъ, замѣняющее матѳ. 26.55 старинное выраженіе дрьколь, было бы очень правдоподобно считать варіантомъ русскимъ, еслибъ оно не находилось также въ болгарскомъ (търновскомъ) евангеліи 1273 года (см. словарь Миклошича), которое пока еще не изслѣдовано, но едва ли на него было вліяніе русское. Вѣроятнымъ становится, что мато. 24.48. 25.5, лук. 1.21, 12.45 глаголъ мьдлить варіантъ русскій, вм. мѫдитъ или къснитъ южнослав. памятниковъ, однакожъ не надо забывать, что прилагательное мьдльнъ втрѣчаетси уже въ остромировомъ евангеліи, а Востоковъ приводитъ одинъ евангельскій примѣръ этого слова изъ шестоднева Іоанна эксарха. Русскимъ вліяніемъ можно бы назвать, что матѳ. 25.2.3.8 боуи замѣнено словомъ оуродивъ, или что матѳ. 9.20 въскрилиѥ уступило выраженію

подолъкъ; слово же подрагъ, употребленное въ томъ же значеніи матѳ. 14.36, встрѣчается уже въ супрасльскомъ и святославовомъ сборникѣ. Глаголъ образиша сѧ προσέκοψαν матѳ. 7.27 существуетъ въ супрасльскомъ сборникѣ, однакожъ слово это употребляется и до сихъ поръ въ польскомъ и малорусскомъ языкѣ. Вмѣсто кокошь лук. 13.34 написано коурицѧ, слово едва ли южнославянское; но слово сѣнь, передающее греческое σκηνὴ матѳ. 17.4, мрк. 9.5, нельзя причислять къ руссицизмамъ, потому что оно попадается въ такихъ южнославянскихъ текстахъ, какъ погодинская псалтырь и никольское евангеліе. И оуто матѳ. 10.29, хотя въ древнѣйшихъ текстахъ евангелія его нѣтъ, могло попасть туда уже на югѣ, потому что древнеболгарскіе памятники это слово знаютъ, ср. недомъıслимъıхъ оуто ѥстъ шестодн. экс. 30 а.

Такими же безцвѣтными, по крайней мѣрѣ при нашихъ нынѣшнихъ свѣдѣніяхъ, оказываются еще многія другія выраженія галицкаго евангелія; большая часть ихъ отмѣчена уже въ статьѣ проф. Буслаева: напр. лук. 8.44 съ слѣда (обыкновенно съ зади); матѳ. 10.15. 11.22, лук. 6.11 нерадьнѣѥ (вм. обыкновеннаго отърадьнѣе, которое сохранилось лук. 10.12.14); матѳ. 14.26, лук. 6.49 призоръ (обыкновенно призракъ); матѳ. 10.29 врабии (обыкновенно пътица, которое сохранилось лук. 12.7); матѳ. 16.3 оунъıваꙗ (вм. дрѧселоуѩ); слово пъртъ является въ значеніи ὀθόνιον іо. 20.7 новинкою галицкаго евангелія, но уже древнѣйшіе тексты знаютъ его въ значеніи греческаго λίνον матѳ. 12.20, гдѣ гал. ев. употребляетъ слово льнъ; матѳ. 8.6 бѣднѣ вм. лютѣ, а мрк. 5.29 рана для передачи греческаго μάστιξ замѣнено словомъ бѣда.

Нельзя параллельными примѣрами подтвердить мрк. 15.11 въспьрѣша для передачи греческаго ἀνέσεισαν; а лук. 1.17 λαὸν κατεσκευασμένον вм. стариннаго люди съвръшенъı переведено выраженіемъ оукоуштенъı, не потому ли что κατεσκευασμένος смѣшано съ κατεσκηνωμένος? Впрочемъ оукоуштениѥ καταστολὴ встрѣчается уже въ южносл. спискахъ апостола. Ср. еще мрк.

14.47 измѧкъ (вм. изблькъ), глаголъ этотъ извѣстенъ уже святосл. сборнику; и мрк. 8.32 стьблѧти (вм. прѣтити).

5. Нѣсколько виднѣе становится происхожденіе памятника, если обратить вниманіе на звуковыя и формальныя особенности языка. Въ этомъ отношеніи можно даже съ большею долею вѣроятности утверждать, что онъ писанъ въ предѣлахъ югозападной Россіи. Въ немъ правда не выходятъ наружу всѣ черты южнорусскихъ говоровъ, которыхъ мы ожидали бы по примѣру другихъ югозападныхъ памятниковъ XIII—XIV вѣка, но отсутствіе однихъ чертъ ничего не доказываетъ противъ общаго положенія, коль скоро существуютъ другія, несомнѣнныя. А несомнѣнныя черты южнорусскихъ говоровъ въ этомъ памятникѣ есть, ихъ даже нѣсколько, положительныхъ, совокупность которыхъ заставляетъ меня придавать значеніе также нѣкоторымъ отрицательнымъ, хотя обыкновенно argumentum a silentio не имѣетъ большого вѣса.

а) Несомнѣнную черту южнорусскаго происхожденія нашего памятника составляетъ сочетаніе звуковъ *жч* вм. *жд*, гдѣ оно произошло изъ *зж*, *жж*. Эта особенность давно уже отмѣчена, ср. А. Потебня Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи, стр. 81—82; однакожъ въ числѣ признаковъ нынѣшнихъ южнорусскихъ говоровъ не упомянулъ ея Я. Головацкій, въ извѣстной своей «Росправѣ о языцѣ южноруссѣмъ и его нарѣчіяхъ». Она ускользнула отъ вниманія членовъ этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край; въ седьмомъ томѣ Матеріаловъ югозападнаго отдѣла говорится очень много о «нарѣчіяхъ, поднарѣчіяхъ и говорахъ южной Россіи въ связи съ нарѣчіями Галичины», но о *жч* или *шч* вм. *жд.* или *жж* ни слова; въ числѣ заданныхъ тамъ вопросовъ нѣтъ примѣра *дошч*. П. Житецкій коснулся только слова *дожчь* (Очеркъ звук. исторіи 156—7), оставляя безъ вниманія примѣръ *рішчье* вм. рождие (собпр. отъ *розга*), приводимый Огоновскимъ (Studien, стр. 76), который доказываетъ, что *шч* вм. *зж жж* и теперь еще не ограничивается только окончаніемъ слова. Замѣчательно, что въ древнерусскихъ

памятникахъ данные примѣры передаются послѣдовательно черезъ жч, а не черезъ шч или просто ш; если ж не поддалось естественной ассимиляціи съ послѣдующимъ ч, то это вѣроятно потому, что ч передавало звукъ близкій сербскому ћ. Приведемъ всѣ примѣры гал. евангелія. Существительное дъжчь матѳ. 7.25.27, оттуда глаголъ дъжчитъ матѳ. 5.45 и одъжчи лук. 17.29. Существительное рожчьк іо. 15.5. Сложные глаголы: женѫ (гънати) съ предлогомъ из: ижченетъ мрк. 7.26, іо. 10.4, ижченете матѳ. 23.34, ижченоу іо. 6.37, ижченоутъ матѳ. 5.11, 8.12, мрк. 16.17, лук. 9.40,11.49,21.12, іо. 16.2, разъ если вѣрно напечатано ижъченоутъ мрк. 9.18; желѣти съ предлогомъ въз: възчелѣете лук. 17.22, възчелѣхъ лук. 22.15, възчелѣша матѳ. 13.17; жити съ предлогомъ из: ижчи҃ши мрк. 5.26, ижчи҃шю лук. 15.14, (но если вѣрно напечатано: прижди҃веши лук. 10.35); жадати съ предлогомъ въз: възчадахъ са матѳ. 25.35,42, възчадати са іо. 6.35, и възчати (читай възчадати) са іо. 4.14 (но противъ ожиданія възжажетъ са іо. 4.13).

Точно такіе же примѣры являются въ нѣкоторыхъ памятникахъ XIII—XIV вѣка, о югозападномъ происхожденіи которыхъ не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія. Въ извѣстномъ галицкомъ евангеліи XIII вѣка, написанномъ «при Лъвовѣ княжѣньи и сна его Юрьа», которое одни относятъ къ 1266-му, другіе къ 1288-му году, мы находимъ: ижченоу вонъ 10, ижченоутъ 10.27, 36.81, ижченетъ 11.17; възчагаютъ 27 и даже възчегъ 81.151, възчизаютъ 87; възчелѣша 39 и възчелѣете 88; ижчи҃шю 108; дожчь 33, одъжчи 88, бездожчьк 174, (ср. Archiv für slavische Philologie VI. 623—624).

Въ югозападнорусскомъ спискѣ Ефрема Сирина, написанномъ «при цр҃твѣ бл҃говѣрнаго ц҃рѧ Володимѣра сна Василкова, оуноука Романова», стало быть въ области Волынской, между 1271 и 1288, если считать эту запись подлинною, а не позднѣйшимъ повтореніемъ, по свидѣтельству покойнаго И. И. Срезневскаго, изучавшаго этотъ списокъ, встрѣчаются примѣры: дожчь, дожчеванъіи, ижчену, ражчажетъ, ражчизати са, оуста изможчалаѫ

и даже тужчими, чего бы не ожидали, зная что здѣсь сочетаніе жд не образовалось изъ зг или зж.

Въ октоихѣ вѣнской придворной библіотеки, извѣстномъ Codex Hankensteinianus, рукописи несомнѣнно XIII вѣка (сл. Archiv für slav. Philologie VII. 507), между прочими особенностями южнорусскаго происхожденія его, находится также ижченоуть.

Въ румянцовскомъ музеѣ хранится евангеліе XIII вѣка, по описанію рукописей этого собранія, сдѣланному А. Востоковымъ, оно числится подъ № 106-мъ. Въ очень краткой характеристикѣ его все напоминаетъ галицкое евангеліе 1144 года, такъ безаконьни разоуми (вм. стараго власвимиѭ), лицедѣи (при лицемѣръ) и наконецъ то, что въ данномъ случаѣ насъ занимаетъ, т. е. форма въжчелакте. Приписка позднѣйшаго времени (дарственная запись Юрья Холмскаго 1376 года) свидѣтельствуетъ о томъ, что памятникъ изстари принадлежалъ югозападному краю (ср. Науковый сборникъ, во Львовѣ 1866, стр. 182).

Еще рѣшительнѣе высказывается эта черта южнорусскаго нарѣчія въ луцкомъ евангеліи того же музея, описанномъ А. Востоковымъ подъ № 112-мъ; его относятъ къ XIV столѣтію, судя же по краткой характеристикѣ у А. Востокова, оно должно быть для исторіи русскаго языка, именно южнорусскаго нарѣчія, довольно важно. Въ немъ мы читаемъ: ижченеть, ужчегъ (вм. въжчегъ), рожьчьк. Востоковъ приводитъ даже кожто вм. кождо, но едвали это что другое какъ случайная описка.

Псалтырь 1296-го года, писанная Захаріемъ «на волоцѣ», не можетъ быть названа обыкновеннымъ новгородскимъ памятникомъ, нѣкоторыми особенностями языка она напоминаетъ югозападнорусское нарѣчіе, въ числѣ ихъ примѣромъ каплѧмъ дъжчѣвьнъімъ — можетъ быть писецъ, который самъ о себѣ говоритъ, что онъ писалъ много книгъ, прежде когда-то былъ въ предѣлахъ югозападной русской рѣчи.

Трудно сказать, гдѣ писана рукопись XV вѣка, заключающая въ себѣ Ѳеофилакта болгарскаго Толкованіе на евангеліе Іоанна

и Марка (описаніе ея у Горскаго и Невоструева II. I. 128 слѣд.), въ которой не разъ только, а чаще пишется ижченоу҃; едва ли позволительно назвать ее просто новгородскою, въ виду такихъ примѣровъ, какъ оу вѣроу въвести, не оукоусить смрти, хрїстиши.

По моему эта черта составляетъ въ древнерусской письменности одну изъ немногихъ прочныхъ и надежныхъ опоръ для распредѣленія памятниковъ; мы должны дорожить ею и тамъ, гдѣ другихъ признаковъ или вовсе нѣтъ или очень мало. Въ Ипатскомъ спискѣ XV вѣка, писанномъ въ Костромѣ, конечно могли быть сглажены многія черты южной и юго-западнорусской рѣчи тѣхъ частей, которыя принято называть Кіевскою и Волынскою лѣтописью; но если мы читаемъ подъ 1114 годомъ дожгьцю бъıвшю (2-го изданія стр. 200), подъ годомъ 1115 свѣща въжгегъ (стр. 201), подъ годомъ 1124 бездожгьѥ (стр. 207), то по всей вѣроятности жг въ этихъ словахъ просто замѣнило юго-западнорусское жч, бывшее въ старшемъ спискѣ, чему доказательствомъ служитъ форма дожчь первонач. лѣт. ипат. сп. стр. 178. Иногда можно и въ грамотахъ найти подтвержденіе тѣхъ же формъ, напр. въ разъѣздной межевой XVI вѣка (Акты отн. къ ист. южн. и зап. Рос. II. 145): розъѣжчалъ, или въ правой грамотѣ конца XV вѣка (тамъ же I. 296): ѣжчивалъ.

б) Вторая черта югозападнаго нарѣчія, смѣшеніе начальнаго оу съ въ, въ гал. евангеліи проявляется только въ одномъ примѣрѣ: оупрашѧю іо. 17.9, гдѣ конечно ожидали бы въпрашѧю.

в) Смѣшенія ѣ съ и почти нѣтъ, т. е. можно указать только на въ. . попели матѳ. 11.21, и на прѣлѣпить сѧ матѳ. 19.5. Впрочемъ этому факту мы не должны удивляться, потому что, какъ извѣстно, существуютъ и другіе памятники несомнѣнно не сѣверные (не новгородскіе), по всей вѣроятности южнорусскіе, гдѣ примѣровъ смѣшенія ѣ съ и или вовсе нѣтъ или чрезвычайно мало, между тѣмъ какъ смѣшеніе ѣ съ е и тамъ и здѣсь явленіе обыкновенное. Въ столь сложномъ и трудномъ вопросѣ, какъ изслѣдованіе русскаго языка по древнимъ памятникамъ, не слѣдуетъ слишкомъ увлекаться преждевременными выводами. Для меня по

крайней мѣрѣ пока достаточно установить фактъ, что въ древнѣйшихъ русскихъ памятникахъ, которыхъ происхожденіе съ большею вѣроятностью можно отнести къ югу и можетъ быть къ югозападу Россіи, смѣшеніе ѣ съ и вопервыхъ не столь часто является, какъ въ памятникахъ сѣверныхъ, вовторыхъ несравненно рѣже, чѣмъ смѣшеніе ѣ съ є. Я не считаю однакожъ позволительнымъ отсюду сдѣлать такой выводъ, что въ XI—XII вѣкѣ, положимъ въ Кіевѣ, говорили нарѣчіемъ великорусскимъ. Живая рѣчь народная, по воззрѣніямъ тогдашняго времени, не должна была отражаться въ языкѣ священномъ, церковномъ, который въ то же время былъ книжный; она вкрадывалась незамѣтно и противъ желанія писцовъ. Очень можетъ быть, что именно въ Кіевѣ, какъ настоящемъ центрѣ духовнаго просвѣщенія и книжной учености, въ то время господствовали на этотъ счетъ другіе взгляды и понятія, чѣмъ напр. въ Новгородѣ, т. е. здѣсь такъ сказать на глазахъ южнославянскихъ наставниковъ—а безъ нихъ-то дѣло не обошлось—русскіе писцы понимали свою задачу строже, относились къ церковному языку внимательнѣе, избѣгая по возможности всякія отступленія отъ изучаемыхъ образцовъ. По этому ничего удивительнаго не будетъ въ томъ, если я скажу, что первые учители Кіевлянъ заставляли ихъ произносить ѣ какъ є (по крайней мѣрѣ для ихъ слуха такъ). Представимъ теперь себѣ, что народная рѣчь уже тогда, если и не вездѣ, то по крайней мѣрѣ въ многихъ мѣстностяхъ, напр. въ Кіевской области, обыкновенно произносила *і* тамъ, гдѣ новые наставники для церковнославянскаго языка требовали произношенія *ѣ* = *е*. Мнѣ кажется, очень нетрудно было утвердить это правило и соблюдать его. Такимъ образомъ сложилось книжное преданіе, отъ котораго тѣмъ менѣе было отступленій, чѣмъ ближе писецъ стоялъ къ центру, къ столицѣ книжнаго языка. Я даю предпочтеніе этому толкованію выше упомянутаго факта передъ другимъ, не допускающимъ что бы тогда въ живой рѣчи юга произносилось *ѣ* какъ *і*. Какъ не допускать для XI вѣка полнаго развитія главныхъ русскихъ нарѣчій, когда уже разныя мелочи ихъ

ясно проглядываютъ изъ памятниковъ. Конечно для южнорусскаго языка не прошли безслѣдно многія столѣтія бурной жизни позднѣйшихъ временъ, для народной рѣчи имѣла особенную важность продолжительная эпоха господства польскаго, отпечатлѣвшагося на словахъ, оборотахъ, а также формахъ малорусскаго нарѣчія неизгладимыми чертами. Этого позднѣйшаго наслоенія конечно въ живой рѣчи XI вѣка еще не было, его стало быть и въ памятникахъ не отыщемъ. Все же остальное, т. е. существенное, въ нихъ постепенно проглядываетъ.

г) Къ южнорусскимъ особенностямъ памятника можно, кажется, причислить рѣшительное предпочтеніе сокращенныхъ сочетаній и окончаній ѥ, ѣ, ю, и передъ полными ие, иѣ, ию, ии и т. д. Примѣровъ такъ много, что собственно слѣдовало бы подобрать тѣ, гдѣ противъ правила пишется полная форма. Такіе примѣры дѣйствительно встрѣчаются, но довольно рѣдко, напр. при дьаволъ пишется также диаволъ, при непрязнь также неприязнь и т. д. Я знаю, что эта черта могла существовать уже въ южнославянскомъ подлинникѣ (источникѣ) галицкаго евангелія, ср. примѣры приводимые въ маріинскомъ ев. на стр. 435; но насколько я имѣлъ возможность наблюдать ходъ древнерусской письменности по памятникамъ XII и XIII вѣка, мнѣ кажется, что въ столь преобладающихъ размѣрахъ, какъ въ евангеліи 1144 года, эта черта выходитъ наружу преимущественно въ памятникахъ, писанныхъ на югѣ или югозападѣ Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, въ галицкомъ евангеліи конца XIII вѣка (1266 или 1288 года) по словамъ изслѣдовавшихъ его считается правиломъ сокращенное окончаніе ѥ. То же самое можно сказать о южнорусскомъ спискѣ Ефрема Сирина. Въ вѣнскомъ октоихѣ, судя по отрывкамъ до сихъ поръ напечатаннымъ, существуютъ рядомъ та и другая форма, но по словамъ Миклошича несокращенная гораздо чаще. Въ одномъ прологѣ XIII вѣка погодинскаго собранія № 60, не смѣшивающемъ ц съ ч, но за то иногда ѣ съ и, находимъ также преимущественно сокращенныя формы. Въ поликарповомъ евангеліи 1307 года, въ которомъ смѣшеніе ѣ съ и,

оу съ въ, потомъ такія формы и слова, какъ въ сесь вѣкъ, свѣдительство, скерба и молѧхоути-и, впрашахоути-и, гнетѧхоути-и не говорятъ въ пользу его сѣвернаго происхожденія (оно могло быть написано на югѣ или на югозападѣ Россіи), преобладаютъ сокращенныя формы какъ правило. Могутъ, правда, указать на нѣкоторые памятники, отличающіеся отсутствіемъ чертъ новгородско-сѣверныхъ, но въ то же время не допускающіе въ данномъ случаѣ сокращенныхъ формъ, но не надо забывать, что въ тѣхъ же памятникахъ нѣтъ вообще почти ни одного изъ тѣхъ отступленій, которыми отличается галицкое евангеліе.

д) Послѣ шипящей и свистящей согласной, если послѣдняя мягкая, въ гал. евангеліи столь правильно пишется мягкая, іотованная гласная, что и эту черту правописанія въ ея широкомъ примѣненіи я рѣшаюсь отнести на счетъ южно-русской родины памятника. Слѣдя за тѣмъ, какъ эта тонкость отражается въ древнѣйшихъ памятникахъ русской письменности, я имѣлъ возможность убѣдиться, что послѣ шипящихъ и мягкихъ свистящихъ іотованная гласная чаще ставится въ памятникахъ южно-русскихъ или «не новгородскихъ», чѣмъ въ новгородскихъ, хотя она и имъ не чужда. Напр. она гораздо чаще употреблена въ одной двухмѣсячной минеѣ XII вѣка (бывшей новгор. соф. библіотеки), которая по всѣмъ признакамъ языка должна быть названа по крайней мѣрѣ «не новгородскою», чѣмъ въ новгородскихъ минеяхъ 1096 и 1097 года. Чтобы наглядно представить эту немаловажную особенность евангелія 1144 года, ограничимся евангеліемъ отъ Матѳѣа. Оставляя при этомъ въ сторонѣ множество примѣровъ на щю, шю и т. д., встрѣчающихся и въ другихъ памятникахъ очень часто, не обращая также вниманія на тѣ случаи, гдѣ ѧ передаетъ старословѣнское ѧ = ę, мы и безъ этого найдемъ очень замѣчательное количество примѣровъ, свидѣтельствующихъ о сильной мягкости шипящихъ:

Послѣ ц пишется постоянно ѧ вм. а въ значеніи цꙗ: оц҃ѧ 47.73. 122.127.146.172.195.254.276.301.450.463, пьрвньцѧ 8; до

конца 122.398; слѣпаца 107.226.324; пришлаца 379; сѫдаца 164.228; адаца, пиваца 141; дѣца 105.106; понавіца 498; строкоіца 620; смокъваніца 336; птицамъ 189; овцамъ 115.231; пламіцами 416; нарицати 374, нарицаютъ 202.369. 370, нарицаите 375.376, нарицаіема 28, нарицаіемое 489, нарицаіемаго 439.481.482, нарицаіемъи 444, нарицаіемоу 453, нарицаіемомоу 483; ср. еще цю въ тамніцю 39.205.288, сраіцю 45, десніцю 487, п'шеніцю 187, жиганіцю 187, стаклаіницю 440, смокъваніцю 335, коупаіцю 197, сѫіцю 175 и т. д.

Послѣ ч пишется а вм. а въ значеніи ча (не говоря о ча = ѣ̨): часъ 232.414.417.464, часа 423.456 (только 121 часъ); чаютъ 417 (чаемъ 134); чаша (т. е. чаша именит. пад.) 457, чашю 318.319.441.832 (чашю 132); печалъ 183, печали 511, печаленъ 207, печатлѣша 504; обычаи 481, врача 555; притъчами 174.177.179.190, притъчахъ 191.351; кърчазѣ 827; растачаютъ 161.432, величаютъ 373; съкончa 200.291.437, съконьчаные 199, -наа 514, конъчаные 193.194.394, доконьчалъ 302 (только 123 кончати); оумълъчa 356, мълчаше 468, оучаше 201; свачахъ 71, тарамніча 329; ср. еще чю: чюютъ 650, чюжихъ 268.269, чюдеса 333, притъчю 227, плачющеи, алчющеи 32 и т. д.

Послѣ ж пишется а вм. а въ значеніи жа: моужа 273, лъжа 466, одежахъ 71; лежа 507, възлежаша 446; бѣжаша 464, бѣжати 17 (=II 67); сътажанья 303, тажатель 776; троужаите 442, троужающеи 146; приближаютъ са 224, ражаютъ 9; хожаше 216, исхожаше 18, можаше 370.441, слоужахоуть 26, стрѣжахоуть 491; множаше 330, -ша 345; оужасоша са 887, оужасаите са 888, съжалиша 289; ср. еще жю въ жажющеи 32 и жажюща 434.437, положю 156, стражю 214.413, ловъжю 460, моужю 75, межю 278. Вм. жа встрѣчается жа также не рѣдко: въжагаютъ 34, троужаютъ 62, слоужаше 84, осоужаите 65, бѣжаша 92, оужасаите 395, оцѣжающеи 383, просмражаютъ 56.

Послѣ ш пишется а вм. а въ значеніи ша: коша 212, дша

имен. ед. ч. 61.454, дшамъ 147. оунеша имен. ед. ч. 302.303. 847, бъікъшаѩ 289.510, шьдъша, сътворша 330, тажьшаѩ 383, бъньмъша 157, отрѣшаша 328, отрѣшашета 758, посълкъ'шаго 276, сѣдъв'шаго 181, посълавъшаго 131, поношашета 494.877, въпрашаше 246, искоушающе 239.292, искоушаа 366, окоушаете 359; слъіша (аористъ) 204, слъішаша 180, слъішасте 469, слъішавъ 16.208.303.354, слъішавъше 158.209.225.258.305.321.350.361.365.496, слъішавъша 324, слъішанъ 15, слъішати 177.181.195, послоушаетъ 278.279. 280, послоушаите 257, послоушав'ше 11, оуслъішати 395, глашаетъ 879; ср. еще шю: шюю 318.436.482, дшю 253. Вм. ша встрѣчается шѧ очень рѣдко: въскрѣшаите 116. послоушаетъ 119, послоушаютъ 89. слъішати 139. слъішаныѩ 395.

Послѣ щ пишется а вм. ѧ въ значеніи щѩ: плеща 372, съкровища 164.200, сѣдалища 332, хра(ни)лища 373; градоуща 255. 407.468, градоущаго 19, сѣдаща 468, твораща 415, соуща 246, хотащаго 45, скврьнащаѩ 229, имоущаго 430, идоущама 510, идоущамъ 422; ѿвѣща 230.480, ѿвѣщавъ 22.145.166. 176.177.192.216.221.226.231.248.260.263.293.306.314. 318.337.339.341.351.364.393.394.429.435.447.448 452. 468.483.507, ѿвѣщавъше 340.469.485, ѿвѣщаща 166. 421, ѿвѣщаетъ 437, ѿвѣщаютъ 434.437. ѿвѣщавакши 467, ѿвѣщаваше 479. събѣщавъ 309, съвѣщахъ 314, съвѣщаетъ 281; ѿпоущати 481, ѿпоущаемъ 54, ѿпоущаютъ 95; възмѣщати 297, възмѣщаетъ 227; въсхъщаетъ 181, поглъщающе 383, очищаете 384, очищаите 116, хращаю 318, прѣщахоутъ 325; ср. щю въ ощютиша 411, хощю 235, тъщю 83 (тьща 538), възвращю 169, и т. д. Очень рѣдко щѧ: съкровищѧ 58 и если вѣрно напечатано отъвѣштавъ 422.

е) Окончаніе -шета -шете, господствующее въ гал. евангеліи, конечно заимствовано изъ южнославянскаго подлинника, и для опредѣленія мѣста происхожденія памятника ничего не пред-

ставляетъ, если нельзя будетъ со временемъ доказать, что эти формы преимущественно сохранялись въ памятникахъ, написанныхъ на югѣ Россіи. Пока я укажу на существованіе такихъ же формъ въ извѣстномъ сборникѣ московскаго успенскаго собора, который основательно относятъ къ памятникамъ южнорусскимъ (ср. А. Поповъ, библіографическіе матеріалы I, стр. 6). Въ евгеніевскихъ отрывкахъ псалтыри и въ XIII словахъ Григорія Богослова также встрѣчаются формы на шете — по моему оба памятника тоже южнаго или югозападнаго происхожденія. Наконецъ окончаніе шета знаетъ и повѣсть временныхъ лѣтъ: оубивашета отъимашета лавр. 170.19, примерзнѧшета 189.18.

ж) Важнѣе остановиться на приставкѣ -ть для 3-го лица имперфекта. Хотя я не считаю ее по происхожденію народною чертою языка древнерусскаго,—образцы окончаній -шеть, -хоуть находились уже въ памятникахъ южнославянскихъ — все таки нельзя отрицать факта, что эти окончанія въ книжномъ языкѣ древней Россіи очень рано вошли въ употребленіе какъ нѣчто такое, чѣмъ многіе писцы повидимому очень дорожили. Поэтому можно надѣяться, что подробное изслѣдованіе памятниковъ опредѣлитъ историческій ходъ этихъ формъ. Въ гал. евангеліи, замѣчательно, приставка -ть является исключительно только при 3-мъ лицѣ мн. числа, въ ед. числѣ нѣтъ ея. Да и въ мн. числѣ она почти исключительно присоединяется къ окончанію имперфекта -хоу въ томъ случаѣ, когда непосредственно за глаголомъ слѣдуетъ объектъ, въ видѣ мѣстоименія и (αὐτὸν, eum). Приведу, чтобы это доказать, всѣ мною замѣченные примѣры: бьѧхоуть и матѳ. 27.30. мрк. 15.19, іо. 19,3; вѣдѧхоуть и мрк. 1.34, лук. 4.41; въпрашѧхоуть и мрк. 7.5.17, 9.11.27, 10.2.10, 12.18, 13.3, лук. 3.10, 20.27, іо. 9.15; дрьжѧхоуть и лук. 4.42, имѧхоуть и матѳ. 14.5, молѧхоуть и матѳ. 8.31, 15.23, мрк. 6.56, 7.32, 8.22, лук. 7.4, іо. 4.31.40, 12.21; назірахоуть и мрк. 3.2, лук. 6.7; подражѧхоуть и лук. 16.14, слъішахоуть і мрк. 6.55, стрѣжѧхоуть и матѳ. 27.36, оугнѣтахоуть і мрк. 5.24, лук. 8.42, хотѧхоуть и іо. 16.19, хоулѧхоуть и матѳ. 27.39, мрк, 15.29, цѣловахоуть и мрк. 9.15.

Вмѣсто винительнаго ед. ч. и разъ стоитъ мн. число а: прикожахоуть а лук. 4.40, разъ род. пад. его: искахоуть его лук. 4.42, нѣсколько разъ дат. пад. ед. и мн. ч.: слоужахоуть емоу матѳ. 4.11 мрк. 1,13, 15.41, прѣмахоуть емоу мрк. 10,48, лук. 18.15. 39, — ѥи мрк. 14.5, — има матѳ. 20.31. Примѣръ лук. 1.59 нарицахоуть именамь не противорѣчитъ потому, что и здѣсь только случайно пропущенъ объектъ и или ѥ или его, какъ это случилось въ выше приведенномъ примѣрѣ мрк. 8.22 молахоуть (и). И такъ только два примѣра, гдѣ и отдѣлено отъ глагола частицею же и предлогомъ къ: лук. 23.35, подражахоуть же и, и лук. 21.38 прихожахоуть къ немоу, отступаютъ отъ правила, опирающагося, какъ видно, на замѣчательное количество случаевъ. Въ приведенныхъ примѣрахъ мы вправѣ видѣть тѣмъ болѣе сильное доказательство, что при другихъ условіяхъ, т. е. когда за глаголомъ не слѣдуетъ непосредственно и или ѥ, емоу, его, ѥи, ѧ, въ гал. евангеліи еще постоянно пишется простое окончаніе -хоу безъ приставки -ть, напр. лук. 23.32 ведахоу же и, іо. 20.9 вѣдахоу кънигъ, іо. 4.30, градахоу к немоу, мрк. 9.30 идахоу сквозѣ, лук. 2.3 идахоу вси, лук. 6.1 ядахоу истирающе, 15.16 ядахоу свиниа, мрк. 4.33 можахоу слъішати, іо. 12.39 можахоу вѣровати, лук. 22.64, бяхоу по лицю, и т. д. Кто согласится со мною въ томъ, что это не случайное явленіе, тому не трудно будетъ пойти и далѣе и согласиться съ тѣмъ, что отъ окончанія -хоуть и очень небольшой шагъ до -хоути и, извѣстной любимой формы иныхъ памятниковъ южнорусскихъ, напр. сборника моск. успенскаго собора въ русскихъ статьяхъ, какъ въ житіи Ѳеодосія: оукарахоути и, прозажахоути и, любяхоути и, имяхоути и, блачахоути и. Одинъ такой примѣръ есть даже и въ галицкомъ евангеліи: молахоути и матѳ. 14.36. Сравни статью А. Шахматова въ Archiv für sl. Phil. VII 73 и слѣд. Прибавимъ изъ торжественника XII вѣка, который при златоструѣ (памятникѣ не сѣверно-русскомъ) Импер. публ. библіотеки: заклинахоути и (Срезневскій свѣд. № 38). Въ галицк. евангеліи XIII в. указываютъ на формы молахоути и (нѣсколько разъ), въпрашахоути и, хотахоути и,

которыя вмѣстѣ съ другими повторяются въ поликарповомъ евангеліи 1307 года. Въ толстовскомъ сборникѣ XIII вѣка, заключающемъ въ себѣ 9 словъ Кирилла Туровскаго, попадаются не только примѣры, какъ къпрашахоуть и, не вѣроваховуть емоу, но и съѣтаховути и 33 изд. Калайд. — а въ этомъ сборникѣ нѣтъ ничего указывающагося прямо на сѣверъ.

Если допустить, что формы на хоути-и составляютъ одинъ изъ признаковъ южныхъ или югозападныхъ памятниковъ древнерусской письменности, то галицкое евангеліе примыкаетъ къ нимъ своими формами на хоуть и, какъ первымъ шагомъ сдѣланнымъ по этому направленію, и я надѣюсь, что можно будетъ доказать, что приставка ть въ 3-мъ лицѣ множ. и потомъ ед. числа имперфекта разрослась на почвѣ русской, пересаженная сюда посредствомъ церковныхъ книгъ южнославянскихъ, сначала главнымъ образомъ по памятникамъ южнорусскимъ, но вскорѣ была занесена и на сѣверъ. Сочинитель слова о полку Игоревѣ понималъ уже эту «элеганцію» книжнаго языка и пользовался ею въ очень широкихъ размѣрахъ, какъ для множ., такъ и для единст. числа. Тоже самое можно сказать о составителѣ свода первоначальной русской лѣтописи, судя по лаврентіевскому списку, въ которомъ при многочисленныхъ имперфектахъ безъ приставки все таки попадаются не рѣдко и примѣры съ приставкою: възложахоуть и 13.8, збахоуть са 29.7, бахоуть 38.6, изимахоуть съвазъвахоуть вѣбибахоуть имъ 43.17-18, мнахоуть и 64.22, оуклонахоуть са 94.22, начьнахоуть 123.18, несахоуть и 141.12, сметахоуть са 170.7, бѣжоуть са 222.20; имашеть же 70.5, терпашеть во 80.17, творашеть во 89.18, предаашеть и помиловашеть ихъ избавашеть ихъ 94.20.22, хоташеть во 127.14, блещашеть са 145.1, башеть во 160.14, чташеть и 162.3, -ю 254.16, глаголашеть во 175.22, 176.1, 190.20, приносашеть же 186.19, троудашеть са 187 2, спраташеть и 188.16 оучашеть и 205.13, дѣашеть 238.10, водашеть во 274.8.

8) Переходъ изъ -мъ и въ -мъі и, который обыкновенно встрѣчается рядомъ съ только что изложеннымъ явленіемъ, въ

галицк. евангеліи можетъ быть засвидѣтельствованъ немногими примѣрами: оубіимъі и матѳ. 21.38, оуг҃лемъі и матѳ. 28.14; кромѣ того іо. 9.40 читается ѥсмъі. Если 1.427 вѣрно напечатано надъі многъіми мато. 25.21, то и въ этой мелочи не трудно усмотрѣть черту южнорусскую.

з) Къ приведеннымъ особенностямъ, которыя въ текстѣ галиц. евангелія указываютъ по всей вѣроятности на южныя или югозападныя области Россіи, прибавимъ еще отсутствіе смѣшенія ч съ ц съ одной и отсутствіе написанія ьрь, ъръ, ълъ съ другой стороны. Послѣднее конечно не столь многознаменательно по отношенію къ памятникамъ сѣвернымъ, потому что является, хотя рѣдко, и въ текстахъ южнорусскихъ, но все-таки можно кажется утверждать, что этотъ орѳографическій пріемъ раскинулся шире въ письменности сѣвернорусской чѣмъ южнорусской. Мнѣ по крайней мѣрѣ пришлось наблюдать не разъ въ параллельныхъ текстахъ, въ сѣверныхъ очень частое употребленіе формъ съ ьрь, ъръ, ълъ, въ южныхъ довольно рѣдкое или по крайней мѣрѣ не очень многочисленное. Примѣры, поясняющіе этотъ вопросъ, собраны мною изъ памятниковъ XI—XII вѣка и напечатаны въ издаваемомъ мною Архивѣ I. 368—376, только я теперь не утверждалъ бы, на основаніи ихъ, что въ этомъ отношеніи не было никакой разницы между сѣвернорусскими и южнорусскими памятниками. Въ галицкомъ евангеліи по изданію о. Амфилохія я замѣтилъ только два примѣра двойной полугласной: дълъжніка лук. 7.41, пьръстѣ лук. 11.20.

и) Какъ извѣстно, нынѣшнее южнорусское нарѣчіе предпочитаетъ сочетаніе *хр* (вм. *кр*) въ словахъ: *хрест*, *хрестити*, *хрестини*, *хрещений*, *хрещатий* или *хресчатий*, *хрестя*. Галицкое евангеліе тоже пишетъ постоянно хрьстити, хрьститель, хрьщаю, хрьщеньѥ, но слово σταυρός переводитъ всегда крьстъ. Я провѣрялъ по моему словоуказателю къ маріинскому евангелію всѣ примѣры и не нашелъ ни одного отступленія отъ этого правила; напр. хрьщаю сѧ матѳ. 20.22, мрк. 1.38.39, хрьстить, хрьстіхъ мрк. 1.8, хрьстѧще матѳ. 28.19, хрьщьшь матѳ. 3.15,

хрьщьше сѧ лук. 7.29.30, хрьщѧхоу сѧ мрк. 10.5, хрьщѧше іо. 3.22; разъ, если вѣрно напечатано, хръщѧю лук. 3.16, но тамъ же очевидная опечатка храстїтъ; — напротивъ: крьстъ мрк. 10.21, 15.21, матѳ. 27.32, лук. 23.26, іо. 19.17, крьста матѳ. 27.40, мрк. 15.30.32, крьстѣ іо. 19.19.31. Миклошичъ приводитъ изъ вѣнскаго октоиха хрьстъ въ значеніи σταυρός, въ словарѣ Востокова изъ изборника 1076-го года отмѣченъ примѣръ хрьщеноу. Формы съ хр въ древнерусской письменности не ограничены памятниками южнорусскими, но преобладаніе ихъ именно на югѣ мнѣ кажется довольно знаменательнымъ.

Вотъ все, что я могъ найти въ галицкомъ евангеліи въ подтвержденіе давно уже высказаннаго мнѣнія, что оно—памятникъ южнорусскій. Конечно, этого очень мало, но не надо забывать, что древнѣйшіе памятники русской письменности вообще не изобилуютъ отступленіями отъ книжнаго языка въ пользу народныхъ говоровъ. Было ли евангеліе дѣйствительно написано въ предѣлахъ галицкаго княжества, гдѣ въ то время княжилъ Володимерко, одинъ изъ болѣе замѣчательныхъ удѣльныхъ князей— мы не знаемъ на вѣрно, но судя по разнымъ припискамъ въ рукописи изъ болѣе поздняго времени, такое предположеніе становится нѣсколько вѣроятнымъ. Можно бы однакожъ имѣть въ виду и другія страны, напр. владимирско-волынскую область, но на это нѣтъ никакихъ указаній. Черты языка, подмѣченныя въ евангеліи, не мѣшаютъ остановиться на любой мѣстности, лежащей въ предѣлахъ южной и югозападной Россіи; жч говоритъ, можетъ быть, въ пользу нѣкотораго разстоянія отъ Кіева, не потому, что въ Кіевѣ въ XII вѣкѣ говорили нарѣчіемъ великорусскимъ— этого я на основаніи памятниковъ утверждать не смѣю — а потому, что кіевскіе труженики, передовые по познанію литературнаго языка, дорожившіе сохраненіемъ церковнаго языка въ неиспорченномъ видѣ, м. б. болѣе другихъ избѣгали всякія рѣзкія отступленія въ письменномъ употребленіи, хоть бы онѣ и сущест-

вовали въ окружавшей ихъ средѣ, въ жизни простонароднаго говора. Я не скрываю, что это своего рода гипотеза, при помощи которой я могу объяснить себѣ тотъ неоспоримый фактъ, что въ древнѣйшихъ южнорусскихъ памятникахъ, т. е. тѣхъ, которые мы генерь то съ большею то съ меньшею достовѣрностью относимъ къ югу, черты народной рѣчи выходятъ наружу гораздо умѣреннѣе, скромнѣе, чѣмъ въ сѣверныхъ, новгородскихъ; но вѣдь ихъ существованія все-таки ни одинъ добросовѣстный изслѣдователь русской старины отрицать не станетъ, поэтому въ наше время врядъ ли кому придетъ въ голову утверждать, что русскія нарѣчія и говоры развились только послѣ нашествія татарскаго. Что же касается мнѣнія, будто Кіевская область только послѣ татарскаго погрома заселена карпатскими или галицкими выходцами, я не вижу историческихъ свидѣтельствъ, которыя говорили бы въ пользу его. А. Соболевскій, съ дѣльнымъ изслѣдованіемъ котораго (Очерки изъ исторіи русскаго языка I) я познакомился только послѣ того, какъ этотъ мой разборъ галицкаго евангелія былъ написанъ и отданъ въ типографію, полагаетъ «что древній кіевскій говоръ былъ совершенно отличенъ отъ древняго галицко-волынскаго нарѣчія и принадлежалъ къ числу великорусскихъ говоровъ» (стр. 68). Но въ его хорошемъ разборѣ языка нѣкоторыхъ «галицко-волынскихъ» памятниковъ нѣтъ данныхъ для исключенія говора кіевскаго изъ той же области, т. е. изъ сплошной почвы южнорусскаго нарѣчія, распространявшагося уже тогда несомнѣнно до Днѣпра. Правда, онъ говоритъ, что «всѣ памятники XII—XV в., которые съ большею или меньшею достовѣрностью могутъ быть признаваемы за писанные въ Кіевѣ и которые вышли не изъ княжескихъ канцелярій, не имѣютъ въ своемъ правописаніи главной изъ особенностей, отмѣченныхъ нами въ Добриловомъ евангеліи и проч.—систематическаго употребленія ѣ вм. є.» Но вѣдь галицкое еванг. 1144 года тоже не знаетъ «систематическаго» употребленія ѣ вм. є, а оно все-таки памятникъ южнорусскій, даже по всей вѣроятности «галицко-волынскій». Съ другой стороны косвеннымъ образомъ можно до-

казать, что именно кіевскіе памятники XII—XIII в. знали то употребленіе ѣ вм. є, которому не безъ основанія придаетъ значеніе А. Соболевскій. Дѣло въ томъ, что рязанская кормчая 1284 года, какъ свидѣтельствуетъ послѣсловіе, списана съ экземпляра, полученнаго изъ Кіева, отъ тогдашняго митрополита Максима; а въ рязанской кормчей [1]) мы встрѣчаемъ: а) очень часто -ьѥ

1) Въ рязанской кормчей нѣтъ единства языка. Это и понятно. Нѣсколькими годами раньше только что былъ полученъ митрополитомъ Кирилломъ II первый экземпляръ этой редакціи кормчей съ юга, изъ Болгаріи. Въ южнославянскомъ спискѣ находились, по болгарской редакціи, юсы, съ смѣшаннымъ ихъ употребленіемъ. Оттого и въ рязанскомъ спискѣ попадаются еще иногда юсы, напр. могѫ 272 d, или же неправильныя формы, объясняющіяся только при помощи подлинника какъ называемой среднеболгарской редакціи, напр. седмиꙗ оубо и шестиꙗ десѧтъ къ тремъ стомъ 6а, здѣсь въ болгарскомъ подлинникѣ стояло: седмиѧ. . . шестиѧ вм. правильнаго седмиѫ. . . шестиѭ; или единоꙗ 279 с. вм. единою (т. е. ѧ вм. ѫ), или вѣроуꙗ въ ѥдиного бг҃а 305а. вм. вѣроую (т. е. опять ѩ вм. ѭ). Но и сербизмы попадаются въ рязанскомъ спискѣ—для южнославянскихъ памятниковъ второй половины XIII вѣка это не удивительно—они встрѣчаются особенно часто, начиная съ листа 317, въ послѣдней части рукописи, напр. веще двою на десете стопоу 317а, ѿ поварнице, ѿ похотьнице 317 b, и т. д. Наконецъ выше приводимые примѣры формъ южнорусскихъ не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что изъ Кіева въ Рязань былъ доставленъ не подлинный южнославянскій, болгаро-сербскій экземпляръ, а одинъ изъ списковъ, сдѣланныхъ съ него въ Кіевѣ. Прибавимъ еще два-три примѣра. Замѣчательное свидѣтельство южнорусскаго говора заключается въ триичи 41 b. 48 b. (вм. триждъı), какъ извѣстно до сихъ поръ по малорусски говорится *трейчи*, а въ Кіевской губерніи даже *тричи*, ср. Труды этногр. экспед. въ зап. кр., югозап. отдѣлъ VII. 569. 570. 581. 584. Южнорусская черта высказывается также въ любимой перестановкѣ, примѣръ которой даетъ авлириана 7 b, авлириꙗноу 7 с. (иловицкая кормчая на обоихъ мѣстахъ правильно: аврилиꙗна, аврилиꙗноу). Зная наклоность малорусскаго нарѣчія къ переходу *ф* въ *х*, можемъ указать на анфилофии вм. анфилохии 1 d.

В. В. Стасовъ, не зная подробностей о характерѣ языка типографскаго евангелія № 6, по однимъ соображеніямъ орнамента опредѣлилъ вѣрно его происхожденіе въ своемъ великолѣпномъ трудѣ, въ части еще не изданной, т. е. онъ отнесъ его къ памятникамъ южнорусскимъ, въ частности кіевскимъ. Анализъ языка этого памятника, сдѣланный А. Соболевскимъ, подтверждаетъ какъ нельзя лучше вѣрность опредѣленія нашего уважаемаго археолога. Но вотъ что замѣчательно. По моей просьбѣ В. В. Стасовъ взглянулъ и на рязанскую кормчую, не представляющую впрочемъ никакихъ орнаментовъ—и тотъ часъ подмѣтилъ въ начертаніяхъ нѣкоторыхъ заглавныхъ буквъ сходство стиля съ орнаментальными буквами вышеупомянутаго типографскаго евангелія. Стало быть, въ рязанской кормчей, хотя она очень просто

вм. иѥ, б) довольно часто мягкость шипящихъ въ такихъ примѣрахъ: мужѧ пришедшаго, перьваго мужѧ, сконьчѧньꙗ, вѣнчѧвъ, нарицѧетсѧ, бѣльцѧ, дв҃цѧмъ, оньсицѧ, ѡбрученицѧ, въпрашѧніѧ, вѧщьшѧмъ; в) ѣ вм. є въ такихъ случаяхъ: оучѣньꙗ, ѡброучѣньѥ, ѿлучѣньѥ, приношѣнью, въпрошѣньѥмь, ѡбщѣньꙗ, възвращѣньꙗ, осужѣньѥ, сложѣниѥ, свобожѣниꙗ, рожѣньѥ, прѣступлѣньꙗ, безъ прикосновѣньꙗ, въдъхновѣниѥмь, дерзновѣньꙗ, гонѣньꙗ; или: оучитѣль (напр. 38 c. 39 a. 51 c.), оучитѣльскаа 16 b, степѣнь 305 d, зѣльꙗ 37 b, зѣмнъіми 13 a, пѣчалию, запѣчатлѣша, вѣлми, бѣзбѣдно 329 b, ѡ бѣчьти (вм. бечьстии) 281 b; или понѣже 177 d, в нѣмьже 399 c, о нѣиже 177 c. 316 d; или: пѣвцемъ или четьцѣм҄, ѡконьцѣмь 318 a (дат. мн. чис.); г) ѣ вм. и: прѣходить (въ илов. корм. приходить) 307 c, нѣцѣи (вм. нѣции) 7 d; д) и вм. ѣ: свѣдитель 304 a (два раза) свѣдительство 304 c.d., свѣдительства 304 a (два раза), свѣдїтельства 399 d, свѣдительствуеть 304 a. b., свѣдительствовати 304 c (два раза), ѿ тѣхъ же родитиль 306 a; е) такіе примѣры, какъ: разьвѣ 304 a, отииде 1 b, или: истерьгноути 277 b, истергоша 5 a, истергнуша ib. (но исторъгнути 17 d), дерьзнеть 279 a, перьвоѥ 273 b, верьховнему ib., жерътвоу 274 b, перъстомъ ib., долъженъ, волъхвъ 40 d, коръмити 279 c, бръзду 278 d, и т. д. Откуду могли эти примѣры попасть въ рязанскую кормчую, если не изъ подлинника кіевскаго? а не напоминаютъ ли они какъ нельзя лучше именно то употребленіе ѣ вм. є, и нѣкоторыя другія особенности, о которыхъ много распространяется изслѣдованіе А. Соболевскаго, какъ о чертахъ «галицко-волынскихъ» говоровъ? И такъ—одно изъ двухъ: или извѣстное употребленіе ѣ вм. є, о которомъ у него рѣчь, не

(безъ орнаментовъ) сдѣланный списокъ съ кіевскаго экземпляра, все-таки проглядываетъ школа кіевская—интересное и на мой взглядъ очень важное доказательство, что типографское евангеліе № 6, памятникъ очень изящный, не должно быть непремѣнно «галицко-волынскаго» происхожденія, а можетъ быть, да по всей вѣроятности и есть—памятникъ кіевскій, писанный до 1240 года.

имѣетъ значенія примѣты говора (или говоровъ), или же надо будетъ туда же включить и Кіевъ. Едва-ли можно сомнѣваться въ томъ, которое изъ этихъ двухъ мнѣній заслуживаетъ предпочтеніе.

Не забудемъ еще слѣдующаго обстоятельства: нынѣшнее украинское нарѣчіе не можетъ быть признано непосредственно отросткомъ и пересадкомъ карпаторусскаго, какъ давно уже вѣрно замѣтилъ умный М. А. Максимовичъ,—благородное отношеніе котораго къ этому вопросу, исполненное любви къ своей родной странѣ и въ то же время искренняго уваженія къ общерусскому единству, можетъ и теперь еще быть поставлено въ примѣръ другимъ изслѣдователямъ.

IV.

А. О подложности отрывковъ глаголическихъ такъ-называемаго Реймскаго евангелія и о ключѣ къ глаголическому письму, статья напечатанная о. Амфилохіемъ въ „Дополненіи къ галичскому сличительному четвероевангелію“, на стр. 145—178.

Б. Къ вопросу о славянской азбукѣ, статья проф. В. Миллера напечатанная въ Журналѣ министр. народ. просвѣщенія 1884, Мартъ, стр. 1—35.

В. Die albanesischen und slavischen Schriften von Dr. Leopold Geitler, mit 25 phototypischen Tafeln. Wien, Alfred Hölder, 1883. fol. X. 188.

А.

Въ числѣ прочихъ статей, вошедшихъ въ третій томъ труда о. Амфилохія, о которомъ была рѣчь въ предыдущей моей статьѣ, находится на стр. 145—178 нѣсколько палеографическихъ замѣтокъ его о глаголическомъ письмѣ. Все, что въ этой статьѣ говорится о подложности отрывковъ глаголическихъ реймскаго евангелія, я оставляю въ сторонѣ, считая лишнимъ доказывать, въ какое заблужденіе авторъ впалъ, принявъ за подлогъ самый обыкновенный текстъ глаголическаго памятника хорватской редакціи XIV вѣка. Но фактомъ, который иногда авторы ученыхъ

изслѣдованій предпочитаютъ тщательно скрывать, а о. Амфилохій сообщаетъ съ рѣдкою откровенностью, т. е. простосердечнымъ признаніемъ, что онъ заинтересовался глаголицею и познакомился съ нею только въ самое послѣднее время, я хочу воспользоваться, какъ любопытнымъ свидѣтельствомъ опытнаго палеографа о глаголическомъ письмѣ. Я припоминаю слѣдующій фактъ. Лѣтъ семь-восемь тому назадъ, когда меня увѣряли изъ Праги, что глаголическое письмо обнаруживаетъ много сходства съ эѳіопскимъ, я обратился къ бывшему товарищу по университету, извѣстному спеціалисту профессору Дильманну, объяснивъ ему значеніе каждой буквы, съ вопросомъ, находитъ ли онъ тутъ дѣйствительно какое ни будь сходство. Какъ можно было ожидать, отвѣтъ былъ такой: глаголическое письмо по его мнѣнію имѣетъ самое близкое отношеніе къ греческому минускульному алфавиту. Подобно тому вотъ и о. Амфилохій, не увлекающійся предвзятыми мыслями и предубѣжденіями, нерасположенный apriori ни въ пользу глаголицы ни противъ нея, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ только что начатаго изученія пришелъ къ слѣдующему мнѣнію: до 18-ти буквъ.. почти буквально похожи на греческія буквы IX в. и скорописнаго и уставнаго письма, только съ измѣненіемъ или въ постановкѣ буквы или въ прибавленіи угольниковъ или закругленій; пять буквъ заимствованы изъ еврейскаго языка, также имѣющія измѣненія незначительныя, но въ основѣ схожія; одна латинская: р, также немного измѣненная; прочія буквы, кромѣ ѥ, ѩ, ѭ взяты самыми первыми просвѣтителями славянъ св. Карилломъ и Меѳодіемъ изъ азбуки ими составленной. Нѣкоторыя изъ нихъ замысловато измѣнены, но основа въ измѣненныхъ буквахъ такъ называемая кирилловская». (стр. 146).

Существеннымъ въ этомъ отзывѣ я считаю то, что и о. Амфилохій въ значительномъ большинствѣ глаголическихъ буквъ тотъ-часъ же узналъ греческое скорописное письмо. Какъ палеографъ онъ обратилъ вниманіе конечно и на характеръ заставокъ и заглавныхъ буквъ древнѣйшихъ глаголическихъ памятни-

ковъ — и получилъ опять новое подтвержденіе, что эти памятники удивительно сходятся съ греческими рукописями IX вѣка. По его мнѣнію, высказанному даже слишкомъ опредѣленно, на основаніи особенностей письма и по сильному вліянію греческой письменности, изъ которой большею частью заимствованы и буквы и украшенія, аѳонское (т. е. маріинское) четверо-евангеліе надо бы отнести къ IX—X вѣку, а зографское не много позднѣе, лѣтъ на 5 или не болѣе 10-ти (стр. 172). Хотя я считаю съ своей стороны необходимымъ нѣсколько этой увѣренности поубавить и сказать, что зографское и маріинское евангеліе по всей вѣроятности не стоятъ столь близко ко времени жизни св. Кирилла, какъ полагаетъ о. Амфилохій (на стр. 174), но мнѣ внушаетъ искреннее уваженіе его готовность преклоняться передъ силою доказательствъ, заключающихся во внѣшнемъ (палеографическомъ) и внутреннемъ (грамматико-критическомъ) видѣ древнѣйшихъ глаголическихъ памятниковъ. Нельзя правда согласиться съ его мнѣніемъ, будто бы св. Кириллъ выдумалъ эту азбуку (глаголическую), «чтобы католики не преслѣдовали славянъ, исповѣдующихъ православную греческую вѣру, даже и за буквы кирилловскія» — не знаю, извѣстно ли о. Амфилохію, какому гоненію подвергалось славянское богослуженіе въ Далмаціи въ IX—X — XI вѣкахъ, несмотря на глаголическое письмо, которое нисколько не защищало его —, но безпристрастію его какъ изслѣдователя дѣлаетъ честь слѣдующее, въ высокой степени справедливое изреченіе: глаголица «та же кириллица, только измѣнена въ положеніи буквъ, округленіи, обращеніи нѣкоторыхъ линій въ угольники и заимствованіи буквъ греческихъ изъ скорописнаго письма». Конечно эти слова не такъ слѣдуетъ понимать, какъ будто бы св. Кириллъ составилъ кириллицу и глаголицу — при трудности задачи, которая слав. апостоламъ и безъ того предстояла, немыслимо, что бы одинъ и тотъ же человѣкъ лишнимъ образомъ усложнялъ свое предпріятіе и успѣхъ его такимъ усложненіемъ самъ подвергалъ сомнѣнію — но они любопытны въ другомъ отношеніи, они доказываютъ, что вѣрное палеографическое

чутье почтеннаго археолога сразу отыскало близкое родство обоихъ алфавитовъ въ ихъ греческомъ источникѣ.

Пять знаковъ глаголическаго письма о. Амфилохіи сопоставляетъ съ еврейскими, на что давно уже (лѣтъ тридцать тому назадъ) относительно к (ﻙ), ш (ש) и ц (ץ) указывалъ Шафарикъ. Въ самомъ дѣлѣ, если уже никакъ нельзя ограничиться однимъ источникомъ, положимъ греческимъ, то болѣе всего вѣроятнымъ становится предположеніе, что ученый византіецъ, философъ и богословъ, послѣ греческаго обратилъ свои взоры на еврейское письмо. Но я полагаю, что и о. Амфилохій охотно откажется отъ своего сопоставленія, если другимъ изслѣдователямъ удастся удовлетворительно объяснить его еврейскіе знаки, не прибѣгая за помощію къ евреямъ, а оставаясь въ предѣлахъ графики греческой. О такой попыткѣ, сдѣланной проф. Тэйлоромъ, Гейтлеромъ и наконецъ мною, рѣчь впереди.

Остается небольшое число знаковъ, которые по мнѣнію о. Амфилохія самимъ св. Кирилломъ изъ азбуки имъ составленной кирилловской заимствованы и переняты въ глаголическую, криптографическую, какъ онъ называетъ ее. Не думаю, что бы многіе съ этимъ мнѣніемъ согласились. Вопервыхъ въ глаголицѣ нѣтъ ничего криптографическаго, она только кажется вычурнымъ письмомъ намъ не привыкшимъ читать ее; тѣ которые писали цѣлыя рукописи глаголическимъ письмомъ, безъ сомнѣнія задавались цѣлью не скрывать содержаніе ихъ отъ кого бы то ни было, а напротивъ посредствомъ ихъ устроить славянское богослуженіе. Но если у св. Кирилла уже было свое письмо, кирилловское, какъ полагаетъ о. Амфилохій, то съ какой стати надо было ему придумывать еще вторую азбуку, хоть бы въ сущности ту же греческую, но дѣйствительно очень замысловато измѣненную? Сказать ли потому, что онъ зналъ и видѣлъ въ греческой письменности двоякій алфавитъ: литургическій уставъ и минускулы со скорописью? Но вѣдь глаголица не имѣетъ такого отношенія къ минускульному или курсивному греческому письму, какъ кириллица къ уставу. Въ послѣднемъ случаѣ весь запасъ греческихъ буквъ

остался безъ измѣненія, онъ только дополненъ нѣсколькими новыми знаками; въ первомъ же случаѣ только четыре буквы: ѵ, ѣ, ѧ, ѳ на первый взглядъ уже напоминаютъ греческіе минускулы, да и здѣсь къ каждому греческому почерку нужно что нибудь прибавить, что бы изъ него вышла соотвѣтствующая буква глаголическая. Кромѣ того въ греческихъ рукописяхъ, какъ извѣстно, господствовалъ палеографическій пріемъ, въ заглавіяхъ употреблять уставъ, хоть-бы онѣ и были писаны минускульнымъ или курсивнымъ письмомъ; въ глаголическихъ же памятникахъ мы видимъ не то, здѣсь и заглавія пишутся тѣмъ же почеркомъ. Наконецъ глаголическая графика не допускаетъ глаголицу назвать курсивомъ, несмотря на то, что она произошла изъ минускульнаго и курсивнаго почерка греческаго подлинника. Изобрѣтатель глаголицы очевидно имѣлъ намѣреніе составить не какое нибудь дополнительное письмо, какъ по видимому полагаетъ о. Амфилохій, а главное и единственное. Это доказываетъ уже характеръ глаголицы. Она произошла, правда, преимущественно изъ минускульныхъ и курсивныхъ типовъ греческаго алфавита, но составитель ея передѣлалъ эти типы въ стилѣ устава съ прямою литургическою цѣлью. Почему онъ въ своемъ предпріятіи не далъ предпочтенія литургическому унціальному письму грековъ, т. е. нашей нынѣшней кириллицѣ, этого мы не знаемъ, мы не можемъ заглядывать въ его душу, но на вѣрно смѣемъ утверждать, что составителю глаголицы не приходило въ голову въ то же время писать кириллицею: обѣ азбуки въ головѣ одного изобрѣтателя не совмѣстимы. Очень можетъ быть, что Константинъ Философъ видѣлъ греческій курсивъ, т. е. обиходное греческое письмо, уже въ нѣкоторомъ употребленіи у славянъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться (братъ его былъ нѣкоторое время даже правителемъ какого то княжества «словенскаго»); а можетъ быть его творческому смыслу болѣе по вкусу было греч. курсивное письмо потому, что здѣсь, онъ удобнѣе могъ примѣнить и доказать свою находчивость. Кто знаетъ, въ какой тѣсной зависимости отъ греческаго унціальнаго почерка находится ки-

ріллица, тотъ легко допуститъ и такую мысль, что ученому и высоко даровитому, если не сказать геніальному Константину, слишкомъ ничтожною показалась бы роль ограничиться однимъ только дополненіемъ греческаго алфавита для примѣненія его къ звукамъ славянскаго языка.

Б.

Независимо и ранѣе, чѣмъ появилось изслѣдованіе профессора Гейтлера, высказалъ свое мнѣніе по вопросу о славянской азбукѣ проф. Всеволодъ Миллеръ, оно напечатано въ только что изданной мартовской книжкѣ Журнала министерства народнаго просвѣщенія за текущій (1884-тый) годъ. Проф. Миллеръ самъ считаетъ свою статью бѣглыми замѣтками неспеціалиста. Какъ извѣстно, иногда именно неспеціалисты, но по характеру своихъ ученыхъ занятій достаточно подготовленные, вносятъ въ рѣшеніе спорныхъ вопросовъ новые свѣжіе взгляды. Кромѣ того, они обыкновенно отличаются большимъ безпристрастьемъ въ обсужденіи аргументовъ, чѣмъ записные спеціалисты. Я могъ бы это доказать примѣрами, но nomina sunt odiosa. Предпочитаю указать на нѣкоторыя положенія въ статьѣ проф. Миллера, съ которыми несомнѣнно можно согласиться. Не буду обращать вниманіе на то, кѣмъ они были впервые высказаны; вѣдь не всегда тому принадлежитъ та или другая мысль, кѣмъ она впервые напечатана, потому что не всегда только тѣ знаютъ то или другое, которые печатаютъ. И такъ я указываю на вѣрный взглядъ автора, на стр. 5 — 6, о томъ, что значитъ изобрѣтать азбуку: «историческая аналогія показываетъ, что азбуки не складываются изъ такихъ разнообразныхъ элементовъ, что онѣ слагаются обыкновенно не болѣе какъ изъ двухъ другихъ, при чемъ одна обыкновенно принадлежитъ народу вліяющему своею культурой и религіей на народъ, для котораго вводятся новыя письмена». Стоитъ прочесть и то, что говорится о трудности въ опредѣленіи

числа звуковъ въ языкѣ, для которыхъ предстоитъ придумать знаки, на стр. 25—26. Всев. Миллеръ не затрудняется высказать, что и онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ, которымъ мнѣніе Шафарика, что Константинъ философъ былъ изобрѣтатель глаголицы, кажется болѣе правдоподобнымъ, нежели противоположное, на стр. 24; только онъ полагаетъ, что Кириллъ «изобрѣлъ глаголицу, то—есть, придумалъ начертанія для славянскихъ звуковъ, но уже имѣлъ подъ руками образецъ, прототипъ будущей кириллицы, изъ котораго онъ заимствовалъ нѣкоторыя буквы, измѣнилъ ихъ въ деталяхъ, порядокъ буквъ и ихъ число». Послѣдняя оговорка стоитъ въ связи съ особымъ мнѣніемъ о «добавленныхъ» буквахъ. Дѣло въ томъ, что авторъ находитъ возможнымъ цѣлый рядъ знаковъ славянской азбуки производить изъ письма сассанидскаго, изъ алфавита рукописей авесты, а такъ какъ полагаемое сходство славянской азбуки съ сассанидской относится къ буквамъ кирилловскимъ, то онъ по неволѣ долженъ допустить первенство этихъ дополнительныхъ знаковъ въ кириллицѣ. Но въ какой кириллицѣ? Въ кириллицѣ славянъ-христіанъ, проживавшихъ въ городѣ Корсуни гораздо раньше оффиціальнаго принятія христіанства Владиміромъ (стр. 27)! Не знаю, найдутся ли многіе, которымъ эта смѣлая гипотеза о славянахъ-христіанахъ, проживавшихъ, скажемъ, въ восьмомъ и въ первой половинѣ девятаго столѣтія въ Корсуни, покажется хоть мало мальски вѣроятною; автору она нужна для того, что бы провести свою теорію о вліяніи сассанидскаго письма на кириллицу. Онъ говоритъ: «Здѣсь именно, въ Корсуни, гдѣ греческая культура сталкивалась съ восточною, хазарскою, могли выработаться письмена, смѣшанныя изъ греческихъ и восточныхъ (сассанидскихъ), которыя мы видимъ въ составѣ кириллицы». (стр. 27).

Прежде всего замѣтимъ, что сассанидское господство было уничтожено арабами уже въ половинѣ VII столѣтія, съ тѣхъ поръ и сассанидское письмо уступило арабскому, между тѣмъ какъ по здѣсь проповѣдываемому мнѣнію оно еще въ IX столѣтіи должно бы быть въ греческомъ городѣ Корсуни (Херсонѣ)

на столько распространено, что тамошніе славяне (сколько же ихъ тамъ могло быть?) изъ него брали буквы для пополненія греческаго алфавита! Право, сходство кириллицы съ сассанидскимъ письмомъ должно быть очень замѣчательное, если авторъ считаетъ возможнымъ съ поэтическою свободою обойти всѣ условія историческія въ угоду одному только сомнительнаго свойства свидѣтельству, извѣстному разсказу о русскомъ евангеліи и псалтыри. Но такъ ли въ самомъ дѣлѣ? Поражаетъ ли дѣйствительно сходство славянской азбуки съ сассанидскимъ письмомъ хоть бы въ нѣкоторыхъ буквахъ? Посмотримъ.

Проф. Миллеръ начинаетъ съ буквы ш. Онъ срисовалъ на табл. II съ сассанидскихъ монетъ одинъ типъ дѣйствительно довольно похожій на кирилловскую и глаголическую букву, но онъ пропустилъ прибавить, что этотъ типъ и на монетахъ не является исключительно, повидимому онъ даже менѣе обыкновенъ, чѣмъ прочіе уже совсѣмъ не похожіе на славянскую букву. Поэтому Исакъ Тэйлоръ во своемъ новѣйшемъ сочиненіи «The Alphabet» vol. II pag. 236 даже и не внесъ въ свою таблицу того знака для š, которымъ такъ дорожитъ авторъ.

Буквѣ щ соотвѣтствующій знакъ слишкомъ мало похожъ, на сассанидскихъ монетахъ его и нѣтъ, такъ что авторъ принужденъ для сравненія брать почеркъ изъ рукописей авесты 16-го вѣка, но и въ славянской азбукѣ онъ останавливается на позднѣйшемъ почеркѣ буквы. Все, что говорится о мнимомъ фонетическомъ различіи между шт и щ (на стр. 9—10) — лишено и малѣйшаго основанія, если рѣчь идетъ о церковнославянскомъ языкѣ, а вѣдь знакъ щ попалъ въ Россію съ юга. Другое дѣло, конечно, языкъ древнерусскій, въ немъ щ рано преобладало потому, что церковнослав. шт здѣсь произносилось не какъ šť, а сообразно съ физіологич. характеромъ русскаго консонантизма, какъ šč′. Но въ древнѣйшихъ нерусскихъ памятникахъ сначала щ употреблялось, повидимому, только для сокращенія вм. шт (напр. въ концѣ строки), какъ и ѕ вм. оу. Возлѣ сокращенія щ, вскорѣ преобладавшаго, иногда писалось также ш̃ въ томъ же

смыслѣ. Всѣ эти факты доказываютъ, что въ происхожденіи ц изъ ш нельзя сомнѣваться — а этимъ отнята послѣдняя возможность производить ц изъ — алфавита авесты.

Наше ч во всѣхъ древнѣйшихъ памятникахъ какъ извѣстно пишется съ чашечкою на вертикальномъ штрихѣ, между тѣмъ какъ восточная буква, на которую указываетъ авторъ, нѣсколько похожа на наше позднѣйшее ч только тогда, если дать ей оборотное направленіе. Впрочемъ и здѣсь авторъ пропустилъ замѣтить, что нарисованный на его таблицѣ почеркъ не единственный, и кажется даже не самый употребительный.

Относительно буквы ц соображенія автора обрываются на фактѣ, что приводимый имъ въ сравненіе знакъ авесты не обозначаетъ нашего ц, а наше дж, сербское ђ. Потому онъ и самъ допускаетъ возможность, здѣсь какъ и при ш восходить прямо къ еврейскому источнику.

Какъ видно, краеугольные камни теоріи о сассанидскомъ вліяніи на происхожденіе славянской письменности не на столько прочны, чтобы пріятно было, съ чувствомъ нѣкоторой надежности, на нихъ воздвигать цѣлую постройку. Въ самомъ дѣлѣ, уже буква ж, которую ожидали бы въ числѣ основныхъ сравненій, такъ мало поддается соображеніямъ автора, что онъ самъ отодвинулъ ее на задній планъ, опять съ оговоркою «что авестійская буква болѣе напоминаетъ наше курсивное *ж*, нежели уставное», т. е. сказать просто, между нашимъ ж и буквою авесты — на сассанидскихъ монетахъ—нѣтъ другого сходства, чѣмъ то, которое вообще можетъ быть между двумя знаками, состоящими изъ — нѣсколькихъ штриховъ!

Не лучше обставлено дѣло съ добавочными гласными. Много фантазіи нужно имѣть для того, чтобы производить кирилловское ъ изъ начертаній буквы о (этимологическаго а) въ авестѣ, но не менѣе, а еще гораздо болѣе для того, чтобы наше ж сопоставлять съ знакомъ передающимъ носовую гласную ą въ той же авестѣ. Въ послѣднемъ примѣрѣ авторъ не поскупился, онъ нарисовалъ изъ приводимыхъ у Гюбшманна 14-ти знаковъ почти

половину ихъ (6), предоставляя намъ выборъ, но увы мы со всѣми ими не въ состояніи ничего подѣлать. Наконецъ, чтобы наше ѣ сблизить съ той буквою авесты, которая у Гюбшманна передается черезъ ę, надо было опять прибѣгнуть къ нашему курсивному, т. е. къ позднѣйшему начертанію буквы ѣ; но и при этомъ ничего не выходитъ. Какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ (ср. ниже въ разборѣ книги проф. Гейтера), основная часть нашихъ буквъ ъ, ѧ, ѣ несомнѣнно одна и таже; положимъ теперь, что всѣ онѣ или по крайней мѣрѣ ъ и ѣ перешли къ намъ изъ сассанидскаго алфавита, не будемъ ли мы ожидать, что и въ мнимомъ первообразѣ нашихъ знаковъ существуетъ такое же основное родство между обѣими буквами авесты? Но достаточно взглянуть на таблицу проф. Миллера или еще лучше Гюбшманна, чтобы убѣдиться, что это не такъ: тамъ буквы o и ę ничего общаго не имѣютъ. Предположеніе, высказанное на стр. 13 о томъ, что наше позднѣйшее полууставное и курсивное ъ (съ опущеннымъ внизъ лѣвымъ хвостикомъ) вышло изъ іотованнаго ѥ изборника 1073 года, можно извинить у автора тѣмъ, что онъ самъ не считаетъ себя компетентнымъ въ палеографіи. Это впрочемъ видно не изъ одного этого мѣста.

Профессоръ В. Миллеръ любитъ предлагать новыя теоріи, это не первая и надѣемся не послѣдняя, но по крайней мѣрѣ на этотъ разъ ему не удалось убѣдить насъ въ основательности его догадки. Впрочемъ я не отвергаю всего, что въ этой статьѣ высказано. По моему характеристика глаголицы, представленная авторомъ на стр. 4—5, заключаетъ въ себѣ много вѣрныхъ и остроумныхъ замѣчаній, которымъ я очень сочувствую. Проф. Миллеръ въ извѣстной степени правъ, когда говоритъ, что глаголица не имѣла успѣха потому, что была дѣломъ личнаго творчества. Да, она не была въ состояніи одолѣть напоръ съ одной стороны греческаго, съ другой латинскаго письма, ея судьба много напоминаетъ судьбу церкви, основанной тѣми же братьями въ центрѣ западнаго славянства, которая тоже пала жертвою вражды двухъ культурныхъ міровъ. Но кириллица восторже-

ствовала, по моему, не въ силу того, что это была азбука, сложившаяся исторически, а потому что она сумѣла ближе приноровиться къ господствовавшему культурному письму греческому. Не оказала ли ей въ этомъ глаголица все таки существенную услугу — вотъ въ чемъ вопросъ. Проф. Миллеръ и тѣ, кто съ нимъ вѣритъ въ происхожденіе глаголическихъ буквъ, ш, ж, ч, ѵ, ѕ, ѧ изъ кирилловскихъ ш, ж, ѵ, ц, ъ, ѧ, отвѣтятъ конечно, что глаголица не вліяла на кириллицу; я же считаю болѣе правдоподобнымъ противоположное мнѣніе, поэтому и утверждаю, что глаголица и до сихъ поръ частицею своего состава живетъ въ азбукѣ кирилловской. Но объ этомъ рѣчь въ слѣдующей статьѣ.

B.

Если ужъ зашла рѣчь о славянскихъ письменахъ и мнѣніяхъ по вопросу о происхожденіи глаголицы и кириллицы, высказанныхъ о. Амфилохіемъ и профессоромъ Всеволодомъ Миллеромъ, можетъ быть не будетъ лишнимъ обратить вниманіе на самый капитальный трудъ по этому вопросу явившійся въ новѣйшее время, на сочиненіе профессора Гейтлера, заглавіе котораго приведенное выше подъ буквою *B*. Я имѣю при этомъ въ виду довольно большое число русскихъ читателей, которымъ мало распространенные заграничные журналы остаются недоступными, какъ напр. Archiv für slavische Philologie, въ VII томѣ котораго помѣщенъ мой разборъ упомянутаго сочиненія. Этой статьей я намѣренъ здѣсь воспользоваться, съ прибавками и измѣненіями, какія нашелъ необходимыми сдѣлать.

Послѣ нѣсколькихъ трудовъ по вопросу о глаголицѣ покойнаго Шафарика, послѣ статьи Миклошича, помѣщенной въ энциклопедіи Эрша и Грубера подъ словомъ «Glagolitisch», и послѣ отдѣльнаго сочиненія д-ра Фр. Рачкаго, разбиравшаго вопросъ о славянскомъ письмѣ въ книжкѣ, изданной въ 1861 году на хорватскомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Slovjensko pismo» —

обширный трудъ проф. Гейтлера дѣлаетъ значительный шагъ впередъ, который не останется безслѣднымъ для вопроса, если даже окажется, что авторъ не достигъ вполнѣ той цѣли, которую онъ себѣ поставилъ. Его сочиненіе является плодомъ продолжительныхъ очень усиленныхъ занятій надъ труднымъ вопросомъ и заслуживаетъ нашу искреннюю признательность за весьма многое въ немъ находящееся, какъ то за полноту собраннаго очень драгоцѣннаго матеріала, тщательную научную обработку его и обнаруживающуюся при этомъ несомнѣнную «палеографическую» талантливость автора. Этими качествами трудъ проф. Гейтлера внушаетъ къ себѣ заслуженное уваженіе, которое я высказываю ему тѣмъ охотнѣе, что разбирая подробно его теорію, по многимъ существеннымъ пунктамъ принужденъ возражать противъ его взглядовъ и объясненій.

1. Уже въ намѣреніи автора взяться за новое, обстоятельное и всестороннее разсмотрѣніе вопроса о происхожденіи и взаимномъ соотношеніи славянскихъ алфавитовъ проглядываетъ чувство неудовлетворительности всѣми предшествовавшими попытками рѣшенія вопроса. Проф. Гейтлеръ не скрываетъ этого, на стр. 66 онъ говоритъ такъ: «часто подымаемый вопросъ, который изъ нихъ (т. е. обоихъ славянскихъ алфавитовъ) раньше существовалъ, не имѣетъ особеннаго значенія, потому что отвѣтъ на него повидимому не раскрылъ бы никакихъ новыхъ между ними соотношеній въ виду того, что *не предполагали возможности*, чтобы нынѣшнимъ редакціямъ алфавита предшествовали болѣе древнія, отношеніе которыхъ другъ къ другу должно быть разсматриваемо совершенно иначе, чѣмъ это можно дѣлать на основаніи дошедшаго до насъ матеріала знаковъ и теперешняго его распредѣленія». Эти слова показываютъ ясно, что авторъ этого сочиненія при своемъ изслѣдованіи становится на совершенно новую точку зрѣнія,—такую, о которой, по его собственному заявленію, *до сихъ поръ вовсе не думали*. Но вѣдь попытки всѣхъ изслѣдователей, въ томъ числѣ и нашего автора, объяснить происхожденіе глаголическаго и кирилловскаго письма, сводятся въ сущности

къ отыскиванію ихъ первоисточниковъ въ чуждыхъ алфавитахъ. По этому спрашивается, въ чемъ же собственно заключается та новая точка зрѣнія, на которую заявляетъ притязаніе проф. Гейтлеръ? По его собственному признанію, въ гипотезѣ требующей еще подтвержденія, и выраженой имъ въ слѣдующихъ словахъ: «*Есть признаки*, что первыя начатки обоихъ алфавитовъ существовали независимо другъ отъ друга до второй половины IX вѣка. Столкновеніе и произшедшее вслѣдствіе обоюднаго заимствованія знаковъ сближеніе обоихъ алфавитовъ, которое я отношу въ Македонію ко времени Климента 886—916, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и исторія возникновенія той орѳографіи, которою написаны древнѣйшіе славянскіе памятники». Такимъ образомъ проф. Гейтлеръ признаетъ, что вторая половина IX вѣка имѣла рѣшающее значеніе для этого вопроса; онъ не считаетъ необходимымъ подвергать сомнѣнію извѣстныя историческія свидѣтельства о дѣятельности Константина-Кирилла въ Моравіи и Панноніи, Климента въ Македоніи; онъ желаетъ только разобрать и критически оцѣнить эту дѣятельность на основаніи самого дѣла въ томъ видѣ, какъ оно стоитъ передъ нами. По его понятіямъ выходитъ такъ, что значеніе рѣшительнаго момента заключается не столько въ личной ихъ дѣятельности, которая только привела къ опредѣленному результату нѣчто уже ранѣе существовавшее, сколько въ предшествовавшемъ долгомъ употребленіи и практическомъ примѣненіи опредѣленныхъ алфавитовъ у славянъ, создавшемъ наконецъ такую силу обычая, что славянскіе первоучители и ихъ сотрудники должны были считаться съ ними, какъ съ данными факторами.

Такимъ взглядомъ на славянское письмо вызвано на стр. 99 положеніе, *выдаваемое за положительный фактъ*, «что въ славянскихъ алфавитахъ для каждаго малѣйшаго элемента, для каждой связки или украшенія нужно искать поводъ въ ближайшемъ источникѣ и что *ничего не изобрѣталось самостоятельно*». Я могъ бы въ духѣ автора назвать это положеніе его «палеографической» догмой, изъ которой сами собою выходятъ взгляды, подоб-

ные изложенному на стр. 72: «ничто собственно не принадлежитъ изобрѣтателямъ глаголическаго алфавита, кромѣ каллиграфической разработки заимствованій». Достоинство такихъ положеній конечно должно быть провѣрено; изъ хода доказательствъ должно выясниться, выдерживаютъ ли они критику. Но a priori можетъ быть допущено, что, если бы автору удалось на основаніи этихъ положеній объяснить происхожденіе обоихъ славянскихъ алфавитовъ, не вдаваясь при этомъ ни въ какія натяжки, не нарушая естественной связи въ отдѣльныхъ фактахъ, не внося недоказанныхъ положеній въ ходъ своей аргументаціи, то теорія его могла бы дѣйствительно предъявлять права на названіе вполнѣ доказанной истины. Посмотримъ, какіе пріемы употребляетъ авторъ для рѣшенія этой великолѣпной, но также и очень трудной задачи, что̀ представляетъ собою тотъ «палеографическій» путь, на который онъ первый (по его словамъ) вступилъ, въ сознательномъ противорѣчіи со своими предшественниками.

2. На 156 стр. мы читаемъ относительно обоихъ алфавитовъ слѣдующее положеніе: «прежде всего мы должны установить какъ фактъ, что мы имѣемъ передъ собою два въ основѣ совершенно различныхъ алфавита, которые расходятся и по мѣстности и по времени происхожденія». Съ этимъ положеніемъ, въ его общемъ смыслѣ, охотно согласятся всѣ или по крайней мѣрѣ большая часть изслѣдователей славянской старины; къ сожалѣнію изъ него не вытекаютъ одни и тѣ же дальнѣйшіе выводы. По мнѣнію проф. Гейтлера, «кириллица есть греческій алфавитъ, дошедшій до насъ въ видѣ позднѣйшихъ литургическихъ унціаловъ X—XI столѣтій» (стр. 65),—совершенно вѣрно; и съ этимъ всѣ мы соглашаемся, коль скоро дѣло идетъ о кириллицѣ существующихъ на лицо древнѣйшихъ памятниковъ. Далѣе тамъ же говорится слѣдующее: «нѣкоторыя обстоятельства, повидимому, указываютъ на то, что для кириллицы нѣкогда употреблялось унціальное письмо, бывшее въ ходу до второй половины IX столѣтія». Это гипотеза, которая хотя не можетъ быть доказана, однако имѣетъ за себя, пожалуй, нѣкоторую вѣроят-

ность; съ извѣстными оговорками можно принять и ее. Авторъ допускаетъ, что этимъ греческимъ унціальнымъ письмомъ воспользовался извѣстный славянскій апостолъ Константинъ-Кириллъ при первомъ переводѣ св. писанія съ греческаго на древне-славянскій языкъ, т. е. онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ ученыхъ, которые за Кирилломъ оставляютъ нынѣшнюю кириллицу (мы увидимъ сейчасъ съ какими ограниченіями). Это, какъ извѣстно, очень распространенный взглядъ, который однако въ новѣйшее время подвергается сомнѣнію со стороны замѣчательнѣйшихъ западнославянскихъ изслѣдователей, какъ Шафарикъ, Миклошичъ, Рачкій, и ихъ сомнѣніе раздѣляютъ въ новѣйшее время многіе изъ русскихъ ученыхъ. Послѣдняго взгляда проф. Гейтлеръ не удостоиваетъ никакимъ особеннымъ опроверженіемъ; хотя на стр. 158 онъ говоритъ: «очень слабы доказательства, которыя представляетъ Шафарикъ въ пользу мнѣнія, что Кириллъ писалъ глаголическимъ алфавитомъ», однако настоящаго опроверженія нѣтъ. Я охотно допускаю, что «палеографическія» доказательства, которыя Шафарикъ въ свое время выставлялъ въ пользу глаголицы, были очень слабы, но ни для него тогда, ни для насъ теперь одни они не имѣютъ рѣшающей силы. По моему совокупность многихъ соображеній и доказательствъ склонила Шафарика къ тому мнѣнію, что Кириллъ принесъ въ Моравію и Паннонію не кирилловскій, а глаголическій алфавитъ. Къ нимъ-то и должно было отнестись съ той же добросовѣстностью, которою именно при рѣшеніи этого вопроса отличался безсмертный изслѣдователь славянскихъ древностей. Это надо было исполнить тѣмъ болѣе, что между тѣмъ явились новые факты, которые при рѣшеніи этого вопроса сильно говорятъ въ пользу Шафарика.

Но я уклоняюсь въ сторону отъ точки зрѣнія автора, у котораго «палеографическія» данныя одни имѣютъ рѣшающую силу. Что же изъ нихъ слѣдуетъ? Для отвѣта на вопросъ, какимъ алфавитомъ писалъ Кириллъ, конечно рѣшительно ничего; но этимъ вопросомъ авторъ, по вышеприведенному признанію его, и самъ

не очень сильно дорожитъ. Для него гораздо важнѣе тѣ выводы, которые изъ палеографическихъ данныхъ получаются для опредѣленія характера кириллицы. Такъ какъ она, какъ упомянуто выше, по существу своему представляетъ греческое унціальное письмо, то легко представить себѣ, что первыя попытки выразить греческимъ алфавитомъ славянскіе звуки, представили много затрудненій и страдали большими пробѣлами; но наступила пора, когда эти пробѣлы должны были какимъ-нибудь образомъ быть восполнены. Въ силу извѣстныхъ историческихъ свидѣтельствъ до сихъ поръ считали Константина-Кирилла исполнителемъ этого дѣла; его почитали какъ изобрѣтателя или составителя новыхъ или вновь заимствованныхъ знаковъ для пополненія этихъ пробѣловъ. Но проф. Гейтлеръ въ этомъ случаѣ идетъ своей собственной дорогой; болѣе или менѣе засвидѣтельствованнымъ извѣстіямъ объ этомъ дѣлѣ онъ придаетъ меньшее значеніе, чѣмъ самому дѣлу и его палеографическому изслѣдованію, при чемъ онъ приходитъ къ слѣдующимъ «палеографическимъ» выводамъ: а) негреческія составныя части кириллицы представляютъ двойной «палеографическій» характеръ, одна часть ихъ какъ на источникъ указываетъ на греческій унціальный алфавитъ, другая же чрезъ посредство глаголицы на предполагаемый греко-римско-албанскій курсивъ; б) одни только изъ греческаго унціальнаго письма «перечеканенныя» буквы кириллицы были въ употребленіи до столкновенія кириллицы съ албано-глаголическимъ курсивомъ; в) полагаемое столкновеніе и обоюдное вліяніе состоялось при Климентѣ, въ Македоніи; слѣдовательно, г) Кириллъ самъ пользовался алфавитомъ, который былъ чисто греческимъ и не зналъ никакихъ албано-глаголическихъ заимствованій, т. е. по «палеографическимъ» выводамъ автора, Кириллъ въ употребляемомъ имъ алфавитѣ буквы **ш**, **ч**, **ц**, **ѧ** и **ѫ** или уже раньше нашелъ, или самъ въ первый разъ ввелъ (эта альтернатива остается неразрѣшенною), однако его алфавитъ обходился еще безъ буквъ **ж**, **ю**, **ъ**, **ь**, **ы**, и можетъ быть безъ **ѣ**, такъ какъ кириллица не вошла еще въ тѣсное сношеніе съ албано-глаголическимъ курсивомъ Македоніи.

Представимъ себѣ съ полной ясностію, какъ несовершененъ долженъ былъ быть греко-славянскій алфавитъ, который обходился еще безъ буквъ, играющихъ въ кириллицѣ такую большую роль, какъ ж, ъ, ъі, ь, ю и можетъ быть даже ѣ; подумаемъ и о томъ, въ какомъ сильномъ противорѣчіи долженъ очутиться такой результатъ «палеографическаго» изслѣдованія съ историческимъ преданіемъ относительно дѣятельности Константина-Кирилла, которая отнюдь не отходитъ въ темныя времена Кадма, чтобы возможно было ее считать какъ нѣчто совершенно сказочное; прибавимъ наконецъ еще и самое главное, что въ имѣющихся на лицо древнѣйшихъ памятникахъ, которые написаны съ небольшимъ черезъ 100 лѣтъ послѣ дѣятельности Кирилла, нельзя найти для такой гипотезы ни малѣйшей опоры или оправданія. Въ виду такихъ обстоятельствъ какъ можно не заподозрить значенія школы, изслѣдованія или метода, которыя выносятъ на свѣтъ такіе результаты? какъ можно отказать себѣ въ желаніи нѣсколько ближе познакомиться съ палеографическимъ методомъ автора, заставившимъ его придти къ такимъ поразительнымъ результатамъ?

Проф. Гейтлеръ такъ рѣшительно ставитъ себѣ въ заслугу свой «палеографическій» методъ, что именно въ немъ и видитъ отличительный признакъ своего изслѣдованія сравнительно съ изслѣдованіями его предшественниковъ. Поэтому на стр. 66 онъ даже съ нѣкоторымъ упрекомъ говоритъ: «При (обыкновенной) постановкѣ этого вопроса (т. е. относительно обоихъ алфавитовъ) не уяснили себѣ того, что дѣло идетъ о происхожденіи славянскихъ знаковъ по отношенію къ мѣсту и времени, *что достижимо только палеографическимъ путемъ*». Я очень хорошо знаю, что А. Кирхгофъ съ особенной настойчивостью превозноситъ эти два момента въ своемъ классическомъ трудѣ о греческомъ алфавитѣ; но они ему послужили только средствомъ для достиженія яснаго взгляда на различныя запутанныя обстоятельства греческаго алфавита. Напротивъ, нашъ авторъ, который, какъ видно уже изъ его палеографической терминологіи, кое-что позаимство-

валъ изъ этого сочиненія, не вникнувши однако, какъ мнѣ кажется, въ духъ палеографическихъ изслѣдованій Кирхгофа, дѣлаетъ къ сожалѣнію изъ упомянутаго средства отнюдь не то употребленіе, которое онъ могъ бы найти въ своемъ образцѣ. Вмѣсто того чтобы постараться уяснить себѣ происхожденіе славянскаго алфавита по отношенію къ мѣсту и времени при помощи тѣхъ моментовъ, которые слѣдуетъ искать и можно найти въ самыхъ памятникахъ, онъ вполнѣ произвольно устанавливаетъ мѣстное и временное различіе по своимъ собственнымъ, недоказаннымъ, чисто гипотетическимъ гаданіямъ. И это называется прекрасно звучащимъ терминомъ «палеографическимъ» методомъ.

3. Въ числѣ памятниковъ церковнославянской письменности есть два глаголическіе, принадлежность которыхъ въ ихъ теперешнемъ видѣ къ области нарѣчій чехо-мораво-словацкой группы не можетъ подлежать сомнѣнію; несомнѣнныя филологическія и палеографическія особенности ставятъ ихъ въ число древнѣйшихъ памятниковъ славянской письменности; историческое преданіе о первой литературной дѣятельности на славянской почвѣ указываетъ именно на эту сѣверо-западную страну — все это такія данныя, которыя палеографъ изъ школы Кирхгофа нашелъ бы достойными величайшаго вниманія, но для нашего автора онѣ не существуютъ, да онѣ не могли, онѣ не должны были получить у него надлежащаго значенія, этому мѣшало одно основное затрудненіе, заключающееся для автора въ палеографическомъ характерѣ письма этихъ памятниковъ. Дѣло въ томъ, что упомянутые памятники — глаголическаго письма и, какъ таковые, употребляютъ уже въ своемъ алфавитѣ знаки ш, ꙋ, ц, которые по палеографической теоріи автора могли быть заимствованы только изъ кириллицы, гдѣ соотвѣтствующіе знаки ш, ꙋ, ц суть по его теоріи ни что иное, какъ «перечеканенныя» греческія буквы ѡ, Ꙋ. Такимъ образомъ весь вопросъ сводится къ необходимости доказать, что ш, ꙋ, ц непремѣнно перешли изъ кирилловскаго (греческаго унціальнаго) алфавита въ глаголическій, а не наоборотъ.

Это достигается «палеографическимъ» путемъ; съ увѣренностію, которая не оставляетъ ничего желать, предлагается поясненіе такого рода, что кирилловское Ш «перечеканено» изъ греческаго Ѡ, кирилловское Ꙋ и Ѹ изъ греческаго Υ. Если принять во вниманіе, что по собственнымъ словамъ автора, мы должны теперь, опираясь на такъ тщательно обработанную науку, какъ римская и греческая палеографія, совершенно иначе, чѣмъ прежде, относиться къ различнымъ двусмысленнымъ извѣстіямъ старины (стр. 161), то можно бы спросить: гдѣ найти въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ въ области греческой или римской палеографіи что нибудь, хотя самымъ отдаленнымъ образомъ, похожее на это смѣлое и въ высшей степени невѣроятное производство кирилловскихъ буквъ, замѣтьте, согласныхъ ш, ꙋ, ѹ изъ греческихъ гласныхъ ѡ, υ? Развѣ самъ авторъ не высказалъ относительно глаголическаго алфавита выше приведенную мысль, что сущность его состоитъ собственно въ дальнѣйшемъ каллиграфическомъ развитіи заимствованій? Развѣ онъ не говоритъ (стр. 67), что запутанныя обстоятельства славянскаго письма могутъ быть распутаны только чрезъ постоянное сопоставленіе историческаго развитія даннаго письма съ тѣмъ, изъ котораго оно заимствовано? Не заявляетъ-ли онъ (стр. 77), что никогда еще не образовались знаки такъ, что принималось въ разсчетъ несуществованіе того или другого звука въ языкѣ? Все это положенія вѣрныя, строгая выдержанность которыхъ прежде всего доставляетъ палеографическимъ изслѣдованіямъ настоящую привлекательность и истинное научное достоинство, такъ что при этомъ условіи дѣйствительно можетъ быть рѣчь о строгихъ палеографическихъ изслѣдованіяхъ. Какъ же можетъ авторъ, соглашающійся съ этими положеніями, такъ измѣнять самому себѣ, что не затрудняется непосредственно отождествлять кирилловскую согласную Ш съ греческою гласною ѡ, кирилловскую согласную Ꙋ и Ѹ съ греческою гласною υ?! Всѣмъ извѣстно, какъ строго относились греки къ точному соблюденію звукового значенія типовъ при заимствованіи ихъ изъ финикійскаго алфавита; даже Н (финикійское Chet)

первоначально означало только придыханіе. Если отдѣльные греческіе алфавиты при введеніи ΧΨ расходятся и распадаются на двѣ большія, ясно различающіяся группы (это результатъ палеографическихъ изслѣдованій А. Кирхгофа), то это случилось въ то время, когда эти новые знаки едва вошли въ употребленіе и оно еще не было закрѣплено. Кто могъ бы найти въ этомъ опору для произвольнаго отождествленія Ш съ ω, Ꙋ и Ц съ Υ? Въ этимологіи, какъ извѣстно, остерегаютъ отъ соблазна созвучіями; но и въ палеографіи, какъ мы замѣчаемъ у нашего автора, есть также соблазны сравненія по внѣшнему подобію, которыхъ не менѣе должно остерегаться. Странно, что авторъ съ пониманіемъ дѣла указываетъ во многихъ мѣстахъ своего сочиненія на прекрасныя основныя положенія палеографическаго изслѣдованія — для того чтобы нѣсколько страницъ далѣе не слѣдовать имъ. Мы не должны, говорится на стр. 131, принимать въ соображеніе никакого сходства, какъ бы велико оно ни было, если мы не можемъ отнести знакъ, послужившій образцомъ для той или другой буквы, въ опредѣленныя границы времени и къ опредѣленнымъ, предшествующими изслѣдованіями установленнымъ родамъ письма. Эта строгость методическаго изслѣдованія должна-ли быть соблюдаема только примѣнительно къ глаголицѣ? я думаю, что кирилловскій алфавитъ также не долженъ отъ нея уклоняться. И такъ если при образованіи алфавитовъ, какъ замѣчено у самого автора въ другомъ мѣстѣ, не практическія потребности, но вліяніе историческаго основанія имѣло рѣшающее значеніе (ср. 79 стр.), то можно спросить, на какомъ историческомъ основаніи греческое ω могло дать кирилловское Ш, греческое Υ кирилловское Ꙋ — Ц? Или можетъ быть древнѣйшіе кирилловскіе памятники не знаютъ ни ω, ни Υ? Нп чуть не бывало. Самъ авторъ не рѣшается на такое доказательство, онъ довольствуется только несмѣлымъ предположеніемъ, что кирил. унціалъ ѡ, *кажется*, не былъ въ древнѣйшей кириллицѣ нераздѣльною составною частью алфавита. Конечно, то что въ одномъ мѣстѣ сочиненія только *кажется*, въ дальнѣйшемъ ходѣ изслѣдованія не рѣдко употребляется

безъ этой оговорки уже какъ несомнѣнный результатъ для дальнѣйшихъ соображеній. Я могъ бы указать еще на «палеографическое» препятствіе, которое помимо внутренней невѣроятности мѣшаетъ отожествленію. Характеръ кирилловскаго алфавита — такъ называемые позднѣйшіе унціалы; но въ нихъ напрасно будемъ искать ближайшаго источника для Ш и Ꙋ въ ѡ и Ꙋ, такихъ ѡ и Ꙋ, каковы буквы Ш и Ꙋ древнѣйшихъ кирилловскихъ памятниковъ, въ греческихъ унціальныхъ текстахъ VIII и IX стол. вообще не найдешь. По этому авторъ принужденъ прибѣгнуть къ заглавнымъ буквамъ христіанскихъ надписей, гдѣ дѣйствительно Ш въ значеніи Ѡ попадается, хотя довольно рѣдко, но вмѣсто Ꙋ встрѣчается только Y—разница конечно не столь существенная, чтобы нельзя было согласиться съ авторомъ, если бы только славянское Ꙋ не выражало совсѣмъ другого звука, чѣмъ греческое Y и если бы греческое Y и безъ того уже не вошло въ славянскій, кирилловскій алфавитъ.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Сообразно съ ходомъ аргументаціи, которой авторъ слѣдуетъ въ этомъ сочиненіи, мы должны представить себѣ, что ш было сначала изъ греч. унціальнаго алфавита внесено въ кириллицу потомъ же перенесено изъ кирилловскаго въ глаголическій алфавитъ. Но не странно ли, что при этомъ переносѣ какъ разъ на этомъ знакѣ недостаетъ обычныхъ орнаментальныхъ примѣсей глаголицы? или развѣ трудно было передѣлать ш въ какой либо болѣе замысловатый типъ, если какъ обыкновенно полагаютъ изъ ꙋ вышло вычурное ѫ? Но даже если все это допустить, то спрашивается, если уже кто-нибудь по личному усмотрѣнію—такія, вѣдь, прихоти могутъ быть мыслимы только какъ проявленіе личнаго творчества—скажемъ хоть Константинъ-Кириллъ, для изображенія славянской буквы Ш прибѣгъ къ греческ. ѡ, а для изображенія Ꙋ — Ц къ греческ. Y, то почему же онъ не привелъ къ концу такъ легко (чтобы не сказать легкомысленно) начатое дѣло и не принялъ въ свой алфалитъ также и для Ѫ что нибудь въ родѣ греческаго Ꙋ? Если бы я умѣлъ самоувѣреннымъ тономъ автора говорить о вещахъ, отно-

сительно которыхъ ничего не извѣстно, то я сталъ бы утверждать, что ѱ въ самомъ дѣлѣ въ древнѣйшей кириллицѣ равнялось когда-то ж. Я могъ бы сослаться на нѣкоторыя соображенія въ сочиненіи автора, которыя очень напоминаютъ такую догадку. Почему же онъ воздержался отъ нея? А вотъ почему. Сообразно съ его палеографическими пріемами выходитъ, что ж какъ буква не угловатаго а нѣсколько заокругленнаго начертанія—въ особенности если принять въ соображеніе глаголическій типъ ея ⰶ— не соотвѣтствуетъ греческому унціальному стилю, отъ того онъ и предоставляетъ ее другой области, т. е. по своей догадкѣ, албанскому курсиву, откуда онъ беретъ глаголицу; о томъ же, какъ писалъ Константинъ кириллицею, не имѣя *ж*, онъ не заботится, какое ему дѣло до этого! Его теорія внушила ему догадку, что глаголическія письмена до принятія кирилловскаго ш имѣли другой албано-глаголическій знакъ для этого звука, который яко-бы продолжаетъ жить какъ составная часть одной глагол. буквы (глаголическаго ⰾ, которое я объясню ниже). Проф. Гейтлеръ знаетъ также и то, что кирилловское ѧ нѣкогда или исключительно, или по крайней мѣрѣ въ извѣстной кирилловской школѣ писцовъ, обозначало «ять» (ѣ); такихъ памятниковъ конечно нѣтъ, но онъ увлекаясь внѣшнимъ подобіемъ кирилловскаго ѧ съ глаголическимъ ⰰ, утверждаетъ произвольно, что они были.

Въ докозательство того, какъ изъ совсѣмъ простыхъ вещей слагаются у автора соображенія, расчитанныя на впечатлѣніе, приведемъ слѣдующій примѣръ: Глаголическое ⰲ, какъ извѣстно, значитъ 700, ⰳ = 800, въ кириллицѣ же ѱ = 700, а ѿ = 800. Различіе произошло отъ того, что кирилловскій алфавитъ обозначаетъ числа по примѣру греческаго, т. е. ѱ = 700 и ѿ = 800; но такъ какъ глаголическій алфавитъ первой буквы не употребляетъ, то въ этомъ алфавитѣ уже ⰲ (ѿ) должно было получить численное значеніе 700; ближайшая единица сотенъ перешла на слѣдующую букву, такой оказалось, какъ я полагаю, сначала ш, и стоявшее рядомъ съ нимъ шѡ; когда же вм. шѡ вошло въ

употребленіе ѿ, тогда ш осталось безъ арифметическаго примѣненія, по этому и было отодвинуто позади буквы ѳ, вслѣдствіе чего оно изрѣдка значитъ 2000, ср. Rad jugosl. akademije, sv. XXIII стр. 22. Въ abecenarium bulgaricum ѿ нѣтъ. Къ этимъ, какъ видно, очень естественнымъ различіямъ авторъ замѣчаетъ: «это не можетъ быть простой случайностью»! Конечно нѣтъ, оно имѣетъ свою опредѣленную, мною указанную причину, но отсюда еще нельзя выводить, будто глаголическое ѿ и кирилловское ѡ были тожественны или произошли изъ одного общаго источника.

4. Если мы станемъ искать поводъ выше упомянутой странной «перечеканкѣ» греч. типа Ѡ въ наше Ш и греч. Υ въ наше Ѵ, положенной проф. Гейтлеромъ въ основу всей его гипотетической постройки, то я не нахожу собственно никакихъ иныхъ руководящихъ мыслей кромѣ нѣкоторого внѣшняго сходства, которое онъ самъ въ другомъ мѣстѣ не особенно рекомендуетъ, а тѣмъ менѣе долженъ былъ принять какъ основной принципъ. Правда, тутъ присоединяется еще одинъ мотивъ, это совпаденіе въ стилѣ (почеркѣ, характерѣ письма), но это требованіе самъ авторъ не считаетъ непремѣннымъ. Если онъ, напр., на основаніи внѣшней формы, т. е. стиля, полагаетъ, что ш должно быть исключено изъ первоначальнаго глаголическаго алфавита, потому что оно угловато, т. е. унціальнаго характера («буква была свойственна первоначально только кирилловскимъ памятникамъ, такъ какъ только они почерпали изъ греческихъ капитальныхъ буквъ», стр. 114), то онъ долженъ былъ бы съ полной послѣдовательностью говорить также объ унціальномъ характерѣ глаголическихъ буквъ ⰰ, ⰱ, ⰲ, и можетъ быть даже ь, ⰳ. Очевидно, только невозможность найти что-нибудь подходящее среди греческихъ унціаловъ, побудила его придумать для этихъ буквъ иной способъ объясненія. По моему же мнѣнію упомянутыя буквы остаются довольно громкимъ свидѣтельствомъ, что и ш вполнѣ удобно могло попасть въ глаголицу инымъ путемъ, и вовсе не должно было быть заимствовано именно изъ греческихъ надписей. Дѣйствительно непонятнымъ становится, почему глаголиче-

ское письмо, при существующей повидимому выдержанности стиля, позволило навязать себѣ въ добавокъ такой неуклюжій знакъ, какъ ш (безъ всякихъ украшеній), — въ особенности если оно, по мнѣнію профессора Гейтлера, раньше уже имѣло настоящее курсивное (албанское) š! Послѣднее, конечно, только комбинація автора. Но какъ онъ богатъ ими, новымъ доказательствомъ этого служитъ его разсужденіе о глаголической буквѣ ѧ, гдѣ онъ не шутя требуетъ согласиться съ нимъ въ томъ, что постепенное видоизмѣненіе глаголической фигуры этой буквы стояло подъ вліяніемъ хода развитія греческаго — ѱ (стр. 91)! Къ этому прибавлено общее замѣчаніе такого содержанія: Какъ мало матеріальныхъ сношеній между греческими минускулами и глаголицей относительно происхожденія знаковъ мы бы ни находили, внѣшнее вліяніе минускульной каллиграфіи на начертанія глаголическихъ буквъ — всеобщее (стр. 91). Это замѣчаніе, которое во второй части его и я считаю совершенно вѣрнымъ и мѣткимъ, повторяется въ сочиненіи автора такъ часто (ср. стр. 67^{a}. 75^{b}, 107^{a}, 109^{b}, 113^{a}), что по неволѣ наводитъ на мысль, что греческіе минускулы все-таки нѣсколько безпокоили автора при его албанской гипотезѣ.

Кто отвергаетъ произвольное и совершенно неубѣдительное производство кирилловскаго Ш изъ ѡ, кирил. Ѵ, Ц изъ Ѵ, для того нѣтъ надобности приводить въ непосредственную связь кирилловскій алфавитъ и проповѣдническую дѣятельность Константина-Кирилла въ Моравіи. Коль скоро мы не поддаемся вліянію палеографическихъ соображеній, не имѣющихъ подъ собою почвы, коль скоро мы не смотримъ на нихъ какъ на доказанныя истины, то при всѣхъ дальнѣйшихъ попыткахъ уяснить себѣ вопросъ о происхожденіи славянскаго письма, взоры наши должны быть прежде всего обращены туда, гдѣ въ самомъ дѣлѣ съ самого начала изслѣдованій можно было найти главный источникъ поученія — это имѣющіеся, частію въ новѣйшее время открытые, частію по крайней мѣрѣ впервые изданные древнѣйшіе памятники славянской письменности. Палеографическая сторона

вопроса — неизвѣстная величина, которую нужно еще найти и опредѣлить; авторъ старался опредѣлить этотъ x рядомъ другихъ xxx... вмѣсто того, чтобы держаться той области, гдѣ у насъ есть нѣчто положительное, данное. Вмѣсто того, чтобы посредствомъ критическаго разбора древнѣйшихъ памятниковъ создать себѣ прочную филологическую основу для соображеній палеографическихъ, которыя должны первымъ подчиняться—такъ дѣлали до сихъ поръ всѣ палеографы-филологи,—авторъ обѣщаетъ намъ только потомъ когда нибудь, въ дополненіе къ своимъ палеографическимъ изслѣдованіямъ, представить нѣкоторыя филологическія доказательства; пока же онъ позволяетъ себѣ, для того чтобы осуществить свои палеографическіе идеалы, очень произвольно обращаться съ имѣющимися на лицо памятниками древней письменности; они для него ничто иное какъ сырой матерьялъ, изъ котораго онъ произвольно то тамъ, то тутъ беретъ по камню, чтобы употребить его для постройки своей палеографической гипотезы и вложить его по своему усмотрѣнію туда, гдѣ онъ это находитъ выгоднымъ для опредѣленной предвзятой цѣли. Такимъ образомъ, при нѣкоторомъ остроуміи, при нѣкоторой сообразительности и находчивости — а тѣмъ и другимъ владѣетъ авторъ въ высокой степени — можно все доказать, что только желательно; на долго-ли? — это, конечно, другой вопросъ.

5. Я приведу для этого нѣсколько доказательствъ. Мы владѣемъ въ настоящее время поистинѣ порядочнымъ числомъ очень древнихъ глаголическихъ памятниковъ церкслав. языка. Извѣстно ихъ согласіе въ передачѣ звука **о** посредствомъ знака **э**. Этотъ всѣмъ извѣстный знакъ, засвидѣтельствованный многими тысячами примѣровъ, не очень гармонируетъ съ гейтлеровской теоріей албанскаго происхожденія глаголицы; но вотъ на *единственной* надписи, находящейся на островѣ Кркѣ (и принадлежащей, кажется къ XII стол.), встрѣчается одинъ разъ **о** рядомъ съ часто повторяющимся обычнымъ **э**. Этотъ единичный случай, который, конечно, какъ и многое другое, требуетъ внимательнаго спеціальнаго изслѣдованія, потому что съ особенной стороны характери-

зустъ эту надпись, достаточенъ для истолковательнаго искусства автора, чтобы на немъ построить слѣдующія положенія: а) это башское (Baška, Башка, мѣстечко на островѣ Кыркѣ, Veglia, адріатическаго моря) о положительно должно присвоить древней болгарской глаголицѣ, б) это о навѣрное тожественно съ албанскимъ круглымъ ë! — Мнѣ же кажется гораздо естественнѣе предпожить, что рѣзчикъ рядомъ съ глаголическими буквами поставилъ латинскую. Вѣдь на островѣ Кыркѣ романскій элементъ тогда еще былъ очень силенъ, да очень можетъ быть и самъ рѣзчикъ принадлежалъ по народности не къ славянамъ.

Эта же самая надпись обнаруживаетъ возлѣ обыкновенной, правильно употребляемой формы ⱃ для буквы п также заглавное латинское N. И этого совершенно одиночнаго примѣра достаточно автору, чтобы вывести изъ него слѣдующія заключенія: а) такъ какъ глаголическіе памятники обыкновенно пользуются для украшенія ихъ курсива большими заглавными буквами, то по образцу греческихъ минускульныхъ рукописей здѣсь заглавное N употреблено въ смыслѣ маюскула къ обычному ⱃ для минускульной строки; но б) потомъ это заглавное N исчезло изъ глаголицы и какъ инціальное уступило мѣсто другому п, которое глаголическіе памятники образовали изъ обыкновенной глагол. буквы посредствомъ простого увеличенія. Между тѣмъ всѣмъ занимающимся славянскою, въ частности глаголическою палеографіею, извѣстно, а) что различіе между прописными и строчными буквами именно въ древнѣйшихъ памятникахъ развито очень мало, можно сказать совсѣмъ не существуетъ; б) что ни въ одномъ древнѣйшемъ глаголическомъ памятникѣ, гдѣ въ надписяхъ и заглавіяхъ часто встрѣчаются прописныя буквы, — нигдѣ нельзя найти ни N, ни какой бы ни было другой буквы, заимствованной изъ другого, чѣмъ глагол. почерка письма. Оба не давно самимъ проф. Гейтлеромъ изданные памятники синайскіе, обнаруживающіе нѣчто похожее на упомянутую надпись (т. е. нѣсколько греческихъ буквъ въ заглавіяхъ), никакъ не могутъ быть названы древнѣйшими. Такова фактическая сторона памятниковъ, и несмотря на

нее, у автора высказанъ цѣлый рядъ очень смѣлыхъ соображеній которыя не могутъ быть доказаны; они съ видимою натяжкою собраны только для поддержки гипотезы. Мнѣ не чувствующему въ себѣ способности увлекаться подобнаго рода гипотезами, хотѣлось бы знать вотъ что: если уже круглое **о** надписи башской по мнѣнію Гейтлера албанская буква, то не слѣдовало ли бы по меньшей мѣрѣ ожидать, что авторъ и выше упомянутое x выдастъ за албанское. Къ сожалѣнію этого сдѣлать нельзя, потому что въ албанскомъ письмѣ нѣтъ такого x. И такъ надо было взять его изъ греческаго языка, и о ужасъ! въ глаголическомъ письмѣ найти—греческій унціалъ. Куда же дѣлась строгая выдержанность стиля, которою такъ дорожитъ авторъ? Если бы кто нибудь смущался этой непослѣдовательностью, то я прошу его справиться въ § 119 сочиненія проф. Грейлера, тамъ онъ увидитъ что проф. Гейтлеръ всегда умѣетъ выйти изъ затрудненія посредствомъ какого либо новаго предположенія.

Въ той же самой надписи находится наконецъ также латинское м возлѣ глаголическаго ⰾ; конечно и здѣсь повторяются тѣ же пріемы объясненія, именно: м принимается за древнюю прописную букву, инициалъ, а ⰾ за «новѣйшую» строчную, какъ бы петельками украшенный минускулъ. Замѣтьте, что между тѣмъ какъ здѣсь (стр. 108[b]), а также и въ другомъ мѣстѣ (стр. 105[a]), консервативный характеръ глаголическаго письма проявляется, по мнѣнію автора, въ такъ называемыхъ прописныхъ буквахъ, вышедшихъ потомъ изъ употребленія, на стр. 67 дѣло представляется какъ разъ наоборотъ: украшеніе орнаментальными крючками началось-де съ инициаловъ, съ буквъ, находящихся внѣ текста или въ заглавіяхъ, а затѣмъ уже проникло въ самый текстъ! Кромѣ всѣхъ этихъ несообразностей можно бы еще напомнить, что одна болѣе древняя надпись, чѣмъ башская, тоже изъ Кърка, знаетъ только ⰾ. Впрочемъ я вовсе не придаю этому очевидному противорѣчію большой цѣны, потому что вообще не вѣрю, чтобы эти въ нѣкоторыхъ югозападныхъ памятникахъ разсѣянно повторяющіяся буквы имѣли столь важное значеніе.

Для профессора Гейтлера знакъ ı въ качествѣ гласнаго i, встрѣчающійся также совершенно единично въ двухъ-трехъ хорватскихъ *надписяхъ* (будь они даже изъ числа древнѣйшихъ), ничто иное, какъ албанское i. Онъ можетъ съ своими критическими пріемами согласовать пренебреженіе въ данномъ случаѣ совокупностію *письменныхъ* памятниковъ, между которыми есть многіе несомнѣнно значительно древнѣе, чѣмъ упомянутыя надписи, а тамъ, конечно, нѣтъ ни одного ı = i. Онъ можетъ не стѣсняяся, въ противорѣчіи со всѣми ими, дать преимущество и рѣшающее значеніе очень немногимъ, даже единичнымъ примѣрамъ встрѣчающимся на *каменныхъ* памятникахъ, которые кромѣ того представляютъ и другія особенности, такъ что на первыхъ порахъ лучше было бы разсматривать ихъ совершенно отдѣльно. Относительно упомянутаго ı обращу еще вниманіе на немаловажное обстоятельство, что тамъ, гдѣ встрѣчается ı=i, въ древнѣйшихъ глаголическихъ памятникахъ недостаетъ обычнаго глаголическаго ҁ, откуда можно заключить, что, если уже ı не принимать за латинскую букву, то на надписяхъ оно могло замѣнять обыкновенное ҁ. Иначе думаетъ проф. Гейтлеръ. Онъ отожествляетъ это совершенно одиночно встрѣчающееся эпиграфическое ı,—называя его, какъ сказано, албанскимъ,—съ тѣмъ ı, которое въ обыкновенной хорватской глаголицѣ XIII ст. и позднѣе изображаетъ единственный полугласный знакъ. Еслибъ я могъ съ этимъ мнѣніемъ согласиться, то я долженъ бы снова допустить своего рода «перечеканку», правда нѣсколько менѣе странную, чѣмъ та, о которой была выше рѣчь (ш = ѡ, ч = ѹ), т. е. долженъ бы допустить, что прежнее ı=i потомъ стало обозначать ь, т. е. ı = ь, По моему это очень невѣроятно, нигдѣ въ области славянской графики мы не замѣчаемъ ничего подобнаго, не говоря уже о слишкомъ слабо подкрѣпленномъ (только двумятремя примѣрами) употребленіи этого ı = i, что не внушаетъ довѣрія къ предположенію, будто это ı=i продолжало существовать въ глаголической письменности цѣлыя столѣтія до тѣхъ поръ, пока не получило новаго назначенія какъ ı = ь. Мнѣ

кажется болѣе вѣроятнымъ другой способъ объясненія хорватскаго ı = ь, т. е. я полагаю, что обыкновенное ı хорватской глаголицы не болѣе какъ палеографическое *упрощеніе* знака ⰼ, ⰼ, который могъ казаться слишкомъ сложнымъ начертаніемъ для звука, въ большинствѣ случаевъ не существовавшаго въ произношеніи. Можетъ быть тутъ принималъ нѣкоторые участіе и тотъ знакъ, который начиная уже съ очень древнихъ памятниковъ, замѣнялъ полугласныя буквы, т. е. знакъ ʾ. Внесеніемъ его въ строку легко было изъ него сдѣлать букву ı. Этотъ способъ объясненія конечно слишкомъ простъ для того, чтобы возбудить еффектъ, но за то онъ имѣетъ одно большое преимущество, что не перепутываетъ произвольно палеографическихъ фактовъ. Проф. Гейтлеръ, не останавливающійся ни передъ какой комбинаціей, если она поддерживаетъ его теорію, не затрудняется выставить и по этому поводу слѣдующее положеніе: «три древнѣйшихъ хорватскихъ надписи имѣютъ рядомъ съ албанскимъ ı *только еще* одно ȣ. Въ XII—XIII ст. ⰾ и ⰿ *снова появляются*, особено въ качествѣ заглавныхъ (инициальныхъ) буквъ». Кто знакомъ съ ходомъ глаголической графики по памятникамъ хорватской редакціи, тому не нужно подробно доказывать, сколько произвольнаго заключается въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ.

Еще одинъ примѣръ. Въ глаголическихъ памятникахъ, какъ извѣстно, встрѣчается безчисленное количество примѣровъ сочетанія ⰼⰿ (= кирил. ꙑ), рѣдко въ сравненіи съ этимъ сочетаніе ⰼȣ (= ꙑн). Проф. Гейтлеру всего этого недостаточно; мало того что онъ въ кириллицѣ знакъ ı (напр. въ сочетаніи ꙑ) считаетъ дѣломъ вліянія албано-глаголическаго, ему хочется еще доказать, что и глаголицѣ не было чуждо сочетаніе ⰼı. Какъ мы уже видѣли выше, онъ полагаетъ, что на башской надписи нашелъ «албанское» ı; гдѣ же взять глаголическо-албанское ꙑ, т. е. ⰼı? А вотъ опять на одной надписи. Для этой цѣли онъ требуетъ отъ насъ очень немногаго, т. е. согласиться съ нимъ въ томъ, что буквы ⰹⰾⰽⰼıьⰽ той надписи надо читать такъ, какъ требуетъ его теорія, именно ⰹⰾⰽⰼı ьⰽ... Но это въ высшей степени не-

вѣроятно: во 1-хъ, если въ предшествующей строкѣ стоитъ глаголъ въ ед. числѣ ⰰⰲⰱⰰ, то естественно предположить, что и въ ближайшей строкѣ рѣчь идетъ объ одномъ лицѣ, объ одномъ «опатѣ» (опатъ-abbas), стало быть вѣрнѣе сказать, что въ неяснаго смысла выраженіи ⰵⰳⰰⰿⰲⰻⰱⰰ первое слово заканчивается буквою ъ (ⰲ), т. е. опатъ, слѣдовательно ближайшее слово начинается съ і или, еще лучше, это союзъ et; во 2-хъ, окончаніе винит. и твор. падежей множ. числа на ъі въ глаголическомъ хорватскомъ памятникѣ должно быть доказано болѣе достовѣрными примѣрами, прежде чѣмъ можно будетъ утверждать, что въ данномъ случаѣ рѣчь идетъ о глаголическомъ ⰲⰻ. «Единственное безцѣнное доказательство глаголическаго ⰲⰻ» стоитъ такимъ образомъ на черезъ-чуръ шаткой почвѣ, т. е. для меня оно пока вообще не существуетъ.

Я долженъ отказаться отъ приведенія дальнѣйшихъ примѣровъ, — они слишкомъ многочисленны; почти на каждой страницѣ можно бы остановиться на томъ или другомъ соображеніи или положеніи автора, требующемъ рѣшительныхъ возраженій.

6. Извѣстная палеографическая противоположность обоихъ славянскихъ алфавитовъ справедливо выставляется проф. Гейтлеромъ (стр. 156); только онъ въ своемъ требованіи строгости стиля заходитъ слишкомъ далеко, если букву одного алфавита, имѣющую формальное сходство съ буквой другого, прямо отожествляетъ съ этой послѣдней, не обращая вниманіе на звуковое значеніе. Легко допустить, что глаголическое ⱎ тожественно съ кирилловскимъ щ, глаголическое ⰶ съ кирилловскимъ ж, глаголическое ⱓ съ кирилловскимъ ю; легко рѣшаемся вѣрить, что ⱔ и ѵ ⱌ и ц покоятся на одномъ основаніи, но все это потому, что это — тожественныя буквы не только по формѣ но и по *звуковому* значенію.

Болѣе сомнительнымъ становится дѣло, когда на основаніи одного только подобія формы (не одинаковости ея) дѣлается заключеніе, что глаголическое ⰾ тожественно съ кирилловскимъ л или

ѧ (ср. стр. 95). Какъ извѣстно, ѧ въ значеніи кирилловскаго ѧ (ę) встрѣчается только въ одномъ памятникѣ (въ савиной книгѣ), который при этомъ употребляетъ и ѧ (хотя рѣже). Этотъ памятникъ очень древній; онъ относится къ тому времени, когда еще начертаніе іотованныхъ гласныхъ въ кириллицѣ не установилось какъ прочное употребленіе, а было только общепринято знакомъ ѧ выражать носовое e, но есть-ли ѧ = ę или ѧ = ję, это оставалось нерѣшеннымъ, точно такъ какъ глаголическое Ⱁ первоначально заключало въ себѣ и то и другое. Прежде чѣмъ установился принципъ выражать іотованныя гласныя посредствомъ приставки спереди і — не можетъ быть никакаго сомнѣнія, что ѣ, ѫ, ѭ появились позднѣе — старались помочь дѣлу видоизмѣненіями одного знака. Вслѣдствіе этого вотъ и существуютъ кирилловскіе памятники, гдѣ то ѧ = ę и ѧ = ję, то на оборотъ ѧ = ę и ѧ = ję. Къ этому времени колебанія относится также и савина книга, въ которой различіе старались установить такимъ образомъ, что обозначали знакомъ ѧ — ję, и знакомъ ѧ — ę. При этомъ, очевидно, надо выходить изъ ѧ, какъ основного знака, который уже не вполнѣ сходится по формѣ съ глаголическимъ ѧ, а еще менѣе по звуковому значенію, такъ что это внѣшнее совпаденіе глаголическаго знака съ кирилловскимъ, встрѣчающееся кромѣ того только въ одномъ памятникѣ, чисто случайное. И такъ если принять съ проф. Гейтлеромъ, что первоначальная неполнота обоихъ славянскихъ алфавитовъ вызвала обоюдныя заимствованія (ср. стр. 151), то спрашивается: если глаголическому алфавиту недоставало знака для ė, почему онъ не позаимствовалъ ѣ изъ кириллицы? Нельзя сказать, что знакъ ѧ блуждалъ туда и сюда, подобно острову Делосу еще не прикрѣпленному Аполлономъ. Вѣдь проф. Гейтлеръ самъ совѣтуетъ намъ строго придерживаться того взгляда, что передъ нами два коренным образомъ различныхъ алфавита, которые сначала были раздѣлены мѣстностью и временемъ. Какъ намъ выйти изъ этого затрудненія? Проф. Гейтлеръ видитъ трудность (ср. стр. 95), но онъ по обыкновенію помогаетъ себѣ двумя новыми гипотезами, не

заботясь о томъ, что ихъ и безъ того черезъ-чуръ много въ его изслѣдованіи: a) когда глаголическіе памятники искали знака для *ять*, кирилловскіе сами еще не имѣли своего ѣ; но b) ѧ должно было тогда или исключительно или по крайней мѣрѣ въ одной какой нибудь кирилловской школѣ обозначать *ять*. Значитъ въ кириллицѣ сначала было ѧ = ять (ѣ), этотъ знакъ переняли въ глаголицу, гдѣ онъ и остался, между тѣмъ какъ въ кириллицѣ онъ потомъ, не извѣстно по какой причинѣ, исчезъ. Вѣроятно ли все это, не говоря уже о томъ, что памятники не даютъ ни малѣйшаго права на такія произвольныя соображенія?

7. Теорію обоюдныхъ заимствованій славянскихъ алфавитовъ при нашихъ настоящихъ средствахъ я считаю невозможною или по меньшей мѣрѣ неприложимой въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это дѣлается въ разбираемомъ сочиненіи. Относительно заимствованія извѣстныхъ буквъ изъ одного алфавита въ другой, конечно всѣ изслѣдователи согласны, оно слишкомъ очевидно для того, чтобы можно было въ немъ сомнѣваться; однако взаимное или обоюдное заимствованіе, какъ оно принимается проф. Гейтлеромъ, по гипотетическимъ соображеніямъ котораго буквы ш, щ, ц, ч, ц, ѧ должны были перейти изъ кириллицы въ глаголицу, ѫ, ѯ, ѳ, ѳі изъ глаголицы въ кириллицу, я считаю невозможнымъ. Если первоначально оба алфавита опирались уже на готовые роды письма, въ рамкахъ которыхъ они и оставались, (стр. 156), то дальнѣйшій процессъ ихъ приспособленія къ славянскому произношенію могъ идти или самостоятельно и независимо другъ отъ друга и мѣстностію и временемъ — въ такомъ случаѣ, конечно нельзя было бы ожидать никакой зависимости въ обозначеніи «негреческихъ» звуковъ между глаголицей и кириллицей; или же передѣлка иностранныхъ алфавитовъ происходила въ такое время и въ такой мѣстности, гдѣ состоялось уже тѣсное соприкосновеніе знаковъ, самостоятельно заимствованныхъ изъ двухъ различныхъ алфавитовъ — въ такомъ случаѣ надо было ожидать обоимъ алфавитамъ одно общее, развѣ только различнымъ образомъ стилизированное пополненіе. Противъ перваго случая

говоритъ то обстоятельство, что часть новыхъ буквъ очевидно тожественна; второй случай невозможенъ потому, что опять часть начертаній, выражающихъ «славянскіе» звуки, существенно расходится, т. е. соотвѣтствующіе знаки далѣе другъ отъ друга, чѣмъ это могло бы быть объяснено однимъ стилистическимъ различіемъ письма. Остается избрать какой нибудь средній путь; къ сожалѣнію пхъ возможно нѣсколько, что затрудняетъ рѣшеніе вопроса.

Путь, избранный проф. Гейтлеромъ, какъ уже упомянуто, ведетъ къ тому, будто каждый изъ двухъ алфавитовъ самостоятельно развилъ опредѣленное число новообразованій или дополнительныхъ начертаній въ предѣлахъ своего рода письма. Положимъ, что это такъ, странно только вотъ что: ни тотъ ни другой по теоріи автора не успѣлъ довести дѣло до конца, а остановился такъ сказать на полдороги. Такое предположеніе очень неестественно и фактами изъ области палеографіи не подтверждается. Едва ли бы и авторъ напалъ на такую мысль, если бы онъ не нуждался въ ней для проведенія своей теоріи. Для того же, чтобы опредѣлить, какое число типовъ развилось въ области того и другого письма, онъ исключительно подчиняется палеографическому стилю новыхъ знаковъ, не заботясь ни мало о томъ, не выйдетъ ли изъ этого нѣчто совсѣмъ несообразное. Какъ видно, онъ придерживается приблизительно такого пріема, какъ если бы кто на основаніи теперешняго сходства между латинскимъ C и греческимъ C, латинскимъ P и греческимъ P, захотѣлъ дѣлать палеографическія комбинаціи. Такимъ образомъ онъ приходитъ къ тому, что устанавливаетъ два славянскихъ алфавита, имѣющіе приблизительно такой же видъ, какъ двѣ фигуры, изъ которыхъ одной недостаетъ рукъ, другой ногъ, т. е. кириллица помимо обычныхъ греческихъ унціальныхъ типовъ развила по его мнѣнію еще **б**, **ш**, **щ**, **ч**, **ц**, **ѧ**, **ѫ** и наконецъ **ѣ** изъ самой себя, т. е. изъ того же унціальнаго греческаго алфавита, но не дошла одновременно съ этимъ до установленія буквъ **ж**, **ю**, **ъ**, **ь**, **ѣ**: глаголица какъ разъ владѣла по его гипотезѣ тѣмъ, чего недоставало другому алфавиту, именно типами **ж**, **ю**, **ѣі**, **ъ**, **ь**; она получила этотъ

матеріалъ начертаній, по мнѣнію проф. Гейтлера, изъ албанскаго алфавита, о чемъ будетъ рѣчь ниже. Но тотъ же алфавитъ могъ бы ей дать собственные знаки и для š, č, c, однакожъ по какому-то непонятному для насъ упрямству она ихъ не приняла а предпочла кирилло-греческіе. Какъ согласовать это отклоненіе одной части готоваго матеріала, въ которомъ все-таки нуждались, съ основнымъ положеніемъ, не разъ высказаннымъ проф. Гейтлеромъ, что глаголическій алфавитъ вполнѣ стоитъ на албанской почвѣ, даже ничего новаго не прибавляетъ, для меня это непостижимо.

Авторъ очевидно не признаетъ другой послѣдовательности, кромѣ той, которую внушаетъ ему его гипотеза, какъ бы въ частностяхъ ни противорѣчили факты. Въ угоду своей гипотезѣ онъ не сомнѣвается въ томъ (стр. 22), что «для объясненія глаголическихъ знаковъ албанское τσ не имѣетъ никакого значенія», хотя можетъ быть именно его албанская теорія должна была бы нѣсколько подробнѣе остановиться на этой буквѣ, отмѣченной уже Миклошичемъ. За то онъ въ угоду своей гипотезѣ рѣшается совершенно фантастично предполагать существованіе двухъ какихъ-то обломковъ алфавитовъ, которые были въ состояніи составить нѣчто цѣльное, удовлетворяющее обоихъ, только войдя въ тѣсное взаимнодѣйствіе. Я хвалю эту палеографическую послѣдовательность въ томъ отношеніи, что она привела автора къ соображеніямъ уже совсѣмъ невозможнымъ, а этимъ ускоряется окончательный приговоръ надъ самой теоріей. Только что указанный примѣръ, т. е. возможность отожествлять глаголическое ѵ съ албанскимъ знакомъ для τσ, на который уже обращалъ вниманіе проф. Миклошичъ, долженъ былъ такимъ образомъ пасть жертвою кирилловскаго ц. Пришлось ради него глаголическое ѵ производить отъ греческаго ипсилона квадратнаго письма (стр. 122), потому что и кирилловское ц, по выше изложенной теоріи перечеканки греческихъ типовъ, производится отъ того же ипсилона, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ его (стр. 119). Но такъ какъ теорія не позволяетъ глаголическое ѵ выводить непосредственно изъ греческаго квадратнаго письма,

то авторъ предлагаетъ намъ такую выходку: «*мы должны предположить* что оно (т. е. глаголическое ѵ) было извѣстно древнѣйшей болгарской кирилицѣ». Легко сказать!

8. А. Кирхгофъ, столь же осторожный палеографъ, какъ и основательный филологъ, говоритъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи по исторіи греческаго алфавита, что ему противно желать пополнить пробѣлы знанія гипотетическими построеніями тамъ, гдѣ не исключена возможность ихъ восполненія новыми фактами. Я не хочу утверждать, что относительно вопроса о славянскомъ алфавитѣ въ близкомъ будущемъ предстоитъ открытіе такихъ фактовъ, которые разомъ могли бы разрѣшить всѣ сомнѣнія; но я утверждаю, что уже имѣющіеся на лицо факты достаточны для того, чтобы совершенно опровергнуть большую часть гипотезъ проф. Гейтлера. Въ самомъ концѣ своихъ разысканій онъ вкратцѣ упоминаетъ о глаголическихъ кіевскихъ и пражскихъ отрывкахъ, которые онъ причисляетъ къ памятникамъ, писаннымъ «болгарскими круглыми» и «болгарскими угловатыми маюскулами». Письмо пражскихъ отрывковъ справедливо обозначается какъ угловатые (не вполнѣ,—это скорѣе переходная ступень) маюскулы, которые стоятъ въ тѣсномъ историческомъ соотношеніи съ круглыми маюскулами кіевскихъ отрывковъ, къ которымъ они относятся какъ позднѣйшій отпрыскъ и естественное продолженіе. Если бы проф. Гейтлеръ, вмѣсто того, чтобы погрузиться въ море гипотезъ, послѣдовалъ палеографическому методу Кирхгофа, то онъ прежде всего постарался бы освѣтить происхожденіе и филологическое значеніе этихъ отрывковъ, палеографическій характеръ которыхъ онъ вѣрно опредѣляетъ. Если такого рода разсужденіе было бы написано сколько нибудь безпристрастно, то оно дало бы ему въ руки факты, которые имѣли бы рѣшающее значеніе для занимающаго насъ вопроса, по крайней мѣрѣ отъ части. Онъ обѣщалъ намъ, правда, такое изслѣдованіе въ ближайшемъ будущемъ, но главныя положенія его, приводимыя уже здѣсь, меня очень мало удовлетворяютъ. Проф. Гейтлеръ полагаетъ, что безукоризненный «староболгарскій» языкъ кіевскихъ листковъ, пра-

вплность въ употребленіи юсовъ, точное различіе между ѣ и ь исключаетъ возможность приводить ихъ ради ц и з (вм. ць и жд) въ связь, въ какую бы ни было, съ сѣверною родиною и сѣверо-западно-славянскимъ нарѣчіемъ, и что это отрывки македонскіе. Но я не дожидаясь его филологическихъ доказательствъ осмѣливаюсь уже теперь утверждать, что правильность церковнославянскаго языка этихъ отрывковъ—сама по себѣ, а чехизмы (моравизмы или паннонизмы) опять сами по себѣ. Я никогда не отвергалъ мысли, что церковнославянскій языкъ въ Моравіи былъ по крайней мѣрѣ настолько элементомъ пришлымъ, насколько представителями его являлись солунскіе братья, Константинъ и Меѳодій, поэтому и не приходитъ мнѣ въ голову настаивать на томъ, что языкъ кіевскихъ отрывковъ есть настоящій живой языкъ Моравіи или сѣверной Паннонiи X вѣка. Мнѣ достаточно того, что въ этихъ отрывкахъ, какъ въ зеркалѣ, отражаются ясные слѣды ихъ исторической зависимости отъ настоящаго живого языка Моравіи (или Сѣверной Паннонiи) IX и X вѣка; все равно, сказать ли, что настоящій, сохранившійся списокъ былъ писанъ на сѣверѣ, или что онъ переписанъ на югѣ (въ Македоніи, Далмаціи или на островахъ адріатическаго моря), но съ уцѣлѣвшими остатками его сѣвернаго подлинника. Въ томъ и другомъ случаѣ (мнѣ кажется правдоподобнѣе первый) одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ глаголической письменности указываетъ прямо на старую Моравію и Паннонію какъ область, въ которой господствовало глаголическое письмо, чему дальнѣйшее подтвержденіе заключается въ отрывкахъ пражскихъ. Кѣмъ могла быть занесена въ Моравію (Чехію и сѣверную Паннонію) глаголица въ столь раннее время, это вопросъ не требующій даже отвѣта. Ссылаясь на то, что мною сказано въ маріинскомъ евангеліи (на стр. 415 — 6) прибавлю еще относительно кіевскихъ отрывковъ слѣдующее: они замѣчательны для славянской палеографіи и тѣмъ, что хотя написаны въ маломъ форматѣ пергамента (въ VIII — IX ст. любили малый форматъ, въ родѣ теперешняго 8^0, въ X тоже, только нѣсколько больше, Royal-Octav,—такимъ образомъ

нашъ отрывокъ примыкаетъ къ греческимъ пріемамъ IX—X в.), всетаки почеркъ письма остался—полукруглые маюскулы. Это обстоятельство довольно важно. Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что памятникъ несмотря на малый форматъ сохранилъ характеръ письма въ древнѣйшемъ его видѣ, когда писцы еще опытомъ не привыкли видоизмѣнять почеркъ сообразно съ величиною рукописи, замѣтно различать заглавныя буквы отъ строчныхъ и т. д.

Фактами этого и другихъ древнѣйшихъ памятниковъ глаголической письменности разрушается основная часть Гейтлеровской теоріи, т. е. его мнѣніе, что Константинъ-Кириллъ писалъ грекоунціальнымъ письмомъ, которому еще недоставало главныхъ обозначеній для нѣкоторыхъ славянскихъ звуковъ. По моему мнѣнію въ нашемъ случаѣ не филологическія изслѣдованія, опирающіяся на сохранившіеся, благодаря счастливой находкѣ преимущественно русскихъ путешественниковъ, древніе памятники, должны преклоняться передъ палеографической гипотезой или идти на привязи ея, а наоборотъ, палеографія должна вмѣнить себѣ въ обязанность выводить изъ даннаго ей филологическимъ путемъ и критически обработаннаго матеріала опредѣленныя точки опоры, которыхъ ни подъ какимъ условіемъ не должна она совершенно терять изъ виду. Изъ такого отношенія къ дѣлу получается рядъ важныхъ выводовъ, на которыхъ я не могу подробно останавливаться, довольствуясь тѣмъ, что снова сошлюсь на высказанное мною въ маріинскомъ евангеліи на стр. 474 — 476.

Изъ сказаннаго тамъ видно, что я вовсе не отрицаю большого значенія эпохи, послѣдовавшей непосредственно послѣ Кирилла и Меѳодія, когда славянская литургія стала распространяться по разнымъ странамъ балканскаго полуострова; только тщательное изученіе всѣхъ уцѣлѣвшихъ свидѣтельствъ изъ этой эпохи, древнѣйшихъ глаголическихъ и кирилловскихъ памятниковъ, приводитъ меня къ результату, который идетъ совершенно вразрѣзъ съ теоріею проф. Гейтлера. Въ кирилловскихъ памятникахъ, чѣмъ они древнѣе, тѣмъ рѣшительнѣе я замѣчаю наклонность въ выборѣ словъ, въ грамматикѣ и особенно въ орѳографіи

подчиняться образцамъ глаголическимъ; я замѣчаю несравненно больше зависимости первыхъ отъ послѣднихъ, чѣмъ на оборотъ; послѣдніе слѣды этого отношенія простираются очень далеко и могутъ быть доказаны даже въ нѣкоторыхъ древнерусскихъ памятникахъ, на что давно уже указано покойнымъ И. И. Срезневскимъ. Противоположное мнѣніе проф. Гейтлера, что «глаголическая орѳографія образовалась по образцу кирилловской», я причисляю къ многимъ произвольно выставленнымъ и недоказаннымъ положеніямъ, которыми такъ изобилуетъ его сочиненіе.

9. Такъ какъ я во всѣхъ отношеніяхъ даю предпочтеніе кирилловскому алфавиту передъ глаголическимъ, то я охотно остановился бы на убѣжденіи, что первый, а не послѣдній лежитъ въ основаніи самыхъ раннихъ литературныхъ произведеній у славянъ, если бы только можно было подтвердить его историко-критическими, филологическими и палеографическими доказательствами. По этому понятное дѣло, что я добросовѣстно изслѣдовалъ въ трудѣ проф. Гейтлера все, высказанное въ пользу этого послѣдняго взгляда. Къ сожалѣнію, я долженъ признаться, что ничего не нашелъ, что могло бы поколебать мое убѣжденіе, сложившееся вслѣдствіе изученія, сравненія и взаимной оцѣнки древнѣйшихъ памятниковъ обоихъ алфавитовъ. Я вполнѣ признаю вѣсъ тѣхъ соображеній, которыя говорятъ за сильное процвѣтаніе глаголицы въ Македоніи — мои изданія зографскаго и маріинскаго евангелій ясно это показываютъ—только я не замѣчаю подобно проф. Гейтлеру никакой противоположности между этой эпохой и болѣе древней, предшествовавшей ей мораво-паннонской, а скорѣе естественное, послѣдовательное продолженіе первой второю.

Окончательный перевѣсъ кириллицы, побѣду ея надъ глаголицей, я приписываю блестящему вѣку Симеона, или опредѣляя мѣстность географически, восточной и южной Болгаріи, между тѣмъ какъ Македонія повидимому еще долгое время упорно держалась глаголицы. Зная изъ исторіи, что центръ дѣятельности Климента находился въ Македоніи, гдѣ судя по сохранившимся памятникамъ, и въ X вѣкѣ господствовала глаголица, я не могу никакъ

по примѣру Шафарика или Рачкаго Климента считать изобрѣтателемъ кирилловицы. Нѣтъ. Климентъ писалъ безъ сомнѣнія тѣмъ же письмомъ, которымъ Кирилловъ и Меѳодій. тѣмъ же которому онъ выучился еще на сѣверѣ. въ предѣлахъ Моравіи и Паннонія.

Далѣе и я считаю естественнымъ, что существовали тѣсныя сношенія между Македоніею, Босніею и Далмаціею, поэтому и высказано мною предположеніе, что для маріинскаго евангелія, которое въ его теперешнемъ видѣ должно быть боснійско-далматинскаго происхожденія, нужно предположить какой-нибудь болѣе древній, македонскій подлинникъ. Но для Истріи, для острововъ адріатическаго моря, напр. Кърка (Veglia), и для другихъ сѣверныхъ областей, которыя населены Хорватами и Словенцами, столь же естественно предположить давнишнее сношеніе, издавнюю связь съ Панноніей. Непрерывная цѣпь тянется, благодаря счастливымъ открытіямъ, еще дальше на сѣверъ и простирается, какъ это показываютъ кіевскіе и пражскіе отрывки, до сѣверной Паннонія и Чехо-Моравіи.

Вотъ факты, на которые опирается мое научное убѣжденіе. Отказаться отъ этого убѣжденія, основаннаго на имѣющихся на лицо памятникахъ, ради гипотетическихъ соображеній палеографическаго свойства.—это значило бы требовать отъ меня слишкомъ много. Иначе смотритъ на дѣло проф. Гейтлеръ. Для него на первомъ планѣ палеографическіе «факты», какъ онъ выражается, я же лучше назову ихъ палеографическими комбинаціями. Развѣ можно иначе какъ палеографической комбинаціею, чтобы не сказать натяжкою, назвать хоть бы слѣдующее разсужденіе о глаголической и кирилловской буквѣ ⰶ — ж: начинается съ того, что въ глаголическомъ алфавитѣ ⰶ имѣло нѣкогда другой видъ, т. е. такой, какой автору понадобился для того, чтобы изъ него вывести кирилловскую букву ж; самый переходъ, настоящее превращеніе, описывается слѣдующимъ образомъ: глаголица получила сначала знакъ изъ того алфавита, который послужилъ ей первообразомъ, но не что-нибудь готовое, въ родѣ теперешняго албанскаго *ж*, а несмотря на такъ часто повто-

ряемую авторомъ полную зависимость ея, она воспользовалась въ данномъ случаѣ албанскою буквою въ ея «первоначальной» формѣ; такимъ образомъ, заимствованная буква выходитъ албанскою и опять таки не албанскою. Но если даже и возстановить этотъ первоначальный типъ, то этимъ дѣло еще не кончено; нужно, чтобы пришла на помощь «нѣсколько иная группировка составныхъ частей» и кромѣ того «обыкновенное заокругленіе одной свободной части буквы» — тогда только наконецъ буква готова. Но между тѣмъ она теперь уже выходитъ круглой и перевитой, сообразно фигурѣ, начертанной у него на 103 стр.; надо новымъ видоизмѣненіямъ востановить сначала кирилловскій типъ ея, примѣненіемъ средства, которое рѣшительно идетъ вразрѣзъ съ теоріей Гейтлера, именно удаленіемъ одного округленія. Лично мнѣ очень пріятно видѣть, что и авторъ при всей своей палеографической требовательности не можетъ совсѣмъ обойтись безъ — палеографическаго упрощенія. Оно и мнѣ нужно для того, чтобы вывести кирилловское ꙋ изъ глаголическаго ⰻ и кирилловское ж изъ глаголическаго ⰶ. Обѣ эти глаголическія буквы дѣйствительно такого рода, что можно нѣкоторое время колебаться, не послужили-ли для нихъ первообразомъ кирилловскіе знаки ꙋ и ж. Жаль только, что сами кириловскіе ꙋ и ж не поддаются удовлетворительному объясненію, хоть бы нѣсколько болѣе убѣдительному, чѣмъ то, которое предложено проф. Гейтлеромъ. Я знаю и хорошо понимаю, что большинство палеографовъ, сопоставляя ꙋ съ ⰻ, ж съ ⰶ, даютъ предпочтеніе первымъ типамъ какъ болѣе простымъ. Это значило бы, что составитель глаголицы, кто бы онъ ни былъ, по моему мнѣнію Константинъ Философъ, нашелъ эти знаки уже въ употребленіи при греческомъ унціальномъ письмѣ. Были ли это самородки? Откуду они взялись? Мало по малу, незамѣтно, они могли бы явиться въ кириллицу рядомъ съ прочими типами только изъ той культурной среды, которая ближайшимъ образомъ прикасалась славянъ, изъ письма греческаго. Но тамъ ихъ нѣтъ. Всякое же другое заимствованіе исключаетъ вѣроятность медленнаго историческаго процесса,

а требуетъ сознательнаго участія и почина личнаго. Если же скажемъ, что въ унціальномъ греч. алфавитѣ (=нашей кириллицѣ) дополнительные знаки (т. е. ц, ч, ж, ш) были уже въ употребленіи до Кирилла, въ такомъ случаѣ Константинъ, какъ составитель глаголическаго письма, является на сцену слишкомъ поздно, такъ какъ главное дѣло было уже сдѣлано другими, и вмѣсто похвалы, уваженія и удивленія, онъ заслуживалъ бы скорѣе порицаніе за то, что не довольствовался столь удачно придуманными средствами другихъ, а сталъ передѣлывать ихъ на свой ладъ, сплетать въ искуственныя усложненія.

Вотъ причины, побуждающія меня предполагать, что ранѣе появленія славянскихъ первоучителей, Кирилла и Меѳодія, хоть бы и записывали въ случаѣ надобности то или другое славянское слово греческими или латинскими буквами, о славянской графикѣ все-таки не думали, стало быть никакихъ особыхъ знаковъ, помимо обыкновенныхъ греческихъ и латинскихъ, не знали и не употребляли. Если это такъ, то становится возможнымъ допустить, что Константинъ-Кириллъ особое обозначеніе для славянскихъ звуковъ *ч*, *ж*, *ш*, *ц* привилъ прямо тому письму, которое легло въ основаніе его графики, т. е. по моему, глаголицѣ. Но тогда точкою отправленія въ палеографическихъ разсужденіяхъ надо считать типы глаголическіе ⱍ, ⱁ, ш, ⱎ, и сказать, что эти знаки, хотя они, по крайней мѣрѣ отъ части, на видъ сложнѣе соотвѣтствующихъ имъ кирилловскихъ, все-таки подведены подъ обыкновенный стиль глаголическаго письма прямо изъ тѣхъ источниковъ, откуда они взяты, не нуждаясь въ посредничествѣ кирилловскомъ. Все это пріобрѣтетъ еще болѣе вѣроятности, если удастся показать, что составитель и для этихъ буквъ бралъ матеріялъ изъ той же области, которой принадлежатъ образцы для прочихъ знаковъ его письма. Кирилловскіе типы въ такомъ случаѣ являются упрощеніями глаголическихъ, насколько оно было возможно или необходимо для согласованія ихъ съ требованіями унціальнаго стиля. У ш нечего было отнимать, и это мнѣ кажется менѣе удивительнымъ, чѣмъ наоборотъ, почему изобрѣтатель глаголицы не изу-

красилъ букву по своему стилю, если онъ заимствовалъ ее изъ унціальнаго (кирилловскаго) ш? вѣдь изъ греч. ї онъ сумѣлъ сдѣлалъ ѫ, ѱ, изъ н — ȣ. Изъ ѳ, соблюдая внѣшнія очертанія типа, какъ разъ получается ч. Устраняя округлости, у буквы ѯ вышло бы х, но такой типъ существовалъ уже въ унціальномъ письмѣ, какъ особая буква х (= греч. χ); поэтомукакъ кажется для различія, къ х стали прибавлять отвѣсную черту. Древнѣйшій почеркъ кирилловскаго ц напоминаетъ нынѣшнее ч (только чашечка выходила угловатой), по всей вѣроятности головка этой буквы соотвѣтствовала круглости глаголической буквы ѵ.

Въ намѣченномъ здѣсь процессѣ я не вижу ничего невозможнаго или даже невѣроятнаго. Надо только припомнить себѣ, какъ въ греч. алфавитѣ появилось I послѣ ϛ, H послѣ Ξ, Θ послѣ ⊗, Σ S послѣ M.

10. До сихъ поръ я не касался главнаго пункта изслѣдованія проф. Гейтлера, его теоріи объ албанскомъ происхожденіи глаголицы. Я возражалъ противъ его объясненій въ частностяхъ и конечно затрогивалъ ее мимоходомъ, но сущность поставленной имъ теоріи могла бы оставаться непоколебимой и при моемъ представленіи о ходѣ развитія обоихъ славянскихъ алфавитовъ; такъ какъ я тѣмъ, что признаю за глаголицей первенство въ литературѣ, нисколько не предрѣшаю дальнѣйшаго вопроса относительно настоящаго ея происхожденія. Этотъ вопросъ относится къ области историко-сравнительной палеографіи. Проф. Гейтлеръ, какъ палеографъ, заслуживаетъ всякой похвалы, по скольку онъ сдѣлалъ для насъ доступнымъ въ своемъ сочиненіи чрезвычайно драгоцѣнный палеографическій матеріалъ и очень много потрудился для того, чтобы привести этотъ матеріалъ въ стройное расположеніе и освѣтить съ своей собственной точки зрѣнія. Его сочиненіе даже и тогда имѣло бы свою цѣну, еслибы онъ внимательнымъ палеографическимъ наблюденіемъ надъ каждымъ изъ обоихъ родовъ письма, только опредѣленнѣе выставилъ тѣ отношенія, которыя въ общихъ выраженіяхъ уже раньше высказы-

вались, какъ напр. тотъ фактъ, что въ основаніи кирилловскаго алфавита лежитъ позднѣйшій греческій (литургическій) унціалъ. Но онъ сдѣлалъ больше, онъ попытался относительно глаголическаго алфавита самъ построить совершенно новую гипотезу, которая должна была увлечь его въ глубокія изслѣдованія темныхъ палеографическихъ вопросовъ. Я долженъ предоставить тѣмъ ученымъ, которые спеціально занимаются албанскимъ языкомъ, полную оцѣнку представленныхъ тутъ гипотезъ и соображеній въ пользу объясненія албанскаго алфавита; можетъ быть, на нихъ произведетъ болѣе благопріятное впечатлѣніе, чѣмъ на меня. главная точка зрѣнія автора — именно его предположеніе, что албанскій алфавитъ, какъ соединеніе римскаго и греческаго курсива VI—VIII ст., уже въ тотъ ранній періодъ среднихъ вѣковъ былъ такъ сильно развитъ, что македонскіе славяне въ IX вѣкѣ не могли сдѣлать ничего болѣе разумнаго, болѣе практическаго, какъ цѣликомъ принять тотъ же алфавитъ. Я, такимъ образомъ, предоставляю подробный разборъ мнѣнія проф. Гейтлера объ албанскомъ алфавитѣ ученымъ спеціалистамъ, самъ же ограничусь только замѣчаніемъ, что тѣ свидѣтельства, которыя изъ славянскихъ алфавитовъ приводятся въ подтвержденіе глубокой древности албанскаго письма, очень ненадежны и не заслуживаютъ вѣры. Къ нимъ причисляю я якобы имѣющееся въ глаголицѣ доказательство, что остроконечное ну албанскаго алфавита есть не позднѣйшее ѵ, но старинное изъ VIII ст., указанное Гардтгаузеномъ [1]). Стараніе вывести первую составную

1) Профессоръ Гейтлеръ придаетъ слишкомъ много значенія этому открытію Гардтгаузена, во всякомъ случаѣ болѣе, чѣмъ Гардтгаузенъ самъ. На сколько я знаю, это открытіе основано на почеркѣ листа, вшитаго въ порфиріевскую псалтырь 862-го года. Этотъ замѣчательный памятникъ теперь находится въ Импер. публ. библіотекѣ, гдѣ я имѣлъ возможность не разъ брать его въ руки. Я согласенъ съ проф. Гардтгаузеномъ въ томъ, что этотъ добавочный листъ, вшитый въ псалтырь, никакъ не позднѣе ея, т. е. во всякомъ случаѣ IX, если не VIII столѣтія. Но попадающееся въ немъ остроконечное ѵ все-таки значительно разнится отъ обыкновеннаго позднѣйшаго начертанія этой буквы, оно продолговатѣе. часто опускается нѣсколько ниже строки

часть глаголическаго ѳє изъ греко-албанскаго νj, принадлежитъ къ числу всего менѣе удачно придуманныхъ и въ высшей степени невѣроятныхъ попытокъ во всемъ богатомъ гипотезами сочиненіи. Я посвятилъ въ «Маріинскомъ евангеліи» глаголическимъ носовымъ знакамъ нѣсколько строкъ и согласно съ древними памятниками призналъ за знакомъ ѯє первоначальное значеніе ę и за знакомъ ѯє = ǫ или ą. Первыя составныя части обѣихъ буквъ, именно э и э, выходятъ наружу слишкомъ ясно, чтобы можно было въ этомъ еще сомнѣваться, въ особенности послѣ того, какъ въ нѣкоторыхъ древнихъ памятникахъ найдено подтвержденіе для ѯє = ę. Вторая часть этихъ знаковъ представляется намъ теперь какъ настоящее графическое изображеніе носового элемента, т. е. є было первоначально въ глаголической графикѣ тѣмъ, чѣмъ въ нынѣшнемъ французскомъ языкѣ n въ словахъ fin, fond. Эта три раза повторяющаяся внутри глаголической графики функція второй части є, въ ѯє, ѯє, ѳє, навела меня нѣсколько лѣтъ тому назадъ на предположеніе, не было-ли, можетъ быть, є первоначально только видоизмѣненіемъ знака ꙋ? Окрулость фигуры, въ сочетаніи ея съ э, э, могла быть обусловлена правилами стиля, желаніемъ возстановить симетрію между второю на право обращенною частью цѣлаго типа и первою, лѣвою частью. По этому я очень обрадовался, когда увидѣлъ подтвержденіе моего предположенія о є какъ n въ синайской псалтыри (у Гейтлера Psalterium, стр. XX), въ замѣчательномъ въ высшей степени написаніи слова ꙗємэѧв. Примѣрамъ, числомъ шесть, я придаю тѣмъ большее значеніе, что въ памятникѣ є болѣе не встрѣчается. Если же это мое предположеніе вѣрно, то уже никакъ нельзя согласиться съ проф. Гейтлеромъ, который въ первой составной части буквы ѳє видитъ албанское ν, потому что послѣдовательность требуетъ и въ ѳє выраженіе носового элемента распространить только на вторую часть буквы, т. е. на є; но тогда нельзя ожидать по-

---

и почти всегда внизу торчитъ маленькій кончикъ лѣвой черты буквы. Поэтому проф. Гардтгаузенъ отзывается объ этой находкѣ гораздо осторожнѣе (ср. Griech. Palaeographie 186—7), чѣмъ проф. Гейтлеръ.

вторенія его въ первой части, въ которой скорѣе должно заключаться что-нибудь вокальное, чего я не умѣю опредѣлить. Начертаніе этой части буквы совсѣмъ похоже на перевернутое ѳ, т. е. ⊖; желательно бы видѣть въ немъ выраженіе звука *io* или *jo*. Хотя я не умѣю удовлетворительно объяснить происхожденіе буквы ѳє, все-же не стѣсняюсь назвать неосновательнымъ увлеченіемъ относительно первой половины ея рисунка отзывъ автора, что эта буква «одно изъ прекраснѣйшихъ доказательствъ болѣе тысячелѣтней древности этихъ скромныхъ эльбассанскихъ знаковъ»! Тутъ есть еще одно очень неудобное для автора обстоятельство: мы не находимъ «албанскаго» ν въ глаголицѣ отдѣльно; но онъ старается устранить это оговоркою, что нынѣшнее глаголическое ⍴, происходящее изъ курсивно-минускульнаго греческаго ρ, обязано своимъ существованіемъ «возрастающему вліянію древнѣйшихъ греческихъ минускулъ». Авторъ забываетъ, сколько разъ онъ самъ назвалъ глаголицу не только совершенно несамостоятельнымъ, но и совсѣмъ неподвижнымъ, коснѣющимъ письмомъ.

Профессоръ Гейтлеръ проникся своею албанскою теоріею на столько, что и не замѣчаетъ возраженій поднимающихся на каждомъ шагу противъ нея, или же если и замѣчаетъ, такъ старается отдѣлаться отъ нихъ довольно странными предположеніями, въ родѣ слѣдующихъ: «такой-то знакъ былъ, но изчезъ впослѣдствіи», или: «такой-то знакъ долженъ былъ нѣкогда существовать, конечно безъ петелекъ, но онъ изчезъ изъ дошедшаго до насъ алфавита», или: «производный (глаголическій) алфавитъ, извѣстный намъ по несравненно болѣе древнимъ памятникамъ, сохраняетъ знакъ изчезнувшій уже изъ коренного (албанскаго)», или: «существовало нѣсколько редакцій эльбассанскаго алфавита, и при всемъ тѣсномъ родствѣ ихъ глаголица все таки уклоняется въ нѣкоторыхъ немногихъ (?) пунктахъ» или: «и этотъ знакъ долженъ былъ нѣкогда употребляться у албанцевъ; то обстоятельство, что дошедшій до насъ эльбассанскій алфавитъ не знаетъ его, обусловлено незначительнымъ (?) различіемъ, отдѣляющимъ его отъ той древней албанской школы письма, изъ которой вышла глаголица», или:

«перевернутое положеніе знака совершилось въ глаголицѣ, между тѣмъ какъ эльбассанскій алфавитъ сохраняетъ еще первоначальную его форму», или: «эльбассанскій алфавитъ не сохранилъ ни одной изъ первоначальныхъ формъ, но мы предполагаемъ, что эти глаголическіе знаки вновь доказываютъ, что онъ со времени выдѣленія глаголицы потерпѣлъ разнообразныя утраты», или: «можетъ быть, въ тѣхъ албанскихъ школахъ письма, изъ которыхъ вышла глаголица, гдѣ-нибудь употреблялн настоящій знакъ—который былъ второй орѳографической редакціей албанскихъ знаковъ», или: «эти противорѣчія разрѣшаются только въ томъ случаѣ, если мы... у албанскаго и глаголическаго алфавита предположимъ много мѣстныхъ и по пріемамъ различающихся орѳографій,—мысль, которая намъ уже навязывалась много разъ» и т. д. Я составилъ этотъ небольшой сборникъ оговорокъ автора для того, чтобы въ настоящемъ свѣтѣ представить методъ палеографическаго изслѣдованія, котораго авторъ придерживается. Нѣтъ необходимости нарочно упоминать, что всѣ эти оговорки ни на чемъ не основаны; онѣ придуманы авторомъ съ цѣлью выпутаться изъ затрудненій, въ которыя поставила его эта теорія. Гдѣ недостаетъ требуемаго сходства въ формахъ, тамъ прибѣгается къ оговоркѣ, что буква, о которой идетъ рѣчь, утратилась или имѣла раньше другой видъ, другую звуковую функцію и т. п. Если бы этимъ по крайней мѣрѣ вполнѣ достигалась цѣль, то можно бы, пожалуй, утѣшаться извѣстнымъ выраженіемъ, что «цѣль оправдываетъ средства». Къ сожалѣнію, даже и при примѣненіи такихъ средствъ объясненіе глаголическаго алфавита изъ албанскаго не удается, остаются значительные, существенные пробѣлы.

11. Прослѣдимъ всѣ буквы въ ихъ обыкновенномъ порядкѣ и ихъ якобы зависимости отъ албанскаго алфавита. Я постараюсь вездѣ прибавить то объясненіе, которое, мною-ли теперь впервые или уже другими раньше предложенное, мнѣ кажется самымъ вѣроятнымъ.

ⰰ. Для глаголическаго ⰰ, знака, который во всѣхъ родахъ п

періодахъ глаголицы держится очень постоянно, совсѣмъ нѣтъ соотвѣтствующаго начертанія въ албанскомъ алфавитѣ (стр. 91). Всѣ попытки объяснить эту букву посредствомъ обыкновеннаго заимствованія, до сихъ поръ остаются неудовлетворительными, не исключая послѣдней, предложенной Гейтлеромъ, который въ глаголическомъ ⸸ желаетъ усмотрѣть римскокурсивное *a* VIII—IX вѣка, по рисунку нетолько довольно далеко отстоящее но и въ римской графикѣ рѣдко встрѣчающееся. Для того, чтобы наглядно показать, какъ писали *a* въ римскомъ курсивѣ VII — VIII стол., я привожу на таблицѣ III нѣсколько примѣровъ. Относительно же глаголическаго ⸸ мы пока можемъ только предполагать, что въ греч. курсивѣ мѣстнаго письма должно быть и въ IX вѣкѣ существовалъ знакъ, подобный глаголич. буквѣ, когда можно доказать его существованіе во II столѣтіи. Всев. Миллеръ высказываетъ догадку, не имѣлъ ли благочестивый составитель въ виду знакъ креста, встрѣчающійся въ греч. рукописяхъ дѣйствительно въ формѣ глаголическаго ⸸ очень часто (ср. напр. два примѣра на таблицѣ 17-й у Ваттенбаха Scripturae graecae Specimina, по рукописи IX столѣтія, у Амфилохія на таблицѣ первой по евангелію 835 года и т. д.)—догадка не лишена остроумія, но и только; я предпочитаю ожидать, не найдется ли въ греч. письменности подходящій почеркъ буквы ϰ въ памятникахъ болѣе близкихъ ко времени и мѣсту дѣятельности слав. первоучителей, чѣмъ до сихъ поръ.

ѣ. Албанскій алфавитъ не даетъ ничего для объясненія глаголическаго ѣ, если только, какъ это очень естественно, искать первообраза глаголической буквы въ албанскомъ b. Только въ томъ случаѣ, еслибы въ албанскомъ алфавитѣ не было звука и буквы b, мы были бы вправѣ (съ точки зрѣнія автора) выводить глаголическую букву изъ другой звуковой комбинаціи; но коль скоро въ албанскомъ языкѣ звукъ b существуетъ (въ словахъ своихъ, незаимствованныхъ, ср. статью Густава Мейера въ Bezzenbergers Beiträge VIII. 189), было бы странно или по крайней мѣрѣ съ нашей стороны некритично полагать, что славяне

для своего звука *б* брали у албанцевъ не ту букву, которая у нихъ означала этотъ звукъ, а что нибудь другое. Да у нихъ и нѣтъ ничего другого подходящаго, знакъ албанскаго (эльбассанское) mb или албанскаго m не совпадаетъ. Если бы проф. Гейтлеру не мѣшала албанская теорія, онъ довольствовался бы просто греческимъ μ, какъ въ сущности у него и выходитъ (стр. 107, 110). Его заслугою остается, что онъ указалъ на греческое μ. Но какъ же славянинъ (лучше: образованный грекъ) могъ напасть на мысль для передачи славянскаго звука *б* пользоваться греческою буквою μ? Именно вслѣдствіе отсутствія въ греческомъ языкѣ звука *б* иначе, какъ послѣ μ: μπ и μβ давало mb, которое вѣроятно иногда уже въ простонародномъ произношеніи слышалось какъ простое *б*: ἐμβαίνω = (ε)μπαίνω = *бэно* (ср. K. Foy, Lautsystem der Griech. Vulgärsprache 24). Поэтому мнѣ кажется, что глаголическое ⱂ не есть простая передача греческаго (курсивно-минускульнаго) μ, а сокращенная комбинація курсивныхъ греческихъ μ и υ, т. е. третій штрихъ глагол. буквы я считаю намекомъ на υ. На таблицѣ I я привожу примѣры и простого минускульнаго μ и сочетанія μβ, μπ.

ⱏ. Глаголическое ⱏ, если выводить его изъ албанскаго алфавита, должно измѣнить свое положеніе, чему самъ Гейтлеръ не видитъ никакого достаточнаго основанія (стр. 131), между тѣмъ какъ объясненіе этого знака, какъ я его себѣ представляю, изъ обыкновеннаго греческаго минускульнаго υ, требуетъ только небольшой передѣлки стилистической, т. е. прибавки округлостей. И. Тейлоръ предпочитаетъ сравнивать ⱏ съ греческимъ υ.

ⱛ. Для полученія глаголическаго ⱛ албанскій знакъ долженъ былъ бы подвергнуться измѣненіямъ, чтобы подойти къ глаголическому хоть бы на столько близко, на сколько близко стоитъ къ нему греческій минускулъ γ безъ всякаго измѣненія (стр. 124); поэтому конечно естественнѣе остановиться на греческомъ минускульномъ типѣ.

ⱜ. Что ⱜ очень близко подходитъ къ греческому минускулу, это допускаетъ и самъ авторъ на стр. 130, намъ этого и доста-

точно; но онъ находясь подъ вліяніемъ своей теоріи, непремѣнно хочетъ доказать, что албанское начертаніе буквы d осталось какъ элементъ въ одномъ глаголическомъ сложномъ знакѣ, о чемъ подробности см. ниже.

э. Глаголическое э можетъ быть сравниваемо съ албанскимъ только въ томъ случаѣ, если его отожествлять съ глухимъ e албанскаго алфавита, что было бы очень странно при существованіи яснаго e въ томъ же языкѣ (стр. 66). Глагол. э не принадлежитъ къ числу удобообъяснимыхъ знаковъ (вспомнимъ о ѧ), мнѣ однакожъ кажется, что и оно вышло изъ минускульнаго греч. алфавита. Надо только внимательно вглядѣться въ разнообразныя начертанія послѣдней буквы въ курсивномъ ⸋ε, στε, въ слогахъ ελ, εν, εξ и т. д., чтобы замѣтить пріемъ греч. графики, писать по крайней мѣрѣ нижнюю половину этой буквы въ томъ направленіи, въ какомъ мы ее видимъ въ глагол. письмѣ; а гдѣ разъ была привычка курсивный почеркъ греч. буквы начинать съ начертанія круглости э, тамъ составитель глаголицы сдѣлалъ только небольшое измѣненіе, заключавшееся въ томъ, что онъ вмѣсто крючка, прибавляемаго надъ строкою (курсивное ε довольно высокая буква) въ видѣ <, внесъ въ полукругъ э два штриха. Такимъ способомъ я могу себѣ объяснить ту кажущуюся странность, что глагол. буква направлена не въ правую, а въ лѣвую сторону, въ чемъ, какъ извѣстно, прежде видѣли что-то чрезвычайно старинное. Проф. Гейтлеръ производитъ изъ римскаго e глаголическую букву ⋹, но если бы ⋹ дѣйствительно стояло въ связи съ e, такъ мы не должны бы встрѣтить несогласіе между э и ⋹, ожидали бы или э — ⋹ или ⋹ — ⋹. Поэтому я даю предпочтеніе объясненію знака ⋹, предложенному мною выше на стр. 146. Смотри на табл. I курсивное ε, ⸋ε, στε, στε (подъ ε), ϑε (подъ ϑϑ) и на таблицѣ III глагол. начертанія ⋹ε, ⋹ε.

ѯ. По мнѣнію автора ѯ должно быть албанское ŝi или šj; однакоже онъ не можетъ сказать намъ, вопервыхъ, почему въ этой буквѣ албанскій знакъ ŝ не занимаетъ того же (т. е. своего нормальнаго) положенія, какъ въ глаголическомъ ѯ, въ которомъ

авторъ тоже видитъ составные элементы албанское d и š (о чемъ рѣчь ниже); вовторыхъ (что является еще болѣе важною и удивительною непослѣдовательностью), почему это ⲗ или ⲩ дважды сохранилось какъ составная часть, между тѣмъ какъ оно отсутствуетъ, гдѣ бы мы его прежде всего ожидали, т. е. въ видѣ самостоятельной буквы для š (стр. 102—104). Если бы можно было допустить, что въ глаголическомъ алфавитѣ являются также элементы римскіе—ср. подъ буквою ⲣ, ⲃ,—то было бы естественно глагол. букву ⲍ сопоставлять съ лат. x, совпаденіе было бы полное, съ прибавкою конечно требуемыхъ стилемъ круглостей! Но въ древнѣйшихъ лат. грамотахъ я нахожу, что ⲯ передается черезъ i, z, s, а не x (хотя въ первой печатной книгѣ Далмаціи ž уже выражается и буквою x), поэтому я поневолѣ отказываюсь отъ этой догадки. Въ такомъ случаѣ остается искать въ ⲍ монографическую комбинацію двухъ греческихъ курсивныхъ знаковъ, можетъ быть двухъ θ или ϑ (вѣдь θ послужило источникомъ глаголическаго ⲑ). Ис. Тэйлоръ предлагаетъ разложить ⲍ въ ϖ и σ, но ts не даетъ еще звука ž; кромѣ того передача ž черезъ zz вполнѣ соотвѣтствовала бы передачѣ š (ш) черезъ ss, о чемъ ниже. На таблицѣ I у меня представлено нѣсколько снимковъ, между которыми сочетаніе ϑε чрезвычайно близко напоминаетъ глаголическое ⲍ.

ⲑ. Для ⲑ авторъ самъ прямо ссылается на греческое θ, которое уже было указано Шафарикомъ (стр. 126); это объясненіе и мнѣ кажется вѣроятнымъ, въ особенности потому что, какъ сейчасъ увидимъ, греческой буквѣ ζ дано другое назначеніе. Удачно указано также проф. Гейтлеромъ на передачу греческаго ἔϑνη черезъ *езни* у Іоанна экзарха болгарскаго. И. Тэйлоръ видитъ въ ⲑ соединеніи двухъ греч. буквъ, т. е. ϑσ, но едва ли это необходимо.

ⲋ. Въ албанскомъ алфавитѣ, на который опять и въ этомъ случаѣ указывается, для обозначенія звука, совпадающаго съ новогреческимъ δ (т. е. приблизительно съ англійскимъ th въ the, bathe), существуетъ знакъ, нѣсколько похожій на кирилловское ь, т. е. *ь*; но трудно согласиться съ авторомъ въ томъ, чтобы этотъ знакъ *ь*, производимый изъ римскаго курсива (оборотнаго d),

былъ прототипомъ глаголическаго ⰸ. Мнѣ кажется, что даже и не нужно такъ далеко заходить. Обратимъ ли вниманіе на замѣчательный фактъ, что составитель глаголицы для выраженія славянскаго звука з не хотѣлъ остановиться на греческомъ ζ, несомнѣнно потому, что не находилъ между ними полнаго звукового соотвѣтствія, то a priori становится вѣроятнымъ, что онъ греческою буквою ζ воспользовался для другого славянскаго звука. По моему это и есть глаголическое ⰸ. Начертаніе глаг. знака дѣйствительно напоминаетъ греческое курсивное ζ, если только прибавить нѣкоторыя стилистическія поправки. Головка соотвѣтствуетъ верхней части греческаго ζ, только она сдѣлана кругловатою, загнутый же хвостикъ нижней части греч. буквы передѣланъ въ треугольникъ, въ который головка воткнута. Образцомъ греческимъ могло послужить такое начертаніе буквы ζ, какое мы видимъ напр. въ подписяхъ константинпольскаго синода 680 года (ср. напр. у Ваттенбаха Scripturae graecae Specimina tab. XIII, въ строкѣ 4. 7), откуду оно внесено въ таблицу I, вмѣстѣ съ другими похожими рисунками этой буквы.

ȣ. Для ȣ и ⰲ или ⰳ авторъ и самъ по неволѣ отказывается отъ попытки вывести ихъ изъ албанскаго алфавита (стр. 80). Разумѣется, ему хочется спасти «албанское» і для глаголицы по крайней мѣрѣ хорватскихъ надписей, на что я уже сдѣлалъ выше возраженія. По моему нельзя сомнѣваться въ томъ, что ⰳ и ⰲ лишь стилистическая передѣлка греческаго ϊ, гдѣ вмѣсто двухъ точекъ, сообразно глаголическому стилю, сдѣланы двѣ округлости. По всей вѣроятности и глагол. ȣ только стилист. передѣлка греческаго курсивнаго η, напоминающаго латинское h (смотри таблицу I); верхная черта преобразована въ треугольникъ, что бываетъ часто въ глаголицѣ, нижняя же часть буквы вм. n преобразована въ о. Искать въ ȣ римскаго курсивнаго *y* я не могу уже потому, что считаю глаголическій алфавитъ исключительно греческимъ, а не римскимъ; и дѣйствительно только предположивъ вліяніе греческой графики на складъ глаголическаго алфавита, мы поймемъ, откуда въ послѣднемъ явились два знака для і, одинъ

непосредственно за другимъ, даже безъ разстановки посредствомъ буквы ѳ, которой сначала въ глагол. алфавитѣ не было.

ѣ. Глаголическое ѣ такъ сильно противится отожествленію съ албанскимъ знакомъ, что проф. Гейтлеръ принужденъ по своей привычкѣ прибѣгнуть къ гипотезѣ о многихъ к—знакахъ «сообразно съ разными школами письма», для того, чтобы можно было къ одному изъ нихъ, неизвѣстному или утраченному албанскому знаку, привязать глаголическій (стр. 123). Впрочемъ глаголическій почеркъ буквы ѣ столь близокъ къ греческому курсивно-минускульному типу буквы, что и авторъ допускаетъ это по моему единственно возможное сопоставленіе.

ѧ. Для того, чтобы возвести ѧ къ албанскому знаку, нужно этотъ послѣдній прежде «значительно приблизить къ римскому курсиву», т. е. другими словами, албанское посредничество существуетъ и здѣсь только въ воображеніи автора. Я не вижу ни малѣйшей надобности за объясненіемъ глаголическаго ѧ прибѣгать по примѣру Гейтлера къ римскому курсиву (стр. 104 — 5); намъ вполнѣ достаточно греческаго минускульнаго почерка, съ примѣненіемъ извѣстнаго стилистическаго пріема, т. е. округлостей. Обыкновенный, Шафарикомъ въ печатный текстъ введенный рисунокъ этой буквы не представляетъ собою первоначальнаго вида; онъ сохранился въ заглавныхъ строкахъ отрывковъ графа Клоца, въ кіевскихъ отрывкахъ, въ зографскомъ евангеліи, и т. д. Оттуда видно, что верхняя часть глагол. буквы первоначально состояла изъ одного только штриха — это и есть верхняя половина минускульнаго λ; смотри снимки на таблицѣ II.

ѫ. Глаголическое ѫ имѣетъ съ албанскимъ такъ мало общаго, что авторъ самъ предпочитаетъ принять за точку отправленія греческій (курсивный) минускулъ (стр. 107—108). На таблицѣ II представлено нѣсколько снимковъ того греческаго μ, къ которому довольно близко подходитъ глаголическая буква. Замѣчательно, что и здѣсь, какъ при ζ, два различные рисунка той же греческой буквы послужили источникомъ двухъ различныхъ типовъ глаголическихъ: μ въ связи съ υ дало глагол. ѫ, по

этому для глагол. ϖ естественно было остановиться на второмъ греческомъ μ, томъ которое главнымъ образомъ было въ употребленіи въ старомъ курсивномъ письмѣ.

ꝑ. Для глаголическаго ꝑ точку опоры можно находить только въ греческомъ минускулѣ, съ этимъ согласенъ и авторъ (стр. 105); «албанское» ν онъ ищетъ, какъ я выше указалъ, (см. стр. 146—7) въ ϑє, но неудачно.

э. Глаголическое э и албанское ο не согласуются другъ съ другомъ; выводить же изъ знака ꝑ, что нѣкогда въ глаголицѣ существовало ο, даже ȯ = u, для того только чтобы получить албанскій «первообразъ» — такая аргументація мнѣ кажется черезчуръ смѣлой (стр. 75—77). Гейтлеръ и здѣсь указываетъ на римскій курсивный почеркъ буквы *o* какъ источникъ глаголической, но по моему можно остаться при курсивѣ греческомъ. Какъ извѣстно, курсивное *o* обыкновенно небольшого объема; чтобы войти въ связь съ какой нибудь другою буквою, оно часто принимаетъ то съ той то съ другой стороны, иногда съ обѣихъ, маленькіе рожки, напр. въ словѣ λογος первое ο иногда въ связи съ λ и γ похоже на ȣ. Ср. снимки изображающіе такого рода *o* на таблицѣ II. Можетъ быть этотъ графическій пріемъ далъ поводъ удвоенію круглости въ глаголической буквѣ. Впрочемъ мнѣ кажется болѣе правдоподобнымъ, что э вызвано прихотью стилистическою, т. е. и здѣсь хотѣлось примѣнить любимый элементъ украшенія, округлость. Какъ бы то ни было, но болѣе подходящаго знака нѣтъ и въ римскомъ курсивѣ; изъ послѣдняго нѣсколько примѣровъ представлено на таблицѣ III.

ꝓ. Для ꝓ уже въ «римскомъ ближайшемъ источникѣ» допускается «хотя немного и различная разновидность» того знака, изъ котораго произошелъ албанскій (стр. 132); другими словами, албанской буквы намъ совсѣмъ не надобно. Не могу рѣшиться, относительно этой буквы дать предпочтеніе почерку римскому и въ немъ видѣть источникъ типа глаголическаго. Вѣдь не надо забывать, что старое курсивно-минускульное π (ср. у Гардтгаузена Gr. Palaeogr. Tafel 4.6) стояло еще на двухъ ножкахъ,

правая была немножечко вогнута, изъ которой очень удобно было сдѣлать округлость — и вотъ вамъ глаголическая буква; ср. снимокъ на таблицѣ II.

ь. Такъ какъ авторъ не въ состояніи объяснить глаголическое ь безъ оговорки, что оно измѣнило свое положеніе, т. е. опрокинуто головою внизъ, то конечно вполнѣ хорошо можно обойтись безъ албанскаго посредничества и довольствоваться греческимъ знакомъ (стр. 106). Какъ видно изъ снимковъ на таблицѣ II, греческое ρ любитъ отгибать нижнюю свою черту въ правую сторону, головка же его не всегда замкнута. Можетъ быть этихъ палеографическихъ пріемовъ достаточно для объясненія глагол. буквы и безъ нарочнаго опрокидыванія ея головою внизъ. Если же послѣднее нарочно сдѣлано, то причиною могло быть желаніе болѣе различить г отъ р, чѣмъ это на дѣлѣ оказывается напр. между греческимъ Р (ρ) и латинскимъ Р (р).

ѕ. Глаголическое ѕ не соотвѣтствуетъ албанской буквѣ для этого звука; находится, правда, и въ албанскомъ алфавитѣ нѣсколько подобный знакъ ꞅ, но это не s а š. Никакъ не могу повѣрить, чтобы славяне тотъ же знакъ, который въ албанскомъ алфавитѣ обозначалъ š, заимствовали для своего звука s, пропустивъ безъ вниманія настоящее албанское s. Авторъ старается выйти изъ затрудненія съ помощію одного изъ своихъ обыкновенныхъ пріемовъ, онъ разсказываетъ о различныхъ мѣстныхъ орѳографическихъ привычкахъ. Такимъ образомъ намъ пришлось бы вѣрить, что а) глаголическое ѕ = албанск. š, б) глагол. ѧ = алб. dš и в) глагол. ѫ = алб. š + j (въ послѣднемъ случаѣ фигура алб. буквы š уже не въ настоящемъ, а «первоначальномъ» видѣ), между тѣмъ какъ мы знаемъ, что въ албанскомъ языкѣ имѣется а) собственный, по какому-то капризу глаголицей не принятый во вниманіе знакъ s—, б) точно такъ же собственный, непонятно почему, незамѣченный знакъ ž —, и в) особый знакъ dš — или dž — (стр. 114—117). Если бы глаголица дѣйствительно находилась въ безсознательной зависимости отъ албанскаго письма, какъ постоянно утверждаетъ авторъ, то было бы даже немыслимо такое произвольное отно-

шеніе первой къ послѣдней, вслѣдствіе котораго она бы наличный запасъ начертаній своего первообраза то отвергала, то передѣлывала (напр. опрокидываніемъ знаковъ), то измѣняла въ значеніи. Поэтому я и здѣсь эльбассанское письмо оставляю въ сторонѣ. Что же касается до объясненія глагол. буквы ⰸ помимо албанскаго источника, то я не вижу никакого отношенія къ римскому курсивному *c*, на которое указываетъ проф. Гейтлеръ; напрасно онъ ссылается на одинъ примѣръ въ charta Ravennensis, нашему глаголическому типу тотъ не ближе всѣхъ прочихъ, напоминающихъ, какъ извѣстно, латинское r или v. Примѣненіемъ обыкновенныхъ стилистическихъ пріемовъ изъ латинскаго v мы получили бы пожалуй ⰸ, но никакъ не ⰸ, не говоря уже о томъ, что участіе римскаго элемента въ глаголицѣ — еще вопросъ. Дѣйствительно и для буквы ⰸ я предпочитаю остановиться на греческомъ минускульномъ курсивѣ. Дѣло въ томъ, что въ глаголическомъ ⰸ существенная, какъ я полагаю, часть буквы, верхняя круглость, вполнѣ совпадаетъ съ существенной частью минускульнаго греческаго σ; опущенный внизъ пирамидальный треугольникъ, на острый уголъ котораго опирается верхній кружокъ, можетъ сообразно съ другими стилистическими принадлежностями глаголическихъ буквъ (ср. ⰻ = і) отражать какой нибудь маленькій штрихъ подлиннаго почерка. Въ курсивномъ почеркѣ греческой буквы σ дѣйствительно замѣчаемъ такого рода штрихъ, только онъ не внизу а на верху округлости, въ горизонтальномъ направленіи въ правую сторону, въ видѣ уса (ср. у Гардтгаузена Griech. Palaeographie Tafel 5, и на таблицѣ II). Представимъ себѣ, что этотъ штрихъ въ глаголическомъ стилѣ замѣненъ треугольникомъ, и мы получимъ букву ⰸ. Но этотъ знакъ существовалъ уже для передачи греческаго τ, стало быть надо было дать ему другое положеніе, т. е. перевернуть его, что тѣмъ легче могло случиться, если и предшествующая буква подверглась такому же измѣненію. И такъ въ глаголическомъ ⰸ я вижу только оборотное курсивное σ греческаго алфавита, ср. снимокъ на табл. II.

ⰾⰾ. Глаголическое ⰾⰾ такъ далеко отъ албанскаго знака, что

авторъ принужденъ подъ дошедшей до насъ формой послѣдняго предполагать болѣе древнюю и искать ее, при чемъ онъ приходитъ къ такому результату: что различіе обоихъ знаковъ (алб. и глагол.) сглаживается въ общемъ источникѣ, въ римскомъ курсивѣ, — другими словами, до глаголическаго знака можно опять дойти безъ албанскаго посредничества (стр. 112 — 113).

Другое дѣло, можно ли глагол. ѿ объяснить изъ греч. курсива, или же необходимо съ Гейтлеромъ прибѣгнуть къ римскому курсиву? Я не вижу послѣдней надобности, потому что тотъ же знакъ, на который онъ ссылается въ римскомъ курсивѣ, можно найти и въ греческомъ минускульномъ курсивѣ, только — тотъ и другой нужно порядочно передѣлать или дополнить, чтобы получить глаголическое ѿ. Эта буква представляетъ какъ будто опущенныя по сторонамъ ушки безъ средняго отвѣснаго штриха, Замѣчательно въ самомъ дѣлѣ, что въ кіевскихъ отрывкахъ буква ѿ пишется такъ, что исполняетъ только верхнюю половину строки. т. е. она равняется половинѣ обыкновенной вышины буквъ, какъ будто намекая на то, что во второй половинѣ чего-то недостаетъ. Для наглядной передачи соразмѣрія я въ снимкѣ на табл. II къ буквѣ ѿ прибавилъ изъ того же памятника букву ѵ.

ѯ. Глаголическое ѯ на столько разнится отъ албанскаго, что авторъ принужденъ сначала искать другой «албанскій» знакъ! Я предоставляю ему и его критическимъ пріемамъ изъ сравненія ѵ съ ѭ заключать, что «древнѣйшая глаголица по примѣру своего первоисточника раздѣляла о отъ и только діакритическимъ знакомъ» — для обыкновеннаго глаголическаго ѯ въ концѣ концовъ все таки и ему надо было допустить, что оно развилось «по образцу греческаго ου» (стр. 89). Глаголическое ѕ я произвожу изъ греч. ѕ.

ь. Глаголическое ь можно только въ томъ случаѣ подвести подъ албанскій знакъ, если звуковое значеніе соотвѣтствующаго албанскаго знака прежде будетъ исправлено (стр. 125); впрочемъ, албанскій алфавитъ имѣетъ три знака, которые судя по нынѣшнему звуковому значенію, болѣе близки къ славянскому ch, и если ужь принимать посредничество албанскаго алфавита,

естественнѣе было-бы ожидать, что будетъ выбранъ одинъ изъ нихъ. Признаться, и я затрудняюсь производить обыкновенное глаголическое ⱐ изъ греческаго χ, оно мнѣ слишкомъ мало напоминаетъ эту букву, а очень ясно указываетъ на глаголическое ⱈ, къ которому оно подходитъ гораздо ближе, чѣмъ напр. къ латинскому h, о которомъ и я прежде думалъ, сходясь въ этомъ съ изслѣдованіемъ проф. Гейтлера. Спрашивается, не предположить ли намъ въ самомъ дѣлѣ, что глаголическое ⱐ составлено по образцу глаголическаго же ⱈ? Это вовсе не такъ невѣроятно, какъ на первый взглядъ кажется. Проф. Гейтлеръ первый обратилъ вниманіе на особый почеркъ глаголической буквы, передѣланный изъ греческаго χ, прибавкою любимой округлости въ центръ буквы (см. снимокъ на табл. II). Можетъ быть сначала этотъ знакъ и былъ исключительно въ употребленіи; но на сѣверѣ, гдѣ глаголица была въ употребленіи въ первую эпоху своего существованія, въ предѣлахъ старой Моравіи и Панноніи, по мѣстностямъ несомнѣнно уже тогда слышно было произношеніе g какъ h. Это обстоятельство могло вызвать сближеніе между почерками ⱈ и ⱐ, параллельно съ фонетическою близостію между h и ch, т. е. желаніе упростить тотъ первоначальный очень неуклюжій глагол. рисунокъ для буквы х, могло писцамъ напомнить букву ⱈ и по образцу ея они внесли въ глагол. алфавитъ ⱐ. Такимъ образомъ мы пріобрѣтаемъ въ существованіи буквы ⱐ своего рода свидѣтельство о паннонизмѣ глаголицы.

ⱁ. Относительно глаголическаго ⱁ самъ проф. Гейтлеръ говоритъ, что оно принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ (?) знаковъ, которыя въ глаголицѣ не албанскаго происхожденія (стр. 78). По моему глаголическое ⱁ основывается исключительно на греческомъ минускулѣ, въ которомъ оно попадается въ формѣ двухъ кружковъ, соединенныхъ на подобіе очковъ съ короткой отвѣсной чертой, опускающейся съ точки ихъ соединенія (можно найти очень много примѣровъ такого почерка буквы ω, напр., въ одной греческой рукописи X ст., принадлежащей Имп. публ. библіотекѣ). Глаголица подражала начертанію этой буквы

такимъ образомъ, что она вмѣсто двухъ греческихъ ϵ воспользовалась двумя глаголическими ϶, обращенными лицевой стороной другъ къ другу, намекъ же на отвѣсную черту подлинника остался и здѣсь. Такимъ образомъ фактами опровергается мнѣніе проф. Гейтлера, будто глаголица по необходимости стала употреблять omikron какъ omega.

ϒ. Какъ сказано выше, проф. Гейтлеръ находитъ первый источникъ глаголической буквы ϒ въ греческомъ ипсилонѣ υ капитальнаго письма (стр. 121), противъ чего я возстаю по той причинѣ, что это черезъ чуръ некритическій и антипалеографическій методъ объясненія. Я удивляюсь даже, какъ авторъ при своемъ остроуміи имъ удовольствовался. Вѣдь по его изложенію выходитъ, что изъ греч. ипсилона развились не менѣе какъ—три различныя слав. буквы: глаголическое ϒ, кирилловское ϒ и глаголическое ѵ! Едва-ли это вѣроятно. Конечно легче возражать, чѣмъ самому предполагать что-нибудь лучшее. Скажу однакожъ, какому объясненію я даю предпочтеніе. Глаголическое ϒ уже съ перваго взгляда производитъ впечатлѣніе довольно простого рисунка, въ особенности при такомъ сложномъ, замысловатомъ стилѣ, въ какомъ составлена глаголица. Поэтому мнѣ не вѣрится, чтобы въ ϒ заключалась какая нибудь монографическая комбинація знаковъ, какъ полагалъ И. Тэйлоръ, анализировавшій ϒ какъ сочетаніе буквъ στ; да στ и τσ—разница большая. Албанское изображеніе звука ts (т. е. нашего ц), несмотря на кажущуюся близость (см. выше на стр. 136), я тоже оставляю въ сторонѣ уже потому, что въ немъ отражается позднѣйшее выходящее изъ строки минускульное τ греческаго письма, которое съ глаголицею хронологически несовмѣстимо. По моему и здѣсь не надо выходить изъ предѣловъ греческаго курсива. Какъ извѣстно, въ греч. курсивномъ почеркѣ, маюскульномъ и минускульномъ, существуетъ двоякое начертаніе буквы ζ, одно ближе къ унціальному Z, другое къ настоящему курсивному *З*. Я упомянулъ выше (на стр. 152—3), что составителю глаголицы для означенія славянскаго звука z не понравился знакъ греческаго звука ζ, что онъ только для dz (глаг. ⰸ) употребилъ одну

изъ обѣихъ греч. буквъ, именно ту, которая подходитъ къ курсивному *З*. Но звукъ *дз* не очень далеко отстоитъ отъ звука *ц*, ср. въ новогреческомъ языкѣ смѣшеніи $\tau\sigma$ съ $\tau\overset{\cdot}{\sigma} = \delta\overset{\cdot}{\sigma}$ (K. Foy Lautsystem der griech. Vulgärsprache 58) и въ среднеболгарскомъ *ц* вм. *ѕ* или *ꙁ* (ср. Маріинское ев. стр. 420). Поэтому, полагаю, не будетъ ничего удивительнаго въ томъ, если я скажу, что составитель глаголицы для звука *ц* употребилъ второе греческое ζ, т. е. знакъ подходящій къ унціальному Z. Въ числѣ начертаній этой буквы (напр. у Ваттенбаха Anleitung zur griech Palaeographie, Scripturae graecae specimina tab. XX. 1 и т. д.) попадаются нерѣдко такія, гдѣ достаточно изъ верхней черты сдѣлать небольшую стилистическую поправку во вкусѣ глагол. графики, а хвостикъ, опускающійся внизъ, поднять въ строку, чтобы сразу получить глаголическое ⱍ. Мнѣ кажется, что это самый простой и естественный способъ объясненія глаголическаго ⱍ.

ш ⱋ ⱎ. По теоріи проф. Гейтлера глаголическія буквы ш, ⱋ вышли изъ греческихъ вокаловъ, обѣ конечно посредствомъ заимствованія изъ кирилловскаго алфавита. Отвергая это антипалеографическое объясненіе, я все-таки отдаю справедливость его послѣдовательности, высказавшейся въ томъ, что онъ не выходитъ изъ-за предѣловъ греко-римскаго алфавита, его не соблазняютъ ни еврейскіе шинъ и цаде, ни сассанидскіе или какіе нибудь другіе восточные рисунки. Въ этомъ онъ сошелся съ И. Тэйлоромъ. Мнѣ кажется, что можно идти еще далѣе, т. е. исключая даже графику римскую, остановиться на одной греческой письменности, какъ той культурной средѣ, которая вліяла на происхожденіе глаголицы. По этому и въ глаголическомъ ш я вижу, соглашаясь съ И. Тэйлоромъ, не что другое, какъ монографическое начертаніе двухъ курсивныхъ σ въ видѣ обыкновенной лигатуры, встрѣчающейся въ греч. минускульныхъ рукописяхъ очень часто. Обыкновенное начертаніе этой лигатуры имѣетъ, правда, нѣсколько другой видъ (см. приложенную таблицу II), но мнѣ пришлось не разъ встрѣчать и такое начертаніе $\sigma\sigma$ (напр. въ рукописи Импер. публ. библіотеки № LIII въ словѣ $\iota\varepsilon\sigma\sigma\alpha\iota$, ср. Wattenbach

et Velsen Tab. XXXII), которое, поставленное въ стилистическія условія глаголицы (унціальнаго характера выпрямка каждой отдѣльной буквы), такъ и выходитъ ш. Эта возможность объясненія (даже очень удачнаго) глаголической буквы ш изъ греческаго курсива въ моихъ глазахъ становится самымъ важнымъ доказательствомъ въ пользу мнѣнія, что ш изъ глаголической азбуки попало въ кирилловскую, а не на оборотъ, потому что въ кириллицу ш не могло бы попасть изъ греч. курсива, это стояло бы вопреки рѣзко развитому унціальному характеру кириллицы. Кто подчиняясь этимъ доказательствамъ готовъ уступить глаголицѣ первенство для буквы ш, тотъ конечно легко согласится и для ч предоставить первенство глаголическому почерку.

Въ глаголическихъ ⰾ и ⰹ я вижу, тоже въ согласіи съ И. Тэйлоромъ, монограммы буквъ т ш и ш т, только каждый разъ въ другомъ порядкѣ ⰾ = ⱅ ш, а ⰹ = шⱅ. Въ начертаніи буквы ⰾ верхній изъ обоихъ поперечныхъ штриховъ вмѣстѣ съ опущеннымъ внизъ хвостикомъ представляетъ первую составную часть монограмма, т. е. греческое ⱅ, прочія контуры буквы, въ видѣ ⌴, изображаютъ ⩊, средняя черта котораго могла быть пропущена потому, что часть ея изображена уже отвѣсною чертою буквы ⱅ. Такимъ образомъ ⱅ и ш какъ будто бы вцѣпились одно въ другое, ⱅ сидитъ въ ш; та и другая буква въ лигатурѣ пожертвовала несущественною частью своего обыкновеннаго почерка, ш удовольствовалось фигурою ⩊, ⱅ простымъ ⱅ или ъ. Что же касается буквы ⰹ, которой сначала вѣроятно и не было (вм. ⰹ для выраженія числа 800 могли удобно употреблять ш), она представляетъ собою не что другое, какъ лигатуру ⩋, только и здѣсь вм. ⱅⱅ достаточно было ⱅ или фигуры ⱆ.

ⰸ. Глаголическое ⰸ должно по мнѣнію проф. Гейтлера основываться на одномъ албанскомъ знакѣ, который вышелъ изъ латинскаго курсивнаго *u* (стр. 13, 84); это тѣмъ болѣе сомнительно, что и кирилловское ь по его объясненію должно бы имѣть тотъ же источникъ. Предложу другое объясненіе. Древнѣйшіе памятники глаголическаго и кирилловскаго письма, какъ извѣ-

стно, не рѣдко уже замѣняютъ ъ гласною о, несомнѣнно потому, что таково было произношеніе этого глухого звука; при семъ замѣтномъ измѣненіи онъ уже переходилъ въ обыкновенное о. Поэтому вѣрнѣе всего искать близость и родство между обѣими буквами также въ начертаніи. Дѣйствительно въ кіевскихъ и пражскихъ отрывкахъ ѳ разнится отъ э только петлею, прибавленною по серединѣ буквы въ лѣвую сторону. Для второго глухого знака (ѳ) мы конечно не ожидали бы начертанія, связывающаго и его съ э; по пріемамъ, соблюдаемыхъ при ѳ, мы надѣялись бы найти въ ѳ видоизмѣненіе буквы э или ѳ, т. е. э или ѳ съ такою же петлею, какую мы видимъ при э для ѳ. Но вышло иначе, т. е. основное начертаніе для глухого ѳ (ь) оставлено то же самое какъ и для ѳ (ъ), вся разница сосредоточена на добавочномъ элементѣ графики, т. е. вмѣсто петли явился горизонтальный штрихъ съ маленькою головкою въ концѣ, въ родѣ шапки у гвоздика. Спрашивается: если ѳ стоитъ въ связи съ э, отчего не осталось это начертаніе какъ въ выше упомянутыхъ отрывкахъ, такъ во всѣхъ прочихъ глаголическихъ памятникахъ? отчего въ обыкновенномъ почеркѣ основною фигурою является не э, а ѳ? На этотъ вопросъ я пока могу представить слѣдующую догадку: можетъ быть сначала разница между ѳ и ѳ не ограничивалась однимъ добавочнымъ элементомъ, а шла глубже, т. е. можетъ быть для ъ основаніемъ послужила буква э, а для ь буква ѳ, потомъ же въ однихъ памятникахъ преобладалъ для обѣихъ глухихъ гласныхъ почеркъ въ основѣ напоминающій э, въ другихъ же почеркъ похожій на ѳ.

ꙗ. Я соглашаюсь съ проф. Гейтлеромъ въ томъ, что почеркъ этой буквы представляетъ лигатуру, но составными частями ея я не считаю албанскихъ элементовъ, а глаголическія буквы ѳ и э, та и другая въ сокращенномъ, чуть ли не въ греческомъ видѣ, т. е. отъ первой буквы взята только существенная часть ея, отброшены лишнія округлости, представляющія греческое двоеточіе, осталось ѵ, къ этому прибавлено о, значитъ вм. полнаго э, существенная часть буквы о — обѣ эти части соединены горизонтальною чертою

(какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ глаголической графики). Проф. Гейтлеръ считаетъ съ своей точки зрѣнія соединяющимъ звеномъ средній, наклонный штрихъ, но противъ такимъ образомъ поясняемаго его значенія говоритъ 1° то обстоятельство, что именно этотъ штрихъ иногда протягивается внизъ подъ строку (припомнимъ себѣ низко опускающійся почеркъ буквы ҁ въ ассем. евангеліи), и 2° тотъ фактъ, что средній, наклонный штрихъ этой буквы, въ древнѣйшемъ почеркѣ ея, вовсе не соприкасается съ слѣдующей частію, т. е. между ⁊ и о замѣчается маленькое свободное пространство. Сравни образцы буквы по снимкамъ на табл. III.

ⱥ. Остается глагол. буква для ѣ, которой я не умѣю объяснить. Приводить ее въ связь съ греческимъ унціальнымъ A или A — это еще не значитъ осмыслить ее. Мнѣ хотѣлось бы скорѣе и въ этомъ загадочномъ треугольникѣ найти монографическое начертаніе какого нибудь сочетанія двухъ знаковъ, напр. еа, но — non liquet.

12. Этотъ бѣглый обзоръ, въ которомъ я всегда обращалъ вниманіе на аргументацію автора, ясно показываетъ, сколь мало удовлетворительный результатъ даетъ предположеніе объ албанскомъ посредничествѣ. Мы могли замѣтить, что находящіяся на лицо буквы обоихъ алфавитовъ не гармонируютъ другъ съ другомъ, (о полной зависимости и говорить нечего), иныя же совершенно отсутствуютъ. Для желающаго видѣть алфавитъ албанскій въ настоящемъ видѣ по рукописямъ, въ послѣдней строкѣ таблицы III снята большая часть албанскихъ буквъ со снимковъ, приложенныхъ къ сочиненію проф. Гейтлера.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Глаголическій алфавитъ не знаетъ ни ξ, ни ψ; авторъ, постоянно разсказывающій о полной зависимости глаголическаго алфавита отъ албанскаго, глаголической ороографіи отъ кирилловской, долженъ былъ обратить болѣе вниманія на то великое затрудненіе, которое представляютъ ему на его пути эти двѣ буквы. Если глаголица все заимствовала отъ албанскаго алфавита, то почему не взяла она также албанское

ξ и ѱ? Конечно, чтобы выйти изъ затрудненія, авторъ принимаетъ албанское ѱ за новообразованіе, а ξ устраняетъ тѣмъ, что утверждаетъ, что глаголица вышла изъ орѳографической школы, не имѣвшей для ξ никакого знака; но то и другое — голословныя предположенія, ни на чемъ не основанныя. Если же глаголица составлена, какъ насъ увѣряютъ, по образцу готовой уже кирилицы, то какъ могла она пренебречь числовымъ значеніемъ кирилловскихъ буквъ и смотрѣть на это совершенно самостоятельно, ни по-кирилловски, ни по-албански? Если порядокъ буквъ глаголическаго алфавита до соприкосновенія его съ кирилловскимъ былъ другой, т. е. по мнѣнію автора албанскій, то хотѣлось бы узнать, какое разумное основаніе могло удержать глаголицу, когда она стала вводить у себя греко-кирилловскій порядокъ буквъ, отъ того, чтобы не принять также и числовое ихъ значеніе? Ясно, что затрудненія накопляются со всѣхъ сторонъ, и албанская гипотеза ни малѣйшимъ образомъ не облегчаетъ дѣла, между тѣмъ какъ попытка, оставаться исключительно въ предѣлахъ греческаго курсивно-минускульнаго письма, судя по выше изложенному, даетъ очень удовлетворительные результаты. Не на словахъ а на дѣлѣ попытка эта, примѣнить греческіе минускулы къ глаголицѣ, впервые была сдѣлана, какъ извѣстно, И. Тэйлоромъ въ моемъ журналѣ; я постарался здѣсь исправить и дополнить ее, придать ей больше доказательности. Конечно не мое дѣло судить о томъ, на сколько это мнѣ удалось, но если сравнить тѣ средства, къ которымъ я прибѣгаю для достиженія цѣли, съ тѣми, которыя пустилъ въ ходъ проф. Гейтлеръ для проведенія своей гипотезы, то я не стѣсняюсь высказать твердое убѣжденіе, что перевѣсъ на моей сторонѣ.

---

13. Въ продолженіи этого критическаго очерка я не разъ отзывался о сочиненіи проф. Гейтлера съ большимъ уваженіемъ, которое оно вполнѣ заслуживаетъ; я продолжаю съ тѣмъ же уваженіемъ разбирать вопросъ, что могло заставить его остановиться

на албанской теоріи? Вникнувъ въ аргументацію самого сочиненія, мы найдемъ что мотивами были:

а. *Географическая точка зрѣнія.* Древнѣйшая глаголица, если не обращать вниманія на немногіе, въ моихъ глазахъ всетаки имѣющіе величайшее значеніе, памятники, указываетъ преимущественно на Македонію; по этому и является мысль, что въ этой именно землѣ или по крайней мѣрѣ въ ея ближайшемъ сосѣдствѣ, нужно искать первыхъ поводовъ къ появленію глагол. алфавита. Эта мысль, естественная сама по себѣ, получаетъ еще нѣкоторую поддержку въ томъ обстоятельствѣ, что оба славянскихъ апостола происходятъ изъ Солуни, слѣдовательно, могли знать кое-что изъ мѣстной жизни славянъ западной Македоніи, стало быть и о письменности, если таковая дѣйствительно существовала. Проф. Гейтлеръ однакожъ возстаетъ противъ авторства Кирилла, по отношенію къ глаголицѣ. Онъ допускаетъ только, что глаголица «прозябала» самымъ незначительнымъ образомъ въ «наиболѣе внутреннихъ областяхъ западной Македоніи», одинаково употребляемая какъ албанцами, такъ и славянами, но что геніальный Константинъ-Кириллъ вовсе и неподозрѣвалъ о существованіи ея. Когда же Климентъ и его товарищи, послѣ извѣстнаго разгрома въ Паннониі, спаслись бѣгствомъ въ Болгарію и Македонію—(исключительно-ли только туда?)—тогда только глаголицѣ пришлось, по мнѣнію Гейтлера, праздновать свое собственное рожденіе. Вѣроятно-ли это? Неужели славянская литургія, въ которой не такъ легко было отдѣлить форму отъ содержанія,— а мы знаемъ изъ «цивилизованнаго» XIX столѣтія, какое «религіозное» значеніе придается буквамъ — дѣйствительно имѣла въ себѣ такъ мало силы, такъ мало внѣшняго авторитета, что въ Македоніи передъ глазами учениковъ, даже при ихъ содѣйствіи, можно было устранить существенную ея часть, т. е. первоучителями завѣщанную азбуку? Не говоря уже о томъ, что послѣ того, какъ уже существовала по мнѣнію проф. Гейтлера кириллица, дѣйствительно трудно понять введеніе новаго письма, сильно уступающаго ему въ простотѣ формъ и конечно въ распростра-

ценности. Не должна-ли была эта новая затѣя придти въ столкновеніе съ настоящимъ дѣломъ, совершеннымъ уже Кирилломъ? Я не могу себѣ представить, какимъ образомъ этотъ второй, не поддерживаемый никакимъ авторитетомъ, алфавитъ, который по мнѣнію нашего автора долгое время прозябалъ незамѣчаемый и не обращалъ на себя никакого вниманія, теперь сразу, существеннымъ образомъ переработанный (можно сказать, до неузнаваемости), могъ вступить въ положительную борьбу съ дѣломъ Кирилла, которое пользовалось громкой славой? какъ ему удалось распространиться не только по всей Македоніи, но проникнуть и въ гораздо болѣе отдаленныя области: въ Далмацію, Боснію, Хорватію, Истрію, на острова Адріатическаго моря, даже еще сѣвернѣе въ предѣлы древней Моравіи! Если для распространенія его по Македоніи существовали мѣстныя условія (по мнѣнію автора, предшествовавшее употребленіе албанскаго алфавита), то совершенно не доставало ихъ для другихъ упомянутыхъ странъ.

Совершенно иначе представится дѣло, если начать съ глаголическаго алфавита, если допустить, что онъ, а не нынѣшній кирилловскій, перешелъ изъ Моравіи и Панноніи на югъ, и, какъ я имѣю право утверждать на основаніи древнѣйшихъ памятниковъ, особенно кіевскихъ и пражскихъ отрывковъ,—въ готовой формѣ, снабженный уже всѣми знаками. Въ такомъ случаѣ мы понимаемъ, что онъ продолжалъ здѣсь свою жизнь и нашелъ безпрепятственное распространеніе по всему юго-западу.—Но на востокѣ совершался какъ разъ въ это время важный актъ въ духовной жизни болгаръ. Гречески образованный царь Симеонъ наслѣдовалъ престолъ послѣ отца; воспитанный въ Константинополѣ, находившійся въ перепискѣ съ константинопольскими учеными, какъ Птоломей наполнявшій свой дворецъ книгами—онъ могъ своимъ авторитетомъ дать иное направленіе и славянской письменности. Онъ и его приближенные, сочувствовавшіе его взглядамъ и вкусамъ, многочисленные сотрудники, поддерживавшіе его стремленія пересадить на болгарскую почву разныя произведенія визан-

тійской духовной и ученой литературы—всѣ они могли чувствовать, что замысловатый глаголическій почеркъ является значительной помѣхою ихъ планамъ, потому что черезъ-чуръ сложный графическій характеръ слишкомъ далеко отступаетъ отъ обыкновеннаго греческаго письма; въ особенности же они могли воображать себѣ, что глаголица также мало соотвѣтствуетъ большимъ литургическимъ кодексамъ, какъ и въ греческомъ письмѣ минускулы вмѣсто литургическихъ унціаловъ. А такъ какъ теперь впервые внѣшнія обстоятельства начали благопріятствовать славянской литургіи—вѣдь въ Моравіи и Панноніи она была еле-еле терпима—, то понятное дѣло, теперь только впервые можно было обратить вниманіе на болѣе богатую, торжественную обстановку богослуженія, теперь только могли являться раскошные литургическіе кодексы. Для нихъ-то по крайней мѣрѣ считалось необходимымъ вмѣсто глаголическаго алфавита, стоявшаго наравнѣ съ греческимъ минускульнымъ, ввести почеркъ письма, который соотвѣтствовалъ бы греческому литургическому унціальному. Это и есть наша нынѣшняя кириллица, которая сначала вѣроятно находилась въ такомъ же отношеніи къ глаголицѣ, какъ въ греческой письменности какой нибудь унціальный кодексъ къ курсивно-минускульному, пока вскорѣ кириллица практичностью своею и главнымъ образомъ своею тѣсною зависимостью отъ греческаго письма (всѣмъ грамотнымъ тогдашняго времени хорошо знакомаго) взяла верхъ для всѣхъ рукописей безъ различія. Гдѣ и въ какое время могъ произойти этотъ поворотъ? Мнѣ кажется, что для этого явленія нѣтъ другого болѣе благопріятнаго мѣста и времени, какъ Болгарія симеоновской эпохи.

Исторія не передала намъ имени человѣка или людей, которые непосредственно въ этомъ дѣлѣ участвовали. Они совершили, конечно, полезное, но въ сущности вовсе не трудное дѣло. Взяты были обыкновенные унціалы IX вѣка, и не достающія буквы, по скольку ихъ нельзя было получить посредствомъ легкаго видоизмѣненія того же алфавита, дополнены изъ глаголицы, только типы, заимствованные изъ глаголицы, упрощены были снятіемъ

орнаментальныхъ придѣлокъ и передѣланы въ стилѣ греческихъ унціаловъ. Скажемъ нѣсколько словъ и о нихъ.

ѕ буква греческаго происхожденія, ее можно найти еще въ рукописяхъ IX вѣка, рядомъ съ ѕ, на таблицѣ III снятъ образецъ этой буквы изъ порфиріевской псалтыри 862 года. Итакъ достаточно было воспользоваться этимъ совмѣстнымъ существованіемъ двухъ почерковъ одной и той же греческой буквы для особенной цѣли.

ѧ, ѫ. Для этихъ знаковъ по чему-то не хотѣли положить въ основаніе готовыя глаголическія буквы; потому ли, что въ болгарскомъ языкѣ уже тогда не существовало носового произношенія, не знаю,—словомъ, предпочли сдѣлать нѣкоторыя измѣненія въ одномъ гласномъ знакѣ; избрали для этого, какъ кажется, главную ѧ, можетъ быть просто потому, что для обозначенія вокаловъ естественно было остановиться на одномъ изъ существовавшихъ уже знаковъ для нихъ, а знакъ ѧ былъ первый на очереди. Болгарское произношеніе вокала ѣ конечно уже тогда было очень близко къ ѧ, такъ что уже эта близость могла указывать на ѧ; но я не смѣю придавать этому обстоятельству большое значеніе, потому что къ ѧ ближе подходитъ начертаніе буквы ѧ, чѣмъ буквы ѫ, а произношеніе буквы ѧ уже никакъ не напоминало ѧ. Можно, конечно, думать и о глаголическомъ ⍋, только я не умѣю себѣ объяснить, какъ произошла въ такомъ случаѣ перемѣна звукового значенія буквъ глаголической и кирилловской.

ь, ъ, ѣ. Эти буквы имѣютъ между собою много общаго; они обнаруживаютъ тѣсную связь не по звуковому качеству, а по формальному составу, т. е. правдоподобно предположить, что они обязаны своимъ существованіемъ соображенію одного лица, сосредоточившаго свое вниманіе на нихъ такъ сказать однимъ моментомъ мысли. Я не могу сочувствовать сопоставленію кирилловскаго ѣ съ греческимъ минускильнымъ знакомъ буквы ϵ, это объясненіе, предлагаемое проф. Гейтлеромъ, мало вѣроятно уже потому, что кириллица не брала образцовъ съ минускульнаго алфавита. Точно также я долженъ назвать довольно смѣлымъ объясненіе

кирилловскихъ буквъ ъ, ь прямо изъ того глаголическаго влѣво наклоненнаго значка, которой встрѣчается на башской надписи, только въ двухъ послѣднихъ строкахъ, всего четыре раза (въ значеніи ъ, ь, ы, о).

Намъ, вѣроятно, никогда не удастся разрѣшить всѣ загадки, которыя представляетъ происхожденіе славянскаго алфавита — такъ можетъ быть и въ трехъ упомянутыхъ знакахъ обнаружился только произволъ перваго составителя; можетъ быть онъ, поставивъ ѧ и ѫ въ связь съ первой буквой алфавита, съ а, для остальныхъ гласныхъ звуковъ, которые еще нужно было закрѣпить, совершенно произвольно избралъ тотчасъ же слѣдующую букву б или в за модель, для того чтобы на ея основаніи или пьедесталѣ ь совершить различныя видоизмѣненія, и такимъ образомъ составилъ изъ этого ъ, ь, ѣ. Обѣ буквы ъ и ь я не прочь бы сопостовить съ глаголическими ⰻ и ⰹ, т. е. считать ихъ такой же передѣлкою изъ глаголическаго ⰻ, ⰹ, какъ ꙑ изъ ⰹ. Но какъ объяснить ѣ?

Знаки ѫ, ꙑ, ѱ, ѵ съ моей точки зрѣнія могли бы быть передѣланные глаголическіе.

б. *Палеографическая точка зрѣнія.* При попыткѣ объяснить глаголическую букву ѫ, о которой рѣчь будетъ ниже, и которая должна бы состоять изъ албанской комбинаціи d + š, авторъ говоритъ такимъ образомъ: «ясно, что такая комбинація вполнѣ соотвѣтствуетъ духу албанскаго письма и языка и не могла выйти изъ славянской головы»; точно также при объясненіи глаголическаго ѣ сказано: «ни одинъ языкъ не можетъ объяснить употребленія *т* какъ *b* такъ естественно, какъ албанскій. Хотя бы мы и были въ состоянія вывести глаголицу прямо изъ греческаго и римскаго матерьяла, но къ славянамъ она могла придти только при албанскомъ посредствѣ». Въ этихъ словахъ отзывается принципъ, которымъ, если бы онъ былъ вѣренъ, весь вопросъ, естественно, съ самаго начала былъ бы поставленъ въ очень узкую и опредѣленную рамку. Но да будетъ намъ позволено спросить, почему принципъ выражать славянское b или какой-нибудь

шипящій звукъ и т. п. посредствомъ комбинаціи, монографической связи двухъ знаковъ, *не* могъ выйти изъ славянской, или еще лучше греческой головы? Гдѣ же доказательства того, что на это средство смѣютъ заявлять притязаніе исключительно албанцы? Глубокая древность албанскаго алфавита остается еще открытымъ вопросомъ; палеографическій характеръ его не подкрѣпляетъ предположенія, что онъ древняго происхожденія. На сколько можно вѣрить «полной зависимости глаголицы отъ ея первоисточника»—въ этомъ мы имѣли случай уже убѣдиться; авторъ самъ принужденъ сознаться, что она «*изрѣдка*» все-таки составляла «самостоятельныя начертанія и новыя сочетанія». Слово «изрѣдка», впрочемъ случайно вырвалось у автора (стр. 111), въ другихъ случаяхъ онъ разсуждаетъ гораздо рѣшительнѣе и высказываетъ положенія въ родѣ тѣхъ, которыя я приводилъ выше, чтобы возражать противъ нихъ.

Какъ уже мною замѣчено, предположеніе, допущенное авторомъ только по отношенію къ албанскому алфавиту, было раньше его примѣнено Исаакомъ Тэйлоромъ къ глаголическимъ письменамъ. Конечно, въ статьѣ Тэйлора эта идея изложена нѣсколько бѣгло, но я не вижу принципіальныхъ препятствій примѣненію ея къ греческому курсиву для обозначенія славянскихъ звуковъ. Какъ извѣстно, греческое курсивно-минускульное письмо именно тѣмъ и отличается отъ унціальнаго, что легко связываетъ буквы въ монографическія начертанія. Спрашивается, почему только какой нибудь албанецъ могъ воспользоваться этой способностью греческаго курсива для передачи своихъ, греческому языку непривычныхъ звуковъ посредствомъ лигатуръ, а грекъ знающій по славянски, или наоборотъ славянинъ знающій по гречески, не могъ этого сдѣлать? Неужели греки научились только отъ албанцевъ передачѣ латинскаго b посредствомъ звуковой комбинаціи μβ и μπ? Если нѣтъ, то отъ составителя славянскаго алфавита естественно ожидать, что онъ до передачи славянскаго ѣ= лит. b посредствомъ комбинаціи знаковъ μβ додумался и безъ албанскаго посредничества.

Здѣсь я хочу коснуться объясненія знака ѧ, которое проф. Гейтлеръ прямо признаетъ однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ своей теоріи (стр. 111). Онъ полагаетъ, что глаголическое ѧ не что другое, какъ связь, лигатура, двухъ албанскихъ буквъ ʌ = d и ʒ = š. Эта попытка объясненія подкупаетъ только на первый взглядъ, но при ближайшемъ разсмотрѣніи возникаютъ противъ ея вѣрности сильныя сомнѣнія. Прежде всего и самое главное — звуковое значеніе знака ѧ никогда не было dš или dž, а ḍ, т. е. очень нѣжно смягченное g, или лучше d, такъ какъ артикуляція согласной g вслѣдствіе смягченія придвигается къ переднему нёбу, т. е. къ d; потомъ, какъ извѣстно, употребленіе глаголической буквы ѧ и въ древнѣйшихъ памятникахъ и еще позднѣе, было сильно ограничено: оно употреблялось исключительно въ иностранныхъ словахъ. По этому нѣтъ ни малѣйшей вѣроятности, чтобы этотъ знакъ вышелъ изъ сочетанія dž. Я предложу другое объясненіе, которое считаю болѣе естественнымъ уже потому, что оно вполнѣ совпадаетъ съ фактическимъ употребленіемъ этого знака, т. е. я утверждаю, что ѧ стоитъ въ связи какъ въ звуковомъ отношеніи съ греческимъ γ (передъ ε—ι—гласными), такъ въ графическомъ съ лигатурою минускульнаго письма γι. «Полная тожественность» глаголической буквы съ матерьяломъ албанскаго алфавита только тогда была бы нѣсколько правдоподобна, если бы глаголическій алфавитъ самостоятельно употреблялъ ʌ какъ d и ʒ какъ š, чего, какъ извѣстно, нѣтъ. Или если бы предлагаемый «албанскій» знакъ по крайней мѣрѣ въ албанскомъ письмѣ существовалъ, но и тамъ его нѣтъ. Проф. Гейтлеръ предполагаетъ только, что онъ принадлежалъ одной «бывшей, но исчезнувшей школѣ письма»! Какъ просто и естественно, въ сравненіи съ такими гипотезами, видѣть въ глаголическомъ ѧ не что другое, какъ соединеніе греческаго γ со слѣдующимъ за нимъ ι, ѧ = γι, въ томъ видѣ, въ какомъ обыкновенно связываются обѣ эти буквы въ минускульныхъ рукописяхъ IX и слѣд. ст.! Выдающаяся верхушка есть греческое ι, которое именно въ рукописяхъ этого времени выдвигается надъ

строкой въ соединеніи съ γ, только къ верхнему концу этой верхушки присоединяется обычное въ глаголическомъ стилѣ закругленіе. Въ передней части глаголической буквы не трудно найти греческое γ (ср. примѣры у Montfaucona 271, у Саввы на табл. 6, Wattenbach Schrifttafeln Nr. 9, 28, 29, 30; Wattenbach et Velsen Tab. III и IV, Палеографическое описаніе Амфилохія I, таб. V, XI, XII, XVI, XVII, The palaeographical Society табл. Nr. 107, saec. 8-vo, Nr. 129, saec. 10-mo и т. д).

Проф. Гейтлеръ, кажется, напалъ на теорію о албанскомъ посредничествѣ еще благодаря и тому, что въ глаголическомъ письмѣ находитъ римскій курсивъ. На это были указанія уже со стороны другихъ ученыхъ, напр. Louis Leger (Cyrille et Method, Paris 1868, стр. 222—223).—Дѣйствительно немудрено было сопоставлять, напр., ⱇ съ латинскимъ v, и т. д. Я ни малѣйшимъ образомъ не хочу умалить этимъ заслугу нашего автора; вскользь брошенная мысль никогда не можетъ сдѣлать излишнимъ систематически изложеннаго и проведеннаго объясненія. Но далеко-ли можно уйти съ римскимъ курсивомъ? Какіе знаки глаголическаго алфавита указываютъ непремѣнно на римскій курсивъ? Такихъ вовсе нѣтъ. По изслѣдованію профессора Гейтлера, римскаго происхожденія: ⰰ, ⱇ, ⰵ, ⰶ, ⰸ, ⰹ, ⱌ, ⰵ, ⰳ, ⰱ, ⱂ, ⰽ. При всѣхъ этихъ знакахъ я старался въ предыдущемъ изложеніи доказать возможность объясненія изъ греческаго курсивно-минускульнаго письма, въ чемъ отчасти сознается и самъ авторъ; ср. его оговорки при ⰸ (стр. 81), при ⱇ (стр. 131), при ⰹ (стр. 123), при ⰵ (стр. 75), при ⱂ (стр. 113), даже при ⰰ (стр. 91).

Даже такія буквы, какъ ⰳ и ⰽ, которыя на первый взглядъ очень сильно напоминаютъ латинскіе типы, по моему могутъ быть безъ натяжекъ объяснены изъ среды того алфавита, который, какъ мы все болѣе и болѣе убѣждаемся, всецѣло легъ въ основаніе нашей глаголицы. Да хоть бы и сдѣлать ту уступку, что обѣ упомянутыя буквы римскаго происхожденія, едва ли онѣ достаточны для того, чтобы на нихъ основывать такъ часто

повторяемое положеніе, что глаголическій алфавитъ при посредствѣ албанскаго «главнымъ образомъ» бралъ римскій матеріалъ (стр. 123). Аргументація автора подрываетъ обѣ части его теоріи: какъ для того, чтобы получить возможность ссылаться на албанскій алфавитъ, онъ долженъ предполагать много школъ писцовъ, различныя потери въ знакахъ или измѣненія въ формѣ и въ звуковомъ значеніи,—такъ для того, чтобы сильнѣе выдвинуть римскій курсивъ, онъ былъ поставленъ въ безвыходное положеніе говорить о возрастающемъ на него вліяніи греческихъ минускуловъ, о подчиненіи римской глаголицы греческимъ пріемамъ письма, о постепенномъ исчезновеніи ненужныхъ курсивныхъ разновидностей у албанцевъ, о многознаменательныхъ измѣненіяхъ, придавшихъ многимъ латинскимъ буквамъ греческій видъ, благодаря почеркамъ албанскихъ и глаголическихъ писцовъ, и т. д. Все это варьяціи на одну и туже тему, которыя, можетъ быть, пріятно читаются, но рѣшительно не могутъ прикрыть своей внутренней безсодержательности. Хотя авторъ не унываетъ, невозможное сдѣлать возможнымъ, дуализмъ глаголическаго алфавита при его албанской теоріи остается въ полной силѣ; остается, говоря словами автора, «тѣсное соприкосновеніе и взаимное проникновеніе латинскихъ и греческихъ элементовъ».

Мое объясненіе устраняетъ необходимость такого дуализма; еще очень недавно (въ отзывѣ напечатанномъ въ моемъ журналѣ VII стр. 444—479) и я былъ склоненъ думать, что мы дѣйствительно не обойдемся безъ участія римскаго элемента, теперь я отказываюсь отъ прежняго сомнѣнія и колебанія и прямо заявляю, что глаголица—письмо исключительно греческое, курсивно-минускульное, безъ участія какихъ бы ни было восточныхъ, и въ то же время римскихъ элементовъ.

в. Названіе буквъ. Я не думаю, что сдѣлаю ошибку, если наименованію буквъ въ смыслѣ автора придамъ большое значеніе. Онъ разсуждаетъ о славянскомъ названіи буквъ слѣдующимъ образомъ: «наше преданіе о славянскомъ названіи буквъ есть образецъ безпорядочности и неудобства, для чего напрасно

искали бы что-нибудь сходное въ палеографіи (?). Славянскія слова возлѣ завѣдомо неславянскихъ, неграмматическія формы которыхъ даже позднѣйшая традиція не устранятъ (имена, косвенные падежи, повелит. накл., частицы) и на ряду съ ними названія какъ *ша* и *ща*, которыя вовсе не нарицательнаго характера, все такъ пестро переплелось между собою, что съ отчаянія хотѣли выяснять ихъ изъ названія рунъ. Весь этотъ неорганическій составъ служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ полной зависимости отъ совершенно чуждыхъ образцовъ, а также ихъ совершенно естественнаго тихаго перехода къ писцамъ-славянамъ, при чемъ напрашивавшаяся почти сама собою славизація то удавалась, то не удавалась, иногда даже совсѣмъ оказывалась невозможною» (стр. 172). Приговоръ, нечего говорить, очень строгій и только тогда справедливый, если названія въ другихъ алфавитахъ сложились лучше, чего я не могъ бы утверждать ни о греческомъ по отношенію къ финикійскому, ни о латинскомъ по отношенію къ греческому. Непослѣдовательности вѣдь встрѣчаются въ греческомъ названіи буквъ такъ же, какъ и въ латинскомъ, при чемъ мы не имѣемъ права сказать, что у грековъ исключительно въ этомъ виноваты финикійцы, а у римлянъ греки. Проф. Гейтлеръ, который и здѣсь опять заводитъ рѣчь о полной зависимости македонскихъ славянъ отъ албанцевъ, объявляетъ названія *ша ща* заимствованіями изъ албанскаго алфавита единственно на томъ основаніи, что они идутъ вразрѣзъ съ нарицательнымъ принципомъ славянскихъ названій, замѣчаемымъ въ большинствѣ примѣровъ, — какъ будто всѣ наименованія непремѣнно должны быть выводимы изъ какихъ либо нарицательныхъ именъ.

Но несравненно смѣлѣе дальнѣйшій шагъ, который онъ дѣлаетъ. По его мнѣнію названія, въ родѣ буки, вѣдѣ, глаголъ, добро и т. д. только на видъ славянскія, а въ сущности и здѣсь подъ народно-этимологической славизаціей скрывается настоящее — албанское слово! Наше азъ есть албанское as «non», наше буки алб. bukeа хлѣбъ, наше вѣдѣ алб. vjetę годъ, наше

людіе алб. lule̯a труба (ср. сербск. lula), наше мыслите алб. meselete̯ выдумки, басни, наше земля алб. 3emeli и т. д. Все это для автора ясно какъ день, несмотря на то что эти мнимыя «древнѣйшія» албанскія наименованія всѣ (за исключеніемъ одного as, которое однакоже означаетъ лигатуру ατ) имъ самимъ впервые выдуманы, т. е. это сдѣлано такъ: въ албанскомъ словарѣ подысканы разныя слова, нѣсколько напоминающія славянскія названія буквъ и тѣ провозглашены настоящими а славянскія только кажущимися названіями! Иногда, конечно, нельзя было подыскать одинаково звучащаго албанскаго слова, въ такомъ случаѣ о происхожденіи славянскаго названія просто умалчивается, такъ напр. слова глаголь, добро, живѣте, зѣло, слово, остались безъ указанія ихъ «албанскихъ» источниковъ. Благодаря такому пріему авторъ не затрудняется объяснить непонятныя выраженія фрътъ=алб. forte̯ сильный, хѣръ = алб. ghjere̯ широкій и укъ = алб. uk волкъ! — Чтобы считать такого рода объясненія не простою шуткою, надо бы прежде убѣдить насъ, во 1-хъ что алфавитъ албанскій дѣйствительно старъ, даже старше глаголическаго, и во 2-хъ что въ немъ были точно тѣ названія буквъ, которыя проф. Гейтлеръ собралъ, порывшись по албанскимъ словарямъ. Пока же это не сдѣлано, до тѣхъ поръ эту затѣю проф. Гейтлера нельзя и считать серьёзною. Вѣдь съ такимъ же правомъ я могъ бы утверждать, что фрътъ или фортъ, у Бандури φερωτ, стоитъ въ связи съ греч. φόρτος тяжесть, бремя (это названіе можно бы даже предпочесть безцвѣтному «сильный»), что хѣръ съ греческаго χείρ рука (названіе буквы пишется также хыръ, хиръ: chyr, hir), и укъ съ οὐκ не. И такъ пока не будутъ доказаны для албанскаго алфавита по крайней мѣрѣ столь же древнія названія буквъ, какъ они установлены для глаголическаго въ Abecenarium bulgaricum и въ греческомъ анонимѣ у Бандури (ср. Archiv IV, 310—311), до тѣхъ поръ сознаніе настоящихъ интересовъ научнаго изслѣдованія совѣтуетъ намъ такихъ вопросовъ не затрогивать.

14. Скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ, какъ повліяла

албанская теорія автора на оцѣнку собраннаго имъ великолѣпнаго палеографическаго матеріала.

Коль скоро «албанская» теорія въ глазахъ автора получила первенствующее значеніе, то ея логикѣ должны были подчиниться всѣ древнѣйшіе глаголическіе и кирилловскіе памятники. Послѣ того не удивительно, если палеографическая оцѣнка отдѣльныхъ явленій этихъ памятниковъ выходитъ изъ предѣловъ, намѣченныхъ безпристрастнымъ изслѣдованіемъ, если самые памятники поставлены въ ложное положеніе. Я нахожу въ сочиненіи проф. Гейтлера то недоказанныя, то прямо невѣрныя предположенія, которыхъ послѣднюю причину должно искать въ самой теоріи. Укажемъ на нѣкоторыя.

На основаніи теоріи должно было отдать преимущество однажды перечеркнутому глаголическому ⱋ передъ дважды перечеркнутымъ, несмотря на то, что памятники говорятъ противное и стоятъ за обратный порядокъ.

Поискъ за албанскими элементами въ глаголическомъ алфавитѣ привелъ автора къ цѣлой теоріи о іотаціи въ славянскихъ алфавитахъ, которая построена собственно говоря — на одной мною впервые замѣченной кавычкѣ, попадающейся нѣсколько разъ при буквѣ ⱑ въ зографскомъ и маріинскомъ евангеліяхъ. Мое объясненіе того, какой смыслъ могла бы представлять эта кавычка, авторъ называетъ неправильнымъ; я ставлю букву ⱑ снабженную упомянутой кавычкою въ связь съ кирилловскимъ ѫ древне-болгарскихъ памятниковъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это ѫ не на своемъ мѣстѣ, а замѣняетъ обыкновенное и ожидаемое ъı. Что мое объясненіе вѣрно, это доказываютъ нѣкоторые новые примѣры и свидѣтельства изъ маріинскаго евангелія, собранныя на стр. 417 моего изданія. Для того же, чтобы въ упомянутой кавычкѣ усмотрѣть съ Гейтлеромъ древнѣйшій способъ графической передачи іотованнаго ⱑ, желательно, что бы это ⱑ съ кавычкою являлось не исключительно только въ одной точно опредѣленной формѣ, т. е. въ причастіи наст. врем, гдѣ именно іотованнаго ⱑ не нужно. Я полагаю, что уже эта тѣсно ограни-

ченная область употребленія буквы ѥ съ кавычкою должна была внушить автору осторожность;—но такъ какъ у него теорія стоитъ выше всего [1]), то она заставляетъ его въ этомъ знакѣ видѣть «сверхкомплектный остатокъ древнѣйшаго времени».

Излагая свои соображенія о глаголическомъ ⍥ (ѡ), авторъ отчасти былъ введенъ въ заблужденіе литографическимъ изданіемъ евангелія отъ Луки маріинскаго кодекса (стр. 78—79), которое отнюдь нельзя назвать точнымъ; я прошу обратить вниманіе на замѣчаніе на стр. 422 моего изданія маріинскаго евангелія.

Бросающаяся въ глаза подстрочная длина буквы ⍤ въ ассемановомъ евангеліи авторомъ принимается за единственный остатокъ первоначальнаго правильнаго начертанія. Такъ какъ я вообще не могу принять закругленіе, доведенное до крайности въ почеркѣ письма ассеманова евангелія, за первоначальную исходную точку глаголическаго письма, то я и удлиненіе отвѣсной черты у этой буквы не считаю первоначальнымъ, а вызваннымъ сильнымъ развитіемъ округлостей, которыя такъ сполна заняли обыкновенную высоту строки, что для отвѣсной черты не оставалось никакого другого мѣста, какъ въ продолженіи подъ строкой.

Гипотеза автора о томъ, что сначала ь былъ единственный знакъ для передачи обѣихъ полугласныхъ, противорѣчитъ какъ находящимся въ древнѣйшихъ памятникахъ фактамъ, такъ и идеѣ о происхожденіи славянскаго алфавита. Конечно, если отнести установленіе обоихъ знаковъ для полугласныхъ къ столь позднему времени, какъ это повидимому авторъ дѣлаетъ, указывая на Македонію временъ Климента, то надо отдать ему справедливость, когда онъ находитъ страннымъ, что различіе между ъ и ь проведено въ томъ языкѣ, который скорѣе «склонялся къ тому,

---

1) Мнимый примѣръ этого знака, въ за ньа маріинскаго евангелія, который авторъ, какъ думаетъ, открылъ въ снимкѣ Срезневскаго, есть ничто иное, какъ нѣсколько грубо выведенное ѥ. Я внимательно разсматривалъ это мѣсто въ оригиналѣ и на дѣлѣ не нашелъ тамъ ничего болѣе какъ ѥ.

чтобы допустить совпаденіе двухъ и безъ того сходныхъ звуковъ въ одномъ». Но мы видимъ какъ разъ противоположное: именно древнѣйшіе памятники глаголической письменности, напр. кіевскіе отрывки, зографское евангеліе, Glagolita Clozianus, соблюдаютъ различіе довольно строго, что указываетъ на такую область языка, гдѣ имѣлось больше чутья для такихъ тонкостей, чѣмъ въ области Болгаріи и Македоніи, или также Босніи, Далмаціи и Хорватіи. Это различіе, какъ извѣстно, и теперь еще развито въ восточныхъ и сѣверо-западныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ въ совершенно иныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ южно-славянскихъ; а такъ какъ мы теперь уже не удивляемся живучести различныхъ физіологическихъ чертъ въ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, то естественно предположить, что точнымъ различіемъ между ъ и ь (ѳ и ѳ) отличались именно памятники древнѣйшей паннонославянской школы, и что позднѣйшихъ южнославянскихъ переписчиковъ стоило много усилій поддерживать эту фонетическую тонкость. Авторъ слѣдитъ съ похвальнымъ усердіемъ за проявленіемъ отдѣльныхъ случаевъ его «первоначальнаго» ь, но если онъ указываетъ также на одно мѣсто въ маріинскомъ евангеліи (стр. 84), то я долженъ лишить его этого удовольствія и сослаться на стр. 262 моего изданія.

Я уже говорилъ о большой невѣроятности, заключающейся въ томъ, чтобы читать на одной изъ надписей острова Кърка ѳі какъ ъі; авторъ придаетъ единственному и въ высшей степени проблематическому примѣру такъ много значенія, что въ силу его не затрудняется обыкновенной круглой глаголицѣ присвоить «утерявшійся» знакъ ѳі! Онъ говоритъ: «на этотъ разъ авторитетъ древнѣйшей болгарской глаголицы, имѣющей обыкновенно рѣшающій голосъ, долженъ уступить болѣе древнимъ свидѣтельствамъ, такъ какъ и она уже утратила этотъ знакъ». Эти «болѣе древнія» свидѣтельства суть: a) албанскій знакъ, который существуетъ только въ воображеніи автора; b) примѣръ на надписи остр. Кърка, который, какъ я выше сказалъ, должно читать не ѻпатъі, но ѻпатъ і, такимъ образомъ и этотъ примѣръ, строго говоря, не существуетъ;

с) кирилловское ы, относительно котораго надо бы прежде доказать, что оно существовало до глаголической комбинаціи ѣт. Но авторъ съ такой же увѣренностью изъ одного ложнаго умозаключенія выводитъ еще и другое: «такъ какъ болгарская глаголица покинула употребленіе і, то оно исчезло и въ соединеніи ѣі».

На стр. 95 придается нѣкоторое значеніе особому начертанію ѣ въ словахъ Григорія богослова. Я провѣрилъ всѣ проф. Будиловичемъ приведенныя мѣста и могу установить тотъ фактъ, что во всѣхъ до одного первоначально было написано ѧ (слѣды первоначальнаго кирилловскаго ѧ очень ясны 87^c, 159^d, 196^d, 357^a), но писецъ замѣтилъ ошибку и, сдѣлавъ лѣвую первоначально тонко выведенную часть ѧ толстой, для того, чтобы получить чрезъ это основаніе для ѣ, онъ провелъ на верхнемъ концѣ буквы обыкновенную у ѣ поперечную черту. Такъ и 46^c написано было вьсѧ, а должно было стоять вьсѣ: писецъ замѣтилъ ошибку и протянулъ на вершинѣ буквы ѧ обыкновенную поперечную черту. Изъ этого видно, что «особыя» начертанія буквы ѣ въ словахъ Григорія для палеографіи не имѣютъ ни малѣйшаго значенія.

Авторъ нѣсколько разъ говоритъ о знакѣ ѧ (стр. 94, 97), онъ желалъ бы отнести его къ времени какъ можно болѣе раннему, несмотря на то, что памятники рѣшительно говорятъ противъ этого. «Что могло побудить писцовъ XII—XIII вѣка къ изобрѣтенію новаго знака для носового звука, послѣ того какъ предшествовавшій долгій періодъ усиленнаго орѳографическаго развитія оставилъ имъ въ наслѣдство даже нѣсколько пригодныхъ знаковъ для носовыхъ звуковъ»? Вопросъ совершенно вѣрный и основательный, если бы дѣло шло дѣйствительно объ изобрѣтеніи новаго знака. Но я долженъ рѣшительно это отвергнуть. Не новый знакъ явился, но модификація обыкновеннаго ѧ, обусловленная измѣненнымъ почеркомъ кирилловскаго письма XIV вѣка. Давно уже извѣстно, что въ кирилловскомъ письмѣ XIII—XIV—XV ст. поперечныя черты у отдѣльныхъ буквъ какъ и различныя узло-

выя точки изъ середины строки (подъ строкой я разумѣю здѣсь обыкновенный уровень буквъ) подвинулись къ верхнему концу буквъ. Этотъ графическій пріемъ почерковъ XIII—XIV в. отразился на многихъ буквахъ, напр. на ѧ, ѩ, ѫ, ѯ, между ними также на ѫ и ѧ. Послѣднія двѣ буквы вслѣдствіе подвинутыхъ вверхъ поперечныхъ чертъ или точекъ сошлись столь близко, что читатель иногда поставленъ въ затруднительное положеніе, считать ли начертаніе буквою ѧ или буквою ѫ. Такимъ образомъ возлѣ ѫ съ ясной петлеобразной головкой вслѣдствіе возвышенія узловой точки развился другой, снабженный узелкомъ на самомъ концѣ, на головкѣ, знакъ ҁ, который съ тѣхъ поръ былъ употребляемъ рядомъ съ ѫ. Такимъ образомъ словамъ: «распространенное употребленіе ҁ съ XIV ст. есть ничто иное, какъ возвращеніе къ жизни уже полузабытаго знака», противорѣчатъ факты въ существующихъ памятникахъ. Существованіемъ двухъ знаковъ въ памятникахъ такъ называемой среднеболгарской редакціи воспользовалась графика румынская для обозначенія двухъ различныхъ звуковъ своего языка.

Невѣрное представленіе о томъ, что глаголическая орографія шла на привязи кирилловской, ставитъ изслѣдователя въ величайшія затрудненія, когда должно объяснить развитіе іотаціи въ кирилловскихъ памятникахъ, напр. употребленіе ѣ вмѣсто ѩ. Справедливо, конечно, замѣчаетъ авторъ, что ѩ, ѥ, ѭ, ѩ въ кириллицѣ новообразованія; еще до сихъ поръ сохранились иные очень древніе памятники, или вовсе не употребляющіе этихъ знаковъ, или же употребляющіе нѣкоторые изъ нихъ, но очень рѣдко, между тѣмъ какъ ю является вездѣ, даже тамъ, гдѣ иначе нѣтъ никакого іотованнаго вокала, напр. въ замѣчательномъ отрывкѣ Ундольскаго. Такъ какъ мы ни одного глаголическаго памятника (рѣчь здѣсь идетъ о древнѣйшихъ) не встрѣчаемъ безъ ѽ, то должно бы и въ кирилловскихъ вездѣ находиться ѩ. Упомянутый отрывокъ Ундольскаго, кажется, противорѣчитъ этому, но заслуживаетъ полнаго вниманія то обстоятельство, что въ хиландарскомъ отрывкѣ, въ савиной книгѣ и т. д., гдѣ ѥ употребляется

только изрѣдка, ꙗ также не очень часто, ѭ попадается уже довольно правильно. Поэтому, идя по слѣдамъ памятниковъ, можно кажется возлѣ ю отмѣтить ѭ какъ первый шагъ къ дальнѣйшему развитію іотаціи; этотъ знакъ во всякомъ случаѣ уже существовалъ въ то время, когда ꙗ еще не употреблялось. Послѣ ю, ѭ, явилось сначала ꙗ, потомъ ѥ, и наконецъ уже ꙗ, вмѣсто котораго прежде употреблялось то ѧ (при ѧ), то ѧ (при ѧ).

Какъ иначе объяснить это постепенное появленіе іотованныхъ гласныхъ, если не предположеніемъ, что кирилловскіе памятники мало по малу освобождались отъ глаголической орѳографіи, которая точно такъ же вовсе не имѣла ꙗ, ѥ, и сначала ꙗ не различала отъ ѧ. Только допуская вліяніе пріемовъ глаголической орѳографіи на развитіе кирилловскаго правописанія становится понятнымъ, почему еще и позднѣйшая западно-сербская графика (боснійско-герцоговинская по теперешнему наименованію этихъ земель), такъ отрицательно относилась къ іотаціи; она находилась, какъ въ прежнее время македонская, подъ сильнымъ вліяніемъ пріемовъ глаголической орѳографіи.

Согласимся ли напротивъ съ проф. Гейтлеромъ въ томъ, что уже въ самомъ началѣ глаголической письменности возлѣ є = ę существовало особое начертаніе для ję (извѣстное є съ кавычкою), и прибавимъ къ этому, согласно съ его мнѣніемъ, что глаголическая графика подражала образцамъ кирилловской,—то спрашивается, какимъ образомъ мы объяснимъ отсутствіе даже малѣйшей попытки выразить глаголическою графикою кирилловское ѥ, ꙗ? почему не видно въ глаголическихъ памятникахъ этого времени ни малѣйшаго стремленія передать на своемъ письмѣ то, что въ кирилл. памятникахъ столь просто и удобно передавалось черезъ ꙗ, ѥ, если дѣйствительно существовала такая зависимость глаголическаго правописанія отъ кирилловскаго? Нѣтъ, вы ея никогда и не докажете. Въ глаголицѣ сдѣланъ только одинъ шагъ для расширенія іотаціи за предѣлы ю, ѭ (т. е. глаголическихъ ꙋ—ѳє): это случилось тогда, когда установили ѳє въ значеніи ję, сокращеніе же его, т. е. вторую половину этого знака, є какъ ę.

Періодъ колебанія между є и ѥ замѣтенъ еще въ такихъ памятникахъ, какъ кіевскіе отрывки, пражскіе отрывки, отчасти даже зографское и маріинское евангеліе; онъ отражается на кирилловскомъ колеблющемся употребленіи ѧ и ѩ, которое естественно предшествовало появленію знака ѭ.

Съ признательностью принимаемъ новый вкладъ автора въ наши познанія, заключающійся въ томъ, что онъ сообщилъ нѣсколько драгоцѣнныхъ подробностей объ употребленіи нѣкоторыхъ латинскихъ и греческихъ буквъ, какъ т, м, v, n въ качествѣ заглавныхъ въ глаголическихъ памятникахъ. Но съ одной стороны онъ слишкомъ увлекается древностью памятниковъ, гдѣ это встрѣчается (эти памятники навѣрное не изъ древнѣйшихъ, напр. не ранѣе какъ изъ самого конца XI и начала XII вѣка), съ другой стороны онъ придаетъ слишкомъ много значенія единичнымъ примѣрамъ, когда на основаніи ихъ дѣлаетъ такой выводъ, что когда-то въ древнѣйшей глаголической графикѣ въ качествѣ заглавныхъ буквъ вездѣ были въ употребленіи греческіе или римскіе унціалы (т. е. безъ петлеобразныхъ украшеній). Для того, чтобы придать нѣкоторую вѣроятность этому взгляду, надо бы открыть больше слѣдовъ упомянутаго употребленія, между тѣмъ, какъ извѣстно, въ такихъ замѣчательныхъ, объемистыхъ и древнихъ памятникахъ, какъ зографское, маріинское, ассеманово евангеліе, ни одного примѣра нѣтъ.

Возвращаясь еще разъ къ буквѣ ѭ, я долженъ сказать, что если авторъ даетъ предпочтеніе, въ смыслѣ первенства, начертанію этой буквы, встрѣчающемуся въ ассеман. евангеліи, передъ всѣми остальными, то это чисто субъективный взглядъ его, основанный не на какихъ либо палеографическихъ соображеніяхъ, а на его теоріи. Онъ дѣлаетъ это, очевидно, съ нѣкоторымъ пристрастіемъ, чтобы тѣмъ легче получить «албанскую» составную часть, между тѣмъ какъ въ пользу моего объясненія говоритъ согласіе всѣхъ остальныхъ рукописей, не исключая и ассеманова евангелія.

Наконецъ, стоя подъ вліяніемъ своей теоріи, авторъ въ объ-

ясненіи индивидуальныхъ чертъ отдѣльныхъ буквъ иногда идетъ рѣшительно слишкомъ далеко. Нигдѣ это не поразило меня такъ какъ при кирилловскій буквѣ ѣ = глагол. ⰾ. Здѣсь онъ идетъ такъ далеко, что не стѣсняется выводить различныя видоизмѣненія одной и той же буквы ѣ то изъ ꙋ, то изъ ц, то изъ греческ. Υ. Буква ѣ несомнѣнно боснійская, слѣдовательно типъ ея, заключающійся въ древнѣйшихъ боснійскихъ грамотахъ, слѣдуетъ положить въ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ развѣтвленій. Я держусь того мнѣнія, которое, вѣроятно, высказали уже и другіе, что боснійское ѣ или ѧ есть не болѣе, какъ новообразованіе по образцу глаголическаго ⰾ.

Заключеніе.

Рѣшившись на критическій разборъ послѣдняго обширно изложеннаго сочиненія о происхожденіи славянскихъ письменъ, я по неволѣ долженъ былъ подчиниться ходу доказательствъ его и слѣдить за его порядкомъ изложенія. Для читателя, не вполнѣ знакомаго со всѣми подробностями даннаго вопроса, это выходитъ нѣсколько неудобно; онъ предпочелъ бы узнать личный взглядъ автора безъ примѣси критики и полемики. Но дѣло въ томъ, что рѣшеніе этого, какъ и многихъ другихъ вопросовъ, только мало по малу идетъ впередъ и приближается къ окончательной развязкѣ не безъ извѣстной доли участія и тѣхъ, всѣхъ выводовъ которыхъ критика не принимаетъ. Не обращать вниманія можно только на то, что въ изслѣдованіе даннаго вопроса не внесло ничего новаго, а о серьёзномъ трудѣ проф. Гейтлера никакъ нельзя этого сказать. Да и автору, посвятившему много усилій рѣшенію поставленной себѣ задачи, конечно желательно, чтобы не обходили труда его молчаніемъ, чтобы понимающіе его стремленіе и интересующіеся имъ, высказали, на сколько считаютъ возможнымъ раздѣлять его взгляды, гдѣ же ихъ согласіе прекращается и по какимъ причинамъ. Вотъ почему я, вызванный бѣглыми замѣчаніями о. Амфилохія и проф. Всев. Миллера, вошелъ въ подроб-

ный разборъ сочиненія проф. Гейтлера, при этомъ же конечно не остановился только на отрицательной сторонѣ, но прибавилъ и мои положительныя объясненія, большая часть которыхъ у меня сложилась уже давно (ср. Archiv für slav. Philologie IV. 315—6).

Изъ самого разбора видно, что я прежде всего отдаю полную справедливость попыткѣ автора объяснить происхожденіе обоихъ славянскихъ письменъ безъ непосредственнаго вліянія на нихъ восточныхъ алфавитовъ. Я отвергаю вмѣстѣ съ Гейтлеромъ и И. Тэйлоромъ участіе въ глаголицѣ или кириллицѣ какихъ бы ни было письменъ еврейскихъ, эѳіопскихъ или сассанидскихъ, и т. д. Но я отступаю отъ мнѣнія Гейтлера въ томъ, что не нахожу въ глаголическомъ письмѣ вообще никакихъ другихъ элементовъ кромѣ греческаго курсивно-минускульнаго письма. Мнѣ не кажется нужнымъ прибѣгать за объясненіемъ нѣкоторыхъ глаголическихъ буквъ къ письму латинскому (римскому курсиву), какъ это дѣлаетъ проф. Гейтлеръ; по этому не нуждаюсь и въ посредничествѣ албанскомъ. Устраняя всякое участіе латинскаго курсива и албанскаго алфавита, въ основномъ взглядѣ на происхожденіе глаголицы я схожусь съ И. Тэйлоромъ, т. е. съ его мнѣніемъ, высказаннымъ въ моемъ журналѣ (Archiv V. 191 и слѣд.) и повтореннымъ въ его сочиненіи The Alphabet an account of the Origin and Development of Letters, by Isaac Taylor, Vol. II. p. 195 — 207. Однакожъ я отступаю отъ него въ разныхъ частностяхъ, какъ напр.

по Тэйлору	по моему
ⰱ = греч. β	ⰱ = μβ
ⰶ = τσ	ⰶ = ϑϑ
ⰾ = δι или τι	ⰾ = γι
ⰸ = τσ, собств. στ	ⰸ = греч. z
ⰸ = ει	ⰸ = η
ⰲ = η	ⰲ = ї
ⰲ = υο	ⰲ = ϕο

по Тэйлору	по моему
ⲃ = οȣ, οει	ⲃ = ⲉ съ знакомъ ⸗
ⲃ = εει	ⲃ = ȣ съ знакомъ ⸗
ⲉ = εν	ⲉ = ⲣ
ⲉ = εεν	ⲉ = ⲉⲣ
ⲉ = οεν	ⲉ = ⲉⲣ

Я признаю основательность требованія, впервые проводимаго въ изслѣдованіи проф. Гейтлера, не выходить въ нашихъ объясненіяхъ изъ рамки того письма, которое разъ нами положено въ основаніе палеографическихъ соображеній. Но я стараюсь быть въ этомъ отношеніи послѣдовательнѣе, чѣмъ авторъ албанской теоріи. Я устраняю изъ глаголицы всякое вліяніе греческаго унціальнаго письма, на сколько оно разнится отъ курсивно-минускульнаго. По этому я не считаю ш занесеннымъ прямо въ кириллицу, гдѣ оно изъ греческаго унціальнаго письма не объяснимо, а въ глаголицу, потому что на нее указываетъ греческое минускульное σσ; или же ⲫ не произвожу изъ ϒ, гдѣ оно опять не объяснимо изъ греч. унціала, а наоборотъ начинаю объясненіе съ глаголицы, потому что на нее указываетъ греческое минускульное τσσ. Не смѣю и не хочу скрывать, что пока еще не поддается для меня удовлетворительному объясненію ⲁ.

Я соглашаюсь съ авторомъ и въ томъ, что глаголица и кириллица не вошли въ употребленіе въ то же время, ни въ той же мѣстности, хотя въ нихъ видна зависимость другъ отъ друга. Но въ дальнѣйшемъ мы уже сильно расходимся.

Онъ полагаетъ, что сначала, т. е. послѣ принятія христіанства, у славянъ жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Болгаріи и далѣе на югъ, было въ употребленіи греческое унціальное письмо, у славянъ же жившихъ въ предѣлахъ нынѣшней Македоніи, въ сосѣдствѣ съ албанцами, — албанское письмо, т. е. зародышъ глаголицы.

Я же убѣжденъ, что нынѣшняго албанскаго письма тогда еще вовсе и не было, и что всѣ славяне балканскаго полуострова,

въ предѣлахъ господства византійской образованности и греческой культуры—безъ различія употребляли греческое унціальное и курсивное письмо для передачи славянскихъ словъ, поскольку имъ приходилось писать (вообще несомнѣнно не часто, развѣ подписать иногда свое имя, записать какое нибудь славянское названіе мѣстности и т. д.).

Проф. Гейтлеръ, не обращая вниманія на то, что Кириллъ и Меѳодій происхожденіемъ были изъ Македоніи, стало быть по его теоріи должны бы знать албанское письмо, полагаетъ, что Константинъ философъ, слѣдуя общему примѣру, писалъ греческимъ унціальнымъ письмомъ «безъ устроенія», чтобы употребить слово черноризца Храбра, т. е. онъ полагаетъ, что Константинъ философъ писалъ славянскій переводъ евангелія греческими унціальными буквами, нынѣшнею кириллицею, въ которой кромѣ обыкновенныхъ греческихъ буквъ существовали еще только ѥ, ѡ = ω, ѵ и ц = υ, ѧ и ѫ, но въ его азбукѣ не было ж, не было ъ, ь, ы, ѣ. Какъ онъ передавалъ славянскіе звуки, обозначаемые обыкновенно этими знаками, у Гейтлера не сказано.

Я же утверждаю, что такой взглядъ на дѣло Константина философа уроняетъ значеніе его, обрисованное довольно наглядно въ отзывахъ его современниковъ. Переносить центръ тяжести изъ предѣловъ Моравіи и Панноніи въ Македонію, съ дѣятельности Константина и брата его Меѳодія на Климента, значитъ отвергать безъ нужды многочисленныя свидѣтельства историческія и не признавать данныхъ заключающихся въ древнѣйшихъ памятникахъ церковнославянской письменности. На основаніи послѣднихъ, согласно съ историческими свидѣтельствами, мы имѣемъ полное право утверждать, что заслуга Константина философа именно въ томъ и заключалась, что онъ бывшему до тѣхъ поръ шаткому и неопредѣленному употрѣбленію греческихъ буквъ для славянскихъ звуковъ поставилъ предѣлъ, то что до тѣхъ поръ употреблялось безъ устроенія, онъ привелъ въ стройную систему. Кой-какіе пріемы или привычки орѳографическія могли существовать уже раньше, напр. могъ существовать обычай переда-

вать нашъ *ш* черезъ σσ, нашъ *ч* черезъ τσσ, нынѣшній *ѕ* чересъ σ; но безъ значительнаго личнаго участія въ этомъ дѣлѣ Константина Философа не обошлось. Онъ не былъ только регистраторомъ, а настоящимъ реформаторомъ греческаго письма въ пользу славянской рѣчи, ему обязано славянское письмо не только полнотою въ графической передачѣ всѣхъ звуковъ, но и составленіемъ особаго почерка, т. е. послѣдовательно проведеннаго стиля, имѣвшаго, какъ мы сейчасъ скажемъ, роковыя послѣдствія для его письма.

Какія письмена вышли изъ этой дѣятельности Константина Философа? Общее употребленіе письма кирилловскаго втеченіе многихъ столѣтій у громаднаго большинства славянскихъ народовъ указываетъ конечно прежде всего на кириллицу. Научное изслѣдованіе нашего столѣтія на этомъ не останавливается. Критическій разборъ древнѣйшихъ памятниковъ и палеографическій характеръ обоихъ письменъ свидѣтельствуютъ, что при нынѣшнихъ источникахъ нашихъ свѣдѣній весь вопросъ проще и удачнѣе разрѣшается, если считать древнѣе глаголицу. Она— такое же греческое письмо, какъ и кириллица, только почеркъ ея вышелъ сложнѣе отчасти отъ того, что она образовалась на курсивноминускульномъ греческомъ письмѣ, отчасти же отъ большой послѣдовательности стилистической, въ которой и высказалась значительная личная дѣятельность Константина Философа.

Не желаю здѣсь повторять того, что изложено выше на стр. 148—164, но спрошу только, не проще ли производить глаголическое ш изъ удвоеннаго курсивноминускульнаго σσ, чѣмъ кирилловское ш изъ греческаго ω? не проще ли полагать, что тотъ кто для нашего ш выбралъ удвоенное ss, и для нашего ж остановился на удвоенномъ zz, чѣмъ искать для ѯ или ж объясненія въ какой-то несуществующей буквѣ албанской? не проще ли глаголическое ѱ производить изъ τш (т. е. τσσ), чѣмъ кирилловское ѵ изъ греческаго υ? не естественно ли полагать, что для глухого звука ъ вниманіе реформатора остановилось на установленномъ уже знакѣ для о съ прибавкою какого нибудь діакритическаго значка,

а этому соображенію поддается именно глаголическое ѳ, петличка котораго напоминаетъ греческій spiritus asper девятаго вѣка.

Но строго проведенная правильность стилистическая удалила это первое славянское письмо слишкомъ далеко отъ его греческаго прототипа. Узкій союзъ Болгаріи съ Византіею начиная съ конца IX-го вѣка, полная духовная и культурная зависимость первой отъ послѣдней, не могли не возбудить желанія болѣе сблизиться съ Византіею и въ письмѣ. Это и сдѣлано вскорѣ послѣ введенія христіанства и славянскаго богослуженія въ Болгаріи. Кѣмъ и когда,—это пока неизвѣстно, по моимъ соображеніямъ въ царствованіе Симеона, его сподвижниками. Но сдѣлано это такъ, что прежнее письмо не было тотъ часъ же заброшено; его считали своимъ, относились къ нему безъ вражды и безъ подозрѣнія. Доказательствомъ служатъ многія очень древнія кирилловскія приписки въ древнѣйшихъ глаголическихъ рукописяхъ, которыхъ не было бы, если бы не читали глаголическихъ рукописей и тѣ, кто въ свою очередь болѣе привыкъ писать буквами кирилловскими. Окончательная побѣда кириллицы совершилась съ принятіемъ христіанства русскими славянами. Близкія сношенія кіевскихъ князей съ Константинополемъ заставили бы послѣднихъ дать предпочтеніе кириллицѣ какъ письму, въ которомъ яснѣе проглядываетъ характеръ греческій, и тогда, если бы вопросъ, которыя изъ обоихъ письменъ получатъ перевѣсъ, не былъ уже въ Болгаріи рѣшенъ въ пользу кириллицы. «Аще ли кто речеть ꙗко нѣсть оустроилъ добрѣ, понеже сѧ постраꙗлъ и еще, отвѣтъ речемъ симъ: оудобѣе есть послѣжде потворити, неже пръвое сътворити» говоритъ черноризецъ Храбръ и этими словами защищаетъ Константина Философа энергичнѣе, чѣмъ могъ бы сдѣлать я, если бы кому пришло въ голову въ моей аргументаціи видѣть неуваженіе къ памяти нашего великаго просвѣтителя.

ДЛЯ ПОЯСНЕНІЯ ПРИЛАГАЕМЫХЪ ТАБЛИЦЪ.

Въ первомъ столбцѣ таблицы I и II собраны мною снимки изъ различныхъ греческихъ рукописей курсивнаго и минускульнаго письма VIII—X стол. Для этой цѣли я воспользовался вопервыхъ матеріаломъ, доступнымъ въ такихъ пособіяхъ, какъ палеографія Монфокона, Exempla codicum graecorum ed. Wattenbach et von Velsen, Scripturae graecae specimina ed. Wattenbach, въ особенности же великолѣпныя таблицы лондонскаго Palaeographical Society (двѣнадцать выпусковъ); вовторыхъ богатымъ собраніемъ греческихъ рукописей Импер. публичной библіотеки, въ числѣ которыхъ я обращалъ особое вниманіе на замѣчательное порфиріевское евангеліе 835 года и на великолѣпное золотомъ писанное минускульное евангеліе X вѣка № 51. Я бралъ добросовѣстно не только такія буквы, которыя мнѣ могли показаться близко подходящими и подтверждающими высказанныя въ статьѣ соображенія, но и тѣ, которыя безъ всякой задней мысли найдены въ моихъ источникахъ какъ вѣрное отраженіе обыкновеннаго почерка тѣхъ рукописей. Цѣль моя не была, какъ и не должна была быть, преувеличивать или прикрашивать. Все что этотъ первый столбецъ изображаетъ собою, передаетъ вѣрно инвентарь моихъ источниковъ, и за исключеніемъ трехъ-четырехъ случаевъ, гдѣ надо были буквы уменьшить, въ подлинной величинѣ.

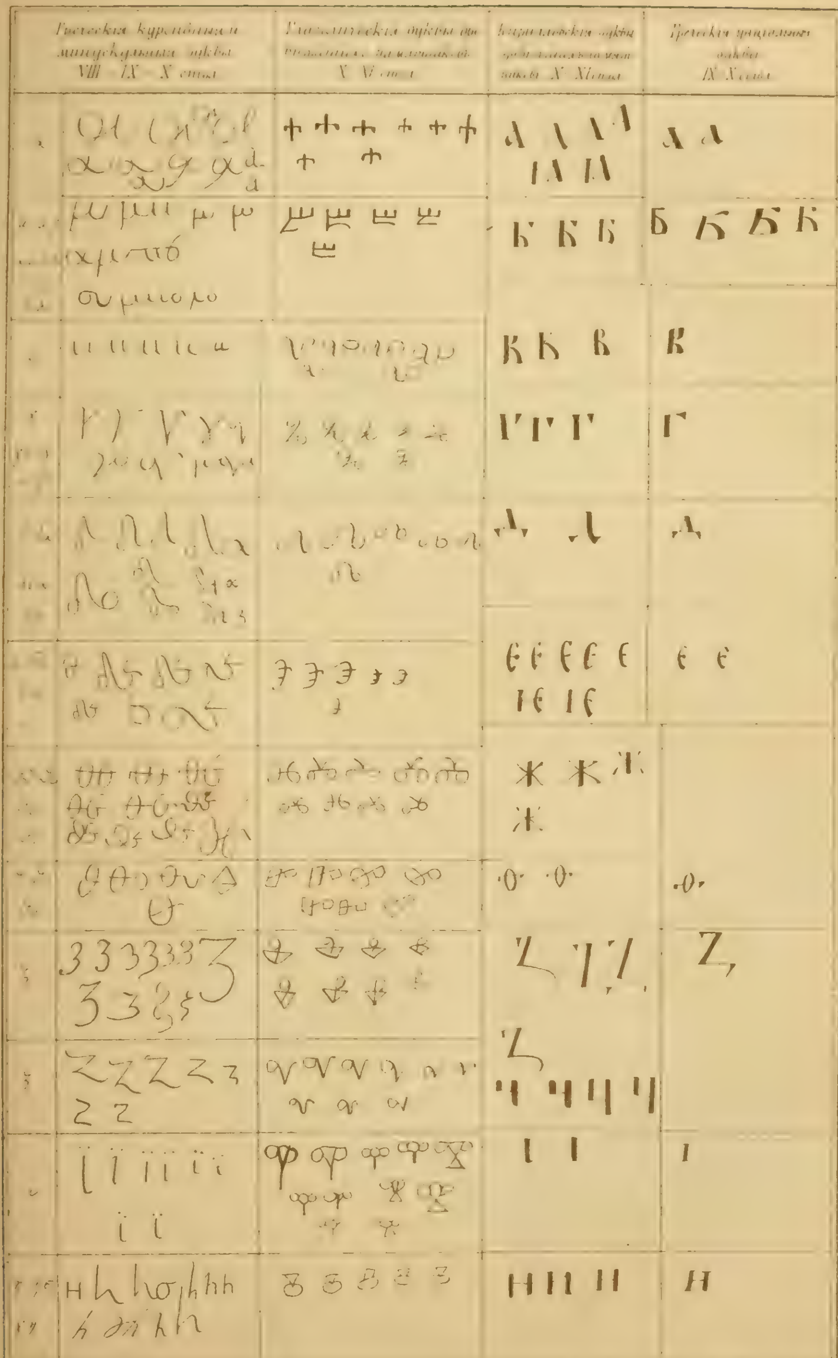
Во второмъ столбцѣ таблицы I II и III представлены снимки глаголическаго письма по отрывкамъ кіевскимъ, по зографскому и маріинскому евангеліямъ (изъ этихъ трехъ памятниковъ я могъ брать матеріалъ по подлинникамъ), по ассеманову евангелію и клоцову сборнику (изъ двухъ послѣднихъ по таблицамъ приложеннымъ къ сочиненію проф. Гейтлера). Я старался вѣрно передать всѣ мелочи почерка каждой буквы, но общее начертаніе исполнено менѣе крупными штрихами, чѣмъ они выходятъ наружу въ подлинникѣ. Это сдѣлано для того, чтобы въ контурахъ уравнить глаголическія буквы греческимъ.

Въ третьемъ столбцѣ изображенъ почеркъ кирилловскаго письма по двумъ замѣчательнымъ памятникамъ, принадлежащимъ несомнѣнно къ древнѣйшимъ остаткамъ этой письменности: по сборнику супрасльскому и отрывку житія Кондрата. Буква ѣ заимствована изъ грамоты Кулина бана, находящейся въ библіотекѣ Импер. академіи наукъ.

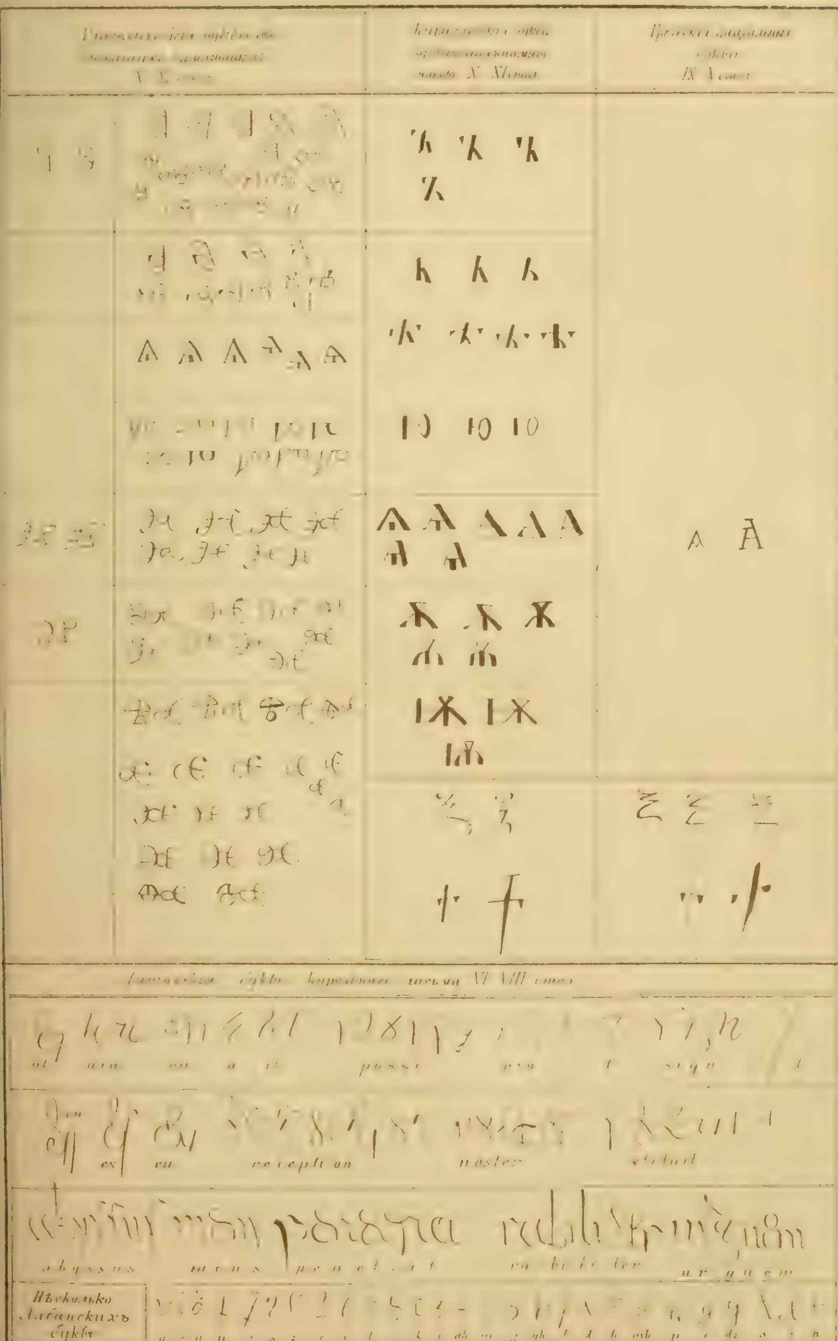
Въ четвертомъ столбцѣ представленъ почеркъ греческаго унціальнаго письма IX—X-го вѣка, преимущественно по снимкамъ изъ греческой рукописи 967 года, такъ называемаго хоривскаго евангелія синайскаго монастыря (изъ альбома синайскихъ видовъ и древностей проф. Кондакова, табл. 79—81) и отчасти по порфиріевской псалтыри 862 года.

На третьей таблицѣ послѣ сравнительнаго алфавита греко-славянскаго, прибавлены двѣ строки латинскаго курсива съ цѣлью показать, что онъ несравненно далѣе отстоитъ отъ глаголицы, чѣмъ греческое курсивное и минускульное письмо. Эти строки сняты съ таблицы 2-ой и 28-ой лондонскаго Palaeographical society: Papyrus Ravenna a. D. 572, съ таблицы 68-ой того же изданія: S. Avitus 6 cent., съ таблицы 119-ой: Thierry of France 679—680, и изъ Monumenta graphica medii aevi съ текстовъ VIII столѣтія (табл. I. 5, IV. 3). Въ этихъ двухъ строкахъ размѣръ письма подлинника отчасти надо было нѣсколько уменьшить.

Въ самомъ концѣ третьей таблицы осталось еще столько свободнаго простору, чтобы изъ снимковъ, приложенныхъ къ сочиненію проф. Гейтлера, вынуть часть буквъ алфавита албанскаго.



Греческія курсивныя минускульныя буквы VIII–IX–X стол.		Гальваческія буквы [illegible] X–XV стол.	Кирилловскія буквы [illegible] X–XV стол.	Греческія уставныя буквы IX–X стол.
[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	
[illegible]	[illegible]	[illegible]	К К К	К
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Л Л Л	Л Л
[illegible]	[illegible]	[illegible]	М М М М М	М
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Н Н	Н
[illegible]	[illegible]	[illegible]	О О О	О
[illegible]	[illegible]	[illegible]	П П	П
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Р Р Р Р	Р
[illegible]	[illegible]	[illegible]	С С С	С С
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Т Т Т	Т
[illegible]	[illegible]	[illegible]	ОУ ОУ ОУ	ОУ
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Ф Ф	Ф
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Х Х Х	Х
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Ѡ Ѡ	Ѡ
[illegible]	[illegible]	[illegible]	Ш Ш Щ Ч Ч Ч Ч Ч Ч	



reception
noster
Нѣсколько Албанскихъ буквъ

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 3.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧЪ ГНѢДИЧЪ

(1784—1884)

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ

КЪ СТОЛѢТНЕЙ ГОДОВЩИНѢ ДНЯ ЕГО РОЖДЕНІЯ

СООБЩИЛЪ
П. ТИХАНОВЪ
ЧЛЕНЪ-КОРРЕСПОНДЕНТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО ОБЩЕСТВА ЛЮБИТЕЛЕЙ ДРЕВНЕЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
(Вас. Остр., 9 лин., № 12)
1884

НѢСКОЛЬКО ДАННЫХЪ ДЛЯ БІОГРАФІИ ГНѢДИЧА

ПО НЕИЗДАННЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

Слишкомъ полвѣка назадъ скончался одинъ изъ видныхъ дѣятелей русскаго слова, честно послужившій ему и какъ поэтъ-писатель и еще болѣе какъ переводчикъ безсмертнаго Гомера.

Членъ Императорской Россійской Академіи, Николай Ивановичъ Гнѣдичъ родился въ Полтавѣ 1784 года 2 февраля. Свое первоначальное образованіе онъ получилъ въ Полтавской семинаріи, гдѣ оставался однако недолго, и затѣмъ поступилъ въ знаменитый Харьковскій коллегіумъ, устроенный въ 1727 году Бѣлгородскимъ епископомъ Епифаніемъ «по образу польскихъ іезуитскихъ». Здѣсь Гнѣдичъ пробылъ около семи лѣтъ (1793—1800), послѣ чего перешелъ въ Московскій университетъ.

Будучи ребенкомъ, Гнѣдичъ выказывалъ уже нѣкоторые проблески дарованія и на заданныя темы писалъ сочиненія въ стихахъ и прозѣ, недурныя для его возраста.

Вотъ, напримѣръ, его

РѢЧЬ ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ НА ПРАЗДНИКЪ РОЖДЕСТВА ХРИСТОВА.

Нельзя подлинно живо изобразить той высочайшей милости Божіей, каковую благоволилъ Онъ излить на весь родъ человѣческій, низринувшійся, по паденіи перваго человѣка, въ пропасть грѣховнаго заблужденія. — Всѣ люди, будучи гонимы мечтою плотскихъ вожделѣній, слѣпо бродили по стропотнымъ стезямъ развратности, и таковымъ образомъ, удаляясь отъ Бога и забывая

Его, подпали всей строгости правосудія Его, стояли у дверей вѣчной гибели, и не могли никакимъ образомъ сыскать съ своей стороны средствъ, чтобы избавиться отъ таковаго несчастія, не могли, ибо всѣ до единаго были грѣшны; вся земля была наполнена беззаконіями и неправдами. Но Богъ, движимъ будучи не изреченнымъ милосердіемъ Своимъ, не восхотѣлъ погибнуть человѣкамъ, обѣщалъ имъ послать Избавителя, который бы стерлъ главу діявола и тѣмъ бы свободилъ ихъ отъ власти его и привелъ въ любовь Божію, обѣщалъ, и послалъ Единороднаго Сына своего, Который, принявъ на себя сію священную должность, пришелъ на землю и воплотился отъ преблагословенныя Дѣвы Маріи.

О, благости и милосердія Божія къ человѣкамъ грѣшникамъ! Для спасенія ихъ, не пощадѣлъ премилосердый Богъ Единороднаго Сына Своего, но послалъ Его въ міръ, да спасетъ люди Своя отъ грѣхъ ихъ.

Не должны ли убо сердца наши восхищаться радостію и веселіемъ, празднуя нынѣ благословенный день рожденія Сына Божія? Не должны ли мы купно въ празднованіи онаго расположиться къ поздравленію другъ друга таковымъ счастіемъ нашимъ, и тѣмъ самымъ къ умноженію оной радости? — Я, исполняясь благоговѣнія и почтительности къ вамъ, N, въ восторгѣ духа поздравляю васъ (съ) симъ благополучіемъ нашимъ, поздравляю, и желаю, да новорожденный Сынъ Божій сохранитъ невредимо здравіе ваше, укрѣпляя васъ въ благихъ подвигахъ вашихъ.

Тутъ же рядомъ въ сохранившемся автографѣ помѣщены

СТИХИ НА ТОТЪ ЖЕ ПРАЗДНИКЪ.

Дней пріятныхъ нынь начало,
Паче солнечныхъ лучей,
Въ Вифліемѣ возсіяло,
Съ множествомъ благихъ вѣстей.

* * *

Гласъ тамъ ангельской музыки
Наполняетъ весь зефиръ,
Разумѣйте всѣ языки,
Слава Богу, вамъ днесь міръ.

* * *

О несчастной мы судьбинѣ,
Горькихъ слезъ не будемъ лить,
И печаль(ну) мысль всю нынѣ
Въ радость должны премѣнить.

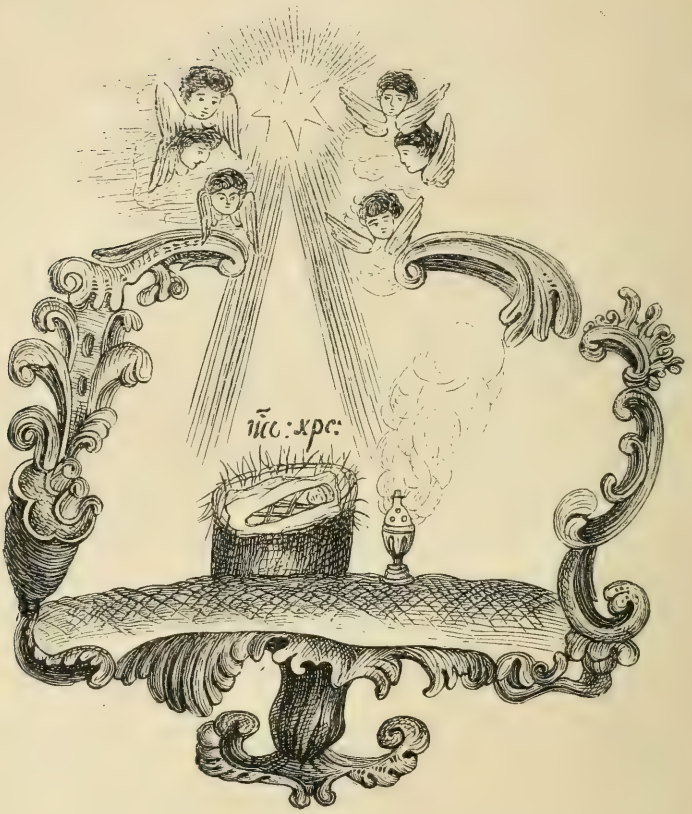
* * *

Я предъ васъ представши нынѣ,
Сей возношу веселъ гласъ,
Да во всякой благостынѣ
Божій Сынъ поддержытъ васъ.

Оба эти сочиненія—одни изъ самыхъ раннихъ, доселѣ извѣстныхъ, и относятся къ 1795 году.

Слѣдующая за симъ по времени «Рѣчь» сохранилась отъ 1798 года, содержаніе ея также религіознаго характера и, по всей вѣроятности, она сказана Гнѣдичемъ своимъ товарищамъ по окончаніи говѣнья.

Къ тому же раннему періоду относится еще нѣсколько юношескихъ произведеній: «Рѣчь на Воскресеніе Христово» и двѣ рѣчи на Рождество. Изъ этихъ послѣднихъ приведемъ здѣсь одну, написанную стихами, интересную еще и въ томъ отношеніи, что время ея приходится на рубежѣ двухъ вѣковъ, что́ и высказано юнымъ поэтомъ. Помѣщаемый въ главѣ стихотворенія рисунокъ сдѣланъ въ подлинникѣ и раскрашенъ рукою самого автора.



ПѢСНЬ НА РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО.

Осьмнадцатый уже се истекаетъ вѣкъ,
Какъ хвалится своимъ блаженствомъ человѣкъ;
Какъ сладостный покой, миръ, тишину вкушаетъ,
И кротку Вышняго десницу лобызаетъ;
Какъ паки въ новое пришелъ онъ бытіе,
Поправши ветхое грѣховно житіе.

Онъ, разумъ вѣрою имѣя просвѣщенный
И свѣтомъ истины святыя озаренный,
Зритъ землю новую, зритъ новы небеса.

Но кто устроивый толики чудеса?
Непостижимый Богъ, вселенныя зиждитель,
Благъ, кротокъ, милосердъ, всѣхъ грѣшниковъ Спаситель;
Спаситель грѣшниковъ — предвѣчный Божій Сынъ,
Безцѣнныхъ оныхъ благъ виновникъ есть единъ.

Онъ по любви своей къ созданью безконечной
Оставилъ солнцами украшенъ тронъ Свой вѣчной;
Оставилъ и снисшелъ съ превыспреннихъ небесъ;
Снисшелъ и мирныя оливы къ намъ принесъ.

О время! О часы! минуты драгоцѣнны,
Въ которыя пріялъ плоть прежде вѣкъ рожденный!
Померкнутъ звѣзды пусть и солнце и луна,
Пусть быстрыхъ крилъ своихъ лишатся времена,
Изсохнетъ океанъ, вселенна пусть увянетъ,
Но славить человѣкъ сего дня не престанетъ.

Насталъ онъ — и въ сердца проникъ всѣхъ новый свѣтъ;
Хвалу Всевышнему въ восторгѣ всякъ поетъ;
Любовью всякъ къ Нему сердечной пламенѣетъ
И ставъ предъ олтаремъ Его благоговѣетъ.
Согласно всѣ — ни полъ, ни возрастъ не коснитъ
Веселіе свое предъ другомъ другъ явить.
Что отрокъ, мужъ, старикъ устами изъясняетъ,
Младенецъ нѣжной то улыбкой изъявляетъ;
Воскликновеній вся исполнена земля.....

Дражайшій мой отецъ! — Сіи восторги зря,
Удержу ли себя я въ день сей свѣтозарный,
Чтобъ чувствій не явить тебѣ души преданной?
Умедлю ли уста я нынѣ разширить
И предъ тобой свою чувствительность явить?
Нѣтъ: истины законъ къ сему мя убѣждаетъ
И сердце и языкъ къ сему мой устрояетъ.

Но какъ я оную предъ вами изражу?
Иль чѣмъ обязанность свою вамъ докажу?
Что изобрѣсть въ залогъ преданности сердечной?
Сыновней къ вамъ любви обязанности вѣчной?
Сіе едино лишь возможно для меня: —
Къ вамъ глубочайшее почтенье я храня,
Желанья пламенны соединивъ съ мольбами,
Взываю къ небесамъ и сердцемъ и устами:
Всесильный Богъ, Творецъ тьмочисленныхъ міровъ,
Непостижимый Царь бытій, временъ, вѣковъ!
Будь моему отцу всегда ты Покровитель,
Будь дней его драгихъ Защитникъ и Хранитель,
Да въ счастьи подъ Тобой и имъ я буду жить
И возмогу къ Тебѣ ввѣкъ благодарнымъ быть.

По всей вѣроятности, Гнѣдичъ не прямо поступилъ въ университетъ изъ Харьковскаго коллегіума, а нѣкоторое время пробылъ въ Благородномъ Университетскомъ пансіонѣ, на что указываетъ сохранившееся его школьное произведеніе, озаглавленное: «Взрослому воспитаннику Благороднаго при университетѣ пансіона, для всегдашняго памятованія». Сочиненіе это распадается на нѣсколько главъ: «Цѣль воспитанія» поставлена на первомъ планѣ.

«Главная цѣль истиннаго воспитанія есть та, чтобъ младыя отрасли человѣчества, возрастая въ цвѣтущемъ здравіи и силахъ тѣлесныхъ, получали необходимое просвѣщеніе и пріобрѣтали навыки добродѣтели, дабы достигши совершенно мужеской зрѣлости, принесть Отечеству, родителямъ, себѣ драгоцѣнные плоды правды, честности, благотвореній и неотъемлемаго счастія».

Въ послѣдующихъ главахъ подробнѣе развивается сновная мысль и разсматривается «Должность къ Богу, къ Государю и Отечеству, къ родителямъ и къ наставникамъ».

Изъ другихъ ученическихъ произведеній Гнѣдича сохранились его переводы съ французскаго языка, въ концѣ тетради помѣчен-

ные такимъ образомъ: «Je suis content de votre application à la langue françoise».

По свидѣтельству біографа, близко знавшаго поэта, Гнѣдичъ отличался пылкостію ума, добротою сердца, и былъ горячо любимъ товарищами, которыхъ увлекалъ своею пламенною любовію къ поэзіи. Въ свободное отъ ученія время, въ праздники и каникулы, онъ плѣнялъ ихъ одушевленнымъ, сильнымъ чтеніемъ писателей, особливо драматическихъ, былъ душою ихъ собраній, а за представленіе на университетскомъ театрѣ нѣкоторыхъ трагическихъ лицъ осыпаемъ бывалъ единодушными похвалами [1].

Сынъ небогатыхъ родителей (по смерти отца, Гнѣдичу досталось въ наслѣдство всего тридцать душъ, что́ даже по тогдашнему времени считалось средствами весьма ограниченными), молодой девятнадцатилѣтній студентъ мирно кончилъ бы свой университетскій курсъ, не вдаваясь въ водоворотъ столичной жизни, и затѣмъ такъ же мирно вступилъ бы на одно изъ поприщъ гражданской дѣятельности, въ часы досуга занимаясь литературой, къ чему Гнѣдичъ подавалъ надежды, какъ одно обстоятельство едва не измѣнило всей его будущности. То было время военной славы, и преимущественно русской военной доблести: имя Суворова у всѣхъ было на устахъ; въ продолженіе десятковъ лѣтъ военный геній владѣлъ умами, и не одной только молодежи. Позднѣе Гнѣдичъ занесъ въ свою «Записную Книжку» такую мысль, навѣянную ему Суворовымъ:

«Ни одинъ изъ знаменитыхъ людей, мнѣ современныхъ, не вселялъ въ меня столько разнообразныхъ чувствъ какъ Суворовъ. Я видѣлъ въ немъ идеалъ, какой составилъ себѣ о герояхъ; кромѣ этого, я находилъ въ немъ то, чего ни въ одномъ героѣ ни новыхъ, ни древнихъ вѣковъ—найти не можно. Занимаясь имъ, я наполняюсь глубокимъ удивленіемъ къ совершенному искусству полководца, почтеніемъ ко славѣ героя, плачу при воспоминаніи доблестей великаго человѣка и помираю со смѣху отъ проказъ этого чудака!»

---

[1] Сынъ Отеч. 1842, XI (Біографія Гнѣдича, написанная Лобановымъ).

Понятно, что у Гнѣдича же могла вырваться такая сильная надпись ко гробу великаго полководца:

Ты ищешь монумента?...
Суворовъ здѣсь лежитъ.

Немудрено поэтому, что студентъ Гнѣдичъ также увлекся, почувствовавъ въ себѣ призваніе къ военной службѣ: повидимому онъ долго боролся, долго размышлялъ по этому поводу, и наконецъ рѣшился высказать о своемъ намѣреніи въ письмѣ къ отцу.

«Вамъ извѣстно» — писалъ Гнѣдичъ (къ сожалѣнію, даты на письмѣ не означено, но надо полагать, что оно относится къ послѣднему времени пребыванія Гнѣдича въ университетѣ)—

Вамъ извѣстно, что я достигаю полноты тѣлеснаго возраста, достигаю той точки жизни, того періода, въ который долженъ я благодарностію платить Отечеству. Благодарность ни въ чемъ иномъ не можетъ заключаться, какъ въ оказаніи услугъ Отечеству, какъ общей матери, пекущейся равно о своихъ дѣтяхъ. Желаніе вступить въ военную службу превратилось въ сильнѣйшую страсть. — Вы можетъ-быть скажете, что я не окончалъ наукъ. Но что воину нужно? Философія ли? Глубокія-ли какія науки или математическія познанія? — Нѣтъ: духъ силы и бодрости (Зачеркнуто: Признательно скажу вамъ, что охота къ ученію мало по малу угасаетъ). Вы можетъ-быть думаете, что я слабъ здоровьемъ, и считаете способнымъ вступить въ статскую службу. Нѣтъ, — я чувствую себя способнымъ лучше управлять оружіемъ, нежели перомъ. Природа чрезвычайно въ такомъ случаѣ мудра. Она кому даетъ желаніе къ чему нибудь, то даетъ и средства достигнуть желаемой цѣли. Скажу вамъ, что я рожденъ для подъятія оружія. Духъ бодрости кипитъ въ груди моей такъ пламенно, что я съ веселымъ духомъ готовъ послѣднюю каплю крови пролить за Отечество. Я не могу видѣть воина, не чувствуя нѣкоего сладостнаго удовольствія въ душѣ своей, того воина, объ коемъ говорятъ всѣ съ величайшею похвалою. Образъ героя Суворова живо напечатлѣнъ въ душѣ моей, я его боготворю. Жаль мнѣ прервать со-

юзъ съ музами, но гласъ Отечества зоветъ, и я долженъ стремиться со всею пылкостью вступить на то поприще жизни, по которому шествуя, надѣюсь оказать услуги Отечеству. Если протечетъ мнѣ 20 лѣтъ, духъ бодрости ослабнетъ, желаніе уменьшится. До 20 лѣтъ можетъ-быть я буду не безъ имени человѣкъ. Лучше несравненно для Отечества, полезнѣе для самого себя вступить въ тотъ родъ службы, къ которому кто чувствуетъ себя способнымъ, нежели перемѣнять свои склонности.

Многихъ природа одарила отличными дарованіями, дала имъ равно неутомимую дѣятельность и охоту отнимать у сна ночи, дабы блеснуть своими сочиненіями и собрать дань нелестной хвалы отъ народовъ. Многимъ дала силы къ понесенію оружія и не отняла желанія обогатить умъ свой многоразличными познаніями; но чрезъ что они снискиваются, если не чрезъ опыты? Гдѣ можно видѣть столько опытовъ, какъ не въ путешествіи? Можетъ-быть доведется мнѣ быть въ отдаленныхъ частяхъ свѣта, увидѣть различныхъ народовъ, образъ ихъ правленія, образъ ихъ жизни, — и конечно, если судьба мнѣ поблагопріятствуетъ, я возвращусь съ большими опытами и познаніями. Вы скажете, что военная служба сопряжена съ величайшими трудностями. Правда, она много требуетъ труда и нерѣдко пожертвованія силъ; но что можетъ быть славнѣе и пріятнѣе, если не то, что мы преодолѣваемъ трудности и достигаемъ того, чего желаемъ?

Внимательными глазами разсматривалъ я всѣ роды службы. Всякая имѣетъ труды и награжденія, пожертвованія силъ и удовольствіе, — во всякой службѣ есть счастливцы и несчастливцы. Но военная служба, по мнѣнію моему, превосходитъ всѣ прочія. Славно, очень славно и любезно умереть на ратномъ полѣ при открытомъ небѣ. Правда, не меньше пріятно умереть въ своемъ мѣстѣ рожденія. Но судьба ничья не извѣстна. Нельзя жить въ свѣтѣ и не испытать несчастій. Не всегда свѣтитъ солнце, не всегда бываетъ майское утро. Теперь въ разсужденіи военной службы наступаетъ, можно сказать, майское утро. Въ гвар-

діи дана прежняя привилегія. Государь поступаетъ по сердцу Екатерины; теперь можно сыскать счастье. Дядюшка Семенъ Львовичъ здѣсь, онъ имѣетъ много знакомыхъ знатныхъ людей, и онъ мнѣ напоминалъ уже, что «пора, говорилъ онъ, служить тебѣ». Вы можете написать къ нему письмо, и онъ, я ручаюсь, постарается. И такъ, милостивый родитель, отриньте страхъ. Я уповаю на Бога и прошу Его, да дастъ мнѣ силы къ понесенію трудовъ. Позвольте мнѣ вступить въ военную службу при пріѣздѣ (Зачеркнуто: Е. И. В., котораго я самъ буду просить. Но вы скажете, что нѣтъ благодѣтелей: Богъ Всевышній Благотворитель: Онъ не оставитъ меня. Прошу со слезами, милостивый родитель, вашего отеческаго благословенія, которое будетъ началомъ и вѣнцомъ благополучія вашего в. с. слуги и сына.

Черновой набросокъ этого письма сохранился въ бумагахъ Гнѣдича.

Каковъ былъ отвѣтъ отца и какъ онъ принялъ это пылкое обращеніе къ нему юноши-сына — неизвѣстно, но съ достовѣрностью можно полагать, что отвѣтъ былъ далеко не благопріятенъ въ смыслѣ поступленія Гнѣдича въ военную службу, тѣмъ болѣе въ гвардію, которая всегда требовала особыхъ средствъ для поддержанія своего блеска, а жизнь въ столицѣ молодого гвардейскаго офицера конечно поглащала бы значительно больше того, что давали скромныя тридцать душъ какого-то степного помѣщика. Такимъ образомъ Гнѣдичъ долженъ былъ отказаться отъ своей мысли.

Выше мы видѣли, что Гнѣдичъ увлекался другою страстью и увлекалъ ею другихъ: то было чтеніе и декламація драматическихъ писателей. Эта любовь къ драматическимъ произведеніямъ, къ роду сильнѣйшему въ области поэзіи, болѣе другихъ удовлетворявшему возвышенную и пылкую его душу, была господствующею страстью и услаждала его въ теченіе всей жизни. Первыми опытами Гнѣдича въ прозѣ и стихахъ были переводы нѣкоторыхъ трагедій, и если для первыхъ опытовъ выбиралъ онъ не лучшее, его извиняетъ въ этомъ неопытность молодости [1].

[1] С. О. 1842, XI, 4.

Къ Иліадѣ, великому созданію генія, Гнѣдичъ питалъ любовь еще въ университетѣ; тамъ же онъ изучалъ греческій языкъ, начала котораго вѣроятно ему преподавали въ Харьковскомъ коллегіумѣ, но болѣе успѣвалъ въ немъ самъ собою, изучая греческихъ писателей и глубоко вникая въ каждый стихъ, въ каждый звукъ Иліады. Она была, говоритъ Лобановъ, собесѣдницею, сопутницею, услажденіемъ всей его жизни. Ни болѣзни, ни страданія не охладили въ немъ этой любви: Гомеръ былъ постояннымъ предметомъ пламенныхъ бесѣдъ его [1]. Къ переводу Иліады Гнѣдичъ приступилъ, однако, не вдругъ, и самый переводъ ея гекзаметромъ появился значительно позднѣе первыхъ его опытовъ въ этомъ родѣ.

Сначала онъ перевелъ нѣсколько пѣсней Иліады александрійскими стихами, и это обратило на него вниманіе. Поощряемый къ труду, Гнѣдичъ былъ неутомимъ въ своемъ дѣлѣ. Но умѣя чувствовать во всей силѣ красоты подлинника и желая передать его на отечественный языкъ съ строжайшею точностію, онъ сѣтовалъ, что александрійскій стихъ не представляетъ къ тому возможности, а Телемахида, говоритъ Лобановъ, — «какъ бы нѣкое страшилище, преграждала путь къ метрамъ Греціи» [2].

Несмотря на эти преграды, одинъ просвѣщенный ревнитель русской словесности, находя въ отдаленныхъ отрывкахъ нашей отечественной поэзіи всѣ оттѣнки систематической просодіи, убѣждалъ Гнѣдича, переведшаго, по настоянію его, нѣкоторыя мѣста изъ Гомера гекзаметромъ, продолжать этотъ трудъ. «Читающіе Гомера въ подлинникѣ, писалъ онъ къ нему, обрадуются, услыхавъ отголосокъ его безсмертныхъ пѣсней; нуждающимся въ переводѣ откроете вы наконецъ путь къ точному познанію красотъ древней словесности и языковъ классическихъ».

Приведемъ здѣсь нѣкоторыя мѣста изъ сужденій и состязаній, возникшихъ тогда объ этомъ предметѣ въ нашей словесности.

«Одна изъ величайшихъ красотъ греческой поэзіи (писалъ С. С. Уваровъ къ Гнѣдичу) есть богатое и систематическое ея стопосложеніе. Тутъ каждый родъ поэзіи имѣетъ свой размѣръ, и каждый размѣръ не только свои законы и правила, но, такъ сказать, свой геній и свой языкъ. Гекзаметръ (шестистопный

---

[1] Ibid.

[2] Ibid., 6.

героическій стихъ) предоставленъ эпопеѣ. Этотъ размѣръ весьма способенъ къ такому роду поэзіи. При величайшей ясности, онъ имѣетъ удивительное изобиліе въ оборотахъ, важную и плѣнительную гармонію. Гекзаметръ даетъ совершенное понятіе о выраженіи Горація: loqui ore rotundo. Всѣ эпическія поэмы Грековъ писаны этимъ размѣромъ».

Потомъ, сказавъ, что Римляне заимствовали всѣ метрическія формы у Грековъ и гекзаметръ присвоили себѣ лучше всѣхъ другихъ частей метрической ихъ системы, изложивъ стопосложеніе новѣйшихъ словесностей, не могшихъ, по бѣдности своей просодіи, присвоить себѣ метрическихъ формъ Греціи, и недостаточность александрійскаго стиха, который мы заимствовали у французовъ, онъ продолжаетъ:

«Прилично ли намъ, Русскимъ, имѣющимъ, къ счастію, изобильный, метрическій, просодіею наполненный языкъ, слѣдовать столь слѣпому предразсудку? Прилично ли намъ, имѣющимъ въ языкѣ эти превосходныя качества, заимствовать у иноземцевъ бѣднѣйшую часть языка ихъ, просодію, совершенно намъ несвойственную?.. Возможно ли узнать гекзаметръ Гомера, когда, сжавши его въ александрійскій стихъ и оставляя одну мысль, вы отбрасываете размѣръ, оборотъ, расположеніе словъ, эпитеты, однимъ словомъ все, что составляетъ красоту подлинника? Когда вмѣсто плавнаго, величественнаго гекзаметра, я слышу скудный и сухой александрійскій стихъ, риѳмою прикрашенный, то мнѣ кажется, что я вижу божественнаго Ахиллеса во французскомъ платьѣ».

Гнѣдичъ, при письмѣ къ С. С. Уварову, представилъ въ Бесѣду любителей русскаго слова, на сужденіе, шестую пѣснь Иліады, переведенную гекзаметромъ.

Просвѣщеннѣйшіе изъ писателей, слуху которыхъ не чужды были звуки лиры Гомеровой, одобрили трудъ переводчика; но многіе были противнаго мнѣнія.

В. В. Капнистъ, незнакомый съ классическою древностью и введенный въ заблужденіе о метрахъ греческихъ, какъ кажется, статьею аббата Маллэ, помѣщенною въ новомъ изданіи французской Энциклопедіи, письмомъ къ С. С. Уварову усиливался доказать, что гекзаметръ въ русской словесности не можетъ существовать, потому что онъ непремѣнно долженъ оканчиваться спондеемъ; онъ даже сомнѣвался и въ существенной пріятности гекза-

метровъ Гомеровыхъ, и предлагалъ перевести Гомера размѣромъ простонародной пѣсни:

«Какъ бывало у насъ, братцы, черезъ темный лѣсъ».

Но всѣ его возраженія и доказательства были опровергнуты просвѣщеннымъ его состязателемъ, доказавшимъ, что большая часть стиховъ Гомеровыхъ кончается хореемъ, и развившимъ превосходство гекзаметра слѣдующими строками:

«Древніе думали — замѣчаетъ Уваровъ — что одинъ только гекзаметръ можетъ соотвѣтствовать неопредѣлительному продолженію эпическаго творенія. Сама природа, говоритъ Аристотель, это показываетъ, и вѣковое испытаніе удостовѣряетъ насъ въ этой истинѣ. Героическій размѣръ украшается совершеннѣйшимъ равновѣсіемъ всѣхъ частей стиха: гекзаметръ не подымается и не падаетъ; онъ изгибается, течетъ тихо, но безъ прыжковъ; свободно, но въ строгихъ границахъ. Ему предоставлено обращаться отъ быстроты къ медленности, отъ силы къ мягкости; и всѣ оттѣнки, между сими противуположностями заключенные, вмѣщаются въ стопосложеніи гекзаметра; онъ одинъ, какъ и эпическая поэзія вообще, можетъ изображать всѣ предметы, и разнообразіе его умножается всѣми возможными измѣненіями въ сложеніи и цезурѣ. Однимъ словомъ, вся древность, почитая гекзаметръ совершеннѣйшимъ стопосложеніемъ, ставила его на высшую степень въ метрической системѣ Грековъ».

О переводѣ древнихъ, именно о предполагаемомъ В. В. Капнистомъ переводѣ Гомера русскимъ народнымъ размѣромъ, Уваровъ говоритъ слѣдующее:

«Не въ томъ дѣло состоитъ, чтобъ написать поэму съ поэмы, или чтобъ сохранить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ Гомера, или всѣхъ древнихъ вообще, надъ нѣсколькими только читателями. Мы должны стараться утвердить впечатлѣніе, производимое чтеніемъ ихъ надо всѣми просвѣщенными умами: слѣдственно представить отлѣпокъ творенія Гомерова въ духѣ оригинала, съ его формами и со всѣми оттѣнками, такимъ образомъ, чтобъ мы имѣли предъ глазами не Кострова, не Гнѣдича, но Гомера, — Гомера въ чистѣйшемъ созерцаніи природной его красоты, Гомера въ томъ видѣ, въ какомъ онъ плѣнялъ законодателя Спарты, побѣдителя Азіи, александрійскихъ мудрецовъ и весь, однимъ словомъ, блистательный рядъ его любителей въ

древнемъ и новомъ мірѣ... Но чтобъ достигнуть этой цѣли, необходимо нужно признать первымъ правиломъ, что формы въ поэзіи неразлучны съ духомъ; что между формами и духомъ поэзіи находится та же самая таинственная связь, какъ между тѣломъ и душою; что обоюдное ихъ вліяніе и дѣйствіе — формы на мысль, а мысли на форму — такъ тѣсны, что никакъ нельзя опредѣлить истинныхъ границъ ихъ, а еще менѣе расторгнуть ихъ союзъ, не жертвуя тою или другою... Кто не чувствуетъ изящности стопосложенія Гомера, Эсхила, Ѳеокрита, Анакреона, тотъ теряетъ половину ихъ красотъ».

Слѣдствіемъ этихъ сужденій и ученыхъ состязаній, важныхъ въ отношеніи къ русской словесности, была непоколебимая рѣшимость Гнѣдича перевести Иліаду размѣромъ подлинника, который и Ломоносовъ почиталъ превосходнѣйшимъ, но которымъ, къ сожалѣнію, кромѣ четырехъ стиховъ, не написалъ ни одного цѣлаго стихотворенія и тѣмъ не усвоилъ его ранѣе русской словесности [1].

О причинахъ, заставившихъ Гнѣдича избрать гекзаметръ для перевода Иліады, самъ онъ такъ говоритъ въ предисловіи:

Для трудящихся въ какомъ бы то ни было родѣ искусства ничего нѣтъ печальнѣе, какъ видѣть, что трудъ свой можно сдѣлать лучше, и не имѣть къ тому способа. Таковы были мои чувствованія при переводѣ Иліады риѳмованномъ. Кончивъ шесть пѣсенъ, я убѣдился опытомъ, что переводъ Гомера, какъ я его разумѣю, въ стихахъ александрійскихъ невозможенъ, по крайней мѣрѣ для меня; что остается для этого одинъ способъ, лучшій и вѣрнѣйшій — гекзаметръ. Плѣненный образомъ повѣствованія Гомерова, котораго прелесть нераздѣльна съ формою стиха, я началъ испытывать, нѣтъ ли возможности произвесть русскимъ гекзаметромъ впечатлѣнія, какое получалъ я, читая греческій. Люди образованные одобрили мой опытъ [2]; и вотъ что дало мнѣ смѣлость отвязать отъ позорнаго столба стихъ Гомера и Виргилія, прикованный къ нему Тредьяковскимъ.

---

[1] Сынъ Отеч., 1842, XI, стр. 6 — 9.

[2] И если кто либо изъ нихъ въ томъ раскаиваться долженъ, то, безъ сомнѣнія, первый С. С. Уваровъ. Краснорѣчивое письмо его объ гекзаметрахъ напечатано въ книжк. Бесѣды, 1813 года.

Говорю, смѣлость: ибо читателямъ извѣстно, что́ должно было вынести дерзнувшему изъ рукъ Геркулеса вырывать его палицу, а говоря проще, осмѣлившемуся бороться съ предразсудкомъ, и врагомъ еще упорнѣйшимъ — самолюбіемъ. Мы уступчивы въ мнѣніяхъ, которыя составляемъ сами, собственнымъ сужденіемъ; согласіе, даваемое добровольно, вознаграждаетъ наше самолюбіе. Но въ мнѣніяхъ, которыя намъ внушены, которыя приняты безъ разсужденія, такъ сказать, на вѣру, и которыя перемѣнить насъ заставляютъ—мы непреклонны: обидно обнаружить, что мы были въ невѣжахъ и судили безъ разумѣнія дѣла. Вотъ главная причина воплей старовѣровъ литературныхъ противъ гекзаметра. Читатель, можетъ-быть, помнитъ, какія познанія обнаружили они въ сужденіяхъ своихъ о гекзаметрѣ; иные жаловались даже, что стихъ сей трудно читать: такъ дѣти, плохо ученыя, съ трудомъ читаютъ книгу, по которой не учились. Но возрастетъ новое поколѣніе, котораго дѣтство будетъ образованнѣе нашей старости, и гекзаметръ покажется для него тѣмъ, чѣмъ онъ признанъ отъ всѣхъ народовъ просвѣщенныхъ — высшимъ соображеніемъ гармоніи поэтической. —

Впрочемъ, не стихъ, Телемахидою опозоренный, долженъ былъ устрашать меня при мысли о переводѣ Иліады. Вѣрный своему убѣжденію, что гекзаметръ и безъ спондеевъ имѣетъ въ языкѣ русскомъ обильныя стихіи для своего состава, я не смущался ни толками, ни пересудами. Но трудъ, въ которомъ все было для меня ново: стихъ, не имѣвшій образцовъ и который, каково бы ни было его достоинство, съ переводомъ поэмы чуженародной не могъ вдругъ сдѣлаться роднымъ, живымъ для слуха народа, и самая поэма, которой предметъ такъ отдаленъ отъ насъ, которой красоты такъ чужды, такъ незнакомы нашему вкусу, но въ которой между тѣмъ 17 т. стиховъ... Вотъ что должно было устрашать меня. — Часто думалъ я: стихъ, которымъ я внутренно горжусь, можетъ-быть исчезнетъ въ огромной поэмѣ; можетъ-быть, никто не обратитъ на него новаго вниманія послѣ того, какъ я прочелъ его съ чувствомъ удовольствія...

Но не хочу быть неблагодарнымъ: чистѣйшими удовольствіями въ жизни обязанъ я Гомеру; забывалъ труды, которые налагала на меня любовь къ нему, и почту себя счастливѣйшимъ,

если хотя искра огня небеснаго, въ его вѣчныхъ твореніяхъ горящаго, и мои труды одушевила [1].

Гнѣдичъ вышелъ съ честію изъ принятой на себя задачи и совершилъ трудъ поистинѣ гигантскій.

Впрочемъ, нѣкоторое какъ бы недовольство своимъ произведеніемъ Гнѣдичъ высказываетъ въ предисловіи къ Иліадѣ: «Позже, нежели бы могъ, и не въ томъ видѣ, какъ бы желалъ, издаю переводъ Иліады», говоритъ онъ. «Долговременная болѣзнь воспрепятствовала мнѣ ранѣе напечатать его и присовокупить *Введеніе* и *Примѣчанія*»... Но это вовсе и не было нужно и не относилось къ кругу занятій переводчика, составляя особую отрасль науки, что дальше Гнѣдичъ и поясняетъ [2].

Съ какою тщательностью и до какихъ мелочей доходилъ онъ въ отдѣлкѣ стиха и, такъ сказать, въ передачѣ его на чистый русскій языкъ, показываетъ нѣсколько его записочекъ къ Лобанову, съ которымъ Гнѣдичъ былъ друженъ. Вотъ извлеченія изъ нихъ:

Буду благодаренъ, если вмѣсто *премогаетъ* есть у васъ на примѣтѣ иное слово, кромѣ *побѣждаетъ*, которое не годится, а нужно именно *перемогаетъ*, *пересиливаетъ*; также и вмѣсто жезловъ подарите чѣмъ-нибудь, кромѣ прутьевъ и вѣтвей, которые не годятся, ибоими не проймешь осла. Можно только *палкой* замѣнить жезлъ.

А стихъ — «Острой влетаетъ стрѣлой» — слово въ слово: онъ диковатъ, но Гомеровъ, и онъ за него отвѣчаетъ.

Если погода не испортится, я хотѣлъ бы видѣть портретъ Карамзина...

---

1. А жена моя Анна во́лну прядяше (Прор. Товита, гл. 2, ст. 11).

---

[1] Иліада, изд. 1861, предисл., XX — XXII. О времени, предшествовавшемъ переводу Иліады и объ эпохѣ паденія у насъ псевдоклассицизма, см. Галаховъ: Исторія русск. литер., изд. 2, Спб., 1880, II, § 19 (стр. 272—292).

[2] Иліада, 1861, предисл., I, слѣд.

2. Дающаго снѣгъ свой яко во́лну (Псаломъ 147, ст. 5).

Такъ употребляетъ Библія и народъ, который въ языкѣ своемъ не потерпитъ двухъ разнозначущихъ словъ съ однимъ удареніемъ. Изъ этого изволите видѣть, что я не иду противъ общаго употребленія.

На это Лобановъ тутъ же отмѣчаетъ—подъ вторымъ пунктомъ: «Это винительный падежъ. Я пью во́ду, а именительный однако же не *во́да*. Ду́шу — душа́.

А въ концѣ приписалъ: «Однакожъ терпитъ: Труба, коса, и проч. и проч.».

Виноватъ, καθολικός у однихъ церковныхъ писателей принимается, какъ переводитъ и лучшій лексикографъ Ріемеръ: rechtgläubig, lehrgerecht, то же что у насъ православный. Но у древнихъ оно значитъ: всеобщій, цѣлый.

Ἀγορήσατο, καὶ μετέειπεν —

Рѣчь говорилъ имъ, и молвилъ:

NB. Вездѣ переправить.

Это выраженіе: *Рѣчь говорилъ и молвилъ*—чистое народное русское. *Смотри*: Обрядъ утвержденія гетмана Богдана Хмельницкаго (Полн. Собр. Законовъ Россійск. Имп. Томъ I, стр. 319.—С.-Пб., 1830).

..... Въ первый разъ возвращена корректура въ тотъ же день. Все укоряли, что мои корректуры такъ трудны, что скорѣе можно набрать листъ вновь, нежели ее поправить. А теперь сами себѣ даютъ оплеухи за ложь явную! — Пожалуйста пробѣгите и скажите, кажется должно отставить *не*, карандашемъ означенныя и прежде пропущенныя? Стихъ 409 не яснѣе ли, какъ написано карандашемъ?»

Кромѣ опытовъ перевода Иліады александрійскими стихами, былъ еще переводъ ея, сдѣланный Гнѣдичемъ ямбами. Но на оберткѣ рукописи сдѣлана имъ помѣта:

«Иліада. Первые опыты перевода въ ямбахъ. Сжечь».

Двадцать лѣтъ трудился Гнѣдичъ надъ гекзаметрами Иліады. Признательная къ заслугамъ своего сочлена, Императорская Россійская Академія сдѣлала отличное изданіе сего творенія и предоставила его переводчику.

«Наконецъ вышелъ въ свѣтъ давно и такъ нетерпѣливо ожидаемый переводъ Иліады»—писалъ Пушкинъ въ «Литературной Газетѣ» барона Дельвига. «Когда писатели, избалованные минутными успѣхами, большею частію устремились на блестящія бездѣлки; когда талантъ чуждается труда, а люди пренебрегаютъ образцами величавой древности; когда Поэзія не есть благоговѣйное служеніе, но только легкомысленное занятіе: съ чувствомъ глубокимъ уваженіи и благодарности взираемъ на поэта, посвятившаго гордо лучшіе годы жизни исключительному труду, безкорыстнымъ вдохновеніямъ и совершенію единаго высокаго подвига. Русская Иліада передъ нами. Приступаемъ къ ея изученію, дабы со временемъ отдать отчетъ нашимъ читателямъ о книгѣ, долженствующей имѣть столь важное вліяніе на отечественную словесность».

Редакторъ «Литературной Газеты» съ своей стороны посвятилъ Гнѣдичу слѣдующее стихотвореніе:

Муза вчера мнѣ, Пѣвецъ, принесла за-коцитную новость:
Въ мрачный недавно Аидъ тѣнь Славянина пришла,
Тамъ, окруженная сонмомъ тѣней любопытныхъ, пропѣла
(Слушалъ и древній Омеръ) пѣснь Иліады твоей.
Старецъ нашъ, къ персямъ самосскаго юноши сладко
приникнувъ,
Вскрикнулъ: «Вотъ пѣсня моя! Вотъ чего вѣки я ждалъ!»

«Однакожъ, замѣчаетъ Лобановъ, по превратному направленію словесности нашей, тогда уже начавшемуся, Иліада вообще не получила того хода и того общаго восторга, которыхъ она достойна и которыхъ долженъ былъ ожидать ея переводчикъ.

Не собравъ общихъ, заслуженныхъ рукоплесканій, не вполнѣ насладившись восторгами своихъ согражданъ, столь сладкими душамъ благороднымъ, Гнѣдичъ долго и мужественно носилъ въ груди своей тайное сѣтованіе, и наконецъ, какъ человѣкъ, не могъ скрыть его отъ искреннихъ друзей своихъ».

Это нравственное страданіе, «тайное сѣтованіе», о которомъ говоритъ Лобановъ, еще болѣе усугубляло физическіе недуги Гнѣдича, которымъ онъ былъ подверженъ чуть ли не съ дѣтства. Въ этомъ отношеніи чрезвычайный интересъ представляетъ скорбная, печальная автобіографія поэта, которую онъ озаглавилъ «Исторія моихъ болѣзней» [1].

Съ 1809 года Гнѣдичъ началъ хворать, и хотя по временамъ здоровье его болѣе или менѣе возстановлялось, но почти всегда требовало врачебной помощи. Въ 1825 году, по совѣту врачей, онъ ѣздилъ на кавказскія минеральныя воды, но возвратился съ бо́льшимъ разстройствомъ: къ прежнимъ болѣзнямъ присоединился катарръ въ груди. Въ 1826 году, въ августѣ мѣсяцѣ, врачи настояли, чтобы онъ пожилъ гдѣ-нибудь въ тепломъ краю, и онъ избралъ Одессу. Воздухъ юга и морскія тепловатыя ванны принесли ему великую пользу. Возвратившись оттуда въ 1828, онъ пользовался здоровьемъ значительно возстановленнымъ, и тогда-то занялся изданіемъ Иліады. Въ 1830 году всѣ прежніе припадки начали возобновляться и къ нимъ прибавилась еще боль въ горлѣ, начавшаяся на Кавказѣ и явно усиливавшаяся. Въ 1831-мъ врачи убѣдили его ѣхать въ Москву на искусственныя минеральныя воды. Была и отъ нихъ нѣкоторая польза, но временная: въ послѣдствіи боль въ горлѣ снова усилилась и довела его до страдальческаго состоянія. Болѣзнь его, едва ли постигнутая кѣмъ въ началѣ своемъ, упорно противилась всѣмъ усиліямъ врачебнаго искусства. «Особенную у меня раздражительность горла, говоритъ самъ Гнѣдичъ въ Запискѣ о своихъ болѣзняхъ, должно можетъ-быть приписать, между прочимъ, тѣмъ частымъ и необыкновеннымъ напряженіямъ его, какія я дѣлалъ, начавъ еще съ 1807 года обрабатывать трагическія роли съ бывшею актрисою Семеновою. Трудъ сей требовалъ чрезмѣрныхъ

[1] Записка эта сохранилась въ черновомъ подлинникѣ и можетъ-быть появится въ одномъ изъ спеціальныхъ медицинскихъ журналовъ.

усилій и чувства и голоса; но я занимался имъ лѣтъ 18 постоянно и ревностно, ибо успѣхи блистательные вознаграждали за него. Голосъ мой, всегда гибкій и сильный, никогда не терпѣлъ отъ этого; грудь моя, съ молодости сильная и крѣпкая, хотя, можетъ быть, при такихъ трудахъ раздражалась до высочайшей степени, но никогда не страдала».

Это предположеніе Гнѣдича рѣшительно разгадано и объяснено наконецъ однимъ изъ врачей, пользовавшихъ его въ послѣднее время. Въ груди у него, отъ сильныхъ напряженій, за нѣсколько лѣтъ повредилась одна изъ артерій, которая и была тайною причиной раздражительности легкихъ и боли въ горлѣ. Въ южномъ, благопріятнѣйшемъ для человѣка климатѣ, по словамъ того же самаго врача, несмотря на эту болѣзнь, онъ могъ бы еще и долго жить, но здѣсь, въ Петербургѣ, грудь его не могла вынести непостоянства и суровости сѣвера [1].

Къ этому прибавилась еще одна болѣзнь, трудно поддающаяся лѣченію, что́ объявили Гнѣдичу врачи, приглашенные имъ на консиліумъ. Были, однако, предложены разныя средства, но Гнѣдичъ не послушался врачей, бросилъ лѣкарства и спокойно ожидалъ смерти.

Всегда, почти всю свою жизнь одинокій, Гнѣдичъ превосходно выразилъ это состояніе въ одномъ изъ своихъ стихотвореній:

Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!
Ни чьей не ласкаемъ рукою,
Отъ дѣтства я росъ одинокъ сиротою;
Въ путь жизни пошелъ одинокъ,
Прошелъ одинокъ его тощее поле,
На коемъ, какъ въ знойной ливійской юдоли,
Не встрѣтились взору ни тѣнь, ни цвѣтокъ;
Мой путь одинокъ я кончаю,
И хилую старость встрѣчаю
Въ домашнемъ быту одинокъ;
Печаленъ мой жребій, удѣлъ мой жестокъ!

---

[1] Сынъ Отеч. 1842, XI, стр. 29—30.

Кромѣ Иліады, Гнѣдичъ извѣстенъ другими своими поэтическими произведеніями, собраніе которыхъ впервые вышло въ 1832 году, незадолго до его кончины; второе изданіе стихотвореній Гнѣдича, вмѣстѣ съ баснями и сказками Хемницера, сдѣлано Смирдинымъ въ 1854 году. Въ этомъ послѣднемъ изданіи порядокъ пьесъ, за небольшими измѣненіями, остался тотъ же, что и въ первомъ: исключена лишь одна эпиграмма «Помѣщикъ Балабанъ»:

Помѣщикъ Балабанъ,
Благочестивый мужъ, Христу изъ угожденья,
Для нищихъ на селѣ построилъ Домъ призрѣнья,
И нищихъ для него надѣлалъ изъ крестьянъ.

Приводимъ здѣсь еще нѣсколько стихотвореній Гнѣдича, доселѣ неизвѣстныхъ: два изъ нихъ не могли быть напечатаны при жизни поэта, хотя и предназначались имъ для перваго изданія, какъ это можно заключить по тому, что рукопись вырвана изъ тетради, носившей пагинацію (лл. 86—87) и цензорскую помѣту. Одно—пародія на Ѳеокритову идиллію, юморъ, въ которомъ Гнѣдичъ такъ иногда хорошъ, хотя пьесъ съ этимъ характеромъ оставлено имъ очень немного. Пародія называется «Циклопъ», и, по всей вѣроятности, поэтъ трунитъ надъ собою.

ЦИКЛОПЪ.

ПАРОДІЯ ИДИЛЛІИ ѲЕОКРИТА

(1813)

Ахъ, тошно, о Батюшковъ, жить на свѣтѣ влюбленнымъ!
Микстуры, тинктуры врачей, ничто не поможетъ;
Одно утѣшенье въ любви намъ пѣсни и Музы;
Утѣшно въ окошко глядѣть и пѣсни мурлыкать!
Ты самъ, о мой другъ, давно знакомъ съ сей утѣхой;
Ты бросилъ давно лѣкарей и къ Музамъ прибѣгнулъ.
Къ нимъ, къ нимъ прибѣгалъ Полифемъ, Циклопъ стародавній,
Какъ сдѣлался боленъ любовью къ младой Галатеѣ.
Былъ молодъ и веселъ Циклопъ, и вдругъ захирѣлъ онъ:
И мраченъ, и блѣденъ, и худъ, бороды онъ не бреетъ,

На кудри бумажекъ не ставитъ, волосъ не помадитъ;
Забылъ горемычный и церковь, къ обѣднѣ не ходитъ.
По цѣлымъ недѣлямъ сидитъ въ неметеной квартирѣ,
Сидитъ, и въ окошко глядитъ на народъ православный;
То ахнетъ, то охнетъ, бѣдняга, и все понапрасну;
Но стало полегче на сердцѣ, какъ къ Музамъ прибѣгнулъ.
Вотъ разъ, у окошка присѣвъ и на улицу смотря,
И ко́ рту приставивъ ладонь, затянулъ онъ унывно
На голосъ раскатистый: *Чѣмъ я тебя огорчила?...*

«Ахъ, чѣмъ огорчилъ я тебя, прекрасная Нимфа?
О ты, что барашковъ нѣжнѣй, рѣзвѣе козленковъ,
Бѣлѣе и слаще млека, но горше полыни!...
Ты ходишь у оконъ моихъ, а ко мнѣ не заглянешь;
Лишь зазришь меня, и бѣжишь какъ теленокъ отъ волка.
Когда на гостиномъ дворѣ покупала ты вѣеръ,
Тебя я узрѣлъ, поблѣднѣлъ, полюбилъ, о богиня!
Съ тѣхъ поръ и не ѣмъ и не сплю я, а ты и не тужишь:
Мнѣ плачъ, тебѣ смѣхъ!... Но я знаю, сударыня, знаю,
Что не́ милъ тебѣ мой наморщенный лобъ одноглазый.
Но кто же богаче меня? Пью всякой день кофе,
Табакъ я съ алоемъ курю, ѣмъ щи не пустые;
Квартира моя, погляди ты, какъ полная чаша!
Есть кошка и моська, часы боевые съ кукушкой,
Хотя поизломанный столъ, но краснаго древа,
И зеркало, ротъ хоть кривитъ, но за то въ три аршина.
А кто на волынкѣ, какъ я, припѣвая, играетъ?
Тебя я, пастушка, пою и въ полдень и въ полночь,
Тебя, мой ангелъ, пою на зарѣ съ пѣтухами!
Приди, Галатея, тебя угощу я на славу!
На Красный Кабакъ на лихомъ мы поѣдемъ ѣсть вафли;
Ты станешь тамъ въ хорѣ плясать невинныхъ пастушекъ;
Я, трубку куря, на вашъ хоръ погляжу съ пастухами,
Иль съ ними и самъ я вступлю въ состязанье на дудкахъ,
А ты побѣдителя будешь увѣнчивать вафлей!

Но если, о Нимфа, тебѣ моя рожа противна,
Придп, и въ печкѣ моей схвативъ головешку,
Ты выжги, злодѣйка, мой глазъ, какъ сердце мнѣ выжгла!...

О Циклопъ, Циклопъ, куда твой разсудокъ дѣвался?
Опомнись, умойся, надѣнь хоть сюртукъ, и завейся,
И, выйдя на Невскій проспектъ, пройдись по бульвару,
Три раза кругомъ обернпся и дунь противъ вѣтра,
И имя навѣки забудешь суровой пастушки.
Мой прадѣдъ, полтавскій Циклопъ, похитилъ у Пана
Сей вѣрный рецептъ отъ любви для всѣхъ земнородныхъ».

Такъ пѣлъ горемычный Циклопъ; и вставъ, пріодѣлся,
И, выйдя на Невскій проспектъ, по бульвару прошелся,
Три раза кругомъ обернулся и на́ вѣтеръ дунулъ,
И имя забылъ навсегда суровой пастушки.

О Батюшковъ! станемъ и мы, если нужда случится,
Себя отъ любви исцѣлять рецептомъ Циклопа.

Второе — эпиграмма, быть можетъ отвѣтъ по поводу чьего-либо досужаго замѣчанія на непригожесть Гнѣдича:

Ты правъ, Дурѝнъ, лицомъ я не пригожъ;
Но объ умѣ кто жъ судитъ по лицу?
А если такъ, благодаря отцу,
Я на тебя, мой ангелъ, не похожъ.

«Посланіе къ Лобанову» также не вошло ни въ одно изъ помянутыхъ изданій сборника стихотвореній Гнѣдича:

Мой добрый другъ Лобановъ,
Убогій сынъ Харитъ,
Какъ внукъ богатыхъ хановъ,
Мнѣ домъ мой золотитъ.
И всѣ мои картины:
Дѣвъ грѣшныхъ и святыхъ,

Воздушной ликъ Мальвины
И праотцевъ сѣдыхъ,
Рукой искусства, вкуса
Украсить ты умѣлъ
И въ золото одѣлъ.
О, пусть такъ другъ твой, Муза,—
Когда, о мой поэтъ!
Избавясь отъ суетъ
Творишь ты самъ картины,—
Сама ихъ золотитъ
И краситъ и живитъ
Для храма Мнемозины.

(1816)

Очень бойкой и злой сатирой отзывается одно шуточное произведеніе Гнѣдича, врядъ ли кому извѣстное изъ современниковъ поэта; если же предположить, что оно было гдѣ-либо читано, то развѣ въ самомъ интимномъ кружкѣ, такъ какъ форма сатиры не допускала слишкомъ большой его огласки. Это «символъ вѣры въ Бесѣдѣ при вступленіи сотрудниковъ»[1]: здѣсь онъ называетъ Шишкова отцомъ языка Славеноваряжскаго, Шихматова же сыномъ его, рожденнымъ ради погубленія писателей.

Рукопись помѣчена 1810 годомъ.

Этимъ исчерпываются законченныя произведенія Гнѣдича въ рукописяхъ моего собранія. Правда, въ бумагахъ поэта есть еще нѣсколько пьесъ, но всѣ онѣ большею частью въ наброскахъ, не отдѣланы, со многими варіантами, такъ что трудно держаться въ нихъ какой-либо опредѣленной редакціи. Грустный, больной и одинокій, Гнѣдичъ избиралъ для своей музы такіе сюжеты, которые отвѣчали бы его внутреннему настроенію, гдѣ онъ могъ бы выразить то «тайное сѣтованіе», которое до конца жизни не оставляло его вмѣстѣ съ физическимъ недугомъ. Такова напр. «Ласточка», написанная чрезвычайно тепло: это вздохъ, вырвавшійся изъ

[1] Объ отношеніяхъ Гнѣдича къ Бесѣдѣ см. *Жизнь Державина*, т. VIII академическаго изданія, стр. 908.

груди поэта, дни котораго уже были сочтены. Приводимъ это стихотвореніе по одной изъ найденныхъ нами редакцій:

ЛАСТОЧКА.

Ласточка, ласточка, какъ я люблю твои вешнія пѣсни!
Милый твой видъ я люблю, какъ весна, и живой и веселый!
Пой, весны провозвѣстница, пой и кружись надо мною:
Можетъ-быть, сладкія пѣсни и мнѣ напоешь ты на душу.

Птица, любезная людямъ, ты любишь сама человѣка:
Ты лишь одна изъ пернатыхъ свободныхъ гостишь въ его домѣ;
Днями чистѣйшей любви подъ его наслаждаешься кровлей,
Дружбѣ его и свой маленькій домъ и семейство ввѣряешь,
И зимы лишь бѣжа, оставляешь домъ человѣка.
Съ первымъ паденьемъ листовъ улетаешь ты, милая гостья;
Но куда? за какія моря, за какіе предѣлы
Странствуешь ты, чтобъ искать обновленія жизни прекрасной,
Пѣсней искать и любви, безъ которыхъ жить ты не можешь?
Кто, по пустынямъ воздушнымъ, досель неразгаданный нами
Путь для тебя указуетъ, чтобъ снова предъ нами являться?
Съ первымъ дыханьемъ весны ты являешься снова, какъ съ неба,
Пѣснями насъ привѣчать съ воскресеньемъ безсмертной природы.
Хату и пышный чертогъ избираешь ты, вольная птица,
Домомъ себѣ; но ни хаты жилецъ, ни чертога владыка
Дерзкой рукою не можетъ гнѣзда твоего прикоснуться,
Если онъ счастія дома съ тобой потерять не страшится:
Счастье приносишь ты въ домъ, гдѣ пріютъ не тревожный находишь,

Божія птица [1], какъ набожный пахарь тебя называетъ:
Онъ, какъ священную птицу тебя почитаетъ и любитъ
[Такъ пѣснопѣвцевъ народы въ вѣка благочестія чтили.]
Кто жъ, нечестивый, посмѣетъ гнѣзда твоего прикоснуться,
Домъ ты его покидаешь, какъ бы говоря человѣку:
«Будь покровителемъ мнѣ, но свободы моей не касайся».

Птица любови и мира, всѣхъ птицъ ненавидишь ты хищныхъ:
Первая, крикомъ тревожнымъ—домашнимъ ты птицамъ смиреннымъ
Вѣсть подаешь о бѣдѣ, о налетѣ коршуна злого;
Крикомъ встрѣчаешь его, и до облакъ преслѣдуешь крикомъ,
Часто крылатаго хищника умыслъ кровавый ничтожа.

Чистая птица, на прахѣ земномъ ты ногъ не покоишь;
Развѣ на мигъ, чтобы пищу восхитить, садишься на землю;
Цѣлую жизнь и поя и гуляя, ты плаваешь въ небѣ
Такъ же легко и свободно, какъ мощный дельфинъ въ океанѣ.
Часто съ высотъ поднебесныхъ ты смотришь на бѣдную землю:
Горы, лѣса, города и всѣ гордыя зданія смертныхъ
Кажутся взорамъ твоимъ не выше долинъ и потоковъ:
Такъ для взоровъ поэта земля и все, что земное,
Въ шаръ единый сливается, свыше лучемъ озаренный.

Пой, легкокрылая ласточка, пой и кружись надо мною!
Можетъ быть, пѣснь не послѣднюю ты мнѣ на душу напѣла.

Вотъ наконецъ и послѣднія строфы Гнѣдича, найденныя Лобановымъ на бюро поэта:

Душа, душа, ты рано износила
Свой временный, земной на мнѣ покровъ.
Не мудрено: по милости, его ты получила

---

[1] Такъ въ нѣкоторыхъ полуденныхъ губерніяхъ Россіи народъ называетъ ласточку.

Изъ ветоши отъ щедроты боговъ.
Сама ты у меня отъ юности могуча,
И безпокойна и кипуча,
Какъ тульскій самоваръ.
Отъ дѣтства ко всему твой безпрерывный жаръ,
Которымъ всѣ твои движенья, полны
Твоихъ страстей (?), для тѣла сихъ отравъ,
Мнѣ кипятили жизнь, мнѣ били грудь какъ волны
И потрясали мой составъ,
Ты не могла....
. . . . . .

Религіозный и набожный, Гнѣдичъ подъ конецъ жизни мало удовлетворялся обычными молитвами: духъ его требовалъ чего-то иного, и вотъ онъ создаетъ свою молитву, предпосылая ей такую оговорку:

Не знаю отъ чего, но сердце мое не удовлетворяется молитвами, въ которыхъ отъ начала до конца восписываются хвалы Богу: такія хвалы и умныхъ людей оскорбляютъ. Душа моя всегда чувствовала нужду въ молитвѣ, въ которой бы находилась она въ собственныхъ отношеніяхъ къ Богу..

Боже Великій! Источникъ жизни, Создатель вселенной! Ты и меня благоволилъ воззвать изъ небытія, одарилъ душою и разумомъ; Ты и мнѣ удѣлилъ частицу изъ даровъ, украшающихъ человѣчество. Благодарю Тебя, Создатель мой, и молю: укрѣпляй мою душу, да не унижу ее ничѣмъ недостойнымъ; просвѣщай мой разумъ, да зрю истинныя пользы мои и да не уклонюся отъ пути добродѣтели и отъ высокой цѣли, благостію Твоею человѣчеству предназначенной..... Прости мнѣ, Боже милостивый, заблужденія, въ какія впадаю по слабости или по невѣжеству. Даруй мнѣ лучшее изъ благъ, здравіе души и тѣла, да

имѣю силы быть полезенъ моимъ собратіямъ; ибо симъ единственно могу возблагодарить Тебя за милости, какихъ Ты меня удостоиваешь, Отецъ милосердый!

Николай Ивановичъ не пользовался совершеннымъ здоровьемъ даже и въ молодыя лѣта; онъ не наслѣдовалъ его отъ родителей, а литературныя занятія, трудолюбивая, сидячая жизнь, въ послѣдствіи должны были еще болѣе ослабить его здоровье. Одиночество, въ свою очередь, умножало его душевную болѣзнь: ему не суждено было испытать величайшаго на землѣ счастія, — счастія супружества, котораго онъ такъ пламенно желалъ [1].

Отказываясь отъ медицинской помощи и отвергая лѣкарства, Гнѣдичъ угасалъ, будучи совершенно одинокъ и, можно сказать безъ преувеличенія — покинутый и брошенный всѣми.

Предвидя близкую смерть, Гнѣдичъ сталъ было писать духовное завѣщаніе, но долженъ былъ отказаться отъ этого, такъ какъ силы его уже слабѣли: написано имъ всего двѣ неполныхъ страницы: послѣ уже онъ продиктовалъ свою послѣднюю волю и частію сдѣлалъ словесныя распоряженія, передавъ ихъ Лобанову, съ которымъ находился болѣе или менѣе въ дружескихъ отношеніяхъ

Въ послѣднее время его жизни, хворый и слабый, Гнѣдичъ пораженъ былъ свирѣпствовавшею въ городѣ болѣзнію, гриппомъ, и 3 февраля 1833 года Николай Ивановичъ скончался.

Вотъ нѣкоторыя изъ подробностей послѣднихъ минутъ жизни Гнѣдича.

Я зашелъ къ нему 2 февраля — говоритъ Лобановъ: — это было наканунѣ его смерти. Мнѣ сказали, что онъ сильно ослабѣлъ; однако же онъ диктовалъ духовное свое завѣщаніе. Онъ сидѣлъ неподвижно въ креслахъ, долго всматривался въ меня; наконецъ, узнавши, легкимъ движеніемъ головы привѣтствовалъ меня. Мнѣ прочитали волю его, исполненіе которой онъ возлагалъ единственно на меня, въ разсужденіи книгъ его и бумагъ. Выслушавъ это мѣсто изъ завѣщанія, я подошелъ къ нему и ска-

[1] Сынъ Отеч., 1842. XI. стр. 28.

залъ: — Исполню, все въ точности, исполню, почтенный другъ; но не позволите ли перепечатать нѣкоторыхъ прозаическихъ вашихъ сочиненій? — «Я самъ, сказалъ онъ, не могъ выбрать изъ нихъ ничего удовлетворительнаго для меня; впрочемъ, отдаю ихъ на вашу волю, дѣлайте, что хотите». Потомъ, по нѣкоторомъ молчаніи, взглянувъ на меня, тихо сказалъ: «Вспоминайте иногда обо мнѣ». При этихъ словахъ друга, при голосѣ страдальца, чувствующаго уже свое разрушеніе и спокойно ожидающаго смерти, слезы невольно покатились по моему лицу. Я благодарилъ его за чистую, искреннюю дружбу его, и благодарилъ пламенно. Сидѣвшій до сихъ поръ спокойно и неподвижно, и по временамъ нѣсколько уже забывавшійся, онъ вдругъ повернулся ко мнѣ, схватилъ мою руку и крѣпко пожалъ ее. Казалось, вся прежняя сила возвратилась ему на минуту, чтобы послѣднимъ пожатіемъ руки проститься съ сопутникомъ жизни, дѣлившимъ съ нимъ и радости ея и горе [1].

Исполняя послѣднюю волю покойнаго, душеприказчики въ точности распорядились оставшимся имуществомъ Гнѣдича, о чемъ тогда же Лобановъ составилъ записку, которую приводимъ здѣсь вполнѣ:

Статскій совѣтникъ Николай Ивановичъ Гнѣдичъ, одержимый долговременною болѣзнію и чувствуя приближеніе своей смерти, 3-го числа февраля сего 1833 года исполнилъ долгъ христіанина, причастился святыхъ таинъ и просилъ нѣкоторыхъ своихъ пріятелей не оставлять его въ послѣднія минуты его жизни и не дать ему умереть на рукахъ наемниковъ. Того же 3-го числа февраля находились при немъ родственный ему дѣйствительный статскій совѣтникъ Дмитрій Прокофьевичъ Позднякъ, отставной полковникъ Платонъ Степановичъ Яковлевъ и коллежскій совѣтникъ Степанъ Васильевичъ Василевскій.

За нѣсколько минутъ до смерти своей, сохраняя здравый разумъ и память, Н. И. Гнѣдичъ оставилъ въ рукахъ трехъ означенныхъ господъ открытую свою духовную, подписанную имъ,

---

[1] Тамъ же, стр. 31.

свидѣтелями и духовникомъ его, Пантелеймонскія церкви священникомъ Стефаномъ Славинскимъ, и указалъ имъ на ключи отъ столовъ его и бюро. Прочитавъ духовную его, которою онъ оставляетъ все свое имущество, состоящее какъ въ вещахъ, такъ и наличныхъ деньгахъ, племяннику своему, не достигшему еще совершенныхъ лѣтъ Павлу Бужинскому, избирая въ душеприказчики: дѣйствительнаго статскаго совѣтника Д. П. Поздняка, статскаго совѣтника Петра Петровича Татаринова, коллежскихъ совѣтниковъ М. Е. Лобанова и С. В. Василевскаго,—означенные выше свидѣтели послѣднихъ минутъ его жизни, открывъ бюро и столы его, нашли наличныхъ денегъ государственными ассигнаціями восемь тысячъ рублей, да билетами коммерческаго банка двѣнадцать тысячъ рублей, изъ которыхъ первый въ 2000 руб. 1829 года, подъ № 3710, и съ котораго проценты получены самимъ Н. И. Гнѣдичемъ по....; второй въ десять тысячъ, того же 1829 года декабря 12-го, подъ № 8255, съ котораго проценты получены самимъ Н. И. Гнѣдичемъ по..... Сіи двадцать тысячъ взяты на сохраненіе Василевскимъ, который, по просьбѣ всѣхъ душеприказчиковъ, принялъ на себя денежную и расходную часть по дѣламъ Н. И. Гнѣдича до окончанія оныхъ. Всѣ другія вещи, какъ-то: столовое серебро, брилліантовый орденъ св. Анны, золотыя табакерки, часы и все находившееся въ его квартирѣ въ столахъ, шкапахъ и комодахъ, было тогда же осмотрѣно и заперто. Ключи хранились у его превосходительства Дм. Пр. Поздняка. Въ это время, того же 3-го числа февраля, въ пять часовъ по полудни, скончался незабвенный для друзей его Николай Ивановичъ Гнѣдичъ.

Предавши землѣ тѣло покойнаго Н. И. Гнѣдича, съ приличною почестію, на новомъ Невскомъ кладбищѣ февраля 6 дня сего 1833 года, дѣйствительный статскій совѣтникъ Дм. Пр. Позднякъ, статскій совѣтникъ П. П. Татариновъ, коллежскіе совѣтники: М. Е. Лобановъ и С. В. Василевскій по общему согла-

сію немедленно приступили къ исполненію воли покойнаго Н. И. Гнѣдича и сдѣлали слѣдующее[1]:

Коллежскій совѣтникъ Любановъ,—какъ по словесной просьбѣ и распоряженію покойнаго друга своего наканунѣ его кончины, такъ и въ исполненіе духовной, въ которой сказано: «Библіотеку мою завѣщаю въ пользу Полтавской губернской гимназіи, на сей конецъ прошу покорно г. библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки разобрать и приготовить къ отдачѣ, для доставленія оныхъ по назначенію; такъ же разобрать всѣ мои бумаги, и тѣ изъ сихъ послѣднихъ, которыя по своему содержанію признаны быть могутъ важными, или интереснымп для общаго свѣдѣнія, отдать въ Императорскую Публичную Библіотеку, предоставляя изъ остальныхъ сдѣлать употребленіе по собственному благоусмотрѣнію Михаила Евстафьевича»,—взялъ всѣ бумаги Н. И. Гнѣдича, а потомъ и книги, найденныя въ его квартирѣ. Разобравъ первыя, онъ внесъ въ Императорскую Публичную Библіотеку: 1) Рукописный экземпляръ Иліады Гомеровой въ 2-хъ частяхъ, въ листъ, съ поправками рукою Н. И. Гнѣдича, какъ важнѣйшій памятникъ дарованій и почти всей его литературной жизни. Сей экземпляръ былъ поднесенъ Государю Императору, и съ сего же экземпляра отпечатана сія поэма. 2) Печатный экземпляръ Иліады Гомера съ послѣдними поправками карандашемъ и варіантами Н. И. Гнѣдича. 3) Нѣсколько черновыхъ тетрадей, содержащихъ въ себѣ нѣкоторыя пѣсни Гомера, частію писанныя, а частію только поправленныя рукою Н. И. Гнѣдича. 4) Напечатанныя стихотворенія Н. И. Гнѣдича съ послѣдними его поправками. 5) Басни И. А. Крылова со многими собственноручными его поправками. 6) Германа о стопосложеніи древнихъ, переводъ Симпгановскаго и студентовъ, рукопись. Его высокопревосходительство г-нъ директоръ Императорской Публичной Библіотеки

[1] Сбоку приписано: «Двоюродный братъ, отставной полковникъ Николай Ивановичъ Петровскій-Муравскій. Сынъ его Сергій Николаевичъ. Тысячу руб. Слободско-Украинской губерніи, Богодуховскаго уѣзда въ село Бригадировку въ пользу церкви Пресвятыя Богородицы».

далъ приказаніе предписаніемъ, №. . ., хранить въ сей Библіотекѣ въ отдѣленіи манускриптовъ сіи драгоцѣнные памятники знаменитаго переводчика Гомера.

Въ Императорскую Россійскую Академію возвращены, какъ собственность оной: 1) Рукописный Словарь малороссійскаго языка. 2) Нѣсколько псалмовъ и пѣсенъ на малороссійскомъ же языкѣ, доставленныхъ ему сею Академіею для разсмотрѣнія и пополненія оныхъ еще въ 1818 году. Къ нимъ присоединено нѣсколько листовъ на буквы *А* и *Б* Словаря малороссійскаго языка, писанныхъ собственною рукою Н. И. Гнѣдича.

Коллежскій Совѣтникъ Лобановъ исполнилъ и второе, еще труднѣйшее завѣщаніе покойнаго своего друга: разобралъ его библіотеку, составилъ опись его печатнымъ книгамъ на русскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и другихъ языкахъ, и съ крайнимъ изнуреніемъ силъ, ибо онъ не имѣлъ въ семъ дѣлѣ помощника, уложилъ оную въ 4 ящика, нарочно для того заказанные, и отправилъ при письмѣ къ г. попечителю Харьковскаго учебнаго округа сіи четыре ящика съ описью оныхъ. Къ крайнему его сожалѣнію, нѣкоторыя сочиненія разрознены и разбиты.

Составивъ вѣрную и подробную опись вещамъ покойнаго Н. И. Гнѣдича и сдѣлавъ онымъ съ помощію нѣкоторыхъ честныхъ торговцевъ оцѣнку, и храня значительнѣйшія вещи за ключемъ въ запечатанной ихъ печатями комнатѣ, 3-го числа марта сего 1833 года означенные господа, повѣстивъ пріятелей и знакомыхъ покойнаго Н. И. Гнѣдича и нѣкоторыхъ торговцевъ, приступили къ продажѣ вещей его на квартирѣ его въ домѣ г. Оливье. Сія продажа продолжалась нѣсколько дней, и крайнимъ усердіемъ и дѣятельностію исполнителей завѣщанія покойнаго Н. И. Гнѣдича выручено денегъ 9110 рублей 35 копѣекъ.

Труженикъ въ лучшемъ и чистѣйшемъ значеніи слова, Гнѣдичъ высоко держалъ знамя писателя, и свой взглядъ на это

прекрасно выразилъ въ рѣчи, сказанной имъ въ полугодичномъ собраніи Общества любителей россійской словесности [1]. Вотъ отрывокъ изъ этой рѣчи:

Не считаю нужнымъ изображать вамъ, какимъ орудіемъ владѣетъ тотъ, кто принимаетъ въ руки свѣтильникъ наукъ, чтобы озарять души себѣ подобныхъ. Ревнующимъ успѣхамъ просвѣщенія конечно извѣстна исторія письменъ. Извѣстно, что распространеніе оныхъ есть одно изъ средствъ разума, болѣе всего споспѣшествующее славѣ и счастію народовъ; а тѣмъ паче въ наше время, когда средства сіи умножены и ускорены до чрезвычайности. Какъ въ древности пламенникъ игръ священныхъ быстро переходилъ изъ рукъ въ руки, переходитъ теперь отъ народа къ народу пламенникъ искусствъ и познаній. Въ такое время перо писателя можетъ быть въ рукахъ его оружіемъ болѣе могущественнымъ, болѣе дѣйствительнымъ, нежели мечъ въ рукѣ воина. Я не о тѣхъ говорю писателяхъ, людяхъ впрочемъ съ дарованіемъ, которые, усиліемъ и навыкомъ, пріобрѣтая извѣстную легкость въ слогѣ, заставляютъ читать себя и слушать. Такой писатель есть почти каждый образованный гражданинъ въ странахъ просвѣщенныхъ; они обыкновенно составляютъ такъ называемую литературу свѣта — и, ласкатели его, угодники всѣхъ прихотей моды и духа времени, они рабы мнѣнія.

Вы, мм. гг., питаете намѣренія высшія, вы желаете способствовать просвѣщенію согражданъ. Но, зная однакожъ, что должно быть пріятнымъ, чтобы быть полезнымъ, вы, для распространенія своихъ намѣреній, избрали словесность изящную. Что же можетъ быть важнѣе, что можетъ быть священнѣе обязанности, какую каждый изъ насъ на себя принимаетъ? Каждый изъ насъ есть или быть долженъ виновникомъ или свѣтлой мысли, или благороднаго чувства въ душѣ юной, которыя, можетъ-быть, глубоко пустивъ корни свои, сдѣлаютъ вдохнувшаго

[1] Помѣщена въ XV части «Трудовъ» Общества и напечатана отдѣльно (Спб. 1821).

ихъ, такъ сказать, творцомъ нравственнаго бытія человѣческаго. Если таково вліяніе писателя на человѣка, таково и общее дѣйствіе письменъ на народы. Да размышляютъ воздѣлыватели ихъ о важности служенія своего; да будутъ они чисты сердцемъ, какъ служители Божества, или тѣ, которые приближаются къ священнымъ алтарямъ его.

Писатель своими мнѣніями дѣйствуетъ на мнѣніе общества; и чѣмъ онъ богаче дарованіемъ, тѣмъ послѣдствія неизбѣжнѣе. Мнѣніе есть властитель міра. Да будетъ же перо въ рукахъ писателя то, что скипетръ въ рукахъ царя: твердъ, благороденъ, величественъ! Перо пишетъ, что́ начертается на сердцахъ современниковъ и потомства. Имъ писатель сражается съ невѣжествомъ наглымъ, съ порокомъ могущимъ, и сильныхъ земли призываетъ изъ безмолвныхъ гробовъ на судъ потомства. Чтобы владѣть съ честію перомъ, должно имѣть болѣе мужества, нежели владѣть мечемъ. — Но если писатель благородное оружіе свое преклоняетъ передъ врагами своими, если онъ унижаетъ его, чтобы ласкать могуществу, или, если прелестію цвѣтовъ покрываетъ развратъ и пороки, если, вмѣсто огня благотворнаго, онъ возжигаетъ въ душахъ разрушительный пожаръ, и пищу сердецъ чувствительныхъ превращаетъ въ ядъ: перо его— скиптръ, упавшій во прахъ, или оружіе убійства! — Чтобы памяти своей не обременить сими грозными упреками, писатель не долженъ отдѣлять любви къ славѣ своей отъ любви къ благу общему. — Да будетъ же первою страстію, насъ одушевляющею, вдохновеніемъ нашего ума и сердца — любовь къ человѣчеству, сія любовь, незнакомая, непостижимая сердцамъ необразованнымъ, сіе чувство небесное, которое, даже однимъ желаніемъ сдѣлать счастливыми насъ окружающихъ, дѣлаетъ и насъ самихъ болѣе счастливыми.

Сердцемъ добрый, духомъ возвышенный и свободный, да не измѣняетъ себѣ служитель Музъ ни въ какихъ случаяхъ жизни; да не рабствуетъ предъ Фортуною и не страшится бѣдности! Бѣдность — превосходнѣйшее училище людей. Если она усѣ-

ваетъ путь жизни терніями жестокими, то на каждомъ шагу открываетъ такіе опыты, такія истины, какія невидимы съ высоты чертоговъ. На семъ пути человѣкъ узнаетъ человѣка и научается любить его: ибо видитъ, что большая часть людей — несчастны; на семъ пути, привыкая ожидать всего единственно отъ себя, убогій пріобрѣтаетъ мужество и силу души, первыя свойства геніевъ благородныхъ, свойства, чуждыя сыновъ счастія, которые возрастаютъ какъ вѣтви на опорахъ, слабые, чтобы выносить удары бури. Я не говорю, что богатство безполезно для ума, но что умъ не долженъ раболѣпствовать Фортунѣ. — Если жъ писателю такое отреченіе тягостно, да оставитъ онъ поприще письменъ, да ищетъ другого пути: ихъ много, чтобы приносить пользу отечеству и заслуживать доброе имя. Фортуна же и меценаты, которыхъ онъ будетъ искать, продаютъ благосклонности свои за такія жертвы, которыхъ почти нельзя принесть не на счетъ своей чести.

Наконецъ писатель да любитъ болѣе всего языкъ свой. Могущественнѣйшая связь человѣческихъ обществъ, узелъ, который сопрягается съ нашими нравами, съ нашими обычаями, съ нашими сладостнѣйшими воспоминаніями — есть языкъ отцовъ нашихъ! И величайшее уничиженіе народа есть то, когда языкъ его пренебрегаютъ для языка чуждаго. Да вопіетъ противу зла сего каждый, ревнующій просвѣщенію, да гремитъ неумолкно и поэзіей и краснорѣчіемъ! Пусть онъ въ желчь негодованія омачиваетъ перо и всѣмъ могуществомъ слова защищаетъ языкъ свой, какъ свои права, законы, свободу, свое счастіе, свою собственную славу!

. . . . . .

Чтобы имя писателя переживало вѣки и народы, да посвящаетъ онъ перо свое предметамъ, которые составляютъ неизмѣнную пищу ума и сердца во всѣхъ вѣкахъ, у всѣхъ народовъ. Пусть онъ пишетъ не для человѣка, но для человѣчества. Платоны и Омеры, Шекспиры и Данты, Расины и Шиллеры, въ какія бы новыя краски и новыя формы ни облекалось искусство

словесное, будутъ вѣчными питателями ума, воображенія и чувства. — И въ самомъ дѣлѣ, кромѣ любви, единственной страсти, какую поэты нашихъ временъ возвысили до энтузіазма, но которую образованность у насъ прекраснаго пола, собственнымъ могуществомъ, сильнѣе каждаго поэта воспламенитъ и возвыситъ, кромѣ любви сей, или нѣтъ уже ничего болѣе въ сердцѣ человѣка, столь же благороднаго, столь же необходимаго для его благополучія? Думы высокія, восторги пламенные, святое пожертвованіе самимъ собою для блага людей, вы, которые напечатлѣваетесь и въ дѣлахъ и въ помыслахъ душъ благолюбивыхъ, и изъ существа земного дѣлаете существо небесное — гдѣ вы? Ужели сердце наше не питаетъ ихъ болѣе? Уже ли оно, истребивъ сіи хранительныя начала обществъ, разорвало всѣ связи? Кажется, ничто его не заботитъ; кажется, ничто его не колеблетъ, кромѣ одного чувства, одной страсти безжизненной, которою отдѣляясь, какъ хладною стѣною, отъ общества себѣ подобныхъ, человѣкъ видитъ себя — зрѣлище унылое! — одного въ мірѣ и міръ для одного себя.

Пѣсни любви, восторги наслажденій! Вы всегда будете сладостны сердцу, если освящены его невинностію. — «А если нѣтъ, въ этомъ можно ли обвинять пѣвцовъ ихъ?» Писатель, говорятъ, есть выраженіе времени, печать духа и нравовъ вѣка своего. Какъ? Пѣвецъ, сынъ вдохновенія небеснаго, долженъ быть только эхомъ людей? Онъ, свободный, долженъ рабски слѣдовать за вѣкомъ и, самъ увлекаясь пороками его, долженъ питать ихъ, осыпать цвѣтами и музъ превращать въ сиренъ, соблазнительницъ человѣка? Удались, мысль недостойная разума! Въ царство ужаса, когда законы запретили исповѣданіе Создателя, въ дни безвѣрія и безбожія народнаго, Делиль на развалинахъ алтарей пѣлъ бытіе Бога и безсмертіе души. — Вотъ подвиги писателя! — Пробудить, вдохнуть, воспламенить страсти благородныя, чувства высокія, любовь къ вѣрѣ и отечеству, къ истинѣ и добродѣтели — вотъ что нужно въ такое время, когда благороднѣйшими свойствами души жертвуютъ эгоизму, или

такъ называемому свѣту ума, когда холодный умъ сей опустошаетъ сердце, а низость духа подавляетъ въ немъ все, что возвышаетъ бытіе человѣка. — Въ такое время нужнѣе чрезмѣрить величіе человѣка, нежели унижать его; лучше подражать тѣмъ ваятелямъ древности, которые произведеніямъ своимъ дали образцы благороднѣйшіе и величество, превосходящее природу земную, чѣмъ поэзію уподоблять Цирцеѣ, превратившей въ животныхъ спутниковъ Одиссея.

На комъ, болѣе нежели на другихъ, лежитъ сей долгъ превосходный? — У кого въ рукахъ сія власть завидная? Сыны Аполлона, наслѣдники дара, который къ ногамъ Орфея приводилъ звѣрей и двигалъ за нимъ древа и камни,—явите намъ вы древнее свое могущество, воспойте намъ пѣсни, которыя согрѣли бъ умирающее сердце человѣка, которыя воскресили бъ его къ жизни, достойной мужа! Вотъ поприще, вотъ ваши подвиги славы! — Такъ, и тотъ, чей свѣтлый умъ проницаетъ тайны творенія, и тотъ, кто гармоніей лиры очаровываетъ слухъ, и тотъ, кто силою слова волнуетъ кровь человѣческую, и философъ, и поэтъ и ораторъ — да не мечтаетъ о славѣ, когда мысль его, при самыхъ блистательныхъ произведеніяхъ, не обращается къ сей цѣли благородной, къ сему предопредѣленію письменъ и познаній.

Почти то же самое высказано Гнѣдичемъ въ обращеніи: «Къ моимъ стихамъ», гдѣ виденъ тотъ же горячій защитникъ и поборникъ чистаго служенія слову:

Пока еще сердце во мнѣ оживляется солнцемъ;
Пока еще въ персяхъ, не вовсе отъ лѣтъ охладѣвшихъ,
Любовь не угаснула къ вамъ, о стихи мои, дѣти
Души молодой, но въ которыхъ и самъ нахожу я
Дары небогатые строго-скупой моей Музы,
Которые можетъ-быть вовсе отвергла бъ отъ сердца

Брюзгливая старость, и кажется, что по заслугамъ:
(Но кто на землѣ не принесъ самолюбію дани?)
Спѣшу, о стихи, васъ отъ грознаго спасть приговора;
Спѣшу васъ отдать подъ покровъ снисходительной дружбы.
И если она не найдетъ въ васъ ни прелестей слова,
Какими насъ Музы изъ устъ ихъ любимцевъ плѣняютъ;
Ни пламенныхъ чувствій, ни думъ тѣхъ могучихъ, какія
Кипятъ на устахъ вдохновенныхъ и души народовъ волнуютъ;
То — нѣжная въ чувствахъ, найдетъ хоть меня въ моихъ пѣсняхъ,
Души моей слабость, быть можетъ, ея добродѣтель;
Узнаетъ изъ нихъ, что въ груди моей бьется, быть можетъ,
Не общее сердце; что съ юности нѣжной оно трепетало
При чувствѣ прекрасномъ, при помыслѣ важномъ иль смѣломъ,
Дрожало при имени славы и гордой свободы;
Что съ юности нѣжной, любовію къ Музамъ пылая,
Оно сохраняло, во всѣхъ коловратностяхъ жизни,
Сей жаръ, хоть не пламенный, но постоянный и чистый;
Что не было видовъ, что не было мзды, для которыхъ
Душой торговалъ я; что, бывши не разъ искушаемъ
Могуществомъ гордымъ, изъ опытовъ вышелъ я чистымъ;
Что жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.
. . . . . .

Въ частной жизни, насколько можно судить по сохранившимся письмамъ и запискамъ, Гнѣдичъ былъ тѣмъ же честнымъ поэтомъ, какимъ онъ высказывался и въ своихъ произведеніяхъ. Знавшіе его не могли относиться къ нему безъ симпатій, и даже повидимому строгіе судьи не могли не уважать въ немъ честнаго литератора и честнаго человѣка. Кн. П. А. Вяземскій, въ своей «Записной Книжкѣ» позволивъ себѣ маленькое злословье по адресу Гнѣ-

дича, тѣмъ не менѣе заключаетъ свои «грѣшныя сплетни» словомъ истины, которое, по его собственному сознанію, должно перевѣсить все, что̀ могло показаться насмѣшкою въ его очеркѣ Гнѣдича:

Гнѣдичъ въ общежитіи былъ честный человѣкъ; въ литературѣ былъ онъ честный литераторъ. Да и въ литературѣ есть своя честность, свое праводушіе. Гнѣдичъ въ ней держался всегда безъ страха и безъ укоризны. Онъ высоко дорожилъ своимъ званіемъ литератора и носилъ его съ благородною независимостью. Онъ былъ чуждъ всѣхъ продѣлокъ, всѣхъ мелкихъ страстей и промышленностей, которыя иногда понижаютъ уровень, съ котораго писатель никогда не долженъ бы сходить [1].

Прямой и безпристрастный всегда и во всемъ, вотъ какъ Гнѣдичъ дружески журитъ нѣкоего Полозова. Записка помѣчена 23 апрѣля 1810:

Спасибо за извѣщеніе, когда въ казенной палатѣ выдадутъ деньги брату, который ихъ давно уже получилъ; спасибо за концертъ, за Глазеникову, за билетъ на муку, на дрова, и проч.

Если ты и ко всѣмъ людямъ будешь имѣть подобное вниманіе, то не надѣйся, что ты въ высшемъ ихъ состояніи обрѣлъ доброжелающихъ тебѣ, а въ равномъ — друзей истинныхъ. Дружество, любовь и привязанность начальниковъ, всѣ равно привлекаются одною силою: пользою. Разсуди, какими средствами во всѣхъ трехъ случаяхъ можешь ты быть болѣе полезенъ, и ими дѣйствуй. Одолжай всѣхъ и самъ одолжайся съ разсудкомъ. Памятныя дѣла носи лучше въ сердцѣ или въ умѣ, а не въ записной книжкѣ. Не дѣлай ни малѣйшаго невниманія къ тому человѣку, котораго желаешь имѣть себѣ другомъ, потому что если онъ честолюбивъ — оскорбится, если корыстенъ — осердится, если искренень, то быть такимъ перестанетъ. Вотъ тебѣ урокъ изъ моей философіи. Желаю, чтобы ты и объ немъ не забылъ.

---

[1] Кн. П. А. Вяземскій: Полное собраніе сочин., т. VIII, стр. 455.

Пришли № Вѣстника, гдѣ Кантемировы Сатиры.—Потрудись послать за лѣкарствомъ.

Или вотъ напримѣръ другое письмо къ тому же Полозову, изъ Бригадировки (24 іюня 1810), гдѣ виденъ тотъ же прекрасный Гнѣдичъ:

Послѣ хорошей и гадкой, покойной и бѣсившей меня дороги, 15-го числа я увидѣлъ домашнихъ пенатовъ; съ 15 іюня я въ объятіяхъ родственниковъ, но рыдающихъ; не подъ веселымъ кровомъ отеческимъ, но на гробахъ моихъ предковъ. Я всегда досадовалъ, что воображеніе мое увеличиваетъ предметы выше ихъ сущности, но вотъ въ первый разъ оно ихъ уменьшило. Положеніе сестры моей болѣе тягостно и достойно сожалѣнія, нежели я воображалъ въ Петербургѣ. Я кляну себя, зачѣмъ такъ медлилъ пріѣздомъ. Сердце мое такъ стѣснено, что я ничего не могу писать тебѣ, любезный другъ, посторонняго. Здѣсь весь воздухъ пахнетъ и смѣется, а люди всѣ плачутъ. Должно имѣть Зенонову Философію, чтобы быть равнодушнымъ. Зная твою ко мнѣ дружбу, надѣюсь, что похлопочешь и доставишь мнѣ паспортъ. Пришли пожалуйста 6 экземпляровъ Иліады, и если можешь посылать по казенному, то потрудись взять у Рыкалова 6 экземпляровъ Леара и прислать; со мной нѣтъ ни одного; еще попроси отъ имени моего у Измайлова тотъ № Цвѣтника, гдѣ напечатана: *Скоротечность юности*, и пришли вмѣстѣ. Въ торопяхъ я ничего не взялъ съ собою, а это немного досадно. Ты много доставишь мнѣ удовольствія исполнивши мои просьбы, на которыя я къ тебѣ кажется не много уже безстыденъ. Прости дружбѣ. Въ Москвѣ за починкой коляски я просидѣлъ 6 сутокъ и видѣлъ весь Парнасъ, весь сумасшедшихъ домъ. Жуковскій истинно умный и благородный человѣкъ, но москвичъ и нѣмецъ. Батюшкова я нашелъ больнаго, кажется отъ московскаго воздуха, зараженнаго чувствительностью, сыраго отъ слезъ проливаемыхъ авторами и густаго отъ ихъ воздыханій. Я почти выгналъ его изъ Москвы. Онъ тебя много любитъ. Здѣсь мнѣ столько грусти и хлопотъ,

что я и для писемъ едва ли буду имѣть время, тѣмъ болѣе, что не на одномъ мѣстѣ жить стану. Что творятъ и говорятъ у К. С.? Неужели Шаховскаго носитъ еще земля? Что въ театрѣ? Скажи кн. Гаг(арину), что я долго проживу въ Малороссіи. Какъ онъ это приметъ, мнѣ напиши. Если бъ ты видѣлъ въ какомъ мѣстѣ пишу я письмо, то не удивлялся бы, хотя бъ я и никогда отсюда не выѣхалъ. Поклонись любезному Подлесецкому; скажи, что хотя Чернышевъ и кланялся часто стекляннному богу и мало имѣетъ въ верхнемъ своемъ этажѣ мебели, но получилъ хорошій аттестатъ и благосклоннѣйшую благосклонность князя Гагарина. Поклонись Катенинымъ. Скажи Петру Александровичу, чтобъ онъ болѣе маршировалъ стихами, нежели ногами. Крылову: попроси отъ него экземпляръ басенъ и не забудь прислать мнѣ. Наконецъ поклонись себѣ и поцѣлуй за меня самъ себя во что хочешь, хоть въ афендронъ. Заклинаю тебя стариками твоими писать ко мнѣ чаще. Кланяйся имъ. Доставь письмо Самариной; если же нѣтъ уже ея въ Петербургѣ—сожги, не читавши. Не знаешь ли чего о ея дѣлѣ? Что твоя служба? Повѣствуй обо всемъ ясно, подробно и вразумительно, какъ Гомеръ. Пожалуйста, добрый Алексѣй, утѣшь меня. Прощай, другъ. Мальвина толкаетъ меня въ локоть носомъ; понимаю — она проситъ тебѣ кланяться, и хвалится, что она попробовала тверскихъ, московскихъ и тульскихъ разныхъ пропорцій и видовъ; а я еще никакихъ. Цалую тебя, прощай.

Весь твой Г.

Не знаешь ли чего о Разумовскомъ и Мартыновѣ? Отдай Прасковьѣ Петровнѣ, если она захочетъ, прочесть письмо мое, ибо къ ней, по малости времени, писать много не успѣваю. Увѣдомь меня о ней. Да пожалуйста исполни мои комиссіи.

Какъ человѣкъ, Гнѣдичъ болѣе всего высказался въ своей «Записной Книжкѣ»: ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемый, и конечно не предназначая ее для печати, тамъ онъ бесѣдовалъ съ собою, излагая мысли какъ онѣ появлялись у него въ минуты скорбнаго и печальнаго одиночества. Этимъ произведеніемъ, случайными набросками

поэта мы заключимъ нашу статью, изданіемъ которой Академія приноситъ нынѣ дань уваженія чистой памяти человѣка и писателя.

Выше было упомянуто, что Гнѣдичъ похороненъ на новомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Друзья покойнаго поставили скромный памятникъ поэту, гдѣ между прочимъ приведенъ стихъ изъ Иліады:

Рѣчи изъ устъ его вѣщихъ сладчайшія меда лилися...

хотя съ бо́льшимъ правомъ Гнѣдичъ могъ бы вѣщать съ намогильной плиты:

...жертвъ не куривъ, возжигаемыхъ идоламъ міра,
Ни словомъ однимъ я безсмертной души не унизилъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА.

Нѣкоторымъ истинамъ должно вѣрить такъ, какъ существованію; одна душа намъ ихъ открываетъ, и умствованія всякаго рода суть только слабыя произведенія изъ сего источника. Одинъ геній чувства превыше философіи опытной и философіи умозрительной; одинъ онъ даетъ убѣжденіе за предѣлами разума человѣческаго.

Кантъ полагаетъ на двухъ параллельныхъ линіяхъ доказательства *за* и *противъ* свободы человѣка, безсмертія души, временнаго или вѣчнаго бытія міра, и призываетъ *чувство*, чтобы оно подняло вѣсы; ибо убѣжденія метафизическія и съ той и съ другой стороны казались ему равносильными. И, въ самомъ дѣлѣ, умствуйте о свободѣ человѣка, и вы ей не повѣрите, но положите руку на свою совѣсть, на свое сердце, и вы не можете въ ней сомнѣваться.

Должно вѣрить Богу и совѣсти, ибо мы ихъ чувствуемъ; всѣ доводы будутъ всегда ниже убѣжденій сего ощущенія.

Для людей не совсѣмъ твердыхъ правилъ и слабой нравственности довольно найти въ писателѣ одну фразу въ пользу

ихъ поведенія; они употребляютъ ее сначала, чтобъ обманывать другихъ, и кончатъ тѣмъ, что будутъ обманывать самихъ себя.

Чувствованіе безконечнаго есть истинная принадлежность души; нельзя слышать ни вѣтра въ лѣсу, ни сладкихъ тоновъ голоса человѣческаго, нельзя чувствовать очарованія краснорѣчія или поэзіи, не будучи проникнутымъ ощущеніемъ *безпредѣльнаго* — симъ высокимъ чувствомъ безсмертія. Многіе люди въ состояніи отрицать сіе чувство, ибо имъ невозможно изъяснить его: слова не заставятъ ихъ понять то, чего не говоритъ имъ вселенная.

Испытаніе можетъ ослабить сію вѣру привычки, которую люди, весьма хорошо дѣлаютъ, сохраняя сколько возможно. Но когда человѣкъ кончитъ испытаніе, и остается болѣе вѣрующимъ нежели при его началѣ, тогда религія остается уже на непоколебимомъ основаніи, тогда водворяется между ею и философіею вѣчный миръ и взаимное служеніе.

Молитва — есть дыханіе души.

Безъ энтузіазма — нѣтъ наукъ, художествъ и словесности въ народѣ.

Истину, какъ и дѣтей, нельзя раждать безъ болѣзни.

Несчастіе — есть преждевременная старость.

Въ бурѣ бѣдствій свѣтильникъ философіи гораздо менѣе успокоиваетъ, чѣмъ маленькая лампада передъ образомъ Святой Дѣвы.

Въ книгѣ Бытія есть красоты столько необыкновенныя, столь великія, что онѣ убѣгаютъ отъ всякаго изъясненія критики; удивленіе не находитъ словъ и искусство обращается въ ничтожество.

Оригинальный писатель не тотъ, который никому не подражаетъ, но которому никто подражать не можетъ.

Ходъ словеснаго искусства можно сравнить съ успѣхами живописи. Палитра новаго художника покрывается безчисленнымъ разнообразіемъ цвѣтовъ и тѣней; поэтъ древній составлялъ свои картины изъ трехъ цвѣтовъ Полигнота. Римляне между Греками и нами имѣли уже два способа. Какъ греки, они были просты въ основаніяхъ; какъ мы — въ искусствѣ подробностей. Можетъ быть сіе счастливое соединеніе двухъ вкусовъ составляетъ совершенство Виргилія.

Христіанизмъ извлекъ изъ сердца звуки, совершенно неизвѣстные древнимъ, и далъ, такъ сказать, душѣ новыя струны. Звуки сіи силою любви проникаютъ твердь небесную и достигаютъ къ Престолу Вѣчнаго.

Человѣкъ съ великимъ характеромъ никогда не рѣшится прекратить жизни своей въ величайшихъ бѣдствіяхъ. Умереть легко; и онъ потому единственно уже предпочтетъ смерти жизнь, что она тягостнѣе.

Истинная философія никогда не растлитъ невинности сердца, ни въ самой глубокой старости ума народнаго; ученіе Сократа и Іисуса заставитъ человѣка имѣть добродѣтели по размышленію, если онъ не имѣетъ ихъ по побужденію.

Пусть Канты, упрямствуя въ семъ ложномъ мнѣніи, что нѣтъ ничего что бы было выше нашего понятія, изсыхаютъ надъ метафизикою; они никогда не постигнутъ ни одной тайны природы; не они положили *морю врата*, не они рекли ему: *до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя.* Зачѣмъ, восклицаетъ Монтань, зачѣмъ не пожелаетъ природа когда-нибудь хотя на мигъ обнажить предъ нами нѣдра свои? Боже! Сколько лжи, сколько заблужденій мы увидѣли бы въ нашемъ бѣдномъ знаніи!

Платонъ, пламенный любитель высшихъ познаній, говоритъ прямо, что высшія науки не всѣмъ полезны, а только нѣкоторому

числу; онъ прибавляетъ разсужденіе, подтвержденное опытомъ новыхъ вѣковъ, что совершенное невѣжество не есть величайшее и опаснѣйшее зло, но что познанія, дурно направленныя, гораздо вреднѣе и опаснѣе (De leg., lib. 7).

Легкая поверхность философіи ведетъ къ заблужденіямъ и къ невѣдѣнію Божества, но *полное ученіе* сближаетъ человѣка съ Богомъ. Такъ говоритъ Баконъ. Какъ ужасна эта истина! Одни простыя сердца и одни великіе умы могутъ вѣровать въ Бога, ибо первые Его чувствуютъ по внутреннему убѣжденію, а послѣдніе постигаютъ полными познаніями, къ которымъ посредственные умы никогда не достигнутъ и всегда остаются во мракѣ, скрывающемъ отъ нихъ Бога. Вотъ почему многіе мудрецы думали, что ученіе философіи чрезвычайно пагубно для толпы.

Многіе просвѣщенные умы думали, что наука изсушаетъ сердце, разочаровываетъ природу, влечетъ слабые умы къ атеизму, и отъ атеизма къ преступленію, но что, напротивъ, изящныя искусства умягчаютъ наши души, исполняютъ насъ вѣрою въ Бога и посредствомъ вѣры побуждаютъ насъ къ исполненію добродѣтелей.

Въ вѣкъ нравственный самые пороки покрываются личинами. Въ вѣкъ безвѣрія они нагло выказываютъ чело свое. Скупость, невѣжество, самолюбіе, гордость являются въ нашъ вѣкъ въ новомъ видѣ. Прежде они были робче, прикрывались учтивствомъ и тонкостію; а теперь они къ дурнотѣ порока присоединяютъ еще дерзость и грубость; прежде они были непріятны и смѣшны; а теперь безобразны и ненавистны.

Познанія имѣютъ двѣ крайности, между собою близкія. Первая есть чистое невѣжество, природное, въ которомъ находятся всѣ люди рождаясь; другая крайность есть та, къ которой

достигаютъ тѣ великіе умы, кои протекши все, что человѣкъ познать можетъ, сознаются, что они ничего не знаютъ, и находятъ себя въ томъ же невѣдѣніи, изъ котораго они вышли; это невѣдѣніе мудро: оно знаетъ себя. Но тѣ люди, кои вышли изъ невѣжества природнаго и не достигли къ другому, имѣютъ на себѣ покровъ гордаго познанія — умовъ собою довольныхъ и составляютъ умныхъ. Эти-то люди смущаютъ умы и миръ сердца человѣческаго. *Ученый дуракъ хуже невѣжи.* (Паскаль).

Одни несчастные сострадательны. Сердце человѣка подобно тѣмъ древамъ, которыя не прежде испускаютъ цѣлебный бальзамъ свой, пока желѣзо имъ самимъ не нанесетъ язвы. Только несчастный можетъ судить несчастнаго. Сердце загрубѣлое въ счастіи не въ состояніи понимать злополучнаго.

Два предмета оживаютъ въ сердцѣ человѣка при старости его: отечество и вѣра. Какъ бы они ни были умерщвлены въ молодости, но рано или поздно воскресаютъ со всѣми своими прелестями и оживляютъ въ человѣкѣ любовь къ нимъ должную.

Строгіе, чистые нравы и благочестивая мысль еще болѣе нужны въ союзѣ съ музами, чѣмъ геній.

Шатобріанъ, сравнивая мѣста Омера съ библейскими, — «вотъ, говоритъ, красоты, которыя изъ вѣка въ вѣкъ утвердили Омеру первое мѣсто между геніями величайшими. Нѣтъ стыда его памяти, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ побѣжденъ людьми, писавшими подъ внушеніемъ неба».

Безпредѣльная обитель смерти, въ тебѣ великіе лежатъ подлѣ малыхъ; республики совершеннаго равенства въ тебя не входятъ, не сброся своего шлема или діадемы, чтобы пройти чрезъ низкую дверь смерти.

Удивительный духъ царствуетъ въ наше время между народами Европы. Недовольные настоящимъ, они не предвидятъ

ничего, кромѣ перемѣнъ и революцій. Мрачныя и кровавыя времена прошедшаго повергли людей въ родъ безумія, въ которомъ истощенная душа мучится видѣніями. Кто будетъ внимательно наблюдать современниковъ, тотъ увидитъ въ нихъ удивительную смѣсь подлости и дерзости, безбожія и суевѣрія, жестокости и сентиментальной нѣжности, разврата и набожности, холодности и романическаго изступленія. Они не знаютъ, во что имъ одѣться, въ доспѣхи ли рыцарей, въ рясу ли монаховъ, или въ тогу римскую? Они испытали быть всѣмъ, выключая того, чѣмъ имъ быть надлежитъ. Истинное имъ кажется слишкомъ обыкновеннымъ, простое — низкимъ и ветхимъ, и вкусъ ихъ находитъ пріятность въ одномъ томъ, что чрезмѣрно (Гизо).

Послѣ жестокихъ временъ безбожія и безнравственности, какое новое поприще ожидаетъ подвигоположниковъ вѣры! Сколько трудовъ и славы! Сколько заблужденій, народныхъ раздоровъ, слезъ и язвъ, сколько несчастій, которыя всѣ требуютъ цѣлебнаго бальзама религіи. Никогда религія не имѣла большихъ надеждъ и блистательнѣйшаго жребія. Перерожденный міръ требуетъ втораго благовѣствованія Евангелія; христіанизмъ возрождается и исходитъ побѣдительный изъ страшной борьбы, въ какую когда либо адъ ввергалъ его. Кто знаетъ—то, что мы приняли за паденіе Церкви, не есть ли ея возстановленіе. Она погибала въ бездѣйствіи и праздности; она не вспоминала о крестѣ: крестъ явился, она будетъ спасена.

Никто не отвергаетъ Бога, кромѣ тѣхъ, которымъ не нужно, чтобъ существовалъ Онъ.

Есть драмы, которыя раздираютъ сердце, но совсѣмъ иначе нежели Эвмениды, Федра или Эдипъ. Тотъ еще не великій писатель, кто не учитъ душу. Одна прекрасная поэзія извлекаетъ пріятныя слезы, и онѣ пріятны только тогда, если съ ними сливается чувство удивленія и горести. Музы — дѣвы небесныя; онѣ не

обезображиваютъ лицъ своихъ кривляніями и конвульсіями; если онѣ плачутъ, то всегда съ тайнымъ намѣреніемъ, чтобъ украсить свои прелести.

Если при переводѣ Иліады мои дарованія несоразмѣрны были съ моимъ успѣхомъ, то по крайней мѣрѣ оно покажетъ, *сколько я чувствовалъ важность* труда моего.

Знаніе и чувствованіе красотъ искусства покупается дорогою цѣною.

Великія происшествія, какъ и великіе предметы, гораздо менѣе удобны, нежели какъ думаютъ, возродить великія идеи; ихъ величіе такъ сказать очевидно, и все что прибавятъ къ дѣлу — уменьшаетъ его. Nascitur ridiculus mus.

Душа, прелестная душа сына моего! Отецъ твой тебя нѣкогда создалъ на устахъ моихъ своимъ поцѣлуемъ.

Дитя безъ невинности есть цвѣтокъ безъ благовонія.

Нѣтъ страстей болѣе опасныхъ, какъ тѣ, которыя имѣютъ низкія начала; онѣ чувствуютъ эту низость и становятся неистовыми. Онѣ стараются прикрыть себя и дѣлами, внушающими страхъ—дать себѣ родъ ужаснаго величія, котораго недостаетъ имъ отъ начала. Это доказала Французская революція.

Науки изсушаютъ сердце, разочаровываютъ жизнь, влекутъ слабый умъ къ атеизму и отъ атеизма ко всѣмъ злодѣйствамъ. Изящныя искусства, напротивъ—очаровываютъ наши дни, смягчаютъ сердца, исполняютъ насъ вѣрою къ Божеству и посредствомъ вѣры ведутъ ко всѣмъ добродѣтелямъ (Гиббонъ).

Воображеніе есть способность, которую такъ же надобно питать, какъ и умъ.

Умъ и геній блистаютъ въ вѣкахъ въ равныхъ мѣрахъ; но въ этихъ вѣкахъ видимъ мы только нѣкоторые народы и у народовъ только нѣкоторое мгновеніе, когда вкусъ блистаетъ во всей чистотѣ; прежде этого мгновенія, послѣ этого мгновенія всѣ погрѣшаютъ или недостатками или чрезмѣрностями. Вотъ отчего творенія превосходныя такъ рѣдки, ибо надобно, чтобъ они были произведены въ сіи счастливые дни сочетанія вкуса и генія. Но сія великая встрѣча, какъ нѣкоторыхъ звѣздъ, кажется, случается только послѣ многихъ вѣковъ и продолжается — мгновеніе.

Я люблю болѣе искать красотъ, чѣмъ считать ошибки сочиненія. Люблю лучше возвышать человѣка передъ человѣкомъ, нежели унижать его. Притомъ же, болѣе можно научиться удивленіемъ, нежели отвращеніемъ; первое пробуждаетъ въ васъ присутствіе генія, а послѣднее ограничивается, чтобы открывать недостатки, всѣмъ почти видимые. — Въ одномъ прекрасномъ порядкѣ неба чувствуютъ Божество, а не въ нѣкоторыхъ безпорядкахъ природы.

Что́ мы выигрываемъ для познанія, теряемъ для чувства. Истины геометрическія убили многія истины для воображенія, болѣе, нежели думаютъ, важныя для нравственности. Съ тѣхъ поръ какъ человѣкъ сдѣлалъ путь вокругъ земного шара, для него исчезли неизъяснимыя очарованія. Для него уже не существуетъ неизвѣстнаго, безпредѣльнаго, нѣтъ уже дивнаго terra ignota, terra immensa!

Истинное и благодѣтельное просвѣщеніе всѣхъ состояній рода человѣческаго тогда только совершится, когда человѣкъ будетъ видѣть и почитать въ превосходствѣ познаній одну выгоду — быть полезнымъ несчастнымъ.

При началѣ искусствъ и художествъ у древнихъ и при возрожденіи ихъ у новыхъ — артисты старались болѣе объ отдѣлкѣ,

нежели о красотѣ или гармоніи цѣлаго. Объ нихъ вообще можно сказать, что Аристотель говоритъ о первоначальной драмѣ, что она блистала истиною выраженій и искусствомъ говорить гораздо прежде, нежели устроила планъ предмета. Слова и дарованіе сочинять рѣчи есть то же, что въ художествѣ механизмъ искусства и ловкость въ отдѣлкѣ. При возрожденіи искусствъ у новѣйшихъ народовъ, произведенія первыхъ художниковъ, весьма далекія отъ истинной красоты, окончены съ терпѣніемъ невѣроятнымъ; между тѣмъ какъ ихъ послѣдователи, Михель-Анжъ и Рафаэль, слѣдовали правилу, какое Роскомонъ даетъ поэтамъ: *сочиняйте съ огнемъ и производите съ хладнокровіемъ.*

Характеръ, стиль древняго Винкельманъ описываетъ сими краткими опредѣленіями: Рисунокъ былъ сильный, но жесткій; онъ былъ смѣлъ, но безъ пріятности; сила выраженія въ немъ вредила красотѣ цѣлаго. Однакоже, поелику искусство въ эти отдаленныя времена было посвящаемо для однихъ героевъ и боговъ, которымъ похвала, какъ говоритъ Горацій, слишкомъ высока для сладкихъ звуковъ лиры, то можно думать, что эта самая жесткость способствовала величію изображеній. Искусство въ эти вѣка было строго, какъ правосудіе древнихъ временъ, которое карало смертію малѣйшее преступленіе.

Народъ, безъ сомнѣнія, не имѣетъ права роптать, но вѣрно онъ имѣетъ право молчать; и его молчаніе есть урокъ для царей.

Не амбра ли ты? сказалъ Саади куску глины, съ земли его подымая.—Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я простая земля, но нѣсколько времени жилъ съ розою.

Нѣтъ людей благодарнѣе тѣхъ, которые одолжать себя позволяютъ не охотно.

Четверть любви съ тремя четвертями дружбы составляютъ счастливѣйшее соединеніе душъ. Такъ думаетъ опытный мудрецъ; а поэтъ вотъ какъ думаетъ:

Дружбѣ дамъ я часъ единый,
Вакху часъ и сну другой;
Остальною жъ половиной (дня)
Подѣлюсь, мой другъ, съ тобой.

Платонъ и Пиѳагоръ имѣли причину сказать, что старость не близка къ смерти; она близка къ началу жизни счастливой.

Подражаніе образцовымъ писателямъ поэзіи французской было несчастливо въ Германіи. Лессингъ почувствовалъ опасность упорствовать въ усиліяхъ, до его времени безплодныхъ; онъ получилъ отвращеніе къ образцамъ, съ которыми не могли у нихъ сравняться, и уничижилъ ихъ, чтобъ отвратить соотечественниковъ. Какъ лисица басни, онъ увѣрилъ ихъ, что виноградъ зеленъ и не стóитъ труда, чтобы доставать его.

Славный *Лопесъ де-Вега* признавался, что онъ держалъ за ключемъ творенія древнихъ, дабы не стыдиться ихъ такъ часто въ нарушеніи правилъ вкуса, когда сей сочинитель принужденъ былъ сообразоваться съ обычаями *своего* времени. За то Лопесъ де-Вега и былъ славенъ только въ *свое* время и *въ своемъ* народѣ. Онъ писалъ не для потомства, не для человѣчества, какъ Гомеръ, Виргилій, Расинъ.

Есть люди (и таковъ мой почтенный сосѣдъ), которые, не имѣя понятія объ лучшемъ состояніи общества или правительства, съ гордостью утверждаютъ, что иначе и быть не можетъ. Они согласны въ томъ, убѣждаяся очевидностями, что существующій порядокъ соединенъ съ большимъ зломъ; но утѣшаютъ себя мыслію, что другой порядокъ невозможенъ. — Сосѣду моему вспоми-

налъ я того императора японскаго, который едва не умеръ со смѣху, когда ему разсказывали объ образѣ правленія въ Голландіи. Но сосѣдъ остался непоколебимъ какъ ирокезецъ, который понять не можетъ, что можно было побѣждать враговъ, не жаря плѣнныхъ.

Въ поэзіи, какъ и во всѣхъ изящныхъ искусствахъ, при какомъ-либо произведеніи должно сначала имѣть цѣль, а потомъ искать средствъ какъ лучше произвести. Теперь, напротивъ—сначала ищутъ средствъ, а намѣреніе удовлетворить своему желанію принимаютъ за цѣль.

Если въ исторіи Екатерины II будетъ разорвана первая страница жизни ея, это будетъ исторія истинно великой государыни.

Законы разума вѣчны, неизмѣнны; онъ не временщикъ, котораго можно подкупить или обольстить; онъ не возмутитель, способный къ покорности за какія-нибудь ничтожныя уступки.

Самые высокіе и твердые умы должны производить низости и уродливости при отверженіи отъ своей свободы:

«Насъ рабство подъ твоей державой возвышаетъ» —

воскликнулъ Ломоносовъ Елизаветѣ.

Деспотизмъ и свобода—это два вѣчно враждебные исполина, ведущіе брань вѣчную, жертвами которыхъ всегда будутъ народы.

Наши старинныя повѣсти, стихотворенія, наши народныя пѣсни, которыхъ богатствомъ и истинно народнымъ поэтическимъ духомъ мы можемъ передъ другими народами хвалиться, а особенно геніальная, своеобразная Пѣснь о полку Игоревѣ, во многихъ отношеніяхъ важны исторически; сіи пѣсни, безъ сомнѣнія, суть хотя слабый и неопытный отголосокъ поэзіи прежнихъ вре-

менъ, достойны самаго рачительнаго вниманія и сбереженія, требуютъ обрабатыванія осторожнаго и благоразумнаго.

Въ настоящее время, когда народы европейскіе, по безпрерывнымъ сношеніямъ и сближеніямъ своимъ, сливаются, такъ сказать, въ одну націю, народъ, одаренный чувствами сильными и характеромъ мощнымъ, едва ли въ состояніи образовать литературу своеобразную, литературу истинно національную, а особенно если онъ съ самаго возрожденія общества и литературы, направленный правительствомъ и писателями, всегда и исключительно предпочитаетъ языкъ чужой и поклоняется образцамъ иноземнымъ.

Пусть толпа пристрастныхъ писателей оскорбляетъ дарованія, безславитъ ихъ память: судъ выше ихъ всегда будетъ существовать между людьми.

Благородство, или то, что мы называемъ достоинство, la dignité, становится въ продолженіе времени свойствомъ, которое переходитъ въ кровь, и отъ нея во всѣ движенія — и облагораживаетъ ихъ. Еслибъ Людовикъ XIV или Екатерина II до того разсердились, что хотѣли бы бить своихъ слугъ, нѣтъ сомнѣнія, что ихъ пріемы и жесты были бы отличны отъ движеній сапожника или кухарки, которые, разсердясь, бьютъ работницу. Я говорю это въ доказательство, что для изображенія наружнаго и выраженій внутреннихъ человѣка обществъ образованныхъ и состояній высшихъ, не можетъ и не должна руководствовать ни писателя, ни артиста одна *простая природа*; съ выраженіемъ одной простой природы сердитый Людовикъ XIV ничѣмъ не отличится отъ простолюдина.

Жизнь есть басня, дуракомъ разсказываемая громкими словами и съ важными жестами, которые сами по себѣ ничего не значатъ.

Плоды земные предвозвѣщаются цвѣтами, а благодѣянія людей ласками.

Желая быть для людей полезнымъ, сначала умѣй быть пріятнымъ.

Кто почитаетъ мои достоинства — хвалить меня не будетъ; ибо похвала на языкѣ, а почтеніе въ сердцѣ.

Для меня подлость есть презрѣннѣйшій порокъ человѣка.

Я видѣлъ людей столько слабыхъ, что они хвалятъ все, чтобы не оскорбить никого, и людей столько упорныхъ, что они бранятъ все, хотя бы оскорбляли весь свѣтъ. Между такою слабостію и упорствомъ есть средина, которая имени на нашемъ языкѣ не имѣетъ, ибо весьма мало людей умѣютъ найти ее.

У насъ также нѣтъ названія чувству, противоположному зависти, тому благородному негодованію, которое они ощущаютъ, когда воздаютъ похвалы или награды людямъ недостойнымъ.

Едва ли хорошо такое правленіе, въ которомъ каждый гражданинъ имѣетъ свободу повелѣвать, и стало-быть каждый гражданинъ можетъ быть тираномъ. Таково правленіе республиканское. Его бы лучше называть: *правленіе своевольное.*

На всей землѣ отъ начала міра играется одна и та же комедія, только перемѣняются актеры.

Когда Діонисій Сиракузскій началъ слѣпнуть отъ пьянства, то и всѣ придворные притворялись ослѣпшими. Думаю для того, чтобъ не видѣть своей подлости.

Истинная философія есть та, которая учитъ насъ быть (сколько можно на землѣ) счастливыми. Такою философіею можетъ назваться одно ученіе Сократа и его послѣдователей. Онъ

увидя изъ опытовъ, что все наше благополучіе зависитъ отъ соблюденія должностей въ отношеніи къ Богу и себѣ подобнымъ, заключилъ, что единственное познаніе, нужное для человѣка, есть познаніе сихъ должностей, и что единственное занятіе достойное философа есть научать сему познанію. Такимъ образомъ философія древнихъ, рожденная любовію къ человѣчеству, имѣла въ предметѣ одну пользу человѣческаго рода. Какая разница между философіею древнею и новою? Послѣдняя, вознесшись за предѣлы естества, устремилась къ умозрѣніямъ отвлеченнымъ, къ изысканіямъ безплоднымъ, которыя только служатъ или къ заблужденіямъ или къ удовлетворенію безпокойнаго любопытства и которыя часто разрушаютъ истины, необходимо нужныя для спокойствія обществъ. И сіи-то порывы неистоваго ума тщетно желающаго прейти предѣлы, положенные ему природою, называютъ нынѣ *любовію къ мудрости*; и сіе-то суемудріе, порожденное безумнымъ тщеславіемъ, имѣющимъ въ виду одно честолюбіе—блистать дерзостію ума—преподаютъ нынѣ какъ науку философіи. О, Сократъ! твоя философія поддержала въ Аѳинахъ колебавшіеся нравы и законы; а философія Волтеровъ и Кантовъ разрушила ихъ во всей Европѣ; твое ученіе произвело божественнаго Платона, а наше—дьявольскаго Наполеона.

Мудрость государя не въ томъ состоитъ, чтобы издавать новые законы, но чтобы хранить старые, и такимъ образомъ дѣлать ихъ для народа священными.

Счастіе и несчастіе народовъ Ксенофонтъ приписываетъ благопріятству или гнѣву боговъ; Ѳукидидъ причину народныхъ несчастій видитъ въ погрѣшностяхъ государей или полководцевъ. По мнѣнію перваго, общества хранятся благочестіемъ; по мнѣнію послѣдняго—благоразуміемъ. Съ послѣднимъ я болѣе согласенъ; ибо есть примѣры, что и благочестивый народъ погибалъ, и въ наше время едва не погибъ отъ безумія государей.

Знаменитыя дѣла нынѣ весьма рѣдки не потому, что люди способные къ нимъ стали рѣдки, а потому, что неспособные не

пускаютъ ихъ къ тѣмъ мѣстамъ, на которыхъ дѣлать оныя можно.

Не такъ опасны удары друга, какъ поцѣлуи врага.

У глупаго сердце въ устахъ, а у благоразумнаго уста въ сердцѣ.

Благодарности надобно учиться у земли, возвращающей сторицею.

Не принимай отъ того благодѣянія, кому не въ состояніи воздать благодѣяніемъ.

Чѣмъ менѣе мы имѣемъ нуждъ, тѣмъ болѣе приближаемся къ Божеству.

Кто беретъ на себя государственную должность, не имѣя на то способностей, тотъ безчестнѣе и виновнѣе разбойника: онъ погубляетъ государство.

Не открывай невѣждѣ заблужденія; его счастіе состоитъ въ томъ, чтобы не знать себя.

Женщинъ никто столько не бранитъ, какъ Соломонъ; послѣ него грѣхъ будетъ хвалить ихъ.

Человѣкъ дѣлаетъ зло не отъ слабости, какъ многіе думаютъ, но отъ невѣжества; ибо онъ отвергнулъ бы зло, еслибъ почиталъ его таковымъ.

Каждая добродѣтель есть познаніе, просвѣщеніемъ пріобрѣтаемое; всѣ же добродѣтели суть мудрость, а пороки — невѣжество.

Кто отнимаетъ у меня деньги, тотъ по крайней мѣрѣ самъ обогащается, а кто лишаетъ меня добраго имени, тотъ и самъ ничего не получаетъ, и меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ.

Заниматься украшеніемъ стиховъ, не думая о планѣ, то же, что думать о краскахъ, не занимаясь рисункомъ; какъ бы ни были

живы краски, но произведутъ мало дѣйствія безъ правильныхъ рисунковъ, смѣло и легко сдѣланныхъ.

Дѣйствіе Иліады начинается гнѣвомъ Ахилла; оно продолжается въ безчисленныхъ несчастіяхъ, какія производитъ удаленіе Ахилла отъ брани, и оканчивается тѣмъ, когда онъ смягчается слезами Пріама.

Если есть въ Иліадѣ несовершенства, они похожи на неправильность природы, которая, несмотря на несовершенства, нашему невѣжеству такими представляющіяся, очамъ внимательнымъ кажется всегда великою.

Въ поэзіи грековъ никто превзойти не можетъ; могутъ усовершенствовать или преобразовать форму ея, ибо искусству границъ опредѣлить не можно; но никогда уже не будутъ въ силахъ, какъ они, описывать чувства природы, ибо природа не имѣетъ двухъ языковъ.

Не надобно обвинять несчастныхъ, когда они жалуются на судьбу или на Бога: это одно ихъ утѣшеніе.

Отчего умные люди, всегда презираемые богачами, оказываютъ имъ уваженіе? Оттого, что первые знаютъ свои нужды, а послѣдніе не знаютъ.

Боги продаютъ намъ счастіе за цѣну нашихъ трудовъ.

Горе покушающемуся поднять покровъ съ природы и горе поднимающему покровъ съ общества.

Излишній умъ и излишняя добродѣтель столько же погубны, какъ и излишнія наслажденія.

Получившій благодѣяніе будетъ всегда о немъ помнить, если сдѣлавшій его о немъ забудетъ.

Истинное счастіе есть непрерывная дѣятельность, непрерывное усиліе; слѣдовательно оно можетъ обитать только въ такой душѣ, которая посвятила себя народному благу и славѣ.

Въ ревностномъ исполненіи обязанностей къ Богу и къ людямъ заключается та мудрость, которую мы, какъ говоритъ Платонъ, возлюбили бы всѣмъ сердцемъ, еслибы красота ея вполнѣ открылась взорамъ нашимъ.

Почтеніе къ самому себѣ есть наилучшее изъ преимуществъ, человѣчеству дарованныхъ, чистѣйшая нужда души честной, сладостнѣйшее утѣшеніе души чувствительной; безъ него нельзя быть другомъ самому себѣ; съ нимъ можно обойтися безъ почтенія другихъ людей, если они по своей несправедливости откажутъ намъ въ ономъ.

Мы любимъ избирать друзей въ низшей отъ насъ степени или для того, что больше надѣемся на ихъ снисхожденіе, или для того, что ласкаемся болѣе быть отъ нихъ любимыми. Но какъ дружба требуетъ равенства, то и должно искать друзей ни въ слишкомъ возвышенномъ, ни въ слишкомъ униженномъ отъ нашего состоянія.

Весьма осторожно надобно вступать въ союзъ съ людьми, имѣющими одинакія съ нами исканія въ славѣ и счастіи.

Легко дружащіеся не могутъ быть ни чьими друзьями; они стараются только нравиться.

Въ выборѣ друга надобно менѣе полагаться на разумъ, нежели на сердце; оно рѣшитъ скорѣе и несомнительнѣе.

При жизни нашихъ друзей должно имѣть о нихъ такое же мнѣніе, какое мы имѣли бы послѣ ихъ смерти.

Но въ нашихъ вѣкахъ дружбы уже не существуетъ: она замѣнилась связью знакомства, основывающейся однакожъ на почтеніи и взаимныхъ склонностяхъ.

Поэзія имѣетъ языкъ особенный; она любитъ украшаться богато и великолѣпно, но всегда со вкусомъ. Она беретъ всѣ цвѣты природы и щедро ихъ разсыпаетъ; ее прощаютъ за самую расточительность. Она присвоила себѣ множество словъ въ прозѣ непозволительныхъ, вводитъ новыя; имѣетъ исключительное право принимать старыя, или употребительныя въ языкѣ чужестранномъ, выражать многія слова однимъ, располагать ихъ новымъ порядкомъ, и наконецъ позволяетъ себѣ многія вольности, отличающія слогъ стихотворный отъ языка обыкновеннаго.

Если бѣдность не есть порокъ, такъ причина пороковъ, къ которымъ бѣдные принуждены иногда прибѣгнуть.

Государи составляютъ себѣ похвальное слово гораздо лучше, нежели сочиняютъ его писатели.

Какого бы достоинства ни было сочиненіе, какими бы красотами оно ни изобиловало, если нѣтъ въ немъ *приличія* (decorum, πρέπον), оно не имѣетъ самаго нужнѣйшаго къ тому, чтобы быть совершеннымъ и чтобъ нравиться. Сіе приличіе есть чувствованіе всего, что пристойно и что непристойно лицу, времени и обстоятельствамъ говорящаго. Его-то недостаетъ у всѣхъ нашихъ молодыхъ писателей; они все спускаютъ съ пера, что имъ входитъ въ голову, не удерживаясь приличіемъ, не думая у мѣста или не у мѣста, въ пору или не въ пору ихъ рѣчи, хотя они сами по себѣ и имѣютъ красоты. Отъ незнанія сего *приличія*, такъ названнаго древними, и нынѣ называемаго *вкусомъ*, происходятъ грубыя слабости у нашихъ писателей. И Ж(уковскій?) исполненъ ими, несмотря на прекрасное дарованіе.

Вкусъ надобно пріобрѣтать или образовать въ хорошемъ обществѣ; тамъ онъ царствуетъ, тамъ должно ему научаться. Но гдѣ жъ его нашелъ и гдѣ ему научился Омеръ и Эзіодъ? Ученіе, ученіе и опытъ — вотъ вѣрнѣйшія средства къ образованію вкуса.

Каждый изъ насъ имѣетъ свой особый характеръ, особую физіономію; такъ и каждый писатель имѣетъ свой особый способъ писать.

Всѣ живописцы употребляютъ однѣ краски, но составляютъ каждый по своему способу. Писатели то же: употребляютъ одни и тѣ же слова, и отличаются другъ отъ друга способомъ ихъ расположенія. Отсюда происходитъ три рода слога: важный (austère), легкій или цвѣтущій и третій, который должно положить между двумя первыми, средній или общій. Не знаю, какъ опредѣлить его: исключеніемъ ли изъ обоихъ, или соединеніемъ обоихъ? Но лучше думаю сказать, что умѣряя крайность перваго и усиливая второй, образуетъ сію оттѣнку или средину между двумя крайностями. Впрочемъ, опредѣлить сіе вѣрно не такъ легко, какъ въ музыкѣ, гдѣ средняя струна въ равномъ разстояніи отъ верхней и нижней.

Слогъ важный любитъ слова громкія, полныя и длинныя, сильно поражающія слухъ, которыя бы, такъ сказать, издали видимы были; онъ мало заботится объ ихъ жесткости. Ходъ его важенъ и быстръ. Онъ не думаетъ о теченіи періодовъ; употребляетъ самыя сильныя, самыя ощутительныя рѣчи; но не старается, чтобы члены были равны, ни чтобъ симметрически соотвѣтствовали другъ другу. Напротивъ, онъ хочетъ, чтобы они были просты, свободны, сильны, происходящіе болѣе отъ природы, нежели отъ искусства, внушенные живостію чувства, чѣмъ медленностію разсужденія. Онъ не употребитъ лишняго слова, чтобы округлить періодъ, не заботится приготовить ему блистательное окончаніе, стараніемъ выдѣланное, и вѣрно размѣренное съ дыханіемъ человѣческимъ. Онъ пренебрегаетъ всю эту искусственность и не утомляетъ себя примѣчаніемъ симметрическихъ согласій въ періодахъ. Но, напротивъ, отрывистъ въ паденіяхъ, дерзокъ и обиленъ въ фигурахъ, безъ связей, часто безъ порядка, почти безъ цвѣтовъ, гордъ и высокъ, онъ пренебрегаетъ украшеніе, или лучше сказать украшаетъ себя суровымъ архаизмомъ, симъ родомъ *праха* (πίνος) или древняго лака. Сей

πίνος, лакъ для тѣхъ, которые чувствуютъ красоты древнихъ языковъ, есть вкусъ, духъ древняго слога. Цицеронъ радуется и поздравляетъ себя, находя въ письмахъ своего сына характеръ сего слога, litterae πεπινώμενοις scriptae; можно, говоритъ онъ, подражать всему остальному, но сей древній вкусъ, πίνος, пріобрѣтается изученіемъ. Litterarum doctiorem significat.

Многіе греческіе писатели любили сей родъ слога: Пиндаръ, Ѳукидидъ, но всѣхъ болѣе Эсхилъ, который, по моему мнѣнію, есть образецъ сего слога. Онъ въ семъ родѣ писателей всѣхъ болѣе важенъ, силенъ и суровъ; но самая суровость его величественна и пріятна, небрежность благородна. Теченіе его тяжело, гармонія медленна и какъ бы останавливаема собственною своею тяжестію. Онъ не имѣетъ ни искусственныхъ прелестей, ни украшеній блестящихъ: вездѣ въ немъ разлито сіе грозное величіе, сей вкусъ древній и суровый.

Слогъ легкій и цвѣтущій отвергаетъ все то, чего требуетъ слогъ важный: онъ не любитъ словъ громкихъ и высокихъ, оборотовъ твердыхъ, паденій и разстановокъ отрывистыхъ, теченія важнаго и медленнаго. Онъ, напротивъ, старается, чтобы слова соединялися съ легкостію, чтобы влеклись одни за другими, и, не оставляя никакой пустоты между звуками, текли безпрерывно, какъ струи потока. Его можно сравнить съ шелковою тканью, испещренною золотомъ, или съ картиною, которой блестящія краски еще болѣе отражены тѣнями. Слогъ сей ищетъ словъ сладкозвучныхъ, мягкихъ, нѣжныхъ, подобныхъ прелестямъ дѣвы (παρθένωπα); онъ не только соединяетъ слова со словами, но съ большимъ стараніемъ связываетъ члены съ членами, тянетъ ихъ ни больше, ни меньше, сколько требуетъ время, и каждый періодъ соразмѣряетъ съ дыханіемъ человѣческимъ. Окончанія жъ періодовъ, всегда многочисленныхъ, упадаютъ какъ свинецъ при ихъ точкѣ. Онъ съ періодами дѣлаетъ совсѣмъ противное, нежели со словами: слова онъ соединяетъ, можно сказать, въ одно тѣло, а періоды раздѣляетъ и хочетъ, чтобы они, какъ съ высоты, каждый порознь были видимы. Фигуръ, которыя имѣютъ

духъ древности, какую либо важность, суровость или видъ праха (πίνος), онъ отвергаетъ; но любитъ пріятныя, нѣжныя, которыя имѣютъ въ себѣ какъ можно болѣе украшенія, какъ можно болѣе театральной пышности. Короче, онъ совершенно противуположенъ слогу суровому. Сафо, Анакреонъ и многіе греческіе писатели отличались въ семъ родѣ слога; а болѣе всѣхъ Исократъ. Но поелику слогъ сей (который, какъ увидимъ, не есть еще лучшій) болѣе другихъ обольстителенъ для молодыхъ писателей, любящихъ блестящія украшенія, то и не удивительно, что къ нему наиболѣе прилѣпляются начинающіе упражняться въ словесности, и естественно, что въ семъ слогѣ скорѣе, нежели въ другомъ, впадаютъ въ крайность, гоняясь за блескомъ и гармоніею и больше занимаясь чистотою, нежели истиною выраженій. Что и случилось съ знаменитѣйшимъ въ семъ родѣ слога писателемъ Исократомъ. Онъ, простирая за предѣлъ обрабатываніе слога своего, впалъ, какъ и должно послѣдовать, въ великіе пороки и навлекъ на свои сочиненія справедливыя порицанія критиковъ. Безпрестанно изыскивая гармоническія и однозвучныя слова для окончанія или начатія ими членовъ періода, какъ напр.: πλείστων, μεγίστων, αἰτίας ἀξίας, ἐκήδοντο, ἀπείχοντο, симметрически размѣряя члены, единообразно округляя періоды, разсыпая безпрестанно тропы и фигуры и всѣ свои рѣчи испещряя какъ цвѣтами, онъ до того ослабилъ слогъ свой, что его назвали юношескимъ (μειράκιον). Въ самомъ дѣлѣ, молодые люди легко могутъ ослѣпляться такимъ родомъ украшеній. Но они то же, что тѣло, украшенное искусствомъ передъ украшеннымъ природою. Исократъ это почувствовалъ, когда лѣта укрѣпили разумъ, а опытъ усовершенствовалъ вкусъ его, и въ сочиненіяхъ послѣднихъ его годовъ слогъ уже менѣе, говоритъ Діонисій Галикарнасскій, похожъ на юношество.

Сей слогъ цвѣтущій избрали почти всѣ наши писатели въ прозѣ и въ стихахъ со временъ Ломоносова; но поелику въ немъ требуется весьма великаго ученія, чтобы достигнуть до совершенства, и весьма разборчиваго вкуса, чтобы не впасть въ

крайность, то случается, что наши писатели вмѣсто слога цвѣтущаго пишутъ слогомъ *изнѣженнымъ*, котораго сладостію утомляется слухъ, а нѣжностію языкъ; въ немъ хотя каждое слово и сладкозвучно въ особенности, но согласіе общее ничего не значитъ; оно смѣшно и несносно въ устахъ человѣка; ибо лишаетъ его свойства величія, которое должно быть съ нимъ неразлучно.

Нѣтъ поприща, гдѣ бы суетность человѣческая являлась въ такихъ разнообразныхъ видахъ, какъ въ бесѣдахъ общества.

Образованіе способностей дѣтскихъ по системѣ Песталоцци доставляетъ дитяти, какого бы оно состоянія ни было — основаніе, на которомъ послѣ можно созидать или бѣдную хижину, или великолѣпные чертоги.

Чтобы одушевить повѣствованія и впечатлѣнія происшествій вѣковъ протекшихъ, надобно, чтобъ обширныя познанія спомоществовали воображенію и сдѣлали бы его, если возможно, свидѣтелемъ того, что оно изображаетъ и современникомъ того, что оно повѣствуетъ.

Философія есть наука просвѣщать людей, чтобъ сдѣлать ихъ лучшими.

Она есть всеобщая нравственность народовъ и царей, основанная на природѣ и на вѣчномъ порядкѣ.

Дѣлать зло ужаснѣе, нежели страдать отъ него.

Благородство обращается иногда въ болѣзнь у великихъ людей.

Переводить поэму въ прозѣ тоже самое, что читать музыку, вмѣсто того чтобъ играть или пѣть.

Бесѣда въ обществѣ не есть путь, по которому идутъ къ чему либо прямо, но извилистая тропинка, по которой случайно съ удовольствіемъ прогуливаются.

Идеалъ есть идея, мысль, представленная въ чувственномъ образѣ.

Творенія и идеалы древнихъ кажутся намъ мечтательными потому, что начертанныя ими картины природы и образы людей совершенно отличны отъ насъ окружающихъ.

Предметъ поэзіи никогда не состоялъ въ томъ, чтобъ отвлеченіямъ метафизическимъ давать образы, ибо они не имѣютъ въ себѣ ничего существеннаго; а поэзія творитъ существа, осуществляя страсти, и ими говоритъ чувствамъ.

Не должно хвалить обычаевъ чужой земли; ибо если люди не увѣрены, что ихъ обычаи самые лучшіе, то скоро захотятъ перемѣнить ихъ.

Омеръ—вотъ имя, пережившее царства и давшее безсмертіе временамъ и странамъ, на которыхъ и самыя развалины забыты.

Тѣ, которые говорятъ, что Гомера не было, ничего болѣе не доказываютъ, кромѣ того, что есть нѣкоторые странные умы, которые находятъ удовольствіе въ опроверженіи общихъ мнѣній.

Отъ актеровъ требуютъ природы, но достигнуть ея—выразить ее—иначе невозможно, какъ посредствомъ величайшаго искусства.

Ямбъ всѣхъ размѣровъ ближе къ обыкновенной (прозаической) рѣчи. Это доказывается тѣмъ, что ямбы у насъ весьма часто вырываются въ рѣчахъ разговорныхъ; экзаметры напротивъ, т. е. дактили, чрезвычайно рѣдко, и то въ такомъ только случаѣ, когда мы выходимъ изъ обыкновенной рѣчи (Aristot., Poet., Cap. IV).

Драма въ отношеніи къ трагедіи есть то же, что восковыя фигуры къ статуямъ; въ нихъ нагая истина и никакого идеалу: въ нихъ слишкомъ много — какъ въ произведеніяхъ искусства, и всегда будетъ мало, чтобы это была природа.

Восторгъ есть жертва земли небесамъ; онъ соединяетъ небо съ землею.

Послѣдователи французскихъ драматическихъ правилъ полагаютъ, что интересъ драмы не можетъ болѣе существовать, какъ скоро нѣтъ уже болѣе неизвѣстности или сомнѣнія для зрителя. Но почему не могутъ быть такъ же занимательны чувства лицъ, которыя они испытываютъ, какъ и происшествія, которыя съ ними случаются? Можно также съ удовольствіемъ видѣть положеніе, оконченное какъ происшествіе, но которое продолжается еще, какъ страдательное. Должно имѣть гораздо болѣе поэзіи, болѣе чувствительности, болѣе истины въ выраженіяхъ, чтобъ колебать сердца въ покоѣ дѣйствія, нежели тогда, какъ оно возбуждаетъ безпокойство, безпрестанно возрастающее. Едва обращаютъ вниманіе на слова въ то время, когда дѣйствіе держитъ насъ въ недоумѣніи; но когда все молчитъ, кромѣ страданія, когда мы не ожидаемъ никакихъ уже перемѣнъ, и когда весь интересъ истекаетъ единственно изъ того, что происходитъ въ душѣ, тогда самая легкая тѣнь принужденности, неумѣстное слово поразитъ насъ какъ фальшивый звукъ въ простомъ голосѣ задумчивой пѣсни. Тогда все должно стремиться прямо къ сердцу. Такимъ образомъ въ 5 дѣйствіи Маріи Стуартъ, трагедіи Шиллера, гдѣ цѣлое это дѣйствіе основано на положеніи уже рѣшенномъ—сіе спокойствіе горести, которое рождается отъ лишенія самой надежды, производитъ движенія самыя истинныя и самыя глубокія. Сіе торжественное спокойствіе заставляетъ зрителя, какъ и жертву, войти въ самого себя и испытывать въ себѣ все то, что возбуждаетъ несчастіе.

Новыя введенія въ художествахъ и словесности тѣми только могутъ быть хорошо судимы и принимаемы, которые въ искусствахъ отличаются такъ сказать юностію души, ищущей новыхъ удовольствій.

ЧЕЛОВѢКЪ НРАВЯЩІЙСЯ ВЪ ОБЩЕСТВѢ.

Чтобъ нравиться въ обществѣ, нужны познанія, не свѣдѣнія, тонкость ума, а не сила. Совершенство человѣка, который нравится, состоитъ болѣе въ пристойномъ тонѣ, нежели въ изящномъ вкусѣ, болѣе въ пріятности, нежели въ красотѣ, болѣе въ умѣ, нежели въ дарованіи, и особенно болѣе въ гибкости характера, нежели въ быстротѣ ума. Кто хочетъ пріобрѣсть право на имя любезнаго, тотъ долженъ умѣть поработить всѣ душевныя свойства одному желанію нравиться. Отъ этого женщины болѣе мужчинъ успѣваютъ въ этомъ искусствѣ, ибо оно удовлетворяетъ ихъ постоянной склонности. Отъ этого люди подвластные разуму или лучше сказать душѣ, составляющей ихъ разумъ, не могутъ подобно другимъ ежечасно выходить изъ себя самихъ, чтобъ отдаваться на произволъ другимъ: не умѣютъ показывать веселости или любезности ума, кромѣ тѣхъ часовъ, когда спокойствіе и радость царствуютъ въ ихъ сердцѣ, и никому, кромѣ тѣхъ людей, которыхъ они любятъ.

Пріятность, изящность (l'élégance) для украшенія есть то же, что прелесть, грація, для красоты. Пріятность не состоитъ въ самомъ украшеніи, въ самомъ уборѣ, и уборъ не можетъ быть пріятенъ, если онъ не вышелъ изъ рукъ хорошаго вкуса. Пріятность можетъ быть такъ же названа граціею украшенія.

Эпическая поэма, сіе удивительное твореніе — кажется, не можетъ быть произведеніемъ нашихъ вѣковъ, и можетъ-быть одна Иліада отвѣтствуетъ совершенно идеѣ, какую имѣютъ о семъ родѣ творенія. Для эпической поэмы нужно особенное стеченіе обстоятельствъ, которое только и случилось у Грековъ: геній вѣковъ героическихъ и совершенство языка вѣковъ образованныхъ. У насъ въ среднихъ вѣкахъ воображеніе было сильно, но языкъ несовершенъ; въ наши дни-языкъ обработаннѣе, но воображеніе разслаблено и испорчено. Мы имѣемъ хорошіе образцы

риѳмическихъ стихотвореній, но стопы и риѳмы можно ли называть поэзіей?

Эпическая поэма не есть произведеніе человѣка; самые вѣка, такъ сказать, ее созидаютъ. Религія, нравы, духъ времени, наконецъ цѣлость существованія народа—не могутъ быть приведены въ дѣйствіе иначе, какъ однимъ изъ тѣхъ великихъ происшествій, которыхъ не созидаетъ поэтъ, но которыя являются ему увеличенными, какъ призраки, тьмою временъ. Лица поэмы эпической должны совокуплять въ себѣ духъ вѣры, нравовъ и первородный характеръ цѣлаго народа. Въ нихъ должно находить истинную форму, изъ которой истекаетъ исторія.

Германцы гораздо лучше судятъ объ искусствахъ, чѣмъ ихъ производятъ въ дѣйство. У нихъ всѣ впечатлѣнія искусствъ прежде анализируютъ, чѣмъ истинно ихъ почувствуютъ. Такимъ образомъ—вкушая отъ плода древа познаній, они теряютъ невинность дарованія. Вообще германцы сильнѣе въ теоріи, чѣмъ въ практикѣ. Сѣверъ весьма мало благопріятствуетъ искусствамъ; можно сказать, что духъ наблюденія данъ ему единственно для того, чтобъ онъ былъ созерцателемъ полдня.

Германцы любятъ мракъ; они часто облекаютъ темнотою то, что свѣтло какъ день. Этому причиною любовь къ метафизикѣ, отъ которой самъ Виландъ, поклонникъ французскихъ писателей, не могъ освободиться. Новая же школа нѣмецкихъ писателей столько имѣетъ отвращенія отъ идей общихъ, что когда они принуждены ихъ вновь излагать, они облекаютъ ихъ отвлеченною метафизикою, которая даетъ имъ видъ новости до тѣхъ поръ, пока ихъ не узнаютъ. Они свои сочиненія облекаютъ облаками темноты столько, сколько имъ угодно, и у учителей ихъ всегда достаетъ терпѣнія раздвигать эти облака. Слогъ каждаго ихъ писателя совершенно отмѣненъ, и иностранцу должно имѣть новое ученіе надъ каждою новою книгою, если онъ хочетъ понимать ее. По свойству ихъ правительства, не предоставляющаго имъ вели-

кихъ и знаменитыхъ случаевъ къ славнымъ дѣламъ — они во всѣхъ родахъ предаются умозрѣнію, и не находя ничего въ настоящемъ положеніи вещей, что бы говорило ихъ воображенію, они всѣ занимаются идеалами, и въ предѣлахъ метафизическаго міра ищутъ того, въ чемъ скупая къ нимъ судьба — на землѣ имъ отказываетъ. — Истинная философія устремлена была у всѣхъ народовъ къ одной цѣли—къ изысканію или разрѣшенію истинъ полезныхъ человѣчеству. Германцы занимаются истиною собственно для нея, не думая о томъ, что́ могутъ извлечь изъ нея люди. Геній, говорятъ они, долженъ стремиться такъ далеко, какъ онъ хочетъ, забывши, кажется, священную истину — не потому, что она библейская, а потому, что есть законъ природы — *положилъ предѣлъ, его же не прейде*. Отъ того-то они, плавая въ *безконечномъ*, по возвращеніи своемъ до сихъ поръ намъ ничего не сказали.

Будучи во всѣхъ своихъ чувствахъ, такъ сказать, отуманены метафизикою, они и чувствованія свои показываютъ какъ идеи — сквозь облака. Можно сказать, что вселенная зыблется передъ ихъ очами, и предметы въ ихъ поэзіи изображаемые имѣютъ въ себѣ ту же сомнительность, какъ и взоры ихъ.

Всякое дѣйствіе и всякое происшествіе имѣетъ пять частей или степеней: начало, возрастаніе, совершенство, упадокъ и конецъ. И этотъ естественный ходъ служитъ основаніемъ пяти дѣйствій драмъ греческихъ (Вник., Т., II, liv. VI, ch. VI).

Днѣпръ — сія величественная рѣка, повѣствуетъ, протекая, громкія дѣянія временъ древнихъ, и тѣни Святославовъ и Владиміровъ, кажется, еще скитаются по ея берегамъ высокимъ.

Ни одинъ изъ знаменитыхъ людей, мнѣ современныхъ, не вселялъ въ меня столько разнообразныхъ чувствъ, какъ Суворовъ. Я видѣлъ въ немъ идеалъ, какой составилъ себѣ о герояхъ; кромѣ этого, я находилъ въ немъ то, чего ни въ одномъ героѣ, ни но-

выхъ, ни древнихъ вѣковъ, найти не можно. Занимаясь имъ, я наполняюсь глубокимъ удивленіемъ къ совершенному искусству полководца, почтеніемъ къ славѣ героя, плáчу при воспоминаніи доблестей великаго человѣка и помираю со смѣху отъ проказъ этого чудака!

Первый, издавшій крикъ о *равенствѣ*—былъ его врагъ; если это былъ человѣкъ изъ народа, онъ алкалъ золота богачей; если богачъ—онъ хотѣлъ почести вельможъ; если вельможа—жадничалъ верховной власти; и вотъ какого равенства желаютъ всѣ, о немъ вопіющіе; вотъ о какомъ равенствѣ мечтали въ 18 вѣкѣ, но мы видѣли и грозное начало и быстрый конецъ кровавымъ мечтамъ симъ. Нѣтъ равенства въ природѣ, нѣтъ его на землѣ и не можетъ быть въ обществахъ человѣческихъ.

Онъ погибъ подобно цвѣтку, который едва возникши изъ земли изсыхаетъ на томъ мѣстѣ, гдѣ родился, и не оставляетъ никакихъ слѣдовъ жизни кромѣ благовонія, которымъ напиталъ онъ странника.

Всегда почти отъ минуты зависитъ жизнь и участь человѣка. Ибо и послѣ долгихъ разсужденій—рѣшительность есть дѣло минуты, и человѣкъ смышленый избираетъ одно — лучшее: это голосъ чувства, надобно опасаться его заглушать, предаваясь размышленіямъ побочнымъ. Наши слѣпыя желанія часто скрываютъ предметъ желанный; дары ниспосылаются намъ свыше подъ истиннымъ ихъ образомъ. Счастливъ тотъ, кому первая, которую онъ полюбилъ — подаетъ руку и котораго желанія драгоцѣннѣйшія не изсыхаютъ тайно во глубинѣ сердца.

Я не *невѣрующій*, но не думаю, чтобы сомнѣваться въ безсмертіи человѣка значило отрицать бытіе Бога. Одна наша малозначительность и нашей земли, въ сравненіи съ безпредѣльностью, въ которой она слабый атомъ, принуждаетъ меня думать, или вѣрить, что наши притязанія на вѣчность, кажется, слишкомъ преувеличены.

Я никогда не хотѣлъ бы быть *писателемъ*, еслибъ мнѣ дали *дѣлать*. И кто захочетъ писать, если онъ можетъ дѣйствовать? Но кто и кому дастъ дѣйствовать *у насъ*?

Еслибъ я искалъ славы, я бы во-первыхъ искалъ могущества, во-вторыхъ, угождалъ такъ называемымъ требованіямъ времени и новымъ идеямъ. Но я жилъ въ мірѣ своихъ идей, хотя не совсѣмъ классическихъ, но совершенно противоположныхъ новымъ, относительно словесности и правилъ благороднаго человѣка.

Не знаю наслажденія, не *физическаго*, болѣе восхитительнаго, какъ видѣть игру хорошихъ актеровъ.

Соборъ римскій (Петра и Павла), пирамиды египетскія! — *Деспотизмъ* дѣлаетъ беззаконно великія вещи, какихъ *свобода* никогда не сдѣлаетъ законно.

Ничто въ языкахъ человѣческихъ, никакой переводъ мысли сдѣланный съ помощію красокъ, мрамора, словъ или звуковъ, не въ состояніи выразить силы, истины и быстроты чувства душевнаго.

Государства доводятся до такого положенія, что въ нихъ мыслящему человѣку ничего не можно сказать безъ того, чтобы не показаться осуждающимъ и власти, которыя это дѣлаютъ, и народъ, который это переноситъ. Въ такія времена безнадежныя должно молчать. Въ такія времена печальныя молодые люди до старости, а старые до гроба доходятъ въ молчаніи. — Или горе безразсудному, который начнетъ говорить что̀ думаетъ, прежде нежели обезпечилъ себѣ хлѣбъ на цѣлую жизнь. Горе ему, если чувство добра и справедливости поселилось въ сердцѣ бѣдняка. Лицемѣріе, притворство, вотъ верховный законъ общественный для того, кто рожденъ безъ наслѣдства.

1827. Марта съ 18 на 19-е. — Видѣлъ я чудный сонъ: Кто-то, голосомъ похожимъ на Батюшкова, но съ вида мною не при-

мѣченный, разсуждалъ о деизмѣ Евреевъ и политеизмѣ Грековъ. «Какъ страненъ ходъ разума человѣческаго», такъ между прочимъ говорилъ онъ: «далеко ли жили другъ отъ друга, и почти въ одно время, Гомеръ и Іисусъ, Сынъ Сираховъ? И какая разница въ ихъ произведеніяхъ! У одного сколько словъ! Каждое собственное имя окружено эпитетомъ: холмистый, гористый; каждый герой — могучій, скорый, *быстрѣйшій*.... У другого сколько мыслей! Гомеръ болтунъ, а Сирахъ умозритель!»—Этими выраженіями я раздосадованный, пробудился.—Записываю сонъ мой почти слово въ слово.

По естественному расположенію я ласковъ, однакожъ не менѣе того и суровъ; иногда отъ того, что не доволенъ собою, иногда отъ того, что не доволенъ другими. Не доволенъ собою бываю я отъ того, что мнѣ всегда хочется достигнуть какого-то совершенства, а особенно въ стихахъ моихъ; не доволенъ другими потому, что мои свободныя, но немного строгія правила и мои пламенныя чувства не могутъ легко согласоваться съ другими.

Долго испытывая, что такое счастіе, или лучше сказать на чемъ бы хотѣлъ я основать мое счастіе, нахожу, что постоянство и однообразіе жизни, спокойствіе духа и свобода, образованность сердца и раздѣленіе чувствъ его—вотъ источники счастія, мною воображаемаго. Только воображаемаго? — Какъ я бѣденъ!

Я выросъ какъ дикое растеніе, само себѣ предоставленное.

Главный предметъ моихъ желаній — домашнее счастіе; моихъ? Едва ли это не цѣль и конецъ, къ которымъ стремятся предпріятія и труды каждаго человѣка. Но увы — я бездоменъ, я безроденъ. Кругъ семейственный есть благо, котораго я никогда не вѣдалъ. Чуждый всего, что бы могло меня развеселить, ободрить, я ничего не находилъ въ пустотѣ домашней, кромѣ хлопотъ, усталости, унынія. Меня обременяли всѣ заботы жизни домашней безъ всякаго изъ ея наслажденій.

СВѢДѢНІЯ

О СЛУЖБѢ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДАХЪ ГНѢДИЧА.

СВѢДѢНІЯ

О СЛУЖБѢ И ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ТРУДАХЪ ГНѢДИЧА.

Изъ дѣла (1816 года, № 17) Императорской Публичной Библіотеки.

Въ мартѣ 1800 года поступилъ въ Московскій Университетъ.

30-го декабря 1802 года по прошенію уволенъ съ аттестатомъ.

1-го марта 1803 года опредѣленъ въ Департаментъ Народнаго Просвѣщенія, въ должность писца и тогда же произведенъ въ коллежскіе регистраторы.

7-го сентября 1805 года сдѣланъ младшимъ помощникомъ столоначальника.

12-го апрѣля 1811 года опредѣленъ въ Императорскую Публичную Библіотеку на вакансію помощника библіотекаря, съ оставленіемъ въ Департаментѣ Народнаго Просвѣщенія.

При исправленіи въ Библіотекѣ настоящей должности, по порученію начальства, сочинилъ читанныя имъ въ трехъ торжественныхъ собраніяхъ, бывшихъ 2-го января 1814, 1816 и 1817

годовъ, два разсужденія: 1) О причинахъ, замедляющихъ успѣхи отечественной словесности; 2) О вкусѣ, его свойствахъ и вліяніи на языкъ и нравы народовъ, и 3) Поэму: Рожденіе Омера.

10-го августа 1814 года опредѣленъ въ Государственную Канцелярію письмоводителемъ.

24-го мая 1817 года по прошенію уволенъ изъ Департамента Народнаго Просвѣщенія и награжденъ брильянтовымъ перстнемъ.

27-го марта 1820 года получилъ Анну 2-й ст. за труды двукратнаго приведенія въ порядокъ ввѣреннаго ему отдѣленія греческихъ книгъ и за составленіе каталога сихъ книгъ.

26-го апрѣля 1826 года утвержденъ въ званіи библіотекаря.

13-го ноября 1826 года, въ вознагражденіе за службу и въ особенности за труды въ переложеніи имъ въ стихахъ на русскій языкъ Иліады, получилъ 3,000 р. пенсіи сверхъ получаемаго жалованья.

17-го іюня 1827 года, во уваженіе къ состоянію здоровья, разстроеннаго трудами и прилежаніемъ къ наукамъ на пользу словесности, уволенъ изъ вѣдомства Государственной Канцеляріи съ производствомъ по 3,000 р. въ годъ, впредь до опредѣленія къ другой должности, силамъ его соотвѣтственной.

Въ январѣ 1830 года за поднесеніе Государю Императору печатнаго экземпляра перевода Иліады награжденъ брильянтовымъ перстнемъ.

31-го января 1831 года, по разстроенному здоровью, согласно прошенію уволенъ въ отставку съ полнымъ пенсіономъ (1,200 рублей).

Изъ дворянъ. Родоваго и благопріобрѣтеннаго имѣнія не имѣетъ.

Съ 1-го мая по 1-е сентября 1825 года былъ въ отпуску на Кавказскихъ минеральныхъ водахъ.

Съ 9-го августа 1827 года уволенъ на годъ въ отпускъ въ южную Россію. Явился 17-го августа 1828 года. Просрочка послѣдовала по тяжкой болѣзни одного изъ его служителей, для

котораго принужденъ былъ останавливаться въ дорогѣ нѣсколько разъ по цѣлымъ суткамъ.

Въ апрѣлѣ 1818 года Гнѣдичъ подалъ прошеніе директору Библіотеки Оленину объ увольненіи въ отпускъ по родственнымъ дѣламъ, не терпящимъ отлагательствъ, на 28 дней, въ слободу Котельву (Харьковской губерніи, Ахтырскаго уѣзда). Отпускъ разрѣшенъ съ 30-го апрѣля.

Литературные труды Гнѣдича исчислены Олениным въ представленіи Министру Народнаго Просвѣщенія отъ 29-го декабря 1827 года о награжденіи Гнѣдича чиномъ статскаго совѣтника безъ установленнаго экзамена.

Первыя сочиненія и переводы Гнѣдича, какъ прозою, такъ и стихами, напечатаны въ журналахъ: «Сѣверный Вѣстникъ», «Цвѣтникъ», «Драматическій Вѣстникъ», «Вѣстникъ Европы» и другихъ періодическихъ изданіяхъ, съ 1805 по 1819 годъ.

ИЗДАННЫЕ ИМЪ ВЪ СВѢТЪ СОЧИНЕНІЯ И ПЕРЕВОДЫ.

1. *Леаръ*, траг. въ 5 д., въ прозѣ, передѣл. изъ Шекспира, Представлена въ первый разъ 1807 года. Напечат. въ Спб., въ тип. Импер. театра, 1808, 8°. 103 стр.

2. *Иліада*, пѣснь VII, пер. съ греческаго александрійскими стихами. Напечат. въ Спб., въ тип. Губерн. Правл. 1809. 4°. 24 стр.

3. *Танкредъ*, траг. Вольтера, стихами. Переведена и представл. въ 1-й разъ 1810 г. Напечат. въ Спб., въ тип. Импер. театра 1810. 8°. 78 стр.

4. *Иліада*, пѣснь VIII, александр. стихами, съ примѣчаніями. Напечат. въ Чтеніи Бесѣды Любителей Русск. Слова, кн. 5. Спб., въ Медиц. тип., 1812.

5. *Иліада*, пѣснь VI, гекзаметрами. Напечат. въ Чтеніи Бес. Любит. Русск. Слова. Чтеніе 13-е. Спб. при Сенат. тип., 1813.

Отрывки изъ другихъ пѣсней Иліады, имъ переведенные гекзаметрами, напеч. въ Сочиненіяхъ и переводахъ Имп. Росс. Акад., въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ и альманахахъ.

6. *Разсужденіе о причинахъ, замедляющихъ успѣхи просвѣщенія въ Россіи*, чит. 2-го янв. 1814 г. въ торж. собраніи И. П. Б. Напечат. въ Описаніи торж. открытія И. П. Библіотеки. Спб., 1814.

7. *Письмо о переводѣ и представленіи трагедіи Расина: «Ифигенія въ Авлидѣ»*. Спб., въ Импер. тип. 1815. 8°. 27 стр.

8. *Рожденіе Гомера*, поэма въ 2-хъ пѣсняхъ, чит. въ торж. собраніи И. П. Б. 2-го янв. 1817 г. Спб. Въ Импер. тип. 1817. 4°. 25 стр.

9. *Письмо о статуѣ Мира* (къ К. Н. Батюшкову). Напечат. въ Сынѣ Отеч. 1817 г., № 14, и особою книжкою. Спб., въ тип. Греча. 1817. 8°. 13 стр.

10. *Замѣчанія на Опытъ о русск. стихосложеніи Востокова и нѣчто о просодіи древнихъ*. Напечат. въ В. Евр. 1818, № 10 и 11, и особою книжкою. М., въ Универс. тип., 1818. 8°. 73 стр.

11. *Академія Художествъ*. Напечат. въ Сынѣ Отеч. 1820, № 38, 39, 40, и особою книжкою, въ тип. Греча. 1820. 8°. 62 стр.

12. *Пріютино*, стих. Напечат. въ С. О. и особою книжкою Спб., въ тип. Греча. 1821. 8°. 8 стр.

13. *Рѣчь въ полугодичномъ собраніи Вольн. Общ. Любит. Россійск. Словесности*. Напечат. въ XV ч. Трудовъ Общества и особою книжкою. Спб. Въ тип. Импер. Воспит. Дома. 1821. 8°. 19 стр.

14. *Рыбаки*, идиллія. Напечат. въ С. О. и особою книжкою. Спб., въ тип. Греча. 1822. 8°, 21 стр.

15. *Простонародныя пѣсни нынѣшнихъ Грековъ*. Спб., въ тип. Греча. 1825. 8°.

Другія его сочиненія и переводы, прозою и стихами, напечатаны въ журналахъ: Сынъ Отечества, Соревнователь Просвѣщенія, Вѣстникъ Европы и пр. період. изданіяхъ и альманахахъ.

ОФИЦІАЛЬНОЕ ПИСЬМО ГНѢДИЧА КЪ ОЛЕНИНУ.

Его превосходительству г. директору Императорской Публичной Библіотеки, тайному совѣтнику, Совѣта Государственнаго члену и разныхъ орденовъ кавалеру. Отъ библіотекаря Императорской Публичной Библіотеки, статскаго совѣтника и кавалера Н. Гнѣдича.

Имѣвъ честь получить предписаніе вашего превосходительства отъ прошлаго апрѣля 21-го дня за № 125 съ приложеніемъ списка съ указа о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи меня чиномъ статскаго совѣтника, я вслѣдствіе онаго относился къ г. Одесскому градоначальнику о приведеніи меня къ присягѣ на упомянутый чинъ, приложивъ при отношеніи моемъ въ подлинникѣ какъ предписаніе вашего превосходительства, такъ и списокъ съ указа. Вслѣдствіе предложенія г. градоначальника Одесскому Коммерческому Суду, я въ полномъ присутствіи онаго принялъ присягу сего іюня 15-го дня и получилъ обратно упомянутыя бумаги.

Второе предписаніе вашего превосходительства отъ 7-го іюня за № 227, о Всемилостивѣйшемъ пожалованіи мнѣ ордена Св. Анны 2-й степени съ алмазными украшеніями, съ приложеніемъ грамоты на означенный орденъ, я равно имѣлъ честь получить. Донося о семъ вашему превосходительству, приношу глубочайшую душевную благодарность за поздравленіе меня съ сими монаршими милостями, за которыя, не могу того не чувствовать, обязанъ я болѣе начальнической благосклонности вашего превосходительства, чѣмъ слабымъ моимъ заслугамъ. Чувствованіе сіе запечатлѣваю на вѣки въ сердцѣ моемъ.

Статскій совѣтникъ и кавалеръ Николай Гнѣдичъ.

20-го іюня 1828 года.
Одесса.

Въ прошеніи объ отставкѣ, отъ 26-го апрѣля 1830 г., Гнѣдичъ, между прочимъ, пишетъ:..... «Кромѣ сего, исполнялъ порученія начальства, возлагаемыя на меня сверхъ обязанностей библіотекаря: писалъ сочиненія какъ для публичнаго открытія Императорской Библіотеки, такъ и для всѣхъ почти бывшихъ въ ней торжественныхъ собраній. Сочиненія сіи относилися сколько къ предмету собраній, столько и къ безсмертной славѣ миротворца Европы, Императора Александра; и одно изъ нихъ, удостоенное вниманія отъ блаженной памяти Императрицы Маріи Ѳеодоровны, имѣлъ я счастіе читать Государынѣ въ присутствіи нынѣ славно царствующаго Государя Императора. По напечатаніи, все изданіе онаго пожертвовалъ въ пользу Женскаго Патріотическаго Общества, находившагося подъ покровительствомъ блаженной памяти Императрицы Елизаветы Алексѣевны»....

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Н. И. ГНѢДИЧА.

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ Н. И. ГНѢДИЧА.

I.

Отъ Карицкихъ, сестеръ Гнѣдича.

Дарагой мой братѣчку,

Николай Ивановичъ!

Увидомляю тебе, братѣчку, что уже и въ насъ вишни удаляются до таво году, а теперъ я думаю, что и у васъ, въ Москвѣ, (ихъ) теперъ довольно; а ми хотѣли (было послать вишень) зчрезъ сево ямщика, но онъ сказалъ не довезу. А тольки вы наслаждайтесь одним лѣтомъ, та подумайте, что лѣтомъ бувають вишни, а у васъ ихъ мало. Та пиши, братику, особливе письма къ братомъ В. А., а ежели вамъ на почту и дорого будеть, такъ хотя чрезъ оказія: пиши что тѣби угодно, я не буду взискувать, теби можно всю писать, ибо ти мнѣ братъ. Теби остаюсь доброжелательная сестра

Настасья Карицки(хъ).

Здраствуй, милой мой братѣку Миколочко. Прошу тебе ще мій севенькій голубчику, коли Володя полинится описате за коронацію, то ти напиши, а я вже тобѣ пришлю за те журарель щобъ с тобою на трегелдіи танцувавъ кадрель: то-то удивишь всѣхъ. Ти вжи, брате, почавъ трагелдіи представлять: я слишала, що якъ би с тобою бувъ вмѣстѣ Онѝня та я, думаю, що чи встояла бъ и Москва на мѣстѣ. О, Миколо брате, ми часто тебе сгадуемо, що яки ви було комедіи изъ Онѝнію представляете: «Глянь, брате, що то за новинка, баця въ баби привязалась дитинка». Може сѝго и забули, вже коли-то ми ще дождемо сѝго: уже якъ попріѣзжасте оттудова, то не таки будете представлять. Прощай, Миколочко, да сдѣлай милость пиши, не лѣнись: да що смѣшне — напеше, якѣ ти тамъ трагельдіи представляешь. Та особливо пиши жъ, не въ батюшкиномъ письмѣ. Ми вчора бачились изъ Галію Ивановною. Ну, прощай, милой мой, виполни мою просьбу, увѣдомь обо всемъ и ко мнѣ пиши: что угодно тебѣ, объ чомъ и тебя увѣдомлять, то съ удовольствіемъ буду. Засемъ цалую тебя мисленно всегда и желаю тебѣ буть здоровому, веселому, и хорошо учиться, съ коимъ желаніемъ остаюсь навсегда искренно люблящая сестра

Марья Карицкихъ.

Попроси, братѣку, отъ мене Володю, щобъ сдѣлавъ на мое имя печатку и щобъ немедлинно прислалъ, ибо я въ оной превилику нуждуньку имѣю; що сто́ятимитъ денегъ за нею заплатить, то пусть увѣдомить меня: я деньги пришлю. Прощайте. Ещо, братья, живить собѣ хорошенько, мирненько, то будетъ вамъ отъ Бога и одъ людей гараздъ. Поцилуйтеся-жъ у двохъ за мене: ти Володю за мене поцалуй, и вѣнъ тебѣ, та мѣцно, глядѣть, целуйтесь, щобъ и я чула.

Глядѣтежъ, Миколо, не побийтесь за письма, щобъ ви ще не здумали съ дрюками по Москвѣ гониться за письма.

II.

Отъ Марьи Хомутовой.

Милостивый Государь, Николай Ивановичъ!

Благодарю Васъ за письмо, которое я имѣла удовольствіе получить. Вы не повѣрите, сколько я чувствовала въ душѣ моей удовольствія, читая его; нѣсколько разъ перечитывала. Пишете, что я хотѣла уязвить Васъ, благодаря за дружбу, и Вы въ добромъ моемъ сердцѣ сомнѣваетесь. Я не комплиментъ Вамъ сдѣлала, а благодарность. О, ежели-бъ это было въ деревнѣ, чтобы я имѣла это удовольствіе Васъ видѣть, то-бъ предпочла вашу пріятную бесѣду всякому балу.

Скажу Вамъ о себѣ: я съ тоски умираю. Опишу Вамъ мое положеніе. Сижу дома и никуда почти не выѣзжаю. Домъ мой о два этажа, превеликій; я сижу и живу въ одной маленькой спальнѣ, въ которой расписаны по стѣнамъ деревья, горы, хижины; вверху комнаты изображенъ воздухъ и маленькія облака и птицы летающія представлены. Я сижу на черномъ кожаномъ диванѣ, съ утра и вечеръ вяжу шнурки. Читаю книги, часто плачу, задумываюсь, а по парадныхъ комнатамъ прохожу разъ въ день, когда обѣдаю. Бываютъ гости: и тѣ тяготятъ. Нѣтъ тѣхъ милыхъ душѣ моей, которые были въ Петербургѣ.

Говорите Вы, чтобъ выпили чашку налитаго мною чаю: какой-бы постаралась Вамъ въ деревнѣ приготовить чай—Вы подлинно бы похвалили.

Вы философъ, а льстить умѣете. Говорите: ежели-бъ одинъ вечеръ, проведенный съ нами — былъ-бы для Васъ пріятенъ. Я не вѣрю, чтобы Вы не нашли въ Петербургѣ такъ же любезныхъ, съ которыми бы пріятно вели время.

Скажу Вамъ: я не смѣла къ Вамъ писать, (и теперь) пишу къ сочинителю вздорное письмо, а только искреннее, (хоть и) безъ связи.

Ношу всякій день вашъ подарокъ, который я выпросила у Васъ въ медальонъ: какъ встаю поутру и этотъ медальончикъ надѣваю.

Прощайте. Я много глупостей написала, но пріятна мнѣ съ Вами переписка. Отъ истиннаго сердца желаю, чтобы Вы были счастливы и душевно покойны. Поздравляю Васъ съ наступающимъ новымъ годомъ.

Покорная слуга Марья Хомутова.

1803 году, декабря 20 числа.

III.

Отъ Андрея Чеботарева.

Пять писемъ писалъ я къ Николаю Ивановичу и ни на одно не получилъ отвѣта! Но такъ и быть, кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ!—Ради Бога! Увѣдомь поскорѣе живъ ли, здоровъ ли Михайло Никитичъ[1]? Ахъ, какъ ужасно испугали! Обстоятельнѣе буду писать по слѣдующей почтѣ; надо быть на моемъ мѣстѣ, чтобы чувствовать всю грусть и тоску, въ какую теперь погруженъ весь Университетъ. Отвѣчай, сдѣлай милость, немедленно. Отвѣчай, ради Бога, чѣмъ крайне одолжишь всѣхъ насъ, а въ особенности почитавшаго Гнѣдича своимъ другомъ

Андрея Чеботарева.

26 ноября.

IV.

Къ Батюшкову.

Послѣ свиданія моего съ Блудовымъ, которое имѣлъ я недавно, послику полтора мѣсяца ужасный ревматизмъ приковывалъ меня къ постели; а еще болѣе послѣ свиданія съ докторомъ Гамелемъ я не могъ преодолѣть желанія писать къ тебѣ, или, лучше сказать, говорить съ тобою, любезный другъ Константинъ Николаевичъ. Вѣсти, о тебѣ услышанныя, освѣжили въ душѣ

[1] Муравьевъ (1757 — 1807).

моей чувства, какія издавна я питалъ къ тебѣ; и они должны быть не слабы, когда и въ такомъ долгомъ безмолвіи до сихъ поръ не увяли. Я не могъ остаться равнодушнымъ къ поэтическимъ обстоятельствамъ сердца твоего. Давно не слыша живаго, роднаго голоса, оно, кажется, омрачилось, составило себѣ мечты, не совсѣмъ счастливыя, не совсѣмъ сообразныя съ свѣтлымъ небомъ Италіи. Какъ я узнаю тебя и въ отдаленіи! Но можетъ быть голосъ человѣка, отъ котораго никогда не слыхалъ ты лести, пробудитъ довѣренность въ твоемъ сердцѣ, сгонитъ съ него туманъ смутныхъ сновъ, освѣтитъ и согрѣетъ его истиною. Покрайней мѣрѣ я такъ сужу по себѣ. Н. М. Карамзинъ, съ которымъ я часто говорю о тебѣ, одобрилъ мое намѣреніе; и вотъ я пишу къ тебѣ; ты услышишь голосъ нечуждый для слуха. Вокругъ тебя глубокое молчаніе о всемъ, что касается до словесности нашей, безъ сомнѣнія тебѣ любезной: можетъ быть голосъ сей дойдетъ къ сердцу твоему; и если дружба моя будетъ такъ дѣйствительна, какъ искренна, можетъ быть, онъ не останется безъ могущества.

Я не защищаю издателей Сына Отечества, которые безъ твоего согласія употребили твое имя; не одобряю, что стихи Плетнева Воейковъ напечаталъ [1], противу желанія автора, безъ его имени; но которыхъ впрочемъ здѣсь никто, изъ имѣющихъ здравый смыслъ, за твои не принялъ. Ты справедливо могъ быть недоволенъ и тѣмъ и другимъ поступкомъ Воейкова; ибо Гречъ ни того, ни другаго никогда бы не сдѣлалъ. Но неудовольствіе твое, увѣренъ я, ограничилось бы днемъ, еслибъ тебѣ или собственныя мечты, или посторонніе разсказы не представили изъ этой бездѣлки — дѣла. Зная твою чувствительность, вѣрю раздраженію, до котораго дошла она, вѣрю съ грустію огорченію твоему со всѣми нервными его припадками. Но скажу какъ Не-

[1] Рѣчь идетъ о стихотвореніи Плетнева: «Е.....въ изъ Рима (Элегія)», напечатанномъ безъ подписи имени автора въ *Сынѣ Отечества* 1821, № 8 (ч. LXVIII). См. *Сочиненія Плетнева*, т. III, стр. 250.

сторъ: выслушай меня старѣйшаго. Будемъ говорить не въ защиту Сына Отечества, а въ защиту истины.

Издатели хвалятся именемъ твоимъ, объявляютъ, что и ты обѣщаешь украшать журналъ своими произведеніями. Чтожъ тутъ непріязненнаго, оскорбительнаго имени твоему? Неужли читатель по истеченіи года, не видя въ Сынѣ Отечества ни одного изъ твоихъ произведеній, станетъ думать, что именно ты его обманываешь? Любезный другъ, нашъ читатель, можетъ быть, болѣе каждаго изъ европейскихъ ознакомленъ журналистами съ ихъ Парнасскою стратегикою; наши журналисты не имѣютъ никакихъ постороннихъ политическихъ видовъ, кромѣ своихъ домашнихъ — *экономическихъ*. Издатель плутъ! скажетъ читатель, усмѣхнувшись; на счетъ имени Батюшкова онъ добываетъ лишнюю сотню. Вотъ, мой другъ, тайна объявленія журнальнаго, вотъ *злокозненность* намѣренія.

Плетневъ молодой человѣкъ съ дарованіемъ и, безъ сомнѣнія, съ прекрасною душою; ибо онъ страстно любитъ твои произведенія, знаетъ ихъ наизусть; Плетневъ, обожатель твой, написалъ стихи, въ которыхъ заставляетъ говорить лице твое (хорошими, или дурными стихами, отвѣчаетъ его лице), но съ намѣреніемъ невиннымъ, съ побужденіемъ достойнымъ уваженія, отъ любви именно къ лицу твоему, простирающейся въ немъ до энтузіазма; однакожъ и въ этомъ тебѣ представился, или представленъ какой-то недобрый, черный умыселъ. Надобно, чтобъ минута, въ которую это происходило, была въ самомъ дѣлѣ черная, когда столь невинное сердца чувствительнаго и доброжелательнаго намѣреніе такъ обезображено для твоего понятія. Этого мало: какъ слышу я, ты даже питаешь мрачныя мысли, что въ Россіи есть люди дышащіе противу тебя ненавистію, что они готовы терзать и уничижить произведенія твои. И такъ думаетъ Батюшковъ! единственный счастливецъ, до котораго критика съ перваго шагу его на литературное поприще коснуться не смѣла, поэтъ, который на челѣ своемъ носитъ всѣ знаменія любви Аполлоновой, который съ юности началъ пріобрѣтать и въ молодости снискалъ

то, что другіе покупаютъ цѣлою жизнію, общее уваженіе, общее признаніе его прекраснаго таланта, его заслугъ литературныхъ; и гдѣ же все это?—Въ Россіи, гдѣ вниманіе преклоняется или богатствомъ или знаменитостью, или крикомъ толпы, а рѣдко достоинствомъ заслуги безмолвной. И этотъ писатель подозрѣваетъ, негодуетъ, жалуется. Пусть, говоришь ты, книгу мою грызутъ и раздираютъ, но имя мое оставятъ въ покоѣ. Злодѣй! зачѣмъ же ты книгу эту сдѣлалъ столько любезною, что напримѣръ въ Публичной Библіотекѣ отъ безпрерывнаго употребленія она въ самомъ дѣлѣ изодрана, засалена, какъ молитвенникъ богомольнаго дѣда, доставшійся въ наслѣдство внуку. Могу увѣрить тебя, что здѣсь вѣрно нѣтъ читателя, который бы не поставилъ себѣ въ честь цѣловать полу твоего платья. Что до имени твоего, неужели безпокоитъ его то, что нищіе во имя сіе выпрашиваютъ хлѣба?

Мой другъ, Константинъ! Въ отдаленности я узнаю тебя лучше; отдаленіе ставитъ друзей въ разстояніи, на которомъ можно лучше ихъ видѣть. Всѣ дары во власти судьбы, кромѣ одного:

Det salutem, det opes, animum aequum tibi ipse parabis.

Пріѣзжай въ Россію и ты увидишь, что я ничего тебѣ не сказалъ, кромѣ истины, пріѣзжай; изданіе твоихъ сочиненій на исходѣ. Грѣхъ тебѣ, если въ продолженіе столь долгаго времени ты оставлялъ въ бездѣйствіи Генія твоего. Дай мнѣ на счетъ его прожить еще нѣсколько годовъ, приготовь новое, умноженное изданіе. Впрочемъ, если репутація писателя имѣетъ свои прелести, ты можешь наслаждаться до пресыщенія благомъ симъ и прежде тобою пріобрѣтеннымъ. Но спѣши наслаждаться, пока въ состояніи чувствовать; или состарѣвшись ты отравишь наслажденіе свое сожалѣніемъ, что не пользовался имъ въ пору.

Dixi. Пусть письмо мое похоже на рапсодію; нѣтъ нужды; писавъ къ тебѣ, я не думалъ о слогѣ, фразахъ и прочихъ претензіяхъ авторскихъ; я писалъ къ другу. Будешь ты отвѣчать

на письмо, или нѣтъ; если даже оставишь его, какъ будто я не писалъ тебѣ, для меня все равно; я сложилъ съ сердца, что́ его тяготило. Надѣюсь по крайней мѣрѣ, что при видѣ этого письма ты отдашь мнѣ справедливость и скажешь: Долгое молчаніе совмѣстно съ чувствами дружбы и почтенія.

Николай Гнѣдичъ.

С.-Петербургъ.
20 Ноября 1821 года.

Письма къ М. Е. Лобанову.

V.

Снабдите меня, любезные друзья, табакеркою русскаго табаку, на погибель мухамъ, которыя кажется со всего Аптекарскаго острова ко мнѣ слетѣлися.—Нельзя ли также купить у васъ въ деревнѣ свѣжихъ яицъ дешевле 80, какъ здѣсь съ меня просятъ; если же и у васъ та же цѣна, то и не надо.

Были ли вы, Михайло Евстафьевичъ, въ Комитетѣ Театральномъ, который самъ себя дурачитъ?

Вашъ весь Н. Г.

VI.

Любезный другъ Михайло Евстафьевичъ!

Я жестоко мистифированъ, между нами будь сказано. Мнѣ отказана выдача впередъ денегъ; и я сѣлъ, какъ ракъ на мели. Въ ложной надеждѣ сдѣлалъ операціи денежныя, отъ какихъ удержался бы, и не разстроилъ бы себя. Для Бога помогите! Но какъ дружба не должна заставлять переносить убытки, то я прошу васъ усердно, возьмите изъ Ломбарда 4 тыс. и ссудите меня на годъ, съ полученіемъ отъ меня тѣхъ же процентовъ, а капиталъ, если угодно, можете получить по третямъ отъ Степана Васильевича, который, по довѣренности моей, будетъ получать мой пен-

сіонъ и жалованье по Совѣту изъ Казначейства. — Если это можно и сдѣлаете въ понедѣльникъ — обяжете сильною благодарностію

Вашего Н. Гнѣдича.

Авг. 5 (1827).

(Приписка Лобанова).

Когда всѣ отказали, и родственники и знатные (такъ называемые превосходительные друзья), пособить въ крайней нуждѣ Н. И. Гнѣдичу, ибо онъ приговоренъ уже былъ къ близкой смерти, бѣдный другъ его Лобановъ ссудилъ его четырьмя тысячами, на которые онъ и поѣхалъ въ Одессу.

VII.

Ноября 21 1827. Одесса.
(Получено 1-го декабря).

Еслибъ вы жили когда нибудь въ разлукѣ съ друзьями, вы чувствовали бы чего вы лишаете меня, скупяся на письма. — Пожалуста доставьте прилагаемое письмо графу — но не замедля, пока Воронцовъ не уѣхалъ изъ Петербурга. — Здѣсь суровая зима и здоровье мое портится. Поклонитесь Александрѣ Антоновнѣ [1] и будьте счастливы. Обнимаю васъ.

Н. Г.

VIII.

Одесса. Декабря 16. 1827.

Благодарю васъ, любезный Михайло Евстафьевичъ, за присылку платья и теплыхъ носковъ; они не застали быстрой зимы Одесской, однако для меня, больнаго, не лишнія. Лихорадка опять немного потрепала меня, больше отъ того, что отвыкъ отъ воздуха: ибо нѣтъ совершенно ни выхода, ни выѣзда отъ грязи невѣроятной. Поздравляю васъ съ наступающими праздниками и новымъ годомъ. Встрѣчайте и проводите его съ любезною Але-

[1] Первая жена Лобанова, рожд. Бароцци.

ксандрою Антоновною весело, будьте здоровы и счастливы; обнимаю васъ.

Н. Гнѣдичъ.

P. S. При свиданіи поклонитеся Н. И. Гречу и поздравьте его съ окончаніемъ подвига достославнаго. Граматика его есть уже въ Одессѣ, въ рукахъ Стурзы Монархическаго.

IX.

Весьма много благодаренъ, что не забыли просьбы моей. Но цѣна эта, по безденежью, для меня высока. Если это вашъ знакомый часовщикъ — я желалъ бы предложить ему мои карманные часы и условія, на которыхъ отдаю свои и беру присланные вами, если только вашъ часовщикъ удостовѣритъ, что они надежны. Нельзя ли ему съ этими часами побывать у меня? Каждое утро до 12 часовъ, а вечеромъ съ 6 часовъ.

Другая просьба: Нѣкто проситъ у меня рекомендательнаго письма къ Димитрію Максимовичу Княжевичу. Этого *ныкто* я зналъ лѣтъ 20 назадъ, какъ честнаго человѣка. Но въ теперешнемъ его положеніи не знаю; а не зная, лучше говорить о человѣкѣ хорошо. Впрочемъ Димитрію Максимовичу онъ сколько нибудь долженъ быть извѣстенъ, какъ оберъ-форстмейстеръ въ Тулѣ.

Дѣло въ томъ, чтобъ Димитрій Максимовичъ не принималъ письма моего за чистыя деньги, а только просто, какъ письмо для входа къ нему. Сдѣлайте одолженіе, сегодня или завтра, предварите его объ этомъ: ибо въ понедѣльникъ податель письма будетъ у него.

Здоровье мое все въ одномъ положеніи. Обнимаю васъ.

Н. Г.

X.

Отъ Татаринова къ Пономареву.

Павловское, 29 іюля 1815.

Извините меня, Милостивый Государь, Акимъ Ивановичъ, что безпокою васъ просьбою моею. Короткое ваше знакомство съ Николаемъ Ивановичемъ Гнѣдичемъ подаетъ мнѣ надежду, что вы не сочтете въ большой трудъ исполнить оную: спросите у него только, написалъ ли онъ что-нибудь въ бытность свою въ Павловскомъ въ памятной книжкѣ, которая въ Розовомъ Павильонѣ лежитъ, и какіе именно стихи [1]? Не дивитесь моему любопытству, оно не мое: Государыня, не знаю по какому случаю, узнавъ, что Николай Ивановичъ былъ въ Павловскомъ, полагаетъ, что онъ долженъ оставить по себѣ память въ знакъ своего посѣщенія. Третьяго дня, ужинавъ въ фермѣ, перерыла всѣ книжки, но ничего не нашла; вчера то же было въ Розовомъ Павильонѣ. — Нелединскій показывалъ Ей какіе-то стихи, Она изволила ихъ читать; стихи сіи, говорятъ, прекрасны и по сему приписываютъ Н. И. — Я не думаю, чтобы Н. И. захотѣлъ скромничать, ибо хуже будетъ, ежели дурные стихи ему припишутъ. — Прошу по-

---

[1] Во всѣхъ изданіяхъ стихотвореній Гнѣдича къ пьесѣ: «Для Розоваго Павильона въ Павловскѣ (1814)» сдѣлано слѣдующее примѣчаніе поэта:

«Императрица Марія Ѳеодоровна, при случайномъ проѣздѣ моемъ чрезъ Павловскъ, изволила спрашивать, оставлены ли мною какіе-либо стихи въ Розовомъ Павильонѣ».

Изъ письма Татаринова оказывается, что стихотвореніе должно относиться къ 1815 году; самыя подробности происхожденія стиховъ не лишены интереса.

корнѣйше не оставить меня безъ увѣдомленія вашего о семъ случаѣ.

Пребывающій съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію,

вашъ покорнѣйшій слуга

П. Татариновъ.

Прошу покорнѣйше засвидѣтельствовать мое почтеніе милостивому государю Дмитрію Прокофьевичу [1] и милостивой государынѣ Софьѣ Дмитріевнѣ [2].

---

[1] Позняку.

[2] Извѣстной Пономаревой, принадлежавшей къ лучшему литературному кругу того времени: многіе изъ тогдашнихъ поэтовъ посвящали ей стихи.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Стр.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
3	Въ 4-мъ стихѣ: міръ	миръ
—	Въ 12-мъ стихѣ: поддержыть	поддержитъ

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 4.

ЕКАТЕРИНА II

ВЪ

ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

Академика **Я. К. Грота.**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Апрѣль 1884 г.

Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Изданная Русскимъ Историческимъ обществомъ двадцатилѣтняя переписка Екатерины II съ Гриммомъ, касающаяся всѣхъ важнѣйшихъ обстоятельствъ жизни великой Императрицы и замѣчательнѣйшихъ событій ея царствованія, представляетъ драгоцѣнный источникъ для исторіи Россіи и всей Европы за послѣднюю четверть прошлаго столѣтія. Цѣль настоящаго труда состояла не только въ томъ, чтобы въ сжатомъ видѣ познакомить русскихъ читателей съ полнымъ содержаніемъ этой необычайной переписки, но и въ систематической группировкѣ свѣдѣній, которыя въ ней разсѣяны и съ трудомъ могутъ быть отыскиваемы даже при помощи подробнаго указателя. При распредѣленіи ихъ по предметамъ мы старались облегчить читателю обзоръ какъ политическихъ дѣлъ, такъ и отношеній, занятій, взглядовъ и плановъ Екатерины. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы постоянно имѣли въ виду точными ссылками облегчить всякому возможность обращаться за справками къ подлиннымъ письмамъ. Наконецъ, чтобы придать нашимъ извлеченіямъ возможную полноту, мы пользовались не только изданными уже письмами Гримма, но отчасти и тѣми, которыя недавно отысканы и въ настоящее время еще печатаются на французскомъ языкѣ.

Февраль 1884.

Я. Гротъ.

ЕКАТЕРИНА II ВЪ ПЕРЕПИСКѢ СЪ ГРИММОМЪ.

III.

Объявленіе второй турецкой войны и отношеніе западныхъ державъ къ Россіи.

Теперь мы приблизились къ той эпохѣ царствованія Екатерины II, когда отъ генія ея потребовалось полнаго напряженія силъ, чтобъ постоянному вмѣшательству западной Европы въ дѣла Россіи и ея ревнивому охраненію Турціи противопоставить политику вполнѣ свободную и самостоятельную. Заручившись для этого союзомъ съ Іосифомъ II, Екатерина замышляла свести давніе счеты съ безпокойною сосѣдкою новоприобрѣтеннаго южнаго края, тѣмъ болѣе что внѣшніе подстрекатели Турціи неустанно возбуждали ее противъ Россіи. Но и западные враги наши не дремали и готовили Россіи неожиданный ударъ на Сѣверѣ со стороны Густава III, который, вступивъ въ союзъ съ Турціей, даже принялъ отъ нея субсидію. Кромѣ того Пруссія предложила Густаву значительный заемъ, а Англія обѣщала въ помощь эскадру. Франція же, ослабленная неурядицами начинавшейся революціи, шла на буксирѣ своихъ враговъ и держалась политики двусмысленной и безсильной. Густавъ дѣятельно готовился къ войнѣ, увѣряя своихъ подданныхъ, что онъ вооружается изъ предосторожности, такъ какъ Екатерина будто бы грозитъ напасть на него, если онъ не окажетъ ей помощи противъ Турокъ.

Вотъ въ какомъ видѣ всѣ эти отношенія являются подъ перомъ самой государыни. Въ октябрѣ 1787 года она пишетъ: «Клянусь вамъ торжественно, что я постараюсь отвѣтить на мусульманскую учтивость [1]) какъ можно лучше, по крайнему моему разумѣнію, и вы хорошо сдѣлаете если отступитесь отъ мусульманъ. Въ концѣ концовъ я не одна оскорблена, потому что эти нехристи отказались выслушать то, что согласились сообщить имъ всѣ три двора, и стало-быть, по-моему, оскорблены и оба другіе [2]). Бѣдные люди (т. е. Французы) въ прежнія времена не давали себя безнаказанно въ обиду. Это у нихъ кажется новость, которая должна измѣнить не въ ихъ пользу общественное мнѣніе. Впрочемъ всякій стряпаетъ свои дѣла по-своему, и чужія дѣла — не мои; что до меня, то моя роль давно опредѣлена и я постараюсь сыграть ее какъ можно лучше, а что всего важнѣе, надѣюсь что она будетъ не очень трудна» [3]).

Вслѣдъ за этимъ, въ томъ же письмѣ-дневникѣ государыня радостно сообщаетъ объ успѣхахъ своего юнаго черноморскаго флота: дѣло одного фрегата весьма сходно съ недавнимъ боемъ Весты и доказываетъ, что геройскіе подвиги живутъ въ преданіяхъ этого флота: «Мнѣ сейчасъ передали вашъ № 92, въ которомъ вы говорите о дѣлѣ фрегата береговой стражи въ днѣпровскихъ устьяхъ (Borysthène). Вотъ его исторія: еще не успѣло прійти извѣстіе что Турціей объявлена война, какъ турецкій флотъ изъ трехъ военныхъ кораблей и четырнадцати другихъ двухмачтовыхъ судовъ вышелъ изъ Очакова и осмѣлился напасть на этотъ фрегатъ, при которомъ было еще одно маленькое судно: имя фрегата Скорый. Имъ командовалъ лейтенантъ Оболяниновъ, который храбро оборонялся и въ три часа времени сдѣлалъ, помнится, до 580 пушечныхъ выстрѣловъ. Во время боя

---

[1]) Т. е. заключеніе русскаго посла Булгакова въ Семибашенный замокъ.

[2]) Дворы австрійскій и французскій, которые присоединились къ требованію Россіи освободить Булгакова.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 418.

онъ отрубилъ якорь, чтобъ выйти въ открытое море, и прошелъ мимо Очаковскихъ укрѣпленій, выдержавъ ихъ огонь. Ему удалось потопить нѣсколько турецкихъ судовъ, съ другими же онъ имѣлъ ружейную перестрѣлку. Убитыхъ и раненыхъ у него оказалось не болѣе 10-ти человѣкъ и фрегатъ возвратился на свое мѣсто съ поврежденными снастями. Его дѣло ставятъ выше подвига фрегата Бельпуль, нѣкогда надѣлавшаго столько шума. Если вы охотникъ до подобныхъ дѣлъ, я угощу васъ и другими, въ которыя также замѣшался дьяволъ. Нѣсколько дней спустя, тотъ же Очаковскій флотъ пустился бомбардировать крѣпость Кинбурнъ. На Днѣпрѣ были вооружены тѣ самыя суда, которыя я туда привезла: это родъ галеръ. Турки произвели двѣ высадки около Кинбурна и были отбиты и отброшены сухопутными войсками; но такъ какъ турецкій флотъ продолжалъ безпокоить крѣпость, то выслали одну изъ этихъ галеръ, именно Десну, на которой мы обѣдали NB., и она начала въ свою очередь обстрѣливать турецкій флотъ, потомъ пробилась сквозь ряды его и стала подъ защиту крѣпостныхъ пушекъ. Этою галерой командовалъ 25-тилѣтній мальтійскій кавалеръ, по фамиліи Ломбардъ, состоящій у меня на службѣ со времени моего пребыванія въ Кіевѣ. Генералъ Суворовъ доставилъ Ломбарду и его галерѣ до двадцати пушекъ, съ которыми онъ держалъ въ страхѣ турецкій флотъ. Онъ сжегъ имъ Богъ знаетъ сколько кораблей; Кинбурнская крѣпость взорвала у нихъ на воздухъ одинъ линейный корабль и два фрегата, а г. Ломбардъ со своей галерой разбилъ, потопилъ и сжегъ имъ по крайней мѣрѣ шесть канонирокъ. Наконецъ 1-го октября Турки сдѣлали опять высадку на Кинбурнской косѣ въ числѣ болѣе 5300 человѣкъ, изъ которыхъ едва пятьсотъ вернулись въ Очаковъ. Вотъ послѣднія полученныя мною извѣстія, которыя я и сообщаю вамъ при пожеланіи вамъ добраго здоровья и всякаго благополучія» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 419, 420.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того государыня писала: «Со времени объявленія войны не произошло ничего замѣчательнаго. Турки нѣсколько разъ пытались отнять у насъ крѣпость Кинбурнъ и каждый разъ были отбиты; а при послѣдней аттакѣ потеряли около 5,000 человѣкъ. Севастопольскій флотъ пострадалъ отъ бури: нѣсколько кораблей лишились мачтъ, а корабль Магдалина, не знаю какъ, тоже потерявъ мачту и съ сильною течью, очутился въ Константинопольскомъ проливѣ, бросилъ тамъ якорь, и былъ взятъ и отведенъ въ арсеналъ въ Терапію. Капитанъ его былъ не русскій, а англичанинъ. За то турецкій флотъ потерялъ подъ Очаковомъ два военные корабля и нѣсколько фрегатовъ, которые Днѣпровскій флотъ и Кинбурнская крѣпость пустили ко дну или взорвали. Со стороны Кубани генералъ-лейтенантъ Потемкинъ побилъ въ семи различныхъ сраженіяхъ Ногайскихъ Татаръ и, чтобъ отнять у нихъ охоту переходить черезъ Кубань, самъ побывалъ у нихъ. Турки зачинщики: они на насъ напали; но до сихъ поръ мы слава Богу не потеряли ни пяди земли. Я васъ буду регулярно увѣдомлять обо всемъ..... Все идетъ хорошо и я должна быть довольна, но главные удары еще не могли быть нанесены. Я увѣрена, что мои фельдмаршалы будутъ дѣйствовать очень хорошо: я питаю большое довѣріе къ ихъ способностямъ и искуству и льщу себя надеждой, что и они мнѣ довѣряютъ; войско все то же; средства—также; наконецъ, если что-нибудь измѣнилось, то надѣюсь, къ лучшему. Итакъ я не вижу, почему бы мнѣ носиться съ излишними заботами; можетъ-быть это пригодно Туркамъ, но не намъ. Хлѣбъ дорогъ, но тѣмъ не менѣе всѣ ѣдятъ его, да еще курятъ вино!..... Сегюръ прыгаетъ отъ радости, что дворъ его отозвалъ изъ Турціи французскихъ инженеровъ» [1]).

О неудачѣ же Севастопольскаго флота государыня еще разъ упоминаетъ: «Вы правы, говоря: зачѣмъ было выступать въ море въ равноденствіе? Вся бѣда, случившаяся съ Севастопольскимъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII. стр. 421, 422.

флотомъ, произошла отъ этого. Какъ вы ужъ знаете, несчастіе не такъ ужасно, какъ разсказывали; надѣюсь что все поправится»[1]).

Общее отношеніе къ Россіи государствъ западной Европы въ эту эпоху государыня такъ очерчиваетъ: «Война разстроила множество проектовъ[2]) и всѣ проекты отложены до мирнаго времени. Въ настоящую минуту нѣтъ насчетъ проектовъ никого выше братьевъ Ге и Гю.[3]). Передъ ними всѣ флаги проектовъ должны опуститься при громкихъ восклицаніяхъ: «О, какъ они велики и могущественны и кто можетъ превзойти ихъ?» О, какъ они должны быть довольны собой, начальники германской лиги и вѣтряныя мельницы, защитники германской свободы, которую никто не попиралъ, и вмѣстѣ угнетатели свободы Голландіи, которая только что выходила изъ угнетенія, подстрекатели Турокъ, съ которыми пусть будетъ что будетъ! А братецъ Ге, заступникъ за германскую свободу, самъ попирающій свободу Англіи! Ахъ, Боже мой! какъ эти германскіе принцы, имъ преданные, обмануты подобными защитниками! Зато, сражаясь съ вѣтряными мельницами, все это умретъ своей естественной смертью..... Людовика XVI-го всячески постарались увѣрить, что ему нужна опека, что онъ ничего не смыслитъ въ дѣлахъ; однакоже онъ старателенъ, онъ добръ, онъ прямодушенъ, онъ желаетъ блага. Посмотримъ, что сдѣлаютъ опекуны, или опекунъ: дебютъ никуда не годится. Еслибъ отошли для того чтобъ лучше разбѣжаться и прыгнуть, то пожалуй это бы еще ничего; но если отошедши не прыгнутъ, но дозволятъ хозяйничать у себя людямъ подобнымъ Ге и Гю, о тогда прощай уваженіе, добытое двухсотлѣтней исторіей, и станутъ ли вѣрить тому, кто не имѣетъ ни воли, ни силы, ни энергіи? Ужъ не такъ же плохо дѣло, чтобъ получивъ одну пощечину'

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 434.

[2]) Всѣ заказы и выдачи государыни.

[3]) Вначалѣ могло казаться, что подъ именами Ге и Гю Екатерина разумѣла только Георга и Густава, но съ этихъ поръ становится ясно, что подъ именемъ Гю рѣчь идетъ и о Фридрихѣ Вильгельмѣ Прусскомъ (Guillaume).

подставлять щеку подъ другую: это конечно по-евангельски, но ужъ никакъ не по-царски. *Излишнее смиреніе нездорово для государства*» [1]).

На письмо Гримма изъ Женевы по поводу начавшейся войны государыня отвѣчаетъ: «Вашъ № 93 писанъ изъ Константа. Еслибъ это было изъ Константинополя, то было бы мнѣ еще пріятнѣе: да, да, есть ясныя доказательства, что пути Божіи и Его промыселъ о своихъ дѣтяхъ неисповѣдимы. Предоставьте только дѣла ихъ естественному ходу, и все пойдетъ хорошо. Есть чему удивляться, что я въ точности исполнила то, что замышляла еще за годъ назадъ. Ну, такъ что же? Если меня разсердятъ, я задумаю и исполню въ назначенный срокъ и день въ день.... вступленіе.... для балета!... Нѣтъ, еще не пришла пора...» [2]).

Около того же времени, въ ноябрѣ 1787 года, великій князь Павелъ Петровичъ задумалъ ѣхать въ дѣйствующую армію, и великая княгиня Марія Феодоровна непремѣнно хотѣла ему сопутствовать. Историкъ Екатерины II, Кастера, весьма многое старающійся объяснить въ ущербъ ея славѣ, приписываетъ ея противодѣйствіе этому плану какимъ-то заднимъ мыслямъ и подозрительнымъ опасеніямъ, тогда какъ всего проще было объяснить это беременностью великой княгини [3]) и требованіями ея материнскихъ обязанностей, что́ ясно видно изъ слѣдующихъ строкъ: «Вотъ уже трое сутокъ, какъ я подвергаюсь страннымъ нападеніямъ: я получаю по два и по три письма въ день отъ господина и госпожи младшихъ (M. et. Mad. Secondat) [4]) которые во что бы ни стало хотятъ ѣхать въ армію; ему я это позволяю, но ей, — какъ же можно на это согласиться? Это невозможно, но милая барыня обладаетъ головушкой не легко поддающейся разумнымъ доводамъ и, по правдѣ сказать, весьма безпокойной.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 424, 426.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII. стр, 426. Точки очевидно означаютъ тутъ Константинополь.

[3]) Великая княгиня Марія Феодоровна была на пятомъ мѣсяцѣ беременности дочерью Екатериною.

[4]) Такъ императрица часто называетъ своего наслѣдника и его супругу.

Вотъ что мнѣ помѣшало сегодня утромъ поработать надъ составленіемъ этого огромнаго посланія. Но надо же однако, чтобъ она въ концѣ концовъ подчинилась разуму» [1]).

Въ декабрѣ того же года государыня писала: «Господинъ кавалеръ и многострадальный, такъ какъ вы изъявили желаніе получать извѣстія о всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ настоящихъ и будущихъ, имѣю честь сообщить вамъ, что 13 октября генералъ-аншефъ Текели съ своимъ корпусомъ войскъ перешелъ четырьмя колоннами рѣку Кубань и вдоль рѣкъ Лабы, Зеленцуга, Кефпта и Урупа, гналъ передъ собою Татаръ различныхъ ордъ, населявшихъ эти края и часть которыхъ собралась подъ начальствомъ имама Мансура, ставшаго покорнымъ орудіемъ Порты еще до начала войны. Все это было разбито, прогнано, разсѣяно — отчасти перебито, отчасти взято въ плѣнъ; добыча нашихъ казаковъ должна быть громадна. Они взяли въ плѣнъ нѣсколько тысячъ человѣкъ; остальные изъявили покорность и послали депутатовъ. Другіе дали заложниковъ, чтобъ ихъ оставили въ покоѣ. Однимъ словомъ, отъ Кубани до Кавказскихъ горъ пораженіе и преслѣдованіе были полнѣйшія. Имамъ Мансуръ, самъ лишившись всего, бѣжалъ къ Суджаку. Вотъ что я на этотъ разъ имѣю честь довести до свѣдѣнія вашего превосходительства. Никогда вы не повѣрите, если я скажу вамъ, что въ этой экспедиціи мы потеряли только семь человѣкъ убитыми и девятнадцать ранеными. Однако это фактъ, на который могу представить вамъ доказательства» [2]).

Изъ сказаннаго выше видно, что Екатерина старалась привлечь на свою сторону Францію и оторвать ее отъ союза съ своими врагами: Англіей, Германіей и Швеціей. Такъ какъ письма Гримма за 1787 г. не сохранились, то неизвѣстно, кого именно онъ въ то время рекомендовалъ на службу въ Россію при войскахъ, но на это послѣдовалъ такой отвѣтъ: «Что касается вашихъ реко-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 429.
[2]) Стр. 435.

мендацій, то я вовсе въ нихъ не нуждаюсь. Не прогнѣвайтесь, но конечно не я сама стану снабжать свою армію волонтерами и шпіонами. Господа Французы слишкомъ туркофилы въ душѣ, чтобъ имъ могло у насъ понравиться, и кромѣ того они не знаютъ ни слова по-русски и поэтому даже самые лучшіе изъ нихъ для насъ непригодны. Правда, что французскій дворъ отозвалъ съ десятокъ французскихъ офицеровъ изъ Турціи; но, не говоря о томъ, что ихъ еще столько же осталось тамъ, новый рой, человѣкъ изъ двадцати, проѣхалъ черезъ Венецію въ Константинополь. Очаковъ еще въ рукахъ Высокой Порты. Что бы вы мнѣ ни говорили, я глубоко убѣждена, что у васъ, не взирая на всѣ неоднократно полученныя пощечины, склонны скорѣе подружиться съ братцами Ге и Гю и даже съ дьяволомъ, чѣмъ со мною. Вотъ въ какомъ расположеніи находятся у васъ, и еще гордятся этимъ; на это я получила на дняхъ неопровержимыя доказательства. Братцы Ге и Гю, какъ пара очковъ, отлично приходятся по носу *бѣднымъ людямъ*, и какимъ бы гороховымъ пюре они ни раздували себѣ желудокъ, все же они останутся тѣмъ что они есть D. D. D. [1]) Не подумайте что это значитъ *и проч.*, нѣтъ это три нѣмецкіе D..... Еслибъ я была на мѣстѣ гр. Сегюра, я бы ни минуты не осталась въ Россіи» [2]).

Но, несмотря на всѣ военныя тревоги, обычная потребность въ умственныхъ занятіяхъ не покидала государыню, и она говоритъ: «Я съ нѣкоторыхъ поръ работаю какъ лошадь и мнѣ мало моихъ четырехъ секретарей: я вынуждена увеличить ихъ число. Я вся обратилась въ письмо, и мысли мои расплываются въ чернилахъ. Никогда въ жизни моей я столько не писала. Когда началась война, я ничего не хотѣла знать и слышать кромѣ войны, а теперь я должна пустить въ ходъ все то, что залежалось. Чтобъ къ веснѣ наверстать пропущенное, надо итти быстрыми шагами» [3]).

---

[1]) Dumm.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 437.

[3]) 440.

Въ слѣдующемъ 1788 году, въ апрѣлѣ, государыня, возвращаясь къ постыдному для Европы заступничеству за Турокъ, говоритъ: «Я вовсе не раздѣляю мнѣнія тѣхъ, кто думаетъ, что мы наканунѣ великаго переворота. Нѣтъ, Марабуты (Турки) кажутся цѣлой Европѣ столь любезными, что весьма трудно имъ внушить, насколько лучше быть разумнымъ, чѣмъ безразсуднымъ. Вся Европа скорѣй предпочтетъ перерѣзаться, чтобъ потомъ сказать: и я вмѣшалась въ дѣло, и я въ немъ участвовала, чѣмъ предоставить все своему естественному ходу для общей пользы, потому что одна торговля сколько бы отъ этого выиграла! Отвлеченныя теоріи поистинѣ ужасны! Сколько умствованій въ видѣ гороховаго пюре было посрамлено на практикѣ, и все это еще не умудрило людей!.... Никто кажется не станетъ отрицать, что я обиженная сторона, и потому если Богу угодно, я расправлюсь съ Марабутами, къ которымъ у васъ питаютъ такую привязанность и которымъ спѣшатъ давать со всѣхъ сторонъ различные совѣты; а они ихъ отвергаютъ съ пренебреженіемъ или отвѣчаютъ дерзко. Меня преслѣдуютъ, чтобъ я постановила условія мира, чтобъ я объяснилась насчетъ этого мира. Когда я отвѣчаю, что еще не пришло время, что Марабуты не образумятся, я однако говорю правду и мнѣ хотѣлось бы сказать всѣмъ: оставьте меня въ покоѣ, вы не будете имѣть успѣха и у Марабутовъ: ваши противники взяли верхъ, и я буду совершенно права; я еще сказала бы правду, но не всякую правду удобно высказывать. О бѣдные люди!....» [1]).

«Благодарю васъ за пожеланія къ новому году: я нахожу вашу молитву прекрасною. Но въ газетахъ была напечатана преглупая, которую я будто бы велѣла читать во всѣхъ церквахъ. Это безстыдная ложь. У насъ на Богослуженіи положенныя молитвы, и ихъ нельзя мѣнять по произволу, что̀ конечно очень хорошо» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII. стр. 440, 441.

[2]) Стр. 442.

«Наконецъ, вслѣдствіе происковъ Ге и Гю въ Константинополѣ, послѣдній, по наущенію перваго, предложилъ мнѣ свое посредничество. Вы можете судить, было ли оно принято: пусть ихъ стряпаютъ гдѣ угодно, только не у меня. Я пророчу имъ, что они сдѣлаются посмѣшищемъ Европы, потому что фальшивы и угнетатели. Послушаешь васъ, такъ подумаешь, что я нарушительница всеобщаго покоя. Какъ, ни малѣйшаго чувства миролюбія?... Но толкуйте что хотите, многострадальный,—я не перемѣнюсь. Мнѣ теперь уже 59 лѣтъ. Не измѣняйте и вы мнѣ» [1]).

«Ваши хорошіе отзывы о г. Монморенѣ [2]) меня очень радуютъ, потому что пріятнѣе имѣть дѣло съ честными людьми чѣмъ съ безчестными. Молю Бога, чтобъ онъ не колебался на пути указанномъ ему обстоятельствами, такъ какъ по всему вижу, что привязанность къ Марабутамъ еще дьявольски сильна, и они еще не початы и не будутъ початы ни съ какой стороны, благодаря усиліямъ всей Европы, особенно же братца Ге препрославленнаго. Какимъ образомъ Франція можетъ мнѣ доставить почетный миръ съ этими милыми Марабутами? Разстояніе, во-первыхъ, полагаетъ тому препятствія; во-вторыхъ ея посланникъ при смерти и не пользуется ни малѣйшимъ вліяніемъ. Меня допрашиваютъ объ условіяхъ мира теперь же; я не въ состояніи дать ихъ, ни говорить о мирѣ. Не я его нарушила: дерзко предложили моему посланнику возвратить Крымъ; не хотѣли и слышать никакихъ предложеній, сдѣланныхъ тремя дворами, и моего посланника заключили въ Семибашенный замокъ, гдѣ онъ еще и до сихъ поръ находится. Недавно, дерзкое предложеніе возвратить Крымъ было возобновлено и императорскій посолъ освобожденъ. Самое это освобожденіе есть уже оскорбленіе, когда мой посолъ еще въ заключеніи. Поистинѣ, теперь я не могу ни на что согласиться: никакая другая держава, кромѣ моей собственной, не мо-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 443.

[2]) Тогдашній министръ иностранныхъ дѣлъ во Франціи.

жетъ доставить мнѣ на дѣлѣ почетнаго мира: слышишь ли, многострадальный! Но *бѣднымъ людямъ* все хочется вступать въ переговоры и они къ намъ расположены по-турецки, чтобъ не сказать вѣроломно [1]). Они скажутъ мнѣ одно доброе слово, а за нимъ слѣдуетъ такое словечко въ противоположномъ смыслѣ, хотя будто и въ пользу своихъ старыхъ друзей, но которое намъ кажется обиднымъ и двусмысленнымъ; они не чистосердечны и не такъ мыслятъ, какъ слѣдовало бы великой державѣ. Маленькій дружественный союзъ мы бы пожалуй и согласились заключить съ ними, и это было бы всего мудрѣе» [2]).

Въ слѣдующихъ отрывкахъ всего лучше обрисовывается взглядъ Екатерины на сохраненіе національнаго достоинства и самостоятельности въ международныхъ сношеніяхъ, а также ея оцѣнка коварства англійской политики, за которой она зорко слѣдила. 22 апрѣля (1788) она пишетъ «Вы правы, что съ отвращеніемъ относитесь къ вопросамъ. Я всякій вопросъ отъ націи къ націи считаю оскорбленіемъ, такъ какъ никто не имѣетъ права допрашивать другого: всякій воленъ дѣйствовать сообразно съ своими интересами: надо сознаться, что братецъ Ге величайшій политикъ; мнѣ очень нравится предложеніе сговориться по двумъ пунктамъ: чтобъ у одной стороны осталась въ рукахъ Индія, а у другой — Левантъ съ его торговлей, и это послѣ подписанія декларації или приговора о разоруженіи. Это значило бы обѣщать не мстить за данныя пощечины, а терпѣливо принять ихъ и потерять общее уваженіе: какъ это тонко и хорошо придумано!.... Ну, а добрые люди еще и это выслушали терпѣливо и кровь не закипѣла въ ихъ жилахъ! Я, какъ докторъ, предписываю имъ по меньшей мѣрѣ бутылку шампанскаго за завтракомъ, а дофину, о которомъ говорятъ что онъ очень плохъ (если еще живъ) и покинутъ медиками—Бестужевскія капли, и вы увидите что послѣдній укрѣпится, а первые станутъ говорить съ своими сосѣдями и имъ подобными

---

[1]) Игра словъ: türkisch, wenn nicht tückisch.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 444.

какъ слѣдуетъ говорить, и отнимутъ у нихъ надолго нелѣпую охоту дѣлать запросы. Вѣроятно этотъ же курьеръ отвезетъ мой отвѣтъ во Францію, но такъ какъ онъ еще не готовъ, то я вамъ скажу объ этомъ словечко до окончанія письма» [1]).

Мы уже и ранѣе видѣли, что Екатерина не высоко цѣнила государственныя способности короля англійскаго Георга, называя его въ шутку, «гражданиномъ» (bourgeois). Она говоритъ, что не желала бы для себя его счастія: «Онъ потерялъ 15 провинцій; я смотрю на это, какъ на высшее государственное преступленіе, которое заслуживало бы строгаго наказанія», и далѣе прибавляетъ: «что до меня касается, то я не желаю потерять ни одного вершка земли. Вѣдь государства не канавы, отъ которыхъ чѣмъ болѣе отнимаютъ земли, тѣмъ онѣ становятся больше» [2]).

Враждебное поведеніе Англіи во вторую турецкую войну характеризуется государыней такъ: «Братецъ Ге полагаетъ, что очень насолилъ мнѣ, запретивъ своимъ подданнымъ снабжать меня за деньги кораблями; эти корабли доставили бы имъ милліонъ; ну, такъ у меня будутъ же корабли, а подданные его моихъ денегъ не получатъ; но эти подданные умнѣе его, потому что, несмотря на запрещеніе, ходятъ подъ русскимъ флагомъ. Кто изъ двухъ проигралъ? Ужъ вотъ такъ злая воля — вотъ и все. Теперь я полагаю, что онъ даетъ денегъ Антонину (т. е. Густаву), чтобъ вооружить его на сушѣ и на морѣ; ну, такъ чтожъ изъ этого выйдетъ? Антонинъ возьметъ съ него деньги, а воевать со мной не станетъ, развѣ потеряетъ послѣднюю искру здраваго смысла, а если онъ на то рѣшился, такъ покусаетъ себѣ пальцы.»

24 апрѣля: «Братецъ Ге сдѣлалъ великолѣпную декларацію, что будто онъ станетъ держаться строгаго нейтралитета, и на этомъ основаніи отказалъ намъ въ транспортныхъ корабляхъ, а потомъ тонкій и весьма тонкій плутъ послалъ въ Константинополь корабли съ громадными транспортами военныхъ припасовъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 444.
[2]) Стр. 431, 435.

всякаго рода, на которыхъ посланникъ его беретъ 80 на 100 барыша. Чтобъ еще лучше доказать мнѣ свою привязанность, посланникъ его будетъ находиться въ турецкой арміи, вѣроятно чтобъ быть посредникомъ при заключеніи мира; какъ все это хорошо придумано!» [1]) Къ этому государыня присовокупляетъ: «Армія увеличена на 40,000 человѣкъ; я все это осмотрѣла сегодня. Мы всегда были особенно счастливы тѣмъ, что наши неблагожелатели постоянно считали насъ слабѣе, чѣмъ мы были на самомъ дѣлѣ, а кто о насъ потерся, тотъ почувствовалъ это; мнѣ нечего вамъ представлять примѣры и факты, которые вы не хуже меня знаете»[2]).

На запскиванье же французскаго министра Монмореня, старавшагося склонить Екатерину къ миру прежде чѣмъ разыгрались военныя дѣйствія, государыня отвѣчала: «Я бы желала, чтобъ меня менѣе торопили миромъ; я вовсе не была и не буду такъ несговорчива. Но такъ какъ война еще и не начиналась, такъ какъ у меня союзникъ, безъ согласія котораго я не могу заключить ни мира, ни перемирія, а притомъ мы не можемъ знать, какой оборотъ примутъ дѣла, то мы не должны ронять себя въ глазахъ Порты, которая все еще дерзка и сдѣлала мнѣ новое оскорбленіе, задержавъ моего посланника, тогда какъ выпустила посла имераторскаго: — надо побить ихъ и потомъ уже говорить о мирѣ. Я отказала въ посредничествѣ Ге и Гю, и хотя добрыя услуги *обращенныхъ* не будутъ мнѣ непріятны, я считаю ихъ слишкомъ отдаленными, чтобъ вмѣшаться..... Что касается братца Ге — это фальшивѣйшій изъ людей» [3]).

«31 мая: «Ахъ, милостивый государь, еслибъ миръ зависѣлъ отъ васъ, да отъ меня, онъ скоро былъ бы заключенъ; но такъ какъ объ этомъ мирѣ хлопочетъ вся Европа, то было бы желательно и необходимо, чтобъ она отказалась отъ этихъ хлопотъ, для того чтобъ миръ могъ состояться. Видали ли вы когда-нибудь, какъ маленькія дѣти тащутъ въ разныя стороны какой-ни-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 445.
[2]) Стр. 447.
[3]) Стр. 448.

будь лоскутокъ, пока не разорвутъ его. Ну вотъ такова исторія этого мира; вопервыхъ, ни кампанія еще не начиналась, ни мой посланникъ еще не освобожденъ изъ заключенія, а уже гг. Энсли и де Шуазёль утверждаютъ, каждый съ своей стороны, что при ихъ посредничествѣ его освободили изъ Семибашеннаго замка, гдѣ, несмотря на этотъ споръ, онъ еще и донынѣ находится. Это конечно доказываетъ большую ловкость. Мнѣ также нравится этотъ нейтралитетъ не нейтральный и это отреченіе отъ Марабутовъ, которое однако сводится къ тому, чтобъ сколько возможно спасать ихъ и помогать имъ. О Боже! какое искуство не знать чего хочешь, или хотѣть морочить людей! Конечно полагаютъ сдѣлать имъ большую честь — показывая, что ихъ считаютъ за пошлыхъ дураковъ!» [1])

Отъ 21 іюня того же года государыня такъ извѣщаетъ Гримма о морской побѣдѣ: «Принцъ Нассаускій и Поль Джонсъ [2]) дрались въ Лиманѣ съ шестидесятью турецкими кораблями; три изъ нихъ взорваны на воздухъ, а остальные прогнаны. Я еще не получила подробныхъ донесеній, но знаю, что мы не потеряли ни одного корабля» [3]).

Начало шведской войны.

Въ то время, какъ враждебныя Россіи внушенія европейскихъ державъ, особливо Англіи и Пруссіи, подвигли Турцію къ неслыханно дерзкому заключенію русскаго посла въ Семибашенный замокъ, не менѣе успѣшны были происки ихъ при дворѣ Густава III, котораго онѣ всѣми силами побуждали напасть на Россію съ Сѣвера. Екатерина, знавшая все это отъ своихъ дѣятельныхъ и умныхъ посланниковъ, не разъ упоминала о томъ въ перепискѣ, но все еще надѣялась, что Густавъ не рѣшится на войну съ нею. Однакожъ въ маѣ 1788 года она пишетъ: «Вотъ мой многоуважаемый братецъ и сосѣдъ — тупая голова (der

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 449, 450.

[2]) Американскій морской офицеръ, приглашенный въ русскую службу.

[3]) Стр. 451.

Stumpfkopf) вооружается противъ меня на сушѣ и на морѣ. Онъ произнесъ въ сенатѣ рѣчь, въ которой говорилъ, что я его вызываю на войну, что всѣ донесенія его посланника о томъ свидѣтельствуютъ. Тутъ онъ заставилъ прочитать ихъ, и сенатъ отвѣчалъ что его величество всегда правъ. Но выходя, сенаторы всѣ говорили, что его величество насильно извлекъ этотъ смыслъ изъ реляціи своего посла, который говоритъ совершенно противное тому, что его величество утверждаетъ. А его величество, при выходѣ изъ сената, отдалъ приказъ, чтобъ вооружали галеры и послали въ Финляндію семь полковъ: я полагаю, что въ эту минуту они уже въ дорогѣ. Если онъ нападетъ на меня, надѣюсь что буду защищаться, а защищаясь я все-таки буду говорить, что его надо бы засадить въ домъ сумасшедшихъ. Если же нападенія не послѣдуетъ, я скажу, что онъ еще болѣе спятилъ съ ума, всячески стараясь оскорблять меня» [1]).

Отъ 21 іюня того же года: «Сэръ Джонъ Фальстафъ, отправляясь въ Финляндію, велѣлъ сказать графу Разумовскому, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Стокгольма за то что графъ заявилъ ему письменно, что я вовсе не собираюсь нападать на него и что я не питаю никакихъ непріязненныхъ чувствъ ни противъ него, ни противъ его народа. Онъ видитъ оскорбленіе своей чести и славы въ томъ, что его народъ называютъ рядомъ съ нимъ. Стало-быть онъ хочетъ совсѣмъ вычеркнуть имена народовъ, которые однако употребительны и въ грамматикахъ и въ словаряхъ. По его же мнѣнію нѣтъ болѣе народовъ, а есть короли. Вотъ величайшій деспотъ изъ королей. Отплывая въ Финляндію, онъ самъ сказалъ, что предпринимаетъ опасное дѣло; можно бы спросить: такъ зачѣмъ же вы и затѣваете его?.....

«Сэръ Фальстафъ дурной родственникъ и дурной сосѣдъ; его несправедливость ко мнѣ нѣчто неслыханное: я передъ нимъ ни въ чемъ не провинилась, я осыпáла его любезностями; я кормила его Финляндцевъ нѣсколько лѣтъ, когда въ Финляндіи былъ го-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 449.

лодъ; онъ никогда ни на что не жаловался, и теперь, мнѣ кажется, ему не на что жаловаться. Его величество доказываетъ, что незаконно присвоивъ себѣ неограниченную власть, онъ пользуется ею на горе своимъ подданнымъ для того, чтобъ навязать имъ ссору съ сосѣдями. Всякій король, всякій государь первое лицо среди своего народа; но одинъ государь не составляетъ еще всего народа. Развѣ упомянуть о Шведскомъ народѣ значитъ обидѣть короля? По какому праву онъ беретъ на себя судить русскаго посланника? Онъ высылаетъ его за то, что тотъ упомянулъ о Шведскомъ народѣ: развѣ есть законъ, которымъ это запрещено? Онъ переходитъ отъ одного оскорбленія къ другому: онъ потребовалъ, чтобъ его эскадру салютовали наши три корабля, что́ противно 17-й статьѣ трактата 1743 года, которою постановлено не салютовать. Далѣе нота, адресованная Шведскимъ королемъ ко всѣмъ другимъ дворамъ, очень оскорбительна и наполнена клеветами. Тамъ говорится объ основныхъ законахъ Шведскаго королевства; кажется, что эти законы сочинены и изданы Густавомъ III. Онъ жалуется также на дурные принципы и на происки посланниковъ, бывшихъ прежде графа Разумовскаго. И я могла бы сказать то же о шведскихъ посланникахъ; но такъ какъ я знаю, что подданные мои не имѣютъ повода на меня жаловаться, что я не посягаю на ихъ свободу, что я не употребляю по отношенію къ нимъ ни хитрости, ни притворства, ни двоедушія; такъ какъ я не позволяю себѣ затѣвать несправедливыхъ войнъ, то я не боюсь, чтобы какіе-нибудь иностранцы могли отклонить моихъ подданныхъ отъ вѣрности, столь же тѣсно связанной съ ихъ благоденствіемъ, какъ и съ ихъ истинными, существеннѣйшими интересами. Вы скажете: — вотъ краснорѣчивая филиппика;—но какъ быть? Она невольно вылилась изъ подъ пера; замѣтьте пожалуйста, что Шведскій король казался доволенъ графомъ Разумовскимъ, и мнѣ помнится, что у меня есть даже письмо, въ которомъ онъ мнѣ хвалилъ его, и никогда не жаловался ни на графа и ни на кого изъ его предшественниковъ».

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 451, 452.

25 іюня: «Сейчасъ запечатываю письмо; Шведскій король открылъ противъ меня враждебныя дѣйствія, пославъ переодѣтыхъ солдатъ ограбить таможню и схватить таможеннаго смотрителя съ его помощниками по близости Нейшлота въ Финляндіи. Вотъ благородный способъ нападенія! Я велѣла сказать окружному капитану, чтобъ онъ наказывалъ какъ воровъ тѣхъ, кого поймаютъ на такихъ доблестныхъ подвигахъ; до сихъ поръ еще не сдѣлано ни одного выстрѣла.

5-го іюля 1788: «Вторая Филиппика противъ Шведовъ. Вотъ мы въ открытой войнѣ съ королемъ Шведскимъ. Вы уже знаете, я полагаю, что когда его величество прикидывался, что принимаетъ мои вооруженія, назначенныя въ Средиземное море, за вооруженія противъ него, и подъ этимъ предлогомъ началъ вооружаться для защиты, то онъ открылъ Даніи свои планы. Узнавъ это, я приказала графу Разумовскому передать шведскому министру, что мое намѣреніе—жить въ мирѣ и согласіи съ его величествомъ и Шведскимъ народомъ; въ отвѣтъ на это Шведскій король выслалъ графа Разумовскаго изъ Стокгольма подъ предлогомъ, что посланникъ въ своей нотѣ отдѣлилъ короля отъ народа. Это пришедшее сюда извѣстіе не позволило болѣе сомнѣваться въ намѣреніяхъ Шведскаго короля; черезъ десять дней послѣ того, онъ высадился въ Финляндіи со всѣмъ своимъ войскомъ; флотъ слѣдовалъ за нимъ. Его посланнику приказано было выѣхать. Какъ только стало извѣстно что флотъ его потребовалъ салюта отъ нашихъ трехъ кораблей, Нолькену назначили осмидневный срокъ, точь въ точь какъ было поступлено съ графомъ Разумовскимъ. Но Нолькенъ еще не успѣлъ выѣхать отсюда, какъ изъ Финляндіи пришли вѣсти, что король Шведскій рѣшился снять одну таможню, вмѣстѣ съ ея смотрителемъ и помощниками на границѣ близь Нейшлота, что барка, нагруженная дровами для гарнизона этой крѣпости и находившіеся на ней два старые инвалида и одинъ пассажиръ были захвачены и убиты, и что Шведы аттаковали Нейшлотъ и обстрѣливаютъ его. Между тѣмъ шведскій секретарь, не получивъ еще приказанія о выѣздѣ,

потребовалъ аудіенціи у вице-канцлера, чтобъ представить ему ноту, подписанную по повелѣнію его государя. Я приказала вице-канцлеру принять и выслушать эту ноту. Тотъ прочелъ ему ноту съ довольно длиннымъ, безсвязнымъ и нелѣпымъ вступленіемъ, въ которомъ не постыдились упомянуть даже о мятежникѣ Пугачевѣ, но это еще ничто въ сравненіи съ тѣми условіями мира, которыя предлагалъ Россіи его шведское величество:

1. Подвергнуть примѣрному наказанію графа Разумовскаго, NB непонятно за что, такъ какъ его величество прежде никогда на него не жаловался, и даже въ нотѣ о его удаленіи воздалъ ему пространную и весьма лестную похвалу. Я полагаю, что еще въ первый разъ на свѣтѣ высылаютъ посланника за то, что онъ выразилъ мирныя и дружескія увѣренія, и требуютъ наказать министра, котораго сами же осыпáли безконечными похвалами.

2. Чтобъ я возвратила Швеціи Финляндію до Сюстербека, съ Нейшлотомъ и Кегсгольмомъ включительно.

3. Чтобъ я приняла посредничество его величества короля Шведскаго для заключенія мира съ Турціей.

4. Чтобъ я уполномочила его предложить Туркамъ Крымъ; если же они не захотятъ на этомъ условіи мириться со мною, то предоставила бы ему право предложить имъ возстановленіе границъ въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ были въ 1768 году.

5. Чтобъ я разоружилась на сушѣ и на морѣ и удалила войска отъ этой новой границы, какъ со стороны Турціи, такъ и со стороны Швеціи, а ему предоставила бы оставаться въ полномъ вооруженіи до окончательнаго выполненія этого мирнаго договора.

Вице-канцлеръ нашелъ, что эта нота такъ хороша, что ее можно принять, а черезъ два часа г. Шлаффъ получилъ отъ графа Брюса предписаніе выѣхать вмѣстѣ съ барономъ Нолькеномъ. Въ слѣдующее же воскресенье здѣсь въ Петербургѣ было обнародовано объявленіе войны съ Швеціей. А покамѣстъ шведскій

Флотъ занимается грабежемъ въ Балтійскомъ морѣ и не нашихъ кораблей, а иностранныхъ нейтральныхъ, именно: онъ захватилъ одно судно португальское, одно прусское, одно французское и влѣпилъ два ядра въ бортъ одному англійскому кораблю, который хотѣли взять. Его шведское величество, высадившись въ Финляндіи, нашелъ однако что пылъ его войскъ не совсѣмъ соотвѣтствуетъ его собственному. Тогда, чтобъ поднять ихъ духъ, Е. В. повелѣлъ передать имъ, что пусть они только слѣдуютъ за нимъ, и онъ обѣщаетъ имъ превзойти и затмить славу Густава Адольфа и довершить начатое Карломъ XII (т. е. повидимому гибель Швеціи). Сообразно съ этимъ онъ велѣлъ изготовить себѣ полное вооруженіе, которое будетъ носить въ битвахъ: латы, набедренники, наручники и каску со многимъ множествомъ перьевъ. Прощаясь съ стокгольмскими дамами, онъ приглашалъ ихъ къ себѣ на завтракъ въ Петергофъ. Адмиралъ Грейгъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, былъ 1-го числа этого мѣсяца за 12 морскихъ миль отъ шведскаго флота; по всей вѣроятности этотъ послѣдній не станетъ его дожидаться; то-есть надо предполагать это по обыкновеннымъ расчетамъ житейскаго опыта и здраваго смысла; но такъ какъ въ настоящемъ случаѣ все доведено до крайности, то можетъ случиться и иначе, что̀ надо будетъ выждать, увидѣть и услышать. Итакъ вотъ сэръ Джонъ Фальстафъ втянулся въ опасную игру: увидимъ, чѣмъ это кончится. Но всего страннѣе и хуже при этомъ, что Е. Ш. В., желая заставить свой призрачный сенатъ одобрить его будто бы оборонительныя мѣры противъ меня, самъ прочелъ въ полномъ присутствіи сената письма, въ которыхъ Нолькенъ, его посланникъ, извѣщалъ его, что я противъ него, короля Шведскаго, вооружаюсь. Нолькенъ же отрекается отъ этихъ писемъ и клянется и божится, что никогда ничего подобнаго не писалъ и что если его величество читалъ что-либо подобное, то письма эти не имъ Нолькеномъ писаны. Говорятъ, что король простеръ еще далѣе свою предпріимчивость и читалъ въ полномъ же собраніи сената мнимыя письма оскорбительнаго свойства, которыя онъ вѣроятно самъ

сочинилъ и выдалъ за мои. Я же не писала ему ни единаго письма съ 1785 года, и велѣла подать себѣ прежнія письма, чтобъ отыскать то что могло въ нихъ быть оскорбительнаго, и нашла, что эти письма можно бы напечатать: можетъ-быть я это когда нибудь и сдѣлаю. Предоставляю вамъ судить что надо подумать о государѣ, который прибѣгаетъ къ такимъ низкимъ и гнуснымъ средствамъ, чтобъ затѣять ссору съ державой, съ которой онъ рѣшился вступить въ безумную войну. Обманывать своихъ подданныхъ и клеветать на свою родственницу и сосѣдку — вотъ его первые пріемы. Между тѣмъ сколько разъ онъ лично, и устно и письменно, увѣрялъ меня въ вѣчной дружбѣ, въ томъ что онъ счелъ бы величайшимъ несчастіемъ для себя и для Швеціи, еслибъ когда-нибудь измѣнилъ этой дружбѣ. Я его вовсе не просила это говорить: зачѣмъ же было такъ поступать по собственному побужденію? Стало-быть, онъ такъ же лукавъ, какъ и безуменъ и лживъ. Вотъ качества поистинѣ геройскія. Такія качества встрѣчались ли когда-нибудь въ соединеніи съ храбростью? Его Нолькенъ былъ здѣсь въ долгу какъ въ шелку: что же сдѣлалъ Густавъ Фальстафъ? Онъ прислалъ ему вексель за своею подписью. Нолькенъ представлялъ его во всѣ здѣшнія конторы, но этому священному имени не было оказано ни малѣйшаго довѣрія: ему не ссудили ни копейки, и онъ долженъ былъ унести своего Густава въ томъ же видѣ какъ принесъ. Я имѣю сильное подозрѣніе, что онъ на меня лично очень сердитъ; но право я не знаю за что, потому что я никогда ничего кромѣ любезностей ему не оказывала. Ну что вы скажете и что тамъ у васъ говорятъ объ этомъ Антонинѣ? У насъ толкуютъ, что если онъ потерпитъ неудачи, то у него есть планъ отправиться въ Римъ и принять католичество, къ которому онъ очень расположенъ по причинѣ его пышныхъ обрядовъ, какъ онъ мнѣ самъ говорилъ. И вотъ онъ будетъ жить въ Римѣ точно такъ, какъ королева Христина. О! что касается этой послѣдней, я всегда смотрѣла на нее какъ на помѣшанную».

«Сего 7 іюля.

«Вотъ такъ король! онъ воображаетъ что ложью и обманомъ можно добыть себѣ много чести. Не выйдетъ, сударь, изъ этого ровно ничего, а будетъ то, что онъ сдѣлается позоромъ и посмѣшищемъ для потомства: ложью и обманомъ ни славы, ни чести себѣ не добудешь.

«8-го іюля.

«Просто неслыханныя вещи разсказываютъ про Шведскаго короля; вообразите, говорятъ, онъ хвастается, что придетъ сюда въ Петербургъ и велитъ низвергнуть конную статую Петра I, а на ея мѣсто велитъ поставить свою. Посылаю вамъ переводъ нашего манифеста о войнѣ и копію знаменитой ноты, которую можно кажется счесть образцомъ безумія и горячечнаго бреда. Чѣмъ болѣе размышляешь надъ вступленіемъ, тѣмъ оно представляется безсмысленнѣе: онъ хочетъ, напримѣръ, чтобъ ему вмѣнено было въ заслугу, что онъ не умертвилъ меня во время Пугачевскаго бунта и не явился союзникомъ разбойника съ большой дороги; однакоже онъ съ явнымъ удовольствіемъ о немъ упоминаетъ. Простой народъ у насъ такъ озлобленъ противъ Е. Ш. В., что называетъ его вторымъ Пугачевымъ. Далѣе король обвиняетъ моихъ посланниковъ въ Швеціи, что они будто интриговали противъ его новой формы правленія, а между тѣмъ онъ на послѣднемъ сеймѣ самъ во всеуслышаніе говорилъ иностраннымъ министрамъ, что его удивляетъ оппозиція, встрѣчаемая имъ въ собственной странѣ на собраніи сейма, тогда какъ онъ увѣренъ, что эта оппозиція не находитъ поддержки ни въ одной иноземной державѣ; а съ тѣхъ поръ какъ онъ въ 1772 г. незаконно захватилъ неограниченную власть, я ни копейки не давала Шведамъ. И такъ всѣ его жалобы пустыя, лживыя, клеветническія, и самъ онъ — государь съ весьма дурнымъ сердцемъ, котораго у насъ всѣ принимаютъ за сумасшедшаго. Замѣтьте еще пожалуйста выраженіе о двухъ имперіяхъ: оно весьма любопытно и указываетъ на какіе-то виды, которые не успѣли еще развиться. Мнѣ очень нравится

еще это хвастливое заявленіе о средствахъ великой державы, какъ будто неизвѣстно, что Е. Ш. В. получаетъ четыре милліона дохода, а съ этимъ далеко не уѣдешь. Онъ ведетъ себя какъ какой нибудь выскочка: Турки дали ему два или три милліона піастровъ, онъ совсѣмъ ошалѣлъ отъ подобной дряни и воображаетъ, что имъ и конца не будетъ; употреби онъ ихъ на благо своего королевства, я бы ему попрекать ими не стала»[1]).

За этимъ пространнымъ объясненіемъ причинъ шведской войны, писаннымъ подъ самымъ горячимъ впечатлѣніемъ неожиданности, слѣдуетъ манифестъ въ переводѣ на нѣмецкій языкъ.

Продолженіе войнъ шведской и турецкой.

Съ лѣта 1788 года извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ и побѣдахъ то на сѣверѣ, то на югѣ являются въ перепискѣ попеременно, и государыня продолжаетъ отдавать въ нихъ отчетъ Гримму подъ первымъ впечатлѣніемъ, а потомъ дополняетъ ихъ подробностями, почерпнутыми изъ донесеній. Отъ 9-го іюля къ коротенькой запискѣ прибавлено: «Посылаю вамъ копію съ письма. которое я вчера получила отъ адмирала Грейга: вы конечно прочтете его съ удовольствіемъ».

Къ этой собственноручной запискѣ приложена выписка изъ письма адмирала Грейга съ мѣста сраженія, гдѣ онъ стоялъ на якорѣ, отъ 7-го іюля 1788:

«Вчера у насъ было съ шведскимъ флотомъ чрезвычайно жаркое и упорное дѣло, которое продолжалось отъ 5-ти часовъ вечера до 10 безъ перерыва. Мы взяли семидесятипушечный корабль Принцъ Густавъ, на которомъ находится графъ Вахтмейстеръ, командовавшій авангардомъ непріятельскаго флота подъ вице-адмиральскимъ флагомъ. Онъ передалъ свой флагъ на корабль Ростиславъ (бывшій подъ флагомъ адмирала Грейга).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 451—456.

Битва кончилась съ наступленіемъ ночной темноты. Былъ небольшой вѣтерокъ при началѣ дѣла, но потомъ онъ утихъ. Непріятель отошелъ и оставилъ насъ побѣдителями на мѣстѣ сраженія [1]), въ семи нѣмецкихъ миляхъ отъ Гохланда. Непріятель направился къ Свеаборгу въ Финляндіи (Шведской). У него было 16 линейныхъ 70-ти и 60-ти пушечныхъ кораблей и 8 большихъ фрегатовъ, которые всѣ вступили въ бой. Я никогда не видалъ болѣе жаркаго сраженія, лучше выдержаннаго съ той и другой стороны».

Отъ 12-го іюля 1788 г. Екатерина пишетъ: «Вчера мы служили благодарственный молебенъ по случаю побѣды адмирала Грейга въ 7-ми миляхъ отъ Гохланда: онъ взялъ въ плѣнъ шведскаго вице-адмирала, и шведскій флотъ удалился къ Свеаборгу; по правдѣ сказать, адмиралъ взялъ бы въ плѣнъ и главнокомандующаго шведскимъ флотомъ, но вице-адмиралъ выступилъ впередъ, а тотъ [2]) сталъ позади его кораблей. Видно, очень боялись, какъ бы не остаться безъ принца. Будь это частный человѣкъ, ужъ конечно онъ не могъ бы безнаказанно покинуть своего поста.

«Петербургъ въ эту минуту походитъ на большой военный лагерь; на улицахъ только и видишь, что всякаго рода военные припасы. Но среди всего этого конечно и смѣются, и сердятся, и читаютъ, и пишутъ и болтаютъ вздоръ. Г. Палласъ устраиваетъ своей кабинетъ естественной исторіи, а мы на него смотримъ» [3]).

Отъ 14 іюля 1788: «Съ Чернаго моря сообщаютъ намъ, что принцъ Нассаускій разбилъ капитана-пашу въ четырехъ битвахъ сряду подъ Очаковскими пушками, что эта крѣпость, если Богу будетъ угодно, должна очень скоро пасть».

Отъ 28 іюля 1788: «Сэръ Густавъ, напавши на Фридрихсгамъ съ суши и съ моря, опять посадилъ свои войска на корабли, а на сухомъ пути все бѣжало со всѣхъ ногъ, и г. Лева-

[1]) Entre Schtien Skare et Kalbo de ground. Сб. XXIII, 459.

[2]) Герцогъ Зюдерманландскій, братъ короля.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 459, 460.

шовъ, защищающій эту крѣпость, совершенно избавленъ ото всей шведской шайки. Еще навѣрное неизвѣстно, отъ чего произошло это неожиданное бѣгство, но болтаютъ, что финнскія войска взбунтовались».

Отъ 4-го августа 1788: «Не вѣрьте лживымъ увѣреніямъ сэра Фальстафа. Онъ вездѣ благовѣститъ, что взялъ Нейшлотъ: онъ лжетъ. Онъ также увѣряетъ, что побѣдилъ въ морской битвѣ. Кабы Господь всегда его такъ благословлялъ!»[1])

Отъ 6-го августа 1788: «Сэръ Фальстафъ не полагаетъ ни разума, ни правды на свое дѣло. Онъ думаетъ, что можетъ всѣхъ обманывать. Это смѣшной смертный. Господинъ этотъ думаетъ, что онъ одинъ поглотилъ всю премудрость, а всѣ остальные люди на свѣтѣ жалкіе дураки. У него въ лагерѣ недостатокъ въ продовольствіи. Говорятъ, что онъ даетъ своимъ солдатамъ только по фунту хлѣба въ день: онъ хорошо дѣлаетъ, что отучаетъ ихъ отъ пищи; по крайней мѣрѣ они не умрутъ отъ объяденія. Вы не повѣрите до чего доходитъ у насъ негодованіе на сэра Густава-Фальстафа. Я была свидѣтельницей четырехъ войнъ; но ничего подобнаго такому презрѣнію къ его особѣ не видала.

Отъ 14 августа 1788: «У меня два дня была колика, заставившая меня пролежать въ постели. Вчера, соскучившись лежать, я велѣла принести себѣ нѣмецкихъ книгъ и между прочимъ мнѣ принесли одинъ журналъ подъ заглавіемъ: Das graue Ungeheuer (Сѣдое Чудовище), гдѣ помѣщенъ яко бы мой портретъ, и гдѣ полагаютъ сдѣлать мнѣ великую честь, не допуская всѣхъ тѣхъ ужасовъ, въ которыхъ даже враги мои никого не успѣли вполнѣ увѣрить. Затѣмъ меня ставятъ прямо послѣ Маріи Терезіи; этимъ мѣстомъ я конечно должна быть довольна; и даже увѣрена, что есть стороны, въ которыхъ я должна уступить ей. Она находила своего мужа весьма любезнымъ; я же о своемъ по совѣсти не могла сказать того же, а для лжи, какъ вы знаете, я не рождена. Но журналъ «Сѣрое Чудовище» требуетъ чтобъ вы, г. много-

[1]) Стр. 460, 461.

страдальный, написали мой портретъ съ натуры. Онъ говоритъ, что въ Парижѣ есть человѣкъ (это конечно не кто иной какъ вы), который въ своемъ портфелѣ носитъ доказательства, что я не кровожадна. Представьте себѣ! Вотъ какъ судятъ о людяхъ! Вотъ какъ ихъ знаютъ! Вотъ какъ пишутъ съ нихъ портреты! Онъ говоритъ, что во мнѣ болѣе хитрости, чѣмъ разсудительности или ума. Правда ли это? Предоставляю вамъ судить о томъ. Наконецъ онъ даетъ почувствовать, что у меня всѣ недостатки женщины. Опять таки отдаю себя на вашъ судъ».

Отъ 18-го августа: «Лукавый унесъ Шведскаго короля! Говорятъ, что онъ убрался обратно въ Швецію. Его разыскиваютъ въ Финляндіи какъ иголку и нигдѣ не находятъ. Финнскія войска отступили отъ Нейшлота, и такъ какъ имъ надо было проходить на судахъ передъ самой крѣпостью, то они велѣли просить коменданта, чтобы онъ не стрѣлялъ по нихъ, когда они будутъ удаляться. Все это невиданное дѣло! Комендантъ согласился, и вотъ они убрались себѣ тихохонько ночью. Король Шведскій велѣлъ напечатать въ газетахъ, что послѣ морского сраженія 6-го іюля братъ его отправился блокировать Кронштадтъ. Ну да, какъ бы не такъ! Адмиралъ Грейгъ, съ тѣхъ поръ какъ покинулъ Кронштадтъ, еще не возвращался туда, и въ виду Свеаборга, куда шведскій флотъ уткнулся послѣ битвы, сжегъ 64-пушечный корабль по имени Густавъ Адольфъ, и ни одна кошка не явилась на помощь этому кораблю, хоть это было въ виду названнаго поста. Они насъ бьютъ на бумагѣ, а мы ихъ колотимъ на самомъ дѣлѣ. Герцогъ Зюдерманландскій, по словамъ нашихъ моряковъ, не только не выказалъ храбрости, но первый убрался изъ сраженія. Вице-адмиралъ ихъ, чтобъ скрыть трусость герцога, распространялъ слухъ, что онъ раненъ, но славу Богу онъ здоровёхонекъ. На пятый день послѣ того какъ ихъ корабли безъ мачтъ и въ самомъ плачевномъ видѣ воротились въ гавань, какъ собаки, выгнанныя изъ кухни, они осмѣлились служить благодарственный молебенъ, но до сихъ поръ еще не вышли изъ этой дыры, окруженной со всѣхъ сторонъ скалами и подводными кам-

нями. Посмотримъ, что̀ изо всего этого будетъ и когда и какъ они воротятся домой. Въ Финляндіи, вездѣ гдѣ есть Шведы, крестьяне вынуждены прятать хлѣбъ, потому что голодные солдаты силой его отнимаютъ. Никогда не видано ничего похожаго на эту войну! Вы увидите, что въ концѣ концовъ намъ же изъ человѣколюбія придется спасать ихъ отъ голодной смерти. Попутай Богъ короля Фальстафа!» [1])

Отъ 2-го сентября: «Не стыдно ли г. Неккеру, что дочь его назначена посланницей этого отвратительнаго Фальстафа?»

Отъ 4-го сентября 1788: «Да будетъ вамъ извѣстно, г. многострадальный, что Фальстафъ всячески хлопоталъ у Турокъ, чтобъ продать себя, но что послѣдніе до сихъ поръ не выдали ему ни гроша и что для вооруженій онъ сдѣлалъ заемъ, надѣясь что Марабуты будутъ давать ему столько-то въ годъ, какъ только онъ объявитъ войну. Это невѣроятно, но сущая правда.

«Удивительный мѣсяцъ былъ прошлый іюль. Въ послѣдній день іюня я переѣхала въ городъ, чтобъ не терять лишнихъ три часа на каждомъ дѣлѣ, что̀ могло составить въ итогѣ много потерянныхъ часовъ, и чтобъ успокоить эту переполошившуюся привередницу [2]). Здѣсь я очутилась въ обстановкѣ военнаго города, окруженная всевозможнымъ оружіемъ и боевыми припасами. Все это двигалось и тянулось водой и по сушѣ мимо моихъ оконъ; я однимъ только этимъ и занималась, и домъ мой превратился въ главную квартиру, а я безотлучно въ немъ находилась, чтобъ получать извѣстія во всякое время дня и ночи, ежеминутно думая, мечтая, изобрѣтая разнаго рода планы и средства. Ну, хотите ли, чтобъ я вамъ сказала правду? Среди всего этого я чувствовала себя отлично, необыкновенно довольная собой и другими, встрѣчая на каждомъ шагу только одно пламенное усердіе и готовность дѣйствовать для общаго блага. Безъ приказанія и тре-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 461—463.

[2]) Здѣсь разумѣется Петербургъ. Москву Екатерина называла большой привередницей (la grande bégueule), а Петербургъ маленькой привередницей (la petite bégueule).

бованій, деревни слали мнѣ десятаго человѣка, мѣщане и города предлагали и доставляли огромныя суммы денегъ. Ямщики на почтовыхъ перевозили полковые обозы, и вмѣсто двухсотъ лошадей приводили на станціи до пяти и семи сотъ. Иностранцы распространяли слухъ, будто я уѣзжаю въ Москву, а туземцы, особенно простой народъ, говорили: — никогда она не покинетъ Петербурга при теперешнихъ обстоятельствахъ. — Въ это время Фальстафъ высаживался въ Финляндіи, и производилось нападеніе на Нейшлотъ; 6-го іюля увѣряли будто въ воздухѣ чувствовался запахъ пороха, что̀ очень можетъ быть. Я была больна въ этотъ день и лежала въ одной изъ залъ Эрмитажа на диванѣ: общество играло въ карты, а кто не игралъ, забавлялся тѣмъ, что ругалъ Фальстафа. Черезъ два дня я получила извѣстіе о морскомъ сраженіи; это было несравненно болѣе, чѣмъ сколько въ настоящую минуту требовалось, потому что, по нашимъ расчетамъ, какъ только первый шведскій постъ былъ опрокинутъ, финскія войска первыя, а потомъ и Шведы неминуемо должны были перестать слушаться и подчиняться непостижимымъ дурачествамъ своего безумнаго вождя, который, вѣроломствуя относительно насъ, обманывалъ свой собственный народъ и велъ его къ конечной гибели. Съ тѣхъ поръ все пошло, какъ мы предвидѣли. 31-го іюля я получила извѣстіе, что послѣ отступленія Финновъ сэръ Фальстафъ поручилъ своимъ повѣреннымъ вступить въ переговоры; я запретила имъ отвѣчать. До настоящей минуты Финляндія очищена отъ непріятелей, кромѣ одного поста въ Хёгфорсѣ, откуда также ихъ вскорѣ выгонятъ. И такъ г. многострадальный долженъ успокоиться отъ своихъ тревогъ.» [1])

Отъ 18-го сентября 1788: «Я вижу, что вы все еще объ насъ безпокоитесь, но право нѣтъ причины. Г. Фальстафа убрала нечистая сила: никто его не слушаетъ. Онъ стучался у всѣхъ дверей и хочетъ заварить кашу изъ самыхъ разнородныхъ инте-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 463, 464.

ресовъ, чтобы кончить свою тяжбу миролюбивой сдѣлкой. Повторяю, онъ стучится во всѣ двери, кромѣ той единственной, гдѣ бы слѣдовало, и стало-быть я заключаю, что въ немъ нѣтъ искренности, хотя онъ въ самомъ печальномъ положеніи, и нельзя не сказать, что это сумасшедшій въ полномъ смыслѣ слова. Вы забавны тѣмъ, что вѣрите всей лжи, которую онъ распространяетъ, и тревожитесь этимъ: подобныя приключенія съ нами случиться не могутъ, не бойтесь. У насъ теперь нѣтъ ни одной собаки оттуда; всѣ они, обуреваемые сомнѣніями, полумертвые отъ голода и страха, безъ денегъ и почти безъ одежды отправились во-свояси пасти гусей. Просто смѣхъ, если разсказывать все что происходило: подумаешь, что безуміе одного заразило и другихъ! Прощайте, будьте здоровы, я готовлю вамъ длинную грамоту съ приложеніями».

Отъ 3-го октября 1788: «Финны выжили Шведовъ посредствомъ переговоровъ изъ Хэгфорса съ одной стороны, а съ другой генералъ графъ Пушкинъ подвигался со всѣми своими силами; теперь въ русской Финляндіи нѣтъ ни одной шведской собаки. Шведскій флотъ все еще блокируется адмираломъ Грейгомъ въ Свеаборгѣ, и вѣроятно это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока время года позволитъ нашимъ войскамъ оставаться въ морѣ. Теперь Фальстафъ велѣлъ сказать Прусскому королю и Англійскому, Генеральнымъ Штатамъ, Датскому двору, королямъ Французскому и Испанскому, каждому по-одиночкѣ, что онъ бросается въ его объятія и его именно проситъ содѣйствовать заключенію мира. Каждый изъ этихъ дворовъ, кромѣ Датчанъ, сообщилъ мнѣ эти предложенія Фальстафа. Датчане отвѣчали, что это рѣшеніе Шведскаго короля опоздало и что они не могутъ быть посредниками, будучи въ союзѣ съ Россіей. Теперь всѣ ждутъ моего отвѣта, а я собираюсь хорошенько помудрить; вообразите суматоху всей Европы; у семи нянекъ дитя безъ глазу, говоритъ пословица. «Я увѣрена, что два глупца да одинъ безумецъ могутъ дѣйствовать только въ своемъ духѣ», говорилъ славной памяти Шахъ-Багамъ. Если это правда, такъ у насъ

еще много прелестей впереди. Конечно, поджигателями тутъ являются кавалеръ Гаррисъ и Герцбергъ [1]).

«Я не имѣю еще никакихъ извѣстій о томъ, чтобы Хотинъ или Очаковъ были взяты. Какъ только будетъ готовъ отвѣтъ на всѣ ужасныя обвиненія и клеветы, напечатанныя противъ насъ 21-го іюля Фальстафомъ, я его пришлю вамъ. Этотъ отвѣтъ наполненъ необыкновенно интересными историческими фактами. Такъ въ своемъ сумасшествіи онъ дошелъ до того, что клеветалъ на насъ, поносилъ и оскорблялъ насъ: пусть же онъ будетъ наказанъ за это на глазахъ всей Европы. Это злодѣй и безхарактерный человѣкъ, недостойный занимаемаго имъ мѣста, болѣе презрѣнный чѣмъ ненавистный для своихъ подданныхъ. И свои и чужіе говорятъ, что онъ не имѣетъ самыхъ азбучныхъ военныхъ познаній, ни талантовъ. Онъ трусъ и фанфаронъ, и въ головѣ его нѣтъ ни порядка, ни распорядительности. Я очень довольна Даніей. Не могу ничего сказать о Гегю. Вижу только, что имъ очень хочется показать себя дерзкими; но что бы тамъ ни было, я надѣюсь, что мы прекрасно выпутаемся изъ бѣды. Я думаю, что еслибъ «бѣдные люди» (Французы) заговорили погромче, они въ одно мгновеніе заставили бы Гегю понизить тонъ, потому что въ сущности партія бѣдныхъ людей могла бы сдѣлаться несравненно сильнѣе, еслибъ они захотѣли быть искреннѣе въ своихъ дѣлахъ. Домъ Бурбоновъ и двѣ имперіи пересилятъ Гегю и компанію. Тутъ болѣе толку чѣмъ въ Гегю; но надо бы начать съ голландскихъ дѣлъ и возвратить себѣ уваженіе тамъ именно, гдѣ его потеряли, а для этого надо бы дѣйствовать въ духѣ Сенъ-При. Вы меня извините: я говорю что́ думаю» [2]).

Отъ 9-го октября 1788: «Вчера мы служили благодарственный молебенъ по случаю взятія Хотина. Шведскій флотъ все еще запертъ въ Свеаборгѣ, и его шведское величество поручилъ свои дѣла почти всѣмъ державамъ Европы, какъ я вамъ выше сообщала.

---

[1]) Посланники англійскій и германскій.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, стр. 464—466.

Отъ 9-го ноября 1788: «Надо думать что братья Гегю готовятъ намъ еще болѣе хлопотъ, и вѣроятно война сдѣлается всеобщею и Гегю станутъ на сторонѣ Фальстафа, если только Франція не положитъ этому конца; полагаю, что ей стоило бы только возвысить голосъ по поводу дѣлъ въ Голландіи, и это прекратило бы тройныя дерзости Гегю Фальстафовъ; теперь, принудивъ Голландію подчиниться своимъ требованіямъ, они приставляютъ ножъ къ горлу Даніи и заставляютъ ее поступать жалкимъ образомъ изъ страха и по слабости. Если у васъ не повысятъ тона, дѣла́ дойдутъ до крайности и бѣдные люди потеряютъ послѣднее уваженіе навсегда и вездѣ.

«Имѣю честь объявить вамъ новость, которую вы можетъ-быть уже и знаете, именно взятіе штурмомъ Очакова. Фельдмаршалъ князь Потемкинъ прислалъ мнѣ съ донесеніемъ подполковника Бауэра, котораго я тотчасъ пожаловала въ полковники. 6-го декабря ст. ст., въ Николинъ день на разсвѣтѣ, шесть колоннъ подъ начальствомъ трехъ генералъ-лейтенантовъ овладѣли въ полтора часа времени ретраншаментами г. Лафитта, за́мкомъ Гассанъ-паши и крѣпостью Очаковомъ. Генералъ-лейтенантъ принцъ Ангальтъ-Бернбургскій и Самойловъ, каждый съ своей стороны, были впереди всѣхъ и получили за то по большому Георгіевскому кресту 2-й степени. Фельдмаршалъ же за свою побѣду получилъ Георгія 1-й степени. Извѣстія эти дошли до насъ 15 декабря вечеромъ, когда я лежала въ постели, больная простудой. Однако на другой же день я присутствовала на молебнѣ, во время котораго гремѣлъ громъ 101-го пушечнаго выстрѣла; было отъ 25 до 28 градусовъ мороза. Радость народная чрезмѣрна: вотъ мы опять на своемъ обычномъ побѣдномъ пути. Я же, какъ и въ прошедшую войну, точно будто взяла за правило хворать въ тѣ дни, когда приходятъ ко мнѣ хорошія и важныя извѣстія. Это очень странно, но оно такъ. Количество плѣнныхъ огромно: болѣе 12,000 человѣкъ, въ томъ числѣ трехбунчужный паша. Ждемъ подробностей» [1]).

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 467, 468.

Отъ 23-го января 1789 года: «Г. Фальстафъ въ эту минуту собираетъ въ Швеціи сеймъ, и велѣлъ арестовать въ Финляндіи 94 человѣка генераловъ и офицеровъ, изъ которыхъ многіе, узнавъ это, бѣжали къ намъ. Число ихъ ежедневно увеличивается и можетъ сдѣлаться весьма значительнымъ. Кажется, этотъ человѣкъ изъ числа тѣхъ, которые злѣйшаго врага имѣютъ въ самихъ себѣ».... «Вы вѣрно слышали уже о взятіи Очакова такъ же какъ и объ отступленіи визиря изъ Венгріи»..... «Увидимъ и узнаемъ скоро, образумитъ ли это Турокъ. Въ противномъ случаѣ посмотримъ, что̀ будетъ далѣе» [1]).

Въ то же время государыня такъ подводитъ итогъ политическимъ событіямъ 1788 года: «Это былъ хорошо наполненный годъ. Турецкая война, шведская война, сумасшествіе короля Англійскаго, взятіе Очакова, смерть короля Испанскаго, парламентскія пренія въ Англіи, польскій сеймъ, шведскій сеймъ, событія въ Голландіи, поведеніе Прусскаго короля въ Польшѣ и въ Даніи, морскія сраженія въ Лиманѣ и въ Балтійскомъ морѣ, дурачества въ Нидерландахъ, собраніе нотаблей, собраніе государственныхъ сословій (états-généraux), взятіе Хотина, прибытіе и изгнаніе визиря изъ Баната и проч.» [2])

О томъ, какъ переносила государыня всѣ эти столь близкія ей военныя тревоги, она говоритъ сама: «Здоровье мое выдержало всѣ потрясенія этого 1788 года и не измѣняло мнѣ. За исключеніемъ легкой колики, на которую я не обращаю никакого вниманія, я ни на что не могу жаловаться, и вотъ уже пятый годъ, мнѣ не было прописано ни малѣйшаго рецепта и въ буквальномъ смыслѣ я не принимала никакого лѣкарства» [3]).

Весь 1789 годъ войны съ Шведами и Турками продолжались съ тѣмъ же успѣхомъ. Кончина адмирала Грейга, умершаго 15-го октября 1788 на кораблѣ «Ростиславъ», глубоко огорчила Екатерину. Въ апрѣлѣ привезена сыномъ генерала Каменскаго

---

[1]) Стр. 468, 471. [2]) Стр. 473. [3]) Стр. 469.

слѣдующая вѣсть изъ Молдавіи [1]): «16-го апрѣля генералъ-лейтенантъ Дерфельденъ аттаковалъ и опрокинулъ корпусъ оттоманскихъ войскъ въ двадцати верстахъ отъ Браилова, близь Максинени, на рѣкѣ Серетѣ. 400 Турокъ пало на мѣстѣ, многіе потонули во время бѣгства. Болѣе ста человѣкъ взято въ плѣнъ и въ томъ числѣ двухбунчужный паша Якуфъ, командовавшій прежде въ Молдавіи, и два полковника или бинсъ-паши. Отнята одна пушка и три штандарта. Генералъ Дерфельденъ послѣ этого дѣла направился на Галацъ къ Дунаю».

«Только что присланъ еще курьеръ отъ генерала Каменскаго съ извѣстіемъ что генералъ-лейтенантъ Дерфельденъ со своей дивизіей 20-го апрѣля атаковалъ Турокъ въ лагерѣ близь Галаца на Дунаѣ и послѣ сильнаго, болѣе чѣмъ трехчасового сопротивленія, совершенно разбилъ ихъ. 1500 Турокъ убито; въ плѣнъ взятъ Ибрагимъ — трехбунчужный паша со множествомъ офицеровъ; всѣхъ же плѣнныхъ болѣе тысячи человѣкъ. Ихъ лагерь, знамена, артиллерія достались Русскимъ. Потеря съ нашей стороны: 60 убитыхъ и 100 раненыхъ».

Тутъ же императрица говоритъ, что плѣнные Турки увѣряютъ, будто султанъ Абдулъ-Гамидъ скончался и ему наслѣдовалъ племянникъ его Селимъ, и прибавляетъ: «Фельдмаршалъ, князь Потемкинъ вчера уѣхалъ въ соединенную армію, которою онъ командуетъ, а фельдмаршалъ графъ Румянцовъ покинулъ ее по причинѣ своихъ недуговъ, не позволяющихъ ему ѣздить верхомъ» [2]).

Царское Село, 12-го іюня 1789: «Генералъ-лейтенантъ Михельсонъ вступилъ при Векера въ шведскую Финляндію, и овладѣвъ при Кюро шведскими траншеями, пушками, складами, взявъ доброе количество плѣнныхъ и между ними двухъ майоровъ и шесть офицеровъ, пошелъ въ Христину и занялъ её. Оттуда онъ пробовалъ овладѣть С. Михелемъ, гдѣ находились са-

[1]) Все послѣдующее составляетъ приложеніе къ письму отъ 13-го апрѣля и писано рукою неизвѣстнаго лица.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 475, 476.

мые большіе склады оружія и запасные магазины. Но первая попытка была неудачна. Съ другой стороны генералъ-майоръ баронъ Шульцъ, опрокинувъ шведскіе отряды, стоявшіе передъ нимъ на Сулкавѣ, тоже подошелъ къ шведской Финляндіи. 8-го іюля, въ 12 часовъ, генералъ-лейтенантъ Михельсонъ напалъ на шведскія укрѣпленія въ Поросальми и разрушилъ непріятельскія батареи. Шведы, видя себя сбитыми съ этой позиціи, бросились въ С. Михель, преслѣдуемые русскими войсками, которыя овладѣли этимъ городомъ и находившимся въ немъ магазинами. Непріятель удалился въ Йокасъ, гдѣ онъ вѣроятно встрѣтился съ генералъ-майоромъ барономъ Шульцомъ, который долженъ былъ туда отправиться изъ Сулкавы. Генералъ-лейтенантъ Михельсонъ намѣренъ выбить Шведовъ изъ Пумелазунда [1]). Генералъ-майоръ Кноррингъ, лифляндецъ, уже исполнилъ это. Послѣ вышесказаннаго взяли уже 16 пушекъ, множество припасовъ и плѣнныхъ. Это мѣстечко — верфь на озерѣ Саймѣ».

Царское Село, 8-е августа 1789: «Только что прискакалъ курьеръ отъ князя Потемкина-Таврическаго съ извѣстіемъ, что генералъ Суворовъ, соединившись съ принцемъ Кобургскимъ, одержалъ при Фокшанахъ въ Молдавіи побѣду надъ тридцатитысячнымъ турецкимъ корпусомъ, который разбитъ на голову и разсѣянъ. Соединенныя войска взяли у нихъ восемь пушекъ и двѣнадцать знаменъ, и весь турецкій лагерь съ значительной добычей достался въ руки побѣдоносныхъ войскъ. Это происходило 21-го іюля стараго стиля. Подробности еще не пришли. Фельдмаршалъ отправилъ прямо сюда, какъ очевидца, того самого Беринга, внука знаменитаго Беринга, который былъ присланъ къ нему съ этимъ извѣстіемъ Суворовымъ. Завтра мы будемъ служить благодарственный молебенъ. Капитанъ-командиръ Берингъ извѣстенъ у насъ своими открытіями въ Тихомъ Океанѣ. Онъ былъ два раза въ Камчаткѣ».

---

[1]) Съ слѣдующаго слова приписано рукой императрицы.

С.-Петербургъ, 17-го августа 1789: «15-го августа пріѣхалъ курьеромъ подполковникъ гвардіи Преображенскаго полка графъ Штакельбергъ отъ именп вице-адмирала князя Нассау-Зигенскаго съ извѣстіемъ о славной побѣдѣ, одержанной 13-го августа русской флотиліей изъ галеръ, шебекъ и лодокъ, которою онъ командовалъ, надъ шведскимъ флотомъ подъ командою оберъ-адмирала Эренсверда при устьѣ Кюмени, между островами Коткой и Куотсальмулима. Дѣло продолжалось 14 часовъ. Шведскій адмиральскій корабль, шесть большихъ сорока-и пятидесяти пушечныхъ судовъ, одна галера и одинъ катеръ [1]), болѣе 1200 плѣнныхъ и болѣе 40 офицеровъ, все это въ нашихъ рукахъ; что не погибло, было загнано въ Кюмень и блокировано принцемъ Нассаускимъ. Наша потеря заключается въ одной галерѣ, взорванной на воздухъ. Вчера, по случаю этой побѣды, опять служили благодарственный молебенъ, второй на этой недѣлѣ. Вице-адмиралъ сообщитъ подробности послѣ. Онъ чрезвычайно хвалитъ наши войска, особливо гвардію. Въ первый день принцъ Нассаускій думалъ, что у него погибли двѣ галеры; но на другой день оказалось, что на одной изъ нихъ успѣли затушить огонь, и она была спасена».

«25-го августа пріѣхалъ отъ князя Потемкина-Таврическаго полковникъ Зубовъ; онъ привезъ слѣдующія извѣстія отъ 16-го сентября изъ главной квартиры въ Каушанѣ, въ 20-ти верстахъ отъ Бендеръ: 7-го сентября бригадиръ Орловъ разбилъ при рѣчкѣ Салчѣ авангардъ Гассана-паши, состоявшій изъ пяти тысячъ Турокъ; при сраженіи присутствовалъ сераскиръ Гассанъ-паша — прежде капитанъ-паша. 8-го сентября, когда приближались русскія войска, онъ покинулъ свой лагерь и пушки, и бѣжалъ въ Измаилъ. И лагерь и пушки попали въ руки русскихъ войскъ, предводимыхъ княземъ Репнинымъ».

«11-го сентября генералъ Суворовъ и принцъ Саксенъ-Кобургскій при Рымникѣ разбили въ пухъ и прахъ турецкую армію

---

[1]) Cutter, англ. слово, отъ котораго и произошло наше *катеръ*.

подъ начальствомъ самого великаго визиря. 80 пушекъ, 50 знаменъ, весь турецкій лагерь и обозъ достались въ руки соединенныхъ войскъ императорскихъ и русскихъ. Турки потеряли болѣе шести тысячъ убитыми.

«12-го сентября сераскиръ Гассанъ-паша заперся въ Измаилѣ, защищенномъ окопами.

«13-го сентября близь Каушана трехбунчужный паша Зайнали Гассанъ-Беглербей изъ Анатоліи былъ взятъ въ плѣнъ, послѣ пораженія корпуса, которымъ онъ командовалъ. Лагерь и пушки его достались корпусу, находившемуся подъ командой генералъ-лейтенанта принца Ангальтъ-Бернбургскаго.

«14-го сентября замокъ Гаджибей (*нынѣшняя Одесса*) былъ взятъ приступомъ генералъ-майоромъ Рибасомъ. Подробности всего этого придутъ послѣ, а покамѣстъ мы будемъ служить завтра молебенъ при звонѣ колоколовъ и громѣ пушекъ».

15-го ноября 1789: «Мы получили радостное извѣстіе, что городъ и крѣпость Бендеры на Днѣстрѣ сдались добровольно фельдмаршалу князю Потемкину-Таврическому 4-го ноября стар. ст., и это не стоило ни одного человѣка арміи, состоящей подъ его командой. Въ городѣ находились: сераскиръ, двое трехбунчужныхъ пашей и двадцать тысячъ человѣкъ гарнизона; кромѣ того большое количество боевыхъ и съѣстныхъ припасовъ, и около 400 пушекъ на укрѣпленіяхъ» [1]).

Окончаніе шведской войны и Верельскій миръ. — Событія турецкой войны.

Въ іюнѣ 1790 года дѣйствія Густава опять стали рѣшительнѣе, и онъ снова приблизился къ Петербургу. Вотъ какъ извѣщаетъ объ этомъ государыня отъ 21-го іюня:

«Возьмите пожалуйста карту Балтійскаго моря и отыщите Выборгъ. Онъ находится въ глубинѣ залива на финляндскомъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 476—479.

берегу. Это ближайшій за Кронштадтомъ заливъ. Такъ вотъ, послѣ трехдневныхъ сраженій, начинавшихся съ разсвѣтомъ и кончавшихся съ солнечнымъ закатомъ, флотъ г. Зюдерманландскаго, въ слѣдствіе шведскихъ соображеній, соединился передъ этимъ заливомъ съ галернымъ флотомъ подъ личнымъ начальствомъ самого короля. Выборгскій заливъ весь усѣянъ островами. Тридцать нашихъ галеръ расположены середи этихъ острововъ, городъ Выборгъ позади ихъ. Два шведскіе флота стали между нашими тридцатью галерами, а двѣ эскадры, ревельская и кронштадтская, отрѣзываютъ имъ сообщенія съ моремъ и шведскими берегами. Со стороны же Кронштадскаго залива стоитъ принцъ Нассаускій съ флотиліей изъ галеръ, шебекъ и другихъ гребныхъ судовъ, которымъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ числа, такъ какъ, ничего не прибавляя, у него ихъ болѣе двухсотъ. Ну, что же онъ дѣлаетъ, т. е. Фальстафъ конечно? Онъ умираетъ съ голоду и его люди тоже, кромѣ того еще что они пускаются на побѣги, когда кого изъ нихъ посылаютъ за чѣмъ-нибудь, хотя бы за водой. Въ этомъ Выборгскомъ заливѣ, между подводными камнями и скалами, находится съ обѣихъ сторонъ болѣе пятидесяти тысячъ человѣкъ и вѣроятно, когда вы получите это письмо, все будетъ покончено»....

Въ томъ же письмѣ на другой день прибавлено: «Св. Іоаннъ Креститель у насъ въ большомъ почетѣ, особливо у меня, вашей покорной слуги, со дня знаменитаго чесменскаго боя, который празднуется 24-го іюня ст. ст. Посмотримъ, не будетъ ли и шведскій флотъ разбитъ въ этотъ же день, то-есть послѣ завтра»[1]).

«Царское Село, 1790 г. 24-го іюня ст. ст., день Св. Іоанна и годовщина чесменской битвы.

«Третьяго дня присланъ къ намъ курьеръ отъ вице-адмирала принца Нассаускаго съ извѣстіемъ, что, прибывъ 21-го іюня со своей гребной флотиліей въ проливъ Березовъ, или иначе Бьёркэ-Зундъ, онъ встрѣтилъ непріятеля и послѣ пятичасовой

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 482, 483.

канонады загналъ Шведовъ далѣе въ Выборгскій заливъ и занялъ постъ противъ церкви Бьёркэ.

«Вчера утромъ пріѣхалъ курьеръ отъ генерала графа Салтыкова изъ Выборга, и привезъ извѣстіе о томъ, что было видно съ берега, именно: 22-го іюня въ 8 часовъ утра большой шведскій флотъ поднялъ паруса при попутномъ вѣтрѣ, чтобъ пробиться сквозь ряды русскихъ кораблей, которые блокировали его въ Выборгскомъ заливѣ съ 27-го мая. Когда онъ приблизился къ кораблямъ, находившимся подъ командой контръ-адмирала Повалишина, открылась канонада, и разсказываютъ, что видѣли какъ взлетѣло на воздухъ пять шведскихъ кораблей, а шестой былъ взятъ. Канонада продолжалась и противъ эскадры адмирала Ханыкова, который отнялъ у Шведовъ 3 линейные корабля, 1 фрегатъ, 2 галеры и нѣсколько меньшихъ судовъ.

«Тогда пораженіе непріятеля сдѣлалось общимъ: весь его флотъ обратился въ бѣгство въ величайшемъ безпорядкѣ; большіе корабли—въ направленіи къ Астэ, гребныя суда—въ шкеры, между прибрежными островами. Первые преслѣдуетъ большой русскій флотъ, предводимый Чичаговымъ, вторыя — принцъ Нассаускій, который, какъ кажется, захватилъ много непріятельскихъ галеръ и канонерокъ. Мы ожидаемъ дальнѣйшихъ извѣстій и подробностей объ этомъ замѣчательномъ пораженіи Шведовъ отъ самихъ господъ адмираловъ, которые, будучи слишномъ заняты въ эту минуту преслѣдованіемъ непріятеля, вѣроятно не имѣютъ времени чинить перья. Кромѣ того попутный для преслѣдованія вѣтеръ оказался бы противнымъ для посланныхъ назадъ кораблей» [1]).

На другой день 25-го іюня 1790, государыня пишетъ:

«Пораженіе шведскаго флота должно быть полное, но мы и въ недѣлю не соберемъ всѣхъ подробностей. Я вчера послала вамъ черезъ посредство Бахуса образчикъ перваго дня. Его шведское величество и вѣроятно братецъ его вмѣстѣ съ англича-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 486.

нимъ Смитомъ, котораго его величество не выпускаетъ изъ глазъ ни днемъ, ни ночью, сѣли въ баркасъ между двумя судами съ провіантомъ и такимъ образомъ бѣжали, пока сражались корабли. Вотъ ужъ этого, напримѣръ, я бы не сдѣлала, потому что оно доказываетъ, что боишься за свою шкуру. Я просто сказала бы своему флоту: «Господа, хочу дѣлить ваши опасности; гдѣ вы будете, тамъ и я. Будемъ жить и умирать вмѣстѣ!» Но бѣжать въ самомъ разгарѣ опасности, это низость, а не ошибка. О дрянные трусы! Они внушаютъ мнѣ отвращеніе. Это по-нѣмецки называется попросту Schurken (подлецы). Я имѣю отъ 23-го рапортъ казацкаго пикета, стоявшаго на берегу, въ которомъ три замѣчательныя слова. Офицеръ пишетъ: *наши на морѣ хватаютъ, жгутъ и тѣснятъ непріятеля. Вашъ покорный слуга*».

Того же 25-го іюня по полудни.

«Вотъ еще донесенія изъ Ревеля о пораженіи Шведовъ, которые сходны со свѣдѣніями казацкаго пикета на финляндскомъ берегу. Господа адмиралы уже прислали туда шведскіе призы и ихъ начинаютъ употреблять въ дѣло какъ свои: это, какъ вы видите, удобно. Я не могу вамъ теперь же означить ихъ число, потому что это могло бы показаться хвастовствомъ, еслибъ я насчитала ихъ нѣсколько десятковъ; подождемъ точнаго списка ихъ съ именами и прозваніями. Но, скажите правду, не получило ли вѣроломство достойнаго возмездія?» [1]).

29-го іюня 1790.

«Наконецъ вотъ приблизительно донесеніе о шведскомъ пораженіи. Послѣ трехъ неудачныхъ для шведскаго флота сраженій, происшедшихъ въ концѣ мая между эскадрою вице-адмирала Крузе, вышедшей изъ Кронштадта въ количествѣ 17 линейныхъ кораблей, и герцогомъ Зюдерманландскимъ, послѣдній, узнавъ о приближеніи адмирала Чигачова изъ Ревельскаго порта съ эскадрой изъ 10 кораблей, рѣшился итти на соединеніе съ королемъ, братомъ своимъ, и его гребной флотиліей въ заливѣ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 488, 489.

Выборгскомъ. Ревельскій флотъ и кронштадтскій соединились въ виду непріятеля 27-го мая и тотчасъ блокировали шведскіе флоты въ Выборгскомъ заливѣ. Вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенскій, задержанный противнымъ вѣтромъ, не могъ прибыть въ заливъ Бьёркӭ съ своей гребной флотиліей ранѣе 21-го іюня. Онъ вытѣснилъ послѣ пятичасового сраженія его шведское высочество изъ Бьёркӭ. Тогда послѣдній рѣшился пробиться со своимъ флотомъ и гребной флотиліей сквозь русскій флотъ. Онъ велѣлъ сдѣлать фальшивую атаку на правое крыло русскихъ кораблей 22-го іюня поутру, и при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ шведскіе линейные корабли атаковали пять военныхъ кораблей эскадры контръ-адмирала Повалишина. Шведы пустили передъ собою три брандера, полагая, что вѣтеръ отнесетъ ихъ на упомянутую эскадру к-а. Повалишина; но брандеры эти зацѣпились за два шведскіе линейные корабля, которые взлетѣли на воздухъ вмѣстѣ съ тремя брандерами. Потомъ, въ продолженіе четырехъ часовъ, шведскіе корабли по-одиночкѣ проходили мимо эскадръ адмираловъ Повалишина и Ханыкова, которые захватили пять изъ нихъ, да еще два фрегата со множествомъ галеръ и прочихъ судовъ, не считая потопленныхъ. Пока это происходило, адмиралъ Чичаговъ и вице-адмиралы Крузе и Пушкинъ снялись съ якоря, чтобъ преслѣдовать непріятеля, такъ же какъ и вице-адмиралъ принцъ Нассау-Зигенскій, который, по словамъ нашихъ моряковъ, бросился какъ стрѣла преслѣдовать Шведовъ и отнялъ у нихъ одинъ линейный корабль, на которомъ и поднялъ свой флагъ. Ихъ гнали до Гохланда и во время этого преслѣдованія былъ взятъ шведскій контръ-адмиральскій корабль и еще другой, да кромѣ того фрегатъ. Ночь остановила побѣды этого дня. Взято пять тысячъ плѣнныхъ, въ томъ числѣ контръ-адмиралъ Лейонанкеръ и болѣе ста офицеровъ. Наша потеря убитыми 117 и ранеными 164. Прощайте, будьте здоровы. О королѣ ничего неизвѣстно. Его завтракъ, галера, шлюпка взяты. Иные говорятъ, что онъ спасся въ лодочкѣ, яхта же его потонула. Вѣрно только то, что его до сихъ поръ не захватили.

5-е августа.

«Спѣшу извѣстить г. многострадальнаго, что миръ между королемъ Шведскимъ и его кузиной, императрицей Россійской подписанъ 3-го августа 1790 г. генералъ-лейтенантомъ барономъ Игельстрёмомъ съ нашей стороны, а съ другой Армфельтомъ, возлюбленнымъ короля, безъ всякаго посторонняго посредничества. Вотъ однимъ зломъ меньше; у меня свалились сегодня утромъ съ ногъ четыре мозоли, которыя меня очень безпокоили; поэтому я думаю включить этотъ день въ число благопріятныхъ. Прощайте, будьте здоровы».

12-е сентября.

«У меня голова кружится, г. многострадальный, отъ мирныхъ празднествъ, начавшихся 8-го этого мѣсяца. Такъ вотъ плодъ мира. Слава Богу, что она у насъ не кружилась во время войны, а это ужъ надо снести съ терпѣніемъ и покорностью.

«Сегодня, 12-го сентября, народный праздникъ, а дождь льетъ, какъ изъ ведра; это соусъ къ двумъ быкамъ съ принадлежностями, которые стоятъ у меня подъ окнами, но безъ этой приправы можно бы обойтись. Эта вода разбавитъ и вино въ двухъ фонтанахъ, устроенныхъ рядомъ съ господами быками».

12-го сентября послѣ обѣда.

«Народный праздникъ кончился; всякій по-своему празднуетъ миръ. У насъ это — время увеселеній, прощеній, помилованій, наградъ и пировъ. У сосѣда моего, только что онъ вернулся въ Стокгольмъ, первымъ дѣломъ было рубить головы. Боже, Боже, какъ различно понимаются вещи на этомъ свѣтѣ [1])!

О неудачѣ принца Нассаускаго при Свенскзундѣ Екатерина сама не упоминала. Но Гриммъ, до котораго вѣсть эта конечно быстро долетѣла, пишетъ отъ $^1/_{12}$ августа: «Принцъ Нассаускій ошеломилъ меня извѣстіемъ, отъ котораго не знаю оправлюсь ли я. Мнѣ еще не вполнѣ ясно, что̀ случилось между нимъ и тѣмъ,

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 491—493.

чье имя никогда не будетъ болѣе на устахъ моихъ; но малѣйшій успѣхъ послѣдняго—смертельный ядъ для моего сердца, а осквернение дня славнаго воцаренія еще увеличиваетъ мою болѣзнь. Этотъ успѣхъ казался мнѣ впрочемъ невозможнымъ, послѣ всего что произошло пять или шесть дней передъ тѣмъ. Я не думаю, чтобъ это повліяло на славный ходъ кампаніи, но покамѣстъ оно нанесло мнѣ ударъ тѣмъ болѣе ужасный, что я не ожидалъ его» [1]).

Отвѣчая на эти соболѣзнованія, Екатерина такъ объясняла неудачу принца Нассаускаго: «Не Шведскій король, или его флотилія разбили принца Нассаускаго: это произвелъ большой вѣтеръ и слишкомъ большой пылъ его подчиненныхъ, которые считали себя непобѣдимыми. Онъ хотѣлъ поддержать горячія головы, бросившіяся впередъ, а вѣтеръ съ силой вмѣшался въ дѣло, и онъ потерпѣлъ неудачу; однако онъ послѣ нея все-таки оказался вдвое сильнѣе Шведовъ. Въ минуту подписанія мира онъ снова держалъ ихъ взаперти, такъ что имъ грозило неминуемое истребленіе. Это до того ускорило миръ, что Шведы потребовали его ратификаціи черезъ шесть дней, такъ какъ люди ихъ ужасно страдали. Они были заперты отовсюду среди обломковъ разрушенія 22-го іюня; въ тотъ день принцъ Нассаускій сдѣлалъ промахъ, пошедъ къ Гохланду, вмѣсто того чтобъ лавировать въ шкерахъ. На это уговорили его вѣроятно его капитаны, потому что они разлакомились призами большихъ шведскихъ кораблей, сдавшихся гребной флотиліи, чему кажется мало примѣровъ въ морской практикѣ. Еслибъ, вмѣсто того чтобъ гоняться за большими судами, они отрѣзывали и преслѣдовали гребные суда, что было ихъ прямымъ дѣломъ, всякій исполнилъ бы свое назначеніе и остатки флота не повредили бы принцу, какъ это случилось. Но сдѣланнаго не воротишь и нечего болѣе объ этомъ говорить» [2]).

Въ другомъ мѣстѣ однако государыня сама возвращается къ тому же предмету, начавъ съ похвалы кронштадтскому флоту:

---

[1]) Письма Гримма, стр. 245.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 493.

«Знаете ли вы, что этотъ кронштадтскій флотъ имѣетъ замѣчательно опытныхъ моряковъ? Я не могу видѣть адмирала Чичагова, чтобъ не вспомнить слова князя де-Линя о фельдмаршалѣ Лаудонѣ, когда о немъ кто-то спросилъ, по чему его можно узнать:—подите, сказалъ онъ, вы найдете его за дверью, сконфуженнаго своимъ достоинствомъ и своими талантами.—Вотъ точное изображеніе моего адмирала. Адмиралъ Крузе, вице-адмиралъ Повалишинъ выказали столько же храбрости, какъ и искуства. Мнѣ очень жаль сознаться, что Нассаускій въ эту кампанію потерялъ въ общественномъ мнѣніи: ему не столько поставили бы въ вину несчастіе при Свенскзундѣ, сколько отчаяніе, которое онъ обнаружилъ за этимъ, чѣмъ и потерялъ довѣріе своихъ подчиненныхъ. Насаусскій добръ и имѣетъ ту слабость, что вокругъ него слишкомъ много искателей приключеній, которымъ онъ черезъ чуръ легко довѣряетъ. Я одна его поддерживала и одобряла» [1]).

Въ послѣдующихъ письмахъ государыня сообщаетъ еще нѣсколько любопытныхъ подробностей о заключеніи мира:

«Такъ вы находите нашъ сѣверный миръ прелестнымъ, вмѣстѣ съ формой его заключенія и подписанія въ открытомъ полѣ двумя баронами, изъ которыхъ одинъ былъ въ состояніи сказать другому: «я убью тебя, баронъ, если ты не приступишь со мной прямо къ дѣлу»; другой же баронъ имѣлъ слишкомъ много смысла, чтобы не видать крайней необходимости въ окончаніи дѣла и не понять, что онъ пріобрѣтаетъ заслугу въ глазахъ своей націи, уменьшая тѣмъ ненависть къ себѣ, какъ къ первому возбудителю разорительной войны, которую страна выноситъ вотъ уже три года. Что же касается опекуновъ, то никто изъ нихъ, по правдѣ сказать, не настолько нуждался въ этой войнѣ чтобы запутать чистое и ясное дѣло. Далѣе, хвалясь опять быстротою заключенія мира, императрица прибавляетъ понѣмецки: «Ге и Гю шумѣли и шумятъ до сихъ поръ, но Господь воинствъ силенъ и одинъ повелѣваетъ помазанниками, и

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 495, 496.

никакими другими заповѣдями какъ Его заповѣдями я не буду руководствоваться, что бы изъ этого ни вышло. Мы на все готовы: и принять и прогнать, и устоять и драться, и надѣемся, что Господь воинствъ поддержитъ и благословитъ правое дѣло, и въ этой упрямой рѣшимости мы остаемся покойны, степенны, учтивы и веселы, и всю зиму танцуемъ съ обоими братьями Александромъ и Константиномъ подъ ручку» [1]).

Надо пояснить здѣсь, что все сказанное было отвѣтомъ на восторженные отзывы Гримма о ловкомъ и быстромъ заключеніи Верельскаго мира, такъ же какъ и на его разсужденія о тѣхъ чувствахъ гнѣва и негодованія, которыя этотъ миръ, заключенный такъ неожиданно и безъ посредничества, долженъ былъ возбудить во враждебномъ Россіи лагерѣ. Гриммъ получилъ это извѣстіе, отправляясь въ дорогу съ водъ Бурбонны во Франкфуртъ на коронацію Австрійскаго императора Леопольда, и пишетъ: «Ну, сказалъ я, разговаривая со своей шапкой: это съ ея стороны такая мастерская штука, какой мало подобныхъ, и ея завистливые и желчные друзья не такъ легко ей простятъ это, какъ даже то, что она своего двоюроднаго братца, нѣкогда называвшагося Фальстафъ-Шлаффъ, а теперь искренній, нѣжный и дорогой другъ, разбила на голову или даже захватила въ плѣнъ.... Ну ужъ мастерское дѣло, вотъ такъ ловкая штука, вотъ такъ капитальный подвигъ! Время отъ времени я говорилъ имъ: «ну вы, дураки, развѣ вы отъ своего молодца (ganzer Kerl) могли ожидать чего-нибудь иного, кромѣ капитальныхъ подвиговъ»? [2]).

На это государыня отвѣчаетъ новой, еще болѣе интересной подробностью: «Что до Верельскаго мира, я согласна съ вами, что онъ можетъ-быть единственный въ своемъ родѣ, потому что заключенъ въ трое сутокъ, отчего всѣ гороховые супы и ихъ здѣшніе повара [3]) потеряли голову. Да и генералъ Игельстрёмъ, еслибъ онъ не заключилъ его, рисковалъ быть на четвертый

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 501, 502.

[2]) Письма Гримма, стр. 259, 279.

[3]) Т. е. посланники.

день арестованнымъ, такъ какъ наши казаки, замѣтивъ что онъ двѣ ночи сряду имѣлъ тайныя свиданія съ переодѣтымъ шведомъ, начинали подозрѣвать его въ измѣнѣ, и, когда онъ на третій день пошелъ къ Армфельту, они донесли своему генералу о происходившемъ. Этотъ послѣдній, не будучи предупрежденъ, на четвертую ночь велѣлъ слѣдить за нимъ; но такъ какъ миръ былъ уже подписанъ, то всѣ подозрѣнія исчезли. Всего забавнѣе, что рапортъ объ этомъ былъ присланъ ко мнѣ» [1]).

Когда Гриммъ съ Бурбонскихъ водъ восторженно поздравлялъ Екатерину съ заключеніемъ мира, она отвѣчала: «Вы впали въ порядочный бредъ по поводу мира. Но это ничего. Спокойствіе возвратится. Я знаю, что при извѣстіи о чесменской битвѣ, я на восемь дней наложила на себя молчаніе, и это образумило меня. Въ этомъ же году, при вѣсти о побѣдѣ Чичагова подъ Ревелемъ, я была почти въ томъ же положеніи. При большихъ радостяхъ трудно владѣть собою, отъ нихъ съ ума сходишь» [2]).

Но не одинъ Гриммъ въ Европѣ удивлялся мужеству и твердости, съ какими Екатерина отражала происки своихъ враговъ и переносила тягость двухъ войнъ разомъ на противоположныхъ концахъ своего государства. Гриммъ часто перечисляетъ ей поклонниковъ ея славы. При этомъ же случаѣ онъ пересылаетъ ей три письма своего друга графа Шомберга, въ которыхъ онъ воздаетъ полную дань удивленія геніальной государынѣ. Сожалѣя о томъ, что Гриммъ рѣшается возвратиться въ революціонный омутъ Парижа (1790), Шомбергъ прибавляетъ:

«Вы впрочемъ будете находить развлеченіе въ славѣ вашего друга, самой дивной женщины всѣхъ временъ, которая съ такимъ благородствомъ и непринужденностью исполняетъ Виргиліево слово: «Воевать съ гордыми и щадить побѣжденныхъ». Въ другомъ письмѣ, говоря о переводѣ Плутарха, которымъ государыня занималась въ самый разгаръ борьбы съ Швеціею, Шом-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 506.
[2]) Стр. 501.

бергъ восклицаетъ: «О чудесная женщина, какова Като!... Вотъ образецъ королямъ, героямъ, мудрецамъ!.... Я требую ея портрета положительно, назойливо, потому что это мнѣ слѣдуетъ. Если я не сражался съ Шведами и Татарами, я часто сражался съ варварами и глупцами; я сдѣлалъ себѣ изъ нихъ личныхъ враговъ, какъ нѣкогда за великаго Фридриха. И потомъ, кому этотъ портретъ можетъ доставить болѣе удовольствія? Кто ему воздастъ болѣе постоянное чествованіе? И развѣ я не для него сочинилъ этотъ стихъ:

Et l'Europe la compte au rang des plus grands hommes.

И Европа ставитъ ее на ряду съ величайшими людьми»? [1]) Екатерина, которая не показывала себя падкою на лесть и похвалы и часто принимала ихъ съ тонкой ироніей, отвѣчала на это: «При случаѣ и въ другое время, вашъ графъ Шомбергъ не будетъ забытъ. Но теперь не до того».

Особенную цѣну придала Екатерина привѣтствію друга своего Потемкина по случаю того же Верельскаго мира. Вотъ какъ она пишетъ объ этомъ: «Въ письмѣ, которое Фельдмаршалъ князь Потемкинъ написалъ мнѣ, какъ только получилъ извѣстіе о заключеніи мира, упавшее ему на голову какъ бомба, есть фраза многознаменательная, и потому я не могу не перевести ее вамъ. Онъ въ ту же минуту взялся за перо и такъ началъ свое письмо: «*Здравствуй, матушка, всемилостивѣйшая государыня, съ плодомъ неустрашимой твоей твердости!*» Я люблю геніальные порывы и мнѣ кажется, что эту черту можно назвать геніальной. Я не могу этого не признать, какъ бы лестенъ этотъ отзывъ ни казался для меня самой. Я отвѣчала ему, *что русская императрица, у которой за спиной шестнадцать тысячъ верстъ, войска въ продолженіе цѣлаго столѣтія привыкшія побѣждать, полководцы столько же геніальные сколько офицеры и солдаты исполнены храбрости и усердія, не можетъ безъ униженія своего достоинства не выказывать неустрашимой твердости* [2]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 321, 324.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 494.

Этотъ прямой и ясный взглядъ на могущество Россіи и былъ источникомъ всѣхъ успѣховъ славнаго царствованія Екатерины. Конечно можно сказать, что она опиралась еще на другую силу: на непоколебимость власти, которую сама представляла. Но въ томъ то и заключается ея геніальность, что она, рожденная въ чужой странѣ, умѣла понять и оцѣнить все это, что она искренно вѣрила въ свой народъ, въ его славную будущность, понимала его доблестный духъ, его беззавѣтную преданность своимъ государямъ, его способность на самое высокое самоотверженіе, какъ скоро рѣчь шла о чести или безопасности отечества. Въ томъ то и заключается ея величіе, что она связала свою славу съ славой и достоинствомъ Россіи, что сердце ея билось за одно съ великимъ сердцемъ народнымъ. «Вы говорите, что безумцы утверждаютъ будто нѣтъ болѣе Екатерины»[1]), пишетъ она въ тяжелые дни самаго разгара обѣихъ войнъ *«но еслибъ ея и не было, Россійская имперія тѣмъ не менѣе существовала бы*, и конечно ее никакъ не задавятъ ни Фальстафы, ни Фридрихъ Вильгельмъ, даже въ соединеніи съ другомъ Абдулъ Гамидомъ, и чѣмъ болѣе мы выигрываемъ времени, тѣмъ болѣе мы явимся въ силѣ»[2]).

Понявъ всю глубину и постоянство нерасположенія къ Россіи Западной Европы и необходимость противостоять ей, Екатерина пишетъ въ эпоху французской революціи: «Вы несчастнѣе насъ, хотя у насъ и двѣ войны на рукахъ и одна изъ нихъ до того близко къ Петербуру, что въ городѣ и еще болѣе здѣсь (въ Царскомъ Селѣ) уже цѣлый мѣсяцъ слышны пушечные выстрѣлы; но, несмотря на то, у насъ всѣ въ наилучшемъ расположеніи духа. Причина этого кроется въ общемъ убѣжденіи, что если бываютъ войны правыя, такъ это мои войны, такъ какъ мы обороняемся отъ несправедливости и вѣроломства»[3]).

Правило ея полководцевъ итти постоянно впередъ и побѣждать — было и ея правиломъ. «Повѣрьте», говоритъ она во время

[1]) Вѣроятно, враги распространяли слухъ о ея смерти.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 474.
[3]) Стр. 482.

второй Турецкой войны, самое дѣйствительное средство одолѣть враговъ своихъ — это бить ихъ, и вотъ что превосходно исполняли до сихъ поръ графъ обѣихъ имперій Суворовъ Рымникскій и фельдмаршалъ князь Потемкинъ Таврическій». Гораздо ранѣе еще въ 1782 году она говоритъ «лучше бить нежели быть биту», а въ 1785 году пишетъ въ предположеніи войны съ Турціей: «я надѣюсь, что всякій будетъ дѣлать свое дѣло: учителя» (т. е. Европейскіе заступники Турокъ) «ученики» (т. е. Турки) и мы вмѣстѣ съ ними. Мы, по обыкновенію, будемъ бить направо и на лѣво, а у васъ всегда слыть побѣжденными, что̀ намъ никогда не мѣшаетъ итти впередъ, не теряя ни пяди земли» [1]).

Похвалы храбрости своихъ войскъ во время двухъ войнъ встрѣчаемъ мы въ письмахъ Екатерины безпрестанно. Она говоритъ: «Вы видите, какъ мы заботимся о томъ, чтобъ изъ вашего сердца изгнать грызущаго его червя: въ Балтійскомъ морѣ адмиралъ Чичаговъ — герой настоящей минуты, — вице-адмиралы Крузе, Пушкинъ, принцъ Нассаускій, контръ-адмиралы Повалишинъ, Ханыковъ, Козляиновъ и Одинцовъ молодецки дѣлаютъ свое дѣло на морѣ, не считая всѣхъ головъ, рукъ и ногъ, работающихъ отъ Чернаго моря досюда и на самомъ дѣлѣ исполненныхъ опытности, усердія и необыкновенной отваги и предпріимчивости. Князь де Линь говорилъ, что онъ ни въ какой странѣ не встрѣчалъ болѣе опытныхъ и знакомыхъ съ службою людей, какъ у насъ. Они хоть кого оставятъ въ дуракахъ, и съ помощью Божіей, Фридриха Вильгельма (Gu) еще лучше чѣмъ кого-либо другого. Ужъ они вынудятъ его быть учтивымъ» [2]).

15-го сентября 1790. «Сегодня у меня будетъ обѣдъ на 288 человѣкъ, считая въ томъ числѣ офицеровъ четырехъ гвардейскихъ полковъ вдругъ. Эти господа удивительно хорошо послужили въ этой войнѣ на сушѣ и на морѣ, и потому мой обѣдъ дается среди празднествъ мира. Полки эти отличились въ эту

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 481, 229, 338.
[2]) Стр. 487.

войну такою ревностью, дисциплиной и храбростью, что въ самомъ дѣлѣ могли служить для арміи примѣромъ. Всѣ генералы единогласно осыпáютъ ихъ похвалами. Между прочимъ они совершали неслыханные переходы, по 80 верстъ въ день, и если въ это время останавливались, то единственно ради обозныхъ лошадей. Солдаты же этого не хотѣли и требовали только одного: чтобъ ихъ вели на непріятеля, опасаясь чтобъ онъ не успѣлъ бѣжать ранѣе чѣмъ они придутъ. Вотъ что заставляло ихъ такъ спѣшить. Никто изъ моихъ сосѣдей не можетъ похвалиться, чтобъ у него было и десять тысячъ человѣкъ, воодушевленныхъ такимъ общимъ духомъ. Итакъ будемъ итти своей дорогой: враги наши найдутъ съ кѣмъ считаться» [1]).

Но, говоря о доблести войскъ и усердіи своего народа, Екатерина вовсе не выставляла своихъ собственныхъ заслугъ по оборонѣ Финляндіи и Петербурга. На похвалу, выраженную ей въ то время въ одной книгѣ (Mémoires de la princesse palatine), она говоритъ: «Авторъ дѣлаетъ мнѣ слишкомъ много чести: я имѣю желаніе дѣйствовать хорошо. Не мнѣ судить, имѣю ли я на то достаточныя способности». Только одинъ разъ, уже три года по окончаніи войны, она упоминаетъ о своей изумительной дѣятельности, и все-таки въ концѣ сводитъ рѣчь на похвалу народному усердію и самопожертвованію. Въ 1795 году она пишетъ:

«Г. Палласъ хочетъ поселиться въ Крыму. Онъ мнѣ намедня сказалъ, что изо всѣхъ событій моего царствованія самое выдающееся — это война и миръ со Шведами. Смотрите-ка, куда ученые забираются!.. Есть причина, почему казалось, что я хорошо дѣйствовала въ эти минуты. Я была одна, почти безъ всякой помощи [2]), и потому, опасаясь сдѣлать какой-нибудь промахъ по незнанію или забывчивости, я сдѣлалась такъ дѣятельна, какъ право не считала себя способной. Я входила въ невѣроятныя подробности, до того, что сама сдѣлалась провіантмейстеромъ арміи,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 496, 497.

[2]) Въ то время Мамоновъ уже былъ женатъ и удаленъ отъ двора.

и по общему голосу никогда армія не была снабжена обильнѣе въ странѣ, не представляющей къ тому никакихъ удобствъ. Разъ графъ Пушкинъ пришелъ сказать мнѣ, что ему нужно четыреста подводъ и восемьсотъ лошадей. Это было въ двѣнадцать часовъ: я тотчасъ послала спросить въ Царское Село у крестьянъ, сколько бы они дали добровольно подводъ и лошадей для этого предпріятія. Они отвѣчали, что даютъ все нужное количество сполна, и въ 6 часовъ вечера къ графу Пушкину пріѣхали уже четыреста парныхъ подводъ, которыя не покидали финляндскую армію до октября мѣсяца. Въ другой разъ я послала сказать казеннымъ крестьянамъ Петербургской губерніи, что мнѣ нужны рекруты, и пусть они пришлютъ мнѣ сколько сами захотятъ. Они прислали мнѣ по 72 съ тысячи, что составило громадную цифру. У меня было еще 22,000 въ резервѣ, которые могъ поставить одинъ Петербургъ, но они не понадобились, хотя были совершенно готовы и вооружены. И другія губерніи не захотѣли отстать отъ нихъ, предлагая мнѣ по цѣлому батальону и по цѣлому эскадрону съ каждой. Я отказалась, потому что не было въ томъ никакой необходимости, а по заключеніи мира я распустила всѣхъ здѣшнихъ рекрутъ по домамъ съ медалью въ петлицѣ» [1]).

Вѣроятно въ утратившихся за это время письмахъ Гримма, который при всякой новой нашей войнѣ ни о чемъ такъ не хлопоталъ, какъ о скорѣйшемъ заключеніи мира, были высказаны соболѣзнованія на любимую тему нашихъ европейскихъ благожелателей о бѣдности Россіи, объ опасности угрожающей ей отъ разстройствъ ея финансовъ, и проч. Для Гримма лично всякая война Россіи была невыгодна: императрица прекращала по этому поводу всѣ заказы и траты за границей. Но Екатерина успокоиваетъ эти сѣтованія въ одномъ письмѣ отъ 24-го іюня 1790 года: «Ни турецкихъ налоговъ, ни поборовъ, или какихъ либо повинностей по случаю войны, кромѣ однихъ рекрутъ, намъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 630, 631.

до сихъ поръ не понадобилось, несмотря на измѣнниковъ и ихъ пособниковъ» [1]).

Разсказъ государыни о томъ, что она отклонила предложенную изъ всѣхъ другихъ губерній поставку новыхъ рекрутъ, и о томъ, что почти одна Петербургская губернія вела войну съ Швеціей, служитъ убѣдительнымъ опроверженіемъ пристрастныхъ отзывовъ Кастеры, который говоритъ, что въ это время люди способные носить оружіе становились рѣдки въ Россіи.

Между тѣмъ военныя дѣйствія въ Турціи продолжались. Послѣ большого военнаго обѣда 15-го сентября, описаннаго императрицей, она въ тотъ же день вечеромъ прибавляетъ: «Едва я сегодня утромъ набросала эти строки, какъ прискакалъ курьеръ отъ князя Потемкина-Таврическаго съ важнымъ извѣстіемъ о пораженіи турецкаго флота между Тендросомъ и Гаджибеемъ. 28-го августа контръ-адмиралъ Ушаковъ съ севастопольскимъ флотомъ атаковалъ ихъ, взорвалъ у нихъ 80-ти пушечный адмиральскій корабль, самого адмирала взялъ въ плѣнъ, такъ же какъ и другого, главнаго послѣ него командира, съ его 70 пушечнымъ кораблемъ, захватилъ и нѣсколько другихъ кораблей меньшей величины, изъ которыхъ три 20 пушечные брига и 900 плѣнныхъ Турокъ. Весь день 29-го августа преслѣдовали остатки турецкаго флота, который скрылся куда могъ, стало-быть онъ разсѣянъ. Тотчасъ же по полученіи этого извѣстія, такъ какъ это было въ воскресенье, я послѣ обѣдни велѣла отслужить молебенъ при 101 пушечномъ выстрѣлѣ, а за моимъ маленькимъ столомъ въ 288 приборовъ пили здоровье побѣдоноснаго черноморскаго флота и его контръ-адмирала Ушакова, который за эту третью морскую побѣду въ теченіе лѣта получилъ Георгія 2-й степени, и въ первый разъ генералъ-майоръ удостоился этого Георгія. Кромѣ того я ему жалую землю. Вотъ какъ у насъ награждаютъ тѣхъ, кто вѣрно служитъ государству. Слышите ли [2])? Имъ *даютъ*, а ничего не отнимаютъ у нихъ. Для нихъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 488.

[2]) Намекъ на конфискацію имуществъ во Франціи.

и существуютъ награды, за то они и стараются изо всѣхъ силъ» [1]).

Здѣсь-то и прибавляетъ государыня приведенное нами въ обзорѣ ея политическихъ взглядовъ сужденіе, что щедрость ея въ награжденіи истинныхъ заслугъ отечеству происходитъ отъ того что прокуроры и адвокаты у нея не хозяйничаютъ и не законодательствуютъ и выражаетъ увѣренность, что послѣ нея будутъ держаться тѣхъ же началъ.

Когда же въ декабрѣ 1790 года палъ Измаилъ, то въ началѣ 1791-го Гриммъ писалъ ей: «Нѣсколько дней тому назадъ взятіе Измаила сдѣлалось для насъ достовѣрнымъ фактомъ, хотя и похожимъ на чудо: мои Русскіе рѣшились заставить меня вѣрить въ трубы іерихонскія, это положительно. Когда труба славы принесла это извѣстіе въ лачугу многострадальнаго, всѣ основанія этой лачуги поколебались. Среди этого ужаснаго потрясенія, что же сказать о поведеніи обитателей Гриммы?..... Это взятіе Измаила, самый замѣчательный военный подвигъ изъ всѣхъ когда-либо бывалыхъ, свалилъ ихъ съ ногъ, такъ что они не подымутся можетъ-быть цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ. Но они скоро подымутся, если ваше величество заключите миръ вслѣдъ за этимъ безпримѣрнымъ событіемъ. Конечно, мы не желаемъ мира во что бы ни стало, но пусть онъ будетъ такимъ, какимъ долженъ быть, и ни подъ какимъ видомъ не нужно вмѣшательства иностранной сволочи, чуждой этой матеріи, и пусть онъ будетъ плодомъ *матери неустрашимой твердости*» [2]).

Государыня отвѣчаетъ ему: «Я не сообщала вамъ черезъ Бахуса о безпримѣрномъ взятіи Измаила, предполагая, что вы ранѣе узнаете объ этомъ по извѣстіямъ изъ Вѣны. Безъ траншей, безъ брешъ 18,000 человѣкъ осадили крѣпость, имѣющую семь верстъ въ окружности, и гдѣ, какъ было извѣстно, находилось 30,000 гарнизона, который защищался четырнадцать ча-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 497.

[2]) Письма Гримма, стр. 300, 301.

совъ. Одиннадцать тысячъ взято въ плѣнъ, остальные побиты. У насъ около 3,000 убитыхъ и раненыхъ. Овладѣли запасами, которыхъ станетъ на мѣсяцъ для 40,000 человѣкъ. Взято 300 пушекъ, несмѣтное количество знаменъ и проч. Увидимъ наконецъ, послѣдуетъ ли за этимъ миръ. Еслибъ не интриги Ге и Гю (т. е. Англичанъ и Нѣмцевъ), давно бы онъ былъ заключенъ» [1]).

Вскорѣ послѣ этой послѣдней блестящей побѣды князь Потемкимъ явился въ Петербургъ. Отъ 6-го марта 1791 года государыня пишетъ Гримму: «Четыре дня тому назадъ пріѣхалъ сюда фельдмаршалъ князь Потемкинъ-Таврическій. Онъ болѣе чѣмъ когда-либо красивъ, любезенъ, остроуменъ и блестящъ и въ самомъ веселомъ расположеніи духа. Вотъ что значитъ счастливая и славная кампанія: она располагаетъ къ веселости» [2]).

Въ письмѣ отъ апрѣля того же года государыня сообщаетъ Гримму замѣчательное слово адмирала Чичагова: «Когда ему сказали что Шведы идутъ на него съ 28-ю военными кораблями, тогда какъ у него ихъ было только десять и одинъ фрегатъ, онъ отвѣчалъ: «Ну чтожъ? они насъ не проглотятъ». Я велѣла сдѣлать его бюстъ и подъ нимъ надпись, въ которую помѣстила его словечко. Вотъ она:

Тройною силою шли Шведы на него.
Узнавъ онъ рекъ: Богъ защитникъ мой,
Не проглотятъ они насъ.
Отразивъ, плѣнилъ и побѣду получилъ» [3]).

Эта надпись была сочинена самой императрицей, такъ какъ её не удовлетворяли многочисленные проекты стиховъ на тотъ же случай, написанные по ея вызову Державинымъ и Храповицкимъ. Въ окончательной редакціи этой надписи, вырѣзанной на памятникѣ Чичагову въ Александро-Невской лаврѣ, измѣненъ только одинъ стихъ и сказано: «Они насъ не проглотятъ». Прочее оста-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 503. [2]) Стр. 504. [3]) Стр. 507.

влено въ томъ же видѣ. Въ этомъ же письмѣ надпись не только переведена на французскій языкъ, но и русскіе стихи написаны еще французскими буквами, точно такъ же какъ и восклицаніе Потемкина: «Здравствуй матушка», и пр. Передъ этимъ Гриммъ писалъ ей. «Надо же было поразить меня тѣмъ, что кн. Таврическій пріѣхалъ красивый, умный, любезный, блестящій и въ хорошемъ расположеніи духа. Не со вчерашняго дня извѣстно, что побѣда заставляетъ хорошѣть, и послѣ блестящей и славной кампаніи не пріѣхать же ему было печальнымъ, скучнымъ, поглупѣвшимъ и неопредѣленно мечтательнымъ? Да, смѣю ли я сказать: милостивѣйшая государыня матушка, плодъ неустрашимой твердости, иногда удивительно много отъ нашего брата ожидаетъ.. — (Эта рѣчь докажетъ вашему величеству, что я начинаю умѣть писать по-русски)» [1]).

Въ отвѣтъ на это желаніе знать по-русски, которое не разъ и прежде высказывалось Гриммомъ, были написаны помянутые подстрочные переводы, а текстъ переданъ русскими буквами.

Общее положеніе Европы.

Кромѣ отзывовъ о возбужденной Европою противъ Россіи шведской войнѣ, не менѣе любопытно прослѣдить всѣ тѣ трезвыя сужденія Екатерины о положеніи европейскихъ дѣлъ, которыя встрѣчаются въ ея письмахъ къ Гримму въ разсматриваемую эпоху.

Злѣйшимъ врагомъ Россіи и всегдашнимъ подстрекателемъ противъ нея другихъ державъ Екатерина считала Пруссію. Новое царствованіе Фридриха Вильгельма, который самъ пропзвелъ на императрицу весьма неблагопріятное впечатлѣніе въ бытность свою въ Россіи, такъ характеризуется ею въ январѣ 1789 года:

«Вы правы, говоря, что настоящее царствованіе NB не походитъ на предыдущее. Этотъ глупъ, наглъ, дерзокъ, тщесла-

[1]) Письма Гримма, стр. 349.

венъ, и не имѣетъ и тѣни здраваго смысла. При всемъ томъ они ужасно торопливы. Они рѣшаютъ въ два, три часа то, о чемъ я бы раздумывала три недѣли. Оттого ихъ сообщенія безсвязны и непереварены. Въ добавокъ они отвѣты перетолковываютъ по свóему. Такимъ образомъ они кажутся двойственными, тройственными, однимъ словомъ фальшивыми» [1]).

Въ этомъ же письмѣ разсказанъ слѣдующій анекдотъ, который можетъ служить къ характеристикѣ Густава и его честности. «Не надо, чтобъ Густавъ-Шлаффъ портилъ вамъ кровь: неужели оттого, что онъ ежедневно напивается и, будучи въ этомъ состояніи, издаетъ указы и подписываетъ ихъ, вы станете умирать съ горя? Я вамъ разскажу объ этомъ повѣсѣ слѣдующій анекдотъ: онъ сказалъ однажды брату посланника Спренгтпортена, который въ Даніи: Замѣтили ли вы подпись приказа, даннаго вамъ для отправленія съ войсками изъ Финляндіи, чтобъ произвести переворотъ? — Нѣтъ, отвѣчалъ тотъ. — Тогда онъ говоритъ ему: Я не такъ подписался, какъ всегда подписываюсь. Я измѣнилъ свой почеркъ, потому что еслибъ мы не имѣли успѣха, государственные чины вамъ отрубили бы голову, а я бы отказался отъ своей подписи, какъ вовсе несходной съ моею. — Почти такъ же поступилъ онъ нынѣшнее лѣто съ бригадиромъ Гастферомъ, которому онъ послалъ подписанный имъ приказъ атаковать Нейшлотъ, а потомъ взялъ его назадъ. Теперь же онъ велѣлъ арестовать Гастфера въ Финляндіи подъ предлогомъ, что онъ принималъ участіе въ заговорѣ финскихъ войскъ, и тотъ рискуетъ лишиться головы, если король сочтетъ нужнымъ скрыть отъ государственнаго совѣта, что самъ велѣлъ сдѣлать атаку». Далѣе государыня возвращается къ Франціи, Пруссіи и Англіи:

«Бѣдные люди тоже творятъ жалкія вещи. Если этотъ посланникъ въ Константинополѣ, не имѣющій ни капли вліянія, дѣйствуетъ не въ ихъ вкусѣ, зачѣмъ не отозвать его? Вдобавокъ онъ тамъ умираетъ и скучаетъ. Но бѣдные люди слишкомъ ко-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 469.

варны, чтобъ предпринять противъ насъ или за насъ что-нибудь чистосердечное. Въ 15 мѣсяцевъ мы ни на шагъ не подвинулись, и это великое доказательство ихъ хитраго скудоумія; даже братцу Гю не хотятъ они сказать словечка за его дурное поведеніе. Братецъ Гю совершенно погубилъ ретиваго братца Ге (Вильгельмъ—Георга), и если мои наслѣдственныя теоріи [1]) окажутся вѣрны, то сынокъ братца Ге не будетъ такимъ ревностнымъ послѣдователемъ излюбленныхъ стремленій своего папеньки. Любезный папаша вѣдь совершенно потерялъ то немногое, что ему было даровано Небомъ; это довольно печально, особливо для тѣхъ, кто возлагалъ на него великія упованія; по всему видно, что оттуда ужъ немногаго ожидаютъ, а на востокѣ кредитъ ихъ тоже немного поднялся; остается одинъ Густавъ-Шлаффъ, но съ этимъ дуракомъ недалеко уѣдешь. Да просвѣтитъ Господь ваше превосходительство въ уразумѣніи этой въ высшей степени содержательной нѣмецкой страницы».

23 января 1789 года: «Атмосфера, которую покинулъ принцъ Генрихъ [2]), высадившись у васъ, наполнена дымомъ и густыми испареніями, которыя рано или поздно будутъ разсѣяны только пушечными выстрѣлами. Такъ какъ я не волшебница, то я ненавистное существо для обманщиковъ. Брату I. (Іосифу) надлежитъ произвести чудеса, которыя вы предлагаете, потому что на меня сердятся за него. Но я побьюсь объ закладъ съ кѣмъ хотите, что рано или поздно сестра Екатерина (soeur C.) одержитъ верхъ, слышите ли, многострадальный?» [3])....

«Конечно я не забыла, что имѣла честь въ 1762 году возвратить Фридриху II его королевство Пруссію и часть Помераніи. Не сомнѣваюсь также, что если его племянничекъ будетъ продолжать въ томъ же духѣ, то ему грозятъ еще бо́льшія потери, чѣмъ дядюшкѣ, который и при своемъ геніальномъ умѣ

---

[1]) Екатерина не разъ высказывала мысль, что дѣти и наслѣдники часто идутъ въ противоположномъ родителямъ ихъ направленіи.

[2]) Т. е. Пруссія.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 470.

съ трудомъ выпутался изъ бѣды..... Надо сознаться, что вы великій политикъ: пробѣгаете всю Европу на двухъ страницахъ. Но такъ какъ все это сказано для того, чтобъ посовѣтовать мнѣ поступать согласно съ требованіями моихъ интересовъ, то я васъ за это премного благодарю и смѣю увѣрить, что не премину это исполнить» [1]).

«Я удивляюсь рѣчамъ принца Генриха съ вами касательно вашей покорной слуги, потому что она имѣла не совсѣмъ согласныя съ этимъ свѣдѣнія о немъ. Но правда, что на этомъ свѣтѣ такъ трудно отличить истину отъ лжи, что надо предоставить всему свой естественный ходъ. Свора Гегю сильна лаемъ. Говорятъ, Гаррисъ во главѣ ея: полагаю, что и застегнутый (Герцбергъ) тамъ же. Итакъ они могутъ величаться, что у нихъ двѣ олицетворенныя злобы входятъ въ составъ политики Гегю. Съ этими двумя бѣшеными они бѣгутъ скоро, посмотримъ куда. Въ настоящую минуту, говорятъ, Гаррисъ присталъ къ сторонѣ принца Вельсскаго; онъ подписалъ протестъ перовъ. Увидимъ, свергнетъ ли онъ и замѣнитъ ли Фокса. Но я этому не повѣрю, пока не увижу» [2]).

Въ іюнѣ 1790 г., вскорѣ послѣ смерти Іосифа II, Екатерина писала: «Вижу, что потеря, понесенная мною въ Вѣнѣ [3]), столько же васъ огорчила, сколько была мнѣ чувствительна въ свое время. Я и въ настоящую минуту еще не смѣю говорить объ этомъ и долго не могла видѣть посланника, потому что оба мы едва могли удержаться отъ рыданій. Я тысячу разъ и по этому поводу сострадала королевѣ Французской, въ такое короткое время испытавшей столько потерь. Но она обладаетъ мужествомъ своей матери и неустрашимостью, отличающею весь ихъ родъ. И эта неустрашимость Іосифа II, которая, смѣю сказать, иногда вредила ему, представилась мнѣ во очію, когда мы получили въ Крыму первое извѣстіе о смутахъ въ Нидерландахъ. Онъ сталъ говорить со мной объ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 471, 472.

[2]) Стр. 472.

[3]) 20 февраля 1790 г. скончался императоръ Іосифъ II.

этомъ, я рѣшилась откровенно высказать ему свое мнѣніе; признаюсь вамъ, его отвѣтъ испугалъ меня. Но видя, что онъ остроумнѣе и краснорѣчивѣе меня, я замолчала, давъ ему однако почувствовать, какъ бы я стала разсуждать въ подобномъ случаѣ. Я не могла сказать ему болѣе, потому что онъ конечно зналъ мѣстныя условія, которыя мнѣ не были извѣстны, а мои мысли по обыкновенію были приложимы только къ моей странѣ».

23 іюня. «Я очень довольна, что вы отдаете справедливость Іосифу II. Я чувствовала къ нему искренно дружеское расположеніе и онъ меня тоже любилъ. Не могу вспомнить о немъ безъ умиленія. Онъ мнѣ написалъ ужасное письмо: я тотчасъ отвѣчала ему, но мое письмо пришло слишкомъ поздно. Я многаго ожидаю отъ его наслѣдника, который на первыхъ порахъ обнаруживаетъ осторожность, благоразуміе, твердость и сознаніе своего достоинства. Онъ производитъ хорошее впечатлѣніе во всѣхъ отношеніяхъ» [1]).

Тѣмъ не менѣе вотъ какъ отозвалась Екатерина объ общемъ характерѣ царствованія Іосифа II: «Что касается моего покойнаго задушевнаго друга, я не могу притти въ себя отъ изумленія. Какъ? будучи рожденъ, воспитанъ для своего высокаго званія, одаренъ умомъ, талантами и знаніями, онъ ухитрился царствовать такъ плохо. Мало того, что онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, онъ еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ» [2]).

Отзывы Екатерины о Фридрихѣ Вильгельмѣ Прусскомъ были постоянно неблагопріятны: «Онъ похожъ», говоритъ она, «на мѣщанскаго сына, вышедшаго въ люди, которому отецъ оставилъ роскошный домъ, а онъ, не понимая чего это стоило и съ какими трудами все это собралось, вообразилъ себѣ, что ему все позволено». Но вѣдь этому когда-нибудь наступитъ же конецъ. Господь Богъ его покараетъ: все его зда-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 483, 484.

[2]) Стр. 509.

ніе построено на пескѣ и обратится въ прахъ. Терпѣніе, терпѣніе! Время дѣлаетъ и невозможное возможнымъ» [1]).

Вскорѣ послѣ смерти Іосифа II Пруссія рѣшилась не только разорвать союзъ Австріи съ Россіей, но и силою прекратить турецкую войну. Для этой цѣли она двинула войска въ Силезію и ей удалось этимъ способомъ склонить миролюбиваго Леопольда къ окончанію войны на конгрессѣ въ Рейхенбахѣ. Екатерину же устрашить было трудно: она просто не послала отъ себя уполномоченнаго въ Рейхенбахъ и не обратила никакого вниманія на грозныя затѣи своего сосѣда. По этому поводу Гриммъ писалъ ей: «Я не знаю ничего о договорѣ, подписанномъ Леопольдомъ въ Рейхенбахѣ, и все это мучитъ меня такъ, что, начиная съ того дня какъ Нева освободилась отъ льда и я праздновалъ годовщину самаго славнаго и чудеснаго рожденія послѣ появленія на свѣтъ Минервы, вышедшей во всеоружіи изъ головы отца своего, не прошло ни одного дня, чтобъ я не страдалъ горячкой. Если вѣрить принцу Генриху, ваше величество, по словамъ его, такое придаете значеніе господину Герцбергу, что даже не удостоили послать уполномоченнаго въ Рейхенбахъ. Этотъ господинъ Герцбергъ пугало принца, который всегда такъ понималъ его. Говорятъ, что, разочарованный во всей своей политикѣ и не будучи въ состояніи проглотить ни Данцига, ни Торна, на которые онъ уже съ давняго времени вострилъ зубы своего августѣйшаго хозяина, онъ самъ чуть не сдѣлалъ отчаянный прыжокъ съ важнаго поста, откуда думалъ заправлять Европой, какъ Лувуа осмнадцатаго столѣтія. Но пока этотъ волченокъ успѣетъ проснуться отъ своихъ грезъ, я долженъ думать, что Леопольдъ, который потерялъ Лаудона такъ некстати, знаетъ намѣренія своей союзницы и вѣроятно ничего не уступилъ противъ своихъ интересовъ и собственной славы. Это размышленіе поддерживаетъ меня; но однако я не долженъ скрыть отъ вашего величества, что я уже не въ силахъ выдержать четвертую кампанію. Мои Русскіе, не-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 487.

побѣдимые подъ эгидою Минервы, какъ бы ни приковали къ стопамъ своимъ побѣду противъ невѣрныхъ, противъ измѣнниковъ и даже противъ волчатъ, — мои опасенія, мои заботы уничтожили бы меня; у меня нѣтъ даже силъ выдержать порывы радости, которые доставили бы мнѣ ихъ успѣхи. Я предупреждаю о томъ ваше величество, чтобъ вы дали мнѣ миръ ранѣе конца этого года, а въ случаѣ отказа, приготовили бы мнѣ покоище въ мавзолеѣ Томасиновъ въ Царскомъ Селѣ, и чтобъ вы знали заранѣе, какого рода смертію окончилъ дни свои вашъ многострадальный» [1]).

Императрица отвѣчала на это: «Различіе взглядовъ на бѣломъ свѣтѣ, туманы, а можетъ-быть и мѣстныя условія, все вмѣстѣ произвело: — что? На кончикѣ моего пера просится Рейхенбахская конвенція. Но это не должно васъ тревожить и лихорадочно волновать. Принцъ Генрихъ правъ, что не придаетъ большого значенія этому надутому педанту, который такъ плохо ведетъ дѣла его племянника. Нѣтъ ничего хуже людей, вышедшихъ изъ своей сферы физически и морально. Волченка хотѣли сдѣлать руководителемъ всей Европы, онъ и принялъ всѣ ухватки выскочки. Замѣтьте пожалуйста, какъ люди изъ кожи лѣзутъ вонъ, чтобъ дѣлать зло и безъ успѣха..... Но какъ вамъ не стыдно? Что за страхи васъ волнуютъ за четвертую кампанію? Мы бы и ее повели точно такъ же, какъ и всѣ другія, противъ, противъ, противъ..... [2]) и всѣмъ бы имъ нашлось съ кѣмъ помѣряться. Теперь правая рука у насъ свободна. Вы понимаете; увидимъ, что́ увидимъ» [3]).

«Не вѣрьте газетамъ, которыя говорятъ, что миръ съ Швеціей былъ заключенъ послѣ полученія извѣстія объ исходѣ Рейхенбахскихъ переговоровъ: болѣе чѣмъ десять дней спустя послѣ подписанія мира, пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ о взаимныхъ условіяхъ» [4]).

---

[1]) Письма Гримма 246, 247.
[2]) Нѣмцевъ и Англичанъ.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 494.
[4]) Стр. 500.

21 апрѣля 1791 года Екатерина писала: «Великій Герцбергъ вовсе не великій человѣкъ и писатель и вдобавокъ не отличается вѣжливостью. Онъ просто тупой и упрямый Померанецъ и теоретикъ, всячески старающійся разорить своего повелителя. Онъ безъ толку тратитъ его казну, и безъ того не очень богатую, и губитъ его въ общемъ мнѣніи. Онъ теперь умираетъ отъ падучей болѣзни, какъ у насъ князь Ив. Чернышевъ умираетъ отъ паралича. А сэромъ Гю въ эту минуту заправляетъ проходимецъ, который рѣчами и манерами напоминаетъ Фронтеня въ комедіи. Они хлопочутъ теперь, какъ бы заставить Герцберга выйти въ отставку, а тотъ терпитъ всевозможныя униженія, потерявъ довѣріе своего государя изъ-за того будто бы, что былъ мученикомъ общаго блага. Подчиненные одобряютъ его, совѣтуя переносить мученичество, потому-де что государству нужна его бездарность. Должно быть, эта страна совсѣмъ лишена собственныхъ людей, если у нихъ можетъ блистать человѣкъ, посѣвающій вездѣ однѣ смуты» [1]).

9 мая: «Вы даете Прусской монархіи не болѣе пяти лѣтъ до окончательнаго ея разрушенія Герцбергомъ (Coeur-Montorgueil). Но кажется, сэръ Гю (Вильгельмъ) такъ хорошо это прочувствовалъ, что приставилъ къ нему теперь двухъ молодыхъ руководителей. Но вотъ несносный толкователь по этому поводу вспомнилъ нѣмецкую пословицу: „Viele Köche verderben den Brei“ (при нѣсколькихъ поварахъ каша дѣлается негодною). Если мнѣ когда-нибудь попадется портретъ Неккера, увѣряю васъ, я повѣшу противъ него для симметріи портретъ Coeur-Montorgueil. Надо однако сознаться, что какъ литераторъ и государственный человѣкъ, послѣдній упорнѣе. Его повелитель желалъ бы отъ него отдѣлаться, но онъ отъ него не уходитъ.... При этомъ онъ сердится, бѣснуется, бранится и совершенно уподобляется индѣйкѣ» [2]).

При обозрѣніи общаго положенія дѣлъ, нельзя умолчать о нѣкоторыхъ политическихъ совѣтахъ, которые Гриммъ позволялъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 508.
[2]) Стр. 533.

себѣ давать Екатеринѣ, особливо въ то время какъ онъ, пріѣхавъ во Франкфуртъ на коронацію императора Леопольда, невольно долженъ былъ окунуться въ офиціальный міръ дипломаціи, которая имѣла здѣсь представителей ото всѣхъ европейскихъ дворовъ. Россію представлялъ большой другъ Гримма графъ Николай Петровичъ Румянцовъ, котораго онъ постоянно называетъ святымъ Николаемъ. Успѣхъ различныхъ миссій такъ охарактеризованъ Гриммомъ: «Не знаю, государыня, до какой степени деликатность графа Румянцова дозволитъ ему говорить о своихъ успѣхахъ; но мое чувство вынуждаетъ меня сказать вашему величеству, что онъ исполнилъ свою миссію съ блескомъ, съ достоинствомъ, съ почетомъ а также и съ любезностью, которую немногіе умѣютъ усвоить себѣ, и которая такъ пристала представителю августѣйшей и наплюбезнѣйшей въ цѣломъ мірѣ государыни. Я сожалѣю, что только онъ одинъ дѣйствовалъ съ успѣхомъ и что мой старинный пріятель, монсиньйоръ Капрара, папскій нунцій, и даже маркизъ де Бремъ, сардинскій министръ, не могли получить на свою долю хоть нѣсколькихъ крохъ..... Это произошло, какъ увѣряютъ меня друзья курфиршеской коллегіи, отъ того, что оба слишкомъ выставляли чернаго орла [1]), котораго носятъ на своей ливреѣ, и что они предпосылали этотъ силуэтъ всѣмъ своимъ дѣйствіямъ. Мнѣ кажется, что въ Священной Имперіи начинаютъ утомляться этимъ орломъ и понемножку отрѣшаться отъ него. Его находятъ дерзкимъ, полетъ его извилистымъ, взглядъ его не орлинымъ, такъ что подъ тѣнью его крыльевъ мой бѣдный нунцій не могъ добиться ни одного утѣшительнаго или просто учтиваго слова ни для себя, ни для своего святого отца» [2]).

Екатерина отвѣчаетъ: «Я вижу по письму вашему, что другъ Николай станцовалъ во Франкфуртѣ лучше чѣмъ монсиньйоръ Капрари и маркизъ де Бремъ, хотя они были въ свитѣ силуэта

---

[1]) Т. е. Пруссію.

[2]) Письма Гримма, стр. 259, 260

Геркулесовой убійственной палицы, которая однако не побиваетъ кого захочетъ. Ужъ если Святая Имперія начинаетъ закрывать глаза и находитъ его дерзкимъ, полетъ его извилистымъ и взглядъ не орлинымъ, то эта Святая Имперія пожалуй наконецъ прослыветъ слѣпымъ ясновидящимъ, чему я искренно за нее порадуюсь, и это будетъ даже еще болѣе мнѣ нравиться, чѣмъ ужины графа Румянцова правились франкфуртскимъ дамамъ» [1]).

По полученіи извѣстія о Верельскомъ мирѣ Гриммъ былъ озабоченъ опасеніемъ, что Густавъ III по непостоянству и податливости своего характера можетъ быть опять увлеченъ врагами Екатерины на новыя предпріятія, и даетъ ей совѣтъ прибѣгнуть къ обычнымъ, давно извѣстнымъ въ европейской политикѣ пріемамъ, говоря:

«Вихрь коронаціи Леопольда помѣшалъ мнѣ сказать вашему величеству, какъ я долженъ былъ страдать отъ людей Гриммы во время моего путешествія изъ Бурбонны во Франкфуртъ по случаю этого мира..... Они даже было вздумали, государыня, побуждать меня на второй день путешествія отправить, не теряя времени, нарочнаго къ вашему величеству! Да зачѣмъ же? А затѣмъ, говорили они мнѣ, что недостаточно отдѣлаться отъ врага, не надо оставаться на полудорогѣ, надо забыть его проказы и сдѣлать себѣ изъ него друга, готоваго за васъ и въ огонь и въ воду. — А какъ же за это взяться? — Нѣтъ ничего легче. Ей стóитъ только конфиденціально признаться ему, что правда, гнѣвъ ея былъ очень великъ, очень глубокъ; но онъ не могъ устоять передъ удивленіемъ, внушеннымъ ей личною его храбростью, что это чувство покорило её и заставило забыть все прошедшее. Донъ-Кишотъ, замѣтили мнѣ люди Гриммы, никогда не стремился къ другой славѣ, какъ къ репутаціи личной храбрости; за эту честь онъ соглашался быть измолотымъ, избитымъ; а вѣдь извѣстно, что Ламаншскій герой — есть любимый образецъ героя, котораго намъ желательно видѣть покореннымъ ею.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 502, 503.

Если разъ онъ удостовѣрится, что она до смерти имъ восхищается, то онъ на всю жизнь будетъ прикованъ къ ея колесницѣ. Не мѣшаетъ однако показать ему издали какую-нибудь прибыль, какія нибудь маленькія барыши для него, если онъ станетъ ходить прямо и заставитъ забыть всѣ свои безчестныя проказы. Мы очень помнимъ, что если онъ по героизму и принадлежитъ къ семейству рыцаря Ламаншскаго, то въ отношеніи къ маленькимъ выгодамъ совершенно держится правилъ добраго Санхо, который думалъ о существенномъ. Это мы очень хорошо замѣтили во время нашего съ нимъ сближенія» [1]).

Государыня отвѣчаетъ на это: «Мнѣ не нравится совѣтъ, который вы мнѣ даете, проникнуться удивленіемъ къ врагу, примирившемуся со мною. Это могло бы послѣдовать развѣ только тогда, когда бы онъ побѣдилъ всѣ соблазны, которыми Гегю его искушаютъ, какъ демоны искушали св. Антонія» [2]).

Затѣмъ Гриммъ въ томъ же письмѣ представляетъ Екатеринѣ возможнымъ новый походъ противъ нея со стороны ея враговъ, желавшихъ вмѣшаться въ миръ ея съ Турціей, и предлагаетъ ей союзъ съ Даніей и Швеціей, для того, говоритъ онъ, «чтобъ заставить уважать Балтику и защитить ее отъ появленія всякаго военнаго флага, недозволеннаго въ этомъ морѣ, что, по моему мнѣнію, не сдѣлало бы кампанію Герцберга, ни его вызывающія дѣйствія болѣе легкими чѣмъ надо» [3]).

Точно такъ же подробно сообщалъ Гриммъ Екатеринѣ и о причинахъ враждебности Англіи къ Россіи:

«Я встрѣтилъ во Франкфуртѣ одного изъ тѣхъ людей, которымъ Италіянцы даютъ ужасное имя seccatore или изсушителя. Это г. Вальполь, англійскій министръ въ Мюнхенѣ, котораго я нѣкогда видѣлъ въ Парижѣ. Онъ чрезвычайно занимался дѣлами вашего императорскаго величества и вашимъ положеніемъ въ отношеніи къ британскому кабинету. Онъ всегда уговаривалъ

---

[1]) Письма Гримма, стр. 279, 280

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 506.

[3]) Письма Гримма, стр. 281.

меня сдѣлать ему какое-нибудь откровеніе, внушая мнѣ, что сумѣетъ имъ воспользоваться. Я никогда не пропускалъ случая посмѣяться надъ нимъ и надъ тѣмъ, что онъ считаетъ меня повѣреннымъ всѣхъ плановъ вашего величества, и довольно безумнымъ, чтобъ безо всякаго порученія сдѣлать ему какое-либо откровеніе; но за то также никогда не упускалъ случая сообщить ему все, что я думаю о политическомъ поведеніи и настоящей системѣ Лондонскаго кабинета, и не утаилъ отъ него, какую степень уваженія онъ мнѣ внушаетъ. Около конца пребыванія во Франкфуртѣ, онъ нѣсколько измѣнилъ тонъ и сказалъ мнѣ, что наши дѣла съ Англіей непоправимы. Я не обратилъ на все это большого вниманія, не зная въ какой мѣрѣ изсушитель Вальполь, который давно не былъ въ Англіи, могъ пользоваться довѣріемъ своихъ начальниковъ министровъ. Я увидѣлъ ясно изъ его нападковъ и постоянно замѣчалъ во всѣхъ разговорахъ съ англійскими министрами, которые случай доставлялъ мнѣ, — что великое неудовольствіе Англичанъ противъ Россіи исходитъ изъ установленія столь же справедливыхъ и умѣренныхъ, какъ и явно неоспоримыхъ началъ вооруженнаго нейтралитета; они никогда не могли и не хотѣли переварить его. А я имъ постоянно замѣчалъ, что эта доктрина можетъ быть противна только морскимъ тиранамъ и разбойникамъ и что великій Чатамъ, среди самой славной войны, хвалился соблюденіемъ этихъ началъ съ нейтральными, говоря: мы правда хотимъ быть хозяевами, но не тиранами на моряхъ. Наконецъ, если написано въ книгѣ судебъ, что великій адвокатъ Герцбергъ не можетъ покончить своей славной карьеры, чтобъ не посчитаться съ нашими казаками, и если Англія чувствуетъ непреодолимый зудъ вступить въ этой тяжбѣ въ союзъ съ великимъ адвокатомъ, то люди Гриммы говорятъ, что я не могу не обратить взоры ихъ августѣйшей монархини на состояніе, въ которомъ находится Голландія. Власть штатгальтерская слишкомъ злоупотребляла побѣдой, чтобъ нація когда нибудь забыла и простила эти проступки. Батавы всегда сохранятъ желаніе отомстить своимъ притѣснителямъ, уничтожить,

если могутъ тому способствовать, Пруссаковъ и освободиться отъ ига Англіи. Въ случаѣ разрыва, эти Батавы могли бы обоимъ новымъ зачинщикамъ ссоры съ Россіей заварить такую кашу, которой тѣ вовсе не ожидали бы, особливо еслибъ ваше величество могли отвѣчать имъ за обѣ сѣверныя короны и если Леопольдъ, конечно помнящій всѣ одолженія и услуги, оказанныя ему штатгальтерскимъ домомъ въ бельгійскихъ провинціяхъ во время ихъ возстанія, счелъ бы нужнымъ по долгу справедливой признательности обратить вниманіе на патріотическое настроеніе Голландцевъ! Здѣсь все-таки та разница, что была бы оказана помощь свободной націи, несправедливо угнетенной беззаконною силою, тогда какъ въ первомъ случаѣ рѣчь шла о возмущеніи подданныхъ противъ законнаго своего государя. Я знаю только, что Батавы внимательно слѣдятъ за поведеніемъ Англіи и Пруссіи въ отношеніи къ вашему величеству, и оно представляетъ имъ предметъ для разнообразныхъ размышленій. Я знаю также, что они доставляютъ открытымъ для Россіи займамъ всѣ капиталы у нихъ требуемые, хотя баронъ Сутерландъ, по личнымъ побужденіямъ, прекратилъ свои сношенія съ патріотическимъ домомъ и поручилъ эти переговоры о займѣ дому, раздѣляющему интересы дома штатгальтерскаго, что́ во всякое другое время закрыло бы всѣ патріотическіе кошельки и, стало-быть, сдѣлало переговоры неудачными, ибо нѣтъ возможности совершить какую-либо денежную операцію, когда патріотическіе кошельки отъ нея отказываются. А здѣсь, несмотря на неудовольствіе сноситься съ домомъ, имѣющимъ другой политической символъ нежели они, патріоты считали, что имѣютъ слишкомъ могущественныя побужденія, чтобъ не посмотрѣть сквозь пальцы на эту маленькую непріятность, помогая своими червонцами той сторонѣ, которая представляетъ правосудіе, славу и достоинство; а эти начала всякое государство, признающее ихъ, уважаетъ у себя и у другихъ, какъ первую потребность политическаго существованія» [1]).

[1]) Письма Гримма, стр. 287—290.

Екатерина отвѣчаетъ на это отъ 16 апрѣля 1791: «Англичане дѣлаютъ видъ, будто собираются къ намъ въ гости. Король Прусскій тоже шевелится. Что Небу угодно, то и будетъ: неустрашимая твердость все выдержитъ, а также и достигнетъ мира. Мачинъ противъ Браилова занятъ, а Браиловъ тоже потерялъ батарею, находившуюся противъ города на островѣ. Итакъ бьюсь объ закладъ чѣмъ хотите, что не смотря на Ге и Гю и всю ихъ шайку, кавалеръ Селимъ первый вытащитъ свою обезьянью лапу изъ огня, гдѣ его заставляли не каштаны жарить, а жечь города и терять провинціи. А если это будетъ продолжаться, то кавалеръ Селимъ заключитъ миръ, или окончательно пойдетъ ко дну, а тамъ увидимъ какъ Ге и Гю будутъ изощрять свой умъ и истощать казну, чтобъ выпутать его изъ бѣды».

17 апрѣля: «Я только что узнала, что оппозиція дѣлаетъ затрудненія синьйору Питту по поводу королевскаго адреса, посланнаго въ парламентъ, и гдѣ рѣчь идетъ о вооруженіи флота, чтобъ облегчить, какъ сказано, миръ между Россіей и Турціей. Еслибъ Галлы въ эту минуту тоже вооружились, синьйоръ Питтъ былъ бы болѣе чѣмъ когда-нибудь въ затрудненіи. Но у васъ о дѣлахъ толкуютъ, а не дѣлаютъ ихъ, или дѣлаютъ только худыя. Вообще я замѣтила, во время парламентскихъ преній, что тѣ, кто всего болѣе говоритъ о дѣлахъ, менѣе всего дѣйствуютъ» [1]).

2 мая: «Если Англичане не сунутъ носа въ Балтійское море, полагаю что и *тотъ* (Густавъ) не попробуетъ начать снова, но это злодѣй, на котораго никогда нельзя положиться. Кажется, что въ настоящую минуту въ Англіи смѣняется министерство, а можетъ-быть и образъ дѣйствій, благодаря необыкновенному отвращенію къ войнѣ Англичанъ, которые пишутъ на всѣхъ домахъ: «Не хотимъ войны съ Россіей». Но придутъ ли они, или нѣтъ, мы споемъ вмѣстѣ съ вами: Иванъ ушелъ какъ и пришелъ, скушавъ капиталъ вмѣстѣ съ доходомъ [2]). Итакъ прошу васъ не страдать безсонницей. Право, не отъ чего» [3]).

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 505, 506, 507.

[2]) Извѣстная эпитафія Лафонтена самому себѣ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 521, 522.

9 мая: «Если англійскія эскадры придутъ въ Балтійское море, то Американцамъ будетъ раздолье: они только запасутся множествомъ русскихъ каперскихъ свидѣтельствъ и станутъ, на сколько хватитъ силъ, забирать и уводить англійскія торговыя суда. Это будетъ благопріятнымъ началомъ для усиленія ихъ могущества» [1]).

10 мая: «Я должна сообщить вамъ, что мы ждемъ г. Фокнера, который, какъ увѣряютъ, ѣдетъ сюда для какихъ-то переговоровъ; но навѣрно онъ не достигнетъ того, чего захочетъ, и Иванъ уѣдетъ какъ и пріѣхалъ со своимъ флотомъ и доходомъ» [2]).

По пріѣздѣ Фокнера, вотъ какъ описаны переговоры съ нимъ:

27 августа 1791 г. «Я давала маленькій балъ въ Царскомъ Селѣ г. Фокнеру. Это посредникъ самый покладный, какого я когда-либо видала, и если ему всегда будутъ поручать соглашаться съ мнѣніями тѣхъ, съ кѣмъ онъ ведетъ переговоры, то можно впередъ быть спокойнымъ, что онъ вездѣ будетъ имѣть успѣхъ, какъ успѣлъ здѣсь, по той причинѣ, что онъ во всемъ соглашается съ нашими мнѣніями, а не мы съ нимъ. Но тутъ возникаетъ вопросъ: зачѣмъ же онъ пріѣзжалъ? Онъ пріѣхалъ за тѣмъ, чтобъ люди видѣли, что у него было какое-то дѣло и что онъ долженъ привести къ концу что-то, и оно приведено къ концу, потому что ничего на свѣтѣ не окончишь такъ проворно какъ *ничто*» [3]).

Журналъ принца Генриха и комментаріи на него Екатерины.

Послѣ отзывовъ Екатерины о принцѣ Генрихѣ, въ которыхъ она выражала вообще что мало довѣряетъ искренности расположенія къ ней нѣмецкихъ принцевъ, Гриммъ всячески старался, какъ мы уже ранѣе видѣли, возстановить добрыя отношенія между императрицей и своимъ другомъ. Онъ отчасти достигъ этого, такъ какъ въ 1790 году она писала: «Признаюсь вамъ, мнѣ очень

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 534.
[2]) Стр. 536
[3]) Стр. 550.

было бы любопытно знать что́ думаетъ о настоящемъ времени принцъ Генрихъ. Я слышала, что онъ предлагалъ своему августѣйшему племяннику продать свою вотчину, давая ему тѣмъ почувствовать, что не увѣренъ въ безопасности, въ виду предпріятій любезнаго племянника» [1]).

На это Гриммъ отвѣчалъ: «Ваше величество, какъ мнѣ казалось, желали знать мнѣніе принца Генриха насчетъ политическаго поведенія вашего двора. Я не могу лучше передать ихъ моей августѣйшей государынѣ, какъ выписавъ изъ его корреспонденціи съ начала 1790 г. все что до этого касается, и постараюсь продолжать эти выписки до тѣхъ поръ, пока Небу угодно будетъ даровать мнѣ вѣстника безсмертной, которому я могъ бы поручить эту грамоту Маленькія примѣчанія принадлежатъ многострадальному [2]).

Мы должны привести здѣсь эти интересныя выписки, такъ какъ онѣ раскрываютъ всѣ пружины европейской политики въ самую трудную эпоху великаго царствованія, и тѣмъ болѣе что Екатерина отвѣчаетъ на каждую изъ нихъ своими замѣчательными комментаріями, которые безъ того не были бы вполнѣ понятны. Гриммъ снабжаетъ эти выписки, въ видѣ предисловія, слѣдующимъ разсужденіемъ: «Чтобъ судить правильно объ этихъ разнородныхъ отрывкахъ, необходимо перенестись въ тѣ минуты, на какія указываютъ ихъ числа».

Принцъ Генрихъ пишетъ отъ 22-го января 1790 года [3]):

Да, другъ мой, возможно, что пламя войны вспыхнетъ сначала не въ Германіи; но если событія будутъ неблагопріятны, то это можетъ кончиться и въ Германіи. Пламя раздора происходитъ у насъ отъ ультрамонтанскаго любимца покойнаго короля [4]). Миръ съ Турками и смерть

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 495.

[2]) Письма Гримма, стр. 287.

[3]) Для избѣжанія излишнихъ повтореній, мы начиная отсюда будемъ отличать отрывки изъ писемъ принца Генриха болѣе мелкимъ шрифтомъ, печатая вслѣдъ за каждымъ отрывкомъ, уже безъ всякой оговорки, замѣчанія императрицы.

[4]) Маркизъ Луккезини.

императора, которую считаютъ неизбѣжною, могли бы сохранить миръ. Однако нѣкоторая знатная дама [1]), еслибъ немножко того захотѣла, легко успокоила бы эти волненія. Я, слава Богу, ни во что подобное не замѣшанъ.

Императрица отвѣчаетъ на это: «Я попробую комментировать драгоцѣнную переписку принца Генриха, за которую премного благодарю васъ. Католическій любимецъ покойнаго короля могъ забавлять его своимъ остроуміемъ и познаніями, но въ Польшѣ онъ уронилъ себя тѣмъ, что путалъ, интриговалъ и безпрестанно самъ себѣ противорѣчилъ. Что касается нѣкоторой знатной дамы, то конечно она не могла быть довольна поведеніемъ Гю (Вильгельма), столь противнымъ ея интересамъ. Что съ дядюшкой не совѣтовались и теперь не совѣтуются — это мы также знаемъ. Кто сознаётъ что онъ глупъ, тотъ всегда опасается умныхъ людей».

От 6-го февраля.

Шестидневное путешествіе въ Берлинъ помѣшало мнѣ писать вамъ. Хотя король хорошо поступаетъ со мною и внѣшнимъ образомъ показываетъ мнѣ дружбу, я однако былъ очень доволенъ, что возвратился въ свое уединеніе. Я слишкомъ старъ, чтобъ тащиться туда, гдѣ я вовсе не могу быть ни полезенъ, ни нуженъ; къ тому же общество такъ измѣнилось, что изъ десяти лицъ, которыя мнѣ попадаются, я едва знаю одно. Я видѣлъ Нессельрода и недолго говорилъ съ нимъ, но могъ немножко пошутить. Желаю, чтобъ его пребываніе въ Берлинѣ было продолжительно. Впрочемъ, я не знаю будетъ ли у насъ война или миръ, и полагаю, что никто этого не знаетъ. Одно я знаю навѣрное.—что въ случаѣ войны ко мнѣ не обратятся. Я этимъ вовсе не огорченъ; я болѣе бы огорчился, когда бы долженъ былъ пуститься въ море на плохомъ суднѣ.

«Онъ себя называетъ безполезнымъ и лишнимъ человѣкомъ. Это и досадно и горько; общество измѣнилось: оно уже не то блестящее, остроумное, геройское по всѣмъ своимъ чувствамъ, что́ было въ 1740 году. Конечно, когда никто не знаетъ чего онъ хочетъ или не хочетъ, то невозможно разсуждать ни о войнѣ,

[1]) Екатерина.

ни о мирѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ порядочные люди должны быть довольны что остаются въ сторонѣ. Это похоже на оберъ-камергера Шувалова: если онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, то сейчасъ же раскаивается зачѣмъ не ступилъ шага назадъ».

От 18-го февраля.

Когда 64 года приходилось играть комедію на сценѣ этого міра, хорошо задернуть занавѣсъ, и это тѣмъ болѣе разумно, что мнѣ не предложатъ роли, и что наконецъ большое счастіе, когда можешь удалиться отъ труппы, составленной изъ столькихъ плохихъ актеровъ.

«Выписка отъ 18-го февраля говоритъ, что труппа составлена изъ плохихъ актеровъ. Въ этомъ всѣ согласны».

Отъ 1-го марта.

Мои опасенія насчетъ войны уменьшаются со дня на день. Я всегда не слишкомъ-то въ неё вѣрилъ, и очень доволенъ, что не ошибся въ своемъ расчетѣ, потому что это было бы великимъ бѣдствіемъ для страны. Прибавьте то, что́ вамъ теперь конечно уже извѣстно, что Іосифъ умеръ 20-го числа прошедшаго мѣсяца. Увѣряютъ, что его преемникъ весьма миролюбивъ, но эти господа, наслѣдники коронъ, измѣняются иногда вмѣстѣ съ своей фортуной. Я желаю его видѣть на его Венгерскомъ и Богемскомъ престолѣ, прежде чѣмъ буду судить о немъ. Онъ, говорятъ, любитъ деньги, столько же сколько покойный братъ его. Не думаютъ, чтобъ онъ захотѣлъ остаться въ тѣсной дружбѣ съ друзьями его покойнаго брата; здѣсь говорятъ, что эти послѣдніе ищутъ дружбы Альбіона. Я вамъ разсказываю всѣ эти политическія пошлости, въ которыхъ самъ не принимаю никакого участія.

«Отрывокъ отъ 1-го марта признаётъ, что война была бы несчастіемъ для страны: итакъ, лучше бы и не предпринимать ее, тѣмъ болѣе что никто къ тому не принуждаетъ. Касательно моего покойнаго задушевнаго друга, я не могу притти въ себя отъ удивленія: какъ? бывъ рожденъ, воспитанъ для своего сана, съ умомъ, дарованіями и знаніями, онъ ухитрился царствовать такъ плохо? Не только онъ ни въ чемъ не имѣлъ успѣха, но еще довелъ себя до несчастій, среди которыхъ и умеръ. Преемникъ его слѣдуетъ другимъ правиламъ; онъ един-

ственный человѣкъ, которому я прощаю его игру. Если онъ обманываетъ насъ, я его поздравляю; если же нѣтъ, то я о немъ сожалѣю. Но вѣроятно онъ достигнетъ своей цѣли и тогда выпадетъ на его долю роль блестящая и славная. Онъ не можетъ не остаться другомъ друзей своего покойнаго брата, развѣ въ него вселится дьяволъ. Альбіонъ такъ любезенъ, со своимъ Ге, помѣшаннымъ глупцомъ, что врядъ ли онъ пріобрѣтетъ себѣ друзей».

Отъ 7-го марта.

Мы еще въ неизвѣстности насчетъ мира и войны. Я не знаю объ этомъ ничего иного, кромѣ того, что говоритъ мнѣ публика и нѣкоторые старые друзья. Нашъ великій Герцбергъ подкладываетъ желѣзо въ кузницу. Онъ былъ бы достоинъ занять мѣсто между бѣшеными [1]). Правда, что въ краснорѣчіи онъ уступилъ бы Барнавамъ и Мирабо; но зато никто не говорилъ бы дерзостей такъ благородно. Надѣюсь, что несмотря на его ядовитость, спокойствіе возстановится.

«Отрывокъ 7-го марта отводитъ достойное мѣсто Герцбергу между бѣшеными. Онъ тамъ былъ бы кстати, и слѣдовало бы его послать туда занять освободившееся мѣсто Мирабо. Конечно спокойствіе водворится, если вмѣсто того чтобъ вынимать шпагу, мы ее оставимъ въ ножнахъ».

Отъ 29-го марта.

Я боюсь, что мои догадки не оправдаются. Съ тѣхъ поръ, какъ Итальянецъ [2]) замѣшался въ политику, и постоянно мѣтитъ въ ту же цѣль, хотя и часто встрѣчалъ противорѣчія своимъ предпріятіямъ, нельзя ни за что ручаться. По моимъ послѣднимъ письмамъ кажется, что онъ послалъ тарабарскую грамоту въ этомъ смыслѣ; и если она подписана, вы сами можете судить, насколько затруднится возстановленіе порядка и гармоніи на этой дряпной кучѣ грязи, именуемой міромъ, и гдѣ вотъ уже съ годъ такія волненія и безпорядки, тогда какъ счастія нѣтъ нигдѣ. Мы будемъ взаимно обращать другъ къ другу іереміады.

P. S. Богъ знаетъ, гдѣ осную я свое мѣстопребываніе; ибо вполнѣ вѣрно, что я не вхожу нисколько во все что дѣлается, и что если барка пускается въ море, то кормчіе уже выбраны.

---

[1]) Намекъ на французское Національное Собраніе.

[2]) Т. е. Луккезини.

«29-го марта могла быть рѣчь о союзѣ съ Польшей; посмотримъ, къ чему это послужитъ; можетъ-быть, они только разводятъ водицу. Принцъ Генрихъ хотѣлъ покинуть свое отечество; но милый племянникъ не пустилъ его. Какъ бы кормчіе ни направляли корабль, ни вымѣряли глубину, но безъ вѣтра или безъ вёселъ онъ не двинется съ мѣста, все равно какъ тѣло безъ души и безъ силы, необходимой чтобъ приводить его въ движеніе».

Отъ 2-го апрѣля.

Я вовсе не веселъ и не имѣю никакой причины къ веселью. Я думаю, что гроза грянетъ со всѣхъ сторонъ. Невозможно составить себѣ понятіе о здѣшнихъ дѣлахъ; это походитъ на Національное Собраніе; въ эту минуту я не могу найти сравненія, которое казалось бы мнѣ хуже. Подумайте только, любезный другъ мой, о такомъ мѣстечкѣ, гдѣ мы могли бы соединить нѣсколько друзей и провести спокойно нѣсколько мѣсяцевъ вмѣстѣ. Я долженъ удалиться отсюда. Одно подозрѣніе, что я могу что-нибудь знать и всему поддакивать, оскорбляетъ меня. Это такъ мало справедливо, что мнѣ не пишутъ и не говорятъ ничего. Итальянецъ, безумный министръ [1]), простачокъ [2]) все стряпаютъ между собою; это ужасно. Однимъ словомъ, мнѣ надо удалиться.

«Онъ былъ невеселъ. По видимому Пруссаки не имѣютъ большого довѣрія къ своимъ кормчимъ. Сравненіе того, что они видятъ, съ Національнымъ Собраніемъ ясно обрисовываетъ положеніе дѣлъ, и конечно хуже этого ничего не можетъ быть. Спокойствіе по видимому исчезло съ лица земли. Нашему пріятелю не нравится быть нулемъ, и это очень простительно. Итальянецъ, безумный министръ и простачокъ заварили пиво слишкомъ кислое, и дай Богъ чтобъ имъ еще долго пришлось его расхлебывать».

Отъ 5-го апрѣля.

Отчего не могу я поддержать ваши надежды на миръ! Я разсуждалъ съ помощью того небольшого здраваго смысла, которымъ надѣлила меня природа, и по нѣкоторымъ легкимъ познаніямъ, которыя дала мнѣ опытность; но политика въ извѣстныхъ рукахъ становится настоящимъ

[1]) Великій графъ Герцбергъ.

[2]) Самъ Вильгельмъ Прусскій.

лабиринтомъ, и мы въ этомъ отношеніи въ такомъ же великомъ хаосѣ, какъ и Франція, съ тою разницей, что у васъ вся нація объѣлась бѣлены, тогда какъ у насъ нѣкоторые люди изо всѣхъ классовъ приняли порядочное количество этого зелья и все перевертываютъ вверхъ дномъ. Я нахожусь посреди всего этого, и у меня не спрашиваютъ совѣта даже въ малѣйшемъ дѣлѣ; но, признаюсь я долженъ смотрѣть на это въ отношеніи къ себѣ какъ на счастье: я такъ въ сторонѣ ото всего, что на меня не можетъ пасть никакого нареканія. Еслибъ со мной должны были совѣтоваться эти заговорщики, я скоро бы ихъ покинулъ; и наименѣе здравая часть общества, которая есть толпа, обвинила бы меня въ томъ что я покидаю интересы родины. Еще остается лучъ надежды: говорятъ, что Англичане хотятъ мира, и я полагаю, что Леопольдъ вовсе не будетъ требователенъ; но я побаиваюсь вашей большой пріятельницы, которая чрезвычайно неподатлива: словомъ, надо подождать. Герцогъ [1]) былъ вызванъ дня на два. Еслибъ онъ имѣлъ столько же силы ума въ обсужденіи важныхъ дѣлъ, сколько у него храбрости передъ пушечной батареей, все было бы хорошо: но въ этомъ-то и заключается большое *но*..... Остальное —

Толпа людей безъ имени,
Которые подло льстивы и проч.

Одинъ министръ [2]) среди нихъ, выдающій себя за литератора. Не знаю, вѣрите ли вы ему на слово, ибо вы конечно читали его сказки.

«Въ отрывкѣ отъ 5-го апрѣля онъ говоритъ, что въ рукахъ иныхъ людей политика превращается въ настоящій лабиринтъ; на это причина та, что дураки всегда поступаютъ глупо и иначе поступать не могутъ, что̀ бы тамъ ни толковали. Большая пріятельница неподатлива, дѣла свои она поведетъ не иначе какъ по своему разумѣнію, и конечно никакіе Гегю вмѣстѣ взятые не заставятъ её перемѣнить образъ дѣйствія. Поясненія насчетъ ума безсердечнаго герцога утверждаютъ меня въ моемъ мнѣніи о немъ: я видѣла его въ дѣлѣ родной дочери, какъ онъ былъ фальшивъ, двуличенъ, ребячливъ, такъ что тутъ является въ самомъ дѣлѣ много разныхъ *но*.... въ отношеніи къ нему; объ остальномъ и помнить не стóитъ. Я не прочла ни одного сочиненія

[1]) Брауншвейгскій.
[2]) Герцбергъ.

великаго и бѣшенаго Герцберга, но чутье уже давно мнѣ подсказало, что онъ столько же замѣчательный литераторъ, сколько и искусный политикъ; какъ видите, распознать это чутьемъ нельзя было безъ большого усилія».

Отъ 16-го апрѣля.

Но я занимаюсь тѣмъ что у васъ дѣлается, тогда какъ черныя бабочки летаютъ вокругъ меня: не то, чтобъ я былъ занятъ дѣлами; правда, я всѣ ихъ знаю: но тѣ, кто нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ могли бы мнѣ разсказать ихъ, скрываютъ ихъ отъ меня до этой минуты. Распредѣляютъ начальствованіе войсками, устраиваютъ, разстраиваютъ, шумятъ: я долженъ признаться вамъ, что въ такомъ положеніи вещей я даже очень доволенъ, что не играю роли при дворѣ и въ дѣлахъ. Вся армія съ оружіемъ и обозами будетъ готова выступить 16-го будущаго мѣсяца. Я полагаю, что часть этой арміи даже перевезутъ въ Силезію: но что станутъ тамъ дѣлать? Отвѣчаю: заключатъ миръ. Я могу судить только по своему разуму и тѣмъ даннымъ, которыя имѣю, и мое заключеніе — это миръ. Человѣкъ, сошедшій съ ума когда я былъ въ Парижѣ, или, лучше сказать, его великій дѣлецъ [1]) совершенно себя этому посвятили, и только бы ваша великая пріятельница, Като Вольтера, тому не воспротивилась, этотъ миръ будетъ заключенъ, и опять наши деньги будутъ истрачены для другихъ, а не для насъ. Эта картина должна мнѣ заслужить ваше прощеніе, если вамъ покажется, что я не въ духѣ.

«Я никому не мѣшала заключать свой миръ и миръ былъ заключенъ; зато правда, онъ имъ стоилъ милліоновъ. Но Систовскимъ миромъ они еще не разрѣшились, хотя и носятся съ нимъ уже болѣе девяти мѣсяцевъ; долго же дѣтище ихъ заставляетъ ждать себя! А какъ бы ни случилось еще и выкидыша! А этого не миновать, если дѣла будутъ итти такъ, какъ они теперь идутъ».

Отъ 30-го апрѣля.

Я не могъ, любезный другъ, написать вамъ ранѣе. Домашнія невзгоды меня огорчаютъ. Хотя я ни политически, ни по дѣламъ военнымъ нисколько не вмѣшиваюсь въ политическій и военный безпорядокъ этой страны, я все-таки испытываю его тягость, и такъ какъ послѣдствія могутъ быть бѣдственны, то приготовляюсь къ испытанію еще болѣе тяже-

[1]) Братецъ Георгъ и г. Питтъ.

лому. Въ концѣ своей карьеры я нахожусь въ положеніи Данаид: ибо къ чему служитъ то, что я подвергалъ жизнь свою опасности въ одиннадцати походахъ, что я сдѣлалъ два путешествія въ Россію, что имѣлъ изрядный успѣхъ въ Версали въ 1784 г.? Все уничтожено, но какъ? и кѣмъ? Ахъ, вездѣ есть демагоги! Однакоже остается еще лучъ надежды, но слабый; впрочемъ неспособность начинаетъ распрю, которую впослѣдствіи трудно будетъ окончить.

«Я дошла до отрывка отъ 30-го апрѣля. Домашнія невзгоды удручаютъ его; онъ непричастенъ политической и военной неурядицѣ своей страны! На это истолковательница замѣчаетъ, что благодаря этому двойному бѣдствію, бранденбургскіе пески останутся песками, но при первой войнѣ все остальное улетучится какъ дымъ. Неспособность — хроническая болѣзнь, противъ которой не устояла даже Франція, а знаете ли отчего? Оттого что неспособность заставляетъ дѣлать именно то, чего не слѣдуетъ дѣлать. Не знаю право, отчего это толстый Рене (gros René) все попадается на кончикъ моего пера въ этомъ странномъ письмѣ».

Отъ 3-го мая.

Положеніе Франціи печально: но подъ другими формами и намъ можетъ-быть здѣсь будетъ очень худо. Не то, чтобъ было совершенно невозможно выпутаться изъ лабиринта, въ который мы попали; но съ тѣми работниками, которые на мѣстахъ, нельзя ожидать ничего путнаго. Армія съ боевыми припасами и обозами можетъ къ концу мѣсяца выступить въ походъ: по крайней мѣрѣ она сдѣлаетъ прогулку въ Силезію, и этотъ промежутокъ времени можно бы еще употребить съ пользою. Тяжело видѣть, какъ вокругъ насъ рушится зданіе, за которымъ мы работали: но когда не въ чемъ себя упрекнуть, когда нѣтъ средствъ помѣшать тому, надо покориться.

«Въ выпискѣ отъ 3-го мая говорится, что Франція въ печальномъ положеніи, съ чѣмъ истолковательница согласна. Авторъ прибавляетъ, что и у нихъ тоже плохо, только въ другомъ родѣ. Истолковательница возражаетъ на это, что Франція уже въ судорогахъ, а у нихъ онѣ еще только подготовляются глупостью, но глупость излѣчить труднѣе чѣмъ судороги. Прекратится глупость — исчезнутъ и судороги. Но къ несчастію, дура-

ковъ излѣчиваетъ только могила, лѣкарства отъ глупости еще не найдено. Здравый смыслъ и здравое сужденіе не прививаются какъ оспа. Прогулка по Силезіи ни къ чему не привела. Рейхенбахскій конгрессъ сущій вздоръ. Какіе его результаты? Далеко ли подвинули дѣло мира и чего достигъ конгрессъ въ Систовѣ? и не глупость ли все это. Я докажу какъ дважды два четыре, что глупѣе этого ничего не могли сдѣлать. Кажется, ясно? Объ остальномъ слишкомъ долго писать, да вамъ это все такъ же хорошо извѣстно, какъ и мнѣ, если не лучше. Авторъ жалуется, что у него нѣтъ голоса въ дѣлахъ. Я очень была бы довольна, еслибъ онъ его имѣлъ, потому что гораздо пріятнѣе вести дѣло съ умными людьми, чѣмъ съ такими у кого ума ни на волосъ».

Отъ 6-го мая.

Мы здѣсь въ неопредѣленномъ положеніи. Еслибъ разсудокъ, здравый смыслъ, здравая политика управляли нами, я сказалъ бы вамъ: мы сохранимъ миръ; но такъ какъ головы у насъ вовсе не удивительнаго устройства, такъ какъ мозгъ не находится въ особенно гибкихъ оболочкахъ, и тяжелый здравый смыслъ, которымъ иногда обладаютъ Нѣмцы, былъ разбавленъ сарматскимъ сокомъ; такъ какъ головы эти запутались въ лабиринтѣ, изъ котораго выпутаться могутъ только съ помощію рукъ, хлопая направо и налѣво, даже по воздуху, все это прекрасное разсужденіе показываетъ мнѣ, что я глупецъ, ибо вовсе не понимаю ихъ высокаго образа дѣйствія. Недѣли черезъ двѣ, говорятъ, вся армія выступитъ въ походъ. Я думаю, что станутъ бросать соломинками жеребій, миръ или война, потому что разумъ очень далекъ ото всего этого. Вы видите, милый другъ, что я вамъ плачу дурачествами за дурачества. Ваши происходятъ отъ разгоряченныхъ умовъ; изъ нашихъ надо вычеркнуть слово *умъ* совершенно.

«Отрывокъ отъ 6-го мая говоритъ о сарматскомъ сокѣ; я полагаю что рѣчь идетъ о сарматскомъ трактатѣ. Истолкователь-ница, слѣдуя мысли автора, давно уже и очень давно совершенно вычеркнула слово *умъ*».

Отъ 17-го мая.

(48-я годовщина перваго сраженія, на которомъ я присутствовалъ).

«Но я разсуждаю о дѣлахъ Франціи, и менѣе всего могу быть орломъ въ своей странѣ. Невозможно произнести о ней сужденія. Чѣмъ болѣе

правильно оно было бы, тѣмъ болѣе вышло бы обманчиво, и такъ какъ основанія, на которыхъ затѣяли воевать, дурны, то изъ этого слѣдуетъ, что все дѣлается легкомысленно. Клянусь вамъ, что въ эту минуту никто не можетъ сказать достовѣрно, будетъ ли война, или миръ сохранится. Я склоняюсь къ послѣднему изъ этихъ мнѣній, вовсе не потому чтобъ это было навѣрно самое мудрое изъ рѣшеній, но по причинѣ, основанной на томъ, что мелкія обстоятельства вліяютъ на крупныя: и вѣрно, что если эти маленькія причины сохранятъ намъ миръ. Пруссаки должны будутъ воздвигнуть имъ храмъ: потому что безстыдный и тщеславный министръ бросилъ насъ въ кругъ противорѣчій, изъ которыхъ притомъ трудно выпутаться».

«Авторъ говоритъ, что основанія дурны и потому все что дѣлается непрочно. Истолкователыница находитъ, что нѣтъ ничего хуже какъ имѣть несчастіе ошибаться въ основаніяхъ. Все отъ этого зависитъ и вотъ тутъ-то можно примѣнить выраженіе: «встать съ лѣвой ноги». Но это недостатокъ разсудка. А когда вычеркнуты и умъ и разсудокъ, что же остается? Маленькія причины, дѣйствующія на большія, относятся, я полагаю, къ нѣкоему дѣльцу, про котораго можно по справедливости сказать: каковъ хозяинъ, таковъ и слуга. Недавно, подъ предлогомъ немлости, онъ разъѣзжалъ и пробовалъ соединить воду и огонь. Впрочемъ все это на него походитъ.

От 27-го мая.

Здѣсь насъ запутали, и, чтобъ говорить ясно, это знаменитый Герцбергъ, разными безсмысленными для Пруссіи трактатами, завелъ насъ въ лабиринтъ. Ожидаютъ курьера изъ Вѣны 29-го числа. Я думаю, что и по прибытіи этихъ депешъ еще можно будетъ выпутаться кое-какъ изъ бѣды: но вопросъ о продовольствіи заставитъ войска итти въ Силезію, чтобъ тамъ существовать. Наконецъ, еслибъ я могъ говорить объ этомъ дѣлѣ, то открылось бы что истощенная голова, нѣмецкая, вандальская и готическая, можетъ столько же надѣлать зла, сколько и голова легкомысленная. Я никогда терпѣть не могъ этого Герцберга. При жизни покойнаго короля я его держалъ въ тискахъ, но теперь онъ можетъ ускользнуть. Этотъ человѣкъ, тщеславный, надменный, исполненный всѣхъ недостатковъ самыхъ низкихъ, невѣжественный, пишущій какъ свинья, нѣкогда слылъ министромъ патріотомъ: я не былъ въ числѣ тѣхъ, кто

восхвалялъ его: теперь онъ узнанъ, его проклинаютъ и ненавидятъ. Если будетъ война, то не будетъ никакихъ событій въ этомъ году; положеніе Австрійцевъ таково, что имъ никакъ не повредятъ. Вотъ почему война 1778 года была мнѣ столь ненавистна, вотъ что прусскій министръ долженъ бы знать. Руки опускаются, когда я обо всемъ этомъ думаю.

«Отъ 27-го мая — полный панегирикъ великому Герцбергу, который по-мóему просто grande misère, а въ бостонской игрѣ, изобрѣтенной Франклиномъ, grande misère означаетъ сборъ самыхъ младшихъ картъ, съ которыми нельзя взять ни одной взятки; слѣдовательно, когда на рукахъ такая игра, то гораздо чаще приходится проиграть нежели выиграть [1]).

Годъ 1791.

Отъ 9-го апрѣля.

Англичане во всемъ виноваты, мы сдѣлались было очень разумны; но какъ сговориться съ союзникомъ столь требовательнымъ и который, какъ левъ, оставляетъ всѣ куски добычи себѣ? Въ моемъ положеніи, и при моемъ нездоровьи, я однако написалъ письмо, которое пройдетъ черезъ множество рукъ, можетъ-быть черезъ руки тысячи двухъ-сотъ королей, такъ какъ ихъ у васъ. Я не знаю какое оно произведетъ дѣйствіе, но я все-таки иду своей дорогой, потому что нахожу большое счастіе въ исполненіи своихъ обязанностей, даже incognito. Я заключаю по всему, или что Россія вступитъ въ весьма бѣдственную войну, ибо другъ ея король Шведскій не останется нейтральнымъ, а Англичане посылаютъ 60 кораблей, — 40 въ Балтійское море, 20 въ Черное; или она приметъ statu quo: мы во всякомъ случаѣ остались при этомъ въ дуракахъ. Примите привѣтствія и ласки. Не могу писать болѣе.

«Онъ старается свалить всю вину на Англичанъ, а эти все валятъ на Пруссаковъ. Что до короля Шведскаго, то онъ поѣхалъ на воды въ Спа, и если онъ опять что-нибудь затѣетъ, то не ранѣе осени. Англійскіе корабли не придутъ ни въ Черное море, ни въ Балтійское, и количество ихъ не 60, и status quo по-моему конечно всего этого не стóитъ. Россія, вотъ уже сто лѣтъ, ни въ одной войнѣ ничего не теряла, и ей нельзя предписывать и приказывать какъ ребенку» [2]).

---

[1]) Письма Гримма стр. 373—384. *Сб. И. О.* XXIII, стр. 509—512.

[2]) Стр. 547.

Уже ранѣе этихъ коментаріевъ Екатерина писала отъ 21-го апрѣля 1791 г.

«Въ Лондонѣ народъ пишетъ мѣломъ на домахъ: — *не хотимъ войны съ Россіей.* — Эта черта возобновила мои старыя симпатіи къ англійскому народу. Уже двадцать лѣтъ тому назадъ, когда хотѣли посадить въ башню лорда-мера, этотъ лондонскій народъ кричалъ на улицахъ, чтобъ послали дѣло на разсмотрѣніе Русской Императрицы, что она по всей справедливости разрѣшитъ безконечный процессъ. Но эту давнюю нѣжность я вовсе не распространяю на министерство, какъ вы конечно поймете, потому что оно ее не заслужило».

И далѣе въ іюнѣ: «Я очень рада, что г. Ришелье [1]) прочелъ на лондонскихъ домахъ многозначительную надпись: — *не надо войны съ Россіей.* — Мы увидимъ, будетъ ли послѣ этого г. Питтъ довольно храбръ, чтобъ рискнуть своимъ мѣстомъ, начавъ эту войну» [2]).

Отъ 11-го апрѣля.

Я хотѣлъ бы сообщить вамъ пріятныя извѣстія, но нахожусь въ положеніи, какъ говорится по пословицѣ: Мыть голову осла, значитъ тратить мыло попусту. Англичане, эти столь хваленые островитяне, самые коварные союзники въ Европѣ, самые хищные на преслѣдованіе собственныхъ интересовъ, съ пожертвованіемъ интересами своихъ мнимыхъ союзниковъ, достигли того, что вопреки разуму, вопреки просвѣщенію, котораго нельзя и не было возможно не признавать, вынудили насъ подать имъ руку во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Рѣчь идетъ только объ одномъ отвѣтѣ императрицы, который даже не можетъ притти прежде нежели англійскій флотъ вступитъ въ Балтійское море, что̀ будетъ въ концѣ этого мѣсяца. Излишне говорить вамъ, какъ это меня огорчаетъ. Если у васъ есть ваши шляпные мастера, ваши Ламеты, Барнавы, у насъ есть свои иллюминаты, свои иллюминаты и еще свои иллюминаты. Всѣ кричатъ, всѣ говорятъ громко; но подлъ деревянный, и всѣ звуки напрасно поражаютъ его слухъ. Но довольно о политикѣ. Я умываю руки въ томъ, что можетъ случиться, имѣя правиломъ, что кто смѣло исполнилъ свой долгъ и

[1]) Знаменитый герцогъ Ришельё, впослѣдствіи Одесскій губернаторъ при Александрѣ I.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 508, 547.

высказался свободно и энергически, тотъ можетъ ожидать событій безъ страха и смущенія. По крайней мѣрѣ ваша большая пріятельница узнаетъ, что я былъ противникомъ всего что до сихъ поръ случилось и можетъ еще случиться, и вы видите также сколько у меня хорошихъ и законныхъ причинъ удалиться совсѣмъ изъ мѣстопребыванія, гдѣ я могъ бы прослыть или сотрудникомъ въ низостяхъ и глупостяхъ, или ничтожнымъ человѣкомъ. Но уже довольно объ этомъ печальномъ и гадкомъ предметѣ.

«Онъ очень сердится на Англичанъ; и слава Богу. Не смотря на его предсказаніе, мой отвѣтъ будетъ поданъ до ихъ прибытія въ Балтійское море, куда они и вовсе не придутъ, побьемся объ закладъ. Онъ находитъ предметъ печальнымъ и гадкимъ, и онъ правъ» [1]).

Отъ 17-го апрѣля.

Вся политика находилась въ сильнѣйшемъ кризисѣ. Никто не хотѣлъ допустить, чтобы слѣдовали приказаніямъ г. Питта изъ Лондона. Одинъ человѣкъ все рѣшилъ, и этотъ человѣкъ не король, не принцъ и не Прусакъ [2]). Руководимые отвратительнымъ Сенъ-Джемскимъ кабинетомъ, послали курьера съ ультиматумомъ въ Петербургъ. Люди честные и просвѣщенные надѣются еще на посредничество Испаніи и Даніи, и послѣднія письма изъ Лондона увѣряютъ, какъ ходитъ слухъ, что хотя Питтъ имѣетъ за себя парламентъ, онъ однако замѣчаетъ неблагопріятное расположеніе въ народѣ, и это можетъ еще привести его къ болѣе мягкимъ мѣрамъ. Добрый Шведскій король становится на сторону Англи-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 547.

[2]) Подъ эти примѣты подходитъ только Бишофсвердеръ, котораго по другимъ причинамъ я считалъ въ совершенно миролюбивомъ расположеніи; но кто можетъ расчесть и подчинить законамъ легкомысленные и извилистые пути иллюмината? По даннымъ мнѣ многократнымъ увѣреніямъ я вынужденъ полагать, что мнимая его немилость и отсутствіе, за нею послѣдовавшее, послужили только завѣсою таинственному путешествію, предпринятому имъ въ Вѣну, чтобъ развѣдать у императора какими средствами все успокоить на счетъ Турокъ и Поляковъ, сердечныхъ друзей его господина-ученика Прим.. Гримма *).

*) Бишофсвердеръ или, правильнѣе, Бишофвердеръ, родившійся въ 1738 г. въ Саксоніи, вступилъ въ 1760 въ прусскую службу и сдѣлался любимцемъ Фридриха Вильгельма II, котораго, будучи самъ иллюминатомъ, вовлекъ въ мистицизмъ. Одно время, до 1794, онъ былъ прусскимъ посланникомъ въ Парижѣ. Ум. въ 1803 г.

чанъ [1]). Поляки будутъ лаять по-своему. Нѣтъ сомнѣнія, что если все это поднимется, императрица будетъ въ большой опасности: но тѣмъ не менѣе вѣрно, что весь этотъ шумъ направленъ только къ тому, чтобы какъ можно болѣе расширить англійскую торговлю въ Левантѣ, въ Польшѣ и въ Россіи. Пруссія теряетъ тутъ во всѣхъ отношеніяхъ. Казна ея тратится безъ выгоды для нея. Уваженіе: но кто станетъ уважать рабовъ Англіи? Войско: но военныхъ безъ повода и причины гоняютъ изъ одного мѣста въ другое и тревожатъ, тогда какъ ни по какимъ человѣческимъ расчетамъ нельзя предвидѣть для нихъ ни славы, ни выгоды. Вотъ, любезный другъ, картина другой несчастной страны, въ которой я живу, тогда какъ ни моя опытность, ни кое какія познанія мои не могутъ принести ни малѣйшей пользы тѣмъ, кто въ нихъ такъ нуждается. Герцбергъ, тотъ который съ самого начала болѣе всего способствовалъ нашимъ политическихъ бѣдствіямъ, сознается теперь въ своихъ ошиб-

---

[1]) Надо замѣтить, что въ трехъ отрывкахъ изъ Рейнсберга многострадальный три раза получаетъ это мрачное увѣреніе и чѣмъ упорнѣе оно повторяется, тѣмъ вѣрнѣе производитъ въ немъ возвратъ всѣхъ страданій, отъ которыхъ верховная благость излѣчила его прошлаго года. Еще увеличиваетъ ихъ его наблюденіе, что британскій министръ внесъ свое воинственное предложеніе въ парламентъ послѣ прибытія къ нему наканунѣ курьера изъ Стокгольма. Тотъ, кто былъ бы расположенъ обвинять бѣднаго многострадальнаго въ слабости и трусости, вѣроятно не станетъ требовать отъ него, чтобъ онъ имѣлъ на томъ разстояніи, на которомъ онъ находится, твердость и спокойствіе «благословенной Матери неустрашимой твердости». Еслибъ онъ имѣлъ счастіе находиться у ногъ ея и подъ диктовку ея обработывать переводъ нѣсколькихъ главъ изъ Плутарха, то развѣ тогда могъ бы надѣяться пріобрѣсти хоть малую долю этой неустрашимости, ибо близость высокихъ свойствъ такъ же заразительна, какъ и сообщеніе съ самыми ужасными болѣзнями; но я удаленъ, предоставленъ самому себѣ и всѣмъ ложнымъ слухамъ, распространяющимся прежде чѣмъ узнаешь правду; желалъ бы я видѣть своихъ цензоровъ на моемъ мѣстѣ во все время компаніи и судить о ихъ состояніи. Я не виноватъ въ томъ, что измѣна и коварство для меня смертельны. Это отравляетъ меня, и такъ какъ я уже при первой измѣнѣ почти положилъ свою жизнь, то конецъ мнѣ, если явится вторая. Ну, Господь воинствъ пусть задушитъ измѣнниковъ и людей съ двойнымъ профилемъ! Г. Эденъ, англійскій министръ въ Дрезденѣ и братъ милорда Окланда, посланника въ Гагѣ, былъ въ Готѣ, чтобъ отвезти герцогу Подвязку, почти черезъ 20 лѣтъ послѣ смерти его отца, который имѣлъ ее, и тогда какъ, сколько мнѣ извѣстно, онъ вовсе не просилъ о томъ. Пишутъ изъ Готы отъ 23 апрѣля, «кто то полагаетъ, что Густава закупятъ 4-мя милліонами экю, чтобъ онъ измѣнилъ своей кузинѣ». Г. Эденъ говоритъ: если Густавъ будетъ твердо стоять за свою кузину, Данія къ нимъ присоединится, чтобъ воспретить входъ въ Балтійское море иностраннымъ эскадрамъ. *Прим. Гримма.*

кахъ и оплакиваетъ ихъ; онъ плачетъ весь день. Ахъ, все это стóитъ національнаго собранія, и мнѣ думается, что я даже предпочелъ бы его тому печальному положенію, въ которомъ нахожусь.

«Его рѣчь болѣе сердита чѣмъ правдоподобна; императрица не подвергается никакому риску: она ни на кого не нападаетъ, а защищаться будетъ по-демонски и statu quo не заслуживаетъ того, чтобъ на нее напали. Безуменъ будетъ тотъ, кто на это рѣшится. Мнѣ очень нравится этотъ Герцбергъ, который плачетъ: ну пусть себѣ плачетъ, а я въ томъ умываю себѣ руки. Онъ показалъ довольно злобы, глупости и грубости; такъ пусть себѣ высморкается, поплакавъ».

Отъ 7-го іюня.

Нашъ термометръ подымается и опускается непремѣнно. Войска пойдутъ въ Силезію; тамъ будетъ конгрессъ, и вѣроятно, все будетъ улажено. Король Венгерскій долженъ чувствовать справедливыя опасенія: его не хотятъ короновать въ этомъ королевствѣ иначе, какъ подъ условіемъ поставить его въ положеніе, въ какомъ были его предшественники, тому три, четыре столѣтія назадъ. Все это настоящая путаница. Мнѣ какъ-то неловко объ этомъ говорить; можно бы подумать, что я, за то что не приглашенъ на пиръ, усиливаюсь отыскать въ немъ глупости; но я высказываю мнѣніе самыхъ недальновидныхъ: до того осязательно все происходящее. Наконецъ, глупый миръ лучше глупой войны. Я съ нетерпѣніемъ жду рѣшенія событій. Вы видите изъ этого письма, что самолюбіе всегда имѣетъ большую силу надъ человѣкомъ. Я напередъ говорю вамъ о томъ, что меня интересуетъ, но дѣла Франціи столько же меня занимаютъ, и проч.

«7-го іюня говорится о барометрѣ, который то подымается, то опускается, стало-быть онъ на перемѣнной погодѣ. Но Венгерскій король выигралъ время. Венгерцы обѣщаютъ ему 60,000 войска на ихъ иждивеніи, только бы онъ не отказывался отъ своихъ завоеваній. Вотъ Пруссія такъ не дѣлаетъ своему королю подобныхъ блестящихъ и основательныхъ предложеній. Я считаю венгерскую кавалерію при поддержкѣ русской пѣхоты такимъ войскомъ, передъ которымъ искусственно сформированные корпуса не могутъ устоять. Истолкователь нѣкоторымъ образомъ

восторгается Венгерцами и еще болѣе прежняго съ тѣхъ поръ, какъ они сказали своему королю: «Государь, не уступайте ничего, и на этомъ условіи мы вамъ дадимъ все, что будетъ нужно». Имѣя въ рукахъ такую силу, можно ли не захотѣть помѣряться въ борьбѣ съ дерзостью и неразумiемъ? Спрашиваю васъ объ этомъ».

Отъ 21-го іюня.

Всего лучше, любезный другъ, что войны не будетъ, и такъ какъ въ этомъ увѣрены и уже условились съ обѣихъ сторонъ, то это не помѣшало бѣжать въ Силезію со всѣми войсками, чтобъ тамъ устроить конгрессъ. Черезъ два мѣсяца все это воротится. Страна отъ этого не будетъ счастливѣе: дѣла внѣшнія и внутреннія не пойдутъ отъ того лучше. Что тутъ дѣлать? Я менѣе чѣмъ ничего въ этой странѣ слѣпыхъ. По крайней мѣрѣ могли бы они знать, что кривой бѣднякъ, подобный мнѣ, видитъ далѣе чѣмъ они: вотъ маленькое и жалкое тщеславіе, которое невольно обнаружилось у меня.

«Отрывокъ отъ 21-го іюня говоритъ, что побѣжали въ Силезію со всѣми войсками, чтобъ устроить тамъ конгрессъ: безъ сомнѣнія, никогда еще конгрессъ не стоилъ дороже, потому что понадобились милліоны, чтобъ привести все это въ дѣйствіе. Именно оттого, что авторъ видитъ далѣе чѣмъ смутники, его и не употребляютъ, находитъ толкователь. Онъ говоритъ также, что опасается, чтобъ въ его комментаріяхъ не встрѣчалось повтореній, но за то (какъ онъ по крайней мѣрѣ надѣется), въ немъ не отыщется противорѣчій, что̀ рѣдко бываетъ въ огромномъ сочиненіи.

Отъ 1-го іюля.

Хотя всѣ наши войска въ настоящую минуту въ Силезіи, можно еще побиться объ закладъ, что будетъ миръ. Онъ почти обезпеченъ съ королемъ Венгерскимъ и можно биться объ закладъ, что онъ заключитъ отдѣльный миръ съ Портой. Императрица ни на что не соглашается, она заключитъ миръ сама. Вотъ, любезный другъ, эссенція политики; она находится въ такомъ великомъ хаосѣ, что невозможно выпутаться изъ этого лабиринта. Результатомъ будутъ громадныя суммы нами потраченныя, изъ которыхъ мы не извлечемъ ни малѣйшей выгоды, кромѣ развѣ

той, что померанскій министръ будетъ кичиться уступками, которыя Венгерскій король сдѣлаетъ Туркамъ, возвративъ имъ или всѣ, или бо́льшую часть своихъ завоеваній. Нѣкто г. Шпильманъ, первый приказчикъ иностранныхъ дѣлъ, находится въ Силезіи, и по всѣмъ признакамъ онъ все окончитъ. Что станется съ Русскими — это ихъ дѣло, мы же будемъ счастливы, если выпутаемся изъ этого сквернаго положенія.

«Въ отрывкѣ отъ 1-го іюля говорится, что императрица Россійская очень несговорчива. Истолкователь говоритъ, что она не потерпитъ, чтобъ ей предписывали законы и что конечно она давно заключила бы миръ, еслибъ смутники сидѣли смирно и не мѣшали Туркамъ быть уступчивѣе и еслибъ они на это не тратили попусту свою казну. Русскіе останутся Русскими, а Герцбергъ все тѣмъ же грубымъ Померанцемъ, который даетъ окраску коварства и двоедушія всѣмъ предпріятіямъ и дѣламъ своего государя. Истолкователь становится неучтивъ, какъ видите: онъ однако вычеркнулъ слово олухъ, которое тутъ было некстати и портило фразу. Но правда глаза колетъ: можетъ-быть, оттого она вообще и не въ ходу на свѣтѣ и не побѣждаетъ вселенной. Но истолкователю можно извинить рѣзкость, такъ какъ онъ защищаетъ истину и справедливость. Конечно, лучше было бы воздерживаться отъ эпитетовъ, но что станешь съ нимъ дѣлать? Онъ говоритъ, что ставитъ такое слово, какое подвернется подъ кончикъ пера. На это я отвѣчаю, что если кто не олухъ, то отъ слова не поглупѣетъ и оно останется на отвѣтственности истолкователя».

Отъ 11-го іюля.

Весьма вѣроятно, что Венгерскій король заключитъ особый миръ съ Турками: звѣзда Пруссіи въ эту минуту выводитъ насъ изъ лабиринта; но при умномъ нашемъ поведеніи и существенныхъ убыткахъ, которые причинитъ намъ это маленькое тщеславіе, можно расчитывать, что если не послѣдуетъ исправленія, нашъ великій Герцбергъ надѣлаетъ глупостей. Я думаю, что императрица также заключитъ свой миръ, но безъ посредничества Герцберга. Вся армія собрана въ Силезіи, единственно для удовлетворенія его тщеславія. Онъ заявилъ о конгрессѣ; но тамъ отыскался только первый приказчикъ конторы князя Кауница. Этого человѣка очень хвалятъ, но не на то расчитывалъ нашъ безумный ми-

нистръ. Императрица никого не посылаетъ, отчего этотъ мнимый конгрессъ выходитъ нѣсколько жалкимъ: ибо министры Англіи и Голландіи, туда поѣхавшіе, ничего не могутъ требовать для своихъ дворовъ.

«Отрывокъ отъ 11-го іюля говоритъ о маленькомъ тщеславіи, а я знаю по этому поводу одну черту, достойную занять мѣсто въ комедіи. Истолкователь говоритъ, что глупости будутъ только расти и совершенствоваться. Любезный дядюшка [1]) не собиралъ дорогихъ армій чтобъ удовлетворять тщеславію своихъ министровъ, и племянникъ принялъ ихъ неизбалованными и смиренными. Мнѣ ужасно нравится приказчикъ г. Кауница передъ великимъ Герцбергомъ. Не такова женщина-императрица, чтобъ согласиться послать туда кого бы то ни было, и вотъ рѣшитель судебъ Европы очутился среди тѣхъ, кого удалось залучить: голландца, приведеннаго за ухо, да англичанина, котораго толкали въ спину».

Отъ 20-го іюля.

Лучшая новость, которую могу сообщить вамъ — это близкое заключеніе мира. Леопольдъ уступаетъ всѣ свои турецкія завоеванія; но онъ не захотѣлъ принять никакихъ другихъ предложеній г. Герцберга, и я поступилъ бы такъ же какъ онъ. Вѣнскій дворъ увѣряетъ, что петербургскій кабинетъ будетъ такъ же умѣренъ. Пошлютъ уполномоченныхъ англійскихъ и прусскихъ въ Бухарестъ или Яссы, и вотъ чѣмъ кончится эта глупая комедія, которая стóитъ намъ громадныхъ суммъ, изъ чего мы не извлечемъ никакой существенной выгоды. Императрица вовсе не переговаривается съ г. Герцбергомъ и компаніей; ея мысли узнáютъ черезъ короля Леопольда.

«Истолкователь говоритъ, что императрица Россійская вовсе не переговаривается съ гг. Герцбергами, потому что она не любитъ грубьяновъ».

Отъ 2-го августа.

Предварительныя условія подписаны. Императоръ Римскій заключитъ отдѣльный миръ съ Турками. Онъ уступаетъ имъ всѣ свои завоеванія за исключеніемъ Орсовы и округа въ шесть миль, который онъ

[1]) Фридрихъ II.

желалъ бы сохранить, если Турки на то согласятся. Если императрица не пойдетъ на миръ, который долженъ быть заключенъ въ Бухарестѣ, Венгерскій король заключитъ свой отдѣльный миръ, вотъ и все. Онъ пошлетъ свободно свои войска во Фландрію, чтобъ отвоевать эти провинціи. И вотъ наши милліоны полетятъ къ чорту, безъ копейки прибыли, тогда какъ всего этого можно было бы достигнуть одними переговорами. Этому гадкому Шведскому королю посчастливилось. Чего же смотритъ Провидѣніе?

«Здѣсь приводятся доказательства, что авторъ не любитъ троихъ изъ племянниковъ своихъ: именно Гю (Вильгельма), Густава и папашу Зельмиры (Брауншвейгскаго)».

Отъ 22-го августа.

Я ничего не говорю вамъ про здѣшнее. По заключеніи мира эта страна представляетъ жалкое зрѣлище. Считаю себя особенно счастливымъ что, будучи вынужденъ въ ней жить, имѣю маленькій уединенный уголокъ, гдѣ могу какъ можно менѣе слышать о нашемъ жалкомъ положеніи.

«Отъ 22-го августа авторъ предвидитъ только невзгоды. Комментаторъ находитъ, что онъ все видитъ въ черномъ, если только этихъ невзгодъ нѣтъ въ дѣйствительности».

Отъ 30-го августа.

Миръ заключенъ, но король Шведскій измѣнилъ обѣщаніямъ, сдѣланнымъ Пруссіи и Англіи, заключивъ отдѣльный миръ съ императрицей. Если онъ маленькій измѣнникъ, признаюсь что здѣсь досталось по дѣло́мъ. Зачѣмъ брать себѣ въ союзники этого жалкаго Шведа и этихъ тщедушныхъ Поляковъ? Баста. Кончаю пожеланіями вамъ здравія.

«Отрывокъ отъ 30-го августа, какъ увѣряетъ болтливый истолкователь, содержитъ въ себѣ сжатую апологію знаменитой диктаторской лиги. Онъ прибавляетъ, что авторъ называетъ однихъ измѣнниками, другихъ жалкими, третьихъ тщедушными, но онъ охуждаетъ эти эпитеты, самъ употребивъ выше выраженіе олухи. Судите же обладаетъ ли этотъ человѣкъ здравымъ смысломъ и сто́итъ ли обращать вниманіе на его противорѣчивыя сужденія?»

Отъ 8-го сентября.

Вы никогда не говорите мнѣ ничего о своей героинѣ; но вы можете сказать мнѣ одно слово: въ черной ли я, или въ бѣлой книгѣ? Я не заслуживаю быть записаннымъ въ первую, но еслибъ и такъ было, надобно покориться. Мнѣ случалось не разъ въ жизни быть заѣденнымъ ядомъ клеветы; но тутъ мнѣ важно узнать это: ибо оно можетъ имѣть вліяніе на мой образъ дѣйствій и опредѣлить его, въ случаѣ еслибъ мы приблизились къ этому горизонту. Я какъ женатый философъ въ отношеніи къ Селіантѣ, и охотно сказалъ бы ей:

«Несмотря на всѣ ваши недостатки, люблю васъ бѣшено».

Я нахожу ея поведеніе во всѣхъ этихъ послѣднихъ дѣлахъ благороднымъ и великимъ. Она сумѣла убѣдить короля Шведскаго заключить съ ней особый миръ. Она одна ведетъ себя превосходно, лишь бы не перешла границъ въ твердости: ибо мудрость требуетъ чтобъ она заключила миръ, отдавъ свои завоеванія Туркамъ, безъ чего не будетъ конца этой политической галиматьѣ.

«Здѣсь задается вопросъ, какъ авторъ записанъ у вашей *героини:* — въ бѣлой книгѣ, или въ черной. Толкователь же увѣряетъ, что ему отчасти извѣстно, кто такая эта *героиня*, и потому можетъ ручаться за ея уваженіе къ автору, такъ какъ нельзя не уважать одного изъ замѣчательнѣйшихъ людей этого вѣка, единственнаго человѣка въ государствѣ, который остался вѣренъ старымъ началамъ и никогда не поддавался вліянію газетныхъ писакъ. Но миръ я все-таки заключу не иначе какъ на условіяхъ, мною объявленныхъ».

Отъ 10-го октября.

Вамъ извѣстно какія тучи омрачили нашъ горизонтъ. Повѣсть обо всемъ случившемся у насъ въ политикѣ за послѣдніе восемь мѣсяцевъ очень любопытна. Люди, которые никогда не имѣли въ рукахъ важныхъ дѣлъ, думаютъ по своей ограниченности, что ничего нѣтъ легче какъ справиться съ ними; они и поступаютъ въ этомъ смыслѣ и послѣ всѣхъ замѣтятъ, что стали въ тупикъ, выраженіе весьма наглядно передающее мою мысль; еслибъ рѣчь шла объ улицѣ, я сказалъ бы изъ уваженія къ Вольтеру: попали въ безвыходное положеніе.

«По поводу записки отъ 10-го октября толкователь выражаетъ мысль, что и хитрость и наука могутъ стать въ тупикъ: самый

ученый ничего не знаетъ и самый хитрый окажется весьма не хитеръ».

Отъ 17-го октября.

Я никогда не былъ англоманомъ. Я уважаю ихъ конституцію, философовъ, нѣсколькихъ историковъ и замѣчательныхъ умовъ, данныхъ этой націей Европѣ, но это самая высокомѣрная и въ дѣлахъ самая коварная изъ націй. Еслибъ съ ними не зашли такъ далеко, я увѣренъ, что это уже не повторялось бы. Они сильно надоѣли и начинаютъ возбуждать къ себѣ ненависть въ немногихъ просвѣщенныхъ людяхъ, которыхъ мы имѣемъ; глупцы даже ихъ болѣе не любятъ. Все зависитъ отъ Востока. Если миръ будетъ заключенъ, тогда можно еще будетъ получить нѣкоторую надежду на спасеніе Франціи. Шесть мѣсяцевъ, которые мы имѣемъ впереди и въ которые только и можно будетъ вести переговоры, заставляютъ меня надѣяться, что удастся, если не погасить, то по крайней мѣрѣ усыпить на нѣсколько лѣтъ волненія на Сѣверѣ.

«17-го октября сильная выходка противъ Англичанъ; толкователь только что передъ тѣмъ прочелъ рѣчи оппозиціи и потому находитъ, что то, что въ настоящую минуту не нравится однимъ, нравится другимъ, и въ этомъ дѣйствительно онъ правъ, потому что благодаря этому, люди привыкаютъ размышлять; а вы должны сознаться, что подобная привычка — вещь крайне необходимая. Итакъ, милостивый государь, толкователь испрашиваетъ благословеніе Божіе на тѣхъ, кто ораторствуетъ, чтобъ разрушить работу газетныхъ писакъ».

Отъ 8 ноября.

Я возвращаюсь къ черной книгѣ и къ бѣлой, на счетъ которыхъ вы мнѣ не дали отвѣта. Если я нахожусь въ первой, то всегда буду въ правѣ удивляться что умъ, столь возвышающійся надъ общимъ уровнемъ, столь просвѣщенный и любившій предметъ, который онъ полагалъ что знаетъ и долженъ былъ знать, даетъ вѣру злымъ внушеніямъ; это ему не такъ простительно, какъ обыкновеннымъ королямъ, которыхъ природа создала на половину слабоумными, особливо когда умъ ихъ отравляется клеветами противъ достойныхъ людей, которыхъ окружающимъ ихъ выгодно отстранить. Несмотря на то, еслибъ я имѣлъ власть, я не такъ воспользовался бы ею; черная книга не существовала бы и Пруссіи это послужило бы во благо.

«Отрывокъ отъ 8-го ноября говоритъ еще о книгѣ бѣлой или черной, на что толкователь отвѣчаетъ, что онъ уже далъ ясный и категорическій отвѣтъ».

Отъ 19 ноября.

Не забывайте, любезный другъ, Рейнсбергскаго затворника. Хотя я совершенно безполезенъ на свѣтѣ, я не сожалѣю, что не состою депутатомъ въ національномъ собраніи, что я не министръ, заключающій союзы съ Поляками, Шведами и Англичанами, что я не подписалъ Рейхенбахскаго трактата, или того, что Испанія только что подписала, еще менѣе того, который заключилъ король Шведскій. Есть эпохи въ жизни, когда тотъ, кто ничего не значитъ, стóитъ великихъ дѣльцовъ.

«19-го ноября авторъ былъ весьма скроменъ, какъ говоритъ толкователь, потому что радуется, что онъ не въ числѣ плохихъ дѣятелей, такъ какъ великіе дѣятели оказываются въ сущности только жалкими дѣльцами и ихъ дѣянія весьма ничтожны».

Отъ 15 декабря.

Я увѣренъ, любезный другъ, что вы будете имѣть ко мнѣ состраданіе, и что вы найдете средство сказать вашей почтенной героинѣ, что я ровно ничего не значу въ этой странѣ, что мое сужденіе считается нулемъ, что не стараются даже узнать его, хотя я его ни отъ кого не скрываю. Начиная съ голландскихъ дѣлъ въ 1786 г. и включая въ нихъ все что дѣлалось въ политикѣ до сего дня, видны одни предпріятія по большей части противорѣчащія другъ другу, и весьма невыгодныя для страны. Я всегда былъ того мнѣнія, и остаюсь при немъ, что необходимо, для счастія этой страны, какъ и для счастія той, которая въ двадцать разъ болѣе нашей, быть въ доброй дружбѣ между собой, и хотя бы интересы той или другой требовали отступленія отъ правила, все-таки надо бы стараться поддерживать согласіе, и, сколько возможно, согласать эти интересы. Таково было мое ученіе, и оно не измѣнилось. Я не англоманъ и NB не получаю гиней. Я люблю принцессу Оранскую, но я не сторонникъ штатгальтеріанизма. Я желалъ бы счастья Фламандцамъ и чтобъ бѣдные Люттихцы могли существовать безъ управленія своего несноснаго епископа; но я покинулъ бы Поляковъ, и не входилъ бы съ людьми столь вѣроломными ни въ какія сдѣлки. Я воздержался бы ото всѣхъ частныхъ видовъ и ото всѣхъ поползновеній къ маленькимъ пріобрѣтеніямъ, которыя раздражаютъ умы, не принося никакой важ-

ной выгоды; но еслибъ я направлялъ свои виды на что-либо, я составилъ бы планъ обширный и великій, котораго исполненіе послужило бы къ утвержденію постояннаго мира. Вотъ моя политическая исповѣдь, и въ качествѣ человѣка, который можетъ воскликнуть съ Пирономъ: «я ничто, даже не академикъ», я не боюсь высказать ее, хотя бы она сдѣлалась извѣстна цѣлой Европѣ.

«По поводу 15-го декабря коментаторъ восклицаетъ: честное слово, мнѣ досадно, что авторъ считаетъ себя нулемъ въ своей странѣ; это доказываетъ, что не умѣютъ распознавать достоинство. Онъ любитъ свою племянницу, но эта особа извѣстная фурія, самая неумолимая изо всѣхъ фурій, когда-либо бывавшихъ на свѣтѣ. Я никогда не дѣлала ей ни малѣйшаго зла, не знаю, почему она вообразила, что я стану вредить ей, хотя я никогда не вмѣшивалась въ ея дѣла, а съ тѣхъ поръ она натравливаетъ на меня своего брата и даже Англичанъ и Голландцевъ. Она и папаша Зельмиры злятся на меня такъ, что я и разсказать не могу. Толкователь прибавляетъ, что планъ вѣчнаго мира прекрасная мечта, способная отуманить еще не одну посредственную голову. Но кто же, будучи хозяиномъ у себя и имѣя собственную шапку, допуститъ, чтобъ ему воткнули голову въ шапку, уже покрывающую нѣсколько головъ, которыя стукаются и вѣчно будутъ стукаться одна о другую. Толкователь увѣряетъ, что онъ помнитъ то время, когда его королевское высочество былъ завзятымъ экономистомъ, а потомъ оказывалъ большое довѣріе графу Мирабо. Наконецъ толкователь говоритъ, что всѣ его теоріи отвлеченны и несогласны съ естественнымъ ходомъ вещей, гдѣ всѣ дѣла и стремленія человѣческія совершаются такъ просто и вмѣстѣ величественно; слѣдовательно это пустыя мечтанія».

Отъ 28-го декабря.

Вы знаете, что Англичане грозятъ Россіи. Никто не встрѣтитъ съ бо́льшимъ удовольствіемъ чѣмъ я возстановленіе мира. Что вы объ этомъ думаете? Эта страна усѣяна макомъ. Дѣла, которыя здѣсь творятся на яву, такъ пошлы, что зрители засыпаютъ.

«Истолкователь говоритъ: «Боюсь Бога, любезный Абнеръ, и нѣтъ у меня иного страха». Англичане напрасно грозятъ намъ: они не испугаютъ меня: мы ихъ примемъ прилично, да и что они намъ могутъ сдѣлать? Развѣ, будутъ забирать собственные корабли и корабли своихъ союзниковъ, или пожалуй захватятъ нейтральные? Наши же суда не вознаградятъ ихъ за издержки вооруженія. Вотъ тутъ можно бы сказать съ Вольтеромъ: «Какимъ безумнымъ тиранамъ вручилъ Ты вселенную»! Эта угроза Англичанъ — новая глупость съ ихъ стороны, вотъ и все».

Годъ 1792.

Отъ 10-го января.

Дѣла Сѣвера безпокоятъ меня болѣе чѣмъ когда-либо. Они не были бы въ этомъ положеніи, еслибъ, четыре или пять лѣтъ тому назадъ, я могъ заставить дѣйствовать, какъ считалъ то полезнымъ. Опытъ доказываетъ мнѣ, что я не ошибся ни въ одномъ изъ своихъ расчетовъ.

«Отрывокъ отъ 10-го января 1792 г., по мнѣнію истолкователя, нѣсколько мраченъ и доказываетъ, какъ и все остальное, что съ авторомъ не совѣтуются, о чемъ онъ сожалѣетъ, такъ какъ, что ни говори, а онъ обманулся въ своихъ ожиданіяхъ».

Отъ 24-го января.

Политика кажется мнѣ такъ же хорошо организованною, какъ ваше національное собраніе. Великій вопросъ, быть ли миру или войнѣ, будетъ рѣшенъ Англичанами и Русской Императрицей. Позади всего этого стоятъ нѣмыя лица, которыя играютъ роль пошлую: по крайней мѣрѣ вѣрно, что играя въ чужую игру, они ничего при этомъ не выиграютъ. Я провелъ зиму здѣсь. Къ счастію, можно ясно видѣть, что я не замѣшанъ ни въ малѣйшемъ дѣлѣ, и этимъ ограничивается мое честолюбіе.

«Отъ 24-го января говорятъ о нѣмыхъ лицахъ, которыя играютъ роль пошлую. Толкователь говоритъ, что ничтожество всегда пошло, когда оно желаетъ играть роль».

Отъ 31-го января.

Расчитываютъ сильно на миръ между Россіей и Портой, и, несмотря на весь шумъ, производимый господами Англичанами, надо полагать, что

если Императрица удовольствуется Очаковомъ и возвратитъ свои остальныя завоеванія, миръ будетъ заключенъ. Это—благо, но которое будетъ непродолжительно; ибо есть люди думающіе, что надо все запутать и что въ этомъ вѣрнѣйшее средство быть причислену къ великимъ людямъ.

«Этотъ отрывокъ есть великолѣпная оцѣнка политики великаго Герцберга, который въ потомствѣ заслужитъ репутацію грубаго смутника, вотъ и все».

Отъ 23-го февраля.

Но я не буду говорить съ вами, любезный другъ, о томъ, что происходитъ у васъ на глазахъ; я передамъ вамъ зато откровенно мое мнѣніе о дѣлахъ Сѣвера. Я прежде всего преклоняюсь передъ благороднымъ и мудрымъ образомъ дѣйствій Императрицы. Пожертвовать своимъ мщеніемъ, заключить миръ съ этимъ Шведскимъ королемъ, который такъ заслуживалъ быть поколоченнымъ, это такое внезапное рѣшеніе, которое можетъ возникнуть только въ душѣ великой и сильной. Я признаюсь еще, что ея твердость, по отношенію къ вынужденному миру, носитъ тотъ же характеръ, заслуживающій всякаго удивленія; но такъ какъ она пожертвовала своимъ мщеніемъ, заключивъ миръ съ Швеціей, она взвѣситъ въ своей мудрости, должна ли она продолжать войну съ опасностію, что англійскій флотъ надѣлаетъ шуму въ Балтійскомъ морѣ. Чтобъ судить о томъ, чего требуетъ разсудокъ, я бы долженъ былъ знать въ точности положеніе ея морскихъ силъ, и сознаюсь, не думаю, чтобъ онѣ могли устоять передъ Англичанами. Эти послѣдніе шумятъ, но я полагаю, что если Турки уступятъ Очаковъ, и Императрица, какъ она увѣряетъ, удовольствуется этимъ, то миръ закончитъ всю эту распрю. Я ни слова не говорю о Пруссіи, я слишкомъ много могъ бы о ней сказать; но вѣрно что тотъ, кто всю жизнь будетъ закрытъ облакомъ, весьма невиненъ, хотя и даетъ увлечь себя толпѣ окружающихъ его интригановъ. Я все это оплакиваю, но нахожусь въ невозможности помочь и запираюсь со своими книгами и гуляю въ своихъ лѣсахъ.

«Отрывокъ отъ 23-го февраля такъ объясняется: хотѣлось бы поручить дядюшкѣ высѣчь кое-кого изъ его племянниковъ, кого онъ захочетъ, чтобъ и другіе знали, что за дурачества и двоедушіе бьютъ, а за благородство и честность хвалятъ и современники и потомство; но не надо, чтобъ удары падали на *невинныхъ;* этотъ *невинный* простачекъ, увлеченный толпою

интригановъ его окружающихъ, заслуживаетъ состраданія. И въ самомъ дѣлѣ, я о немъ *жалѣю*, хотя надѣюсь никогда не внушать ему того же чувства».

Изъ Берлина, отъ 10-го марта.

Съ недѣлю, какъ судьба моя привела меня сюда и меня все занимало желаніе отвѣчать на письмо ваше отъ 14-го числа прошедшаго мѣсяца; но въ жизнь свою я не былъ такъ взысканъ вниманіемъ столькихъ людей: частные, весьма продолжительные разговоры, нѣсколько разъ даже съ тѣмъ кто выдаетъ себя за главу королевства. Не знаю принесутъ ли пользу мои рѣчи: по крайней мѣрѣ я не могу упрекнуть себя въ томъ, чтобъ скрывалъ свои мысли, и я надѣюсь, что если не послѣдуетъ изъ этого всей ожидаемой мною пользы, то я по крайней мѣрѣ достигъ того, что величайшее зло, насъ тяготившее будетъ устранено. Я завтра возвращаюсь въ свое уединеніе. Благодарю за то Небо. Всякій знаетъ, что это невыносимо и что въ концѣ концовъ я потеряю весь результатъ моихъ трудовъ. Все, что я могъ сдѣлать—я сдѣлалъ, то есть далъ сильный толчокъ.

«Въ отрывкѣ отъ 10-го марта говорится о такъ называемой главѣ; вотъ такъ прелестно! Да вѣдь это все равно что нуль, замѣчаетъ толкователь и прибавляетъ: никакая разумная рѣчь не проникнетъ въ эту безформенную мозговую массу. Авторъ самъ потерялъ всякую надежду. Это просто баранья голова.....

«Я перечитала всѣ семь предыдущихъ листовъ, которые уже исписаны. Еслибъ я постаралась составить изъ нихъ письмо, то оно было бы недурно. Матеріала довольно, да мнѣ недосугъ».

Изъ Рейнсберга, отъ 14-го марта.

Вотъ я возвратился къ своимъ Пенатамъ и вышелъ изъ смутъ, которыми былъ окруженъ. Послѣднее письмо мое должно было доказать вамъ, что въ какомъ бы положеніи я ни находился, я не могу забыть своихъ друзей. А вы, другъ мой, чье здоровье меня такъ интересуетъ, что сказали вы, получивъ мое послѣднее письмо? Боюсь, не подумали ли вы, что я потерялъ голову. Нѣтъ, никакъ я не потерялъ ее, но она была постоянно занята великими интересами. Послѣ того вы можетъ быть подумаете, что торжество мое полное. Это было бы такъ, еслибъ требовалось только довольствоваться маленькой славой: но такъ какъ я

слишкомъ увѣренъ, что однѣхъ рѣчей недостаточно, я сильно боюсь, что дѣла наши не пойдутъ оттого лучше. По крайней мѣрѣ я имѣлъ одинъ успѣхъ: выпудилъ сознаніе, что еслибъ приняли во внѣшнихъ дѣлахъ по смерти покойнаго короля тѣ мѣры, на которыя я указывалъ, то лучше бы сдѣлали, и мы не очутились бы въ лабиринтѣ, гдѣ, какой бы оборотъ ни приняли дѣла, плоды достанутся другимъ, а непріятности намъ. Надѣюсь что великая буря утихнетъ. Это много будетъ зависѣть отъ Императрицы. Если ею будетъ руководить умѣренность ея и мудрость, то она выйдетъ съ почетомъ изо всѣхъ этихъ затрудненій. Наконецъ, еслибъ я производилъ всю эту работу, я бы могъ лучше сдѣлать; но такъ какъ она поручена другимъ и я только по своей дерзости вмѣшался во все это, то не могу отвѣчать за тѣхъ, кто не имѣетъ двухъ связныхъ мыслей въ головѣ, и пишетъ депеши въ смыслѣ противоположномъ тому, какой хотятъ дать имъ. Я уношу только одно утѣшеніе: это—сознаніе исполненнаго долга. Я не могъ сдѣлать болѣе, и когда задача моя была осуществлена, я былъ вполнѣ счастливъ, возвратившись въ свое уединеніе.

«Толкователь говоритъ: отъ него бы зависѣло доказать, что нѣтъ ничего достовѣрнѣе какъ депеши, присылаемыя въ противоположномъ смыслѣ. Въ иныхъ государь говоритъ:—не исполняйте приказаній своихъ начальниковъ, потому что я не раздѣляю ихъ мнѣній, а начальники [1]) говорятъ: не обращайте вниманія на его слова; онъ думаетъ обо многомъ не такъ, какъ бы слѣдовало. Дѣлайте свое дѣло.—Затѣмъ приходитъ приказаніе остановиться. Представьте себѣ, каково положеніе подчиненныхъ, получающихъ подобныя предписанія и имѣющихъ въ свою очередь подчиненныхъ, которые сносятся частными путями со своими товарищами. Конецъ комментарія».

Гриммъ заключаетъ присланныя выписки такъ: «Вотъ несокрушимый памятникъ безпредѣльнаго довѣрія, которое многострадальный питаетъ къ своей августѣйшей монархинѣ, какъ и велитъ ему долгъ его: ибо довѣренность, какъ вѣра, не дается и не получается по хотѣнію; надо чтобъ она была внушена. И въ то время, какъ я въ отношеніи къ безсмертной не ограничиваю это довѣріе собственными мыслями, которыя, какъ и все мое су-

[1]) Т. е. Министерство иностранныхъ дѣлъ.

щество принадлежатъ ей, въ то время какъ я сообщаю ей самыя задушевныя мысли Рейнсбергскаго пустынника, не выбрасывая изъ нихъ ни одного слова, этотъ пустынникъ еще никогда не удостоился видѣть ни одной строчки изъ того чѣмъ я обладаю, благодаря щедротамъ безсмертной. Все остальное въ перепискѣ касается дѣлъ Франціи, въ которыхъ онъ всегда принималъ живое участіе, такъ же какъ и въ судьбѣ множества лицъ, съ которыми два путешествія въ эту страну познакомили его. Двѣ послѣднія выписки, очень недавняго времени, всего замѣчательнѣе и давали бы право ожидать перемѣны не только въ мѣрахъ, но и въ дѣйствующихъ лицахъ Берлинскаго кабинета. Но слишкомъ извѣстно, что одинъ разумъ, какіе-бы онъ толчки ни давалъ, производитъ только минутныя впечатлѣнія на косность и слабость. Характеры нерѣшительные, недѣятельные и слабые, обыкновенно бываютъ игрушкою интригановъ ихъ окружающихъ; интрига можетъ быть уничтожена только другой интригой, а результатъ всей этой темной борьбы въ концѣ концовъ есть посрамленіе, потери и полное разрушеніе. Итакъ я ничего не ожидаю отъ отчаяннаго усилія Рейнсбергскаго пустынника, какъ бы энергично оно ни было, и не очень удивлюсь, если на другой день послѣ его отъѣзда всѣ интриганы, обыкновенно разрозненные интересами и видами, соединятся, чтобъ изгладить на мягкомъ воскѣ самый слѣдъ полученнаго имъ впечатлѣнія»[1]).

Императрица отвѣчаетъ на это: «Затѣмъ благодарю васъ за все что вы пишете о своемъ довѣріи ко мнѣ; я очень тронута, и видите какъ отвѣчаю вамъ».

25-го апрѣля 1791 г. «Слава Богу, мы еще до сихъ поръ не видимъ въ Лифляндіи послѣдствій благодѣтельной заботливости короля королей, великаго и великодушнаго Герцберга[2]). Но онъ опять подстрекаетъ Шведскаго короля, и меня нисколько не удивило бы еслибъ этотъ послѣдній напалъ на меня, потому что онъ всегда готовъ *получить* съ того кто больше *дастъ*, а разумѣется,

[1]) Письма Гримма, стр. 385—404. *Сб. И. О.* XXIII, 512—516.

[2]) Намёкъ на интриги Герцберга въ Остзейскихъ провинціяхъ.

что трое дадутъ больше чѣмъ можетъ дать одинъ. Если же онъ попробуетъ прійти опять, то я выпущу на него стрѣлу, которая всегда попадаетъ въ цѣль — графа Суворова Рымникскаго. Посмотримъ не укоротитъ ли онъ можетъ-быть и безъ того уже кургузое платье его величества короля Шведскаго»? [1]).

Портреты шести внучковъ. Потемкинскій праздникъ. Сказка о Нарышкинѣ. Коцебу. Сегюръ.

Отдохнувъ отъ тревогъ войны, происходившей, можно сказать, у самыхъ воротъ столицы, императрица Екатерина въ сентябрѣ 1790 года посылаетъ Гримму гравюры съ портретами шести своихъ внучатъ съ слѣдующею чрезвычайно картинною характеристикой каждаго изъ нихъ: «Вотъ вамъ, г. многострадальный, двѣ гравюры съ шестью ребятами. Эта мелюзга растетъ не по днямъ, а по часамъ. Г. Александръ тѣлесно, сердечно и умственно представляетъ рѣдкій образецъ красоты, доброты и смышлености. Онъ живъ и основателенъ, скоръ и разсудителенъ, мысль его глубока, и онъ съ необыкновенной ловкостью дѣлаетъ всякое дѣло, какъ будто всю жизнь имъ занимался. Онъ великъ и силенъ для своихъ лѣтъ и притомъ гибокъ и легокъ. Однимъ словомъ, этотъ ребенокъ соединяетъ въ себѣ множество противоположностей, и потому чрезвычайно любимъ окружающими. Ровесники его легко соглашаются съ его мнѣніями и охотно слѣдуютъ за нимъ. Предвижу для него одну опасность — это женщины, потому что за нимъ будутъ гоняться и нельзя ожидать, чтобъ оно было иначе, такъ какъ у него наружность, которая все расшевеливаетъ. Впрочемъ онъ не знаетъ, до чего онъ хорошъ, и до сихъ поръ не придаетъ большой цѣны своей красотѣ. Вы конечно понимаете, что мы и не стараемся сдѣлать изъ

[1]) Всѣ же коментаріи Екатерины на выписки изъ писемъ принца Генриха занимаютъ въ *Сб. И. О.* XXIII, страницы отъ 509 до 516 также стр. 547 и 548. Самыя же выписки Гримма находятся въ письмахъ его отъ стр. 373 до 404.

него фата. Кромѣ того, онъ имѣетъ много познаній для своего возраста: онъ говоритъ на четырехъ языкахъ, хорошо знакóмъ съ исторіей всѣхъ странъ, любитъ чтеніе и никогда не бываетъ безъ дѣла. Онъ охотно предается всѣмъ удовольствіямъ своего возраста. Если я съ нимъ заговорю о чемъ-нибудь дѣльномъ, онъ весь вниманіе, слушаетъ и отвѣчаетъ съ одинакимъ удовольствіемъ. Если я играю съ нимъ въ жмурки, онъ предается игрѣ отъ души. Всѣ имъ довольны и я также. Воспитатель его г. Лагарпъ находитъ, что онъ — личность замѣчательная. Теперь они сидятъ надъ математикой, которая ему такъ же легко дается, какъ и все остальное. Однимъ словомъ, представляю вамъ г. Александра, какъ лицо, которое можно отличить между ему подобными, потому что если этотъ не будетъ имѣть успѣха, то я не знаю, кто послѣ того можетъ расчитывать на успѣхъ. Замѣтьте еще, что когда Александръ боленъ, или ему слегка нездоровится, или онъ утомленъ, что́ не часто случается, а также когда день его приходитъ къ концу, то онъ окружаетъ себя изящными искуствами: онъ развлекается гравюрами, эстампами, рѣзными камнями.

«Второе мѣсто на эстампѣ занимаетъ Константинъ; живость его иногда переходитъ въ бурливость, но сердце у него доброе и онъ очень уменъ. Этотъ господинъ характера порывистаго: въ немъ нѣтъ той послѣдовательности, какою отличается старшій братъ, но онъ заставитъ о себѣ говорить. Онъ тоже владѣетъ четырьмя языками, но вмѣсто англійскаго, на которомъ говоритъ старшій, — онъ изучилъ всѣ діалекты греческаго. Разъ онъ говоритъ брату: «Что это за дрянные французскіе переводы вы читаете, братецъ? Я такъ читаю все въ подлинникахъ. И увидя у меня въ комнатѣ Плутарха, онъ сдѣлалъ замѣчаніе: «вотъ такое-то и такое-то мѣсто очень дурно переведено; я переведу его лучше и принесу вамъ. И въ самомъ дѣлѣ, онъ принесъ мнѣ нѣсколько отрывковъ, которые перевелъ по-своему и подписалъ внизу: переведено Константиномъ. Я чрезвычайно люблю бесѣдовать съ Константиномъ. Онъ очень воинственъ отъ

природы и чуствуетъ влеченіе къ морскому дѣлу. Въ началѣ этой войны случилось, что на Черномъ морѣ капитанъ, по имени Сакенъ, увидѣвъ что онъ окруженъ Турками, взорвалъ свой корабль. Этотъ Сакенъ сдѣлался его героемъ и во многихъ случаяхъ я видѣлъ, что геройскіе подвиги внушаютъ намъ необыкновенное желаніе подражать имъ, и тогда онъ приходитъ въ восторженное состояніе. Однимъ словомъ, этотъ юноша — забавная личность.

«Третій портретъ на эстампѣ — дѣвица Александра. До шести лѣтъ она нисколько не казалась интересною; но она необыкновенно развернулась въ послѣдніе полтора года: она не только стала очень хорошенькою, но пріобрѣла осанку и ростъ выше своего возраста. Она говоритъ на четырехъ языкахъ, пишетъ и рисуетъ весьма красиво, играетъ на фортепіано, поетъ, танцуетъ, учится безъ труда, выказываетъ необыкновенную кротость характера. Меня любитъ она, не прогнѣвайтесь, болѣе всего на свѣтѣ, и чтобъ мнѣ понравиться и хоть на минуту привлечь мое вниманіе, кажется, готова бы броситься въ огонь.

«Четвертая головка принадлежитъ Еленѣ. Мнѣ кажется, она будетъ красавицей въ полномъ смыслѣ: всѣ черты лица ея отличаются рѣдкою правильностью. Она стройна, легка, движенія ея ловки, и все въ ней исполнено граціи. Характеръ у нея живой и вѣтреный, но сердце доброе. За веселость свою она очень любима братьями и сестрами: вотъ все что я могу сказать о ней.

«Пятая головка — Марія. Вотъ этой надо было родиться мальчикомъ: привитая ей оспа совсѣмъ ее обезобразила. Всѣ черты лица ея погрубѣли. Это настоящій драгунъ: ничего она не боится, всѣ ея наклонности и игры мужскія; не знаю, что́ изъ нея выйдетъ. Любимая ея поза — упереться обоими кулаками въ бока, и такъ она расхаживаетъ [1]).

[1]) Въ другой разъ, по поводу прививтія оспы дѣтямъ г-жи Бельзёнсъ, государыня говоритъ: «Прививанье оспы ужасно портитъ тѣхъ дѣтей, которые отъ натуральной оспы могли бы умереть; третья внучка моя неузнаваема: она была хороша какъ ангелъ до прививанья; теперь всѣ ея черты погрубѣли и въ эту минуту она далеко не хороша».

«Шестая (Екатерина) такъ мала, что о ней еще не стóитъ говорить: ей всего только два года. Она, какъ кажется, очень отстала отъ того, чѣмъ были ея братья и сестры въ ея лѣта. Это—толстенькое, бѣленькое дитя съ хорошенькими глазками, которое садится въ уголокъ, окруживъ себя игрушками, и болтаетъ безъ умолку, но не говоритъ ни одного слова сколько-нибудь замѣчательнаго.

«Кромѣ этого эстампа посылаю вамъ въ подарокъ работу г. Жаркаго: портретъ въ мѣховой шапкѣ, видѣнный вами у г. Сегюра. Ну что же вамъ еще надо? Вы найдете съ гравюрою ребятишекъ еще голову въ каскѣ, которую великая княгиня сама вздумала награвировать на крѣпкомъ камнѣ. Вотъ еще пріобрѣтеніе для вашего музея» [1]).

Мы уже сказали, что послѣ славныхъ побѣдъ адмирала Ушакова надъ Турками на Черномъ морѣ, князь Потемкинъ Таврическій, въ концѣ февраля 1791 года, прибылъ въ Петербургъ, а въ апрѣлѣ онъ давалъ въ Таврическомъ дворцѣ свой знаменитый праздникъ, который императрица такъ описываетъ:

«Да будетъ вамъ извѣстно, многострадальный, что князь Потемкинъ Таврическій далъ намъ вчера великолѣпный праздникъ, на которомъ я пробыла отъ семи часовъ вечера до двухъ часовъ утра. Разстояніе между моимъ домомъ и его, который прилегаетъ къ казармамъ конной гвардіи, будетъ версты четыре. Но, привыкнувъ вставать въ шесть часовъ, я все-таки встала въ свой обычный часъ, и теперь пишу вамъ, чтобъ отдѣлаться отъ легкой головной боли, которую чувствую. Этотъ праздникъ къ моему прибытію долженъ былъ начаться народнымъ угощеніемъ, отъ котораго я застала уже одни остатки, такъ какъ народъ въ минуту все растащилъ. *Почтенная публика* долго дожидалась этого угощенія подъ дождемъ, который лилъ съ двѣнадцати часовъ безъ перерыву, и потому съ поспѣшностью все расхватала. Затѣмъ вѣроятно всѣ тѣ, кому удалось чѣмъ-нибудь завладѣть,

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 497, 498 и 499.

отправились домой насладиться плодами своихъ трудовъ. Публика же, приглашенная по билетамъ во дворецъ князя, пройдя черезъ великолѣпныя сѣни и аванзалу, направилась въ другую громадную залу, которая, говорятъ, по размѣрамъ и постройкѣ уступитъ развѣ только Св. Петру въ Римѣ. Въ этой залѣ двойной рядъ колоннъ, а за колоннами обширный зимній садъ, украшенный статуями и вазами которыя по огромности цѣлаго кажутся очень маленькими.

«По этому вы можете судить о размѣрахъ залы. Я набросала вамъ рисунокъ [1]): представьте же себѣ все это, если можете. Большая зала длиною, я думаю, сажень въ 35. Она построена изъ кирпича, но архитектура ея изящна и величественна. Только что я вошла въ залу № 3, князь повелъ меня къ рядамъ стульевъ около мѣста, означеннаго буквою g. Я усѣлась посреди той публики, которая была безъ шапокъ и не мокла подъ дождемъ, и мы увидѣли, какъ изъ сада, въ мѣстахъ означенныхъ + +, стали выходить двѣ кадрили: розовая и небесно-голубая. Въ первой находился г. Александръ, во второй синьйоръ Константинъ. Каждая кадриль состояла изъ двадцати человѣкъ. Это была самая красивая петербургская молодежь обоего пола, и все это было съ головы до ногъ залито брильянтами. Тутъ были соединены, кажется, всѣ драгоцѣнные камни цѣлаго города и его предмѣстій. Эти двѣ кадрили превосходно выполнили свои разнородные танцы и невозможно придумать ничего прекраснѣе, разнообразнѣе и великолѣпнѣе того, что онѣ исполняли. Это продолжалось около трехъ четвертей часа, послѣ чего хозяинъ повелъ меня и все общество въ театръ, гдѣ была представлена комедія. По окончаніи ея мы возвратились въ залу, гдѣ начался балъ, среди котораго, вмѣсто контрданса, наша молодежь вздумала повторить появленіе двухъ кадрилей, отъ чего присутствующіе буквально пришли въ восторгъ. Когда это окончилось я

[1]) Въ подлинномъ письмѣ рисунокъ залы начерченъ рукою Екатерины краснымъ карандашемъ съ цифрами и объясненіями.

пошла отдохнуть во внутреннія, столь же великолѣпныя комнаты этого волшебнаго зáмка. Около двѣнадцати часовъ доложили, что ужинъ готовъ въ театральной залѣ: обѣ кадрили ужинали на сценѣ. Всѣ кавалеры этихъ двухъ кадрилей были одѣты испанцами, всѣ дамы гречанками. Другіе столы помѣщались въ амфитеатрѣ. Зрѣлище было чудное. По окончаніи ужина въ аванзалѣ былъ вокальный и инструментальный концертъ, послѣ котораго я уѣхала въ два часа по полуночи. Вотъ, милостивый государь, какъ въ Петербургѣ проводятъ время, несмотря на военный шумъ и угрозы диктаторовъ.

«Г. Александръ совершенно покорилъ сердце князя Потемкина, который называлъ его царемъ души своей, находя что съ красотою Аполлона онъ соединяетъ умъ и большую скромность. Этотъ юноша разуменъ, необыкновенно вѣжливъ и обходителенъ и имѣетъ много познаній: однимъ словомъ, еслибъ на его мѣсто выбирать изъ тысячи, трудно бы найти подобнаго, а ужъ лучшаго никакъ не отыскать. Нынѣшней зимою г. Александръ овладѣлъ сердцами всѣхъ, кто только приближался къ нему, и я не поручусь, чтобъ онъ не внушилъ нѣкоторымъ особамъ своего возраста чувствъ болѣе нѣжныхъ, чѣмъ простое расположеніе. Обыкновенно въ его лѣта мальчики бываютъ несносны, а ему четырнадцать лѣтъ, и онъ все такъ же милъ. Я намедни сказала ему, что онъ не очень красивъ собою; онъ на это очень скромно улыбнулся, а я поспѣшила прибавить, что никто самъ себѣ не даетъ наружность и потому нечего на нее обращать много вниманія. Я уже взяла съ нимъ такую методу, что когда невозможно удержаться чтобъ не похвалить его, я принимаюсь изо всѣхъ силъ хвалить его платья. Я такъ поступила въ день моего рожденья: шалунъ былъ тогда очарователенъ» [1]).

Вслѣдъ за описаніемъ Потемкинскаго праздника, императрица обѣщаетъ Гримму прислать ему описаніе путешествія сухимъ путемъ и моремъ оберъ-шталмейстера Льва Нарышкина,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXII, 517—520.

какъ скоро оно отыщется, и присоединяетъ его къ письму отъ 9-го мая (1791). Извѣстно, что ея отношенія къ этому вельможѣ были самыя дружественныя (она часто ѣздила на его дачи, онъ составлялъ ея вечернюю партію), хотя по характеристикѣ его въ разныхъ мѣстахъ переписки видно, что при своемъ шутовствѣ онъ не могъ похвалиться и познаніями, надъ чѣмъ Екатерина въ веселыя минуты любила посмѣяться, называя его невѣждой по ремеслу. Особенно забавляли ее политическія сужденія Нарышкина: «Вы непремѣнно должны знать, говоритъ она, что я до страсти люблю заставлять оберъ-шталмейстера говорить о политикѣ, и нѣтъ для меня бо́льшаго удовольствія, какъ давать ему устраивать по-своему Европу» [1]).

Въ шуточномъ описаніи путешествія по каналамъ и въ Москву, приведенномъ выше (см. стр. 265), Нарышкинъ, по обвиненію иностранными посланниками въ колдовствѣ, привлекается къ допросу, и здѣсь является самая забавная и живая характеристика этого вельможи [2]). Теперь же рѣчь идетъ о сочиненной императрицею шуточной поэмѣ *Леоніана*, въ которой сначала разсказывается дѣтство и воспитаніе Льва Нарышкина, а затѣмъ его путешествіе сухимъ путемъ и моремъ, съ разными комическими приключеніями и эпизодами, приведшими его въ руки алжирскихъ корсаровъ, откуда жена выкупаетъ его за большую сумму. Текстъ этого путешествія не былъ однакожъ написанъ; оно состояло только изъ наименованія главъ, въ которыхъ значатся всѣ приключенія путешественника [3]).

Еще одно имя часто встрѣчается въ письмахъ ея за эту эпоху: имя Коцебу, о которомъ Гриммъ ходатайствуетъ, чтобъ ему продленъ былъ заграничный отпускъ, и прибавляетъ, что

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 391.

[2]) Стр. 698, 699.

[3]) Различные списки съ этого оглавленія были напечатаны Пекарскимъ въ его «Матеріалахъ для исторіи журнальной и литературной дѣятельности Екатерины». (Приложеніе къ III тому *Записокъ Имп. Академіи Наукъ*).

онъ завоевалъ его сердце. Государыня отвѣчаетъ: «Этотъ г. Коцебу можетъ-быть и прекрасный человѣкъ и писатель, но вѣрно то, что онъ не исполняетъ своей обязанности: онъ беретъ жалованье, а другой исправляетъ его должность. Онъ подъ непосредственнымъ покровительствомъ Циммермана, который очень его хвалитъ, и, несмотря на то, я ожидаю минуты, когда сенатъ пошлетъ ему отставку [1]) за неисполненіе своей должности, и сенатъ поступитъ по закону и нельзя будетъ ничего возразить»..... «Этотъ г. Коцебу мнѣ надоѣлъ: я не имѣю чести знать его, но знаю, что онъ заставляетъ всякаго писать ко мнѣ и находится вездѣ, исключая того мѣста, гдѣ бы долженъ быть. У насъ онъ слыветъ завзятымъ Пруссакомъ, и имѣлъ много сношеній съ Вильгельмомъ. Полагаю, что тотъ звѣрь (Герцбергъ), въ качествѣ всесвѣтнаго покровителя, обласкалъ его какъ даровитаго человѣка и литератора». Въ другомъ письмѣ государыня опять выражаетъ подозрѣніе, что онъ былъ прусскимъ агентомъ въ Россіи, и это вовсе не невозможно, такъ какъ изъ Іены, гдѣ онъ прежде былъ адвокатомъ, его вызвалъ въ Петербургъ прусскій посланникъ Герцбергъ, котораго Екатерина такъ не жаловала, видя въ немъ злѣйшаго врага Россіи. На счетъ Коцебу она такъ выразилась: «Этотъ человѣкъ можетъ-быть превосходенъ вездѣ, только не у насъ, гдѣ не знаю почему, подозрѣваютъ, что онъ зараженъ Гю.... измомъ (Gu....isme, т. е. Guillaumisme — преданность прусскому королю Вильгельму). Выраженіе это ново и тѣмъ заслуживаетъ вниманія» [2]). Однакожъ, по настоятельнымъ просьбамъ Циммермана и по случаю смерти жены, Коцебу добился продленія отпуска. О драматическихъ же пьесахъ его государыня пишетъ, что онѣ ее вовсе не интересуютъ и что она слышала, будто двѣ изъ нихъ, неизвѣстно почему, были запрещены въ Вѣнѣ [3]).

---

[1]) Онъ служилъ въ Ревелѣ, а въ настоящую минуту жилъ въ Парижѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 504, 516, 538.

[3]) Стр. 546.

Около этого же времени, то есть въ маѣ 1791 года, Екатерина пишетъ Гримму о Сегюрѣ, который уже въ 1790 возвратился во Францію и который, какъ мы видѣли, прежде производилъ на нее такое обаятельное впечатлѣніе: «Есть человѣкъ, которому я не могу простить его продѣлокъ: это Сегюръ. Онъ фальшивъ какъ Іуда, и я вовсе не удивляюсь, что никто его не любитъ во Франціи. Живя на свѣтѣ, надо имѣть и мнѣніе, а у кого его нѣтъ, того всѣ презираютъ. Какую роль будетъ онъ играть передъ папою [1])? Такую же, какую играетъ передо мною послѣ своего отъѣзда. А между тѣмъ здѣсь ему совали подъ носъ всѣ правила стариннаго французскаго рыцарства, заставивъ его сознаться, что онъ въ отчаяніи ото всего происходящаго во Франціи, а теперь, когда онъ попалъ въ Парижъ, что онъ дѣлаетъ?

3-го мая: «У однихъ онъ старается прослыть демократомъ, у другихъ аристократомъ, и кончаетъ тѣмъ, что одинъ изъ первыхъ бѣжитъ въ ратушу произнести прекрасную присягу, а затѣмъ ѣдетъ въ Римъ, вѣроятно чтобъ наглядно показать папѣ лицо человѣка, отлученнаго отъ церкви. Я въ восторгѣ, что онъ сюда не вернется; онъ написалъ мнѣ длиннѣйшее письмо, въ которомъ требуетъ, чтобъ я ему отвѣчала, потому что, говоритъ онъ, «вы дѣлаете эту честь князю де-Линю и принцу Нассаускому». Мнѣ хочется ему отвѣчать, что де-Линь не слѣдовалъ за колесницей Ванъ-деръ-Ноота и остался вѣренъ своему законному государю, а послѣднему (Нассаускому) я пишу, потому что онъ непосредственно отъ меня получаетъ порученія по службѣ. Итакъ, чтобъ не мнѣ высказать ему то, чего онъ заслуживаетъ, надо чтобъ кто-нибудь другой отвѣчалъ ему вмѣсто меня» [2]).

2-го сентября: «Вѣрно что Сегюръ вообразилъ, что имѣетъ вліяніе на Лафайэта, и это было отчасти причиною его отъѣзда во Францію. Издаваемыя имъ статьи хорошо написаны, но не думаю, чтобъ онѣ могли имѣть значеніе. Все его поведеніе ко-

[1]) Въ то время графъ Сегюръ назначенъ былъ посланникомъ въ Римъ.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 522, 523.

нечно не могло внушить о немъ хорошаго мнѣнія, особливо же его присяга. Онъ этимъ измѣнилъ самому Небу, всему свѣту, самому себѣ, какъ говоритъ Альзира» [1]).

Нѣмецкіе принцы и французскіе эмигранты на службѣ въ Россіи. Рекомендаціи Гримма.

Мы уже выше приводили нѣкоторые отзывы Екатерины о нѣмецкихъ принцахъ, пріѣзжавшихъ на службу въ Россію. Къ этой эпохѣ относится еще нѣсколько подобныхъ же отзывовъ.

13-го мая 1791: «Герцогиня Саксенъ-Готская проситъ васъ оказать большую услугу бѣдному двоюродному брату ея, Фридисталю, который былъ смертельно раненъ. Во-первыхъ, онъ говоритъ, что потерялъ при этомъ свой обозъ, а это чистѣйшій вымыселъ. Во-вторыхъ, онъ опять солгалъ, будто потерялъ свое шестимѣсячное жалованье. Если онъ эти деньги потерялъ, то вѣрнѣе что онъ ихъ проигралъ, а такъ какъ онъ большой игрокъ и большой мотъ, то у него никогда не бываетъ гроша; оттого ему и нельзя довѣрить полкъ. Хотя онъ и полковникъ, но хозяинъ весьма плохой. Рана его зажила и онъ теперь здѣсь. Когда онъ еще служилъ въ гвардіи, то каждые два мѣсяца подавалъ мнѣ просьбу о пособіи, что́ мнѣ наконецъ очень надоѣло. Теперь я ему велѣла дать награжденіе въ тысячу червонцевъ. Но я увѣрена, что еслибъ ихъ дать ему и десять тысячъ, то онъ и тутъ спдѣлъ бы безъ денегъ. Этотъ мальчишка страшный мотъ, и герцогиня хорошо бы сдѣлала, еслибъ посовѣтовала ему поменьше мотать и поменьше лгать. Я очень была бы рада сдѣлать удовольствіе герцогинѣ; но, ради Бога, чтобъ она не вздумала посылать намъ такихъ молодцовъ дюжинами. Она испугала меня, сказавъ, что желала бы имѣть двѣнадцать сыновей, чтобы всѣхъ ихъ прислать къ намъ: это было бы накладно для казны ея величества. Мнѣ уже кажется, что я всѣхъ ихъ вижу, какъ они съ просьбами въ рукахъ безпрестанно выпрашиваютъ денегъ, для

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 557.

того чтобъ ихъ въ тотъ же день проиграть. Если же имъ откажешь, они завопятъ, что о нихъ не хотятъ позаботиться и станутъ жаловаться двоюроднымъ сестрицамъ герцогинямъ и проч. и проч. Прошу многострадальнаго извинить мнѣ эту выходку противъ одного изъ князей Священной Римской Имперіи» [1]).

3-го іюня: «Что касается вашего принца Виртембергскаго, то вѣдь я не прихожу въ восторгъ отъ всякого нѣмецкаго принца какъ иные люди, и потому вовсе не завидую, что вы имѣли удовольствіе его видѣть, хотя папа и одобрилъ его бракъ съ чужой женой отъ живого мужа, съ которымъ она еще не разведена» [2]).

Какъ часто и въ какомъ тонѣ рекомендаціи этихъ принцевъ исходили отъ самого Гримма, можно видѣть по слѣдующему отрывку изъ его письма:

«Графъ де Форстенбергъ, незаконный братъ покойной Зельмиры, былъ мнѣ рекомендованъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ отцомъ своимъ, любящимъ его болѣе всѣхъ законныхъ дѣтей своихъ. Я помѣстилъ его въ полкъ Шомберга, пользовавшійся самой лучшей репутаціей. Это прекрасной молодой человѣкъ, о которомъ я всегда слышалъ только однѣ похвалы. Онъ долженъ былъ оставаться на службѣ во Франціи, и всѣ кто зналъ его предсказывали ему блестящую карьеру. Въ прошедшемъ году, получивъ отвращеніе ко всему что здѣсь происходило, онъ поѣхалъ въ Германію въ надеждѣ повоевать. Отецъ запретилъ ему приближаться къ Силезіи и къ Берлину, и объявилъ, что онъ не желаетъ чтобъ онъ даже отвѣдалъ прусской службы. Онъ остался нѣсколько мѣсяцевъ, скучая, въ Дрезденѣ, но все занятый мыслью служить въ Россіи, гдѣ, еслибъ я зналъ это, я предложилъ бы его съ той минуты какъ возгорѣлась война съ невѣрными. Наконецъ въ началѣ зимы онъ извѣстилъ меня, что просилъ и получилъ разрѣшеніе отца ѣхать въ Россію служить, если можетъ получить на то согласіе. Онъ прибѣгаетъ къ покровительству всемогущаго многострадальнаго. Пока я ему отсовѣ-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 540.
[2]) Стр. 547.

тываю это путешествіе, не одобряю его, даю ему почувствовать, какъ могу, что обстоятельство, самое благопріятное чтобъ быть замѣченнымъ, — именно что онъ сынъ своего отца, — можетъ быть не очень выгоднымъ для него въ настоящую минуту, онъ уже пускается въ путь и мои мудрые совѣты приходятъ какъ горчица послѣ ужина. Большое счастье для него: ибо первое письмо его изъ Петербурга сообщаетъ, что онъ началъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ; что онъ былъ на балѣ у г. вице-канцлера, что принцъ Нассаускій спросилъ его, хочетъ ли онъ служить; что князь Фельдмаршалъ Потемкинъ-Таврическій (Taurien, а не Tauricien) принялъ его въ свой кирасирскій полкъ въ чинѣ майора; что его товарищъ и другъ Карлъ Швейцеръ, тоже изъ Шомбергова полка, удостоился той же милости и того же чина; что князь обходится съ нимъ превосходно, что онъ черезъ день послѣ того долженъ представляться императрицѣ, и что его увѣряли, что ея величество весьма предупреждена въ его пользу. И послѣ того смѣйте, господинъ многострадальный, выказывать вашу глубокую мудрость передъ отпрыскомъ незаконной любви, который въ отвѣтъ можетъ надъ вами только насмѣяться; право, это отнимаетъ охоту играть роль оракула, нѣкогда столь желанную. Я вынужденъ предупредить мою августѣйшую государыню, что мнѣ нельзя будетъ не поручить ея высокому благоволенію молодого князя Краона, который тоже будетъ въ первый разъ говѣть въ храмѣ славы и, смотря по обстоятельствамъ, смотря по тому будутъ ли они ему благопріятны, постарается поступить на службу къ безсмертной. Это единственная отрасль знаменитаго дома. Я его не знаю, но я уже 35 лѣтъ питаю привязанность къ его дядѣ маршалу князю де Бово, который, не видѣвъ дѣла вблизи, воображаетъ что императорскій многострадальный большой и знатный звѣрь при греческо-императорскомъ дворѣ. Не мнѣ его разочаровывать, факты будутъ говорить сами за себя» [1]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 367, 368, 369.

На это государыня отвѣчаетъ: «Графа Форстемберга я видѣла мелькомъ разъ или два. Онъ вступилъ въ нашу службу и князь Потемкинъ взялъ его въ свой полкъ; неудивительно, что отецъ любитъ его болѣе чѣмъ своихъ законныхъ дѣтей: эти — по признанію самого отца — всѣ слабоумные. Но отчего этому графу Форстембергу отецъ запретилъ приближаться къ Силезіи и Берлину? Признаюсь, я немножко подивилась его прибытію; но разъ онъ здѣсь — добро пожаловать. Что касается князя Краона, то онъ еще ѣдетъ. Теперь кажется въ модѣ, что всѣ ваши праздношатающіеся ѣдутъ къ намъ, какъ прежде наши ѣздили къ вамъ» [1]).

До чего въ самомъ дѣлѣ было тогда въ обычаѣ поступленіе иностранцевъ въ нашу службу, свидѣтельствуютъ безпрестанныя рекомендаціи Гримма въ его письмахъ. Между прочими былъ имъ рекомендованъ и адмиралъ Поль-Джонсъ, бывшій американскій офицеръ, поступившій въ Черноморскій флотъ въ 1788 году и имя котораго встрѣчается сначала вмѣстѣ съ именемъ принца Нассаускаго по поводу побѣды надъ Турками при Лиманѣ. Но позже, въ 1791 году, уже совсѣмъ не лестный отзывъ даетъ о немъ государыня, отвѣчая на слѣдующія строки Гримма:

«Государыня, контръ-адмиралъ Поль-Джонсъ поручилъ мнѣ пакетъ, при семъ прилагаемый. Я не знаю его содержанія, но насколько могъ видѣть мелькомъ, въ немъ заключается проектъ или планъ, гдѣ онъ конечно приберегъ себѣ видную роль, планъ которому онъ придаетъ большую важность въ случаѣ продолженія войны. Эта важность еще увеличилась бы, еслибъ Лондонскій дворъ увлекся настолько, что принялъ бы въ ней дѣятельное участіе. Насколько я могъ угадать, рѣчь идетъ о томъ, чтобъ тревожить Англію въ предѣлахъ самаго ея сердца и въ самомъ жизненномъ ея источникѣ — Индіи. Контръ-адмиралъ смѣетъ надѣяться, что ваше величество удостоите поручить мнѣ передачу какого-нибудь рѣшенія относительно его пакета» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 546.

[2]) Письма Гримма, стр. 328.

Вотъ отвѣтъ Екатерины отъ 14-го мая: «Рѣчь идетъ объ адмиралѣ Поль-Джонсѣ. Посмотримъ, чего онъ отъ насъ хочетъ и каковъ его планъ. Я полагаю, что еслибъ Англія осмѣлилась объявить намъ войну, лучше всего было бы, какъ я сказала выше, раздать какъ можно болѣе каперскихъ свидѣтельствъ, чтобъ забрать наибольшее количество ихъ кораблей, и тогда они тотчасъ прекратили бы войну. Что же касается Индіи, то она такъ отдаленна, что прежде чѣмъ мы туда дойдемъ, миръ будетъ заключенъ. Но прочтемъ письма г. Поль-Джонса.

«Прежде всего онъ говоритъ мнѣ о походѣ на Лиманъ, прибавляя, что *никого не обвиняетъ*. Эти слова подчеркнуты. Онъ утверждаетъ, что не былъ въ этомъ походѣ ни пулемъ, ни арлекиномъ, просящимъ чтобъ его произвели въ полковники, находясь *въ хвостѣ* своего полка. Онъ подчеркнулъ слова *въ хвостѣ*. Онъ увѣряетъ, что имѣетъ въ рукахъ неопровержимыя доказательства, что онъ руководилъ всѣми дѣйствіями противъ капитана-паши; толкователь говоритъ, что если онъ *руководилъ*, за то вѣрно, что не онъ *побилъ*, потому что ему посылали приказъ за приказомъ итти впередъ, а онъ не шелъ, находясь подъ противнымъ вѣтромъ, какъ самъ сознаетъ. Онъ говоритъ, что порученіе, данное ему при этомъ дѣлѣ, было очень трудное; можетъ быть. Но рѣчь шла объ ударахъ, и въ такихъ случаяхъ лучше *бить* чѣмъ *быть битымъ*. Онъ находитъ, что ему пришлось жертвовать своимъ самолюбіемъ и подвергнуть риску свою военную репутацію для блага имперіи, и надѣется, что я была довольна его поведеніемъ въ этихъ обстоятельствахъ, такъ же какъ и его послѣдующими планами, о которыхъ онъ полагаетъ, что я до сихъ поръ ничего не знала. Богъ знаетъ, что это такое! Потомъ онъ прибавляетъ, что руководствовался моимъ милостивымъ совѣтомъ, который я будто еще повторила ему письменно, что привязанность его къ моей особѣ есть единственная причина, которая помѣшала ему просить отставки въ бытность его въ Варшавѣ; что онъ былъ огорченъ и даже обиженъ, получивъ *двухмѣсячный* отпускъ въ военное время. *Двухмѣсячный* тоже подчерк-

нуто. А этотъ долгій отпускъ данъ былъ г. Поль-Джонсу для того, чтобъ удалить его отсюда, между нами сказать, безъ диффамаціи, такъ какъ противъ него былъ начатъ процессъ въ изнасилованіи, что́ вовсе не приносило чести его превосходительству, ни его гумманности, ни его справедливости, ни его великодушію, и послѣ этой милой черты не нашлось ни одного моряка, который захотѣлъ бы служить подъ начальствомъ г. контръ-адмирала. Кромѣ того, ему не было надобности во время войны сдѣлаться турко-шведомъ. Теперь, я полагаю, г. многострадальный нѣсколько уразумѣетъ дѣло. И такъ г. контръ-адмирала отослали съ пенсіей, почти такой же, какую Франція дала генералу Люкнеру. Онъ пробылъ здѣсь полгода, не смѣя явиться при дворѣ, а уѣзжая просилъ позволенія мимоѣздомъ быть допущеннымъ къ цѣлованію руки и никогда, послѣ сквернаго происшествія здѣсь описаннаго, ему не было обѣщано особой аудіенціи, какъ онъ говоритъ. Онъ тогда очень хорошо зналъ, что при такихъ обстоятельствахъ не могъ ее получить» [1]).

Революціонныя бѣдствія во Франціи, вызывая множество эмиграцій, также заставляли многихъ французовъ искать военной славы подъ русскими знаменами, и въ это время упоминается часто имя молодаго герцога Ришельё, въ послѣдствіи знаменитаго одессаго губернатора. Онъ прибылъ въ Россію въ 1789 году и служилъ, подъ именемъ герцога Фронсака, подъ начальствомъ Суворова. По окончаніи осады Измаила, онъ долженъ былъ внезапно отправиться въ Парижъ, по случаю смерти отца, и потому не могъ сопровождать Потемкина въ Петербургъ, какъ собирался. Въ маѣ 1791 года Екатерина пишетъ о немъ: «О нынѣшнемъ герцогѣ Ришельё всѣ отзываются съ одинаковою похвалою. О, еслибъ онъ когда нибудь сдѣлался для Франціи тѣмъ, чѣмъ былъ кардиналъ этого имени, но безъ его недостатковъ! Я люблю достойныхъ людей, и потому желаю ему наилучшаго успѣха, хотя сама съ нимъ незнакома. Я ему написала великолѣп-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 541, 542.

ное письмо, вполнѣ рыцарское и послала ему Георгіевскій крестъ. На зло національному собранію я хочу чтобъ онъ оставался герцогомъ Ришельё и чтобъ онъ помогъ возстановить монархію. Слышишь ли, многострадальный, такова моя воля»[1])!

3-го іюня 1791 г. «Очень любопытно бы знать получилъ ли герцогъ де Ришельё мое письмо, посланное вмѣстѣ съ Георгіевскимъ крестомъ. На другой день послѣ штурма Измаила, онъ спрашивалъ у Зубова (юноши, подающаго большія надежды, который для перваго опыта показалъ себя мастеромъ своего дѣла, а графъ обѣихъ имперій называетъ его храбрость безпримѣрною, за что и произвели его въ майоры гвардіи Измайловскаго полка): — «Скажите, другъ мой, какъ вы думаете, дадутъ мнѣ Георгія?» — Онъ не разъ задавалъ ему этотъ вопросъ. Зубовъ, который стремился къ тому же и зналъ наизусть статуты ордена, увѣрялъ его, что ему должны дать крестъ. Оба храбреца, почти ровесники, познакомились на батареѣ одного изъ дунайскихъ острововъ и такъ полюбили ее, что въ продолженіе двѣнадцати дней не покидали ея даже ночью. Я очень рада, что Ришельё прочелъ на лондонскихъ домахъ многознаменательную надпись: *«не хотимъ войны съ Россіей»*. Посмотримъ, станетъ ли послѣ того у г. Питта довольно храбрости, чтобъ рискнуть своимъ мѣстомъ, начавъ войну»[2]).

2-го сентября: «Я писала князю Потемкину, чтобъ узнать, отчего герцогъ Ришельё не получилъ до сихъ поръ ни моего письма, ни Георгіевскаго креста; должно быть, онъ отослалъ ихъ въ Вѣну, не зная гдѣ находится герцогъ, а теперь и письмо и крестъ ждутъ его тамъ. Я нашла его благодарственное письмо въ вашемъ пакетѣ. Онъ хорошо дѣлаетъ, что остается съ принцами и хочетъ сослужить мнѣ службу, возстановивъ французскую монархію»[3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 522.
[2]) Стр. 547.
[3]) Стр. 556.

Гриммъ пишетъ о впечатлѣніи, произведенномъ этимъ Георгіевскимъ крестомъ на молодаго Ришельё: «Его Георгіевскій крестъ свернулъ ему голову и онъ радуется ему какъ ребенокъ. Онъ не замедлитъ пуститься въ путь въ Яссы» [1]).

Много и другихъ французскихъ военныхъ искали черезъ посредство Гримма опредѣленія на службу въ Россію. Такъ въ письмѣ его отъ 30-го марта говорится: «Я писалъ къ правой рукѣ веселаго духомъ князя (Потемкина), чтобъ предложить его свѣтлости двухъ французскихъ генераловъ, которые, прослуживъ съ честью и получивъ отвращеніе отъ военной службы, не существующей болѣе во Франціи, хотятъ посвятить себя той службѣ, у которой побѣда завербована. Правая рука, г-нъ Бюлеръ, пишетъ мнѣ изъ Яссъ, что письмо мое пришло на другой день послѣ отъѣзда блестящаго князя къ сіяющему престолу. . . . . Итакъ я могу сообщить Вашему Величеству, что одинъ изъ этихъ офицеровъ, котораго примѣты я описалъ въ письмѣ моемъ, есть младшій Віомениль, имѣющій большую красную ленту; другой— графъ де Вобанъ. Еслибъ это должно было имѣть какія-либо послѣдствія, надо бы назначить условія, на какихъ они будутъ опредѣлены и утверждены на службѣ, къ которой они стремятся и которая нынче одна можетъ быть предметомъ желаній» [2]).

На это предложеніе не послѣдовало никакого отзыва, хотя въ отвѣтномъ письмѣ императрицы тщательно перебраны всѣ другіе пункты, о которыхъ шла рѣчь. Но о Віоменилѣ однако упоминается позже въ 1794 году: «Все что касается Віомениля очень давно улажено» [3]).

Ровно черезъ мѣсяцъ послѣ того, Гриммъ является съ новыми предложеніями въ виду англо-прусской коалиціи и вооруженій обѣихъ державъ. Два новые протеже Гримма были генералы: маркизъ Булье и Гейманъ.—Вотъ характеристики обоихъ:

---

[1]) Письма Гримма, стр. 369.
[2]) Стр. 349, 350.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 606.

«Мнѣ не нужно говорить вашему величеству, что́ такое маркизъ де-Булье. Онъ командовалъ французскими силами во время послѣдней войны на Антильскихъ островахъ самымъ блестящимъ образомъ; это единственный военный человѣкъ, который выдался въ это время между дѣятелями различныхъ партій. Его военные таланты, его дѣятельность, его взглядъ, его храбрость, его рѣшимость, быстрая какъ молнія и всегда мудрая, поставили его на высшую ступень славы въ отечествѣ и пріобрѣли ему высокое уваженіе со стороны враговъ Франціи. Его частныя добродѣтели прибавили новый блескъ къ его военнымъ успѣхамъ. Самое благородное безкорыстіе, великодушіе, которое всегда сопровождало его побѣды, напомнили и воскресили въ немъ трогательныя добродѣтели древняго рыцарства. Зато, когда послѣ войны онъ явился въ Англіи, онъ получилъ отъ этой націи, мало расположенной баловать иностранцевъ, такія блестящія почести, что никогда, я полагаю, непріятельскій, а особливо французскій генералъ, не получалъ подобныхъ. Еще лучше было въ Голландіи, гдѣ его приняли какъ бога, оттого что онъ велѣлъ возвратить владѣльцамъ, послѣ блестящаго отнятія Сентъ-Эсташа, съ самой величайшею добросовѣстностью все, что могъ спасти отъ постыднаго грабежа, произведеннаго при взятіи этого города англійскими военачальниками. Во время мира маркизъ де-Булье почти каждый годъ ѣздилъ на смотры Іосифа и Фридриха и былъ постоянно принимаемъ въ обоихъ лагеряхъ и обоими государями весьма почетно. Съ тѣхъ поръ, какъ несчастная революція уничтожила Францію, вашему величеству извѣстно, какую роль онъ игралъ. Это единственный человѣкъ, показавшій характеръ, и если бы онъ имѣлъ хоть малѣйшую поддержку, то спасъ бы Францію; но что можно сдѣлать для тѣхъ, кто самъ не хочетъ помочь себѣ? Онъ часто подвергался въ эти два года опасности быть убитымъ, зарѣзаннымъ, или вздернутымъ на фонарь; его храбрость и мудрость всегда разстраивали эти ужасныя намѣренія, и вопреки бѣшенымъ и заговорщикамъ онъ сохранилъ свой авторитетъ и заставлялъ уважать свое имя

до того, что даже якобинцы не осмѣливались роптать, когда въ послѣднее время король ввѣрилъ ему одну изъ четырехъ армій, которыя они хотятъ поставить на ноги, до того онъ умѣлъ сдѣлать себя неуязвимымъ во все время своего командованія Мецомъ. Вотъ человѣкъ, который побуждаетъ меня послать нарочнаго моему покровителю Бахусу».

«На этихъ дняхъ ко мнѣ неожиданно вошелъ генералъ Гейманъ, бывшій всегда вторымъ послѣ г. Булье, со времени революціи и съ той минуты, какъ тотъ принялъ начальство надъ Мецомъ. Когда я проѣзжалъ черезъ Мецъ, семь мѣсяцевъ тому назадъ, г. де-Булье, говоря мнѣ объ этомъ генералѣ, сказалъ мнѣ: я не захотѣлъ бы и сутки сохранить свое командованіе, еслибъ не имѣлъ при себѣ этого человѣка. Гейманъ—превосходный кавалерійскій офицеръ. Онъ страстно полюбилъ эту карьеру. Онъ также ежегодно ѣздилъ на смотры короля Прусскаго. Въ качествѣ эльзасца или нѣмца съ береговъ Рейна, онъ имѣлъ преимущество знанія языка, необходимаго съ прусскими генералами, которые гордятся, что не знаютъ другихъ языковъ. Онъ зналъ Зейдлица и того Вакеница, на котораго Зейдлицъ смотрѣлъ какъ на первостепеннаго кавалерійскаго офицера, удаленнаго отъ службы только по несправедливости Фридриха и перешедшаго въ Гессенъ. Гейманъ также путешествовалъ въ Польшѣ съ г. Конфланомъ; онъ видѣлъ тамъ руссія войска. Въ болѣе спокойныя времена, когда мы съ нимъ встрѣчались, онъ всегда отзывался мнѣ о нихъ съ восхищеніемъ и какъ человѣкъ всегда страстный къ кавалерійской службѣ, онъ заставлялъ васъ раздѣлять свой восторгъ, когда говорилъ, что можно сдѣлать изъ казаковъ и съ казаками. Онъ мнѣ говорилъ иногда: дайте мнѣ корпусъ изъ шести тысячъ Русскихъ — и если я мигомъ не возстановлю вездѣ порядка, велите повѣсить меня. Вотъ, государыня, нѣсколько характеристическихъ чертъ, чтобъ дать понятіе о г. Булье и его посланникѣ при мнѣ, г. Гейманѣ» [1]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 353, 354, 355.

Затѣмъ Гриммъ говоритъ о трудной роли, которая выпала на долю генерала Булье во время революціи, что̀ будетъ приведено въ своемъ мѣстѣ, упомпнаетъ о его сынѣ, желающемъ стать для первыхъ своихъ опытовъ въ ряды русской арміи, и прибавляетъ: «Г. де-Булье находитъ уже свое мѣсто невозможнымъ и отчаивается въ спасеніи Франціи: я зналъ, что онъ слишкомъ преданъ своей странѣ, чтобъ покинуть свое мѣсто, еслибъ могъ сохранить малѣйшую надежду на возвращеніе какого-либо порядка. Я не ошибся» [1]).

Всѣ эти рекомендаціи были усилены увѣреніями, что война съ Англіей и Пруссіей близка и неизбѣжна и что оба генерала имѣютъ всѣ нужныя свойства и достаточно изучили слабыя стороны врага, чтобъ быть употребленными, первый — Булье, противъ Англичанъ, второй — Гейманъ, противъ Пруссаковъ. Содержаніе оба требовали весьма высокое: Булье — 150 тысячъ французскихъ ливровъ, Гейманъ 80 тысячъ ливровъ, кромѣ расходовъ на путешествіе. Предложенія эти и условія посланы были въ Петербургъ съ нарочнымъ, гусарскимъ офицеромъ изъ Меца.

Императрица отвѣчала: «2-го іюня. Итакъ, что касается этого генералъ-лейтенанта, маркиза Булье, сдѣлавшаго себѣ у васъ такую громкую репутацію и его генералъ-адъютанта, хорошаго кавалерійскаго генерала Геймана, мы готовы принять ихъ на службу, только на другихъ условіяхъ, которыя отвезетъ имъ нашъ посланный. Но, многострадальный, мы уже не мало видали у насъ вашихъ великихъ дѣльцовъ, которые ровно ничего не сдѣлали съ Ахенскаго мира, между тѣмъ какъ наши здѣсь такого мнѣнія о себѣ, что они пріобрѣли болѣе опытности и проглотили болѣе побѣдъ, съ 1756 года, чѣмъ собратья ихъ по оружію во всемъ свѣтѣ.... Неправда ли, что мы становимся хвастливы? Но такъ какъ полдюжины враговъ уже сполна побито, если не болѣе, потому что единица болѣе или менѣе въ этомъ количествѣ не важна, трудно не сознаваться, что послѣ вѣкового

[1]) Письма Гримма, стр. 356.

успѣха нельзя уже прослыть болванами, и ужъ если кого называть болваномъ, то я предпочитаю своихъ болвановъ тѣмъ умникамъ, которые даютъ развинтиться машинѣ и получаютъ щелчки..... не двигаясь при этомъ съ мѣста, какъ настоящіе чурбаны..... Если г. Гейманъ пріѣдетъ, то онъ найдетъ нашу легкую кавалерію весьма пріученной къ войнѣ, но вотъ венгерскую кавалерію считаютъ непобѣдимой, когда она поддержана русской пѣхотой» [1]).

3-го іюня: «Во всемъ что касается гг. Булье и Геймана, прошу принять къ свѣдѣнію прилагаемый здѣсь листокъ; я велѣла доставить весь этотъ пакетъ во Франкфуртъ. Августѣйшее собраніе (во Франціи) поступаетъ очень мудро, стараясь разстроить армію, вѣроятно чтобъ лучше развязать руки тѣмъ, которые въ настоящую минуту работаютъ надъ контръ-революціей; если вы на своемъ пути услышите что-нибудь объ этомъ, прошу васъ сообщить мнѣ что узнаете: это мнѣ очень любопытно. Еслибъ въ ихъ проектѣ была возможность успѣха, то полагаю, что ваши два генерала имъ были бы не безполезны. Но ужъ пожалуйста, оставьте въ покоѣ рейнсбергскія мечтанія [2]), которыхъ никто не испугается» [3]).

«Листокъ, заключающій въ себѣ отвѣтъ по дѣлу генераловъ Булье и Геймана. Г. маркизъ де-Булье, генералъ-лейтенантъ на французской службѣ, будетъ принятъ въ Россіи въ томъ же чинѣ со старшинствомъ, какое имѣетъ во Франціи, стало-быть будетъ имѣть право производства въ генералъ-аншефы вскорѣ, будучи во Франціи однимъ изъ старшихъ генералъ-лейтенантовъ.

Содержаніе генералъ-аншефовъ въ Россіи.	4,600 руб.
Прибавка на экипажъ.....	10,000 »
Столовыхъ 500 въ мѣсяцъ, въ годъ....	6,000 »
Пенсія.....	2,000 »

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 544, 545.

[2]) Т. е. предсказанія неминуемой войны съ Англіей и Пруссіей.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 546.

Это же содержаніе получаетъ и принцъ Нассаускій; на путешествіе дается разъ навсегда 3,000 дукатовъ.

Г. Гейманъ будетъ принятъ генералъ-майоромъ, со старшинствомъ, какое имѣлъ во Франціи, что̀ вызоветъ и производство въ свое время.

Содержаніе генералъ-майора.....	2,760 руб.
На столъ въ мѣсяцъ.....	300 »
На путешествіе разъ навсегда выплачивается.....	2,000 дукатовъ.

Офицеры, которыхъ привезетъ г. Булье отъ десяти до двѣнадцати человѣкъ, до подполковника включительно, будутъ приняты. Желательно было бы имѣть преимущественно извѣстное число инженерныхъ офицеровъ, съ хорошей практикой.

Дѣти г. Булье будутъ приняты на службу по своему чину. Что касается пенсіи по отставкѣ, никто у насъ не имѣлъ случая жаловаться. Вдовы никогда не оставались безъ обезпеченія и пособія, и истинныя заслуги награждаются самыми разнообразными способами» [1]).

Не понравились ли Булье и Гейману категорическія условія государыни, удержало ли ихъ то, что угрозы Англіи и Пруссіи кончились ничѣмъ, или отвлекло Булье предположенное содѣйствіе его побѣгу Людовика XVI изъ Парижа, только пріѣздъ ихъ въ Россію не осуществился.

По этому поводу государыня пишетъ Гримму отъ 1-го сентября: «Я согласна съ вами и очень боюсь за г. Булье. Неудачный побѣгъ короля долженъ былъ нанести ему чувствительный ударъ, но онъ воленъ поступать на службу къ кому хочетъ: я отъ этого ничего не выиграю и не проиграю, потому что у меня все пойдетъ такъ же, какъ до сихъ поръ шло безъ него. Я думаю, что ему всего лучше въ настоящее время служить тамъ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 549.

гдѣ есть надежда возвратить Людовику XVI отнятой у него престолъ» [1]).

Отъ 16-го сентября: «Я получила отъ маркиза Булье обширное письмо съ двумя дополненіями: въ одномъ онъ объясняетъ распоряженія, сдѣланныя имъ для бѣгства короля, которое не удалось: стало-быть эти распоряженія были плохи, что бы онъ тамъ ни толковалъ; въ другомъ говорится о пропагандѣ, надъ которою я подсмѣиваюсь. Въ ней между прочимъ сказано, будто они употребляютъ 30 милліоновъ чтобъ поднять всѣ народы; но надо начать съ того, чтобъ имѣть эти милліоны, а у нихъ кромѣ ассигнацій ничего нѣтъ, да и этихъ еще недостаетъ для самихъ. Ужъ какъ вы ни восхваляйте голову маркиза Булье, она не отличается отчетливостью. Вотъ мой отвѣтъ, не знаю, понравится ли онъ вамъ».

Къ этому отвѣту приложена писанная посторонней рукой:

Копія.

«Г. маркизъ Булье. Извѣстившись по газетамъ объ обстоятельствахъ, въ которыхъ вы находились съ тѣхъ поръ какъ прислали мнѣ прошеніе, выражавшее желаніе ваше служить въ нашей арміи, и узнавъ въ то же время, что вы вступите на службу короля Шведскаго, я заключила что отвѣтъ мой барону Гримму, ожидавшій во Франкфуртѣ болѣе мѣсяца, пока барону Гримму дозволено будетъ выѣхать изъ Франціи, теперь безполезенъ. Онъ можетъ развѣ только служить доказательствомъ, что я приняла просьбу вашу съ тѣмъ вниманіемъ, какое я считаю долгомъ оказывать всякому вѣрному служителю короля, вашего государя. Впрочемъ, милостивый государь, я могу только похвалить и одобрить ревность выказанную вами къ его службѣ, его правамъ и его особѣ, и которой выраженіе я нашла въ письмѣ, писанномъ ко мнѣ изъ Дрездена. Настоящія строки служатъ имъ

[1]) *Сб И. О.* XXIII, 555

отвѣтомъ. Я нашла въ немъ и оба прибавленія, за которыя благодарю васъ.

Подписано: Екатерина» [1]).

Страхъ же передъ англійскимъ и прусскимъ нашествіемъ, который такъ обуялъ Гримма, что онъ даже предлагалъ различные планы кампаній и усердно сообщалъ пессимистическіе взгляды на это принца Генриха, не только не былъ раздѣляемъ Екатериной, но она подшучивала надъ нимъ, говоря: «Тревоги г. многострадальнаго насчетъ знаменія времени такого свойства, что могутъ быть оспариваемы и много зависятъ отъ хорошей или дурной погоды, которую предвѣщаетъ барометръ за сутки ранѣе; барометръ же принца Генриха есть смѣсь всякой всячины, которую трудно опредѣлить. Вы видите, что какъ онъ ни считалъ заявленія Англіи *рѣшительными и непоправимыми* [2]), они приняли однако путь примирительный. Что до насъ касается, мы поемъ пѣсенку: Malbrough s'en va-t-en guerre и проч. (Мальбрукъ отправляется въ походъ)» [3]).

О нарочномъ, офицерѣ изъ Меца, присланнымъ Гримомъ по случаю переговоровъ о Булье и Гейманѣ, государыня пишетъ: «Вашъ довѣренный офицеръ пріѣхалъ съ такимъ таинственнымъ и важнымъ видомъ, что г. Женэ (Genet), французскій уполномоченный, принялъ его прямо за человѣка, присланнаго сюда для переговоровъ на счетъ контръ-революціи, потому что совершенство превосходныхъ конституцій заключается въ настоящую минуту въ крайней подозрительности и мелочности и въ томъ, чтобъ вредить другимъ, въ благородномъ предположеніи что вамъ самимъ повредить могутъ» [4]).

---

[1]) Письма Гримма, 558, 59.

[2]) Это были буквальныя выраженія, которыя употребилъ Гриммъ, говоря о мнѣніи принца Генриха.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 545.

[4]) Стр. 549.

Французская революція.

Отношенія Россіи къ Франціи съ начала царствованія Людовика XVI были нами уже очерчены. Мы знаемъ, что Екатерина постоянно мечтала о союзѣ Россіи съ Франціей противъ общихъ имъ обѣимъ враговъ: Англіи и Пруссіи. Напрасно старалась она, и лично черезъ посланниковъ и черезъ посредство Гримма, выяснить государственнымъ людямъ Франціи выгоды такого союза. Всѣ усилія ея разбивались о слабость и непослѣдовательность французскаго правительства, дѣйствовавшаго совершенно въ противоположномъ смыслѣ, отчего Людовикъ XVI вмѣстѣ съ своими совѣтниками получилъ отъ нея характеристическое названіе: «бѣдные люди». Теперь мы перейдемъ къ той тревожной эпохѣ, которая должна была вызывать оживленный обмѣнъ мыслей между самодержавной монархиней, въ молодости лично задѣтой вліяніемъ отрицательныхъ ученій и свободомыслія французскихъ философовъ, и между ихъ другомъ энциклопедистомъ, видѣвшимъ во очію послѣдствія того умственнаго движенія, въ которомъ онъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Съ одной стороны поражаетъ насъ вѣрная, можно сказать геніальная оцѣнка событій, доходившая до предсказанія Наполеона; съ другой сообщаются свѣжія впечатлѣнія самимъ очевидцемъ потрясающихъ событій. Это заставляетъ насъ въ возможной полнотѣ соединить здѣсь какъ отзывы и сужденія императрицы о революціи, такъ и уцѣлѣвшія (особливо за 1790 годъ) сообщенія Гримма изъ охваченнаго революціей Парижа.

1787, 1788, 1789 годы.

27-го ноября 1787 г. Екатерина писала: «Если на швейцарскомъ сеймѣ, на которомъ вы присутствовали въ Фрауэнфельдѣ, происходили пренія вполнѣ осмысленныя и разумныя, то этотъ сеймъ стало-быть не походилъ на сеймы другихъ свобод-

ныхъ странъ, гдѣ обыкновенно большинство превыспренно несетъ вздоръ... [1]) О бѣдные люди! вездѣ-то они дѣляютъ пустяки и внутри и во внѣшнихъ дѣлахъ. Не уладитъ попъ дѣла—остается только на молитву стать! Бѣднымъ людямъ давно недостаетъ хорошей, здоровой головы. Что толку, коли голова на плечѣ сидитъ, все-таки она не на томъ мѣстѣ, гдѣ ей слѣдуетъ быть, а на другомъ. Эти люди вѣтрогоны, а головушка у нихъ кружится! Какъ только изъ вашихъ мѣстъ дойдутъ до меня слухи о парламентѣ, я тотчасъ затыкаю уши» [2]).

Отъ 1-го декабря: «То что вы говорите о маркизѣ Лафайэтѣ не удивляетъ меня: это, кажется, революціонная голова; говорятъ, что онъ первый забилъ въ набатъ противъ управленія Калонна. Что касается его диверсіи въ Средиземномъ морѣ, то я вовсе ея не понимаю. Онъ всегда желалъ сюда пріѣхать; и если еще не перемѣнилъ этого намѣренія, и пріѣдетъ при настоящихъ обстоятельствахъ, то можно будетъ поближе и поточнѣе узнать о чемъ идетъ рѣчь; впрочемъ готовятся сильныя вооруженія. Такъ какъ онъ запретилъ вамъ говорить объ этомъ, то пожалуйста и вы молчите о томъ что я вамъ говорю, чтобъ потомъ не вышло, что я вовлекла его въ какія-нибудь предпріятія, которыя могли бы отозваться ему непріятностями въ настоящемъ или будущемъ» [3]).

28-го декабря: «Что вы мнѣ ни говорите, я глубока убѣждена, что тамъ гдѣ вы находитесь, несмотря на неоднократно полученныя пощечины, скорѣе свяжутся съ бр. Ге и бр. Гю и даже съ дьяволомъ, чѣмъ со мною... Ласкаю себя надеждой, что братцы Ге-Гю пріѣдутъ во Францію взглянуть, какъ будутъ засѣдать государственные чины» [4]).

Весь 1788 годъ Екатерина такъ была поглощена своими двумя войнами, что только вскользь упоминала о положеніи дѣлъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 427.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 431. Эти обѣ фразы: одна нѣмецкая, другая французская сказаны въ рифму: «Die Leute ſind windig und Köpfchen iſt ſchwindlich. Dès que chez vous j'entends parler de parlement, je détourne mon entendement».

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 433, 434.

[4]) Стр. 437.

во Франціи, и въ этомъ же году она повторяетъ предложеніе Лафайэту пріѣхать въ Россію, говоря: «Скажите мнѣ, гдѣ маркизъ Лафайэтъ! Если онъ въ немилости и никому не нуженъ, пусть пришлютъ его къ намъ: мы ему найдемъ дѣло» [1]).

24-го января 1789 г. «Мнѣ очень нравится какъ вы опредѣляете духъ заблужденія и безумія, вотъ уже два года охватившій всю Европу, и, увѣряю васъ, весьма возможно, что въ четверть часа времени всѣ эти замыслы построителей системъ улетучатся какъ дымъ. Завѣряю васъ, что *бѣдные люди* до прошлогодняго декабря мѣсяца преисправно выплачивали Фальстафу свои субсидіи и что они въ восторгѣ отъ того, что создали мнѣ со всѣхъ сторонъ затрудненія (вѣдь я ихъ пугаю), и конечно они охотнѣе вступятъ въ обязательства съ Ге-Гю, чѣмъ со мною: это доказано..... я очень рада, что г. Сенъ-При вступилъ въ совѣтъ; я знаю, гдѣ желала бы его видѣть [2]).

27-го января: «Ну ужъ ваши нотабли надѣлали дѣлъ! Но, признаюсь, я не очень одобряю отсрочку собранія государственныхъ чиновъ. Что же изо всего этого выйдетъ? Хозяйство становится день ото дня плачевнѣе».

29-го января: «Если въ нотабляхъ или государственныхъ чинахъ проявится излишній пылъ, то я посовѣтовала бы попотчевать ихъ политическимъ толчкомъ противъ партіи штатгальтера въ Голландіи [3]). Тогда всѣ горячія головы туда устремятся, а хладнокровныя станутъ выплачивать долги и устанавливать налоги. Такимъ образомъ всѣ будутъ довольны и можетъ-быть это единственное средство успокоить волненіе, охватившее у васъ умы» [4]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 466.

[2]) Стр. 471.

[3]) Жена штатгальтера была родная сестра Вильгельма Прусскаго и племянница принца Генриха, та самая о которой Екатерина въ комментаріяхъ на письма принца Генриха отзывалась, что она фурія и недоброжелательствуетъ ей безъ всякой причины.

[4]) Стр. 472, 473.

19-го марта: «Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ бѣдные люди захотѣли возвысить голосъ въ Голландіи и не дали бы окончательно задавить свою партію [1]) въ этой республикѣ, то значительно помогли бы и мнѣ. Я бы желала, чтобъ вы объ этомъ дружески поговорили съ Сенъ-При и вмѣстѣ обсудили способы склонить тотъ дворъ, гдѣ вы находитесь, къ такому вмѣшательству, которое доказало бы, что Франція еще существуетъ между вліятельными державами, и не для того же она владѣетъ 80-ю военными кораблями, чтобъ дать имъ сгнить въ гаваняхъ безъ всякой пользы для государства. Всякое уваженіе къ этому двору совершенно пропадаетъ вслѣдствіе его бездѣйствія. Меня ужъ никто не можетъ обвинить въ излишнемъ къ нему пристрастіи, но выгоды мои и цѣлой Европы требуютъ, чтобъ этотъ дворъ снова занялъ, и какъ можно скорѣе, подобающее ему мѣсто, и вотъ что, кромѣ уплаты долговъ, должны бы посовѣтовать королю государственные чины. Вся Европа одобрила бы это и честь націи была бы упрочена и въ настоящемъ вѣкѣ и въ будущемъ. Французы дорожатъ честью и славой: для нихъ сдѣлаютъ они все возможное, какъ только имъ будетъ указано, чего требуетъ эта честь и слава отечества. Всякій французъ долженъ сознавать, что нѣтъ ничего почетнаго въ этомъ отсутствіи всякаго политическаго существованія, питающемъ внутреннія смуты, которыя ширятся, растутъ и скопляются на каждомъ шагу. Пусть это напряженіе перельется за предѣлы королевства, и оно тотчасъ перестанетъ подтачивать и грызть его, какъ черви точатъ корпусъ корабля. Если мои слова могутъ произвести какое-нибудь дѣйствіе, прошу употребить ихъ въ дѣло вездѣ, гдѣ они могутъ принести пользу Впрочемъ, какъ только выпустятъ моего посланника изъ Семибашеннаго замка, условія мира не такъ трудно будетъ установить, лишь бы Порта на нихъ согласилась; я съ своей стороны облегчу ихъ сколько возможно: островъ Березань мѣстечко не

[1]) Партію патріотовъ, искавшую во Франціи опоры противъ деспотизма штатгальтерскаго дома, дѣйствовавшаго въ союзѣ съ Пруссіей и Англіей.

важное, не служащее ничему передовымъ постомъ; Кинбурнъ только приманка; Очаковъ, если будетъ разоренъ, потребуетъ новыхъ сооруженій и стало-быть не малыхъ затратъ. Если бъ Франція возвысила голосъ и заняла снова свое мѣсто, то и миръ съ Турками былъ бы скоро заключенъ. Зачѣмъ не пошлетъ она флотъ свой въ Архипелагъ, чтобъ содѣйствовать миру?.. Если Мирабо въ своей книгѣ во всемъ столько же правдивъ, сколько въ отношеніи ко мнѣ, то книга его не заслуживаетъ ни малѣйшаго вниманія. Появилась еще одна гораздо худшая, но эта носитъ на себѣ такую печать клеветы, что нигдѣ не можетъ возбудить ничего другого, кромѣ вполнѣ заслуженнаго отвращенія» [1]).

15-го ноября 1789: «Какъ времена перемѣнились! Генрихъ IV и Людовикъ XIV считали себя первыми дворянами своего королевства и полагали, что они непобѣдимы во главѣ этого дворянства. Въ ихъ время епископы и проповѣдники преимущественно извлекали изъ библіи и священнаго писанія тексты, утверждавшіе королевскую власть. Блескъ царствованія Людовика XIV поддерживался за границей еще до нашихъ дней.

«Признаюсь, мнѣ не нравится ваше правосудіе безъ правосудія, и эти варварскія экзекуціи на фонаряхъ. Не могу также вѣрить въ высокія способности мелкихъ ремесленниковъ и сапожниковъ къ управленію государствомъ и законодательству: дайте написать одно письмо тысячѣ человѣкъ, заставьте ихъ пережевывать каждое выраженіе и увидите что́ будетъ» [2]).

1790.

12-го февраля: «Вчера Бахусъ прислалъ мнѣ вашу миніатюрную грамоту, писанную 1-го и 2-го января. Около того же времени я начала подобную же, и если память мнѣ не измѣняетъ, я взяла ее съ собой на дачу, время отъ времени продолжала её, потомъ опять привезла сюда и отложила въ сторону, и это было

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 474, 475.
[2]) Стр. 479.

не по недостатку матеріала, а скорѣе по громадности событій, по странности явленій и неудачныхъ опытовъ этого времени, такого времени, когда свѣтъ пересталъ стыдиться всего что несправедливо, что достойно охужденія, что отзывается жестокостью и насиліемъ, что до сихъ поръ считалось отвратительнымъ,—такого времени, когда глупѣйшіе неучи замышляютъ силой захватить первыя мѣста.... То, что вы мнѣ разсказываете про ваше житье въ теперешнія пріятныя времена, заставляетъ меня содрогаться [1]).

«Я знала, что какой-то Бельзэнсъ погибъ, но не знала, что это братъ г-жи де Бюэль: мнѣ грустно за неё. Теперь такія времена, что приходится жалѣть о прошломъ. Здоровье ваше меня очень тревожитъ, но я вовсе не интересуюсь вашими великими производствами..... Я нахожу, что у васъ мысли самыя печальныя. Видно, что вы страдаете тѣломъ и душою: старайтесь развлекаться, и если я могу облегчить ваши заботы, то разскажите мнѣ все откровенно, съ точностью и умѣньемъ. Къ чему это: король *Французовъ?* Зачѣмъ отнимать у него Наварру — наслѣдіе отцовъ? Зачѣмъ, послѣ восьмисотлѣтняго существованія, измѣнять имя Франціи и начать говорить: Французы? Значеніе этого королевства таково, что должно бы предохранить его отъ такого переворота въ существованіи, относительно котораго опытъ еще не указалъ что́ хорошо и что́ худо, что́ полезно и что́ вредно. Съ какихъ поръ сумасбродство, легкомысліе, безпорядокъ, крайности всякого рода ставятся выше опытности, осторожности, порядка и закона? Какъ ничего не знающая и не понимающая, я только задаю вопросы, видя какъ на моихъ глазахъ рушится все, къ чему въ началѣ и въ серединѣ этого столѣтія были привязаны умы и сердца, что́ руководило въ жизни и безъ чего живешь лишь изо дня въ день» [2]).

---

[1]) Къ сожалѣнію, всей первой части писемъ Гримма за первую половину 1790 года недостаетъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 480, 481.

22-го іюня государыня писала изъ Царскаго-Села: «Письмо госпожи де-Бюэль отняло у меня охоту шутить. Въ немъ только и говорится что о бѣдствіяхъ Франціи и объ ужасахъ, окружающихъ васъ.... Искренно желаю, чтобъ эти бѣдствія прекратились и чтобъ Франція возвратила себѣ почетное мѣсто въ Европѣ, особенно же чтобъ положеніе королевы сдѣлалось такимъ, какъ я бы желала по живѣйшему моему участію къ ней. Въ великихъ опасностяхъ торжествуетъ великое мужество!... Послушайте, я не могу согласиться съ вашимъ предложеніемъ. Вовсе нейдетъ дворцовому меру, развѣнчавшему монархическую власть во Франціи [1]), имѣть портретъ самой аристократической императрицы въ Европѣ, а ей точно такъ же нейдетъ посылать его меру анти-монархисту. Это значило бы каждаго изъ нихъ поставить въ противорѣчіе съ самимъ собою и его призваніемъ прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ [2]).

23-го іюня: «Вы совершенно новымъ способомъ читали мое письмо въ четыре страницы, доставленное вамъ Бахусомъ. Вы прочли его по клочкамъ; я знаю, что́ такое *національное собраніе*, разрывающее Францію по клочкамъ. Но этой болѣзнью и вы заразились, поступая съ моимъ письмомъ какъ это собраніе съ королевствомъ, которое вѣроятно уже перестало быть таковымъ..... Кто бы подумалъ о Ламетѣ, въ бытность его въ Кіевѣ, что онъ будетъ изъ бѣшеныхъ?..... Вашъ комментарій о королѣ Французовъ лучшій изъ всѣхъ. Они это почерпнули въ исторіи Франціи? Кажется, Фарамондъ назывался королемъ Франковъ. Но со всѣми ихъ нововведеніями прощай Франція, а это вовсе не забавно» [3]).

24-го іюня прибавлено въ концѣ письма: «Что касается вашей тревоги насчетъ невѣрнаго состоянія вашей воспитанницы въ слѣдствіе общаго положенія страны, въ которой вы живете, я

---

[1]) Бальи.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 482, 483.

[3]) Стр. 484, 485.

конечно нахожу ваше сомоотверженіе вполнѣ прекраснымъ, но надо же позаботиться и о настоящей минутѣ, и потому я велѣла послать вамъ шесть тысячъ рублей, изъ которыхъ вы заплатите то что я должна, а остальное употребите какъ вамъ заблагоразсудится. Другія шесть тысячъ будутъ положены здѣсь въ Воспитательный домъ, чтобъ вы могли располагать и доходами и капиталомъ, какъ вамъ будетъ угодно. Я помѣстила ихъ здѣсь, такъ какъ считаю это учрежденіе вѣрнѣе чѣмъ всѣ ваши французскіе денежные дома, гдѣ ужъ вовсе ничего не платятъ... Что касается до мѣста посланника въ Италіи или Германіи, охотно дамъ вамъ его, когда вы этого пожелаете [1]).

25-го іюня: «Такъ какъ вы сознаётесь, что жизнь во Франціи не представляетъ болѣе ни малѣйшей пріятности, то видно что страна эта потеряла свое главное достоинство .... Какое паденіе! Большія дороги зарастутъ терніями, а Сюлли такъ радовался, что его любезный Генрихъ IV истребилъ ихъ. Никогда я съ такою жадностью не читала и не перечитывала Генріаду и всѣ мемуары той эпохи, какъ въ нынѣшнюю зиму. Надо будетъ національному собранію распорядиться, чтобъ бросили въ огонь всѣхъ лучшихъ французскихъ писателей, распространившихъ языкъ ихъ по цѣлой Европѣ. Иначе они будутъ свидѣтельствовать противъ отвратительнаго разрушенія ими произведеннаго. До сихъ поръ считали достойнымъ висѣлицы каждаго замышляющаго погибель своей страны, а вотъ цѣлая нація, или лучше сказать, тысяча двѣсти депутатовъ ея занимаются этимъ. Я полагаю, что еслибъ повѣсили нѣкоторыхъ изъ нихъ, остальные бы образумились. Слѣдовало бы начать съ того, чтобъ отнять у нихъ тѣ восемнадцать ливровъ, которые даются каждому депутату, и тогда эти добрые люди возвратились бы къ своимъ ремесламъ, а кромѣ того издать законъ, чтобъ ни одинъ адвокатъ не могъ быть принятъ въ собраніе» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 487, 488.
[2]) Стр. 488, 489.

За этимъ слѣдуетъ то мѣсто объ адвокатахъ, которое мы уже привели въ главѣ о ея историческихъ взглядахъ и политической мудрости и гдѣ выражено убѣжденіе въ безнравственности защиты за деньги и праваго и неправаго дѣла, и въ томъ что это болѣе всего способствуетъ затемнѣнію въ умахъ понятія о хорошемъ и дурномъ, о справедливомъ и несправедливомъ. Она совѣтуетъ прежде всего уничтожить этотъ принципъ, а потомъ уже бороться со зломъ, которое онъ произвелъ. Въ концѣ же письма государыня прибавляетъ: «Никто болѣе меня не принимаетъ искренняго участія въ страданіяхъ королевы; я люблю ее какъ возлюбленную сестру лучшаго друга моего Іосифа и удивляюсь ея мужеству... Прощайте и знайте, что если отвратительныя начала вашихъ бѣшеныхъ повально распространятся въ Европѣ, можно будетъ поздравить съ этимъ Турокъ, которымъ тогда завоеваніе Европы сдѣлается удобнымъ и легкимъ; вотъ что ваша покорная слуга вамъ предрекаетъ и что она докажетъ вамъ, какъ дважды два четыре» [1]).

Съ половины 1790 года письма Гримма сохранились вполнѣ до мая 1791 г., и теперь мы будемъ приводить изъ нихъ все касающееся революціи, наглядно съ отвѣтами императрицы.

Въ письмѣ отъ 1-го августа 1790 онъ сообщаетъ, что уѣзжаетъ на воды въ Бурбонну, что надѣется присутствовать во Франкфуртѣ на коронаціи Леопольда, а потомъ имѣть свиданіе съ принцемъ Генрихомъ въ Вильгельмсбадѣ, объясняя, что цѣль послѣдняго будетъ только «пріобрѣсти вѣрныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ во Франціи, и я буду имѣть горесть геометрически доказать ему, что Франція погибла безвозвратно, и если какой богъ не сойдетъ въ машинѣ чтобъ спасти её—то на картѣ останется только черная дыра, которую Эдмундъ Бэрке и я не одни замѣтили съ самаго начала этой злополучной революціи. Анархія ея такова, что невозможно ей просуществовать даже нѣсколько времени безъ какой-нибудь новой революціи, которую впрочемъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 490.

невозможно предупредить, такъ какъ нигдѣ незамѣтно довольно хорошихъ актёровъ, чтобъ произвести развязку въ пьесѣ, усложненной бандитами и повѣсами, не вѣдающими, что они творятъ. Всего неизбѣжнѣе до сихъ поръ — банкротство, зрѣющее подъ рукою честности, но собственно говоря злобы и безсмыслія французскаго, и становящееся день ото дня неизбѣжнѣе. . . .

«До сихъ поръ августѣйшее собраніе ничего не рѣшило на счетъ пенсіи г-жи де-Бюэль, хотя г. Вимпфенъ, одинъ изъ членовъ комитета, и упомянулъ о томъ особо въ рапортѣ, здѣсь прилагаемомъ, и куда онъ вплёлъ похвалу безсмертной во вкусѣ, соотвѣтствующемъ мѣсту, гдѣ она должна была произвести свое дѣйствіе. Я не ожидалъ, что меня назовутъ, ни что я найду эту похвалу въ рапортѣ барона Вимпфена; но онъ сообщилъ мнѣ, посылая его, что не могъ воздержаться, чтобъ не похвалить ту, которой онъ такъ давно удивляется. Увѣряютъ меня, что эта похвала покрыта была рукоплесканіями въ вертепѣ тысячи двухсотъ королей — адвокатовъ и жилетовъ, куда я никогда не ставлю ногй, такъ какъ зрѣлище безумія и злобы никогда не забавляло меня. Этотъ предметъ прямо возвращаетъ меня къ пожалованію денегъ и другимъ невѣроятнымъ распоряженіямъ въ пользу г-жи Бюэль и ея опекуна, сдѣланнымъ среди грома пушекъ тою непстощимою благотворительностью, которая не довольствуется заботами о славѣ и счастіи самаго обширнаго изъ государствъ, но занимается еще двумя атомами, брошенными судьбою далеко отъ нея. Здѣсь, государыня, рыданія повторяются, и всего лучше я сдѣлаю, если запечатаю пакетъ, отдамъ его г. Павлову, уложу свои вещи для поѣздки въ Бурбонну и уѣду» [1]).

«Я такъ тронутъ всѣмъ, что ваше величество говорите мнѣ о французской королевѣ, что считаю себя обязаннымъ найти, вѣрный случай довести это до ея свѣдѣнія. Это утѣшеніе не должно быть у нея отнято. Къ несчастію, ея положеніе таково,

[1]) Письма Гримма, стр. 248, 252, 253.

что самыя невинныя сношенія представляютъ свою опасность, и что достаточно было бы клочка бумаги, котораго передача была бы замѣчена и худо объяснена, чтобъ породить самыя странныя и даже гнусныя подозрѣнія. Я полагаю, что мы приближаемся къ весьма скорому и насильственному кризису: финансы въ крайности и возстаніе цѣлой арміи, готовой разбѣжаться, вотъ два симптома, предвѣщающіе скорое разложеніе.

«Я забылъ сказать, что г-нъ и г-жа де-Бюэль названы въ рапортѣ г. Вимпфена именемъ дю-Ру, которое принадлежитъ г. де-Бюэлю, ведущему свой родъ отъ стариннаго Овернскаго дома, одного происхожденія, какъ думаютъ, съ домомъ Руффо изъ Неаполя. Онъ носитъ имя де-Бюэль по матери, отъ которой онъ его наслѣдовалъ. Но ваше величество вѣроятно знаете, что уже два мѣсяца какъ нѣтъ болѣе дворянства во Франціи, что есть только дѣятельные граждане, начиная съ братьевъ короля и кончая чернорабочими, метущими улицы, такъ какъ всѣ люди родятся свободными и равноправными, слѣдуя заявленію о правахъ изъ дома сумасшедшихъ во Франціи» [1]).

Государыня такъ отвѣчаетъ на это письмо Гримма начинающееся словами: «Какъ я жалокъ»! «Жалобный тонъ очень присталъ жителю столицы, которая два года уже находится въ мукахъ рожденія и которой навѣрное угрожаютъ несчастное разрѣшеніе..... чудовищемъ разложившимся и зловоннымъ. Но отведемъ взоръ отъ зрѣлища столь гнуснаго и отвратительнаго какъ преступленія этой гидры о тысячѣ двухстахъ головахъ. Вы прекрасно дѣласте, что ѣдете путешествовать, чтобъ развлечься. Вы найдете Николая Румянцова во Франкфуртѣ, гдѣ можете съ нимъ обниматься сколько вамъ угодно.....

«Надо сказать правду, что у васъ во Франціи теперь господствуетъ тонъ грязной распущенности. Однакоже не этимъ тономъ прославилась Франція, а изящнымъ языкомъ двора Людовика XIV. Этимъ блескомъ дорожило общественное мнѣніе цѣ-

[1]) Письма Гримма, стр. 255, 256.

лыя полтора столѣтія, и вотъ въ какіе-нибудь три года все это вдругъ исчезло! Я бы еще многое могла сказать вамъ по этому поводу, но громадный пакетъ, который мнѣ сейчасъ принесли, избавляетъ васъ на этотъ разъ отъ дальнѣйшихъ моихъ размышленій. Однако прежде чѣмъ примусь за чтеніе бумагъ, я непремѣнно должна вамъ сдѣлать вопросъ: что сдѣлаютъ Французы со своими лучшими писателями, которые почти всѣ жили въ царствованіе Людовика XIV? Всѣ они и даже Вольтеръ — приверженцы королевской власти и проповѣдуютъ порядокъ и спокойствіе, а это прямо противоположно системѣ гидры о тысячѣ двухстахъ головахъ. Можетъ-быть они бросятъ ихъ въ огонь? Если же нѣтъ, то оттуда будутъ извлечены начала совершенно противорѣчащія ихъ системѣ, если только у нихъ есть какая-нибудь система» [1]).

«Эта черная дыра, предсказанная Эдмундомъ Бёрке — дѣло весьма плачевное. Но въ эту минуту говорятъ, что г. Булье во главѣ 18,000-ной арміи подвигается отъ Нанси, а такъ какъ вы меня увѣряли, что это человѣкъ съ характеромъ, то увидимъ что́ онъ сдѣлаетъ. Но дѣла множество, да и банкротству онъ никакъ не можетъ помѣшать. Я не хочу, чтобъ у васъ украли мои письма; они для васъ, а не для публики, которая часто лишена всякаго здраваго смысла. Одною изъ нелѣпѣйшихъ операцій тысячидвухсотголовой гидры было уничтоженіе дворянства. Какъ? То, что семьи пріобрѣли трудами, службой отцовъ — у нихъ отнято? А за что же, скажите, отнимать у людей и честь и выгоду? Какое же поощреніе будутъ они имѣть? оставаться всѣмъ въ неизвѣстности? Тогда прощай и слава! А тутъ и клевета будетъ дѣлать свое дѣло. Эта перемѣна именъ тоже престранное дѣло».

«То, что вы мнѣ сообщаете о несчастномъ положеніи Французской королевы только подтверждаетъ то, что я уже знала. Въ настоящую минуту ей можно только посовѣтовать величайшую осторожность въ дѣйствіяхъ. Впрочемъ она можетъ быть

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 492, 493, 494.

увѣрена, что я сочту за долгъ быть ей полезной во всемъ, въ чемъ только могу. Другъ и вѣрная союзница ея братьевъ не можетъ думать иначе. Желаю отъ всей души, чтобъ эти критическія обстоятельства измѣнились какъ можно скорѣе къ лучшему.... Такъ вотъ и книжная торговля тоже уничтожена во Франціи, и страна наводнена глупостями и неистовствами: о бѣдные и злые люди» [1])!

«Еслибъ я была г. Булье, то мнѣ не даромъ дали бы начальство надъ 18,000 человѣкъ. Я употребила бы ихъ на то, чтобъ изгнать изъ страны прокуроровъ и адвокатовъ и всю ихъ братію. Сегюръ пишетъ сюда, что ничего нельзя предсказывать заранѣе о томъ что у нихъ происходитъ, потому что послѣдствія всего этого неисчислимы, но не взирая на этотъ (не Калхасовскій) оракулъ, я болѣе чѣмъ когда-либо предсказываю имъ надолго всевозможныя несчастія и бѣдствія прежде чѣмъ они возвратятся къ порядку и спокойствію.

«Празднества мира наградили меня кашлемъ; чтобъ избавиться отъ него, я добровольно легла въ постель; надѣюсь черезъ шесть недѣль прочесть въ газетахъ, что я при смерти. Но въ постели я много размышляла, и между прочимъ мнѣ пришло на мысль что одна изъ причинъ почему Матьё Монморанси, Ноальи и проч. такъ дурно воспитаны и такъ неблагородно мыслятъ, та что они первые предложили декретъ объ уничтоженіи дворянства, пріобрѣтеннаго однако трудами ихъ предковъ; другая бѣда въ томъ, что у васъ уничтожили іезуитскія школы. Что тамъ ни говори, а эти плуты бдительно смотрѣли за нравами и наклонностями своихъ воспитанниковъ, и все что во Франціи было лучшаго вышло изъ ихъ школъ. Я читаю и перечитываю Генріаду во время этихъ смутъ во Франціи; посовѣтуйте и Французамъ читать ее, чтобъ бездѣльники, подобные вышеназваннымъ, научились мыслить» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 495, 496.
[2]) Стр. 500.

Отъ 9-го октября Гриммъ писалъ изъ Франкфурта: «Увы! эта несчастная страна (Франція) ежедневно приближается къ своей гибели, и нѣтъ для нея ни малѣйшаго признака спасенія. Г. Неккеръ окончилъ свое министерское поприще и репутація его погребена подъ развалинами монархіи. Я опасаюсь, что Лафайэтъ кончитъ тѣмъ же. Со всѣхъ сторонъ вижу я людей, приведшихъ въ движеніе машину, для управленія которою нѣтъ у нихъ ни умѣнья, ни силъ, и они, увлеченные ею, сами являются невинной причиной разрушенія Франціи. Но всего болѣе виноваты именно эти невинные, вмѣшивающіеся въ великія дѣла, и можетъ-быть въ первый разъ необходимость не создала нужныхъ людей или нужнаго человѣка, чтобъ спасти свою страну. Тогда какъ революція и раздоры естественно образуютъ много характеровъ,—въ эти бѣдственныя времена не нашлось ни одного, и Франція сдѣлалась жертвою шайки адвокатовъ, пустыхъ головъ, выдающихъ себя за философовъ, также всякихъ повѣсъ, негодяевъ, молодыхъ франтиковъ, не имѣющихъ и тѣни здраваго смысла и являющихся игрушками въ рукахъ нѣсколькихъ бандитовъ, не заслуживающихъ, при всей своей преступности, даже имени знаменитыхъ злодѣевъ. Посмотрѣвъ вновь на церемонію избранія и коронованія Римскаго императора съ тѣмъ же дѣтскимъ удовольствіемъ, съ какимъ я глядѣлъ на нее 45 лѣтъ тому назадъ, я вырвусь изъ объятій друга *моего сердца* и *друга по сердцу*, чтобъ опять окунуться въ омутъ, именуемый Парижемъ, о которомъ имѣю эту зиму худшее чѣмъ когда-либо мнѣніе; но что дѣлать? нельзя покинуть тѣхъ, кому мы отъ ихъ рожденія дали право на насъ опираться. И такъ какъ отъ меня не зависитъ увезти изъ Франціи г-жу Бюэль съ мужемъ и дѣтьми, то надо возвратиться туда, и, если нужно, лечь съ нею, или возлѣ нея»[1]).

Франкфуртъ, 1-го ноября: «Чтобъ успокоить себя я прямо лечу окунуться въ пучину, гдѣ царствуютъ злоба и безуміе и гдѣ

[1]) Письма Гримма, стр. 265, 266.

дѣла день ото дня ухудшаются. Я не имѣю тамъ никакого дѣла, и однакоже бѣгу туда; я покидаю самаго нѣжнаго друга [1]), я противлюсь его упрашиваньямъ, потому что, не будучи въ возможности увезти мою маленькую воспитанницу и ея дѣтей изъ Франціи, но разъ пріучивъ ее съ рожденія надѣяться на меня, я необходимо долженъ ѣхать ее успокоить своимъ присутствіемъ и раздѣлить опасности, отъ которыхъ не могу уберечь ее».

«Въ поѣздку, сдѣланную мною въ Готу, я нашелъ, что тамъ господствуетъ прекрасное настроеніе и что наши писатели не заразились французской болѣзнію, какъ столько другихъ умниковъ Германіи во многихъ частяхъ ея. Наши готскія перья положительно способствовали потушенію возстанія въ курфиршеской Саксоніи, какъ ваше величество увидите изъ «Горячки бунта» и другихъ памфлетовъ здѣсь прилагаемыхъ, которые Дрезденскій дворъ требовалъ у нихъ тысячами, чтобъ распространять ихъ между непокорными подданными. Это безуміе, кажется, совершенно прекратилось. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Парижъ, буду имѣть честь говорить съ моей августѣйшей монархиней о книгѣ подъ заглавіемъ: «Маленькая книжка для помощи въ нуждѣ» (Das kleine Noth- und Hülfs-Büchlein), которой авторъ, живущій въ Готѣ, одинъ продалъ болѣе ста тысячъ экземпляровъ, хотя книга его была перепечатана во всѣхъ частяхъ Германіи» [2]).

Отъ 14-го ноября Гриммъ, по возвращеніи своемъ въ Парижъ, пишетъ: «Я вступилъ въ Парижъ съ растерзаннымъ сердцемъ, и пріѣздъ мой привѣтствованъ былъ народнымъ зрѣлищемъ грабежа отеля Кастри. Ваше величество спросите меня: Да кто же, безумецъ, заставлялъ тебя туда возвращаться? Ахъ! кто заставлялъ? Конечно не удовольствіе, конечно не желаніе моего сердца возвратили меня сюда. Я могъ бы провести самую пріятную зиму возлѣ своего святого во Франкфуртѣ; наши безпрерывныя прогулки въ Царское Село, въ Петербургъ, въ Эрмитажъ

---

[1]) Графа Н. Румянцова.

[2]) Письма Гримма, стр. 270, 271, 272.

обманывали бы мое сердце, и я въ иныя минуты мечталъ бы, что перенесенъ туда. Я могъ бы расположиться въ Лозаннѣ, возлѣ маршала Кастри, къ которому я привязанъ уже 40 лѣтъ, который переѣхалъ туда со времени возрожденія Галліи, потому что онъ съ самого начала предвидѣлъ всѣ благословенія, которыя намъ готовились. Я бы долженъ былъ для поправленія своего разстроеннаго здоровья, которое Парижъ быстро доконаетъ, поискать болѣе мягкаго неба, напр. Ниццы, Пизы или Неаполя, чтобъ дышать тамъ свободно и незадыхаясь. Но ваше величество не научили ли меня давно своимъ славнымъ примѣромъ, что есть первостепенная добродѣтель, безъ которой другія не стóятъ своего имени? Эта добродѣтель постоянство. И если постоянство есть первая изъ ея добродѣтелей, какъ смѣлъ бы многострадальный не имѣть её и не подражать издали той, которой образъ сіяющій славою преслѣдуетъ его день и ночь. Поэтому я сказалъ себѣ, что пріучивъ госпожу де-Бюэль расчитывать на меня, съ тѣхъ поръ какъ она существуетъ, я не могу въ такую минуту ее покинуть. И какъ она привязана къ почвѣ маленькимъ имуществомъ своего мужа, и потомъ съ тремя дѣтьми и скудными средствами, столь же разстроенными какъ и самыя большія имѣнія прежней Франціи, я конечно не былъ бы въ состояніи вывезти её отсюда и заставить её покинуть свое печальное отечество, какъ сдѣлали всѣ имѣвшіе на то возможность. Стало-быть, мнѣ слѣдовало возвратиться сюда, чтобы раздѣлить судьбу моей питомицы, поддержать её, хотя насъ раздѣляло пространство въ двадцать-пять миль, и наконецъ похоронить себя возлѣ нея, если надо и если мои припадки удушья, возобновившіеся съ пріѣзда моего, потребуютъ того отъ меня» [1]).

Отъ 1-го декабря Гриммъ, излагавшій въ предыдущемъ письмѣ всѣ впечатлѣнія своего путешествія и различныхъ свиданій и разговоровъ, продолжаетъ такъ: «Остальная часть моего путешествія изъ Бурбонны во Франкфуртъ прошла нѣсколько

[1]) Письма Гримма, стр. 273, 274, 275.

спокойнѣе. Я пріостановился въ Мецѣ, чтобъ видѣть маркиза Булье, котораго не видалъ съ революціи послѣ всѣхъ угрожавшихъ ему опасностей. Этотъ человѣкъ мнѣ по сердцу, но, развѣ послѣдуетъ какое-нибудь необыкновенное и неожиданное стеченіе обстоятельствъ, онъ будетъ такъ же безполезенъ къ возстановленію порядка какъ и другіе, потому что неурядица въ этомъ несчастномъ королевствѣ такова, что мнѣ кажется невозможно уберечь его отъ разложенія. Ваше величество вполнѣ правы: человѣкъ во главѣ осьмнадцати тысячъ войска, съ характеромъ и рѣшимостью завоевателя, можетъ сдѣлаться, смотря по складу и свойствамъ своимъ, или властителемъ и тираномъ, или избавителемъ своего отечества. Но ему необходимо было бы осьмнадцать тысячъ человѣкъ, на которыхъ онъ могъ бы расчитывать, и благодаря глубокому злодѣйству тѣхъ, кто привелъ дѣла въ то положеніе, въ какомъ они находятся, все постепенно и въ опредѣленную минуту оказывается взбунтовавшимся, возставшимъ, разстроеннымъ. Ничто не представляетъ мнѣ болѣе вѣрнаго изображенія турецкой арміи, какъ настоящее состояніе арміи французской, съ тою разницей, что здѣшніе правители всячески стараются возбуждать, поощрять и награждать виновныхъ и преступныхъ, которыхъ визирь по крайней мѣрѣ велитъ душить или сажать на колъ, когда можетъ Такова измѣнчивость всего человѣческаго, что минута безумія поставила насъ въ уровень съ безмозглыми и свирѣпыми врагами нашей августѣйшей государыни. Чтобъ спасти Францію, нужна бы чужеземная сила, способная послужить ядромъ, вокругъ котораго могли бы соединиться народныя силы, а этой чужеземной помощи не существуетъ; одинъ Французъ могъ бы также совершить это чудо двадцать разъ, сто разъ, во мгновеніе ока, но онъ этого не хочетъ. Этотъ французъ — самъ король..... Великій Герцбергъ и великій Неккеръ, хотя вовсе не похожіе другъ на друга, заставили меня почувствовать отвращеніе къ министрамъ-литераторамъ. Если этотъ педантъ своей спесью, ложными расчетами, академическими и полемическими диссертаціями обреченъ Провидѣніемъ погубить

свою родину, другой, окончивши роль свою, могъ бы спросить себя, что сталось въ рукахъ его съ тою Франціей, которую онъ получилъ цѣлою въ 1788 г. Онъ, какъ ребенокъ, одаренный однако сатанинской гордостью и совершенною неспособностью сладить съ большой машиной, льстилъ себя надеждою подчинить себѣ государственные чины могуществомъ своего краснорѣчія и своего пера. Онъ мѣтилъ ни мало ни много — на то, чтобъ сдѣлаться министромъ націи, чтобъ болѣе не зависѣть отъ прихотей двора; а нація или лучше сказать тѣ, которые сдѣлались ея представителями, насмѣялись надъ нимъ и кончили тѣмъ, что отвергли его съ презрѣніемъ. Онъ любилъ театральные эффекты и производилъ ихъ время отъ времени въ національномъ собраніи, или посылалъ туда своего короля для той же цѣли, чтобъ привести чувствительную и кроткую націю на 24 часа въ умиленіе, надъ которымъ она черезъ день послѣ того смѣялась. Наконецъ онъ сошелъ со сцены. Умы безпристрастные, нападая на его способности, отдадутъ справедливость его честности; отказавъ ему въ дарованіяхъ и искуствѣ великаго финансиста-политика и особливо государственнаго человѣка, они не заподозрятъ его въ томъ, чтобъ онъ готовилъ или желалъ видѣть то что случилось; но они скажутъ, что если въ его министерство Франція впала въ такое плачевное состояніе, надо было или бѣжать или погибнуть вмѣстѣ съ нею» [1]).

Отъ 20-го декабря Гриммъ передаетъ разговоръ свой съ Леопольдомъ по поводу французской революціи и, сообщая свой взглядъ на нее, высказываетъ замѣчательное пророчество по отношенію къ Россіи. Онъ предвидитъ, что ей суждено принять наслѣдіе европейской цивилизаціи и развивать её далѣе, не заражаясь той болѣзнью разрушенія, которая, какъ ему ужъ тогда казалось, должна была охватить всю Европу. Это письмо такъ замѣчательно, что заслуживаетъ быть приведеннымъ почти въ цѣлости: «Въ аудіенцію, доставленную мнѣ у императора, чтобъ пере-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 284, 287.

дать ему поздравительное письмо герцога Готскаго по случаю его восшествія на престолъ, этотъ монархъ говорилъ со мною сначала о французской революціи какъ съ человѣкомъ, который только что былъ ея свидѣтелемъ. Онъ не счелъ меня достойнымъ того, чтобъ говорить со мною съ довѣріемъ въ политическомъ отношеніи, и имя сестры его не было произнесено имъ; но онъ ограничился философствованіями и общими мѣстами, и когда я сказалъ ему, что опасаюсь возвращенія варварства, уничтоженія искуствъ и просвѣщенія, онъ отвѣчалъ мнѣ, что возвращеніе суевѣрія и царства поповъ кажется ему близкимъ и неизбѣжнымъ. Тогда я сообщилъ ему предсказаніе вашего величества. Мнѣ показалось, что онъ опасался обнаружить передо мной впечатлѣніе, которое это предсказаніе произвело на него; можетъ-быть онъ вообразилъ, что я выставилъ его единственно съ тѣмъ, чтобъ дать разговору политическій оборотъ. Въ этомъ я его успокоилъ весьма скоро, погрузившись въ глубочайшія догадки философскаго и общаго характера. Неоспоримо только одно: что Волохи всегда остаются Волохами, что Вольтеръ нашелъ бы ихъ тѣми же, какими ихъ покинулъ, какими они были уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ; по тому, какъ они воспользовались свободой, они доказали, что столько же способны обладать ею, какъ корова способна плясать на канатѣ, и что за ихъ настоящимъ сумасбродствомъ можетъ послѣдовать только самый суровый деспотизмъ. Мой добрый нунцій Каприра, человѣкъ умный, что̀ не помѣшало ему разводить чистую водицу при курфиршескомъ сеймѣ, потому что онъ хотѣлъ итти подъ эгидой Пруссіи, а курфиршеская коллегія не любитъ этого щита, этотъ мой нунцій говорилъ мнѣ по поводу мудрости національнаго собранія: я не боюсь за авторитетъ церкви; мы оба съ вами можетъ-быть слишкомъ стары, чтобъ видѣть её возникающею изъ пепла, но она возродится. Ваши якобинцы сдѣлали это чудо неизбѣжнымъ; но сознайтесь также, что они проиграли роду человѣческому превосходный процессъ, и что еслибъ они были въ состояніи руководить этой революціей съ умѣренностью и мудростью, они могли бы сдѣлать

её благотворною для всего рода человѣческаго. Конечно мой добрый нунцій правъ, ярость Галловъ совершила въ нѣсколько мѣсяцевъ дѣло нѣсколькихъ вѣковъ постепеннаго упадка, и даже языкъ съ ужасающею быстротою искажаетъ эта ярость, такъ что языкъ Расиновъ и Вольтеровъ скоро будетъ казаться чужимъ. Когда аббатъ Галіани пророчествовалъ, что русскій языкъ сдѣлается языкомъ дворовъ, а французскій языкомъ ученыхъ [1]), онъ не думалъ, что такъ близка эта революція. Такъ какъ всякая бѣдственная эпоха подаетъ поводъ къ предсказаніямъ, я тоже выскажу свое. Безъ сомнѣнія, если безуміе Франціи не будетъ подавлено и быстро не прекратится, оно можетъ быть болѣе или менѣе пагубно для самаго ядра Европы, ибо невозможно, чтобы чумная зараза не опустошала и сосѣдство. Уничтоженіе военной дисциплины будетъ однимъ изъ прямыхъ послѣдствій этой заразы, этой методически развившейся разнузданности, которою мы здѣсь вполнѣ наслаждаемся. Въ этомъ порядкѣ вещей свирѣпымъ варварамъ мусульманамъ была бы легкая пожива и предсказаніе безсмертной очень скоро сбылось бы, еслибъ русскій орелъ не былъ недосягаемъ для французскаго изступленія. Эта имперія и дисциплина ея армій въ случаѣ надобности обуздаетъ и уничтожитъ варваровъ и предохранитъ отъ ихъ вторженія ядро Европы, которое покроется густымъ мракомъ. *Два государства тогда подьлятъ между собой всѣ преимущества образованности, всю силу генія въ литературѣ, искуствѣ, военномъ дѣлѣ и промышленности: Россія со стороны востока, а освобожденная въ наши дни Америка со стороны запада.* А мы, народы ядра Европы, окажемся слишкомъ развращенными, слишкомъ униженными, чтобъ иначе какъ только по глухому преданію сознавать чѣмъ мы были прежде. Конечно не было еще примѣра въ лѣтописяхъ міра, чтобъ великая нація могла внезапно исчезнуть и быть вычеркнутою изъ списка народовъ по собственному своему хотѣнію и не испытавъ никакихъ другихъ бѣдствій, кромѣ собственнаго безумія. Какой печальный удѣлъ быть уничтоженной горстью мошенниковъ и повѣсъ, которые не умѣютъ внушить къ себѣ

уваженія, хотя бы характеромъ величія въ своихъ злодѣйствахъ; которые во всякомъ спорѣ по поводу самыхъ простыхъ вещей обнаруживаютъ свою пустоту, свое невѣжество, свое безуміе, которые съ бѣшенствомъ характера соединяютъ мелочность и ребячество, покрывающія ихъ позоромъ, и при всемъ томъ постоянно воображаютъ себя свѣточемъ народовъ, тогда какъ они стали посмѣшищемъ для нихъ! Я не исключаю ни одного изъ трехъ сословій, и побѣжденные и побѣдители равно являются позоромъ для человѣчества. Не нашлось ни одного великаго характера, когда того настоятельно требовала необходимость: вотъ величайшій признакъ упадка, какой можетъ обнаружить нація. Ваше величество спрашиваете меня, куда дѣвались эти французскіе рыцари, нѣкогда блиставшіе гордостью и мужествомъ. Передъ революціей они сдѣлались англійскими жокеями и конюхами; понятно, что послѣ революціи они сочли честью и славой быть смѣшанными со сволочью! Они въ одномъ вечернемъ засѣданіи, полупьяные, возбудили вопросъ объ уничтоженіи дворянства, принявъ на своей аудіенціи множество бездѣльниковъ, одѣтыхъ по оперному и подкупленныхъ изображать изъ себя посланниковъ націй; адвокаты такимъ образомъ довершили собственное безуміе. Что сказать о націи, которая не знаетъ, или представляется незнающею, что дворянское сословіе составляетъ такую же существенную принадлежность общества, такъ же необходимо для успѣховъ образованности, какъ развитіе красоты, силы и успѣхи роста присущи природѣ тѣла. Конечно со стороны Неккера не было непростительной ошибкой, что онъ удвоилъ среднее сословіе, что́ было согласно со справедливостью и чему онъ былъ не въ силахъ помѣшать, но непростительно было вообразить, что министръ можетъ созывать государственные чины, не позаботясь о ихъ составѣ, не наблюдая зорко за выборами, не имѣя на нихъ положительнаго вліянія, не заручившись въ нихъ преобладающей партіей. Король конечно былъ въ своемъ правѣ, когда требовалъ двухъ предварительныхъ и существенныхъ качествъ въ депутатѣ: чтобъ онъ имѣлъ 40 лѣтъ, такъ какъ разсудокъ и раз-

мышленіе зрѣютъ во Франціи позже чѣмъ гдѣ-либо, и чтобъ онъ былъ собственникомъ. Эти два необходимыя условія достаточно предохранили бы монархію отъ опасности попасть въ руки адвокатовъ и блузниковъ, и спасли бы ее отъ ихъ тупоумныхъ и тёмныхъ происковъ. Но когда я заглядываю въ исторію и вспоминаю, чѣмъ была эта нація всякій разъ какъ она хотѣла сама управляться и вести свои дѣла, я невольно прихожу къ мысли, что бѣдствія Франціи были рѣшены въ тотъ день, какъ произнесено было имя государственныхъ чиновъ. Нація, неосторожно вовлеченная въ дѣйствіе, обнаружила тотъ же характеръ запальчивости, звѣрства, необузданности и ребячества которыми она отличалась при всякомъ случаѣ съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ. Мы сами жестоко заблуждались, почитая себя на тысячу лѣтъ удаленными отъ этихъ признаковъ варварства и распущенности, потому что вѣкъ счастія, легкомыслія и народной испорченности, наступивъ за вѣкомъ успѣховъ, гордости и славы, замаскировалъ и скрылъ отъ насъ неизгладившіяся черты первобытнаго характера. Когда зимою, передъ открытіемъ народнаго собранія, я подмѣтилъ среди возбужденія умовъ первые зародыши общественнаго безумія, я иногда осмѣливался имъ говорить шутя: «Вижу, что вы хотите выдумать свободу и превзойти своимъ геніемъ Англичанъ и Американцевъ; но постарайтесь не отстать отъ Поляковъ». Я тогда думалъ, что произношу злую шутку; теперь я не нанесу какому-нибудь польскому сейму такого оскорбленія, чтобы приравнять его къ національному собранію Волоховъ. Мнѣ тогда не приходило въ голову, что если Франція, полная силъ, свѣжести и мужества, могла мягкими и умѣренными законами быть возведена на высшую степень благосостоянія въ гораздо меньшій срокъ, чѣмъ какой надобенъ былъ для разрушенія Бастиліи, то фурія французская, ярость адвокатовъ и повѣсъ предпримета разрушить монархію съ такою же быстротою и не встрѣтитъ никакого препятствія своему преступному предпріятію [1]).

[1]) Письма Гримма, стр. 291—296

1791.

Понятно какое сильное впечатлѣніе должно было производить на Екатерину чтеніе этихъ краснорѣчивыхъ страницъ, вылившихся такъ искренно изъ-подъ пера очевидца событій, тѣмъ болѣе что говорилъ съ нею человѣкъ спокойный, не принадлежавшій ни къ какой партіи дѣйствія и отнюдь не враждебно относившійся къ господствовавшей тогда идеѣ такъ называемаго обновленія Франціи.

Отъ 12-го января 1791 Екатерина писала: «Фактотумъ возвѣстилъ мнѣ объ отъѣздѣ курьера въ вашу несчастную страну, а потому примите, г. многострадальный, мои поздравленія съ новымъ годомъ; они несравненно искреннѣе, чѣмъ тѣ, что были принесены изъ вертепа злополучнаго и разрушительнаго собранія депутатовъ Французскому королю, котораго держатъ плѣнникомъ въ замкѣ Тюильри, служащемъ въ настоящую минуту Бастиліей, по словамъ Эдмунда Бэрке — англійскаго Демосѳена. Если книги Калонна и Бэрке не произведутъ впечатлѣнія на разномысленныя головы во Франціи, то придется сказать или что они ужъ вовсе не читаютъ, или у нихъ головы до того перевернулись, что только полное крушеніе исцѣлитъ ихъ, но ужъ слишкомъ поздно, отъ ихъ ярости. Что сталось съ вашими французскими рыцарями? Отчего же они дали сбросить себя въ грязь»[1]).

Въ то время какъ Екатерина писала эти строки къ Гримму, онъ сообщалъ ей одну ужасающую подробность о революціонномъ звѣрствѣ во Франціи, показавшемъ до чего можетъ дойти изступленіе разнузданныхъ страстей толпы, изъ которой въ эпохи революцій обыкновенно выступаютъ на сцену самые отвратительные по грубости и порочности подонки общества. Братъ г-жи Бельзэнсъ, о смерти котораго императрица ужъ упоминала выше, офицеръ погибшій при исполненіи своего долга на защиту порядка въ городѣ Канѣ (Саен, въ Нормандіи), былъ не только

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 501, 502.

убитъ, но и *съѣденъ*. Эти ужасныя строки Гримма заставляютъ содрогаться еще и теперь, на разстояніи цѣлаго столѣтія. Какія же чувства должны они были возбудить къ императрицѣ—современницѣ ужасныхъ событій, касавшихся лицъ ей хорошо извѣстныхъ и въ которыхъ она принимала живое участіе. Каково должны были подѣйствовать на нее самыя подробности этаго разсказа, какъ видно сообщенныя ей ранѣе въ одномъ изъ утратившихся писемъ Гримма. Отъ 10-го же января онъ писалъ: «Госпожа де-Бюэль, покинувшая Парижъ въ 1789 году, за шесть недѣль до революціи, рискнула наконецъ возвратиться въ омутъ за день до новаго года, по счету Юліанскаго календаря, къ которому Греческая императрица привязана только по непростительному расположенію къ своему двоюродному братцу Юлію Кесарю. Госпожа де-Бюэль воображаетъ, что она имѣетъ право писать хоть одинъ разъ въ годъ своей августѣйшей благодѣтельницѣ, и конечно, если признательность даетъ большія права, никто послѣ меня не имѣетъ на ваше величество такихъ правъ какъ она. Ея первое появленіе при дворѣ было крайне тяжело и нанесло ей новый жестокій ударъ. Увидѣвъ её, всякій вспомнилъ съ волненіемъ и состраданіемъ брата ея, убитаго и съѣденнаго въ Канѣ въ августѣ 1789 г. Королева подошла къ ней и со слезами на глазахъ сказала ей: «Госпожа де-Бюэль, я хотѣла бы говорить съ вами, но это невозможно»; рыданія едва не задушили маленькую протеже вашего величества; все королевское семейство показало ей необыкновенное участіе. Королева, отвернувшись и глотая слезы, продолжала исполнять дворскія обязанности съ видомъ величайшаго спокойствія; этому искуству она имѣла время научиться въ школѣ несчастія; я всегда, видя ее, бываю пораженъ ея достоинствомъ среди окружающихъ её опасностей. Конечно для нея было бы великимъ утѣшеніемъ, еслибъ она узнала какое участіе она внушаетъ вашему величеству, и если когда-нибудь мелькнетъ возможность доставить ей это утѣшеніе, не подвергая ея спокойствія опасности, то я ревностно это исполню; но покамѣстъ осторожность слишкомъ настоятельно тре-

будетъ не пробовать ничего такого, что могло бы доставить хотя малѣйшій предлогъ къ увеличенію опасности, въ которой находится эта злополучная принцесса» [1]),

Мудрено ли послѣ того, что Екатерина пишетъ отъ 13-го января: «Кровь кипитъ въ жилахъ, даже за 700 миль отъ вашихъ домашнихъ очаговъ, когда я вижу, что̀ у васъ происходитъ... Теперь ужъ конечно не мои письма причиняютъ вамъ удушье; послѣдніе два года я стала вамъ писать рѣже, и письма мои кажется стали короче; но это происходитъ не отъ того, чтобъ писать было нечего, а отъ обстоятельствъ времени, потому что я не люблю посылать къ вамъ письма во время отвратительной кутерьмы, которая происходитъ вокругъ васъ. Никогда не знаешь, живы ли вы еще среди всѣхъ смутъ, убійствъ и грабежей въ этомъ вертепѣ разбойниковъ, захватившихъ власть во Франціи, чтобъ превратить ее въ Галлію временъ Кесаря. Но Кесарь ихъ усмирилъ. *Когда же придетъ Кесарь? О, онъ придетъ, не сомнѣвайтесь, онъ появится*! Еслибъ я была на мѣстѣ Артуа и Конде, я бы сумѣла употребить въ дѣло эти триста тысячъ французскихъ рыцарей. Честное слово: или я бы погибла, или они спасли бы отечество, вопреки всѣмъ вашимъ слѣдственнымъ комиссіямъ. Но эти размышленія только для васъ: я не хочу, чтобъ они повредили въ Парижѣ королю и королевѣ, которыхъ отъ души жалѣю [2]).

На тѣ же строки, которыя касались несчастнаго положенія королевскаго семейства и особливо самой королевы, государыня такъ отвѣчаетъ: «Какъ! Эта королева вся въ слезахъ не смѣетъ ни съ кѣмъ разговаривать; этотъ король-плѣнникъ, и его заставляютъ писать и обнародывать пошлости, лишенныя всякаго достоинства, всякой правды, которыя унижаютъ его столько же, сколько и его націю въ глазахъ всей Европы! И оба они не находятъ освободителей, спасителей, людей, которыхъ сердце тронулось бы ихъ судьбою, чтобъ извлечь ихъ изъ этого гадкаго

[1]) Письма Гримма, стр. 299, 300.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 502, 503.

Тюильри, построеннаго Екатериною Медичи? Пусть исторгнутъ ихъ изъ Парижа. Вотъ чѣмъ вся Франція должна была бы заняться, а до этого не ждите никакого возвращенія къ разсудку у этихъ дрянныхъ и низкихъ жилетовъ. Скажу между нами: есть люди, полагающіе что черезъ посредство графа Ферзена можно бы доставить королевѣ нѣсколько утѣшительныхъ строкъ, но вы можете сами судить съ какой особенной деликатностью можно воспользоваться этимъ путемъ и какъ надо быть притомъ осторожнымъ» [1]).

Совершенно противоположенъ этой горячей рѣчи справедливаго негодованія Екатерины тотъ оттѣнокъ понурившаго голову скептицизма, подчасъ перемѣшаннаго съ горькой проніей, который преобладаетъ въ письмахъ Гримма. Привычка къ легкомысленной насмѣшливости пріобрѣтенная имъ въ школѣ Вольтера, среди воспитаннаго этимъ писателемъ французскаго общества, заставляла его иногда для забавы императрицы разсказывать ей самыя печальныя явленія революціонной жизни Парижа въ шутливомъ тонѣ. Разъ, когда князь де-Линь имѣлъ нескромность сообщить кой-кому одно изъ ея писемъ, въ которомъ она откровенно излагала свой взглядъ на все совершавшееся во Франціи, письмо это вдругъ появилось въ печати.

Гриммъ упрекаетъ императрицу, что у нея двѣ мѣры и двое вѣсовъ для него и для принца де-Линя, негодуетъ на вольность, которую тотъ себѣ позволилъ, и противопоставляя ей свою скромность, говоритъ въ письмѣ отъ 20-го января: «Всего досаднѣе то, что я работалъ безъ отдыха пятнадцать мѣсяцевъ, чтобъ сдѣлать вашему величеству маленькую репутацію въ этомъ августѣйшемъ собраніи тысячи двухсотъ королей — вашихъ братцевъ; адъютантъ мой, баронъ Феликсъ Вимпфенъ, тысяча-двухсотая часть королевской власти, твердилъ имъ безпрестанно въ ихъ комитетахъ и даже въ полномъ собраніи сената съ трибуны, что ваше величество уже двадцать пять лѣтъ занимаетесь

[1]) Стр. 235, 236.

разгадываньемъ ихъ тайны, чтобы излить на имперію Орла всѣ дары, всѣ благополучія и благодѣянія, которые они не преминуть сегодня, завтра или когда-нибудь послѣ излить на королевство Лиліи, такъ какъ у нихъ тысяча двѣсти паръ рукъ вмѣсто одной пары. И вотъ всѣ мои труды и труды моего адъютанта уничтожены во мгновеніе ока появленіемъ этого злополучнаго письма. Что теперь станется съ пансіономъ госпожи де-Бюэль? Я имъ проповѣдывалъ, что императрица конечно будетъ гордиться тѣмъ, что благодаря ея покровительству, августѣйшее собраніе удостоило бы отдѣлить эту пенсію торжественнымъ декретомъ ото всѣхъ другихъ пенсій покойной королевской щедрости и постановить ея сохраненіе; мой адъютантъ Вимпфенъ, зная своихъ собратій и какая имъ нужна пища, и чувствуя самъ давнишнюю страсть къ этой императрицѣ, увѣрялъ ихъ, что предметъ его страсти былъ бы на верху желаній своихъ, еслибъ могъ сидѣть среди августѣйшаго изъ собраній въ мірѣ и занимать хоть двѣ недѣли кресло президента. Госпожа де-Бюэль должна была пожать плоды нашего апостольства. Неукротимый, неумолимый Камю покидалъ свой свирѣпый взглядъ, слушалъ меня снисходительно, предвидѣлъ съ удовольствіемъ какую признательность его милосердіе къ госпожѣ де-Бюэль возбудитъ въ ея покровительницѣ, и забывъ на минуту свой августѣйшій санъ, провожалъ меня до лѣстницы, давая мнѣ титулъ превосходительнаго, несмотря на декреты Собранія, все для того чтобъ оказать мнѣ уваженіе, всегда приберегаемое королями для представителей тѣхъ лицъ обоего пола, которыя изъ одного съ ними дерева. Думали даже, чтобъ ускорить это рѣшеніе, — соединить въ этой операціи дипломатическій комитетъ съ комитетомъ пансіоновъ и потребовать приговора обоихъ, чтобъ это казалось величественнѣе. Все теперь кончено, все разрушено, роковое письмо все уничтожило. Какъ осмѣлюсь я предстать теперь передъ этимъ страшнымъ Камю съ свирѣпымъ взглядомъ? Однимъ движеніемъ своихъ жилистыхъ рукъ онъ велитъ наградить меня пятьюдесятью палками; однимъ молніеноснымъ взглядомъ — ввергнетъ меня

въ преисподнюю. Ибо не надо думать, что наши тысяча двѣсти королей очень уживчивы: они достаточно доказали противное. Они каждый Божій день упиваются для благополучія Франціи фиміамомъ, который заставляютъ воскурять себѣ при открытіи каждаго засѣданія. А чтобъ въ похвалахъ не оказалось недостатка, они стряпаютъ въ собственной аптекѣ привѣтствія и благодарственные адресы, которые заставляютъ произносить себѣ и медленно съ наслажденіемъ глотаютъ ихъ. По той же самой причинѣ они до крайности щекотливы и чуствительны къ малѣйшей царапинѣ. Вотъ уже пансіонъ госпожи де-Бюэль провалился. Правда, что г. де-Монморень уже болѣе шести мѣсяцевъ тому назадъ успокоивалъ меня по этому предмету, какъ ваше величество увидите изъ письма его отъ августа 1790 г., которое я здѣсь прилагаю. Онъ поспѣшилъ дать этотъ знакъ усердія и уваженія къ покровительству вашего величества; но кто можетъ расчесть всѣ случайности, которыя вызоветъ противъ себя это письмо? Собраніе конечно не думаетъ разойтись, но еще менѣе постановить общій и справедливый законъ о пенсіяхъ. Оно очень поспѣшно на разрушеніе, топоръ его всегда готовъ, когда рѣчь идетъ о томъ, чтобъ опрокинуть, но наши августѣйшіе гораздо менѣе прытки, когда требуется возстановлять. Годы пройдутъ прежде чѣмъ рѣшатъ участь пансіонеровъ, которая впрочемъ немудрено что будетъ самая плачевная, а покамѣстъ не только остаешься въ страдательномъ положеніи, но самая мрачная и наименѣе невѣроятная случайность — что г. де-Монморень можетъ каждую минуту быть удаленъ и стало-быть его добрая воля уничтожена. Но во всеобщемъ крушеніи кто можетъ позволить себѣ личную жалобу? [1])

Въ приложеніи къ этому же письму Гриммъ, отдавая Екатеринѣ отчетъ въ заказахъ сдѣланныхъ имъ живописцѣ г-жѣ Лебрэнъ, говоритъ о ней: «Ночь съ 5-го на 6-е октября 1789 г., которая, подобно Варфоломеевской ночи, запечатлѣетъ француз-

[1]) Письма Гримма, стр. 306.

скую націю вѣчнымъ позоромъ, поразила её такимъ ужасомъ, что она поспѣшно бѣжала изъ Парижа въ эту страшную ночь, сѣла съ своей палитрой и кистями въ общественную карету и уѣхала въ Римъ» [1]).

О состояніи курса въ Парижѣ по поводу нѣкоторыхъ расплатъ Гриммъ писалъ: «Курсъ на Парижъ сдѣлался удивительно невыгоденъ съ тѣхъ поръ, какъ дивное возрожденіе подняло это королевство на высоту славы и благоденствія. Французы конечно правы, что не находятъ слишкомъ дорогимъ то, во что имъ обходится наслажденіе благами столь неизвѣстными и неоцѣненными; но мы, не возрожденные, не желающіе имѣть своей части въ ихъ пирогѣ, мы по естественному праву должны бы быть избавлены и отъ убытковъ, которые приноситъ намъ курсъ, разстроившійся отъ способа приготовленія этого пирога» [2]).

Понятно что разумное отношеніе Екатерины къ горестнымъ событіямъ во Франціи, обнаруженное напечатаніемъ ея письма къ принцу де-Линю, не могло понравиться ни впадавшей изъ ошибки въ ошибку верховной власти, ни охваченнымъ революціонной горячкой головамъ якобинскаго клуба — и вотъ какъ изображаетъ это настроеніе Гриммъ въ томъ же приложеніи къ письму отъ 20-го января: «Нельзя скрыть отъ себя, что императрица всея Россіи и всѣхъ сердецъ очень въ модѣ послѣдніе шесть мѣсяцевъ и что акціи ея чрезвычайно и невѣроятно поднялись въ этотъ промежутокъ времени; но конечно не въ клубѣ якобинцевъ или бѣшеныхъ, гдѣ прежде всего смутно подозрѣваютъ, что она не имѣетъ къ гальскому возрожденью всего того уваженія, какого оно заслуживаетъ, и гдѣ письмо, которое она позволила себѣ написать князю де-Линю, а этотъ позволилъ себѣ напечатать, оставило дурное впечатлѣніе. Притомъ этотъ клубъ находится подъ вліяніемъ мошенниковъ, продавшихъ интересы своей родины иностранцамъ и разыгрывающихъ патріотовъ, а

---

[1]) Письма Гримма, стр. 309.
[2]) Тамъ же, стр. 311.

также подъ вліяніемъ англійскихъ и прусскихъ эмиссаровъ, которые задались тѣмъ, чтобъ тайно обработывать эту несчастную страну. Эти послѣдніе держатся системы возводить передъ августѣйшимъ народнымъ собраніемъ косвенныя клеветы на намѣренія императрицы и прямыя клеветы на австрійскій домъ, а клубъ, подъ вліяніемъ расточаемыхъ ему этими эмиссарами высокихъ похвалъ, довольно нелѣпъ, довольно невѣжественъ, довольно несвѣдущъ въ дѣлахъ, довольно безуменъ, чтобъ признавать ночь среди дня. Но съ тѣхъ поръ, какъ императрица заключила Верельскій миръ и послѣ конвенціи въ Рейхенбахѣ показала прежнее спокойствіе, приняла диктаторскія предложенія съ невозмутимымъ и гордымъ достоинствомъ и отклонила ихъ съ совершенной вѣжливостью, а въ то время какъ думали предписывать ей законы, одерживала надъ врагомъ побѣду за побѣдой не только оружіемъ своимъ на Дунаѣ, но и властительностью своего генія въ кабинетѣ, — съ тѣхъ поръ все что не принадлежитъ къ клубу якобинцевъ было поражено такимъ удивленіемъ, такимъ энтузіазмомъ, что всюду, куда ни придешь, какъ скоро удалишься отъ горестнаго зрѣлища, которое постоянно на глазахъ, услышишь только одинъ крикъ, одинъ общій хоръ: *Нѣтъ, во всей Европѣ только одинъ государь. Какой геній, какой характеръ! какой великій человѣкъ эта женщина!* Среди этого шума ожидаютъ, что я гордо подыму голову, оттого что видѣлъ вблизи эту единственную государыню и сталъ предметомъ ея благоволенія. А мнѣ не нужно было одобренія зѣвакъ, чтобы знать, черезъ полгода послѣ ея воцаренія, какъ надо было понимать её. Объявляю, что я вовсе не уважаю тѣхъ, кому надо было выколоть глаза, чтобы они наконецъ замѣтили то, что́ велико и достойно удивленія. Я уважаю только тѣхъ, кто заранѣе умѣетъ угадать великій характеръ и не дожидается чтобы онъ выложилъ свой товаръ и привязалъ къ своей колесницѣ друзей и враговъ, чтобъ воскурять ему фиміамъ и воздвигнуть жертвенникъ, котораго онъ достоинъ» [1]).

[1]) Тамъ же, стр. 314, 315.

По поводу этого обнародованнаго письма къ принцу де-Линю, вотъ что писала Екатерина: «Ну что такое тамъ съ вашимъ принцемъ де-Линемъ? Право, непозволительно, что онъ выпустилъ изъ рукъ подобное письмо. Онъ оправдывается и божится, что не давалъ переписывать ни одной строчки, а выкрасть письмо тоже не позволялъ; но, говоритъ онъ, его вѣроятно наизусть выучили, такъ какъ напечатанное не вполнѣ согласно съ оригиналомъ; наконецъ, даже и въ напечатанномъ есть варіанты; но нѣкоторыя мѣста, и именно самыя сильныя, могли запомнить и это было легко. Правда ли это или онъ лжетъ, я не знаю; но я и графъ Кобенцель очень съ нимъ повздорили, потому что письмо послано съ его курьеромъ. Все это какъ-то на дѣлѣ довольно подозрительно; Господь знаетъ кто тутъ виноватъ, но на будущее время не надо писать такъ удобопонятно, и вы видите, какъ мы стали осторожны по милости этого несноснаго и незначительнаго письма, но *печатать* мы все-таки вамъ запрещаемъ. Впрочемъ, перечитавъ это письмо въ архидемократическомъ листкѣ вами присланномъ, я не нахожу въ немъ того, въ чемъ вы меня обвиняете. Вотъ, милостивый государь, что́ вы мнѣ говорите слово въ слово: «такимъ образомъ менѣе чѣмъ въ одномъ столбцѣ газетчикъ производитъ смотръ половинѣ Азіи и Европы, прилично драпированныхъ». Но я никого не драпировала; я сказала только какъ каждый дѣйствуетъ, а это всякій, какъ я полагаю, самъ про себя знаетъ. Итакъ, тутъ нѣтъ никакой драпировки; напротивъ, это по-моему истина въ полномъ обнаженіи. Можетъ-быть она и не понравится тѣмъ, кому поютъ съ утра до вечера: «Какое милосердіе! какое величіе! Ахъ, какъ вы, государь [1]), должны быть довольны собою»! Но все сказанное тѣмъ не менѣе — истина. У меня нѣтъ двухъ вѣсовъ и двухъ мѣръ на этихъ вѣсахъ; вы мнѣ затѣваете нѣмецкую ссору; я изложила вамъ вещи въ ихъ настоящемъ видѣ, и многострадальный не станетъ печатать, я въ томъ увѣрена, всѣхъ пустяковъ, которые я говорю въ своихъ

[1]) Людовикъ XVI.

письмахъ и которые не были бы и поняты безъ должнаго комментарія, а его составлять не стóитъ».

Не знаю чего вы отъ меня хотите, ни чего хотятъ вашъ г. Вимпфенъ и синьоръ Камю съ свирѣпымъ взглядомъ. Эти господа законодатели или нѣтъ? тысячу двѣсти ли ихъ или нѣтъ? Повинуются ли имъ или не повинуются? Слушается ли ихъ король или не слушается? Рѣшите все это; на каждый изъ этихъ вопросовъ достаточно будетъ отвѣчать да или нѣтъ, чтобъ доказать права я или не права въ томъ что сказала». Такъ какъ эти господа отъявленные республиканцы, то они должны любить, уважать и поощрять правду, а если они этого не будутъ дѣлать, я скажу что они *ничто*, потому что невѣрны своимъ началамъ. Finis coronat opus. Не говорите мнѣ объ этомъ больше; по мнѣ, они весьма способны уронить надолго цѣну свободы и сдѣлать ее ненавистною всѣмъ народамъ; послѣ нихъ она будетъ въ поношеніи цѣлые вѣки. Руссо сказалъ: не знаю, но если вы хотите быть свободны, готовьтесь переносить не только ужасныя бѣдствія ведущія къ ней, но еще и тѣ, которыя сопровождаютъ эту свободу и слѣдуютъ за ней» [1]).

По полученіи извѣстія о разграбленіи отеля Кастра Екатерина писала: «Прекрасную устроили вамъ забаву, когда вы вернулись въ этотъ вертепъ разбойниковъ изъ поѣздки своей во Франкфуртъ, разграбленіемъ отеля Кастри. Вотъ что производитъ управленіе прокуроровъ, адвокатовъ, и безмозглыхъ головъ, которыхъ въ былыя времена осмѣивали на театрѣ. Подумаешь, что они теперь мстятъ за насмѣшки публики. Во всякой странѣ пишутъ законы противъ ябеды и ябедниковъ, а у васъ ихъ поставили во главѣ правительства. Но довольно, я пожалуй напишу статью объемистѣе всѣхъ тѣхъ, которыя писались со времени демократіи. Еслибъ я дала волю перу разсуждать объ этой обширной матеріи, я наговорила бы много и пожалуй надоѣла бы вамъ до смерти. Но послушайте: что такое это удушье?

---

[1]) *Сб. И. О* XXIII, 536, 537.

Оно мнѣ не нравится, потому что я не желаю, чтобъ вы задохнулись. Теплый климатъ, какъ Ницца или Пиза, не исцѣлитъ васъ; климатъ болѣе холодный пригоднѣе для тѣхъ, кто страдаетъ удушьемъ. Но такъ какъ постоянство заставляетъ васъ оставаться на мѣстѣ, то я молчу и удивляюсь вамъ» [1]).

16-го апрѣля послѣ обѣда: «Англичане вооружаются. Это была бы благопріятная минута для французскаго правительства, еслибъ кому-нибудь пришла мысль вооружить французскіе порты. Если они этого не сдѣлаютъ, я болѣе чѣмъ когда-либо скажу, что у нихъ нѣтъ здраваго смысла, потому что до сихъ поръ Франція ничего подобнаго не терпѣла, и была права; посмотримъ что́ сдѣлаютъ Галлы которымъ *нуженъ Кесарь*, чтобъ опять ихъ покорить, вѣроятно чтобъ образумить ихъ» [2]).

21-го апрѣля: «Что касается дѣлъ во Франціи, то несмотря на мое расположеніе къ извѣстному лицу (Людвику XVI), я боюсь и начинаю понимать, что у друга моего голова не соотвѣтствуетъ его мѣсту и положенію. Вся бѣда частнаго дома нерѣдко заключается въ томъ, что голова хозяина или правитъ или неправитъ дѣлами, и тогда они идутъ хорошо или худо, смотря по тому какъ идетъ его голова. То же происходитъ и у васъ.... Я вполнѣ раздѣляю ваше мнѣніе на счетъ министровъ-литераторовъ. Вашъ Неккеръ никогда не былъ мнѣ по вкусу, ни Герцбергъ тоже. Министръ, не обладающій тактомъ, не можетъ имѣть вѣрнаго взгляда, и потому — это язва, противъ которой надо принимать предосторожности. Но знаете ли что́ такое вы да я? Мы болтуны, мудро разсуждающіе о дѣлахъ міра сего [3]).

Мы уже видѣли выше, какъ Гриммъ обнаруживалъ коварную политику Пруссіи и Англіи, состоявшую въ томъ, чтобъ возбуждать и поддерживать смуты въ другихъ государствахъ посредствомъ подкуповъ и эмиссаровъ и потомъ пользоватся внутренними неурядицами ихъ для своихъ личныхъ политическихъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 505.
[2]) Стр. 506.
[3]) Стр. 509.

цѣлей. Выше онъ говорилъ о роли, которую англійскіе и прусскіе эмиссары играли въ клубѣ якобинцевъ; но въ его письмахъ есть еще нѣсколько интересныхъ мѣстъ объ этихъ тайныхъ происках и интригахъ, между прочимъ и о попыткахъ тогда уже направить революціонную пропаганду и въ Россію, о чемъ Гримм съ участіемъ предостерегаетъ императрицу Екатерину:

«Прошлогодняя депеша графа Ріокура, второго посланника саксонскаго на франкфуртскомъ сеймѣ, присланная ко двору его, чтобы сообщить ему свѣдѣніе о нѣкоторыхъ апостолахъ французскаго возрожденія, которые чувствуютъ призваніе къ мученичеству, можетъ-быть не безызвѣстна вашему императорскому величеству. Я здѣсь присоединяю её на всякій случай, не придавая ей чести большого вдохновенія, но для того, что еслибъ кто нибудь изъ названныхъ въ ней апостоловъ, или какой-либо другой проповѣдникъ революціи нашелъ Россію достойною быть обработываемой въ смыслѣ этихъ принциповъ, то чтобъ онъ могъ тотчасъ же достигнуть чести возвышенія [1]) имъ заслуживаемой и не былъ вынужденъ долго вымаливать слѣдующую ему награду. Я не думаю, чтобъ всѣ апостолы здѣсь поименованные были уже въ миссіи; но за то я полагаю, что число менѣе извѣстныхъ и болѣе тёмныхъ миссіонеровъ несравненно значительнѣе и *достойно всякаго вниманія бдительнаго правительства*. Я полагаю, что г. Ріокуръ въ совершенномъ заблужденіи насчетъ того, что онъ говоритъ о Готѣ и Веймарѣ. Торгующіе ядомъ не довольно глупы, чтобъ поселяться въ маленькихъ городахъ, гдѣ въ одну минуту ихъ узнаютъ и сорвутъ съ нихъ маску; имъ нужно широкое поприще для ихъ ремесла. Впрочемъ я не довольно знаю Веймаръ, чтобъ рѣшить, вовсе ли ихъ тамъ нѣтъ; но я очень увѣренъ, что въ Готѣ царствуетъ прекрасный духъ между тѣми, кто пишетъ для народнаго образованія. Они достойны служить образцомъ для всѣхъ тѣхъ, кто въ какой бы ни было странѣ занимается этимъ ремесломъ. Этимъ сочиненіямъ, вышедшимъ изъ

[1]) Т. е. висѣлицы.

типографіи Готы, курфиршеская Саксонія обязана была въ прошлую осень быстрымъ возстановленіемъ спокойствія между возмутившимися крестьянами, которые, по словамъ экспертовъ, были руководимы не апостолами новой французской доктрины, а искусными продѣлками ученаго Герцберга, надѣявшагося такимъ образомъ избавить курфирста отъ графа Марколини, въ которомъ онъ подозрѣвалъ расположеніе къ Австрійскому дому» [1]).

При отправленіи Екатеринѣ выписокъ изъ корреспонденціи принца Генриха, въ то время какъ Пруссія и Англія грозили войной Россіи, если она не подчинится ихъ вліянію при заключеніи мира съ Турками, Гриммъ, испуганный угрожающими Россіи опасностями, посылаетъ императрицѣ еще свѣдѣнія объ интригахъ Герцберга и Англіи. Между эмиссарами всесвѣтныхъ смутъ и волненій играетъ, какъ видно, не малую роль и еврейскій элементъ. Гриммъ, описывая все, что посылаетъ съ курьеромъ, которому поручены были драгоцѣнныя выписки изъ рейнсбергской корреспонденціи, говоритъ: «Послѣ этихъ выписокъ слѣдуетъ прочесть печатный листокъ, находящійся въ пакетѣ № 3 подъ заглавіемъ: *Тайна коалиціи враговъ французской революціи.* Авторъ, подъ принятою имъ маскою демократа, кажется очень свѣдущъ въ томъ, что происходитъ, и срываетъ личину со многихъ бѣшеныхъ, открываетъ много тайныхъ пружинъ, поддерживающихъ здѣсь бѣдствія анархіи. Болѣе полутора года, какъ близкіе къ чернильной бутылкѣ увѣряли меня, что Англія тратитъ много денегъ для возбужденія во Франціи безпорядковъ, которыхъ мы были свидѣтелями. Признаюсь, мнѣ было тяжело повѣрить этому, и я долго противился такимъ инсинуаціямъ. Ваше собственное безуміе, говорилъ я имъ, такъ хорошо играетъ роль Англіи, что послѣдняя была бы слишкомъ глупа, еслибъ тратила на это хотя гинею. Но когда я вижу, что это безуміе продолжается и что бѣшеные, разоривъ и уничтоживъ свою страну, накопили огромныя состоянія и пресыщены богатствами, надо сдаться передъ

[1]) Письма Гримма, стр. 318.

очевидностью. Къ тому же и геній *великаго Гериберга* состоитъ въ томъ, чтобъ возмущать подобными средствами всѣ страны, которыя онъ считаетъ достойными своего вниманія. Со вступленія его въ министерство, со времени верховной диктатуры, которую онъ присвоилъ себѣ въ качествѣ властителя и рѣшителя судебъ съ такою славой и успѣхомъ надо всѣми государствами Европы, онъ зналъ только одно искуство: производить замѣшательства, чтобъ заслужить удивленіе. По скромности, рѣдкой въ великихъ людяхъ, онъ не для себя только играетъ въ эту игру, но и для друзей своихъ онъ играетъ роль кошки, лапами которой они вытаскиваютъ изъ огня каштаны. Для собственнаго удовольствія онъ чуть не поднялъ Галицію съ величайшимъ успѣхомъ противъ императора, долго работалъ въ Венгріи въ этомъ же смыслѣ и теперь въ ней работаетъ. Онъ распространилъ свою благодѣтельную заботливость и на австрійскую Ломбардію; и такъ какъ великіе геніи все обнимаютъ, то я клянусь, хотя и не имѣю права подозрѣвать его въ этомъ, что можно найти слѣды этихъ заботъ и до Ливоніи, такъ что я страстно желаю мученическаго вѣнца его апостоламъ и чтобъ ни одинъ изъ нихъ не ускользнулъ отъ этой награды. Въ австрійскихъ Нидерландахъ вся Европа была свидѣтельницей его дѣлъ и подвиговъ. Вступая въ Люттихъ вооруженною рукою, онъ могъ кончить всю ссору въ сутки, а благодаря его стараніямъ волненія продолжались 18 мѣсяцевъ. Здѣсь, между тѣмъ какъ онъ читаетъ въ берлинской академіи ученыя диссертаціи противъ французской революціи, его эмиссары втерлись въ клубъ якобинцевъ и работаютъ на Англичанъ. Онъ сначала прислалъ сюда прошедшимъ лѣтомъ графа Редерна, прусскаго министра въ Лондонѣ, котораго смѣнилъ жидъ Ефраимъ, когда его миссія въ Брюсселѣ стала для него невыносима. Увѣряютъ меня, что съ возвращенія графа Редерна въ Лондонъ всякій разъ на придворныхъ собраніяхъ открытые разговоры между братцемъ Ге (Георгомъ) и имъ вертятся на дѣлахъ Франціи. Братецъ Георгъ разыгрываетъ аристократа, Пруссакъ демократа, и подъ этими костюмами они очень чувствительно

задѣваютъ другъ друга. Подвиги еврея Ефраима входятъ въ коалицію. Англійскія деньги проходятъ черезъ посредство принцессы Оранской въ руки жида. Геній этой принцессы, кажется, достоинъ генія великаго Герцберга. Въ эту минуту, такъ какъ императоръ послалъ горсть войска во владѣнія епископа базельскаго для прекращенія безпорядковъ, жидъ съ компаніей дѣлаютъ величайшія усилія, чтобъ увлечь нѣкоторыя пограничные муниципалитеты сдѣлать нападеніе на императорскія войска въ Порентрюи. Они безъ сомнѣнія полагали бы выслужиться у великаго Герцберга, еслибъ имъ удалось втянуть Леопольда въ открытую и прямую ссору съ національнымъ собраніемъ или съ якобинскимъ клубомъ» [1]).

Императрица отвѣчала на это отъ 25-го апрѣля: «До сихъ поръ, слава Богу, въ Лифляндіи не замѣтно никакихъ слѣдовъ благотворительности короля королей, высокаго и великодушнаго Герцберга.

«У меня это время какая-то болѣзненная страсть къ комментаріямъ. Я стану пояснять декреты національнаго собранія и особливо тотъ изъ нихъ, который занялся производствами до того, что посылаетъ всѣхъ министровъ короля на галеры за тысячи вещей, въ которыхъ они вовсе неповинны: если у короля останется послѣ того хоть одинъ министръ, то надо сказать, что министры Е. В. еще гораздо упорнѣе г. Питта» [2]).

«Будьте увѣрены, что я сдѣлаю все что могу, чтобы поддержать хорошее мнѣніе, которое обо мнѣ имѣютъ въ Парижѣ. Мнѣ кажется, что главная сумятица прошла и что послѣ нѣкоторыхъ кривляній, которыя еще будутъ продолжаться въ этомъ году, все войдетъ въ свою колею; впрочемъ я, говоря это, забываю что мы имѣемъ дѣло съ головами невообразимыми, но съ другой стороны видишь, что они безпрестанно спотыкаются: это неловкіе и нетвердые на ногахъ молодцы» [3]).

---

[1]) Письма Гримма, стр. 405, 406, 407.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 516.
[3]) Стр. 517.

Это мнѣніе Парижа, о которомъ говоритъ императрица, было уже приведено нами, когда мы говорили о заключеніи Верельскаго мира и искусномъ избѣжаніи Рейхенбахскаго конгресса, и состояло въ томъ, что въ Европѣ теперь только *одинъ государь* по генію и величію характера, и этотъ государь *женщина*.

«Я не сомнѣваюсь что ваши демократы на жалованьи у неограниченныхъ и ограниченныхъ. Надо надѣяться, что падучая болѣзнь когда-нибудь избавитъ насъ отъ величайшаго политика Герцберга, прежде чѣмъ онъ успѣетъ совершить все зло, которое замышляетъ»[1]).

Отвѣтъ на депешу графа Ріокура отъ 14 мая императрица начинаетъ на царскосельской колоннадѣ, въ виду Пеллы, и описываетъ всю прелесть вида съ нея и всю красоту колоннады съ ея статуями знаменитыхъ людей, Геркулесомъ и Флорой, озеромъ, цвѣтниками ее окружающими и пр. Тутъ видимо просвѣчиваетъ желаніе доказать Гримму, какъ мало она боится всякихъ происковъ у себя, и какъ чувствуетъ себя спокойною среди своего вѣрнаго народа. Затѣмъ она продолжаетъ: «Я однако возвращаюсь къ депешѣ Ріокура, что̀ доказываетъ нѣкоторую послѣдовательность въ головѣ, хотя мысли ея порхаютъ отъ одного предмета къ другому; но кажется, въ томъ виноваты боги: они окружали насъ такимъ обиліемъ разнообразныхъ вещей, что невольно перебѣгаешь отъ письма къ колоннадѣ съ ея прелестнымъ видомъ, а тамъ опять къ письму. Но письмо г. Ріокура въ сущности не имѣетъ для насъ никакого интереса, потому что революція во Франціи сама не преминетъ сломать себѣ шею, и тогда всѣ ихъ дѣянія расплывутся какъ вода въ морѣ. Если даже нѣкоторыя нѣмецкія высочества и впали бы въ этотъ шарлатанизмъ, оно было бы неудивительно, благодаря ихъ расположенію ко всякаго рода шарлатанамъ[2]), но государственный міръ и государственная конституція непремѣнно снова обра-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 521.

[2]) Намекъ на мистицизмъ, сильно распространившійся въ Германіи.

тятъ головки свѣтлѣйшихъ принцевъ на правую сторону, особливо когда великій *вдохновитель революціи* тѣмъ или другимъ способомъ сломаетъ себѣ шею»[1]).

Отправляя курьера съ длинными своими посланіями и выписками изъ Рейнсбергской корреспонденціи, Гриммъ, домогавшійся получить отъ императрицы экземпляръ ея драматическихъ произведеній, вздумалъ послать ей четыре шуточныя пьесы на революцію, выражаясь о нихъ, что онѣ написаны въ патріотическомъ или адскомъ родѣ. Онъ снабдилъ ихъ слѣдующимъ объясненіемъ:

«По вѣтру, дующему въ Галліи вотъ уже два года, надобно будетъ вашему величеству примириться съ тѣмъ, что я и мои красильщики посвятили себя патріотическому роду, внѣ котораго и внѣ Франціи нѣтъ спасенія: если у насъ столько эмиграцій, такъ это потому что люди склонны стремиться къ погибели, и вотъ почему общество съ этихъ поръ будетъ рѣдѣть во Франціи, ибо останутся только избранные, какъ извѣстно, не многочисленные. Первая изъ моихъ пьесъ, которую я себѣ приписываю, потому что красильщиковъ можно и не брать въ расчетъ, тѣмъ болѣе что я своихъ вовсе не знаю, озаглавлена *День обманутыхъ*. Она была сочинена тотчасъ послѣ ночи съ 5-го на 6-е октября ненавистной памяти 1789 г., и еслибъ доступъ въ эрмитажный театръ остался для меня такъ же легокъ, какъ въ обыкновенное время, то болѣе года, какъ эта пьеса уже удостоилась бы чести представленія. Вторая моя пьеса въ адскомъ вкусѣ, который также господствуетъ во Франціи уже два года; итакъ я поставилъ сцену въ подземельи ада. Именемъ 1789 безъ всякихъ прибавленій называютъ клубъ, присвоившій себѣ названіе клуба 1789 и ищущій бороться противъ ненавистнаго клуба якобинцевъ; но этотъ 1789 самъ вдохновляемъ и тайно руководимъ, можетъ быть безсознательно, однимъ изъ гнуснѣйшихъ умовъ, которыми Франція, столь богатая людьми этого рода, обладаетъ въ настоящую минуту, потому что у него голова и сердце равно извра-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 541. Здѣсь разумѣется Герцбергъ.

щены. и кромѣ того пагубное честолюбіе играетъ великую роль въ общемъ разрушеніи. Этотъ адскій геній носитъ имя Кондорсэ, и вотъ почему можетъ-быть къ этому клубу строго относится адскій трибуналъ, хотя судьи не удостоиваютъ и помнинать о Кондорсэ. Мы лучше желали бы, мои красильщики и я самъ, видѣть эту пьесу, разыгранною любителями нежели актерами по ремеслу; въ такомъ случаѣ я объявляю, что роль Миноса назначена мною г. оберъ-шталмейстеру Льву Александровичу [1]), потому что онъ сыграетъ эту роль со всѣмъ величіемъ ей свойственнымъ».

«Что касается третьей моей пьесы съ великой развязкой, то цензора́ императорскаго Эрмитажа можетъ-быть найдутъ, что тамъ слишкомъ часто употребляютъ всякаго рода бранныя слова, но они должны помнить, что во вкусѣ возрожденной націи браниться ab hoc и ab hac, и что въ этой пьесѣ мы особенно подчинили себя хорошему тону, а хорошій тонъ эры свободы старается быть далекъ отъ хорошаго тона и вѣжливыхъ формъ эры деспотизма. Я милостиво предваряю объ этомъ гг. цензоровъ Эрмитажа, чтобъ избавить ихъ отъ неловкости осудить то, передъ чѣмъ, не во гнѣвъ имъ, надо преклоняться» [2]).

Екатерина отвѣчала: «Ваши драматическія пьесы не могутъ быть играны на эрмитажномъ театрѣ и потому не даютъ вамъ права на полученіе экземпляра моихъ пьесъ. Онѣ грубы, грязны а у насъ уши слишкомъ избалованы, чтобъ переносить подобную дрянь, и вообще я бы желала знать, что́ Французы собираются сдѣлать со своими лучшими писателями: велятъ ли они сжечь ихъ произведенія на Гревской площади, потому что все это не подходитъ къ глупостямъ которыя они творятъ. Руссо заставлялъ ихъ ходить на четверенькахъ. Этотъ Кондорсэ изъ клуба 1789 года, не тотъ ли, что былъ воспитателемъ герцога Пармскаго? Вотъ вопросъ, на который прошу васъ отвѣчать въ точности» [3]).

---

[1]) Нарышкину.
[2]) Письма Гримма, стр. 332—335.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 519, 520.

«Знаете ли что станется съ Франціей, если удастся сдѣлать изъ нея республику? Тогда всѣ пожелаютъ, чтобъ она опять стала монархіей. Повѣрьте мнѣ, никто такъ не любитъ быть при дворѣ, какъ республиканцы. Но если я буду продолжать, то напишу нѣсколько томовъ, а не письмо. То, что я вижу и слышу о Франціи, убѣждаетъ меня, что она одержима душевной болѣзнью, но по ихъ легкомыслію эта болѣзнь пройдетъ у нихъ скорѣе чѣмъ у какого-либо другаго народа, который заразился бы такой эпидеміей. Эта болѣзнь, какъ кажется, посѣщаетъ ихъ каждыя двѣсти лѣтъ; взгляните на ихъ исторію и отвѣчайте пожалуйста» [1]).

О Мирабо императрица высказывала такое сужденіе: «Мирабо — это колоссальное и чудовищное явленіе нашего времени. Во всякое другое время отъ него бы сторонились, его бы ненавидѣли, заключили въ тюрьму, повѣсили, колесовали. Надо перелистовать всю исторію, чтобъ увидѣть, что никогда еще страна не была спасаема иначе какъ истинно великимъ человѣкомъ, а по этому открытію можно предсказать, что́ станется съ Франціей».

«Мнѣ не нравятся почести, воздаваемыя Мирабо, и я не постигаю за что; развѣ только для поощренія нечестія и всякихъ пороковъ. Мирабо заслуживаетъ такого же уваженія какъ Содомъ и Гоморра» [2]).

Отъ 15-го марта Гриммъ пишетъ: «Великій Мирабо при смерти» [3]). Государыня отвѣчаетъ на это уже въ маѣ: «Вы мнѣ говорите, что Мирабо при смерти, а съ тѣхъ поръ я вамъ скажу, что онъ и умеръ и похороненъ» [4]).

Въ журналѣ Сюло «le Réveil» были помѣщены характеристики нѣкоторыхъ людей того времени и между прочимъ характеристика Мирабо. Вотъ что говорилъ по этому поводу Гриммъ:

«Сюло изображаетъ также портретъ Мирабо и называетъ его колоссальнымъ человѣкомъ. Читай: извергомъ. Невозможно,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 521.
[2]) Стр. 520, 521.
[3]) Письма Гримма, стр. 329.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 537.

чтобъ чудовище, выпущенное на волю, не обезсмертило себя подвигами разрушенія, и опрокинувъ все, не проглотило кой-какихъ злодѣевъ вмѣстѣ съ добрыми, попавшимися ему на пути. Но дерзость и развращенность, доведенныя до высшей степени, бывшія преобладающими свойствами Мирабо, соединенныя съ интригой и непостижимой фальшивостью поведенія, не могутъ входить въ составъ характера великаго человѣка. Онъ умеръ недѣлю тому назадъ, какъ кажется, отъ послѣдствій кутежа и отъ сильнаго и непрерывнаго волненія, въ которомъ онъ жилъ около двухъ послѣднихъ лѣтъ. Смерть его въ эту минуту считается общественнымъ бѣдствіемъ, ибо послѣ всѣхъ золъ, причиненныхъ имъ своему отечеству, надѣялись, что онъ убережетъ его хоть отъ тѣхъ ударовъ, которыми Ламеты, Барнавы и нѣсколько другихъ людей худшаго разбора изъ клуба якобинцевъ, бывшихъ съ нимъ въ ссорѣ, надѣются доконать монархію. Посмотримъ, не пошлетъ ли милостивое Небо какое-нибудь новое чудовище, чтобъ спасти её, или чтобъ быть преемникомъ предыдущему; но кажется, надо отложить всякую надежду, чтобъ какой-нибудь великій характеръ, какой-нибудь герой явился спасти Францію. Ничто не характеризуетъ лучше безумія этой націи, ничто не доказываетъ насколько она далека отъ своего исцѣленія, какъ невѣроятныя почести, возданныя послѣ смерти человѣку, вообще заслужившему презрѣніе при жизни, и на котораго во многихъ отношеніяхъ можно бы смотрѣть, какъ на сорвавшагося съ висѣлицы. Между прочимъ, только что перекрестили даже улицу Chaussée d'Antin, на которой онъ жилъ нѣкоторое время, въ улицу Мирабо. Такъ какъ я живу тутъ уже четырнадцать лѣтъ, то-есть съ той роковой минуты, которая изгнала меня изъ храма славы, гдѣ навсегда остались мой покой и мое сердце, то я готовъ, если это безуміе водворится на самомъ дѣлѣ, покинуть свой домъ по одному отвращенію видѣть на адресѣ моихъ писемъ улицу Мирабо»[1]).

[1]) Письма Гримма, стр. 337.

Екатерина же соболѣзновала о томъ, что по перенесеніи останковъ Вольтера въ Пантеонъ, онъ похороненъ былъ возлѣ Мирабо, и говоритъ: «Полагаю что Вольтеръ предпочелъ бы остаться тамъ гдѣ его прежде похоронили, чѣмъ находиться въ компаніи съ Мирабо въ Св. Женевьевѣ»[1]).

О страшномъ характерѣ Лафайэта, въ политической совѣсти котораго уживались такія противорѣчія, какъ наивнѣйшее запгрываньс съ заговоромъ и твердое намѣреніе быстро подавлять его, Гриммъ писалъ: «Въ журналѣ le Réveil Сюло, который Сюло дѣйствительно существуетъ на самомъ дѣлѣ и смѣшной парснь, ваше величество найдете портретъ г. Лафайэта, на мой взглядъ къ несчастію очень похожій. Всякій справедливо можетъ упрекнуть тѣхъ, кто не сумѣлъ направить такую бѣдственную революцію и овладѣть ею, зачѣмъ они вмѣшивались въ дѣло, и особливо зачѣмъ захватили первыя и важнѣйшія роли, чтобъ заявить себя послѣ лакеями сволочи. Я надѣюсь что предсказаніе Сюло не исполнится и что г. Лафайэтъ не будетъ повѣшенъ своимъ возлюбленнымъ народомъ; но я не удивлюсь если онъ кончитъ свою жизнь въ Америкѣ, какъ г. Неккеръ въ Швейцаріи. Сверхъ того онъ лишится огромнаго состоянія и разорится, такъ какъ онъ соединялъ великое безкорыстіе и много романическихъ качествъ со множествомъ метафизическихъ и отвлеченныхъ идей, которыми другіе плохіе работники начинили его голову; непереваренная же масса этихъ идей въ пустыхъ головахъ причинила столько же бѣдствій Франціи, сколько злодѣйство нѣсколькихъ заговорщиковъ произвело катастрофъ»[2]).

Государыня же, говоря о Лафайэтѣ, прибавляетъ слѣдующее разсужденіе о другомъ лицѣ, именно о герцогѣ Орлеанскомъ: «Но пусть предадутъ правосудію другого злодѣя, болѣе окруженнаго злодѣями чѣмъ онъ самъ дуренъ. Вы конечно угадываете что это г. О.»[3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 565.
[2]) Письма Гримма, стр. 336, 337.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 520.

Гриммъ, говоря объ эмигрантахъ, упоминалъ съ большими похвалами о маршалѣ Кастри, удалившемся въ Швейцарію по несогласію съ планами и намѣреніями собранія нотаблей, въ которое онъ былъ избранъ въ качествѣ депутата. Гриммъ прислалъ императрицѣ три письма своего друга Шомберга, и въ одномъ изъ нихъ характеристику маршала Кастри, въ которой сказано между прочимъ: «Много другого (кромѣ его старости) можно бы еще чтить въ немъ, если позволитель говорить о старости человѣка, которому на видъ не болѣе 40 лѣтъ и въ комъ физическая и нравственная сила, такъ же какъ и гибкость, весьма рѣдкія въ этомъ возрастѣ. Это заставляетъ меня вѣрить, что лучшія составныя части жизненнаго бальзама суть: разумъ, мудрость, постоянство, кроткое и добродушное подчиненіе обстоятельствамъ, которыхъ не можешь измѣнить; вотъ что даетъ эту физіономію всегда одинакую, вотъ что составляетъ человѣка по Горацію:

Справедливаго и непреклоннаго въ своихъ намѣреніяхъ мужа.
Ни пылъ сограждан, призывающихъ къ дурному,
Ни взглядъ грознаго тирана
Не заставятъ отказаться отъ твердаго образа мыслей.

Зато и здоровье у него прекрасное, и эти чудные берега озера не видали еще человѣка, который былъ бы такъ легокъ на ходу и верхо́мъ. Весь замокъ впрочемъ наполненъ людьми здоровыми, начиная съ рыцаря Шовиньи и кончая кавалеромъ Ботвилемъ, который въ 87 лѣтъ не знаетъ никакого недуга» [1]).

«Я согласна съ г. Шомбергомъ въ томъ что́ онъ говоритъ о маршалѣ Кастри», отвѣчаетъ императрица: «и раздѣляю его мнѣніе, что лучшія составныя части жизненнаго бальзама — благоразуміе, мудрость, постоянство; но вмѣсто кроткой и легкой покорности событіямъ, которыхъ, какъ онъ говоритъ, нельзя измѣнить, я желала бы видѣть стараніе ихъ поправить, потому что нахожу что умный человѣкъ и вообще всякій человѣкъ не ли-

[1]) Письма Гримма, стр. 322, 323

шенъ средствъ помощи. Я никогда не любила фигуры Пьеро со спущенными и болтающимися рукавами, особливо съ тѣхъ поръ какъ я знаю русскую поговорку: «не сиди спустя рукава».

«Лучшая изъ конституцій не стóитъ дьявола, потому что она дѣлаетъ болѣе несчастныхъ нежели счастливыхъ; хорошіе и честные люди отъ нея страдаютъ, и только злодѣямъ отъ нея хорошо, потому что имъ наполняютъ карманы, и никто ихъ не наказываетъ. Вотъ образецъ, который предлагаютъ въ подражаніе всей Европѣ; надо, я полагаю, чтобъ она прежде сошла съ ума. Да не прогнѣваются французскіе демократы, но они заражены безуміемъ. Я читаю девятый томъ исторіи Гиббона и желала бы, чтобъ онъ кончилъ свой трудъ прежде чѣмъ умретъ» [1]).

Императрица такъ хорошо предвидѣла трагическую развязку революціи для короля, сознавая вполнѣ его слабость и робкій и нерѣшительный характеръ, что писала изъ Царскаго Села отъ 1-го іюня: «Не знаю, найдетъ ли васъ это письмо на водахъ въ Бурбоннѣ, или во Франкфуртѣ; но куда бы вы ни отправились, молю Всевышняго благословить путь вашъ. Вы прекрасно бы сдѣлали еслибъ увезли съ собою, а когда бы возможно, даже положили въ карманъ короля Французовъ, чтобъ онъ добрался цѣлъ и невредимъ по крайней мѣрѣ до границы своего королевства. Тамъ вы бы его передали г. Булье или кому другому благонамѣренному, чтобъ онъ предохранилъ его христіаннѣйшее величество ото всѣхъ несчастій, угрожающихъ ему, и хотя намъ никогда ни минуты не случалось дрожать за себя, мы ежедневно, въ теченіе почти трехъ лѣтъ, дрожимъ за нашего большого друга Людовика XVI, за королеву его супругу, за милыхъ дѣтей его, которыхъ желали бы видѣть внѣ Парижа. Но скажите, многострадальный, отчего ихъ оставляютъ тамъ покинутыми, среди грозящихъ со всѣхъ сторонъ бѣдствій? Вотъ этого не одобряютъ у насъ, и я не могу этого сносить: *они должны оттуда вы-*

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 539.

браться, потому что это невыносимо, и мнѣ кажется, что даже Карлъ I въ Англіи столько не вытерпѣлъ срама» [1]).

«Вы можетъ-быть не подозрѣваете, что это отвѣтъ на письмо ваше, начатое 19-го (30) апрѣля, которое вы послали черезъ Бахуса, а онъ, получивъ, принесъ мнѣ въ тотъ же день. Я такъ думала найти въ этомъ письмѣ по крайней мѣрѣ тайны десяти или двѣнадцати государствъ и Богъ знаетъ, куда бѣжала моя голова, когда я узнала, что Бахусъ самъ принесетъ мнѣ письмо, присланное съ нарочнымъ; а фактотумъ уже принималъ свою таинственную мину, такъ какъ видѣлъ уже таинственнаго посланнаго, который самъ несъ къ Бахусу пакетъ съ этимъ великимъ секретомъ. Я думала по меньшей мѣрѣ найти въ немъ форменное приглашеніе или отъ мужа или отъ жены [2]) постараться освободить ихъ, и многое другое носилось въ Сведенборговой радугѣ воображенія, но вотъ пріѣзжаетъ Бахусъ на весьма усталыхъ лошадяхъ, въ очень жаркій день; тогда фактотумъ, весь въ поту, самъ бѣжитъ на встрѣчу и съ весьма озабоченнымъ видомъ суетъ мнѣ въ руку два пакета; два — это много и тяжело, одинъ падаетъ на землю, другой я держу крѣпко; читаю скорѣе, но посланіе очень огромно и растянуто; тутъ прибѣгаетъ вся ватага дѣтей (т. е. внучата) всѣ шестеро вдругъ на встрѣчу; всѣхъ ихъ послали обѣдать, такъ какъ было поздно, и наконецъ принялись за чтеніе» [3]).

Можно себѣ представить впечатлѣніе государыни, когда, вмѣсто ожидаемой заботливости французскихъ вѣрноподданныхъ о спасеніи своего короля, она получила длинное и многословное ходатайство Гримма за двухъ французскихъ, знаменитыхъ, по словамъ его, генераловъ Булье и Геймана, искавшихъ продать ей свои услуги за весьма высокую цѣну въ самыя критическія минуты для ихъ родины. Ей не нужно было болѣе ясныхъ дока-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 543.
[2]) Т. е. отъ Людовика XVI или Маріи Антуанеты.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 543, 544.

зательствъ глубокаго паденія французскаго общества. Немудрено, что она отвѣчала на это тѣми ироническими презрительными словами, которыя мы уже привели выше, говоря о предложеніяхъ Булье и Геймана, и гдѣ государыня, выставивъ доблесть своихъ героевъ-полководцевъ и своихъ войскъ, прибавляетъ къ этому: «Трудно не сознаться, что успѣхи цѣлаго столѣтія не доказываютъ, чтобъ мы были чурбанами (buches), а еслибъ это могли о насъ сказать, то я ужъ предпочитаю своихъ чурбановъ тѣмъ искусникамъ, которые даютъ машинѣ совсѣмъ развалиться и получаютъ удары сзади..... не трогаясь съ мѣста какъ истые чурбаны. Но, милостивый государь, какъ же возможно выносить это, и если они къ тому не чувствительны, то могли ли они прослыть бравыми молодцами, и не объявилъ ли бы самъ досточтимый отецъ германской націи (Фридрихъ II), что всѣ эти нечувствительные — бездѣльники? Но такъ какъ нѣтъ правила безъ исключенія, то мы поступимъ какъ будетъ сказано ниже, а остальное прошепчемъ на ухо одному г. многострадальному. И такъ, ежели есть у васъ еще старинные рыцари, пусть придутъ или нѣтъ — это какъ имъ угодно. Вы говорите: «Но что можно сдѣлать для тѣхъ, кто не умѣетъ и не хочетъ себѣ пособить?» На это я отвѣчу, что если ужъ онъ рѣшился спуститься съ лѣстницы и на дворѣ вдругъ начинаетъ кричать и плакать, говоря что его губятъ, мой совѣтъ былъ бы взять его подъ обѣ руки и сказать ему: «Кто говоритъ *а*, долженъ выговорить и *б*», и вотъ съ двумя помощниками онъ сталъ бы ходить. Но какое ужасное время, когда приходится писать все то, что про себя думаешь! Ради Бога, г. многострадальный, бросьте въ огонь всѣ мои письма; я все боюсь, чтобъ васъ не повѣсили, желая добраться до моихъ писемъ. А это была бы весьма плохая штука, потому что Богъ знаетъ что́ такое пишетъ это перо, когда идетъ своимъ естественнымъ ходомъ» [1]).

Когда Гриммъ предлагалъ государынѣ пріобрѣсти видъ Цар-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 544, 545.

скаго Села, картину заказанную ему графомъ Строгановымъ, тотъ прибавляетъ: «Надо полагать, что Роберъ, который отличается особенно талантомъ рисовать развалины, долженъ въ эту минуту находиться въ своей стихіи у себя въ отечествѣ. Въ какую бы сторону онъ ни повернулся, онъ видитъ свой родъ живописи торжествующимъ и самыя прекрасныя и свѣжія развалины въ мірѣ» [1]). Государыня отвѣчала на это: «Если вашъ Роберъ не главнокомандующій войсками, ни демагогъ, ни бѣшеный, то пріѣхавъ сюда, онъ нашелъ бы много хорошенькихъ видовъ достойныхъ кисти, потому что все Царское Село есть собраніе ихъ; одна колоннада представила бы ихъ нѣсколько. Но такъ какъ этотъ живописецъ болѣе любитъ рисовать развалины, а у него ихъ столько передъ глазами, то онъ совершенно правъ что остается въ странѣ развалинъ» [2]).

27-го августа: «Я очень сожалѣю, что здоровье г-жи Бюэль пострадало по милости этой преступной революціи. Іюньскія событія не могли подѣйствовать успокоительнымъ образомъ на чувствительную душу монархистки; неблагодарность съ какою нація или, лучше сказать, французская чернь, относится къ королю просто поразительна. Г-жа Бюэль удивляется, что король или правительство не назначили себѣ адвокатовъ; я полагаю, что это было не трудно, особливо вначалѣ. Я отъ природы питаю большое презрѣніе ко всѣмъ народнымъ движеніямъ и бьюсь объ закладъ, такъ же вѣрно какъ дважды два четыре, что стóитъ только открытою силою разнести двѣ лачужки, чтобы всѣхъ барановъ заставить скакать въ какую хотите сторону черезъ палку, которую вы имъ подставите; самые безумные, самые бѣшеные изъ нихъ первые покорятся и будутъ съ жаромъ опровергать то что прежде защищали. Я полагаю, что главная помѣха бѣгству короля была въ немъ самомъ, и это крайне досадно; королева, зная своего супруга, не покидаетъ его и она права; но это еще

---

[1]) Письма Гримма, стр. 413.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 548.

новое затрудненіе для побѣга. Что касается меня, то я никогда не считала право короля чуждымъ коронованнымъ главамъ; этотъ вопросъ касается всѣхъ царствующихъ лицъ и даже всѣхъ существующихъ правительствъ, потому что преступное національное собраніе своими нелѣпыми дѣйствіями всѣхъ ихъ оскорбляетъ. Мнѣ кажется, вы важничаете тѣмъ что васъ, судя по вашимъ разсказамъ, чуть не повѣсили въ Миркурѣ; все во Франціи—мода; должно быть, теперь это въ модѣ. Но я думаю, вы бы хорошо сдѣлали, еслибъ вывезли изъ адской бездны, называемой Франціей, вашу воспитанницу съ мужемъ и дѣтьми.... Когда мнѣ случается видѣть Французовъ, я всѣмъ имъ проповѣдую объединеніе въ одномъ духѣ: въ духѣ полнѣйшей вѣрности королю и монархіи жить и умереть для ихъ защиты, и потомъ отсылаю ихъ, говоря: «я буду другомъ и опорою всякому, кто будетъ держаться такого образа мыслей». — Я уже спровадила много такихъ горячихъ головъ подобныхъ братьямъ короля; они воспользуются моими совѣтами когда найдутъ удобнымъ. Я желала бы чтобъ они менѣе расчитывали на другихъ чѣмъ на самихъ себя, и если они будутъ таковы, какъ имъ слѣдуетъ быть, то силы ихъ учетверятся и они станутъ во главѣ королевскаго двора, который долженъ состоять исключительно изъ французскихъ дворянъ и никого болѣе. О, дѣло пойдетъ тогда на ладъ, ошибки не будетъ; я имъ пошлю всѣхъ головорѣзовъ, и успѣхъ будетъ, несмотря ни на какія препятствія. Кавалеръ де Бельзёнсъ справедливо полагаетъ что нечего ждать пощады и милосердія отъ людей, которые теперь распоряжаются и стоятъ во главѣ всѣхъ ужасовъ, совершаемыхъ вотъ ужъ два года въ его отечествѣ; это все висѣльники, которымъ не миновать казни; послушайтесь его совѣта, увезите изъ Франціи его сестру съ мужемъ и дѣтьми: это единственное средство спасти ихъ» [1]).

Отъ 30-го августа: «Я сдѣлала непріятное открытіе, что Си-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 550, 551.

молинъ [1]) сдѣлался ярымъ демагогомъ и что онъ начинаетъ восхищаться глупостями, которыя производитъ гадкое собраніе». «Это г. Отэнь его развратилъ» [2]).

1-го сентября: «Скажите французскимъ маршаламъ, прежнимъ министрамъ, льстецамъ и модницамъ, нѣкогда посѣщавшимъ ужины г-жи Реньеръ, которые теперь преслѣдуютъ васъ просьбами устроить чтобъ я купила ихъ старую мебель, скажите имъ что я не для покупки всякихъ обломковъ частныхъ имуществъ берегу свои деньги. Мнѣ можетъ-быть удастся употребить ихъ на спасеніе обломковъ королевства, лишь бы я нашла кому вручить ихъ съ полной увѣренностью, что мои деньги будутъ въ точности и съ пользой употреблены для этой цѣли. Вотъ для чего эти пріятные посѣтители ужиновъ должны бы были соединиться и душою и рѣчью, и этимъ должны бы они были бомбардировать денно и нощно всѣхъ заинтересованныхъ, пока они всѣхъ не приведутъ къ своему убѣжденію» .... [3]).

«Примѣръ короля Французскаго можетъ служить всѣмъ другимъ королямъ сильнымъ поощреніемъ къ тому, чтобъ быть добрыми и милосердыми къ своимъ подданнымъ, да вотъ ужъ и по истинѣ любезные подданные! Вы увидите, что нужно будетъ тысячи золъ и бѣдствій, чтобъ раскрыть имъ глаза на истинные ихъ интересы. Вся нація впала въ слабость и умственное разстройство; середины нѣтъ. Мнѣ не нравятся и эти двѣ отдѣльныя партіи королевы и принцевъ. Я желала бы видѣть партію короля и никакой другой болѣе, но этотъ несчастный государь слишкомъ слабъ чтобъ имѣть ее. Г. Бретэль первымъ министромъ. Это ужъ черезъ чуръ плохо: онъ слишкомъ крутъ и ограниченъ; я знаю г. Бретэля и не считаю его способнымъ къ такому трудному посту» [4]).

«Я боюсь, какъ и вы, что голова г. Булье сильно потрясена неудавшимся побѣгомъ короля, но отъ него зависитъ вступить

---

[1]) Симолинъ былъ русскимъ посланникомъ въ Парижѣ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 552.

[3]) Стр. 553. [4]) Стр. 554.

на службу туда, куда ему хочется: что до меня, то я отъ этого ничего не проиграю и не выиграю, потому что дѣла пойдутъ такъ же какъ шли и безъ меня. Я полагаю, что въ настоящую минуту всего лучше ему служить тамъ, гдѣ ему представится случай возстановить на престолѣ Людвика XVI. Боже мой! кто же когда-нибудь сказалъ бы, что однимъ изъ самыхъ сильныхъ сторонниковъ внуковъ Людвика XV, моего врага, буду я?... Если французская революція распространится по всей Европѣ, то явится новый Чингисъ-ханъ или Тамерланъ, чтобъ образумить ее: вотъ ея участь, будьте въ томъ увѣрены; но это будетъ не въ мое время, и не въ Александрово. Если державы согласятся сдѣлать воззваніе, я примкну къ нимъ, но надо поддержать его силой. Я утверждаю что достаточно овладѣть двумя, тремя мѣстечками во Франціи, и все падетъ само собою. Англія обѣщаетъ остаться нейтральной, но она такъ часто сама себѣ противорѣчила, что трудно на нее положиться. Увидимъ что́ произведетъ свиданіе между императоромъ и братцемъ Гю (Вильгельмомъ) и дастъ ли послѣдній войско; никогда не повѣрю этому, пока не увижу: всякій лжецъ теряетъ мое довѣріе. Завоеванія отъ Франціи невозможны по причинѣ соперничества. Уплаты за издержки придется ждать долго; Густавъ навѣрное явится первый; ужъ онъ велѣлъ готовить свои яхты... Жаль что у принцевъ (братьевъ короля Людовика XVI) денегъ мало, но ихъ и много понадобится. Всѣ согласны что г. д'Артуа ведетъ себя какъ слѣдуетъ. Я знаю что маршалъ Кастри съ ними, и мнѣ кажется что братьевъ короля окружаютъ хорошіе совѣтники» [1]).

Изъ этого отрывка видно, какъ хорошо Екатерина понимала, что ни Пруссія, ни Англія не станутъ помогать возстановленію власти во Франціи и что поддержаніе смутъ въ этой странѣ было даже отчасти дѣломъ рукъ ихъ. Ясно поэтому, что хотя Екатерина душевно желала помочь несчастной французской династіи, но одна, безъ содѣйствія другихъ державъ, она сдѣлать этого

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 554, 555.

не могла, не желая ввергать свою страну, только что вышедшую двѣ тяжелыя войны, въ новыя столкновенія съ европейскими державами, которыхъ взаимно враждебныя отношенія и коварная политика всегда поддерживали всякое зло, лишь бы только оно служило къ ослабленію сосѣда и къ личной эгоистической пользѣ. Между тѣмъ дипломатическія сношенія Россіи съ революціонной Франціей также становились весьма затруднительны, и потому государыня пишетъ отъ 1-го же сентября:

«Навѣрное Симолинъ первый покинетъ Парижъ, и все это оттого, что вице-канцлеръ посовѣтовалъ бывшему уполномоченному короля не являться ко двору, а послѣдній вздумалъ протестовать противъ такого насилія и объявилъ, что все-таки явится ко двору, несмотря на совѣты вице-канцлера. Тогда графъ Остерманъ сказалъ ему, что если онъ принимаетъ вещи на такой тонъ, то онъ моимъ именемъ запретитъ ему являться ко двору; послѣдній пришелъ въ бѣшенство и пошелъ жаловаться всѣмъ другимъ посланникамъ; эти хотѣли его образумить, но не было возможности. А въ концѣ концовъ король въ темницѣ, власть его не дѣйствуетъ и мнѣ кажется, что ни одной изъ коронованныхъ главъ неприлично принимать людей уполномоченныхъ мятежниками или королемъ-плѣнникомъ; притомъ же и Симолинъ не видитъ короля Франціи; а если мой посланникъ не принятъ, зачѣмъ же принимать уполномоченнаго отъ заключеннаго короля или отъ мятежниковъ? Этого человѣка зовутъ Женэ (Genet): онъ ярый демагогъ; онъ послалъ протестъ свой вице-канцлеру и курьера во Францію. И еще разсказываетъ, что вооружитъ двухъ человѣкъ на свой счетъ стеречь границу отъ внѣшнихъ враговъ. Г. Сенъ-При говоритъ: «Это бѣшеный дурачекъ». Берегитесь, если вернетесь во Францію, чтобъ вамъ не затѣяли тамъ ссору, зная что вы мнѣ преданы; они повѣсятъ васъ за то что вы со мною переписываетесь» [1]).

---

[1]) Вице-канцлеръ графъ Остерманъ.

«Письма мои, по желанію вашему, буду посылать св. Николаю во Франкфуртъ, но этой предосторожности еще недостаточно противъ такихъ людей: надо бѣжать отъ нихъ; вотъ единственное средство отъ нихъ избавиться. Если у васъ нѣтъ никакой должности, а таковая нужна чтобъ быть дѣятельнымъ гражданиномъ, то будьте гувернёромъ Като де Бюэль, и вытащите ихъ всѣхъ изъ Франціи» [1]).

2-го сентября: «Двадцати тысячъ казаковъ было бы слишкомъ много, чтобъ образовать зеленый коверъ отъ Страсбурга до Парижа; двухъ тысячъ казаковъ и 6,000 кроатовъ было бы достаточно..... Я очень сожалѣю о нездоровьи божественнаго въ Римѣ (Рейфенштейна) и кардинала Берни. Свиданіе съ принцессами Франціи (сестрами короля Людовика XVI Аделаидой и Викторіей) должно было ужасно поразить его святѣйшество» [2]).

Уже ранѣе, въ маѣ, государыня соболѣзновала объ участи несчастныхъ принцессъ и говорила: «Эти дочери столькихъ королей, вынужденныя странствовать вдали отъ отечества на шестидесятилѣтнемъ возрастѣ, въ самомъ дѣлѣ представляютъ трогательное зрѣлище. Здѣсь толкователь (т. е. сама императрица) произноситъ длинную диссертацію о превратностяхъ міра сего, и какъ важно воспитывать дѣтей лучше чѣмъ это до сихъ поръ дѣлалось; онъ приводитъ по этому поводу китайскую пословицу, которая говоритъ что воспитаніе возвышаетъ или унижаетъ племена людскія. Вы можете представить себѣ что мнѣ рѣшительно некогда слѣдовать за толкователемъ, когда онъ дѣлаетъ такія отступленія, доставляемыя ему досужимъ воображеніемъ, потому что съ возрастомъ онъ становится все болтливѣе» [3]).

Екатерина проницательнымъ умомъ своимъ хорошо понимала, что безъ подъема духа въ самомъ французскомъ обществѣ спасти его невозможно, и къ этому она безпрестанно возвращается въ сношеніяхъ своихъ съ эмигрантами и тѣми Французами, кото-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 556.
[2]) Стр. 556, 557.
[3]) Стр. 524.

рые извнѣ искали помощи въ своихъ бѣдствіяхъ. Она не перестаетъ повторять имъ, что никто не можетъ спасти Францію, если того не захотятъ горячо и искренно сами Французы и самъ король ихъ.

Отъ 16-го сентября она пишетъ: «Г. д'Артуа прислалъ ко мнѣ изъ Дрездена графа Эстергази. Я стараюсь разгорячить головы тѣмъ, кто оттуда попадается мнѣ въ руки, но всѣ они пріѣзжаютъ съ головами, вовсе не настроенными въ уровень съ требованіями. Не знаю, какими они уѣзжаютъ, но я начиняю ихъ сколько могу; я проповѣдую имъ, чтобъ они искали себѣ указаній и средствъ въ поведеніи Генриха IV, который имѣлъ противъ себя гораздо болѣе препятствій нежели всѣ они, да и не вся Европа была за него. Изо всѣхъ кого я видѣла, голова Сенъ-При кажется мнѣ самою разумною: онъ соединяетъ съ тонкимъ пониманіемъ вещей большую опытность, онъ мужественъ и мудръ» [1]).

И нѣсколько ранѣе, тотчасъ по пріѣздѣ Сенъ-При, императрица говорила: «Увидѣвъ г. Сенъ-При и узнавъ его образъ мыслей, услышавъ съ какою благородной откровенностью онъ говоритъ о событіяхъ, я сказала себѣ: — какъ жаль, что король Франціи не умѣлъ слѣдовать совѣтамъ умнаго человѣка, преданнаго ему и монархіи, дававшаго совѣты разумные и по-моему согласные съ тѣмъ, чего требовали обстоятельства» [2]).

23-го сентября: «Три дня тому назадъ я получила черезъ курьера принцевъ, братьевъ Французскаго короля, ваше письмо изъ Кобленца отъ 3-го сентября. Принцъ Нассаускій уѣхалъ въ Кобленцъ (гдѣ вы его видѣли), чтобъ присоединиться къ потомкамъ Генриха IV, бѣжавшимъ изъ отечества; они должны бы имѣть такіе же планы, какіе имѣлъ этотъ герой Франціи, и только такія правила поведенія, какихъ держался этотъ возстановитель монархіи; но тѣ самыя причины, которыя породили всѣ бѣдствія

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 558.
[2]) Стр. 552.

Франціи и привели ее на край погибели, распространяютъ свои вредныя вліянія и на выборъ средствъ, какими можно бы достичь возстановленія этой монархіи. Эти причины—необыкновенная слабость тѣхъ, для кого однакоже въ этомъ случаѣ приходится работать. Что значитъ напримѣръ это двойное полномочіе, данное барону Бретэлю, и другое такое же, данное позже старшему брату короля? вѣдь этотъ баронъ переговаривается съ дворами въ совершенно иномъ смыслѣ нежели принцы? Они конечно роняютъ вліяніе другъ друга и производятъ во всѣхъ нерѣшительность, потому что одни ведутъ переговоры о сдѣлкѣ между монархомъ и его подданными, а принцы хотятъ дѣйствовать вооруженной силой: вотъ и не знаютъ кого слушать. Я бы не колебалась ни минуты, но я вижу что всѣ колеблются, а я только и проповѣдую, что надо привести къ единодушію главныхъ лицъ, которымъ мы должны и желаемъ помочь. Вдобавокъ этотъ баронъ де Бретэль, въ котораго и король и королева вмѣстѣ такъ вѣрятъ, и котораго я хорошо знаю, — человѣкъ чрезвычайно надменный, болѣе жаждущій власти, чѣмъ способный употреблять ее съ мудростью. У него и нѣтъ, кажется, другой заслуги въ глазахъ королевы, кромѣ той, что онъ былъ креатурой герцога Шуазэля и посланникомъ въ Вѣнѣ; онъ будетъ до крайности подозрителенъ и щекотливъ, и будетъ полагать, что хороши только мнимыя его услуги, которыхъ онъ никотда не сумѣетъ оказать, а между тѣмъ онъ будетъ мѣшать другимъ оказывать истинныя услуги королю и отечеству. Что тамъ ни говори, а братья короля болѣе всѣхъ заинтересованы въ возстановленіи его, и ревновать ихъ къ тому, чего они еще и не сдѣлали — мысль мелкая, идущая прямо отъ дьявола».

«Что касается двухъ внуковъ Генриха IV, удалившихся въ Кобленцъ, то я съ нѣкоторыхъ поръ съ ними на очень дружеской ногѣ и не съ сегодняшняго дня я въ нихъ принимаю участіе и буду помогать имъ съ постоянствомъ и различными способами. Ихъ напечатанное письмо замѣчательно хорошо написано, и безспорно оно должно производить удивительное дѣйствіе, но необхо-

димо его поддержать. Король въ заключеніи можетъ только поступать худо: уже потому что онъ въ тюрьмѣ, онъ преступникъ. Не мѣсто королямъ находиться въ тюрьмѣ: тамъ они играютъ плачевную роль».

«Но посмотрите пожалуйста, что такое этотъ свѣтъ: у меня никогда не было враговъ, которые бы за это жестоко не поплатились, но не по моему злопамятству. У меня его нѣтъ. Вотъ двадцать лѣтъ, какъ Французы хотѣли съѣсть меня; еще менѣе времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ они дѣлали все на свѣтѣ чтобъ создать изъ Турокъ грозную силу; но эти не помогутъ наихристіаннѣйшему королю въ его несчастіи, а я ни минуты въ томъ не отказывала. Но послушайте же, этотъ наихристіаннѣйшій король подпишетъ ли антихристіанскую конституцію? Вѣдь фактъ тотъ, что онъ послѣ подписанія ея будетъ отлученъ отъ церкви; развѣ онъ этого не видитъ? а если видитъ, то зачѣмъ же ставитъ себя въ такое затрудненіе? Я вамъ скажу, отчего: оттого что всѣ умники этого міра не предвидятъ куда это поведетъ: пусть *они* [1]) вступятъ только во Францію; объ закладъ бьюсь, что они станутъ тамъ хозяйничать какъ захотятъ. Графъ Эстергази здѣсь; я съ нимъ обхожусь совсѣмъ безъ церемоніи и мнѣ кажется что онъ доволенъ мною» [2]).

25-го сентября: «Ну вотъ таки сэръ Людовикъ XVI влѣпилъ свою подпись подъ этой сумасбродной конституціей и спѣшитъ произнести присягу, которой конечно не сдержитъ и которой вдобавокъ никто отъ него не требуетъ. Но кто же эти люди, безъ всякаго разумѣнія заставляющіе его дѣлать всѣ эти глупости? Вѣдь это въ самомъ дѣлѣ недостойныя низости: подумаешь, что у нихъ нѣтъ ни совѣсти, ни чести.... Я ужасно сержусь: я топнула ногой, читая всѣ эти .... эти .... мерзости. Тьфу, какіе негодники! Когда вы вернетесь въ Парижъ, если ихъ всѣхъ еще не повѣсили, возьмите розгу и просто высѣките этихъ школьни-

[1]) Императрица видимо подразумѣваетъ здѣсь приглашаемыхъ помощниковъ: Пруссаковъ и Австрійцевъ.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 558, 559, 560.

ковъ, совѣтниковъ Французскаго короля, за всѣ жалкія вещи, которыя ему совѣтуютъ дѣлать. Это называется ронять, унижать себя, дѣлать себя презрѣннымъ и смѣшнымъ. Однимъ словомъ, поколотите ихъ, я вамъ даю на то позволеніе, только бы они были побиты:

«Отказаться отъ боговъ, которымъ вѣришь въ сердцѣ, это преступленіе низкой души, а не заблужденіе:

«(Renoncer aux dieux que l'on croit dans son coeur,

C'est le crime d'un lâche, et non une erreur).

«Я думаю вы посмѣетесь моему гнѣву, но право я не люблю глупостей. Еслибъ король не принялъ банкротства, онъ не былъ бы въ немъ участникомъ: теперь же онъ во главѣ его» [1]).

Около этого времени Екатерина вступила въ союзъ съ Густавомъ; но какъ ни желала она видѣть единство намѣреній между всѣми европейскими державами, она не могла этого достигнуть. Конгрессъ въ Пильницѣ [2]) казался ей непрочнымъ, и не серьёзнымъ, и она писала объ этомъ отъ 22-го октября: «Ну вотъ, несмотря на то, что я употребила шесть сотъ тысячъ на укрѣпленіе Финляндіи, я третьяго дня получила извѣстіе о заключеніи союза между Густавомъ III и мною; вотъ онъ, по желанію вашему, совершенно выкарабкался изъ когтей Гегю. Новый союзникъ не стыдится выражать желаніе показаться здѣсь, что́ мы всячески стараемся отклонить, насколько это человѣчески возможно. Какъ хотите вы, чтобъ я ему поручила войско? Онъ не умѣетъ имъ предводить. Вы видите, что конвенція, подписанная въ Пильницѣ, не имѣетъ ни твердости, ни послѣдовательности; я дѣлаю все на свѣтѣ, чтобъ воспламенить ихъ: я обоимъ [3]) имъ писала по просьбѣ принцевъ; я еще не получила отвѣта, но на-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 560

[2]) Знаменитый конгрессъ въ Пильницѣ былъ созванъ для коалиціи европейскихъ державъ противъ Франціи въ пользу Людовика XVI и его возстановленія на престолѣ: на немъ были представители Австріи и Пруссіи, графъ д'Артуа, эксминистръ Калоннъ и маркизъ Булье.

[3]) Т. е. Вильгельму и Леопольду.

дѣюсь, что новое законодательство во Франціи надѣлаетъ столько глупостей, что оно вновь заставитъ короля кричать или бѣжать, и тогда увидимъ. Но важнѣе всего, чтобъ королева примкнула къ партіи принцевъ, и чтобъ она глядѣла на эту партію какъ на самую многочисленную и преданную королевской власти, какъ оно и есть на дѣлѣ, и тогда пусть она соединится со мною, чтобъ заставить дѣйствовать своего брата, а когда этотъ поднимется, то Гю (Вильгельмъ) будетъ вынужденъ сдѣлать тоже.

«Г. Сенъ-При былъ здѣсь и я имъ очень довольна: это человѣкъ достойный, выражающій свои мысли на чистоту; жаль, что не слѣдовали его совѣтамъ. Что касается госпожи Сенъ-При, она осталась у брата въ Стокгольмѣ.

«Я очень довольна, что вы одобряете мое поведеніе съ потомками Св. Людовика; клянусь вамъ, я принимаю въ нихъ живое участіе. Мнѣ нравится что дворяне, эти настоящіе французскіе рыцари, собрались вокругъ нихъ. Они написали мнѣ прекрасное письмо и я имъ отвѣчала.

«Такъ какъ мужъ госпожи Бюэль подписалъ письмо дворянства, поселившагося въ Турнэ (Tournay), полученное мною третьяго дня, 21-го октября, то я полагаю что она уже выѣхала изъ Франціи... Въ эту минуту говорятъ, что парижская чернь за короля, но чтобъ каждыя двѣ недѣли не мѣнять мнѣнія, я остаюсь твердою въ принятой разъ рѣшимости, которая заявлена открыто: я думаю, что помогаю королю и Франціи, стараясь помочь, какъ я это дѣлаю, изгнанникамъ.

«Мнѣ не время читать Гиббона или что-либо другое. Я очень довольна, что принцы дали вамъ порученіе къ королю и королевѣ; надѣюсь, что вы постараетесь согласить ихъ въ основаніяхъ; по крайней мѣрѣ и я надъ этимъ работаю. Я вовсе не сомнѣваюсь въ добрыхъ чувствахъ принцевъ ко мнѣ. По-моему, императоръ (нѣмецкій) высказалъ имъ только одни неопредѣленныя слова, но видимо, что есть тайные переговоры между императоромъ и королевой; я полагаю, что послѣдняя замышляетъ второй побѣгъ, и вотъ отчего теперь стараются усыпить всѣхъ.

Надо, чтобъ принцы продолжали ухаживать за всѣми дворами; жалобы ни къ чему не служатъ. Нужно бы огласить, какъ клубъ якобинцевъ хвастаетъ, что закупилъ Шпильмана. Очень трудно будетъ мнѣ такъ издалека направлять ладью принцевъ; я пишу имъ самимъ съ этимъ курьеромъ, и извѣщаю также графа Румянцова о своихъ намѣреніяхъ. Пишу вамъ второпяхъ, потому что не имѣю почти ни минутки свободной» [1]).

23-го октября: «Мнѣ говорятъ, что королева не любитъ парламентовъ, а я говорю, что король самъ возстановилъ ихъ и будетъ въ противорѣчіи съ самимъ собою, если теперь захочетъ ихъ уничтожить: эти парламенты привержены къ монархіи, и безъ нихъ Франція станетъ республикой, или король сдѣлается деспотомъ» [2]).

Этимъ письмомъ императрицы заканчивается 1791 годъ. Здѣсь мы на время перейдемъ къ обзору событій, касавшихся собственныхъ дѣлъ и работъ Екатерины за это послѣднее время.

Окончаніе второй турецкой войны. Смерть Потемкина. Графъ Зубовъ. Сенакъ де-Мельянъ.

По заключеніи Леопольдомъ мира съ Турками мудрость Екатерины заставила и её помышлять о мирѣ, только конечно безъ посторонняго вмѣшательства. Уже 14 мая 1791 г. императрица писала: «Надѣюсь, что миръ будетъ скоро заключенъ», а 3-го іюня: «Благодарите Бога, что Юсуфъ-паша опять назначенъ визиремъ. Такъ какъ онъ началъ войну, то чтобъ спасти свою голову, долженъ и заключить миръ; несмотря на всѣ вздорныя рѣчи, вы увидите, что онъ заключитъ его. Притомъ это человѣкъ не глупый, а съ умными людьми пріятнѣе имѣть дѣло, чѣмъ съ олухами» [3]).

Между тѣмъ искусныя дипломатическія дѣйствія нашего посланника въ Англіи гр. С. Р. Воронцова разстроили планы Питта

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 562, 563. [2]) Стр. 563. [3]) Стр. 542, 547.

и союзъ Пруссіи съ Англіею противъ Россіи. Не только народъ въ Англіи былъ противъ войны, но и въ парламентѣ противъ нея краснорѣчиво возсталъ Фоксъ, за что Екатерина поставила бюстъ его на царскосельской колоннадѣ. Послѣ переговоровъ съ мягкимъ и уступчивымъ Фокнеромъ, о которомъ было говорено выше, Потемкинъ отправился въ Яссы 24 іюля 1791 года съ инструкціями о заключеніи мира. Извѣстія о новыхъ побѣдахъ на сушѣ и на морѣ должны были сдѣлать Турокъ уступчивѣе; но они не отступали отъ своей системы затягиванья переговоровъ. Отъ 27 августа 1791 г. Екатерина пишетъ Гримму: «Предварительныя условія мира съ Турками подписаны 31 іюля... Но кстати, къ намъ пришло черезъ турецкій лагерь странное извѣстіе, что адмиралъ Ушаковъ поднялъ дьявольскую возню: гдѣ? Передъ Константинополемъ, какъ будто для того чтобъ ему сказали: — баста! — Фельдмаршалъ князь Потемкинъ вынужденъ былъ послать къ визирю подполковника и вмѣстѣ отвезти къ контръ-адмиралу приказъ остановить свое пламенное рвеніе. Не могу и разсказать что́ онъ натворилъ! Вы узна́ете это изъ другихъ источниковъ, но это не остановитъ заключенія мира» [1]).

1-го сентября 1791 г.: «Я получила съ минуту тому назадъ, т. е. между восемью и девятью часами утра, подробности о сраженіи, даннomъ адмираломъ Ушаковымъ на Черномъ морѣ 31 іюля, въ день подписанія предварительныхъ условій. Онъ такъ хорошо распорядился съ турецкимъ флотомъ, что тотъ бросился на глазахъ Селима въ константинопольскую гавань. Послѣдній испугался, увидѣвъ свои корабли безъ мачтъ и отлично обработанными, а между людьми экипажа множество убитыхъ и раненыхъ, и тотчасъ послалъ своему визирю приказъ, какъ можно скорѣе прекратить битву. Сами Турки говорятъ съ радостью, что его высочество, который за 24 часа до того храбрился, сдѣлался послѣ этого происшествія смиренъ и кротокъ какъ овечка» [2]).

Въ сентябрѣ государыня извѣщаетъ Гримма о болѣзни князя Потемкина по поводу присылки ей Гриммомъ реестра вещей,

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 550. [2]) Стр. 553.

вѣроятно, одного изъ разоренныхъ революціей: «Князь Потемкинъ боленъ въ Яссахъ, гдѣ онъ находится для заключенія мира; если я ему пошлю реестръ, то онъ навѣрно его потеряетъ и о немъ болѣе рѣчи не будетъ. Если стану ждать съ этимъ реестромъ его возвращенія, то будетъ слишкомъ долго; итакъ отошлю вамъ всю эту дрянь». Въ концѣ того же письма сказано: «Замиреніе съ великимъ Туркомъ будетъ подписано, о чемъ извѣщаетъ князь Потемкинъ, который былъ очень боленъ; но ему было уже гораздо лучше 24 августа. Я нарочно называю число, чтобъ вы не вѣрили ложнымъ слухамъ» [1]).

23 сентября 1791 г. «Правда, что предварительныя условія мира подписаны; но вотъ въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ мы отъ этого нисколько не подвинулись впередъ, такъ какъ Порта назначила для переговоровъ съ нашими въ Яссахъ тѣхъ же уполномоченныхъ, которыхъ имѣла въ Систовѣ» [2]).

Менѣе нежели черезъ мѣсяцъ послѣ того, Потемкина не стало. и императрица пишетъ отъ 15 декабря 1791 г.: «Снова поразилъ меня, какъ обухомъ въ голову, страшный ударъ. Послѣ обѣда часовъ въ шесть курьеръ привезъ горестное извѣстіе, что мой воспитанникъ, мой другъ, можно сказать мой идолъ, князь Потемкинъ Таврическій скончался въ Молдавіи отъ болѣзни, продолжавшейся цѣлый мѣсяцъ. Вы не можете себѣ представить, какъ я огорчена. Съ прекраснымъ сердцемъ онъ соединялъ необыкновенно вѣрное пониманіе вещей и рѣдкое развитіе ума. Виды его всегда были широки и возвышенны. Онъ былъ чрезвычайно человѣколюбивъ, очень свѣдущъ, удивительно любезенъ, а въ головѣ его непрерывно возникали новыя мысли. Никогда человѣкъ не обладалъ въ такой степени какъ онъ даромъ остроумія и умѣніемъ сказать словцо кстати. Его военныя способности поразительно обрисовались въ эту войну, потому что онъ ни разу не оплошалъ ни на морѣ, ни на сушѣ. Никто менѣе его не поддавался чужому вліянію, а самъ онъ умѣлъ удивительно упра-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 554, 555. [2]) Стр. 558, 559

влять другими. Однимъ словомъ, онъ былъ государственный человѣкъ, какъ въ совѣтѣ, такъ и въ исполненіи. Онъ страстно, ревностно былъ преданъ мнѣ: бранился и сердился когда полагалъ, что дѣло было сдѣлано не такъ какъ слѣдовало. Съ лѣтами и опытомъ онъ исправился отъ многихъ своихъ недостатковъ. Три мѣсяца тому назадъ, когда онъ пріѣхалъ сюда, я говорила генералу Зубову, что меня пугаетъ эта перемѣна и что я не вижу въ немъ его прежнихъ недостатковъ, и вотъ къ несчастію мои опасенія оказались пророчествомъ. Но въ немъ было еще одно рѣдкое качество, отличавшее его отъ всѣхъ другихъ людей: у него была смѣлость въ сердцѣ, смѣлость въ умѣ, смѣлость въ душѣ. Благодаря этому, мы всегда понимали другъ друга и не обращали вниманія на толки тѣхъ, кто меньше насъ смыслилъ. По моему мнѣнію, князь Потемкинъ былъ великій человѣкъ, который не выполнилъ и половины того, что въ состояніи былъ сдѣлать» [1]).

22 октября 1791: «Въ вашемъ письмѣ отъ 20-го августа вы начинаете рѣчь съ мира моего съ Турками, который еще не заключенъ; я недѣлю тому назадъ отправила г. фактотума (Безбородку) въ Яссы, чтобъ поскорѣй покончить съ ними, и вотъ завтра недѣля какъ онъ въ дорогѣ. Князь Потемкинъ своею смертью сыгралъ мнѣ злую шутку! На меня теперь пало все бремя: мнѣ хотѣлось попросить васъ помолиться за меня. Но какъ быть? Надо дѣйствовать. Вообразите, что у меня есть князь Вяземскій, который уже года два буквально заговаривается отъ старости, потомъ еще во флотѣ графъ Чернышевъ: послѣ паралича нынѣшней весной онъ опять поѣхалъ путешествовать и все это живетъ, а тотъ, кто обѣщалъ долго жить, вздумалъ умереть!!!... Ахъ, Боже мой! вотъ ужъ я теперь вполнѣ заслуживаю прозванія Madame la Ressource (госпожи Изворотливости). Опять я должна воспитывать себѣ людей, и конечно оба генерала Зубовы подаютъ наибо́льшія надежды. Но подумайте! Старшему

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 561.

изъ нихъ только 24 года, а младшему только 20. Но это люди умные и разсудительные, а старшій оченъ свѣдущъ и все удивительно въ порядкѣ укладывается въ его головѣ. Это въ самомъ дѣлѣ здравый умъ!!...

«Я очень сожалѣю, что подписаніе предварительныхъ условій мира помѣшало адмиралу Ушакову пойти подальше бросить бомбу вслѣдъ за своей морской побѣдой 12 декабря» [1]).

«Я здорова и дѣла идутъ тѣмъ же порядкомъ, несмотря на ужасную потерю, о которой я вамъ писала въ ту же ночь, какъ пришло роковое извѣстіе. Я все еще продолжаю грустить. Замѣнить его невозможно, потому что надо родиться такимъ человѣкомъ какъ онъ, а конецъ этого столѣтія какъ-то вовсе не предвѣщаетъ геніевъ. Не теряю надежды, что будутъ, по крайней мѣрѣ, умѣлые люди, но надо время, старанія, опытность. Что касается до меня, будьте увѣрены, что я останусь неизмѣнной. Я всѣмъ проповѣдую постоянство, и конечно сама не стану мѣняться» [2]).

Въ 1794 году, какъ кажется, государыню манило желаніе посѣтить югъ, и въ слѣдующихъ строкахъ замѣтна мысль побывать на могилѣ Потемкина: «Вы совѣтуете мнѣ ѣхать въ ваши края, но въ этомъ выражается ваша собственная лѣность: полагаю, что вы желаете меня видѣть, а далекій путь въ Петербургъ васъ пугаетъ. Но знайте, что если я предприму путешествіе, то конечно не въ вашу сторону. Прежде чѣмъ отойду въ другой міръ, я должна видѣть плодородныя земли, лежащія между Бугомъ и Днѣстромъ, которыхъ одинъ воздухъ исцѣляетъ больныхъ. Туда ѣхалъ умирающій князь Потемкинъ, но скончался въ дорогѣ» [3]).

Отъ 4-го сентября 1794 г. государыня писала: «Говорятъ что покамѣстъ Николаевъ на Бугѣ несравненно превосходитъ и постройкой и мѣстоположеніемъ Екатеринославъ, который остается

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 561, 562, 563. [2]) Стр. 564.
[3]) Стр. 597.

въ небреженіи по причинѣ войны и смерти князя Потемкина, тогда какъ тысячи другихъ заботъ были важнѣе этой, а финансы требовали пріостановки построекъ. Когда мы исправимъ казну, мы все сдѣлаемъ что́ захотимъ, а до тѣхъ поръ баста!» [1]).

Искуство Безбородки въ переговорахъ съ Турками, поддерживаемое энергіею и настойчивостью самой Екатерины и подробными собственноручными ея инструкціями, достигло своей цѣли: миръ въ Яссахъ былъ заключенъ 29 декабря 1791 г. Въ іюнѣ 1792 она пишетъ Гримму: «Благодарю васъ за пожеланія и поздравленія по случаю мира съ Турками» [2]). Уже долгое время спустя, государыня, вспоминая эти тяжелыя для себя времена, очерчиваетъ свой образъ дѣйствій, основанный на непоколебимой ея вѣрѣ въ силы Россіи. Она считаетъ страхъ и трусливую уступчивость въ дипломаціи величайшимъ стыдомъ и позоромъ для такой великой и сильной духомъ страны какъ Россія. Она говоритъ 11-го сентября 1795 года, когда затѣвались новыя интриги европейской дипломаціи въ Турціи: «Пусть пособляютъ Марабутамъ сколько́ хотятъ; но я надѣюсь, что когда бы и сколько бы разъ ни пришлось намъ имѣть съ ними дѣло, Господь поможетъ намъ разрушить козни нашихъ враговъ явныхъ и тайныхъ; всѣ они занимаются вздоромъ. Будьте увѣрены, что Фоксъ столько же руссофилъ, сколько Питтъ. Но Фоксъ говорилъ противъ войны съ Россіею, потому что нація не желала войны, а желалъ ее одинъ только дворъ, и Питтъ былъ настолько уменъ, что уступилъ, видя что противная партія слишкомъ сильна. Какъ и многіе другіе, онъ полагалъ, что насъ можно запугать и заставить подписать нѣчто въ родѣ рейхенбахской конвенціи: на этотъ разъ ошиблись. Запугиванья никогда еще на насъ не дѣйствовали, по той причинѣ что трусость никогда не годится и что храбрая нація не станетъ дѣйствовать подъ вліяніемъ страха, который всегда и во всякомъ случаѣ ведетъ за собою позоръ. Если интересы Великобританіи не приведутъ Питта къ дружбѣ съ Россіей, конечно я не стану соблазнять

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 611. — [2]) Стр. 569.

ни его, ни Фокса никакой другой приманкой. Какому-нибудь маленькому государству можетъ быть выгодно скрывать свои силы; но какая же возможность скрыть силы Россіи? И все-таки ихъ или совсѣмъ не знаютъ, или плохо знаютъ; у насъ въ Россіи есть еще такіе народы, которыхъ, еслибы только явился сильный врагъ, можно разомъ поднять съ оружіемъ и всѣмъ скарбомъ, и они пойдутъ на кого угодно; если же придется имѣть дѣло съ жалкими китайскими войсками, то у насъ конечно болѣе чѣмъ нужно силъ для этого» [1]).

Когда рѣшенъ былъ бракъ Мамонова съ княжной Щербатовой и удаленіе его отъ двора, императрица писала 12 февраля 1790 года: «Ученица г-жи Кардель, найдя что красный кафтанъ болѣе заслуживаетъ жалости чѣмъ гнѣва, наказана на всю жизнь за самую глупую изъ привязанностей, которая не привлечетъ смѣющихся на ея сторону, а его унизитъ какъ неблагодарнаго. Она постарается какъ можно скорѣе прекратить эту шутку къ удовольствію заинтересованныхъ» [2]). Послѣ брака говорится 25 іюня: «Что касается неблагодарныхъ, то они очень строго наказали сами себя. Повидимому, семейнаго ладу нѣтъ. Да и что можетъ быть хуже положенія человѣка, одареннаго умомъ и способностями и имѣющаго познанія, какъ очутиться въ 30 лѣтъ въ деревнѣ съ женою брюзгой и капризной, которой онъ ежедневно попрекаетъ, что остался одинъ съ нею и для нея? Кромѣ того вся тяжесть неблагодарности пала ему на грудь и онъ сначала по мнительности, а потомъ на самомъ дѣлѣ сталъ страдать одышкой» [3]).

Изъ отзывовъ о Мамоновѣ въ перепискѣ можно заключить, что онъ очень интересовался художествами, самъ рѣзалъ на камнѣ, и что особенно его заботамъ обязанъ эрмитажъ своими богатыми коллекціями рѣзныхъ камней, которыхъ пріобрѣтеніе началось еще при Ланскомъ. Часто упоминается также, что Мамоновъ писалъ небольшія пьесы для эрмитажнаго театра (proverbes).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 645, 646.
[2]) Стр. 481.
[3]) Стр. 489.

Во время охлажденія къ Мамонову, въ эпоху самыхъ тяжелыхъ военныхъ тревогъ, императрица, какъ она сама вспоминала позже, «была одна и безъ помощниковъ» [1]). Имя Зубова въ первый разъ встрѣчается въ сентябрѣ 1790 года. Разсуждая о геройствѣ древнихъ и о томъ что современные герои должны бы подражать имъ, а для этого читать древнихъ писателей, Екатерина прибавляетъ: «Хотите знать, что́ г. Зубовъ и я дѣлали это лѣто въ Царскомъ Селѣ въ свободные часы при громѣ пушекъ? ну вотъ нашъ секретъ: мы переводили томъ Плутарха на русскій языкъ. За то мы были спокойны и счастливы во время сумятицы. Кромѣ того онъ читалъ Полибія» [2]).

24-го апрѣля 1791: «Графъ Зубовъ говоритъ, что девятнадцатому вѣку предстоитъ весьма печальное будущее. Эта перспектива ему не улыбается. Но онъ молодъ, онъ увидитъ этотъ вѣкъ во всемъ блескѣ: какая разница со второй половиной осмнадцатаго вѣка! Бо́льшая часть оставшихся на землѣ людей или сумасшедшіе или бѣшеные. Живите же съ этими людьми, если можете» [3]).

9-го мая 1792 г. выраженъ такой отзывъ о графѣ Зубовѣ: «Этотъ генералъ Зубовъ трудолюбивъ, честенъ, исполненъ доброй воли, и настроеніе его ума отличное. Это человѣкъ, о которомъ вы услышите: о немъ будутъ говорить. Отъ меня зависитъ образовать изъ него новаго фактотума» [4]).

Въ 1794 году государыня упоминаетъ, что Зубовъ отлично владѣетъ итальянскимъ языкомъ: «Я подарила письмо Кириллы, которое не могла прочесть, кому-то, кто особенно любитъ итальянскій языкъ и прочелъ на немъ все самое лучшее: это графъ Платонъ Зубовъ» [5]).

Изъ числа литераторовъ, пожелавшихъ пріѣхать въ Россію и искавшихъ покровительства Екатерины, очень часто упоминается имя Сенака де Мельяна. Этотъ эксъ-интендантъ французской службы собирался писать русскую исторію и обратился съ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 630. [2]) Стр. 496. [3]) Стр. 516.
[4]) Стр. 566. [5]) Стр. 592.

письмомъ изъ Эксъ-Ла-Шапеля къ императрицѣ, чтобъ испросить у нея дозволеніе пріѣхать съ этой цѣлью въ Россію. Императрица поручила нашему посланнику въ Венеціи Мордвинову собрать о немъ свѣдѣнія. Въ замѣчательномъ письмѣ ея [1]) выражены весьма вѣрные взгляды на условія, необходимыя для того, кто примется за трудъ написанія русской исторіи. Такъ какъ тутъ рѣчь идетъ объ иностранцѣ, то по ея мнѣнію ему прежде всего надо отрѣшиться отъ предвзятыхъ и общихъ всѣмъ иностранцамъ предразсудковъ, заставляющихъ ихъ видѣть въ черномъ свѣтѣ весь періодъ Россіи до Петра, предполагая, что до него не было у насъ ни законовъ, ни администраціи, тогда какъ на дѣлѣ было совершенно противоположное и только смутныя времена послѣ Іоанна Грознаго помѣшали Россіи двигаться впередъ почти наравнѣ съ остальной Европой. Затѣмъ императрица находитъ, что мысль писать исторію ея царствованія то же, что ставить государю монументъ при его жизни, не зная еще будетъ ли то однимъ украшеніемъ города, или дѣйствительно заслуженнымъ отличіемъ. Она находитъ также, что тотъ, кто пишетъ исторію страны, долженъ умѣть оцѣнить ея *славныя* страницы, отыскать въ этой исторіи все, что въ ней есть возвышающаго духъ и могущаго служить образцомъ для потомства. Особливо же въ такое время какъ настоящее, говоритъ она, никакъ не слѣдуетъ умалять цѣну хорошаго, если хочешь поддержать и ободрить умы и устремить ихъ къ великому и прекрасному. Наконецъ государыня высказываетъ мысль, что только исторія Россіи хорошо понятая и разработанная можетъ пополнить пробѣлы въ исторіи другихъ народовъ. Впрочемъ, если справки о Сенакъ де Мельянѣ будутъ удовлетворительны, то она соглашается на его пріѣздъ и назначаетъ ему двѣ тысячи дукатовъ на дорогу. Мордвиновъ, хотя и исполнилъ въ точности порученіе императрицы, однако воздержался отъ всякой оцѣнки свойствъ

[1]) Оно напечатано въ Смирдинскомъ изданіи сочиненій Екатерины, а также въ *Русскомъ Архивѣ* 1866 года, въ статьѣ Сенакъ де Мельянъ, князя Оболенскаго.

Сенака де Мельяна. Но умный Н. П. Румянцовъ, котораго императрица тоже спрашивала о немъ, отозвался, что «у него *блестящій*, но не здравый умъ (un bel esprit, mais non pas un bon esprit)».

Гриммъ, привыкши къ тому, что всѣ искательства, всѣ переговоры и порученія за границей шли черезъ него, нѣсколько обиженнымъ тономъ писалъ отъ 21 октября 1791 года:

«Всѣ меня спрашиваютъ, правда ли, что г. Сенакъ де Мельянъ, валансьенскій эксъ-интендантъ, путешествовавшій съ начала революціи по Италіи, перешелъ на службу къ вашему величеству исторіографомъ съ пятью тысячами рублей жалованья. Я отвѣчаю, что ничего объ этомъ не знаю, но во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ должность весьма пустую, потому что императрица сама уже 29 лѣтъ пишетъ свою исторію, не портя ни перьевъ, ни бумаги. Меня спрашиваютъ, не на мѣди ли она пишетъ. Я отвѣчаю, что мнѣ это неизвѣстно, но полагаю, что рѣзецъ, который она употребляетъ, начертываетъ навѣки. Очень непріятно, когда васъ безпрестанно спрашиваютъ, а вамъ постоянно приходится отвѣчать: не знаю» [1]).

Императрица отвѣчала: «Г. Сенакъ де Мельянъ предложилъ пріѣхать сюда, какъ литераторъ, желая заниматься исторіей. До сихъ поръ онъ у меня не на службѣ, но это человѣкъ весьма пріятный въ разговорахъ. Я полагаю, что онъ теперь занимается планомъ своей исторіи» [2]).

Сначала государыня ожидала успѣха въ предпріятіи Сенакъ де Мельяна, много съ нимъ бесѣдовала, наставляла его и переписывалась съ нимъ; но скоро разочаровалась въ немъ и уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, въ сентябрѣ того же года, писала: «Онъ очень плохого здоровья и я нахожу въ немъ гораздо болѣе хотѣнья чѣмъ умѣнья: онъ весьма велерѣчивъ, но высказываетъ весьма мало. Если онъ напишетъ исторію, на что

---

[1]) Письма Гримма, 366.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 546.

я надѣюсь, то она будетъ въ томъ же родѣ. У насъ было съ нимъ два, три разговора: онъ любитъ поучать и когда начинаетъ говорить, то слушающій его уже напередъ знаетъ все, что онъ скажетъ. Кромѣ того онъ, какъ и всѣ его друзья, самъ не увѣренъ, что онъ такое: демагогъ или роялистъ, согласно своей прежней должности, но я думаю это все равно. Онъ пишетъ хорошенькіе стишки. Недѣль шесть или два мѣсяца тому назадъ онъ уѣхалъ отсюда черезъ Москву: тамошніе архивные ученые пришли въ негодованіе отъ его легкомыслія, и вообще я никогда не видѣла человѣка, который менѣе его сумѣлъ здѣсь понравиться. Говорятъ, онъ въ Москвѣ сказалъ, что въ Россіи видишь только бороды да ленты, и что почетнѣе не имѣть ленты, чѣмъ имѣть ее. Судите сами поэтому, могъ ли онъ понравиться? Онъ здѣсь посѣщалъ только общество г-жи Щербининой, съ которой всѣ женщины прекратили знакомство. Это дочь княгини Дашковой, но она ведетъ такую жизнь, что мать и слышать о ней не хочетъ. Въ Москвѣ онъ разсказывалъ, что только у нея собирается хорошее общество; говорятъ однако, что частехонько онъ засыпалъ у нея на креслахъ. Вы когда-нибудь узнаете, зачѣмъ я приглашала г. де-Мельяна. Онъ оказался, однако, ниже моихъ ожиданій, но довольно объ этомъ, и прошу не болтать: это про васъ однихъ» [1]).

Черезъ годъ послѣ того, въ августѣ 1792 года: «Сенакъ де Мельянъ все еще сохраняетъ добрую волю высказать наилучшія вещи, но не всегда онѣ въ его распораженіи, а такъ какъ онъ всегда желаетъ поучать своихъ слушателей, то они по большей части слушаютъ его разиня ротъ, но ничего не услышатъ необыкновеннаго, или такого, что бы не знали уже. Совершенно вѣрно, что онъ самъ не знаетъ, какого онъ цвѣта. Никогда ему не предлагали чина тайнаго совѣтника: онъ предлагалъ себя въ исторіографы, чего ему запретить нельзя было, но я старалась постоянно отклонить его отъ этого, безпрестанно повторяя ему,

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 553, 554.

что нельзя писать исторію страны, когда не знаешь ни языка ея, ни обычаевъ. Что касается до сравненія меня съ храмомъ св. Петра [1]), скажу объ этомъ, вмѣстѣ съ оберъ-шталмейстромъ Нарышкинымъ, что оно не стоитъ и десяти копеекъ» [2]).

Уѣхавъ въ Германію, Сенакъ де Мельянъ все еще думалъ заняться русской исторіей: онъ даже написалъ и прислалъ введеніе въ эту исторію, и потомъ письмомъ изъ Гамбурга къ графу Зубову спрашивалъ о немъ мнѣнія императрицы. На это собственноручно замѣчено Екатериной въ выноскѣ: «Я читаю и начала́ дѣлать примѣчанія на его сочиненіе». Такъ какъ въ концѣ письма Сенака было сказано въ P. S: «Боюсь, что въ сочиненіе, которое я имѣлъ честь послать императрицѣ, вкралось, по винѣ писца, много ошибокъ», то государыня внизу сдѣлала примѣчаніе: «Ихъ слишкомъ много для печати».

Вѣроятно, объ этомъ-то введеніи императрица писала отъ 3-го апрѣля 1794 года: «Мельянъ прислалъ мнѣ великолѣпную вступительную рѣчь о русской исторіи, для которой онъ ѣздилъ отыскивать матеріалы въ библіотекѣ принца Генриха. Послѣдній считаетъ его *ученымъ*. А я его считаю невѣждой, потому что человѣкъ этотъ убивается надъ тѣмъ, чтобъ написать исторію страны, которой языка онъ вовсе не знаетъ, и потому онъ спотыкается на каждомъ шагу. Я сама убивалась надъ тѣмъ, чтобъ объяснить ему это самымъ учтивымъ образомъ, но вѣдь мы признаёмъ себя геніемъ, тогда какъ ничего геніальнаго въ насъ нѣтъ. Когда онъ раскроетъ ротъ, подумаешь, что онъ станетъ говорить самыя превосходныя вещи въ мірѣ; но это ожиданіе напрасно: ничего прекраснаго не выходитъ, а только самое обыкновенное, или что-нибудь возлѣ да около предмета. За то въ концѣ концовъ онъ очень скученъ и съ безконечными претензіями, силясь все объяснять съ педантической точностью и считая себя первымъ

[1]) Брошюра, въ которой Сенакъ сравниваетъ Екатерину съ храмомъ св. Петра въ Римѣ, озаглавлена: *La comparaison de S. Pierre de Rome avec Catherine II* и напечатана въ его Oeuvres philosophiques et littéraires.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 572

человѣкомъ своего времени. Онъ хотѣлъ сдѣлаться здѣсь министромъ финансовъ, почитая себя свѣдущимъ по этой части для Россіи, потому что былъ интендантомъ во Франціи. Потомъ онъ просилъ мѣста посланника въ Константинополѣ, говоря что ему нравятся турецкіе диваны и турецкій образъ жизни. На это я отвѣчала ему, что могу поставить на это мѣсто только Русскаго греческой вѣры. Потомъ онъ отправился къ Потемкину въ армію, гдѣ онъ вздумалъ давать ему совѣты по военному дѣлу, отчего тотъ сильно зѣвалъ» [1]).

Отъ 6 апрѣля 1795 г. государыня говоритъ Гримму: «Я сказала вамъ все что думала о прелестномъ человѣкѣ, который во что бы ни стало хочетъ писать исторію Россіи въ воображеніи, точно такъ какъ принцъ Генрихъ (который съ ума сходитъ по этомъ человѣкѣ) управлялъ Пруссіей при своемъ братѣ и своемъ племянникѣ» [2]).

Въ сентябрѣ 1795-го года императрица спрашиваетъ: «Скажите-ка мнѣ пожалуйста, что заставило Мельяна покинуть Рейнсбергъ? Когда-то герой (т. е. принцъ Генрихъ) былъ имъ весьма очарованъ, хотя, по правдѣ сказать, восхищаться было нечѣмъ» [3]). А въ маѣ 1796-го года, получивъ вѣроятно отъ Гримма объясненіе на этотъ вопросъ, она говоритъ: «Исторія Мельяна въ Рейнсбергѣ, а стало-быть историческая сторона двора гражданина Генриха Рейнсбергскаго, очень меня позабавила. Этотъ гражданинъ всегда на ходуляхъ» [4]).

Продолженіе французской революціи. 1792 и 1793 годы.

Отъ 4-го апрѣля 1792 г. Екатерина дѣлаетъ обзоръ европейскимъ событіямъ и возвращается къ впечатлѣніямъ, производимымъ на нее извѣстіями о ходѣ революціи: «Я въ восторгѣ, что вы еще въ состояніи шутить; что до меня касается, то я боюсь одуреть отъ всѣхъ потрясающихъ нервы событій, каковы напр.:

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 602. [2]) Стр. 622. [3]) Стр. 653.
[4]) Стр. 674.

неожиданная смерть императора [1]), убійство короля Шведскаго, развязка событій ежедневно ожидаемыхъ въ Франціи, да еще и бѣдная королева Португальская вздумала сойти съ ума. Правда, что она внучка Филиппа V, и кажется, это наслѣдственно въ Анжуйскомъ домѣ. Ну да это простительно, вѣдь тутъ ужъ никто не виноватъ! Но чего нельзя простить, такъ это предательства дома Орлеанскаго, перешедшаго въ ряды бѣшеныхъ и орудующаго стало-быть всѣми совершающимися ужасами, въ которыхъ онъ принимаетъ участіе; и какая была нужда этому скверному Филиппу Капету посылать дочь свою въ Англію, чтобъ она тамъ научилась скверпѣйшему ремеслу» [2]).

Отъ 14 апрѣля: «Послушайте-ка, якобинцы печатаютъ и объявляютъ на всѣ стороны, что собираются убить меня и поспѣшили отправить съ этою цѣлью трехъ или четырехъ человѣкъ, которыхъ примѣты мнѣ отовсюду присылаютъ. Я полагаю, что еслибъ они въ самомъ дѣлѣ замышляли такое дѣло, то такъ не распространяли бы слухъ о немъ, чтобъ онъ дошелъ до меня. Въ Варшавѣ Маззей держалъ пари, что 3-го мая меня не будетъ въ живыхъ, а меръ Петіонъ, говорятъ, увѣрялъ, что 1-го іюня меня уже не будетъ на этомъ свѣтѣ. Я по совѣсти нахожу, что должна вамъ заявить эти слухи, чтобъ вы узнавали въ эти дни, жива ли я. Какъ только будетъ можно, я постараюсь проучить негодяевъ за такія рѣчи. Въ концѣ XVIII столѣтія, кажется, считается заслугою убивать людей изъ-за угла, и потомъ меня увѣряютъ, будто бы Вольтеръ это проповѣдывалъ. Вотъ какъ смѣютъ клеветать на людей!... Странно, что во всемъ этомъ дѣлѣ всѣ дворы слѣдуютъ внушеніямъ и направленію короля и королевы Французскихъ, которые во всемъ своемъ поведеніи показали полное неумѣнье держать себя; я знаю, отчего это происходитъ, но причина и побужденія именно мнѣ и не нравятся. Если принцъ Нассаускій взялъ г-на де Бюэль себѣ въ адъютанты, то пусть онъ носитъ русскій мундиръ» [3]).

---

[1]) Леопольда Австрійскаго.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 564. [3]) Стр. 565.

«Царское Село, 9-го мая, Николинъ день.

«Я вчера получила извѣстіе, что при первомъ столкновеніи въ Монсѣ, французская сволочь была хорошо встрѣчена австрійскимъ войскомъ. Я очень этимъ довольна, только удары могутъ исцѣлить этихъ сумасбродовъ. Всего лучше то, что они со всѣми перессорились: такъ скорѣе наступитъ развязка; я бы желала, чтобъ они предприняли нападеніе на Остенде и Голландію. Тогда Англичане живо вышли бы изъ своего нейтралитета. Всего страннѣе, что они объявляютъ войну тѣмъ, кто имъ показываетъ снисхожденіе: кажется, что скоро этого не миновать королю Сардинскому. Богъ свидѣтель, что я ихъ не ублажала: никто откровеннѣе меня не высказывался на ихъ счетъ. Еслибъ всѣ слѣдовали съ ними той же методѣ, они были бы менѣе нахальны. Они желали бы запугать весь міръ, а сами трусятъ до смерти, потому что совѣсть говоритъ имъ, что они втайнѣ злодѣи, погрязшіе во всевозможныхъ преступленіяхъ... Вы услышите о насъ, и дѣла Франціи не будетъ забыты. Но я шагу не сдѣлаю безъ тѣхъ, кого мы взяли подъ свое покровительство [1]), и безъ этого французскаго дворянства, которое буду поддерживать изо всѣхъ силъ.... Вотъ подождите, когда Французы будутъ хорошенько побиты, смѣшенію языковъ и возрожденію настанетъ конецъ. Сосѣди... сосѣди положатъ этому предѣлъ. Они въ восторгѣ отъ такого благопріятнаго случая: давно они о подобномъ и не мечтали, ужъ если говорить на чистоту... На все, что вы мнѣ сообщаете о баронѣ Бретэлѣ и о планахъ, которые ему приписываютъ, я отвѣчу въ свою очередь вотъ что: — такъ какъ всѣ новѣйшія шарлатанства только привели Францію къ погибели, то, по моему мнѣнію, всякая другая форма, кромѣ старой, только увеличитъ смуту. Но изъ этой старой формы слѣдовало бы вытащить тѣ гвозди, которые наносятъ раны политическому тѣлу, и это надо сдѣлать, соблюдая мѣру, осторожность и мудрость. Къ несчастію, между нами сказать, зло кроется въ Тюильри и нигдѣ болѣе. Что значитъ

[1]) Принцевъ — братьевъ короля.

этотъ образъ дѣйствій двойственный, тройственный, четверной, эти письма, то утверждающія, то отрицающія? Чего хотятъ, чего не хотятъ, не узнаешь, и никто, точно такъ же, какъ и я сама, ничего тутъ понять не можетъ. Мужъ говоритъ одно, жена другое; то онъ соглашается съ своей сожительницей, то грубо ей противорѣчитъ. Берегите это про себя, но это доказанная истина.

«Вы говорите, что надо все прощать несчастью. Ну, такъ простимъ имъ это, лишь бы они исправились» [1]).

Въ письмѣ отъ 4-го іюня императрица между прочимъ говоритъ, что она «пугало для якобинцевъ» [2]).

О нежеланіи своемъ вступить въ союзъ съ Пруссіей для возстановленія порядка во Франціи, Екатерина отзывалась такъ: «Вы говорите мнѣ, что Пруссаки увѣряютъ будто русскій корпусъ вступитъ въ Силезію, чтобъ двинуться на Рейнъ. Но высокіе союзники вовсе не желаютъ этого корпуса, а вмѣсто того просятъ денегъ. Покойный король Шведскій и я помышляли о томъ, чтобъ дѣйствовать. Испанія обѣщала намъ денегъ, но со смертью его она денегъ не даетъ, а регентъ плохо исполняетъ пункты завѣщанія своего брата. По этой причинѣ мы выступимъ не скоро. Однакоже я конечно не покину внуковъ Генриха IV; да и отъ нихъ ожидаю, что, разъ вступивъ во Францію, они будутъ вести себя какъ достойные представители своего рода. Дѣла́ нѣсколько измѣнились со времени объявленія войны Франціей Австрійскому Дому; я союзница послѣдняго и концертъ выходитъ ужъ не тотъ» [3]).

Государыня во все время смутъ во Франціи сохраняла убѣжденіе, что возстановить эту страну могутъ только сами Французы, т. е. младшіе братья короля и эмигранты, если захотятъ дѣйствовать согласно и опираться другъ на друга, а никакъ не внѣшняя сила чужихъ армій, которыхъ доброжелательность была болѣе чѣмъ сомнительна. Только на этомъ основаніи давала она свою

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 565, 566, 567.
[2]) Стр. 569. [3]) Стр. 570, 571.

помощь и поддержку. Потому, когда присланъ былъ изъ Франціи для переговоровъ съ нею маркизъ де Бомбель, она писала отъ 14 августа: «Мнѣ вовсе не нужно этого интригана и злого сплетника Бомбеля, бывшаго посланникомъ Французскаго короля, а теперь чиновника барона Бретэля, котораго наихристіаннѣйшій король то признавалъ, то отъ него отрекался, какъ и отъ многихъ интригановъ. Такимъ образомъ его величество и королева, его супруга, только роняютъ себя, употребляя этихъ двойственныхъ и тройственныхъ уполномоченныхъ — выразителей ихъ воли или неодобренія, а когда посильнѣе прижмешь названныя величества по поводу такихъ дурныхъ средствъ, ими избираемыхъ, они извиняются тѣмъ, что у нихъ нѣтъ совѣтниковъ и что ихъ заставляютъ дѣлать многое противъ воли. Но если у нихъ нѣтъ совѣтниковъ, то болѣе чѣмъ когда-нибудь они должны бы были дѣйствовать неуклонно, честно, открыто и прямодушно, и этою непоколебимою и твердою прямотою они наконецъ выпутались бы изъ бѣды. Но конечно не тѣмъ они спасутся, что двадцать разъ на день себѣ противорѣчатъ: удивительно, какъ часто людямъ недостаетъ правилъ въ жизни. Чему же обучали этихъ людей въ дѣтствѣ? Александръ, будучи еще ребенкомъ, говорилъ своей нянѣ: «я люблю книжки, которыя даетъ мнѣ бабушка, потому что изъ нихъ я узнаю, какъ я долженъ себя вести»; оттого мой Александръ знаетъ съ чего начать и послѣдователенъ во всемъ, что онъ дѣлаетъ. Я полагаю, что кавалеръ Бельзэнсъ привезъ Бомбелю приказаніе сблизиться съ графомъ Эстергази, потому что я наотрѣзъ объявила, что всѣ эти дѣленія на партіи могутъ только вредить благу и пользамъ короля, и высказала ему, что я сильно предана партіи принцевъ, которая представляетъ авторитетъ королевской власти, религіи, дворянства, парламента. Итакъ они, потерявъ надежду поколебать мое мнѣніе, начали здѣсь ухаживать за тѣми, кому прежде старались вездѣ вредить, особенно же въ Вѣнѣ и Берлинѣ. Недавно еще довели до моего свѣдѣнія, что король Французскій скорѣе готовъ броситься въ объятія якобинцевъ, чѣмъ попасть въ руки своихъ

братьевъ. Что сказать послѣ всего этого и удивляться ли тому, что все перевернуто вверхъ дномъ? Тутъ на цѣлые десятки лѣтъ ошибокъ, паденій и новыхъ паденій, такъ что можетъ-быть ни вы, ни я тому конца не увидимъ. Не хотятъ, чтобъ партія принцевъ подняла голову! Такъ сильно боятся этой партіи, что не хотятъ, чтобъ она соединила всѣ свои силы; ихъ разъединяютъ на мелкія партіи. А дали бы имъ только войти во Францію; по всей вѣроятности, если только эти принцы сознаютъ, какая кровь течетъ въ ихъ жилахъ, они одни совладаютъ съ положеніемъ. Австрійцы не много сдѣлаютъ, Пруссаки утомятся, изнурятся, а Французы останутся во Франціи, благодаря правотѣ дѣла, которое защищаютъ. Составивъ себѣ партію, они восторжествуютъ, если только будутъ вести себя какъ слѣдуетъ. А для этого нужны четыре или пять снадобьевъ, которыя не такъ трудно соединить: мужество, твердость, великодушіе, благоразуміе и здравое понятіе какъ и гдѣ примѣнять эти свойства» [1]).

«Этотъ самый курьеръ отвезетъ вашему святому (Румянцову) приказъ присоединиться къ внукамъ Генриха IV; надѣюсь, что онъ не будетъ имъ безполезенъ. Самое лучшее то, что теперь они вѣроятно вернулись во Францію; еслибъ я была возлѣ нихъ, какъ бы я ихъ подвигла на великія дѣла съ небольшими средствами! Вѣнское министерство такъ мало ихъ любитъ, что когда увидитъ какъ они быстро шагаютъ, то заключитъ миръ какой бы то ни было. Что касается Прусскаго короля и принца Брауншвейгскаго, это другое дѣло. Если я не всегда имѣла случай быть довольной послѣднимъ, я не переставала цѣнить его достоинства... Я нахожу его манифестъ энергическимъ и яснымъ; вотъ какъ надо разговаривать, особливо съ негодяями, когда они позволяютъ себѣ пускаться въ разсужденія; я не люблю, чтобъ съ ними разговарпвали съ кашей во рту, какъ правительство Нидерландовъ» [2]).

Не одинъ Гриммъ, но и сама императрица были убѣждены.

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 572, 573.

[2]) Стр. 574, 575.

что Англія заодно съ Пруссіей поощряетъ революцію во Франціи. Это видно изъ слѣдующихъ ея словъ: «Вы хотѣли вмѣшать вашего св. Николая даже въ составленіе манифеста, сочиненнаго въ Майнцѣ; но развѣ вы не видите, что очень рады насъ удалить отъ этого, потому что боятся, что тогда дѣло кончится скорѣе и нѣсколько иначе, чѣмъ дѣльцы двухъ дворовъ этого хотятъ. Когда я говорю *дѣльцы*, я хорошо знаю кого разумѣю». И далѣе: «Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія вмѣшивается по-своему посредствомъ тайныхъ пропсковъ въ эти отвратительныя дѣла во Франціи; все это вмѣстѣ производитъ такую путаницу, что ничего не разберешь... Я же никогда не говорила съ кашей во рту о тѣхъ негодяяхъ, которые губятъ Францію; поэтому я не мало способствовала тому, что и Европа какъ будто приняла взгляды нѣсколько противоположные образу мыслей этихъ разбойниковъ... Сегодня пришло извѣстіе, требующее еще подтвержденія: оно говоритъ, что національная гвардія выпроводила короля въ Компіень» [1]).

О неудачѣ прусскихъ войскъ въ Шампани Гриммъ писалъ отъ $^{16}/_{27}$ октября 1793 года: «Принцъ Кобургскій сознается, что его войска дрались двое сутокъ безъ передышки и не принимая пищи, потому что непріятель не переставалъ замѣнять нападавшихъ новыми, свѣжими силами. Ваше величество видите, что я долженъ требовать отъ своего полуфаворита строгаго отчета въ этомъ дѣлѣ, которое я считаю роковымъ, такъ же какъ и всю компанію съ той минуты, какъ злополучная осада Дюнкирхена остановила его прежде славныя дѣйствія. Я все еще сплюсь смиренно представлять коронованнымъ иноходцамъ, если таковые есть, что сжели все шарлатанство ихъ знаменитыхъ смотровъ, маневровъ, ученыхъ эволюцій, вся торжественность ихъ карауловъ не доставляютъ имъ болѣе вѣрныхъ и рѣшительныхъ успѣховъ противъ арміи, въ которой уничтожена всякая дисциплина, — арміи, составленной изъ грубыхъ и непослушныхъ солдатъ и пестраго сброда

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 575

мужиковъ и мѣщанъ подъ командой пивоваровъ, мясниковъ и сапожниковъ, то право игра не стóитъ свѣчъ».

На это императрица отвѣчала отъ 31-го октября: «Но что же это за ужасъ, какой срамъ потерпѣлъ этотъ герцогъ Брауншвейгскій! Теперь эта безплодная Шампань удобрится навозомъ, который они тамъ оставили! Ахъ, Боже мой! Боже мой! до чего оба двоюродные братца дурно повели и свои дѣла и чужія! Но жалобы ничему не помогутъ: лучше постарайтесь о томъ, чтобъ они впредь дѣйствовали умнѣе. Вы должны быть въ отчаяніи, потому что вотъ теперь всѣ ваши любимые германскіе принцы, или большая часть изъ нихъ бѣжали или разорены, или покинули свои домы. Но что же это наконецъ будетъ? Я смертельно боюсь за свои письма: да бросьте же ихъ разъ навсегда въ огонь. Еслибъ я знала гдѣ отыскать ихъ, я бы сама послала ихъ сжечь, вопреки вашему желанію. А эта драгоцѣнная золотая булла—палладіумъ Германіи! Дрянной Кюстинъ захватилъ ее. Да еслибъ только это была единственная бѣда, но вѣдь три курфиршества заняты! И что же это за Донъ-Кишоты германскіе? Они разоряются на содержаніе войскъ, надрываются надъ ихъ обученіемъ, а когда ихъ надо пустить въ дѣло, то августѣйшія высочества обращаются въ бѣгство вмѣстѣ съ войскомъ или безъ него. Приведите же это въ порядокъ, вы, который теперь находитесь въ своемъ центрѣ [1]), и скажите имъ, что на войнѣ кто не бьетъ, тотъ побитъ. Слышите ли, я хочу чтобъ вы имъ это сказали; тогда они увидятъ, что вы и я умные люди.

Не говорю уже о несчастномъ королѣ, заключенномъ въ Тамплѣ; было бы всего счастливѣе для него, когда бы его тамъ совсѣмъ забыли; но я очень боюсь, что этого не будетъ, развѣ совершится чудо... А эти бѣдные принцы, братья короля, и эти эмигранты, что съ ними будетъ? я все о нихъ думаю и о средствахъ загладить стыдъ и позоръ высокихъ союзниковъ, или по

---

[1]) Гриммъ тогда находился въ Готѣ

крайней мѣрѣ двухъ кузеновъ. Но тамъ такое множество дѣльцовъ, что голосъ разума никогда не будетъ услышанъ» [1]).

7 декабря 1792 г., отвѣчая на письмо Гримма съ поздравленіями по случаю приближающагося новаго года, начинавшееся разсужденіемъ о новомъ и старомъ стилѣ, императрица говоритъ, что она любитъ свой старый календарь, какъ «принадлежащій греческой церкви, — апостольской» и еще потому, что болѣе чѣмъ когда-либо ненавидитъ новое. Называя этотъ годъ—годомъ неудачъ, она прибавляетъ: «Прошу васъ извѣстить меня, гдѣ вы находитесь, и такъ какъ вы бѣжали, преслѣдуемые Кюстинами и Дюмурье, не вздумаете ли вы въ одинъ прекрасный день, согласно усердной моей просьбѣ, бросить въ огонь мои письма? Я не желаю, чтобъ они попали въ руки демоновъ, которые, какъ вы видите, умѣютъ итти впередъ, несмотря на дожди, грязь и недостатокъ провіанта и фуража, тогда какъ наши *размѣренные* (compassés) не доходятъ туда, гдѣ бы имъ слѣдовало быть. Я также весьма радуюсь, что разбойники отказываются войти въ переговоры, которые съ такимъ умомъ и достоинствомъ предлагаетъ имъ донъ Альбертъ; увѣряю васъ, я до того зла на нѣкоторыхъ людей, что охотно бы ихъ поколотила. Съ такимъ расположеніемъ, вы понимаете, что вѣсти о смертяхъ Жиллэ, Рюльеровъ, Фальконетовъ почти не были мною замѣчены. Меня однако огорчила смерть г. Монмореня. Но, Боже, что́ я вижу! Вы изъ осторожности пристроили мои письма во Франкфуртѣ у банкира; стало быть г. Кюстинъ, если только догадался, овладѣлъ ими и упряталъ въ свой мѣшокъ, потому что онъ завладѣлъ франкфуртскими банкирами. Развѣ только какое-нибудь потаенное дно спасетъ ихъ. Повторяю вамъ, бросьте же все это въ огонь, если оно когда-нибудь возвратится въ ваши руки. Это ужъ ни на что болѣе не годно и никто въ мірѣ этимъ дорожить не станетъ; повѣрьте мнѣ и сдѣлайте то, что́ я вамъ говорю» [2]).

Подсмѣиваясь опять надъ храбростью нѣмецкихъ принцевъ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 578. [2]) Стр. 579.

Екатерина въ томъ же письмѣ прибавляетъ: «Но кстати, скажите мнѣ, что дѣлаетъ прелестный вашъ, въ нѣкоторомъ родѣ, ученикъ, знаменитый ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій со своими 4000 войска въ Гисенѣ, оставаясь нейтральнымъ противъ Французовъ изъ собственной выгоды? Право, только въ Германіи можно встрѣтить образцы подобнаго неразумія! Этотъ сумасшедшій не могъ ничего лучшаго сдѣлать, какъ драться на смерть въ своихъ выгодахъ; но вовсе нѣтъ! Онъ и его войска умираютъ со страху въ Гисенѣ: вотъ такъ достойный герой нашей современности!...

«А принцъ Изембургъ, военный министръ курфирста Баварскаго, у котораго вы услышите самую ученую въ Германіи музыку, можетъ разсказать вамъ, какъ его высочество, выйдя полковникомъ въ отставку изъ нашей службы, гдѣ онъ слылъ трусомъ, пишетъ мнѣ тому назадъ два мѣсяца, что желалъ бы возвратиться къ намъ генералъ-аншефомъ, на что я очень учтиво отвѣчала, что такъ какъ у насъ нынче миръ, а германской имперіи угрожаетъ война, то я не хочу лишать родину его высочества столь знаменитыхъ талантовъ и славы, ихъ ожидающей... Я очень рада, если вы убѣждены въ томъ, что я прямо вижу и понимаю обстоятельства этого времени, но несмотря на то, я проповѣдую глухимъ; всякій думаетъ, что онъ судитъ лучше меня. Спросите у своего св. Николая: онъ скажетъ вамъ, что меня никто не слушаетъ, хотя я и говорю наилучшія въ мірѣ вещи...

«Слушай, многострадальный, я всѣ эти дни столько писала о дѣлахъ нашего времени, что тебѣ болѣе не скажу ни слова. Дай Богъ, чтобъ меня послушались, но къ несчастію многія головы не стоятъ на высотѣ обстоятельствъ и своего призванія» [1]).

Наконецъ наступила кровавая развязка ужасныхъ событій, потрясавшихъ Францію: совершилась казнь короля и вотъ какъ отозвалась Екатерина объ этой катастрофѣ:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 580, 581.

13 апрѣля 1793: «Событія въ послѣднее время такъ быстро, такъ стремительно слѣдовали одно за другимъ, что я за ними не поспѣваю и ни на что времени не хватаетъ: вотъ отчего вы получили этотъ клочекъ бумаги, на которомъ не наберется столько строкъ, сколько я обыкновенно пишу вамъ страницъ или листовъ. Послушайте, до сихъ поръ были примѣры, что государства переходили въ женскія руки, но никогда еще, сколько я знаю, не было примѣра, чтобъ они попадали въ руки разбойниковъ. Это прекрасное зрѣлище досталось на долю XVIII вѣка, который нѣкогда хвалился тѣмъ, что онъ самый мягкій, самый просвѣщенный между всѣми вѣками, и этотъ-то вѣкъ породилъ звѣрскія души, да еще среди самаго прославленнаго изъ всѣхъ извѣстныхъ городовъ! Фуй, что за изверги! Прекрасно слово ирландскаго священника, сказавшаго Людовику XVI: «Сынъ святого Людовика, гряди на небо!» Помните ли, вы мнѣ когда-то говорили, что видѣли отъ людей одно добро, а я вамъ отвѣчала: — Въ какомъ же тѣсномъ кружкѣ жили вы до сихъ поръ?

«Знаете ли вы, что происходитъ на нашихъ глазахъ во Франціи? Галлы силятся изгнать Франковъ, но вы увидите, Франки опять вернутся, и дикіе звѣри, такъ жадно пьющіе кровь человѣческую, будутъ или истреблены или принуждены скрываться гдѣ попало. Я же велѣла у себя привести къ присягѣ всѣхъ тѣхъ, кто не хочетъ быть изгнаннымъ изъ Россіи, и представьте что случилось: всѣ присягнувшіе оказались ревностными роялистами. Беру въ свидѣтели графа д'Артуа, который живетъ здѣсь вотъ уже пять недѣль. Съ нимъ всѣ здѣсь обращались какъ съ королевскимъ сыномъ и онъ ѣдетъ завтра, кажется довольный своимъ пребываніемъ у насъ: по крайней мѣрѣ онъ могъ видѣть, что всѣ старались облегчить его несчастное положеніе, а не подбавлять къ нему горечи, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ жестоко тщились ихъ къ тому пріучить. Наконецъ, я надѣюсь, что онъ отдастъ справедливость нашему честному и прямому образу дѣйствій. Я нашла этого принца такимъ, какимъ желала его видѣть: онъ одаренъ яснымъ пониманіемъ, душою возвышенною, сердцемъ добрымъ.

Какихъ имъ еще нужно принцевъ? Епископъ Аррасскій умный человѣкъ и съ нимъ пріятно вести бесѣду. Касательно вашихъ проектовъ можно сказать, что мысли умныхъ людей сходятся. Придетъ пора, и эмигранты соединятся съ принцами: тамъ ихъ мѣсто. Мы получили извѣстіе объ отступленіи Дюмурье; отчего онъ этого не сдѣлалъ на мельницѣ Вальми? Король былъ бы теперь живъ; если онъ тогда предлагалъ это, а этотъ проклятый герцогъ Брауншвейгскій не воспользовался предложеніемъ, то онъ дѣйствительно очень виноватъ. Я передала ваше письмо графу д'Артуа...» [1]).

Отъ 22 апрѣля 1793: «Графъ д'Артуа уѣхалъ отсюда въ Ревель съ недѣлю тому назадъ на прекрасномъ фрегатѣ, который перенесетъ его въ Гуллъ въ Англіи, или во всякую другую гавань, гдѣ онъ вздумаетъ пристать, въ Англіи ли или въ Голландіи. Онъ знаетъ о пораженіи Дюмурье и его отступленіи къ князю, ученику Суворова-Рымникскаго, къ тому Іосіи Кобургскому [2]), который одинъ что-нибудь дѣлаетъ; у него на роду написано, что ему облегчаютъ побѣды, а это не всякому дается. Но я люблю манифесты его в. Они обнаруживаютъ намъ зрителямъ планы, которые не совсѣмъ-то прямо ведутъ къ миру, а напротивъ обѣщаютъ продолженіе смутъ, для того, чтобъ въ мутной водѣ ловить рыбу. Что касается принца д'Артуа и епископа Аррасскаго и пр., они казалось были очень довольны пріемомъ и пребываніемъ въ Россіи. Принцъ д'Артуа любитъ меня какъ родную мать; всѣ были очень имъ довольны. У этого принца предоброе сердце, ясное пониманіе вещей и прямой, здравый смыслъ. Онъ охотно выслушиваетъ хорошіе совѣты и охотно слѣдуетъ имъ.

Я предполагаю въ немъ храбрость и рѣшимость. Епископъ Аррасскій хорошая и умная голова; я бы желала видѣть около принца д'Артуа опытнаго и дѣльнаго военнаго. Наконецъ надо

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 581, 582.

[2]) Принцъ Фридрихъ Іосія Кобургскій, отличившійся во вторую турецкую войну, командовалъ теперь австрійскими войсками и одержалъ при Первинденѣ въ Бельгіи побѣду надъ Дюмурье.

быть весьма разборчивымъ, если отыскивать что-либо лучше этого. Въ должности генералъ-лейтенанта королевства, когда онъ разъ возвратится къ дѣлу, онъ навѣрное сумѣетъ себя показать. Несчастіе великій учитель, и право, я полагаю, что и Генрихъ IV не болѣе его смыслилъ. Великія дѣла совершаются съ помощью четырехъ, пяти аксіомъ: если онъ будетъ ихъ придерживаться, то будетъ имѣть успѣхъ. Здѣшніе Французы, очищенные присягой, выказали ему такія чувства, какія слѣдовало» [1]).

Отъ 28 іюня 1793 года государыня писала: «Вы мнѣ дѣлаете премплые упреки и прилагаете ко мнѣ прелестный эпитетъ великой мастерицы на колкія рѣчи, потомъ говорите, что я придѣпляюсь къ мелочамъ и позволяю себѣ скользить по поводу главнаго предмета. Вотъ въ самомъ дѣлѣ превосходныя истины. Но ужъ если такъ, то я васъ обвиню въ принадлежности къ якобинцамъ. Вспомните-ка маскарадъ въ Петергофѣ, когда оба сѣверные тирана встрѣтились съ философомъ, какіе они ему пропѣли грубости? Но ладно, ладно, не взирая на наши тиранскіе недостатки, болѣе чѣмъ когда-нибудь міръ въ насъ нуждается: посмотрите же, какимъ образомъ распоряжаются безъ насъ. Графъ Панинъ, который произносилъ въ носъ, прибавляя къ каждой остановкѣ: гм, гм, говорпвалъ: «*Короли, короли, это необходимое зло, безъ котораго никакъ не обойтись!*» А когда ему жаловались, что то или другое идетъ не такъ какъ бы хотѣлось, онъ возражалъ мнѣ: «*На что вы жалуетесь? Если бъ все на свѣтѣ шло или могло итти наилучшимъ образомъ, тогда бы васъ совсѣмъ и не нужно было*». Ну, развѣ теперешняя Франція или Галлія этого не доказываетъ? А когда я говорю Галлія, я очень себя понимаю, потому что кто не видитъ (любимое выраженіе Лафатера), что изгнавъ дворянство изъ Франціи, Галлы изгнали своихъ побѣдителей Франковъ? Одинъ изъ критиковъ Лафатера, которому надоѣло безпрестанно повторяющееся восклицаніе: «Кто жъ не видитъ, что у него на носу то и то», отвѣчаетъ ему: — *Да вотъ я не*

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 582, 583.

вижу. — Заранѣе прощаю вамъ, если вы мнѣ сдѣлаете тотъ же отвѣтъ на эту страницу во вкусѣ Пиндара» [1]).

О несогласномъ дѣйствіи западныхъ державъ въ подавленіи ужасовъ революціи и о соблюденіи ими своихъ личныхъ корыстныхъ расчетовъ Екатерина говоритъ въ этомъ же письмѣ: «Да будутъ прокляты жалкіе иноходцы (Passgänger), которые ничего не замышляютъ кромѣ грязныхъ дѣлъ, разоряются и преслѣдуютъ только грязныя цѣли. Ничто нейдетъ толкомъ съ этими бездѣльниками, которые принимаютъ истину за нелѣпость, а нелѣпость за истину. Ну вотъ, милостивый государь, примѣръ конференціи въ Тарговицѣ поразилъ только ваше превосходительство, другіе продолжали итти избитымъ путемъ; посмотримъ что они сдѣлаютъ; но если ужъ я должна быть замѣшана въ дѣло, то конечно не пущусь по пути глупостей. Я старалась приготовиться, отсылая д'Артуа въ Англію: ужъ онъ не рѣшился бы на высадку во Францію безъ меня [2]) и можетъ-быть намъ удалось бы прекратить сумятицу. Но въ Англіи, подъ предлогомъ долговъ, отклонили это и отправили принца въ Гамъ! Ни тамъ и нигдѣ не желаютъ того, что можетъ положить конецъ смутамъ, а между тѣмъ вездѣ жалуются на двойные и тройные расходы, а все оттого, что не принимаютъ такихъ мѣръ, которыя могли бы прямо вести къ развязкѣ. Однимъ словомъ, это путаница политики и противорѣчій, которыхъ плачевныя послѣдствія у васъ на глазахъ. Всѣ желаютъ мира, а заключать его не съ кѣмъ, и никто не принимаетъ необходимыхъ мѣръ къ тому, чтобъ онъ осуществился; напротивъ по всему, что они дѣлаютъ, очевидно что война продлится.

Любопытны сообщенія Гримма отъ 9-го октября 1793 года о связи революціонеровъ съ нѣкоторыми заправителями дѣлъ въ кабинетахъ и въ лагерѣ союзниковъ: они хорошо дополняютъ картину той политической интриги, которая мѣшала имъ энергически дѣйствовать противъ революціи. О Пруссіи онъ говоритъ:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 584, 585.

[2]) Императрица обѣщала оказать принцу д'Артуа помощь для высадки его въ Вандеѣ, еслибъ Англія согласилась энергично дѣйствовать съ нею заодно.

«Какого же наконецъ въ сущности цвѣта политическая система Берлина? И есть ли тамъ въ самомъ дѣлѣ какая-нибудь система? И кто теперь въ настоящія четверть часа тамъ акредитованный глава, сообщающій государству политическую окраску? Чтобъ дать отвѣтъ на всѣ эти частности, голова многострадальнаго слишкомъ глупа, да тутъ была бы нелишнею и глубокомысленная и остроумная голова самого Герцберга.

«Не рѣшаюсь также сообщить вашему величеству всѣ слухи, которые ходятъ въ настоящую минуту о Вѣнѣ и въ Вѣнѣ и о тѣхъ открытіяхъ, которыя императоръ будто бы сдѣлалъ по бумагамъ, перехваченнымъ у взятаго въ плѣнъ якобинца де Семонвиля,—открытіяхъ застававшихъ молодого монарха воскликнуть въ первую минуту изумленія и огорченія, что лучше бы ему никогда не видать всего этого. Отъ подобнаго восклицанія до ареста нѣкоторыхъ высоко поставленныхъ лицъ одинъ шагъ; и вотъ мы видимъ довольно длинный списокъ лицъ, исчезнувшихъ, арестованныхъ и перевезенныхъ въ вѣрныя мѣста, и къ этому прибавляютъ, что императоръ подарилъ всѣмъ своимъ союзникамъ списки тѣхъ якобинцевъ, которыми каждый изъ нихъ обладаетъ при своемъ дворѣ и въ своемъ совѣтѣ. По вѣнскому списку сильно скомпрометированъ бывшій вице-канцлеръ, теперь канцлеръ по дѣламъ миланскимъ, графъ Кобенцель, политически умершій баронъ Шпильманъ, секретарь императорскаго кабинета Шлёсеръ. Г. Манфредини, тосканскій правитель при молодомъ великомъ герцогѣ, братѣ короля, тоже не забытъ, и стóитъ только вспомнить тѣ ноты, которыя милордъ Гарвей, англійскій посланникъ въ Тосканѣ, подавалъ своему правительству, чтобъ оцѣнить гражданскія доблести этого министра якобинца, и тогда не будешь удивляться, видя его имя на спискѣ. Политикъ Шпильманъ уже на конгрессѣ въ Пильницѣ показалъ себя усерднымъ якобинцемъ, а графъ Кобенцель на коронаціи въ 1790 г. выказывалъ свое удовольствіе, когда услышалъ ночью на франкфуртскихъ улицахъ пѣсню: «Ça ira». Казалось, онъ желалъ, чтобъ и его хозяинъ былъ такъ же свободенъ въ Вѣнѣ, какъ Людовикъ

XVI въ Парижѣ. Но несмотря на все, что слышишь и читаешь по этому поводу во всѣхъ письмахъ изъ Вѣны, несмотря на то, что еще называютъ множество важныхъ лицъ въ австрійской арміи, какъ министровъ, такъ и генераловъ, которые будто бы состоятъ на жалованьи у гнуснаго якобинскаго гнѣзда (Jacobinière) въ Парижѣ, я до тѣхъ поръ не повѣрю всѣмъ этимъ слухамъ, пока императоръ самолично мнѣ это не подтвердитъ или не напишетъ собственноручное письмо: — Многоуважаемый многострадальный моей августѣйшей сестры и высокой союзницы, ты долженъ и можешь этому вѣрить, и я тебѣ докажу это безпощаднымъ осужденіемъ измѣнниковъ. — Вѣрно только одно, что какая-то *невидимая сила* останавливаетъ всѣ соединенныя старанія задавить стоглавую гидру, которой ядовитое дыханіе такъ давно грозитъ благоденствію человѣчества. Но чтобъ произвести это темное и непостижимое дѣйствіе, недостаточно ли можетъ-быть и помимо измѣны того всеобщаго *скудоумія*, которое такъ разлито въ эти дни бѣдствій и униженія?

Гриммъ заключаетъ это письмо словами: «Мое исповѣданіе сходно съ тѣмъ, которое исповѣдуетъ небольшое число избранныхъ православныхъ. Я вѣрую въ Екатерину II, единственный маякъ человѣчества въ эти времена тьмы, его единственную опору въ эти дни бѣдствій, его единственную надежду на спасеніе. Я вѣрую, что геній ея витаетъ надъ Европой, чтобъ отвратить отъ нея варварство, звѣрство и кровожадность того безбожнаго и святотатственнаго исчадія, которое адъ извергнулъ на землю для устрашенія добрыхъ».

Отъ 19-го ноября 1793 г. государыня писала своему бѣжавшему изъ Парижа и Франціи и совершенно разоренному и ограбленному другу: «Узнавъ изъ вашего послѣдняго октябрскаго письма о безденежьѣ, въ которомъ вы находитесь вслѣдствіе потерь, причиненныхъ вамъ злодѣями-цареубійцами, которые, похитивъ власть во Франціи, обращаютъ страну въ обширную пустыню, населенную самыми лютыми звѣрьми, когда-либо оскверняющими землю, посылаю вамъ при семъ три векселя, какъ грушу во время

жажды: одинъ въ двадцать тысячь рублей, другой въ [1]), третій въ [1]), всего же двадцать тысячъ. Если вы переѣдете въ Вѣну и тамъ купите домъ или дачу, я вамъ пришлю еще пятьдесятъ тысячъ на будущій годъ. Прощайте, будьте здоровы какъ я. Пусть все это останется между нами» [2]).

Это письмо было отвѣтомъ на слѣдующія строки Гримма: «Благодаря моему высокому мнѣнію о герцогѣ Брауншвейгскомъ я ничего не спасъ въ то время, когда это было еще возможно. Но кто могъ угадать оборотъ кампаніи 1792 года? Она повергла меня въ положеніе Іова; но она же похитила у Людовика XVI и тронъ и жизнь; она держитъ вотъ уже четырнадцать мѣсяцевъ и королеву и всю королевскую фамилію въ состояніи гораздо болѣе мучительномъ, чѣмъ самая казнь. При видѣ такихъ бѣдствій и такихъ преступленій надо быть слишкомъ смѣлымъ, чтобъ жаловаться на свои несчастія! Увы! изъ похищеннаго у меня разбойниками я не могъ бы унести ничего, при разставаньи съ жизнью. Незаслуженныя милости вашего императорскаго величества давно поставили меня внѣ всякой нужды. Послѣ случившагося, еще одно или два несчастія —и я обрѣту невозмутимый покой... Но умереть съ отчаяніемъ въ душѣ, что оставляешь и видишь въ настоящемъ нѣжно любимыя во всю жизнь существа въ крайней нуждѣ и безо всякаго обезпеченія въ будущемъ — это истязаніе, это мука, которой сокрушенная душа не можетъ вынести» [3]).

Отвѣчая на переданную государыней шутку Панина о необходимости существованія королей, Гриммъ замѣчалъ, что дикіе звѣри въ нихъ не нуждаются: «что тигры, леопарды, пантеры,

---

[1]) Пропуски въ подлинникѣ. Позднѣе сказано, что сверхъ двадцати тысячъ послано еще семь, чтобъ покрыть потерю отъ дурнаго курса.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 586.

[3]) Изъ вновь доставленныхъ писемъ Гримма отъ октября 1793 года. Послѣднія слова написаны по итальянски: «questo è un martiro, questo è un tormento, che un' alma trafitta soffrir non sa».

гіэны, крокодилы, гремучія змѣи, волки съ широкой пастью — всѣ чистые демократы, съ давнихъ временъ пользующіеся всѣми выгодами свободы, включая въ нихъ и право пожирать себѣ подобныхъ, и что Французы *получили это откровеніе* съ 1789 года». По поводу этой-то фразы Гримма Екатерина въ отвѣтѣ своемъ выгораживала вліяніе французскихъ философовъ на революцію и извиняя ихъ тѣмъ, что они впали въ ошибку, полагая что проповѣдуютъ людямъ съ добрымъ сердцемъ и доброй волей, а прокуроры и адвокаты, только прикрываясь ихъ принципами, произвели ту свободу, которая на дѣлѣ можетъ назваться самой жестокой и безсмысленной тиранніей [1]). «Теперь», продолжаетъ она въ томъ же письмѣ отъ 5-го декабря, уже получивъ извѣстіе и о казни королевѣ Маріи Антуанеты, «только голодъ и моровая язва могутъ ихъ образумить, и когда убійцы короля взаимно истребятъ другъ друга, тогда можетъ-быть явится надежда на другіе порядки. Боже! Боже! еслибъ мнѣ повѣрили, многое бы не случилось; но Вѣнскій дворъ, руководимый барономъ Бретэлемъ и графомъ де Мерси, полагалъ, что я издали ни чего не вижу и что они своею неумѣлостью (Passgängerei) все спасутъ. Они упорствовали въ томъ, что королевѣ безопаснѣе быть въ рукахъ якобинцевъ, чѣмъ въ рукахъ братьевъ короля. Я это не выдумываю, это фактъ. Такое ложное убѣжденіе стоило ей жизни. Теперь кажется, что дворъ Вѣнскій и Англійскій пришли къ тому, что́ я имъ проповѣдывала три года неустанно. Но сколькихъ ужасовъ, сколькихъ расходовъ избавились бы, еслибъ послушали меня ранѣе! А въ то время какъ эти опомнились, иноходцы короля прусскаго толкаютъ его на неумѣренныя и несообразныя требованія; увидимъ, что́ изо всего этого выйдетъ и если онъ не образумится — ему же будетъ хуже.

«Въ девять часовъ того же дня. Мнѣ помѣшали продолжать» [2]).

---

[1]) Это мѣсто приведено выше въ главѣ: «Литер. труды. Исторія и политическая мудрость».

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 587, 588.

6 декабря: «Не знаю, говорила ли я вамъ, но очень живо чувствовала, что, кромѣ разныхъ другихъ неудовольствій на людей Гриммы, цареубійцы ограбили васъ за то, что знали вашу привязанность ко мнѣ. Посмотрите однако, какъ они расправляются съ тѣми, кому они обязаны своимъ существованіемъ, со всѣми, кто прислуживался имъ во всемъ ихъ безуміи, какъ на пр. съ Бальи-астрономомъ, съ Кондорсэ и тысячью другими. Они умѣютъ только грабить и убивать, и столько совершили убійствъ, что наконецъ сами будутъ истреблены. Правда, что это ничего не поправитъ, а предостережетъ развѣ только будущее. О державы, державы! Зачѣмъ онѣ не дѣйствовали иначе, а этотъ отвратительный герцогъ Брауншвейгскій! Сообщала ли я вамъ когда-нибудь, что́ покойный Бауэръ говорилъ о немъ здѣсь всѣмъ и каждому? Этотъ человѣкъ далеко не то, что объ немъ думаютъ, и при первомъ представившемся случаѣ онъ потеряетъ свою репутацію» [1]).

О плачевной судьбѣ королевы Маріи Антуанеты Гриммъ писалъ въ августѣ, незадолго до ея казни: «Мнѣ говорятъ, что я слишкомъ рано пугаюсь за участь Французской королевы, надъ которой палачи ея не рѣшатся можетъ-быть совершить послѣднее злодѣяніе. Но, Боже мой! ужъ не лучше ли было бы для этой злополучной принцессы скорѣе окончить свою жизнь, нежели быть ежедневнымъ предметомъ оскорбленій со стороны самой гнусной и презрѣнной сволочи въ мірѣ? Увѣряютъ, что эти чудовища, утоливъ свою ярость всѣми возможными способами, хотятъ сдѣлать ее залогомъ для переговоровъ съ державами, которыхъ арміи они привлекли въ свою сторону собственнымъ безуміемъ, говоря что они выдадутъ и королеву и королевское семейство, если ихъ оставятъ хозяйничать въ странѣ. Это конечно значило бы только дать имъ возможность истреблять другъ друга до тѣхъ поръ, пока они сдѣлались бы добычею перваго, кто пожелалъ бы поработить этотъ отвратительный народъ».

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 588. 589.

Отъ $^{16}/_{27}$-го октября Гриммъ извѣщалъ о казни королевы въ слѣдующихъ словахъ: «Я въ эту минуту узналъ, государыня, о новомъ возмутительномъ злодѣяніи 16-го октября. Оно леденитъ меня до мозга костей. Какъ ни старайся приготовить свое воображеніе къ самымъ ужаснымъ катастрофамъ, какъ ни умѣй предвидѣть ихъ заранѣе, все же исполненіе ихъ на дѣлѣ поражаетъ васъ на смерть. Сознаюсь, что такія звѣрскія жестокости слишкомъ сильны для моего слабаго сердца: оно изнемогаетъ подъ ихъ тяжестью. Но это также заставляетъ вѣрить въ существованіе ада, когда мы видимъ, какъ онъ свирѣпствуетъ на землѣ. Единственный лучъ утѣшенія, закрадывающійся въ мою душу— это мысль, что при такой скорбной жизни и продолжительныхъ и жестокихъ мученіяхъ, какія пережила эта королева-страдалица, приближеніе конца должно было имѣть для нея нѣкоторую сладость». Далѣе, отъ 18 октября, говорится: «Съ тѣхъ поръ какъ я узналъ объ ужасной катастрофѣ, которая завершила долгое и жестокое мученичество королевы Французской, я не могу ни на минуту оторвать мысль свою отъ вашего величества, иначе долженъ впасть въ отчаяніе. Какъ ни ужасно было убійство короля, ярость тигровъ, направленная на мужчину, все-таки представляетъ менѣе потрясающее зрѣлище. Естественно предполагается, что мужчина обладаетъ бо́льшею физической силою, болѣе подготовленъ къ опасностямъ и даже къ самымъ ужаснымъ ударамъ судьбы. Но здѣсь мы видимъ, что послѣ самыхъ долгихъ и утонченныхъ терзаній пала подъ ударами палача августѣйшая и прелестная голова женщины. Мы видимъ, что ни санъ, ни полъ, ни красота, которой ничего въ мірѣ не можетъ противостоять, не были въ состояніи обезоружить звѣря даже и тогда, когда никто не возбуждалъ и не раздражалъ его свирѣпости, кромѣ развѣ твердости духа и высоты положенія, которыя могли казаться вызовомъ въ ихъ глазахъ, жаждавшихъ крови!...» Далѣе Гриммъ спрашиваетъ что же остается дѣлать? Дѣйствовать ли прямо, честно и энергично, безо всякихъ сдѣлокъ съ революціонерами, какъ настоятельно совѣтовала проницательная императрица, или

подписать погибель и всеобщее сверженіе правительствъ, разрушеніе порядка и культуры и потерю пятнадцати вѣковъ просвѣщенія. «И Европа колеблется!» продолжаетъ Гриммъ. «И въ ней находятся правительства, которыя считаютъ этотъ процессъ для себя чуждымъ и до нихъ не касающимся. И всякій ведетъ свой мелкій мимоходящій расчетецъ, всякій довольствуется своими крошечными, ограниченными замыслами, своимъ мелочнымъ соперничествомъ, среди ничтожной игры жалкихъ интригъ, не понимая какой великій, какой настоятельный интересъ развертывается передъ нимъ въ самомъ угрожающемъ видѣ. Но если до конца года эта отвратительная гидра еще просуществуетъ, то горе Европѣ! Опасность для нея заключается не въ безуміи ихъ принциповъ на счетъ управленія: я никогда не боялся этого рода заразы, хотя въ адвокатахъ, въ крикунахъ, въ сумасбродахъ и властолюбцахъ нѣтъ нигдѣ недостатка. Сосѣдніе съ Франціей народы имѣютъ однако слишкомъ много здраваго смысла, чтобъ увлечься такими софизмами, такими фокусничествами, которые въ самое короткое время обратили Французскій народъ въ шайку разбойниковъ. Но эти разбойники, выгнанные изъ своихъ вертеповъ голодомъ и жаждою грабительства, не находя ничего для грабежа у себя дома, бросятся на своихъ сосѣдей, не для того чтобъ внести къ нимъ свою свободу, но чтобъ произвести у нихъ тѣ же опустошенія, какія произвели во Франціи; къ тому вынудитъ ихъ необходимость жить грабежемъ: вослѣдъ же имъ придетъ варварство, разрушеніе всякаго порядка, голодъ и можетъ быть моровая язва, которая обратитъ Европу въ громадное кладбище».

«Но пока я предаюсь своимъ мрачнымъ мыслямъ, мнѣ приносятъ анонимное письмо подъ штемпелемъ «Франкфуртъ»,— письмо которое я принужденъ переписать, потому что оно обращается не ко мнѣ, хотя и адресовано на мое имя. Авторъ, оплакавъ, какъ всякая честная душа, злополучный жребій Французской королевы, продолжаетъ:

«Зачѣмъ же государи Европы какъ будто не желаютъ знать

опасности, имъ грозящей? Какъ могутъ они изъ-за частныхъ интересовъ забыть общую пользу, забыть хотя на минуту революціонную гидру, грозящую разложеніемъ всѣмъ правительствамъ и всему общему порядку? Станутъ ли они и впредь щадить виновныхъ и бояться ихъ? Эта слабость придаетъ злодѣямъ дерзости. Ложная политика только ускоритъ всеобщій взрывъ этого зла, и спокойная безпечность — приблизитъ опасность. Однако слѣдуетъ болѣе жалѣть чѣмъ порицать бо́льшую часть государей, которыхъ воля направляется произволомъ министровъ. Но для вашей императрицы нѣтъ оправданія, если она въ этомъ кризисѣ не проявитъ всю власть, врученную ей судьбою, все вліяніе своего возвышеннаго генія и той непоколебимой силы характера, которыми природа ее надѣлила. Повторяю еще, для нея нѣтъ оправданія, если она не употребитъ всѣхъ своихъ средствъ, чтобъ спасти Европу отъ всеобщаго разрушенія. А для Европы нѣтъ спасенія безъ ея вмѣшательства. Вотъ что я почувствовалъ непреодолимое желаніе сообщить ей. Вамъ я поручаю передать ей это».

На это письмо императрица отвѣчала уже въ началѣ 1794 года въ февралѣ: «Не могу еще отвѣчать на первую часть первой вашей грамоты. Я еще не могу раскрыть рта, чтобъ говорить объ этомъ, потому что... потому что.... предметъ, подобный плачевной участи королевы и внушающій такую глубокую горесть, затворяетъ мнѣ уста. Но не бываетъ никакого явленія безъ причины. Только великія и страшныя истины могутъ служить объясненіемъ всего этого.... Баста. Когда всѣ цареубійцы истребятъ другъ друга, тогда будетъ менѣе людей, заинтересованныхъ въ продолженіи этого порядка вещей. Уже болѣе половины этихъ чудовищъ погибли тѣмъ или другимъ способомъ. Божественное правосудіе обрекаетъ ихъ на погибель. Они избиваютъ другъ друга. Это очень поучительно, потому что это—слѣдствіе ихъ собственныхъ принциповъ.

«Что касается мира теперь, то не надѣйтесь на него. Никогда крики, подобные раздававшимся въ Парижѣ 21-го января этого года о войнѣ, войнѣ вѣчной, не являлись такъ кстати, чтобъ разо-

чаровать всѣхъ на счетъ этой химеры. Миръ конечно не есть преступленіе, но у нихъ преступленіе сдѣлалось добродѣтелью, а добродѣтель преступленіемъ. Убѣждайте безумныхъ возвратиться къ разуму, если можете. Вы только приведете ихъ въ ярость, такъ какъ они не въ состояніи образумиться. Я, какъ и вы, получила анонимное письмо въ двѣнадцать страницъ, убѣждающее меня послать войска на Рейнъ. Если послать ихъ въ маломъ количествѣ и для служенія цѣлямъ пачкуновъ (Köther [1]), они будутъ побиты какъ и другіе, а въ бо́льшемъ количествѣ я не могу, потому что каждую минуту должна ожидать замѣшательствъ со стороны Турокъ, которыхъ милордъ Энсли и Декоршъ [2]) на насъ натравливаютъ. Пожалуйста въ эту минуту раздѣлите немножко милорда Энсли съ англійскимъ министромъ [3]). Послѣдній хочетъ, чтобы Турки напали на меня въ томъ случаѣ, если никакъ нельзя будетъ удержать ихъ отъ войны съ Вѣнскимъ дворомъ, и для этого проповѣдуетъ войну съ Россіей, а Энсли желаетъ, чтобъ во всякомъ случаѣ воевали съ Россіей. Декоршъ же совѣтуетъ войну съ обоими дворами. Изъ всей этой путаницы выходитъ то, что я должна быть на сторожѣ, и не приходится посылать большого количества войска въ далекую страну. Вы впрочемъ должны знать, что я прошедшей весной предлагала Англіи послать порядочное количество войска въ помощь Вандейцамъ, или лучше сказать, роялистамъ, и графъ Д'Артуа долженъ былъ принять участіе въ экспедиціи, но тамъ не хотѣли и слышать объ этомъ» [4]).

Вскорѣ за казнью королевы Маріи Антуанеты послѣдовала и казнь принца Орлеанскаго. Вотъ интересная характеристика

---

[1]) Это выраженіе, которое Гриммъ приписалъ изобрѣтенію Екатерины, говоря что его нѣтъ ни въ какихъ словаряхъ, государыня сама такъ объясняетъ на стр. 609-й: «Я утверждаю, что въ Помераніи называютъ Köther самую грязную и безобразную собаку, и когда я употребила это выраженіе, я знала что́ хотѣла выразить, и вовсе не противно орфографіи писать Köther, а напротивъ это очень выразительно и вѣрно».

[2]) Англійскій и французскій посланники въ Турціи.

[3]) Т. е. съ Питтомъ.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 590, 591.

его, сдѣланная по этому поводу Гриммомъ отъ 13 (24) ноября 1793 года: «Какъ жестоко жить въ постоянной увѣренности, что каждый почтовый день принесетъ извѣстія о новыхъ ужасахъ, безпримѣрныхъ въ лѣтописяхъ исторіи, видѣть какъ падаютъ невинныя и именитыя жертвы подъ ударами палачей, наравнѣ съ толпами величайшихъ злодѣевъ міра. Вотъ теперь одинъ изъ главныхъ виновниковъ бѣдствій Франціи — этотъ жалкій герцогъ Орлеанскій, только что получилъ награду заслуженную его преступленіями. Вмѣстѣ съ нимъ казнены человѣкъ двадцать его гнусныхъ сообщниковъ. Скоро же послѣдовалъ онъ за тѣнью Маріи Антуанеты! Но, Боже мой! такими ли преступными жертвами можетъ быть успокоенъ августѣйшій прахъ ея? Не менѣе беззаконнымъ былъ и судъ надъ нимъ, какъ и надъ нею. Одна характеристическая черта отличаетъ эту навѣки злополучную эпоху: невинный и виновный падаютъ безъ разбора жертвами самой чудовищной тиранніи, какая когда-либо отягчала землю. Но надъ преступленіями этого принца приговоръ давно уже былъ произнесенъ на судѣ всего, что есть честнаго на землѣ, и потомство конечно утвердитъ его всею силою своего негодованія и омерзенія къ преступнику. Въ какую бездну можетъ быть вовлечено даже ничтожество при полномъ отсутствіи нравственныхъ качествъ! Этотъ несчастный менѣе всякаго другого имѣлъ въ себѣ закладку изверга, но, не обладая ни малѣйшей каплей нравственнаго чувства, онъ хотя и не былъ лишенъ нѣкотораго рода ума, никогда не умѣлъ отличить честнаго человѣка отъ негодяя, и потому ему трудно было въ эти времена не попасть въ сѣти такихъ злодѣевъ, которые, не придавая ему лично никакого значенія, обратили его въ орудіе своихъ преступныхъ замысловъ».

Затѣмъ Гриммъ дѣлаетъ сравненіе сына съ отцомъ, который, по словамъ его, хотя и былъ человѣкъ недальній, но всегда оставался вѣренъ правиламъ чести и умѣлъ отличать людей порядочныхъ отъ обманщиковъ и плутовъ. Воспитаніе принца Орлеанскаго и заботливость отца о томъ, чтобы окружать его всѣмъ

хорошимъ онъ хвалитъ и приписываетъ развращеніе молодого принца вліянію двора Людовика XV, говоря: «Когда были сдѣланы первые шаги, онъ незамѣтно и понемногу втягивался во всю грязь разврата, наконецъ окружилъ себя игроками, шулерами, спекулянтами, ажіотёрами, пьяницами и развратниками: однимъ словомъ — погибшими людьми обоего пола, и это общество развило въ немъ всѣ низкія чувства. Уже при жизни отца онъ, посреди своей безпорядочной жизни, по жадности къ деньгамъ, пустился на самыя грязныя спекуляціи финансовыя и ажіотажныя. Вымоливъ неотступными просьбами у отца владѣніе Палэ-Роялемъ, онъ превратилъ его садъ въ публичное мѣсто разврата и въ самомъ зданіи отдавалъ квартиры подъ лавки и дурные притоны для увеличенія своего дохода. Къ несчастію Франціи, этому презрѣнному человѣку, недостойному своего имени и званія, пришлось жить въ самое смутное время, въ царствованіе кроткое, но слабое, и встрѣтиться съ женщиной, обладавшей безмѣрнымъ честолюбіемъ и какимъ-то адскимъ геніемъ. Подъ ея руководствомъ онъ переходилъ отъ порока къ пороку, отъ преступленія къ преступленію, сдѣлавшись въ рукахъ ея самымъ низкимъ измѣнникомъ своему государю и предметомъ вѣчнаго позора и омерзенія въ исторіи. Мужъ этой женщины, казненный нѣсколько дней ранѣе герцога Орлеанскаго вмѣстѣ съ двадцатью другими бандитами, подобными ему, носилъ имя графа де-Жанлисъ, а потомъ маркиза Селлери. Сама же она со времени революціи, какъ добрая якобинка, возвратила себѣ свою первоначальную фамилію Брюларъ. Она была низкаго происхожденія, но великая комедіантка и имѣла нравъ пылкій и гордый. Мать ея знала, что съ хорошенькимъ личикомъ и интригой можно всего достигнуть во Франціи. Она выучила ее играть на арфѣ и съ помощью этого таланта ввела ее сначала въ скромный кружокъ, а тамъ понемногу въ большой свѣтъ и ко двору». Далѣе Гриммъ описываетъ, какъ она была помѣщена въ Палэ-Рояль компаніонкой герцогини Орлеанской, тогда еще герцогини Шартрской, какъ ей удалось овладѣть сердцемъ принца Орлеанскаго и

заправить всѣмъ его дворомъ. Задумавъ попасть въ воспитательницы дофина Франціи, г-жа Жанлисъ вдругъ изъ легкомысленной женщины превратилась въ набожную проповѣдницу нравственности и написала брошюру о воспитаніи дофина. Когда же королева Марія Антуанета воспротивилась ея опредѣленію, то она сдѣлалась заклятымъ врагомъ королевской фамиліи. Оставшись при дѣтяхъ принца Орлеанскаго, она окружила себя и своихъ воспитанниковъ всѣми заговорщиками и отчаянными, которымъ терять было нечего и для которыхъ съ разрушеніемъ существующаго порядка являлась надежда на выгоды и возвышеніе. Вполнѣ поработивъ своей власти злополучнаго принца Орлеанскаго, она сдѣлала его орудіемъ своихъ коварныхъ замысловъ и, погубивъ его, сама должна была укрываться отъ ярости якобинцевъ. Въ концѣ письма Гриммъ приводитъ свой разговоръ объ этомъ предметѣ съ однимъ эмигрантомъ.

На это длинное и интересное письмо государыня отвѣчала отъ 13 февраля 1794 года:

«Я надѣюсь, что ни одинъ изъ Бурбоновъ не захочетъ болѣе носить имя принца Орлеанскаго послѣ того позора, который навлекъ на него послѣдній носившій это имя. Благодарю васъ за подробности, которыя вы мнѣ сообщаете о немъ и о гадкой женщинѣ, его погубившей. Но трудно себѣ представить, чтобы въ планахъ этой женщины было столько обдуманности, сколько ей приписалъ впослѣдствіи вашъ эмигрантъ въ своемъ разговорѣ. Очень вѣроятно, что, будучи оба порочны въ душѣ и въ характерѣ, они произвели много злобныхъ и дурныхъ дѣлъ, сами не видя, куда эти пороки и злыя дѣла приведутъ ихъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни у одного изъ нихъ не было ума возвышеннаго, потому что ничего возвышеннаго они не проявили и сильно содѣйствовали торжеству пороковъ, злобы и ужасовъ, ихъ сопровождавшихъ. Это неоспоримо, потому что совершилось у насъ на глазахъ. Каковы средства, таковы и результаты. Счастье и несчастье каждаго въ его характерѣ, въ правилахъ, имъ принятыхъ... Путь, избираемый порочными сердцами, труденъ, потому

что, кромѣ заботы объ успѣхѣ своихъ замысловъ, необходимо еще прикрываться плащемъ» [1]).

Въ концѣ этого же письма Екатерина возвращается къ австро-прусскому походу и говоритъ. «Если король Прусскій возвратитъ свою армію съ береговъ Рейна, никто не пострадаетъ отъ этого кромѣ его самого. Конечно, очень было бы великодушно со стороны Англіи дать ему десять милліоновъ, чтобъ онъ остался; но онъ долженъ самъ это сдѣлать: иначе вся Европа будетъ въ правѣ бросить ему въ голову не камни только, а цѣлыя скалы. Я помню время, когда англійскіе министры находили четыреста тысячъ фунтовъ стерлинговъ слишкомъ громадной суммой, чтобы окончить французскія дѣла французскими же руками, сами выдвигая и подталкивая ихъ. Тутъ же за пустякъ пожертвуютъ цѣлыхъ десять милліоновъ! Но всякій смотритъ на вещи своими глазами. Что до меня касается, я предлагаю всѣмъ протестантскимъ державамъ принять греческую вѣру, чтобъ предохранить себя отъ заразы безвѣрія, безнравственнаго, анархическаго, злодѣйскаго и дьявольскаго, противнаго Богу и престоламъ. Наша церковь одна—апостольская. Это дубъ съ глубокими корнями» [2]).

Смерть Рейфенштейна. Семейныя событія. Свадьба в. кн. Александра Павловича. Таврическій дворецъ. Воспоминанія.

Еще во время послѣдней болѣзни Рейфенштейна Гриммъ предлагалъ императрицѣ замѣнить его другимъ комиссіонеромъ въ Италіи, и получилъ слѣдующій отвѣтъ: «Мнѣ никого не нужно въ Римѣ. Я въ восхищеніи, что Рейфенштейнъ еще живъ». Отъ 30-го октября 1793 г. Гриммъ извѣстилъ Екатерину о смерти ея вѣрнаго слуги, благословлявшаго её до послѣдней минуты

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 595, 596.

[2]) 596, 597. Мы позволили себѣ повторить здѣсь къ слову этотъ отзывъ Екатерины о православіи, уже приведенный нами выше.

своей жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сообщилъ, что Рейфенштейнъ завѣщалъ ей портретъ Рафаэля Менгса, имъ самимъ написанный, или по крайней мѣрѣ имъ ретушованный. Императрица отвѣчала: «Вчера я извѣщала васъ о полученіи вашихъ грамотъ и всего, что къ нимъ относится, такъ же какъ и портрета Менгса, завѣщаннаго мнѣ божественнымъ. Хотѣлось сказать: покойнымъ—но я замѣтила, что это слово въ первый разъ станетъ рядомъ съ божественнымъ, а въ моемъ возрастѣ и въ нынѣшнее время чувствуешь особенное отвращеніе ко всякому нововведенію» [1]).

О рожденіи внучки, Ольги Павловны, Гриммъ былъ извѣщенъ слѣдующими словами: «Великая княгиня угостила насъ пятой дочкой, у которой такія же широкія плечи, какъ у меня. Такъ какъ она родилась 11 іюля, въ день св. Ольги, которая была крещена въ Константинополѣ въ 956 г., то я сказала: «Ну, такъ у насъ будетъ одинъ праздникъ вмѣсто двухъ». Вотъ ее и назвали Ольгой. Надѣюсь, вы радуетесь, что прибавилось еще высочество» [2]).

О внукѣ своемъ Александрѣ и его успѣхахъ государыня отзывается все съ тѣми же похвалами. Въ маѣ 1791 г.: «Крестный отецъ Александръ (онъ крестилъ сына г-жи де Бюэль-Като), переросъ меня на цѣлую ладонь и каждый день видимо поднимается... Миніатюра Терезины Марронъ (св. Архангелъ Михаилъ) мнѣ доставлена и совершенно побѣдила кума Александра, который самъ очень мило рисуетъ и, наглядѣвшись на многое, кажется, пріобрѣтаетъ довольно вѣрный глазъ, чтобъ отличать дурное отъ посредственнаго, а это послѣднее отъ хорошаго. Св. Михаилъ поразилъ его, и онъ воскликнулъ: — Ахъ, какъ это прелестно! — Я подозрѣваю, что мы не совсѣмъ равнодушны къ прекрасному» [3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 604, 605.

[2]) 570. На поздравленіе Храповицкаго по этому случаю императрица отвѣчала: «Много дѣвокъ, всѣхъ замужъ не выдадутъ». Но эта забота была напрасна: великая княгиня скончалась уже въ январѣ 1795 г.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 522, 524.

30 августа того же года сказано: «Сегодня день ангела г. Александра, который не кстати заболѣлъ. Не знаю, что съ нимъ! Жалуется на головную боль, ознобъ, колотье. Надѣюсь, что не будетъ ничего важнаго. Этотъ молодецъ на три пальца выше меня. Г. Сенъ-При, который здѣсь, говоритъ, что Александръ красавецъ. Онъ очень имъ доволенъ и я тоже» [1]).

Отъ 14 августа 1792 года государыня писала: «Благодарю васъ за прекрасное поздравленіе по случаю исполнившихся тридцати лѣтъ моего царствованія. Года черезъ два, три надѣюсь имѣть правнучатъ отъ Александра. Какъ бы вы удивились и въ какое бы пришли восхищеніе при видѣ этого высокаго, красиваго и добраго юноши! Какъ много онъ обѣщаетъ, какая это воплощенная чистота и вмѣстѣ съ тѣмъ глубина! Какая послѣдовательность въ правилахъ и сколько безпримѣрнаго желанія поступать во всемъ хорошо! Послушайте, я не люблю коронацій по почтѣ. Соломонъ сказалъ:—Всему свое время.—Сперва мой Александръ женится, а со временемъ и коронуется со всевозможными церемоніями, торжествами и народными праздниками. Онъ пройдетъ черезъ все это съ блескомъ и величіемъ. О, какъ онъ самъ будетъ счастливъ и какъ всѣ съ нимъ будутъ счастливы! При всемъ томъ онъ необыкновенно скроменъ и безо всякаго жеманства: все въ немъ естественно. Что за прелесть этотъ юноша, отъ котораго всѣ безъ ума, да и есть чѣмъ восхищаться! Это нашъ любимчикъ; онъ очень хорошо знаетъ это и идетъ своей дорогой. Голова у него нѣсколько напередъ, но красивая голова! Какъ увидишь ее, такъ забудешь, что молодой человѣкъ держитъ ее не довольно прямо, а немножко наклоняетъ впередъ. Его очень часто осуждали за это, но когда онъ танцуетъ или сидитъ на лошади, то держитъ голову вверхъ и тогда напоминаетъ Аполлона Бельведерскаго тѣмъ, кто имѣетъ честь знать послѣдняго. У него такой же величественный видъ, а это для четырнадцати лѣтъ, право, очень много. Но баста! Не надо слишкомъ много о немъ говорить» [2]).

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 551, 552. [2]) Стр. 573, 574.

Можетъ показаться страннымъ, что при такой нѣжной любви къ своему внуку Александру, Екатерина могла такъ поспѣшить его бракомъ, женивши его шестнадцати лѣтъ. Уже съ самаго начала воспитанія замѣтно нетерпѣніе страстно любившей внука бабушки видѣть его взрослымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что угодники нашептывали ей мысль короновать его помимо отца; но изъ предыдущаго письма мы видимъ, что Екатерина отвергла эту мысль. Можно полагать, что главнымъ ея побужденіемъ къ этой ранней свадьбѣ было желаніе еще при жизни насладиться зрѣлищемъ юнаго счастья своего любимца, и вмѣстѣ надежда видѣть престолъ упроченнымъ за его родомъ. Но тутъ-то геніальная прозорливость Екатерины и измѣнила ей. Слишкомъ ранняя женитьба можетъ-быть и оставила молодую чету безъ потомства. Ужъ осенью 1792 года вызвали въ Петербургъ принцессу Баденскую съ двумя дочерьми, и императрица писала отъ 31 октября: «Сегодня вечеромъ ожидаемъ мы обѣихъ принцессъ Баденскихъ: одной 13 лѣтъ, другой 11. Вы, конечно, не думаете, что у насъ женятъ и отдаютъ замужъ такъ рано: это не для настоящей минуты, а про запасъ, на будущее время, а покамѣстъ онѣ къ намъ привыкнутъ и сживутся съ нашими нравами и обычаями. Что касается нашего молодца, онъ объ этомъ и не думаетъ въ своей невинности сердечной. Я тутъ разыгрываю роль дьявола, вводя его въ соблазнъ» [1]).

1-го ноября: «Принцессы Баденскія прибыли вчера между 8-ю и 9-ю часами вечера, и я нашла ихъ такими, какими мнѣ ихъ описывали — прелестными. Г. Александръ ужъ слишкомъ былъ бы разборчивъ, еслибъ старшая отъ него ускользнула. Прощайте, многострадальный, будьте здоровы, если то возможно въ нашемъ желѣзномъ вѣкѣ, въ которомъ однако есть и прекрасныя принцессы» [2]).

Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ, 7-го декабря, государыня писала уже: «Г. Александръ будетъ себя вести умно и осторожно;

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 577. [2]) Стр. 579.

однако онъ понемножку становится влюбленъ въ старшую изъ принцессъ Баденскихъ, и я не поручусь, что ему не отвѣчаютъ взаимностью. Еще не бывало лучше подобранной парочки: они прекрасны какъ день, полны граціи, ума; всѣ стараются поощрять ихъ рождающуюся любовь. Прошедшую недѣлю Александръ смотрѣлъ комедію: «Новичекъ въ любви», сидя возлѣ своей невѣсты, и неистово аплодировалъ во всѣхъ мѣстахъ, которыя ему понравились, такъ что никто не сомнѣвался, что онъ покажетъ болѣе ловкости, чѣмъ тотъ, кого представляли. Надѣюсь, что вы будете читать эту грамоту лѣтъ черезъ восемь, когда рѣчь будетъ уже итти о дѣтяхъ Александра» [1]).

Весною 1793 года государыня говѣла въ Таврическомъ дворцѣ, и писала отъ 22 апрѣля: «Вчера въ великій четвергъ и день моего рожденья я здѣсь причащалась, находясь тутъ уже съ воскресенья. Этотъ дворецъ—одноэтажный и въ уровень съ садомъ. Вы знаете, что и тотъ и другой принадлежали князю Потемкину и что вся постройка и посадка превосходны. Такъ какъ всю эту недѣлю была прелестная погода, то мы гуляли, сколько говѣнье намъ позволяло. Говоря *мы*, я разумѣю своихъ трехъ внучекъ и себя. Что касается гг. Александра и Константина, то они остались съ папенькой и маменькой, двумя младшими сестрами и принцессами Баденскими въ Зимнемъ дворцѣ. На это Константинъ возражалъ: «Я понимаю, что брата оставили съ его красавицей, но я-то что буду здѣсь дѣлать?—И по правдѣ сказать, оба очень завидуютъ своимъ тремъ старшимъ сестрамъ, пріѣхавшимъ сюда говѣть со мною» [2]).

Изъ Царскаго Села 14 мая: «Я здѣсь съ третьяго дня и много съ воскресенья придѣлала дѣлъ. Во-первыхъ принцесса Луиза Баденская приняла православіе, и греческая церковь дала ей имя Елизаветы Алексѣевны. Потомъ, во вторникъ, она была обручена в. кн. Александру. Всѣ говорили, что обручаютъ двухъ ангеловъ.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 579, 580. [2]) Стр. 582.

«Ничего нельзя вообразить прелестнѣе этого 15-тилѣтняго жениха и 14-тилѣтней невѣсты; притомъ они очень любятъ другъ друга. Тотчасъ послѣ обрученія принцессы, она получила титулъ великой княжны. Но представьте себѣ, какое подозрѣніе падаетъ на Александра. Кто бы это подумалъ? Одинъ изъ кавалеровъ, его воспитателей, вздумалъ прошедшее лѣто перевести на русскій языкъ англійскую комедію Шеридана: «Школа злословія». Ее играли въ Эрмитажѣ и пьесу эту нашли гораздо выше французскаго перевода, сдѣланнаго во Франціи. Такъ какъ этотъ русскій переводъ блестѣлъ остроуміемъ и оргинальностью языка и былъ прекрасно приноровленъ къ нашимъ нравамъ и обычаямъ, то всѣ пришли отъ него въ восторгъ. Александръ принималъ живое участіе въ одобреніяхъ и восклицаніяхъ зрителей. Я думала, что онъ просто по дружбѣ къ своему кавалеру придаетъ такую цѣну аплодисментамъ. Пьесу сыграли и въ городѣ, но тамъ публику не такъ легко было провести какъ меня, и всѣ заговорили, что Александръ сдѣлалъ бо́льшую часть этого перевода съ англійскаго, что онъ лучше знаетъ по-англійски, чѣмъ его кавалеръ, и какъ бы ни скрывался, всѣ знаютъ, что самыя удачныя остроты принадлежатъ ему. Слухи дошли до меня; я ему сказала это. Онъ сталъ отрекаться, покраснѣлъ и увѣрялъ, что онъ слышалъ отрывки въ чтеніи и можетъ-быть иногда дѣлалъ свои замѣчанія, а кавалеръ его могъ этимъ воспользоваться, чтобъ измѣнить кое-что въ переводѣ. Видите, какъ болѣзни прилипчивы и что́ значитъ дурной примѣръ» [1]).

Въ письмѣ отъ 5-го августа говорится, что слухъ о путешествіи великаго князя Александра по Европѣ — выдумка газетчиковъ, которая не имѣетъ никакого основанія, и что еще до Рождества будетъ его свадьба [2]), которая дѣйствительно и состоялась 28 сентября 1793 года, когда великому князю, родившемуся въ декабрѣ 1777, еще не минуло и 16-ти лѣтъ.

Письмо отъ 6-го декабря начинается слѣдующимъ отзывомъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 583, 584. [2]) Стр. 586

о новобрачныхъ: «Наши молодые, кажется, очень заняты другъ другомъ, а шалунъ Константинъ все прыгаетъ около нихъ. Вы не можете себѣ вообразить, что это за чудакъ! Во-первыхъ, онъ не красивъ, чрезвычайно живого характера, уменъ, остеръ, вѣтренъ какъ жукъ, но охотно сознается въ своихъ проступкахъ; у него превосходное сердце и сильное стремленіе къ добру. На мой взглядъ, онъ очень милый юноша и далеко не дюжинная личность. Вотъ ужъ въ полномъ смыслѣ взбалмочная голова (bâton rompu). Въ публикѣ братъ его пользуется несравненно большей любовью. Но, несмотря на все это, я предсказываю ему блестящую будущность. Въ дѣтствѣ онъ былъ неуклюжій медвѣжонокъ: теперь совсѣмъ не то» [1]).

Весною 1794 года императрица опять говѣла въ Таврическомъ дворцѣ, откуда писала 3-го апрѣля: «Я здѣсь съ третьяго дня. Я опять тутъ расположилась со своими внуками и внучками, и мы будемъ тутъ говѣть; мы останемся здѣсь до суботы, а праздникъ поѣдемъ встрѣчать въ Зимнемъ дворцѣ; потомъ вернемся сюда же. Папенька и маменька находятся въ Гатчинѣ со второй недѣли» [2]).

Отъ 21 апрѣля 1794 государыня пишетъ изъ Зимняго дворца: «65 лѣтъ тому назадъ я не писала. Я совершенно здорова и вчера переѣхала сюда изъ Таврическаго дворца въ ужасную бурю, которая подняла воду въ Невѣ почти на семь футовъ выше ея обыкновеннаго уровня. Когда я вчера ѣхала изъ одного дворца въ другой, то кой-гдѣ стояли лужи, въ которыхъ однако нельзя было утонуть. Итакъ, когда вамъ будутъ говорить о новомъ наводненіи, не вѣрьте: здѣсь всѣ здоровы» [3]).

27 августа государыня опять жила въ Таврическомъ дворцѣ, такъ какъ въ Зимнемъ были большія передѣлки, и писала: «Погода у насъ ужасная, почти не было лѣта и ни одного жаркаго дня, а теперь вотъ ужъ болѣе двухъ мѣсяцевъ все льетъ дождь. Этотъ дворецъ у меня очень въ модѣ, потому что онъ одноэтаж-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 588. [2]) Стр. 600. [3]) Стр. 603.

ный, среди большого великолѣпнаго сада на берегу Невы вблизи казармъ: Кавалергарды направо, Преображенцы позади сада. Не можетъ быть ничего лучше этого помѣщенія для весны и осени. Я живу направо отъ подъѣзда; такого подъѣзда, я думаю, нѣтъ въ цѣломъ мірѣ. Александръ помѣщается налѣво.—Правда, что въ этомъ дворцѣ было не немного, но даже чрезвычайно сыро, такъ что сверху зальныхъ колоннъ струплась вода и образовала лужи на полу; происходило это отъ того, что вода въ прудѣ была выше фундамента залы. Но я исправила это, приказавъ вырыть водосточную трубу между домомъ и прудомъ. Эта труба идетъ вокругъ всего дома и такъ вытягиваетъ воду, что ни малѣйшей сырости теперь незамѣтно, а запахъ плѣсени совершенно прошелъ. Весна и у насъ была прекрасная»[1]).

Въ послѣднихъ числахъ августа императрица переѣхала въ Зимній дворецъ, откуда писала отъ 29-го: «Холодъ выгналъ меня изъ Таврическаго дворца; конецъ августа былъ настоящимъ октябремъ. Вступая въ свою зимнюю лачужку (taudis[2]) по большой мраморной лѣстницѣ, я прошла черезъ три залы, недавно вновь отдѣланныя подъ мраморъ къ свадьбѣ Александра, по рисункамъ и подъ надзоромъ г. Кваренги. Онѣ прелестны и ведутъ въ комнаты Александра, которыя прошлаго года были великолѣпно убраны; теперь сняли излишнія украшенія, и онѣ сдѣлались очень удобны, хотя менѣе роскошны. Оттуда я отправилась въ комнаты Александры Павловны, которой минуло одиннадцать лѣтъ, и съ этой минуты мы уже считаемъ ее взрослой дѣвицей; отъ нея я зашла къ ея сестрѣ Еленѣ, которая навѣрное не уснетъ эту ночь, такъ прелестно отдѣлана ея комната. Потомъ пошла я въ церковь посмотрѣть, что̀ тамъ сдѣлано новаго, оттуда въ извѣстную вамъ галлерею, затѣмъ въ свои комнаты, и наконецъ въ Эрмитажъ и эрмитажный театръ, въ ложи Рафаэля; прошла тѣ три залы, въ которыхъ помѣщается кабинетъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 605.

[2]) Такъ всегда называлъ свое жилище Гриммъ.

естественной исторіи и послѣ всего этого вернулась въ свою комнату, гдѣ и сѣла вамъ писать, исходивъ буквально весь дворецъ и Эрмитажъ, что̀ составитъ пожалуй версты двѣ, три. Я вамъ все это разсказываю, чтобъ вы подивились, какъ ваша покорная слуга въ настоящее время еще бодра и подвижна» [1]).

1-го октября въ 5 часовъ вечера: «Отобѣдавъ, я похитила г. Константина и отправилась въ Таврическій дворецъ съ нимъ и четырьмя его сестрами. Я обошла огромный садъ этого дворца, послѣ чего мы сѣли въ карету и по англійской набережной доѣхали до параднаго подъѣзда, откуда я пришла къ себѣ, правда, немножко усталая, но и молодые устали не менѣе меня, и я этимъ утѣшаюсь. Съ сентября мѣсяца у насъ совершенное лѣто» [2]).

Въ письмѣ отъ 11-го января 1795-го говорится въ заключеніе: «Прощайте, спѣшу: сегодня вечеромъ концертъ, гдѣ трое нашихъ (т. е. внучковъ) поютъ, двое играютъ на скрыпкѣ, одинъ на фортепіано. Вы уже знаете, или должны знать, что число ихъ увеличилось дамой — Анной [3]), весьма крупныхъ размѣровъ и въ длину и въ толщину. Но эта еще не поетъ и до сихъ поръ не кричитъ» [4]).

Отъ 16-го января: «Вотъ двѣ недѣльки хорошо наполненныя. 1-го января Новый годъ — праздникъ, 6-го января Богоявленіе — праздникъ и водосвятіе. 7-го января явилась на свѣтъ в. княжна Анна, 13-го января праздникъ по случаю рожденія в. княгини Елизаветы. 14-го — крестины новорожденной, 15-го скончалась в. княжна Ольга. Представьте себѣ, отчего? Вотъ уже недѣль осмнадцать, какъ у нея проявился такой голодъ, что она безпрестанно просила кушать; оттого она росла непомѣрно для своихъ двухъ съ половиною лѣтъ; въ то же время вышло множество коренныхъ зубовъ за разъ, и послѣ 16-ти недѣль страданій и медленной изнурительной лихорадки наступила суточная мучитель-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 608, 609. [2]) Стр. 612, 613.

[3]) В. княгиня Анна Павловна, впослѣдствіи королева Нидерландская.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 617.

ная агонія: она скончалась вчера, между семью и восемью часами вечера. Въ пятницу или суботу — погребеніе» [1]).

Въ апрѣлѣ 1795 г. государыня упомянула еще объ одномъ концертѣ, въ которомъ участвовали ея внучки: «Я иду одѣваться, такъ какъ сегодня вечеромъ должна присутствовать на любительскомъ концертѣ, гдѣ великій князь Александръ и гр. Платонъ Зубовъ будутъ играть на скрыпкѣ. Елизавета, Александра и Елена будутъ пѣть, а акомпанировать на фортепіано будетъ Марія, которая удивительно любитъ музыку. Ей только 9 лѣтъ, а она уже прошла у Сарти генералъ-басъ; Сарти говоритъ, что у нея замѣчательный музыкальный талантъ, и затѣмъ она очень умна, у нея способности ко всему и она будетъ премудрая дѣвица. Она любитъ читать и, по словамъ генеральши Ливенъ, проводитъ много часовъ въ день за книгой. Къ тожу же она очень весела и предпріимчива и танцуетъ какъ ангелъ. Вообще это довольно красивая семейка. Тяжелый обозъ три дня тому назадъ отбылъ въ Гатчину. Когда кошки нѣтъ дома, то мышки пляшутъ по столамъ и имъ раздолье» [2]).

7-го апрѣля 1795 г.: «Вчерашній концертъ очень удался: гг. литовскіе депутаты присутствовали на немъ; я сказала имъ, что пригласила ихъ для того, чтобъ они короче ознакомились со мной и моими. Одинъ старикъ, котораго Александръ и его супруга кажется совсѣмъ обворожили, сказалъ мнѣ, что отъ нихъ должны родиться ангелы. Это настоящая Сирена, великая княгиня Елизавета; ея голосъ идетъ прямо къ сердцу, и мое сердце она совсѣмъ плѣнила; что касается ея мужа, который съ самой колыбели былъ такъ близокъ ко мнѣ какъ только возможно, а когда былъ ребенкомъ все хотѣлъ быть еще ближе и всегда тихонько прижимался ко мнѣ плечомъ, то онъ теперь все подталкиваетъ свою жену, чтобъ и она покрѣпче ко мнѣ прижималась, считая что ей нигдѣ не можетъ быть лучше, какъ возлѣ меня. Онъ не мало старается объ этомъ; да́, онъ настоящее мое сокровище.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 617, 618. [2]) Стр. 621, 622.

Три часа продолжалась музыка: mademoiselle Marie хозяйничала на своемъ фортепіано и не только не наскучила, но теперь она во всей Литвѣ прослыветъ великой музыкантшей»[1]).

11-го сентября 1795 г. «Вчера спустили на воду военный 74 пушечный корабль въ моемъ присутствіи, и онъ слетѣлъ такъ же проворно, какъ вел. княгиня Елизавета имѣетъ привычку ходить; эта дамочка у насъ очень въ модѣ: она кротка какъ ангелъ и хороша какъ сердечко»[2]).

Отъ 17-го сентября императрица писала между прочимъ: «Александръ для лѣченья своей глухоты поѣдетъ можетъ-быть въ Карлсбадъ; но въ Англію слишкомъ далеко»[3]).

Грустныя ноты звучатъ въ воспоминаніяхъ Екатерины, при сознаніи своего приближенія къ старости. Въ 1794 году 11-го февраля она пишетъ: «Русская пословица говоритъ: — чтобъ не было скучно, мѣшай дѣло съ бездѣльемъ. — Поэтому послѣ цѣлаго дѣловаго листа разскажу вамъ вотъ что. Во-первыхъ, что третьяго дня, въ четвергъ 9-го февраля, исполнилось 50 лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ я съ матушкой пріѣхала въ Москву. Это было въ четвергъ, 9-го февраля, слѣдовательно вотъ уже 50 лѣтъ, какъ я живу въ Россіи; изъ этихъ пятидесяти протекшихъ лѣтъ я милостію Божіею царствую тридцать два года. Во-вторыхъ, вчера было при дворѣ разомъ три свадьбы. Вы понимаете, что это ужъ третье или четвертое поколѣніе послѣ тѣхъ, кого я тогда застала, и я думаю, что здѣсь въ Петербургѣ едва ли найдется десять человѣкъ, которые помнили бы этотъ мой пріѣздъ. Во-первыхъ Бецкій, слѣпой, дряхлый старикъ: онъ сильно заговаривается и спрашиваетъ у молодыхъ людей, знавали ли они Петра I-го. Потомъ графиня Матюшкина, 78 лѣтъ, вчера танцовавшая на свадьбѣ. Потомъ оберъ-шенкъ Нарышкинъ, тогда камеръ-юнкеръ, и его жена. Затѣмъ братъ его, оберъ-шталмейстеръ; но онъ не сознаётся въ этомъ, чтобъ не казаться слишкомъ старымъ. Далѣе оберъ-камергеръ Шуваловъ, который по

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 612, 623. [2]) Стр. 645. [3]) Стр. 648.

дряхлости уже почти не выѣзжаетъ изъ дому, и наконецъ старуха, моя горничная, которая уже ничего не помнитъ. Вотъ каковы мои современники; это очень странно: всѣ остальные могли бы быть моими дѣтьми или внуками. Вотъ какая я старуха. Есть семьи, въ которыхъ я знаю пятое и шестое поколѣніе. Это — убѣдительное доказательство моей старости, да и самый разсказъ этотъ не о томъ же ли свидѣтельствуетъ? Но какъ быть? Несмотря на то, я до безумія, какъ пятилѣтній ребенокъ, люблю играть въ жмурки и во всевозможныя дѣтскія игры. Молодёжь — мои внуки и внучки — говорятъ, что я непремѣнно должна быть тутъ, чтобъ было настоящее веселье, и что они при мнѣ чувствуютъ себя гораздо смѣлѣе и свободнѣе нежели безъ меня. Итакъ я настоящій коноводъ въ весельи» [1]).

Дѣла Польши.

Когда, во время второй турецкой войны, подъ вліяніемъ Пруссіи образовалась въ Польшѣ партія непріязненная Россіи и совершился переворотъ съ измѣненіемъ конституціи, то Екатерина писала объ этомъ отъ 29-го апрѣля 1791 года: «Сію минуту пріѣхалъ курьеръ изъ Варшавы, съ которымъ мнѣ пишутъ, что 22-го апрѣля тамъ была революція: посмотримъ, въ чемъ она состоитъ. Первыя извѣстія говорятъ, будто дворъ и среднія сословія предоставили королю неограниченную власть. Надо будетъ разсмотрѣть это въ подробности, но мы ко всякимъ событіямъ готовы и не отступимъ передъ самимъ дьяволомъ» [2]).

Отъ 10-го мая: «Ну, такъ вотъ, этотъ польскій сеймъ, который вы ставите выше національнаго собранія, превзошелъ его глупостью, такъ какъ изъ любви къ свободѣ и чтобъ лучше ее обезпечить, даетъ себя связать по рукамъ и ногамъ Польскому королю, уничтоживъ *liberum veto* — этотъ палладіумъ польской

[1]) *Сб. И. О.* XXII, 591, 592.

[2]) Стр. 519.

свободы, отмѣнивъ *конфедерацію*, и установивъ наслѣдственнаго короля [1]). Ну, не значитъ ли, что въ нихъ дьяволъ сидитъ съ головы до ногъ, когда такимъ образомъ измѣняютъ собственнымъ основнымъ началамъ? И можно ли имѣть въ головѣ такъ мало послѣдовательности, чтобъ дать себя такъ грубо обмануть насчетъ своихъ важнѣйшихъ интересовъ? Король Польскій увѣрилъ ихъ, что сосѣди собираются опять раздѣлить Польшу, и всѣ тотчасъ согласились вручить ему неограниченную власть. Теперь посмотримъ, что сдѣлаетъ его величество со своей двойной присягой, и броситъ ли онъ въ огонь свои договоры (pacta conventa) съ Россіей, или поѣдетъ путешествовать на венеціанскій карнавалъ, чего ему, какъ говорятъ, очень хочется» [2]).

Въ 1792 году 9-го мая государыня пишетъ: «Г. многострадальный, скажите мнѣ пожалуйста, отчего вы полагаете, что дѣла Польши не могутъ итти вровень съ французскими? Вѣроятно, вамъ неизвѣстно, что якобинское гнѣздо въ Варшавѣ правильно сносится съ таковымъ же въ Парижѣ, что Маззеи, основавшіе одно, основали и другое и что Піатоли сочинили въ Брабантѣ знаменитый манифестъ Ванъ-деръ-Ноота [3]), которымъ въ настоящее время руководятся и король и сеймъ. Они согнали со свѣта мою старую пріятельницу Польскую республику, уничтожили всѣ договоры, заключенные съ Россіей, и вотъ уже четыре года не перестаютъ наносить послѣдней всѣ обиды и оскорбленія, какія только могутъ придумать, до того что во время войны нашей съ Турціей, отрядили посланника въ Константинополь, чтобъ заключить съ Портой наступательный и оборонитель-

---

[1]) Съ тѣмъ чтобы по смерти короля Станислава корона перешла къ курфирсту Саксонскому и сдѣлались родовымъ достояніемъ Саксонскаго дома.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 534, 535.

[3]) Ванъ-деръ-Ноотъ, брюссельскій адвокатъ, принималъ, въ 1789 году, большое участіе въ возстаніи, имѣвшемъ цѣлью изгнать Австрійцевъ изъ Нидерландовъ, и былъ назначенъ президентомъ національнаго конгресса по удаленіи австрійскихъ войскъ, а когда въ 1790 году Австрійцы возвратили свои владѣнія, онъ удалился въ Голландію.

ный союзъ. Еслибъ я не имѣла въ рукахъ доказательствъ, никогда бы я не повѣрила, что Польскій король настолько неблагодаренъ и недальновиденъ, какъ онъ это показалъ въ послѣдніе четыре года. Или его водятъ за носъ, или онъ съ ума спятилъ, чтобъ дать себя увлечь въ поступки не только вредные, но прямо противные чести и благодарности. Они вообразили себѣ, что Россія въ отчаянномъ положеніи и оттого-то его польское величество позволилъ себѣ нарушить клятвенные договоры, по которымъ, въ случаѣ ихъ нарушенія, онъ дозволяетъ своимъ подданнымъ болѣе не повиноваться ему. И вотъ съ помощью 25—30 нунціевъ, которыхъ онъ пристращалъ тѣмъ, что они будутъ избиты варшавскою чернью, онъ присвоиваетъ себѣ неограниченную власть. А получивъ ее, что онъ дѣлаетъ? Онъ рѣшаетъ продажу старостъ; онъ уничтожаетъ должность «великихъ генераловъ»; онъ лишаетъ людей мѣстъ безъ суда; онъ захватываетъ казну республики. Замѣтьте, началъ онъ съ того, что уничтожилъ отвѣтственность правительства, которое захотѣлъ свергнуть. Наконецъ, эти якобинцы вездѣ стараются произвести смѣшеніе языковъ, потому что всѣ эти польскія затѣи такъ же вяжутся съ ихъ законами, какъ по русской пословицѣ коровѣ пристало сѣдло. И вы хотите, чтобъ я такъ и покинула тамъ всѣ мои интересы и интересы республики, моей союзницы и республиканцевъ, моихъ друзей, и все для того, чтобъ заняться парижскимъ якобинскимъ клубомъ? Нѣтъ, многострадальный, я буду съ ними бороться и побивать ихъ, но въ Польшѣ, хотя тѣмъ не менѣе буду заниматься и французскими дѣлами и помогу побить блузниковъ такъ же, какъ дѣлаютъ другіе, но ни за что безъ самихъ принцевъ и дворянъ французскихъ, потому что желаю, чтобъ это дворянство сохранило свое существованіе, а всякій французскій дворянинъ зналъ бы, что я смотрю на него какъ на защитника престола и королевской власти. Ну что же, многострадальный, права я или нѣтъ»? [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 567, 568.

Въ августѣ того же года о дѣлахъ польскихъ говорится: «Я согласна съ вами, что Польскій король былъ очень не правъ, когда подчинился руководству разныхъ плутовъ швейцарскихъ, итальянскихъ и польскихъ, которые такъ худо повели его, что онъ не устыдился нарушить свою клятву, свои договоры, разорвать всѣ трактаты свои съ республикой, уничтожить послѣднюю, обидѣть Россію, оскорбить свою благодѣтельницу и тѣмъ навлечь на себя всю горечь, теперь имъ испытываемую. Когда кто не уменъ въ шестьдесятъ лѣтъ, то навѣрное ужъ никогда уменъ не будетъ. Теперь нѣтъ такого коварства и фальши, которыхъ онъ не употреблялъ бы съ нами; и я, и конфедерація могли бы какъ дважды два четыре доказать ему, что онъ фальшивъ и двойственъ и тройственъ на каждомъ шагу. Я вынуждала его говорить со мною прямо и ясно; но онъ играетъ въ большую игру: привычки и сплетни ужасное зло! Вы вполнѣ правы, презирая этихъ дюжинныхъ совѣтниковъ, которымъ всегда хочется напугать васъ напрасными страхами; вы видите, что Маззеи и имъ подобные солгали: я въ полномъ здравіи и, по правдѣ сказать, и слѣдовъ никакихъ не было того, чѣмъ они грозили»[1]).

И въ другомъ письмѣ: «Чему же вы такъ радуетесь? Развѣ фальшивому нападенію на меня короля Польскаго и тому что онъ долженъ былъ отказаться отъ своей прошлогодней затѣи 3-го мая? У насъ есть въ рукахъ письма, писанныя имъ къ разнымъ лицамъ, гдѣ онъ говоритъ, будто дѣлаетъ только видъ, что уступаетъ, намѣреваясь обмануть насъ, и что онъ никогда искренно не откажется отъ своего дѣла. А это дѣло противно клятвеннымъ договорамъ, а ужъ если на то пошло, то онъ вѣдь на ихъ основаніи и былъ посаженъ на престолъ Россіею. Кромѣ того, всѣ безъ изъятія трактаты наши заключены съ республикой. Я эту зиму спрашивала пріѣзжихъ Поляковъ: — Что сдѣлали вы съ моей пріятельницей? Гдѣ я ее опять отыщу? Возвратите мнѣ ее. — Они не знали, что отвѣчать на это. Его польское величе-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 571.

ство задался цѣлью раздражать, возбуждать свою націю противъ Россіи за то, что она любила свою старую пріятельницу, которую его величество задумалъ уничтожить»[1]).

Въ концѣ 1793 года у Гримма гостилъ богатый шотландскій перъ Финдлэтеръ, извѣстный тѣмъ, что, путешествуя по Европѣ, онъ употреблялъ свои огромныя средства на поощреніе винодѣлія и садоводства, на украшеніе городовъ, особливо въ Германіи. Впослѣдствіи онъ посылалъ императрицѣ много интересныхъ англійскихъ книгъ, за которыя она часто благодаритъ его въ своихъ письмахъ. Теперь же его, вмѣстѣ съ Гриммомъ, сильно занимала карта Европы, и они забавлялись различными предположеніями о возможномъ расширеніи предѣловъ главныхъ европейскихъ государствъ. Гриммъ въ шуточномъ тонѣ сообщилъ эти предположенія Екатеринѣ. Такъ Финдлэтеръ будто бы рѣшилъ, что предѣлы Россіи на западѣ не требуютъ расширенія. На востокѣ же онъ указывалъ на необходимость пріобрѣтенія всего Кавказа между Чернымъ и Каспійскимъ морями, на югѣ онъ назначалъ великому князю Константину Павловичу греческую корону со всѣмъ Балканскимъ полуостровомъ южнѣе Дуная и Савы, включая сюда и собственную Грецію. Австріи онъ отдавалъ Молдавію, Валахію и Бессарабію, съ тѣмъ чтобъ она Галицію возвратила Польшѣ. Пруссіи онъ отводилъ часть Царства Польскаго, по лѣвому берегу Вислы съ Краковомъ и Варшавою, или предлагалъ замѣнить это шведской Помераніей и Мекленбургомъ съ прибавкой Бамберга и Вюрцбурга. Судьбу Польши онъ устроивалъ такъ, чтобы кромѣ Галиціи она получила еще Курляндію, и король ея имѣлъ бы мѣстопребываніе въ Гроднѣ, или какомъ-нибудь другомъ значительномъ городѣ Польши или Литвы. Наконецъ, чтобъ не забыть никого, онъ уступалъ Англіи островъ Кипръ или Кандію; въ заключеніе же предлагалъ уничтожить всѣ крѣпости въ Дарданеллахъ, чтобъ всѣ государства, прилегающія къ Черному морю, имѣли свобод-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 576, 577.

ный выходъ изъ него и полную свободу плаванія по всѣмъ морямъ. Если же этотъ проектъ не понравился бы Екатеринѣ, то ей стоитъ только сказать, и они тотчасъ составятъ новый, и изобрѣтательность ихъ въ этомъ будетъ такъ же неистощима, какъ Россія неисчерпаема въ своихъ средствахъ. Въ концѣ письма Гриммъ съ обычнымъ своимъ юморомъ подшучиваетъ надъ неудачной кокетливостью Польши съ Западомъ и ея перемигиваньями со всѣми державами, враждебными Россіи. Онъ радуется, что сеймъ въ Гроднѣ покончилъ дѣло, говоря что Польша можетъ пенять только на себя, если ей пришлось укоротить юбочку, сузить корсетъ и даже обстричь ногти, чтобъ она не царапалась. Затѣмъ онъ представляетъ, что Польша бросается въ объятія Россіи, обѣщая не только жить въ мирѣ съ нею, но обвивать ее, какъ плющъ обвиваетъ могучій дубъ, повторяя: «Отнынѣ мы неразлучны, ты большая, я маленькая».

На это замысловатое посланіе послѣдовалъ отъ 11-го февраля 1794 г. такой отвѣтъ: «Вашему милорду Финдлэтеру ужъ вѣрно дѣлать нечего, если онъ занимается проектами насчетъ того, что мы можемъ и не можемъ сдѣлать. Прежде всего я полюбопытствовала бы узнать, что́ онъ такое: чиновникъ ли, или путешествуетъ для своего удовольствія, послѣ чего надо конечно поблагодарить шотландскаго пэра, что онъ нами занимается, и сказать ему, что въ мирное время, всѣ идеи и помыслы должны быть мирные, что я обезпечила за каждымъ изъ своихъ союзниковъ его настоящія владѣнія, именно за Польшей, Швеціей и Австріей, да и королю Прусскому я не вижу нужды увеличивать въ такой степени владѣнія во всѣхъ направленіяхъ. Я же, съ своей стороны, находясь въ мирѣ со всѣми, сижу смирно и ничего не требую, кромѣ того, чтобъ меня оставили въ покоѣ и тишинѣ, приличныхъ моему возрасту. Что касается Константина, то мнѣ кажется, что онъ считается однимъ изъ самыхъ завидныхъ женіховъ въ Европѣ: на комъ только его всякій день не женятъ изъ находящихся на лицо партій въ Европѣ и наперерывъ отдаютъ ему то одно, то другое владѣніе, тогда какъ онъ и не по-

мышляетъ ни о чемъ подобномъ.... Вы видите, что я не забыла и свою маленькую проказницу (égrillarde); но меня сердитъ, что она опять даетъ нѣкоторыя доказательства не совсѣмъ искренняго раскаянія въ своихъ чудовищныхъ заблужденіяхъ; она опять отличилась маленькими злобными выходками, которыя къ ней вовсе не пристали. Не понимаю, какъ ей удалось до того заколдовать г. посланника, что онъ въ концѣ сейма предоставилъ ей полную свободу дѣйствій, а она его надувала какъ ученикъ надуваетъ своего ректора»[1]).

Въ мартѣ 1794 г., предполагая возможность новой войны съ Турціей, государыня прибавляетъ къ этому: «Та минута, въ которую Костюшко и Мадалинскій подняли знамя возстанія во всей якобинской чистотѣ и воздвигли въ Краковѣ висѣлицу, чтобъ вѣшать на ней всѣхъ, не раздѣляющихъ убѣжденій ихъ,— такая минута должна казаться Портѣ особенно благопріятною»[2]).

Отъ 3-го апрѣля: «Ну, пока его прусское величество покровительствуетъ во Франціи трехцвѣтному знамени и входитъ въ открытые переговоры съ мятежниками, слышно, что четыре комиссара отъ конвента вошли въ Краковъ, чтобъ помочь польскимъ заговорщикамъ отнять у Прусскаго короля провинціи, имъ пріобрѣтенныя. Его кордонъ былъ опрокинутъ и орлы сброшены. Генералъ Игельстромъ, мой посланникъ въ Варшавѣ, извѣстившись объ этомъ возстаніи синьйора Мадалинскаго и его товарища г. Костюшко въ Варшавѣ, послалъ нѣсколько сотенъ казаковъ противъ перваго. Эти — задали имъ хорошую русскую встрепку и теперь они разбѣжались въ разныя стороны. Увидимъ, какъ-то ихъ поддержатъ изъ Кракова и въ Краковѣ. И по всей вѣроятности коммиссары конвента со своими 30 милліонами ливровъ, назначенными на поднятіе Польши, такъ же скоро уберутся во-свояси, какъ пришли, изъ опасенія, чтобъ наши казаки ихъ не повѣсили, что̀ навѣрное случится, если только они попадутся»[3]).

---

[1]) *Сб. И. С.* XXIII, 593, 594. [2]) Стр. 600. [3]) Стр. 601, 602.

21-го апрѣля: «Если вы услышите о новыхъ проказахъ шалуньи, будьте увѣрены, что долгъ этотъ будетъ заплаченъ съ процентами, и посмотримъ, кто въ концѣ концовъ будетъ правъ. . . Я писала вамъ въ одномъ письмѣ, посланномъ черезъ курьера, о путешествіи вашемъ сюда; если вы на него рѣшитесь, то хорошенько выберите время: въ эту минуту Самогитія въ полномъ возстаніи, даже почта приходитъ къ намъ черезъ Мемель и Либаву, а въ Польшѣ рѣзня»[1]).

25-го мая: «Говорятъ, что восемьдесятъ тысячъ людей идутъ съ сѣвера, съ одной стороны, и четыре съ другой, чтобъ покончить съ заблужденіями шалуньи»[2]).

1-го сентября: «Церковный годъ начинается превосходно. Вы конечно знаете, что онъ начинается 1-го сентября. Генералъ-майоръ Циціановъ, послѣ четырехчасового боя, и имѣя вчетверо меньшія силы чѣмъ противникъ, взялъ въ плѣнъ генерала Грабовскаго со всѣмъ его корпусомъ, пушками и пр. и со множествомъ дамъ, находившихся въ свитѣ. Послѣ взятія Вильны, при чемъ польскія войска обратились въ бѣгство по тремъ различнымъ направленіямъ, Грабовскій устремился въ Минскъ, какъ бѣшенный добѣжалъ до Любена и попалъ въ нашъ кордонъ. Тутъ князь Циціановъ разбилъ ихъ и велѣлъ обезоружить весь корпусъ; у нихъ были ружья, пики, косы и пушки. Теперь можно сказать, что мы скоро будемъ держать ихъ за уши. Замѣтьте, что этотъ князь Циціановъ грузинъ, родился и воспитывался здѣсь, храбръ какъ сама шпага, уменъ и съ познаніями. Я радуюсь, когда думаю, сколько теперь въ арміи молодыхъ людей, подающихъ величайшія надежды: Это не иноходцы. Они исполнены огня и отваги. Господь да благословитъ и сохранитъ ихъ»[3]).

3-го сентября: «Сегодня утромъ я получила извѣстіе, что королю Прусскому вздумалось снять осаду Варшавы подъ предлогомъ, что въ его собственныхъ владѣніяхъ возмущеніе. Ну, ужъ еслибъ я была на его мѣстѣ, я тотчасъ овладѣла бы Варшавой и тѣмъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 603. [2]) Стр. 604. [3]) Стр. 610.

задушила бы бунтъ въ самомъ началѣ: тамъ-то и слѣдовало съ нимъ покончить. О Господи! я не смѣю сказать что̀ думаю, но къ несчастію я предсказала принцу Нассаускому и многимъ другимъ еще за четыре года все то, что случилось съ Людовикомъ XVI. Бываетъ такъ, что взглядъ мой съ быстротою ракеты проницаетъ будущее и тамъ провидитъ одну яркую черту какого-нибудь явленія. Но лучше молчать: между окружающими короля нѣтъ ни одной умной головы. У насъ всѣ возмущены и осыпа́ютъ ихъ всевозможными ругательствами. Польскіе разбойники отняли у его величества два обоза: одинъ на Вислѣ съ крупной артиллеріей, другой съ военными запасами, шедшій изъ Силезіи. Я дорого бы дала, чтобъ захватили его маркиза Луккезини, который ѣдетъ къ нему назадъ изъ Вѣны: но этого, я увѣрена, не возьмутъ. Онъ слишкомъ хорошо имъ прислуживаетъ, и притомъ онъ Итальянецъ, а Итальянцы, какъ Греки, всегда сумѣютъ высвободить голову изъ-подъ топора и плахи»[1]).

4-го сентября 1794 г. «Принцъ Нассаускій прислалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о снятіи осады Варшавы очень молодого человѣка, и я его распрашивала о многомъ, между прочимъ о добродѣтельномъ Манштейнѣ, которому хотѣлось войти въ переговоры съ Костюшкой, какъ прежде съ Дюмурье. Я спросила его, что это за человѣкъ; онъ отвѣчалъ мнѣ въ двухъ словахъ: «это дуракъ». Я была очень довольна такимъ отвѣтомъ и повторяю вамъ: — это дуракъ, если вы этого еще не знали». — [2]) 30-го сентября: «Поляки напечатали подробно весь разговоръ добродѣтельнаго Манштейна съ Заіончекомъ: вотъ высокое проявленіе глупости» [3]).

8-го декабря. 1794 г.: «Королю Прусскому необходимы лѣкарства, если онъ будетъ дѣйствовать какъ теперь, и для этого я не знаю лучшаго лѣкаря, какъ фельдмаршала, графа обѣихъ имперій; онъ подтолкнетъ въ бока этого господина, что̀ сдѣлаетъ его менѣе судорожнымъ, когда придется дѣйствовать. . . Не го-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 610. [2]) Стр. 611. [3]) Стр. 613, 614.

ворю вамъ ничего о взятіи Варшавы и Праги: вы это знаете также хорошо, какъ и я; вы знаете также, что графъ обѣихъ имперій (Суворовъ) произведенъ въ фельдмаршалы»[1]).

15-го декабря: «Другу моему Валеріану Зубову ядромъ раздробило ногу, и при этомъ онъ показалъ высокое мужество: лошадь подъ нимъ была убита тѣмъ же ударомъ; онъ упалъ вмѣстѣ съ нею и только слѣзая съ лошади, когда не могъ ступить на ногу, замѣтилъ, что она сломана. Окружающіе его офицеры бросились со своихъ лошадей и унесли его за небольшую защиту. Пришелъ хирургъ, и раненый просилъ его отнять ему ногу на четыре пальца выше перелома, что́ хирургъ и исполнилъ при громѣ непріятельскихъ пушекъ, среди свиста ядеръ летавшихъ вокругъ, такъ что два раза надо было перемѣнять мѣсто во время операціи. Потомъ его понесли на носилкахъ, и когда шли мимо второй линіи нашихъ войскъ, наступавшихъ на непріятеля, Валеріанъ разговаривалъ съ солдатами и шутилъ съ ними. Многіе солдаты прослезились, увидѣвъ его. Наконецъ его отнесли въ домъ помѣщика, ближайшій къ тому мѣсту на Бугѣ, гдѣ было сраженіе. Всѣ окружающіе его обливались слезами, а онъ только думалъ о другихъ и о той печали, какую испытаютъ его родители и друзья, когда узнаютъ его несчастіе. Надо прибавить, что всѣ храбрецы, всѣ молодые люди въ арміи всегда хотѣли служить съ нимъ, что онъ очень любимъ начальниками и подчиненными и его военная репутація упрочена. На него смотрятъ съ великими надеждами. Онъ написалъ родителямъ, увѣряя что какимъ онъ былъ, такимъ и остался, и будетъ продолжать службу, только сожалѣетъ, что не участвовалъ во взятіи Праги. Однимъ словомъ, онъ показалъ геройскую душу; замѣтьте, что нашему герою только 24 года. Онъ велѣлъ перевезти себя въ Варшаву, гдѣ ужъ началъ ходить на костыляхъ. Графъ обѣихъ имперій проводитъ у него всѣ свои свободные часы, а фельдмаршалъ Румянцовъ такъ влюбленъ въ этого молодого человѣка, что посылаетъ курье-

[1]) *Сб. И О.* XXIII, 615.

ровъ узнавать о его здоровьи. Короче, никто никогда у насъ не пользовался такой общей любовью, уваженіемъ и почетомъ, какъ онъ. — Въ подробной реляціи о взятіи Праги фельдмаршалъ обѣихъ имперій выставляетъ заслуги одного лейтенанта инженернаго корпуса, о которомъ онъ говоритъ, что этотъ воспитанникъ артиллерійскаго кадетскаго корпуса начерталъ планы взятія Измаила и Праги, которые онъ фельдмаршалъ исполнилъ. Мы только и слышимъ что подобныя вѣсти. Это молодой человѣкъ 24—25 лѣтъ, по фамиліи Глуховъ. Кажется, на сегодня довольно. Прощайте, многострадальный: у меня ухо болитъ. Это можетъ-быть отъ всѣхъ скверныхъ извѣстій, которыя до меня доходятъ отовсюду, кромѣ нашихъ собственныхъ. Костюшко привезенъ сюда: его признали глупцомъ въ полномъ смыслѣ слова и недостойнымъ своего призванія» [1]).

Въ 1795 году, когда шла рѣчь объ окончательномъ уничтоженіи Польши, императрица, опираясь на свое изученіе русской исторіи по источникамъ, просвѣщаетъ Гримма насчетъ давней принадлежности западнаго края Россіи [2]) и исторически доказываетъ ему эту принадлежность, упоминая, что до XVII вѣка не въ одномъ Полоцкѣ, но и во всей Литвѣ дѣла производились на русскомъ языкѣ со славянской азбукой, что лѣтосчисленіе велось по нашему церковному обычаю, что православіе было во всей Литвѣ господствующимъ, даже между князьями и великими князьями, а церкви, особливо соборы, строились съ алтаремъ на востокъ, по установленію восточной церкви.

11 апрѣля 1795 г. «Валеріанъ здѣсь и проворно ходитъ на двухъ костыляхъ. Онъ заказалъ себѣ ногу, которая должна быть превосходна, потому что доктора запрещаютъ ему ее показывать, изъ боязни чтобъ онъ не завладѣлъ ею, пока рана еще не закрыта. Она уже закрылась было, но нашъ молодецъ, въ жару разговора, забывъ совершенно, что у него недостаетъ половины

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 616, 617.

[2]) Стр. 620, 621. Приведено въ цѣлости выше, въ главѣ «Исторія и политическая мудрость».

одной ноги, вскочивъ со стула, растянулся во всю длину. Это паденіе опять раскрыло рану, изъ которой вышли остатки первой перевязки. Но затѣмъ онъ красивѣе чѣмъ когда-либо и совсѣмъ здоровъ.... Король Прусскій торговался подъ Варшавой, какъ и подъ Базелемъ; изъ этого вышла глупость, да и изъ того надо ожидать подобной же. Еслибъ Лафайетъ и Дюмурье прибыли въ Польшу, то и они раздѣлили бы судьбу Костюшки; эти герои играли бы у насъ жалкую роль: второй ужъ былъ тамъ, и графъ обѣихъ имперій прогналъ его въ Краковъ въ то же скопище, откуда онъ вышелъ, а онъ объ этомъ ни слова не поминаетъ ни въ своихъ мемуарахъ, ни въ своей жизни..... Представьте себѣ, что газеты говорятъ о 18 или 20 пушкахъ, взятыхъ Пруссаками у Поляковъ по ту сторону Пилицы; но умному свистни, умный ужъ смыслитъ. Когда Ферзенъ послѣ взятія Варшавы преслѣдовалъ остатокъ польскихъ шаекъ, то нашъ отрядъ отнялъ у нихъ пушки, но за недостаткомъ лошадей и, занятый преслѣдованіемъ, принужденъ былъ бросить ихъ въ лѣсу; прусскій кордонъ былъ оттуда близко и вытащилъ ихъ изъ лѣсу, увѣривъ его величество, что они взяты съ бою, а это лишило нашихъ бѣдныхъ офицеровъ отряда георгіевскихъ крестовъ, которыхъ имъ не дали, такъ какъ они не могли показать того, что отняли у непріятеля.

«Скажите же мнѣ, кто глупѣе: Манштейнъ или его господинъ, такъ какъ вы ихъ обоихъ знаете. Знаете ли также что генералъ-лейтенантъ графъ Ферзенъ нѣсколько разъ напрасно просилъ короля Прусскаго позволить ему перейти Вислу, чтобъ напасть на Прагу и что никогда Е. В. и его жокей нехотѣли на это согласиться; что Ферзену предлагали атаковать одинъ редутъ и онъ отвѣчалъ:—одинъ, я не согласенъ, а на всѣ вдругъ пойдемте вмѣстѣ.—Знаете ли что мнѣ не разъ посылали курьеровъ жаловаться на Ферзена черезъ принца Нассаускаго, которому Лукезини сверпулъ голову обнадёживъ что ему дадутъ командованіе корпусомъ вмѣсто Ферзена, дѣйствовавшаго съ твердостью и мужествомъ поистинѣ рыцарскими. А принцъ Нассаускій напротивъ потерялъ довѣріе войска и офицеровъ, когда погубилъ

половину своей гребной флоттиліи. У насъ не любятъ битыхъ, и чтобъ быть уваженнымъ, надо бить. Онъ три раза билъ, но и это его не спасло и всѣ радовались, когда онъ подалъ въ отставку» [1]).

11-го іюня: «Генералъ-лейтенантъ Ферзенъ написалъ одному изъ прусскихъ генераловъ, чтобъ онъ шелъ впередъ на соединеніе съ нимъ; но тотъ отвѣчалъ, что это ему невозможно, потому что оба его фланга ни на что не опираются. Ферзенъ возражалъ просьбой слѣдовать только его первому совѣту, прибавляя, что онъ, Ферзенъ, всю жизнь поступалъ такимъ образомъ и имѣлъ успѣхъ: и что же случилось? Ферзенъ разбилъ Костюшку и взялъ его въ плѣнъ, а прусскій генералъ остался неизвѣстнымъ въ своей берлогѣ, со своими двумя опирающимися флангами» [2]).

28-го августа: «Ну вотъ, многострадальный, меня съ одной стороны донельзя превозносятъ, а съ другой бранятъ. Теперь уніаты и римское духовенство жалуются на притѣсненія; а никто ихъ не притѣсняетъ. Вотъ въ чемъ дѣло: въ старину, римское духовенство ввело въ Литву унію, чтобъ обратить и привлечь къ себѣ православныхъ — не уніатовъ. А въ прошедшемъ году изрядное количество уніатскихъ приходовъ опять присоединилось къ нашей церкви. Уніаты кричатъ, потому что при этомъ нѣкоторые уніатскіе священники очутились одни, безъ прихожанъ, но я въ этомъ неповинна. Что касается вашего антверпенскаго епископа, то я ему откланиваюсь, во-первыхъ потому что онъ слишкомъ много извергаетъ латыни, во-вторыхъ потому что онъ не остался вѣренъ австрійскому дому. Я получила его книги и благодарю его, вотъ и все» [3]).

Въ одномъ изъ писемъ своихъ Гриммъ увѣрялъ, что Поляки болѣе всего плачутся о томъ, что ихъ отчизна вычеркнута изъ списка живыхъ, а Финдлэтеръ, дѣлая разныя комбинаціи въ пользу Россіи и въ ущербъ Пруссіи и Австріи, совѣтуетъ Екатеринѣ поправить это, принявъ титулъ королевы Польской. Императрица

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 633, 634. [2]) Стр. 641. [3]) Стр. 644.

отвѣчала отъ 16-го сентября: «Выслушайте-ка о Польшѣ историческое евангеліе, которое я докажу какъ дважды два четыре. Польша сначалѣ и до 1386 года состояла изъ воеводствъ Краковскаго, Сендомирскаго, Мазовецкаго, изъ того, что называютъ Великой Польшей, по ту сторону Вислы. Въ 1386 году королева Польская Гедвига вышла замужъ за Ягеллона, великаго князя Литовскаго, происходившаго по прямой линіи отъ Владиміра I, великаго князя Русскаго, давшаго своему старшему сыну Изяславу Полоцкъ, а другому—Литву, которая по наслѣдству перешла въ родъ Изяслава. Итакъ я при раздѣлѣ не получила ни одной пяди польской земли: мнѣ дали то, что сами Поляки не переставали называть Червонной Русью, Кіевское воеводство, Подолію и Волынь съ главнымъ городомъ Владиміромъ, основаннымъ Владиміромъ I въ 992 году, Литва же никогда не была коренною частью Польши. Итакъ, не владѣя ни однимъ вершкомъ польской земли, какъ же я могу принять титулъ королевы Польской? Сверхъ того, если эта нація потеряла даже свое имя, то по моему мнѣнію она сама въ томъ виновата, уничтоживъ всѣ трактаты, обезпечивавшіе ея существованіе, не слушая никогда никакихъ резоновъ и дойдя наконецъ до такого разъединенія, что нельзя было найти двухъ человѣкъ, которые въ чемъ-нибудь были бы согласны между собою. Продажный народъ, испорченный, легкомысленный, болтливый. Всѣ они притѣснители, прожектёры, частныя имѣнія свои они роздали въ управленіе жидамъ, а тѣ высасывали кровь изъ народа, имъ же давали весьма мало: вотъ каковы Поляки. Они даже не знаютъ, что я не владѣю ни пядью польской земли, а сами предлагаютъ мнѣ быть ихъ королевой. Передъ тѣмъ они просили у меня внука, у Прусскаго короля — сына, у Вѣнскаго двора— эрцгерцога, и все это въ одно время, у Испанскаго короля—инфанта, у Бурбонскаго дома — одного изъ принцевъ, а у себя установляли законъ, чтобъ король былъ изъ рода Піастовъ. Вѣдь все это безсмыслица, но въ польской головѣ очо хорошо укладывается» [1]).

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 647, 648.

19-го сентября: «Если толстякъ Вильгельмъ выдастъ мнѣ своего болвана Мадалинскаго, я ему выдамъ моего простяка Костюшку, который все еще очень боленъ; я помѣстила его въ домѣ Штегельмана, гдѣ прежде жилъ покойный графъ Ангальтъ: при домѣ есть садикъ, въ которомъ онъ можетъ гулять. Онъ кротокъ какъ ягненокъ, но, я думаю, былъ бы не прочь подраться съ толстякомъ» [1]).

Отъ 3-го октября государыня пишетъ подъ заглавіемъ:

Оправдательная записка.

«Если вамъ станутъ разсказывать, что я налагаю секвестръ и конфискую имѣнія въ Литвѣ и въ моемъ участкѣ, то знайте всю правду. Секвестрованы были имѣнія тѣхъ, кто принималъ участіе въ заговорѣ, по которому Костюшко съ братіей взялись за оружіе. Во-вторыхъ, всѣ присягнувшіе, и потомъ возставшіе тѣмъ самымъ отказались отъ своихъ правъ, и имѣнія ихъ были конфискованы. Несмотря на это, я ежедневно возвращаю ихъ многимъ, потому что вѣдь я не очень зла, но все-таки хорошо если вы будете это знать. Что же касается староствъ, то это бывшія королевскія владѣнія; они могутъ быть возвращены только казнѣ, и я предпочитаю ихъ раздавать за заслуги, вмѣсто того чтобъ оставлять ихъ въ рукахъ людей сомнительной вѣрности. Итакъ извините меня пожалуйста» [2]).

Общее состояніе Европы. 1794 годъ.

Въ началѣ 1794 года Екатерина характеризуетъ общее замѣшательство дѣлъ въ Европѣ и опять возвращается къ выраженному уже разъ предчувствію появленія Наполеона, которое было такъ близко и совершенно измѣнило и направленіе умовъ и характеръ событій. Она писала отъ 11-го февраля: «Давно уже говорятъ, что въ южныхъ странахъ Европы обнаруживается

[1]) *Сб. И. О* XXIII, 650. [2]) Стр. 655, 656.

упадокъ. Однако всѣ туда ѣдутъ, вѣроятно чтобъ потереться объ этотъ упадокъ. А этому паденію такъ легко было помѣшать! На всякомъ шагу приходится удивляться, какъ это могло случиться! Я думаю, тутъ не мало виновата небрежность. Если Франція выпутается изо всего этого, она будетъ сильнѣе чѣмъ когда-либо; она будетъ послушна и кротка какъ овечка; но ей нуженъ человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ смертныхъ: ловкій, храбрый, стоящій не только выше своихъ современниковъ, но можетъ-быть и выше самаго вѣка. Родился ли онъ, или не родился? придетъ ли онъ? Все отъ этого зависитъ. Если таковой найдется, онъ поставитъ ногу, чтобъ остановить дальнѣйшее паденіе, и оно остановится тамъ, гдѣ онъ будетъ стоять: во Франціи или въ другомъ мѣстѣ...

«Скажите мнѣ когда-нибудь, знавали ли вы этого гадкаго аббата Сіэса, который, какъ кажется, былъ однимъ изъ великихъ дѣльцовъ во Франціи? Помните, къ какому обществу причисляли васъ два капуцина въ Петергофѣ? [1]) Вспомните также, что покойный король Прусскій увѣрялъ, будто Гельвецій сознавался ему, что главная цѣль философовъ — опрокинуть всѣ престолы, и энциклопедія имѣетъ только одну цѣль — уничтожить всѣхъ государей и всѣ религіи. Помните также, что вы никогда не хотѣли, чтобъ васъ причисляли къ философамъ. Да, вы были правы, что никогда не хотѣли быть причтены къ иллюминатамъ, ясновидцамъ, философамъ, потому что у нихъ всѣхъ, какъ доказываетъ опытъ, была одна цѣль — разрушать. Но что бы они ни говорили и ни дѣлали, міръ никогда не обойдется безъ хозяина и все-таки лучше для него временное заблужденіе *одного*, чѣмъ безуміе *множества*, приводящее двадцать милліоновъ людей въ ярость изъ-за одного слова: *свобода*, которой они не находятъ и тѣни, и за которой, безумцы, гонятся, никогда ее не достигая» [2]).

Объ отъѣздѣ турецкаго посланника и о перспективѣ новой

---

[1]) Намекъ на одинъ маскарадъ въ Петергофѣ, на которомъ сама государыня интриговала Гримма въ бытность его въ Россіи.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 592, 593.

войны съ Турціей государыня писала отъ 13-го февраля: «Марабутъ уѣхалъ и уѣзжая заявилъ родъ протеста, что ему будто бы не дали удовлетворительнаго отвѣта на нѣкоторые пункты мирнаго договора, который ему захотѣлось измѣнить. Только-то! Отъ насъ зависитъ принять этотъ протестъ за предвѣстіе объявленія войны. Кромѣ того, Высокая Порта заготовляетъ громадные запасы въ Молдавіи и Валахіи и подъ предлогомъ наказанія скутарійскаго паши собираетъ значительное войско и строитъ два моста: одинъ на Дунаѣ близъ Исакчи, а другой на Прутѣ около Рябой могилы. NB. все это никогда у нихъ не дѣлается въ мирное время, а только когда готовятся къ войнѣ съ Россіей. Итакъ не принимать своихъ предосторожностей значило бы уподобиться цаплѣ. Есть очень любопытный анекдотъ объ этомъ только что уѣхавшемъ отсюда посланникѣ-марабутѣ, будто надо было почти что палками выгонять его свиту изъ Петербурга, потому что они, кромѣ десяти, двѣнадцати человѣкъ, всей компаніей умоляли, чтобъ имъ позволили здѣсь остаться; даже нѣкоторыя изъ женъ повыпрыгали отъ него изъ оконъ. Ну ужъ видно дѣла плохи, если имъ захотѣлось оставаться у христіанъ!» [1]).

Когда, послѣ свиданія съ лордомъ Элліотомъ, Гриммъ описывалъ императрицѣ, какъ онъ съ жаромъ убѣждалъ его въ необходимости согласія Англіи съ Россіей по дѣламъ Франціи, то она отвѣчала на это: «Кажется, лордъ Элліотъ ловко увернулся, когда вы ему приставили ножъ къ горлу. Эти дѣла — послѣдствіе ужаснаго злопамятства С. Джемскаго двора противъ меня за Америку, по поводу которой я въ свое время довольно наговорила имъ истинъ; особливо же за вооруженный нейтралитетъ. Король Георгъ отъ природы склоненъ къ ненависти, а королева Шарлотта — пруссачка до мозга костей; однако оба сына Прусскаго короля ускользнули отъ нея, хотя у нея семь дочерей невѣстъ: правда, что они женились на ея племянницахъ, и это должно бы уменьшить ея горе. Что касается Пруссака Борка, онъ завзятый

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 595.

смутникъ, такъ же какъ пруссакъ Герцбергъ, извѣстный грубый педантъ и необтесанный померанецъ: этого довольно. Я полагаю, что онъ тогда царствовалъ, а г. Іуккезинн управлялъ и велъ дѣла моей маленькой неблагодарной (Польской республики) съ такимъ необыкновеннымъ тщеславіемъ, какое сродно только выскочкамъ. При всемъ этомъ приходится только пожимать плечами» [1]).

На похвалы Гримма наслѣдному принцу Прусскому, который, по его мнѣнію, долженъ былъ поднять свой родъ и подавалъ большія надежды, Екатерина отвѣчала: «О любезный многострадальный! Ты все еще въ восторгѣ отъ нѣмецкихъ принцевъ. Тотъ, котораго ты теперь хвалишь, говорятъ, какъ двѣ капли похожъ даже видомъ и осанкой на знаменитаго ландграфа Гессенъ-Дармштадтскаго, явившагося нейтральнымъ въ собственномъ дѣлѣ и у котораго теперь цѣлые батальйоны устремились къ карманьйоламъ.—Симъ, Хамъ и Іафетъ, сыновья Ноя, чьи были дѣти? — спросилъ разъ у экзаменуемаго на священство одинъ испанскій епископъ. И вы не задумайтесь, какъ тотъ экзаменуемый. Откуда же берется у васъ смѣлость надѣяться? И говорите послѣ того, что многострадальный въ нихъ не влюбленъ» [2]).

15-го февраля: «Вы пишете, что непоправимымъ несчастіямъ надо противопоставлять спокойствіе и покорность. Вы этому научились отъ вашего отца, а то же самое говорилъ и покойный г. Вагнеръ древней памяти. Прощай, многострадальный, будь здоровъ. Я не больна, потому что присутствовала вчера и третьяго дня на двухъ балахъ, гдѣ наша молодёжь веселилась до упаду; сегодня я отъ этого упражненія очень устала, а вечеромъ буду присутствовать на третьемъ. Вы спросите меня, отчего столько баловъ сряду, а я вамъ отвѣчу: потому что масляница и послѣдняя недѣля, которую я провожу среди праздниковъ, театровъ или писанья къ вамъ, а хронологія [3]) за то отдыхаетъ» [4]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 596. [2]) Стр. 598.

[3]) Годы 1794 и 1795 Екатерина всего усерднѣе занималась русской исторіей.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 599.

31-го марта: «Вотъ крѣпостныя пушки палятъ въ ту минуту какъ я беру перо, чтобъ сообщить вамъ, что Нева вскрылась и начнется навигація нынѣшняго года,—года, въ который у насъ почти не было зимы, ни снѣгу на семьдесятъ верстъ вокругъ Петербурга.... Вы говорите, что отомстите когда-нибудь за обвиненіе Вольтера, будто онъ приготовилъ революцію, тѣмъ что назовете ея настоящихъ виновниковъ. Пожалуйста назовите мнѣ ихъ и скажите, что́ вы объ этомъ знаете»[1]).

Въ тотъ же день послѣ обѣда: «Не знаю, что́ за выходъ былъ у г. Кутузова, посланника въ Константинополѣ, что́ за праздникъ въ мои именины; кто же читаетъ о выходахъ и праздникахъ въ газетахъ, кромѣ васъ? Но мнѣ сдается, что послѣ выхода помянутаго превосходительства и его переговоровъ съ гадкимъ марабутомъ, бывшимъ здѣсь, вы прочтете въ тѣхъ же газетахъ объявленіе войны султана Селима мнѣ, а можетъ-быть и обѣимъ имперіямъ вмѣстѣ» [2]).

1-го апрѣля: «Не знаю, кто былъ этотъ многозначительный человѣкъ, присутствовавшій на балѣ посланника Кутузова; онъ никогда объ этомъ не поминалъ, или я забыла. Но говорятъ, что султанъ Селимъ недавно давалъ балъ на европейскую ногу въ своемъ сералѣ. Не знаю, состоялъ ли этотъ балъ изъ однихъ мужчинъ, или изъ однѣхъ женщинъ, иначе это былъ бы скандалъ ни на что не похожій у мусульманъ. Вы очень правы, говоря, что ребячество Французовъ сквозитъ у нихъ даже изъ-за ихъ звѣрства. Пачкуны же (die Köther) помогаютъ безумцамъ, потому что сами пачкуны—безумцы. И теперь, какъ и вначалѣ, все что возможно сдѣлать путнаго, должно исходить изъ французскихъ рукъ съ поддержкою другихъ державъ, но при этомъ не надо бы заявлять о намѣреніи захватовъ, завоеваній и проч. Города сдавались бы Французамъ и только въ крайности сдадутся завоевателямъ, отъ-

---

[1]) 599. Отвѣта Гримма на этотъ вопросъ нѣтъ и въ новыхъ его письмахъ, такъ какъ письма 1794 г. идутъ только до апрѣля.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 600.

явленнымъ врагамъ государства. Можно бы написать цѣлые томы о глупости пачкуновъ, и всѣ они дѣйствуютъ одинаково»[1]).

Въ Таврическомъ дворцѣ 3-го апрѣля: «Но послушайте, я вчера вспомнила, что вы мнѣ не разъ говорили, что нашъ вѣкъ — переходный. А я говорю, что этотъ переходъ заключается въ томъ, чтобъ приготовить грязныя дѣла и грязныхъ людей всякаго рода, которыя произвели, производятъ и будутъ производить безконечныя бѣдствія и сдѣлаютъ безчисленное множество несчастныхъ. Еслибъ эти эмигранты, о которыхъ вы мнѣ говорите, могли сплотиться во Франціи, то имъ было бы тамъ лучше, чѣмъ гдѣ-либо, и вотъ почему я уже два года проповѣдую принцамъ Бурбонскаго дома овладѣть хоть какъ-нибудь первой лачужкой, которая имъ попалась бы въ руки, потому что эта лачужка послужила бы имъ ядромъ, но они въ Кобленцѣ мѣтили на Страсбургъ; а этотъ кусокъ былъ имъ не по силамъ, и кромѣ того никуда не годился: вотъ они его и не получили. Правда, что я не спѣшила отвѣчать многимъ эмигрантамъ, потому что изъ первыхъ, принятыхъ мною, кромѣ нѣсколькихъ молодыхъ людей, на службѣ ни одинъ не остался; я полагала, что они собираются возвратиться въ отечество и что чѣмъ значительнѣе ихъ число, тѣмъ лучше будетъ. Маркизъ Жюинье писалъ мнѣ о поступленіи ко мнѣ на службу; я знаю, что это человѣкъ достойный уваженія, но его военныя способности мнѣ неизвѣстны, онъ долженъ быть очень старъ, и вы весьма хорошо ему отвѣчали»[2]).

27-го августа того же года государыня писала: «По послѣднимъ письмамъ изъ Гама, маршалъ сопровождаетъ графа д'Артуа въ Англію; это лучшее, чего онъ могъ ожидать для праваго дѣла; я увижу какъ дѣла́ повернутся тамъ и чѣмъ будетъ мнѣ можно помочь этому достойному человѣку. Я не отчаиваюсь въ возвращеніи эмигрантовъ во Францію, и по этому пункту, какъ и по многимъ другимъ, я вовсе не раздѣляю мнѣнія героя Брауншвейгскаго; напротивъ, сквозь всѣ тучи, застилающія горизонтъ,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 600. [2]) Стр. 601.

я вижу, что эта минута — одна изъ самыхъ благопріятныхъ для возвращенія къ порядку. Вся Франція измучена, особливо провинціи, этимъ царствомъ злодѣйства, и увѣрена, что изъ Вандеи выйдетъ спасеніе Франціи; я тоже этому вѣрю и въ этомъ убѣждена. Пора всѣмъ державамъ признать, какъ и я признаю, Людвига XVII королемъ, пора выдвинуть впередъ его друзей и родныхъ и дать имъ средства отправиться туда, куда призываетъ ихъ долгъ и всеобщая необходимость для возстановленія религіи и короля!» [1]).

28-го августа: «Вы говорите мнѣ, что императоръ поѣхалъ, чтобы стать во главѣ своей арміи; мы съ тѣхъ поръ видѣли, что онъ выигрывалъ сраженіе за сраженіемъ, не подвигая однако дѣла впередъ, и потомъ вдругъ неожиданно вернулся въ Вѣну, отчего покинули Нидерланды и проч. и проч. и проч. и потомъ вы задаете вопросы объ обязанностяхъ государей, вопросы похожіе на проповѣди, которыми я конечно постараюсь воспользоваться. Но скажите мнѣ, многострадальный, выбиралъ ли кто-нибудь своихъ министровъ и другихъ чиновниковъ болѣе съ голоса общественнаго мнѣнія, нежели Людовикъ XVI? И мы видѣли, что̀ изъ этого вышло» [2]).

Затѣмъ государыня говоритъ о томъ, что во всякой странѣ можно найти людей, но надо умѣть управлять ими, надо пользоваться и тѣмъ, что̀ есть подъ рукою, и приводитъ въ примѣръ Петра Великаго, у котораго нѣкоторые сподвижники не умѣли ни читать ни писать, а все шло, потому что была *та сила*, которая все приводила въ движеніе [3]). Потомъ она опять переходитъ къ сужденію объ императорѣ Францѣ II, и говоритъ: «Потому, что тотъ или другой ограниченъ, не значитъ, что и хозяинъ ограниченъ. Этого вовсе нельзя сказать о Францѣ II; напротивъ, этотъ государь показываетъ мужество и честолюбіе. Онъ урвался ото всѣхъ, чтобы ѣхать въ армію; вотъ это — было его

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 606. [2]) Стр. 607.

[3]) См. выше въ главѣ «Литературные труды, исторія и политическая мудрость».

дѣло, и это хорошо. Онъ пойдетъ, и надѣюсь пойдетъ самъ, когда увидитъ и убѣдится, что понимаетъ лучше другихъ. Въ молодости, въ первые годы хорошо и послушать; потомъ увидимъ. У нихъ *былъ орелъ*, и они его не оцѣнили. Этотъ орелъ говорилъ мнѣ о своемъ племянникѣ и спрашивалъ, что́ я о немъ думаю; на это я просила его задавать тому вопросы. Онъ отвѣчалъ мнѣ охотно и обстоятельно на всякій вопросъ; тогда я ему сказала: «Ну вашъ племянникъ уменъ и честолюбивъ и я поддерживаю свое мнѣніе» [1]).

1-го сентября: «Смѣю надѣяться, что въ эту минуту Англія, призывая графа д'Артуа, начнетъ съ математической точки: съ признанія законнаго короля Франціи, и разъ установивъ эту точку, будетъ дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, потому что этотъ пунктъ важенъ болѣе чѣмъ когда-либо; я убиваюсь, повторяя это: это начало, а безъ начала не можетъ быть и конца» [2]).

30-го сентября: «Послушайте вы, которые теперь находитесь въ центрѣ Священной Римской Имперіи: скажите, что же наконецъ станется съ этой имперіей? Одно курфюршество уже почти потеряно; два другія въ самой большой, самой неминуемой опасности, а защитники ея? Король Прусскій, напримѣръ: — имъ руководитъ весьма рѣшительно маркизъ Луккезини. Нѣтъ низости, которую бы онъ его не заставилъ сдѣлать: онъ такимъ образомъ ведетъ его прямо къ дьяволу» [3]).

Отъ 1-го октября: «Но послушайте, многострадальный, вы, будучи однимъ изъ оракуловъ Германіи, должны бы были вразумить герцога Веймарскаго, что сестра, когда братъ ея умираетъ безъ другихъ наслѣдниковъ кромѣ нея, дѣлается наслѣдницей всей ему принадлежавшей собственности, и что тогда не отыскиваютъ потомковъ прабабушки, когда ближайшая изъ потомковъ послѣдняго владѣтеля жива. Представьте себѣ: его высочество извѣстилъ меня письмомъ, что посылаетъ мнѣ огромную диссертацію, долженствующую убѣдить меня, что онъ — наслѣдникъ моего брата, а вовсе

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 608. [2]) Стр. 610. [3]) Стр. 612.

не я въ княжествѣ Іеверъ. А это княжество также мало принадлежитъ ему, какъ и привязанность жителей этой страны, которые несказанно гордятся тѣмъ, что они мои подданные, и уже вездѣ хотѣли водрузить русскій гербъ и носить зеленые съ краснымъ казакины; но я посовѣтовала имъ сохранить гербъ княжества. Я передала управленіе моей невѣсткѣ, и по неотступной ихъ просьбѣ послала имъ свой портретъ во весь ростъ. Они будутъ какъ нельзя болѣе несчастливы, когда узнаютъ, что его в—ство оспариваетъ у меня это владѣніе. Мнѣ кажется изъ этого письма, что г. Гёрцъ, застегнутый, прежній воспитатель его высочества, передалъ отъ имени герцога Веймарскаго моему уполномоченному въ Регенсбургѣ, что его в-ство готовъ бы былъ уступить мнѣ свои мнимыя права за вознагражденіе. Не могли ли бы вы узнать у герцога Саксенъ-Готскаго въ чемъ бы, напримѣръ, это вознагражденіе могло заключаться, такъ какъ я желала бы, чтобъ мнимое его право осталось за мной? Въ сущности герцогъ Веймарскій имѣетъ не болѣе правъ, чѣмъ самъ герцогъ Саксенъ-Готскій, который тоже потомокъ одной изъ сестеръ принца Ангальтъ-Цербстскаго, владѣльца Іевера, отъ котораго и наслѣдовали его мой дядя и мой отецъ, а стало-быть и мой братъ, котораго я единственная законная наслѣдница. Однако я не слышу ни слова о претензіяхъ Готскаго дома, тогда какъ герцогъ Веймарскій ихъ заявляетъ. Я почти въ состояніи подумать, что отвратительная политика Берлинскаго кабинета подстрекаетъ этого претендента, чтобы купить у него его права, въ случаѣ моего отказа, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы по времени присоединить княжество Іеверъ къ восточной Фрисландіи. Эти люди такъ гнусно коварны, что отъ нихъ можно ожидать всего, что нравственно не хорошо... Если царствованіе курфирста Саксонскаго отличается мудростью, то справедливость не всегда его сопровождаетъ, потому что онъ удерживаетъ по смерти моего брата у Ангальтскаго дома округъ, которымъ она владѣлъ непрерывно болѣе двухсотъ лѣтъ» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 613.

Копія съ письма ея императорскаго величества герцогу Саксенъ-Веймарскому отъ 23-го марта 1795 года:

«Милостивый государь, двоюродный мой братецъ, письмо вашего высочества, вмѣстѣ съ приложенною къ нему родословною, доказывающею права ваши на наслѣдство Ievepa, происходящія отъ вашей прабабушки, принцессы Софіи Августы Ангальтъ-Цербстской, дошло до меня исправно. Я увѣренъ, что в. в., разсмотрѣвъ сами подробнѣе эти права, безъ труда убѣдитесь, что въ качествѣ сестры и единственной законной наслѣдницы моего брата, я имѣла неоспоримое право распорядиться всѣмъ этимъ наслѣдствомъ, какъ только оно мнѣ досталось; и потому вамъ легко будетъ вывести изъ этого заключеніе, что отъ меня уже не зависитъ сдѣлать по этому поводу какое-либо другое распоряженіе».

«Съ чувствомъ искренняго уваженія и пр.» [1]).

29-го ноября: «Если страхъ нападетъ на многострадальнаго, какъ онъ напалъ на Англичанъ и Голландцевъ, то надѣюсь, что онъ не оставитъ ни въ одномъ изъ покинутыхъ имъ мѣстъ того, что не должно тамъ оставаться. Впрочемъ, для васъ нѣтъ ничего проще, какъ путешествовать налегкѣ, оставивъ только необходимое и бросивъ въ огонь все лишнее, а въ настоящія времена всего умнѣе такъ поступить, чтобъ путешествовать безопасно. Что касается Голландцевъ, я бы имъ посовѣтовала заложить ворота своихъ крѣпостей: тогда нельзя было бы выходить изъ однихъ, пока отворяютъ другія непріятелю. Къ чему эти громадные расходы на постройку и содержаніе крѣпостей, которые они дѣлали, когда всѣ были сданы даже безо всякой осады? Еще другое правило: что никакой генералъ не долженъ напиваться, развѣ онъ предыдущими побѣдами пріобрѣлъ право выпить лишнюю чарочку» [2]).

8-го декабря: «Я получила черезъ Ливіо ваше письмо отъ 12-го ноября, и такъ какъ я изъ него увидѣла, что вы мнѣ имѣете

---

[1]) Копія эта писана рукою неизвѣстнаго лица. *Сб. И. О.* XXIII, 614.

[2]) Стр. 614, 615.

что-то сообщить, то велѣла послать вамъ этого нарочнаго. Я не въ состояніи окончить этого письма, потому что у меня на головѣ что-то похожее на рожу, и я отъ нея страдаю ужасно и ничего не могу дѣлать. Вотъ двѣнадцать дней какъ я не сплю и ничего не ѣмъ, а доктора просто нелѣпы. Я твержу имъ до упаду, что эта боль нервная, и сегодня — я окончательно взбунтовалась, начала лѣчить свою боль какъ нервную, и стала употреблять, какъ самое сильное противосудорожное средство изъ мнѣ извѣстныхъ, Бестужевскія капли, и вотъ я спала часъ и могу вамъ писать, и вотъ доктора дураки, а я права» [1]).

По отношенію къ безпокойствамъ въ Польшѣ и угрозъ Турціи государыня писала отъ 15-го декабря: «Мы вооружены и должны такимъ образомъ до сихъ поръ стоять сложа руки; надо кончить начатое, прежде чѣмъ вмѣшиваться въ чужія дѣла [2]), въ которыхъ съ нами не согласны, и гдѣ начали свой менюэтъ съ лѣвой ноги и танцуютъ не въ тактъ, а притомъ, если всѣ влюблены въ эту игру, то зачѣмъ ихъ лишать ея. Не бойтесь, они раскаются и дѣло кончится само собою, безо всякой выгоды и славы для кого-либо, кончится — взаимнымъ истребленіемъ [3]).

1795 годъ.

22-го января: «Я получила ваше письмо отъ 31-го декабря минувшаго года. Такъ какъ соперничество между державами превозмогло всѣ другія добродѣтели, то результатомъ этого явились три злосчастныя кампаніи, которыя мы видѣли: трактаты не соблюдаются, торжественныя обѣщанія нарушаются; итакъ они пожнутъ только стыдъ. Одни Англичане въ эту минуту говорятъ:—не должно быть безчестнаго мира;—я совершенно одного съ ними мнѣнія. Какъ заключать миръ съ злодѣями, съ цареубійцами, которыхъ коварство обнаруживается на каждомъ шагу?

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 615.
[2]) Т. е. французскія.
[3]) Стр. 617.

Чего можетъ ожидать Германія отъ этого мира, который у нея выторговываютъ, кромѣ разоренія настоящаго и будущаго? Не лучше ли, не почтеннѣе ли было бы, спрашиваю васъ, вооружиться сильно, дѣйствовать съ энергіей для общей защиты; наконецъ итти прямо и оттѣснить республиканскій сбродъ въ ихъ прежніе притоны, гдѣ голодъ покончилъ бы съ этимъ прекраснымъ правленіемъ—порожденіемъ ада. Удивительно, какъ многіе не видятъ, что у нихъ самая почетная роль, и не умѣютъ ее сыграть, потому что имъ мѣшаютъ въ этомъ въ самыя рѣшительныя минуты кривыми видами, не приносящими никакой чести. Я говорила выше: безъ чести не можетъ быть мира. Я скажу болѣе: безъ чести не можетъ быть ни выгоды, ни пользы, и я говорю правду. Смѣю прибавить, что я берусь доказать то, что говорю. Но я боюсь, что проповѣдывать благородный и открытый образъ дѣйствій—значитъ проповѣдывать глухимъ, потому что для осуществленія его, надо бы вымести со сцены по крайней мѣрѣ двѣ трети актеровъ: одну треть якобинцевъ, другую треть кривотолковъ изъ тщеславія: тогда осталась бы одна треть здравомыслящихъ. Прощайте, будьте здоровы» [1]).

1-го февраля 1795 года: «Скажу вамъ, что если не прекратятъ всѣхъ этихъ химерическихъ и безумныхъ переговоровъ о мирѣ, кокорые должны покрыть позоромъ всѣхъ ихъ изобрѣтателей, дѣльцовъ и посредниковъ, и если, не теряя ни минуты, не возьмутся за самыя энергическія мѣры продолженія войны противъ Франціи честно и открыто, отославъ къ дьяволу всѣ мелочныя соперничества, всѣ старые счеты, всѣ пошлыя двуличности, всѣ измѣны своему слову, обычныя у людей фальшивыхъ и мнительныхъ, и отъ которыхъ пожинается только стыдъ, я пророчу, что тогда достанется всѣмъ державамъ безъ исключенія то же, что досталось Голландіи, и ихъ всѣхъ постигнетъ кара небесная [2]), которая можетъ употребить руку отвратительнѣйшихъ злодѣевъ, чтобъ задавить ихъ всѣхъ. И это не слова́, и не надо

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 618.

[2]) Не постигла ли она дѣйствительно всю Европу въ лицѣ Наполеона I?

видѣть особенно далѣе своего носа, чтобъ получить на каждомъ шагу не одно доказательство тому. Война была бы давно кончена, еслибъ слушали моихъ совѣтовъ, еслибъ приняли начала, мною давно предлагаемыя. Вмѣсто того, чтобъ избрать настоящія средства для приведенія дѣла къ концу, увязли теперь въ грязи по уши. Если теперь не послушаютъ меня, будьте увѣрены, что настанетъ всеобщее разрушеніе. Я вамъ это говорю: я роковой пророкъ, и къ несчастію никогда не ошибалась. Пришлю вамъ десять тысячъ для раздачи бѣднымъ, но если возможно, не говорите откуда они, и потому всѣмъ ходатайствующимъ, о которыхъ вы мнѣ писали, перешлите при письмахъ сколько-нибудь пособія, не называя отъ кого; вы можете даже скрыть и свое имя, чтобъ не подозрѣвали меня» [1]).

7-го апрѣля: «Вотъ король Прусскій собирается заключить позорный миръ съ цареубійцами, и этимъ сдѣлаетъ всѣхъ счастливыми и спокойными. Если онъ на это рѣшился, то можно сказать, что никто не принесъ такой великой жертвы міру, какъ король Прусскій, потому что онъ этимъ теряетъ репутацію, честь, доброе имя, а можетъ быть даже покой и государство, и проч. и проч., а кромѣ того онъ сдѣлается первой жертвой обмана въ Европѣ. Такъ какъ Французы удаляются къ Исселю, какъ говорятъ въ эту минуту, надѣюсь что мои добрые граждане Ievepa спасутся отъ грабежа; впрочемъ, это такой маленькій уголокъ, упирающійся въ море, что надо ихъ отыскивать, чтобъ найти; онъ такъ ничтоженъ, что не стоитъ дѣлать крюкъ, чтобы посѣтить ихъ.

«Благодарю васъ за отрывки изъ Рейнсберга, которые вы для меня выписали. Я вовсе не поручала опредѣленнымъ образомъ князю Волконскому нарочно ѣхать въ Рейнсбергъ, чтобъ передать привѣтствія принцу Генриху. Этотъ отрывокъ имѣетъ характеръ хвастовства выскочки, который очень радъ посѣщенію двухъ, трехъ лицъ, пріѣхавшихъ къ нему. Отчего это? оттого

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 619.

что онъ вовсе къ этому не привыкъ, что его к. в. вполнѣ убѣжденъ, что только онъ одинъ видѣлъ дѣла въ настоящемъ свѣтѣ. О крайнихъ глупостяхъ г. Герцберга я согласна съ мнѣніемъ его к. в., и судя по тому, что вы мнѣ сообщаете по памяти изъ трехъ писемъ, написанныхъ этимъ ярымъ человѣкомъ королю Прусскому, я считаю его помѣшаннымъ. Но куда же его к. в. хочетъ ѣхать со своимъ скарбомъ? Не въ Америку ли, куда переѣхали многіе конституціоналисты? Да и самъ онъ, кажется, того же пастроенія; когда онъ писалъ вамъ то, что называетъ нескромными откровеніями, мнѣ кажется, онъ желалъ, чтобъ племянникъ прочелъ ихъ. Это мнѣ напомнило анекдотъ, кажется того же времени, какъ одинъ изъ чиновниковъ его племянника разсказывалъ кому-то изъ нашихъ, что если принцъ Генрихъ будетъ такъ дѣйствовать и говорить, то наконецъ король его племянникъ вынужденъ будетъ запереть его въ Шпандау.

«Графъ обѣихъ имперій выдаетъ дочь свою замужъ за старшаго брата Платона Зубова: этого брата зовутъ Николаемъ. Самъ фельдмаршалъ позвалъ его и сказалъ: «Вы храбры и честны; сдѣлайте мнѣ удовольствіе, женитесь на моей дочери». Тотъ согласился на это. Признаюсь, эта свадьба самая удачная, какую я видѣла»[1]).

8-го апрѣля: «Вы можете быть увѣрены, что любезный дядюшка (принцъ Генрихъ) надоѣлъ своему королевскому племяннику и несносенъ также для окружающихъ его. Всѣ дѣльцы тамошніе имѣютъ свои претензіи; каждый изъ нихъ захватываетъ ниточку и дергаетъ за ногу картоннаго плясуна (Pantin), но плясунъ остается плясуномъ, а всякій плясунъ имѣетъ смѣшную наружность, движется только искуственно, безъ всякаго благородства и стройности; хоть онъ и громаденъ, а силы у него отъ этого не много. Принцъ Генрихъ въ своемъ письмѣ очень напираетъ на два пункта: одинъ—это конституціонный король, другой—пребываніе графа д'Артуа въ Петербургѣ. Этотъ конституціонный король, при задуманномъ союзѣ Франціи съ Пруссіей—совершенное противорѣ-

[1]) *Сб. И О.* XXIII, 623, 624.

чіе; это значитъ лишить короля Прусскаго могущественныхъ союзниковъ, давъ ему союзника на картинкѣ. Графъ д'Артуа не дѣлалъ ничего особеннаго въ Петербургѣ; онъ былъ здѣсь принятъ какъ братъ короля, дружески и гостепріимно; отсюда онъ поѣхалъ въ Англію, гдѣ его не приняли, а оттуда возвратился въ Гамъ... Я утверждаю, наперекоръ принцу Генриху, что только неограниченная власть будетъ охотно принята французскимъ народомъ и никакое другое правительство не будетъ въ состояніи успокоить внутреннія волненія во Франціи. Франція до крайности утомлена республиканизмомъ, который причинилъ ей столько вреда. И потомъ всякая республика кончается монархіей. Загляните во всемірную исторію, посмотрите на игры дѣтей, животныхъ: всѣ ли они равны силою, и не сильнѣйшій ли побѣждаетъ другихъ? . . .

«Я не дамъ ни малѣйшаго куска братцу Гю (Вильгельму Прусскому), потому что сколько ни давай ему кусковъ и гиней, онъ всѣ ихъ возьметъ себѣ, а поступать будетъ по-своему, не имѣя ни чести, ни совѣсти, ни сердца, и едва зная только по имени, что такое честь и слава. . . Я отъ всей души согласна на повѣшеніе Луккезини и дала бы въ прибавокъ къ нему собратій его Манфредини и Карлети и еще съ пол-дюжины другихъ, которыхъ предоставляю себѣ назвать въ свое время. Его прусское в. теперь занимается возбужденіемъ новыхъ польскихъ свинствъ. Ужъ если это ему удастся, то обѣщаю вамъ, что онъ дорого за это поплатится. Что же это такое за вѣчный трудъ у принца Генриха? Всѣ знаютъ, что ему нечего дѣлать: это кумушка-сплетница, и больше ничего. Вы можете быть увѣрены, что племянникъ будетъ въ восхищеніи если онъ возвратится въ Рейнсбергъ и переѣхалъ въ Потсдамъ ранѣе обыкновеннаго, только затѣмъ, чтобъ выжить дядюшку изъ Берлина. . . Онъ говоритъ, что у него важныя дѣла. Я ничему этому не вѣрю: это франтъ, который, желая увѣрить всѣхъ, что у него интересныя свиданія, покидаетъ веселое общество и запирается у себя, чтобъ скучать одному.

«Я слышала объ англійскомъ посольствѣ въ Китай; но съ этими людьми ничего не подѣлаешь: они всегда сидятъ по уши въ своихъ преданіяхъ и обычаяхъ и не могутъ высморкаться, не справляясь съ ними. Я полагаю, что деньги, израсходованныя на это посольство, могли быть лучше употреблены: напримѣръ, овладѣвъ голландскими колоніями въ этихъ странахъ, чтобъ онѣ не попали во французскія руки, а также мысомъ Доброй Надежды. Надѣюсь, что г. Питтъ догадался туда послать эскадру [1]). . .

10 апрѣля. «Господа Литовцы и Курляндцы прибыли сюда, не затѣмъ чтобъ предъявлять какія-либо условія, а чтобъ просить уравненія съ другими областями имперіи, то есть учрежденія у нихъ губерній. Я отвѣчала, что это само собою разумѣется и тотчасъ приступлено будетъ къ предварительнымъ распоряженіямъ, то есть къ устройству округовъ, къ раздѣленію дѣлъ на четыре категоріи, къ приготовленію зданій присутственныхъ мѣстъ и ихъ внутреннему распредѣленію. Все это займетъ не менѣе года; но такъ какъ эта процедура производилась уже до сорока и болѣе разъ, то теперь есть много людей освоившихся съ этимъ, и мало по малу это становится такъ же ясно какъ нотная бумага, и всѣ этимъ довольны, и я тоже» [2]).

Того же числа въ 4 часа послѣ обѣда: «Я раздѣляю чувство милорда Фицдлэтера къ Malet Dupan [3]) и Неккеру: я нахожу ихъ обоихъ не только ненавистными, но кромѣ того болтунами и до невозможности скучными. Довѣрьтесь въ дѣлѣ контръ-революціи самимъ Французамъ: они съ этимъ покончатъ лучше всѣхъ союзниковъ. Они проворно распоряжаются. Я полагаю, что когда изверги-цареубійцы будутъ истреблены, явятся люди менѣе преступные, которымъ не будетъ болѣе выгоды защищать ихъ возмутительные парадоксы. Но, чтобъ быть съ успѣхомъ ихъ королемъ, надобенъ такой, который соединялъ бы многія качества и разнообразные пріемы. Надо бы имъ сказать между прочимъ: «Господа, я хочу блага всѣхъ и каждаго въ отдѣльности; это моя

[1]) *Сб И. О.* XXIII, 625, 626, 627. [2]) Стр. 630.
[3]) Издатель женевскаго Меркурія.

страсть и я въ этомъ нахожу свое благополучіе столько же, сколько и ваше; прошу васъ содѣйствовать мнѣ на этомъ поприщѣ». Послѣ этого слѣдовало бы вынимать одинъ за другимъ всѣ гвозди, впивающіеся въ политическое тѣло Франціи. Не надо бы спѣшить до усталости, но неутомимо работать, чтобъ каждый день сдѣлать что-нибудь для этой цѣли, удаляя препятствія, какъ скоро они будутъ представляться; выслушивать всякаго терпѣливо и благодушно, показывать всѣмъ довѣріе и добрую волю, и пріобрѣсти ихъ довѣренность большою справедливостью и непоколебимой твердостью въ правилахъ, принятыхъ для возстановленія порядка, спокойствія, всеобщей личной и имущественной безопасности. Всѣ споры и процессы надо отдавать въ судебныя мѣста, покровительствовать угнетеннымъ, не питать злопамятства и не быть пристрастнымъ. Если дать нечего, то и надо говорить:— у меня ничего нѣтъ, иначе охотно бы далъ вамъ.—А если будетъ что давать, то хорошо быть подъ-часъ и щедрымъ. И я васъ увѣряю, уже въ шесть мѣсяцевъ такого поведенія дѣла́ измѣнятся, или я позволяю вамъ сказать мнѣ, что я ни дать, ни взять братецъ Гю (Вильгельмъ). Такимъ образомъ благосостояніе само собой возродилось бы. Вѣдь наконецъ люди не пѣшки: правда, ихъ ведутъ какъ барановъ, но народъ дѣлается умнѣе, когда выходитъ утомленный изъ сумятицы. Говорятъ, что переговоры въ Базелѣ въ эту минуту не двигаются съ мѣста; надѣюсь, что конвульсіи внутри Франціи оборвутъ ихъ нить.

«Какъ бы конвентъ ни грабилъ Голландію, онъ отъ этого не разбогатѣетъ; ея богатствъ едва хватитъ имъ на мѣсячный расходъ, все это пройдетъ у нихъ сквозь пальцы. Маршалъ Кастри, какъ и я, не любитъ отступленій, судя по его письму отъ 22 января, котораго копію вы мнѣ посылаете. Надо бы противъ сорокатысячнаго корпуса карманьйоловъ выставить сто тысячъ Австрійцевъ; и отъ чего это зависитъ? отъ одного слова: идите впередъ» [1]).

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 631, 632.

11-го апрѣля: «Еслибъ мы были на Рейнѣ съ Пруссаками, мы бы одни все тамъ сдѣлали по благородному нашему обычаю, и этимъ вдохнули бы въ другихъ соревнованіе хоть подавать видъ, что они что-нибудь дѣлаютъ...

«Самая святая обязанность, возстаніе, теперь воспрещается въ Парижѣ; это называется противорѣчіемъ собственнымъ началамъ, а съ этимъ далеко не уйдешь» [1]).

13-го апрѣля: «Вчера курьеръ привезъ сюда письмо отъ Прусскаго короля ко мнѣ, гдѣ онъ сообщаетъ о заключеніи мира съ бандитами-цареубійцами, подонками рода человѣческаго, которые покамѣстъ думали, что ихъ убьютъ въ Парижѣ и ни минуты не могутъ быть увѣрены въ своей безопасности. Итакъ великій Генрихъ втолкнулъ короля, своего племянника, въ поступокъ противный всѣмъ трактатамъ, заключеннымъ имъ съ императоромъ, съ Англіей и со мною. Они не рѣшились прислать мнѣ постыдныя условія этого мира, гдѣ, кромѣ измѣны своимъ союзникамъ, вѣроятно часть Германіи принесена въ жертву, не считая бѣдствій, которыя за этимъ послѣдуютъ. Французы поднесли королю Прусскому это настоящее 1-е апрѣля, въ то самое число, въ которое былъ заключенъ миръ. Полюбуйтесь-ка этой поспѣшностью сообщить мнѣ, что онъ два раза всѣхъ обманулъ, заключивъ этотъ отдѣльный миръ. Принцъ Генрихъ отъ души ненавидитъ своего племянника, потому что еслибъ онъ хотя сколько нибудь любилъ его, то никогда не подтолкнулъ бы его на поступки, столь же постыдные для него самого, сколько бѣдственные для остальной Европы и можетъ-быть всего болѣе для самого Прусскаго короля» [2]).

14-го апрѣля: «Я прочла цѣлый коробъ старыхъ новостей и подписываюсь подъ казнію аббата Сіэса. Если принцъ Генрихъ сдѣлается королемъ Франціи въ награду за постыдный миръ, навязанный имъ своему племяннику [3]), надо по крайней мѣрѣ на-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 633. [2]) Стр. 635.

[3]) По письмамъ Гримма принцъ Генрихъ хвасталъ, что этимъ миромъ обязаны ему.

дѣяться, что если онъ самъ не подпадаетъ подъ гильйотину, то расправится съ врагами своего дѣла; иначе мы скажемъ, что маленькій великій человѣкъ дѣлаетъ и внушаетъ жалкія и непростительныя вещи, и что у него и у его племянника нѣтъ ни чести, ни совѣсти, ни чувства.

«Все, что пишетъ маршалъ Кастри, носитъ на себѣ печать мудрости...

«Поздравляю васъ, что вы наконецъ прекратили сношенія съ гражданиномъ Неккеромъ. Помните ли, какое я всегда питала отвращеніе къ этому накрахмаленному фразёру, у котораго на всякой строчкѣ можно было прочесть написанное большими буквами: Я».

«Итакъ вотъ великіе дѣльцы, которыхъ совѣты такъ часто слѣпо принимаются; это заставляетъ дрожать за будущее, особливо когда видишь, что ни одинъ трактатъ не исполняется, что арміи вмѣсто того чтобъ итти впередъ, отступаютъ, что мелкіе, ревнивые взгляды преобладаютъ надъ широкими и спасительными и что итальянскіе проходимцы орудуютъ всѣмъ этимъ. Тутъ по неволѣ сдѣлаешься желчнымъ. Подписать Базельскій миръ значитъ сказать: «да здравствуютъ цареубійцы!» Спрашиваю васъ, можетъ ли какой король сказать это по чести и совѣсти. А если онъ это скажетъ, то подпишетъ собственный приговоръ» [1]).

11-го іюня. «Многострадальный! Вотъ два дня, какъ я получила ваши №№ 93 и 94 и всѣ подарки милорда Финдлэтера; прошу васъ передать ему мою благодарность; не знаю, чѣмъ я заслужила его расположеніе: вѣрно это *вы* ему наговорили обо мнѣ слишкомъ много хорошаго. Съ нетерпѣніемъ жду того, что ваше перо начертало подъ его диктовку... Княгиня Радзивиллъ въ Берлинѣ, и пишетъ оттуда, что женитъ своего второго сына, Антона, на дочери прусскаго принца Фердинанда. Я не мало удивлена этимъ бракомъ, который былъ бы невозможенъ двадцать лѣтъ назадъ, когда даже Курляндскій герцогъ получилъ отказъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 636, 637, 638.

отъ маркграфа Генриха. Это происходитъ отъ равенства сословій, тогда неизвѣстнаго [1])... Иные увѣряютъ, что принцъ Генрихъ Прусскій будетъ назначенъ цареубійцами въ опекуны Людовику XVII, когда они возстановятъ его. Если это такъ, то бьюсь объ закладъ, что черезъ шесть мѣсяцевъ его королевское высочество подпадетъ гильйотинѣ. . . . .

«Я не виновата, что Англія заключила свой трактатъ съ нами такъ поздно. Политика и тактика многое испортили... Я полагаю, что причина голода во Франціи англійское крейсерство; но правда и то, что всѣ эти дѣла могли быть устроены справедливѣе, и покойнаго милорда Чатама недостаетъ во многихъ случаяхъ: многое несогласно съ обстоятельствами. Что же вы хотите чтобъ сэръ Элліотъ пережевывалъ въ Дрезденѣ? Вѣдь онъ только и можетъ пережевывать. Впрочемъ интриги отца шотландскаго пе́ра намъ не безызвѣстны; но вѣтеръ пусть уноситъ все это, та́къ это неловко и достойно жалости во всѣхъ отношеніяхъ. Притомъ сэръ Элліотъ пустой мечтатель, который самъ куетъ слухи, когда ему нечего ковать иного; доказательство— его страхъ завоеванія Египта и пр. Они провидятъ будущее, а въ настоящемъ спотыкаются. Что касается дорогого посольства въ Китай, то цѣль его была извѣстна и никакого не могло быть сомнѣнія въ ея неуспѣхѣ: Китайцы слишкомъ недовѣрчивы, чтобъ дать обойти себя и очутиться въ положеніи подобномъ Индіи. Вымышленный охотскій флотъ — химера, никогда не существовавшая; развѣ станутъ называть этимъ именемъ два, три купеческія и не купеческія судёнышка, назначенныя для перевозки запасовъ въ разныя береговыя укрѣпленія» [2]).

12-го іюня: «Что касается претензій г-на Местмахера, я въ нихъ нахожу одинъ маленькій недостатокъ, который, если память

---

[1]) По поводу этого брака Финдлэтеръ сообщалъ Гримму, изъ Берлина, что тамъ замышляли Радзивилла отца, или сына, возвести на Польскій престолъ подъ покровительствомъ Пруссіи, и поднять Поляковъ противъ Россіи, снабдивъ ихъ оружіемъ; а по другимъ слухамъ хотѣли предъявить претензіи семейства Радзивилловъ на нѣкоторую часть Литвы.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 640, 641.

меня не обманываетъ, заключается въ томъ, что я запретила своимъ министрамъ (посланникамъ) брать въ аренду земли въ Курляндіи, и что никакихъ земель не было опредѣлено при назначеніи русскаго министра, и я не только не одобряю того, что дѣлалось въ этомъ родѣ, но чрезвычайно охуждаю это, какъ злоупотребленіе, недостойное званія и противное пользамъ службы и представительства нашего.... Впрочемъ, въ сентябрѣ 1788 г. у меня было другое въ головѣ и некогда было думать объ этомъ во всѣхъ отношеніяхъ весьма гадкомъ дѣлѣ: это было въ самый разгаръ войны съ Турціей и Швеціей, и событія легко вытѣсняютъ изъ памяти подобныя дрязги.

«Но послушайте, какая у меня непріятная исторія съ принцемъ Ксаверіемъ Саксонскимъ. Онъ помѣстилъ своего сына ко мнѣ на службу; я недавно пропзвела его въ полковники. Вдругъ онъ затѣялъ ссору съ маленькимъ княземъ Щербатовымъ, мальчикомъ лѣтъ 15, 16. Вмѣсто того чтобъ уладить дѣло, нашлись вздорные люди, которые его еще болѣе запутали; наконецъ дошло до того, что разъ, при выходѣ изъ театра, кавалеръ де Саксъ, встрѣтивъ этого молокососа, публично далъ ему пощечину, а молокососъ въ отвѣтъ ударилъ его маленькой, премаленькой тросточкой по лицу. Полиція вступилась и задержала обоихъ. Тогда какой-то г. Макартней собралъ толпу молодёжи и хотѣлъ отбить арестованныхъ у полиціи, но та исполнила свою обязанность. Былъ составленъ актъ, и кавалеръ де Саксъ и Макартней высланы за границу, съ запрещеніемъ возвращаться въ Россію, за нарушеніе закона и общественной безопасности и за публичное сопротивленіе полиціи. Теперь принцъ Ксаверій проситъ меня простить его сына, но я этого сдѣлать не могу. Пятнадцатилѣтняго молокососа отправили къ отцу въ деревню; пусть отецъ высѣчетъ его, если хочетъ, но онъ мальчикъ очень тихій, между тѣмъ какъ кавалеръ де Саксъ—взрослый верзила, вдвое выше и сильнѣе его, и здѣсь онъ уже начиналъ болѣе нравиться женщинамъ, чѣмъ мужчинамъ. Вообще, прескверная исторія! Я все сдѣлала что́ слѣдовало, и менѣе чѣмъ въ 24 часа дѣло

было покончено и о немъ болѣе не говорятъ. По правдѣ сказать, всѣ эти эмигранты по большей части превздорныя головы; но одно изъ двухъ: или они перемѣнятся въ Россіи, или должны будутъ выѣхать. . . .

«Я посовѣтовала графу Валерьяну Зубову поселиться, пока я здѣсь живу, въ Таврическомъ дворцѣ: онъ послушалъ меня и это ему было въ пользу; надѣюсь, что онъ въ теченіе лѣта поправится; онъ только все вздыхаетъ о своей деревянной ногѣ, которую ему употреблять еще не позволяютъ» [1]).

31-го августа: «Что до меня касается, я считаю постыднымъ, если не признаютъ Людовика XVIII правителемъ, какъ скоро Людовикъ XVII умеръ [2]). Я въ этомъ смыслѣ говорила со своими союзниками. Если вторая экспедиція, для которой онъ поѣхалъ, удастся, вы увидите какъ всѣ поспѣшатъ признать Людовика XVIII, и республику отошлютъ къ дьяволу тѣ именно, кто имѣлъ глупость ее признать».

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 642, 643.

[2]) Ходилъ слухъ, что какъ только въ Европѣ зашла рѣчь о возстановленіи Людовика XVII, то его отравили. Въ бюллетеняхъ, которые присылались Гриммомъ императрицѣ за 1795 годъ о состояніи политики всѣхъ кабинетовъ, есть интересное сообщеніе одного англичанина, по протекціи проникшаго подъ видомъ національнаго гвардейца въ Тампль. Онъ разсказываетъ, что молодой принцъ, съ которымъ онъ заговорилъ, когда тотъ игралъ на дворѣ, сначала отвѣчалъ на всѣ вопросы его сдержанно, но узнавъ, что онъ англичанинъ, сдѣлался откровеннѣе и говорилъ о своихъ надеждахъ быть черезъ пять лѣтъ королемъ Франціи. О своемъ содержаніи онъ сообщилъ, что при Робеспьерѣ и Симонѣ съ нимъ обращались безчеловѣчно и послѣдній даже билъ его, но теперь ему гораздо лучше; онъ ни въ чемъ не нуждается, ему даны учителя: чистописанія, языковъ, математики, танцевъ и рисованія; что у него нѣтъ недостатка въ книгахъ и съ мѣсяцъ уже ему даютъ читать газету. На вопросъ о сестрѣ, онъ отнѣчалъ, что теперь ея здоровье получше и они часто видятся за столомъ. Англичанинъ прибавляетъ, что видъ у принца былъ совершенно здоровый и что онъ нашелъ въ немъ умъ и тактъ выше его возраста. Въ этихъ же бюллетеняхъ за 1796-й годъ находится интересное описаніе переѣзда несчастной сестры дофина, послѣ смерти его, въ Австрію черезъ Швейцарію и какъ она въ слезахъ прощалась съ сопровождавшими ее изъ Франціи, столь неумолимо жестокой ко всему ея семейству, и оплакивала судьбу родины, желая ей прекращенія всѣхъ ея бѣдствій.

«Я премного благодарна лорду Финдлэтеру, что ему благоугодно постоянно заниматься благополучіемъ моей имперіи. До сихъ поръ китайское посольство принесло Англіи только лишніе расходы. Что касается интригъ съ Игнатіемъ Потоцкимъ, вы знаете какъ онѣ всѣ кончились. Если Англія захочетъ сдѣлать высадку въ Перу, Испанія даетъ ей къ тому отличный случай, такъ какъ своимъ миромъ съ Франціей нарушила утрехтскій договоръ.

«Ничего нѣтъ для меня забавнѣе, какъ проекты союзовъ Прусскаго короля и Англійскаго съ Шведами, Датчанами, Турками, съ конвентомъ цареубійцъ: это значитъ опутываться паутинами»[1]).

Когда Гриммъ писалъ Екатеринѣ, что молодой Австрійскій императоръ утомляетъ себя ненужными пріемами, она отвѣчала отъ 11-го сентября: «Іосифъ II уходилъ себя пріемами до сотни въ день; удивительно, что отъ этого не исправляются въ Вѣнѣ: такіе пріемы совершенно безполезны и много уносятъ времени. Я говорила это покойному; онъ зналъ обо всемъ, кромѣ какъ о настроеніи умовъ и революціи въ Нидерландахъ; я была свидѣтельницей его удивленія, когда онъ получилъ о томъ первое извѣстіе. Онъ пришелъ со мною совѣтоваться, желая представить дѣло пустякомъ, но я взяла смѣлость совѣтовать ему обратить на это серьёзное вниманіе.

«Теперь неудивительно, если армія императора упала духомъ: ужъ нѣсколько лѣтъ не было ни производствъ, ни наградъ; а однако было множество выигранныхъ битвъ, послѣ которыхъ перепрыгивали обѣими ногами черезъ рѣки, только вспять, какъ говоритъ принцъ де Линь.....

«Луккезини отзываютъ въ Вѣну; я думаю онъ поѣдетъ засѣдать къ цареубійцамъ, если они до тѣхъ поръ еще не будутъ перевѣшаны.

«Братецъ Гю въ настоящую минуту вполнѣ убѣжденъ, что онъ умѣетъ становиться невидимкой; но я полагаю, что это ему стóитъ большихъ усилій, такъ какъ онъ огроменъ и толстъ.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 645.

«Что касается маленькаго великаго Генриха, то онъ хлопоталъ о подписаніи мира единственно потому, что имѣлъ въ виду сдѣлаться опекуномъ Людовика XVII»[1]).

16-го сентября: «Я съ удовольствіемъ прочла ваши похвалы курфирсту Саксонскому. Я давно знаю и знала непреодолимое влеченіе ваше ко всему, что носитъ титулъ германскаго высочества. Никогда я не признавала законность правъ Саксонскаго курфирста на владѣніе, переходившее отъ отца къ сыну болѣе двухсотъ лѣтъ и принадлежащее Ангальтскимъ принцамъ, владѣніе, которое попробовали отнять у моего отца и возвратили ему, точно такъ какъ теперь пробуютъ отнять его у наслѣдниковъ моего брата, чѣмъ я нимало не довольна, и на что я вовсе не соглашалась»[2]).

17-го сентября: «Я не могу имѣть посланника при Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, такъ какъ я еще не признала ихъ независимость. Точно такъ же нѣтъ и рѣчи о возстановленіи Греческой имперіи, такъ какъ мы въ мирѣ съ Оттоманской Портой. Мы однако очень хорошо знаемъ, что Селима возбуждаютъ къ объявленію намъ войны, и что его высочество не упускаетъ изъ виду никакихъ приготовленій къ этому; что шестьсотъ человѣкъ изъ его подданныхъ образованы по-европейски, къ великому неудовольствію янычаръ, которые доказываютъ это безпрестанными поджогами нѣкоторыхъ лачужекъ въ Константинополѣ. Кромѣ того шестьдесятъ тысячъ войскъ направляются къ берегамъ Дуная, подъ предлогомъ непокорности пашей, и тамъ собираютъ огромные запасы въ магазинахъ. Ну, пусть ихъ утѣшаются: это не въ первый разъ.

«Мы въ послѣдніе годы призвали прекрасныхъ инженеровъ и гидравликовъ изъ Голландіи. Множество меннонитовъ поселяются въ заднѣпровскихъ губерніяхъ». . . .[3]).

18-го сентября: «Такъ какъ Французы перешли Рейнъ, то возможно, что, по желанію шотл. пера, они избавятъ Англію отъ Ганновера.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 646. [2]) Стр. 647. [3]) Стр 648.

«Зачѣмъ же г. Клерфей[1]) опять разбитъ?

«Стóитъ ли заставлять плясать дрянную маріонетку?[2]) Я слишкомъ расположена къ Англіи, чтобъ посовѣтовать ей такъ бросать деньги даромъ; впрочемъ, если имъ хочется выбрасывать свои гинеи за окно, я не стану имъ мѣшать. Если несвареніе желудка или ударъ унесетъ дурную маріонетку, то преемникъ его будетъ имѣть не мало причинъ искать нашей дружбы безъ всякаго съ нашей стороны старанія. Я, признаюсь вамъ, не люблю ни интригъ ни дрянныхъ средствъ; они рѣдко удаются и вводятъ васъ въ слишкомъ дурное общество. Эти секретари посольства — настоящая политическая сволочь. Покойный Шведскій король и я согласились такъ величать ихъ. Эти люди обыкновенно исполнены предубѣжденій и злобы, и всѣ лгутъ какъ зубные рвачи.

«Такъ какъ я считаю Тугута[3]) зараженнымъ доброй дозой якобинства, я вовсе не сомнѣваюсь, что они сильно недоброжелательствуетъ Россіи, которая всегда знаетъ чего хочетъ и никогда не дѣлаетъ пустяковъ»[4]).

19-го сентября: «Я признала Людвика XVIII. Я бы очень желала, чтобъ его отправили во Францію съ корпусомъ принца Конде, и чтобъ высадка удалась въ Бретани. Но якобинецъ Тугутъ хочетъ, чтобъ республика продолжала опустошать Францію. Онъ держится системы адвокатовъ: то есть хочетъ пколить весь міръ, тогда какъ до сихъ поръ всѣ законы были писаны противъ адвокатовъ и прокуроровъ.

«Бельтъ очень удобенъ для мореплаванія, но Датчане оставили его себѣ»[5]).

---

[1]) Австрійскій полководецъ отличившійся въ началѣ и въ концѣ кампаніи.

[2]) Т. е. Прусскаго короля.

[3]) Тогдашній австрійскій первый министръ.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 649, 650.

[5]) Стр. 651. Всѣ эти отрывочныя замѣчанія были отвѣтами на политическія свѣдѣнія и совѣты, которыя доставляли Екатеринѣ Гриммъ и новый ея поклонникъ Финдлэтеръ. Между прочимъ они сообщили ей что всѣ европейскіе дворы употребляютъ другъ противъ друга систему подкуповъ, что множество министровъ и генераловъ австрійскихъ на жалованьи у якобинцевъ,

20-го сентября: «Многострадальный и шотландскій перъ оба хвалятъ 33-хлѣтнее царствованіе, а вотъ какой-то секретаришка саксонскаго посольства Гельбигъ [1]), живущій здѣсь давно, то и дѣло браннтъ его и на словахъ и на письмѣ, и даже на улицѣ поучаетъ въ этомъ смыслѣ прохожихъ. Онъ мой личный врагъ и ненавидитъ русское имя. Двадцать разъ я обращалась къ саксонскому двору съ просьбой отозвать его отсюда; но, должно быть, тамъ его пи́сьма очень нравятся, такъ какъ онъ все еще здѣсь. И если послѣдняя попытка, недавно мною сдѣланная, не будетъ уважена, то я прикажу посадить его въ кибитку и отвезти на границу; право, бездѣльникъ становится черезъ-чуръ дерзокъ. Если вы и шотландскій перъ имѣете тамъ голосъ, помогите мнѣ выпроводить отсюда ненавистника вашей любимицы и ея 33-хлѣтняго царствованія, которое вы находите столь чудеснымъ» [2]).

Изъ писемъ Гримма видно, что онъ писалъ по этому поводу въ Дрезденъ къ графу де Лоссу и копію съ этого письма прислалъ императрицѣ. Въ маѣ 1796 г. она отвѣчала: «Премного благодарю за посланіе, которое вы отъ себя написали гр. де Лоссу. Оно превосходно подѣйствовало, потому что этотъ бездѣльникъ Гельбигъ былъ тотчасъ же отсюда отозванъ. Многострадальный имѣлъ въ этомъ случаѣ болѣе вліянія, чѣмъ все русское министерство, включая Местмахера и Фёлкерзама, саксонскаго посланника, здѣсь находящагося, который очень хорошо зналъ поведеніе своего секретаря посольства и только флегматически вздыхалъ, однако писалъ объ этомъ своему двору. Этотъ Гельбигъ былъ большой

отчего талантливыхъ и отличившихся полководцевъ безпрестанно удаляютъ и замѣняютъ бездарными; что Англія и въ Пруссіи и въ Польшѣ и въ Турціи дѣйствуетъ противъ Россіи деньгами, что въ Англіи есть множество секретарей, выученныхъ читать шифрованныя депеши другихъ дворовъ, за что они получаютъ большіе оклады. На все это приводились доказательства и сообщались многочисленныя корреспонденціи и бюллетени, доказывающіе какъ искренно и Гриммъ и Финдлэтеръ были преданы интересамъ Екатерины и Россіи. Но императрица отвергала всякій тайный и безчестный путь для своей политики.

[1]) Авторъ извѣстнаго сочиненія: «Russische Günstlinge», напечатаннаго въ Тюбингенѣ 1809 г. и нынче весьма рѣдкаго.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 651.

любимецъ графа Гэрца, застегнутаго: тотъ и воспиталъ его для упражненія здѣсь своихъ талантовъ» [1]).

21-го сентября: «И у дядюшки и у племянника нѣтъ вовсе памяти. Не знаю, доволенъ ли милый племянничекъ непрерывной перепиской дорогого своего дядюшки съ гражданиномъ Бахеромъ, и его нѣжной любовью къ республиканскимъ началамъ и къ республикѣ, которыя онъ тамъ выставляетъ. Правда, что племянникъ не видитъ далѣе своего носа.

«Его королевское высочество въ письмѣ, къ вамъ написанномъ, сознается однако самъ, что о мирѣ, которому онъ будто содѣйствовалъ, мнѣнія различны.

«Милый племянникъ не показалъ никому моего отвѣтнаго письма на сообщеніе его о мирѣ, столь же постыдномъ какъ и безчестномъ; онъ отвѣчалъ, что очень имъ доволенъ, но я велѣла копіи съ него послать моимъ союзникамъ, которые были тоже очень довольны. Никогда и ни въ какомъ письмѣ я не выражала удовольствія по поводу этого мира, и если меня въ этомъ обвиняютъ, то говорите смѣло, что это клевета.

«Не знаю, старался ли англійскій посланникъ поссорить опять дядюшку съ племянникомъ; но русскій посланникъ не имѣетъ подобныхъ инструкцій. А по естественному ходу вещей дядюшка долженъ быть несносенъ для племянника. Дядя — это вѣчно натянутый лукъ, а племянникъ — полнѣйшая распущенность.

«Ого! вотъ и гнѣвъ! Великій примиритель думаетъ, что я вамъ запрещаю ѣхать въ Рейнсбергъ и считаю его чудовищемъ. Ну ужъ какъ этотъ маленькій великій человѣкъ ошибается! Я не отнимаю отъ него его славы, а за грубости которыя онъ мнѣ говоритъ, я подсмѣиваюсь надъ его заносчивостью и знаю ея источникъ; онъ самъ недоволенъ дурнымъ дѣломъ, которое совершилъ и въ которое вовлекъ другихъ. Онъ ставитъ меня на одну доску съ Робеспьеромъ. Великій Герцбергъ въ разсужденіи, напечатанномъ въ мемуарахъ берлинской академіи, ставитъ этого чело-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 674.

вѣка въ одну линію съ покойнымъ королемъ Прусскимъ. Онъ говоритъ, что нарушители общественнаго спокойствія и ему возмущаютъ желчь, а въ письмѣ къ Бахеру желаетъ всякаго благополучія цареубійцамъ и выражаетъ имъ всю свою нѣжность. Такую гуманность онъ бы долженъ былъ внушить конвенту, который всевозможными способами столькихъ лишилъ жизни»! [1])

2-го октября: «Что скажете вы о великолѣпныхъ отступленіяхъ Австрійцевъ? Полагаю, что они скоро дойдутъ до Вѣны.

«Нѣтъ такого позора, который бы не совершался»! [2])

5-го октября: «Я не хочу, многострадальный, чтобъ вы думали, будто я могу измѣнять своимъ началамъ, какъ братецъ Гю, съ которымъ никогда каши не сваришь, если хоть на минуту забудешь, что онъ и его ближайшіе способны на всевозможные плутни, лишь бы зашибить копейку» [3]).

7-го октября: «Что касается померанскаго лебедя, то онъ всегда былъ очень надутъ своимъ достоинствомъ, которое, какъ вы знаете, я у него оспариваю даже по части литературы. Это былъ выскочка въ полномъ смыслѣ слова; не старался ли онъ всѣхъ увѣрить, что покойный король былъ обязанъ всѣмъ своимъ достоинствомъ ему, Герцбергу? Я никогда не терпѣла этого грубьяна, да и никто ему не довѣрялъ, точно такъ же какъ хитрому плуту Луккезини; эти грязные люди испортили и извратили все царствованіе толстяка, потому что во всемъ хватали черезъ край. Русская пословица говоритъ: «Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней» [4]).

14-го октября: «Всѣ, даже самъ прусскій министръ говорятъ, что принцъ Генрихъ совершенно усвоилъ себѣ и систему и образъ дѣйствій Филиппа Эгалите, оставившаго по себѣ такую позорную память».

12-го декабря: «Вы первые сообщили мнѣ о взятіи Мангейма. Такъ какъ г. Клерфей идетъ впередъ, то вамъ нечего

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 652, 653. [2]) Стр. 655. [3]) Стр. 656.
[4]) Стр. 659.

бояться разбойниковъ, и надо надѣяться что вы спокойно проведете зиму въ Готѣ съ моими крестниками, и ихъ матерью»[1]).

23-го декабря: «Лондонскій кабинетъ объявилъ во всеуслышаніе, что онъ будетъ переговариваться съ цареубійцами о мирѣ»[2]).

Совѣты Финдлэтера. Суворовъ. Смерть Бецкаго. Головкинъ. Муртаза Кули-ханъ. Море и моряки.

Интересъ, который Гриммъ умѣлъ возбудить въ своемъ другѣ Финдлэтерѣ къ предмету своего поклоненія, Екатеринѣ, и ея странѣ, выражался между прочимъ самыми усердными измышленіями всего, что, по его мнѣнію, могло служить ко благу великой повелительницы и ея народа. При этомъ онъ называлъ Россію *любимою страною* (pays de préférence), *страною чудесъ* (pays de féerie), а Гриммъ прилежно сообщалъ императрицѣ отрывки изъ его писемъ. Такъ въ 1795 году Финдлэтеръ сожалѣлъ, что у Россіи нѣтъ посланника въ Америкѣ, чтобъ тамъ узнавать о планахъ и предпріятіяхъ Англіи во всѣхъ уголкахъ земнаго шара. Онъ мечталъ о пріобрѣтеніи Россіей Мемеля для судоходства по Нѣману и возможности вывозить произведенія Литвы, не подчиняясь прусской таможнѣ. По части внутренняго устройства Финдлэтеръ совѣтовалъ обратить вниманіе на водяныя сообщенія, соединить Западную Двину съ Днѣпромъ и для этихъ работъ выписывать гидравликовъ и инженеровъ изъ Голландіи и Англіи. Успѣхи земледѣлія въ великой земледѣльческой странѣ онъ считалъ наиболѣе важными и достойными неусыпныхъ заботъ. Онъ желалъ даже, чтобъ великій князь Александръ былъ отправленъ въ Англію съ весьма небольшой свитой, дабы серьёзно присмотрѣться ко всѣмъ усовершенствованнымъ способамъ хозяйства, такъ процвѣтавшаго въ Англіи, и самому приложить руку къ сохѣ, какъ великій Петръ приложилъ ее къ топору,

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 660, 662. [2]) Стр. 666.

когда хотѣлъ создать у себя флотъ. Онъ находилъ также, что Англія была обязана цвѣтущимъ состояніемъ своего земледѣлія вольнымъ экономическимъ обществамъ и ихъ полезнымъ изданіямъ по части сельскаго хозяйства, которыя совѣтовалъ давать переводить на русскій языкъ, напримѣръ, лондонскому священнику Смирнову, и даже снабжалъ ими императрицу. Наконецъ, онъ возставалъ противъ столицы, построенной на суровомъ Сѣверѣ, въ болотахъ Ингріи, тогда какъ въ обширной Россійской имперіи есть мѣста съ гораздо болѣе мягкимъ климатомъ и благодатной природой, и приводилъ въ примѣръ какого-то восточнаго властелина, построившаго свою резиденцію на краю государства. Одинъ изъ его министровъ велѣлъ разостлать у него въ саду воловью кожу и просилъ его становиться поперемѣнно на одинъ изъ угловъ: всякій разъ, какъ онъ это дѣлалъ, кожа съ другихъ концовъ приподнималась вверхъ, а какъ только онъ сталъ въ серединѣ, то кожа осталась ровно разостланною во всѣхъ направленіяхъ. Столицей Финдлэтеръ избиралъ Кіевъ, или какой-нибудь новый городъ на Днѣпрѣ, подъ именемъ Екатеринополя.

На совѣтъ выписывать гидравликовъ и инженеровъ изъ Голландіи, Екатерина отвѣчала, что это уже сдѣлано; о посланникѣ въ Америкѣ она говорила, что еще не признала Американскихъ Штатовъ, а къ экономическимъ обществамъ относилась съ недовѣріемъ и показывала большое нерасположеніе къ существовавшему тогда въ Петербургѣ Вольно-экономическому обществу. Отъ 9-го апрѣля 1795 года она писала:

«Петербургское экономическое общество извѣстно мнѣ по тѣмъ геніальнымъ выходкамъ, которыми оно ознаменовало себя съ самаго рожденія; по учрежденіи своемъ оно шесть мѣсяцевъ размышляло, какъ добыть денегъ, и возымѣло геніальную догадку попросить ихъ у меня. Прошедшій годъ я открыла, что это ловкое общество сумѣло, сама не знаю какъ, исторгнуть у меня позволеніе печатать свои изданія на мой счетъ, увѣряя что это будетъ стоить не болѣе ста рублей въ годъ. Но вслѣдъ за тѣмъ оно, подъ предлогомъ увеличенія расходовъ, изловчилось

извлекатъ изъ моего кабинета, нѣсколько лѣтъ къ ряду, до четырехъ тысячъ рублей; изъ этихъ денегъ оно раздавало награды направо и налѣво и задавало вопросы, одинъ глупѣе и безполезнѣе другого. Тогда, посмѣявшись сначала этому геніальному пріему общества, такъ какъ я смѣялась снятію осады Варшавы (Пруссаками), я ужъ не на шутку разсердилась и сказала президенту, что это называется плутовать, тѣмъ болѣе что вѣдь они должны имѣть барышъ отъ продажи своихъ знаменитыхъ изданій, за которыя я однако не дамъ и десяти копеекъ. Тутъ онъ мнѣ сознался, что ихъ не покупаютъ, на что я ему возразила, что тогда ихъ и печатать не стóитъ, и я не даю болѣе ни гроша на это. Съ тѣхъ поръ они умолкли и ничего болѣе не слышно о ихъ экономіи, изъ чего я извлекла новую аксіому: что всякое экономическое общество, не умѣющее подавать примѣръ, существуя на собственную экономію, не должно браться писать и поучать экономіи другихъ» [1]). 17-е сентября того же года сказано: «Господь знаетъ, что я не люблю экономическихъ обществъ. Мнѣ были извѣстны изъ нихъ такія, которыхъ почти всѣ члены были купцы, или обанкрутившіеся или близкіе къ тому. Сюда былъ присланъ проектъ Синклера объ основаніи экономическаго бюро, но все это къ намъ пристало какъ къ коровѣ сѣдло: все это — безполезная болтовня» [2]).

Объ улучшеніи у насъ земледѣлія государыня отвѣчала, что способы заграничнаго хозяйства такъ же непримѣнимы къ нашимъ громаднымъ пространствамъ, какъ нельзя платье карлика натягивать на великана, да они и не соотвѣтствуютъ степени развитія у насъ народа, а что касается выписныхъ ученыхъ агрономовъ, не знающихъ ни мѣстныхъ условій, ни языка, то она боялась, какъ бы они не сдѣлались эксплоататорами нашихъ богатствъ, а пожалуй и не были убиты нашими крестьянами. Этотъ отвѣтъ, данный ею, когда Финдлэтеръ рекомендовалъ агронома Яниша, былъ приведенъ нами въ главѣ «Литературные труды, исторія и

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 627, 628. [2]) Стр. 648.

политическая мудрость». Тамъ же помѣщено и мнѣніе ея о перенесеніи столицы на югъ,—что сѣверъ всегда призванъ властвовать надъ югомъ, а югъ безъ сѣвера всегда будетъ слабъ и немощенъ. «Итакъ», прибавляетъ она, «столица этой имперіи, по моему разумѣнію, еще не найдена и вѣроятно не мнѣ найти её» [1]). О Кіевѣ же она говоритъ: «Еслибъ милордъ Финдлэтеръ видѣлъ Кіевъ, то не посовѣтовалъ бы мнѣ въ немъ жить. По русской поговоркѣ, въ немъ живутъ однѣ только вѣдьмы» [2]).

Но во всякомъ случаѣ совѣты Финдлэтера о необходимости упрочить въ Россіи хорошіе способы земледѣлія такъ дѣльны, что мы рѣшаемся привести ихъ здѣсь: «Основами величія и прочности имперіи, должны быть хорошее воспитаніе и земледѣліе. Торговля—это коварная и легкомысленная кокетка, которая, заставивъ войти въ разныя издержки того кто захочетъ ей понравиться, вдругъ броситъ его, чтобъ начать ласкать его соперника; земледѣліе же — это домовитая хозяйка, не бѣгающая изъ дому; это надежный другъ, всегда готовый пособить вамъ въ нуждѣ. Вмѣсто того чтобъ имѣть въ Петербургѣ Вольно-экономическое общество, составленное изъ обанкрутившихся купцовъ, я составилъ бы его изъ крупныхъ землевладѣльцевъ имперіи, подобно агрономическимъ обществамъ Англіи и помѣстилъ бы общество этого рода въ Москвѣ; тогда помѣщики находили бы для себя болѣе выгоднымъ заниматься обработкою своихъ земель, чѣмъ всю жизнь играть въ карты. Я посовѣтовалъ бы императрицѣ выписать въ Россію на нѣсколько мѣсяцевъ Артура Юнга, чтобъ онъ основалъ практическую земледѣльческую школу въ какой-нибудь губерніи на югѣ отъ Москвы, гдѣ климатъ получше, чтобъ научить низшіе классы народа пріемамъ этого полезнаго искуства, до сихъ поръ находившагося въ слишкомъ большомъ пренебреженіи. Увеличеніе народонаселенія въ Россіи и истинное ея величіе должны стоять на этомъ основаніи.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 648. [2]) Стр. 664.

«Мнѣ приходитъ въ голову еще одна мысль, которая, можетъ быть, встрѣчаетъ важныя препятствія, иначе она была бы уже осуществлена: надо бы позволить всѣмъ крѣпостнымъ въ Россіи съ женами и дѣтьми откупаться на волю за извѣстную плату, такъ чтобъ владѣльцы ихъ не могли тому противиться. Этимъ способомъ, какъ мнѣ кажется, получили бы свободу только тѣ, кто ее заслуживаетъ и кто въ состояніи хорошо употребить ее, и не во власти помѣщиковъ было бы задерживать развитіе промышленности, притѣсняя людей достойныхъ».

Затѣмъ Финдлэтеръ, высказавъ чрезвычайно умныя сужденія о преимуществѣ земледѣлія передъ фабричной промышленностью по вліянію на благоденствіе, гражданское довольство и нравы народные, заканчиваетъ такъ: «Правительство каждаго государства и всѣ его добрые граждане должны серіозно соединиться, чтобъ подвигать впередъ культуру почвы, на которой они живутъ, — единственное средство упрочить его существ[illegible]ваніе противъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Такъ какъ земледѣліе въ Россіи требуетъ большихъ улучшеній, то здѣсь можно ожидать и огромныхъ успѣховъ. Кто будетъ въ состояніи въ 1800 году продать около милліона лишнихъ кулей муки противъ 1795, тотъ почувствуетъ оживленіе въ своихъ банкахъ, страховыхъ обществахъ, въ торговлѣ и на пристаняхъ, будетъ имѣть тѣмъ болѣе помола на своихъ мельницахъ, предметовъ транспорта для своихъ каботажныхъ судовъ, свободныхъ денегъ для покупки за границей предметовъ прихоти, тѣмъ болѣе груза для рѣчныхъ барокъ и вообще болѣе пріятныхъ и полезныхъ мелочей для честной, умной и цвѣтущей торговли, твердо основанной на благосостояніи фермера, пахаря, кузнеца и землевладѣльцевъ всѣхъ сословій».

Еще до революціи Гриммъ былъ знакомъ съ однимъ силуэтистомъ Антингомъ, который какъ-то попалъ въ русскую службу на югѣ, сдѣлался извѣстенъ Суворову и теперь былъ при немъ переводчикомъ и адъютантомъ въ Польшѣ. Гриммъ рѣшился написать ему, чтобъ онъ ему выхлопоталъ портретъ Суворова,

котораго Нѣмцы прозвали «General Vorwärts» (генералъ Впередъ). Знаменитый герой самъ прислалъ этотъ портретъ Гримму и въ письмѣ Антинга сдѣлалъ приписку, которая съ гордостью была переписана и послана императрицѣ. Вотъ она:

«Мнѣ слѣдуетъ во всемъ подражать мудрости вашего превосходительства, какъ европейской знаменитости. Ученые болѣе всѣхъ другихъ приближаются къ богамъ своимъ безсмертіемъ. Ихъ вліяніе подымаетъ насъ до самой возвышенной добродѣтели. Они внушаютъ намъ высокую и святую рѣшимость жить для блага общаго. Отъ нихъ мы научаемся не думать о себѣ, презирать превратности судьбы и жертвовать собою для отчизны и человѣчества.

«Слава Господу воинствъ! Я раздѣляю ваши правила.

Г. А. С. Р.»

Государыня отвѣчала 25 августа 1795 г.: «Такъ вотъ теперь мой многострадальный очень высоко поднялъ носъ, услышавъ, что онъ былъ учителемъ графа обѣихъ имперій; но вы можетъ-быть не знаете, что онъ всегда подписываетъ свое имя маленькими буквами: во-первыхъ изъ смиренія, во-вторыхъ, чтобъ показать, что онъ не носитъ очковъ. Затѣмъ, если онъ къ кому нибудь обращается съ вопросомъ, надо всегда не задумываясь отвѣчать тотчасъ же, иначе онъ страшно разгнѣвается; но самый нелѣпый отвѣтъ его не сердитъ. Во всѣхъ отношеніяхъ это престранная личность. Онъ необыкновенно начитанъ, у него много врожденной геніальности, но чудачествъ — безъ конца: есть даже такія, которыя вредятъ ему.... Мнѣ кажется, что я видѣла вашего силуэтиста, который втянулъ васъ въ переписку съ графомъ обѣихъ имперій» [1]).

Гриммъ прислалъ императрицѣ и копіи своихъ писемъ къ Суворову. Она говоритъ о нихъ 25 сентября 1795 года:

«Ваши оба письма къ Суворову прелестны. Онъ пріѣхалъ третьяго дня изъ своего объѣзда Финляндіи, гдѣ осматривалъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 644.

все что тамъ сдѣлано по его предначертаніямъ, и вернулся совершенно довольный, не оставивъ тамъ ни уголка, куда бы могли пробраться Шведы, не встрѣтивъ большого противодѣйствія» [1]).

О смерти Бецкаго государыня такъ извѣщала Гримма въ томъ же 1795 году, отъ 1 августа (послѣ обѣда): «Бецкій только что скончался, часа два тому назадъ, 93-хъ лѣтъ отъ роду. Уже семь лѣтъ какъ онъ совершенно впалъ въ дѣтство, а иногда былъ даже не въ своемъ умѣ; десять лѣтъ онъ былъ слѣпъ. Когда кто-нибудь приходилъ къ нему, онъ говорилъ:—Если васъ императрица спроситъ, что́ я дѣлаю, скажите ей, что я работаю со своими секретарями.—Онъ особенно тщательно скрывалъ отъ меня свою слѣпоту, чтобъ я не распорядилась его мѣстами; а на дѣлѣ всѣ его должности были замѣщены, только онъ этого не зналъ» [2]).

Въ томъ же году Гриммъ переслалъ императрицѣ написанное ему посланникомъ Головкинымъ письмо, въ которомъ онъ черезъ посредство Гримма хлопочетъ о нѣкоемъ служившемъ по дипломатической части Италинскомъ, который не могъ переносить петербургскаго климата. Головкинъ проситъ объ опредѣленіи его на службу въ южный край, гдѣ, по его словамъ, мало людей способныхъ и честныхъ, и жалуется на удаленіе свое отъ императрицы, которая могла бы воспользоваться его способностями и подготовить его для дѣлъ (me former aux affaires), какъ онъ выражается. На это Екатерина отъ 7 октября 1795 г. дѣлаетъ слѣдующую, не совсѣмъ лестную характеристику Головкина:

«Сказать правду, графъ Головкинъ человѣкъ не только самонадѣянный, но и интриганъ, и этимъ онъ во многихъ мѣстахъ повредилъ себѣ, а особенно въ Вѣнѣ, гдѣ онъ сдружился съ Луккезини — чертá неосновательности и безтактности. Во-первыхъ, онъ такъ недавно въ Неаполѣ, а успѣлъ ужъ до того привязаться къ Италинскому, что они во всемъ сходятся, говоритъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 666. [2]) Стр. 644, 645.

Головкинъ. Что-то ужъ очень скоро они стали друзьями! Замѣтьте, что Италинскій тамъ получаетъ такое же жалованье, какъ и другіе. Если онъ сюда пріѣдетъ и выйдетъ изъ дипломаціи, то ему дадутъ мѣсто и безъ Головкина и его рекомендаціи. Головкинъ никогда не бывалъ въ нашихъ черноморскихъ губерніяхъ; какъ же онъ говоритъ наобумъ о чиновникахъ, которыхъ не знаетъ? Слѣдовательно все, что онъ вставляетъ о ихъ неспособности, лишено всякаго основанія. Генералъ-губернатору, графу Зубову, безпрестанно приходится уличать во лжи посланника. Не знаю, про какихъ людей онъ говоритъ, которые окружаютъ меня и могли бы оскорбиться довѣріемъ г. посланника ко мнѣ. Самъ онъ, повѣрьте мнѣ, никогда не былъ въ такомъ положеніи, чтобъ могъ жаловаться на неблагодарность облагодѣтельствованныхъ имъ людей. И опять-таки вовсе не онъ заблагоразсудилъ удалиться; но такъ какъ его считали за человѣка умнаго и способнаго къ выполненію обязанностей своего новаго поприща, то ему дали это мѣсто, чему онъ былъ крайне радъ. Особенными милостями онъ никогда не пользовался. Но вотъ вамъ одна достаточно яркая черта его характера: получивъ все что дается обыкновенно отъѣзжающимъ въ качествѣ посланниковъ, онъ отправился къ графу Зубову съ просьбой передать мнѣ, что онъ не можетъ уѣхать, если не получитъ еще восьми тысячъ въ прибавку къ тому, что́ ему уже выдали. Я велѣла отвѣчать ему, что не сдѣлаю для него болѣе чѣмъ для другихъ. Послѣ того онъ уже не былъ у графа Зубова, но долго оставался еще въ городѣ; кто-то встрѣтилъ его и спросилъ: «Отчего вы перестали бывать у гр. Зубова?» Головкинъ отвѣчалъ:—Мы переписываемся раза по два, по три въ день, съ насъ этого довольно.—А никакой переписки бывало» [1]).

Въ мартѣ 1796 года государыня пишетъ: «Головкинъ былъ отозванъ изъ Неаполя, потому что онъ осмѣлился надѣлать ты-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 657, 658.

сячи дерзостей королевѣ Неаполитанской, и послѣ того имѣлъ наглость самъ мнѣ описать ихъ въ длинномъ письмѣ» [1]).

Въ концѣ 1795 г. гостилъ въ Петербургѣ одинъ персидскій вельможа, и вотъ о немъ отзывъ государыни: «У насъ здѣсь уже съ мѣсяцъ гоститъ знатный персіянинъ, по имени Муртаза Кули-ханъ, пріѣхавшій искать убѣжища въ Россіи, потому что братъ его, Ага-Мехметъ ханъ, присвоилъ себѣ его владѣнія. Онъ человѣкъ очень умный и притомъ весьма вѣжливый и обходительный. Онъ просилъ позволенія осмотрѣть эрмитажъ, и сегодня былъ въ немъ уже въ четвертый разъ. Онъ проводитъ тамъ часа по три, по четыре сряду и все осматриваетъ, какъ настоящій любитель; все прекрасное въ различныхъ родахъ его поражаетъ; но отъ вниманія его и ничто другое не ускользаетъ. Ему хотѣлось видѣть какъ гравируютъ, какъ пишутъ картины: ему доставили это удовольствіе; онъ цѣлые часы простоялъ возлѣ гравёра и живописцевъ. Онъ входилъ и въ ложи Рафаэля, и тотчасъ заговорилъ о библіи, признавъ на потолкѣ и вездѣ кругомъ исторіи изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Когда онъ увидѣлъ изгнаніе Адама и Евы изъ рая, то замѣтилъ: «Здѣсь можно подумать, что вся эта исторія выдумана, потому что мы находимся въ земномъ раѣ», намекая на ложи Рафаэля. Турки настоящіе мужики въ сравненіи съ Персіянами, особенно эти чванные дураки посланники, какихъ намъ нѣсколько разъ присылали. Намедни на балѣ я черезъ переводчика велѣла сказать Муртазѣ Кули-хану, что наши обычаи должны казаться ему очень странными и необыкновенными. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что было бы желательно, чтобъ у нихъ стали намъ во многомъ подражать. Его отвѣты всегда мѣтки и разумны. На Георгіевскомъ праздникѣ, видя, что я обѣдаю вмѣстѣ съ кавалерами ордена, онъ просилъ объяснить ему всѣ подробности этого учрежденія, и потомъ воскликнулъ: «Какъ это должно поощрять и возбуждать усердіе!» [2])

Въ томъ же году, по поводу записки, присланной импера-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 672. [2]) Стр. 663, 664.

трицѣ Финдлэтеромъ о морскомъ дѣлѣ, она пишетъ отъ 7 октября: «Да кто же, скажите на милость, когда-нибудь слыхалъ, будто для обученія морской службѣ надо воспитывать морскихъ офицеровъ внутри страны и для этого извлекать ихъ изъ морскихъ портовъ и верфей? Доводы къ такому измѣненію слишкомъ слабы. Нѣтъ ничего лучше тѣхъ поколѣній моряковъ, въ которыхъ служба на морѣ переходила отъ отца къ сыну, гдѣ каждый съ самой колыбели наслушался разсказовъ о морѣ. Математикѣ можно учиться и въ портахъ, на практикѣ, да и за нравственностью можно тамъ наблюдать не хуже, чѣмъ внутри страны. Я полагаю, что шотландскій перъ прислалъ мнѣ эту записку для того, чтобъ я остереглась впасть въ подобную ошибку, и это я ему отъ души обѣщаю» [1]).

Дѣти нѣкоторыхъ эмигрантовъ были приняты Екатериной въ наши учебныя заведенія. Такъ она пишетъ: «Маленькій Дама (Damas) здѣсь въ артиллерійскомъ корпусѣ, вмѣстѣ съ Раулемъ Шуазёлемъ, съ молодымъ Гриньяномъ, съ сыномъ г. Сенъ-При и многими другими: я часто говорю, что мы воспитываемъ надежды Франціи, и эти молодые люди возстановятъ монархію» [2]).

Свадьба великаго князя Константина Павловича. Великія княжны. Лебрэнъ. Кваренги.

Въ началѣ 1795 года Екатерина стала серіозно помышлять о женитьбѣ второго своего внука, великаго князя Константина Павловича, и писала Гримму отъ 16-го апрѣля: Слушайте, многострадальный, дружны вы съ герцогиней Мекленбургской, урожденной кажется принцессой Саксенъ-Готской, или нѣтъ? Если дружны, то поручается г. многострадальному, отложивъ въ сторону всякое пристрастіе къ нѣмецкимъ принцамъ и принцессамъ, представить мнѣ нельстивое описаніе всѣхъ дочерей на возрастѣ этой принцессы и, если возможно, сообщить мнѣ мысли

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 659. [2]) Стр. 652.

отца, матери и дочерей насчетъ религіи. До сихъ поръ всѣ они въ той странѣ слыли за ревностныхъ протестантовъ, не допускающихъ никакой перемѣны исповѣданія. Прошу мнѣ отвѣчать на это самымъ точнымъ образомъ. Сколько между прочимъ у нихъ дочерей въ семьѣ, большихъ и маленькихъ? Одинъ долговязый юноша, при видѣ счастливаго супружества своего брата, все думаетъ и вздыхаетъ о той суженой, которую и ему захотѣлось имѣть. Забавникъ этотъ во всемъ проявляетъ пылкость характера. Но, многострадальный, отвѣчайте же намъ скорѣе, знаете ли вы что-нибудь объ этомъ, или не знаете?» [1]).

Изъ писемъ Гримма не видно его отвѣта на это; но отъ 11-го іюня государыня писала: «Ну вотъ ваши свѣдѣнія о принцессѣ Мекленбургской разнятся съ моими, которыя говорятъ, что она не хороша и кажется кривобока, но впрочемъ очень тщательно воспитана. Весьма возможно, что короля Шведскаго заставятъ на ней жениться противъ воли» [2]). Послѣ этого императрица обратилась въ другую сторону для переговоровъ о принцессахъ Кобургскихъ. Судя по обиженному тону Гримма въ одномъ изъ его писемъ, онъ уже въ этихъ переговорахъ не участвовалъ, однакоже поѣхалъ взглянуть на принцессъ передъ ихъ отъѣздомъ и прислалъ вслѣдствіе того съ генераломъ Будбергомъ, сопровождавшимъ ихъ съ матерью въ Россію, особо запечатанную записочку, гдѣ называлъ ту, которая, по его мнѣнію, должна была сдѣлаться великой княжной: именно среднюю—Антуанету; но, какъ увидимъ, не угадалъ, тогда какъ Финдлэтеръ былъ счастливѣе въ своихъ догадкахъ и прямо назвалъ Юлію—младшую, которая и была выбрана. Про среднюю же императрица сдѣлала слѣдующее замѣчаніе: «У вашей протежé, прекрасной принцессы Антуанеты, носъ слишкомъ длиненъ, нашелъ Константинъ» [3]). О догадливости же Финдлэтера сказано: «Шотландскій оракулъ вѣрно угадалъ; онъ какъ хищная птица устремился прямо на

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 637. [2]) Стр. 640. [3]) Стр. 672.

Юлію. Вотъ второй разъ наши мысли съ милордомъ встрѣчаются» [1]). Императрица писала отъ 20-го сентября:

«Сегодня утромъ получила я извѣстіе, что г. Будбергъ со своими похищенными принцессами, говорятъ, прибудетъ 28-го этого мѣсяца. Это повергло сэра Константина въ глубокую задумчивость. Я ему посовѣтовала пріукраситься и быть любезнымъ: а онъ можетъ быть необыкновенно любезенъ, когда захочетъ» [2]). 22-го сентября: Я утромъ получила извѣстіе, что сегодня Будбергъ проводитъ праздникъ въ Митавѣ, завтра будетъ ночевать въ Ригѣ, гдѣ останется три дня, и стало-быть здѣсь не можетъ быть ранѣе начала октября» [3]).

И дѣйствительно, 6-го октября путешественники прибыли, и отъ 7-го октября сказано: «Мои принцессы пріѣхали вчера вечеромъ 6-го октября: онѣ прехорошенькія. Генералъ Будбергъ передалъ мнѣ сегодня утромъ, 7-го октября, ваши письма и посылки: завтра буду отвѣчать.

«NB. Это завтра затянулось до сегодня, 9-го октября; я такъ была утомлена всѣ эти дни Константиномъ и всѣмъ до него касающимся, кромѣ обычной сумятицы, что не имѣла ни минуты свободной. Наслѣдная принцесса Саксенъ-Кобургская—хорошая и достойная женщина; дочки ея очень красивы; жаль, что нашъ женихъ можетъ выбрать только одну, а ихъ всѣхъ трехъ стоило бы удержать. Но кажется, что нашъ Парисъ отдастъ яблоко меньшой: увидите, что Юлія побѣдитъ. Болѣе двухсотъ человѣкъ, видѣвшихъ ихъ до сихъ поръ, всѣ въ одинъ голосъ повторяютъ: Юлія—рѣзвушка, Юлія—лучшая изъ сестеръ: увидимъ! Смотрите, будетъ ли это согласно съ вашей запиской, которая была распечатана и прочтена прежде письма, даже несмотря на ваше строгое запрещеніе» [4]).

12-го октября: «Вѣроятно это письмо, повезетъ въ Кобургъ курьеръ съ извѣстіемъ, что сэръ Константинъ рѣшилъ свой выборъ. Вчера всѣ отличія съ его стороны были для Юліи» [5]).

---

[1]) *Сб. И. С.* XXIII, 664. [2]) Стр. 651. [3]) Стр. 653.
[4]) Стр. 658. [5]) Стр. 659, 660.

13-го октября: «Константинъ хочетъ сегодня принести свою жалобу наслѣдной принцессѣ по поводу прекрасныхъ глазъ ея младшей дочери; онъ говоритъ, что не можетъ ждать болѣе ни минуты, такъ что дѣло кипитъ, какъ видите».

14-го октября послѣ обѣда: «Дѣло наше рѣшено. Константинъ женится на Юліи; они влюблены другъ въ друга; мать и другіе то плачутъ, то смѣются, видя эту интересную парочку; жениху 16 лѣтъ, невѣстѣ 14. Оба они очень шаловливы. Кобургскій курьеръ вѣроятно поѣдетъ завтра».

23-го октября: «Принцессы Саксенъ-Кобургскія уѣзжаютъ въ субботу; младшая останется у насъ и будетъ жить съ в. княжнами Александрой и Еленой до своей свадьбы, которой срокъ еще не назначенъ. Прощайте, будьте здоровы какъ я. Послѣзавтра большой маскарадъ: зачѣмъ васъ не будетъ съ нами?

27-го октября: «Вчера пришло письмо къ наслѣдной принцессѣ Саксенъ-Кобургской; оно было вручено ей сегодня утромъ. Она уѣхала отсюда въ Царское Село, гдѣ будетъ ночевать; завтра обѣдать будетъ въ Гатчинѣ, откуда выѣдетъ обратно въ Германію; она намъ оставила свою младшую дочь.

«Послѣдняя поручена генеральшѣ Ливенъ, гувернанткѣ великихъ княженъ; у нея будутъ тѣ же учителя; она будетъ обѣдать, ужинать и проводить весь день съ ними. Итакъ все устроено такъ хорошо и семейно, какъ только можно. Свадьба будетъ въ концѣ зимы или весною» [2]).

15-го декабря: «Вы можете понять, что мнѣ некогда разбирать подробно всѣ мысли шотландскаго пера. Это завело бы меня слишкомъ далеко въ такое время, когда я занимаюсь самой педантической работой, какую можно себѣ представить. Напримѣръ, сегодня утромъ я забавлялась тѣмъ, что нанизывала цѣлыхъ три часа *обстоятельства;* вчера я столько же употребила времени, чтобъ нанизать *средства* [3]): поймете ли вы тутъ что-ни-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 660. [2]) Стр. 661.

[3]) Рѣчь идетъ о какомъ-то историческомъ трудѣ, который сильно занималъ государыню въ послѣднее время ея жизни.

будь? Что касается Константина, который нѣсколько посвященъ въ то что я дѣлаю, то онъ сегодня утромъ говорилъ мнѣ только о *положеніи*, въ которомъ *онъ* находится: то есть, что въ февралѣ будетъ его свадьба; а одно изъ *обстоятельствъ* его женитьбы будетъ его переѣздъ въ мраморный дворецъ, и вотъ какъ мы болтали и помирали со смѣху, и все это педантическимъ тономъ. Знаете ли, что съ Константиномъ можно говорить обо всемъ, перескакивая изъ пятаго въ десятое: онъ очень остеръ» [1]).

«Переходъ въ православіе Юліи вѣроятно состоится 2-го февраля; 3-е будетъ обрученіе, а съ Божіей помощью 13-го февраля свадьба, послѣ которой праздники окончатся только на масляницѣ. Дня три я хромаю отъ ревматической боли въ колѣнѣ, но это пустякъ, и произошло отъ того, что я года три тому назадъ упала съ пятнадцати ступеней лѣстницы, ведущей въ мою ванну, и съ тѣхъ поръ въ дурную погоду я чувствую эту боль въ томъ колѣнѣ, которое больше было ушибено; это было дня за два до пріѣзда графа д'Артуа» [2]).

5-е февраля: «2-го этого мѣсяца принцесса Кобургская приняла православіе и ей дали имя Анны Феодоровны. На другой день — память св. Анны, ее обручили великому князю Константину и назвали великой княгиней Анной Феодоровной: вотъ что я имѣю честь вамъ сообщить; свадьба будетъ 13 февраля, то есть черезъ девять дней, включая сегодня. Сэръ Константинъ влюбленъ въ полномъ смыслѣ слова» [3]).

18 февраля: «Свадьба Константина назначена была на 13-ое; но съ воскресенья его невѣста схватила лихорадку съ такой ужасной зубной болью, что пришлось отложить свадьбу до 15-го, пятницы, такъ какъ у бѣдняжки до того распухла щека, что глазъ сдѣлался совсѣмъ маленькій. Наконецъ въ пятницу ихъ обвѣнчали; былъ большой обѣдъ въ мраморной залѣ или иначе Георгіевской. Потомъ былъ балъ, послѣ котораго новобрачныхъ отвезли въ Мраморный дворецъ, гдѣ они и живутъ. На другой день

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 664. [2]) Стр. 667. [3]) Стр. 668.

они у меня обѣдали, а вечеромъ былъ балъ и ужинъ въ большой залѣ, которую не надо смѣшивать съ Георгіевской: та въ половину меньше. Вчера, 17-го, въ воскресенье, былъ день отдыха. Сегодня въ двѣнадцать часовъ былъ народный праздникъ съ мачтой и призами, что́ очень забавляло народъ, а послѣ того я поѣхала обѣдать къ сэру Константину въ Мраморный дворецъ. Полагаю, что трудно найти домъ красивѣе и роскошнѣе этого, гдѣ бы все было убрано съ такимъ вкусомъ, комфортомъ и изяществомъ; мы и до обѣда и послѣ обошли весь дворецъ: я имъ очень довольна, Константинъ тоже.

«Вернувшись отъ него, я съ часъ отдохнула, а теперь пишу вамъ. Завтра и послѣзавтра дни отдыха. Въ четвергъ будетъ обѣдъ, а вечеромъ балъ у родителей. Въ суботу обѣдъ, а вечеромъ балъ у Александра. Въ воскресенье большой маскарадъ при дворѣ. Въ понедѣльникъ отдыхъ. Во вторникъ послѣдній заключительный балъ съ ужиномъ во дворцѣ. Въ среду все закончится фейерверкомъ. Послѣ этого останется до Великаго поста только четвергъ, пятница, субота и воскресенье; въ первый понедѣльникъ Великаго поста мы скажемъ: — Слава Богу, что эта суматоха кончилась, мы ужъ довольно устали» [1]).

25 февраля: «Вотъ одиннадцатый день послѣ свадьбы Константина. Вчера былъ большой маскарадъ при дворѣ; было только восемь тысячъ пятьсотъ сорокъ замаскированныхъ, отдавшихъ свои билеты при входѣ, а всѣ придворные и живущіе во дворцѣ не были замаскированы. Завтра будетъ балъ и заключительный ужинъ при дворѣ, а послѣзавтра фейерверкъ. Вчера на маскарадѣ великія княгини и княжны Елизавета, Анна, Александра, Елена, Марія, Екатерина и придворные фрейлины, всего двадцать четыре дамы и ни одного кавалера, исполнили русскій танецъ подъ русскую музыку, что́ всѣхъ привело въ восторгъ: сегодня еще только объ этомъ и толкуютъ при дворѣ и въ городѣ. Онѣ всѣ были красавицы и прелестно одѣты. Вы видите, что мы

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 668, 669.

по уши въ праздникахъ. На будущей недѣлѣ начинается Великій постъ» [1]).

Женивши обѣихъ внуковъ, императрица Екатерина стала помышлять о женихахъ для старшихъ своихъ внучекъ и писала Гримму отъ 7-го октября 1795 г.: «Благодарю герцогиню Готскую за присылку сочиненія барона Тюммеля. Скажите пожалуйста, каковъ второй сынъ герцогини, красивъ ли, уменъ ли, добръ ли сердцемъ? Я хочу собрать справки о всѣхъ младшихъ сыновьяхъ германскихъ государей, и когда у меня будетъ полный списокъ, я выберу изъ нихъ сколько нужно для моихъ невѣстъ, а онѣ пусть выбираютъ себѣ каждая по сердцу мужа, котораго она и выведетъ въ люди. Я начинаю съ младшаго Готскаго; есть еще младшій сынъ въ Кётенѣ, его тоже я стану ловить; если можете сообщить о немъ свѣдѣнія, очень меня обяжете. Но держите про себя мою погоню за женихами; я не хочу, чтобъ это разгласилось прежде времени. Царствующихъ принцевъ мнѣ не нужно, а только младшихъ, у которыхъ кромѣ шпаги да плаща ничего нѣтъ» [2]).

18-го февраля, послѣ свадьбы великаго князя Константина, государыня опять пишетъ: «Теперь у меня жениховъ больше нѣтъ; остается только пять дѣвицъ, изъ которыхъ младшей годикъ, а старшая — невѣста. Послѣдняя и ея вторая сестра — красавицы въ полномъ смыслѣ и все другое соединено въ нихъ съ этой красотою: онѣ обѣ очаровательны, всѣ восхищаются ими. Жениховъ придется имъ искать днемъ со свѣчкою. Безобразныхъ мы исключаемъ, дураковъ тоже; бѣдность же не порокъ. Но и внутреннее содержаніе должно соотвѣтствовать красивой наружности. Если попадется такой товаръ на рынкѣ, сообщайте мнѣ о находкѣ, но надо чтобъ она была одобрена и шотландскимъ пе́ромъ, потому что ваше мнѣніе на этотъ счетъ не внушаетъ мнѣ полнаго довѣрія. Вѣдь вы отъ рожденія влюблены во всѣ нѣмецкія высочества [3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 671. [2]) Стр. 658. [3]) Стр. 669.

И вотъ Гриммъ и Финдлэтеръ принялись наводить справки, перечислять въ своихъ письмахъ различныхъ принцевъ, отдавая отчетъ о ихъ наружности, свойствахъ и воспитаніи. Такъ они называли принцевъ Гомбургскихъ, младшаго Дармштадтскаго, Фридриха Саксенъ-Готскаго, принцевъ Шверинскихъ и Стрелицкаго, наконецъ младшихъ принцевъ Прусскихъ и даже принцевъ англійскаго дома. Финдлэтеръ, живя въ Галле, по близости Кётена, поѣхалъ туда и давалъ самыя точныя свѣдѣнія о младшемъ принцѣ, нашедъ его одареннымъ прекрасными душевными качествами, но не особенно привлекательной наружностью.

О внукахъ своихъ государыня часто давала отзывы въ письмахъ. О Еленѣ она писала — въ концѣ 1795 года: «Скажу вамъ, что Елена становится замѣчательной красавицей. Но вы пожалуй скажете, что вамъ до этого нѣтъ дѣла; Солонъ [1]) станетъ требовать добродѣтелей, какъ будто красота не есть добродѣтель весьма располагающая; не станемъ презирать ни одного изъ даровъ небесныхъ: а я такъ люблю хорошенькія личики..... Сегодня имянины дамы Анны, которая до сихъ поръ столько же неинтересна, сколько толста; вообще трое послѣднихъ [2]) не стóятъ пятерыхъ старшихъ» [3]). О Маріи же она говорила въ 1796 году: «Еслибъ вы слышали какъ прекрасно играетъ на фортепьяно и поетъ великая княжна Марія, вы бы расплакались горячими слезами. Она дѣлаетъ это еще лучше, чѣмъ сестры ея танцуютъ менуэтъ» [4]).

Около этого времени прибыла въ С.-Петербургъ знаменитая женщина—живописецъ Ле-Брэнъ. Въ первый разъ о ней упоминается въ 1791 году: «Анджелика Кауфманъ раздѣляетъ съ пріятельницей своей Ле-Брэнъ славу въ Римѣ. Такъ какъ я изъ

---

[1]) Друзья называли часто Гримма Солономъ Германіи.

[2]) Великія княжны Екатерина, Анна и умершая Ольга.

[3]) Великихъ князей Александра, Константина и великихъ княженъ Александры, Елены и Маріи.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 666 — 667, 668, 672.

работъ второй видѣла только одну, а имѣю уже нѣсколько произведеній первой, то я придерживаюсь ея» [1]).

О пріѣздѣ Ле-Брэнъ говорится въ концѣ 1795 года: «Ле-Брэнъ здѣсь и пишетъ портреты моихъ двухъ внучекъ Александры и Елены, которыя обѣ красавицы [2]).

Вскорѣ послѣ того, отъ 8-го ноября: «Послушайте однако: во времена Людовика XIV французская школа живописи много обѣщала, отличаясь благородствомъ въ изображеніяхъ, и казалось, стремилась сочетать благородство съ изяществомъ. Пріѣзжаетъ къ намъ госпожа Ле-Брэнъ въ августѣ мѣсяцѣ: я возвращаюсь въ городъ. Она имѣетъ притязанія соперничать съ Анджеликою Кауфманъ, которая несомнѣнно умѣетъ придать благородство и изящество своимъ фигурамъ. Болѣе того: ея фигуры отличаются даже идеальной красотой. Соперница Анджелики для перваго своего опыта начинаетъ съ портретовъ великихъ княженъ Александры и Елены. У первой — наружность благородная, привлекательная и царственная осанка; вторая совершенная красавица съ видомъ святой невинности. Г-жа Ле-Брэнъ усаживаетъ обѣихъ на диванъ, заставляя младшую совсѣмъ вывернуть шею, и выходитъ точно двѣ обезьяны грѣются на солнцѣ, или, если хотите, двѣ отвратительныя маленькія савоярдки съ виноградными кистями въ волосахъ какъ у вакханокъ; одѣты же онѣ, одна въ ярко красную, другая въ фіолетовую тюнику. Словомъ, не только нѣтъ ни малѣйшаго сходства, но обѣ сестры такъ обезображены, что люди спрашиваютъ, которая изъ нихъ старшая, которая младшая. Приверженцы г-жи Ле-Брэнъ превозносятъ картину до небесъ; но на мой взглядъ—это дрянь, потому что въ этомъ портретѣ-картинѣ нѣтъ ни сходства, ни вкуса, ни изящества. Нужно большое тупоуміе, чтобъ имѣя передъ глазами такой оригиналъ, не сумѣть ничего изъ него сдѣлать: надо было рисовать натуру какъ она есть, а не придумывать такія положенія, что вышли обезьяны вмѣсто людей» [3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 527. [2]) Стр. 655. [3]) Стр. 661, 662.

Еще сильнѣе выразила императрица свое неудовольствіе въ другомъ письмѣ: «Нельзя себѣ представить ничего безобразнѣе мнимаго портрета Александры и Елены, писаннаго г-жою Лебрэнъ: это двѣ обезъяны гримасничаютъ одна передъ другой. Нѣтъ ни благородства, ни вкуса, ни тонкости манеры: этотъ портретъ не передаетъ ни невинности ихъ возраста, ни ихъ красоты, однимъ словомъ ничего ихъ напоминающаго! Это двѣ дѣвки, вотъ и все» [1]).

По части художествъ Екатерина писала отъ 6 апрѣля: «Не посылайте мнѣ тетрадей миѳологіи. Онѣ такъ грубо награвпрованы, что ничего не передаютъ, только развиваютъ дурной вкусъ, и потомъ это вѣдь только слѣпки. Вы можетъ-быть знаете, что въ моемъ огромномъ кабинетѣ рѣзныхъ камней очень мало слѣпковъ (pâtes), и всѣ кабинеты Европы сущее ребячество въ сравненіи съ моимъ, а что касается слѣпковъ, то у насъ другой кабинетъ, въ которомъ ихъ тридцать четыре тысячи. И все это систематически разобрано, начиная съ Египтянъ, и проходитъ такимъ образомъ черезъ всѣ миѳологіи, всѣ баснословныя и достовѣрныя эпохи исторіи до сего дня. Только настоящей войны тамъ еще нѣтъ: можетъ-быть мы помѣстимъ тамъ и взятіе Праги съ ея героями Суворовымъ, Ферзеномъ, Дерфельденомъ. Валерьянъ уже тамъ; ни одинъ изъ участниковъ постыднаго базельскаго мира не войдетъ туда, ни Маркизъ Луккезини, великій дѣлецъ и диктаторъ, ни даже Герцбергъ» [2]).

Въ сентябрѣ 1795 г. государыня, отвѣчая Гримму насчетъ нѣкоторыхъ картинъ, заказанныхъ для нея архитекторомъ Кваренги въ Италіи и оставленныхъ имъ въ Римѣ, сообщаетъ ему о несчастіяхъ, постигшихъ этого знаменитаго художника: «Съ Кваренги случилось 26 несчастій: во-первыхъ, вотъ два года какъ онъ потерялъ жену отъ родовъ; у него осталось на рукахъ 13 человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ половина въ Италіи, половина здѣсь. Онъ чуть съ ума не сошелъ съ горя, думалъ излѣчиться

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 665. [2]) Стр. 638.

путешествіемъ, и я ему совѣтовала ѣхать въ Италію и вновь жениться. И въ самомъ дѣлѣ онъ вспомнилъ о сестрѣ своей жены, которую считалъ не замужемъ; рѣшившись ѣхать, онъ посылаетъ дѣтей впередъ: они доѣхали до Варшавы, остановились тамъ на нѣсколько дней, какъ вдругъ ужасная катастрофа Игельстрома застигла ихъ тамъ; въ то же время Кваренги получаетъ извѣстіе, что его своячинница вышла замужъ въ Римѣ. Все еще держа въ головѣ женитьбу, онъ влюбляется съ швейцарку-протестантку, которая то соглашается выйти за него, то не рѣшается и въ минуту подписанія контракта ихъ разлучаетъ интересъ. И вотъ теперь Кваренги болѣе чѣмъ когда-либо несчастливъ и до того потерялъ голову, что неглижируетъ работами. Однакоже онъ вернулся сюда, потому что строилъ, но я его очень рѣдко вижу. Я думаю, что онъ оставилъ картины въ Римѣ, изъ опасенія, чтобъ онѣ не попали въ руки крейсеровъ» [1]).

1796

(послѣдній годъ царствованія).

Домашняя жизнь и занятія. Рожденіе великаго князя Николая Павловича. Пожаръ гавани и эрмитажа. Дѣйствія Валерьяна Зубова въ Персіи.

Въ началѣ роковаго для жизни императрицы 1796 года здоровье ея не только было вполнѣ удовлетворительно, но она писала, шуточно хвалясь своими силами: «До сихъ поръ я совершенно здорова, весела и легка какъ птица, по выраженію Понятовскаго, который сказалъ это генералу Пассеку, а тотъ сегодня передалъ мнѣ его слова. Ну чтожъ? Для 67 лѣтней женщины

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 654.

это аттестатъ весьма похвальный; передаю вамъ что слышала. Что вы на это скажете?» [1]).

Отъ 13-го мая государыня такъ описываетъ день, проведенный ею со всей семьей внучковъ у оберъ-шталмейстера Нарышкина: «Я отправилась въ 2 часа пополудни; въ моей каретѣ ѣхали великія княжны Александра и Елена. За мною слѣдовали Александръ и Константинъ съ супругами. Отъ Таврическаго дворца надо было ѣхать на конецъ Мойки, гдѣ находится домъ оберъ-шталмейстера Нарышкина [2]), замѣняющій ему весной Таврическій (загородный) дворецъ, и мы ѣхали почти цѣлый часъ, такъ какъ это на противоположномъ краю города. Мы нашли прекрасный домъ, великолѣпный обѣдъ и прелестный садъ, наполненный множествомъ самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. За столомъ всѣ были очень веселы, а послѣ обѣда молодёжь начала прыгать и плясать, такъ какъ поднялся сильный вѣтеръ, помѣшавшій прогулкѣ. Къ вечеру танцующихъ еще прибавилось и танцовали до десяти часовъ. Тогда я увезла дѣвицъ въ своей каретѣ. Мы пріѣхали домой въ три четверти одиннадцатаго и такъ утомились (я хоть и не танцовала, а онѣ потому что много танцовали), что тотчасъ легли спать, то есть я и мои обѣ красавицы» [3]).

14-го мая 1796 г. «Въ этотъ день моего рожденья со мною была въ Таврическомъ дворцѣ только великая княгиня Елисавета, у которой болитъ нога, оттого что она какъ то ее вывихнула. Празднованіе было на другой день въ Зимнемъ дворцѣ, во второй день свѣтлаго праздника. Въ Таврическомъ же дворцѣ никогда не бываетъ офиціальныхъ празднествъ, потому что мы считаемся за городомъ. Примите это къ свѣдѣнію разъ навсегда» [4]).

Переѣхавъ 16-го мая въ Царское Село, государыня шутитъ на счетъ своего ранняго переѣзда: «Я пріѣхала сюда вчера послѣ обѣда и съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь, я все чихаю» [5]). Въ іюлѣ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 669.
[2]) Нынѣ Демидовскій домъ трудящихся.
[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 674, 675. [4]) Стр. 677.
[5]) Стр. 678.

же она сообщаетъ: «Нынче одиннадцатый день, какъ я купаюсь въ морской водѣ, которую мнѣ привозятъ сюда изъ Гохланда и я чувствую себя при этомъ прекрасно» [1]).

О любознательности своихъ внуковъ государыня писала въ отвѣтъ на присланныя Финдлэтеромъ книги: «Александръ овладѣлъ всѣми англійскими книгами шотландскаго пера, которыя ему пришлись по вкусу изъ двухъ присланныхъ вами ящиковъ. Константину тоже предоставлено выбирать что ему нравится, и онъ тоже унесъ порядочный запасъ для себя; эти два господина вовсе не показываютъ ненависти къ книгамъ, и кажется, что ихъ чтенія идутъ имъ въ прокъ. Мои молодцы довольно свѣдущи для своихъ лѣтъ, нѣтъ недостатка ни въ умѣ, ни въ знаніяхъ, ни въ привѣтливости» [2]). «Что мнѣ дѣлать съ богословскими лютеранскими книгами и молитвенниками? Греческая церковь достаточно снабжена всѣмъ что ей нужно, и въ этомъ отношеніи отдѣлившіеся отъ нея ничему не могутъ ее научить» [3]).

25-го іюня 1796 г. государыня возвѣщаетъ Гримму рожденье великаго князя Николая Павловича: «Объявляю своему многострадальному, что сегодня въ три часа утра мамаша родила огромнѣйшаго мальчика, котораго назвали Николаемъ. Голосъ у него басъ и кричитъ онъ удивительно; длина его аршинъ безъ двухъ вершковъ, а руки почти что съ мои. Отъ роду въ первый разъ вижу подобнаго рыцаря. Прощайте, будьте здоровы. Если онъ будетъ продолжать какъ началъ, то братья окажутся карликами передъ этимъ колоссомъ» [4]).

Въ первыхъ числахъ іюля, стало быть менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ его рожденія, императрица пишетъ: «Въ воскресенье будутъ крестить Николая, здоровье его превосходно... Рыцарь Николай уже дня съ три кушаетъ кашку, потому что безпрестанно проситъ ѣсть. Я полагаю, что никогда осмидневный ребенокъ такъ не угощался; право, это необыкновенно. У

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 685. [2]) Стр. 677. [3]) Стр. 683.
[4]) Стр. 679.

нянекъ онъ совсѣмъ оттянулъ руки; если такъ продлится, то его отнимутъ въ шесть недѣль. Онъ всѣхъ разсматриваетъ, а голову держитъ прямо и поворачиваетъ не хуже меня» [1]).

По поводу своей никогда не прекращавшейся умственной и литературной дѣятельности государыня пишетъ отъ 7-го января: «Я пишу преглупѣйшее сочиненіе: оно огромно; шесть оконченныхъ главъ—чудо въ своемъ родѣ; я прилагаю къ этому стараніе, точность, умъ и геній, котораго сама въ себѣ не предполагала, и восхищаюсь каждой оконченной главой. Да благословитъ Господь тѣхъ, кто будетъ приводить это въ исполненіе. Методъ мой при этомъ долженъ быть очень хорошъ, такъ какъ все быстро само собою становится на свое мѣсто: удивительная вещь! Черезъ годъ это можетъ быть готово; я при этомъ очень озабочена: даже во снѣ сочиняю цѣлыя главы, до того оно меня занимаетъ. Вы непремѣнно должны быть объ этомъ извѣщены» [2]).

Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гриммъ пишетъ, что, съѣхавшись съ Дальбергомъ, они грустно разсуждали о томъ, какъ среди варварства французской революціи погибнутъ искуства, литература, наука, которыя казались имъ вѣчными и неизмѣнными спутниками всякаго образованнаго ума и сознательнаго существованія. Къ этому Гриммъ прибавляетъ: «но къ первому грустному припѣву мы нашли и другой, болѣе утѣшительный. Тогда среди развалинъ европейской цивилизаціи останутся: съ одной стороны Россія, съ другой — Сѣверная Америка: онѣ послужатъ убѣжищемъ искуству, литературѣ, философіи, убѣжищемъ разума человѣческаго и общественнаго порядка. По поводу этого разговора Майнцскій коадъюторъ прислалъ мнѣ письмо и размышленія, которыя при семъ прилагаю».

Эти размышленія направлены на то, что европейская такъ называемая цивилизація еще во младенчествѣ, потому что искуства и науки должны служить не испорченности и прихотямъ человѣка, а его нравственному улучшенію и оканчиваются такъ:

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 681. [2]) Стр. 668.

«Кто осуществитъ эти мысли? Развиться и принести плодъ онѣ могутъ только среди народа еще неиспорченнаго и неизнѣженнаго въ своихъ низшихъ классахъ, способнаго предпринимать и доводить до конца долгія и трудныя работы для общей пользы, сильно привязаннаго къ своимъ обычаямъ, патріархальнымъ нравамъ и религіи своихъ отцовъ, который съ большими способностями соединяетъ духъ покорности и подчиненія, ловкость и гибкость органовъ, дѣлающую для человѣка возможнымъ стремиться къ совершенству во всѣхъ родахъ и достигать его. И всѣ эти зародыши величія могутъ развиваться въ самой способной изъ націй подъ вліяніемъ тѣхъ плодотворныхъ одобреній государя, котораго обширный и могучій геній умѣетъ двигать вдругъ всѣ пружины государственной жизни, котораго слава утверждена великими успѣхами, который умѣлъ внушить своему народу любовь и довѣріе. Этотъ народъ — Русскіе. Этотъ государь — Екатерина».

Государыня отвѣчаетъ отъ 9-го іюля: «Майнцскій коадъюторъ правъ, когда говоритъ, что современная цивилизація въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ еще въ дѣтствѣ. Я прибавляю, что были времена, когда во многихъ сторонахъ своихъ она кажется понималась лучше, но это требовало бы разсужденій и изслѣдованій, которыя мнѣ не время и нѣтъ охоты дѣлать.

«Размышленія же приносятъ честь и русской націи и вашей покорнѣйшей слугѣ, которая занята огромнымъ трудомъ, и если онъ ей удастся, то будетъ имѣть замѣчательно плодотворное вліяніе на страну и исправитъ весьма многое; по крайней мѣрѣ я за нимъ работаю съ октября мѣсяца, не знаю когда удастся его выпустить, но во всякомъ случаѣ это нашъ лучшій трудъ» [1]).

Въ этомъ же письмѣ государыня свидѣтельствуетъ о своемъ великомъ рвеніи къ славѣ и пользѣ Россіи и о своемъ пониманіи великихъ задачъ своего народа, слѣдующими словами: «Что бы я ни дѣлала для Россіи,—это будетъ только *капля въ морѣ*» [2]).

[1]) *Сб И. О.* XXIII, 683. [2]) Стр. 682.

18-го іюля государыня описываетъ пожаръ въ гавани и въ Эрмитажѣ: «Вотъ что такое этотъ пожаръ галерной гавани на Васильевскомъ острову: въ одинъ прекрасный и очень жаркій день, 25-го мая, собралась гроза и молнія ударила въ сараи, гдѣ хранятся галеры и всѣ онѣ сгорѣли вмѣстѣ съ канонерскими шлюпками; это случается во второй разъ въ мое царствованіе. Все необходимое будетъ уже это лѣто отстроено, а старый хламъ сгорѣлъ и Богъ съ нимъ! За то гавань очистилась. На другой день послѣ этого приключенія молнія ударила въ одну изъ трубъ Эрмитажа, которую раскололо пополамъ между старой библіотекой и бильярдной; дымъ шелъ сильный, но огня не было. Весь Петербургъ сбѣжался туда и народъ оставался на пожарѣ съ трехъ часовъ пополудни до полуночи, то есть не въ самомъ Эрмитажѣ, а въ прилегающихъ къ нему улицахъ и на набережной, выражая горячія желанія чтобъ Эрмитажъ былъ спасенъ отъ огня, котораго тамъ и не было» [1]).

Въ Февралѣ 1796 года государыня извѣщала Гримма о началѣ персидскаго похода: «Графъ Валерьянъ Зубовъ уѣхалъ начальствовать надъ войскомъ въ Персіи; говорятъ, братъ Муртазы-Кули-хана, похититель престола, Ага-Мехметъ стоитъ уже въ шестидесяти верстахъ отъ Дербента. Его къ этой прекрасной экспедиціи подстрекнули Турки. Наши передовые отряды стоятъ тоже недалеко отъ Дербента. Дербентъ ключъ къ горнымъ проходамъ; мы скоро узнаемъ результаты этого сближенія» [2]).

16-го іюля: «Графъ Валерьянъ взялъ Кубань; въ ожиданіи что онъ овладѣетъ Бакинскимъ портомъ, не знаю писала ли я вамъ, что въ день взятія Дербента, послѣ того какъ ключи города были принесены графу Валерьяну и нашъ гарнизонъ вечеромъ вступилъ въ городъ, въ лагерь къ графу пріѣхала верхомъ, въ сопровожденіи множества женщинъ, принцесса Переджи-Шанумъ, какъ говорятъ, первая красавица и умница между персидскими

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 686. [2]) Стр. 671.

княжнами. Она была вся закутана покрываломъ и видны были только самые чудные глаза въ мірѣ. Она велѣла старшей изъ женщинъ, бывшихъ съ нею, сказать переводчику, что она пріѣхала въ лагерь графа Валерьяна просить его объ облегченіи участи ея брата, Дербентскаго хана, что онъ еще молодой человѣкъ и его сгубили дурные совѣтники. Графъ Валерьянъ обѣщалъ уважить ея просьбу. Тогда она попросила позволенія повидаться съ братомъ, ханомъ Дербентскимъ: ее отвели къ нему въ палатку, гдѣ она провела ночь. Между тѣмъ графъ не велѣлъ нашимъ ни близко, ни даже издали подходить къ палаткѣ. На другое утро посѣтительница уѣхала верхомъ обратно въ городъ со своими подругами, а графъ Валерьянъ объявилъ ее правительницею владѣній брата, который остается у насъ въ лагерѣ и назначилъ ей совѣтъ, по тамошнему диванъ. И вотъ теперь красивая и умная принцесса Переджи-Шанумъ очутилась правительницей владѣній своего брата, по распоряженію самаго благороднаго и вѣжливаго рыцаря, какого только можно встрѣтить въ нынѣшнія времена [1]).

19-го іюля: «Вчера я получила извѣстіе о взятіи Баку — порта на Каспійскомъ морѣ. Бакинскій ханъ выѣхалъ на границу своихъ владѣній съ ключами отъ города и передалъ ихъ графу Валерьяну. И надо знать, что графъ Зубовъ сдѣлалъ въ два мѣсяца то, для чего Петру I потребовалось два похода, и притомъ онъ встрѣтилъ болѣе сопротивленія, чѣмъ императоръ, такъ какъ въ самомъ Дербентѣ было одиннадцать тысячъ человѣкъ гарнизона, воодушевленныхъ твердою рѣшимостью защищаться, между тѣмъ какъ императору ключи отъ Дербента были поднесены прежде чѣмъ онъ дошелъ до города. Въ нашемъ лагерѣ всѣ здоровы и находятъ что жары очень сносны; у насъ нѣтъ ни въ чемъ недостатка, установились правильныя сообщенія сухимъ путемъ и моремъ, и такъ какъ войска наши отличаются примѣрной дисциплиной, то ихъ вездѣ встрѣчаютъ съ распростертыми

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 685

объятіями. Говорятъ, Грузинскій царь Гераклій овладѣлъ Ганджей, но офиціальныхъ извѣстій мы еще не получали. Такимъ образомъ будетъ прикрытъ съ этой этой стороны флангъ графа Валерьяна, а онъ во главѣ арміи двинется на Шемаху. Когда онъ ея достигнетъ, то все теченіе рѣки Куры, сливающейся съ Араксомъ (обѣ впадаютъ вмѣстѣ въ Каспійское море), будетъ совсѣмъ очищено; на другомъ берегу Аракса соберутся, говорятъ къ сентябрю, всѣ силы похитителя персидскаго престола Али Мехметъ хана. Братъ его Муртаза Кули ханъ уѣхалъ отсюда въ Астрахань, чтобъ оттуда на нашихъ судахъ переправиться къ себѣ: города Рештъ, Манзадеранъ и многіе другіе принадлежатъ ему, говорятъ, по праву наслѣдства, но братъ его захватилъ ихъ въ свои руки» [1]).

Къ этому же письму на особомъ листкѣ приложенъ собственноручный набросокъ карты, опредѣляющей теченіе Аракса и пункты, о которыхъ упоминаетъ императрица.

Общія дѣла Европы за 1796-й годъ.

Отъ 25-го февраля государыня писала: «Я получила вашъ бюллетень, въ которомъ вы мнѣ говорите, что Французы во что бы то ни стало желаютъ мира и не могутъ найти министра финансовъ. Имъ бы слѣдовало взять Калонна, который, находясь въ Англіи, утверждаетъ и печатаетъ, что они не разорены и что ихъ финансовыя операціи прелестнѣйшая въ мірѣ вещь. Кстати, поздравляю васъ съ тѣмъ, что они уплатили вамъ за 60 тысячъ ливровъ двѣ пары кружевныхъ манжетъ. Скажите мнѣ, правда ли это?» [2]).

Это поздравленіе относится къ любопытному обстоятельству, что Гримму, вмѣсто помѣщеннаго имъ во Франціи капитала, составившагося изъ его трудовыхъ сбереженій, французское революціонное правительство, допустившее также и разграбленіе

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 686, 687. [2]) Стр. 670.

его квартиры, выдало ничего не стóящія бумаги, которыя подъ предлогомъ ихъ низкой цѣны были обращены въ товары. Такимъ образомъ онъ получилъ вмѣсто капитала нѣсколько кусковъ индѣйской кисеи и три пары дорогихъ кружевныхъ манжетъ [1]).

24-го марта: «Давно собиралась я спросить васъ, отчего у нѣкоторыхъ людей явилось ярое желаніе писать и даже печатать по нѣмецки латинскими буквами? Объявляю вамъ, что я чувствую къ этой новой модѣ весьма опредѣленное отвращеніе и что я не въ состояніи ни читать ни писать такимъ образомъ по нѣмецки» [2]).

О выраженномъ Гриммомъ желаніи хранить подъ спудомъ письма Екатерины, какъ величайшее свое сокровище, хотя бы они могли быть въ высшей степени поучительны для многихъ, она замѣчаетъ: «Вы хорошо дѣлаете, что хотите хранить свое мнимое сокровище для себя; вотъ и несчастіе на что-нибудь пригодно. Многострадальный не имѣетъ теперь ни малѣйшаго желанія сообщать что-либо изъ нихъ живому существу; всѣ лишились его довѣрія. А я помню такое время, когда вы говорили, что можете только похвалиться людьми. Не знаю, разумѣли ли вы въ томъ числѣ и женщинъ, но я не смѣла объ этомъ спросить. Какъ далеко до того, милостивый государь, чтобъ нынѣшніе дѣльцы пошли въ ту школу, куда вы ихъ посылаете; они просто полагаютъ, что въ ней нечему научиться. Въ этомъ числѣ находятся: Тугуты, братцы Георги, дѣльцы братца толстяка, Рейтергольмы и регентики, Бернсдорфы и принцы мира и проч. и проч., Сенъ-При, Бомбелли, Бретёли и множество другихъ великихъ мудрецовъ и великихъ политиковъ, подобныхъ принцу Генриху Рейнсбергскому и его соотечественнику Буфлеру, снявшему съ себя среди Берлина кресты Св. Людовика и Мальтійскій и пожелавшему возвратиться во Францію, вѣроятно чтобъ быть тамъ повѣшеннымъ. Какъ можно вдолбить людямъ въ голову какую-нибудь азбуку, когда у нихъ нѣтъ такой головы, которая была бы способна понимать эту азбуку? Г. многострадаль-

[1]) См. *Сб. И. О.*, т. II, стр. 377. [2]) Стр. 672.

ный, право мнѣ жаль, что вы столько въ жизни должны были отъ меня терпѣть. Но что дѣлать? Придется государю моему и еще терпѣть, пока это будетъ продолжаться» [1]).

14-го мая: «Вѣнскій дворъ ворчитъ противъ желанія, принятого Людовикомъ XVIII итти въ армію принца Кондэ; но дѣло въ томъ, что онъ всегда ворчитъ, и Тугутъ, какъ великій политикъ, всегда видитъ все въ черномъ, стало-быть часто воображаетъ то, чего вовсе нѣтъ; въ настоящую минуту его подозрѣваютъ въ переговорахъ съ цареубійцами; такъ вотъ и еще причина для ворчанья. Если его переговоры приведутъ къ миру, что́ впрочемъ очень сомнительно, потому что злодѣямъ невыгодно ни заключить миръ, ни сохранить его, то гражданинъ Тугутъ даже не будетъ имѣть утѣшенія сказать какъ Францискъ I:—«Все погибло, кромѣ чести».—Вторая половина этой фразы останется имъ въ награду. Посылаю вамъ письмецо къ маркизу Кастри; если найдете его пригоднымъ, то доставьте его» [2]).

Всѣ эти замѣчанія о государственныхъ людяхъ Европы были отвѣтами на разныя сообщенія Гримма и въ письмахъ и въ бюллетеняхъ; онъ говорилъ, что невидимыя вліянія, производившія такую путаницу въ дѣлахъ Европы, оказывались плодомъ той щедрости, которую революціонное правительство проявляло для пропаганды своихъ ученій и для подкупа государственныхъ людей въ различныхъ кабинетахъ Европы [3]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 673, 674. [2]) Стр. 677.

[3]) Какъ образчикъ подобныхъ сообщеній приведемъ слѣдующее мѣсто изъ одного бюллетеня Гримма отъ 9 (20) іюля 1794 г. «Въ номерѣ 111 нѣмецкой Ганноверской газеты есть дополненіе по истинѣ замѣчательное, и такъ какъ я не могъ достать печатнаго экземпляра этого номера, то велѣлъ переписать его и прилагаю здѣсь. Редакторъ отдаетъ отчетъ объ одномъ рапортѣ Сенъ-Жюста, члена парижскаго конвента, комитету общественной безопасности, въ мартѣ этого года. Этотъ рапортъ, о которомъ ни одна изъ читаемыхъ мною газетъ не упоминаетъ, носитъ на себѣ во всѣхъ подробностяхъ печать несомнѣнной истины и имѣетъ цѣлью доказать комитету ненужность и безуміе его громадныхъ расходовъ въ отношеніи къ нейтральнымъ державамъ. Никогда дипломатическій документъ не заслуживалъ бо́льшаго вниманія чѣмъ этотъ, какъ со стороны гнусной системы подкупа и измѣны, которая составляетъ основаніе политики этихъ лютыхъ разбойни-

12-го іюня: «Я была изумлена великими дѣлами, совершающимися въ Италіи [1]), за которыми послѣдовало начало кампаніи на Рейнѣ, которая очень много обѣщаетъ, особливо съ тѣхъ поръ какъ предписано изъ Вѣны довольствоваться оборонительнымъ образомъ дѣйствій, что́, по моему соображенію, и должно служить 2-мъ томомъ къ миру, заключенному сардинскимъ королемъ въ назиданіе потомству» [2]).

27-го іюня: «Будь я Людовикомъ XVIII, я или не выѣхала бы изъ Франціи, или давно была бы тамъ, не взирая ни на вѣтеръ, ни на приливъ и отливъ, и этотъ выходъ или возвращеніе зависѣли бы единственно только отъ моей личной человѣческой силы. Я бы заняла тамъ положеніе, сообразное съ моимъ характеромъ и играла бы тамъ роль весьма значительную, не взирая ни на какіе авторитеты конституціонные и не конституціонные и всѣ сказали бы: «Вотъ молодецъ! этотъ не промахъ», и такъ какъ мое право было бы законнѣе всякаго другого, то я и одержала бы верхъ надъ цареубійцами, прокурорами и адвокатами, сколько бы ихъ тамъ ни было, и я имѣла бы всю націю на своей сторонѣ и тогда сдѣлалась бы королемъ французскимъ и на дѣлѣ и по праву. Будетъ съ васъ» [3]).

Узнавъ же, что Австрійцы не соглашаются, чтобъ Людовикъ XVIII оставался въ арміи Кондэ, она говоритъ: «Я написала въ Вѣну, чтобъ убѣдить императора оставить Людовика XVIII въ арміи Кондэ и бросить ихъ во Францію, что́ могло бы сдѣлать диверсію событіямъ въ Италіи; надо бы побѣдить Карѳагенъ въ самомъ Карѳагенѣ. Богъ знаетъ, что́ они мнѣ отвѣтятъ. Правда, что мои отвѣты графу д'Артуа (теперь Monsieur) ино-

---

ковъ, такъ и со стороны доступа, который эта отвратительная политика нашла въ большинствѣ кабинетовъ. Весьма желательно было бы, чтобъ мнѣніе Сенъ-Жюста восторжествовало и комитетъ въ веселую минуту рѣшился бы обнародовать свою тайную переписку за годъ и восемь мѣсяцевъ со всѣми дворами Европы. Сколькимъ великимъ людямъ пришлось бы при этомъ блѣднѣть и умирать со стыда!»

[1]) Первые успѣхи Наполеона — этого Кесаря, предсказаннаго Екатериной.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 678. [3]) Стр. 679.

гда откладывались день за день; такъ какъ неизвѣстно было даже его мѣстопребываніе, то нельзя было ему и сказать ничего утѣшительнаго: все выжидалась болѣе благопріятная минута, но она не являлась. Все-таки вѣрно, что я никогда не измѣнялась по отношенію къ принцу; графъ Эстергази тому свидѣтель: никакимъ случаемъ мы не пренебрегали, чтобъ послужить имъ и ихъ пользамъ» [1]).

8-го іюля: «Миръ, заключенный королемъ сардинскимъ, постыденъ; тайныя статьи его еще хуже... Не понимаю, какъ его Сардинское величество не далъ себя убить въ кадрѣ своего батальйона скорѣй, чѣмъ согласился подписать подобныя условія. По крайней мѣрѣ онъ умеръ бы королемъ и съ честью.

«Мнѣ вовсе не нравится, что вы всегда въ ссорѣ со своимъ здоровьемъ. Вы слишкомъ принимаете къ сердцу итальянскія дѣла; дайте волю Итальянцамъ; вы видите, что они не охотники до Французовъ, которые ихъ такъ хорошо забавляютъ, что ужъ тѣ отъ нихъ непремѣнно отдѣлаются.

«Не знаю, исправился ли коадъюторъ Майнцскій, но въ публикѣ онъ навлекъ на себя подозрѣніе въ демагогіи.... Я полагаю, что для предохраненія государствъ отъ разрушенія слѣдуетъ во-время обращать вниманіе на политическія болѣзни государственнаго тѣла; священная же Римская имперія больна раздорами и интригами. Чего хотятъ они? Чего не хотятъ? Развѣ у нихъ два императора? Или — нѣтъ ни одного? Почему же они не соединятся для собственной защиты? Если они не могутъ соединиться даже ради собственной защиты, то что же соединитъ ихъ? Тьфу пропасть! Сочиняйте-ка на этотъ предметъ кантаты и диссертаціи. Это, право, стóитъ того. Да и какъ не посмѣяться надъ кучей ежовъ, которые сталкиваются другъ съ другомъ, расходятся, бродятъ взадъ и впередъ какъ слѣпые. Отчего? Оттого что они ежи и сталкиваются; вотъ однако чему вы особенно покровительствуете. Вы правы, находя что я не церемонюсь со своимъ многострадальнымъ и говорю ему истины.

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 681.

«Я готова бы пари держать, что еслибъ не женили того, о комъ вы мнѣ говорите, на итальянкѣ, дѣла шли бы лучше; было бы поменѣе мягкости; я вамъ сообщала первыя впечатлѣнія о немъ, но если чадъ, сплетни и ребячества его окружаютъ, то не моя вина» [1]).

Панический страхъ, который испытывала вся Германія послѣ первыхъ успѣховъ французскаго оружія на Рейнѣ, въ Голландіи, Бельгіи и Италіи былъ такъ великъ, что сообщился и Гримму. Онъ писалъ изъ Готы, что его домашніе ежечасно готовятся бѣжать, сами не зная куда, потому что опасаются нападенія даже на Саксонію, и ожидалъ только согласія императрицы, чтобъ направиться въ Россію со всею семьею своей воспитанницы, а между тѣмъ глубоко потрясенное его здоровье и безпрестанныя неудачи затрудняли ему всякій дальній путь.

По этому поводу государыня отвѣчала ему отъ 15-го іюля: «Какъ можете вы думать, чтобъ я согласилась на ваше путешествіе въ сентябрѣ, моремъ черезъ Любекъ сюда, при вашихъ недугахъ, да какъ вамъ рисковать поѣхать и сухимъ путемъ въ сентябрѣ или октябрѣ съ карабаномъ, подобнымъ вашему... Видно, въ Германіи страшно боятся карманьйоловъ, если и вамъ сообщили подобную панику: вѣдь однако у этихъ бездѣльниковъ нѣтъ крыльевъ. Если вы такъ ихъ боитесь, даже въ Саксоніи, то ступайте во Франкфуртъ на Одерѣ или въ Штеттинъ: весной вы сюда легко пріѣдете, а между тѣмъ все-таки будете ближе къ намъ. Вѣдь Штеттина не возьмутъ же такъ вдругъ. Еще и Магдебургъ можетъ послужить вамъ убѣжищемъ противъ этого паническаго страха, который вамъ, я увѣрена, другого вреда и не принесетъ» [2]).

Ужъ годомъ ранѣе, въ іюнѣ 1795 года, Гриммъ также замышлялъ переселиться въ Россію всѣмъ домомъ. Воспитанницу его г жу де-Бюэль приглашала одна изъ бывшихъ парижскихъ подругъ ея, бывавшихъ на вечерахъ Гримма—княгиня Голицына,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 681, 682. [2]) Стр. 684.

и Гриммъ спрашивалъ объ этомъ мнѣнія государыни. Но и тогда она отклонила это, совѣтуя ему отложить поѣздку до слѣдующей весны: «Послушайте», писала она, «вотъ что я скажу вамъ о путешествіи г-жи Бюэль въ Россію, такъ какъ вы мнѣ предоставляете рѣшеніе и просите для себя самого квартиры во дворцѣ: я теперь дѣйствительно занята отысканіемъ вамъ этого пристанища. Но въ эту минуту Зимній дворецъ уже не то, что былъ въ пріѣздъ вашъ сюда со свитой покойной ландграфини: я тогда была въ немъ одна съ сыномъ. Теперь этотъ сынъ уже женатъ и у него семь человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ одинъ тоже женатъ, другой скоро женится, и каждому надо имѣть при себѣ людей. Второй внукъ со своей будущей уже помѣстится въ другомъ близкомъ отсюда домѣ, который въ эту минуту отстраиваютъ, отдѣлываютъ и убираютъ: это домъ смежный съ Эрмитажемъ. Итакъ, чтобъ имѣть время приготовить вамъ уголокъ въ Зимнемъ дворцѣ, гдѣ я провожу бо́льшую часть года, необходимо отодвинуть пріѣздъ вашъ сюда до будущей весны; тогда вы и пуститесь въ путь. Я буду имѣть время прислать вамъ деньги; вы поѣдете въ хорошее время года съ дѣтьми и меня найдете на дачѣ, а къ зимѣ вступите въ свое пристанище» [1]).

На совѣты Финдлэтера быть на сторожѣ противъ польскихъ затѣй и занять всю Галицію своими войсками государыня отвѣчаетъ: «Новая конфедерація польская конечно ничего у насъ не возьметъ; пусть пугается ея кто хочетъ, но я конечно не испугаюсь. Король Прусскій очень обезпокоился и велѣлъ арестовать множество Поляковъ; онъ сообщилъ это сюда: я же отвѣчала, что тутъ не за что и наказывать, вотъ и все.

«Я могу сдѣлаться стражемъ Галиціи, но конечно при настоящемъ положеніи дѣлъ не могу овладѣть ею» [2]).

18-го іюля: «Вѣсти изъ Германіи очень плохи. Что думаетъ шотландскій пэръ и что мнѣ слѣдуетъ дѣлать по его мнѣнію?... Если Франкфуртъ входитъ въ демаркаціонную линію короля

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 641. [2]) Стр. 684.

Прусскаго, можно ли будетъ Французамъ вступить туда, не поссорясь съ нимъ? Или онъ до того ихъ покорный слуга, что позволитъ имъ щелкать себя по носу въ виду всего міра» [1]).

5-го августа: «Что касается отступательной кампаніи Австрійцевъ, то она такъ замысловата, что не заслуживаетъ основательнаго изученія. Всѣ обстоятельства ея могутъ составить цѣлый трактатъ о средствахъ къ разрушенію государствъ. Я полагаю, что если бѣгство сдѣлается для васъ необходимымъ, то вамъ надо будетъ бѣжать за Магдебургъ, и это васъ приблизитъ къ намъ. Что касается самого путешествія, то я вчера сказала вашему святому (гр. Н. П. Румянцову), чтобъ онъ искалъ вамъ пристанища и весною вы предпримете путешествіе, а покамѣстъ остановитесь тамъ, гдѣ вамъ покажется всего безопаснѣе. Впрочемъ не стѣсняйтесь тѣмъ, что я вамъ говорю, и устраивайтесь какъ найдете для себя пріятнѣе и удобнѣе по отношенію ко времени и дорогѣ.

«Такъ какъ вы столько лѣтъ имѣете при себѣ г-жу Бюэль и ея дѣтей, то я никогда не помышляла о томъ чтобъ разлучить васъ другъ съ другомъ, и когда вамъ угодно было мнѣ завѣщать ихъ, то я на это согласилась. Итакъ право не знаю, что могло такъ испугать васъ на этотъ счетъ. Вспомните пожалуйста, что узнавъ что вы страдаете рвотой, я вамъ отсовѣтовала морское путешествіе поздней осенью, а также и поѣздку сухимъ путемъ въ сентябрѣ и позже. Что же касается остального, т. е. г-на и г-жи де-Бюэль, это конечно можно лучше устроить здѣсь, чѣмъ на большой дорогѣ. Всѣ мои доводы, высказанные вамъ въ этомъ письмѣ и въ предыдущемъ, болѣе ничего не могутъ прибавить кромѣ желанія вамъ счастливаго пути. Я слишкомъ хорошо вижу, что не такое теперь время, чтобъ находить удовольствіе въ болтовнѣ: таковы бѣдствія этой эпохи, баста! Однако смѣю замѣтить, что замокъ Вольфенбюттель довольно великъ, и можетъ вмѣстить цѣлый королевскій дворъ: стало-быть тѣ, кто туда поѣхалъ, будутъ тамъ подъ крышей» [2]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 686. [2]) Стр. 687, 688.

Но такъ какъ Гриммъ продолжалъ горько сѣтовать на судьбу свою и сокрушаться о будущности близкаго ему семейства, то 13 августа 1796 г., стало-быть за три мѣсяца до кончины, государыня начинаетъ свое письмо такъ: «Баронъ Гриммъ, кавалеръ ордена св. Владиміра, назначенъ на гамбургскій постъ, вмѣсто покойнаго Гросса» [1]).

Нужда и бѣдствія несчастныхъ французскихъ эмигрантовъ, цѣлыми семьями бродившихъ изъ города въ городъ, не имѣя гдѣ преклонить голову, часто заставляли ихъ то черезъ Гримма, то другими путями прибѣгать къ великодушію и щедрости могущественнѣйшей сѣверной властительницы. Екатерина часто пересылала для нихъ къ Гримму значительныя суммы: такъ разъ упоминается въ ея письмахъ о десяти тысячахъ, посланныхъ на этотъ предметъ. Гриммъ отдаетъ особый отчетъ объ этой «кассѣ эмигрантовъ». Множество получавшихся имъ по этому поводу писемъ заставляютъ его сожалѣть, что его другъ св. Николай покинулъ свой постъ во Франкфуртѣ, такъ какъ, по словамъ его, онъ былъ прибѣжищемъ всѣхъ несчастныхъ изгнанниковъ, начиная съ самого Людовика XVIII и кончая послѣднимъ изъ эмигрантовъ. Гриммъ въ трогательныхъ краскахъ описываетъ, какъ эти бѣдняки, только что успѣвшіе устроиться на одномъ мѣстѣ и вздохнуть отъ претерпѣнныхъ ими страданій, были вынуждаемы опять идти куда глаза глядятъ, или приближеніемъ непріятельскаго войска, или опасеніями владѣтельныхъ князей, давшихъ имъ убѣжище, и часто въ самое суровое время года. Средства, которыми существовали эти изгнанники, были иногда такъ скудны, что Гриммъ въ своемъ отчетѣ упоминаетъ, напр., объ одномъ дворянинѣ изъ Поату, который жилъ въ Готѣ цѣлый годъ 60-ю грошами въ мѣсяцъ. У многихъ изъ нихъ цѣлое семейство, напримѣръ, пало подъ ударами гильйотины, другіе по обстоятельствамъ были разлучены съ семьями, бывъ принуждены бѣжать въ разныя стороны зимою, безъ теплой одежды и безъ всякихъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 689.

средствъ. Были священники отъ 70 до 90 лѣтъ отъ роду, которые, чтобъ укрыться отъ преслѣдованій, бѣжали съ котомками на плечахъ, скитаясь до тѣхъ поръ, пока одежда ихъ не обращалась въ рубище. Многія семейства жили продажею кое-какихъ драгоцѣнныхъ вещей, которыя успѣли захватить съ собою. Самъ маршалъ Кастри былъ въ крайней нуждѣ и когда захотѣлъ итти въ армію, то не имѣлъ ни мундира, ни лошади, а жена его продавала то часы, то мѣхъ, чтобъ поддержать свое существованіе, такъ что Гриммъ тоже выручалъ ихъ изъ своей кассы.

Но, помогая эмигрантамъ деньгами, Екатерина не любила принимать ихъ въ Россію, особливо такихъ, которые просили земель на югѣ, о чемъ ходатайствовалъ и Гриммъ для мужа г-жи Бюэль подъ предлогомъ его агрономическихъ вкусовъ и способностей. Государыня писала по поводу одного такого случая: «Касательно графини де Ла-Рошъ-Ламбертъ скажу вамъ, что эта, какъ и многіе другіе, проситъ концессіи на земли и что изъ всѣхъ получившихъ таковыя, большая часть или бросили, или поспѣшно продали ихъ и съѣли капиталъ, а затѣмъ просятъ вновь: это конечно очень покойно. Но чтобъ управлять землями, надо знать языкъ страны, раздавать же ихъ первому встрѣчному, когда приходится часто награждать ими заслуги своихъ, не совсѣмъ-то осторожно, особливо давать ихъ придворной дамѣ, во всю жизнь умѣвшей только присѣдать. Итакъ по-моему лучше послать г-жѣ Ла-Рошъ-Ламбертъ триста луидоровъ. Графиня Шуазэль говорила вамъ, что ей нужно сто луидоровъ... Я полагаю, что такая же сумма, какую я назначаю г-жѣ де Ла-Рошъ, была бы также грушею въ минуту жажды. Но простите, что я столько васъ утруждаю, когда у васъ и своихъ заботъ довольно: вѣдь надо было отвѣчать на ваши вопросы... Да, милостивый государь, иноходцы всегда возбуждаютъ нетерпѣніе, пачкуны же и грязныя дѣла еще болѣе; адъ ими наполненъ, и потому тамъ жить непріятно» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 689.

Что въ мысляхъ государыни походъ противъ французской республики былъ рѣшенъ, доказывается слѣдующимъ мѣстомъ ея письма отъ 13 августа: «Говорятъ, что шестьдесятъ тысячъ Русскихъ собираются въ походъ на берега Эльбы, чтобъ прекратить бѣдствія Германіи. Говорятъ, что фельдмаршалъ Суворовъ во главѣ ихъ.

«Говорятъ еще многое другое, а узна́ютъ еще болѣе; это будетъ волшебный фонарь, въ которомъ мы увидимъ что́ увидимъ» [1]).

Когда Гримм, увѣдомляя Екатерину о покушеніи на жизнь Людовика XVIII, говоритъ и о томъ, что онъ подобно другимъ эмигрантамъ не имѣетъ куда преклонить го́лову, потому что всѣ германскіе принцы по очереди высылаютъ его изъ своихъ владѣній, боясь революціонеровъ,—государыня отвѣчаетъ на это отъ 4-го сентября: «Я велѣла написать принцамъ Ангальтъ-Дессаускому и Бернбургскому, что по моему мнѣнію Людовикъ XVIII можетъ жить въ Цербстѣ и пусть они сообщатъ это королю Прусскому, и что я имъ дала этотъ совѣтъ. Невѣсткѣ моей я написала, что дозволила Людовику XVIII отправиться въ Іеверъ и тамъ поселиться, когда ему заблагоразсудится. Но вмѣсто того, чтобъ прикидываться мертвымъ, конечно лучше бы находиться въ томъ мѣстѣ, откуда онъ могъ бы всего скорѣе прибыть въ армію Суворова, присоединиться къ ней и не покидать ея съ той минуты какъ онъ перейдетъ за Краковъ или Богемію. Ему надо быть при арміи, и всякое другое мѣстопребываніе менѣе ему прилично. Я буду хлопотать, чтобъ корпусъ Кондэ соединился съ нашимъ, но молчите объ этомъ до времени: мои курьеры отправились въ Берлинъ, Вѣну и Лондонъ, а шестьдесятъ тысячъ войска получили приказъ быть наготовѣ. Въ замѣнъ ихъ по первому распоряженію я произведу двойной наборъ, такъ чтобъ не произошло ни малѣйшаго разстройства и было чѣмъ поколотить злонамѣренныхъ: вотъ какъ надо говорить, неправда ли?

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 689, 690.

Что вы на это скажете? Теперь Журданъ разбитъ и Моро тоже. Дай Богъ, чтобъ такъ продолжалось.

«Какая же это роль для Людовика XVIII — скитаться изъ гостиницы въ мѣста въ мѣсто, вымаливая убѣжище. Его мѣстожительство должно бы пользоваться извѣстностью и ему доставить извѣстность. Я не люблю мелочныхъ и узкихъ совѣтовъ, а еще менѣе такихъ, которые бросаютъ неблаговидную тѣнь на дѣло. Я знаю, что говорятъ его враги, и вотъ почему я все это вамъ пишу: берегите это про себя»[1]).

5-го сентября, въ 8 часовъ утра: «Говорю и повторяю, что по моимъ правиламъ не слѣдовало покидать никакой арміи: царствовать или умереть, вотъ мой девизъ; эти слова надо было имъ съ самаго начала вырѣзать на своемъ щитѣ; теперь ужъ слишкомъ поздно.

«Дѣло не въ пышныхъ фразахъ, которыя потомъ прячутъ въ карманъ. Дѣло въ томъ, чтобъ заставить говорить о себѣ. Слѣдовало сносить и добрую и злую долю одинаково съ честью. Зачѣмъ ѣхать въ Россію? Зачѣмъ и въ русскую армію, какъ скоро не умѣешь дѣйствовать геройски, дѣлить съ нею опасности и заслужить ея уваженіе: тамъ скорѣе разовьешься, чѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Все это для васъ однихъ: читайте и молчите. Всякая спѣсь излишня, особенно у насъ. Зачѣмъ давать мнѣ отчетъ? Убѣждаютъ дѣла, а не писанія; а это пахнетъ оправданіемъ.

«Сыновья ихъ, привлекательные въ домашней жизни, либо ничтожны, либо вовсе не значительны: все это фразы, а говорить фразы никуда не годится. Этимъ-то они и сломили себѣ шею. Поглядите, вся Франція хочетъ короля; но хотятъ ли ихъ? Говорятъ ли о нихъ? Между тѣмъ всякій другой король, не по рожденію, породитъ безконечныя партіи, пока не возвратятся опять къ законному государю, слѣдовательно будетъ государь... Но, какая страшная задача! О Боже мой! зачѣмъ же размышлять вслухъ? Лучше молчать.

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 693.

Нужда можетъ быть сдѣлаетъ все остальное. Помогать имъ однако слѣдуетъ сколько возможно: долгъ и постоянство того требуютъ.

«Прикидываться мертвымъ! Берегитесь, чтобъ его за мертваго и не приняли. Я этого вовсе не понимаю; а если иногда и прикидывалась мертвою, то чтобъ лучше ударить, потому что по природѣ неугомонна и не люблю прикидываться мертвой.

«Если онъ не будетъ вблизи Франціи, то какъ же войдетъ въ нее? Повидимому, этимъ господамъ хочется, чтобъ прямо въ ротъ летѣли жаворонки, совсѣмъ изжаренные. Дай то Богъ, чтобъ это не оказалось просто напросто трусостью, о чемъ злоумышленники уже разносятъ слухи; ну съ этимъ, мой другъ, далеко не уйдешь.

«Въ эту минуту всякому нужны его капиталы. У нихъ были громадные! Что они изъ нихъ сдѣлали? Они жили роскошно, широко, и все съѣли, а что произвели? Чистую водицу? Въ первую минуту у нихъ было 8 милліоновъ; я одна имъ препроводила болѣе полумилліона въ первый годъ» [1]).

Всѣ эти замѣчательныя разсужденія составляютъ передпослѣднее письмо императрицы Екатерины.

Пребываніе молодого короля Густава IV въ Петербургѣ. Сватовство великой княжны Александры Павловны.

Объ отношеніяхъ Швеціи къ русскому двору послѣ смерти Густава III всего лучше можетъ дать понятіе слѣдующее письмо императрицы, писанное 10 апрѣля 1795 года:

«Герцогъ Зюдерманландскій, котораго наши матросы послѣ двухъ морскихъ сраженій при Калькскерѣ и подъ Ревелемъ прозвали въ насмѣшку за его недостойное поведеніе Сидоромъ Ермо-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 694.

лаичемъ, вздумалъ приплесть къ какому-то мнимому заговору неаполитанскій дворъ и меня. Мое имя публично упоминается въ его писаніяхъ и даже въ судебныхъ мѣстахъ; но еслибъ я вмѣшалась въ заговоръ и онъ въ самомъ дѣлѣ существовалъ бы, то ручаюсь вамъ, что онъ бы удался.

«Армфельтъ, вопреки завѣщанію покойнаго короля, былъ изгнанъ изъ совѣта регента, за то что былъ ревностный монархистъ, а на его мѣсто хотѣли посадить отъявленнаго якобинца, синьйора Рейтергольма. Армфельтъ склонилъ покойнаго короля заключить Верельскій миръ: онъ велъ переговоры и подписалъ его вмѣстѣ съ генераломъ Игельстромомъ, что́ и послужило къ его сближенію съ нами послѣ несчастной смерти покойнаго короля. Всю свою страстную преданность покойному онъ перенесъ на молодого короля. Онъ зналъ, что покойный король, умирая, поручалъ мнѣ своего сына, зналъ что и прежде этого я открыто принимала сторону ребенка противъ его враговъ и говорила самому королю и всякому кто хотѣлъ слушать, что если отецъ признаётъ ребенка за своего сына, то уже никто не имѣетъ права оспаривать этого, тѣмъ болѣе что король имѣетъ болѣе власти чѣмъ всякій другой отецъ. Армфельтъ видѣлъ, что всѣ поступки регента шли въ разрѣзъ съ убѣжденіями покойнаго, да и съ интересами молодого короля; онъ покинулъ Швецію и продолжалъ нескромную переписку со своими друзьями, знакомыми и родными въ Швеціи. Къ этому присоединилась личная ревность регента: по рукамъ ходятъ два весьма страстныхъ письма, писанныхъ собственною рукою регента къ дѣвицѣ Руденшёльдъ, любовницѣ Армфельта, которую регентъ хотѣлъ велѣть высѣчь и посылалъ на эшафотъ, а потомъ велѣлъ заключить въ смирительный домъ, вѣроятно за то что она предпочла Армфельта Е. К. В. Кромѣ того г. регентъ вездѣ видитъ заговоры, но ему трудно доказать ихъ существованіе. За убійство покойнаго короля онъ наказалъ только одного убійцу, а за это дѣло множество людей арестовано, а другіе по произволу были лишены мѣстъ. Объявлена война неаполитанскому двору и съ нами идутъ безконечныя дрязги; но

я смѣюсь этому: еще посмотримъ, кто-то въ концѣ концовъ останется правъ. Регентство скоро кончится, а еслибъ въ это вмѣшалась я, то ему уже давно былъ бы конецъ; и такъ какъ все королевство думаетъ согласно со мною, то не стóитъ изъ за жалкаго бѣдняка производить много шуму, хотя и правда, что онъ не перестаетъ задѣвать меня, а г. Стединтъ, его посланникъ, играетъ жалкую роль, тогда какъ прежде его роль была прекрасна, а впереди открывались еще болѣе блестящіе виды. Покойный король желалъ моей старшей внучки для своего сына, вслѣдствіе чего и издалъ нѣсколько законовъ, устранявшихъ препятствія. Онъ самъ внушилъ это желаніе своему сыну, который объ этомъ только и мечталъ. Что касается дѣвицы, то она можетъ терпѣливо ожидать рѣшенія своей судьбы до совершеннолѣтія короля, потому что ей только одиннадцать лѣтъ и конечно она утѣшится, если онъ и ускользнетъ отъ нея; но гораздо хуже будетъ тому, кто выберетъ другую, такъ какъ я смѣло могу сказать, что по красотѣ, талантамъ, любезности трудно найти ей равную, не считая приданаго, которое одно для бѣдной Швеціи можетъ быть предметомъ весьма уважительнымъ, не говоря уже объ упроченіи мира на долгіе годы. Но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ: ея не купишь обидами и оскорбленіями и надо еще чтобъ самъ его величество король ей понравился» [1]).

Въ іюнѣ 1795 г. Екатерина писала: «Я только что получила ваше письмо, по которому вижу, что якобинцы заставляютъ молодого человѣка дѣлать смотръ всѣмъ безобразнымъ нѣмкамъ; но ни одна изъ нихъ насъ не смущаетъ: тѣмъ хуже для якобинцевъ, а тамъ пусть Небо рѣшитъ это, какъ ему благоугодно» [2]).

Въ сентябрѣ того же года: «Регентъ-якобинецъ продиктовалъ молодому королю дерзкое письмо, гдѣ онъ перечисляетъ великіе подвиги прошедшей войны, въ которой г. Стединтъ, его посланникъ, будто бы побивалъ насъ, и за эти дѣянія онъ ему жалуетъ голубую ленту, прося меня передать ее. Но г. Сте-

---

1) *Сб. И. О.* XXIII, 628, 629, 630. 2) Стр. 643.

дингъ никогда и нигдѣ не разбивалъ насъ, а по завѣщанію короля нельзя давать голубой ленты до совершеннолѣтія, и вся эта исторія изобрѣтена для того, чтобъ дать голубую ленту якобинцу Рейтергольму. Этимъ хотѣли меня вынудить признать актъ противный завѣщанію покойнаго короля, а это могло бы привести къ тому, чтобъ былъ опрокинутъ самый престолъ юнаго короля. Я отвѣчала, что миръ долженъ былъ наложить печать забвенія на прошедшее, и конечно не я буду воскрешать воспоминанія о немъ. Впрочемъ г. Стедингъ фальшивъ какъ шведъ, потому что всѣ они таковы. Отзовутъ ли его, или не отзовутъ, это всего менѣе меня заботитъ. Ни одинъ изъ тѣхъ, кого посылали туда послѣ смерти покойнаго короля, не имѣлъ счастія понравиться регенту-якобинцу и тоже самое было со всѣми другими дворами. Я полагаю, что въ настоящую минуту нѣтъ ни одного иностраннаго министра въ Швеціи» [1]).

4 октября: «Поздравляю васъ съ тѣмъ, что 1 ноября объявлено будетъ о бракосочетаніи юнаго короля Шведскаго съ весьма безобразной и горбатой дочкой вашего друга герцога Мекленбургскаго; несмотря на свое уродство и горбъ, она, говорятъ, любезна. Еслибъ регентъ-якобинецъ былъ честнымъ человѣкомъ, я была бы въ правѣ велѣть его поколотить за измѣну данному слову въ этомъ дѣлѣ. Не только графъ Штейнбокъ говорилъ мнѣ объ этомъ именемъ регента и юнаго короля, но онъ разсказывалъ всѣмъ и каждому, что онъ сюда присланъ, чтобъ устроить по волѣ покойнаго женитьбу молодого короля на Александрѣ. Посланникъ Стедингъ говорилъ объ этомъ нѣсколько лѣтъ въ томъ же духѣ. Религія не должна была разстроить дѣла столь благодѣтельнаго для обоихъ государствъ. Что регентъ меня ненавидитъ и старается меня провести и обмануть, это понятно; но зачѣмъ же онъ женитъ своего питомца на уродцѣ и горбатой? Чѣмъ послѣдній заслужилъ столь жестокое наказаніе, тогда какъ онъ раз-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII. 653, 654.

считывалъ жениться на такой особѣ, которой красота приводитъ всѣхъ въ восхищеніе» [1]).

11 октября: «Это принцъ Генрихъ посредничествуетъ въ сватовствѣ молодого Шведскаго короля съ принцессой Мекленбургской, точно такъ же какъ онъ устроилъ бракъ князя Радзивила съ дочерью принца Фердинанда: умникъ становится свахой на старости лѣтъ; если соберетесь жениться, то обратитесь къ нему»... [2]) 23 октября: «Король Шведскій, благодаря интригамъ принца Генриха, женится на комъ-то въ родѣ обезьяны; на здоровье! Этому государю весьма нужна опора; а такимъ образомъ думаютъ лишить его покровительства Россіи. Вотъ суть этого дѣла» [3]).

Изо всего здѣсь сказаннаго видно, что планъ императрицы отдать старшую внучку замужъ за Шведскаго короля давно былъ рѣшенъ въ ея головѣ. Въ началѣ 1796 года она писала отъ 25 февраля. «Кстати, по поводу вѣстей вѣрныхъ и невѣрныхъ я должна вамъ повѣдать одну, только что намъ сообщенную, и если она въ самомъ дѣлѣ справедлива, то это не мало огорчитъ вашу пріятельницу, герцогиню Мекленбургскую: говорятъ, что проектъ женитьбы Шведскаго короля разстраивается, и именно по той причинѣ, что король не желаетъ жениться на горбатой. Говорятъ, что сама герцогиня уже догадывается объ этомъ рѣшеніи, и потому, чтобъ не подвергать дочь ея такой измѣнѣ слову и такому оскорбленію, ей совѣтуютъ самой разорвать принятыя обязательства; если герцогиня исполнитъ этотъ твердый и мужественный совѣтъ, то привлечетъ этимъ уваженіе цѣлой Европы, а мое въ особенности. Скажите мнѣ, что вы объ этомъ знаете» [4]).

14-го мая: «Вы хорошо дѣлаете, что не вѣрите всѣмъ розсказнямъ, которыя Сидоръ Ермолаевичъ, внушающій вамъ такое сильное отвращеніе, распускаетъ по Германіи, потому что этотъ человѣкъ, такъ же какъ и его заправитель Рейтергольмъ,—воплощенная ложь; но вполнѣ вѣрно и истинно, что молодой король

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 656, 657. [2]) Стр. 659. [3]) Стр. 660.
[4]) Стр. 670, 671.

рѣшился не жениться на рыжей, безобразной и горбатой принцессѣ Мекленбургской. Она написала ему четыре письма, на которыя онъ вовсе не отвѣчалъ; она послала ему прядь своихъ рыжихъ волосъ: и это не произвело никакого впечатлѣнія, кромѣ развѣ того что они были прибраны въ шкапъ туалетной комнаты, откуда до этой минуты ихъ не извлекали; женитьба отложена до совершеннолѣтія... Что касается приготовленій къ войнѣ со стороны Швеціи, то хотя они и блестятъ въ газетахъ выраженіями «на сухомъ пути и на морѣ», но на дѣлѣ они только тамъ и блестятъ, потому что безденежье не позволяетъ предпринимать значительныхъ вооруженій» [1]).

27 іюня: «Кстати, надо отдать вамъ отчетъ о стряпнѣ съ шведскими дѣлами, о которыхъ вы мнѣ говорили въ послѣднемъ письмѣ: эта стряпня кончилась ничѣмъ. Она началась съ отказа принять графа Шверина, котораго Сидоръ Ермолаевичъ прислалъ сюда извѣстить насъ о томъ, что женитьба молодого короля объявлена. Меня взялъ женскій капризъ отказать ему въ пріемѣ, сказавъ откровенно, что я не могу радоваться предмету его миссіи, а лгать я не хотѣла изъ одного угожденія регенту. Г. Шверинъ, который, какъ кажется, ѣхалъ очень скоро, былъ уже за Выборгомъ, когда посланникъ сообщилъ ему мой отвѣтъ; всѣ мои политики, особливо мой вице-канцлеръ, были очень возмущены моимъ капризомъ; но тотъ все-таки уѣхалъ ни съ чѣмъ. Вскорѣ послѣ того до насъ дошли слухи, что молодой король не любитъ ни Русскихъ, ни горбатыхъ и что онъ настоятельно просилъ регента подъ предлогомъ нездоровья отложить его женитьбу до совершеннолѣтія. Между тѣмъ Будбергъ проѣхалъ съ вашего бала въ Швецію и мы узнали то, что́ почти всѣ знаютъ, что съ той и другой стороны готовятся вооруженія; но это привело къ объясненіямъ, а затѣмъ и къ переговорамъ. Будбергу велѣно было возвратиться сюда, послѣ чего онъ поѣхалъ въ Стокгольмъ уже посланникомъ; я еще не имѣю извѣстій о томъ, что

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 676, 677.

онъ доѣхалъ. Но такъ какъ съ регентомъ слабохарактернымъ, двуличнымъ и фальшивымъ ни на что нельзя полагаться, то и я не болѣе васъ знаю, что̀ изо всего этого выйдетъ, развѣ молодой человѣкъ самъ проявитъ характеръ, на что, по моему мнѣнію, есть нѣкоторые явственные признаки».

И далѣе, въ тотъ же день, вѣроятно послѣ новыхъ болѣе благопріятныхъ извѣстій изъ Стокгольма, государыня прибавляетъ особымъ письмомъ: «Вашъ танцоръ проѣхалъ сюда простымъ путешественникомъ, но возвратился съ широкими полномочіями. Изъ этого слѣдуетъ, что стряпня очень не трудна, такъ какъ заинтересованныя стороны достаточно понимаютъ другъ друга, чтобъ желать одного и того же. Пусть и другой [1]) пріѣдетъ: пятое колесо въ каретѣ не можетъ испортить яичницы, и съ помощью Божіей вы увидите виды. Увидѣвъ другъ друга, разсмотрятъ, а разсмотрѣвъ, и понравятся взаимно, а еслибъ не было свиданія, то каждый сидѣлъ бы дома, а не увидѣвшись нельзя и понравиться. Все это состоится или не состоится, когда вы получите эту драгоцѣнную грамоту [2]).

14 іюля государыня писала: «Въ настоящую минуту король Шведскій, который по вашимъ свѣдѣніямъ долженъ былъ это лѣто пріѣхать сюда, до сихъ поръ не пріѣзжалъ, и никто не можетъ сказать, будетъ ли онъ. Такъ какъ лѣто уже почти на исходѣ, то вѣроятно онъ не будетъ. Но возможно, что еслибъ молодой человѣкъ могъ дѣйствовать независимо, онъ прилетѣлъ бы сюда какъ птица; впрочемъ это только предположеніе, подобное гипотезѣ Бюффона о сотвореніи міра. Теперь перейдемъ къ матеріи о манжетахъ [3]). Что вы не пошлете ихъ герцогинѣ Мекленбургской въ приданое дочери? Это не насмѣшка, потому что во всѣхъ шведскихъ церквахъ до сихъ поръ молятся за будущую королеву, называя ее по имени и отчеству» [4]).

---

[1]) Т. е. регентъ.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 679, 680.
[3]) См. выше, стр. 295, 296.
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 683.

Наконецъ столь желанный императрицею пріѣздъ молодого Шведскаго короля въ Петербургъ подъ именемъ графа Гага осуществился, и она пишетъ отъ 5 августа: «Вчера получила я ваши грамоты. Въ тотъ же день графъ Шверинъ, шталмейстеръ короля Шведскаго, извѣстилъ насъ въ Царскомъ Селѣ о скоромъ прибытіи графа Гага, сына того, кого вы девятнадцать лѣтъ тому назадъ видѣли въ Петергофѣ; онъ ѣдетъ со своимъ дядюшкой, графомъ Ваза. Свита ихъ такъ многочисленна, что ихъ всѣхъ будетъ сто-двадцать человѣкъ и всѣ они будутъ помѣщены у бѣднаго шведскаго посланника» [1]).

18 августа: «Намъ въ эту минуту не слишкомъ-то много остается времени на длинныя посланія, потому что съ 13 числа этого мѣсяца мы принимаемъ у себя гостей, графовъ Гага и Ваза съ огромной свитой изъ 140 человѣкъ, включая господъ и прислугу. Они пріѣхали вышеупомянутаго 13-го вечеромъ. На другой день, 14-го, они отдыхали и потомъ исходили и изъѣздили весь городъ и повстрѣчались носъ къ носу съ нѣкоторыми интересными особами, а эти и не воображали, что могутъ быть встрѣчены, возвращаясь отъ меня въ свои комнаты. Чтобъ понять какъ это случилось, надо знать расположеніе Таврическаго дворца и его флигелей, между прочимъ улицу, отдѣляющую домъ, занимаемый великими княжнами, отъ дворцовыхъ оранжерей. 15 августа въ 6 часовъ вечера оба графа пріѣхали въ Эрмитажъ, гдѣ въ четверть часа перезнакомились со всѣми. Графъ Гага мало того что съ перваго раза всѣмъ понравился, онъ даже заставилъ себя полюбить, а замѣтьте, что это у насъ еще ни съ кѣмъ не случалось, кромѣ его. Наружность у него весьма пзящная, кроткая и вмѣстѣ величественная; на красивомъ лицѣ его отпечатаны умъ и любезность. Это прелестный молодой человѣкъ, и конечно въ настоящее время никакой престолъ Европы не можетъ похвалиться подобнымъ наслѣдникомъ. Онъ весьма добръ сердцемъ, необыкновенно вѣжливъ; при этомъ осторожность и тактъ раз-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 687.

виты въ немъ не по лѣтамъ. Однимъ словомъ, повторяю еще разъ, онъ очарователенъ. 16-го онъ снова провелъ у меня вечеръ въ Таврическомъ дворцѣ, гдѣ, какъ и въ первый день, былъ балъ и ужинъ. Злые языки утверждаютъ, будто глаза его сдѣлались замѣтно нѣжнѣе и что величество засіяло отъ удовольствія. Что касается дѣвицы, то на бѣду у нея 14-го вечеромъ пропала собачка, и она весь вечеръ и все утро проплакала, такъ что генеральша Линенъ, ея воспитательница, до смерти боялась, чтобъ у ней не были красны глаза. Вчера, 17-го, хотя собачка и не отыскалась, великая княжна казалась повеселѣе; а послѣ обѣда графъ Гага долго съ нею бесѣдовалъ: они оба стояли на солнцѣ, которое порядочно припекало, но этого вовсе не замѣчали, хотя это не ускользнуло отъ нашего вниманія. Но вообразите, въ списокъ назначенныхъ для представленія пьесъ нелѣпо придумали поставить балетъ подъ заглавіемъ «Обманутый опекунъ»; къ счастію, мнѣ показали списокъ и я тотчасъ приказала эту пьесу вычеркнуть. Неправда ли, при настоящемъ случаѣ это было бы неприлично и противно правиламъ гостепріимства? Что касается графа Ваза, то о немъ трудно сказать что-нибудь новое; въ свитѣ же, которая ежедневно прибываетъ, есть лица очень достойныя и любезныя. Прощайте, довольно на сегодня; вечеромъ будетъ ужинъ у великаго князя Александра: надо же веселить гостей. Кажется, имъ у насъ нравится: такъ говорятъ всѣ въ одинъ голосъ. Будьте здоровы; я же чувствую себя легко и летаю какъ птица» [1]).

30 августа 1796, день св. Александра, въ 8 часовъ утра: «Начинаю письмо тѣмъ, что у насъ съ 15 августа все пиры съ утра до вечера и съ вечера до утра по случаю пребыванія здѣсь Шведскаго короля. Кромѣ того у меня на рукахъ еще два-три дѣла величайшей важности, такъ что мнѣ невозможно было отвѣчать на ваши №№ 21 и 22, хотя и они тоже важны; но вѣдь въ суткахъ только 24 часа. У насъ и старый и малый безъ ума отъ молодого короля: онъ чрезвычайно вѣжливъ, очень хорошо

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 690, 691.

говоритъ, поболтать съ нимъ пріятно. Собою онъ очень хорошъ, красивыя и правильныя черты лица, глаза большіе, живые, осанка величественная; онъ довольно большого роста, но сложенъ стройно и гибко, любитъ прыгать, танцовать и охотникъ до всякихъ тѣлесныхъ упражненій, въ которыхъ очень ловокъ. Кажется, ему здѣсь очень нравится: онъ думалъ остаться только десять дней, но живетъ уже три недѣли, и до сихъ поръ день отъѣзда еще не назначенъ, хотя время приближается къ осени. Адмиралъ его, большой чудакъ, говоритъ: «Я ручаюсь за его переѣздъ до января, но далѣе ужъ это его дѣло, какъ ему выбраться отсюда до весны». Публика замѣчаетъ, что со дня на день его высочество все чаще танцуетъ съ великой княжной Александрой и что разговоръ и обмѣнъ мыслей у нихъ самый оживленный. Говорятъ также будто его величество сказалъ своимъ: «Улаживайте же дѣло поскорѣе, я чувствую, что влюбляюсь до безумія, а то, когда мнѣ окончательно вскружатъ голову, я надѣлаю глупостей. Кажется, что и дѣвица не чувствуетъ отвращенія къ помянутому принцу: она уже не имѣетъ того смущеннаго вида, который былъ у нея вначалѣ и держитъ себя очень непринужденно со своимъ влюбленнымъ. Надо сознаться, что это рѣдкая парочка: никто въ ихъ дѣло не мѣшается, никто ихъ не стѣсняетъ и повидимому все будетъ улажено или по крайней мѣрѣ уговорено до отъѣзда его величества, которому уѣзжать вовсе не хочется, хотя 1-го ноября нов. стиля должно быть объявлено его совершеннолѣтіе. Одинъ изъ главныхъ тузовъ въ свитѣ короля на чей-то вопросъ, нравится ли дѣвица графу Гага, отвѣчалъ рѣзко: «Нужно быть безумцемъ, чтобъ въ нее не влюбиться» [1]).

1 сентября: «Говорятъ, будто уже готовъ къ отъѣзду курьеръ съ отказомъ мекленбургской невѣстѣ. Прежде этого я конечно не могла и слышать ни о какомъ предложеніи. Но, надо сказать правду, любовь идетъ впередъ быстрымъ ходомъ. Нашъ молодой человѣкъ изъ грустнаго и робкаго мечтателя, какимъ былъ пер-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 691, 692.

вое время по пріѣздѣ, сдѣлался здѣсь совсѣмъ другимъ: радость и счастье разлиты во всемъ его существѣ. Завтра три недѣли какъ онъ здѣсь; Богъ знаетъ, когда онъ уѣдетъ, но осень близко».

9 сентября: «Вчера былъ балъ у императорскаго посланника; было очень весело, потому что ходили слухи, будто все окончательно рѣшено на словахъ. Не знаю какъ случилось, въ избыткѣ ли радости, или отъ чего-либо другого, но только нашъ влюбленный въ танцахъ осмѣлился слегка пожать руку своей будущей; она вся поблѣднѣла какъ смерть и побѣжала разсказать все своей воспитательницѣ: — «Подумайте, что онъ сдѣлалъ, онъ мнѣ пожалъ руку во время танцевъ; я просто не знала куда дѣваться». Что же вы сдѣлали — спросила та. Она отвѣчала: «Я такъ испугалась, что чуть не упала въ обморокъ».

4 сентября: «Вчера вечеромъ былъ большой фейерверкъ, который очень удался. Сегодня графы Гага и Ваза поѣхали въ Царское Село, а оттуда въ Павловскъ, гдѣ они будутъ обѣдать у великаго князя отца, а для насъ, слава Богу, это день отдыха. Завтра Елисаветинъ день и ровно три недѣли какъ мы безпрерывно пируемъ. Еще и рѣчи нѣтъ объ отъѣздѣ и день еще не назначенъ. Шведскій дворъ, состоящій изъ двадцати-трехъ человѣкъ, находитъ пребываніе въ Петербургѣ очень пріятнымъ.

5 сентября въ 8 часовъ утра: «Сегодня св. Елисаветы, день ангела супруги Александра: будетъ обѣдня, потомъ обѣдъ у Александра, а вечеромъ — большой балъ.

«Увѣряю васъ, мнѣ сдается, что лучшій изъ монхъ современниковъ и самый многообѣщающій въ эту минуту—юный король Шведскій; ему недостаетъ только поболѣе опытности и нѣсколько головъ получше вокругъ него, потому что его Рейтергольмъ очень ничтоженъ, тщеславенъ и надутъ собственнымъ достоинствомъ» [1]).

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 692, 693, 694.

Это былъ послѣдній отзывъ императрицы о молодомъ Шведскомъ королѣ. Затѣмъ послѣ довольно долгаго молчанія слѣдуетъ послѣднее письмо этой обширной и замѣчательной переписки, которое будетъ приведено ниже.

Характеръ и взгляды Екатерины. Отношенія ея къ Гримму.

Оканчивая систематическій обзоръ переписки Екатерины съ Гриммомъ, обнимающей болѣе двадцати лѣтъ, нельзя не остановиться на разбросанныхъ въ ней сужденіяхъ императрицы о самой себѣ, о Гриммѣ, о первыхъ вліяніяхъ своего дѣтства и воспитанія и множествѣ житейскихъ предметовъ и впечатлѣній. Хотя во всей перепискѣ выражается необыкновенная цѣльность характера, но все же для полнаго изученія великой государыни важны тѣ бѣглыя замѣтки о собственной личности, которыя вырвались у нея въ самомъ откровенномъ обмѣнѣ мыслей. Сама она говоритъ о письмахъ своихъ къ Гримму: «Я не *пишу* вамъ, а *болтаю* съ вами... Только вамъ однимъ пишу я собственной рукою (de ma griffe)... Никому я такъ не писала какъ вамъ; должно быть, талантъ развитія, которымъ вы одарены, вызвалъ и во мнѣ этотъ удивительный оборотъ мыслей, употребляемый мною только съ вами .... Нашъ слогъ хорошъ только для насъ самихъ, да еще для почтовыхъ чиновниковъ, которые однако часто поставлены въ тупикъ, такъ какъ ничего не понимаютъ, или понимаютъ вкривь и вкось»[1]). Какъ любила Екатерина эту непринужденную бесѣду, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ письма, писаннаго ею въ постели, отъ 19 ноября 1778: «Совершенная праздность, предписанная мнѣ г. Кельхеномъ[2]), уложившимъ меня въ постель, доставляетъ вамъ это посланіе. Я сказала себѣ: — надо ему написать; такъ какъ мнѣ не позволяютъ работать, то станемъ забавляться....

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 100, 112, 52, 84.

[2]) Лейбъ-хирургъ в. кн. Павла Петровича.

Не надо однакоже, чтобъ въ исторіи моей было сказано, что я всю жизнь только и дѣлала, что вамъ писала» [1]).

Приписывая Гримму большой талантъ вызывать у другихъ мысли, въ одномъ письмѣ государыня говоритъ по поводу своего нерасположенія писать въ этотъ день: «Но не отчаявайтесь еще въ своей геніальной способности извлекать изъ другихъ болѣе, чѣмъ это кому-либо удавалось. У васъ талантъ развитія, вызывающій на свѣтъ то, что кроется въ чужихъ головахъ, съ которыми вы имѣете дѣло. Вы будете отрекаться, но это сущая правда» [2]).

Это однако не мѣшало Екатеринѣ подшучивать надъ многорѣчіемъ Гримма, надъ его расплывчивостью, и считать количество страницъ въ его письмахъ (которыя она называетъ грамотами, pancartes), хотя она и смягчаетъ эти отзывы словами: «Я люблю получать письма и въ двѣнадцать страницъ, когда они интересны» [3]). О своихъ же письмахъ она говоритъ: «Что касается отвѣтовъ на грамоты, то я предоставила вашему выбору: хотите ли имѣть ихъ маленькими и худенькими, но часто, или пространными и тольстенькими, но рѣдко. Первыя будутъ итти по почтѣ, вторыя съ курьерами. Признаюсь, я чрезвычайно довольна, видя какъ вы меня угадываете и умѣете разъяснять мои чувства. Всѣ ваши разсужденія насчетъ приверженности вашей ко мнѣ и моего мнѣнія о васъ доставили мнѣ истинное удовольствіе: все это вполнѣ справедливо» [4]).

Случалось, что императрица получала отъ Гримма посланія въ 30 и даже 40 страницъ; но она всегда отвѣчала на нихъ съ письмомъ въ рукахъ: «Я вамъ сообщаю свои мысли вкратцѣ и потому надѣюсь справиться и съ этимъ письмомъ, какъ со многими другими.... Я пишу вамъ безъ всякаго порядка и системы, не думая ни о слогѣ, ни о правописаніи; вы удивительно хорошо назвали это *императорской олла-подридой*, потому что, право,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 100, 123. [2]) Стр. 6. [3]) Стр. 4.
[4]) Стр. 212.

мои письма похожи на это испанское блюдо.... Письма мои не для потомства. Пишу я всегда поспѣшно, держа ваше посланіе въ лѣвой рукѣ, тогда какъ правая царапаетъ; читая глазами и бросая на бумагу мысли, вызываемыя вашей грамотой. Вотъ какъ эти дивныя произведенія родятся на свѣтъ, а потомъ они отправляются къ вамъ и заставляютъ васъ смѣяться, плакать, браниться, божиться, отгадывать, топать ногами, отрицать, волноваться и бѣгать взадъ и впередъ, неизвѣстно зачѣмъ» [1]).

Какъ ни превосходно владѣлъ Гриммъ французскимъ языкомъ, какъ ни былъ онъ остроуменъ и находчивъ, однакоже нельзя не замѣтить, что онъ не могъ вполнѣ освободиться отъ нѣкоторой тяжеловѣсности рѣчи и мелочности нѣмецкаго ума: періоды его длинны и запутанны; всего же многословнѣе, но вмѣстѣ съ тѣмъ и замысловатѣе, является онъ въ изліяніи чувствъ благоговѣнія и приверженности къ своей царственной корреспонденткѣ. Здѣсь онъ доходитъ часто до крайней лести и даже кощунства; но за то онъ умѣетъ тутъ же высказывать Екатеринѣ и самыя смѣлыя и рѣзкія сужденія.

Въ противоположность письмамъ Гримма ея письма отличаются сжатостью и силой мысли, картинностью описаній, легкостью языка и переходовъ отъ одного предмета къ другому, игривостью шутки. Изучивъ лучшихъ французскихъ писателей, она въ такомъ совершенствѣ овладѣла ихъ языкомъ, что онъ всегда является у нея послушнымъ орудіемъ, сохраняя притомъ вполнѣ свой національный духъ, тонкость, грацію и изящество формы. Вотъ какъ смотритъ на эти качества своего слога сама государыня:

«Вы увѣряете, что я вполнѣ владѣю искуствомъ переходовъ, а я хочу теперь доказать, что могу похвалиться и сжатостью, потому что отвѣчаю уже на четвертую страницу вашего письма [2])... Вы слишкомъ снисходительны, называя мое перо очаровательнымъ. Въ молодости я въ самомъ дѣлѣ воображала,

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 191—192, 552. [2]) Стр. 51.

что пишу какъ ангелъ, но съ тѣхъ поръ кое-какія непріятности постигли мое перо, и я болѣе не думаю, что хорошо пишу, а пишу какъ могу: стараться не стóитъ... Чтó бы вы ни говорили, мое воображеніе стиховъ не создаетъ, но кой-когда я дѣлаю точное описаніе; а если госпожа природа творитъ поэзію, то мы и описываемъ ее какъ она есть, но не мы выдумываемъ, не мы видимъ въ поэтическомъ свѣтѣ.... Я вамъ уже говорила, что стиховъ не пишу ни на какомъ языкѣ, французская проза моя плоха, а нѣмецкая еще хуже.... Знаете ли, въ чемъ источникъ языка Екатерины? Въ томъ, что она не знаетъ основательно ни одного языка» [1]).

Гриммъ однажды жаловался на слабость зрѣнія; государыня совѣтовала ему диктовать свои письма, и прибавляла: «Сто разъ мнѣ давали этотъ совѣтъ; счастливъ тотъ, кто можетъ имъ воспользоваться; мнѣ же кажется невозможнымъ говорить вздоръ перомъ другого. Вы при этомъ ничѣмъ не рискуете; я же, еслибъ сказала другому чтó иногда просится у меня на перо, то пишущій часто не сталъ бы писать чтó я ему диктую, а тогда прощай и перо и мысли» [2]).

Когда же Гриммъ настаивалъ на похвалахъ красотѣ ея слога, Екатерина отвѣчала: «Но послушайте, если есть сила, глубина, грація въ моихъ письмахъ и выраженіяхъ, знайте, что я этимъ обязана Вольтеру, такъ я долго читала, перечитывала и изучала все выходившее изъ-подъ его пера; и, могу сказать, этимъ достигла я такого чутья, что всегда безошибочно угадывала, чтó принадлежитъ ему, чтó нѣтъ».... О будущей судьбѣ своихъ писемъ она шутила такъ: «Когда вы женитесь, то можете очень долго снабжать свою дражайшую половину даровыми папильйотками. Стóитъ только употреблять на нихъ эти прекрасныя посланія» [3]).

Иногда Екатерина къ слову припоминаетъ свое дѣтство и набрасываетъ черты своего воспитанія и природныхъ свойствъ:

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 89, 99, 329—330.
[2]) Стр. 535. [3]) Стр. 113, 155.

«Мамзель Кардель и г. Вагнеръ [1]) имѣли дѣло съ непутной головушкой (esprit gauche), которая все, что̀ ни говорили ей, принимала навыворотъ. Г. Вагнеръ желалъ испытаній (Prüfungen) другого рода, а непутная головушка думала про себя: — чтобъ быть чѣмъ-нибудь на этомъ свѣтѣ, надо имѣть должныя для того качества; заглянемъ-ка хорошенько внутрь себя: имѣются ли у насъ эти качества? Если ихъ нѣтъ, то разовьемъ ихъ. — Мартынъ Лютеръ былъ неучъ, и научить этому никакъ не могъ» [2]).

Вообще Екатерина не жаловала Лютера и часто надъ нимъ подшучивала. Такъ, употребивъ разъ выраженіе, что ея новымъ учрежденіямъ дивятся, какъ *корова новымъ воротамъ*, она прибавляетъ: «Это благородное сравненіе извлечено изъ застольныхъ рѣчей (Tischreden) вашего милашки, (mignon)» [3]). «А эти застольныя рѣчи», объясняетъ она, «были отрадой двоюродной бабки моей матери; она при всякомъ случаѣ кстати и некстати ссылалась на нихъ, а непутная головушка по-своему понимала все, что ей восхваляли. Такъ бывало съ мамзель Кардель и Вагнеромъ каждый Божій день, потому что не всегда знаютъ что̀ думаютъ дѣти, а дѣтей понимать не легко, особливо когда хорошее воспитаніе пріучило ихъ выслушивать все съ покорностью и они по опыту сдѣлались осторожны въ рѣчахъ со своими наставниками. Изъ этого вы можете извлечь то прекрасное правило, что не надо слишкомъ журить ребятъ, но надо внушать имъ довѣріе, чтобъ они не скрывали отъ васъ своихъ проступковъ. Впрочемъ, конечно для воспитателей удобнѣе давать просторъ своему властолюбію, чтобъ легче управлять маленькимъ обществомъ» [4]).

Видно, что Екатерина, которая называла себя воспитанницей на половину г-жи Кардель, на половину г-на Вагнера, была высокаго мнѣнія объ умѣ первой. Въ одномъ письмѣ она говоритъ: «Я убѣждена, что г. Вагнеръ былъ глупъ, а мамзель Кардель была дѣвица умная.... Одна она знала все не учившись, почти

---

[1]) Воспитатели Екатерины.
[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 12. [3]) Стр. 29. [4]) Стр. 41, 42.

такъ же какъ ея воспитанница»... [1]). Кромѣ всего, что г-жа Кардель знала, она могла перечислить по пальцамъ всѣ существующія комедіи и трагедіи, да къ тому же и сама была очень забавна» [2]).

Повидимому Гриммъ, интересуясь данными для біографіи императрицы, собирался посѣтить Штетинъ, такъ какъ она пишетъ: «Для чего вы поѣдете въ Штетинъ? Вы тамъ уже никого не найдете въ живыхъ, кромѣ развѣ г. Лорана [3]), дряхлаго старика, который былъ очень плохъ и въ молодости; но если вы не можете побѣдить этого поползновенія, то знайте, что я родилась въ домѣ Грейфенштейна, въ Маріинской церковной оградѣ, что я жила и воспитывалась въ томъ флигелѣ дворца, который налѣво, когда взойдешь на большую дворцовую площадь, что я занимала наверху три комнаты со сводами возлѣ церкви, составляющей уголъ; колокольня прилегала къ моей спальнѣ. Тамъ-то меня умудряла мамзель Кардель и г. Вагнеръ наставлялъ своими Prüfungen; оттуда же я два, три раза въ день скакала черезъ весь флигель къ моей матушкѣ, которая занимала другой конецъ. Но во всемъ этомъ я не нахожу ничего особенно интереснаго, развѣ вы можетъ-быть полагаете, что мѣстность служитъ, или способствуетъ къ образованію сносныхъ императрицъ; въ такомъ случаѣ вамъ бы надо предложить Прусскому королю устроить тамъ разсадникъ въ этомъ вкусѣ на пользу желающихъ» [4]).

Когда разъ Гриммъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, говорилъ о какомъ-то пожарѣ въ Штетинѣ, бывшемъ 2-го мая во время дѣтства императрицы, она отвѣчала: «Говорю вамъ, я никогда не слыхала ни о какомъ пожарѣ, случившемся въ Штетинѣ 2-го мая 1729 г., и кромѣ того я помню что всѣ балки въ потолкахъ и полахъ были перемѣнены въ этомъ домѣ; стало быть, еслибъ

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 88, 158. [2]) Стр. 18.

[3]) Учитель чистописанія, котораго Екатерина считала очень глупымъ, но находила, что онъ хорошо заслужилъ свои деньги, такъ какъ внушилъ ей страсть къ письму.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 50, 51.

это и было правда, то отъ него не осталось никакихъ слѣдовъ: въ самомъ дѣлѣ, я не была тогда еще особой настолько важной, чтобъ захотѣли сохранить обгорѣлыя доски ради меня. Повѣрьте мнѣ и бросьте всѣ эти сказки, которыя васъ такъ тревожатъ»[1]).

Вообще о своей воспитательницѣ г-жѣ Кардель императрица вспоминала часто. Когда письма ея были слишкомъ веселы и шутливы, она говорила Гримму: «Я замѣчаю, что вы всего болѣе восхищаетесь тѣми изъ моихъ писемъ, которымъ я всего менѣе придаю цѣны, и о которыхъ мамзель Кардель непремѣнно сказала бы, что они не имѣютъ смысла Божьяго».... [2]). «Объ аббатѣ Галіани мамзель Кардель сказала бы, что онъ кривотолкъ, такъ какъ меня она называла непутной головушкой». Аббатъ же въ свою очередь называлъ г-жу Кардель, Питониссой, за то, что она находила свою воспитанницу кривотолкомъ [3]).

О вліяніи, какое воспитатели Екатерины оказывали на ея наклонности, она говоритъ: «Виновата ли я, что не раздѣляю вкусовъ своего вѣка? Я полагаю, что мамзель Кардель и г. Вагнеръ были люди прошлаго, то есть 17-го вѣка. Они мнѣ столько проповѣдывали *о лучшемъ*, что непутная головушка пошла отыскивать это *лучшее* вездѣ, гдѣ его можно было найти» [4]).

О лицахъ, посѣщавшихъ ея воспитателей, императрица разсказываетъ: «Г-жу Кардель часто посѣщалъ, особливо по воскресеньямъ, г. Моклеръ, проповѣдникъ придворной церкви; этотъ Моклеръ былъ женатъ на дочери историка Рапена Тоираса [5]), и кажется, былъ первый пздатель его исторіи Англіи. Этотъ чело-

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 204—205.
[2]) Стр. 91.
[3]) Стр. 113, 133.
[4]) Стр. 212.

[5]) Paul Rapin de Thoyras, род. въ Кастрѣ (Лангедокъ) 25 марта 1661 г., ум. въ Везелѣ 16 мая 1725. Изгнанный изъ отечества въ силу нантскаго эдикта, онъ жилъ то въ Англіи, то въ Голландіи и издалъ за годъ до своей смерти въ Гагѣ извѣстное сочиненіе: Histoire d'Angleterre depuis l'établissement des Romains dans la Grande Bretagne jusqu'à la mort de Charles I. Моклеръ былъ пасторомъ при французской церкви въ Штетинѣ и членомъ британской академіи наукъ. Онъ участвовалъ въ редакціи Bibliothèque germanique и въ др. изданіяхъ.

вѣкъ былъ другомъ и совѣтникомъ г-жи Кардель; сынъ Ранена Топраса, зять Моклера былъ регирунгсратомъ въ томъ же городѣ; всѣ они были на короткой ногѣ съ мамзель Кардель и очень интересовались ея воспитанницей. Что касается г. Вагнера, то онъ не имѣлъ никакихъ сношеній съ этими еретиками, которые не знали его языка, а онъ съ своей стороны не зналъ по-французски» [1]). Въ другой разъ, по поводу предлагаемой Гриммомъ покупки, сказано: «Я никогда не соблазняюсь по первому движенію. Мамзель Кардель и г. Вагнеръ вѣроятно сумѣли сильно подѣйствовать на меня въ этомъ отношеніи; только въ послѣдствіи соблазнъ наконецъ одолѣваетъ меня» [2]). Свое недовѣріе къ докторамъ и къ непреложности ихъ знаній и приговоровъ императрица приписываетъ также г-жѣ Кардель, говоря: «Скажите мнѣ пожалуйста, зачѣмъ напхристіаннѣйшій король созвалъ всѣхъ шарлатановъ, чтобъ говорить о шарлатанствѣ? Вѣритъ ли онъ медикамъ? Не довольно ли было одного факультета, имѣющаго право ихъ творить? Знаете ли, что я г-жѣ Кардель обязана своимъ недовѣріемъ къ докторамъ и лѣкарствамъ? Она все заставляла меня читать Мольера» [3]).

Къ воспоминаніямъ дѣтства относится и отзывъ государыни о кормилицѣ, умершей въ 1779 году. Екатерина говоритъ въ шутку, что боялась ея какъ огня, или какъ посѣщенія королей и знаменитыхъ особъ: «Едва меня завидѣвъ, она всегда крѣпко обхватитъ мою голову и примется меня душить поцѣлуями, а надо прибавить, что отъ нея страшно несло курительнымъ табакомъ, такъ какъ мужъ обильно ее обкуривалъ» [4]).

Тонъ всей первой части писемъ Екатерины почти до 1784 года отличается особенной веселостью и шутливостью. Послѣ поимки Пугачева и блестящаго мира съ Портой она чувствовала себя вполнѣ свободной духомъ. Сближеніе съ Потемкинымъ, которому она приписывала большую долю заслуги въ заключеніи этого

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 78. [2]) Стр. 162. [3]) Стр. 111.
[4]) Стр. 90.

мира, еще болѣе способствовало ея веселому настроенію. Въ одномъ изъ первыхъ писемъ она говоритъ: «Вокругъ меня есть оригиналы, которые часто забавляютъ меня, особливо же генералъ Потемкинъ: онъ болѣе другихъ въ модѣ и смѣшитъ меня до упаду» [1]).

Въ числѣ предметовъ забавы и шутокъ часто встрѣчаются въ письмахъ историческія собачки ея Томъ и Земира со своими потомками; одно письмо, напримѣръ, оканчивается такъ. «Г. Томасъ, его возлюбленная дочка и четырехмѣсячный сынокъ, самый веселый, безумный, капризный и дерзкій изо всей семьи, но можетъ-быть и самый любезный, всѣ вамъ свидѣтельствуютъ почтеніе; они всѣ храпятъ вокругъ меня, а я слушаю это храпѣніе такъ же охотно, какъ другіе — чириканье птицъ. Сожжемъ наши письма, милостивый государь, право они болѣе никуда не годны» [2]). Въ другомъ письмѣ государыня жалуется, что собаки дергаютъ и тормошатъ ее со всѣхъ сторонъ пока она пишетъ, а сэръ Томъ унесъ ея перо. «Если имъ удастся разорвать бумагу», прибавляетъ она, «не огорчайтесь, я пришлю вамъ клочки» [3]). «Послушайте, прежде чѣмъ буду отвѣчать вамъ, я дамъ вамъ совѣтъ: потрудитесь, читая мои письма, разставлять въ нихъ запятыя и точки тамъ, гдѣ имъ слѣдуетъ быть по смыслу, потому что я начинаю замѣчать, какъ законодательная манія, а также миссъ Мими и лэди Азоръ сдѣлали меня небрежною въ этомъ отношеніи и къ опрятности писемъ. Знайте, что кляксы и царапины на письмахъ части производятъ мои собачки, а легисломанія заставляетъ пренебрегать знаками препинанія» [4]).

Но и всякихъ другихъ животныхъ любила императрица и забавлялась ими. Такъ она иногда поминаетъ то своего попугая, то обезьянку, и пишетъ: «Когда вы впредь будете говорить со мною о моихъ собачкахъ, о ложахъ Рафаэля, Бибіэнѣ, Блакстонѣ, не забудьте пожалуйста въ этомъ каталогѣ нѣкоего ангорскаго кота, подареннаго мнѣ княземъ Потемкинымъ, въ бла-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 3. [2]) Стр. 11. [3]) Стр. 35.
[4]) Стр. 59.

годарность за севрскій сервизъ. Это изо всѣхъ котовъ — котъ, веселый, умный, вовсе не упрямый и именно такой, какъ вамъ хочется, то есть съ бархатными лапками. Кстати, заговоривъ о котѣ, я должна разсказать вамъ въ какомъ изумленіи былъ однажды принцъ Генрихъ, когда Потемкинъ впустилъ въ комнату, гдѣ мы бесѣдовали, обезьянку. Мы были въ то время углублены въ пріятный разговоръ, и я, вмѣсто того чтобъ продолжать его, принялась играть съ обезьянкой, а тотъ глядѣлъ на меня выпуча глаза, но напрасно: штуки, которыя выкидывала обезьяна, одержали верхъ» [1]).

Въ другомъ письмѣ государыня такъ характеризуетъ свою веселость: «Князь де-Линь сознался мнѣ, что до перваго нашего путешествія онъ меня представлялъ себѣ въ видѣ высокой женщины, прямой какъ палка, говорящей только изреченіями и требующей себѣ безпрерывнаго поклоненія; онъ былъ ужасно доволенъ, что ошибся, и нашелъ во мнѣ существо, съ которымъ можно разговаривать и даже болтать» [2]).

«Какъ же писать вамъ прелестныя письма, отъ которыхъ вы бы помирали со смѣху, когда вы сами ставите тому препятствія, задавая вопросы о томъ и о семъ, на что надо отвѣчать въ точности, тогда какъ я и безъ того всю жизнь должна отвѣчать всевозможнымъ вопросителямъ, не имѣя естественной наклонности къ отвѣтамъ, а чувствуя напротивъ влеченіе къ вопросамъ» [3]).

Но, несмотря на веселость характера, Екатерина не особенно любила празднества и искуственныя увеселенія и допускала ихъ только по необходимости, по поводу необыкновенныхъ событій: побѣдъ, приращенія царскаго дома, и позже ради внуковъ и внучекъ. Такъ особенно обиленъ празднествами былъ годъ рожденія в. к. Александра Павловича. Въ это время она пишетъ: «Спѣшу написать вамъ, потому что времени будетъ мало. Отъ нынѣшняго дня до Великаго поста, въ теченіе двухъ недѣль, будетъ только одиннадцать маскарадовъ, не считая обѣдовъ и ужиновъ, на которые я

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 92. [2]) Стр. 432. [3]) Стр. 17.

приглашена. Итакъ, опасаясь умереть, я заказала свою эпитафію и велѣла поспѣшить, потому что хочу имѣть удовольствіе сама ее исправить; а покамѣстъ для забавы я сама начала ее сочинять по образцу эпитафіи сэра Томаса Андерсона... [1]).

«Множество праздниковъ, маскарадовъ, комедій, оперъ-буффъ и серьёзныхъ совершенно вскружили намъ голову и перевернули мозги. Возможно ли это отвѣчать на дѣловыя post-scriptum? Да и что вамъ вздумалось прислать ихъ такъ кстати? Гораздо лучше было бы вамъ, г. полковникъ [2]), нарядиться летучей мышью и пріѣхать сюда самому къ масляницѣ. Вы бы бѣгали вмѣстѣ съ другими масками и не требовали бы письменныхъ отвѣтовъ отъ людей, у которыхъ не осталось ни капли здраваго смысла отъ удовольствія и усталости [3]).

Характеръ свой Екатерина сама очерчиваетъ такъ: «Я не имѣю тѣхъ недостатковъ, которые вы во мнѣ находите, ни тѣхъ качествъ, которыя вы мнѣ приписываете. Можетъ-быть, я добра, обыкновенно кротка, но по *своему званію* я должна *крѣпко хотѣть*, когда чего хочу, и вотъ единственныя мои достоинства [4]).

«Мои отвѣты не имѣютъ той цѣны, которую вашъ геній имъ придаетъ: вы на нихъ смотрите какъ Дидро на картины и книги, а отецъ Малебраншъ все видѣлъ въ Богѣ.... Я хороша только издали» [5]).

Но если Гриммъ примѣшивалъ много лести къ изліяніямъ своего благоговѣнія и преданности Екатеринѣ, за то онъ является и тонкимъ цѣнителемъ ея привлекательныхъ свойствъ и того обаянія, которое она производила на окружающихъ своею, по выраженію Гримма, «глубокой и свѣтлой простотой». Такъ напримѣръ, слѣдующія строки его прекрасно рисуютъ вниманіе Екатерины *къ человѣку*, помимо дворскаго этикета и налагаемыхъ

---

[1]) Объ эпитафіи сохранились въ бумагахъ императрицы: на оборотѣ листка съ эпитафіей собачки написана рукою Екатерины шуточно парафразированная эпитафія ей самой, приведенная выше на стр. 58.

[2]) Такъ назвалъ Гримма Фридрихъ II въ одномъ письмѣ.

[3]) *Сб. И. О.* XXIII, 77, 81. [4]) Стр. 5, 6. [5]) Стр. 19, 174.

имъ безличности и бездушія отношеній: «Знаю, что нѣкоторые горячіе характеры говорятъ: какимъ же образомъ эта императрица примѣшиваетъ къ отношеніямъ частной жизни и къ малѣйшимъ мелочамъ столько вниманія, скромности, сдержанности, деликатности, какъ и нашъ братъ? По какому праву присвоиваетъ она себѣ добродѣтели частныхъ людей, тогда какъ ни одинъ частный человѣкъ не можетъ себѣ усвоить ни одной изъ ея царскихъ добродѣтелей? Я вынужденъ проглотить всѣ эти разсужденія и становлюсь въ тупикъ. Ваше Величество сдѣлаете мнѣ удовольствіе, сообщивъ что́ я могу отвѣчать на это; ибо мнѣ жаль, что на мою императрицу возводятъ такія тяжкія обвиненія. Я иногда говорю имъ: вы сердитесь за вздоръ: гораздо хуже еще, когда ее видишь вблизи, такъ какъ она во всемъ своемъ образѣ дѣйствій чудна́я или чудесная женщина. Повѣрите ли вы, господа, что въ первый разъ, какъ я находился въ этомъ Царскомъ Селѣ, гдѣ творчество устроило свою лавочку со всѣми своими орудіями колдовства, она захотѣла знать, хорошо ли я помѣщенъ, огражденъ ли отъ холода и обогрѣтъ ли, и когда ей показалось, что я не довольно близокъ къ печкѣ, она произвела великій шумъ. — Кто? Императрица? — Да, она сама. — Ну, многострададьный, въ своемъ ли ты умѣ? — Спросите тогда у нея самой, и если я сказалъ хоть слово несогласное съ истиной, то во всю жизнь не хочу получать ни строчки, начертанной ея священною рукою. А когда я хотѣлъ обличить ее въ этомъ, когда я спросилъ ее, зачѣмъ она въ это вмѣшивается, она спросила меня въ свою очередь, не должна ли хозяйка дома знать, хорошо ли помѣщены люди, которыхъ она приглашаетъ къ себѣ, какъ будто бы она была какая-нибудь курляндская барыня въ своемъ дворянскомъ помѣстьи. И все это не мѣшаетъ ей направлять свою маленькую ладью, именуемую «Слава Россіи», какъ ни въ чемъ не бывало, да еще вмѣшиваться направо и налѣво въ разныя мелкія дѣлишки, которыя будетъ помнить человѣчество» [1]).

На эти похвалы императрица отвѣчала съ замѣчательнымъ

[1]) Письма Гримма, 140.

сознаніемъ: «Вотъ вамъ отвѣтъ, который вы просите меня продиктовать для тѣхъ, кто находитъ меня внимательною, и проч. Прежде чѣмъ стала тѣмъ, что я теперь, я 33 года была тѣмъ же, чѣмъ и всѣ остальные люди, и нѣтъ еще двадцати лѣтъ, какъ я сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ они быть не могутъ. А этого довольно, чтобъ научиться жить» [1]).

Вообще, когда похвала была осмысленная и удачная, она видимо была пріятна императрицѣ, особливо въ первые годы переписки. Такъ, когда Гриммъ въ 1776 году прислалъ ей вырѣзку изъ одной газеты, гдѣ ее вѣрно оцѣнили, она писала: «Возьмите назадъ свой лоскутокъ газеты: онъ меня заставилъ прослезиться. Я желала бы, чтобъ сказанное было справедливо, и если я въ самомъ дѣлѣ такова, то нельзя обладать отъ природы болѣе счастливой организаціей. Не знаю, кто писалъ этотъ портретъ, который я считаю польщеннымъ; хотя авторъ и льстецъ, но у него есть геній. Если этотъ листокъ дойдетъ до потомства, то скажутъ, что это вымышленная картинка, которою всякой восторженный человѣкъ можетъ восхищаться» [2]).

Но такіе отзывы о Екатеринѣ были очень рѣдки за границей, гдѣ конечно ея твердая національная политика не нравилась многимъ, и въ 1778 году она пишетъ: «Я въ своихъ поступкахъ перестала обращать вниманіе на двѣ вещи: первая — благодарность людская, вторая — исторія. Я стараюсь дѣлать добро для добра, вотъ и все: это возвышаетъ мой духъ.... Будемъ трудиться втиши, дѣлая добро для добра, и предоставимъ другимъ дурачиться» [3]).

Благодарности людской Екатерина вообще не вѣрила. «Согласитесь со мною», говорила она, «что если болѣзнь благодарности — ужасная болѣзнь, за то она очень рѣдка и никогда не будетъ достаточно изучена факультетомъ» [4]). «Признательность не часто встрѣчается, а въ такія смутныя времена, полныя всеобщей путаницы, не

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 206. [2]) Стр. 56. [3]) Стр. 102, 166.
[4]) Стр. 51.

существуетъ благодарности даже за возвращенныя королевства, за отданныя короны. Это случилось и съ Императрицей Россійской, по отношенію къ тремъ сосѣдямъ: Пруссіи, Польшѣ и Швеціи».... «Трудно довѣрять людямъ», пишетъ она въ другомъ мѣстѣ: «они часто фальшивы и двуличны» [1]).

На похвалу, выраженную ей въ мемуарахъ принцессы палатины, Екатерина отвѣчала: «Авторъ оказываетъ мнѣ много чести: у меня только добрая воля поступать хорошо. Не мнѣ судить, достаточны ли къ тому мои способности» [2]).

«Послушайте», говоритъ она Гримму: «вы судите обо мнѣ настолько же хорошо, насколько другіе худо; кому же вѣрить? Я возьму середину: буду думать, что я занимаю не первое мѣсто, но и не послѣднее въ какомъ бы то ни было изъ вѣковъ.... Не стану отвѣчать на прекрасное вступленіе къ обширной грамотѣ, въ которой я представлена образцомъ во всѣхъ отношеніяхъ, потому что нахожу, что этотъ образецъ не только плохъ, но и непригоденъ для образца. Во-первыхъ, образецъ долженъ быть совсѣмъ иного свойства: я же напротивъ вся состою изъ порывовъ (bâtons rompus), бросающихъ меня то туда, то сюда. Другое скажу вамъ послѣ.... Ваше сравненіе комара и орла очень неудачно: всѣ мы люди, и намъ свойственно только одно человѣческое» [3]).

Получивъ отъ Гримма одну появившуюся въ Германіи книгу, гдѣ ее прославляли, она такъ о ней отзывается: «*Екатерина въ ея дѣяніяхъ*. Вотъ заглавіе книги, высвобожденной мною изъ трехъ обертокъ, въ которыя вамъ угодно было ее упаковать. Послушайте же, многострадальный: непозволительно хвалить такимъ образомъ безъ мѣры, если не хочешь прослыть отъявленнымъ льстецомъ; вотъ я на старости сдѣлалась образцомъ для государей, если вѣрить автору. Ахъ, Боже мой, Боже мой! какой дурной образецъ, если справедливо все дурное, что обо мнѣ распространяли и прежде и теперь! Знаете ли, что вовсе не похвалы были для меня благотворны, а именно злословіе. Я

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 532, 466. [2]) Стр. 481. [3]) Стр. 193, 232, 367.

смѣялась надъ нимъ, но тогда говорила сама себѣ съ благородной увѣренностью: — Такъ отомстимъ же имъ, сдѣлаемъ ихъ лжецами!—Но такой академистъ похвалъ какъ этотъ, къ чему онъ? Это только длинно и скучно читать, вотъ и все» [1]).

Когда же Гриммъ рекомендовалъ эту книгу для чтенія в. к. Александру, то государыня возражала: «О! на этотъ разъ позвольте мнѣ сказать вамъ, что я потеряла бы всякій смыслъ, еслибъ дала Александру книгу гдѣ говорится обо мнѣ и расточаются мнѣ глупыя похвалы; что подумалъ бы онъ обо мнѣ, онъ — воплощенная скромность» [2]).

На одно изъ присланныхъ ей Гриммомъ писемъ Шомберга она отвѣчала: «Что касается до благоговѣнія къ Екатеринѣ, оно подобно многимъ дѣламъ человѣческимъ. Мнѣнія могутъ быть весьма разнообразны, но все идетъ своимъ ходомъ, не взирая на хулителей, и пусть насъ понимаютъ какъ хотятъ и какъ могутъ: какимъ образомъ отдавать отчетъ льстецамъ въ каждомъ взглядѣ? Олегъ [3]) говоритъ, что онъ одинъ, что люди судятъ его, каждый сообразно своей способности и страсти, что ему нечего оправдываться и онъ предоставляетъ потомству говорить о себѣ и своихъ дѣлахъ что угодно» [4]).

Забавнымъ и смѣлымъ образомъ выставлялъ иногда Гриммъ увлеченія императрицы по части художественныхъ пріобрѣтеній, на которыя она тратила много, но иногда, сильно борясь съ собою, пріостанавливалась и объявляла, что у нея нѣтъ денегъ, что она болѣе ничего не покупаетъ. Такія шутки позволилъ себѣ Гриммъ по поводу заказа модели воротъ архитектору Клериссо, и говоря, что можетъ огласить противорѣчія въ письмахъ императрицы, прибавляетъ: «Такое оглашеніе повредило бы императрицѣ: оно открыло бы вселенной, какой гвалтъ происходитъ иногда въ головѣ ея величества, такъ что не знаешь, чего слушать: мысли встрѣчаются, сталкиваются, опрокидываютъ другъ друга, и надоб-

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 586, 587. [2]) Стр. 607.
[3]) Пьеса Екатерины: «Начальное правленіе Олега».
[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 539, 540.

на вся нѣмецкая флегма многострадальнаго, чтобы не быть ими сброшену съ ногъ всѣми четырьмя копытами вверхъ, когда ея величеству угодно бываетъ отворить дверь и выпустить всю стаю на этого бѣднаго человѣка. Ваше величество должны чувствовать, что нельзя вполнѣ сохранять титулъ самодержицы, когда противъ воли испытываешь внутри себя почти безпрерывный шумъ. Подъ вліяніемъ самодержавія все должно быть спокойно, мирно, тихо, какъ въ германской душѣ многострадальнаго, безъ толчковъ, безъ стукотни, безъ «я хочу этого, хочу того». Но такъ какъ вашему величеству далеко до этого совершенства, то надо меня беречь, для того, чтобы я не разглашалъ ничего и чтобы ваше плачевное состояніе не сдѣлалось всѣмъ извѣстно. Точно такъ же было совершенно безполезно воспламенять этотъ другой горящій уголь — Клериссо, говоря ему, чтобы онъ не стѣснялся: — у насъ есть гранитъ, у насъ есть мраморъ, — а затѣмъ (что всего хуже) — въ эти ворота время отъ времени проѣзжаю вѣдь я. — О роковое слово! Какое опустошеніе ты произвело у этого безумнаго Клериссо! Я дорого далъ бы, чтобъ выгнать эту мысль у него изъ головы» [1]).

На это императрица отвѣчаетъ: «Если вся стая мыслей, которыя сталкиваются и опрокидываютъ другъ друга останется въ моемъ распоряженіи, то когда придутъ ваши посылки, я выпущу эти мысли на васъ, хотя бы въ наказаніе за то, что вы такъ развиваете мои несовершенства, какъ будто не знаете, что быть безразсуднымъ есть обыкновенная человѣческая слабость». О терпѣніи своемъ Екатерина говоритъ, что оно всегда было искусственно: «Ни мамзель Кардель, ни г. Вагнеръ не достигли того, чтобъ сдѣлать меня терпѣливой на самомъ дѣлѣ» [2]).

Въ горячности своей головы государыня сама сознается, говоря: «Мое перо сдѣлалось perpetuum mobile уже много лѣтъ, но голова моя еще не закружилась, хотя мысли бѣгутъ не останавливаясь, какъ у всѣхъ горячихъ головъ» [3]).

---

[1]) Письма Гримма 207.

[2]) *Сб. И. О.* XXIII, 217, 164.

[3]) Стр. 533.

Гриммъ въ своихъ письмахъ нѣсколько разъ, по поводу этой горячности въ предпріятіяхъ и стремленіяхъ, сравниваетъ Екатерину съ Везувіемъ, на что она замѣчаетъ: «Я давно говорила вамъ, что вы въ высшей степени обладаете даромъ развитія. Когда вы мнѣ въ первый разъ говорили о вулканическихъ изверженіяхъ, я, какъ умъ отсталый и медленно принимающій убѣжденія, почувствовала большое отвращеніе къ этому сходству, да и кто же не сталъ бы разсуждать какъ я, кто не оскорбился бы сравненіемъ съ огнедышащей горой? Ну, спросите у кого хотите, никому это не понравится; но послѣ нѣсколькихъ испытаній я нашла, что здѣсь и тамъ есть маленькіе слѣды лавы» [1]).

Не чужда была горячая голова Екатерины и нѣкоторой восторженности, когда рѣчь шла объ искуствѣ и литературѣ: «Я кажется говорила вамъ, что видъ плафоновъ Рафаэлевыхъ ложъ, видъ Предвѣчнаго Творца, парящаго въ воздухѣ, когда онъ творитъ, устраиваетъ вселенную и тысячи другихъ подобныхъ сюжетовъ исторгаютъ у меня восклицанія, молитву, слезы, заставляютъ меня написать вамъ всѣ тѣ жалкія вещи, которыя вамъ угодно называть вспышками пожара, взрывами, долетающими отъ Петербурга до Рима» [2]). Посѣтивъ разъ нѣмецкій театръ, гдѣ играны были веселыя пьесы, Екатерина высказываетъ нелестный отзывъ о тогдашнемъ французскомъ театрѣ, за исключеніемъ только пьесъ Седэна, и говоритъ: «Я засыпáю отъ большей части французскихъ пьесъ, потому что онѣ холодны какъ ледъ и вычурны до нéльзя. Во всемъ этомъ нѣтъ ни силы, ни соли: не знаю, но мнѣ кажется, что сила вмѣстѣ съ живымъ чувствомъ прекраснаго и возвышеннаго все болѣе и болѣе покидаетъ этотъ міръ; резонёрство все замѣняетъ.... О Вольтеръ! ты еще умѣлъ разжигать тѣ искорки, которыя тлѣли подъ пепломъ! Настанетъ мелочной вѣкъ Лагарповъ и компаніи и будетъ продолжаться пока взойдетъ звѣзда Востока! Да, да, оттуда возсіяетъ намъ свѣтъ,

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 108. [2]) Стр. 116.

потому что тамъ въ самомъ пеплѣ болѣе силы чѣмъ гдѣ-либо на землѣ. О, если это не прорицаніе (du trépied), то что же можетъ назваться этимъ именемъ, и все это по поводу комедіи Седэна»! [1]).

Вообще о нѣмецкой литературѣ Екатерина отзывалась очень благосклонно и предсказывала ея успѣхи, порицая Фридриха II за пренебреженіе къ своимъ національнымъ писателямъ и къ своему языку: «Ахъ, какъ хорошо начинаютъ писать по-нѣмецки, несмотря на хулителей нѣмецкой литературы! Нѣмцы научились владѣть своимъ языкомъ какъ Вольтеръ, и, прости Господи, ужъ не онъ ли выучилъ ихъ писать? кто могъ бы думать, что этотъ жесткій языкъ способенъ къ такой пріятности?» [2]).

Законодательныя работы и серьёзное изученіе для этого законодательствъ другихъ странъ не отнимали у Екатерины вкуса и потребности въ иныхъ разнообразныхъ письменныхъ занятіяхъ, и она пишетъ въ 1777 году: «Что касается законодательной маніи, обѣщаю вамъ говорить о ней какъ можно меньше, потому что я сижу на самыхъ сухихъ матеріяхъ, и, если эти не изсушатъ моего мозга [3]), надѣюсь выпутаться изъ другихъ съ честью и проворно, а потомъ, когда мнѣ нечего будетъ дѣлать, то я для развлеченія буду писать свою исторію, потому что демонъ бумагомаранья овладѣлъ мною, я это чувствую..... Не знаю отчего, отъ свойства ли этой сухой матеріи, или отъ головы, но гигантскіе шаги стали рѣдки; теперь настала медлительная лихорадка безъ вспышекъ»..... [4])

Въ мартѣ 1778 г. государыня дѣйствительно приступила къ своей исторической біографіи: «Еслибъ вы знали, какое большое 16-ти лѣтнее испытаніе (Prüfung) мы предприняли [5]). Можно

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 118. [2]) Стр. 208.

[3]) Всего болѣе жаловалась государыня на сухость датскихъ законовъ.

[4]) *Сб. И. О.* XXIII, 58, 73.

[5]) Записка о первыхъ годахъ царствованія Екатерины ею самой составленная. Къ сожалѣнію, въ Государственномъ архивѣ сохранилась, и то въ копіи, только небольшая часть этой любопытной записки, то самое начало ея, которое было напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., стр. 480. Одновременно съ этимъ государыня готовила проектъ манифеста, который напечатанъ въ *Сб. И. О.* XXVII, стр. 161—166.

сказать, что это испытаніе, которое немногимъ войдетъ въ голову, и не всякій можетъ его сдѣлать за недостаткомъ матеріала и по разнымъ другимъ причинамъ. Наше — такъ богато содержаніемъ, что отъ одного перечня соскучишься.... Терпѣніе: вы получите шестнадцатилѣтнее испытаніе, какъ оно вышло изъ-подъ моего пера. Вы можете быть увѣрены, что мы ничего не произвели лучшаго; но такъ какъ не всякій имѣетъ наше хозяйство въ головѣ, то отъ этого произошло нѣсколько неясныхъ мѣстъ, которыя исправляютъ подъ надзоромъ Потемкина; онъ не льстивъ отъ природы, а находитъ это произведеніе образцовымъ и необыкновенно заинтересованъ въ его успѣхѣ; князь Орловъ также находитъ его превосходнымъ, графъ Шуваловъ говоритъ, что это академическая работа, иные плачутъ при чтеніи, другіе волнуются. Я нахожу, что тутъ такъ много высокихъ мыслей, предметъ самъ по себѣ такъ обширенъ, что вниманіе утомляется, и оттого не всѣ могутъ слѣдить за этимъ чтеніемъ по обилію содержанія и сжатости слога. Это увеличиваетъ трудность слѣдить за мыслію тѣмъ, кто не воспитанъ на дѣлахъ, или на научномъ изслѣдованіи. Наше испытаніе — это зеркало, въ которомъ видишь многое. Мы, не подавая вида, отдаемъ отчетъ въ дѣлахъ. Это идетъ совершенно естественно, и можно бы побожиться, что оно такъ и должно быть; кромѣ того, прочитавъ его, вы скажете, что все это знали и прежде, да вы и такъ знали, но оно не было написано» [1]).

О необыкновенномъ трудолюбіи Екатерины, ея изумительномъ прилежаніи къ дѣламъ государственнымъ, ея починѣ во всемъ, что могло служить на пользу Россіи, было приведено довольно свидѣтельствъ. Вотъ какъ сама она говоритъ о своей любви къ занятіямъ. «Вы спрашиваете меня отчего я не скучаю. Отвѣчу вамъ: оттого что страстно люблю занятія и нахожу, что человѣкъ только тогда счастливъ, когда онъ занятъ. Впрочемъ жизнь моя очень однообразна: графъ Сегюръ, который видѣлъ

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 85, 100, 101.

меня вблизи, говоритъ, что это правда; но въ это однообразіе входитъ столько дѣла, что ни минуты не остается на скуку» [1]).

Гриммъ часто жаловался на то, что множество людей приставали къ нему съ просьбами о рекомендаціяхъ, посвященіяхъ и разныхъ ходатайствахъ къ императрицѣ. Такъ онъ пишетъ въ 1785 году: «На меня падаютъ какъ дождь надоѣдалы со всѣхъ концовъ Европы. Я отстраняю ихъ, сколько могу, съ учтивостью, а иногда съ нѣкоторою суровостью; но всего тяжелѣе то, что жизнь моя проходитъ въ этой печальной и трудной борьбѣ, и скоро у меня ни на что не останется времени, какъ только на учтивые или на суровые отвѣты надоѣдаламъ. Сохрани Богъ, чтобы я докучалъ моей августѣйшей монархинѣ подробностями моихъ несчастій этого рода: я долженъ безпрестанно повторять себѣ, что нѣтъ никого на землѣ, кто бы не жаждалъ моихъ напастей за то счастье, которымъ я пользуюсь. Потому я и говорю объ этомъ вовсе не для того, чтобы исчислять ихъ въ подробности или жаловаться; я жалѣю только объ одномъ: что не могу умолчать обо всѣхъ и что слишкомъ важныя причины заставляютъ меня исключить два или три изъ нихъ и довести о нихъ до свѣдѣнія вашего императорскаго величества» [2]).

По этому поводу и государыня говоритъ о разорванности своего времени: «Вы не любите, чтобъ васъ развлекали, и я тоже. Однако я рѣдко напишу двѣ строчки, чтобъ мнѣ не помѣшали», и вскорѣ за тѣмъ она такъ изображаетъ великое бремя царствованія, которое по заботливости своего характера и сознанію долга не желала облегчать себѣ: «Три дня сряду дождемъ сыплются на меня грамоты, бюльтени, портретъ Менгса, безчисленное множество книгъ. Пришли четыре почты, задержанныя противнымъ вѣтромъ, прискакали три или четыре курьера изо всѣхъ странъ и уголковъ свѣта; все стеклось такъ, что на девяти большихъ столахъ едва умѣщается вся эта громада, и вотъ уже три

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 427.

[2]) Письма Гримма. 234, 235

дня какъ четыре человѣка по очереди читаютъ мнѣ все это съ шести часовъ утра до шести часовъ вечера»..... «Можете мучить меня сколько угодно, не стѣсняйтесь; я такъ привыкла, чтобъ меня тормошили во всѣ стороны, что давно перестала это замѣчать. Въ моемъ положеніи васъ заставляютъ читать, когда вамъ хочется писать, и говорить — когда хочется читать. Двадцать дѣлъ мѣшаютъ другимъ двадцати; не остается ни минуты на размышленіе и, несмотря на это, вы должны каждую минуту дѣйствовать, не утомляясь никогда ни тѣломъ, ни духомъ. Здоровы ли вы, или больны — все равно, дѣла́ требуютъ васъ каждую минуту. Послѣ того говорите *намъ* о томъ, что васъ то тѣмъ, то другимъ безпокоятъ» [1]). И если мы вспомнимъ при этомъ, какъ скромно великая государыня оцѣнила свою дѣятельность говоря: «Все что я могу сдѣлать для Россіи, будетъ только каплею въ морѣ», то созна́емся, что конечно гораздо бо́лѣе основанія имѣла она воскликнуть по поводу путаницы европейскихъ дѣлъ въ эпоху французской революціи: «Да просрамитъ Небо всѣхъ тѣхъ, кто берется управлять народами, не имѣя въ виду истиннаго блага государства» [2]).

Заключимъ нашу разработку писемъ Екатерины послѣднимъ достопамятнымъ письмомъ ея, въ которомъ она всего за шестнадцать дней до своей кончины, т. е. 20 октября 1796 г., такъ очерчиваетъ положеніи Европы.

«Вчера и третьяго дня получила я ваши письма черезъ Колычева и Яковлева. Мнѣ не время отвѣчать на нихъ, потому что я получила еще письма изъ Англіи и Персіи, хотя и очень удовлетворительныя во всѣхъ отношеніяхъ, но тѣмъ не менѣе требующія нѣкоторой работы. Король Прусскій вооружается. Противъ кого? противъ меня. Въ угоду кому? цареубійцамъ, друзьямъ его, на которыхъ ни минуты не можетъ положиться. Надо согласиться, что страннымъ образомъ роняютъ честь и славу этого государя, давая ему коварные совѣты. У чести и славы одна только дорога. Я отважилась ему указать

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 330, 604, 606. [2]) Стр. 682, 526.

ее; но его отклоняютъ въ сторону, чтобъ завести его въ такой лабиринтъ, откуда онъ не въ силахъ будетъ выпутаться. Его дѣлаютъ покорнымъ слугою дерзкихъ злодѣевъ, которые въ концѣ концовъ замышляютъ его погибель. Если этими вооруженіями думаютъ отклонить меня отъ выступленія моихъ войскъ подъ командой Суворова, то очень ошибутся, потому что, не взирая на все это, я останусь крѣпка со всѣхъ возможныхъ сторонъ безъ исключенія. Я проповѣдую и буду проповѣдывать всѣмъ государямъ противъ разрушителей престоловъ и общества, не взирая на всѣхъ сторонниковъ бѣдственной противоположной системы, и увидимъ, кто одержитъ верхъ: разумъ, или безуміе коварныхъ послѣдователей ненавистной системы, которая сама въ себѣ исключаетъ и попираетъ ногами религію, честь и славу. Довольно этого, чтобъ вы знали, что я получила ваши письма. Прощайте, будьте здоровы, я написала вамъ что̀ подвернулось подъ перо. Хорошо, чтобъ вы знали мой образъ мыслей и мой взглядъ на вещи» [1]).

Замѣчательно, что когда императрицы Екатерины уже не было въ живыхъ, но Гриммъ еще ничего не зналъ объ ея кончинѣ, онъ прибавилъ въ припискѣ къ послѣднему своему счету слѣдующія, какъ будто пророческія слова: «Этотъ счетъ застанетъ ваше величество въ полномъ покоѣ» [2]). И дѣйствительно, его благодѣтельница уже давно покоилась вѣчнымъ сномъ!

---

[1]) *Сб. И. О.* XXIII, 695.

[2]) Письма Гримма, стр. 416.

СБОРНИКЪ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Томъ XXXIII, № 5.

ЛЕКЦІИ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ,

ЧИТАННЫЯ ВЪ ПАРИЖѢ

ВЪ 1862 ГОДУ

С. П. ШЕВЫРЕВЫМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12.)
1884.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Мартъ 1884 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *К. Веселовскій.*

Покойный С. П. Шевыревъ, оставивъ Московскій университетъ въ 1857 году, жилъ послѣ того за границей и умеръ въ Парижѣ 8-го мая 1864. Несмотря на болѣзнь, онъ не могъ оставаться праздным, и въ 1862 году, зимою, читалъ тамъ для кружка своихъ соотечественниковъ публичныя лекціи о русской литературѣ. Недавно наслѣдники его предоставили въ распоряженіе Академіи Наукъ рукопись этихъ лекцій. Отдѣленіе русскаго языка и словесности нашло, что при малочисленности трудовъ этого рода въ нашей литературѣ, такое общедоступное и оживленное изложеніе судебъ ея, хотя и прерывающееся на Карамзинѣ, не можетъ быть лишнимъ, и опредѣлило напечатать эти лекціи. Издавая ихъ нынѣ въ свѣтъ, Отдѣленіе считаетъ пріятнымъ долгомъ выразить свою благодарность Екатеринѣ Степановнѣ Арсеньевой за сообщеніе послѣдняго труда одного изъ членовъ его, заслугамъ котораго оно отдаетъ полную справедливость. Оцѣнка дѣятельности Шевырева была сдѣлана въ отчетѣ Отдѣленія за 1864 годъ [1]). Вскорѣ послѣ его кончины,

---

[1]) См. Отчеты Отдѣленія русскаго языка и словесности, т. II, также изданіе: Торжественное собраніе Императорской Академіи Наукъ 29-го декабря 1864 года.

П. А. Плетневъ, въ то время также находившійся въ Парижѣ и также смертельно больной, сообщая князю Вяземскому извѣстіе объ этой утратѣ, такъ выражался: „Я только здѣсь началъ съ нимъ сближаться. Онъ удивлялъ меня основательнымъ знаніемъ древнихъ и столькихъ новыхъ языковъ, начитанностію своею и разнообразіемъ предметовъ, о которыхъ судилъ съ знаніемъ дѣла. Даже Французы, которые у меня съ нимъ разговаривали, послѣ отзывались о немъ съ уваженіемъ". На это князь Вяземскій отвѣчалъ: „Я очень любилъ и уважалъ Шевырева, и высоко цѣнилъ его способности и дарованія. Едва ли онъ не одинъ былъ между нами настоящій homme de lettres, по разнообразнымъ своимъ свѣдѣніямъ, по прилежности и постоянству его въ литературныхъ трудахъ и вообще по всей жизни, которую онъ исключительно посвятилъ литературѣ".

Я. Гротъ.

Январь 1884.

СОДЕРЖАНІЕ ЛЕКЦІЙ О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ.

СТР.

ЛЕКЦІЯ 1-я. — Вступленіе: Русскій языкъ — выраженіе духа и характера Русскаго народа. Три періода развитія русскаго слова..... 1

ЛЕКЦІЯ 2-я. — Религіозный періодъ русской словесности. Перенесеніе изъ Болгаріи Священнаго Писанія, богослужебныхъ книгъ и твореній отцовъ церкви. — Исповѣданіе вѣры Владиміра. — Иларіонъ. — Кириллъ Туровскій. — Серапіонъ. — Кириллъ Бѣлозерскій. — Кипріанъ. — Григорій (Цамблакъ). — Ересп. — Іос. Волоцкій. — Нилъ Сорскій. — Митр. Даніилъ. — Митр. Макарій. — Максимъ Грекъ. — Борьба въ русской церкви. — Кіевскія школы. — Димитрій Ростовскій. — Поэтическія религіозныя произведенія народа..... 19

ЛЕКЦІЯ 3-я. — Развитіе элемента личнаго человѣческаго. — Святославъ. — Св. Владиміръ. — Ярославъ: Русская Правда. — Владиміръ Мономахъ: Поученіе. — Іоаннъ Грозный: Переписка съ Курбскимъ. — Посланіе въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. — Духовное завѣщаніе. — Царь Алексѣй Михайловичъ: Урядникъ или Новое уложеніе и устроеніе сокольничья пути. — Книга Мѣрило Праведное. — Патр. Гермогенъ и его воззванія. — Лѣтопись Нестора и другія. — Житія святыхъ. 45

ЛЕКЦІЯ 4-я. — Развитіе элемента народнаго. — Слово о полку Игоревѣ, какъ гражданскій подвигъ и поэтическое созданіе. — Пословицы — выраженіе разума. — Поговорки. — Сказка — выраженіе фантазіи. — Пѣсня — выраженіе чувства. — Пѣсни общественныя, семейныя и личныя 71

стр.

ЛЕКЦІЯ 5-я. — Петръ Великій — первый представитель періода развитія личности. — Петръ въ дѣлѣ религіи, народности, языка и словесности. — Языкъ Петра, устный и письменный. — Черты личности Петра въ развитіи русскаго ума и слова..... 111

ЛЕКЦІЯ 6-я. — Новый періодъ русской словесности. — Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ переходъ отъ духовной литературы къ свѣтской. — Иванъ Посошковъ: «О скудости и богатствѣ». — Тредьяковскій. — Кантемиръ. — Общая характеристика писателей новаго періода. — Три отдѣла этого періода: лжеклассическій, романтическій и художественно-національный..... 125

ЛЕКЦІЯ 7-я. — Ломоносовъ. Свѣдѣнія о жизни его. — Ломоносовъ и наука. — Взглядъ Ломоносова на отношеніе науки къ вѣрѣ, государству и народной жизни и на отношеніе наукъ между собою. — Ломоносовъ какъ словесникъ и поэтъ..... 145

ЛЕКЦІЯ 8-я. — Сумароковъ — подражатель иностраннымъ писателямъ, основатель русскаго театра и первый русскій публицистъ. — Трагедіи Сумарокова, оды, сатиры, комедіи, притчи и басни. — Петровъ. Переводы его съ иностранныхъ языковъ, оды и посланія.—Державинъ. Его жизнь. Главныя черты Екатерининa вѣка изъ его произведеній. Державинъ-поэтъ..... 173

ЛЕКЦІЯ 9-я. — Лирическіе поэты, развивающіе данное Державинымъ направленіе въ разныхъ видахъ: Костровъ, Капнистъ: «Ябеда», Нелединскій-Мелецкій, Херасковъ, Николевъ, князь Долгорукій, Богдановичъ: «Душенька», Фонвизинъ: «Бригадиръ» и «Недоросль», Аблесимовъ, Княжнинъ..... 225

ЛЕКЦІЯ 10-я. — Дмитріевъ. — Карамзинъ. Свѣдѣнія о жизни. Новиковъ, какъ пособникъ въ образованіи Карамзина. — Пребываніе Карамзина за границей. — Литературная дѣятельность. — Покровительство Муравьева.— Исторія Государства Россійскаго 255

ЛЕКЦІЯ 1.

Позвольте мнѣ отнести привѣтъ, которымъ вы меня встрѣчаете, не ко мнѣ лично, а къ той мысли, которая меня привела сюда. Эта мысль близка намъ всѣмъ — мысль о нашемъ родномъ русскомъ словѣ. Тамъ, на пространствѣ шестой части обитаемой планеты, отъ рѣки Буга до Амура и Камчатки, отъ льдовъ полярныхъ до подошвъ Кавказа и Арарата, звучитъ наше слово, благозвучное и могучее; оно имѣетъ уже и тысячелѣтнюю свою исторію, если начать ее съ изобрѣтенія славянской грамоты въ 862 году. Я намѣренъ передать вамъ вкратцѣ его исторію, связавъ всѣ ея событія въ одно живое цѣлое. Предпринимаю это въ Парижѣ — городѣ, который издавна славился своимъ общежитіемъ и хранитъ воспоминанія, дорогія для насъ, въ исторіи нашего умственнаго и литературнаго развитія. Здѣсь, еще въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка, изучалъ древнюю филологію славяно-русскій писатель Максимъ Грекъ, который учился у знаменитаго Ласкариса. Въ своихъ сочиненіяхъ онъ славитъ общежитіе Французовъ и благодаритъ ихъ за то, что они превратили Парижъ въ центръ европейскаго просвѣщенія и дали въ немъ средства всякому молодому ученому изучать науки. Здѣсь Петръ Великій былъ принятъ членомъ въ академію наукъ,

*

и отсюда хотѣлъ проложить для знанія пути въ наше отечество, желая, чтобы науки, вращаясь по всей Европѣ, чрезъ Россію возвратились въ ихъ первоначальную колыбель — Грецію. Здѣсь князь Кантемиръ, будучи посланникомъ Россіи, бесѣдовалъ съ Монтескьё и другими великими умами тогдашней Франціи, переводилъ Фонтенеля и сочинялъ сатиры, съ которыхъ начинается наша новая литература. Здѣсь Фонвизинъ предчувствовалъ начало французской революціи. Здѣсь Карамзинъ знакомился съ Бартельми и Мармонтелемъ и выражался такъ объ общежитіи Французовъ: «Кажется, Французъ выдумалъ общежитіе, или оно было выдумано для него». Отсюда А. И. Тургеневъ, постоянный собесѣдникъ Шатобріана и Рекамье, передавалъ Пушкину въ его Современникъ умственное и литературное движеніе въ Парижѣ и Франціи. Здѣсь соплеменникъ нашъ Мицкевичъ открылъ первую каѳедру сравнительной исторіи славянскихъ литературъ, и говоря съ сочувствіемъ о нашей, призывалъ всѣхъ Славянъ къ миролюбивому единенію.

Могу ли умолчать о современномъ? Здѣсь наши духовные развиваютъ высокія идеи духовнаго міра, добытыя нашею церковью, и вступаютъ въ скромную полемику съ представителями римско-католической и протестантской церквей. Здѣсь наши ученые стоятъ на стражѣ новыхъ изобрѣтеній и открытій, и передаютъ ихъ въ отечество. Наши писатели, начиная съ Гоголя, находили въ шумномъ Парижѣ пустынное убѣжище и предавались въ немъ своимъ поэтическимъ вдохновеніямъ.

Чутка земля подъ Парижемъ! Французы сумѣли провести отсюда гремящіе токи во всѣ концы образованнаго и необразованнаго міра. Они подняли на такую высоту центръ общественной жизни, что отсюда виднѣе всякая мысль, слышнѣе всякое слово. Если и не водворена здѣсь еще желанная терпимость убѣжденій, то по крайней мѣрѣ на все обращено просвѣщенное вниманіе. Къ этому-то вниманію, въ лицѣ вашемъ, обращаюсь я. Позвольте мнѣ на него надѣяться. Оно ободритъ меня въ трудѣ и подкрѣпитъ мои силы. Въ этой надеждѣ я начинаю.

Идеи управляютъ міромъ: это выраженіе вошло въ пословицу. Но изъ всѣхъ идей современныхъ, самая живая — идея народности. Ей Италія обязана своимъ возрожденіемъ. Италіянскій философъ Вико говоритъ, что каждый народъ призванъ вложить свою частицу въ человѣческую мудрость, которая слагается изъ здравыхъ смысловъ каждой народной личности. Слѣдовательно, по Вико мудрость человѣческая до тѣхъ поръ не будетъ полна, пока всѣ народы не внесутъ въ нее своихъ вкладовъ.

Были народы, которые уже вложили дары свои въ общую сокровищницу и сошли съ лица земли. Есть другіе, которые продолжаютъ свои приношенія и стоятъ во главѣ европейскаго образованія. Есть наконецъ третьи, которые, хотя отчасти и сказали уже свое слово, но оно не было еще услышано другими, и дѣйствія ихъ принадлежатъ болѣе будущему, нежели прошедшему. Къ третьей категоріи принадлежимъ и мы.

Что̀ есть народное? Оно принадлежитъ къ разряду тѣхъ идей, которыя болѣе чувствуются сердцемъ, нежели опредѣляются мыслію: таковы идеи прекраснаго и поэзіи. Перенеситесь воображеніемъ на родину: предъ вами разстилается широкая степь, покрытая снѣгомъ; промчится по ней ухорская тройка, зазвенитъ подъ дугой колокольчикъ, разольется по степи унылая пѣсня и защемитъ ваше сердце чувствомъ родины,—и вы ощущаете въ немъ силу народную....

Но ни въ чемъ такъ не сказывается эта сила, какъ въ языкѣ. Языкъ есть невидимый образъ всего народа, его физіономія. У насъ довольно изучали грамматику языка и словарь его; но почти нисколько не обратили вниманія на то, какъ въ русскомъ языкѣ выражаются духъ и характеръ русскаго народа. Вотъ задача, которую я предлагаю передъ началомъ моихъ бесѣдъ. Не берусь рѣшить ее вполнѣ, но постараюсь предложить нѣсколько новыхъ намековъ на ея рѣшеніе.

Русскій языкъ, вмѣстѣ съ языками ему соплеменными, принадлежитъ къ числу языковъ первобытныхъ, каковы санскрит-

скій, зендскій, греческій, латинскій, кельтскій, готскій, нѣмецкій и леттскій. Онъ имѣетъ одни и тѣ же корни, какіе и санскритскій, что̀ было доказано здѣшнимъ же ученымъ Эйхгофомъ въ его книгѣ: «*Parallèle des langues de l'Europe et de l'Inde*». У насъ свои ученые: Петровъ, Коссовичъ, Гильфердингъ разработали этотъ предметъ и разъяснили дѣло. Относительно языковъ соплеменныхъ, русскій, какъ доказано, занимаетъ средину между двумя отраслями славянскихъ нарѣчій, показанными у Добровскаго. Наши предки жили нѣкогда на берегахъ Дуная и были оттуда двинуты Галлами на сѣверъ. Между тѣмъ какъ другіе народы двигались отъ сѣвера къ югу, ища лучшаго климата, наши предки напротивъ шли къ сѣверу, не боясь борьбы съ природою. Только въ русскомъ и польскомъ языкахъ сохранились коренные признаки древняго славянскаго произношенія. Прочія же племена, покорившись другимъ народамъ, утратили эти признаки по вліянію чужихъ языковъ.

Въ звуковомъ отношеніи русскій языкъ отличается между всѣми европейскими разнообразнымъ богатствомъ звуковъ. Наши гласные звуки дѣлятся на два разряда: на гласные твердые, произносимые всею широтою устъ, какъ напримѣръ звукъ *ла*, и на гласные мягкіе, какъ звукъ *ля*, сходный съ испанскимъ *lla*. Согласные, разсѣянные по другимъ языкамъ, у насъ сходятся вмѣстѣ. Нѣмецъ не различитъ *ж* отъ *ш*, *д* отъ *т*, *б* отъ *п*, *в* отъ *ф*, *с* отъ *з*. У Француза нѣтъ ни *ч*, ни *х*. У Италіянца нѣтъ чистаго *ж*. Въ этомъ звуковомъ богатствѣ заключается тайна нашей способности говорить на всѣхъ почти языкахъ, за что насъ славятъ другіе народы и въ чемъ намъ сочувствуютъ. Этому дарованію въ будущемъ предлежитъ еще большее развитіе. Но если такъ, то правы ли мы передъ своими дѣтьми, когда слишкомъ рано, вмѣсто природнаго языка, влагаемъ имъ языкъ чуждый, лишенный нашей народной способности? Замѣчу, что, конечно, не даромъ Провидѣніе поставило на рубежѣ Европы народъ, одаренный такимъ многоязычіемъ. Намъ суждено усвоить и соединить всѣ результаты европейскаго образованія, для чего

языки служатъ лучшимъ орудіемъ. Рѣчь, которою мы говоримъ и пишемъ, сложилась изъ двухъ стихій: языка славяно-церковнаго и устнаго народнаго, которые издревле между собою различались. Теперь они такъ слиты въ нашемъ языкѣ, что раздѣлить ихъ невозможно. Славяно-церковный языкъ имѣлъ у насъ свою исторію, но теперь формы его уже навсегда отвердѣли и грамматика не терпитъ уже никакихъ измѣненій. Послѣдній образецъ его является намъ въ языкѣ твореній Дмитрія Ростовскаго. Языкъ же народный, устный, не подчиненъ никакимъ оковамъ грамматики: всякое правило подвергается въ немъ множеству исключеній. Не выражается ли и въ этомъ рѣзкая черта народнаго характера?

Языкъ нашъ не имѣетъ члена, и тѣмъ показываетъ, что онъ болѣе созданъ для рѣчи живой, нежели письменной, и въ этомъ сходенъ съ языкомъ латинскимъ. Служебные слоги, изъ которыхъ образуются наши слова, очень длинны. Это составляетъ одну изъ трудностей въ управленіи нашимъ языкомъ. Наша рѣчь широкая, размашистая, какъ и народный характеръ. Два противоположныя свойства соединяются въ русскомъ человѣкѣ: необыкновенная сила и необыкновенная мягкость. Силу мы видѣли и въ звукахъ языка. Она же отражается и въ именахъ увеличительныхъ и уменьшительныхъ. Эта сила, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, переходитъ въ насиліе и въ грубость, мягкость же дѣлаетъ человѣка русскаго кроткимъ и христіанскисмиреннымъ, но иногда, при тѣхъ же обстоятельствахъ, перерождается въ униженіе. Имена увеличительныя обнаруживаютъ большую силу, переходящую въ грубость. Необыкновенно прелестны наши уменьшительныя ласкательныя, они особенно милы въ нашемъ семейномъ быту *). На какой языкъ можно перевести слова: *душенька, душка?* Италіянцы употребляютъ слово

*) Русскій простой народъ страсть уменьшать слова простираетъ и на другія части рѣчи. Онъ говоритъ: нынечко, теперичка, оченько, спатеньки и проч.

animetta, но не въ томъ же самомъ смыслѣ, какъ наше. За то наши унизительныя имена не дѣлаютъ чести ни языку, ни народу. Польки, Мишки, Ѳедьки, Прошки слишкомъ долго унижали у насъ человѣческое достоинство, искажая то имя, которое давала Русскому при рожденіи православная церковь.

Глаголъ въ русскомъ языкѣ представляетъ систему, совершенно отличную отъ глагола въ другихъ языкахъ, и трудности, неодолимыя для иностранцевъ. Особенно сильно развито въ немъ повелительное наклоненіе: русскій языкъ употребляетъ наклоненіе неопредѣленное: *молчать! быть по сему!* Есть еще особенный способъ отдавать приказаніе посредствомъ прошедшаго совершеннаго: русскій человѣкъ говоритъ: *пошелъ!* Его воля такъ сильно выражается, что онъ желалъ бы, чтобы приказаніе его перешло въ прошедшее въ тотъ самый мигъ, какъ онъ отдаетъ его.

Замѣтно, напротивъ, въ нашемъ языкѣ отсутствіе наклоненія сослагательнаго, которое составляется у насъ искусственно, посредствомъ условной частицы *бы*, но не имѣетъ особенныхъ формъ, такъ сильно и богато развитыхъ въ языкѣ латинскомъ. Въ разнообразныхъ оттѣнкахъ сослагательныхъ формъ этого послѣдняго, вы видите народъ, который изобрѣлъ римское право и въ немъ особенно развилъ систему *договоровъ* со всѣми ея утонченностями.

Русскій народъ, напротивъ, договоровъ не любитъ, и особенно боится писанныхъ, зная чутьемъ, какому злоупотребленію они могутъ быть подвергнуты. Хотя онъ и говоритъ въ пословицѣ: «уговоръ лучше денегъ», но подъ уговоромъ разумѣетъ живое слово, основанное на взаимной вѣрѣ другъ въ друга, а не мертвое писанное, подъ которое можно поддѣлаться. Не въ этомъ ли заключается одна изъ причинъ, почему такъ затруднительны у насъ теперь уставныя грамоты, или письменные договоры между помѣщиками и крестьянами?

Есть еще нѣжный оттѣнокъ въ употребленіи женскаго рода въ прошедшихъ временахъ глагола. Во французскомъ языкѣ

нельзя замѣтить, пишетъ ли записку женщина или мужчина. Укоряли нашъ народъ въ томъ, что онъ будто бы грубо обращался съ женскимъ поломъ; но языкъ однако того не показываетъ и, напротивъ, болѣе къ нему внимателенъ, чѣмъ другіе языки. Эти прошедшія женскаго рода придаютъ много женственной прелести стихамъ нашихъ писательницъ, и особенно графини Ростопчиной.

Нашъ глаголъ имѣетъ виды; они трудны не только для иностранцевъ, но и для Русскихъ и даже для самихъ грамматиковъ, которые до сихъ поръ не совершенно опредѣлили ихъ значеніе. Виды выражаютъ возможность или сократить дѣйствіе въ одну секунду времени, или растянуть его на самое большое пространство, или наконецъ выразить его несовершенно и совершенно. Чтобы выразить наше: *я кольнулъ*, Французъ долженъ сказать: *j'ai piqué une fois*; чтобы сказать: *я калывалъ — j'ai piqué plusieurs fois*; выразить несовершенно: *я кололъ — je piquais*, совершенно: *я укололъ — je piquai*.

Не выражается ли въ этой возможности сокращать и растягивать дѣйствіе времени то свойство русскаго народа, по которому онъ сокращаетъ иногда вѣка въ десятки лѣтъ, годы въ мѣсяцы, мѣсяцы и дни въ мгновенія; лѣнится и растягиваетъ время свое не дорожа имъ, а потомъ пробуждается вдругъ и дѣйствуетъ; сидитъ сиднемъ 30 лѣтъ какъ Илья Муромецъ, и внезапно встаетъ богатыремъ, готовымъ на всякое славное дѣло?

Виды глагола даютъ основную норму для его правильнаго спряженія. Чтобы проспрягать русскій глаголъ правильно по всѣмъ временамъ, надобно прежде опредѣлить всѣ его виды въ неопредѣленномъ наклоненіи. Тогда спряженіе будетъ вполнѣ разгадано и совершится правильно. Такого рода упражненія могли бы быть особенно полезны для молодыхъ Русскихъ, занимающихся своимъ языкомъ за границею. Я готовъ бы былъ передать мысли мои о томъ гг. преподавателямъ, но, конечно, не

здѣсь, гдѣ я и безъ того боюсь наскучить грамматическими подробностями *).

Есть еще свойство въ русскомъ глаголѣ, дающее самые разнообразные оттѣнки дѣйствію: это — сочетаніе съ глаголами предлоговъ. Возьмемъ прежній примѣръ и пріурочимъ къ глаголу *кололь* разные предлоги; получимъ: *укололь*, *закололь*, *откололь*, *прикололь*, *покололь*, *надкололь*, *накололь*, *раскололь*, *искололь*, *скололь*, *перкололь*, *докололь* и проч. Какое безконечное разнообразіе оттѣнковъ получило одно и то же дѣйствіе! Это свойство въ русскомъ языкѣ одинаково съ свойствомъ языковъ греческаго и латинскаго, но его нѣтъ уже въ языкахъ производныхъ; есть оно также и въ языкѣ нѣмецкомъ, но Нѣмцы откидываютъ предлоги отъ глаголовъ, ставя въ концѣ періода dar, ab, или zu. Упражненія въ этомъ сочетаніи предлоговъ съ глаголами также весьма полезны для изученія духа русскаго языка **).

Нарѣчія въ русскомъ языкѣ, по своему образованію, представляютъ слѣды глубокой древности, свидѣтельствующіе о его

---

*) Какъ въ латинскомъ языкѣ для правильнаго спряженія глагола нужно знать формы его настоящаго, прошедшаго, совершеннаго, супинумъ и неопредѣленное наклоненіе, такъ въ русскомъ необходимо знать всѣ виды неопредѣленнаго наклоненія. Пока не явится полный словарь русскихъ глаголовъ, съ обозначеніемъ всякаго глагола во всѣхъ его видахъ и съ прибавленіемъ къ нему предлоговъ, измѣняющихъ также оттѣнки временъ, до тѣхъ поръ мы не будемъ имѣть матеріаловъ для полной системы русскаго спряженія.

**) Въ живой рѣчи времена глаголовъ употребляются нерѣдко безразлично: настоящее вмѣсто прошедшаго и будущаго, прошедшее вмѣсто будущаго и настоящаго, и будущее вмѣсто настоящаго и прошедшаго. Это заставило покойнаго К. С. Аксакова принять за общее правило, что русскій языкъ не допускаетъ въ глаголѣ временъ кромѣ настоящаго. Въ самомъ дѣлѣ, прошедшее и будущее у насъ составляются сложнымъ словомъ посредствомъ подразумѣваемыхъ вспомогательныхъ: *есмь*, *еси*, *есть* и проч. — для прошедшаго, *буду* и проч.—для будущаго. Одно лишь настоящее имѣетъ свою собственную форму. Это — свойство языка живаго, не отвлеченнаго, языка конкретнаго, а не абстрактнаго, языка жизни дѣйствительной, потому что въ дѣйствительности существуетъ только настоящее, а прошедшаго и будущаго нѣтъ; мы признаемъ ихъ только въ отвлеченномъ. Совершенно противоположное тому представляетъ, напр., еврейскій языкъ, имѣющій прошедшее и будущее и лишенный настоящаго, можетъ быть потому, что какъ только мы произнесли его, оно ускользнуло и уже сдѣлалось прошедшимъ.

первобытности, и указываютъ на формы древнихъ падежей и на обороты синтаксиса не менѣе древніе. Междометія также сильно развиты въ русскомъ языкѣ, чѣмъ онъ отчасти сходствуетъ съ языкомъ греческимъ. Это показываетъ, что живое чувство входитъ сильно въ нашу рѣчь. Такое свойство еще ярче замѣтно въ употребленіи глаголовъ въ видѣ междометій, чѣмъ особенно отличается рѣчь простаго народа и басня Крылова, наприм.: *хвать*, *щелкъ*, *прыгъ*, *скокъ*, *хлопъ*, *цапъ*, *цапъ-царапъ*, *глядь*, *черкъ*, *шасть*, *виль-виль* и проч. Жуковскій въ своихъ басняхъ, подражая Крылову, любилъ до излишества подобныя выраженія.

Перейдемъ къ синтаксису. Онъ въ живой русской рѣчи отличается необыкновенною силою и краткостью. Эти свойства особенно видны въ отсутствіи существительнаго глагола, соединяющаго въ другихъ языкахъ подлежащее со сказуемымъ. Русская рѣчь не любитъ періода особенно длиннаго, и подразумѣваетъ союзы, соединяющіе предложенія. Періодъ былъ наложенъ на нашъ языкъ славяно-церковнымъ, а имъ принятъ отъ языка греческаго. Этотъ художественный языкъ, черезъ славянскій, имѣлъ значительное вліяніе и на нашъ. Ему мы обязаны сложными прилагательными, которыми въ нашемъ языкѣ такъ изящно переводятся пластическіе эпитеты Гомера; ему же мы обязаны сильнымъ развитіемъ причастій, которыхъ русскій народный языкъ не любитъ.

Ломоносовъ облекъ нашъ языкъ въ величавую римскую тогу, выкроивъ синтаксисъ по латинскому періоду, и эта тога къ нему пристала, но не удержалась на немъ. Карамзинъ, подражая тѣмъ народамъ, которые согласуютъ рѣчь разговорную съ письменною и пишутъ какъ говорятъ, а говорятъ какъ пишутъ, упростилъ нашу рѣчь и создалъ языкъ литературный. Онъ очинилъ перо для всѣхъ русскихъ писателей, перо, которое теперь еще въ ходу. Но все будущее русскаго языка заключается въ большемъ сближеніи его съ народною устною молвою. Къ ней стремятся и ее изучаютъ всѣ лучшіе наши писатели. Мы

тѣмъ отличаемся отъ другихъ народовъ, что у насъ простой народъ говоритъ не какимъ-нибудь грубымъ патуа, а лучшею избранною рѣчью. Еще Пушкинъ замѣтилъ, что русскому литератору надобно прислушиваться къ говору московскихъ просвиренъ и искать выраженій русскихъ на народныхъ съѣздахъ. Много матеріаловъ готовится теперь для этого у насъ. Укажу на Сборникъ, русскихъ пословицъ, недавно изданный Далемъ, на его же Словарь, издаваемый Обществомъ любителей россійской словесности, и на Народныя русскія пѣсни, изданныя Рыбниковымъ и собранныя въ одной только Олонецкой губерніи.

Перейдемъ къ словарю. Въ словахъ можно изучать первоначальную философію народа и исторію его сношеній съ другими народами. Философія народа открывается намъ въ производствѣ словъ отъ корней, чѣмъ объясняется ихъ первоначальное значеніе. Возьмемъ слово *мать:* оно имѣетъ корень въ санскритскомъ глаголѣ *ма*, что̀ значитъ: *имаю, емлю, обнимаю.* Какое высокое понятіе о значеніи матери открывается въ этомъ словѣ! — Возьмемъ слово *истина*: оно происходитъ отъ слова *есть.* Русскій человѣкъ признаетъ за истину то, что̀ дѣйствительно *есть.* — Вотъ еще слово *міръ*: оно означаетъ собраніе всѣхъ вещей видимыхъ, а вмѣстѣ согласіе и стройность, выражаемыя словомъ *миръ*, которое хотя пишется иначе, но есть одно и то же слово. Это понятіе о гармоніи міра физическаго русскій человѣкъ переноситъ и на міръ нравственный, разумѣя подъ нимъ собраніе людей, связанныхъ единодушіемъ воли. Слова *красный*, *прекрасный*, *красота* обозначили понятіе о красотѣ тѣмъ лучшимъ цвѣтомъ, который природа даетъ зарѣ, розѣ и цвѣту лица въ нашей юности; онъ есть и любимый цвѣтъ нашего народа *).

*) Есть еще замѣчательное производство словъ, имѣющихъ одинъ корень: *смерть*, *смрадъ*, *мразъ*, *мерзокъ*, *мракъ*. Достойно вниманія, что непріятныя ощущенія нашихъ чувствъ выражаются словами одного происхожденія съ самымъ непріятнымъ словомъ, выражающимъ понятіе о смерти. Но чувство слуха не имѣетъ на своей сторонѣ никакого слова къ выраженію непріятныхъ его ощущеній, потому что смерть для слуха есть безмолвіе, то-есть отсутствіе всякаго ощущенія.

Многіе народы, бывшіе съ нами въ сношеніяхъ, оставили слова свои въ русскомъ словарѣ. Отъ Финновъ, древнихъ насельниковъ той земли, куда пришло наше племя съ Дуная, осталось много названій урочищъ, каковы: *Москва, Ока, Шексна, Вокша, Мста, Ильмень* и другія. Отъ Варяговъ остались у насъ: *варягъ*, означающій ходока по Русской землѣ; *ябеда*, нами слишкомъ употребляемая во зло, *костеръ*, указывающій на языческій обычай нашихъ предковъ сожигать мертвыхъ, *кнутъ*, имѣющія въ др. скандинавскомъ языкѣ корень, и многія другія. По Руси проходили полчища разныхъ варварскихъ народовъ, напиравшихъ изъ Азіи на Европу. Мы назначены были отъ Провидѣнія служить оградою для европейскаго образованія. Оно могло развиться спокойно въ то время, какъ мы приносили ему собою великую жертву.

Счастливѣе насъ были въ этомъ отношеніи западные народы крайней Европы. Тамъ нападали на нее Арабы, народъ просвѣщенный, изобрѣтатель алгебры, переводчикъ Аристотеля и греческихъ поэтовъ, давшій, по мнѣнію нѣкоторыхъ, рифму и многія прелестныя формы европейской поэзіи. У насъ же кто были? Обры или Авары, отъ которыхъ въ лѣтописяхъ осталась одна только устная притча: «погибоша аки обри». Они запрягали дулѣбскихъ женъ въ свои телѣги. Около Кіева прокочевали, на Подолѣ Днѣпра, Угры или Мадьяры, отъ которыхъ, какъ думаетъ Шафарикъ, осталось у насъ въ языкѣ слово телѣга (taliga). За ними слѣдовали Печенѣги, пившіе кумысъ изъ черепа Святославова, Половцы и наконецъ Татары. Иго послѣднихъ въ теченіе двухъ съ половиною вѣковъ протяготило нашу землю.

Эти народы, проходя по Руси, оставляли за собою только груды костей человѣческихъ, да пепелища городовъ и селъ.

Наши враги распространяютъ ложное мнѣніе, будто бы Россія была монголизирована. Народъ нашъ, напротивъ, питалъ всегда отвращеніе къ Татарамъ. Свидѣтельствуетъ это пословица:

«незваный гость хуже Татарина». Мать, провожая сына на горькое житье, поетъ ему причеты:

«Ты Татарина назовешь роднымъ батюшкой,
«А Татарку родной матушкой».

Еще Карамзинъ замѣтилъ, что въ русскомъ языкѣ осталось не болѣе пятидесяти татарскихъ словъ. Изслѣдованія подтверждаютъ это: *казна*, *караулъ*, *аршинъ*, *ералашъ*, *кабакъ* — татарскія слова *). Ихъ не измѣнялъ народъ и не осмысливалъ по-своему, какъ онъ это дѣлаетъ съ другими словами иностранными. Такъ напримѣръ, слово *дилижансъ*, которое ему очень понравилось, онъ превратилъ въ *лежанку*, или *лежанецъ*, изъ *омнибуса* сдѣлалъ *обнимусь*. Съ свойственною ему ироніею, *реставрацію* превратилъ въ *растеряцію*, а изъ *мародера* сдѣлалъ *міродера*. Но ничто ему такъ не полюбилось изъ всѣхъ изобрѣтеній европейской цивилизаціи, какъ желѣзная дорога, которой онъ далъ имя свое и прекрасное: *чугунка*.

Нѣкоторыя слова въ древней Руси указываютъ на торговыя наши сношенія съ европейскими народами. Такъ, слово *шелковый* въ XIV вѣкѣ замѣняется словомъ *шидяный* — отъ нѣмецкаго слова *seide*, потому что тогда мы покупали шелкъ у Нѣмцевъ, а когда стали покупать его у Англичанъ, то заимствовали у нихъ слово silk (шелкъ).

Когда Россія отворила настежъ ворота европейскому образованію, тогда вмѣстѣ съ нимъ вторглись къ намъ безчисленныя слова иностранныя. Ломоносовъ называлъ это наводненіемъ и, какъ блюститель чистоты роднаго слова, поставилъ противъ него плотину въ языкѣ славяно-церковномъ. Но, несмотря на то,

*) Замѣчательно также, что названія лошадиныхъ мастей у насъ татарскія: *карій*, *чалый*, *буланый*. Видно, что Татары, какъ лихіе наѣздники и первые конокрады въ Россіи, имѣли вліяніе на торговлю у насъ лошадьми. Самое слово *лошадь*, какъ доказывалъ еще Сумароковъ, есть татарское, хотя и встрѣчается еще до Татаръ въ лѣтописи начала XII вѣка.

слова вторгались, и многія изъ нихъ остались. Словарь нашъ свидѣтельствуетъ о нашемъ гостепріимствѣ къ европейскому образованію. Возьмите одну букву *А*: въ ней весьма много иностранныхъ словъ и очень мало русскихъ. У Голландцевъ мы переняли всѣ термины мореплаванія, у Италіянцевъ — термины искусства, у Французовъ — слова, касающіяся домашняго и свѣтскаго общежитія; но то не хорошо, что мы даже въ семейный бытъ внесли изъ этого языка названія отца и матери (папà, мамà), передѣлавъ ихъ однако по-своему въ уменьшительныя, *папенька*, *маменька*.

Нѣмцы были для насъ менѣе полезны другихъ народовъ. Они дали намъ свою табель о рангахъ, со всѣми ихъ коллегіенъ-титулеръ-гофъ-штатсъ-ратами, которые при Екатеринѣ II переведены на русскій языкъ, чтобы еще болѣе привить ихъ къ чинолюбію русскихъ людей, и названы совѣтниками.

Характеризуя русскій языкъ чертами народнаго характера, въ заключеніе моей характеристики скажу, что, къ чести нашей, мы не создали искусства говорить на немъ много, не сказавъ ни одной мысли, и не выдумали искусства скрывать въ немъ мысль свою, извративъ его первоначальное назначеніе выражать ее открыто. Наше слово было, по большей части, искреннимъ и честнымъ.

Наше слово имѣетъ, какъ я сказалъ, свою тысячелѣтнюю исторію, если считать ее съ изобрѣтенія славянской грамоты и начала перевода Священнаго писанія, которые совершились, по изслѣдованіямъ ученыхъ, въ 862 году. Но слѣдуетъ вопросъ: имѣетъ ли эта исторія право на названіе науки? Выражаетъ ли она въ своихъ событіяхъ общій законъ развитія человѣчества, или есть только случайное сцѣпленіе литературныхъ фактовъ безъ всякаго участія мысли, которая развилась бы въ нихъ органически? Я отвѣчаю на этотъ вопросъ утвердительно: исторія русской словесности имѣетъ полное право быть наукою.

Три періода совершаетъ человѣчество вообще, и каждый народъ въ особенности, по тремъ элементамъ, которые участву-

ютъ въ его развитіи: Божественный, лично-человѣческій и народный. Эти три элемента, обозначающіе три періода, соотвѣтствуютъ троичному проявленію самого Божества. Если человѣкъ былъ созданъ по образу и по подобію Божію, то и исторія человѣчества должна носить на себѣ отраженіе троичности Божественной. Какъ ни помраченъ былъ образъ Божества въ человѣкѣ, но все-таки мы его въ немъ находимъ: такъ точно и въ исторіи человѣчества образъ Божественный сіяетъ своимъ троякимъ лучемъ, несмотря на густыя облака событій, его затмѣвающія. Отклоняю объясненіе по этому предмету, потому что оно завлекло бы насъ слишкомъ далеко.

Каждый народъ начинаетъ свое развитіе опредѣленіемъ своихъ отношеній къ Божеству. Италіянскій философъ Викò въ своей книгѣ: *Новая наука* говоритъ, что исторія не представила ни одного народа безбожника. Въ самомъ дѣлѣ, безуміе безбожія можетъ встрѣтиться въ одномъ человѣкѣ, но въ цѣлыхъ народахъ мы никогда его не видали. Чѣмъ народъ крѣпче и благонадежнѣе, тѣмъ глубже онъ задумывается о Божествѣ и тѣмъ долѣе живетъ въ религіозномъ періодѣ.

Но какъ всякое человѣческое развитіе имѣетъ свою немощь, то и религіозный періодъ имѣетъ свои недостатки, когда переходитъ въ излишество обряда, или въ господство ѳеократіи. Противъ этого является противодѣйствіемъ лично-человѣческое начало. Человѣческая личность тогда только имѣетъ значеніе, когда служитъ сосудомъ идей истины, добра и красоты. Безъ нихъ же она перерождается въ эгоизмъ.

Противъ этой слабой стороны нашей личности воздѣйствуетъ начало народное. Народъ даетъ личности человѣческой опору и цѣль; безъ него личность является праздно-отвлеченною. Но и народное, будучи взято въ отдѣльности, имѣетъ также свою слабую сторону, о чемъ мы скажемъ послѣ.

Примѣнимъ эти общія начала къ исторіи развитія всего человѣчества. Первый періодъ — религіозный является на Востокѣ. Здѣсь была колыбель религій всего міра. Здѣсь, на горахъ и въ

долинахъ Азіи, небо открывало свои тайны землѣ. Здѣсь были Хоривъ, Синай и Ѳаворъ. Отсюда взошелъ свѣтъ истинной вѣры, озарившій человѣчество. Но здѣсь же обрядъ и ѳеократія сковали личность человѣка: вмѣсто того, чтобы поклоняться Богу живому и истинному, который даруетъ свободу человѣку, человѣкъ создалъ самъ себѣ бога и отдалъ себя въ оковы своему же созданію.

За періодомъ восточнымъ слѣдуетъ греческо-римскій, въ которомъ развилась свободно, во всей красотѣ своей и силѣ, человѣческая личность. Лица Греціи и Рима — герои, въ которыхъ проявляются идеи истины, правды, добра и красоты. Геройзмъ древнихъ переродился въ эгоизмъ въ лицѣ римскихъ Цезарей. Онъ сокрушился у подножія Креста, на которомъ искуплена была въ вѣчную свободу личность человѣческая и человѣчество причастилось Божества. Когда Распятый воскликалъ: «Боже мой, Боже мой, вскую мя оставилъ еси?» Онъ исповѣдалъ въ себѣ человѣчество. — Когда Онъ вопіялъ къ Отцу: «Отче, въ руцѣ твои предаю духъ мой», въ Немъ открылась тайна Божества.

Вскорѣ по Его вознесеніи и соединеніи съ Божествомъ, Духъ Святый въ видѣ огненныхъ языковъ сошелъ на учениковъ Его и друзей, на просвѣтителей человѣчества. Что же значатъ эти огненные языки? Это — народы, члены великой семьи человѣческой. Всякая народность была здѣсь освящена, всякій народъ явился идеею Божіей, облеченною въ слово.

Только со времени христіанства народы стали признаваться другими народами. Греки называли всѣ другіе народы варварами, признавая за народъ только себя. Римляне уважали однихъ тѣхъ, которымъ давали право римскаго гражданства. Въ наше время народы становятся личностями, и каждый изъ нихъ себѣ цѣлью, а не средствомъ для другихъ. Право естественное отъ отдѣльныхъ лицъ переходитъ на цѣлые народы, и право международное должно торжествовать болѣе, чѣмъ когда нибудь.

Законъ развитія, общій всему человѣчеству, отражается и въ каждомъ народѣ, равно и въ словѣ его, какъ выраженіи его жизни. Разсмотримъ, какъ онъ отражается въ исторіи русскаго слова.

Русскій народъ начинаетъ также періодомъ религіознымъ, въ которомъ, опредѣляя свои отношенія къ Божеству, остается семь вѣковъ съ половиною. Почему же такъ долго? Потому, что все великое, по закону самой природы, растетъ туго и медленно, какъ дубы и кедры. Въ это время словесность русская имѣетъ преимущественно религіозный характеръ и принадлежитъ болѣе церкви. Слабость дѣла человѣческаго отражается также въ обрядной сторонѣ, олицетворяемой расколомъ, и въ потемкахъ ѳеократіи при патріархѣ Никонѣ.

Этой слабой сторонѣ воздѣйствуетъ новый періодъ, въ которомъ развивается личность русскаго человѣка. Въ древнемъ періодѣ личность развивалась только въ двухъ видахъ: государя и инока. Съ Петра Великаго начинается собственно у насъ періодъ развитія личности, и можетъ быть названъ въ лучшихъ своихъ представителяхъ героическимъ.

Въ наше время реформа Петрова дожила до своихъ предѣловъ и вызываетъ необходимое воздѣйствіе. Вотъ почему многіе снимаютъ съ Петра его величіе и хотятъ отнять у него всякую заслугу. Но это невѣрно. Исторія должна ему возвратить ее,— и заслуга его состоитъ въ великой дѣятельной работѣ отечеству. Она выражена словами двухъ поэтовъ: Ломоносова и Пушкина. Первый справедливо сказалъ о немъ, что онъ *царствуя служилъ;* второй назвалъ его прекрасно *вѣчнымъ работникомъ на тронѣ.*

Со времени Петра идеи человѣческія совершенно правильно развились въ главныхъ представителяхъ русской словесности. Ломоносовъ является героемъ истины и всю свою жизнь до послѣдняго вздоха приноситъ въ жертву наукѣ.

Истина, переходя изъ науки въ жизнь, становится правдою. Героемъ правды является наслѣдникъ Ломоносова въ литера-

турѣ, Державинъ. Идея правды внушила ему его лучшія пѣснопѣнія. Онъ опредѣлялъ Бога такими словами:

«Онъ совѣсть внутрь, Онъ правда внѣ».

Вспомнимъ стихи, которыми онъ заключаетъ свою оду «Властителямъ и судіямъ», воспѣтую во имя правды:

Воскресни Боже, Боже правыхъ,
И ихъ моленію внемли!
Приди, суди, карай лукавыхъ
И будь одинъ Царемъ земли.

Идея добра осуществилась у насъ въ двухъ представителяхъ словесности, тѣсно связанныхъ родствомъ души: въ Карамзинѣ и Жуковскомъ. Карамзинъ воплощалъ идею добра въ соединенной любви къ отечеству и человѣчеству. Вся жизнь его дѣлится на двѣ половины, изъ которыхъ въ первой онъ изучалъ все то, что̀ прекраснаго есть въ человѣчествѣ, а въ другой принесъ плоды этого изученія на алтарь отечества, посвятивъ трудъ свой его монументальной исторіи. Жуковскій идею добра сліялъ въ душѣ своей съ идеею красоты. Облетая весь міръ своею прекрасною душею, онъ сочувствовалъ всѣмъ красотамъ поэзіи разныхъ народовъ міра и усвоилъ ихъ родному языку.

Пушкинъ, имя котораго не можетъ быть произнесено безъ чувства скорби при мысли о кровавой и преждевременной его утратѣ, является намъ героемъ красоты. Въ одномъ стихотвореніи: *Эхо* онъ выразилъ намъ свое назначеніе какъ поэта. Онъ отзывался на все прекрасное, что̀ встрѣчалъ въ жизни своей и своего отечества. Истинная, живая красота не можетъ быть не народною. Въ Пушкинѣ прекрасное сочеталось тѣсно съ народнымъ.

Въ періодъ развитія личности была также своя слабая сторона, которая сильно обнаруживается и теперь. Этотъ недугъ нашего времени есть эгоизмъ, противъ котораго спасеніе въ сильномъ развитіи народнаго начала.

Пушкинъ въ двухъ своихъ главныхъ произведеніяхъ: «Евгеніи Онѣгинѣ» и «Борисѣ Годуновѣ», созналъ: въ первомъ — болѣзнь своей эпохи, во второмъ — народное начало, которое можетъ быть отъ нея спасеніемъ. Отъ этихъ двухъ произведеній ведутъ свое начало всѣ замѣчательнѣйшія явленія словесности нашего времени. Они или изображаютъ отвлеченный эгоизмъ, въ самыхъ разнообразныхъ видахъ развившійся въ русскомъ человѣкѣ, или пускаются въ глубины народнаго духа и изображаютъ его свѣтлыя и темныя стороны. Есть писатели, которые, какъ Геркулесъ, стоятъ на распутіи, служа попеременно то тому, то другому элементу въ нашей жизни.

Великое событіе, совершившееся въ наше время, освобожденіе крестьянъ, есть также плодъ развитія народныхъ началъ въ нашей жизни. 20.000.000 безкровныхъ существъ возвращены человѣчеству. Сколько новыхъ силъ дано въ этомъ возобновленіи достоинства человѣческаго русскому народу! Правда, что отечество наше болѣетъ, страдаетъ, но безъ сильныхъ мукъ не родится ничто великое. Мы вполнѣ надѣемся, что оно переживетъ настоящій кризисъ со славою и разрѣшитъ вопросъ освобожденія къ полному счастію всѣхъ сословій народа. Мы имѣемъ всѣ задатки къ разрѣшенію этого вопроса, главнѣйшій изъ которыхъ заключается въ нашей землѣ, составляющей шестую часть обитаемой планеты. Россія имѣетъ 70.000.000 жителей, а на землѣ своей можетъ помѣстить ихъ 700.000.000. Вотъ въ чемъ заключается наша возможность разрѣшить вопросъ освобожденія безъ пролетаріата. А вспомнимъ, какъ страшенъ пролетаріатъ на Западѣ. Испугавшись его, Франція отказалась отъ большей части своей политической свободы. Моммзенъ говоритъ, что если бы пролетаріатъ восторжествовалъ въ Англіи, то отодвинулъ бы ее на двѣсти лѣтъ назадъ и отозвался бы отъ береговъ Массачузета въ Америкѣ черезъ всю Европу и Азію до Японіи. Въ Германіи страхъ пролетаріата лишаетъ простолюдина нѣмецкаго права заключать бракъ и вести семейную жизнь. Въ пролетаріатѣ заключается одно изъ препятствій политическому единству

Италіи; изъ пролетаріевъ Неаполя вербуются тѣ разбойники, которые опустошаютъ югъ Италіи. У насъ пролетаріатъ невозможенъ при надѣлѣ крестьянъ землею. Россія можетъ со временемъ представить Западу одно изъ самыхъ счастливыхъ государствъ на землѣ, въ которомъ не будетъ ни одного человѣка безъ участка земли. Зародышъ такого великаго явленія заключается въ освобожденіи крестьянъ. Къ чести нашей современной литературы должно сказать, что наши писатели, начиная съ Гоголя, Павловъ, Тургеневъ, Григоровичъ и другіе, много содѣйствовали словомъ этому славному дѣлу. Много залоговъ и надеждъ въ литературѣ того народа, гдѣ мысль и слово выражаются прекраснымъ дѣломъ жизни.

ЛЕКЦІЯ 2.

Въ прошедшій разъ мы старались рѣшить вопросъ: какъ характеръ русскаго человѣка отражался въ русскомъ языкѣ? Этотъ вопросъ совершенно новъ въ нашей наукѣ. Я не взялся рѣшить его вполнѣ, но задалъ его въ первый разъ и представилъ вамъ нѣкоторыя данныя для его рѣшенія.

Далѣе опредѣлена та основная мысль, которая пройдетъ черезъ всю науку и освѣтитъ всѣ ея событія, связавъ ихъ въ одно органическое цѣлое. Считаю нужнымъ прежде чѣмъ отправиться въ путь исторіи, обозначить еще разъ яркими чертами эту мысль, которая послужитъ намъ руководительною нитью.

Три элемента въ человѣкѣ, постепеннымъ своимъ развитіемъ, опредѣляютъ три періода въ жизни всего человѣчества и каждаго народа: элементъ божественный, лично-человѣческій и народный. Отъ правильнаго ихъ соотношенія зависитъ совершенство жизни человѣческой въ каждомъ народѣ. Къ этому идеалу ведетъ исто-

рія и въ этомъ пути заключается истинный прогрессъ каждаго народа и каждаго человѣка отдѣльно.

Народъ, какъ и человѣкъ, начинаетъ съ божественнаго. Если мы вѣруемъ въ Бога, какъ создателя человѣка, то необходимо должны признать вѣру откровенную. Мы не можемъ допустить нелѣпости, чтобы Богъ, создавъ человѣка, не далъ ему первой возможности стремиться къ Нему и не открылъ ему Себя. Иначе мы должны принять, что Богъ, при созданіи человѣка, завязалъ ему глаза и сказалъ ему: «ищи меня». Слѣды первоначальнаго откровенія видны во всѣхъ религіяхъ міра, какъ бы ни помрачена была въ нихъ истина Божества. Религіозный періодъ бываетъ вездѣ первоначальнымъ, и чѣмъ серьезнѣе, чѣмъ благонадежнѣе народъ, тѣмъ долѣе онъ обдумываетъ свою вѣру. Есть и своя слабая сторона въ этомъ періодѣ, когда религія переходитъ въ обрядность и въ ѳеократію. Такая участь постигла всѣ религіи Востока. Истинная же религія христіанская перешла изъ него въ Европу и двинула въ ней просвѣщеніе.

Противъ обрядности и ѳеократіи дѣйствуетъ лично-человѣческое начало, поскольку оно является сосудомъ истины и правды, добра и красоты. Но личность человѣческая, лишенная этихъ идей, впадаетъ въ эгоизмъ, который есть слабая сторона лично-человѣческаго элемента.

Противъ эгоизма воздѣйствуетъ элементъ народный. Человѣкъ безъ народа становится отрѣшенною единицею, ни на что не годною. Въ наше время, когда народный элементъ начинаетъ быть господствующимъ, весьма важно опредѣлить, какъ можно точнѣе, понятіе о народѣ. У Французовъ есть два слова для выраженія этого понятія. Недавно члены сената Франціи подняли было вопросъ о различіи этихъ двухъ понятій. Подъ именемъ peuple Французы разумѣютъ что́-то низшее, подъ именемъ nation — что́-то высшее. Peuple есть какъ бы стихія, изъ которой вырабатывается нація посредствомъ человѣческаго элемента, проникающаго каждую личность въ народѣ. Французы не назовутъ націею ни Калмыковъ, ни Киргизовъ, а даютъ

это имя только народамъ, причастнымъ образованію человѣческому.

Мы не имѣемъ двухъ словъ для выраженія одного понятія. У насъ есть одно только слово: *народъ*. Но употребляя его, мы нерѣдко относимъ это понятіе къ одному простому народу, и тѣмъ сами себя отъ него отторгаемъ. Это неправильно. Всѣ сословія въ народѣ необходимы, и всѣ вмѣстѣ должны составлять одно нераздѣльное органическое цѣлое.

Есть и въ народномъ элементѣ своя слабая сторона. На Западѣ она называется *массою*, а у насъ *чернью*. Это есть отсѣдъ отъ народа, отрѣшеніе неправильное отъ народной жизни, вредное благу общества и страшное государствамъ во время ихъ переворотовъ. Сюда входитъ все то, что̀ отрицаетъ божественное начало, что̀ коснѣетъ въ эгоизмѣ и что̀ отсѣдаетъ отъ народа, какъ органическаго цѣлаго.

Уяснивъ основную мысль нашу, мы бодрѣе приступимъ къ самой исторіи. Сегодня быстрымъ полетомъ мы обозримъ религіозную словесность древняго періода. Онъ объемлетъ семь съ половиною вѣковъ, кромѣ которыхъ ему предшествуетъ цѣлый вѣкъ религіозной словесности внѣ нашего отечества. Чтобы не потеряться въ этомъ лабиринтѣ, раздѣлимъ весь періодъ на три отдѣла. Къ первому относятся: вторая половина X-го, XI и XII вѣка; ихъ можно назвать вѣками яснаго и разумнаго пониманія истины вѣры. За тѣмъ слѣдуетъ второй отдѣлъ: вѣка скорби и туги народной — XIII, XIV и первая половина XV-го. Когда окрѣпла и сосредоточилась Русь въ одно государство, за вѣками скорби послѣдовали вѣка борьбы внутренней и внѣшней: вторая половина XV-го, XVI-й и XVII-й до конца его.

Чтобы сократить очеркъ, возьмемъ изъ всякаго вѣка по отголоску, и всѣ они сольются въ одинъ согласный хоръ, который выразитъ одну мысль отъ начала до конца.

Я сказалъ, что наша словесность начинается не у насъ, а въ соплеменномъ намъ народѣ — Болгарахъ. Для нихъ была изобрѣтена св. Кирилломъ славянская грамота, чему, по мнѣніямъ

ученыхъ, въ нынѣшнемъ году исполнится тысячелѣтіе. Для Болгаръ же первоначально переведены были Священное писаніе и богослужебныя книги тѣмъ же Кирияломъ и оконченъ переводъ въ Моравіи братомъ его, св. Меѳодіемъ. Въ Римѣ, на пути отъ Колизея къ церкви Святаго Іоанна Латеранскаго, на лѣвой рукѣ, стоитъ весьма древняя церковь св. Климента; въ ней покоятся мощи Кирилла, которому мы обязаны грамотою и христіанскимъ просвѣщеніемъ.

Когда за литургіею вы слышите чтеніе Евангелія, вспомните, что это были первыя слова, написанныя на славянскомъ языкѣ. Первыя слова Евангелія были: «Искони бѣ Слово, и Слово бѣ отъ Бога, и Богъ бѣ Слово: се бѣ искони у Бога». Самыя древнія рукописи Евангелія располагались по праздникамъ, а такъ какъ первый праздникъ христіанскій — Пасха, то съ этого Пасхальнаго Евангелія рукопись и начиналась. Когда вы слушаете Божественную литургію, вспомните, что это одинъ изъ первыхъ памятниковъ нашей христіанской словесности.

Не очень давно была открыта рукопись Евангелія съ предисловіемъ самого первоучителя Кирилла. Вотъ что̀ мы въ немъ читаемъ:

«Прогласъ Святого Евангелія: Христосъ грядетъ собрать народы: свѣтъ бо есть всему міру. Итакъ услышите Словяне всѣ: даръ сей данъ отъ Бога. . . . Слышите весь Словянскій народъ, слышите: слово отъ Бога пришло, слово, питающее души человѣческія, слово, укрѣпляющее сердца и умы, слово, уготовляющее къ Богопознанію. Безъ свѣта не будетъ радости оку видѣть твореніе Божіе: такъ и всякой души безсловесной, не видящей Божія законы. Душа безъ-духовная (безъ-грамотная) мертва является въ человѣкахъ. . . Кто на чужемъ языкѣ слышитъ слово, какъ будто мѣднаго звона голосъ ему слышится; пбо св. Павелъ сказалъ: «молитву свою воздавая Богу, хочу лучше пять словъ сказать разумныхъ, чтобы и прочіе разумѣли, нежели тьму словесъ неразумныхъ, которыхъ человѣкъ не понимаетъ. . . . Всякая душа отпадаетъ отъ жизни Божіей, когда

слова Божія не слышитъ . . . Наги всѣ языки безъ книгъ, безъ оружія сражаться не могутъ съ противникомъ душъ нашихъ, готовы въ плѣнъ мукѣ вѣчной». . .

Въ этомъ предисловіи разумно сознано дѣло, совершенное Кирилломъ. Безъ него мы не разумѣли бы ни Писанія, ни литургіи, а чрезъ него церковь сдѣлалась для насъ постояннымъ живымъ училищемъ, въ которомъ мы черезъ Богослуженіе на понятномъ языкѣ принимали истину вѣры.

Ученики Кирилла и Меѳодія продолжали ихъ дѣятельность въ Болгаріи. Десятый вѣкъ былъ золотымъ вѣкомъ болгарской словесности при царѣ Симеонѣ. Тогда переведены были на славянскій языкъ многія творенія отцовъ церкви и совершены новыя самими Болгарами; эти переводы и сочиненія пріобрѣла и сохранила Россія. Въ вѣка скорби мы еще увидимъ, сколько Болгарія оказала услугъ нашему отечеству.

Отъ X вѣка, вѣка крещенія Россіи, дошло до насъ Исповѣданіе вѣры Владиміромъ. Нельзя точнѣе и полнѣе изложить его и теперь.

Отъ XI вѣка мы имѣемъ сочиненія Иларіона, перваго митрополита, выбраннаго изъ Русскихъ. Изъ глубокихъ мыслей, проникающихъ его творенія, я приведу изображеніе двоякаго естества въ Спасителѣ: Божественнаго и человѣческаго: «Какъ человѣкъ, Онъ принялъ молоко Матери, и какъ Богъ, внушилъ Ангеламъ и пастухамъ пѣсню: «Слава въ вышнихъ Богу! . . . Какъ человѣкъ, лежалъ Онъ въ ясляхъ, и какъ Богъ, принялъ дары и поклоненіе отъ волхвовъ. Какъ человѣкъ, бѣжалъ въ Египетъ, и какъ Богу поклонились Ему рукотворенные кумиры Египетскіе. . . Какъ человѣкъ, обнаженный вошелъ въ воды Іордана, и какъ Богъ, получилъ отъ Отца свидѣтельство: «се Сынъ мой возлюбленный!» Какъ человѣкъ, постился сорокъ дней и взалкалъ, и какъ Богъ, побѣдилъ искушающаго. Какъ человѣкъ, пришелъ на бракъ въ Кану Галилейскую, и какъ Богъ, воду въ вино преложилъ. . . Какъ человѣкъ, прослезился по Лазарѣ, и какъ Богъ, воскресилъ его изъ мертвыхъ. . . Какъ человѣкъ,

былъ распятъ, и какъ Богъ, Своею властью пропятаго съ Нимъ впустилъ въ рай. . . Какъ человѣкъ, запечатанъ былъ во гробѣ, и какъ Богъ изшелъ, сохранивъ печати цѣлыми. Какъ человѣка, старались Іудеи утаить воскресеніе, подкупая стражей, но какъ Богъ былъ увѣданъ и познанъ всѣми концами земли».

Ясно, просто и глубоко слиты здѣсь оба естества въ Спасителѣ, которыя современный анализъ хочетъ разорвать пополамъ. Все Евангеліе такъ проникнуто тѣмъ и другимъ, что разорвать ихъ невозможно, не нарушивъ Евангельской жизни и истины. Хотятъ совлечь Божественность съ Христа и оставить въ Немъ только человѣка. Но на этомъ самомъ покушеніи безпрерывно совершается то, что́ совершилось разъ въ жизни Спасителя.

Дѣло въ томъ, что фактъ христіанства, разъ на землѣ исторически совершившійся, вѣченъ и повторяется безпрерывно въ каждую минуту бытія человѣческаго. Христосъ рождается, проповѣдуетъ, терпитъ муки, распинается на крестѣ, умираетъ, воскресаетъ и возносится на небо безпрерывно. Въ наше же время матеріальный анализъ совлекаетъ съ Него Божество, и вмѣстѣ съ Иродомъ и Пилатомъ, не познавши въ Немъ истины, гонитъ и преслѣдуетъ Его за имя сына Божія.

Въ XII вѣкѣ, недалеко отъ города Турова, при дорожномъ столбѣ, спасался инокъ; но добровольная тюрьма не отдѣляла его отъ народа. Напротивъ, онъ излагалъ ему Божественное писаніе и привлекалъ къ себѣ всѣхъ, которые въ страданіяхъ жизни искали врача душевнаго. Когда умеръ епископъ Туровскій, народъ и князь Турова обратились съ просьбою къ Кіевскому митрополиту поставить имъ въ епископы столпника (въ то время епископы назначались еще избраніемъ народнымъ и волею князя). Это былъ Кирилл, епископъ Туровскій, котораго не даромъ называли русскимъ Златоустомъ или *Златословеснымъ* учителемъ.

Онъ сочинилъ повседневныя молитвы на всю недѣлю и оставилъ прекрасныя слова, разсѣянныя по древнимъ рукописямъ.

Можно утвердительно сказать, что западная литература не представила въ XII вѣкѣ проповѣдника, равнаго въ глубокомыслiи и краснорѣчiи нашему Кирiллу. Его одушевляли древнiе отцы церкви и церковная пѣснь. Изъ многихъ его словъ я приведу два: первое *о разслабленномъ*.

У общей купели Спаситель видитъ разслабленнаго и спрашиваетъ: «Хочешь ли здоровъ быть?» Хотѣлъ бы, отвѣчаетъ разслабленный, да не имѣю человѣка, который ввергнулъ бы меня въ купель. — Тогда Спаситель отвѣчаетъ ему:

«Что глаголеши: человѣка не имаши? Азъ, тебе ради, человѣкъ быхъ, щедръ и милостивъ, не солгавъ обѣта моего вочеловѣченiя. . . Тебе ради, безплотенъ сый, обложился Я плотiю. Тебе ради, невидимый силамъ Ангельскимъ, явился всѣмъ человѣкамъ. Не хотѣлъ Я презрѣть образа лежащаго въ тлѣнiи, но хотѣлъ спасти его и въ разумъ истинный привести, и говоришь ты: человѣка не имаши? Азъ быхъ человѣкъ, да Богомъ человѣка сотворю».

Разслабленный представляетъ собою все ветхое человѣчество, искупленное Спасителемъ. Въ лицѣ его, Онъ говоритъ намъ всѣмъ, Онъ, пришедшiй на землю соединить всѣ *народы* въ имени *людей*.

Другое слово о Вознесенiи. На Элеонскую гору собрались праотцы, патрiархи, пророки, апостолы и всѣ вѣрные.— Небеса и земля готовятся къ торжеству вознесенiя. Все человѣчество въ лицѣ Христа возносится на небо и причащается Божественности. Ангелы, бывшiе на землѣ свидѣтелями страданiй Искупителя, сопровождаютъ Возносящагося. Въ небесахъ зачинается преnie между ними и небеснымi вратниками, которые говорятъ: «Се врата Господни: никто изъ земныхъ ими не проходитъ; такъ положилъ самъ Богъ: нынѣ дивимся, зря человѣка, сѣдящаго на Херувимскомъ престолѣ и хотящаго пройти чрезъ врата прежде Серафимовъ». Тогда раздается голосъ Христа: «Отверзите мнѣ врата правды, и, вшедъ въ нихъ, возвѣщу Отцу моему, что́ сдѣлалъ и какъ пострадалъ на землѣ». Небесные врат-

ники, услышавъ голосъ Божественный, отвѣчаютъ: «Если не видѣли, Владыко, Тебя сходящаго, то поклонимся Тебѣ восходящему въ славѣ».

Славится поэзія Данта своими небесными видѣніями, но видѣніе Кириллово своимъ значеніемъ превышаетъ всѣ. Будь оно извѣстно въ Италіи, уже давно бы кисть живописца изобразила его въ картинкѣ.

Перейдемъ къ вѣкамъ скорби. Я уже говорилъ о тѣхъ варварскихъ народахъ, которые Азія извергла на Россію. Чередныя смѣны ихъ окончились Татарами. Внезапно напали они на Русскую землю. Страхъ этой внезапности переданъ сильно современнымъ лѣтописцемъ. Страхъ нашествія поразилъ и всю Европу. Вспомнимъ, что императоры сзывали противъ нихъ крестовый походъ. Папа посылалъ къ нимъ пословъ-миссіонеровъ, которые подвергались въ ордѣ всѣмъ унизительнымъ условіямъ ханскаго обычая. И на югѣ, и на сѣверѣ Русская земля облилась кровью въ двухъ битвахъ при Калкѣ и при Сити. Татары, пируя послѣ кровавыхъ битвъ, клали князей нашихъ подъ доски, и сидя на нихъ, обѣдали. Всѣ прекрасные города наши сдѣлались добычею пламени; 60,000 Кіевлянъ погибло, не стало 10 богатырей. Городъ Владиміръ вознесъ къ небу въ своемъ соборномъ храмѣ жертву всесожженія, гдѣ сгорѣли святитель, семейство великаго князя и бояре съ женами и съ дѣтьми. Улицы Москвы обагрились кровію ея младенцевъ. Кромѣ лѣтописей, народныя пѣсни до сихъ поръ сохранили память страданій народа въ слѣдующихъ стихахъ:

Зачѣмъ мать сыра земля не погнется?
Зачѣмъ не разступится?
А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Такъ народъ выразилъ тяжесть своихъ страданій и свое отвращеніе къ татарскому игу.

XIII вѣкъ является безплодною пустынею послѣ XII, столь изобильнаго памятниками словесности. Почти одиноко раздается слово Серапіона, епископа Владимірскаго. Оно начинается по случаю землетрясенія, бывшаго въ Кіевѣ: «Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, повелѣніемъ Божіимъ нынѣ движется, грѣхами нашими колеблется, беззаконія нашего сносить не можетъ. Не послушали мы Евангелія, не послушали Апостола, не послушали Пророковъ, не послушали Святителей великихъ: Василія, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста и иныхъ Святителей Святыхъ, ими же вѣра утверждена, еретики прогнаны и Богъ познанъ всѣми языками». . .

«Тогда Господь навелъ на насъ народъ не милостивый, народъ лютый, не щадящій ни красоты юной, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей. . . Разрушены Божественныя церкви; осквернены сосуды священные, потоплена святыня; святители мечу въ пищу достались; тѣла преподобныхъ иноковъ птицамъ повержены на снѣдь; кровь отцевъ и братьевъ нашихъ, какъ многая вода, напоила землю. Исчезла крѣпость нашихъ князей и воеводъ; храбрые наши, исполненные страха, бѣжали полки. Большая часть братьевъ и дѣтей нашихъ отведена въ плѣнъ. Села наши поросли травою и величество наше смирилось, красота погибла, богатство наше другимъ въ корысть досталось, трудъ нашъ поганые наслѣдовали. Земля наша сдѣлалась достояніемъ иноплеменниковъ; въ поношеніе стали мы живущимъ вскрай земли нашей, въ посмѣхъ врагамъ нашимъ».

«Вспомнимъ наибольшую заповѣдь: любить другъ друга. . . не воздавать зломъ за зло. Нѣтъ ничего ненавистнѣе Господу, какъ человѣкъ злопамятный. Какъ же мы скажемъ: Отче нашъ, остави намъ грѣхи наши; а сами не оставляемъ?»

Новгородцы, по грубому суевѣрію и фанатизму, сожгли волхвовъ. Грозно возсталъ противъ нихъ проповѣдникъ, обличая все ихъ неразуміе. Такъ дѣйствовала наша церковь въ то время,

когда западная учреждала инквизиціонные суды противъ волхвовъ, и самъ папа Іоаннъ XXII лично боялся чародѣйства и осуждалъ волшебниковъ на костры и висѣлицы.

Въ XIV вѣкѣ пустынножитель Сергій распространяетъ духовную жизнь около Москвы, а ученики его несутъ ее во всѣ концы до предѣловъ самаго отдаленнаго сѣвера. Стефанъ Пермскій просвѣщаетъ крещеніемъ Зырянъ, сочиняетъ для нихъ грамоту и переводитъ на ихъ языкъ литургію и Новый Завѣтъ.

Одинъ изъ учениковъ Сергія, Кириллъ Бѣлозерскій, дѣйствуетъ въ пользу братской любви во время междоусобій княжескихъ, возстаетъ противъ губительнаго корчемства и противъ внутреннихъ таможенъ еще въ XIV вѣкѣ, тогда какъ окончательное ихъ уничтоженіе послѣдовало незадолго до учрежденія Московскаго университета.

Вотъ отрывки изъ Кирилловыхъ посланій: «Господине, ни царство, ни княженіе, ни иная какая власть не можетъ насъ избавить отъ нелицемѣрнаго суда Божія, а еже, Господне, возлюбиши ближняго, какъ себя, и утѣшишь души скорбящія и озлобленныя, много поможешь на страшномъ и праведномъ судѣ Христовомъ, понеже пишетъ Ап. Павелъ: «Аще имамъ вѣру горы преставляти, и аще имамъ раздати все имѣніе свое, любве же не имамъ, ни что же польза ми есть».

«И ты, Господине, внимай себѣ, чтобы корчмы въ твоей вотчинѣ не было; занеже, господине, то велика пагуба душамъ: крестьяне ся, господине, пропиваютъ, а души гибнутъ. Тако же, Господине, и мытовъ *) бы у тебя не было, понеже, господине, куны (деньги) неправедныя; а гдѣ, господине, перевозъ, туто, господине, пригоже дать труда ради».—

Утѣшительны были поученія къ паствѣ митрополитовъ Московскихъ Петра и Алексія, избранныхъ въ этотъ санъ волею не только одного князя, но и всей земли Русской. Когда Татары остановили все наше духовное просвѣщеніе, когда пожары, какъ

*) Мыто есть пошлина таможенная, откуда слово мытарь.

разсказываетъ лѣтописецъ, пожирали громады книгъ, собранныхъ въ храмахъ въ кучу отъ низу до верху, тогда единовѣрная и единоплеменная намъ Болгарія прислала въ Москву святителя Кипріана, уроженца ея столицы, города Терпова. Онъ возстановилъ у насъ грамоту и духовное просвѣщеніе, привезъ съ собою множество рукописей, уединялся около Москвы въ обитель, при сліяніи рѣкъ Сѣтуни и Рамени, и здѣсь самъ переводилъ и писалъ книги, заставляя и другихъ работать около себя. Онъ же, по всѣмъ вѣроятіямъ, побудилъ великаго князя Димитрія на подвигъ Донской битвы. Послѣ этого святителя осталось замѣчательное посланіе противъ стяжанія селъ монастырями. Передъ кончиною онъ написалъ прощальное слово къ князьямъ и къ народу, которое читалось въ Успенскомъ соборѣ при его гробѣ, и заканчивалось слѣдующими словами: «Множество человѣческое, все на землю пришедшее, общее естество наше оплачемъ. . . О, какъ же лучшее изъ Божіихъ созданій, по образу Его и подобію созданное, безъ дыханія зрится, и мертво, и полно червей нечистыхъ!. . . Какъ исчезло мудрованіе? какъ скрылось слово?. . . Увы, страсти! Нагъ вышелъ я на плачь младенцемъ, нагъ отойду снова! Что тружусь и смущаюсь всуе, вѣдая конецъ житія, видя его дѣйствіе, какъ всѣ мы равнымъ образомъ шествуемъ отъ тьмы на свѣтъ, отъ свѣта же во тьму, — отъ чрева матерняго съ плачемъ въ міръ, отъ міра печальнаго съ плачемъ во гробъ. Начало и конецъ — плачь! что же въ серединѣ? сонъ, тѣнь, мечтаніе, красота житейская». Народъ рыданіемъ отвѣчалъ на эти слова, которыми оглашались своды храма. Вотъ яркое мгновеніе изъ древней жизни нашего отечества!

Въ XV вѣкѣ, когда всѣ бѣдствія обрушились на нашу землю, и Татары, и черная смерть, опустошавшая цѣлые города, и голодъ, морившій народъ, Греція послала къ намъ святителя Фотія. Онъ былъ свидѣтелемъ страданій народа Русскаго, самъ едва не погибъ отъ меча татарскаго и оставилъ намъ книгу поученій, въ которыхъ видно, какъ онъ самъ глубоко страдалъ вмѣ-

стѣ съ своею паствою. Ревнуя о нравственномъ просвѣщеніи народа и зная, что оно преимущественно находится въ рукахъ духовенства, онъ обращался къ священникамъ съ такими словами изъ Діонисія Ареопагита:»

«Достойно бо быти, рече, Господню священнику чисту яко свѣту,

свѣту быти — и тако просвѣщати,
чисту быти — и тако очищати,
святу быти — и тако освящати».

Вотъ какъ святитель Фотій изображаетъ голодъ и нравственную его причину:

«Земля, изсохши въ конецъ, измѣнилась въ своей красотѣ, неплодная, залядѣвшая; сохнетъ и разсѣдается, и въ глубину ея солнечное сіяніе входитъ. . . Земледѣльцы, сидя при бороздахъ и сплетши руки на колѣняхъ, стенаютъ надъ трудомъ рукъ своихъ, плачутся смотря на дѣтей своихъ, рыдаютъ взирая на женъ и изсохшую траву осязая руками. . . Всѣ окрестныя мѣста одождены, наши же не одождены. Перемѣшались времена года, зной и стужа. Нѣтъ ли въ насъ самихъ причины тому? Неужели же у Бога что́ отнялось отъ Его власти и силы? Оставимъ такое хуленіе. . . Нѣтъ, со всѣми дѣлами безмѣстными, мы и братолюбіе затворили: вотъ почему сухи бразды наши; любовь изсохла и гласъ молящихся всуе воніетъ на воздухѣ, расходится ниже молящихся слышахомъ».

Въ другомъ словѣ пастырь сравниваетъ себя съ несчастнымъ кормчимъ, которому ввѣренъ корабль, волнуемый многоразличными бурями. «Не только всякій день, но и всякій часъ, онъ неусыпно рыдаетъ къ Богу, прилагая весь умъ къ заботамъ о ввѣренныхъ ему душахъ; свою же душу, единородную и безсмертную, въ сихъ превеликихъ волнахъ, однимъ лишь печальнымъ рыданіемъ временно утѣшаетъ».

Въ одно время съ Фотіемъ дѣйствовалъ на югѣ Григорій Цамблакъ, племянникъ Кипріана, святитель, котораго послала

въ Кіевъ та же Болгарія. Онъ дѣйствовалъ по слѣдамъ своего дяди и былъ краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Множество словъ его на всѣ праздники года дошло до насъ, и они извѣстны подъ именемъ словъ Григорія, архіепископа Россійскаго. — Приведу изъ нихъ два отрывка. Вотъ изображеніе руки милостиваго человѣка на страшномъ судѣ:

«Такую руку принявъ Владыка на страшномъ судѣ, покажетъ передъ всѣми, и предстоящимъ небеснымъ силамъ, и святымъ въ славѣ сущимъ, и грѣшнымъ, ожидающимъ муки, и скажетъ: сія рука напитала меня голоднаго, напоила жаждущаго, одѣла нагаго, обвязала струпы мнѣ больному, въ темницѣ послужила мнѣ, много разъ вводила меня страннаго и промышляла обо мнѣ, ей же и я воздамъ въ награду наслѣдіе моего царства».

Вотъ другой отрывокъ изъ слова на день Иліи пророка, гдѣ объясняется взятіе его на небо. Извѣстно, что Илія былъ суровъ къ своему народу и не снисходителенъ ни къ какимъ его слабостямъ, жилъ въ пустынѣ одинъ, и воронъ носилъ ему пищу:

«Если ты, Илія, такъ жестокъ, что не можешь терпѣть согрѣшеній Израиля и никакими человѣческими страстьми не преклоняешься, то не слѣдуетъ тебѣ жить съ человѣками, а взойди ты ко Мнѣ, да Я къ человѣкамъ сниду. Мѣна произойдетъ между нами: взойдетъ человѣкъ и снидетъ Богъ. Не одного Израиля, но и всѣхъ народовъ неправды и беззаконія видя и долготерпя о нихъ, Я понесу ихъ грѣхи и кромѣ грѣха, во всемъ имъ уподоблюсь.... Взойди ты съ плотію, да сниду Я взять плоть, безплотный; взойди ко Мнѣ на колесницѣ огненной, да сниду Я какъ дождь на руно. Ты въ громѣ на небо, Я въ тишинѣ на землю»...

За вѣками скорби слѣдуютъ вѣка борьбы, начиная съ половины XV. Еще съ XIV-го въ Новгородѣ и Псковѣ, по вліянію Запада, возникла *стригольническая* ересь, противъ которой дѣйствовали патріархи Царьградскіе своими посланіями, писанными вѣроятно Діонисіемъ Суздальскимъ, который былъ въ Царьградѣ. Ересь эта была тогда подавлена; но въ XV вѣкѣ явилась новая, гораздо опаснѣе, извѣстная подъ именемъ Жидовской.

Въ Новгородъ зашла она изъ Литвы, а изъ Новгорода проникла въ Москву, гдѣ заразила духовенство, самого митрополита, бояръ, въ томъ числѣ славнаго дьяка Ѳедора Курицына, и наконецъ допущена была въ чертоги великаго князя и принята его невѣсткою. Ученіе еретиковъ имѣло начало свое, какъ полагаютъ, въ ученіи и посягало на всѣ основы — христіанства, отвергая Троицу и догматъ воплощенія. Тогда-то явился противникъ этой ереси, богато вооруженный богословскими познаніями, необходимыми для борьбы: это былъ Іосифъ Волоцкій, основатель Волоколамскаго монастыря. Онъ написалъ книгу въ 16 главахъ противъ этой ереси, извѣстную подъ именемъ Просвѣтителя и только недавно напечатанную ученымъ духовенствомъ Казани. Дѣйствуя противъ не признававшихъ Новаго Завѣта, онъ ссылался только на Ветхій и долженъ былъ приводить доводы разума. Такъ объясняетъ онъ догматъ пресвятой Троицы, выводя его изъ образа человѣка, созданнаго по образу Божію:

«Слушай, какъ человѣкъ былъ созданъ по образу Божію и по подобію: по образу — не о плоти говорится: плоть покрывало, создана и мертва и видима, а Богъ невидимъ. По образу говорится о невидимомъ въ человѣкѣ, а невидимое въ немъ есть душа, слово и духъ: по образу Божію въ человѣкѣ душа, она же называется и умомъ и подражателемъ бываетъ Богу... Душа умна и называется отецъ; слово же рождается отъ души и называется сынъ. И духъ исходитъ, имѣя общее сопребываніе, нераздѣльное съ душею и съ словомъ, и какъ Отецъ и Сынъ и Духъ Святый безсмертенъ и безконеченъ, такъ и человѣкъ, по образу Божію созданный, носитъ въ себѣ Божіе подобіе, душу, слово и умъ.

«Еще по образу же разумѣется самовластное и обладательное въ человѣкѣ: какъ Бога никто не выше, такъ и на землѣ никто не выше человѣка: Богъ сотворилъ его обладающаго всѣмъ по подобію Божію, значитъ быть человѣку милостиву, щедру ко всѣмъ, паче же ко врагамъ, какъ Богъ сіяетъ солнцемъ Своимъ на злыхъ и на благихъ».

Въ XV вѣкѣ начала ослабѣвать у насъ монастырская жизнь. Причиною этого было то обстоятельство, что монастыри были окружены слишкомъ богатыми угодьями и обрядъ монастырской службы осиливалъ слишкомъ жизнь духовную. Этимъ недостаткамъ хотѣлъ пособить питомецъ Кирилло-Бѣлозерской обители Нилъ, прозванный Сорскимъ отъ протекавшей тамъ рѣки Сорки, при которой онъ основалъ свою обитель. Съ Аѳонской горы онъ перенесъ къ намъ житіе скитское и основалъ первый скитъ для возстановленія духовной жизни въ нашихъ обителяхъ. Онъ написалъ книгу объ осьми помыслахъ, подражая творцамъ подобнаго же сочиненія Св. Нилу и Кассіану. Въ этой книгѣ онъ предложилъ средства для духовной борьбы съ тѣми помыслами, отъ которыхъ рождаются всѣ страсти и пороки человѣка. Онъ изслѣдываетъ страсть въ ея зародышѣ и преслѣдуетъ ее черезъ пять ступеней до полнаго ея развитія, въ которомъ гибнетъ душа ей преданная. Въ этихъ изслѣдованіяхъ психологъ могъ бы найти превосходныя для себя указанія, а писатель, занятый анализомъ души, — вѣрное руководство. Эти глубокомысленныя созерцанія Нилъ Сорскій почерпнулъ въ тѣхъ самоуглубленіяхъ души своей, которыя онъ такъ описываетъ:

«Кій языкъ изречетъ? Кій же ли умъ скажетъ? Кое слово изглаголетъ? Страшно бо, воистинну страшно и паче слова. Зрю свѣтъ, его же міръ не имать, посредѣ келліи на одрѣ сѣдя; внутрь себе зрю Творца міру и бесѣдую, и люблю, и ямь, питаяся добрѣ единымъ Боговидѣніемъ, и соединився Ему, небеса превосхожду: и се вѣмъ извѣстно и истинно. Гдѣ же тогда тѣло, не вѣмъ».

Замѣчательно, что Нилъ, говоря о другихъ помыслахъ, кромѣ *уныніе*, выражается или словами Писанія, или словами отцовъ церкви; когда же говоритъ о помыслѣ унынія, то по большей части выражается собственными словами: не потому ли такъ, что этотъ помыселъ особенно сроденъ русскому человѣку, и что Нилъ наблюденія надъ нимъ могъ производить и въ самомъ себѣ, и въ близкихъ ему соотчичахъ. Извѣстно, до какихъ край-

ностей доводитъ русскаго человѣка этотъ помыселъ. Вотъ слова Нила:

«Не малъ нашъ подвигъ на духъ скорбный, понеже вметаетъ душу въ погибель и отчаяніе. Если скорбь отъ человѣковъ будетъ, подобаетъ благодушно претерпѣвать ее, и молиться за оскорбившихъ, зная, что не безъ Божія Промысла все съ нами случается и что все на пользу посылаетъ намъ Богъ... Полезна намъ можетъ быть одна только скорбь — о грѣхахъ нашихъ, и то съ надеждою и покаяніемъ. Скорбь же праздную надобно отметать отъ сердца, наравнѣ съ прочими злыми страстями, потому что она творитъ душу пустою и унылою, и некрѣпкою, и нетерпѣливою къ молитвѣ, и лѣнивою къ чтенію».

«Но если уныніе укрѣпится въ насъ, великій подвигъ предстоитъ душѣ: лютъ его духъ, самый тяжелый, сопряженный съ духомъ скорбнымъ. А тѣмъ, которые пребываютъ въ безмолвіи, рать на него належитъ великая. Когда жестокія его волны встаютъ на душу, въ тотъ часъ и не мнитъ человѣкъ, чтобъ можно ему было когда-нибудь отъ нихъ избавиться. Ему приходитъ на мысль, что и Богъ оставилъ его, и не печется о немъ болѣе, и что его одного только и оставилъ Онъ, и что съ другими того не бываетъ, что̀ съ нимъ, и тогда все благое кажется ему мерзкимъ».

Такъ въ XV вѣкѣ Іосифъ Волоцкій представляетъ борьбу съ ересью, а Нилъ Сорскій — борьбу со страстями; но между XV и XVI вѣками мы встрѣчаемъ дѣятельнаго и трудолюбиваго писателя, митрополита Даніила. Будучи рожденъ и воспитанъ для духовной и пустынной жизни, онъ не былъ способенъ къ жизни практической и, рано оставивъ престолъ митрополіи, удалился въ келію Волоколамскаго монастыря, гдѣ написалъ много книгъ, и теперь хранимыхъ въ его библіотекѣ. Изъ двухъ оставленныхъ имъ огромныхъ книгъ словъ и посланій, въ первой онъ занимался рѣшеніемъ многихъ догматическихъ вопросовъ православной церкви. Замѣчательный историческій методъ, имъ употребляемый при рѣшеніи этихъ вопросовъ, — методъ, изъ кото-

раго видна его огромная начитанность въ Писаніи и въ твореніяхъ св. отцовъ. Обыкновенно онъ ставитъ сначала положеніе, или истину, признанную церковью, и затѣмъ приводитъ все, что̀ къ ней относится, изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, изъ богослужебныхъ книгъ, изъ каноновъ и правилъ церковныхъ, изъ всѣхъ отцовъ церкви вселенской и русской, слѣдуя историческому порядку. — Въ заключеніе онъ уже собственными словами извлекаетъ сущность изъ всего сказаннаго, присоединяя къ тому иногда и свои доказательства. Такой методъ, конечно, долженъ бы быть принятъ въ любой наукѣ, ибо онъ со всей обширностью историческаго изученія вопроса соединяетъ и самостоятельную силу собственнаго изслѣдованія.

Такъ въ словѣ о двухъ существахъ въ Іисусѣ Христѣ, Божественномъ и человѣческомъ, Даніилъ приводитъ отрывокъ изъ извѣстнаго слова Иларіонова вмѣстѣ съ тѣми источниками, откуда оно было заимствовано; самъ же прибавляетъ къ прочимъ изслѣдованіямъ свое наблюденіе надъ двумя важными событіями изъ жизни Спасителя: Преображеніемъ и Геѳсиманіею. «На Ѳаворѣ, говоритъ Даніилъ, Іисусъ показалъ Божество свое во всемъ свѣтѣ и величіи славы; въ Геѳсиманіи — тугою и скорбію свое человѣчество, и при обоихъ событіяхъ свидѣтели были одни и тѣ же: апостолы Петръ, Іоаннъ и Іаковъ».

Посланія Даніиловы были написаны многимъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ, ему современнымъ, и направлены противъ суеты свѣтской. Въ одномъ изъ этихъ посланій такъ изображаетъ онъ состояніе души въ пустынѣ: «Великую пользу приноситъ пустыня, утишая наши страсти: молчаніе есть начало очищенію души. Ни языкъ не говоритъ человѣческаго, ни очи не видятъ красоты тѣлесной, ни уши, слыша пѣсни, не измѣняютъ душевной силѣ; нѣтъ глаголовъ людей глумящихся и смѣшливыхъ, имѣющихъ обычай разрушать душевную крѣпость. Умъ, не разсыпаемый внѣшними чувствами, въ міръ не растекается, а восходитъ къ себѣ, черезъ себя же на помышленіе о Богѣ и тѣмъ осіянный и блистающій, пріемлетъ забвеніе самаго естества....

Ни пища, ни одежда, ничто земное его не тревожитъ. . . Все свое тщаніе устремляетъ онъ на стяжаніе Божественныхъ заповѣдей и вѣчныхъ благъ».

Несмотря однако на такое влеченіе къ пустынѣ, Даніилъ сознавалъ уже потребность эпохи новой и признавалъ необходимость заботъ объ обновленіи гражданскаго строя Россіи, но отклонялъ отъ себя всякое участіе въ этомъ. Въ посланіи къ *Мятежелюбцу* онъ такъ объ этомъ выражается: «И ты со мною, грѣшнымъ и худымъ инокомъ Даніиломъ, совѣта о семъ не имѣй: еже бы высоту небесную увѣдѣти, и глубину морскую измѣрити, и концы земные обтицати и исчислити, и озерамъ и рѣкамъ каменныя стезя художьствовати, и весь міръ строити, и якожъ въ кругъ нѣкый вселенную всю объяти, и всѣхъ въ единъ нравъ привести и отъ всея поднебесныя неправду, и лукавство, и всякое зло хитрьство изгнати не навыклъ есмь: понеже безуменъ и окаяненъ есмь человѣкъ и недѣлатель ни которому благу; но точію божественныя писанія глаголю слышащимъ и пріемлющимъ и хотящимъ спастися. . .»

Одновременно съ митрополитомъ Даніиломъ дѣйствовалъ митрополитъ Макарій. Будучи еще архіепископомъ въ Новгородѣ, Макарій воспользовался славными его писцами, собралъ и переписалъ подъ своимъ руководствомъ Великія Четіи-Минеи, 12 огромныхъ фоліантовъ, содержащихъ въ себѣ полную энциклопедію богословскихъ и отеческихъ книгъ съ житіями святыхъ вселенской и русской церкви. При каждомъ житіи находится ежедневный прологъ, или поученіе, нравственное и душеполезное. Въ немъ благочестивый Русскій находилъ духовную насущную пищу. Это собраніе Макарій завѣщалъ новгородскому Софійскому собору. Другое подобное и еще болѣе умноженное переписалъ онъ руками тѣхъ же писцовъ и подъ своимъ собственнымъ пересмотромъ для московскаго Успенскаго собора. Это двоякое сокровище показываетъ, какъ богата была уже тогда наша церковь славянскими переводами всѣхъ твореній отцовъ церкви и оригинальными сочиненіями.

Въ XVI вѣкѣ начали вторгаться въ Россію: съ Запада — ученія иностранныхъ церквей и разныхъ еретическихъ сектъ, астрологическіе и другіе предразсудки, съ Востока — ученіе магометанское и разные обычаи, вредные для нравственности народной. Тогда явился у насъ воинъ, вооруженный для побѣдоносной борьбы со всѣми лжеученіями, вредившими православной вѣрѣ. То былъ Максимъ Грекъ, уроженецъ Албаніи, питомецъ университетовъ Парижскаго, Падуанскаго и другихъ. Въ Парижѣ онъ учился у славнаго филолога Ласкариса и воздаетъ Французамъ похвалу за учрежденіе у себя всемірнаго средоточія человѣческаго образованія. Въ Венеціи онъ зналъ знаменитаго типографщика Альда Мануція. Во Флоренціи онъ бывалъ на проповѣдяхъ Іеронима Савонаролы, отзывался о немъ съ большимъ сочувствіемъ, разсказывалъ о той чудесной перемѣнѣ, которую онъ совершилъ своимъ словомъ въ нравахъ народа, передавая такія подробности, которыя были неизвѣстны по западнымъ источникамъ. Максимъ предаетъ публичному позору папу Александра VI и его клевретовъ, которые осудили на казнь Савонаролу и двухъ его товарищей. Нашъ инокъ готовъ бы былъ признать ихъ святыми, если бы они не принадлежали Римской церкви.

Подвизаясь на поприщѣ полемическаго богословія, Максимъ оставилъ намъ огромный фоліантъ сочиненій подобнаго содержанія. Особенно замѣчательно то изъ нихъ, которое ратуетъ противъ астрологіи. Извѣстно, какъ этотъ предразсудокъ господствовалъ на Западѣ даже въ XVII и XVIII вѣкѣ, какъ величайшіе умы были имъ одержимы, какъ славный герой Тридцатилѣтней войны, Валленштейнъ, благодаря астрологіи, погубилъ свою славу. Позднѣе и у насъ астрологія появилась при дворѣ; но уже въ XVI вѣкѣ церковь, въ лицѣ Максима и другихъ, обличала это суевѣріе.

Превосходно Максимово слово противъ *нестроенія и безчинія царей и властелей послѣдняго вѣка сего.* Извѣстно, какъ Европа страдала повсюду отъ злоупотребленій державной власти, сосре-

доточившейся въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ. Еще въ XV вѣкѣ Италію тиранили герцоги, Францію—Людовикъ XI, въ XVI вѣкѣ въ Англіи славился своею кровожадностію Генрихъ VIII, въ Даніи Христіернъ II. Максимъ направилъ сильное слово противъ тиранніи. Онъ воображаетъ себя путникомъ, встрѣчающимъ по дорогѣ величавую царственную жену, въ траурной одеждѣ, съ печальнымъ видомъ и со слезами на глазахъ. Онъ спрашиваетъ ее: кто она?—и долго, долго не можетъ получить отвѣта; но послѣ многихъ усилій и настояній слышитъ изъ устъ ея, что имя ей Василія, царская власть, что она дочь Всевышняго, и что трауръ и скорбь ея—по томъ позорѣ, какому предаютъ ее властители сего вѣка. «Какъ достойно всплакать объ нихъ, говоритъ она, которые больны такимъ безчувствіемъ и прогнѣвляютъ Вышняго Бога, сподобившаго ихъ столь великой чести и славы». Она указываетъ на чашу въ рукѣ Господа, полную вина нераствореннаго, то есть ярости нестерпимой и гнѣва,—чашу, изъ нея же пьютъ всѣ грѣшные земли, которые благочестивый царскій санъ растлѣваютъ и досаждаютъ Богу всякою своею неправдою и лихоимствомъ, чьи ноги скоры на пролитіе крови въ порывѣ неправеднаго гнѣва и звѣрской ярости.

Съ особенною скорбью вспоминаетъ она, что нѣтъ у нея теперь *обручниковъ* по ревности Божіей, какихъ имѣла древле. «Не имѣю, говоритъ она, Самуила, ополчившагося со дерзновеніемъ на Саула преслушника. Не имѣю Наѳана, избавившаго Давида отъ паденія. Не имѣю ревнителей, подобныхъ Иліи и Елисею, не побоявшихся царей Ассирійскихъ. Не имѣю Амвросія, чуднаго архіерея Божія, который не устрашился высоты царства Ѳеодосія Великаго. Не имѣю Василія Великаго, возсіявшаго въ святынѣ и во всякой премудрости и своими ученіями ужасившаго гонителя Валента. Не имѣю Іоанна Златаго языкомъ, изобличившаго сребролюбивую царицу Евдокію. Не вдовствующей ли женѣ подобная, сижу я при пустомъ пути окаяннаго вѣка нынѣшняго, лишенная такихъ поборниковъ и ревнителей? Участь моя, о путникъ, достойна рыданій многихъ».

Это слово, вѣроятно, написано Максимомъ еще въ то время, когда митрополитъ Филиппъ не претерпѣлъ мученія отъ Іоанна за смѣлое слово истины.

Жидовское ученіе, опровергнутое Іосифомъ Волоцкимъ и подавленное правительствомъ въ XVI вѣкѣ, возникло у насъ съ новою силою и посягало не только на основы вѣры, но даже на основы жизни общественной и семейной. Оно подкапывалось подъ зданіе государства и разрывало всѣ связи нравственныя, соединявшія дѣтей съ родителями. Это ученіе, извѣстное у насъ подъ именемъ ереси Ѳеодосія Косаго, проникло въ среду простаго народа и дѣйствовало тайно въ глубинѣ народной жизни. Тогда возсталъ противъ этого ученія инокъ Отенской пустыни Зиновій, ученикъ Максима Грека. Въ обличеніе ереси Зиновій написалъ 56 бесѣдъ между людьми простыми; не одни богословскіе доводы находимъ мы въ этомъ сочиненіи, но и логическія доказательства бытія Божія и Пресвятой Троицы. Еретикъ, между прочимъ, говорилъ, что разумъ въ первомъ человѣкѣ открылся со времени его паденія, когда онъ, вкусивъ отъ запрещеннаго древа, сталъ разумѣть добро и зло. Съ этимъ ученіемъ согласна философія Гегеля. Но Зиновій опровергалъ его, говоря, что Адамъ еще до паденія обнаружилъ великій разумъ и премудрость въ изобрѣтеніи языка при созерцаніи животныхъ и признаніи жены.

Въ XVII вѣкѣ борьба въ нашей церкви еще сильнѣе разрослась. Она имѣла два средоточія: одно на югѣ, другое — на сѣверѣ. Кіевъ и Москва подавали руку другъ другу въ соединенномъ дѣйствіи на противниковъ церкви. Еще въ концѣ XVI вѣка явилось въ Кіевѣ училище. Его возникновеніе окрѣпло въ политическихъ буряхъ южной Руси. Въ XVII вѣкѣ оно было обязано своимъ процвѣтаніемъ Петру Могилѣ, Волошскому князю, человѣку высокаго современнаго образованія, принесшему свои огромныя средства, и умственныя и матеріальныя, въ жертву православію. Кіевскія школы дѣятельно сносились съ Западомъ и образовали у насъ множество ученыхъ богослововъ, дѣйствовавшихъ въ XVII и XVIII вѣкахъ. Отсюда вышли: Дими-

трій Ростовскій, Стефанъ Яворскій, Ѳеофанъ Прокоповичъ и другіе.

Кіевъ привлекалъ къ намъ и ученыхъ Запада во имя православія. Изъ Кёнигсберга вышелъ Пруссакъ Адамъ Черниковъ, и послѣ долгихъ странствій и разысканій по университетамъ и библіотекамъ Запада о догматѣ исхожденія Святаго Духа, явился къ намъ съ огромнымъ изслѣдованіемъ въ пользу истины, какъ ее исповѣдуетъ православная церковь.

Религіозной и нравственной силѣ кіевскихъ школъ мы обязаны присоединеніемъ къ намъ Малороссіи.

Москва строго и пристально слѣдила за кіевскою борьбою и устраняла то, что́ могло быть противно истинѣ, по сродной человѣку возможности заражаться даже и тѣмъ, противъ чего онъ ведетъ борьбу. Но кромѣ того у Москвы было свое широкое поприще для полемической дѣятельности: она должна была бороться съ внутренними расколами, возникшими по случаю исправленія церковныхъ книгъ. Сюда относятся творенія патріарховъ русской церкви. Независимо отъ внутренней борьбы, Москва должна была вести еще борьбу внѣшнюю, съ римскимъ католичествомъ, которое въ лицѣ іезуитовъ вторгалось къ намъ и вносило свои ученія, волновавшія народъ. Таковъ былъ споръ при патріархѣ Іоакимѣ о времени пресуществленія Евхаристіи. Спорили даже простолюдины и женщины на рынкахъ московскихъ, — такъ сильна была религіозная дѣятельность въ русскомъ народѣ.

Чтобы дать понятіе о томъ, какъ наши патріархи разумѣли связь между церковью и народомъ, приведемъ слова изъ творенія патріарха Іоакима *Цвѣтъ духовный*:

«Есть бо сія святая церковь, въ ней же едина вѣра во Христа Господа... Въ церкви есть видѣти общій смыслъ всего народа и государства, общій въ вѣрѣ святѣй разумъ, общее святыхъ Отецъ ученіе, и чинное въ обычаи преданія содержилище, единъ гласъ... аще ли единъ гласъ, и едино умствованіе».

Послѣднимъ представителемъ древней Руси въ религіозномъ отношеніи былъ святитель Ростовскій Димитрій. Онъ соединяетъ

древнюю Русь съ новою. Строгій обличитель и противникъ раскола въ его Розыскѣ о Брынской вѣрѣ, онъ вынесъ изъ древней Руси вѣру чистую и правую. Для народа русскаго онъ написалъ любимую его книгу, Четіи-Минеи или житія святыхъ вселенской церкви, гдѣ изобразилъ примѣры христіанской жизни для людей всякаго званія отъ царей до простолюдиновъ. Въ жизни своей онъ выражалъ большое сочувствіе къ искусству, особенно къ музыкѣ и пѣнію. По части драматической поэзіи онъ писалъ опыты мистерій, которыя положили основаніе нашему театру. Въ своемъ *Алфавитѣ духовномъ* Димитрій выразилъ полное сочувствіе къ наукѣ природы. Онъ говоритъ, что тотъ, кто хочетъ истинно познать Бога и себя и съ Нимъ любовію соединиться, долженъ прежде познать всю тварь видимую и разумѣваемую, такъ чтобы ни одна вещь отъ него не утаилась и не приводила его въ недоумѣніе. «Отъ дольняго должно восходить къ горнему. Богъ положилъ всю природу, какъ нѣкое училище, или зерцало, передъ очами нашими, чтобы мы учась восходили отъ земли къ небу. Если дольняго не познаемъ, то какъ уразумѣемъ горнее? Отъ разума и познанія рождается вѣра, отъ вѣры же заповѣдей Божіихъ храненіе. Поскольку процвѣтаетъ разумъ, постольку процвѣтаетъ и вѣра».

Такъ духовный учитель умѣлъ согласить духовное начало вѣры, развитое въ древней Руси, съ началомъ разума и науки, котораго требовала древняя Русь.

Обзоръ хода нашего слова въ древнемъ періодѣ показалъ намъ, какъ единая идея церкви проникала жизнь нашу и выражалась въ словѣ. У насъ спрашиваютъ иностранцы, а иногда и Русскіе: гдѣ ваши учрежденія, или институты? и не замѣчаютъ главнаго, самаго живительнаго для народа, которымъ приготовлено его духовное воспитаніе: это—Церковь.

Правда, въ древней нашей литературѣ есть и дурная сторона, или изнанка религіознаго періода, въ которой видны невѣжество, суевѣріе и предразсудки разнаго рода. Сюда особенно относятся произведенія раскола. Отсутствіе науки было одною изъ глав-

ныхъ причинъ, почему и вѣра впала въ заблужденіе. Въ нынѣшнее время наши молодые ученые наперерывъ печатаютъ и обличаютъ гласно всю эту подспудную литературу. Сюда относятся изданія Костомарова, Буслаева, Пыпина, Тихонравова и другихъ. Прежде правительство признавало необходимымъ употреблять строгія мѣры гоненія противъ раскола, чѣмъ нисколько не достигало цѣли, а напротивъ его усиливало. Теперь самая лучшая и дѣйствительная мѣра къ ослабленію и даже уничтоженію раскола есть обнародованіе его литературы. Печатная гласность одна только можетъ обличить все его неразуміе.

Есть, напротивъ, другія произведенія народа, изъ которыхъ видно, какіе глубокіе корни пустило христіанство въ его жизнь и какъ ясно разумѣетъ онъ свою вѣру. Изъ множества другихъ я выберу, для заключенія бесѣды, только три поэтическія представленія истинъ вѣры. Они находятся въ тѣхъ духовныхъ стихахъ, какіе поются самыми темными представителями русскаго народа, слѣпыми нищими, около храмовъ Божіихъ собирающими вокругъ себя толпы народа.

Вотъ какъ объясняетъ себѣ русскій простолюдинъ происхожденіе всѣхъ небесныхъ предметовъ міра и своего собственнаго разума отъ Христа:

Отъ чего у насъ бѣлый вольный свѣтъ?
Отъ чего у насъ солнце красное?
Отъ чего у насъ младъ свѣтелъ мѣсяцъ?
Отъ чего у насъ звѣзды частыя?
Отъ чего у насъ ночи темныя?
Отъ чего у насъ зори утренни?
Отъ чего у насъ умъ-разумъ?
У насъ бѣлый свѣтъ отъ Господа,
Самого Христа Царя Небеснаго.
Солнце красное отъ лица Божьяго,
Самого Христа Царя Небеснаго.

Младъ, свѣтелъ мѣсяцъ отъ грудей Божіихъ
Самого Христа Царя Небеснаго.
Звѣзды частыя отъ ризъ Божіихъ
Самого Христа Царя Небеснаго.
Ночи темныя отъ думъ Господніихъ
Самого Христа Царя Небеснаго.
Зори утренни отъ очей Господніихъ
Самого Христа Царя Небеснаго.
У насъ умъ-разумъ Самого Христа
Самого Христа Царя Небеснаго.

Въ этомъ народномъ сознаніи относительно ума слышенъ отголосокъ апостольскаго слова: *умъ Христовъ имамы.*

А вотъ какъ представляетъ себѣ русскій народъ послѣднія минуты жизни человѣческой, разлученіе души съ тѣломъ:

Солнышко на закатъ пошло,
Красное закатилося,
Душа съ тѣломъ разставалася,
Отошедши она тѣлу поклонилася:
Ты прости мое тѣло бѣлое,
Тебѣ, тѣло бѣлое, лежать въ сырой землѣ,
Станутъ точить тебя, тѣло, черви сыпучіе,
Сыпучіе, неутолимые,
А мнѣ душѣ идти къ самому Христу,
Къ самому Христу, Судьѣ праведному.

Какое правильное и спокойно-ясное представленіе смерти заключаетъ въ себѣ этотъ прекрасный поэтическій образъ! Сколько духовной силы должно быть въ томъ народѣ, который такъ превосходно разумѣетъ смерть!

Въ третьемъ поэтическомъ образѣ изображено все долготерпѣніе Божіе ко злу, совершенному человѣчествомъ, истекающее изъ безконечной любви Божіей къ своему лучшему созданію. Этотъ стихъ заимствованъ изъ одного церковнаго слова, встрѣ-

чающагося въ памятникахъ древней русской словесности подъ заглавіемъ *Слово отъ видѣнія апостола Павла*. Здѣсь сначала солнце жалуется Господу на неправды и беззаконія людей и говоритъ: «Вели—и я пожгу ихъ, чтобы не творили зла». Господь укрощаетъ солнце своимъ собственнымъ терпѣніемъ. Мѣсяцъ и звѣзды жалуются потомъ на ужасы, ночью совершаемые людьми, и готовы погубить ихъ; но Богъ и ихъ успокоиваетъ. Море и рѣки о томъ же вопіютъ къ Господу. Наконецъ земля жалуется болѣе всѣхъ. Отсюда-то заимствованъ народный стихъ, извѣстный у насъ подъ именемъ *Плача земли передъ Богомъ:*

Разступилась, расплакалась
Матушка сыра-земля
Передъ Господомъ Богомъ:
Тяжелъ-то мнѣ, тяжелъ, Господи, вольный свѣтъ,
Тяжелѣ многогрѣшниковъ, болѣ беззаконниковъ.
Речетъ же Господь сырой землѣ:
Потерпи же ты, матушка сыра-земля!
Не придутъ ли рабы грѣшники
Къ самому Богу съ чистымъ покаяніемъ?
Ежели придутъ, прибавлю я имъ свѣту вольнаго,
Царство небесное.
Ежели не придутъ ко Мнѣ, къ Богу,
Убавлю я имъ свѣту вольнаго,
Прибавлю я имъ муки вѣчныя.

Такъ воображаетъ себѣ милосердіе Господне народъ, воспитанный церковью кроткою и милостивою.

Ни въ чемъ такъ не сказалась вѣра русскаго народа въ послѣднее время, какъ въ двухъ прекрасныхъ явленіяхъ его новой современной жизни: въ терпѣніи, съ какимъ онъ ждалъ и ждетъ своей свободы, и въ стремленіи отрезвиться отъ своего пагубнаго порока.

Но мы все еще ждемъ бо̀льшаго, все еще съ желаніями вопіемъ: «когда-то совершится въ насъ великое? когда сѣмя, по-

сѣянное вѣками, выростетъ и созрѣетъ въ жатву? когда идея церкви оживетъ во всѣхъ сословіяхъ народа, и тайна жертвы, совершаемой ежедневно въ нашихъ храмахъ, обнаружится и явится вполнѣ въ нашей жизни?

ЛЕКЦІЯ 3.

Періодъ древней Руси совершилъ великое дѣло, положивъ религіозную основу въ жизни русскаго народа, но заключалъ въ себѣ и большіе недостатки, которые состояли въ злоупотребленіяхъ ѳеократіи и въ отсутствіи развитія человѣческой личности. Вотъ гдѣ были причины, почему ни наука, ни искусство, ни свобода гражданская не могли у насъ развиваться: орудіемъ для ихъ развитія служитъ лицо человѣка, а оно совершенно исчезало въ безличности древней общинной жизни. Въ этомъ отношеніи мы не могли обойтись безъ содѣйствія западной Европы и обратились къ ней, лишь только получили возможность.

Первая страна, съ которою сблизило насъ человѣческое образованіе, была Италія. Она радушно и гостепріимно отвѣчала на наши требованія, не такъ, какъ другія страны. Первыя сношенія наши съ Италіею относятся ко времени Флорентинскаго собора, слѣдовательно къ 1437 году. Одинъ изъ духовныхъ сопутниковъ измѣнника Исидора, Симеонъ, передалъ намъ сказанія о самомъ соборѣ и съ большимъ сочувствіемъ отозвался о Флоренціи и ея великолѣпномъ соборномъ храмѣ. Другой товарищъ его, Авраамій, съ изумленіемъ и простодушіемъ разсказываетъ про мистерію Благовѣщенія, которую видѣлъ въ одномъ изъ городскихъ монастырей. Вѣроятно, разсказы русскихъ странниковъ объ Италіи и ея архитектурныхъ памятникахъ возбудили въ нашихъ соотчичахъ желаніе украсить Москву чѣмъ-нибудь подобнымъ. Какъ только Россія свергла съ себя Татарское иго

при Іоаннѣ III, къ намъ, по нашему зову, явились италіянскіе художники. Нашъ прекрасный и воздушный Кремль былъ первымъ плодомъ нашего художественнаго сближенія съ Италіею. Въ построеніи храмовъ Божіихъ мы принуждали италіянскихъ зодчихъ строго держаться древняго Византійскаго стиля. Замѣчательно, что строитель Успенскаго собора въ Москвѣ, болонецъ Аристотель Фіоравенти, былъ однимъ изъ архитекторовъ, участвовавшихъ въ довершеніи венеціанской церкви Св. Марка, строенной въ византійскомъ стилѣ. Прежде чѣмъ строить Успенскій соборъ, онъ долженъ былъ осмотрѣть соборъ владимірскій. Но когда мы рѣшились строить памятникъ въ честь идеи государственной, выразившейся въ московскомъ единодержавіи, мы дали свободу красотѣ италіянскаго зодчества,—и Кремль явился полнымъ отблескомъ этой идеи.

Не такъ были благосклонны, какъ Италія, другія страны къ нашему стремленію принять дары европейскаго образованія. Германія особенно оказалась къ намъ враждебною. Когда Іоаннъ IV, черезъ саксонца Шлитта, просилъ Карла V на Аугсбургскомъ сеймѣ прислать ученыхъ и художниковъ въ Россію, Карлъ изъявилъ свое согласіе, но съ условіемъ, чтобы Россія за даръ науки и искусства приняла римско-католическую вѣру. Городъ Любекъ заключилъ въ тюрьму всѣхъ ученыхъ и художниковъ, желавшихъ ѣхать въ Россію. Когда датскій король Христіернъ III, по просьбѣ Іоанна IV, прислалъ къ намъ книгопечатниковъ для учрежденія въ Москвѣ типографіи, съ ними присланы были отъ Христіерна двѣ книги: *Лютеровъ Катихизисъ* и *Аугсбургское исповѣданіе*, для перевода ихъ на русскій языкъ и распространенія по всей Россіи. Такимъ образомъ, всѣ орудія западнаго образованія предлагаемы были намъ цѣною измѣны убѣжденіямъ совѣсти. Будемъ ли мы обвинять нашихъ предковъ за то, что они не захотѣли такою цѣною купить европейское образованіе и считали вѣру несокрушимою основою русской жизни?

Позднѣе Борисъ Годуновъ имѣлъ мысль учредить въ Москвѣ

университетъ и пригласить для того иноземныхъ ученыхъ; но духовенство оказало этому препятствіе, заявивъ, что черезъ смѣшеніе языковъ оно боится смѣшенія понятій и страшится за единство нашей вѣры. Ѳеократія въ лицѣ духовенства положила преграду первой попыткѣ образованія.

Въ XVII вѣкѣ кіевскія духовныя училища посылали своихъ ученыхъ въ западные университеты, но тамъ не соглашались допускать ихъ къ наукѣ иначе, какъ съ условіемъ перемѣнить вѣру. Кіевское начальство позволяло даже молодымъ искателямъ знанія принимать наружно чуждую вѣру для того, чтобы хитрымъ обманомъ похищать науку.

Когда Петръ Великій отправился въ Голландію учиться кораблестроительному искусству, патріархъ Адріанъ писалъ къ нему, что не слѣдъ новому Израилю якшаться съ чуждыми народами.

Всѣ эти событія и на Западѣ, и у насъ доказываютъ, что въ то время еще не выработалась терпимость мысли. Потребны были Варооломеевская ночь и Тридцатилѣтняя война, надобно было потокамъ человѣческой крови омыть Европу, чтобы достичь свободы совѣсти, перваго условія полнаго человѣческаго образованія. У насъ наука стала доступна тогда, когда мы могли получить ее не измѣняя вѣрѣ. Не даромъ Петръ и Лейбницъ были современники.

Въ религіозномъ періодѣ злоупотребленіе ѳеократическаго начала препятствовало развитію человѣческой личности вообще. Личный элементъ могъ въ немъ развиваться только въ лицѣ государя, или инока. Въ настоящей бесѣдѣ мы разсмотримъ этотъ элементъ въ твореніяхъ названныхъ двухъ личностей, а въ концѣ періода увидимъ, какъ эти личности столкнулись враждебно между собою.

Творенія русскихъ государей начинаются славною воинственною рѣчью Святослава. Нельзя допустить, чтобы эта рѣчь была сочиненіемъ лѣтописца-инока. Здѣсь въ каждомъ словѣ и до сихъ поръ слышится душа русскаго воина.

«Уже намъ нѣкамо*) ся дѣти!**) волею и неволею стати противу, да не посрамимъ землѣ Русскіѣ, но ляжемъ костьми: мертвыи бо срама не имутъ. Аще ли побѣгнемъ, срамъ имамъ; не имамъ убѣжати, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду; аще моя глава ляжетъ, то промыслитѣ собою». — И рѣша вои: «идеже глава твоя, ту и свои главы сложимъ».

Въ этихъ словахъ, дышащихъ воинскою честью и любовію къ землѣ Русской, покоится зародышъ нашего физическаго могущества и предвидится огромность того пространства, которое заняли на землѣ наши предки.

За рѣчью Святослава слѣдуетъ молитва святаго Владиміра. Въ Кіевѣ, въ волнахъ Днѣпра, пріемлетъ крещеніе народъ русскій. На берегу креститель его Владиміръ подъемлетъ руки къ небу и произноситъ молитву:

«Боже, створивый небо и землю! призри на новыя люди сія, и даждь имъ, Господи, увѣдѣти Тобе истиньнаго Бога, яко же увѣдеша страны христьянскыя; утверди и вѣру въ нихъ праву и несовратьну***), и мнѣ помози, Господи, на супротивнаго врага, да надѣяся на Тя и на Твою державу, побѣжу козни его».

Если въ рѣчи Святослава мы видѣли зародышъ физическаго могущества нашего, то въ молитвѣ Владиміра видимъ зародышъ нравственной силы и духовнаго просвѣщенія русскаго народа.

Ярославъ, сынъ Владиміра, сѣялъ, какъ говоритъ лѣтописецъ, на той почвѣ, которую взоралъ его отецъ, сѣмена книжнаго просвѣщенія и вмѣстѣ съ наслѣдниками своими далъ русскому народу *Русскую Правду*. Въ этомъ первомъ нашемъ законодательномъ памятникѣ выразился общинный духъ народа. Это не кабинетное сочиненіе юрисконсульта-мыслителя, но слово живаго обычая, положенное на хартію. По смыслу этого древняго законодательства твердый законъ живетъ въ добрыхъ нравахъ народа: «твердый законъ норовъ добръ».

---

*) Некуда.
**) Дѣться.
***) Несовратимую.

Въ Поученіи дѣтямъ внука Ярославова, Владиміра Мономаха, мы видимъ образецъ христіанскаго воспитанія въ древнемъ князѣ удѣльной Руси. Дѣятельная борьба съ варварами Половцами, охота на дикихъ звѣрей и миротворное посредничество между враждующими князьями составляютъ содержаніе всей его жизни. Озаренный высшей истиною, онъ сознаетъ пороки своего народа, и особенно нашу русскую лѣнь, которую пять разъ преслѣдуетъ въ своемъ краткомъ поученіи. Выдаются и наши хорошія качества: наше гостепріимство, которымъ мы заискивали въ добромъ мнѣніи другихъ народовъ; наше умѣніе говорить хорошо на иностранныхъ языкахъ, изъ которыхъ на пяти говорилъ отецъ Владиміра, Всеволодъ, и тѣмъ привлекалъ къ себѣ сочувствіе иныхъ народовъ. Но надъ всѣми качествами возвышается кротость, воспитанная христіанствомъ и ясно видная въ благородномъ отвращеніи къ пролитію человѣческой крови. На Западѣ, не смотря на человѣколюбивыя и краснорѣчивыя рѣчи Ламартина, Виктора Гюго и другихъ противъ смертной казни, гиліотина до сихъ поръ еще не упразднилась. А у насъ уже въ началѣ XII вѣка, въ Поученіи Мономаховомъ, мы читаемъ слѣдующія золотыя слова:

«Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его; аще будетъ повиненъ смерти, а душа не погубляете никакоя же хрестіяны» (Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, ни повелѣвайте убить его; если и будетъ достоинъ смерти, то не губите ни какой души христіанской).

Въ послѣднихъ годахъ удѣльнаго періода славенъ былъ великій князь Василій Темный, несчастная его жертва, своимъ посланіемъ защитившій православіе Русской Церкви противъ навѣта Исидора, измѣнившаго ему на Флорентинскомъ соборѣ.

Въ древнемъ нашемъ періодѣ нѣтъ писателя, въ которомъ личность человѣка такъ сильно проявилась бы и въ духѣ сочиненій и въ самомъ слогѣ, какъ Іоаннъ Грозный. Изученіе его характера въ исторіи не можетъ быть полно безъ изученія его словесныхъ произведеній. Митрополитъ Макарій и вельможа

Иванъ Бѣльскій могли содѣйствовать его образованію; но всего болѣе онъ обязанъ былъ своему собственному генію, а форма, въ которой этотъ геній выразился, принадлежитъ духу вѣка. Обширныя свѣдѣнія въ богословіи, огромная начитанность въ твореніяхъ отцовъ церкви, діалектика самая тонкая и хитрая, иронія рѣзкая и безпощадная, языкъ то мертвый славянскій, то живой народный, устный, — составляютъ отличительныя черты Іоанна, какъ писателя. Литературная его дѣятельность выразилась преимущественно въ полемикѣ, до которой онъ былъ страстный охотникъ. Исторія сохранила его запальчивыя богословскія пренія съ іезуитомъ Антоніемъ Поссевиномъ. Нельзя не припомнить, какъ, пріѣхавъ въ одинъ маленькій лифляндскій городокъ Кокенгузенъ, онъ тотчасъ послалъ за лютеранскимъ пасторомъ, чтобы съ нимъ поспорить о вѣрѣ. Ему было 24 года, когда онъ написалъ посланіе къ Максиму Греку о ереси Матвѣя Бахмина, въ которомъ обнаружилъ глубокія богословскія познанія.

Но особенно славны двѣ его полемики: одна противъ князя Андрея Курбскаго, другая—противъ русскихъ монастырей.

Литературный поединокъ между царемъ и его бояриномъ принадлежитъ къ числу рѣзкихъ особенностей нашей древней русской словесности. Личность Курбскаго представляетъ одно изъ яркихъ исключеній въ древней русской жизни, но съ тѣмъ вмѣстѣ подтверждаетъ истину нашего замѣчанія, что личность человѣка древне-русскаго могла развиваться свободно только черезъ отторженіе отъ великой русской общины. Еслибы Курбскій не измѣнилъ Іоанну, мы не имѣли бы ни его записокъ, которыя представляютъ столь богатый матеріалъ для исторіи Іоанна, ни краснорѣчивыхъ его писемъ, которыми онъ сражался съ самоволіемъ Грознаго. Потомокъ князей ярославскихъ, герой казанскаго похода, пожалованный въ бояре Іоанномъ, въ два мѣсяца одержавшій восемь побѣдъ въ войну ливонскую, Курбскій, боясь опалы и казни за проигранную Литовцамъ битву, внезапно бѣжалъ въ Литву къ королю Польскому и оттуда изъ Вольмара прислалъ первое обличительное посланіе къ Іоанну съ

слугою своимъ, Василіемъ Шибановымъ. Курбскій грозно обвинялъ Іоанна въ казни и ссылкѣ невинныхъ, вопіющихъ на него къ Господу.

Отвѣтъ Іоанновъ есть образецъ самой тонкой и хитрой діалектики. Этимъ орудіемъ онъ разбиваетъ въ пухъ своего противника, и перебирая все посланіе Курбскаго по періодамъ и даже выраженіямъ, уничтожаетъ его совершенно. Съ какою убійственною и рѣзкою иронією, приводя тексты изъ Священнаго Писанія, онъ упрекаетъ Курбскаго въ томъ, что предпочелъ спасеніе тѣла спасенію души и не принялъ отъ руки владыки своего добровольной казни! Вотъ слова Іоанна: «Почто, княже, единородную свою душу отверглъ еси? Что даси измѣну на ней въ день страшнаго суда? Чесо на тѣлѣ душу предалъ еси? Аще праведенъ и благочестивъ еси по твоему гласу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже нѣсть смерть, но пріобрѣтеніе? Апостолъ Павелъ глаголетъ: «Всяка душа владыкамъ предержащимъ да повинуется: никая же бо владычества еже не отъ Бога учинена суть... Раби, послушайте господей своихъ, не предъ очима точію работающе яко человѣкоугодницы, но яко Богу, и не токмо благимъ, но и строптивымъ, не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть...». И аще праведенъ еси и благочестивъ, почто не изволилъ еси отъ мене, строптиваго владыки, страдати и вѣнецъ жизни наслѣдити? Но ради привременныя славы и сребролюбія, и слабости міра сего, все свое благочестіе душевное со христіянскою вѣрою и закономъ попралъ еси... Како же не усрамишися раба своего, Васьки Шибанова?»

Страшно сознаетъ Іоаннъ царское самодержавіе, олицетворенное и сосредоточенное въ немъ самомъ. «Яко же родихомся въ царствіи, тако и возрастахомъ и воцарихомся Божіимъ велѣніемъ и родителей своихъ благословеніемъ свое взяхомъ, а не чужое восхитихомъ». Съ ужасомъ указываетъ онъ на примѣры тѣхъ царствъ, которыя погибли потому, что въ нихъ цари были послушны эпархамъ и синклитамъ. «Сіе ли ты намъ совѣтуешь, говоритъ Іоаннъ, чтобы къ той же погибели прійти? и се ли убо

благочестіе, еже не строити царства?... Иное душу свою спасти, иное о многихъ душахъ и тѣлесахъ пещися. Ино постническое правленіе, ино общее житіе, ино святительская власть, ино царское правленіе».

По мнѣнію Іоанна, царское правленіе требуетъ страха, обузданія и конечнѣйшаго запрещенія ... «Пророкъ рече: Горе дому, имъ же домомъ жена обладаетъ; горе граду, имъ же мнози обладаютъ. Видиши ли, яко подобно женскому безумію многихъ владѣніе: аще не подъ единою властію будутъ, аще и крѣпки, аще и храбры, аще и разумны, но обаче (все таки) женскому безумію подобно есть. . . .». «Россійское самодержавство, говоритъ Іоаннъ, изначала сами владѣютъ всѣми царствами, а не бояре и вельможи».

Ревнивость Іоанна къ боярамъ и вельможамъ выразилась здѣсь во всемъ ея ужасѣ. Онъ излагаетъ кровавую теорію боярскихъ казней, которыми наполнилъ свое царствованіе, и дерзко приводитъ ей опору изъ словъ Апостола: «Овѣхъ убо милуйте разсуждающе, овѣхъ же страхомъ спасайте». Казня бояръ, Іоаннъ думалъ спасать ихъ страхомъ, ибо, по его мнѣнію: «государи проливаютъ кровь и во святыхъ причитаются». Созидая единую власть въ себѣ самомъ, Іоаннъ казнилъ все, въ чемъ только таилась тѣнь ея. Гнѣвъ его подъ конецъ посланія весь сосредоточивается на Курбскомъ: «Лице же свое, говоритъ Іоаннъ, не явити намъ до дне страшнаго суда Божія: кто же убо восхощетъ таковаго Ефіопскаго лица видѣти?». Но безсиліе иронической насмѣшки соединяется въ Іоаннѣ съ чувствомъ горькой правды, которою онъ сильнѣе поражаетъ измѣнника»: «Не Божія земля тебя отъ себе отгнала, но ты самъ себе отъ нея отторгнулъ еси».

Отвѣтъ Курбскаго Іоанну, въ которомъ онъ называетъ его *писаніе широковѣщательнымъ и многошумящимъ*, слабъ въ сравненіи съ Іоанновымъ. Курбскій уклоняется отъ отвѣта подъ предлогомъ, что мужамъ-рыцарямъ не подобаетъ браниться какъ рабамъ. Іоаннъ въ своемъ возраженіи снова гордо сознаетъ свое прирожденное самодержавіе. «Народился есми, говоритъ онъ, Бо-

жіимъ изволеніемъ, на царствѣ; и не помню того, какъ меня батюшка пожаловалъ благословилъ государствомъ, и возросъ семи на государствѣ». Сердито нападаетъ онъ на бояръ и на Сильвестра, духовника своего, за то, что они будто бы мирволили на царство князю Владиміру Андреевичу. Затѣмъ Іоаннъ тщеславится паденіемъ германскихъ городовъ передъ его державою, и такъ говоритъ: «Рекосте: нѣсть людей на Руссіи: некому стояти! и нынѣ васъ нѣтъ: кто же нынѣ претвердые грады германскіе взимаетъ? Сила Животворящаго креста, побѣдившая Амалика и Максентія, грады взимаетъ! Не дожидаются грады германскіе браннаго бога, но явленіемъ Животворящаго креста поклоняютъ главы своя».

Курбскій въ третьемъ своемъ посланіи жарко беретъ сторону Сильвестра, защищая его противъ клеветы Іоанновой и говоря, что грѣхъ неизцѣлимый клеветать на правовѣрнаго христіанина, что это все то же, что̀ клеветать на Духа Святаго. «А не еще ли гнуснѣе вымышлять ложь на своего исповѣдника, который душу его царскую къ покаянію привелъ, грѣхи его на своей выѣ посилъ, и, исчистя покаяніемъ, чистаго предъ наичистѣйшимъ Царемъ, Христомъ Богомъ нашимъ, поставилъ».

Посланія Курбскаго все выростали въ силѣ и внутреннемъ значеніи. Правда торжествовала надъ хитроумною, но лживою діалектикой, идея надъ пышнымъ и велерѣчивымъ словомъ. Превосходно четвертое посланіе Курбскаго. Мы не знаемъ, было ли вызвано оно посланіемъ Іоанновымъ. Можетъ быть, нѣкоторыя части этой переписки не дошли до насъ. Вотъ начало этого дивнаго посланія:

«Аще пророцы плакали и рыдали о градѣ Іерусалимѣ и о церкви преукрашенной, отъ каменія прекраснѣйша созданной, и о сущихъ живущихъ въ немъ погибающихъ, како не достоитъ намъ зѣло восплакати о разореніи града Бога живаго, или церкви твоей тѣлесной, юже создалъ Господь, а не человѣкъ, въ ней же нѣкогда Духъ Святый пребывалъ, яже по прехвальномъ покаяніи была вычищена и чистыми слезами измыта, отъ нея же чистая

молитва, яко благоуханно муро, или оиміамъ, ко престолу Господню восходила, въ ней же, яко на твердомъ основаніи правовѣрныя вѣры, благочестивыя дѣла созидашася, и Царская душа въ той церкви, яко голубица крилы посеребренными между рамія ея блисталася, пречестнѣйша и пресвѣтлѣйша злата, благодатію Духа Святаго преукрашена дѣлами, укрѣпленія ради и освященія тѣла Христа, и наидражайшею его кровію, ею же насъ откупилъ отъ работы діаволи! Не такова твоя прежде бывала церковь тѣлесная!» Отъ сего прекраснаго описанія тѣлесной церкви царя Курбскій переходитъ къ ужасному его растлѣнію, и въ заключеніе говоритъ: «Воспомяни дни свои первые, въ нихъ же блаженно царствовалъ! Не губи себя и дому твоего... Зачѣмъ такъ долго лежишь простертъ и храпишь на одрѣ болѣзненномъ, объятый быдьто сномъ летаргическимъ? Опомнись и воспрянь! Никогда не поздно: самовластіе наше и воля къ покаянію данная и вложенная въ насъ отъ Бога, даже до распряженія души отъ тѣла, не отъемлется....»

На это посланіе не послѣдовало отвѣта. По крайней мѣрѣ онъ до насъ не дошелъ. Впрочемъ, и отвѣчать было нечего.

Курбскій продолжалъ свои нападенія на Іоанна въ Запискахъ объ его царствованіи. Эти Записки представляютъ у насъ первый опытъ исторіи государственной, въ которомъ сказывается личность историка. Въ лѣтописяхъ она скрывалась; здѣсь она открывается: отсюда ихъ достоинства и недостатки; онѣ писаны подъ вліяніемъ страсти, и можетъ быть характеръ Іоанна принесенъ въ жертву личной непріязни къ нему и нравственному воззрѣнію Курбскаго. Въ обращеніяхъ къ царю онъ указываетъ на необходимость добраго и полезнаго совѣта не только отъ совѣтниковъ, но и отъ *всенародныхъ человѣкъ*: «Даръ духа, говоритъ онъ, дается не по богатству внѣшнему и не по силѣ царства, но правости душевной». Особенно сильно то мѣсто, гдѣ Курбскій описываетъ перемѣну нравственную, происшедшую въ Іоаннѣ отъ вліянія его любимыхъ ласкателей.

Ревнивое властолюбіе Іоанна сказалось также въ преніяхъ

его съ монастырями. Образчикъ тому мы видимъ въ его посланіи въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Не будучи еще въ силахъ употребить насилія, потому что монастыри были подъ охраною народной, Іоаннъ употребляетъ ѣдкую и рѣзкую иронію, орудіе литературное, которымъ умъ его владѣлъ превосходно. Чертами злой сатиры онъ изобразилъ изнанку жизни тогдашнихъ монастырей; но, конечно, по этому посланію было бы невѣрно судить о духовной жизни всѣхъ нашихъ обителей XVI-го вѣка. Посланіе дѣлится на двѣ половины, рѣзко другъ другу противоположныя. Въ первой половинѣ Іоаннъ съ лицемѣрнымъ смиреніемъ покаянія какъ будто обращается къ пустынникамъ и проситъ у нихъ молитвъ и духовной помощи, рисуя ихъ постническіе образы словами Василія Амасійскаго. Но за то въ другой половинѣ, скинувъ съ себя личину смиренія, гордо обличаетъ ихъ въ измѣненіи иноческихъ уставовъ и въ потворствѣ боярамъ, которые укрывались въ монастыряхъ отъ опалъ и казней Іоанновыхъ и вводили къ нимъ свои мірскіе и любострастные обычаи. Обѣ половины рѣзко отличаются и въ самомъ слогѣ: первая писана языкомъ славяно-церковнымъ, вторая — чистымъ народнымъ русскимъ. Приведемъ образчики того и другаго.

«Увы мнѣ грѣшному! горе мнѣ окаянному! охъ мнѣ скверному! Недостоинъ я нарещися братомъ вашимъ. Сотворите меня яко единаго отъ наемниковъ своихъ: припадаю честныхъ ногъ къ стопамъ вашимъ и милъ ся дѣю. Писано: свѣтъ инокамъ Ангелы, свѣтъ мірянамъ иноки. Подобаетъ вамъ, нашимъ государямъ, насъ заблудшихъ во тьмѣ гордости и сѣни смертнѣй прелести тщеславія просвѣщати: а мнѣ псу смердящему, кого учити, чему наказати, и чѣмъ просвѣтити? Самъ бо всегда въ пьянствѣ, въ скверне, въ убійствѣ, въ грабленіи, въ хищеніи, въ ненависти, во всякомъ злодѣйствѣ... Паче же въ настоящемъ семъ многомятежномъ и жестокомъ времени, кому мнѣ нечистому и скверному и душегубцу учителю быти?... Есть у васъ дома учитель среди васъ Кириллъ... Помните, отцы святіи, нѣкогда прилучися нѣкоимъ нашимъ приходомъ къ вамъ, въ пречестную обитель Пре-

чистыя Богородицы и Чудотворца Кирилла... отъ темныя ми мрачности малу зарю свѣта Божія въ помыслѣ моемъ воспріяти... И азъ грѣшный вамъ извѣстихъ желаніе свое о постриженіи, и искушахъ окаянный вашу святыню слабыми словесы. Вы извѣстисте мнѣ о Бозѣ крѣпостное житіе: возрадовася скверное мое сердце со окаянною моею душою, яко обрѣтохъ узду помощи Божія своему невоздержанію... Обѣщаніе положихъ съ радостію нигдѣ инде не постришися, точію въ пречестнѣй сей обители. И вамъ молитвовавшимъ, азъ же окаянный преклонихъ скверную свою главу и припадохъ къ честнымъ стопамъ преподобнаго игумна тогда сущаго, ему руку положшу на мя и благословившу мене... И мнѣ мнится окаянному, яко исполу есмь чернецъ: аще и не отложихъ всякаго мірскаго мятежа, но уже рукоположеніе ангельскаго образа на себѣ ношу. И видѣхъ во пристанищи спасенія многи корабли душевныя лютѣ обуреваемы треволненіемъ, сего ради не могохъ терпѣти, малодушствовахъ и о своей души поболѣхъ....»

Такъ изображаетъ Іоаннъ постническіе образы монаховъ Кирилловой обители: «Отъ младыхъ ногтей въ постѣ... Богови прилюбистеся, вкупѣ же и человѣческія отбѣгающе бесѣды, безмолвію же и уединенію припрягосте себе, градныхъ плищь удаляющеся, вретищемъ же острымъ тѣло свое удручяюще, и поясомъ жестокимъ чресла своя стязующе, терпѣливно кости своя оскорбляюще, ложесна же со внутренними чревесы, даже до хребетныхъ костей, ослабили есте; и яденія убо мягкаго потребы отвергостеся, внутрь же кожу тѣлесную вовлекосте, къ лядвіямъ кудящися прилѣписти... И что ми изрещи и каяждо подобаетъ? Помяните, елико уста святыхъ лобзаніемъ цѣловасте! елико священная тѣлеса объясте! елицы васъ за руцѣ пріимаху! колицы раби Божіи и колѣнома вашима приплетахуся!»

Внезапно сбросивъ все это кривляніе, исполненное иронiи, Іоаннъ вдругъ переходитъ къ изображенію бояръ, роскошествующихъ въ обители, и мѣняетъ мертвую краску своей рѣчи на живую: «Есть бо у васъ Анна и Каіяфа, Шереметевъ и Хабаровъ;

и есть Пилатъ, Варламъ Собакинъ, понеже отъ царскія власти посланъ; и есть Христосъ распинаемъ, чудотворцово преданіе пребидимо!...

«А Шереметеву какъ назвати братією? яко у него десятой холопъ, который у него въ кельѣ живетъ, ѣстъ лучше братій, которые въ трапезѣ ѣдятъ. И великіи свѣтильницы, Сергій и Кириллъ, и Варламъ, и Димитрій, и Пафнутій, и инози преподобніи въ Рустѣй земли, уставили уставы иночьскому житію крѣпостныя, яко же подобаетъ спастися; а бояре къ вамъ пришедъ, свои любострастные уставы ввели: ино то не они у васъ постриглися, вы у нихъ постриглися, не вы имъ учители и законоположители, они вамъ учители и законоположители. Да, Шереметева уставъ добръ, держите его; а Кирилловъ уставъ не добръ, оставите его. Да сегодня тотъ бояринъ ту страсть введетъ, а иногды иной иную страсть введетъ, да помалу, помалу, весь обиходъ монастырскій крѣпостной испразднится, и будутъ вси обычаи мірскіе. Вѣдь по всѣмъ монастыремъ, сперва, начальники уставили крѣпкое житіе, да опослѣ ихъ разорили любострастные. И Кириллъ чюдотворецъ на Симоновѣ былъ, а послѣ его Сергѣй; а законъ каковъ былъ, прочтите въ житіи чюдотворцовѣ, и тамо извѣстно увѣсте; да тотъ маленько слабость ввелъ, а послѣ его иные поболши, да помалу, помалу, и до сего якоже и сами видите, на Симоновѣ, кромѣ сокровенныхъ рабъ Божіихъ, точію одѣяніемъ иноцы, а мірская вся совершаются якоже у чюда быша, среди царствующаго града, предъ нашима очима, намъ и вамъ видима.

«А вы се надъ Воротынскимъ церковѣ есте поставили! ино надъ Воротынскимъ церковь, а надъ чюдотворцемъ нѣтъ; Воротынской въ церкви, а чюдотворецъ за церковью. И на страшномъ Спасовѣ судищѣ, Воротынской да Шереметевъ выше станутъ потому: Воротынской церковью, а Шереметевъ закономъ, что ихъ Кириллова крѣпчае.

«У Діонисія преподобнаго на Глушицахъ и у великаго чюдотворца Александра на Свири только бояре не стригутся, и они

Божіею благодатью процвѣтаютъ постническими подвиги. У Шереметева и повариа своя. Вѣдь дати воля царю, ино и псарю; дати слабость вельможѣ, ино и простому.

«Самъ Іосафъ, царевъ сынъ, царство остави, и до тоя Сенаридскія пустыни пѣшь шествова... и съ собою ли царевъ сынъ законъ принесе, или по пустынному житіе поживе? множае у него было и своихъ Шереметевыхъ. Како и в. князь Святоша, прежъ державный в. княженіе Кіевское и пострижеся въ Печерстѣмъ монастырѣ, и пятнадесять лѣтъ въ вратаряхъ бысть и всѣмъ работаше знающимъ его... Тако Святіи подвизахуся Христа ради; а у всѣхъ тѣхъ свои Шереметевы и Хабаровы были...

«А то все благочестіе погибло отъ Шереметевыхъ: таковы тѣ Шереметевы!

«... А нынѣ у васъ Шереметевъ сидитъ въ кельѣ что царь, а Хабаровъ къ нему приходитъ да и иные черьнцы, да ѣдятъ, да піютъ что въ міру; а Шереметевъ, невѣсть со сватьбы, невѣсть съ родинъ, розсылаетъ по кельямъ постилы, коврижки и иные пряные составные овощи, а за монастыремъ дворъ, а на немъ запасы годовые всякіе; а вы ему молчите о такомъ великомъ, пагубномъ монастырскомъ безчиніи. Оставимъ глаголати: повѣрю вашимъ душамъ. А иніи глаголютъ, будто де и вино горячее, потихоньку, въ келью къ Шереметеву приносили: ино по монастыремъ, и Фряжскія вина зазоръ, не токмо что горячее. Ино то ли путь спасенія, то ли иноческое пребываніе? Или было вамъ не чѣмъ Шереметева кормити, чтобъ у него особные годовые запасы были? Милые мои! Кирилловъ доселѣ многіе страны препитывалъ и въ гладныя времена, а нынѣ и самѣхъ васъ, въ хлѣбное время, только бы не Шереметевъ прокормилъ, и вамъ было всѣмъ съ голоду перемерети».

Такъ преслѣдуетъ Іоаннъ уничтоженіе равенства сословій, чѣмъ прежде славились монастыри.

«Да како Апостолово слово: «нѣсть Еллинъ ни Скиѳъ, нѣсть рабъ ни свободь, вси едино о Христѣ?» да како едино, коли боярипъ по старому бояринъ, а холопъ по старому холопъ? А Па-

велъ како Онисима Филимону братомъ нарече, его существеннаго раба? а вы и чужихъ холопей къ боярамъ не ровняете, а въ здѣшнемъ монастырѣ ровенство и по се время держалося, холопемъ и бояромъ и мужикомъ торговымъ. И у Троицы, при отцѣ нашемъ, келарь былъ Нифонтъ, Ряполовскаго холопъ, да съ Бѣльскимъ съ блюда ѣдалъ; а на правомъ крылосѣ Лопотало да Варламъ, невѣсть кто, а княжъ Александровъ сынъ Васильевича Оболенскаго Варламъ на лѣвомъ: ино смотрите того, коли былъ путь спасенія, холопъ съ Бѣльскимъ ровенъ, а князя добраго сынъ со странники сверстанъ. А и передъ нашима очима, Игнатій Курачевъ, Бѣлозерецъ, на правомъ крылосѣ, а Оедоритъ Ступишинъ на лѣвомъ, да ничѣмъ былъ отъ крылошанъ не отлученъ, да и индѣ много того было и досель есть. А въ Правилѣхъ Великаго Василія написано: «аще чернецъ хвалится при людехъ, яко добра роду есмь, и родъ имѣя, да постится 8 дній, а поклоновъ по 80 на день». А нынѣ то и слово: тотъ великъ, а тотъ того больши, ино то и братства нѣтъ: вѣдь коли ровно, ино то и братство; а коли неровно, которому братству быти? ино то и иноческаго житія нѣтъ. А нынѣ бояре по всѣмъ монастыремъ то испразднили своимъ любострастіемъ. Да еще реку сего и страшнѣе: како рыболовъ Петръ и поселянинъ Богословъ, и станутъ судити Богоотцу Давиду, о немъ же рече Богъ: «яко обрѣтохъ мужа по сердцу моему», и славному царю Соломону, иже Господь глагола: «яко подъ солнцемъ нѣсть такого, украшена всякимъ царьскимъ украшеніемъ и славою», и великому святому царю Константину, и своимъ мучителемъ и всѣмъ сильнымъ царемъ обладавшимъ вселенною? дванадесять убогихъ учнутъ судити всѣмъ тѣмъ. Да еще и сего страшнѣйше: Рождьшая безъ сѣмени Христа Бога нашего, и въ рожденныхъ женами болій Креститель Христовъ, тѣ учнутъ предстояти, а рыболови учнутъ на двунадесяти престолу сидѣти и судити всей вселенѣй. А Кирилла вамъ своего тогда какъ съ Шереметевымъ поставити, которого выше? Шереметевъ постригся изъ боярства, а Кириллъ и въ приказѣ у Государя не былъ. Видите ли, куда васъ слабость

завела? По Апостолу Павлу: «не лститеся, тлятъ бо обычая благы бесѣды злы». И не глаголи никто же студныя сія глаголы: яко только тамъ съ бояры не знатися, ино монастырь безъ даянія оскудѣетъ. Сергій, и Кириллъ, и Варламъ, и Димитрій и иніи Святіи мнози, не гонялись за бояры, да бояре за ними гонялись, и обители ихъ распространились: благочестіемъ бо монастыри стоятъ и неоскудны бываютъ. У Троицы въ Сергіевѣ благочестіе изсякло, ино и монастырь оскудѣлъ, не постриженся никто, и не дастъ ни кто ничего. А на Сторожѣхъ до чего дошли? уже и затворити монастыря некому, по трапезѣ трава ростетъ; а и мы видали, братіи до осмидесятъ бывало, а крылошанъ по одиннадцати на крылосѣ было: благочестія убо для болши монастыри распространяются, а не слабости ради».

Ревнивая власть самодержца сказывается во всемъ посланіи Іоанновомъ отъ начала до конца. Ему нестерпима тѣнь власти и въ боярахъ, которые укрываются въ монастыряхъ, и въ монастыряхъ еще болѣе потому, что въ нихъ власть духовная охранена вѣрою въ глазахъ народа.

Есть еще произведеніе пера Іоаннова, въ которомъ рисуется паденіе больной души его передъ смертью: это — его *духовное завѣщаніе*. Здѣсь лицемѣріе его доходитъ до крайняго предѣла. Личина иноческаго фарисейства, которою онъ любилъ играть, забавляясь въ Александровской слободѣ, перешла въ его натуру. Вотъ отрывокъ изъ этого завѣщанія: «... умъ острупися, тѣло изнеможе, болѣзнуетъ духъ; струпы тѣлесніи и душевніи умножишася. И не сущу врачу изцѣляющему мя, ждахъ иже со мною поскорбитъ, и не бѣ, и утѣшающихъ, и не обрѣтохъ... Душою осквернень есмь и тѣломъ окаляхся, якоже убо отъ Іерусалима божественныхъ заповѣдей и ко іерихонскимъ страстемъ пришедъ и житейскихъ ради подвигъ прельстихся міра сего мимотекущею красотою.... Багряницею свѣтлости и златоблещаніемъ превезахся; умомъ въ разбойники впадохъ мысленные и чувственные; совлеченъ благодати усыновленія, ранами не исполу мертвъ, а если живъ мнюся видящимъ; аще и живъ, но Богу скаредными

своими дѣлы паче мертвеца смраднѣйшій и гнуснѣйшій, его же іерей видѣвъ не внятъ, Левитъ и той возгнушася преминулъ мене. Понеже отъ Адама и до сего дни всѣхъ преминулъ беззаконіи согрѣшившихъ: сего ради всѣми ненавидимъ есмь. Капново убійство прешедъ, Ламеху уподобихся, Исаву послѣдовахъ скверным невоздержаніемъ, Рувиму уподобихся .... и инымъ многимъ яростію и гнѣвомъ невоздержанія, и понеже быти умъ зря Бога и царя страстемъ, азъ разумомъ растлѣненъ бѣхъ и скотенъ проразумѣніемъ .... Главу осквернихъ желаніемъ и мыслію неподобныхъ дѣлъ, уста разсужденіемъ убійства ..., языкъ срамословіемъ, гнѣвомъ и яростію, выю и перси гордостію и величаніемъ высокоглаголиваго разума, руки осязаніемъ вещей неподобныхъ, грабленіемъ несытымъ и человѣкоубійствомъ, чревообъяденіемъ и пьянствомъ, чресла опоясаніемъ на всяко дѣло зло, ноги теченіемъ быстрѣйшимъ ко всякому дѣлу злу ....»

Какъ страшно обличается въ этихъ словахъ лицемѣрное покаяніе Іоанново, выраженія котораго заимствуются изъ покаяннаго канона, когда вспомнимъ подробности его кончины, окруженной привычками сластолюбія.

Отъ царя грознаго перейдемъ къ царю доброму, который оставилъ намъ въ литературно-замѣчательномъ произведеніи память своей любви къ соколиной охотѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ любилъ эту охоту какъ художникъ, занимался ею отъ добраго сердца и со вкусомъ. До сихъ поръ еще въ Москвѣ около церкви Трифона Напруднаго, куда доходила въ старину сокольничья роща, сохранившая въ имени Сокольниковъ память царской охоты, живутъ въ устахъ народа преданія и разсказы о ней, въ которыхъ имя царя Алексѣя смѣшивается съ именемъ царя Ивана. Кромѣ писемъ царя Алексѣя Михайловича къ Матюшкину о любимой его охотѣ, до насъ дошелъ еще его *Урядникъ*, или *Новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути*.

Вотъ какъ царь-охотникъ разумѣетъ мысль, которая побудила его къ составленію этой книги: «Хотя мала вещь, а будетъ по чину честна, мѣрна, стройна, благочинна, — никто же за-

зритъ, никто же похулитъ, всякій похвалитъ, всякій прославитъ и удивится, что и малой вещи честь и чинъ и образецъ положенъ по мѣрѣ. А честь и чинъ и образецъ всякой вещи большой и малой учиненъ по тому: честь укрѣпляетъ и утверждаетъ крѣпость; урядство же уставляетъ и объявляетъ красоту и удивленіе; стройство же предлагаетъ дѣло; безъ чести же малится и не славится умъ; безъ чина же всякая вещь не утвердится и не укрѣпится; безстройство же теряетъ дѣло и возставляетъ бездѣлье».

Художественный взглядъ царя на это увеселеніе выражается въ слѣдующихъ словахъ его Урядника, гдѣ онъ восхищается изящнымъ полетомъ сокола и видомъ подсокольничьяго, когда онъ держитъ кречета на рукѣ:

«И зѣло потѣха сія полевая утѣшаетъ сердца печальныя, и забавляетъ весселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичія добыча. Безмѣрно славна и хвальна кречатья добыча . . . Красносмотрителенъ же и радостенъ высокова сокола летъ». . . .

«И подсокольничій вздѣваетъ рукавицу тихо, стройно . . .

«И станетъ поодаль царя и великаго князя человѣчно, тихо, бережно, весело, и кречета держитъ честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно къ видѣнію человѣческому и ко красотѣ кречатьей».

Такъ царь-охотникъ опредѣлилъ «*время наряду и часъ красоты*». Доброе сердце его сказалось въ слѣдующемъ обращеніи къ его любезнымъ и вѣрнымъ охотникамъ: . . . «да утѣшатся сердца ваша, и да премѣнятся, и не опечалятся мысли ваши отъ скорбей и печалей вашихъ . . .»

«Будите охочи, забавляйтеся, утѣшайтеся сею доброю потѣхою, зѣло потѣшно и угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія. Избирайте дни, ѣздійте часто, напускайте, добывайте, нелѣниво и безскучно, да не забудутъ птицы премудрую и красную свою добычу.

«О, славные мои совѣтники, и достовѣрные и премудрые охотники! радуйтеся и веселитеся, утѣшайтеся и наслаждайтеся

сердцами своими, добрымъ и веселымъ симъ утѣшеніемъ въ предъидущія лѣта»!

Но веселая забава не удаляла царя отъ исполненія его государственныхъ обязанностей, какъ свидѣтельствуетъ этотъ *книжный прилогъ*, прибавленный къ Урядинку собственною его рукою: «Правды же и суда и милостивые любовье и ратнаго строя николи же позабывайте: *дьлу время и потѣхѣ часъ*». Послѣднія слова перешли въ народную пословицу.

Перейдемъ теперь къ тѣмъ духовнымъ лицамъ, которыя дѣйствовали словомъ въ государственной жизни Русскаго народа. Здѣсь, прежде всего, поражаетъ наше вниманіе книга, еще не довольно изслѣдованная учеными, но составленная духовенствомъ по образцу греческому и введенная у насъ при самомъ началѣ хрпстіанства. Она извѣстна подъ заглавіемъ: *Мѣрило Праведное*, и была настольною книгою русскихъ государей съ тѣхъ поръ, какъ они приняли христіанство, и, можно сказать, справочнымъ руководствомъ для ихъ совѣсти. Важныя духовныя лица, митрополиты, епископы, духовники государей подносили имъ эту книгу при вступленіи ихъ на престолъ. Въ нѣкоторыхъ рукописяхъ встрѣчается даже имя Владиміра, вѣроятно крестителя земли Русской. Есть свидѣтельство, что Мѣрило Праведное было поднесено Стефаномъ Пермскимъ Димитрію Донскому. Самыя позднѣйшія рукописи относятся къ Ѳеодору Іоанновичу, послѣднему царю Рюриковой династіи. Чтобы дать понятіе о высокихъ и смѣлыхъ поученіяхъ, которыя церковь предлагала державнымъ правителямъ Россіи, мы прочтемъ нѣсколько выписокъ изъ этой книги.

«*Отъ книгъ Эноха праведнаго, прежде потопа.* Кто презираетъ лицо человѣка, тотъ презираетъ и лицо Господне: гнѣвъ и судъ великій на того, кто плюетъ на лицо человѣку. Блаженъ, кто направляетъ сердце свое на всякаго человѣка такъ, чтобы помочь судимому, поднять сокрушеннаго, зане въ день великаго суда все то приложится на вѣсы ему.

«Правость суда всего болѣе зависитъ отъ состоянія души

судящаго, потому что не имѣя залога истинной правды въ душѣ своей, онъ суда исправить не можетъ.

Св. Евагрія о властеляхъ. Поставленъ ли ты въ царскій санъ, или судіей земли своей, или строителемъ граду своему, и многіе тебѣ кланяются, идутъ къ тебѣ малые и великіе, славные и неславные, принося тебѣ дары и къ ногамъ припадая: то благо отъ Бога тебѣ даровано — блюди его. Если кто, желая побѣдить соперника, подкупитъ тебя мздою, и ты осудишь человѣка неправедно,—вспомни, что ты осудилъ носящаго образъ Божій, за котораго пролита кровь Христова.

Слово о гордости. Не сочтемъ того за великое, что насъ люди боятся. Величаешься ли ты силою и властію, то повѣдай мнѣ: что за сила, что за власть, человѣками поставленная? Поставленъ ты царемъ: будь внутри себя царь самому себѣ: владыка и царь не тотъ, кого зовутъ такимъ, но кто таковъ умомъ правымъ. Если же нѣтъ, только имя понапрасну носишь. Скажешь: да развѣ нѣтъ при мнѣ меча? развѣ не имѣю власти отнять имѣніе? И я скажу тебѣ: все то имѣешь, но это одно внѣшнее сіяніе власти. И на все это есть сила враждебная, передъ которою и твоя издали плеча покажетъ. Волѣ того ничто не страшно, ни его мыслямъ, кто божественное ученіе принимаетъ и прилѣпляется къ такому источнику.

По Ефрему. Богъ вмѣсто Себя избралъ васъ на землѣ, и, вознесши, на престолѣ Своемъ посадилъ. Милость и жизнь положилъ Онъ у васъ. Разумѣйте, что вы отцы міру. Писано: князь міру сего правда. А вы поставляете на свое мѣсто властелей и тіуновъ, мужей не богобойныхъ, язычныхъ, злохитрыхъ, суда не разумѣющихъ, правды не смотрящихъ, судящихъ въ пьянствѣ, судомъ спѣшащихъ, когда Богъ повелѣлъ не однимъ днемъ вещь испытать, грабителей и мздоимцевъ, гордостью и величіемъ возносящихся... Пилатъ, умывъ руки, предалъ Іисуса и сказалъ: «Что мнѣ роды Твои? Жиды отдали Тебя мнѣ, кровь Твою взяли на себя и на чадъ своихъ». Но симъ Пилатъ не оправдался».

Къ началу XII вѣка относится посланіе митрополита Никифора къ Владиміру Мономаху. Здѣсь превосходно разобраны душевныя силы человѣка и чувственныя его орудія, примѣнительно къ представителю власти; изо всѣхъ чувствъ указанъ слухъ государя, какъ наиболѣе уязвляемый стрѣлою клеветы и наговора. Въ XIV вѣкѣ митрополитъ Кипріанъ писалъ противъ стяжанія селъ монастырями; Кириллъ Бѣлозерскій, въ посланіяхъ къ сыновьямъ Димитрія Донскаго, кротко убѣждалъ прекратить братскія междоусобія и говорилъ противъ внутреннихъ таможенъ, которыя уничтожены были окончательно только въ 1753 году, и противъ корчемства, которое развращало народъ.

Въ XV вѣкѣ все русское духовенство, соборнымъ посланіемъ къ князю Углицкому Димитрію Шемякѣ, способствовало къ уничтоженію всѣхъ удѣльныхъ междоусобій, раздиравшихъ Россію. Въ томъ же вѣкѣ духовникъ Іоанна III, Вассіанъ, своимъ посланіемъ содѣйствовалъ сверженію татарскаго ига. Въ немъ святитель приглашаетъ властителя взять Бога на помощь и всенародную молитву. Власть въ христіанскомъ властителѣ тѣмъ отлична отъ власти грубой и безотчетной ордынскаго хана, что соединяется съ глубокимъ, искреннимъ, сердечнымъ покаяніемъ, какъ залогомъ человѣческаго совершенствованія въ государѣ. «Кайся не словомъ, а сердцемъ, говоритъ Вассіанъ, какъ благоразумный разбойникъ на крестѣ покаялся. Истинное покаяніе перестать отъ грѣха. Если такъ покаешься, Господь освободитъ насъ отъ Ахмата, какъ Израильтянъ избавилъ отъ Фараона. Вспомни, какъ Господь посылалъ имъ Моисея, Іисуса Навина, Гедеона, Сампсона: такъ и тебя пошлетъ освободителемъ намъ, новому Израилю. Итакъ, Богомъ утвержденный царь, царствуй ради истины, кротости и правды: престолъ твой да будетъ совершенъ правдою, крѣпостью и судомъ, и жезлъ силы пошлетъ тебѣ Господь отъ Сіона. Такъ глаголетъ Господь: «Азъ воздвигохъ тя царя правды, призвахъ тя, правдою, и пріяхъ тя за руку десную, и укрѣпихъ тя да послушаютъ тебе языцы...»

Вотъ прекрасный отрывокъ изъ посланія Іосифа Волоцкаго къ вельможѣ о милованіи рабовъ. Онъ свидѣтельствуетъ, что церковь наша въ древнія времена заботилась о состояніи меньшей братіи Русскаго народа. «А до меня, сынъ, грѣшнаго доходитъ такой слухъ про твое благородство, что твои рабы и сироты живутъ у тебя въ такой тѣснотѣ, что имъ не только нельзя дѣлать добрыя дѣла и творить другимъ милостыню, а сами гладомъ таютъ и отъ злыхъ обычаевъ удержаться не могутъ, не имѣя одежды или пищи тѣлу, и ощущая скудость во всѣхъ нужныхъ потребахъ. Страшно, господинъ, говоритъ о томъ Божественное писаніе. Бѣда великая, мученіе безконечное тѣмъ, кто не печется и не имѣетъ печали о домашнихъ своихъ спротахъ, не только дѣломъ ихъ насилуетъ, но ранами казнитъ, не даетъ одежды и пищи, и моритъ голодомъ; не печется о спасеніи душъ ихъ, но гордяся житіемъ суетнымъ и тщетнымъ, прелестями свѣта сего, не помышляетъ о томъ и не помнитъ, что мы всѣ созданіе Господне, всѣ плоть едина, всѣ муромъ единымъ помазаны, всѣ въ рукахъ Господнихъ, кого хочетъ Онъ обнищеваетъ, и что всѣмъ намъ стать передъ единымъ Царемъ страшнымъ на судѣ Его необъименномъ...»

Въ одной изъ предъидущихъ бесѣдъ я сказалъ, что въ Западной Европѣ до XVIII вѣка астрологія со всѣми ея предразсудками находилась въ большомъ почетѣ. У насъ еще въ XVI вѣкѣ, Максимъ Грекъ, а за нимъ и другіе, обличали предразсудки астрологіи и преслѣдовали ее самыми убѣдительными доводами. Правда, у насъ позднѣе введена была при дворѣ астрологія, но это было уже слѣдствіе западнаго вліянія.

Въ 1612 году, когда безгосударная Россія взволновалась какъ море, она была спасена и успокоена словомъ духовенства и народа. Первый поднялъ голосъ избавленія патріархъ Гермогенъ въ своемъ славномъ воззваніи ко всѣмъ сословіямъ народа. Здѣсь, подражая пророкамъ Ветхаго Завѣта, онъ сочеталъ слово грозы и милости, слово упрека и примиренія. «Что много глаголю? говоритъ онъ, недостаетъ ми слово, болѣзнуетъ ми

душа, болѣзнуетъ сердце, и вся внутренняя утерзается, и вся составы мои содрогаютъ, и плачуся, глаголю и рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте, братія и чада единородныя, своя душа и своя родителя отшедшая и живыя, отецъ своихъ и матерей, и жены своя, и чада, и сродники, други, возникните и вразумѣйте и возвратитеся! Видите бо отечество свое чуждими расхищаемо и разоряемо, и св. иконы и церкви обругаемы, и неповинныхъ кровь проливаема, еже вопіетъ къ Богу, яко праведнаго Авеля, прося отмщенія; вспомяните, на кого воздвизаете оружіе, и не на Бога ли сотворившаго насъ .... не на своихъ ли единоплеменныхъ братію? не свое ли отечество разоряете, ему же иноплеменныхъ многія орды чудишася, нынѣ же вами обругаемо и попираемо?»

Вотъ его же слово надежды и милости: «Не бойся, малое мое стадо, яко благоизволи Отецъ мой дать вамъ царство; аще бо и многи волны и люто потопленіе, но не бойся погрязновенія, на камени бо вѣры и правды стоимъ, да ся пѣнитъ море и бѣситъ, но Іисусова корабля не можетъ потопити, и не дастъ бо Господь въ потопленіе уповающихъ нань, ни жезла ни жребій свой, ни зубомъ вражіимъ рабъ своихъ, но сохранитъ насъ яко же хощетъ святая воля Его».

Къ слову патріарха Гермогена присоединилось слово всѣхъ городовъ русскихъ. Они сносились между собою граматами, которыя читались въ храмахъ. Церковь и здѣсь являлась посредницею въ великихъ, сильныхъ разговорахъ народа, слѣдствіемъ которыхъ было спасеніе отечества.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ замѣчательно было слово духовника его, Стефана Вонифатьева, въ которомъ онъ вступался за земледѣльцевъ противъ притѣсненій вельможъ и царскихъ землемѣровъ.

Лѣтописи и житія святыхъ — вотъ еще двѣ формы русской словесности, столь изобильныя въ древнемъ ея періодѣ. Тѣ и другія зачинаются въ одной и той же кельѣ Кіевопечерскаго инока Нестора. Его лѣтопись о томъ, *откуда пошла Русская*

земля, имѣетъ значеніе и всемірное, и народное. Безъ Нестора, какъ доказалъ германскій критикъ Шлёцеръ, весь сѣверо-востокъ Европы остался бы покрытымъ непроницаемымъ мракомъ неизвѣстности. Славянскій ученый Шафарикъ опредѣлилъ важность Нестора относительно первоначальной исторіи племенъ Славянскихъ. Кромѣ того, въ Лѣтописи Нестора слышится отголосокъ нашей народной совѣсти, какъ она въ самыя древнія времена сознавала начало и бытіе нашего отечества. До сихъ поръ сказанія Несторовы о происхожденіи Русскаго государства, о первыхъ славныхъ войнахъ, о крещеніи земли Русской отзываются правдою нашей жизни.

Кромѣ Кіевской лѣтописи, обозначенной именемъ Нестора, были еще многія другія мѣстныя, но не всѣ онѣ дошли до насъ. Особенно яркими красками юго-западной жизни блещетъ лѣтопись Волынская. Изъ прочихъ областныхъ лѣтописей дошли до насъ въ большей полнотѣ лѣтописи двухъ вѣчевыхъ общинъ древней Руси: Новгорода и Пскова. Остальныя же смѣшались въ единствѣ Московской лѣтописи, которая точно такъ же поглотила областныя, какъ Москва—города удѣльные. Въ Москвѣ лѣтопись приняла болѣе государственный характеръ, тогда какъ прежде она имѣла характеръ болѣе народный. Но, не смотря на то, устныя преданія народа, подъ вліяніемъ его оригинальной фантазіи, вторгались въ нее. Таково, напримѣръ, преданіе о снѣ Тамерлана: какъ явилась ему на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ со множествомъ воиновъ, и святители съ золотыми жезлами въ рукахъ; какъ, вскочивъ отъ сна, завоеватель затрепеталъ и бѣжалъ изъ Россіи. Таково и другое преданіе о рожденіи Іоанна Грознаго: въ тотъ самый часъ, какъ рождался онъ, блистали молніи по всей области Русской державы, и гремѣлъ такой страшный громъ, какъ будто все основаніе земли колебалось.

Перейдемъ къ житіямъ святыхъ, которыми и заключимъ бесѣду. Съ одиннадцатаго вѣка начинаются эти памятники словесности, и число ихъ растетъ изобильно вплоть до XVIII вѣка.

Наши святые—герои духовнаго міра въ древней Руси. Въ нихъ также проявляется человѣческая личность, но подъ вліяніемъ Божественнаго сіянія. Они разносятъ по всѣмъ предѣламъ Руси, до самаго дальняго сѣвера, истины вѣры и духовную жизнь, лишая себя всѣхъ прелестей міра, но не чуждаясь труда надъ землею. Невозможо даже и въ краткомъ очеркѣ обнять все богатство этой литературы; но я имѣю намѣреніе указать въ ней только на элементъ художественный и на такія черты, которыя просятся изъ рукописныхъ преданій въ картины художниковъ. Увѣренъ, что если бы Западная Европа имѣла у себя эти преданія, то давно уже кисть художниковъ воспроизвела бы ихъ на полотнѣ.

Вотъ, напримѣръ, черта изъ жизни Ѳеодосія, основателя Кіевопечерской обители. Въ отрочествѣ, живя въ домѣ матери, вдовы Курскаго боярина, Ѳеодосій готовился уже къ своему призванію и носилъ на тѣлѣ вериги, тайно отъ матери. Въ одинъ изъ большихъ праздниковъ градской воевода велѣлъ созвать боярскихъ отроковъ для служенія на пирѣ, который давалъ онъ городской знати. Мать Ѳеодосія собирала на пиръ своего сына, и приготовивъ для него праздничныя одежды, снимала съ него сорочку, и вдругъ увидѣла на тѣлѣ сына слѣды крови, а потомъ и самыя вериги, которыя вонзались въ нѣжное тѣло юноши. Чудный мотивъ для картины въ строгомъ стилѣ!

Вотъ черта изъ жизни Кіевопечерскаго иконописца Алипія, ученика мастеровъ Византійскихъ. Алипій былъ уже очень старъ и изнемогалъ отъ предсмертной болѣзни. Одинъ благочестивый Кіевлянинъ заказалъ Алипію написать икону Успенія къ празднику, который приближался; но болѣзнь не позволяла старцу исполнить обѣщанія. Въ то время, какъ онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, свѣтлый юноша вошелъ въ келью и докончилъ за него икону къ празднику: это былъ Ангелъ. Замѣчательно, что такое же точно преданіе существуетъ въ Италіи о религіозномъ живописцѣ Фра-Беато Анджелико да-Фіезоле. Живописецъ Рубіо, столь близкій намъ по характеру и стилю своей живописи, недавно изобразилъ это преданіе на картинѣ.

Поразительно-умилительна смерть Петра митрополита: окончивъ поученіе къ народу и простившись съ нимъ, у алтаря недоконченной строеніемъ церкви Успенія, близъ могилы своей, заранѣе заготовленной, онъ начинаетъ пѣть вечерню, и умираетъ, *еще бывшей молитвѣ на устахъ его*. Болонецъ Гвидо-Рени передалъ бы непремѣнно такое преданіе полотну.

А сколько высоко-умилительныхъ и разнообразныхъ мгновеній представляетъ жизнь Сергія Радонежскаго! Въ уютной деревянной церкви, среди дымнаго свѣта лучины, въ крашенинныхъ ризахъ, на деревянныхъ сосудахъ, совершаетъ литургію Преподобный Сергій, и Ангелъ сослужитъ ему. Сама Царица Небесная съ двумя апостолами, Петромъ и Іоанномъ, является къ нему ночью послѣ вечерней молитвы, чтобы навѣстить его въ смиренной кельѣ. Однажды лѣтомъ, св. Сергій изъ своей пустынной кельи выходитъ въ лѣсъ, ее окружавшій, и видитъ множество разнообразныхъ птицъ, слетѣвшихъ въ его пустыню. Прелестный мотивъ для картины въ стилѣ Фламандской школы!

Жизнь ученика Сергіева, Кирилла Бѣлозерскаго представляетъ также драгоцѣнныя мгновенія для картинъ, соединенныя съ ландшафтами той великолѣпной сѣверной природы, гдѣ онъ основалъ свою обитель.

Перейдемъ въ заключеніе къ такой картинѣ, мыслью которой было представить борьбу двухъ личностей древней Руси, царя и инока. Мы предложимъ предметъ ея такъ, какъ предлагаетъ житіе Филиппа митрополита, откуда ее заимствуемъ. Филиппъ совершалъ божественную службу, предстоя во святилищѣ алтарю по чину Захаріи и Аарона, и, вознося благовонное кадило горѣ къ Вышнему, кротилъ гнѣвъ Божій пречестными молитвами. Входитъ царь въ соборную церковь, облеченный въ черныя ризы; всѣ, его сопровождавшіе, были также въ черныхъ ризахъ и черныхъ шлыкахъ. Филиппъ исполнился божественнаго свѣта и, какъ адамантъ непоколебимый, стоялъ на уготованномъ ему мѣстѣ. Царь подошелъ и трижды просилъ его благословенія. Святитель не отвѣчалъ ничего. Тогда бояре сказали Филиппу:

«Благочестивый Государь Царь Иванъ Васильевичъ всея Россіи пришелъ къ твоей святости и требуетъ благословенія». Филиппъ подошелъ и сказалъ: «Царю благій! кому поревновавъ такимъ образомъ, своего зданія доброту измѣнилъ еси? Отнелѣ же солнце въ небеси, не слыхано, чтобы Царь возмущалъ свою державу. Убойся Божія суда и постыдись багряницы. Какъ, полагая законъ для другихъ, ты самъ вину суда пріемлешь? Благо сказалъ богогласный пѣснописецъ: отвращайся льстивыхъ словъ ласкателей. Какъ вороны выклевываютъ у людей тѣлесныя очи, такъ они душевныя ослѣпляютъ мысли... Мы, о царь, приносимъ жертву Господу чистую и безкровную въ мірское спасеніе, а за алтаремъ неповинно льется христіанская кровь и люди напрасно умираютъ». Царь возгорѣлъ яростію и сказалъ: «О, Филиппъ! нашу ли волю перемѣнить хочешь! Лучше бы было тебѣ съ нами единомысленно быть». Святый сказалъ: «Тогда суетна будетъ вѣра наша, суетно проповѣданіе апостольское, всуе божественныя преданія, отцами переданныя. Все мы сами же разсыплемъ». Царь воскликнулъ: «Нашей ли державѣ являешься противенъ, да видимъ крѣпость твою?» Филиппъ отвѣчалъ: «Царю благій, вашимъ повелѣніямъ не повинуемся, если и тьмами лютая постраждемъ. Господня земля и концы ея: я пришлецъ и пресельникъ, какъ и всѣ отцы мои, подвизаюсь за истину благочестія». Такъ духовная сила въ лицѣ инока торжествовала надъ матеріальною силою царя Грознаго.

ЛЕКЦІЯ 4.

Во второй бесѣдѣ мы разсмотрѣли развитіе элемента Божественнаго въ древней Руси, въ третьей—развитіе элемента личнаго человѣческаго, который олицетворялся въ государяхъ и инокахъ. Теперь слѣдуетъ разсмотрѣть элементъ народный.

На переходѣ отъ элемента личнаго къ народному мы поста-

вимъ произведеніе, заслужившее европейскую славу и переведенное почти на всѣ европейскіе языки: *Слово о полку Игоревѣ*, памятникъ словесности конца XII вѣка, соотвѣтствующій современному событію, походу князя Новгородъ-Сѣверскаго Игоря противъ Половцевъ. Произведеніе это есть вмѣстѣ и гражданскій подвигъ, и поэтическое созданіе. Въ немъ сливаются оба элемента — личный и народный: первый является въ самомъ подвигѣ, но лицо скрыто въ безличности всей древней нашей жизни, и имени автора мы не знаемъ; второй элементъ, то есть, духъ народный, вѣетъ изъ всего созданія, отзываясь изъ глубины XII вѣка въ XIX. Относительно художественной формы, Слово о полку Игоревѣ есть одновременно и повѣсть, и пѣснь, какъ назвалъ его самъ авторъ: какъ повѣсть, оно передаетъ содержаніе событія согласно съ лѣтописью и дополняя ее въ подробностяхъ; какъ пѣснь, оно отзывается памятью родной жизни, передаетъ живыя краски неизмѣнной природы и чувство горя, всегда присное глубинѣ души Русскаго народа.

Взглянемъ сначала на Слово, какъ на гражданскій подвигъ, а затѣмъ перейдемъ къ поэтическому созданію.

«Встала обида, говоритъ гражданинъ, въ силахъ Дажъ-Божа внука (подъ именемъ Дажъ-Богова внука подразумѣвается самъ народъ Русскій), вступила Дѣвою на землю Трояню; всплескала лебедиными крылы на Синемъ морѣ у Дону плещучи». Что́ же это за обида, которая такъ прекрасно олицетворяется поэтомъ? Благородный князь Игорь, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Всеволодомъ, затѣялъ походъ на враговъ Руси, Половцевъ; но, не будучи подкрѣпленъ другими князьями, кончилъ походъ несчастливо и былъ взятъ въ плѣнъ. Описавъ это грустное событіе, гражданинъ обращается ко всѣмъ князьямъ современнымъ: къ великому князю Всеволоду, Большому Гнѣзду земли Русской, къ Рюрику и Давиду, къ Ярославу Галицкому, славному въ то время своею мудростію, и ко многимъ другимъ, и приглашаетъ ихъ вступиться *«за обиду сего времяни, за землю Русскую, за раны Игоревы, буего Святъ-славича»*.

Перейдемъ къ поэзіи созданія. Здѣсь краски природы южной блещутъ во всей прелестной ихъ свѣжести. Шумитъ высокая трава степей; гудитъ земля подъ копытами конскими; обозы скрипятъ по ночамъ, какъ лебеди распущенные; стада птицъ покрываютъ и воздухъ, и воды. Картины мирной природы и сельскаго быта сливаются съ картинами дикой и кровавой войны. Ночь стонетъ грозою и будитъ птицъ. Волки стерегутъ грозу по оврагамъ; орлы клектомъ звѣрей зовутъ на кости; лисицы брешутъ на червленые щиты. Вотъ посѣвъ нивы, изображенный краской войны: «Черна земля подъ копыты, костьми была посѣяна, а кровію польяна; тугою (печалью) взыдоша по Русской земли». Вотъ картина молотьбы, перенесенная на поле битвы: «На немизѣ снопы стелютъ головами, молотятъ цѣпами харалужными, на полѣ животъ кладутъ, вѣютъ душу отъ тѣла». Вотъ сравненіе свадебнаго пира съ пиромъ кровавой войны: «Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы. Ту кроваваго вина недоста; ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую. Ничить (никнетъ) трава жалощами (жалостью), а древо съ тугою къ землѣ преклонилось».

Вся природа, какъ видимъ, сочувствуетъ горю пѣвца и земли Русской. Горе — господствующее чувство во всей пѣснѣ. Слово «горе» встрѣчается во всѣхъ своихъ древнихъ синонимахъ. Иногда вырывается оно воплемъ отчаянія изъ груди пѣвца, особенно когда онъ вспоминаетъ первыя времена князей. «О, стонати Русской земли, помянувши первую годину и первыхъ князей!» Но мы еще не сказали о перлѣ красоты и созданія въ Словѣ: это — *Плачъ Ярославны*. Когда всѣ воззванія пѣвца-гражданина остались безплодны, когда никто не отозвался ни обидѣ, ни горю земли Русской, тогда внезапно раздался голосъ Ярославны, супруги плѣннаго Игоря, плакавшей на стѣнѣ города Путивля. Мы прочтемъ этотъ Плачъ, хотя въ слабомъ, но самомъ близкомъ стихотворномъ переложеніи:

Я кукушкою печальной
По Дунаю полечу,
Омочу рукавъ бобровый
Во Каялѣ во рѣкѣ,
Рано утромъ я омою
На суровомъ тѣлѣ князя
Раны свѣжія его.

* * *

Ярославна рано плачетъ
У Путивля на стѣнѣ:
Вѣтеръ! вѣтеръ! о, зачѣмъ ты,
Господинъ, насильно вѣешь?
О, зачѣмъ на легкихъ крыльяхъ
Разметалъ ты стрѣлы Хански
Въ войско друга моего?
Али горъ тебѣ не стало,
Вѣять тамъ подъ облаками,
Аль не стало синя моря,
Гдѣ лелѣять корабли?
О, зачѣмъ же, господинъ мой,
По ковылю ты развѣялъ
Все веселіе мое?

* * *

Ярославна рано плачетъ
У Путивля на стѣнѣ:
Днѣпръ! сынъ славы! ты пробилъ же
Горы каменны сквозь землю
Половецкую; лелѣялъ
На себѣ ладьи Святславли
До Кобякова полку.

Принеси же, господинъ мой,
Мнѣ ты друга моего,
Чтобы я къ нему не слала
Слезъ на море съ каждымъ утромъ.

* * *

Ярославна рано плачетъ
У Путивля на стѣнѣ:
Солнце свѣтлое! для всѣхъ ты
Теплотой краснѣ сіяешь,
Но зачѣмъ лучи горячи
Ты простерло, господинъ мой,
Войску друга моего?
О, зачѣмъ въ безводномъ полѣ
Скорьбю тулы имъ заткало,
Жаждой имъ луки свело?

Чего не сдѣлали ни вопли пѣвца, ни толки князей, то совершилось чудомъ люби супружеской. Игорь былъ спасенъ изъ плѣна, и вся природа, на голосъ жены его, подвиглась и уготовила его избавленіе.

Кто такъ прекрасно страдалъ горемъ земли Русской, кому принадлежитъ это созданіе, справедливо заслужившее славу у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, того не сказала намъ наша древняя жизнь, въ которой лицо гражданина добровольно жертвовало собою счастію и славѣ земли своей и народа.

Переходимъ къ словесности народной. Творцомъ ея являются не отдѣльныя лица, а весь народъ въ его совокупности. Внѣшняя форма народныхъ созданій есть слово изустное, живое, а не письменное, — слово, которое можно назвать избраннымъ цвѣтомъ народной рѣчи.

Въ народной словесности выражаются три способности народа, принимая различныя формы: его разумъ выражается въ пословицахъ, фантазія — въ сказкахъ, чувство — въ пѣсняхъ.

По этимъ тремъ формамъ мы познакомимся съ народною словесностью.

Самъ народъ выразилъ мысль относительно трехъ формъ своей словесности. О пословицѣ онъ говоритъ: *Глупая рѣчь не пословица*; *Русская пословица ко всему приходится*. О сказкѣ и пѣснѣ онъ такъ выражается: *Сказка складка, а пѣсня быль*, то есть, сказка есть вымыселъ фантазіи, а пѣсня быль, потому что въ ней отзывается чувство жизни, а потому, какъ замѣчаетъ другая пословица: *Изъ пѣсни слова не выкинешь*.

Пословицы Русскаго народа представляютъ богатые выводы разума изъ опытовъ жизни. Сама же пословица говоритъ, что *Русскій человѣкъ заднимъ умомъ крѣпокъ*. Этотъ задній умъ есть именно умъ вывода, или правильнѣе высшій умъ, то есть, разумъ. Пословица же говоритъ: *Умъ безъ разума бѣда*.

Русская пословица, какъ мы замѣтили съ ея же словъ, обнимаетъ все и приходится ко всему. Она вѣковѣчна, какъ памятникъ народнаго разума: *Старая пословица не сломится*; она, какъ высшій приговоръ народа, суда надъ собой не признаетъ: *На пословицу суда нѣтъ*; она, какъ непреложная истина, все себѣ подчиняетъ и надъ всѣми сбывается: *Отъ пословицы не уйдешь*; *Надъ кѣмъ пословица не сбывается?*

Прежде чѣмъ войти въ разумъ русской пословицы, отличимъ ее отъ поговорки, съ которою иногда ее смѣшиваютъ. Поговорка служитъ замѣткой какого-нибудь стариннаго обычая. Нерѣдко она отзывается жестокостью и варварствомъ древней жизни. Такъ, напримѣръ, поговорка: *Пускать пыль въ глаза*, произошла отъ полевыхъ поединковъ, которыми судились и гдѣ часто слабосильный горстью пыли ослѣплялъ глаза своему сильному противнику. Поговорка: *Кричать во всю Ивановскую* напоминаетъ площадь Ивана Великаго, на которой наши дьяки кричали во весь голосъ царскіе указы. *Положить въ долгій ящикъ* напоминаетъ тотъ ящикъ, куда народъ при царѣ Алексеѣ Михайловичѣ клалъ свои просьбы на имя царя и послѣ долго дожидался отвѣта. Нѣкоторыя поговорки напоминаютъ времена ужасныхъ пы-

токъ и казней; такъ, напримѣръ, *узнать всю подноготную*, напоминаетъ способъ пытки, какъ подъ ногти забивали иглы и гвозди. Сюда же относятся поговорки: *Согнуть въ три погибели*; *Тьмъ же саломъ да по тьмъ же ранамъ*; *На дѣль правъ, а на дыбь виноватъ*; *Кнутъ не Архангелъ, души не вынетъ*, и наконецъ поговорка: *Стоитъ какъ вкопаный*, или *какъ вкопаная*: послѣднее выраженіе напоминаетъ страшный обычай, какъ зарывали живыхъ людей, за какія-нибудь тяжкія преступленія, по грудь въ землю.

Но есть поговорки, которыя обнаруживаютъ свѣтлую сторону патріархальныхъ нравовъ древней Руси; такова поговорка о данномъ словѣ: *А буде я не сдержу слово, да будетъ мнѣ стыдно*; такова же другая о нравственной уздѣ, которая, заключаясь въ страхѣ Божіемъ и въ общественномъ мнѣніи, сдерживала достоинство древняго Русскаго человѣка: *Передъ Богомъ грѣшно, а передъ людьми стыдно*. Сюда же относятся выраженія, теперь не имѣющія у насъ смысла, а въ свое время обозначавшія христіанскій нашъ бытъ: *спасибо* (спаси Богъ, — благодарность, выражаемая желаніемъ спасенія), *простите*, *братецъ*, и другія.

Отъ поговорокъ перейдемъ къ историческимъ пословицамъ, въ которыхъ хранится память древнихъ событій отечества. Несторова лѣтопись сохранила двѣ самыя древнія: о погибели Аваровъ—*Погибоша аки Обрь*, и о голодѣ осажденныхъ въ Роднѣ—*Бѣда аки въ Роднѣ*. Отъ удѣльныхъ междоусобій, когда безпрерывно переходили отъ войны къ миру и отъ мира къ войнѣ, осталась пословица въ лѣтописяхъ: *Миръ стоитъ до рати, а рать до мира*. Ко временамъ Новгорода, когда онъ былъ еще вольнымъ вѣчевымъ городомъ, относятся пословицы: *Кто противъ Бога и Великаго Новгорода? Гдѣ Св. Софья, тамъ и Новгородъ*; *Новгородъ судитъ одинъ Богъ*. Воля Новгорода и его младшаго брата Пскова засвидѣтельствована также пословицей: *Новгородцы и Псковичи, якоже хотятъ, тако и творятъ*. Ко времени Татаръ принадлежатъ: *Гдѣ ханъ, тамъ и орда; Хотъ въ*

ордѣ да въ добрѣ; Старшихъ и въ ордѣ уважаютъ. Когда Москва въ своемъ единодержавіи поглощала власть и силы другихъ городовъ, сочинилась пословица: *Москва бьетъ съ носка.* Времена царей, особенно Грознаго, обозначились слѣдующими пословицами: *Близъ царя, близъ смерти; Около царя, какъ около огня: ходя опалишься; Все Божье да Государево; Воля Божія, а судъ Царевъ; Царь жалуетъ, да псарь не жалуетъ; Вѣдь дати воля Царю ино и псарю.* (Послѣднія двѣ пословицы напоминаютъ кромѣшниковъ).

Пословица: *Коли у поля сталъ, такъ бей на повалъ,* напоминаетъ обычай судебныхъ поединковъ. Пословица: *Въ тѣ поры жди свободы, какъ сольютъ воды,* напоминаетъ времена, когда переходъ крестьянъ былъ свободенъ. Другая: *Вотъ тебѣ, бабушка, и Юрьевъ день!*—указываетъ на введеніе крѣпостнаго состоянія при Борисѣ Годуновѣ. *У семи нянекъ дитя безъ глазу,* какъ думаютъ, содержитъ намекъ на время семибоярщины. Пословица нерѣдко казнила злоупотребленія чиновниковъ. О воеводахъ она говоритъ: *Воевода хоть не стóитъ лыка, а ставь его за велико;* о дьякахъ: *Дьякъ у мѣста, что́ кошка у тѣста; Какъ дьякъ у мѣста, то и всѣмъ отъ него тѣсно; а какъ дьякъ на площади, такъ Господи пощади!*

Есть у насъ пословицы, которыя принадлежатъ лицамъ. Отъ царя Алексѣя Михайловича осталась намъ уже извѣстная: *Дѣлу время, а потѣхѣ часъ.* Петръ I, насильственно срывая бороду съ Русскаго народа, для медали, которая покупалась какъ право носить ее, сочинилъ самъ пословицу: *Борода лишняя тягота;* но Русскій народъ тогда же вѣрно и глубокомысленно отвѣчалъ царю своею пословицей: *Борода дѣлу не помѣха.*

Извѣстный своимъ умомъ откупщикъ Злобинъ сочинилъ пословицу о двухъ братьяхъ Сперанскихъ, славномъ Михаилѣ и неславномъ Кузьмѣ: *Изъ одного дерева и икона и лопата.* Даль, послѣдній собиратель русскихъ пословицъ, въ своей статьѣ о новой обличительной литературѣ, выразился о ней также пословицей: *Своей вины мы никому не прощаемъ.*

Взглянемъ теперь на русскія пословицы съ той стороны, какъ отпечатлѣлся въ нихъ разумъ Русскаго народа со всѣми его разнообразными свойствами, съ его многосторонностью, которая не позволяетъ ему вдаваться ни въ какую крайность, съ глубокимъ и смиреннымъ сознаніемъ недостатковъ народныхъ, съ его почтеніемъ къ уму, къ наукѣ, къ добродѣтели, съ отвращеніемъ къ порокамъ, любовью къ свободѣ, съ замѣтами опыта, годными въ любой кодексъ жизни.

Какому Русскому неизвѣстно, какъ важно значеніе міра и народа для Русскаго человѣка? Онъ говоритъ: «*Міра никто не судитъ, а судитъ одинъ Богъ; Мірская слеза велика; Мірская шея толста; Міръ дѣло велико! какъ всѣмъ міромъ воздохнутъ, такъ и временщикъ скоро издохнетъ; Міръ зинетъ, камень лопнетъ; Гдѣ народъ увидитъ, тамъ и Богъ услышитъ; Съ міру по ниткѣ, голому рубаха.*

Такъ велико нравственное значеніе міра и народа по смыслу русской пословицы. Но она признаетъ въ немъ и слабую сторону, особенно въ его непостоянствѣ, и потому говоритъ: *Мірская молва, что морская волна; Народъ волна; Міръ волна.* Такое понятіе она выражаетъ иногда очень рѣзко: *Міръ силенъ какъ вода, а глупъ какъ свинья.* Въ этой пословицѣ свобода личности сказывается искренно противъ гнета мірской общины, на ней лежащей.

Вотъ какъ пословица понимаетъ отношеніе народа къ царю: *Народъ тѣло, а царь голова; Коли народъ согрѣшитъ, царь умолитъ; а коли царь согрѣшитъ, народъ не умолитъ.*

Много укоряли нашъ народъ за его пристрастіе къ словамъ: *авось, небось, какъ-нибудь, живетъ.* Правда, Русскій народъ имѣетъ къ *авосю* нѣкоторую слабость и говоритъ: *Авось велико слово; Авось не Богъ, а полбога есть; Русакъ на авось и взросъ.* Но тотъ же самый народъ сознаетъ очень сильно свои недостатки въ этомъ отношеніи и гораздо болѣе изобилуетъ пословицами противъ авося, чѣмъ въ его пользу: *Отъ авося добра не жди; Авось да живетъ не къ добру доведетъ; Авось и какъ-нибудь до*

добра не доведутъ; Авось небосю родной братъ; Авось хоть брось; Кто дѣлаетъ все на авось, у того все хоть брось; Авось попадетъ, что заяцъ, въ тенето. Замѣчательно, что *авоська* и *небоська* олицетворяются иногда въ видѣ живыхъ комическихъ лицъ, и вотъ какъ пословица забавляется надъ ними: *Авоська веревку вьетъ, небоська петлю накидываетъ; Авоська уйдетъ, а небоську одного покинетъ; Тянули-тянули авоська съ небоською, да животы надорвали; Авосевы города не горожены, авоськины дѣти не рожены.* Эти живыя лица *Авоська* и *Небоська* такъ и просятся въ народную русскую комедію, и удивительно, какъ ни одинъ русскій комикъ до сихъ поръ не воспользуется ими.

Русская лѣнь вошла также въ пословицу, какъ порокъ народный, зависящій отъ климата и отъ многихъ другихъ обстоятельствъ. Пословица сознаетъ его и говоритъ: *Русскій часъ — десять часовъ: Русскій часъ — тридцать со́ днемъ.* Но она же прибавляетъ противъ лѣни нашей такое слово: *Лѣнь мужа портитъ, а встань кормитъ.* О пьянствѣ, другомъ порокѣ народномъ, русская пословица говоритъ: *Кто празднику радъ, тотъ до свѣту пьянъ; То не спасенье, что пьянъ въ воскресенье; Пей за столомъ, а не пей за столбомъ.* Фатализмъ, свойственный иногда Русскому народу, выражается у насъ пословицами: *На роду написано; Двухъ смертей не бывать, одной не миновать.* Пренебреженіе къ жизни и къ личности выражается другими: *Жизнь копейка — алтынъ голова; День мой — врагъ мой.*

Строгій къ своимъ недостаткамъ, Русскій народъ умѣетъ остроумно замѣчать недостатки и въ другихъ народахъ, съ которыми имѣлъ какое-нибудь соприкосновеніе. О Нѣмцѣ говоритъ онъ очень глубокомысленно: *Нѣмецъ научитъ шить, а не кроить.* О Французѣ онъ такъ выражается: *Французъ сытъ крупицей, пьянъ водицей, шиломъ бреетъ, дымомъ грѣетъ.* Сравнивая оба народа, Французовъ и Нѣмцевъ, Русскій отдаетъ преимущество Французу: *Французъ Нѣмцу задалъ перцу.* Сравнивая себя съ Нѣмцемъ въ отношеніи къ физическимъ силамъ, Русскій себѣ

отдастъ преимущество: *Что̀ Русскому здорово, то Нѣмцу смерть.*

Истинное понятіе о благочестіи Русскій человѣкъ выразилъ многими пословицами и внутреннюю вѣру предпочитаетъ внѣшней, говоря: *Не строй семь церквей, а вскорми семь сиротъ дѣтей; Хороша вѣра у дѣла*; *Безъ толку молиться, безъ числа согрѣшить.* Сильна его надежда на Бога: *На Бога положишься, не обложишься*, но такая вѣра не поблажка его лѣни: *Боже помози, а ты не лежи.* Въ понятіи о Богѣ Русскій человѣкъ не любитъ понятія силы, а скорѣе любви и правды: *Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ*; *Гдѣ любовь, тутъ и Богъ.* Прекрасны понятія Русскаго человѣка о крестѣ: *Тотъ не Христовъ, кто безъ крестовъ; Богъ по силѣ крестъ налагаетъ.*

Ничего такъ не боится Русскій человѣкъ, какъ слезы̀ убогаго и сироты: *Убогаго слеза жидка да пдка; За сироту Богъ; Не боюсь богатыхъ грозъ, а боюсь убогихъ слезъ.* Особенно сильна для него молитва матери: *Материнская молитва со дна моря вынимаетъ.* Нѣжно замѣтилъ онъ, что *безъ матери младенца не утышишь.*

Свою древнюю любовь къ гостепріимству Русскій народъ выразилъ въ пословицахъ: *Гость въ домъ, Богъ въ домъ; Кинь хлѣбъ-соль на лѣсъ, пойдешь—найдешь; За голоднаго Богъ заплатитъ.* Но гостепріимство не налагаетъ на гостя лицемѣрія: *Хлѣбъ-соль ѣшь, а правду рѣжь.*

Смиреніе свое народъ выражаетъ пословицей: *Кто Богу не грѣшенъ, Царю не виноватъ? Грѣхъ да бѣда на кого не была?* Но смиреніе онъ не доводитъ до уничиженія, говоря: *Грѣшны, да Божьи.* Прекрасны двѣ пословицы о смиреніи: *Смиренье дѣвичье ожерелье; Смиренье молодцу ожерелье.* Свою незлопамятность народъ выражаетъ пословицами: *Тому тяжело, кто помнитъ зло; Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.* О простосердечіи есть прекрасная пословица: *Гдѣ пр̀осто, тамъ Ангеловъ со ста, а гдѣ хитр̀о, тамъ ни одного.*

Не любитъ Русскій народъ порока гордости, и такъ говоритъ

противъ него: *У спѣсиваго колъ въ шеѣ; Гордымъ быть, глупымъ слыть.*

Велико уваженіе Русскаго человѣка къ уму и къ разуму. Онъ возноситъ его надъ силою, говоря: *Гдѣ сила, тамъ уму могила.* Разумъ онъ ставитъ выше ума: *Умъ безъ разума бѣда.* Для ума нуженъ просторъ, по его мнѣнію: *Русскій умъ любитъ просторъ.* Уважая умъ, пословица не щадитъ дураковъ: *Дуракъ родится, Богу печаль; Дурака учить, что мертваго лѣчить; Дураку и въ алтарь не спускаютъ; Въ дуракѣ и царь не воленъ; Глупый броситъ камень, а десять умныхъ не вытащатъ.*

Уважаетъ Русскій человѣкъ науку и ученье: *Ученье свѣтъ, а неученье тьма; Ученье красота, неученье сухота.* По его мнѣнію, наука должна сопровождать всю жизнь: *Вѣкъ живи вѣкъ, учись.* Онъ знаетъ, что безъ труда наука невозможна: *Безъ муки нѣтъ науки.* Есть пословица, которая какъ будто полагаетъ предѣлъ наукѣ: *Будешь много знать, скоро состаришься*; но за то есть другая, которая дополняетъ смыслъ этой: *Богъ всего человѣку знать нѣ далъ, да и не отнялъ.*

Прекрасною пословицей выразилъ онъ любовь свою къ волѣ: *Цвѣтъ въ полѣ, человѣкъ въ волѣ.*

Безнадежное отчаяніе выражаетъ онъ, говоря о правдѣ, особенно въ судахъ: *Правда ходитъ по міру*; *Правда на небо улетѣла; Гдѣ судъ, тамъ и неправда; Бойся не суда, а бойся судьи; Богъ любитъ праведника, а судья ябедника; Всѣ люди неправдой живутъ и намъ не треснуть стать.*

Весьма вѣрны понятія Русскаго человѣка объ изящномъ, и въ немъ о мѣрѣ, какъ главномъ условіи красоты: *Безъ мѣры и лаптя не сплетешь*; *Выше мѣры и конь не скачетъ; Всякое дѣло мѣра краситъ.* Точное понятіе объ единомъ цѣломъ выразилъ онъ сравненіемъ: *Безъ хвоста птица комъ.* Свою любовь къ красному цвѣту, по которому онъ назвалъ и красоту, объявилъ онъ пословицей: *Алъ цвѣтъ милъ во весь свѣтъ.* Свою любовь къ смѣшному и настоящее понятіе о смѣшномъ, онъ выразилъ многими пословицами: *Всякій смѣхъ у воротъ стоитъ; до туда не*

отойдетъ, пока не отомьетъ; Всякій смѣхъ о себя ударилъ; Въ чемъ живетъ смѣхъ, въ томъ и грѣхъ.

Заключимъ нашу бесѣду о русскихъ пословицахъ тѣми яркими замѣтами опыта, которыя каждый изъ насъ можетъ болѣе или менѣе повѣрить опытомъ собственной своей жизни:

Не вспоя, не вскормя, не видать ворога.

Берутъ руками, а отдаютъ ногами.

Въ долгъ давать — дружбу терять.

Дать ссуда навыкъ остуда, а не дать только на часъ.

Глубокомысленны пословицы, которыя касаются времени и жизни: *Время времени работаетъ; Сила во времени; Живой живое и думаетъ.*

Каждый человѣкъ можетъ извлечь изъ кодекса нашихъ пословицъ золотыя для себя правила, согласныя съ образомъ его дѣйствія. Такъ и я, дѣйствуя публичнымъ словомъ, приведу пословицы, которыя и мнѣ пригодиться могутъ: *Слово не стрѣла, а пуще стрѣлы; Сказанное слово мѣдное, а не сказанное*) золотое; Бойся вышняго и не говори лишняго.*

Перейдемъ къ сказкѣ. Сказка—складка, говоритъ пословица, т. е. сказка есть вымыселъ, въ которомъ дѣйствуетъ фантазія народа.

Счастливы тѣ изъ насъ, которыхъ дѣтство проходило въ фантастическомъ кругѣ народныхъ вымысловъ, такъ сильно дѣйствующихъ на дѣтское воображеніе! Счастливы тѣ, которые, какъ нашъ славный Пушкинъ, засыпали подъ говоръ русской сказки изъ устъ своихъ няней. Дѣтство нашего поколѣнія баюкала еще та первоначальная русская сказка, которая сложилась въ устахъ самаго народа. Мы помнимъ Жаръ-птицу, Сивку-бурку съ его прибауткомъ; мы помнимъ жалобную пѣсню сестры и брата, Аленушки и Иванушки, которая трогала сердце до слезъ; мы помнимъ Дѣвушку-Чернавушку, народное подражаніе западной Сандрильонѣ. Но наши дѣти выростали уже на художествен-

*) Эта пословица находится и въ языкѣ французскомъ.

ныхъ сказкахъ Жуковскаго, Пушкина, Языкова, Ершова и другихъ поэтовъ русскихъ, на сказкахъ, заимствованныхъ изъ народныхъ преданій.

Отличительное свойство русской сказки состоитъ въ томъ, что хотя она повидимому и переноситъ насъ въ міръ фантастическій, или, говоря ея словами, въ «тридесятое царство», но если вглядимся пристальнѣе, то увидимъ, что сказка остается совершенно вѣрна дѣйствительной жизни, насъ окружающей, даже и тогда, когда она заимствуетъ свои вымыслы изъ чужестранныхъ сказокъ. *Ея коверъ-самолетъ* и *сапоги-самоходы*, переносящіе путниковъ на самыя дальнія разстоянія, указываютъ на огромное пространство той земли, гдѣ дѣется сказка. *Ея скатерть-самобранка* не есть ли живой образъ русскаго гостепріимства, исполняющаго на дѣлѣ пословицу: *Все что въ печи, то на столъ мечи?* Ея *драчунъ-дубинка*, такъ пластически олицетворенная Жуковскимъ, есть живое подобіе нашей силы матеріальной, которая нерѣдко употреблялась съ благотворною цѣлью, когда уничтожала восточное варварство. Ея *гусли-самогуды* выражаютъ врожденную любовь Русскаго народа къ музыкѣ.

Извѣстно, что русская сказка беретъ всегда сторону меньшаго сына противъ старшихъ. Не есть ли это свидѣтельство древности ея происхожденія? Не идетъ ли она отъ тѣхъ временъ, когда меньшой сынъ бывалъ всегда жертвою родоваго начала? Не вступалась ли сказка за него, какъ вездѣ, у всѣхъ народовъ и во всѣ времена поэзія вступается за слабѣйшихъ, притѣсненныхъ сильнѣйшими?

А нелѣпые приказы, которые отдаетъ царь Берендей въ извѣстной сказкѣ, переложенной въ стихи Жуковскимъ: за ночь построить дворецъ; изъ тридцати совершенно схожихъ лицомъ царскихъ дочерей узнать Марью царевну; пока горитъ соломенка, сшить пару сапогъ съ оторочкой! Или подобные же приказы, какіе отдаетъ царь Соломонъ въ сказкѣ о царѣ Соломонѣ и сынѣ его Соломкѣ: чтобы всѣ быки его стада отелились, или, чтобъ изъ выкрашенныхъ сандаломъ яицъ насѣдки висидѣли цыплятъ!

Глубокомысленною проніею преслѣдуетъ народная сказка всѣ злоупотребленія произвола власти, облеченной силою.

А сколько горькой сатиры заключается въ сказкѣ, напечатанной въ Сборникѣ Аѳанасьева: о правдѣ и кривдѣ, гдѣ рѣшается вопросъ о томъ, какъ лучше жить на бѣломъ свѣтѣ, правдой али кривдой? Барскій мужичекъ говоритъ: «Нѣтъ, братцы! правдой вѣкъ прожить не сможешь, кривдой жить вольготнѣе». Купецъ прибавляетъ: «Насъ обманываютъ, и мы, слышь, обманываемъ». Прикащикъ: «Какая нонче правда? За правду, слышь, въ Сибирь угодишь, скажутъ: кляузникъ»... Не смотря однако на всѣ эти мнѣнія, содержаніе сказки таково, что правдивый становится царскимъ сыномъ, а криводушнаго растерзали черти.

Весьма замѣчательна смѣлымъ смысломъ народной правды сказка о горшечникѣ. Царь загадываетъ загадку своимъ боярамъ: кто на свѣтѣ лютѣй и злоѣдливѣй всѣхъ? Какъ ни думали бояре, отгадать не могли. Загадка разошлась по народу — и отгадалъ ее одинъ горшечникъ, но отгадку свою хотѣлъ сказать самъ царю: «Ваше царское величество! сказалъ онъ. Лютѣй и злоѣдливѣй всего на свѣтѣ казна. Она оченно всѣмъ завидлива: изъ за нея пуще всего всѣ, слышь, бранятся, дерутся, убиваютъ до смерти другъ дружку: хоть съ голоду околѣвай — у нищаго суму отымутъ... Да что и говорить, ваше царское величество! изъ-за нея и вамъ, слышь, лихости въ волю достается»... Царь призналъ отгадку, и желая наградить горшечника, спросилъ его: какой онъ желаетъ награды? Забавно, что горшечникъ потребовалъ монополіи на горшки.

Отъ внутренняго, глубокаго житейскаго смысла нашихъ сказокъ перейдемъ къ поэтическимъ ихъ красотамъ. При художественной ихъ оцѣнкѣ лучшими руководителями могутъ быть для насъ русскіе поэты-художники, которые пользовались ими для своихъ созданій. Жуковскій извлекъ изъ нихъ много чудныхъ пластическихъ образовъ. Приведемъ хотя одинъ изъ нихъ, прелестью своею много напоминающій Овидіевы Метаморфозы.

Уточки плаваютъ, плещутся въ струйкахъ, играютъ, ныряютъ...
Вотъ наконецъ, поигравъ, понырявъ, поплескавшись, подплыли
Къ берегу; двадцать девять изъ нихъ, побѣжавъ съ перевалкой
Къ бѣлымъ сорочкамъ, о̀ земь ударились, всѣ обратились
Въ красныхъ дѣвицъ, нарядились, порхнули и разомъ исчезли.
Только тридцатая уточка, на берегъ выдти не смѣя,
Взадъ и впередъ одна одинешенька съ жалобнымъ крикомъ
Около берега бьется; съ робостью вытянувъ шейку,
Смотритъ туда и сюда, то вспорхнетъ, то снова присядетъ...

Отъ сказки Пушкина вѣетъ совершенно русскимъ духомъ: «Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ!» и вся прелесть и роскошь художественной фантазіи блещетъ въ его сказкѣ о царѣ Салтанѣ и сынѣ его, богатырѣ князѣ Гвидонѣ. Прочтемъ изъ нея нѣсколько отрывковъ:

А дитя волну торопитъ:
Ты волна моя, волна,
Ты гульлива и вольна!
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морскіе камни точишь,
Топишь берегъ ты земли,
Поднимаешь кораблі.

—

Чтожъ? подъ елочкой высокой,
Видитъ, бѣлочка при всѣхъ
Золотой грызетъ орѣхъ,
Изумрудецъ вынимаетъ,
А скорлупку собираетъ,

Кучки ровныя кладетъ
И съ присвисточкой поетъ
При честномъ при всемъ народѣ:
Во саду ли въ огородѣ.

—

Море вздуется бурливо,
Закипитъ, подыметъ вой,
Хлынетъ на берегъ пустой,
Разольется въ шумномъ бѣгѣ
И очутятся на брегѣ
Въ чешуѣ, какъ жаръ горя,
Тридцать три богатыря.
Всѣ красавцы удалые,
Великаны молодые,
Всѣ равны какъ на подборъ,
Съ ними дядька Черноморъ.

—

Говорятъ, царевна есть,
Что не можно глазъ отвесть.
Днемъ свѣтъ Божій затмеваетъ,
Ночью землю освѣщаетъ —
Мѣсяцъ подъ косой блеститъ,
А во лбу звѣзда горитъ.
А сама-то величава,
Выступаетъ будто пава;
Сладку рѣчь-то говоритъ,
Будто рѣченка журчитъ.

Въ заключеніе о сказкахъ приведу *Ангела* изъ народныхъ легендъ, изданныхъ Аѳанасьевымъ. Родила баба двойни. Богъ посылаетъ на землю Ангела вынуть изъ нея душу. Сжалился Ангелъ надъ младенцами и не исполнилъ Божія приказанія. Богъ ударилъ жезломъ по камню и разсѣкъ его на двое. «Видишь,

сказалъ онъ Ангелу, показавъ на разсѣлину камня, этихъ двухъ червяковъ? Тотъ, кто питаетъ ихъ, воскормилъ бы и сиротъ младенцевъ». Въ наказаніе Онъ сослалъ Ангела на землю. Ангелъ нанялся въ батраки у попа. Скоро онъ сталъ удивлять всѣхъ прихожанъ своими странными поступками. Пойдетъ мимо церкви, на церковь каменья швыряетъ; пройдетъ мимо кабака, на кабакъ молится; встрѣтитъ нищаго, ругаетъ его попрошайкой. Прихожане стали жаловаться попу на такой соблазнъ. Попъ передалъ ихъ жалобы батраку, который такъ ему оправдался въ своемъ поведеніи: «Не на церковь я швырялъ каменья, не на кабакъ Богу молился. Иду мимо церкви, вижу нечистая сила за грѣхи наши такъ и лѣпится у ней надъ крестомъ, я и давай швырять въ нее каменья. А идучи мимо кабака, я молился о душахъ тѣхъ, которые въ немъ пьютъ да гуляютъ, чтобы Богъ не допустилъ ихъ до смертной погибели. А попрошайкой я назвалъ не нищаго, а богатаго, который ходитъ по міру, да у прямыхъ нищихъ милостыню отнимаетъ». Выжилъ батракъ у попа три года. Кончился срокъ его наказанію. Попъ даетъ ему деньги, но онъ не беретъ ихъ, а проситъ проводить его. Пошли они въ поле, шли долго. Богъ возвратилъ крылья Ангелу, и когда онъ, распустивъ ихъ, полетѣлъ на небо, тогда только священникъ узналъ, кто служилъ у него въ батракахъ три года».

Въ русскихъ пѣсняхъ, сказалъ я, выражается чувство народа. Пѣсня—быль, говоритъ пословица. Что прожито чувствомъ народа, то истинно печатлѣется неизгладимо въ его пѣснѣ. Чувствомъ объемлетъ онъ все — и природу свою, и исторію, и всѣ значительныя мгновенія жизни.

Высота ли высота поднебесная,
Глубота ли глубота океанъ-море,
Широко раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе.

Такъ въ этой прелюдіи къ своимъ историческимъ пѣснямъ Русскій народъ обнимаетъ небо, море, землю и останавливается

на Днѣпрѣ, какъ духовной колыбели своего возрожденія, откуда пошла его жизнь и стала его земля.

Творецъ русскихъ пѣсенъ — самъ народъ Русскій. Личности творцовъ таятся въ немъ невидимо. Когда, услыхавъ какую-нибудь новую пѣсню, которая гуляетъ по всей Россіи, вы спрашиваете у народа: кто сложилъ ее? вамъ отвѣчаютъ всегда: «другъ дружкѣ сказали». Неизвѣстно откуда, но конечно изъ глубины народнаго духа, вылетаетъ русская пѣсня съ своимъ музыкальнымъ мотивомъ и проносится по всѣмъ концамъ Русской земли. То же можно сказать относительно времени, что̀ и относительно пространства Россіи. Историческая пѣсня, какъ самая древняя у насъ, обнимаетъ чувствомъ всѣ важнѣйшія эпохи исторической жизни Русскаго народа, отъ Владиміра до Петра.

Было время, когда русская пѣсня шла объ руку съ жизнію самого народа и служила отголоскомъ его сердца на каждое важное событіе его жизни. Есть и теперь одно славянское племя, въ которомъ такое явленіе безпрерывно повторяется, и пѣсня звучитъ отвѣтно его боевой жизни: это — Сербы. Въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ сохранились очевидные слѣды этого непрерывнаго союза между русскою жизнію и русскою пѣснею. Но открытіе, сдѣланное нашимъ академикомъ Гамелемъ въ Оксфордѣ, возвело это предположеніе на степень несомнѣнной истины. Въ 1619 году пріѣзжалъ въ Россію вмѣстѣ съ англійскимъ посольствомъ ученый священникъ Ричардъ Джемсъ и записалъ современныя историческія пѣсни, которыя пѣлись тогда въ нашемъ народѣ. Онѣ имѣли прямое отношеніе къ событіямъ того времени: ко въѣзду патріарха Филарета въ Москву и къ свиданію его съ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, къ скоропостижной смерти князя Михаила Скопина-Шуйскаго и къ несчастной участи царевны Ксеніи Борисовны Годуновой. Такъ было въ древнія времена, когда еще не послѣдовало сильнаго разрыва между народомъ и государственною жизнію въ Россіи. Такъ объясняется для насъ, почему въ историческихъ пѣсняхъ, до насъ дошедшихъ, слышны отголоски всѣхъ важнѣйшихъ историческихъ эпохъ на-

шей жизни. Таковы эпохи Владиміра *краснаго солнышка*, татарскаго владычества, Іоанна Грознаго, покорителя трехъ царствъ, самозванцевъ, наконецъ эпохи Петра. Мы не будемъ описывать отдѣльно всякую, но для примѣра скажемъ о первыхъ двухъ. До сихъ поръ благодарный Русскій народъ съ чувствомъ любви воспоминаетъ о свѣтлыхъ пирахъ ласковаго князя Владиміра, представляя его въ свѣтломъ образѣ:

Въ стольномъ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго князя Владиміра
Было пированье, почестный пиръ,
Было столованье, почестный столъ
На многи князи, бояра,
И на русскіе могучіе богатыри
И гости богатые.
Будетъ день, въ половину дня,
Будетъ пиръ во полу пирѣ,
Владиміръ князь распотѣшился,
По свѣтлой гриднѣ похаживаетъ,
Черны кудри расчесываетъ.
. . . . . .
Повары были догадливы,
Носили яства сахарныя
И питья медвяныя,—
А и тутъ пили, ѣли, прохлаждалися...

Картины этого гостепріимства Владиміра отзываются разсказу лѣтописи о тѣхъ же самыхъ пирахъ и передаютъ съ точностью то, что́ сохранила она въ своихъ вѣрныхъ преданіяхъ.

Не таковъ отголосокъ народа временамъ татарскаго владычества. Мрачно и тяжело то чувство, которымъ онъ на нихъ отзывается:

Зачѣмъ мать сыра земля не по́гнется?
Зачѣмъ не разступится?
А отъ пару было отъ конинаго

А и мѣсяцъ, солнце померкнуло,
Не видитъ луча свѣта бѣлаго,
А отъ духу татарскаго
Не можно крещенымъ намъ живымъ быть.

Въ историческихъ пѣсняхъ являются наши славные витязи. Они вышли изъ всѣхъ сословій народа и слетѣлись со всѣхъ концовъ земли Русской. Въ нихъ пѣсня олицетворила тѣ народныя силы, которыми мы сражались противъ варварскихъ ордъ, напиравшихъ на насъ съ Востока, и всего болѣе противъ Татаръ. Съ особенною любовью и подробнѣе чѣмъ другіе витязи обозначенъ въ историческихъ пѣсняхъ Илья Муромецъ, вышедшій изъ крестьянскаго сословія. Замѣчательно въ пѣсняхъ сказаніе о томъ, отчего перевелись витязи на Святой Руси.

Дѣло происходитъ на Сафатъ-рѣкѣ, служащей границею Русскаго міра съ ордами азіатскими. Семь удалыхъ витязей, и въ ихъ числѣ Добрыня Никитичъ, Алеша Поповичъ и Илья Муромецъ, одолѣваютъ и истребляютъ въ конецъ Татарскую силу. Совершивъ этотъ подвигъ, витязи загордились и сказали: «Подавай намъ силу небесную, мы и съ тою силою справимся!». Слетѣло съ неба два небесныхъ воителя и предлагаютъ витязямъ съ ними бой держать, хоть ихъ двое, а витязей семеро. Налетѣлъ первый Алеша Поповичъ на небесныхъ воителей, и разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча. Стало четверо — и живы всѣ! Налетѣлъ на нихъ Добрыня, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча — стало восьмеро, и живы всѣ! Налетѣлъ на нихъ Илья Муромецъ, разрубилъ ихъ пополамъ со всего плеча — стало вдвое болѣе, и живы всѣ. Бросились на силу всѣ витязи, стали ее колоть-рубить; а сила все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ. Не столько витязи рубятъ, сколько добрые кони ихъ топчутъ, а сила все растетъ да растетъ, все на витязей съ боемъ идетъ. Бились витязи три дня, три часа, три минуточки; намахались ихъ плечи могутныя, уходились кони ихъ добрые, иступились мечи ихъ булатные; а сила все растетъ да растетъ,

все на витязей съ боемъ идетъ. Испугались могучіе витязи, побѣжали въ каменныя горы, въ темныя пещеры, и окаменѣли. Такъ, по мысли народной, перевелись витязи на Святой Руси.

Это поэтическое видѣніе не ясно ли представляетъ мысль Русскаго народа, что духовная сила должна побѣдить силу тѣлесную? Это совершилось отчасти въ прошедшемъ, и должно совершиться еще въ будущемъ.

За историческими пѣснями слѣдуютъ *бытовыя* пѣсни. Русскій человѣкъ имѣетъ въ обычаѣ сопровождать всякое занятіе свое пѣснею. Это напоминаетъ намъ обычай древнихъ Грековъ, которыхъ обычай, весь во всѣхъ своихъ мгновеніяхъ, также обнимала пѣсня. Бытовыя пѣсни дѣлятся на общественныя, семейныя и личныя.

Прежде чѣмъ говорить о каждомъ видѣ пѣсенъ отдѣльно, укажемъ на общую черту ихъ всѣхъ — на чувство природы со всѣми ея красотами. Приведемъ нѣсколько картинъ, въ которыхъ оживаетъ для насъ наша природа. Вотъ картина рѣки:

Ахъ, подъ лѣсомъ, лѣсомъ, подъ зеленой дубравой,
Сама протекала матка быстрая рѣка,
Урываючи круты, красны бережки,
Осыпаючи желты пески, сыпучи....

Вотъ еще другая картина, въ такомъ же родѣ:

Протекала, пролегала мать Камышенка рѣка,
Какъ съ собой она вела круты красны берега,
Круты красны берега—и зеленые луга.

Вотъ картинка одной изъ тѣхъ быстрыхъ рѣчекъ, которыхъ такъ много течетъ по Русской землѣ:

Изъ-за бору, бору,
Изъ-за зеленаго,
Протекала свѣтъ
Быстрая рѣчка,

Стучала, гремѣла
По кремнямъ острымъ,
Обростала быстра рѣчка
Калиной, малиной.

Какъ живо напоминаетъ намъ слѣдующая пѣсня красоту березы, этого дерева сѣверной природы:

Промежду двумя высокими горами
Выростала тонка бѣлая береза,
Что тонка береза, кудревата,
Гдѣ не грѣетъ ее солнышко, ни мѣсяцъ,
И не частыя звѣзды усыпаютъ,
Только крупными дождями уливаютъ,
Еще буйными вѣтрами подуваютъ.

Отъ растительной природы перейдемъ къ животной. Вотъ какъ рисуется бѣгъ коня:

Изъ-за лѣсу, лѣсу,
Лѣсика темнаго,
Изъ-за лѣсу конь бѣжитъ,
Подъ конемъ земля дрожитъ,
На конѣ узда гремитъ,
За конемъ стрѣла летитъ,
За стрѣлой молодецъ бѣжитъ.

Что̀ можетъ быть милѣе этого образа голубки, въ которомъ тутъ же олицетворяется красная дѣвица?

На калиновомъ листочкѣ
Сидѣла голубка,
Ноженьки мыла,
Перемывала,
Свое сизо перышко
Перебирала,
Свою буйну голову

Чесала,
Перебравши сизо перье,
Перечесавши буйну голову,
Сама взворковала.

Отъ природы перейдемъ къ красотѣ человѣка. Вотъ какъ величаются кудри на головѣ русскаго красавца:

Какъ у мѣсяца золотые рога,
Какъ у солнышка лучи ясные,
Ай люли, люли,
Лучи ясные!
Лучи ясные, распрекрасные,
Какъ на молодцѣ кудри русыя,
Кудри русыя, самородныя,
Ай люли, люли,
Самородныя!
Самородныя, не наемныя,
По плечамъ лежатъ,
Словно жаръ горятъ,
Жениться велятъ!

А вотъ какъ красавица сознаетъ свою красоту дѣвичью:

Красота ль моя, красота дѣвичья,
Ты кому-то красота достанешься?
Какъ досталась красота моя мужу старому!
Я могу ли красота тебя убавити,
Да что краснаго золота увѣсити,
Да что крупнаго жемчугу разсыпати? —

Природа сама отдаетъ справедливость красотѣ женской, какъ видно изъ слѣдующей пѣсни:

Не въ лѣсу ли заблудилась?
Не въ травѣ ли заплелась?
Вѣю, вѣю, вѣю, вѣю,
Не въ травѣ ли заплелась?

Какъ бы въ лѣсѣ заблудилась,
То бы лѣсы приклонились;
Во травѣ бы заплелась,
Трава бъ шелкомъ повилась.

Одинъ изъ любимыхъ поэтическихъ образовъ, безпрерывно употребляемый русскою пѣснью, есть параллелизмъ природы и жизни. Онѣ ставятся другъ передъ другомъ, и прекрасный образъ, взятый изъ природы, соотвѣтствуетъ значительному образу изъ дѣйствительной жизни. Много такихъ образовъ. Мы приведемъ одинъ изъ нихъ.

Ты дуброва моя, дубровушка,
Ты дуброва моя, зеленая!
Ты къ чему рано зашумѣла,
Приклонила свои вѣточки?
Изъ тебя ли, изъ дубровушки,
Мелки пташечки вонъ вылетали,
Одна пташечка оставалася,
Горемычная кукушечка.
Что кукуетъ она день и ночь,
Ни на малый часъ перемолку нѣтъ,
Жалобу творитъ кукушечка
На залетнаго ясна сокола:
Разорилъ онъ ея тепло гнѣздышко,
Разогналъ ея малыхъ дѣтушекъ,
Малыхъ дѣтушекъ, кукунятушекъ,
Что по ельничку, по березничку,
По часту лѣску, по орѣшничку.

* * *

Что во теремѣ сидитъ дѣвица,
Что въ высокомъ сидитъ красная,

Подъ косящатымъ подъ окошечкомъ;
Она плачетъ, какъ рѣка льется,
Возрыдаетъ, что ключи кипятъ,
Жалобу творитъ красна дѣвица
На заѣзжаго добра молодца:
Что сманилъ онъ красну дѣвицу,
Что отъ батюшки и отъ матушки,
И завезъ онъ красну дѣвицу
На чужу дальню сторону,
На чужу дальню, незнакомую,
Что завезши, хочетъ покинути!

Къ общественнымъ пѣснямъ принадлежатъ *хороводныя*. Хороводъ есть общественное увеселеніе Русскаго народа. Онъ весьма древняго происхожденія, какъ и его пѣсни, и указываетъ на наше родство съ древнимъ греческимъ племенемъ. Слово *хоръ* есть и у Грековъ. Содержаніе хороводныхъ пѣсенъ чрезвычайно разнообразно. Я приведу одну изъ нихъ, весьма древнюю, извѣстную по красотѣ образовъ и музыкальнаго мотива:

Ахъ, и по морю! Ахъ, и по морю!
Ахъ, и морю, морю синему!
Плыла лебедь, плыла лебедь,
Лебедь бѣлая, со лебедушками,
Со малыми, со дитятами,
Ни тряхнется, ни ворохнется;
Плывши лебедь, встрепенулася,
Подъ ней вода всколыхнулася.
Плывши лебедь, вышла на берегъ.
Гдѣ ни взялся, гдѣ ни взялся,
Гдѣ ни взялся младъ ясенъ соколъ;
Убилъ, ушибъ, убилъ, ушибъ,
Убилъ, ушибъ лебедь бѣлую;
Онъ кровь пустилъ по синю морю;

Онъ пухъ пустилъ, онъ пухъ пустилъ,
Онъ пухъ пустилъ по поднебесью;
Сорилъ перья, сорилъ перья,
Сорилъ перья по чисту полю.
Гдѣ ни взялась, гдѣ ни взялась
Красна дѣвица душа;
Брала перья, брала перья,
Брала перья лебединыя,
Клала въ шапку, клала въ шапку,
Клала въ шапку соболиную,
Милу дружку, милу дружку,
Милу дружку на подушечку,
Родну батюшкѣ, родну батюшкѣ,
Родну батюшкѣ на перинушку.

Вся роскошь русской фантазіи и вся прелесть нѣжнаго, сердечнаго чувства соединяются въ образахъ этой пѣсни. Сначала разстилается передъ вами синее море; на немъ плыветъ бѣлая лебедь съ своими лебедятами; волна морская чуть колышется подъ нею. Кровожадный соколъ съ неба напоминаетъ древнія соколиныя охоты нашихъ удѣльныхъ князей. Грустная картина лебеди, имъ убитой, смягчается другою прелестною картиною дѣвицы, которая собираетъ пухъ ея для своего отца или для друга.

Нельзя не пожалѣть, что нашъ хороводъ остается исключительнымъ увеселеніемъ простаго народа. Подъ опасеніемъ прослыть за оригинала и подвергнуться публичному осужденію, я осмѣлился бы предложить это увеселеніе нашему избранному обществу. Но я увѣренъ, что когда мы возвратимся къ сознанію нашихъ народныхъ силъ, то мое желаніе исполнится, потому что въ хороводѣ покоится зародышъ изящныхъ, художественныхъ произведеній, связанныхъ съ общественною жизнію. Черезъ хороводъ всѣ искусства могли бы на нее благотворно подѣйствовать и дать благородный смыслъ ея увеселеніямъ. Здѣсь

поприще для поэта, музыканта и хореографа. Здѣсь члены общества обоихъ половъ могли бы развивать свои художественныя дарованія, и наша общественная жизнь получила бы отъ нихъ жизнь и значеніе и перестала бы отзываться тою пустотою, которая мертвитъ ее.

Отъ общественныхъ пѣсенъ перейдемъ къ *семейнымъ*. Главное событіе въ семейной жизни русскаго народа есть свадьба, въ которой семейство зарождается. Нѣтъ радости выше этой для русскаго семьянина, какъ поютъ объ этомъ двѣ пѣсни:

Ужъ какъ на небѣ двѣ радуги,
Слава!
А у богатаго мужика двѣ радости,
Слава!
Что первая-то радость—сына женитъ,
Слава!
Что другая-то радость—дочь замужъ отдаетъ,
Слава!
Ужъ какъ за сыномъ корабли бѣгутъ,
Слава!
А за дочерью сундуки везутъ,
Слава!

Рождество было Богородицы:
Трижды въ колколы ударили
У (имрекъ) отца и матери
Трижды сердце взрадовалося;
Въ первой сердце взрадовалось
Что сыночка мать породила,
Въ другорядь сердце взрадовалося
Что сыночка мать повыростила,
Въ третій сердце взрадовалось
Что сыночка мать женить стала.

Таинство брака сроднилось съ жизнію человѣка и запечатлѣло ее крѣпкимъ единствомъ семьи. Чувство этого единства нигдѣ такъ сильно не выражается, какъ въ слѣдующей прекрасной пѣснѣ:

Какъ на дубчику два голубчика
Цѣловалися, миловалися,
Сизы крыльями обнималися.
Отколь ни взялся младъ ясенъ соколъ,
Онъ ушибъ, убилъ сизаго голубя,
Сизаго голубя, мохноногаго;
Онъ кровь пустилъ по сыру дубу,
Онъ кидалъ перья по чисту полю,
Онъ и пухъ пустилъ по поднебесью.
Какъ растужится, разворкуется
Сизая голубушка по голубѣ,
О голубчикѣ мохноногонькомъ;
Какъ возговоритъ младъ ясенъ соколъ:
«Ты не плачь, не плачь, сиза голубушка,
Сиза голубушка по своемъ голубчикѣ!
Полечу ли я на сине море,
Пригоню ли тебѣ голубей стадо,
Выбирай себѣ сизаго голубя,
Сизаго голубя, мохноногаго».
Какъ возговоритъ сиза голубушка:
«Не лети, соколъ, на сине море,
Не гони ко мнѣ голубей стадо:
Вѣдь то мнѣ будетъ ужъ другой вѣнецъ,
Малымъ голубятушкамъ не родной отецъ»...

Всѣ мгновенія брака, начиная отъ сговора до послѣдняго свадебнаго пира, сопровождаются прекрасными пѣснями, которыхъ главная героиня—невѣста. На ней, какъ на жертвѣ перехода изъ одной семьи въ другую, сосредоточиваются все вниманіе и все чувство пѣсни. Все, что̀ есть прекраснаго и милаго въ

природѣ животной и растительной, въ небесахъ и на землѣ: заря, радуга, лебедь, голубь, ласточка — все даетъ предметы для сравненія съ невѣстою. Нерѣдко въ селѣ только и видимъ золото, что на крестѣ сельской церкви да на иконахъ; но пѣсня свадебная всевозможными драгоцѣнными камнями убираетъ прекрасный образъ невѣсты, величая всегда ее княгинею, а жениха княземъ *). Прилагаемъ три разныя изображенія невѣсты.

Ужъ на моей ли княгинѣ,
Ужъ на моей ли молодой
Красенъ вѣнчикъ сіяетъ,
Сарафанъ на ней камчатный,
Убрусецъ весь жемчужный,
Алы бархатны башмачки,
Два яхонта въ серьгахъ,
Два алмаза во глазахъ,
Со походкой лебединой
Со поступью орлиной.

—

У насъ нынѣ рано на зарѣ
Щекотала ласточка на дворѣ,
Плавала лебедушка по водѣ,
Сидѣла свѣтъ Машенька на камнѣ,
Сидѣла Ивановна на бѣломъ,
На бѣломъ на камушкѣ сидючи,
Свои бѣлыя ручки схватючи,
На крутой на бережокъ глядючи,
По бережку цвѣтики разцвѣли,
По цвѣтикамъ батюшка гуляетъ.

—

*) Величаніе жениха княземъ, а невѣсты княгинею происходитъ отъ того, что церковь въ таинствѣ брака полагаетъ на ихъ головы вѣнцы свои. Отсюда видна связь русской пѣсни съ религіею.

Ты, заря-ль моя зорюшка,
Ты, душа-ль моя Прасковьюшка,
Ты, душа-ль моя Андреевна.
Городомъ прошла зарею,
Ко двору пришла тучею,
Вдарила въ ворота бурею,
Пустила по двору сильный дождь,
Сама поплыла уткою,
На крыльцо взошла павою,
Во новы сѣни лебедемъ,
Во высокъ теремъ соколомъ,
Садилась за столъ съ молодцемъ,
Махнула платкомъ во теремъ.
Вы раздайтеся, бояре.
Разступитеся, дворяне!

Мы сказали, что все главное дѣйствіе брака сосредоточивается въ переходѣ невѣсты изъ одной семьи въ другую. Въ этомъ — драма свадьбы. Здѣсь приносится жертва невѣстою для зачатія новой семьи, и вотъ почему она главная героиня всѣхъ пѣсенъ, предметъ горестныхъ думъ, чувствъ и заботъ. Приведемъ нѣсколько пѣсенъ, въ которыхъ воспѣвается этотъ тяжелый переходъ, по большей части представляемый въ мрачномъ видѣ, съ полнымъ участіемъ и состраданіемъ къ невѣстѣ.

Какъ изъ гнѣздышка пташечка,
Изъ гнѣздышка теплаго,
Изъ вѣточки яблонной
Выпорхала, вылетала
На чисто поле, на зеленое,
Что на тѣ луга муравистые,
Рвала травушку съ корешка,
Бросала травушку на сторонушку;
Рвала, вырывала пташечка,

Вырывала маковъ цвѣтъ,
Вырвавши имъ любовалася.

Въ этой пѣснѣ выходъ невѣсты изъ семьи представляется въ свѣтломъ образѣ. Но вотъ другая пѣсня, гдѣ тѣни гораздо мрачнѣе; здѣсь представлена разлука дочери съ матерью:

Разлилась, разлелѣялась
По лугамъ вода вешняя:
Унесло, улелѣяло
Чадо милое, дочь отъ матери.
Оставалася матушка
На крутомъ, красномъ бережку;
Закричитъ она громкимъ голосомъ:
«Воротись, мое дитятко,
Воротись, мое милое!
Позабыла трои ключи,
Трои ключи золоты,
Со кольцомъ со серебрянымъ,
А внутри вызолоченымъ;
Какъ первый-то ключикъ
Отъ зеленаго садика,
А другой-то ключикъ
Отъ высокаго терема,
А третій-то ключикъ
Отъ кована ларчика!»
«Государыня матушка!
Позабыла я не трой ключи,
Не трои ключи золоты;
Позабыла я, матушка,
Волю батюшкину,
Нѣгу матушкину,
Пріятство сестрицыно»...

Вотъ наконецъ еще третья пѣсня, въ которой тѣни становятся мрачнѣе и грустнѣе:

Залетала пташечка
Во соловью клѣточку,
За серебряную сѣточку,
За золоченую рѣшеточку,
За жемчужну переплеточку;
А сама-то востоскуется,
А сама-то возгорюется:
«Охъ-ти мнѣ, охъ, тошнехонько!
Охъ-ти мнѣ, охъ, грустнехонько!
У соловья во клѣточкѣ,
За серебряной сѣточкой,
За золоченой рѣшеточкой,
За жемчужной переплеточкой,
Безъ травы-то зеленыя,
Безъ воды-то ключевыя!
Какъ чужіе-то отецъ съ матерью
Безжалостивы уродилися.
Безъ огня у нихъ сердце разгорается,
Безъ смолы у нихъ гнѣвъ распаляется;
Насижусь-то я у нихъ, бѣдная,
По конецъ стола дубоваго,
Нагляжусь-то я, наплачуся».

Женихъ занимаетъ второе мѣсто въ свадебной пѣснѣ. Она величаетъ его умъ-разумъ и особенно красоту его кудрей. Вотъ для примѣра:

Черна ягода смородина
Прилегла къ круту бережку;
Прилегали кудри русыя
Къ лицу бѣлому, румяному;
Приглядывали красны дѣвицы
За румянымъ молодцемъ,

Русы кудри по плечамъ лежатъ
На Ивану, да Ивановичу;
Брови черны, что у соболя,
Очи ясны, что у сокола.

Во всемъ окружающемъ жениха всего болѣе занимаетъ пѣсню отношеніе къ нему его матери. Вотъ что̀ поетъ она, завивая ему кудри къ свадьбѣ. Это одинъ изъ прелестнѣйшихъ образовъ нашей свадебной пѣсни.

Либо завьются кудри,
Либо не завьются черныя;
Коли будетъ совѣтъ да любовь,
Кудри сами станутъ завиваться;
Коли будетъ кось да перекось,
Не развивши, станутъ развиваться.
Ужъ завьются ли кудри,
Ужъ завьются ли черныя
Не отъ бѣлыхъ рукъ суженыхъ,
Не отъ румяныхъ рукъ ряженыхъ,
Не отъ частаго гребешка,
Не отъ частаго костянаго;
Завьются ли кудри,
Завьются ли черныя
Отъ веселья, отъ радости;
Развиваются ли кудри,
Развиваются ли черныя
Отъ печали, отъ горести,
Отъ тоски, отъ кручинушки.

Свадебная пѣсня доказываетъ, какъ высоко стоитъ семейство въ нравственныхъ понятіяхъ русскаго человѣка. Отсюда же объясняется то сердечное участіе, которое пѣсня питаетъ къ сиротѣ, лишенной этого блага. Вотъ отрывокъ изъ тѣхъ приче-

говъ, которые невѣста, лишенная матери, приговариваетъ на ея могилѣ:

Подымитесь вы, буйны вѣтры,
Со всѣхъ четырехъ сторонушекъ;
Разнесите пески, буйны вѣтры, къ матушкѣ Божьей церкви,
Расколите на матушкѣ гробову доску,
Распахните на матушкѣ бѣлъ тонкій саванъ,
Разожмите сударынѣ матушкѣ бѣлы рученьки:
Не возстанетъ ли наша матушка?
Не соберетъ ли меня горькую во чужи люди?
Не благословитъ ли меня горькую къ матушкѣ Божьей церкви?

Трудно найти образъ прелестнѣе того, въ какомъ слѣдующая пѣсня представляетъ сиротство дѣвицы. Онъ такъ и просится подъ кисть художника.

Какъ у ключика у гремучаго,
У колодезя студенаго,
Добрый молодецъ самъ коня поилъ,
Красна дѣвица воду черпала,
Почерпнувъ воды, поставила,
Какъ поставивши, призадумалась,
А задумавшись, заплакала,
А заплакавши, слово молвила:
«Хорошо тому жить на семъ свѣтѣ,
У кого есть отецъ и мать,
Отецъ и мать, и братъ и сестра,
Ахъ, и братъ и сестра, что и родъ племя».

Средину между общественными и семейными пѣснями занимаютъ у насъ тѣ, которыя поются на народныхъ игрищахъ. Сюда принадлежатъ пѣсни праздника Купалы, или Иванова дня, Семика, Троицына дня, когда завиваются березки, и особенно

святочныя, или подблюдныя. О значеніи и происхожденіи ихъ можетъ дать полное понятіе извѣстное сочиненіе И. М. Снегирева: *О народныхъ русскихъ праздникахъ.*

За семейными пѣснями слѣдуютъ *личныя*. Личность, по особеннымъ свойствамъ славянскаго племени вообще, у насъ не сильно развивалась, уступая мѣсто идеѣ общины, тяготѣвшей надъ лицомъ отдѣльнаго человѣка. Лицо отрывалось у насъ отъ семьи своей и отъ общины или въ силу государственной необходимости, какъ солдатъ, или въ силу общественной потребности, какъ извощикъ, или по личному произволу, какъ разбойникъ. Поэтому къ личнымъ пѣснямъ относятся рекрутскія или солдатскія, извощичьи и ямщичьи, и наконецъ *удалыя* или разбойничьи. Послѣднее явленіе очень понятно при столь сильномъ развитіи общины. Удалецъ, отрывавшій себя отъ нея, протестовалъ тѣмъ противъ ея насилія. Удалыя пѣсни отличаются у насъ необыкновенною поэзіею, которой крѣпко сочувствовалъ Пушкинъ. Изъ удалыхъ пѣсенъ мы приведемъ двѣ красоты привлекательной.

1.

Ахъ, ты поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое, широкое!
Ахъ, ты всѣмъ поле изукрашено:
Ты травушкой и муравушкой,
Ты цвѣточками, василечками;
Ты однимъ поле обезчещено,
Что посреди тебя, поля чистаго,
Выросталъ тутъ частъ ракитовъ кустъ,
Что на кусточкѣ, на ракитовомъ,
Какъ сидитъ тутъ младъ сизъ орелъ,
Въ когтяхъ держитъ черна ворона;
Онъ точитъ кровь на сыру землю.
Подъ кустикомъ, подъ ракитовымъ,
Что лежитъ, убитъ добрый молодецъ,
Избитъ, израненъ, исколотъ весь.

Что не ласточки, не касаточки
Кругъ тепла гнѣзда увиваются,
Увивается тутъ родная матушка,
Она плачетъ — какъ рѣка льется,
А родна сестра плачетъ—какъ ручей течетъ,
Молода жена плачетъ, какъ роса падетъ,
Красно солнышко взойдетъ, росу высушитъ.

2.

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати,
Какъ заутра мнѣ, доброму молодцу, во допросъ идти,
Передъ грознаго судью, самого царя.
Еще станетъ меня царь-государь спрашивати:
«Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ?
Еще много ли съ тобой было товарищей?»
«Я скажу тебѣ, надежа-православный царь,
Всю правду я скажу тебѣ, всю истину:
Что товарищей у меня было четверо:
Ужъ какъ первой мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ—булатный ножъ,
А какъ третій товарищъ мой—добрый конь,
А четвертый мой товарищъ — тугой лукъ,
Что разсыльщики мои — калены стрѣлы».
Что возговоритъ надежа-православный царь:
«Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать;
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Середи поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиною».

Заключимъ изученіе русскихъ пѣсенъ вопросомъ: если пѣсня есть выраженіе народнаго чувства, то какое чувство преобладаетъ въ нашихъ пѣсняхъ надъ всѣми другими чувствами? Никто не

усумнится отвѣчать, что это чувство—*горе*, которому отвѣчаетъ и минорный тонъ музыки, ихъ характеризующій.

Сама пѣсня сознаетъ это, и въ разныхъ образахъ олицетворяетъ одну и ту же мысль о горѣ. Одна изъ нихъ объясняетъ такъ происхожденіе гуслей, сопровождающихъ пѣсню:

Ахъ, молодость, молодость,
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Ай, лешеньки, лешеньки!
Чѣмъ-то вспомянуть тебя?
Вспомяну я молодость
Тоскою, кручиною,
Печалью великою:
Не пила, не ѣла я,
Все милаго ждала,
Пойду млада по воду
Съ ушатами, ведрами,
Пущу ведры подъ гору,
Сама взойду на гору,
Сама сяду на траву,
Прикинуся яблонью,
Яблонью кудрявою,
Грушею зеленою;
Мимо той ли яблони
Протекала рѣченька,
Какъ по той по рѣченькѣ
Съѣзжалися господа.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Съѣзжалися господа.
Съѣзжалися господа
Съ семидесяти городовъ.
Срубили они яблоньку
Подъ самый подъ корешекъ,
Раскололи яблоньку

На доски на тонкія;
На доски на тонкія,
Дѣлать гусли звончаты.
Кому поиграть въ гусли?
Кому поплясать будетъ?
Играть въ гусли молодцу,
Плясать красной дѣвицѣ.
Ай, лешеньки, лешеньки!
Плясать красной дѣвицѣ.

Мы видимъ, что гусли, сопровождающія пѣсню, слажены изъ досокъ яблони, которою прикинулась женщина, вспоминающая про свою молодость

Тоскою, кручиною,
Печалью великою.

Вотъ другая пѣсня, гдѣ горе представлено травою-полынью, сѣянною по полю жизни:

Ахъ, ты сердце мое, сердце
Ретивое, молодецкое!
Къ чему ноешь, занываешь,
Ничего мнѣ не скажешь,
Что ни радости, ни печали,
И ни одной бѣды и напасти?
Привязалось ко мнѣ горе,
Къ молодому молодцу,
Я не знаю, какъ и быти,
Свому горю пособити,
Не могу горя избыти,
Ни заѣсть, и ни запити;
Я пойду ли лучше въ поле
И разсѣю мое горе,
По всему по чисту полю.

Уродися мое горе,
Ты травою полыньею;
Какова трава полынь горька,
Таково то горе сладко!

Эта пѣсня тѣмъ замѣчательна, что не объясняетъ никакой причины горю: ни бѣда, ни напасть не произвели его, оно—плодъ самого сердца. Въ третьей пѣснѣ о горѣ оно олицетворяется въ самомъ горькомъ видѣ: подпоясано лыкомъ, ноги мочалами запутаны, и нѣтъ средства никуда убѣжать отъ него. Но пусть лучше говоритъ сама пѣсня:

Не бывать плѣшатому кудрявому,
Не бывать гулящему богатому,
Не отростить дерева суховерхаго,
Не откормить коня сухопараго,
Не утѣшити дитя безъ матери,
Не скроить атласу безъ мастера.
А горе, горе, гореваньице!
А и лыкомъ горе подпоясалось,
Мочалами ноги изопутаны!
А я отъ горя въ темны лѣса —
А горе прежде вѣкъ зашелъ;
А я отъ горя въ почестный пиръ —
А горе зашелъ, впереди сидитъ;
А я отъ горя на царевъ кабакъ—
А горе встрѣчаетъ, ужъ пиво тащитъ.
Какъ я нагъ-то сталъ, насмѣялся онъ.

Эта пѣсня, находящаяся въ сборникѣ, извѣстномъ подъ именемъ Кирши Данилова, должна быть отрывкомъ изъ одной весьма старинной *Старческой пѣсни о горѣ-злосчастіи*, которая была открыта въ Погодинскихъ рукописяхъ. Здѣсь *горе-злосчастіе* олицетворено въ видѣ судьбы, которая всячески преслѣдуетъ молодца и доводитъ его до монастыря, куда въ древности укрыва-

лась всякая личность, отторгавшая себя отъ законовъ и обычаевъ семейной и общинной жизни.

Какая причина такому явленію, что горе составляетъ главное, господствующее чувство въ нашихъ народныхъ пѣсняхъ? Карамзинъ полагалъ ее въ татарскомъ игѣ, которое два вѣка съ половиною тяготѣло на нашемъ народѣ. Но, послѣ освобожденія отъ него, сколько вѣковъ радостной славы прожила Россія, а чувство горя въ народныхъ пѣсняхъ нашихъ, не смотря на то, нисколько не измѣнилось. Не вѣрнѣе ли поискать этой причины въ психической сторонѣ русскаго человѣка? Горе имѣетъ свой зародышъ въ тоскѣ души по безконечномъ, въ ея стремленіи къ своей небесной родинѣ. Вотъ почему горе гораздо глубже, чѣмъ веселье, излишняя наклонность къ которому обнаруживаетъ только поверхностную душу. Народъ, способный чувствовать великое горе, способенъ и заслужить великую радость.

ЛЕКЦІЯ 5.

Рожденіе Петра Великаго, какъ одно изъ главныхъ мгновеній русской исторіи, отмѣчено особенною историческою пѣснью. Такъ народъ воспѣлъ его:

Свѣтелъ, радостенъ во Москвѣ
Благовѣрный царь Алексѣй, царь Михайловичъ,
Народилъ Богъ ему сына царевича Петра Алексѣевича,
Перваго императора по землѣ.
Всѣ-то русскіе какъ плотники мастеры
Во всю ноченьку не спали, колыбель, люльку дѣлали
Они младому царевичу . . . . . .

Замѣчателенъ этотъ образъ, которымъ пѣсня изображаетъ рожденіе Петра. Въ лицѣ всѣхъ Русскихъ вся Россія приходитъ въ движеніе, чтобы сдѣлать колыбель для новорожденнаго, какъ

бы предчувствуя ту дѣятельность, къ которой онъ призоветъ всякаг въ отечествѣ.

Съ Петра начинается періодъ развитія личности, котораго онъ самъ первый представитель. Этотъ періодъ, по закону общаго развитія въ человѣчествѣ, долженъ былъ послѣдовать у насъ вслѣдъ за періодомъ божественнымъ, чтобы противодѣйствовать злоупотребленіямъ обряда и ѳеократіи, мѣшавшимъ развитію личности человѣческой.

Рѣдко можно встрѣтить въ исторіи такую личность, которая вскорѣ послѣ смерти, самими современниками возведена была бы на степень лица миѳическаго. Въ этомъ отношеніи Петръ представляетъ большое сходство съ героями и полубогами древней Греціи. Это — русскій Геркулесъ, или Язонъ. Но въ нынѣшнее время, когда анализъ науки не терпитъ ничего миѳическаго, и нашъ герой подвергся неумолимымъ его изслѣдованіямъ, и много потускнѣлъ ореолъ, его окружавшій. Реформа, имъ совершенная, дожила до послѣдней крайности и вызвала противодѣйствіе. Противники Петровы вдались такъ же въ крайность, какъ бываетъ всегда въ эпохи реакціонныя. Замѣчательно въ этомъ отношеніи одно литературное явленіе нашего времени, касающееся исторіи Петра. Первые три тома его исторіи, изданные г. Устряловымъ, въ которыхъ историкъ является только панегиристомъ личности Петровой, едва лишь были замѣчены. Но совершенно противное дѣйствіе произвелъ на русскихъ читателей шестой томъ, гдѣ Устряловъ, оставивъ перо историка, предпочелъ быть уголовнымъ слѣдователемъ и представилъ Россіи почти всѣ документы уголовнаго процесса царевича Алексѣя Петровича. Въ слѣдственномъ процессѣ, обнародованномъ Устряловымъ, уже не царевичъ Алексѣй, а самъ Петръ явился обвиняемымъ передъ совѣстью присяжныхъ русскаго народа. Этотъ томъ поразилъ вниманіе всѣхъ и былъ прочтенъ на-расхватъ. Такое явленіе всего яснѣе могло свидѣтельствовать, что эпоха Петрова уже дожила до своего конца въ томъ, что́ она заключала въ себѣ лишняго.

Мы не увлечемся крайностью: не послѣдуемъ ни приверженцамъ Петра, сочинившимъ его апоѳеозу вскорѣ по его смерти, ни его противникамъ, которые вызваны необходимостью времени, чтобы противодѣйствовать его реформѣ. Наука должна стоять внѣ страстей дѣятельной жизни; ея безпристрастію помогаетъ добросовѣстное исканіе истины, которая внѣ потока времени и одна только можетъ озарить науку разумною тишиною свѣтлаго созерцанія.

Петрова личность, въ новомъ періодѣ жизни и словесности русской, напечатлѣна вездѣ, во всѣхъ нашихъ достоинствахъ и во всѣхъ недостаткахъ. Члены одного и того же Петра виднѣются повсюду; сюда весьма кстати пригодится извѣстное выраженіе Горація: Disjecta membra poëtae. Вотъ почему въ наше время, когда мы всѣ столько жаждемъ народнаго самопознанія, намъ необходимо узнать Петра въ его истинномъ образѣ безъ всякихъ предубѣжденій; частичка его есть непремѣнно въ каждомъ изъ насъ, и познаніе Петра тѣсно связано съ нашимъ личнымъ самопознаніемъ.

У насъ обыкновенно обвиняютъ Петра въ приверженности ко всему иностранному и говорятъ, что съ его времени началось это вредное для нашей народности пристрастіе. Но изслѣдованія, сдѣланныя въ наше время, доказываютъ, что еще до Петра мы уже были одержимы этимъ пристрастіемъ. Ученый сербъ Крижаничъ написалъ книгу при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ подъ заглавіемъ: «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка». Эту рукопись открылъ и издалъ молодой ученый Безсоновъ. Крижаничъ доказываетъ, что мы еще тогда были одержимы ксеноманіею, которую переводитъ онъ съ греческаго русскимъ словомъ *чужебѣсіе*, и что этимъ порокомъ одержимы не одни Русскіе, но и всѣ славянскія племена.

Петръ явился въ пору. Мертвая вѣра, окаменѣвшая въ одномъ лишь обрядѣ, породила расколъ, съ которымъ онъ долженъ былъ бороться въ самые первые годы своей жизни. Злоупотребленія ѳеократическаго начала отзывались въ словахъ послѣдняго пат-

ріарха Адріана, который отвлекалъ царя отъ любознательнаго странствія въ чужіе краи подъ предлогомъ, что Русскому народу, какъ новому Израилю, не слѣдуетъ якшаться съ чужими народами. Были невѣжды, какъ видно изъ нашихъ рукописей, которые отвлекали юношей отъ книгъ, говоря, что онѣ ведутъ къ ересямъ. Кантемиръ жестоко преслѣдовалъ фанатизмъ этихъ поборниковъ невѣжества. Какъ противникъ всѣхъ преградъ, препятствовавшихъ Русскому человѣку идти впередъ и развить свою личность въ орудіе истины, правды, добра и красоты, Петръ великъ и необходимъ.

Стоя на границѣ двухъ періодовъ, Петръ во всемъ представляетъ образъ двойственнаго Януса. Разсмотримъ его съ этихъ двухъ сторонъ въ дѣлѣ религіи, въ дѣлѣ народности, въ дѣлѣ языка и словесности.

Въ дѣлѣ религіи Петръ уничтожаетъ патріаршество, духовнымъ регламентомъ стѣсняетъ власть церкви и вноситъ въ ея управленіе до излишества стихію свѣтской власти, уничтожаетъ силу и власть монастырей, запрещая постригаться въ монахи ранѣе пятидесяти лѣтъ и держать монахамъ въ кельяхъ бумагу, перья и чернила; намѣренъ отнять у монастырей имѣнія, запрещаетъ строить лишнія церкви, переливаетъ колокола въ пушки, приказываетъ перевести по-русски Аугсбургское исповѣданіе, и проч. Но тотъ же самый Петръ, по преданіямъ народнымъ, хотя и опровергаемымъ современными учеными, десять лѣтъ защищаетъ православную церковь противъ раскола; плотничаетъ на Амстердамской верфи, чтобы снарядить флотъ на враговъ Христа, для освобожденія Христова гроба; съ этою же цѣлью воюетъ противъ Турціи; переноситъ мощи Александра Невскаго изъ Владиміра на Неву, чтобы ими освятить новую столицу; набожно исполняетъ всѣ обряды православной церкви: любитъ участвовать въ ея торжественныхъ ходахъ; любитъ, какъ Русскій человѣкъ, читать Апостолъ и пѣть на клиросѣ, и исполняетъ этотъ обрядъ въ день выѣзда своего изъ Парижа; знаетъ наизусть все Евангеліе и Павловы посланія, не сочувствуетъ римскому

католицизму; издѣвается надъ папскими обрядами и ненавидитъ іезуитовъ; смѣется надъ преданіями о Лютерѣ въ Виттенбергѣ; преслѣдуетъ суевѣріе, но въ истинной вѣрѣ признаетъ первую наставницу народа.

Въ дѣлѣ народности: Петръ уничтожаетъ формы древней русской жизни, преслѣдуетъ русское платье и бороду, пародируетъ наши древніе обычаи въ свадьбахъ, въ боярской роскоши, переноситъ свою резиденцію изъ древняго средоточія русской жизни въ землю, намъ тогда почти чуждую; любитъ иностранцевъ и имъ покровительствуетъ. Но тотъ же Петръ благоговѣетъ передъ русской исторіей: радуется открытію списка Несторовой лѣтописи въ Кёнигсбергѣ и тотчасъ велитъ переписать его; первая мысль объ изданіи древнихъ актовъ, въ наше время уже приведенная въ исполненіе, принадлежитъ ему; резиденція его въ Петербургѣ, но Москва при немъ продолжаетъ быть столицею истинно народною: въ Москвѣ, а не въ Петербургѣ, празднуетъ онъ торжественно свои побѣды, замышляетъ провести самую прямую дорогу между Москвою и Петербургомъ (колья этой дороги были открыты инженерами, когда они проводили желѣзную). Хотя Петръ любилъ иностранцевъ, но всѣ важнѣйшія государственныя мѣста предоставлялъ Русскимъ; первыми кавалерами Андреевскаго ордена пожалованы были: Русскій — Головинъ и Малороссъ — Мазепа; изъ перваго русскаго сукна велитъ сшить себѣ кафтанъ къ празднику; учреждая академію наукъ, приглашаетъ ученыхъ изъ чужихъ краевъ, но при каждомъ иностранномъ профессорѣ приказываетъ быть двоимъ Русскимъ, съ тѣмъ, чтобы водворить науку между соотчичами.

Къ дѣлу же народности нужно отнести и сношенія Петра съ племенами Славянскими. Онъ понималъ силу единства вѣры и племени. Въ теченіе всего царствованія онъ оказывалъ Славянамъ глубокое сочувствіе. Когда переносилъ новый годъ съ 1-го сентября на 1-е января, то въ этомъ обычаѣ онъ сослался на Сербовъ, Далматовъ и Болгаръ. Въ манифестѣ о войнѣ 1711 года противъ Турокъ, Петръ упоминалъ о народахъ намъ единовѣр-

ныхъ и единоплеменныхъ, которые стенаютъ подъ турецкимъ игомъ. Въ 1715 году онъ оказалъ вполнѣ царское гостепріимство Черногорскому митрополиту Даніилу *Његошу* и отправилъ съ нимъ дружелюбную грамату къ Черногорцамъ. Въ 1720 году поручалъ Рагузинскому въ Прагѣ нанять комедіантовъ, говорящихъ по-словенски, или по-чешски, чтобы Русскіе по сродству языка могли понимать ихъ. Въ 1723 году Петръ приглашалъ Сербовъ селиться на пограничныхъ земляхъ русскихъ: эта мысль осуществлена была уже при Елисаветѣ Петровнѣ. За годъ до своей кончины Петръ послалъ Сербамъ церковную утварь, богослужебныя книги, учителей языковъ славянскаго и латинскаго. Сочувствіе родственному племени онъ передалъ своей дочери и всѣмъ родственникамъ.

Въ дѣлѣ русскаго языка и словесности: Петръ, первый изъ Русскихъ, понесъ справедливое обвиненіе въ томъ, что отрекался отъ своего роднаго языка въ пользу иностранныхъ, хотя замѣтить должно, что Русскіе люди споконъ-вѣковъ славились умѣніемъ говорить мастерски на чужихъ языкахъ. Но Петръ въ этомъ отношеніи ушелъ слишкомъ далеко: даже имя свое перемѣнилъ на голландское и подписывался «Piter». Городу, имъ основанному, далъ иностранное названіе. Хотѣлъ насильственно наложить на народъ страсть свою къ голландскому языку, и зная, что любимая книга Русскаго народа — Евангеліе, повелѣлъ издать Новый Завѣтъ на двухъ языкахъ, славянскомъ и голландскомъ. Однако дѣло это, какъ извѣстно, не удалось, и русскіе свѣтскіе люди, вмѣсто голландскаго языка, для общежитія усвоили себѣ языкъ французскій ради удобства, какое послѣдній представляетъ: говоря много, не сказать ничего. Но и здѣсь выступаетъ та же яркая противоположность, какую мы видѣли въ дѣлѣ религіи и народности. Не смотря на все сказанное, Петръ является у насъ первымъ писателемъ, въ языкѣ котораго сильно выступаетъ русская стихія. Хотя языкъ этотъ изобилуетъ иностранными словами, но синтаксисъ его вполнѣ русскій безъ примѣси славянскаго, и представляетъ такіе русскіе коренные обороты и

выраженія, какихъ вы не встрѣтите ни въ одномъ русскомъ писателѣ до него, кромѣ развѣ Іоанна Грознаго. Живая устная рѣчь Петра такъ и слышна подъ его перомъ. Это первый русскій писатель съ своимъ оригинальнымъ слогомъ, въ которомъ сказываются его характеръ и личность. Каждое письмо его, каждый указъ отмѣчены особенными чертами слога, только ему принадлежащаго; какъ по страстному почерку, такъ и по слогу вы вездѣ узнаете Петра. Его неопредѣленныя наклоненія, замѣняющія повелительное, показываютъ сильную, повелѣвающую натуру: «*Набрать*», «*Выслать*», «*Быть*», «*Ружья дать*», «*А писемъ не подметывать*». Сюда же относятся его лаконическіе отвѣты, или приказанія, показывающія, что у него слово мигомъ переходило въ дѣло «*Не льть*»,*) «*Дылаютъ*», «*Пошлемъ*», «*Съ негодныхъ деньги*». Въ отношеніи къ слогу изученіе писемъ Петра весьма поучительно. Приведемъ два его письма къ князю Василію Долгорукову о Мазепѣ и отрывокъ изъ сочувственной граматы.

«Объявляемъ вамъ, что Мазепа не хотѣлъ въ добромъ имени умереть; уже при гробѣ учинился измѣнникомъ и ушелъ къ Шведамъ. Однакожъ, слава Богу, что при немъ въ мысли ни пяти человѣкъ нѣтъ, и сей край, какъ былъ, такъ и есть; однакожъ вы какъ наскорѣе совершайте, съ помощію Божіею, свое дѣло и око имѣй на Воронежъ.

Piter».

«Господинъ Маіоръ!

«Объявляю вамъ, что послѣ перебѣжчика вора Мазепы вчерашняго дня учинили здѣшній народъ елекцію новаго Гетмана, гдѣ всѣ, какъ одними устами, выбрали Скоропадскаго, Полковника Стародубскаго, и тако проклятый Мазепа, кромѣ себѣ, худа ни кому не принесъ; ибо народомъ и именъ ево слышать не хотятъ, и симъ изрядным дѣломъ васъ поздравляю.

Piter».

---

*) Не позволяется.

«При томъ, понеже извѣстная Нашему Царскому Величеству храбрость древнихъ вашихъ владѣтелей, глубина добрыхъ вашихъ христіянскихъ сердецъ и искусство, которое прежде сего по должности своей чрезъ храбрыя оружія за вѣру въ воинскихъ случаяхъ оказывали есте; якоже Мы удостовѣрихомся изъ книгъ, каковыя напечатаны и во всемъ свѣтѣ выхваляются искусства вашихъ народовъ, что Александръ Македонскій съ малыми войски тамошнихъ народовъ, многихъ царей побилъ и многія Имперіи завоевалъ, и безсмертную славу въ военномъ обхожденіи по себѣ оставилъ; что Георгій Кастріотъ, сиречь Скандербегъ, во всю свою жизнь съ немногими войски вашего же народа, нетокмо лютому поганскому зубу не допустилъ себя терзать; но еще на шестидесяти трехъ славныхъ баталіяхъ непріятеля на голову побилъ; и ежели бы прочіе деспоты и владѣтели ваши съ такимижъ сердцами трудилися, то не допустили бы себя въ неволю и наслѣдники своя въ подданство. Тѣмъ же въ нынѣшнее отъ Бога посланное время пристойно есть вамъ древнюю славу свою обновити, союзившися съ Нашими сплами и единодушно на непріятеля вооружившеся, воевати за вѣру и отечество, за честь и славу вашу и за свободу и вольность наслѣдниковъ вашихъ».

Замѣчательно вліяніе, какое Петръ Великій имѣлъ на слогъ извѣстнаго Ѳеофана Прокоповича. Сличите проповѣди, говоренныя Ѳеофаномъ въ Кіевѣ, съ тѣми, которыя говорилъ онъ впослѣдствіи, когда вызванъ былъ въ Петербургъ, — увидите, что первыя изобилуютъ схоластическою стихіею и славяно-церковными выраженіями, въ послѣднихъ же всюду трепещетъ современная жизнь, а въ слогѣ слышенъ человѣкъ, которому часто диктовалъ Петръ свои указы и письма.

Въ преобразованіи Петровомъ заключались общественныя условія, необходимыя для развитія нашей свѣтской литературы. Эти условія состояли въ болѣе свободномъ развитіи личности Русскаго человѣка, въ новыхъ формахъ общественной жизни, которая соединила оба пола, въ сближеніи съ образованіемъ за-

падныхъ европейскихъ народовъ и въ принятіи отъ нихъ науки, искусства, промышленности.

Личность, какъ мы уже сказали, участвуетъ во всемъ новомъ развитіи Россіи; ея черты видны вездѣ, а между прочимъ и въ литературѣ. Вотъ почему, передъ вступленіемъ въ новый періодъ, необходимо разсмотрѣть эти черты пристальнѣе, тѣмъ болѣе, что ихъ же мы встрѣтимъ во всемъ дальнѣйшемъ развитіи русскаго ума и слова.

Первая черта въ личности Петровой, столь извѣстная и столь прославленная, есть многосторонность, откуда и великая сила русскаго ума, и великій его недостатокъ. Петръ былъ первый русскій мастеръ своего времени, способный на все: создать ли новое войско, вылить ли пушку на заводѣ, одержать ли Полтавскую побѣду, уразумѣть ли высокую мысль Лейбница, выбить ли полосу желѣза, выточить ли пашкадило, покрыть ли флотомъ море,—его на все стало, онъ во всемъ нашелся.

Петръ былъ первый русскій ученый и дѣятельный членъ Парижской академіи наукъ. Согласно съ потребностями современной ему русской жизни, онъ занимался болѣе науками практическими. Отсюда слѣдовало бы заключить, что онъ допускалъ науку только въ примѣненіи къ жизни; но это было бы несправедливо. Онъ сочувствовалъ высокимъ отвлеченнымъ мыслямъ Лейбница, съ которымъ видѣлся два раза въ Германіи, въ 1711 и 1712 году, и велъ переписку. Царь приглашалъ знаменитаго ученаго участвовать въ распространеніи научныхъ знаній въ Россіи, и Лейбницъ былъ готовъ тому содѣйствовать, предвидя великое призваніе Россіи соединить Европу съ Азіею. Лейбницъ предлагалъ Петру основать университеты: сначала въ Москвѣ, потомъ въ Астрахани, въ Кіевѣ и Петербургѣ; производить магнитныя наблюденія въ Россіи, а также и другія изслѣдованія въ Россіи европейской, Сибири и даже въ Китаѣ. Лейбницъ сильно интересовался узнать языки племенъ, обитающихъ въ Россіи; съ особеннымъ усердіемъ занимался онъ и лѣтописью Нестора, списокъ которой открытъ былъ Петромъ въ Кёнигсбергѣ. Царь

почтилъ нѣмецкаго ученаго титуломъ русскаго тайнаго юстицрата и назначилъ ему тысячу гульденовъ жалованья.

Подъ вліяніемъ мыслей великаго философа Германіи, Петръ, призывая товарищей своихъ къ водворенію наукъ въ отечествѣ, выразилъ слѣдующую глубокую мысль о ихъ всемірномъ движеніи: «Науки коловращаются въ свѣтѣ на подобіе крови въ человѣческомъ тѣлѣ, и я надѣюсь, что онѣ скоро переселятся и къ намъ, и утвердя у насъ владычество свое, возвратятся наконецъ и на прежнее свое жилище, въ Грецію. Я предчувствую, что Россіяне когда-нибудь, а можетъ быть и при жизни еще нашей, пристыдятъ самые просвѣщенные народы успѣхами своими въ наукахъ, неутомимостью въ трудахъ, и величествомъ твердой и громкой славы». Эта мысль о коловратномъ движеніи наукъ въ Европѣ, о необходимости ихъ возвращенія черезъ Россію въ Грецію и Азію, есть мысль богатая, плодотворная въ жизни и готовая въ философію исторіи; она связываетъ прошедшее человѣчества съ будущимъ черезъ нашу Россію. Одна эта мысль Петра свидѣтельствуетъ, что его умъ, какъ и всякій значительный русскій умъ, былъ способенъ восходить къ высшимъ выводамъ науки, но не оставаться въ нихъ, какъ остается умъ германскій, а обращать ихъ въ дѣло жизни.

Лейбницъ соединялъ науку съ государственною практическою жизнію и давалъ совѣты Петру относительно государственнаго управленія Россіи. Но вотъ здѣсь-то философъ совершилъ великую ошибку, навязанную имъ и Петру. Лейбницъ смотрѣлъ на управленіе не какъ на живой организмъ, тѣсно связанный съ жизнію народа, но какъ на государственную машину, въ которой коллегіумы представляютъ колеса. Такихъ колесъ или коллегіумовъ, главныхъ, признавалъ онъ девять, и послѣ военнаго, финансоваго, полицейскаго и юстицъ-коллегіума, между коммерцъ-коллегіумомъ и ревизіонсъ-коллегіумомъ, вставилъ религіонсъ-коллегіумъ. Но при томъ прибавлялъ, что точнаго числа коллегіумовъ, или колесъ въ государственной машинѣ опредѣлить нельзя («und lässet sich kein gewisser Numerus Collegiorum defini-

ren»). Ошибка великаго философа, введенная Петромъ въ администрацію Россіи, въ наше время уже достигла крайности, и давно уже оказавшись несостоятельною въ народѣ, возбудила противодѣйствіе и въ самомъ правительствѣ.

Развитіе изящныхъ искусствъ и художественной поэзіи имѣетъ свое начало также въ преобразованіи Петра. Единственное народное искусство, завѣщанное намъ отъ древней Руси, точильное, которымъ славились Архангелогородцы, Петръ изучилъ въ совершенствѣ и лучшее произведеніе свое, паникадило, посвятилъ церкви. Первый русскій живописецъ, Никитинъ, образовался при немъ. Петръ не былъ въ Италіи. Его постоянныя сношенія съ Голландіею были причиною того, что первая живописная галлерея, собранная у насъ, получила Фламандскій характеръ. Петру мы обязаны пріобрѣтеніемъ прекраснаго памятника древней скульптуры, Венеры Таврической, спорящей въ достоинствахъ съ Венерою Медицейскою. Наклонность Петра къ художественной жизни мы видимъ еще въ тѣхъ великолѣпныхъ торжествахъ, которыя устроивалъ онъ въ Москвѣ въ дни празднованія побѣдъ. Тутъ онъ сознавалъ государственное и народное назначеніе искусства, въ произведеніяхъ котораго слава царя и народа живетъ лучшею, прекраснѣйшею своей стороною. Безобразны были тѣ силлабическія вирши, которыя Заиконоспасская академія сочиняла для торжествъ Петровыхъ: онъ не дожилъ до оды Ломоносова, но предсказалъ ея торжественный и государственный характеръ.

Рядомъ съ любовью къ всенародной торжественности, въ Петрѣ является и другая черта: его насмѣшка, его иронія. Зародышъ этой черты народнаго характера глубоко таится въ русской пѣсни, въ русской пословицѣ, въ русскомъ бытѣ. Всѣ народы съ великимъ призваніемъ въ жизни любятъ шутку. Русскіе сходятся въ этомъ съ древними Римлянами. Греки, въ самую грустную и трагическую минуту жизни своей, создали комедію. Петръ, первый изъ Русскихъ, началъ вводить комизмъ въ своихъ пародіяхъ и предсказалъ особенную сатирическую и

комическую стихію нашей поэзіи, которая сопровождала все ея развитіе, начиная отъ Кантемира до Гоголя, и отозвалась такъ рѣзко въ полуторжественной, полушутливой одѣ Державина. Онъ же предсказалъ и Крылова, и все развитіе нашей басни, которая такъ пришлась къ русскому уму, что не было почти ни одного русскаго писателя, который не написалъ бы басни, вплоть до того, кто чуднымъ мастерствомъ своимъ отбилъ у другихъ охоту къ этому роду поэзіи. Петръ отгадалъ особенное сочувствіе русскаго ума къ баснѣ: устроивая народное гульбище въ Петербургѣ, онъ велѣлъ у каждаго фонтана представить по Эзоповой баснѣ въ лицахъ и на жестяной доскѣ написать по-русски содержаніе каждой изъ нихъ.

Если мы разсмотримъ развитіе жизни и исторію царствованія Петра Великаго, то найдемъ въ нихъ двѣ половины: увлеченный въ началѣ западнымъ вліяніемъ и иностранцами, онъ обнаруживалъ излишнее пристрастіе ко всему чужеземному; но впослѣдствіи болѣе и болѣе увидѣлъ необходимость связать жизнь новой Россіи съ древнею. Прочтите рѣчи Ѳеофана Прокоповича, предлагающія народу разумное объясненіе дѣяній Петра, и вы окончательно въ этомъ убѣдитесь. Что̀ видно въ его развитіи, то повторяется послѣ, и повторяться будетъ во всемъ дальнѣйшемъ развитіи русскомъ. Чѣмъ болѣе и глубже усвоиваемъ мы западное образованіе съ одной стороны, тѣмъ глубже съ другой входимъ въ собственную народность и сильнѣе сознаемъ ее. Въ жизни Петра сказалось впервые то, что̀ послѣ повторяется во всѣхъ представителяхъ образованія русскаго, въ важнѣйшихъ писателяхъ нашихъ: Ломоносовѣ, Карамзинѣ, Пушкинѣ.

Обратимся теперь къ слабой сторонѣ Петрова дѣла. Она оказывается вездѣ, гдѣ исключительно дѣйствуетъ пристрастіе его личности и произволъ деспотизма. Онъ искажаетъ внѣшній образъ русскаго человѣка, видя въ немъ символъ невѣжества: насильственно брѣетъ ему бороду и напяливаетъ на него нѣмецкій камзолъ, какъ будто во внѣшнемъ образѣ только и заключается образованіе европейскаго человѣка. Онъ обнаруживаетъ при-

страстіе ко всѣмъ внѣшнимъ формамъ западнаго европейскаго общества и вводитъ ихъ наспльственно въ нашу жизнь. Отсюда произошелъ тотъ важный недостатокъ, котораго мы и до сихъ поръ искоренить въ себѣ не можемъ. Мы думаемъ, что принявши формы общежитія и одѣвшись по-европейски, приняли уже и самое образованіе. И въ сферѣ образованія мы обнаруживаемъ то же легкомысліе, одѣваясь въ чужое знаніе, какъ ворона въ павлиныя перья. Въ наукѣ, довольствуясь чужими результатами, стоившими труда, пота и опыта жизни, мы не заботимся о пріобрѣтеніи результатовъ собственнаго труда. Есть въ насъ и еще недостатокъ, унаслѣдованный отъ великаго преобразователя: это—страсть къ безконечнымъ преобразованіямъ всякаго рода.

Съ начала XVIII вѣка и до настоящаго времени мы то и дѣло что преобразуемъ, хотя классъ преобразователей на всѣхъ путяхъ жизни нашей слишкомъ измельчалъ. Въ этомъ безграничномъ стремленіи, руководясь не идеею, а только страстью къ новизнѣ и къ формамъ чужой жизни, легко дойти до смѣшнаго по французской пословицѣ: Du sublime au ridicule il n'y a qu'un seul pas. Самъ великій преобразователь, реформа котораго была вызвана силою времени, не избѣгнулъ смѣшнаго, когда вводилъ формы чужаго общежитія и издавалъ книгу: *Приклады како пишутся комплементы.* Въ этой книжкѣ, между прочими *комплементами*, мы читаемъ слѣдующее *прошительное писаніе нѣкотораго человѣка къ женскому полу:*

«Моя госпожа,

«Я предъ долгимъ временемъ честь искалъ съ вами въ компанію прітти, и потомъ соизволенія просіти, дабы я себя могъ за вашего преданнаго слугу почесть, но понеже вы тако набожны, что васъ нигдѣ инде кромѣ церкви відѣть не получаю; однакожъ я и на семъ святомъ мѣстѣ чрезъ частое разсужденіе и усмотрѣніе васъ яко такого изряднаго ангела, толіко желанія къ вашей знаемости получилъ, что я того далѣе не могу скрыти, но пріпужденъ оное вамъ съ достойнымъ почитаніемъ представить. Вы моя госпожа не имѣете чрезъ высокосклонное позволеніе мнѣ

приступа: нічего опасатіся, дабы о вашей славѣ вредітельно быти могло, понеже я позволенія вашея пріязни тако буду во осмотреніи имѣть, что я вашімъ добродѣтелямъ нікогда ущербу не пріключу, и нічего не воспріиму, что моей госпожѣ противно быть можетъ, якоже я вашімъ повѣленіямъ себя всегда въ должное послушаніе предаю и трудітіся буду случая искать, дабы я не однѣмъ именемъ, но въ дѣлѣ самомъ себя явити могъ.

«Вашъ моей госпожи прилежный слуга *N. N.*»

Какъ здѣсь ни кажется малъ нашъ Великій, но онъ все-таки остается истинно великъ, когда, начиная новый періодъ жизни русскаго народа, освобождаетъ свою и всякую русскую личность отъ оковъ той исключительной національности, въ которыхъ она такъ долго коснѣла, устраняя отъ себя всякое человѣческое развитіе. Онъ великъ, когда свободу личности соединяетъ съ древнимъ ея самоотверженіемъ и вырабатываетъ изъ нея сосудъ на пользу и благо отечеству. Тѣ дѣла Петра, въ которыхъ онъ совершалъ этотъ подвигъ, останутся навсегда безсмертны и почтены народною признательностью. До сихъ поръ народная пѣсня воспѣваетъ, какъ у гробницы Петра молодой сержантъ Богу молится, плачетъ, какъ рѣка льется, и говоритъ:

«Разступись ты, мать сыра земля,
Что на всѣ ли на четыре стороны!
Ты раскройся, гробова доска,
Развернися, золота парча!
И ты встань, пробудись, государь,
Пробудись, батюшка, православный царь!
Погляди ты на свое войско милое,
Что на милое и на храброе!....»

Въ началѣ бесѣды мы слышали, какъ другая пѣсня славитъ рожденіе Петра и заставляетъ всѣхъ плотниковъ Россіи работать надъ колыбелью тому, кто привелъ въ движеніе и вызвалъ на работу силы отечества. И до сихъ поръ мы можемъ слышать

изъ устъ народа искреннюю похвалу его дѣятельности. «Все-то дѣлалъ онъ самъ, говоритъ русскій мужичекъ, ни отъ чего не отказывался, ни отъ какой работы, даже и лапоть плелъ, но нашелъ, что это самая трудная».

Заключимъ, въ слѣдъ за народомъ, тѣмъ признаніемъ его заслугъ, какое совершено устами нашихъ славныхъ поэтовъ. Ломоносовъ сказалъ о Петрѣ, что онъ *царствуя служилъ*, и еще:

Рожденный къ скипетру, простеръ въ работу руки.
Монаршу власть скрывалъ, чтобъ намъ открыть науки. .

Державинъ:

Въ трудѣ и въ потѣ,
Блисталъ величествомъ въ работѣ.

Пушкинъ:

То академикъ, то герой,
То мореплаватель, то плотникъ,
Онъ всеобъемлющей душой
На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

ЛЕКЦІЯ 6.

Съ Петра Великаго, какъ мы уже знаемъ, начинается у насъ періодъ развитія человѣческой личности. Онъ самъ — первый образчикъ этого развитія; всѣ черты его личности, какъ въ достоинствахъ, такъ и въ недостаткахъ, отражаются въ новомъ періодѣ. Личность его истинно велика тамъ, гдѣ она, соединяясь съ нашимъ древнимъ самоотверженіемъ, является достойнымъ сосудомъ человѣческаго образованія; напротивъ, тамъ, гдѣ, увлекаясь побужденіями личныхъ страстей, перерождается въ про-

изволъ власти, — она становится мелка и порой отчасти даже комична.

Задачею сегодняшней бесѣды нашей будетъ обозрѣніе въ главныхъ общихъ чертахъ всего новаго періода русской словесности.

Русскіе писатели Петровскаго времени по образованію своему принадлежатъ къ періоду древней Руси. Но всѣ они сочувствуютъ новому движенію и являются не противниками, а сотрудниками его въ дѣлѣ образованія народа. Святитель Димитрій Ростовскій, какъ мы видѣли, связываетъ древнюю Русь съ новою, и признавая вѣру за основу нашего духовнаго бытія, оказываетъ сочувствіе свое всему человѣческому образованію: въ наукѣ, въ искусствѣ и въ жизни общественной. Стефанъ Яворскій, блюститель патріаршаго престола, болѣе чѣмъ Ѳеофанъ Прокоповичъ представлялъ начало древнее, но вмѣстѣ съ тѣмъ боролся противъ раскола, враждовавшаго съ Петровскими нововведеніями. *Знаменіе Антихристова пришествія* было написано имъ противъ раскольниковъ, видѣвшихъ антихриста въ самомъ Петрѣ; но съ другой стороны Стефанъ бо̀льшую часть жизни посвятилъ на сочиненіе *Камня Вѣры*, въ которомъ боролся съ лютеранскимъ ученіемъ, черезъ Нѣмцевъ сильно вторгавшимся въ Россію. Гражданскіе подвиги духовнаго краснорѣчія представляетъ Стефанъ въ своихъ проповѣдяхъ. Въ тѣ времена, когда царь, создавъ войско и флотъ, увлекался военною славою, благородно было молить громогласно, чтобы Духъ святой сошелъ на него голубемъ, мира и тишины благовѣстникомъ. Прекрасно было въ то время, когда свѣтская власть начинала свое исключительное господство, призывать Божій Духъ на русское духовенство и желать, чтобы оно горѣло углями серафимскими Исаіи пророка. Стефанъ напоминалъ самодержавному царю, что всякая власть обусловливается терпѣніемъ. Вѣнчанному лаврами побѣдъ онъ приводилъ на память слово Давидово, что ничто такъ не насыщаетъ его, какъ слава небесная. Привѣтствуя въ Петрѣ побѣдителя и благословляя его заграничныя странствія на пользу оте-

честву, онъ просилъ его соблюсти вѣру православную крѣпкою, цѣлою и неповрежденною.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, какъ писатель, представляетъ переходъ отъ духовной литературы къ свѣтской. Каѳедру церковную онъ превратилъ въ политическую трибуну, чтобы объяснять народу значеніе преобразованій Петра. Первыя слова Ѳеофана отзывались схоластическою риторикою, ѳиміамомъ лести; но чѣмъ далѣе онъ поучалъ, тѣмъ яснѣе выражалъ мысль Петрова дѣла. Ѳеофановы проповѣди могутъ служить комментаріемъ къ лучшей сторонѣ исторіи Петра. Прослѣдивъ ихъ, можно видѣть, какъ, увлекаясь сначала Западомъ и вдаваясь слишкомъ во всѣ нововведенія, Петръ постепенно возвращался къ преданіямъ древней Руси и созналъ необходимость возстановить расторгнутую связь между древнимъ и новымъ періодомъ русской жизни. Кому неизвѣстно знаменитое слово Ѳеофаново по поводу Полтавской битвы, въ которомъ онъ объясняетъ значеніе этой *всемірной рода нашего славы?* Въ этомъ Словѣ наиболѣе достопамятно мѣсто о Петровой шляпѣ, пробитой пулею во время битвы.

«О, шляпа драгоцѣнная! недорогая веществомъ, но вредомъ спмъ своимъ всѣхъ вѣнцевъ, всѣхъ утварей царскихъ дражайшая! Пишутъ историки, которые Россійское государство описуютъ, что ни на единомъ европейскомъ государѣ не видѣти есть такъ драгоцѣнной короны, какъ на Монархѣ Россійстѣмъ, но отселѣ уже не корону, но шляпу сію Цареву разсуждайте, и со удивленіемъ описуйте».

Изъ этихъ словъ видно, какъ Петръ, свергая съ себя обрядныя формы царскаго величія, развивалъ личность свою, принося ее въ жертву отечеству.

Ѳеофанъ церковнымъ словомъ боролся и съ раскольниками, издѣваясь надъ ихъ предразсудками; онъ говорилъ, что вся ихъ грамматика заключается въ выраженіи *вѣкомъ*, а не *вѣковъ*, географія—въ земномъ раѣ, въ Римахъ и въ Вавилонахъ, ариѳметика—въ сугубой аллилуія, архитектура—въ дѣланіи крестовъ, музыка—въ церковномъ пѣніи, мануфактура — въ камилавкахъ

и клобукахъ, и еще неизвѣстно *какая хитрость о сложеніи перстовъ*, буде то не хиромантія.

Превосходно слово, сказанное Ѳеофаномъ въ годовщину смерти Петра, въ которомъ онъ обозрѣваетъ все поприще жизни покойнаго. Здѣсь виденъ не льстецъ, но истинный ораторъ и вѣрный сотрудникъ Петра. Здѣсь нельзя уже подозрѣвать его въ личномъ пристрастіи къ Петру: онъ остается вѣренъ мысли, завѣщанной Петромъ всѣмъ Русскимъ,—мысли объ образованіи отечества. Поэтически заключаетъ онъ свое слово, представляя Россію статуею, выходящею изъ рукъ Петровыхъ.

Нѣкоторые наши критики на ряду съ Стефаномъ Яворскимъ и Ѳеофаномъ Прокоповичемъ ставили Гавріила Бужинскаго, флотскаго проповѣдника; но это сопоставленіе невѣрно и рѣчи Гавріила далеко уступаютъ словамъ двухъ первыхъ. Изъ его рѣчей особенно замѣчательна та, въ которой объясняется значеніе Петербурга: по мысли Петра, онъ, будто бы, долженъ былъ служить не столицею, т. е. внутреннимъ средоточіемъ Россіи, а только всемірною пристанью въ родѣ древней Александріи, гдѣ Россія принимала бы у себя гостей всѣхъ странъ міра и вступала бы въ общеніе со всѣми народами.

Плодотворна была почва древней Руси во времена Петра, вспрыснутая европейскимъ образованіемъ. Много необыкновенныхъ, поразительныхъ явленій она произвела. Къ числу ихъ принадлежитъ крестьянинъ Иванъ Посошковъ, котораго сочиненія открыты и изданы Погодинымъ. Особенно славно политико-экономическое сочиненіе его *О скудости и богатствѣ*. Не разбирая всю книгу, что̀ составило бы громадный трудъ, укажемъ лишь на нѣкоторыя существенныя положенія. Правосудіе авторъ называетъ истиннымъ нравственнымъ богатствомъ народа. Ничѣмъ государь не можетъ такъ заслужить предъ Богомъ, какъ водвореніемъ правосудія, которое выше поста и молитвы *). До

*) Превосходныя мысли о прекращеніи множества тяжбъ мирнымъ судомъ и о судѣ словесномъ, устномъ принадлежатъ Посошкову.

яснаго сознанія этой великой мысли мы доходимъ только теперь: она вызываетъ современныя, славныя преобразованія въ нашемъ судопроизводствѣ. — Въ дѣлѣ народнаго законодательства Посошковъ признаетъ главнымъ условіемъ всенародный совѣтъ и свободное слово, и вотъ на какомъ основаніи: «Безъ многосовѣтія и вольнаго голоса, говоритъ онъ, ни коими дѣлы не возможно: понеже Богъ никому во всякомъ дѣлѣ одному совершеннаго разумія не далъ, но раздѣлилъ въ малыя дробинки, комуждо по силѣ его: овому далъ много, овому жъ менѣе. Обаче нѣсть такого человѣка, ему же бы не далъ Богъ ничего».... Эта мысль только отчасти была исполнена у насъ при Екатеринѣ II, которая призывала на общій совѣтъ лишь одно дворянское сословіе. А вотъ мысль о кадастрѣ, до сихъ поръ ожидающая выполненія: «А и въ счисленіи душевомъ не чаюжъ я проку быти, понеже душа есть неосязаемая и умомъ непостижимая и цѣны не имущая: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя». Если бы мнѣніе Посошкова объ усовершенствованіи огнестрѣльнаго искусства было исполняемо съ тѣхъ поръ, какъ оно высказано, то мы не теряли бы Севастополя. А какія вѣрныя понятія находимъ у него о разныхъ сословіяхъ въ государствѣ!—Такое необыкновенное развитіе ума въ простомъ крестьянинѣ, въ послѣдніе годы царствованія Петра, объясняется тѣмъ, что въ то время не были еще такъ рѣзко разграничены въ Россіи сословія, какъ это началось со временъ Петра. Тогда не было еще такъ называемыхъ *подлыхъ*, и Русскій не гнушался своимъ русскимъ собратомъ, какое бы положеніе въ обществѣ онъ ни занималъ. Образованіе, какъ оно ни было незначительно, разливалось равномѣрнѣе по всему народу и не имѣло преградъ ни для кого. Посошковъ выросъ изъ зерна еще древней Руси, при сильномъ орошеніи во времена Петровы.

Время, послѣдовавшее за Петромъ вплоть до воцаренія дочери его Елисаветы, не было благопріятно развитію русской словесности, благодаря господствовавшему тогда у насъ ино-

странному вліянію. Въ это время появились два писателя: Тредьяковскій и Кантемиръ.

Бездарность Тредьяковскаго вошла у насъ въ пословицу. Во всей его телемахидѣ Пушкинъ и Дельвигъ отыскали только одинъ хорошій стихъ о кораблѣ:

Бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся.

Къ этому можно бы прибавить еще пять стиховъ изъ переложенія второй Моисеевой пѣсни изъ Второзаконія:

Вонми, о небо, и реку:
Земля да слышитъ устъ глаголы:
Какъ дождь, я словомъ потеку,
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы.

Но это лишь исключенія. Трудно найти во всей нашей литературѣ стихи столь бездарно-шероховатые, каковы Тредьяковскаго. Вотъ нѣсколько примѣровъ:

О Петре! Петре! Петре! воине сильный!
При градѣхъ и въ градѣхъ, и въ полѣ весь дивный!
Возвратись, моя радость, Марсова защита:
Марсъ не Марсъ безъ тебя есть ахъ! но волокита.

—

Весна катитъ,
Зиму валитъ,
И ужъ листикъ съ древомъ шумитъ.
Поютъ птички
Со синички,
Хвостомъ машутъ и лисички.

—

Съ одной страны громъ,
Съ другой страны громъ,
Смутно въ воздухѣ!
Ужасно въ ухѣ!

Вотъ еще примѣръ:

Подавился костью острою волкъ въ нѣкій день,
Такъ что не былъ въ силѣ ни завыть, да сталъ весь въ пень.

Или вотъ еще умышленное звукоподражаніе:

Толь былъ тогда тамъ топотъ сильный
И плачъ во всѣ концы обильный.

Трудно создать такую какофонію, какую создаетъ безсознательно само ухо Тредьяковскаго. Онъ приписывалъ себѣ введеніе тоническаго метра, и относилъ свой подвигъ къ 1735 году, когда напечатана была его ода на взятіе Гданска; но это, разумѣется, для него было невозможно и опровергается самыми фактами. Вотъ первая строфа этой оды по первому ея изданію. Она написана въ подражаніе одѣ Буало на взятіе Намура:

Кое трезвое мнѣ піанство
Слово даетъ къ славной причинѣ?
Чистое Парнасса убранство,
Музы! не васъ ли вижу нынѣ?
И звонъ вашихъ струнъ сладкогласныхъ,
И силу ликовъ слышу красныхъ;
Все чинитъ во мнѣ рѣчь избранну.
Народы! радостно внемлите;
Бурливые вѣтры, молчите:
Храбру прославлять хощу Анну.

Здѣсь, какъ видите, нѣтъ еще никакого тоническаго метра. А вотъ какъ Тредьяковскій передѣлалъ эту строфу, когда начитался стиховъ Ломоносова:

Кое странное піанство
Къ пѣнію мой гласъ бодритъ!

Вы, Парнасское убранство,
Музы! умъ не васъ ли зритъ?
Струны ваши сладкогласны,
Мѣру, лики слышу красны,
Пламень въ мысляхъ возстаетъ.
О народы, всѣ внемлите!
Бурны вѣтры! не шумите:
Анну стихъ мой воспоетъ.

Здѣсь слышимъ уже хорей, хотя плохой, но по крайней мѣрѣ правильный.

Тотъ же самый Тредьяковскій писалъ очень не дурно французскіе стихи, благодаря лишь тому, что форма ихъ была для него готова и не требовала оригинальнаго созданія. Вотъ примѣръ:

Divin objet d'un feu pur et céleste,
À qui mon coeur adressait tous ses voeux,
Ce jour funeste,
Mais précieux,
Où je te fais mes éternels adieux,
Est le seul prix, le seul bien, qui m'en reste.

Труды Тредьяковскаго по теоріи словесности толковѣе его стихотворства. Въ нихъ онъ передавалъ въ ясномъ изложеніи французскую теорію, которая тогда господствовала повсюду. Но въ то же время онъ увѣренъ былъ, что усовершенствованію русскаго языка «помогутъ многіе преславные писатели Нѣмецкіе», а говоря въ своихъ правилахъ русскаго стихотворства о народныхъ нашихъ пѣсняхъ, онъ выражался о нихъ такъ: «прошу читателя не зазрить меня и извинить, что сообщаю здѣсь нѣсколько отрывченковъ отъ нашихъ подлыхъ, но коренныхъ стиховъ».

Тредьяковскій родился не на нашей почвѣ, а на той чужой землѣ, которая навезена была къ намъ съ Запада. Его появленіе можно сравнить съ тѣми безсочными тайнобрачными растеніями,

которыми изобилуетъ наша сѣверная природа: они рождаются безъ сѣмени, безъ органическаго процесса, вдругъ, и кончаютъ не цвѣтомъ, не плодомъ, не сѣменемъ, а гніеніемъ. Онъ былъ родоначальникомъ той подражательной бездарности, которая никогда не чувствовала призванія связать собственную жизнь и мысль съ жизнію и мыслію своего народа и отечества, потому что жизни и мысли въ себѣ не заключала; которая всегда готова отречься отъ роднаго и покрыться лишь лоскомъ чуждой образованности. Все даровитое же, напротивъ, усвоивая западное образованіе, стремилось связать его съ корнемъ жизни своего отечества, и продолжало его развитіе.

Современникомъ Тредьяковскаго былъ даровитый Кантемиръ. Россіи дала его Молдавія. Онъ воспитался при Петрѣ и быстро сроднился съ новымъ своимъ отечествомъ. Сочувствуя нововведеніямъ Петра, по скольку они заключали въ себѣ необходимаго для человѣческаго воспитанія Россіи, онъ въ то же время не могъ относиться сочувственно къ крайностямъ его преобразованія, которыя обнаружились по смерти Петра въ нашествѣ иностраннаго вліянія. Кантемиръ возмужалъ и созрѣлъ для дѣятельности въ эту именно эпоху, чѣмъ и объясняется какъ сатирическое направленіе его поэзіи, такъ и прожиданіе большей части времени за границею.

Двѣ стороны тогдашней русской жизни служили предметомъ для стрѣлъ остроумной сатиры Кантемира: одна была остаткомъ исчезавшей старины, другая — плодомъ иностранныхъ нововведеній. Приведемъ образцы того и другаго. Вотъ изображеніе стараго суевѣрнаго противника наукъ:

Расколы и ереси науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому далось больше разумѣти,
Приходитъ въ безбожіе, кто надъ книгой таетъ! —
Критонъ съ четками въ рукахъ ворчитъ и вздыхаетъ,
И проситъ свята душа съ горькими слезами
Смотрѣть, сколь сѣмя наукъ вредно между нами:

Дѣти наши, что̀ предъ тѣмъ тихи и покорны
Праотческимъ шли слѣдомъ, къ Божіей проворны
Службѣ, съ страхомъ слушая, что̀ сами не знали,
Теперь въ церкви соблазну библію честь стали,
Толкуютъ, всему хотятъ знать поводъ, причину,
Мало вѣры подая священному чину;
Потеряли добрый нравъ, забыли пить квасу,
Не прибьешь ихъ палкою къ соленому мясу;
Уже свѣчекъ не кладутъ, постныхъ дней не знаютъ,
Мірскую въ церковныхъ власть рукахъ лишну чаютъ,
Шепча, что тѣмъ, что мірской жизни ужъ отстали,
Помѣстья и вотчины весьма не пристали.

А вотъ картина, заимствованная изъ обычаевъ привитой къ намъ съ Запада жизни. Это утренній туалетъ моднаго щеголя того времени:

Пѣлъ пѣтухъ, встала заря, лучи освѣтили
Солнца верхи горъ; тогда войско выводили
На поле предки твои, а ты подъ парчею
Углубленъ мягко въ пуху тѣломъ и душею
Грозно сопешь; когда дня пробѣгутъ двѣ доли,
Зѣвнешь, растворишь глаза, выспишься до воли.
Тянешься ужъ часъ другой, нѣжишься сжидая
Пойла, что шлетъ Индія, иль везутъ съ Китая,
Изъ постели къ зеркалу однимъ спрыгнешь скокомъ,
Тамъ ужъ въ попеченіи и трудѣ глубокомъ,
Женскихъ достойную плечъ завѣску на спину
Вскинувъ, волосъ съ волосомъ прибпраешь къ чину.
Часть надъ лоскимъ лбомъ торчать будутъ сановиты,
По румянымъ часть щекамъ въ колечки завиты
Свободно станетъ играть, часть уйдетъ за темя
Въ мѣшокъ. Дивится тому строенію племя
Тебѣ подобныхъ; ты самъ новый Нарцисъ жадно
Глотаешь очьми себя; нога жмется складно

Въ тѣсномъ башмакѣ твоя, потъ со слугъ валится,
Въ двѣ мозоли и тебѣ краса становится;
Избитъ полъ, и подъ башмакомъ стерто много мѣлу.
Деревню вздѣнешь потомъ на себя ты цѣлу.
Не столько стóитъ нарядъ Римляновъ пристойно
Основать, какъ выбрать цвѣтъ и парчу, и стройно
Сшить кафтанъ по правиламъ щегольства и моды,
Пора, мѣсто, и твои разсмотрѣны годы,
Чтобъ лѣтамъ сходенъ былъ цвѣтъ, чтобъ, тебѣ въ образу,
Нѣжну зеленъ въ городѣ не досажалъ глазу,
Чтобъ бархатъ не отягчалъ въ лѣтнюю пору тѣло
Чтобъ тафта не хвастала среди зимы смѣло;
Но зналъ бы всякъ свой предѣлъ, право и законы
Какъ искусные попы всякаго дни звоны.
Долголѣтняго пути въ краяхъ чужестранныхъ
Иждивеній и трудовъ тяжкихъ и пространныхъ
Дивный плодъ ты произнесъ. Ущербя пожитки,
Понялъ, что фалды должны тверды быть, не жидки,
Въ полъ-аршина глубоки и ситой подшиты;
Согнувъ кафтанъ не были бъ станомъ всѣ покрыты,
Каковъ рукавъ долженъ быть, гдѣ клинья уставить,
Гдѣ карманъ, и сколько грудь окружа прибавить;
Въ лѣто или осенью, въ зиму иль весною,
Какую парчу подбить пристойно какою,
Что приличнѣе нашить, серебро иль злато,
И Рексу лучше тебя знать ужъ трудновато.

Страннымъ съ перваго раза покажется, что художественная поэзія наша въ новомъ періодѣ начинается съ сатиры. Сатира есть отрицательный видъ изящнаго, а отрицательно-изящное не можетъ образовать языка и дать ему положительныя формы. Явленіе Кантемира, такимъ образомъ, есть случайное въ нашей литературѣ, и объясняясь временемъ переходнымъ, не входитъ въ общій процессъ новаго литературнаго развитія, который начинается собственно съ Ломоносова.

Приступая къ этому періоду, начнемъ съ общаго обозрѣнія и постараемся прежде всего намѣтить тѣ общія черты, которыя характеризуютъ нашихъ писателей и ихъ произведенія.

Взглянемъ прежде всего на мѣсторожденія нашихъ писателей. Какъ витязи древне-русскаго міра, они сошлись со всѣхъ концовъ Русской земли и слились въ ея единствѣ, не сохранивъ въ себѣ мѣстныхъ оттѣнковъ тѣхъ областей, гдѣ они родились. Одни только Малороссы удержали свои особенности и имѣютъ нѣкоторые оттѣнки.

Нашъ первый геній, Ломоносовъ,—это, по выраженію Пушкина, *полуночное диво*, былъ родомъ съ отдаленнаго сѣвера, изъ Холмогоръ, Архангельской губерніи. Замѣчательно, что первый геній русскаго слова явился изъ той полярной страны, куда искони стремились наши предки, не боясь ужасовъ ледяной природы сѣвера. Волга въ Казани воспоила Державина, въ Симбирскѣ — Дмитріева, Карамзина, Языкова. Москва дала намъ Сумарокова, Фонвизина, Петрова, Нелединскаго-Мелецкаго, Новикова, князя Вяземскаго, Дениса Давыдова, Грибоѣдова, Лермонтова. Псковъ считалъ въ числѣ своихъ гражданъ Пушкина, но Москва была его колыбелью и первымъ мѣстомъ воспитанія. Изъ Пскова же вышелъ Княжнинъ. Тверь дала Озерова и Крылова, Тула—Жуковскаго, Вологда—Батюшкова, Смоленскъ—Муравьева, князя Шаховскаго, Глинку; Пермь — Мерзлякова, Вятка — Кострова, Пенза — Загоскина, Оренбургъ—Аксакова. Хемницеръ и Дельвигъ, по именамъ ихъ, были родомъ иностранцы, но по характеру и духу коренные Русскіе. Малороссія дала намъ Богдановича, Капниста, Гнѣдича, Основьяненко, Гоголя. Особенные оттѣнки Малороссовъ—живость колорита, сила чувства, юморъ.

Изъ какихъ сословій вышли наши писатели? Изо всѣхъ, какъ и витязи. Ломоносовъ — изъ крестьянъ, въ то еще время, когда всѣ сословія были ровнѣе по образованію и ближе одно къ другому. Впослѣдствіи же это сословіе уже не было обильно лите-

раторами. Изъ купцовъ вышли: Голиковъ, Мерзляковъ, Кольцовъ, Полевой. Духовное званіе изобильно духовными писателями; но въ числѣ свѣтскихъ встрѣчаемъ только Петрова, сына священника, и Гнѣдича. Дворянское сословіе по преимуществу отличается въ исторіи нашей словесности: Державинъ, Фонвизинъ, Капнистъ, Княжнинъ, Богдановичъ, Сумароковъ, Херасковъ, Дмитріевъ, Карамзинъ, Муравьевъ, Озеровъ, Крыловъ, Жуковскій, Батюшковъ, князь Вяземскій, князь Шаховской, Денисъ Давыдовъ, Пушкинъ, Дельвигъ, Баратынскій, Языковъ, Хомяковъ, Аксаковъ, Гоголь были всѣ дворяне и по происхожденію своему принадлежатъ, большею частію, къ древнѣйшимъ родамъ этого сословія. Такъ и слѣдовало быть: именитое дворянство русское, пользуясь преимуществами богатства и образованія, тѣмъ достойно за нихъ воздало отечеству.

Излагая постепенно, въ хронологическомъ порядкѣ, біографіи нашихъ писателей, мы наталкиваемся на любопытный фактъ, что писатели наши постепенно отвлекались отъ государственной службы, которая отнимала ихъ у литературы. Правительству дѣлаетъ честь, что оно признавало необходимымъ привлекать къ себѣ даровитыхъ людей, мужей мысли и слова: Державинъ, Дмитріевъ и Шишковъ были министрами. Правда, много дарованій похищено было службою у музъ. Въ исторіи нашей драматической литературы есть анекдотическая черта, что одинъ весьма даровитый комикъ, придавшій нашему комическому стиху необыкновенную легкость, оставилъ и комедію, и водевиль, получивъ должность губернатора. Онъ счелъ занятіе комическимъ стихомъ слишкомъ низкимъ для предложенной ему должности.

Съ Карамзина собственно начинается болѣе свободное служеніе словесности. Карамзинъ, можно сказать, былъ министромъ исторіи государства Россійскаго, вмѣщая въ себѣ и свою канцелярію. Жуковскій отъ чистаго служенія музамъ былъ отвлеченъ только великою гражданскою задачею: воспитаніемъ Наслѣдника престола. Пушкинъ между русскими писателями первый пред-

ставляетъ образецъ свободнаго художника. Не даромъ онъ сказалъ:

Служенье Музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво!

Но обстоятельства увлекли его въ суету свѣтской жизни, и онъ погибъ ея жертвою. Гоголь съ полною свободою и самопожертвованіемъ принадлежалъ лишь литературѣ, жилъ и дѣйствовалъ только для нея. Въ наше время званіе писателя, къ чести и славѣ Россіи, сдѣлалось вполнѣ свободно.

Замѣтимъ черты русскаго народнаго характера въ нашихъ писателяхъ. Не смотря на иноземное вліяніе въ новомъ періодѣ, эти черты рѣзко въ нихъ выдаются. Чѣмъ выше дарованіе въ писателѣ, тѣмъ вѣрнѣе остается онъ народному характеру, — и тѣ только произведенія пріобрѣтаютъ прочную славу и переживаютъ время, на которыхъ сильнѣе отражается отблескъ народнаго духа.

Русская многосторонность и сила, которыя мы видѣли въ Петрѣ, сказались прежде всего и въ родоначальникѣ новой русской литературы, въ Ломоносовѣ. Порывы русскаго патріотическаго восторга слышны во всѣхъ нашихъ лирикахъ. Въ Державинѣ, къ Ломоносовской силѣ присоединились русскій разумъ и русская шуточка, плодъ иронiи, столь свойственной русскому уму. Страсть къ чужому, доводимая нерѣдко до крайности, или наше чужебѣсіе сказалось въ Сумароковѣ. Особенный видъ изящнаго, наше родное *милое*, выраженіе души въ лицѣ и характерѣ, блещетъ въ Душенькѣ Богдановича, въ Свѣтланѣ Жуковскаго, въ Людмилѣ и Танѣ Пушкина, и во многихъ другихъ созданіяхъ русской поэзіи. Русское остроуміе, не поверхностное, а глубокомысленное, въ первый разъ ярко проявилось въ Фонвизинѣ, и съ тѣхъ поръ не измѣняло себѣ въ русскихъ комикахъ. Образчикъ нашей переимчивости — Княжнинъ. Здравый смыслъ Русскаго народа, создавшій русскую пословицу, создалъ, въ живое дополненіе къ ней, и басню Крылова. Наша пѣвучая, красная рѣчь

полилась подъ перомъ Карамзина. Чувство грусти, основное чувство нашей пѣсни, выразилось, начиная съ Карамзина, во многихъ писателяхъ: Нелединскомъ-Мелецкомъ, Капнистѣ, Жуковскомъ, Вяземскомъ, Баратынскомъ, Пушкинѣ и другихъ, принимая самые разнообразные оттѣнки отъ задумчивости до тоски и уныния. Въ Жуковскомъ сказалась опять наша многосторонность, наше славное гостепріимство къ чужому въ самомъ лучшемъ, нравственномъ смыслѣ. Въ Пушкинѣ слышимъ русскую чуткость, отзывчивость всему прекрасному у насъ и въ остальномъ мірѣ. Въ Гоголѣ обильно и полно сказались юморъ, бьющій у насъ изъ древняго южно-русскаго источника, и глубокая ирония, общее свойство большинства нашихъ писателей. Есть еще одно чувство, таящееся въ глубинѣ души русскаго человѣка и составляющее существенную основу его жизни: это — чувство вѣры. Оно замѣчается во всѣхъ русскихъ писателяхъ: въ древнихъ это чувство сказывалось прямѣе и откровеннѣе; въ новыхъ, какъ бы глубоко ни скрывалось, какъ бы ни уступало постороннимъ вліяніямъ, но рано или поздно выходитъ наружу, или отзывается по временамъ минутными порывами души. Рѣдкій изъ нихъ остался чуждъ этому чувству.

Правительственныя, воспитательныя учрежденія содѣйствовали много развитію литературныхъ дарованій въ Россіи. Академія наукъ, учрежденіе Петрово, образовала Ломоносова. Изъ сухопутнаго кадетскаго корпуса, учрежденія императрицы Анны, вышли Сумароковъ, Княжнинъ, Озеровъ. Въ немъ же родилась наша лжеклассическая трагедія, питавшая рыцарскія чувства чести и славы въ нашихъ воинахъ, изъ числа которыхъ вышли Румянцовъ и Суворовъ. Московскій университетъ, учрежденіе Елисаветы Петровны, образовалъ множество русскихъ писателей, изъ которыхъ особенно замѣчательны два первыхъ комика: Фонвизинъ и Грибоѣдовъ. Разумъ науки, воспитанный университетомъ, помогъ имъ обличить отрицательныя стороны жизни нашего общества. Университетскій пансіонъ, учрежденный Херасковымъ при Екатеринѣ II, былъ колыбелью Жуковскаго. Цар-

скосельскій лицей, учрежденіе Александрово, взлелѣялъ Пушкина. Въ лицеѣ Нѣжинскомъ воспитался Гоголь. Первымъ студентомъ Казанскаго университета былъ Аксаковъ.

Чѣмъ болѣе развивалась и подвигалась впередъ русская литература, тѣмъ болѣе развивалась и укрѣплялась ея связь съ обществомъ и народомъ. Первые шаги русской словесности слышны при дворѣ и въ академіи наукъ. Только отголоски побѣдныхъ одъ и религіозныхъ гимновъ отдаются въ обществѣ и отчасти въ грамотномъ народѣ. Пѣсня, по своему сочувствію съ народнымъ инстинктомъ, сильнѣе проникала въ народъ. Мало по малу русское слово входитъ въ общество и затрогиваетъ въ немъ жизненные вопросы. Въ наше время связь между словомъ и обществомъ укрѣпилась сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь. Причина такого явленія — бо́льшая свобода русскаго слова. Постепенный путь его отъ дворца и академіи до русскихъ хижинъ есть одна изъ любопытнѣйшихъ задачъ въ исторіи русской словесности.

Весь новоевропейскій періодъ русской словесности дѣлятъ обыкновенно на три отдѣла. Первый называютъ лжеклассическимъ, а по вліянію народа, который имѣлъ своею литературою вліяніе на нашу, — французскимъ; онъ идетъ отъ Ломоносова до Жуковскаго. Второй отдѣлъ — романтическій, а по вліянію народовъ, на насъ особенно дѣйствовавшихъ, — англо-нѣмецкій и даже всемірный; онъ заключаетъ время отъ Жуковскаго до Пушкина. Третій отдѣлъ — художественный и національный. Его развитіе начинается съ Пушкинымъ и доходитъ до нашего времени. Карамзинъ представляетъ средоточіе для всѣхъ трехъ отдѣловъ, какъ эклектикъ и верховная точка новаго періода русскаго слова. Формою своей прозы онъ принадлежитъ французскому періоду; первыми началами и сочувствіями — романтическому англонѣмецкому и всемірному; своею Исторіею Государства Россійскаго начинаетъ періодъ народный.

Классицизмъ и романтизмъ — эти два половинные и враждебные элемента западной словесности — имѣли у насъ особенное отраженіе. Классицизмъ развилъ внѣшнюю сторону нашего сло-

ва. Онъ исполненъ восторга, силы, блеска, и въ образахъ поэтическихъ развиваетъ пластическую и живописную стихію: это — рѣзецъ и кисть нашего слова. Романтизмъ открываетъ внутреннюю сторону нашего слова и дастъ ей содержаніемъ міръ души: онъ исполненъ вдохновенія, мягкости и теплаго сочувствія ко всему прекрасному въ человѣчествѣ, въ какомъ бы народѣ оно ни являлось. Къ элементамъ пластическому и живописному онъ присоединяетъ еще элементъ музыкальный, дополняя тѣмъ развитіе полной поэтической формы русскаго слова. Такимъ образомъ, пластика, живопись и музыка, согласно общему закону развитія искусствъ, постепенно входятъ въ русскую поэзію и развиваютъ до полноты совершенства всѣ ея формы.

Какъ классицизмъ, такъ и романтизмъ каждый отдѣльно представляютъ только половинное искусство, которое вполнѣ не можетъ обнять идею красоты. Истинное художество не есть ни классическое, ни романтическое. Настоящій художникъ — не классикъ и не романтикъ. Внутреннее содержаніе его произведеній есть полная идея красоты, стяжаніе всего человѣчества. Внѣшняя форма принадлежитъ народу и составляетъ его слово. Истинный художникъ въ словѣ—непремѣнно и народный поэтъ.

Русская словесность, связавъ въ новомъ періодѣ свое развитіе съ жизнію народовъ Запада, не могла не отражать на себѣ западнаго развитія во всѣхъ его крайностяхъ. Эта сторона нашей литературы должна быть отмѣчена, какъ наносный элементъ, какъ чужое вѣяніе, какъ волненіе отъ другихъ планетъ въ нашей планетѣ. Мы встрѣчаемъ у себя отголоски и сочувствія всему, что̀ ни производилъ Западъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ Западъ разрушилъ подпорки богословской схоластики, на которыхъ покоилась его вѣра, все его развитіе стало аналитическимъ, дробнымъ, частичнымъ. Онъ старался утвердить потерянную цѣльность духовнаго существа человѣческаго въ отдѣльныхъ его силахъ. Энциклопедисты окончательно разрушили схоластическія подпорки богословія и ударились въ исключительность разсудка, въ которомъ искали спасенія всему

человѣку. Вольтеръ стоитъ во главѣ этой школы и разсудкомъ отрицаетъ все, ибо разсудокъ одинъ не можетъ утверждать ничего, а владѣетъ только силою отрицанія. Школѣ разсудка противодѣйствуетъ и дополняетъ его школа чувства, родоначальникомъ которой былъ Жанъ-Жакъ Руссо. Между тѣмъ, какъ разсудокъ и чувство дѣйствовали двумя отдѣльными школами во Франціи, отрицая и разрушая, болѣе чѣмъ утверждая, — Германія представляла положительное развитіе разума, который хотѣлъ самъ одинъ познать истину и мыслію создать міръ и человѣка. Отсюда все развитіе философіи германской отъ Вольфа и Лейбница, до нашего времени. Какъ дополненіе къ разуму, который не могъ признать вѣры и потому не удовлетворялъ жаждущихъ этого небеснаго источника, развивался мистицизмъ, имѣвшій начало свое еще до развитія философіи въ писателѣ народномъ, Іаковѣ Бёмѣ.

Между тѣмъ какъ Германія дѣйствовала въ умственномъ мірѣ, въ сферѣ отвлеченной мысли, силою исключительнаго разума, во Франціи совершался переворотъ соціальный. Очарованіе, произведенное революціею и отразившееся во многихъ поэтахъ, особенно лирикахъ, какъ Шиллеръ и другіе, окончилось разочарованіемъ — реставраціей. Идеалы всѣхъ народовъ исчезли въ кабинетахъ дипломатовъ. Поэтомъ разочарованія въ жизни явился Байронъ, въ наукѣ—Гёте. За разочарованіемъ послѣдовало безочарованіе, — поэтомъ его былъ Гейне, а безочарованіе привело къ тому безплодному матеріальному нигилизму, который уже ничего не производитъ, кромѣ ежедневныхъ листковъ газетъ и журналовъ.

Всѣ эти крайности западнаго развитія имѣли и у насъ свои отголоски. Древняя схоластика отражается еще въ слабой сторонѣ произведеній Ломоносова. Разсудочная школа Вольтера отразилась частью въ нѣкоторыхъ произведеніяхъ Фонвизина, отъ которыхъ онъ самъ впослѣдствіи отказался; но дошла до полной и смѣшной карикатуры въ Сумароковѣ, который хотѣлъ быть у насъ доморощеннымъ Вольтеромъ. Школа чувства, Руссо и

Стернъ, нашли своего представителя въ Карамзинѣ и его послѣдователяхъ.

Философскія системы въ Германіи имѣли сильные отголоски въ нашихъ университетахъ. Всѣ первые профессоры, прибывшіе къ намъ изъ Германіи и дѣйствовавшіе въ академіи и въ Московскомъ университетѣ, были Вольфіанцы. Самъ Ломоносовъ былъ личнымъ ученикомъ Христіана Вольфа. Мысли Лейбница отразились еще въ Петрѣ и въ дальнѣйшемъ развитіи русскомъ, даже съ ихъ недостатками. Профессоръ Шаденъ, наставникъ Фонвизина, Карамзина и Муравьева, былъ первымъ Кантіанцемъ. Ученіе Фихте не имѣло у насъ особыхъ послѣдователей; но за то ученіе Шеллинга имѣло многихъ. Къ нему принадлежатъ наши наставники и все наше поколѣніе. Замѣчательно, что въ этомъ поколѣніи возникъ, еще помимо учителя, тотъ же вопросъ о соединеніи философіи съ Откровеніемъ, какой возникъ позднѣе въ самомъ учителѣ и былъ разрѣшаемъ имъ въ послѣдніе годы жизни. За нами, Шеллингіянцами, слѣдуютъ Гегелисты, дѣйствовавшіе такъ сильно въ нашихъ университетахъ въ послѣднее время.

Мистицизмъ Іакова Бёма съ Сен-Мартеномъ и ихъ послѣдователями нашелъ у насъ отголоски въ школѣ Новикова, друга его Гамалѣя, Лабзина и многихъ духовныхъ лицъ, соединявшихъ философское мышленіе съ вѣрою.

Германскій матеріализмъ съ своимъ изчадіемъ нигилизмомъ имѣли въ послѣдніе дни сильное, но безплодное вліяніе на нашу эфемерную журнальную литературу.

Не смотря на это внѣшнее вліяніе Запада, въ его крайностяхъ, переходчивыхъ у насъ еще болѣе чѣмъ тамъ, — тѣ гуманическія идеи, которыя даютъ истинную и прочную основу всякому человѣческому образованію, имѣли у насъ стройное и правильное развитіе. Сосудами имъ достойно служили личности нашихъ славнѣйшихъ писателей, около которыхъ группируется все развитіе нашей словесности. Таковы идеи истины, правды, блага и красоты.

Идея истины, воплощаемая въ наукѣ, имѣла своего служителя въ Ломоносовѣ, который посвятилъ ей всю жизнь и, какъ участникъ въ учрежденіи Московскаго университета, завѣщалъ ее всѣмъ университетамъ русскимъ.

Идея истины осталась бы отвлеченнымъ призракомъ въ наукѣ, если бы не отозвалась въ жизни и не перешла въ правду и дѣло. Органомъ правды былъ у насъ Державинъ, первый министръ юстиціи. Правдѣ посвятилъ онъ жизнь, и въ правдѣ почерпалъ лучшія внушенія своей поэзіи.

Но правда не полна, если не получитъ основы нравственной въ идеѣ блага или добра. Представителемъ этой идеи является у насъ Карамзинъ. Источникъ идеи блага принадлежитъ на землѣ всему человѣчеству, дѣйствовавшему во имя добра; но цѣль ея есть нашъ ближній, а для гражданина — народъ и его отечество. Такъ дѣйствовалъ Карамзинъ. Въ первую половину жизни онъ воспиталъ въ себѣ идею блага всѣмъ человѣческимъ образованіемъ, вторую же половину жизни служилъ добру своего отечества, изучая добросовѣстно древнюю жизнь его.

Идея блага имѣетъ чистѣйшую основу въ идеѣ красоты нравственной или душевной. Служителемъ ея былъ Жуковскій, поэтъ *гснія чистой красоты*. Онъ русскимъ словомъ откликнулся на все прекрасное въ поэзіи народовъ міра.

Красота вѣнчаетъ созданіе; она — внѣшній образъ видимой природы. Идея красоты вѣнчаетъ развитіе народа и вызываетъ сознаніе лучшаго изъ народной жизни въ словѣ. Идея прекраснаго не можетъ имѣть другой, болѣе полной, совершенной и живой формы, какъ народность. Вотъ разгадка значенія Пушкина, который, какъ поэтъ, олицетворилъ идею красоты въ народномъ образѣ, въ русскомъ словѣ.

Идеи, развитыя нашими славнѣйшими писателями, сдѣлались нашимъ народнымъ достояніемъ и образуютъ въ насъ ту человѣческую сущность, которая составляетъ условіе дальнѣйшаго развитія въ нашемъ народѣ. Новое поколѣніе, въ лучшихъ своихъ личностяхъ, связующихъ жизнь свою съ жизнію народа,

ищетъ полноты человѣческаго бытія, а эта полнота заключается въ совмѣщеніи идей, предварительно у насъ развитыхъ, при высшемъ озареніи той божественной идеи, которую русскій народъ выработалъ въ древней своей жизни.

Идеи, указанныя нами въ своихъ представителяхъ, будутъ служить намъ путевою нитью въ изложеніи нашей исторіи.

ЛЕКЦІЯ 7.

Съ сѣвера, куда издревле стремились наши предки, наперекоръ его стужѣ и непогодамъ, пришелъ нашъ первый геній въ наукѣ и словѣ, Ломоносовъ, котораго Пушкинъ назвалъ:

Веселье Россіянъ, полунощное диво!

Жизнь Ломоносова—цѣлый романъ, ожидающій художника. Не мѣсто здѣсь пересказывать ее; но нельзя не обратить вниманія на тѣ главныя черты, которыя ее характеризуютъ. Ломоносовъ былъ красивъ собою, какъ видно изъ его академическаго портрета. Въ его физіономіи особенно поразительны высокое чело, свѣтлые, большіе голубые глаза, полныя и широкія уста, какъ бы созданныя для того, чтобы ими выливалась обильною рѣкою раздольная русская рѣчь. Онъ былъ высокаго роста, широкоплечъ и соединялъ, какъ русскій народъ и языкъ, необыкновенную силу съ красотою. Изъ крестьянскаго званія онъ вышелъ, но навсегда сохранилъ крестьянскій образъ жизни, любя его простоту въ привычкахъ и въ пищѣ. Сѣверная природа Холмогоръ взлелѣяла его геній своими чудесами. Промысломъ рыбакъ, онъ съ отцомъ рано научился пренебрегать опасностями моря и глядѣть прямо въ глаза той величавой природѣ, которая впослѣдствіи сдѣлалась любимымъ предметомъ его изслѣдованій. Голосъ Ломоносова рано раздавался въ сельскомъ храмѣ села Денисовки, дьячекъ которой былъ первымъ его учителемъ. Ариѳметика Магницкаго и Славянская грамматика Смотрицкаго были, по его

словамъ, первыми *вратами* его *учености*. На одиннадцатомъ году отъ роду онъ уже принадлежалъ раскольническому толку безпоповщины; но два года спустя, уяснивши себѣ нелѣпости раскола, покинулъ его. Должно быть, жадный къ чтенію, онъ уже въ юношескомъ возрастѣ быстро ознакомился со всею нашею древнею рукописною словесностью.

Призваніемъ Ломоносова была наука, которой посвятилъ онъ всю жизнь до послѣдняго вздоха. Съ этой точки мы взглянемъ на главныя ея черты. Для науки пожертвовалъ онъ родительскимъ кровомъ и, выдержавъ семейную борьбу, 17-ти лѣтъ бѣжалъ изъ дому, въ нагольномъ тулупѣ, зимой, съ обозомъ мерзлой рыбы, въ Москву, желая учиться. Италіянцы во Флоренціи сохранили камень, на которомъ сиживалъ Дантъ, глядя и любуясь на куполъ ея великолѣпнаго соборнаго храма. Надпись: «Sasso di Dante» до сихъ поръ обозначаетъ то мѣсто, сохранившееся въ народной памяти. Нашъ народъ не былъ такъ благодаренъ къ создателю русскаго художественнаго слова и къ первому мастеру нашей науки. Въ Москвѣ, на Никольской, не обозначено то мѣсто, гдѣ Ломоносовъ, на колѣняхъ, со слезами молился передъ иконою Спаса о томъ, чтобы Богъ послалъ ему средства учиться. А въ этихъ слезахъ и въ этой молитвѣ зародилась русская наука!

Славяно-Греко-Латинская школа принимала въ ученики только дворянъ; сыну крестьянина, слѣдовательно, не было въ ней мѣста. Но Ѳеофанъ Прокоповичъ нарушилъ законъ, отворивъ Ломоносову двери въ единственное тогда училище. Ломоносовъ встрѣченъ былъ насмѣшками школьниковъ: «Смотри-де, какой болванъ лѣтъ въ двадцать пришелъ латыни учиться!» Чрезъ два года Ломоносовъ писалъ уже стихи на латинскомъ языкѣ. Учась, онъ не переставалъ бороться съ нуждою. Жалованья получалъ онъ всего алтынъ; изъ него денежка шла на хлѣбъ, другая на квасъ, а третья на бумагу, обувь и прочія нужды. Такъ провелъ онъ пять лѣтъ, и усвоилъ себѣ все то, что̀ могла предложить ему Московская школа. Оттуда перешелъ онъ въ Кіевъ;

но тамошняя схоластика не могла удовлетворить пытливый разумъ, который алкалъ уже иной пищи. Болѣе удовлетворила его Академія наукъ, учрежденная по мысли Петра Великаго, вскорѣ послѣ его кончины. Пробывъ въ ней два года, Ломоносовъ въ 1735 году былъ отправленъ за границу—въ Марбургъ и Фрейбергъ. По изысканіямъ, сдѣланнымъ въ недавнее время въ Марбургѣ академикомъ Сухомлиновымъ, мы знаемъ, въ какихъ сношеніяхъ Ломоносовъ находился съ профессоромъ Вольфомъ, который умѣлъ оцѣнить его способности. Формальная философія Вольфа, однако, не увлекла Ломоносова; онъ умѣлъ освободиться отъ условныхъ формъ его силлогизма, когда перешелъ къ живому изученію природы. Въ Фрейбергѣ, на рудникахъ, онъ учился металлургіи, чтобы примѣнить ее къ богатствамъ своего отечества, и оттуда, въ 1739 году, отправилъ въ Россію оригинальную оду на взятіе Хотина, съ которой собственно и ведется начало русскаго тоническаго стихосложенія.

Заграничная жизнь Ломоносова представляетъ много романическаго. Въ то время король Фридрихъ Вильгельмъ I ввелъ знаменитую вербовку, съ цѣлію умножить войско. Извѣстно, между прочимъ, какъ нашъ великорослый студентъ былъ завербованъ въ рекруты прусскими вербовщиками, и какъ въ своемъ побѣгѣ изъ крѣпости онъ подвергался пулѣ прусскаго часоваго.

Послѣ многихъ приключеній, Ломоносовъ моремъ возвращался въ отечество. Здѣсь мы не можемъ не остановиться на одномъ важномъ психологическомъ явленіи въ его жизни. Это былъ извѣстный его сонъ. Онъ видѣлъ отца своего мертваго, выброшеннаго на берегъ того самаго острова, къ которому онъ нерѣдко приставалъ съ отцомъ во время бурь, въ рыболовныхъ странствіяхъ. Сонъ сбылся. По пріѣздѣ въ Петербургъ, Ломоносовъ освѣдомился у родныхъ о судьбѣ отца, и узналъ, что онъ погибъ неизвѣстно гдѣ. Тогда Ломоносовъ черезъ своего брата и прежнихъ товарищей настоялъ, чтобы они съѣздили на извѣстный островъ, гдѣ онъ видѣлъ во снѣ мертваго отца. Поискъ былъ сдѣланъ, и дѣйствительно — тѣло выброшеннаго мертвеца

было найдено по указанію его сына и предано погребенію. Подобныя душевныя явленія особенно поучительны для науки въ такихъ великихъ людяхъ, каковъ былъ Ломоносовъ.

Съ 1741 по 1765 г., ровно 25 лѣтъ, Ломоносовъ безсмѣнно и честно служилъ наукѣ въ академіи. Онъ оставался постоянно вѣренъ мысли, которая руководила Петромъ при ея учрежденіи, именно, чтобы наука, насажденная у насъ иностранцами, перешла въ руки людей русскихъ. Ломоносовъ вложилъ эту мысль въ уста Елисаветѣ, въ извѣстномъ похвальномъ ей словѣ, гдѣ Елисавета говоритъ: «Я видѣть Россійскую академію изъ сыновъ Россійскихъ состоящую желаю». Такъ дѣйствовалъ и Ломоносовъ среди нѣмецкой колоніи ученыхъ, которая его окружала. Въ борьбѣ Ломоносова съ Нѣмцами участвовалъ не какой нибудь предразсудокъ, возбуждающій одинъ народъ противъ другаго. Нѣтъ, онъ умѣлъ уважать науку и ученыхъ, въ какомъ бы народѣ они ни являлись. Мы знаемъ его отношенія къ Эйлеру, Бернулли и другимъ; знаемъ и дружбу, какая соединяла его съ профессоромъ физики Рихманномъ. Вспомнимъ трогательное письмо, написанное Ломоносовымъ къ Шувалову тотчасъ по смерти Рихманна, убитаго громомъ во время электрическихъ опытовъ, которые производилъ онъ надъ машиною для рѣшенія вопроса о громоотводахъ. «Г. Рихманнъ—такъ писалъ Ломоносовъ—умеръ прекрасною смертію, исполняя по своей профессіи должность». Какъ усердно молитъ онъ Шувалова исходатайствовать пенсію вдовѣ и сиротамъ, и прибавляетъ, что за такое благодѣяніе будетъ больше почитать, чѣмъ за свое!

Такъ любилъ Ломоносовъ тѣхъ Нѣмцевъ, которые честно трудились для науки въ нашемъ отечествѣ. Но неутомимо и грозно преслѣдовалъ онъ тѣхъ, которые, какъ Таубертъ и Шумахеръ, хотѣли держать науку въ Россіи исключительно въ рукахъ нѣмецкихъ, преслѣдовали русскихъ молодыхъ ученыхъ, задерживали жалованье у тѣхъ, которые учились за границею, и всякими злоупотребленіями вредили дѣлу наукъ въ академіи. Но, кромѣ Нѣмцевъ, отъ него доставалось и тѣмъ Русскимъ, кото-

рые, какъ напримѣръ Тепловъ, препятствовали процвѣтанію наукъ.

Отношенія между Ломоносовымъ и Шуваловымъ были въ высшей степени благородны и честны. Ни одной оды не посвятилъ онъ ему, какъ это случалось съ нѣмецкими поэтами въ ихъ отношеніяхъ къ знатнымъ меценатамъ. Письма Ломоносова къ Шувалову остались въ нашей литературѣ прекраснымъ памятникомъ той дружбы, которая связывала вельможу и ученаго. Съ какою искренностію передаетъ ему Ломоносовъ свои чувства, повѣряетъ свои труды, указываетъ на препятствія! Вездѣ сохранилъ онъ достоинство и благородство. Особенно достопамятно письмо, которое написалъ Ломоносовъ на другой день послѣ обѣда, бывшаго у Шувалова. На этотъ обѣдъ были приглашены вмѣстѣ и Ломоносовъ, и Сумароковъ, который искалъ случая излить желчь зависти на великаго ученаго. Ломоносовъ избѣгалъ столкновеній съ нимъ и не зналъ, что былъ вмѣстѣ съ нимъ приглашенъ къ столу. Долго ждали Ломоносова гости и хозяинъ. Удержанный занятіями, онъ явился гораздо позже обѣденнаго часу; но лишь только, войдя въ гостиную, замѣтилъ Сумарокова, какъ опрометью убѣжалъ изъ нея. Шуваловъ удерживаетъ его ласковыми словами, говоря: «Михайлъ Васильевичъ, мы тебя такъ долго ждали, а ты же насъ покидаешь».—«Нѣтъ, ваше превосходительство, вотъ съ этимъ дуракомъ я обѣдать у васъ не хочу», отвѣчалъ Ломоносовъ, выходя изъ комнаты и пальцемъ указывая на Сумарокова. На другой день Шуваловъ получилъ отъ Ломоносова письмо, въ которомъ съ первыхъ строкъ прочелъ слѣдующія слова: «Не токмо у стола знатныхъ господъ, или у какихъ земныхъ владѣтелей дуракомъ быть не хочу, но ниже у самого Господа Бога, который мнѣ далъ смыслъ, пока развѣ отниметъ».

Извѣстенъ еще отвѣтъ, сказанный Ломоносовымъ Шувалову, когда послѣдній однажды, въ порывѣ гнѣва на его горячность, угрожалъ ему словами: «я отставлю тебя отъ академіи».—«Нѣтъ, развѣ академію отъ меня отставятъ», отвѣтилъ Ломоносовъ.

За нѣсколько дней до кончины, Ломоносовъ говорилъ другу своему, академику Штелину: «Чувствую, что скоро умру. На смерть смотрю совершенно спокойно, а сожалѣю только о томъ, что не успѣлъ довершить того, что̀ началъ для пользы отечества, для славы наукъ и для чести академіи. Къ сожалѣнію вижу теперь, что благія мои намѣренія исчезнутъ вмѣстѣ со мною». Эта предсмертная скорбь касалась любимой мысли Ломоносова, которой онъ посвятилъ всю жизнь: водворить науку между соотечественниками. Ломоносовъ скончался 3-го апрѣля 1765 года, на третій день Пасхи.

Отъ жизни Ломоносова перейдемъ къ главному его подвигу—наукѣ. Для насъ весьма важно знать, какъ первый нашъ ученый, насадившій науку въ нашемъ отечествѣ, разумѣлъ ея отношенія къ вѣрѣ, къ государству и къ народной жизни, равно и отношенія наукъ между собою. Мы и теперь могли бы принять безопасно за лучшее для насъ руководство отвѣтъ Ломоносова на эти вопросы. Вопросъ объ отношеніи науки къ вѣрѣ занималъ уже тогда ученыхъ. Опасались внести раздоръ въ эти двѣ сферы, — раздоръ, который могъ погубить гармонію душевныхъ силъ человѣка. У насъ также былъ въ ходу этотъ вопросъ, и вотъ какъ рѣшалъ его Ломоносовъ въ своемъ сочиненіи, написанномъ по случаю одного астрономическаго наблюденія: «Правда и вѣра суть двѣ сестры родныя, дщери одного Всевышняго Родителя; никогда между собою въ распрю придти не могутъ, развѣ кто изъ нѣкотораго тщеславія и показанія своего мудрованія на нихъ вражду всклеплетъ. А благоразумные и добрые люди должны разсматривать, нѣтъ ли какого способа къ объясненію и отвращенію мнимаго между ними междоусобія, какъ учинилъ учитель нашея премудрыя православныя Церкви». Здѣсь Ломоносовъ приводитъ свидѣтельства изъ Василія Великаго и Іоанна Дамаскина, и продолжаетъ: «Такъ сіи великіе свѣтильники познаніе натуры съ вѣрою содружить старались». «Создатель далъ роду человѣческому двѣ книги. Въ одной показалъ свое величество, въ другой свою волю. Первая—видимый сей міръ, Имъ созданный, что-

бы человѣкъ, смотря на огромность, красоту и стройность его зданій, призналъ Божественное всемогущество, по мѣрѣ себѣ дарованнаго понятія. Вторая книга — священное писаніе. Въ ней показано создателево благословеніе къ нашему спасенію. Въ сихъ пророческихъ и апостольскихъ Богодухновенныхъ книгахъ истолкователи и изъяснители суть великіе церковные учители. А въ иной книгѣ сложенія видимаго міра, физики, математики, астрономы и прочіе изъяснители Божественныхъ въ натуру вліянныхъ дѣйствій суть таковы, каковы въ оной книгѣ пророки, апостолы и церковные учители. Не здраво разсудителенъ математикъ, ежели онъ хочетъ Божескую волю измѣрять циркулемъ. Таковъ же и Богословія учитель, если онъ думаетъ, что по псалтыри научиться можетъ астрономіи и химіи». — «Посмѣянія достойны таковые люди.... подобно какъ нѣкоторые католицкіе философы дерзаютъ по физикѣ изъяснять непонятныя чудеса Божія, и самыя страшныя таинства христіянскія. Сему излишеству есть съ другой стороны подобное, но и притомъ приращенію наукъ помѣшательное нѣкоторыхъ поведеніе, коп осмѣхаютъ науки, а особливо новыя откровенія въ натурѣ, разглашая, будто бы они были противны закону, коимъ самымъ мнимымъ защищеніемъ дѣйствительно его поносятъ, представляя оный непріятелемъ натурѣ, не меньше отъ Бога происшедшей, и называя все то соблазномъ, чего не понимаютъ. Но всякъ изъ таковыхъ вѣдай, что онъ ссорщикъ, что старается произвести вражду между Божіею Дщерію, натурою, и между невѣстою Христовою, Церковью». — «Натура есть нѣкоторое Евангеліе, благовѣствующее неумолчно Творческую силу, премудрость и величество. И не токмо небеса, но и нѣдра земныя повѣдаютъ славу Божію». Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ этихъ мыслей Ломоносовъ заимствовалъ изъ Бэкона.

Какъ разумѣлъ нашъ ученый отношеніе наукъ къ государству? Онъ выразилъ мнѣніе о томъ въ похвальномъ словѣ Елисаветѣ, гдѣ представляетъ академію наукъ центральнымъ мѣстомъ въ государствѣ, подающимъ голоса свои и совѣты по

всѣмъ главнымъ вѣтвямъ государственнаго управленія. Вотъ его слова: «Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскія дѣла изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе Монархическому лицу изъ пресвѣтлаго ея дому, строящіе и управляющіе флотъ Россійскій съ верховъ корабельныхъ и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли и къ нимъ бы любовію склонялись». Здѣсь академія изображена не какимъ-то отвлеченнымъ отъ государственной жизни учрежденіемъ, а живымъ средоточіемъ, дающимъ государству жизнь вполнѣ разумную и сознательную.

Наука не ослѣпляла Ломоносова и не мѣшала ему видѣть недостатки въ нашей жизни. Въ своемъ превосходномъ разсужденіи о причинахъ, замедляющихъ народонаселеніе Россіи, онъ указываетъ, между прочимъ, на злоупотребленіе постовъ и на быстрые переходы къ розговѣнью, въ день праздника Пасхи. Приведемъ картину изъ народной жизни, рѣзко и вѣрно изображенную Ломоносовымъ.

«Наконецъ заутреню въ полночь начали и обѣдню до свѣту отпѣли. Христосъ Воскресе! только въ ушахъ и на языкѣ, а въ сердцѣ какое ему мѣсто, гдѣ житейскими желаніями и самыя малѣйшія скважины всѣ наполнены! Какъ съ привязу спущенныя собаки, какъ наполненная вода съ отворенной плотины, какъ изъ облака прорвавшіеся вихри рвутъ, ломятъ, валятъ, опровергаютъ, терзаютъ... Тамъ разбросаны разныхъ мясъ раздробленныя части, разбитая посуда, текутъ пролитые напитки; тамъ лежатъ безъ памяти отягченные объяденіемъ и пьянствомъ; тамъ валяются обнаженные и утомленные недавніе строгіе постники. О! истинное христіянское пощеніе и празднество! Не на такихъ ли Богъ негодуетъ у Пророка: «Праздниковъ вашихъ ненавидитъ душа моя и кадило ваше мерзость есть предо мною?» — Далѣе Ломоносовъ воображаетъ святителей, говорящихъ такія слова духовнымъ наставникамъ Русскаго народа: «Ученіемъ вкорените

всѣмъ въ мысли, что Богу пріятнѣе, когда имѣемъ въ сердцѣ чистую совѣсть, нежели въ желудкѣ цынготную рыбу; что посты учреждены не для самоубійства вредными пищами, но для воздержанія отъ пзлишества; что обманщикъ, грабитель, не правосудный, мздоимецъ, воръ и другими образы ближняго повредитель, прощенія не сыщетъ, хотя бы онъ вмѣсто обыкновенной постной пищи въ семь недѣль ѣлъ щепы, кирпичъ, мочало, глину и уголье, и большую бы часть того времени простоялъ на головѣ вмѣсто земныхъ поклоновъ. Чистое покаяніе есть доброе житіе, Бога къ милосердію, къ щедротѣ, и къ любленію нашему преклоняющее. Сохрани данныя Христомъ заповѣди, на коихъ весь законъ и пророки висятъ: Люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ и ближняго какъ самъ себя.....».

Превосходно понималъ Ломоносовъ ту связь, какая должна существовать между науками естественными и словесными. Онъ съ равною ревностію принадлежалъ какъ первому, такъ и второму отдѣленію философскаго факультета. Во Франціи до сихъ поръ существуетъ непобѣдимый предразсудокъ, полагающій вражду между такъ называемыми учеными (savants) и словесниками (lettrés). Sciences et lettres, науки и словесность, доселѣ ведутъ здѣсь такую вражду непримиримую, которая образуетъ два враждебныхъ стана между мужами слова и мужами знанія. Вспомнимъ, какъ Шатобріанъ не щадилъ своего краснорѣчія противъ наукъ математическихъ. У насъ, съ самаго возникновенія науки, такой предразсудокъ отсутствовалъ, и мы за то благодарны Ломоносову.

Не мое дѣло оцѣнивать подвиги Ломоносова въ наукахъ естественныхъ. Это дѣло совершено у насъ ученымъ, который наслѣдовалъ отъ Ломоносова соединенную любовь къ физико-математическимъ и словеснымъ наукамъ, академикомъ Перевощиковымъ. Ломоносовъ стоялъ въ уровень съ наукою природы своего столѣтія. Его изслѣдованія надъ электричествомъ и стремленіе приложить ихъ къ устроенію громоваго отвода — современны Франклиновымъ. Его мнѣніе о теплотѣ предшествовало Рум-

Фордову. Во всѣхъ изслѣдованіяхъ природы Ломоносовъ имѣлъ въ виду отечество. Начала металлургіи внесены имъ изъ рудниковъ Фрейберга въ нѣдра Русской земли. Онъ начерталъ проектъ собиранія разныхъ камней, глинъ и песковъ по деревнямъ цѣлой Россіи. Онъ, первый, задумалъ собирать въ музеи остатки допотопныхъ животныхъ, остовы которыхъ такъ часто встрѣчаются во внутренности русской почвы. Онъ, первый, возымѣлъ мысль воздѣлывать торфъ въ Россіи. На мореплаваніе смотрѣлъ онъ не въ видахъ лишь одной торговли, но въ высшихъ видахъ науки, и извѣстенъ изобрѣтеніемъ особеннаго морскаго барометра.

Не могу не обратить здѣсь вниманія на способъ изложенія Ломоносова въ естественныхъ наукахъ. У насъ, отъ нечего дѣлать, въ журнальной литературѣ много спорили о томъ, поэтъ Ломоносовъ или нѣтъ. Странно было бы творца русскаго стиха не признать за поэта. Но этотъ вопросъ еще впереди. Теперь же скажемъ, что рѣдкій естествоиспытатель умѣлъ роднить науку съ поэзіею такъ, какъ Ломоносовъ. Изображаетъ ли онъ въ своихъ ученыхъ рѣчахъ дѣйствіе силъ природы, рисуетъ ли ея картины, снимая ихъ съ природы отечественной, — вездѣ онъ является поэтомъ. Вотъ, для примѣра, какъ описываетъ онъ образованіе земли въ нашей странѣ:

«Посмотрите на благословенное свое отечество и сравните съ другими странами. Увидите въ немъ умѣренное натуры подземнымъ огнемъ дѣйствіе. Ни Альпійскими или Пиренейскими суровыми верхами къ вѣчной зимѣ, господствующей въ верхней атмосферѣ, возвышены, ниже глубокими пропастьми въ болотистую сырость унижены страны наши; но пологія восхожденія и наклоненія полей плодоносныхъ, не лишенныя при томъ металловъ, распространяются къ угодности нашей. Не разсѣлинами земными, ядовитые пары испущающими растерзанное, но зелѣнѣющими лѣсами и пажитями украшенное пространство чувствуетъ благорастворенное дыханіе вѣтровъ. Не колеблемся частыми земными трясеніями, которыя едва когда у насъ слы-

ханы; но какъ земнаго нѣдра, такъ и всего общества внутреннимъ покоемъ наслаждаемся».

Вотъ другое изображеніе силы земли при раздѣленіи воды и суши:

«Прирастаютъ морскіе берега отъ смытаго съ горъ песку дождями, какъ во многихъ мѣстахъ видны отдѣленныя нѣсколько отъ береговъ мели, которыя съ одной стороны съ горъ стекающія воды валятъ отъ земли, а съ другой море съ берегу прибиваетъ волнами. Заносятъ вѣтры пескомъ домы и башни; и высокихъ пирамидъ египетскихъ едва только видны изъ песку однѣ вершины. Но такимъ силамъ не подвержены великія горы. Свидѣтельствуютъ сильнымъ бурямъ и тучамъ смѣющіеся каменные хребты и вершины, презирающіе ужасную быстрину великаго Океана, малые острова и пороги Днѣпровскіе, Нильскіе, Ніагарскіе и другіе, ни во что вмѣняющіе съ ужаснымъ шумомъ падающихъ тяжкихъ водъ стремленіе. Иной силы требовала земная ровная наружность, чтобы много выше равновѣсія морскаго поднять всю Азію, или хотя часть ея, Рифейскія горы. Иное должно было происходить движеніе, иной шумъ, звукъ и громъ, нежели каковы чувствуемъ во время сильной грозы и бури, при волнахъ бьющаго въ берега моря, или отъ стремленія падающихъ великихъ пороговъ; иное тогда было стенаніе раболѣпствующія натуры, когда повелѣлъ Творецъ: да явится суша».

Вотъ какъ Ломоносовъ представляетъ горную сторону нашихъ рѣкъ и въ ней тайны, скрываемыя земными нѣдрами: «Для того возведите, слушатели, мысленный взоръ вашъ къ берегамъ великихъ рѣкъ, которыми особливо Россійская держава наполняется, гдѣ между многими вниманія достойными вещами представляются оныя крутизны, которыя отъ стремленія подмывающей воды имѣютъ свое происхожденіе. Коль чудный видъ разныхъ слоевъ зрѣніе человѣческое къ себѣ привлекаетъ! Тамъ видны всякіе цвѣты; индѣ разная твердость и сложеніе земной внутренности; тамъ показываются слои поваленныхъ лѣсовъ и землею глубоко покрытыхъ; индѣ кости животныхъ и деревян-

ныя дѣла рукъ человѣческихъ изъ средины осыпавшейся земли проникаютъ. Всѣ сіи позорища такого суть состоянія, что едва ли гдѣ натура подземныя слоевъ тайны больше, какъ въ оныхъ крутизнахъ, открываетъ».

Чтобы показать всю живость воображенія, съ какою Ломоносовъ переносился къ явленіямъ природы, приведемъ еще одно мѣсто, гдѣ онъ выводитъ червячковъ, заключенныхъ въ янтарѣ, и такъ объясняющихъ свое въ нихъ явленіе: «Пользуясь лѣтнею теплотою и сіяніемъ солнечнымъ, гуляли мы по роскошествующимъ влажностію растеніямъ, искали и собирали все, что служитъ къ нашему пропитанію; услаждаясь между собою пріятностію благорастворенпаго времени и послѣдуя разнымъ благовоннымъ духамъ, ползали и летали по травамъ, листамъ и деревьямъ, не опасаясь отъ нихъ никакой напасти. И такъ садились мы на истекшую изъ деревъ смолу, которая насъ привязавъ къ себѣ липкостью, плѣнила, и безпрестанно изливаясь покрыла и заключила отвсюду. Потомъ отъ землетрясенія опустившееся внизъ лѣсное наше мѣсто вылившимся моремъ покрылось; деревья опровергпись, иломъ и пескомъ покрылись, купно со смолою и съ нами; гдѣ долготою времени минеральные соки въ смолу проникли, дали большую твердость, и словомъ, въ янтарь претворились, въ которомъ мы получили гробницы великолѣпнѣе, нежели знатные и богатые на свѣтѣ люди имѣть могутъ. Въ рудныя жилы пришли мы не иначе и не въ другое время, какъ находящееся съ нами окаменѣлое и мозглое дерево».

Отъ естествоиспытателя перейдемъ къ словеснику. Три славныхъ дѣла совершены Ломоносовымъ въ области русскаго языка и словесности.

Онъ, первый, далъ преимущество русской народной стихіи надъ славяно-церковною и утвердилъ то правилами русской грамматики. Онъ, первый, замѣтилъ единство языка русскаго въ устахъ народа на неизмѣримомъ пространствѣ нашего отечества. Московскому нарѣчію онъ далъ преимущество въ произношеніи образованнаго общества. Въ своей грамматикѣ онъ приводитъ

мнѣніе Карла V о разныхъ языкахъ Европы: Карлъ говоритъ, что на испанскомъ языкѣ прилично бесѣдовать съ Богомъ, по-италіянски говорить съ женщинами, по-французски съ друзьями, по-нѣмецки съ врагами. По мнѣнію Ломоносова, на русскомъ языкѣ можно вести всѣ эти разнообразныя бесѣды.

Но давъ преимущество русской народной стихіи въ языкѣ литературномъ, Ломоносовъ не порвалъ той связи, которая съ самаго крещенія Руси существовала между нашимъ народнымъ языкомъ и славяно-церковнымъ. Онъ поставилъ оба въ надлежащее правильное отношеніе и указалъ на языкъ церкви, какъ на великую сокровищницу, изъ которой русскіе писатели могутъ черпать выраженія для своихъ мыслей. Въ своемъ изслѣдованіи *О пользѣ чтенія церковныхъ книгъ*, онъ утвердилъ научно то, что давно уже существовало въ жизни Русскаго народа. Это дѣло Ломоносова было оправдано всѣмъ послѣдующимъ развитіемъ русской словесности.

Вторымъ дѣломъ Ломоносова было введеніе въ русскую поэзію тоническаго метра. Съ него начинается ея художественный періодъ. До Ломоносова мы имѣли силлабическій стихъ, занесенный къ намъ изъ Польши. Спмеонъ Полоцкій наложилъ на него печать отверженія неудачнымъ переложеніемъ псалмовъ. Кантемиръ въ своихъ сатирахъ вывелъ этотъ стихъ изъ опалы; но, не смотря на то, онъ не пришелся по духу русскаго языка. Нововведеніе Ломоносова было принято и затѣмъ усовершенствовано нашими славными поэтами. Тредьяковскій хотѣлъ-было похитить у Ломоносова славу этого подвига; но стòитъ сличить его оду на взятіе Гданска (Данцига) перваго изданія (1735 года) съ послѣдующею передѣлкою, чтобы убѣдиться въ неудачѣ попытки. Въ первомъ изданіи вовсе нѣтъ тоническаго метра; а въ передѣлкѣ, которая совершена по указанію Ломоносова, уже слышенъ правильный хорей. По недавнему открытію, сдѣланному академіею наукъ въ бумагахъ Ломоносова, теперь ведутъ начало тоническаго метра отъ оды, переведенной Ломоносовымъ изъ Фенелона. Но это былъ только первый и притомъ слабый опытъ;

вѣрнѣе же будетъ считать введеніе у насъ тоническаго метра съ славной оды Ломоносова на взятіе Хотина (1739).

Третьимъ дѣломъ Ломоносова было построеніе русскаго періода по латинскому образцу. Къ величавому нашему языку пристала и римская тога; но излишняя искусственность не въ характерѣ Русскаго народа. Ломоносовъ самъ уже сбрасывалъ тяжелыя формы латинскаго синтаксиса, когда, предаваясь искреннимъ изліяніямъ сердца, писалъ письма къ Шувалову, или хвалилъ любимаго своего героя, Петра. Здѣсь онъ уже предсказывалъ будущій конецъ своему латинскому періоду, закованному въ пышную риторическую фигуру.

Теперь перейдемъ къ поэту. Ломоносовъ, какъ родоначальникъ художественнаго періода русской поэзіи, долженъ былъ создать образцы во всѣхъ родахъ ея: эпическомъ, лирическомъ, драматическомъ и дидактическомъ; но все его достоинство и главный характеръ, какъ поэта, сосредоточивается въ двухъ видахъ лирики — духовномъ и торжественномъ. Оба эти вида лирики развивались тогда въ современной поэзіи, французской и нѣмецкой, которыя обѣ дали ему образцы для подражанія. Духовныя и торжественныя оды Гинтера, господствовавшія тогда въ Германіи, предложили внѣшнюю кройку для его лирической строфы. Придворная, торжественная ода была особенно въ ходу. Безъ нея не совершалась ни одна побѣда, не проходилъ ни одинъ праздникъ. Поэтъ долженъ былъ явиться въ парадной формѣ, въ напудренномъ парикѣ, съ торжественной подъ мышкою одой въ александрійскій листъ, богато переплетенной. Все было тогда на фижмахъ и въ пудрѣ. Аполлонъ и Музы не избѣгали условныхъ формъ придворнаго этикета.

Трудно было въ этихъ оффиціальныхъ виршахъ придворной поэзіи развиваться ея истинному, свободному духу. Не смотря на это, Ломоносовъ и въ этихъ веригахъ все-таки является у насъ богатыремъ и исполиномъ. Какъ несравненно выше и благороднѣе стоитъ онъ противъ своего нѣмецкаго образца, Гинте-

ра! Вы не встрѣтите у Ломоносова ничего подобнаго слѣдующей Гинтеровой строфѣ:

Ich, Herr! dein tiefster Unterthan,
Will, bleib' ich auch im Staube sitzen,
Noch mehr auf deiner Ehrenbahn
Als vor dem Elendsofen schwitzen.
Verstoss mich an den kalten Bär,
Ich geh, und gern, und find' ein Meer
Dein Lob in ewig Eis zu schreiben;
Denn weil mir Augen offen stehn,
Soll Carl und Tugend und Eugen
Die Vorschrift meiner Musen bleiben *).

Главнымъ источникомъ для духовныхъ одъ Ломоносова служили псалмы Давидовы. Псалтырь съ самыхъ древнихъ временъ нашей христіанской жизни былъ любимою настольною книгою Русскаго человѣка. У него было въ обычаѣ, въ тяжкія минуты жизни, прибѣгать въ псалтырю какъ къ другу и совѣтнику, и развертывая его страницы, искать въ нихъ утѣшенія въ горѣ и наставленія своихъ дѣйствій.... Мы знаемъ объ этомъ обычаѣ изъ Поученія Владиміра Мономаха. Этого обычая держались и наши славные русскіе лирики, жизнь которыхъ не была еще оторвана отъ древнихъ корней своихъ. Конечно, въ одну изъ горькихъ минутъ жизни Ломоносова, подъ напѣвъ псаломскаго стиха, вылилась изъ устъ его слѣдующая строфа:

Ни кто не уповай во вѣки
На тщетну власть князей земныхъ,
Ихъ тѣжъ родили человѣки,
И нѣтъ спасенія отъ нихъ.

*) О, господинъ! я, твой нижайшій подданный, хотя бы и оставался всегда во прахѣ, но хочу трудиться до поту лица скорѣе на твоемъ почетномъ поприщѣ, чѣмъ передъ жалкимъ очагомъ домашнимъ. Прогони меня къ холодному медвѣжьему полюсу, я пойду, и охотно, и найду море, на вѣчныхъ льдахъ котораго буду писать тебѣ похвалу, ибо пока у меня глаза открыты, Карлъ, добродѣтель и Евгеній будутъ служить образцемъ для моихъ музъ.

Согласно съ влеченіемъ къ природѣ и ея явленіямъ, Ломоносовъ любилъ перелагать особенно тѣ псалмы, которые называются псалмами премудрости и въ которыхъ псалмопѣвецъ исповѣдуетъ Бога въ величіи его созданій. Такъ и Державинъ, согласно съ особенностію своего призванія, любилъ въ псалмахъ пѣсни правды. Особенно прекрасно у Ломоносова, къ сожалѣнію недоконченное, переложеніе *103-го* псалма, въ которомъ такъ великолѣпно изображается картина всего созданія. Въ этомъ переложеніи Ломоносовъ побѣдоносно состязался съ Сумароковымъ и Тредьяковскимъ. Прочтемъ хотя двѣ послѣднія строфы:

Хлѣбъ силой нашу грудь крѣпитъ,
Намъ масло члены умягчаетъ,
Вино въ печали утѣшаетъ,
И сердце радостью живитъ.

* * *

Древамъ даешь обильный тукъ,
Поля вѣнчаешь ими, Щедрый!
Насаждены въ Ливанѣ кедры
Могуществомъ всесильныхъ рукъ.

Сюда же относится столь извѣстное переложеніе изъ книги Іова, гдѣ самъ Творецъ природы словомъ устъ своихъ развиваетъ великолѣпную картину ея. Кромѣ переложеній, Ломоносовъ, въ подражаніе пѣснямъ премудрости, сложилъ самъ два размышленія о Божіемъ величествѣ, утреннее и вечернее. Послѣднее, написанное по случаю великаго сѣвернаго сіянія, внушено было ему тѣми явленіями природы, которыхъ онъ нерѣдко бывалъ изумленнымъ свидѣтелемъ съ самаго дѣтства. Первая строфа этого размышленія, и въ ней особенно два заключительные стиха, останутся навсегда однимъ изъ высокихъ созданій нашей первоначальной лирики въ художественномъ періодѣ словесности.

Лице свое скрываетъ день;
Поля покрыла мрачна ночь,
Взошла на го́ры черна тѣнь,
Лучи отъ насъ склонились прочь.
Открылась бездна, звѣздъ полна;
Звѣздамъ числа нѣтъ, безднѣ дна.

Перейдемъ къ одамъ торжественнымъ. Если бы мы обратили только поверхностное вниманіе на тѣ оффиціальные, придворные случаи, по поводу которыхъ написаны эти оды, то могли бы, подобно другимъ легкомысленнымъ критикамъ, отвергнуть въ нихъ всякую поэзію и отнести ихъ къ той блаженной памяти нѣмецкой Hofpoesie, которая по наружности только имѣла на нихъ вліяніе. Но если вникнемъ въ глубину внутренняго содержанія этихъ одъ и обнимемъ одною мыслію все его богатство, то придемъ къ заключенію, что торжественная ода Ломоносова, по внутренней идеѣ, ее одушевляющей, совершенно соотвѣтствуетъ древней государственной, монументальной одѣ Пиндара. Жаль, что форма нашей оды снята не съ нея, а по современному вліянію съ нѣмецкой оды Гинтера и французской — Жана-Батиста-Руссо. Если бы ода Ломоносова, при богатствѣ внутренняго содержанія, получила болѣе художественную форму, то могла бы быть однимъ изъ совершенныхъ явленій нашей поэзіи. Но такую форму она могла бы усвоить только отъ жизни народной, развѣ въ хороводной ея пѣсни. Между тѣмъ связь между государственною и народною жизнію со времени Петра уже появилась, — и вотъ почему лирика въ лицѣ Ломоносова, Державина и другихъ искала формъ для своего проявленія не въ своей народной жизни, а въ чужой. Не смотря однако на этотъ разрывъ, Ломоносовъ, какъ человѣкъ геніальный, все-таки оставался Русскимъ. Подъ вериками академической и придворной оффиціальности, подъ пудрой, парикомъ и мундиромъ, въ оковахъ напыщенной риторики вѣка, которая равно обнаруживалась и въ фижмахъ костюмовъ, и въ цугахъ каретъ, и въ фигурныхъ реченіяхъ сло-

ва, — въ Ломоносовѣ все-таки сказывался русскій богатырь и поэтъ.

Что же давало внутреннее содержаніе торжественной поэзіи Ломоносова? Кто былъ ея главнымъ героемъ? Въ чемъ заключалась ея единая, органическая мысль? То была—Россія.

Но пусть Ломоносовъ самъ, своими словами, познакомитъ насъ съ внутреннимъ содержаніемъ своей лирики. Между его произведеніями есть анакреонтическія оды, извѣстныя подъ названіемъ *Разговора съ Анакреономъ*. Въ нихъ мы можемъ найти его же отвѣтъ на нашъ вопросъ. Анакреонъ предлагаетъ художнику написать портретъ любимой женщины слѣдующими чертами:

Дай изъ розъ въ лицѣ ей крови,
И какъ снѣгъ представь бѣлу́.
Проведи дугами брови
По высокому челу.
Не сведи одну съ другою,
Не разставь ихъ межъ собою,
Сдѣлай хитростью своей,
Какъ у дѣвушки моей.

Ломоносовъ, въ отвѣтѣ на предложеніе Анакреоново, обращается къ художнику съ другою мыслью и предлагаетъ ему изобразить его *возлюбленную мать*. Эта мать—Россія. Ломоносовъ говоритъ:

Изобрази Россію мнѣ:
Изобрази ей возрастъ зрѣлой,
И видъ въ довольствіи веселой,
Отрады ясность по челу,
И вознесенную главу.

* * *

Потщись представить члены здравы,
Какъ должны у богини быть,
По плечамъ волосы кудрявы
Признакомъ бодрости завить.

Огонь вложи въ небесны очи
Горящихъ звѣздъ въ срединѣ ночи,
И брови выведи дугой,
Что кажетъ послѣ тучъ покой.

***

Возвысь сосцы млекомъ обильны,
И чтобъ созрѣвша красота
Являла мышцы, руки сильны,
И полны живости уста
Въ бесѣдѣ бъ важность обѣщали
И такъ бы слухъ нашъ ободряли,
Какъ чистый голосъ лебедей,
Коль можно, хитростью твоей.

***

Одѣнь, одѣнь ее въ порфиру,
Дай скипетръ, возложи вѣнецъ,
Какъ должно ей законы міру
И распрямъ предписать конецъ.
О, коль изображенье сходно,
Красно, любезно, благородно!
Великая промолви Мать
И повели войнамъ престать!

Ломоносовъ былъ въ новой Россіи еще древнимъ русскимъ человѣкомъ, и не могъ въ своей поэзіи воспѣвать личныхъ своихъ чувствъ красавицамъ чувственнымъ, а приносилъ ихъ въ жертву великой общинѣ своего народа, которую называлъ своею матерью,—Россіи.

Вотъ съ какой точки зрѣнія взглянемъ мы на его государственную лирику, и тогда предстанетъ намъ ясно все богатство ея содержанія. Здѣсь на первомъ планѣ мы встрѣтимъ это монументальное, исполинское изображеніе Россіи, изваянное пластическимъ словомъ Ломоносова:

Въ поляхъ, исполненныхъ плодами,
Гдѣ Волга, Днѣпръ, Нева и Донъ
Своими чистыми струями
Шумя, стадамъ наводятъ сонъ,
Сидитъ и ноги простираетъ
На степь, гдѣ Хину отдѣляетъ
Пространная стѣна отъ насъ;
Веселый взоръ свой обращаетъ,
И вкругъ довольство исчисляетъ,
Возлегши локтемъ на Кавказъ.

Этотъ исполинскій образъ Россіи, локтемъ опершейся на Кавказъ, свидѣтельствующій особенную силу пластическаго слова въ Ломоносовѣ, невольно напоминаетъ намъ мраморное, колоссальное изваяніе Нила, усѣянное младенцами-народами, которые онъ питаетъ. Его совершили Римляне во времена своей славы, когда завоевали Египетъ. Оно украшаетъ одну изъ залъ Ватикана.

Неизмѣримость пространства, занимаемаго Россіею, такъ изображаетъ Ломоносовъ, обращаясь къ солнцу:

Въ Россійской ты державѣ всходишь
Надъ нею дневный путь преводишь
И въ волны кроешь пламень свой.

А вотъ картина изобилія русской природы, особенно хлѣбородной:

Хребты полей прекрасныхъ, тучныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ и Днѣпръ текутъ,
Дѣлъ послухи Петровыхъ звучныхъ,
Съ весельемъ поминая трудъ,
Тебѣ обильны движутъ воды,
Тебѣ, Монархъ, плодятъ народы,
Несутъ довольство всѣхъ потребъ,
Что воздухъ и вода рождаетъ,

Что мягкая земля питаетъ,
И жизни главну крѣпость хлѣбъ.

Среди городовъ русскихъ возвышается Москва. Вотъ какъ сочувственно Ломоносовъ изображаетъ ее:

Москва, стоя въ срединѣ всѣхъ,
Главу великими стѣнами
Вѣнчанну взводитъ къ высотѣ,
Какъ кедръ межъ низкими древами,
Пречудна въ древней красотѣ.

Новую столицу Ломоносовъ славитъ особенно за ея прекрасную Неву.

Державные двигатели историческихъ судебъ Россіи нерѣдко являются въ одахъ Ломоносова: Дмитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ IV, Михаилъ, Алексѣй, и особенно Петръ, какъ его любимый герой, какъ насадитель науки въ Россіи. Эти явленія можно сравнить съ тѣнями воинственныхъ героевъ въ поэмахъ Оссіановыхъ, которыя проносятся въ облакахъ. Иногда отверзутся небеса, и герои вступаютъ въ бесѣду между собою: такъ, напримѣръ, Іоаннъ Грозный съ Петромъ въ самой первой одѣ. Иногда раздается изъ облаковъ громозвучный голосъ Петра. За Петромъ слѣдуетъ Елисавета, любимая его дочь. Она родилась въ годъ Полтавской битвы. Петръ получилъ извѣстіе о ея рожденіи, когда праздновалъ въ Москвѣ свою славную побѣду.

Тогда отъ радостной Полтавы
Побѣды русской звукъ гремѣлъ,
Тогда не могъ Петровой славы
Вмѣстить вселенныя предѣлъ;
Тогда Вандалы побѣжденны
Главы имѣли преклоненны
Еще при пеленахъ твоихъ....

Елисавета была русская красавица на русскомъ престолѣ. Ломоносовъ такъ воспѣлъ ея голубые глаза:

Въ тебѣ прекрасный домъ создали
Души великой небеса,
Свое блистанье изліяли
Въ твои пресвѣтлы очеса....

Она была мастерица ѣздить верхомъ. Въ одной изъ одъ встрѣчаемъ изображеніе императрицы на рѣзвомъ скакунѣ:

Коню бѣжать не воспрещаютъ
Ни рвы, ни частыхъ вѣтвей связь:
Крутитъ главой, звучитъ браздами,
И топчетъ бурными ногами,
Прекрасной всадницей гордясь!

Но особенно славитъ поэтъ въ царицѣ кроткій духъ, побудившій ее къ уничтоженію смертной казни, и влагаетъ ей въ уста такія слова:

Моей державы кротка мочь
Отвергнетъ смертной казни ночь:
Владѣть хочу зефира тише;
Мои всѣ мысли и залогъ
И воля данная мнѣ свыше
Въ уста прощенье, въ сердце Богъ!

Славитъ лирикъ неизмѣримыя физическія силы Россіи, славитъ и ея воинскіе подвиги. Въ одахъ его встрѣчаемъ Донскую битву, завоеваніе Казани и Астрахани, взятіе Азова, Полтавскую побѣду, взятіе Хотина, Семилѣтнюю войну и сдачу намъ Берлина. Но выше всѣхъ военныхъ дѣлъ Ломоносовъ полагаетъ мирное призваніе Россіи водворять повсюду тишину, и среди ея распространять науки и просвѣщеніе:

И выше какъ военный звукъ
Поставить красоту наукъ.

—

Отъ той Европа ожидаетъ
Чтобъ въ ней возставленъ былъ покой.

—

Россійска тишина предѣлы превосходитъ,
И льетъ избытокъ свой въ окрестныя страны:
Воюетъ воинство твое противъ войны,
Оружіе твое Европѣ миръ приводитъ.

Государство, наслаждающееся тишиною и спокойно развивающее свои внутреннія силы,—любимая мечта поэта. Вотъ двѣ такія строфы изъ одъ 8-й и 9-й:

Царей и царствъ земныхъ отрада,
Возлюбленная тишина,
Блаженство селъ, градовъ ограда,
Коль ты полезна и красна!
Вокругъ тебя цвѣты пестрѣютъ
И класы на поляхъ желтѣютъ;
Сокровищъ полны корабли
Дерзаютъ въ море за тобою,
Ты сыплешь щедрою рукою
Свое богатство по земли.

—

Да движутся свѣтила стройно
Въ предписанныхъ себѣ кругахъ,
И рѣки да текутъ спокойно
Въ тебѣ послушныхъ берегахъ;
Вражда и злость да истребится,
И огнь и мечь да удалится
Отъ странъ Твоихъ и всякій вредъ;
Весна да разсмѣется нѣжно,
И ратай въ нивахъ безмятежно
Сторичный плодъ да соберетъ.

Это богатое патріотическое содержаніе государственной лирики Ломоносова, подобно какъ Пиндарово, усѣяно множествомъ

отдѣльныхъ мыслей, которыя связываютъ его въ одно органическое цѣлое. Эти мысли являются иногда въ видѣ поэтическихъ образовъ, взятыхъ изъ природы: то рѣки, несущей воды къ морю, то Этны, извергающей лаву, то роя пчелъ, вылетающихъ въ луга, усыпанные цвѣтами. Иногда же онѣ являются въ видѣ глубокихъ размышленій: такова мысль о необходимости войны, которая назначена къ тому, чтобы оживлять народы къ дѣятельности противъ вреднаго для нихъ застоя.

Необходимая судьба
Во всѣхъ народахъ положила,
Дабы военная труба
Унылыхъ къ бодрости будила,
Чтобъ въ нѣдрахъ мягкой тишины
Не зацвѣли водамъ равны,
Что вкругъ защищены горами,
Дубровой, неподвижны спятъ,
И подъ лѣнивыми листами
Презрѣнныхъ производятъ гадъ.

Лирикъ преимущественно почерпаетъ такія сочувственныя размышленія изъ главной мысли своей жизни — науки. Онъ указываетъ на общее назначеніе наукъ въ жизни человѣческой словами Цицерона:

Науки юношей питаютъ,
Отраду старымъ подаютъ,
Въ счастливой жизни украшаютъ,
Въ несчастной случай берегутъ;
Въ домашнихъ трудностяхъ утѣха,
И въ дальнихъ странствахъ не помѣха.
Науки пользуютъ вездѣ:
Среди народовъ и въ пустынѣ,
Въ градскомъ шуму и на единѣ;
Въ покоѣ сладки и въ трудѣ.

Эпоха преобразованій Петра имѣетъ для Ломоносова особенное значеніе потому, что съ нея началось введеніе наукъ въ Россіи:

Тогда божественны науки
Чрезъ гòры, рѣки и моря,
Въ Россію простирали руки
Къ сему монарху, говоря:
«Мы съ крайнимъ тщаніемъ готовы
Подать въ Россійскомъ родѣ новы
Чистѣйшаго ума плоды».
Монархъ къ себѣ ихъ призываетъ,
Ужѐ Россія ожидаетъ
Полезны видѣть ихъ труды.

Похвалы Елисаветѣ сосредоточены преимущественно въ томъ, что она назначена

Златой наукамъ вѣкъ возставить.

При вступленіи на престолъ Екатерины II, Ломоносовъ восклицаетъ:

Науки, нынѣ торжествуйте!
. . . . . .
Скажите, что для просвѣщенья
Повсюду утвердитъ ученья,
Создавъ прекрасны храмы вамъ.

Онъ предсказываетъ, что она превзойдетъ Петра тѣми дѣлами,

Въ чемъ власть господствуетъ ума:
По ясныхъ знанія восходахъ,
Въ повѣренныхъ тебѣ народахъ
Невѣжества исчезнетъ тьма.

Онъ ненавидитъ односторонность Китая, окруженнаго толстыми стѣнами и вмѣняющаго въ ничто остальной свѣтъ,

Не зная, что обширны силы
Безъ храбраго искусства гнилы,
Какимъ Европы край цвѣтетъ.

Вотъ почему, съ восторгомъ любви къ просвѣщенію, онъ призываетъ науки природы въ отечество для изслѣдованія тѣхъ богатствъ, которыми она его подарила:

О вы, счастливыя науки
Прилежны простирайте руки
И взоръ до самыхъ дальнихъ мѣстъ.

***

Пройдите землю и пучину,
И степи и глубокій лѣсъ,
И нутръ Рифейскій и вершину,
И саму высоту небесъ.

Каждой наукѣ поэтъ задаетъ особенную задачу въ Россіи, и между прочимъ вотъ какой урокъ данъ механикѣ:

Наполни воды кораблями,
Моря соедини рѣками,
И рвами блата изсуши,
Военны облегчи громады,
Петромъ основанные грады
Подъ скиптромъ Дщери соверши.

Но Ломоносовъ занимался науками не съ эгоизмомъ тѣхъ современныхъ ученыхъ, которые довольствуются или кабинетнымъ знаніемъ наукъ, удовлетворяющимъ ихъ собственной личной жаждѣ знанія, или унижаютъ науку, по выраженію Шиллера, до той коровы, которая кормитъ ихъ своимъ масломъ. Нѣтъ, Ломоносовъ любилъ науку не для себя только, а для своего народа и отечества. Онъ желалъ, чтобы она сдѣлалась собственностью всѣхъ даровитыхъ согражданъ, и такія рѣчи обращалъ къ молодымъ ученымъ своего времени:

О, вы, которыхъ ожидаетъ
Отечество отъ нѣдръ своихъ,
И видѣть таковыхъ желаетъ,

Какихъ зоветъ отъ странъ чужихъ,
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте нынѣ ободренны
Раченьемъ вашимъ показать,
Что можетъ собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

Въ этихъ словахъ ученый и поэтъ сливаются въ одно съ гражданиномъ. Да, это былъ ученый цѣльный, а не половинный. Идея науки пронизала его насквозь, но не отрѣшала ни отъ вѣры, ни отъ жизни, ни отъ поэзіи, ни отъ отечества, ни отъ народа. Чувство гражданина, то самое чувство, которое въ древнія времена одушевляло у насъ Пожарскихъ и Мининыхъ, внушило Ломоносову слѣдующія вдохновенныя строфы къ иноземцамъ, когда они, передъ восшествіемъ на престолъ Екатерины II, вздумали посягнуть на коренныя основы жизни русскаго народа:

А вы, которымъ здѣсь Россія
Даетъ уже отъ древнихъ лѣтъ
Довольства вольности златыя,
Какой въ другихъ державахъ нѣтъ,
Храня къ своимъ сосѣдямъ дружбу
Позволила по вѣрѣ службу
Безпретковенно приносить:
На то-ль склонились къ вамъ монархи
И согласились іерархи,
Чтобъ древній нашъ законъ вредить?

* * *

И вмѣсто, чтобъ вамъ быть межъ нами
Въ предѣлахъ должности своей,
Считать насъ вашими рабами
Въ противность истины вещей?
Искусство нынѣшне доводомъ,
Что было надъ Россійскимъ родомъ

Умышленно отъ вашихъ главъ
Къ попранью нашего закона,
Россійскаго къ паденью трона,
Къ рушенію народныхъ правъ.

***

Обширность нашихъ странъ измѣрьте,
Прочтите книги славныхъ дѣлъ,
И чувствамъ собственнымъ повѣрьте:
Не вамъ подвергнуть нашъ предѣлъ.
Исчислите тьму сильныхъ боевъ,
Исчислите у насъ героевъ
Отъ земледѣльца до царя,
Въ судѣ, въ полкахъ, въ моряхъ и въ селахъ,
Въ своихъ и на чужихъ предѣлахъ,
И у святаго алтаря.

Гражданинъ, сказавшій такія строфы, имѣлъ полное право подавать высокія назиданія правителямъ судебъ народныхъ, и вотъ что̀ они слышали изъ устъ Ломоносова:

Услышьте, судіи земные,
И всѣ державные главы:
Законы нарушать святые
Отъ буйности блюдитесь вы,
И подданныхъ не презирайте,
Но ихъ пороки исправляйте
Ученьемъ, милостью, трудомъ.
Вмѣстите съ правдою щедроту,
Народну наблюдайте льготу,
То Богъ благословитъ вашъ домъ.

Въ этой строфѣ мы встрѣчаемъ одну изъ любимыхъ мыслей Ломоносова,—о *народной льготѣ*. Онъ вынесъ ее изъ крестьянскаго быта, и остался ей вѣренъ до конца жизни.

Мысль и чувство составляютъ два существенныхъ элемента лирической поэзіи, какъ болѣе субъективной. Изъ этихъ элемен-

товъ въ лирикѣ Ломоносова господствуетъ первый — мысль. Такое явленіе согласно было съ его особеннымъ призваніемъ къ наукѣ. Лирику Ломоносова можно справедливо назвать размышляющею, философскою. Этотъ элементъ находимъ во всѣхъ его произведеніяхъ, къ какому бы роду они ни относились.

Изъ художественныхъ элементовъ поэзіи, какъ искусства слова, господствуетъ въ Ломоносовѣ элементъ пластическій, ваятельный. Его слово можно сравнить съ рѣзцомъ художника. Въ его одахъ, надписяхъ, поэмахъ, трагедіяхъ, посланіи, вездѣ разсѣяны эти образы, какъ бы изваянные изъ русскаго слова рѣзцомъ искуснаго мастера. Такое преобладаніе пластическаго элемента первоначальной поэзіи русской, ея художественнаго періода — явленіе вполнѣ правильное, законное, а потому весьма осязаемое. Изъ элементовъ изящнаго, развиваемыхъ Ломоносовымъ, преобладаетъ элементъ высокаго. Вспомнимъ-ли звѣздное небо, или Россію, опершуюся локтемъ на Кавказъ, или переложеніе изъ Іова, — вездѣ видимъ тому подтвержденіе. И это опять-таки явленіе правильное: поэзія, какъ и природа, начинаетъ высокими созданіями; свѣтило въ небѣ, океанъ и горы на землѣ, предшествуютъ растеніямъ и цвѣтамъ.

Россія, въ лицѣ Императора Николая Павловича, почтила Ломоносова памятникомъ, воздвигнутымъ въ г. Архангельскѣ. Но Русскій народъ давно уже почтилъ его памятникомъ особаго рода, увѣковѣченнымъ въ пословицѣ: *уменъ какъ Ломоносовъ*.

ЛЕКЦІЯ 8.

Въ поэзіи Ломоносова одно обстоятельство особенно замѣчательно: это — отсутствіе сатирическаго элемента. Незначительное исключеніе составляютъ лишь немногія эпиграммы и рукописная ода на бороду. Послѣдняя послужила источникомъ мно-

гихъ непріятностей для автора. Тредьяковскій за нее упрекалъ Ломоносова даже въ безбожіи.

Дѣятельность творца русской науки была весьма многосторонняя. Онъ извѣстенъ, между прочимъ, введеніемъ у насъ мозаики. Мозаиковая икона Спасителя, произведеніе Ломоносова, украшаетъ торжественную залу Московскаго университета. Первый проектъ университета начертанъ, по желанію Шувалова, Ломоносовымъ. Мысль его при этомъ согласовалась съ огромными размѣрами нашего отечества: онъ желалъ колоссальнаго зданія науки въ сердцѣ Россіи; но мысли этой суждено осуществиться развѣ еще въ будущемъ. Въ Московскомъ университетѣ могла исполниться лишь одна любимая мысль его: вручить науку въ руки людей русскихъ, что̀ и началось тогда же: Поповскій и Барсовъ, первые русскіе профессоры въ Москвѣ, были учениками Ломоносова.

Современникомъ Ломоносова въ русской литературѣ былъ Александръ Петровичъ Сумароковъ (1718 — 1777). Еще до Петра Великаго укоряли Русскихъ въ подражательности иностранцамъ и такъ называемомъ *чужебѣсіи*. Когда же Петръ распахнулъ настежь двери всему иностранному, эта страсть къ чужому дошла до какого-то кумиропоклоненія. Хотя ей противодѣйствовали въ словесности всѣ тѣ, на челѣ которыхъ сіяла печать оригинальнаго генія, но за то тѣ, которые были слабѣе и бездарнѣе, увлекались этою страстію до послѣдней крайности. Въ нихъ исчезало и народное, и личное достоинство. Примѣромъ тому служитъ Сумароковъ. Онъ хотѣлъ быть и Расиномъ, и Лафонтеномъ, и Ж.-Б. Руссо, но всего болѣе *господиномъ Вольтеромъ*, какъ его тогда называли. Вольтеръ для Сумарокова былъ какимъ-то идоломъ. Онъ обожалъ его, преклонялся предъ нимъ и коверкалъ его на свой ладъ.

Сумароковъ писалъ во всѣхъ родахъ и видахъ поэзіи, отъ крупныхъ до самыхъ мелкихъ, и ни въ одномъ почти изъ нихъ не вышелъ изъ границъ посредственности. Но за нимъ осталось въ памяти Русскихъ почетное имя основателя русскаго театра.

Воспитанникъ сухопутнаго шляхетскаго кадетскаго корпуса, основаннаго при Аннѣ Іоанновнѣ, онъ сочинялъ трагедіи первоначально для своихъ младшихъ товарищей, которые были и первыми ихъ актерами. Кадетскій корпусъ послужилъ у насъ колыбелью классической французской трагедіи. Княжнинъ, зять Сумарокова, и Озеровъ, ученикъ Княжнина, получили образованіе также въ кадетскомъ корпусѣ.

Трагедія Сумарокова по внѣшней формѣ была жалкимъ подражаніемъ трагедіямъ Корнеля, Расина и Вольтера. Имена героевъ ихъ большею частію заимствованы изъ первоначальной русской исторіи, но одни только имена. Было внутреннее содержаніе въ трагедіяхъ, изображавшее благородныя личныя чувства западнаго рыцарства. Такъ, трагедія Хоревъ вся дышала чувствомъ любви къ отечеству, въ Синавѣ и Труворѣ изображается долгъ меньшаго брата; въ Семирѣ, обязанной успѣхомъ таланту актрисы Троепольской — долгъ сестры. Этимъ олицетвореніемъ чувствъ славы, чести, любви трагедія Сумарокова принесла въ свое время не малую пользу вопнамъ-питомцамъ кадетскаго корпуса, между которыми считались: князь Репнинъ, князь Прозоровскій, графъ Панинъ, графъ Каменскій, графъ Румянцовъ-Задунайскій и друг. Суворовъ хотя не воспитывался въ корпусѣ, но часто посѣщалъ его и участвовалъ трудами въ засѣданіяхъ литературнаго общества, которое основали кадеты. Изъ корпуса-же вышли: Херасковъ, Елагинъ, Свистуновъ, Мелиссино.

Но созданный кадетами театръ не сдѣлался достояніемъ русскаго общества и народа, ограничившись стѣнами корпуса. Истинная колыбель народнаго русскаго театра — въ Ярославлѣ, на берегахъ Волги. Въ то время, какъ Сумароковъ писалъ свои трагедіи для корпуса, актеры ихъ готовились въ Ярославлѣ, гдѣ собственно былъ основанъ русскій театръ купцомъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ Волковымъ, первымъ даровитымъ русскимъ творцомъ-актеромъ. Но къ чести питомцевъ корпуса должно сказать, что игра ихъ, и особенно кадета Бекетова, имѣла значительное

вліяніе на Волкова. Около него образовались Дмитревскій и Шумскій, первый изъ которыхъ былъ также ученикомъ извѣстныхъ въ то время трагиковъ Гаррика и Лекена. Первою актрисою, которая рѣшилась пренебречь тогдашнимъ общественнымъ предразсудкомъ и выбрала сцену, была Мусина-Пушкина. О талантѣ Троепольской, вызывавшей слезы современниковъ, долго хранились преданія. Русскій театръ, какъ государственное учрежденіе, начался въ 1756 г. Первымъ директоромъ его въ Москвѣ былъ Сумароковъ, но недолго; казенные директоры, въ видахъ успѣха театра, должны были вскорѣ уступить мѣсто частнымъ лицамъ.

Сумароковъ пережилъ почти всѣ свои трагедіи, за исключеніемъ одной, которая и по смерти его еще долго оставалась на сценѣ. Трагедія эта — Лжедимитрій. Въ содержаніи и искусствѣ слабѣе другихъ, успѣхомъ своимъ она обязана была обилію либеральныхъ пѣсенъ въ ней. Прочтемъ отрывки:

Димитрій.

Все Божье и мое!

Георгій.

Себѣ я свой-ли самъ?

Димитрій.

И ты принадлежишь Царю и Небесамъ,
А будучи моимъ, своимъ себя не числи.

Георгій.

Моя-ль во мнѣ душа, кровь, сердце, умъ и мысли?

Димитрій.

То все не для тебя въ тебѣ сотворено,
Но Богу то и мнѣ совсѣмъ покорено.

Георгій.

Но Богъ свободу далъ своей послѣдней твари;
Такъ могутъ-ли то взять законно государи?

Въ другомъ мѣстѣ Лжедимитрій, изображающій гнуснаго тирана, говоритъ:

Не для народовъ я, народы для меня!

и еще въ другомъ мѣстѣ:

Россійскій я народъ съ престола презираю.

Сумарокову суждено было видѣть паденіе его трагедіи Синавъ и Труворъ; это совершилось въ Москвѣ, въ 1770 году. Москва всегда проявляла особенное стремленіе къ простотѣ и естественности въ искусствѣ сценическомъ. Не мудрено, что московскому обществу скоро опротивѣли тѣ западныя ходули, на которыхъ стояли трагедіи Сумарокова. Тогдашняя молодежь перевела слезную драму Бомарше Евгенію, которую дали на театрѣ и публика приняла съ восторгомъ. Сумароковъ взбѣсился на безвкусіе публики и жаловался въ письмѣ къ Вольтеру. Переводчика назвалъ онъ гдѣ-то безграмотнымъ подьячимъ. Поднялась литературная буря на Сумарокова; составился заговоръ: положили освистать Синава и Трувора. Въ заговорѣ участвовалъ содержатель театра, итальянецъ Бельмонти: онъ увѣрилъ московскаго главнокомандующаго, графа Салтыкова, что публика желаетъ непремѣнно видѣть на сценѣ Синава и Трувора. Сумароковъ, узнавъ о заговорѣ, противился представленію; но враждебная партія побѣдила: трагедія была дана и — освистана. Сумароковъ жаловался письменно императрицѣ Екатеринѣ, не щадя и Салтыкова, говоря, что ему поручена Москва, а не музы, что Сумароковъ — подданный императрицы, а не его, хотя онъ и кричитъ: «я такъ хочу и такъ приказываю!». Императрица отвѣчала Сумарокову: «Мнѣ всегда пріятнѣе будетъ видѣть представленіе страстей въ вашихъ драмахъ, нежели читать ихъ въ письмахъ». Съ тѣхъ поръ жизнь Сумарокова была однимъ продолжительнымъ паденіемъ. Онъ дошелъ до такого униженія своихъ трагедій, что вздумалъ составить изъ ихъ стиховъ любовную гадательную книжку и пустилъ ихъ на конфектные билетцы.

Сумароковъ былъ и лирикомъ во всѣхъ родахъ. Не смотря на преданность Вольтеру, онъ неутомимо перелагалъ въ стихи псалмы, церковныя стихиры и молитвы. Но въ его торжественныхъ одахъ наболѣе замѣчательны тѣ, которыя онъ называлъ *вздорными* и въ которыхъ пародировалъ оды Ломоносова, выставляя въ смѣшномъ видѣ ихъ высокопарность. Замѣчательно, что Сумароковъ былъ родоначальникомъ оды-сатиры, впослѣдствіи такъ широко развитой Державинымъ. Сюда относится его остроумная ода отъ лица лжи, смѣло обличавшая современный по рокъ. Вотъ стихи изъ нея:

Падите, смертны, предо мною;
Великая богиня я....
. . . . . .
Я ложь: вы скажете безспорно,
Колико стало мнѣ покорно
Мущинъ, ребятъ, дѣвицъ и бабъ:
Они мнѣ почести сугубятъ:
Одни меня скоты не любятъ,
А въ людяхъ рѣдкой мнѣ не рабъ.

Сумароковъ вообще имѣлъ большое призваніе къ сатирическому роду поэзіи. Отъ природы одаренный остроуміемъ, которое было еще воспитано вліяніемъ французской литературы, онъ принялся, однако, за сатиры уже поздно, послѣ своихъ неудачъ драматическихъ. Оттого сатира его ѣдка и исполнена личной желчи. Въ ней преслѣдовалъ онъ дворянскую спесь и чванство, лихоимство, плохое риѳмоплетство, плутовство всякаго рода и слѣпую страсть нашу къ французскому языку. Сатиры его служили отвѣтомъ его врагамъ на брань ихъ, и онъ съ гордостію говорилъ имъ:

Невѣжи какъ хотятъ пускай бранятъ меня,
Ихъ тѣсто никогда въ сатиру не закиснетъ;
А брань ни у кого на вороту не виснетъ.

Въ сатирахъ Сумарокова встрѣчаются иногда стихи очень мѣткіе. Вотъ отрывокъ изъ сатиры на предразсудки рода:

Ты честью хвалишься, котора не твоя:
Будь пращуръ мой Катонъ, но то Катонъ — не я.
На что о прадѣдахъ такъ много ты хлопочешь,
И спесью дуешься! будь правнукъ чей ты хочешь:
Родитель твой былъ Пирръ и Ахиллесъ твой дѣдъ;
Но если ихъ кровей въ тебѣ и знака нѣтъ,
Какого ты осла почтить себя заставишь?
Твердя о нихъ, себя ты пуще обезславишь:
Такой-ли, скажутъ, плодъ являетъ намъ та кровь!
Посѣянъ ананасъ, родилася морковь.

Притчи или басни Сумарокова долго оставались въ памяти его современниковъ. Только образцы Хемницера, Дмитріева и Крылова могли ослабить ихъ славу. Басня *Фебъ и Борей* жила долго и послѣ Сумарокова. Приведемъ небольшую притчу, чтобы дать понятіе о его остроуміи:

Ученый и богачъ.

Разбило судно,
Спасаться трудно;
Жестокій вѣтръ, жесточе какъ палачъ;
Спаслись однако тутъ ученый и богачъ.
Ученый разжился, богатый въ горѣ:
Наука въ головѣ, богатство въ морѣ.

Комедіи Сумарокова грѣшатъ наиболѣе недостаткомъ комическаго языка, котораго у насъ еще не существовало. Для созданія его нуженъ былъ талантъ выше Сумароковскаго, — талантъ Фонвизина. Но Сумароковъ двумя стихами выразилъ очень вѣрную мысль о комедіи:

Одно-ли дурно то на свѣтѣ, что грѣшно?
И то не хорошо, что глупостью смѣшно.

Въ комедіяхъ Сумароковъ обличалъ лицемѣріе и ханжество русскихъ святошъ, грабительства опекуновъ и лихоимцевъ, сочинителей пасквилей и модныхъ петиметровъ съ французскимъ языкомъ. Онъ не умѣлъ еще схватывать жизнь нравовъ русскаго общества, не имѣлъ комическаго стиля, но должно отдать ему справедливость, что онъ далъ многіе намеки для будущихъ комиковъ. Комедія его осталась не безъ преданій и для самаго Фонвизина. Въ ней встрѣчаемъ иногда благородные намеки на современныя явленія общества. Такъ, напримѣръ, онъ обратилъ вниманіе на дочерей славнаго нашего академика Крашенинникова, описателя Камчатки: онѣ жили въ горькой нищетѣ и *ходили въ крашенинѣ*, по выраженію Сумарокова.

Сумароковъ былъ, можно сказать, и первымъ русскимъ публицистомъ. Въ статьяхъ своихъ онъ обсуждалъ многіе вопросы высокой общественной важности. Таковы его предложенія: о необходимости привести русскіе законы къ единству, гдѣ въ первый разъ подана мысль о Сводѣ законовъ; объ учрежденіи хлѣбныхъ магазиновъ; о государственномъ совѣтѣ; объ обществѣ къ сохраненію силы и чистоты россійскаго слова, и проч. Кромѣ того въ его сочиненіяхъ разсѣяно множество благородныхъ мыслей о наукахъ, правосудіи, воспитаніи.

Много вредило таланту Сумарокова его непомѣрное самолюбіе и высокомѣріе. Онъ воображалъ себя такимъ полнымъ и единственнымъ властелиномъ русской литературы, что писалъ императрицѣ Екатеринѣ: «Авторъ въ Россіи не только по театру, но и по всей поэзіи я одинъ, ибо я сихъ рифмотворцевъ, которые своими сочиненіями давятъ Парнассъ, піитами не почитаю». Въ томъ-же письмѣ онъ говоритъ: «Кромѣ моихъ драмъ, ни трагедій, ни комедій во сто лѣтъ еще въ Россіи не будетъ». Такое самолюбіе не мѣшало ему, однако, отъ трагедій и комедій переходить къ конфектнымъ билетцамъ, которыми онъ также угощалъ русскую публику.

Въ русской лирикѣ средину между Ломоносовымъ и Державинымъ занималъ Василій Петровичъ Петровъ (1736 — 1800).

Уроженецъ Москвы, сынъ священника, онъ былъ питомцемъ Заиконоспасской академіи. Графъ Г. Г. Орловъ представилъ его императрицѣ Екатеринѣ. Потемкинъ любилъ въ немъ умнаго собесѣдника. Довольно долго Петровъ жилъ въ Англіи. При Екатеринѣ онъ былъ ея секретаремъ, чтецомъ и библіотекаремъ. Послѣдніе годы жизни провелъ онъ въ сельскомъ уединеніи.

Древніе поэты, особенно латинскіе, а также и англійскіе, воспитали музу Петрова. Онъ перевелъ александрійскимъ стихомъ Энеиду Виргилія, довольно тяжело, но проложилъ тѣмъ путь для переводовъ Кострова и Мерзлякова. Въ прозѣ перевелъ онъ Мильтоновъ *Потерянный рай;* эта книга и до сихъ поръ одно изъ любимыхъ чтеній нашего простаго народа.

Ода Петрова имѣла характеръ государственный, и отзывалась на многія образовательныя учрежденія Екатерины. Но особенно прославилась его ода на Чесменскую побѣду. Своею формою она отступаетъ отъ оды Ломоносова и имѣетъ въ себѣ что-то болѣе пиндарическое. Пластическая стихія также выступаетъ въ одахъ Петрова, какъ и у Ломоносова, но не всегда удачно. Такъ, въ одѣ на взятіе Очакова, всѣ рѣки Россіи приходятъ къ Днѣпру и онъ ведетъ ихъ на свой лиманъ, чтобы показать имъ торжество Русскихъ. Петровъ очень изобилуетъ мыслями, но съ нимъ можно согласиться, когда онъ самъ такъ выражается объ этихъ мысляхъ:

Онѣ въ моей главѣ, какъ въ царствѣ мертвыхъ тѣни,
Тѣснятся, давятся, копошатся, кишатъ,
И сами выскочить изъ тьмы на свѣтъ хотятъ,
Да тутъ какая-то лѣпить ихъ есть уловка:
Вотъ это только мнѣ велика остановка! —

Много повредила языку Петрова славяно-церковная стихія. Онъ не умѣетъ отдѣлять ее отъ русской и слишкомъ употребляетъ во зло. Конечно, это было вліяніе духовной академіи, гдѣ онъ былъ исключительно воспитанъ.

Правъ былъ Гоголь, когда въ своемъ письмѣ о русскихъ поэтахъ сказалъ, что наши лирики были одарены духомъ пророчества. Это подтверждается многими доказательствами. Въ одахъ Ломоносова находимъ предсказаніе объ Амурѣ, которое исполнилось лишь на нашихъ глазахъ:

Мы даръ твой до небесъ прославимъ,
И знакъ щедротъ твоихъ поставимъ,
Гдѣ солнца всходъ и гдѣ Амуръ
Въ зеленыхъ берегахъ крутится,
Желая паки возвратиться
Въ твою державу отъ Манжуръ.

Петровъ, воспѣвая рожденіе императора Александра, говорилъ:

Ему поклонятся языки,
Его почтутъ земны владыки.

У него же есть предсказаніе о томъ, какъ Россія должна когда-нибудь стать во главѣ всего славянскаго племени и какое мѣсто должны занять въ этомъ хорѣ славянскихъ народовъ Поляки. Это сказано въ одѣ его на присоединеніе Польскихъ областей къ Россіи (1793). Въ ней видно, какъ смотрѣли мыслящіе умы наши на соединеніе Польши съ Россіею. Въ этомъ событіи они видѣли зародышъ полнаго союза славянскихъ племенъ, въ главѣ котораго должна, по своему историческому призванію, стоять Россія. Прочтемъ этотъ отрывокъ:

Пріидетъ нѣкогда то время,
Днѣпръ если можетъ что проречь,
Въ которо все Славянско племя
Въ честь Норда препояшетъ мечъ.
Россъ будетъ тѣлеси главою,
Тронувъ свой родъ побѣдъ молвою.

Онъ каждый въ расточеньи членъ
Собравъ въедино совокупитъ,
И твердъ родствами гордо ступитъ
Межъ всѣхъ въ подсолночной колѣнъ.

***

Но вамъ, наперсники Россіи,
Поляки, первородства честь;
Вы дни предупредили сіи:
Вамъ должно прежде всѣхъ разцвѣсть.
Ставъ съ Россомъ вы въ одномъ составѣ,
Участвуйте днесь первы въ славѣ,
Въ блаженствѣ, въ имени его.
Сколь въ древности велики были,
Которы Римлянами слыли;
Днесь имя Россовъ таково.

Такъ понималъ Петровъ возможность соединенія Россіи и Польши въ общей идеѣ ихъ первороднаго славянства. Но съ тѣмъ вмѣстѣ, видя междоусобицы Польши и влеченіе ихъ къ Французамъ, онъ такъ выражался о Полякахъ:

Безъ постороннія опеки
Они табунъ, не человѣки.

У насъ признаютъ въ Петровѣ только лирика, и то по одной его одѣ на Чесменскую побѣду, но ни мало не обращаютъ вниманія на его посланія, обильныя сильною сатирическою стихіею. Эти посланія обращены были къ графу Орлову, Потемкину, къ другу Петрова Сплову и къ императрицѣ Екатеринѣ. Въ нихъ видно вліяніе отчасти Горація, но еще болѣе дидактическихъ поэтовъ Англіи, напримѣръ, Попа. Петровъ нападалъ въ нихъ особенно на русское бездѣйствіе и на русскую лѣнь и сильно поражалъ предразсудки дворянской спеси. Это демократическое направленіе нашихъ старинныхъ поэтовъ — почти общая

ихъ черта. Вотъ отрывокъ изъ посланія Петрова къ Г. И. Сплову:

И ты, что высоко свою вздымая бровь,
Крпчишь: молчите всѣ, во мнѣ дворянска кровь,
Не полагайся ты безъ мѣры на породу,
Вѣдь мы не лошади, не разнаго приплоду;
Аравской, правда, конь жарчаѣ, де, другихъ, —
Но ты не конь, отмѣнъ не кажешь намъ такихъ.
Иль мнишь, за душу паръ вложенъ въ простолюдина,
Во мѣсто крови дегть, и вмѣсто сердца льдина?
Увы, по сихъ ты поръ невѣжества во тьмѣ,
Дачъ много у тебя, а пустоши въ умѣ.
Скажи, почто твоимъ людьми не слыть крестьянамъ?
Архангелу ты свой, тѣ ровня обезьянамъ?
Чего для, сосунокъ природы дорогой,
Ты чувствуешь въ ней мать, всякъ мачиху другой?
. . . . . .
Но чѣмъ виновны мы, какіе въ насъ грѣхи?
Не толь, что бабки насъ простыя повивали,
И алогубыхъ нимфъ отцы не призывали?
Своими матери кормили насъ грудьми,
Неужьто для сего не можно быть людьми?
Что вотчинъ нѣтъ у насъ, какое то безчестье?
Доброта лучшее во всѣхъ земляхъ помѣстье.
Что въ томъ, что у тебя орда велика слугъ?
Но много ль показалъ отечеству заслугъ?
. . . . . .
Не срамъ ли, коль тебя порода къ сану близитъ,
А поведеніе до челядинцовъ низитъ;
Иль, ежели, чему стыжуся вѣрить я,
Душъ много за тобой, а хуже всѣхъ твоя?

Переходимъ къ писателю, жизнь и поэзія котораго олицетворяютъ идею правды. Этотъ писатель — Гавріилъ Романовичъ

Державинъ. По всей справедливости, мы должны на немъ остановиться и сосредоточить вниманіе. Но чтобы лучше достигнуть цѣли, предложимъ первоначально планъ для изученія Державина и раздѣлимъ его на три части. Первую часть посвятимъ его жизни (1743 — 1816); для нея мы имѣемъ новые и самые полные матеріалы въ недавно изданныхъ Запискахъ Державина. Во второй части постараемся обозначить главныя черты Екатерининa вѣка изъ его произведеній, потому что рѣдко можно найдти поэта, въ которомъ такъ подробно отражалась бы современная ему жизнь, какъ въ Державинѣ. Въ третьей части изучимъ поэта.

Державинъ велъ свой родъ отъ мурзы Багрима, выѣхавшаго изъ татарской орды въ Россію. Одинъ изъ сыновей Багрима, Держава, былъ его старшимъ предкомъ въ Россіи, а онъ послѣднимъ его потомкомъ. Казань и Волга послужили ему колыбелью. Въ четырехъ стихахъ онъ самъ изобразилъ рѣзкими чертами свое поприще:

Кто велъ меня на Геликонъ?
Кто направлялъ мои шаги?
Не музъ витійственныхъ содомъ:
Природа, нужда и враги.

Въ дѣтствѣ Державина встрѣчается черта, объясняющая, какъ въ самую раннюю пору могло зародиться въ немъ то чувство правды, которое впослѣдствіи созрѣло въ мысль, одушевившую его жизнь и поэзію. Онъ былъ еще трехъ лѣтъ, когда мать его, оставшись вдовою, должна была испытать всѣ муки тяжбы, отъ исхода которой зависѣлъ для нея послѣдній и бѣдный кусокъ насущнаго хлѣба. Она должна была мучиться по мытарствамъ судовъ, умолять судей корыстныхъ, и Державинъ былъ трехлѣтнимъ свидѣтелемъ страданій и слезъ матери. Тогда-то, по его словамъ, зародилось въ немъ то сѣмя правды, которому послѣ жизнь предложила почву, а поэзія извлекла отсюда лучшія свои вдохновенія.

Въ семействѣ Державина сохранилось преданіе, что первое слово, сказанное Державинымъ еще на рукахъ у кормилицы, при видѣ кометы, было: *Богъ*. Мать своими молитвами и чтеніемъ духовныхъ книгъ воспитала въ сынѣ то религіозное чувство, которое позже подвергалось многимъ искушеніямъ, однако устояло и согрѣло его поэзію.

Новая Россія, преобразованная Петромъ, предложила для воспитанія генія Державина менѣе средствъ, нежели древняя для Ломоносова. Ссыльный нѣмецъ Іосифъ Розе содержитъ въ Оренбургѣ пансіонъ. Здѣсь началось ученіе Державина. Онъ выучился нѣмецкому языку, и вотъ причина, почему лирики Германіи имѣли нѣкоторое вліяніе на его поэзію. Затѣмъ Казанская гимназія, учрежденная почти одновременно съ Московскимъ университетомъ и въ зависимости отъ него, приняла къ себѣ Державина, но не могла ему сообщить даже правильнаго знанія русскаго языка. Изъ способностей, которыя въ немъ тутъ обнаружились, замѣчательна склонность къ рисованію, которую онъ перенесъ впослѣдствіи и въ поэзію.

Слишкомъ рано окончилась школа для Державина. По обычаю того времени, еще по 17-му году онъ былъ уже солдатомъ Преображенскаго полка за отличные рисунки геометрическихъ фигуръ.

Довольно долго Державинъ несъ солдатскую службу. Забавными прибаутками въ рифмахъ на счетъ полковъ онъ веселилъ своихъ товарищей и писалъ отъ нихъ грамотки къ семействамъ, а они исполняли за него нѣкоторыя солдатскія обязанности. Въ коронацію императрицы онъ пожалованъ въ капралы. 1770 годъ памятенъ въ жизни Державина тѣмъ, что онъ совершилъ ауто-да-фе надъ всѣмъ, что имъ было прежде написано: изъ оставшихся его стихотвореній самое раннее — *Успокоенное невѣріе*, которое относится къ 1771 году.

Во время пугачевскаго бунта, въ 1773 году, Державинъ состоялъ въ войскѣ подъ начальствомъ Бибикова. Когда бунтъ былъ усмиренъ плѣномъ мятежника, Державинъ отдыхалъ у подошвы

горы Читалагая и тутъ, въ 1774 году, написалъ пять замѣчательныхъ одъ. Въ числѣ ихъ встрѣчаемъ оду *На знатность*, которая передѣлана была послѣ подъ заглавіемъ *Вельможа*, и оду *На смерть Бибикова*, въ которой онъ въ первый разъ представилъ любимый свой идеалъ гражданина. Онѣ были напечатаны въ 1776 г. подъ названіемъ Читалагайскихъ.

Съ этого года начинается гражданская дѣятельность Державина, которая, однако, шла незамѣтно, пока онъ не сталъ извѣстенъ Екатеринѣ. Странно: Державинъ былъ уже авторомъ многихъ славныхъ одъ, между прочимъ: *На смерть князя Мещерскаго*, *На рожденіе порфироднаго Отрока* и другихъ, а императрица еще о немъ не знала. Въ 1783 году княгиня Дашкова начала издавать журналъ *Собесѣдникъ* и въ день именинъ императрицы поднесла ей первый нумеръ этого журнала, на первой страницѣ котораго напечатана была *Ода премудрой Киргизъ-Кайсацкой царевнѣ Фелицѣ, писанная нѣкоторымъ татарскимъ мурзою, издавна въ Москвѣ поселившимся, а живущимъ по дѣламъ въ С.-Петербургѣ. Переведена съ арабскаго языка.* Странно сочетаніе всѣхъ этихъ понятій. Россія — Орда. Киргизъ-Кайсацкая царевна — Екатерина, Татарскій мурза — Державинъ. Императрица была тронута до слезъ одою и пожелала узнать имя автора. Сидя за обѣдомъ у своего начальника, онъ получилъ бумажный свитокъ съ надписью: «Изъ Оренбурга отъ Киргизской царевны Мурзѣ Державину». Въ свиткѣ была прекрасная золотая табакерка, усыпанная брилліантами, и 500 червонныхъ Державинъ показалъ подарокъ начальнику, и съ этой минуты пріобрѣлъ въ немъ врага. Начальникъ его говорилъ, что стихотворцы неспособны ни къ какому дѣлу. Но Екатерина думала иначе. Съ этой поры начинается ея личное знакомство съ Державинымъ. Онъ два раза былъ губернаторомъ, сначала въ Олонецкой губерніи (1784), потомъ въ Тамбовской (1786). Въ первой задавались ему трудныя задачи. Такъ, генералъ-губернаторъ Тутолминъ поручилъ ему исполнить проектъ, составленный для безлѣсной Екатеринославской губерніи, о разведеніи лѣсовъ въ Оло-

нецкой губерніи, наполненной лѣсами непроходимыми. Затѣмъ Державину было поручено открыть уѣздный городъ Кемь въ такомъ мѣстѣ, куда не было и дороги и гдѣ трудно было найти священника для совершенія обряда при открытіи городовъ. Державинъ исполнялъ все добросовѣстно, побѣждая препятствія, но рѣзко противился такимъ нелѣпостямъ, какъ предложенное ему разведеніе лѣсовъ въ лѣсной губерніи. Сѣверная природа представляла его воображенію богатую пищу, и здѣсь-то нашелъ онъ краски для изображенія водопада. Губернаторство въ Тамбовѣ кончилось для него несчастно: онъ долженъ былъ подъ отвѣтомъ предстать въ московскій сенатъ, однако вышелъ чистымъ и правымъ послѣ шестилѣтнихъ нравственныхъ страданій.

Въ Петербургѣ, чрезъ тогдашняго фаворита Зубова, Державинъ поднесъ Екатеринѣ свою новую оду, слабое подражаніе прежней, *Изображеніе Фелицы*, и снова пріобрѣлъ ея милость: назначенный статсъ-секретаремъ, онъ снова сблизился съ императрицей. По дѣламъ сената онъ нерѣдко долженъ былъ ей читать промеморіи. Но тутъ-же, въ новомъ сближеніи, послѣдовало и разочарованіе. Поборникъ правды и закона, онъ смѣло и рѣшительно бралъ сторону невинныхъ: стоялъ за Якоби, который всѣми былъ тѣснимъ, и противъ Логинова, гремѣвшаго золотомъ. Державинъ замѣтилъ однако, что императрица оставалась совершенно равнодушною къ его искреннимъ исканіямъ правды: что внѣшняя европейская политика привлекала ее гораздо болѣе, чѣмъ внутреннее управленіе; что она желала болѣе славы, нежели блага и правды. Увлекаемая политическими замыслами, она не понимала иногда юридическихъ докладовъ Державина и нерѣдко прерывала бесѣду съ нимъ внезапными откровеніями о томъ, что̀ таилось въ глубинѣ ея души. «Если бъ я правила 200 лѣтъ, то конечно вся Европа подчинилась-бы скипетру Россіи», говорила она. Или: «Я не умру, пока не выгоню Турокъ изъ Европы, не усмирю гордаго Китая и не осную торговли съ Индіей». А иногда: «Кто далъ, какъ не я, почувствовать Французамъ права человѣка? Я теперь вяжу узелки, пусть ихъ развяжутъ». Ей жела-

лось, чтобы ея поэтъ писалъ ей оды въ родѣ Фелицы. Но тщетно она его къ тому побуждала: вдохновеніе не являлось. восторгъ охладѣлъ, повязка спала съ очей, правда брала верхъ надъ поэтическою ложью. Тогда Державинъ писалъ одному изъ своихъ друзей:

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглистый онміамъ;
За правду-жъ чтить меня ты будешь:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ.

Въ царствованіе императора Павла раздался въ сенатѣ смѣлый голосъ Державина, когда судили заговорщиковъ польскихъ, допрошенныхъ въ тайной канцеляріи, и присуждали ихъ къ смертной казни или къ ссылкѣ въ Сибирь. «Виновны-ли были — сказалъ Державинъ въ сенатѣ Макарову, директору тайной канцеляріи — Пожарскій, Мининъ и Палицынъ, что они, желая избавить Россію отъ рабства польскаго, учинили между собою союзъ и свергли съ себя иностранное иго?» — «Нѣтъ, отвѣтствовалъ Макаровъ, они не токмо не виноваты, но всякой похвалы и нашей благодарности достойны».—«Почему-жъ такъ строго обвиняются сіи несчастные, что они имѣли нѣкоторые между собою разговоры о спасеніи отъ нашего владѣнія своего отечества, и можно-ли ихъ винить въ измѣнѣ и клятвопреступленіи по тѣмъ-же самымъ законамъ, по каковымъ должны обвиняться въ подобныхъ заговорахъ природные подданные?... Всей Польши не переказнить, не заслать въ заточеніе не можно...». Замѣчательно, что смертный приговоръ польскимъ заговорщикамъ былъ подписанъ сенаторами-поляками-же: графомъ Ильинскимъ, графомъ Потоцкимъ и другими. Державинъ предлагалъ спросить сенаторовъ-поляковъ искренно, что̀ они думаютъ, и увѣренъ былъ, что они отвѣтятъ то же самое, что̀ и осужденные. Слова Державина немедленно достигли до императора Павла, который приказалъ ему не умничать; тѣмъ не менѣе судьба осужденныхъ была облегчена и отдано приказаніе не забирать и не привозить въ Петербургъ Поляковъ.

Другъ Державина, Дмитріевъ, въ своихъ Запискахъ передалъ намъ черты его гражданскаго характера. Вотъ его слова: «Говорилъ отрывисто, но не красно, но долго, рѣзко и съ жаромъ, когда пересказывалъ о какомъ-либо спорѣ по важному дѣлу въ сенатѣ, или о дворскихъ интригахъ, и просиживалъ до полуночи за бумагой, когда писалъ заключеніе, или проектъ какого-либо государственнаго постановленія. Державинъ, какъ поэтъ и какъ государственная особа, имѣлъ только въ предметѣ: нравственность, любовь къ правдѣ, честь и потомство.

«Благородная душа его, конечно, была чужда корысти и эгоизма; но пылкость ума увлекала его иногда къ рѣшеніямъ, требовавшимъ для большей осторожности другихъ мѣръ, изъятій или дополненій. Та же пылкость его оскорблялась противорѣчіемъ, однакожъ не на долгое время: чистая совѣсть его скоро брала верхъ, и онъ соглашался съ замѣчаніями прокурора».

При Александрѣ I Державинъ представилъ государю правила третейскаго совѣстнаго суда, надъ которыми трудился нѣсколько лѣтъ, пользуясь для составленія ихъ опытностію своею и своихъ пріятелей. Этотъ предварительный судъ долженъ былъ устранить то множество тяжбъ, которымъ обременяются суды въ Россіи, благодаря ябедѣ и лихоимству. Государь принялъ проектъ Державина съ восторгомъ, обѣщалъ непремѣнно его исполнить, но успѣха, однако, не было.

Гражданская дѣятельность Державина увѣнчалась назначеніемъ его, по учрежденіи министерствъ, первымъ министромъ юстиціи. Такимъ образомъ Россія въ лицѣ государя своего наградила въ Державинѣ гражданина и поэта за его вѣрность идеѣ правды. Но утомленный продолжительною борьбою и уступя требованіямъ новаго поколѣнія, онъ вышелъ въ отставку и остатокъ жизни проводилъ то въ Званкѣ, помѣстьѣ Новгородской губерніи, то въ Петербургѣ, дѣля время между сельскимъ досугомъ и литературою. Онъ былъ свидѣтелемъ и пѣвцомъ достославнаго двѣнадцатаго года. Послѣднимъ знаменательнымъ актомъ дѣятельности Державина было то, что присутствуя въ Царскосельскомъ

Лицеѣ на испытаніи, онъ отгадалъ талантъ Пушкина и предсказалъ, что онъ отниметъ у него славу:

Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
И, въ гробъ сходя, благословилъ.

Записки Державина, изданныя въ наше время, вполнѣ открыли въ немъ ту сторону, о которой мы могли только догадываться по его стихотвореніямъ. Конечно, читая эти Записки, мы не имѣемъ никакого права подозрѣвать автора въ нарушеніи честности и искренности: вездѣ мы видимъ въ немъ постоянную жажду правды. Понятно, какъ непріятенъ былъ въ этомъ отношеніи Державинъ для многихъ изъ современниковъ его. Даже Екатеринѣ и Александру Державинъ, наконецъ, съ своимъ вѣчнымъ исканіемъ правды, нерѣдко становился тяжелъ. Поэтъ въ Державинѣ уступаетъ гражданину. Онъ самъ это сознавалъ, говоря:

За слова—меня пусть гложетъ,
За дѣла—сатирикъ чтитъ.

Перейдемъ теперь къ вѣку Екатерины, какъ онъ изображается въ стихахъ Державина. Мы уже сказали, что этотъ вѣкъ можно изобразить стихами поэта, какъ самыми яркими красками до малѣйшей подробности. Но опасаясь потеряться въ мелочахъ, постараемся изобразить этотъ вѣкъ главными его чертами. Прежде всего замѣтимъ, что Державинъ, отражая свой вѣкъ, стоитъ выше его, не потворствуетъ ему, а напротивъ, вызывая все великое, смѣется надъ мелочнымъ и суетнымъ. Поэзія Державина, съ этой стороны, является не только зеркаломъ его вѣка, но и нравственнымъ подвигомъ, который приноситъ честь нашей словесности.

Первая черта Екатерининскаго вѣка—гуманизмъ, введенный въ основу правленія. Императрица уничтожила тайную канцелярію и пытку. Въ ея Наказѣ читаемъ простыя, но разумныя слова: «Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ могъ говорить правду. Можно-ли больше вѣрить человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели когда онъ при здравомъ

разсудкѣ и въ добромъ здоровьѣ?—Пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго».

Передадимъ изъ похвальнаго слова Екатеринѣ Карамзина то, что̀ лучшіе современные умы думали о ея царствованіи: «Екатерина уважала въ подданномъ санъ человѣка, нравственнаго существа, созданнаго для счастія гражданской жизни. Екатерина преломила обвитый молніями жезлъ страха, взяла масличную вѣтвь любви, и не только объявила торжественно, что владыки земные должны властвовать для блага народнаго, но всѣмъ своимъ долголѣтнимъ царствованіемъ утвердила сію вѣчную истину. Главное дѣло сей монархини состоитъ въ томъ, что ею смягчилась власть, не утративъ силы своей».

Державинъ въ своей поэзіи сочувствовалъ прекраснымъ началамъ этого человѣколюбія. Его лира была свободнымъ ихъ отголоскомъ. Онъ имѣлъ право сказать Екатеринѣ въ посвященіи своихъ стихотвореній:

Ты славою, — твоимъ я эхомъ буду жить.

Особенно въ двухъ одахъ: *Фелица* и *Изображеніе Фелицы* онъ сильно выразилъ это сочувствіе. Вотъ отрывки изъ этихъ одъ:

Изъ Фелицы:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорятъ не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.

***

Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въявь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самымъ крокодиламъ,
Твоихъ всѣхъ милостей зоиламъ,
Всегда склоняешься простить.

* * *

Стремятся слезъ пріятныхъ рѣки
Изъ глубины души моей.
О, коль счастливы человѣки
Тамъ должны быть судьбой своей,
Гдѣ ангелъ кроткій, ангелъ мирный,
Сокрытый въ свѣтлости порфирной,
Съ небесъ ниспосланъ скиптръ носить!
Тамъ можно пошептать въ бесѣдахъ,
И казни не боясь, въ обѣдахъ
За здравіе царей не пить.

* * *

Тамъ съ именемъ Фелицы можно
Въ строкѣ описку поскоблить,
Или портретъ неосторожно
Ея на землю уронить;
Тамъ свадебъ шутовскихъ не парятъ,
Въ ледовыхъ баняхъ ихъ не жарятъ,
Не щелкаютъ въ усы вельможъ;
Князья насѣдками не клохчутъ,
Любимцы въявь имъ не хохочутъ,
И сажей не маранотъ рожъ.

Послѣдняя строфа содержитъ намеки на тѣ сцены, которыя происходили въ Россіи въ царствованіе Анны Іоанновны. Смѣлый языкъ Державина уже свидѣтельствовалъ о томъ свободномъ духѣ, которымъ повѣяло при Екатеринѣ. Въ *Изображеніи Фелицы*, вотъ какія слова Державинъ влагаетъ въ уста Екатеринѣ:

Я счастья вашего искала
И въ васъ его нашла я вамъ:
Ставъ сами вы себѣ послушны,
Живите, славьтеся въ мой вѣкъ,
И будьте столь благополучны,
Колико можетъ человѣкъ.

*
* *

Я вамъ даю свободу мыслить
И разумѣть себя цѣнить,
Не въ рабствѣ, а въ подданствѣ числить,
И въ ноги мнѣ челомъ не бить;
Даю вамъ право безъ препоны
Мнѣ ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И въ нихъ ошибки замѣчать.

*
* *

Даю вамъ право собираться
И въ думахъ золото копить,
Ко мнѣ послами отправляться
И не всегда меня хвалить;
Даю вамъ право безпристрастно
Въ судьи другъ друга выбирать,
Самимъ дѣла свои всевластно
И начинать и окончать...

А вотъ молитва, какую влагаетъ поэтъ въ уста императрицы:

Наставь меня, міровъ Содѣтель!
Да волѣ слѣдуя Твоей,

Тебя люблю и добродѣтель,
И зижду счастіе людей;
Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу.

Екатерина посредствомъ западнаго гуманизма успѣшно противодѣйствовала деспотизму; но, къ сожалѣнію, средства просвѣщенія христіанскаго и высшей любви, заключавшіяся въ древней жизни, оставались въ пренебреженіи. Къ тому же, западный гуманизмъ обходился не безъ яркихъ противорѣчій. Въ то самое время, какъ высшему сословію давались новыя гражданскія права, они отнимались у низшаго. Ни въ одно царствованіе не было закрѣпощено столько крестьянъ, какъ при Екатеринѣ, и при ней же крѣпостное состояніе введено въ Малороссію, гдѣ прежде его не было.

Вѣкъ Екатерины, по мнѣнію современниковъ, былъ вѣкомъ разума. Философія энциклопедистовъ, давшая разуму столь сильное преимущество, отразилась и у насъ. Но, по странному противорѣчію, случай, антиподъ разума, также не терялъ правъ своихъ и былъ предметомъ обожанія. Извѣстно, что энциклопедисты приписывали случаю даже созданіе міра. Державинъ возражалъ имъ стихами:

Коль случай сдѣлалъ все въ природѣ,
То случай — разумъ, случай — Богъ!

Но въ Россіи случай игралъ другую роль: онъ создавалъ не міры, а людей. Отъ него зависѣло и достоинство, и счастіе человѣка. Случай обожали, ему поклонялись, въ него вѣровали. Тогда-то произошло названіе человѣка *случайнаго*, къ счастію, уже исчезнувшее въ наше, болѣе разумное время.

Державинъ, какъ мы сказали, стоялъ выше своего вѣка и съ ѣдкой иронiей смѣялся надъ этимъ случаемъ, надъ идоломъ счастья,

которому такъ низко поклонялись его современники. Въ одѣ *На Счастіе*, писанной въ 1789 году, онъ остроумною сатирою сокрушилъ этотъ идолъ и насмѣялся надъ нимъ. Вотъ какъ онъ изображаетъ его:

Сынъ время, случая, судьбины,
Иль недовѣдомой причины!
Богъ сильный, рѣзвый, добрый, злой!
На шаровидной колесницѣ,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Во слѣдъ блистающей денницѣ,
Чрезъ горы, степь, моря, лѣса,
Вседневно ты по свѣту скачешь,
Волшебною ширинкой машешь,
И производишь чудеса.

Вотъ какъ поэтъ представляетъ духъ своего времени, помѣшавшагося на мысли о господствѣ случая:

Въ тѣ дни, какъ все вездѣ въ разгульѣ:
Политика и правосудье,
Умъ, совѣсть и законъ святой
И логика пиры пируютъ,
На карты ставятъ вѣкъ златой,
Судьбами смертныхъ понтируютъ,
Вселенну въ *трантелево* гнутъ;
Какъ полюсы, меридіаны,
Науки, музы, боги — пьяны
Всѣ скачутъ, пляшутъ и поютъ;

въ эти дни, когда судьба человѣка зависѣла отъ одной минуты, отъ случайнаго взгляда, отъ своенравной милости,— вотъ какую ироническую молитву обращаетъ Державинъ къ идолу своего вѣка, къ Счастію:

Въ тѣ дни и времена чудесны
Твой взоръ и на меня всемѣстный

Простри, о, надъ царями царь!
Простри и удостой усмѣшкой
Презрѣнную тобою тварь;
И если я не созданъ пѣшкой,
Валяться не рожденъ въ пыли,
Прошу тебя моимъ быть другомъ:
Песчинка можетъ быть жемчугомъ;
Погладь меня и потрепли.

* * *

. . . . . .

Услышь, услышь меня, о, Счастье!
И солнце какъ сквозь бурь, ненастье,
Такъ на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премѣни:
Вѣдь всемогуще ты и сильно
Творить добро изъ самыхъ золъ;
Отъ божеской твоей десницы
Гудокъ гудитъ на тонъ скрыпицы
И вьется локономъ хохолъ.

* * *

Но, ахъ! какъ нѣкая ты сфера,
Иль легкій шаръ Монголофіера,
Блистая въ воздухѣ, летишь,
Вселенна длани простираетъ,
Зоветъ тебя, — ты не глядишь;
Но шаръ твой часто упадаетъ,
По прихоти одной твоей,
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилыя воды,
А рѣдко, рѣдко на людей.

* * *

Слети ко мнѣ, мое драгое,
Серебряное, золотое,
Сокровище и божество!
Слети, причти къ твоимъ любимцамъ!
Я храмъ тебѣ и торжество
Устрою, и вездѣ по крыльцамъ
Твоимъ разсыплю я цвѣты;
Возжгу куренья благовонны
И буду ѣздить на поклоны,
Гдѣ только обитаешь ты.

Вѣкъ Екатерины былъ вѣкомъ внѣшней воинской славы, которая гремѣла въ побѣдахъ. По словамъ Карамзина, съ Екатериною взошла на престолъ божественная любовь къ славѣ, источникъ всѣхъ дѣлъ великихъ. Екатерина пріучила Россію къ побѣдамъ, о чемъ свидѣтельствовали ея вожди-герои громкими прозвищами: Румянцовъ-Задунайскій, Орловъ-Чесменскій, Долгоруковъ-Крымскій, Потемкинъ-Таврическій, Суворовъ-Рымникскій; Кагулъ, Чесма, Рущукъ, Силистрія, Крымъ, Рымникъ, Измаилъ, Очаковъ вписаны въ лѣтописи нашей исторіи. Всѣ эти побѣды отдавались въ государственныхъ одахъ Петрова, Державина и другихъ лириковъ. Виновники побѣдъ, вѣнчанные лаврами, являются во всей красѣ своей въ лирическихъ рапсодіяхъ этой воинственной русской Иліады.

Державинъ сознаетъ, такъ же какъ и Ломоносовъ, всю неизмѣримость Русскаго царства. Вотъ его картина въ изображеніи Фелицы:

Престолъ ея на Скандинавскихъ,
Камчатскихъ и златыхъ горахъ,
Отъ странъ Таймурскихъ до Кубанскихъ
Поставь на сорокъ-двухъ столпахъ;
Какъ восемь бы зерцалъ стояли,
Ея великія моря;
Съ полнеба звѣзды освѣщали,
Вокругъ багряная заря.

Но сознать все это исполинское величіе Россіи можетъ, по мнѣнію Державина, только одинъ Русскій:

.....такъ! Россу только можно
Отечества представить духъ;
Услуги вѣрной ждать не должно
Отъ иностранныхъ слабыхъ рукъ.
И вирямъ, огромность Исполина
Кто облечетъ, окромѣ сына
Его, и тѣломъ и душой?
Намъ тѣсенъ всѣхъ другихъ покрой.

Но гдѣ же тайна этой неизмѣримости, этого исполинскаго величія Россіи? Она—въ самомъ духѣ Русскаго народа. Она—только внѣшнее выраженіе народной силы. Чувство этой силы отдается безпрерывно въ поэзіи Державина:

Гдѣ есть народъ въ краяхъ вселенны,
Кто бъ столько силъ въ себѣ имѣлъ?

—

О, Россъ, о родъ великодушный!
О, твердокаменная грудь!
О, исполинъ царю послушный!
Когда и гдѣ ты досягнуть
Не могъ тебя достойной славы?

—

Пусть только умъ Екатерины,
Какъ Архимедъ создастъ машины,
И Россъ вселенной потрясетъ!

—

. . . . . О, Россъ!
Шагни — и вся твоя вселенна!

Намъ нечего стыдиться этихъ народныхъ силъ, которыми создано внѣшнее величіе Россіи и пріобрѣтено такое огромное пространство земли, равное шестой части обитаемаго міра. Мы должны всегда возвращаться къ сознанію этихъ силъ, въ труд-

ныя времена жизни, во времена враждебныхъ столкновеній съ другими народами.

У Державина эти силы представляются не иначе, какъ въ исполинскихъ образахъ, которые онъ беретъ то изъ природы, то изъ народныхъ преданій. Русскій народъ — это

Девятый валъ въ морскихъ волнахъ.

Везувій даетъ образъ поэту для изображенія взятія Измаила. Суворовъ, любимый послѣ Румянцова герой Державина, представляется въ видѣ богатыря русскихъ сказокъ, а его подвиги — чудесами:

Вихрь полуночной летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещатъ;
Ляжетъ на воды — воды кипятъ;
Граду коснется — градъ упадаетъ;
Башни рукою за облакъ кидаетъ...

Въ самомъ дѣлѣ, то были времена богатырскія. Россія изумляла Европу своими побѣдами. Понятно, какъ могъ тогда явиться въ умѣ Потемкина *Восточный проектъ*, выраженный въ слѣдующихъ стихахъ Державина:

Отмстить Крестовые походы,
Очистить Іордански воды,
Священный гробъ освободить,
Аѳинамъ возвратить Аѳину,
Градъ Константиновъ Константину
И миръ *Афету* водворить.

Всѣ Русскіе сочувствовали славѣ отечества. Понятно, какой восторгъ должны были зажигать въ сердцахъ оды Державина, гремѣвшія славою Россіи. Поэтъ имѣлъ право сказать Екатеринѣ:

Ты славою — твоимъ я эхомъ буду жить.

Славолюбіе тогда заражало всѣхъ. Имъ увлекался и поэтъ. Ему хотѣлось, чтобы слава отечества отразилась и на немъ лично. Онъ даже примѣнилъ къ себѣ двѣ извѣстныя славолюбивыя оды Горація: *Памятникъ* и *Лебедь*.

Памятникъ.

Я памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный;
Металловъ тверже онъ и выше пирамидъ:
Ни вихрь его, ни громъ не сломитъ быстротечный,
И времени полетъ его не сокрушитъ.
Такъ! Весь я не умру; но часть меня большая,
Отъ тлѣна убѣжавъ, по смерти станетъ жить,
И слава возрастетъ моя, не увядая,
Доколь Славяновъ родъ вселенна будетъ чтить.
Слухъ пройдетъ обо мнѣ отъ Бѣлыхъ водъ до Черныхъ,
Гдѣ Волга, Донъ, Нева, съ Рифея льетъ Уралъ;
Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ, въ забавномъ русскомъ слогѣ,
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовалъ о Богѣ,
И истину царямъ съ улыбкой говорить.
О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презритъ кто тебя, сама тѣхъ презирай;
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей безсмертія вѣнчай.

Лебедь.

. . . . . .

Не заключитъ меня гробница,
Средь звѣздъ не превращусь я въ прахъ,
Но, будто нѣкая цѣвница,
Съ небесъ раздамся въ голосахъ.
И се ужъ кожа, зрю, перната
Вкругъ станъ обтягиваетъ мой;

Пухъ на груди, спина крылата;
Лебяжьей лоснюсь бѣлизной.
. . . . . .
Съ Курильскихъ острововъ до Буга,
Отъ Бѣлыхъ до Каспійскихъ водъ,
Народа, свѣта съ полукруга,
Состявившіе Россовъ родъ,
Со временемъ о мнѣ узнаютъ
Славяне, Гунны, Скиѳы, Чудь,
И всѣ, что бранью днесь пылаютъ,
Покажутъ перстомъ, — и рекутъ:
«Вотъ тотъ летитъ, что, строя лиру,
Языкомъ сердца говорилъ,
И проповѣдая миръ міру,
Себя всѣхъ счастьемъ веселилъ.

Въ этомъ исканіи славы была своя слабая сторона, своя изнанка. Прекрасенъ подвигъ гражданина, когда онъ личную свою славу соединяетъ съ славою отечества. Но умаляетъ онъ и себя и славу свою, когда отдѣляетъ ихъ отъ народа. Это ужъ — тщеславіе. Имъ грѣшилъ вѣкъ Екатерины, и оно вело къ театральному блеску, который любили тогда во всемъ.

Державинъ не сочувствовалъ театральной внѣшности Екатерининскаго времени. Онъ не воспѣлъ ея великолѣпнаго странствія въ Крымъ, но съ ироніею русскою изобразилъ героя вѣка, Потемкина, съ его странною прихотью, съ его страстью къ брильянтамъ:

Онъ мещетъ молнію и громы,
И рушитъ грады и беретъ;
Волшебны созидаетъ домы,
И дивны праздники даетъ.
Тамъ подъ его рукой гиганты,
Трепещутъ земли и моря;
Другою чиститъ брилліанты
И тѣшится на нихъ смотря.

Державинъ иначе употреблялъ всѣ сокровища внѣшняго міра, чѣмъ Потемкинъ. Онъ превращалъ ихъ въ яркія краски для изображенія великолѣпныхъ картинъ природы. Такъ изобразилъ онъ Сунскій водопадъ (Кивачъ) *алмазною горою*, бездною серебра и жемчуга, а хвостъ павлиній — перемѣннымъ отливомъ изумрудовъ и яхонтовъ:

Наклонитъ — изумруды блещутъ,
Повéрнетъ — яхонты горятъ.

Державинъ не сочувствовалъ Потемкину. Тщетно фаворитъ добивался отъ него похвальныхъ одъ. Но къ чести Потемкина должно сказать, что онъ былъ великодушенъ и не мстилъ поэту за его безмолвіе. Любимыми героями Державина были искатели славы отечества, а не личной своей, Румянцовъ и Суворовъ. Первый отказался отъ торжественнаго въѣзда въ столицу при торжествѣ Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Послѣ громкихъ побѣдъ онъ удалялся въ деревню, жилъ въ хижинѣ, уставленной соломенными стульями, и удилъ рыбу, приговаривая: «Наше дѣло городки брать да рыбку удить». Суворовъ доводилъ свое отвращеніе къ роскоши и блеску до цинизма. Державинъ пѣлъ его и тогда, когда онъ былъ въ немилости. Эти истинные герои понимали духъ Русскаго народа и любовь его къ простотѣ и скромности личной и къ величію отечества. Державинъ вмѣстѣ съ народомъ имъ вполнѣ сочувствовалъ и пѣлъ ихъ подвиги отъ полноты душевнаго восторга. Ода, въ которой истинная, скромная слава отличена отъ славы блестящей и шумной, есть *Водопадъ*. Скромная, истинная слава изображена въ видѣ Румянцова, въ сельскомъ уединеніи своемъ, при всѣхъ символахъ своихъ побѣдъ и заслугъ отечеству, разсуждающаго о суетѣ жизни и тлѣнной славѣ сего міра; слава блестящая, шумная, подъ образомъ водопада, представляется какъ ложная и мгновенная. Этотъ символъ мгновенной славы переноситъ мысль поэта въ бессарабскую степь, къ смертному одру Потемкина, поразившаго, своею внезапною смертью на дорогѣ, всѣхъ современниковъ. Здѣсь дума о смерти устами поэта сми-

ряла кичливые порывы къ шумной славѣ въ сынахъ тревожнаго вѣка:

Чей трупъ, какъ на распутьи мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Двѣ лепты покрываютъ очи,
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!
Чей одръ — земля, кровъ — воздухъ синь,
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Въ чертахъ Екатеринина вѣка, одушевлявшихъ лиру Державина, была еще одна: это — раздолье жизни. Оно, правда, началось еще при Елисаветѣ, но получило развитіе при ея наслѣдницѣ. Здѣсь разгадка той любви, которую заслужила Екатерина въ народѣ Русскомъ, давшемъ ей неоцѣненное прозвище *Матушки*, сдѣлавшемъ даже имя Екатерины самымъ популярнымъ именемъ въ Россіи. Державинъ выражалъ только мнѣніе современниковъ, говоря, что Екатерина

Велитъ и ткать, и прясть, и шить,
Развязывая умъ и руки,
Велитъ любить торги, науки,
И счастье дома находить.

Девизомъ ея царствованія былъ другой стихъ Державина:

Живи — и жить давай другимъ.

За это раздолье жизни, которое такъ любитъ Русскій народъ, да и всякій, онъ охотно прощалъ своей матушкѣ-царицѣ всѣ ея недостатки.

Многія лирическія піесы Державина представляютъ намъ это раздолье тогдашней общественной и семейной жизни, какъ говоритъ самъ поэтъ:

Кто ищетъ общества, согласья.
Приди, повеселись у насъ;
И то для человѣка счастье,
Когда одинъ пріятенъ часъ.

Пикники, откуда взяты эти четыре стиха, *Къ первому сосѣду*, *Ко второму сосѣду*, *Приглашеніе къ обѣду*, *Разныя вина*, *Кружка*, и многія другія піесы представляютъ намъ живыя картины этого радушнаго веселья. Мы передадимъ хотя нѣкоторыя, потому что безъ нихъ была бы далеко не вполнѣ выполнена наша задача — изобразить время Державина его же стихами:

Кого роскошными пирами
На влажныхъ невскихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравѣ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвейныхъ,
Изъ глинъ китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого толь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?

***

Гремитъ музыка; слышны хоры
Вкругъ лакомыхъ твоихъ столовъ;
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувства и питаютъ;
Младыя дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой,
И аліатико съ шампанскимъ,

И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельцерской водой.
(Къ первому сосѣду).
Шекснинска стерлядь золотая,
Каймакъ и борщъ уже стоятъ,
Въ графинахъ вина, пуншъ, блистая,
То льдомъ, то искрами, манятъ;
Съ курильницъ благовонья льются,
Плоды среди корзинъ смѣются,
Не смѣютъ слуги и дохнуть;
Тебя стола вкругъ ожидая
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.
(Приглашеніе къ обѣду).

Такъ приглашалъ Державинъ И. И. Шувалова:

.... отъ дѣлъ попрохладиться,
Поѣсть, попить, повеселиться,
Безъ вредныхъ здравію приправъ.

Разныя вина, воспѣваемыя Державинымъ по различію ихъ цвѣта, показываютъ, что уже не такъ роскошествовали его современники, какъ воображали. Но прекрасна его *Кружка, дщерь великаго ковша*, которая соединяла пирующихъ и вела свое происхожденіе отъ давней старины русской:

Краса пирующихъ друзей,
Забавъ и радостей подружка,
Предстань предъ насъ, предстань скорѣй,
Большая сребряная кружка!
Давно ужъ намъ въ тебя пора
Пивца налить
И пить:
Ура! ура! ура!

* * *

Ты дщерь великаго ковша,
Которымъ предки наши пили;
Веселье ихъ была душа;
Въ пирахъ они счастливо жили.
И намъ, какъ имъ, давно пора
Счастливымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

* * *

Бывало старики въ винѣ
Свое все потопляли горе;
Дрались храбро на войнѣ:
Вѣдь пьянымъ по колѣно море!
Забыть и намъ всю грусть пора,
Отважнымъ быть
И пить:
Ура! ура! ура!

Это раздолье жизни переходило иногда въ роскошь. Потемкинъ, душа такихъ пировъ, не щадилъ ничего для этой роскоши. Въ лѣтописяхъ царствованія Екатерины сохранилась память праздника, даннаго Потемкинымъ въ Таврическомъ дворцѣ, 28 апрѣля 1791 года, по случаю взятія Измаила. Державинъ былъ самъ лѣтописцемъ этого волшебнаго праздника. Дворецъ былъ превращенъ въ садъ изъ лавровыхъ, померанцевыхъ и миртовыхъ деревъ съ дорожками, холмами, водоемами и гротами. Русскія качели и другія игры были разставлены въ саду. Русскія пѣсни и пляски оживляли общество. Тутъ же по дорожкамъ расхаживалъ золотой слонъ съ жемчужными бахромами, весь покрытый алмазами, изумрудами, рубинами. На двадцати-четырехъ парахъ, составлявшихъ особую кадриль, однихъ брильянтовъ было на 10.000,000 рублей. Но не этотъ блескъ одушевилъ лиру Державина. Мысль, побудившая поэта описать его, была та, что

Россія всѣми своими дарами принимала участіе въ роскоши этого угощенія. Вотъ эта мысль:

Богатая Сибирь, наклонившись надъ столами,
Разсыпала по нимъ и злато и сребро:
Восточный, Западный, сѣдые океаны,
Трясяся челами, держали рѣдкихъ рыбъ;
Чернокудрявый лѣсъ и бѣловласы степи,
Украйна, Холмогоръ, несли тельцовъ и дичь;
Вѣнчанна класами, хлѣбъ Волга подавала,
Съ плодами сладкими принесъ кошницу Тавръ;
Рифей, нагнувшися, въ топазны, аметистны
Лилъ кубки медъ златой, древъ искрометный сокъ,
И съ Дона сладкія и Крымски вкусны вина,
Прекрасная Нева, пріявъ отъ Бельта съ рукъ
Въ фарфорѣ, кристалѣ чужія питья, снѣди,
Носила по гостямъ, какъ будто бы стыдясь,
Что потчевать должна такъ прихоть по неволѣ.
Обилье тучное всѣмъ простирало длань.
Картины по стѣнамъ, огнями освѣщенны,
Казалось, ожили, и рдяны лица ихъ
Изъ мрака выставя, на славный пиръ смотрѣли;
Лукуллы, Цезари, Траянъ, Октавій, Титъ,
Какъ будто изумясь, сойти со стѣнъ желали
И вопросить: кого такъ утощаетъ свѣтъ?
Кто, кромѣ насъ, владѣть отважился вселенной?

Въ этихъ горахъ и рѣкахъ, предлагающихъ дары свои на пиръ Россіи, ярко выступаютъ пластическіе образы, напоминая болѣе стиль Ломоносова, чѣмъ Державина. Знаменательны также образы императоровъ языческаго Рима, взпрающихъ съ завистью на русское угощеніе, намекающее на всемірное могущество Россіи.

Но въ этихъ матеріальныхъ наслажденіяхъ вѣка, какое бы изящество вкуса ихъ ни прикрывало, таился внутренній червь

тоски, неизбѣжной спутницы всякаго чувственнаго пресыщенія въ человѣкѣ. О самомъ неутомимомъ авторѣ этихъ праздниковъ, Потемкинѣ, разсказываютъ, что послѣ нихъ онъ нѣсколько дней сряду оставался дома, въ кругу родныхъ и приближенныхъ, утомленный лежалъ на софѣ въ шлафрокѣ, босоногій, съ обнаженной шеей, съ нахмуреннымъ челомъ, съ повислыми бровями и молча игралъ въ шахматы или въ карты. Державинъ изобразилъ его въ этомъ состояніи тяжелаго пресыщенія:

Тамъ воды въ просѣкахъ текутъ,
И съ шумомъ вверхъ стремясь, сверкаютъ;
Тамъ розы средь зимы цвѣтутъ,
И въ рощахъ нимфы воспѣваютъ,
На то ль, чтобы на все взиралъ
Ты окомъ мрачнымъ, равнодушнымъ,
Средь радости казался скучнымъ
И въ пресыщеніи зѣвалъ?

Державинъ нерѣдко и въ другихъ стихотвореніяхъ напоминаетъ участникамъ современныхъ пировъ объ этой границѣ, поставленной чувствами для ихъ наслажденій, какъ, напримѣръ, въ слѣдующихъ стихахъ:

Придутъ, придутъ часы тѣ скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанутъ Граціи трепать!

Извѣстная пьеса: *Философы пьяный и трезвый* представляетъ два противоположныя воззрѣнія на жизнь, современныя Державину. Въ пьяномъ мы видимъ сибарита, разочарованнаго во всѣхъ благородныхъ стремленіяхъ своей жизни: ни честолюбіе служебное, ни воинская слава, ни поприще правды въ судахъ, его не удовлетворили. Съ отчаянія онъ предался изнѣженной жизни и приглашаетъ къ ней своего трезваго товарища такими стихами:

Какъ пѣнится вино прекрасно!
Какой въ немъ запахъ, вкусъ и цвѣтъ!

Почто терять часы напрасно?
Нальемъ, любезный мой сосѣдъ!

Но трезвый еще не разочаровался и носитъ въ душѣ идеалы гражданской жизни на поприщѣ чести, въ бояхъ и въ судахъ. Онъ отвѣчаетъ пьяному:

Пусть пѣнится вино прекрасно,
Пусть запахъ въ немъ хорошъ и цвѣтъ,
Не наливай ты мнѣ напрасно:
Не пью, любезный мой сосѣдъ!

Эти два противоположныя воззрѣнія на жизнь, эта борьба разочарованія съ чувствомъ долга, праздной нѣги, нравственнаго безсилія съ могучею силою дѣятельной воли, сопровождаютъ все наше развитіе въ новомъ періодѣ. При Державинѣ разочарованіе приводило людей къ вину; въ наше время оно приводитъ къ бездѣйствію и кончается чужими краями.

Но Державинъ, какъ мы уже сказали, хотя отражалъ вѣкъ свой во всѣхъ его главныхъ чертахъ, но стоялъ выше его внутреннею своею мыслію, которая принадлежала не времени, а, можно сказать, вѣчности. Воспитанная древними предками, заимствованная въ основѣ древней русской жизни, она сообщала поэзіи Державина нравственную силу, возвышавшую ее надъ своимъ временемъ. Эта мысль была религіозная. Въ ней находитъ онъ безпрерывное успокоеніе и усладу отъ тревогъ и волненій міра. Въ чувствѣ вѣры разрѣшаются у него всѣ бурныя чувства треволненной жизни, какъ въ полномъ аккордѣ необходимые диссонансы. Всѣмъ остроумнымъ развратникамъ онъ говоритъ въ *Успокоенномъ невѣріи:*

Прійдите, обымите Вѣру:
Она одна спокоитъ васъ....

Сильный этою идеей, поэтъ любитъ среди наслажденій вѣка устремлять мысль его на время, звономъ каждой минуты приближающее насъ къ вѣчности:

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ,
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ.... и къ гробу приближаетъ.

Такова еще въ той же одѣ *На смерть князя Мещерскаго* грозная картина смерти, глядящей на всѣхъ и точащей лезвіе свое:

Гдѣ столъ былъ явствъ, тамъ гробъ стоитъ,
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ....

* * *

Глядитъ на всѣхъ, — и на царей,
Кому въ державу тѣсны міры;
Глядитъ на пышныхъ богачей,
Что въ златѣ и сребрѣ кумиры;
Глядитъ на прелесть и красы,
Глядитъ на разумъ возвышенный,
Глядитъ на силы дерзновенны,
И.... точитъ лезвее косы.

Такой образъ, выставленный среди чувственныхъ пировъ, напоминалъ вмѣстѣ съ тѣмъ современникамъ Державина, не вполнѣ оторвавшимъ себя отъ завѣта древнихъ предковъ, о неземномъ назначеніи человѣка.

Перейдемъ къ поэту. Лира Державина обнимаетъ область лирики въ самыхъ разнообразныхъ ея проявленіяхъ. Виды лирической поэзіи опредѣляются тѣми отношеніями, въ которыхъ поэтъ находится къ Богу, человѣчеству и природѣ, къ государству, обществу и сословію, съ которымъ тѣсно связанъ, къ самому себѣ лично. Державинъ въ своихъ произведеніяхъ обнимаетъ всѣ эти отношенія.

Въ числѣ его религіозныхъ одъ первое мѣсто, конечно, занимаетъ ода *Богъ*, переведенная почти на всѣ европейскіе языки,

а изъ азіатскихъ — на японскій. Замѣчательно одно преданіе изъ младенчества Державина, связанное съ этою одой. Говорятъ, что первое слово, которое Державинъ сказалъ на рукахъ у кормилицы, указывая въ небѣ на комету, тогда явившуюся, было слово «Богъ». Извѣстно, что первая мысль этой оды осѣнила Державина въ часъ воскресной заутрени, любимаго богослуженія Русскаго народа, столь сладкаго его вѣрующему сердцу. Конецъ же оды, долго ожиданный поэтомъ, вылился внезапно въ одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ минутъ вдохновенія, какія нечасты бываютъ и въ душахъ великихъ поэтовъ. Вся ода въ главномъ движеніи своемъ сходится съ еврейскою поэзіею: она представляетъ стремленіе человѣка опредѣлить Бога, стремленіе, изливающееся, наконецъ, потокомъ чувства въ благодарныхъ слезахъ къ своему Создателю. Къ религіознымъ же одамъ относятся многія переложенія псалмовъ. Державинъ перелагалъ по преимуществу псалмы правды. Лучшія изъ нихъ относятся къ одамъ, которыя мы называемъ *всечеловѣческими*. Въ этихъ одахъ поэтъ опредѣляетъ свои отношенія ко всему человѣчеству. Здѣсь главная одушевляющая идея есть *идея правды*. Мы скажемъ о нихъ въ концѣ, такъ какъ эта идея вѣнчаетъ всю жизнь и поэзію Державина. Но въ эти оды Державинъ вносилъ не только чувство восторга, но и чувство негодованія, которое обращало его лиру въ сатиру. Сюда относятся сатирическія оды: *Фелица*, *На счастье*, *Вельможа* и другія. Къ одамъ государственнымъ относятся всѣ патріотическія пьесы Державина, входящія въ побѣдоносную лѣтопись царствованій Екатерины и Павла: *На пріобрѣтеніе Крыма*, *Осада Очакова*, *Взятіе Измаила*, *Взятіе Варшавы*, *Побѣды въ Италіи*, *Переходъ Альпійскихъ горъ* и другія. Всѣ эти оды, въ свое время, питали въ русскихъ сердцахъ любовь къ славѣ отечества и воспламеняли молодыхъ воиновъ къ новымъ побѣдамъ. Пѣсни Державина, можно сказать, столько же участвовали въ войнѣ двѣнадцатаго года, сколько пѣсни Гомера въ войнахъ Грековъ съ Персами. Къ одамъ общественнымъ и сословнымъ относятся всѣ тѣ стихотворенія, въ которыхъ поэтъ особенно воспѣ-

ваетъ тогдашнее раздолье русской жизни. Но объ нихъ уже было сказано ранѣе. Къ одамъ личнымъ принадлежатъ анакреонтическія, или эротическія пѣсни. Личныя чувства и впечатлѣнія поэта даютъ имъ содержаніе. Поэзія личныхъ идеаловъ души еще не была тогда открыта. Она еще впереди — въ Жуковскомъ. Чувственный взглядъ въ лирикѣ тогда еще господствовалъ. Державинъ позволялъ себѣ въ этомъ родѣ поэзіи игривыя шалости.

Вотъ весь кругъ лирики Державина. Должно, однако, сказать, что поэтъ въ своихъ созданіяхъ почти никогда не выдерживаетъ художественной цѣлости. О немъ справедливо замѣтилъ еще критикъ Мерзляковъ, что онъ «то паритъ въ небѣ, то стелется долу». Эта неровность есть отличительная черта Державина. Какъ его взмахи вверхъ бываютъ необыкновенно внезапны, такъ и паденіе чрезвычайно быстро. Онъ какъ будто не знаетъ ровной средины въ своемъ полетѣ. Поэзія наша рождалась не вдругъ: ей надобно было постепенно развивать свои элементы.

Въ Ломоносовѣ мы видѣли господство пластическаго элемента. Державинъ развиваетъ по преимуществу элементъ живописный. Картины, изящныя въ словѣ — лучшая сторона его поэзіи. Ихъ много. Мы уже видѣли картину водопада, павлина, смерти. Обратимъ вниманіе еще на нѣкоторыя другія, чтобы болѣе ознакомиться съ Державинымъ-живописцемъ. Вотъ картина луны изъ *Видѣнія Мурзы*, пьесы довольно слабой:

На темно-голубомъ эѳирѣ
Златая плавала луна,
Въ серебряной своей порфирѣ
Блистаючи съ высотъ, она
Сквозь окна домъ мой освѣщала
И палевымъ своимъ лучемъ
Златыя стекла рисовала
На лаковомъ полу моемъ.

Вотъ картина, взятая изъ зимней русской природы въ одѣ *Богъ*:

Какъ въ мразный, ясный день зимой,
Пылинки инея сверкаютъ,
Вратятся, зыблются, сіяютъ,
Такъ звѣзды въ безднахъ подъ Тобой.

Вотъ *Осень во время осады Очакова:*

Уже румяна осень носитъ
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду проситъ
Рукою жадной на вино;
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыль сребрится по степямъ;
Шумящи красножелты листьи
Разстлались всюду по тропамъ;
Въ опушкѣ заяцъ быстроногій,
Какъ котикъ посѣдѣвъ, лежитъ;
Ловецки раздаются роги,
И выжлятъ лай и гулъ гремитъ;
Запасшися крестьянинъ хлѣбомъ,
Ѣстъ добры щи и пиво пьетъ;
Обогащенный щедрымъ Небомъ,
Блаженство дней своихъ поетъ.

Вотъ Альпійскій Сенъ-Готардъ и на немъ зима:

Ведетъ — и нѣкая громада,
Гигантъ предъ нимъ возсталъ въ пути;
Главой небесъ, ногами ада
Касаяся, претитъ идти;
Со ребръ его шумятъ внизъ рѣки,
Предъ нимъ мелькаютъ дни и вѣки,
Какъ вкругъ волнующійся паръ;
Ничто его не потрясаетъ,

Онъ громъ и бури презираетъ;
Нахмурясь, смотритъ Сенъ-Готаръ.

***

А тамъ — волшебница сѣдая
Лежитъ на высотѣ холмовъ;
Дыханьемъ солнце отражая,
Блеститъ вдали огнями льдовъ,
Которыми одѣта зрится:
Она на всю природу злится,
И въ страшныхъ инистыхъ скалахъ,
Нависнутыхъ снѣговъ слоями,
Готова задавить горами,
Иль въ хладныхъ задушить когтяхъ.

Перейдемъ къ картинамъ другаго рода. Вотъ два инвалида изъ оды *Вельможа:*

А тамъ — израненный герой,
Какъ лунь во браняхъ посѣдѣвшій,
Начальникъ прежде бывшій твой,
Въ переднюю къ тебѣ пришедшій
Принять по службѣ твой приказъ,
Межъ челядью твоей златою,
Поникнувъ лавровой главою,
Сидитъ и ждетъ тебя ужъ часъ!
. . . . . .
А тамъ — на лѣстничный восходъ
Прибрелъ, на костыляхъ согбенный,
Безстрашный, старый воинъ тотъ,
Тремя медальми украшенный,
Котораго въ бою рука
Избавила тебя отъ смерти:
Онъ хочетъ руку ту простерти
Для хлѣба отъ тебя куска.

Вотъ картина *Ласточки*, этой домашней, любимой птички русскаго народа:

О, домовитая ласточка!
О, милосизая птичка!
Грудь краснобѣла, касаточка,
Лѣтняя гостья, пѣвичка!
Ты часто по кровлямъ щебечешь,
Надъ гнѣздышкомъ сидя, поешь;
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчикомъ въ горлышкѣ бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
Въ немъ смѣлые круги даешь,
Иль стелешься долу, несешься,
Иль въ небѣ, простряся, плывешь.

А вотъ картина русской пляски изъ анакреонтической пьесы *Русскія дѣвушки:*

Зрѣлъ ли ты, пѣвецъ тіисскій,
Какъ въ лугу весной бычка
Пляшутъ дѣвушки россійски
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ,
И плечами говорятъ....

Иногда картины у Державина выступаютъ совершенно отдѣльно, не связываясь нисколько ни между собою, ни съ цѣлымъ содержаніемъ произведенія. Такъ, напримѣръ, послѣ картины водопада Суны являются отдѣльныя картины волка, лани, коня. Отдѣльно взятыя, онѣ весьма удачны, но нарушаютъ единство цѣлаго. Дмитріевъ, въ своихъ запискахъ характеризуя Державина, замѣчаетъ, что онъ имѣлъ даръ наблюдательности и даже въ бесѣдѣ дружеской запасался картинами и сравненіями, какія

ему случайно попадались. Однажды за обѣдомъ подавали у него щуку; Державинъ замѣтилъ на ней голубое перо, и *щука съ голубымъ перомъ* явилась въ произведеніи, вскорѣ послѣ того написанномъ. Элементъ живописный никогда не покидалъ Державина и является довольно яркимъ въ самыхъ послѣднихъ его стихотвореніяхъ, гдѣ видны ужъ однѣ только, по выраженію Мерзлякова, *развалины Державина*. Къ такимъ пьесамъ принадлежитъ *Утро*, изобильное живописными красотами природы.

Говоря о живописномъ элементѣ поэзіи Державина, мы должны замѣтить въ этой живописи народныя русскія краски. Поэтъ подражалъ Анакреону и Горацію, наряжая ихъ нерѣдко въ русскую одежду. Онъ бралъ лица изъ древней миѳологіи — и писалъ ихъ съ русскихъ натурщиковъ. Такъ изобразилъ онъ сѣдаго Борея чертами русскаго старика. Мы помнимъ Суворова въ видѣ богатыря русскихъ сказокъ; *Аѳинейскій витязь* изображенъ чертами Орлова, охотника до скакуновъ, до кулачнаго боя, до русской пляски, до свайки и до всѣхъ игръ Русскаго народа. Въ пьесѣ *Рожденіе красоты* красота родится подъ рукою Зевеса совершенно русская:

Ввилъ въ власы пески златые,
Пламя въ щеки и въ уста,
Небо въ очи голубыя,
Нѣгу въ грудь, — и Красота
Въ мигъ изъ волнъ морскихъ родилась;
А взглянула лишь она,
Тотчасъ буря укротилась,
И настала тишина.

Вотъ *Похвала сельской жизни*, написанная въ подражаніе Горацію чертами изъ сельской жизни русской:

Горшокъ горячихъ, добрыхъ щей,
Копченый окорокъ подъ дымомъ:
Обсаженный семьей моей,

Средь конхъ самъ я господиномъ,
И тутъ-то вкусенъ мнѣ обѣдъ!

*
* *

А какъ жаркой еще баранъ
Младой, къ Петрову дню блюденный,
Капусты сочныя качанъ,
Пирогъ, груздями начиненный,
И нѣсколько молочныхъ блюдъ.

*
* *

Тогда-то устрицы го-гу,
Всѣхъ мушелей заморскихъ грузы,
Лягушки, фрикасе, рагу,
Чѣмъ окормляютъ насъ Французы,
И ужъ ничто не вкусно мнѣ.

Въ этихъ чертахъ Державинской поэзіи виденъ уже зародышъ того народнаго искусства, которому суждено было у насъ развиться позднѣе, въ размѣрахъ болѣе огромныхъ. При такой русской палитрѣ, при такихъ народныхъ краскахъ, поэтъ имѣлъ право призывать свою музу не въ видѣ древней крылатой богини, а въ образѣ чисто-русскомъ, какъ читаемъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Приди, иль въ облакѣ спустися,
Или хоть въ санкахъ прикатися
На легкихъ, рѣзвыхъ, шестерней,
Оленяхъ бѣлыхъ, златорогихъ:
Какъ ѣздятъ барыни зимой
Въ странахъ Сибирскихъ, хладомъ строгихъ.

Музыкальный элементъ въ поэзіи Державина уступаетъ совершенно живописному. Есть, конечно, и у него аккорды прекрасные, гармоническіе, но за то встрѣчается и какофонія, подобную которой можно встрѣтить развѣ у Тредьяковскаго. Риома Державина не только не богата, но иногда болѣе похожа на со-

звучіе, чѣмъ на риѳму. Приведемъ нѣсколько стиховъ, свидѣтельствующихъ о поэтическомъ недостаткѣ его уха. Нѣкоторые изъ нихъ могли бы быть употреблены на такъ называемыя русскія скороговорки.

Полякъ, Туркъ, Персъ, Прусъ, Хинъ и Шведы.

—

Отъ солнца какъ бѣжитъ нощь, тьма и мгла:
Такъ отъ тебя печаль, брань, смерть ушла.

—

Иль какъ на ленъ, на шелкъ, цвѣтъ пестрота и лоскъ.

—

Такъ ты, такъ ты таковъ-то мотъ.
Сія гробница скрыла —
Затмившаго мать лунный свѣтъ.

Можно было бы умножить эту коллекцію, особенно изъ стихотвореній позднѣйшаго періода, когда этотъ недостатокъ еще болѣе усилился.

Въ заключеніе разбора поэзіи Державина обратимъ вниманіе на основную мысль его произведеній. Эта мысль не художественная, а нравственно-религіозная: это идея правды. Она была путеводною звѣздою жизни поэта. Она засвѣтилась въ немъ еще тогда, какъ ребенкомъ онъ страдалъ за мать свою отъ неправды судовъ въ отечествѣ. Жажда правды образовала въ немъ честнаго и пламеннаго гражданина. Она же посылала ему и прекрасныя вдохновенія. Поэзія Державина особенно возвышается мыслію тамъ, гдѣ говоритъ отъ имени правды.

Для преложеній Державинъ избиралъ особенно тѣ псалмы, которые именуются пѣснями правды и посвящены ей. Таково, напримѣръ: *Воцареніе Правды.*

Господь воцарился!
Земля, веселись!
Мракъ тучъ разступился!
Холмъ, въ свѣтъ облекись!

Правда и судъ утвердились
Вкругъ трона его.

По случаю ввода императоромъ Павломъ сына его Александра въ сенатъ, Державинъ воспѣваетъ *Введеніе Соломона въ судилище* и произноситъ молитву:

Боже! дай царю Твой судъ
И цареву сыну правду!

Въ одѣ *Истина* поэтъ такъ опредѣлилъ Бога:

Онъ совѣсть — внутрь, Онъ правда — внѣ.

Въ другой одѣ по торжественному случаю онъ сказалъ:

И міра царь есть рабъ Господень:
. . . . . .
Лишь правда — надъ вселенной царь.

Эта мысль дала Державину нравственную силу, въ вѣкъ привилегированнаго вельможи, написать оду *Вельможа*, которая съ одной стороны представляетъ идеалъ честнаго гражданина у престола царя, а съ другой, — сатиру на многихъ вельможъ того времени.

Вельможу должны составлять
Умъ здравый, сердце просвѣщенно;
Собой примѣръ онъ долженъ дать,
Что званіе его священно,
Что онъ орудье власти есть,
Всѣхъ царственныхъ подпора зданій;
Вся мысль его, цѣль словъ, дѣяній
Должны быть — польза, слава, честь.
. . . . . .
Блаженъ народъ, который полнъ
Благочестивой вѣры къ Богу,
Хранитъ царевъ всегда законъ,
Чтитъ нравы, добродѣтель строгу

Наслѣдьемъ перломъ женъ, дѣтей,
Въ единодушіи — блаженство,
Во правосудіи — равенство,
Свободу, — во уздѣ страстей!

***

Блаженъ народъ, гдѣ царь главой,
Вельможи — здравы члены тѣла,
Прилежно долгъ всѣ правятъ свой,
Чужаго не касаясь дѣла;
Глава не ждетъ отъ ногъ ума,
И силъ у рукъ не отнимаетъ,
Имъ взоръ и ухо предлагаетъ,
Повелѣваетъ же сама.

***

Симъ твердымъ узломъ естества
Коль царство лишь живетъ счастливымъ, —
Вельможа! славы, торжества
Иныхъ вамъ нѣтъ, какъ быть правдивымъ,
Какъ блюсть народъ, Царя любить,
О благѣ общемъ ихъ стараться,
Змѣей предъ тропомъ не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

Любовь къ правдѣ дала Державину силу направить ея стрѣлы противъ самого себя, и въ посланіи къ Храповицкому написать эти смѣлыя строфы, въ которыхъ поэтъ отказался отъ льстивыхъ одъ своихъ:

Гдѣ чертогъ найду я правды?
Гдѣ увижу солнце въ тьмѣ?
Покажи мнѣ тѣ ограды
Хоть близь трона въ вышинѣ,
Чтобъ гдѣ правду допущали
И любили бы ее.

***

Страха связаннымъ цѣпями
И рожденнымъ подъ жезломъ,
Можно ль орлими крылами
Къ солнцу намъ парить умомъ?
А хотя бъ и возлетали, —
Чувствуемъ ярмо свое.

***

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильнымъ угождать,
Ихъ любимцамъ поклоняться,
Словомъ, взглядомъ ихъ ласкать.
Рабъ и похвалить не можетъ:
Онъ лишь можетъ только льстить.

***

Извини жъ, мой другъ, коль лестно
Я кого гдѣ воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я восхвалялъ.
За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

Предавая великодушно слова свои въ жертву правосудію, Державинъ не отказывается отъ своихъ дѣлъ, и въ другомъ посланіи къ *Храповицкому* говоритъ:

Ты самъ со временемъ осудишь
Меня за мглистый оиміамъ;
За правду жъ чтить меня ты будешь:
Она любезна всѣмъ вѣкамъ.

Эти слова поэтъ обращалъ, конечно, не къ одному Храповицкому, но и ко всему потомству. Онъ увѣренъ былъ, что за это исканіе *единой правды* онъ получитъ награду и въ томъ мірѣ. Эту мысль онъ выразилъ въ одномъ изъ послѣднихъ стихотвореній, *Проблескъ:*

Въ безсмертномъ превитать я буду озареньѣ.
Какъ ясный Божій лучъ!

Идеалъ мужа правды носится нерѣдко въ произведеніяхъ Державина. Онъ не находитъ этого идеала даже и въ герояхъ своего времени. Такъ, онъ говоритъ:

Средь славныхъ подвиговъ и боевъ
Мы зримъ полки у насъ героевъ;
Но чтитъ ли ихъ взоръ мудреца?
Онъ ищетъ Росса справедлива,
Благочестива, терпѣлива,
Мужей великихъ образца.

Такой идеалъ нашелъ онъ только въ героѣ древней Руси, князѣ Пожарскомъ, и воспѣлъ ему, помимо современниковъ, истинную, нельстивую оду:

Царя творецъ и рабъ послушный,
Не ты ль, герой великодушный,
Пожарскій, мужъ великій мой?

Поэтъ желаетъ, чтобы тѣнь этого мужа, который

Избралъ достойнаго владыку
И надъ собою воцарилъ,

чаще носилась надъ умами современниковъ:

Возстань, возстань на голосъ лиры,
Великая изъ мрака тѣнь!
И ночь когда скрываетъ міры,
Или когда сіяетъ день,
Носись надъ нашими главами.

Къ другимъ же славамъ современнаго міра онъ такъ относится:

Услышьте жъ, водопады міра!
О, славой шумныя главы!

Вашъ свѣтелъ мечъ, цвѣтна порфира,
Коль правду возлюбили вы!...

И въ другомъ стихотвореніи:

Доколѣ не возлюбишь правды,
Сѣдинъ геройскихъ не почтишь,
Народу не подашь отрады,
И сирыхъ гласу не внушишь,
Дотоль, о смертный! сколь ни звученъ,
И сколь ты ни благополученъ,
Хоть славой до небесъ возникъ,
Хоть сѣлъ на тронѣ превысокомъ,
Предъ любомудрымъ, строгимъ окомъ,
Еще, еще ты не великъ.

Есть одна ода у Державина, принадлежащая къ виду лирики *всечеловѣческой*. Она составляетъ яркое исключеніе по полнотѣ художественнаго цѣлаго, которое выдержано отъ начала до конца. Это — пѣснь *Властителямъ и Судіямъ*. Здѣсь олицетворена самая идея правды въ образѣ Бога, являющагося судіею въ сонмѣ земныхъ боговъ. Мысль и образъ въ этой одѣ заимствованы изъ 81-го псалма правды; *Богъ ста въ сонмѣ боговъ: посредѣ же боги разсудитъ:*

Возсталъ Всевышній Богъ, да судитъ
Земныхъ боговъ во сонмѣ ихъ.
«Доколѣ», рекъ, «доколь вамъ будетъ
Щадить неправедныхъ и злыхъ?

* * *

«Вашъ долгъ есть: сохранять законы,
На лица сильныхъ не взирать,
Безъ помощи, безъ обороны
Сиротъ и вдовъ не оставлять.

* * *

«Вашъ долгъ спасать отъ бѣдъ невинныхъ,
Несчастливымъ подать покровъ;
Отъ сильныхъ защищать безсильныхъ,
Исторгнуть бѣдныхъ изъ оковъ».

* * *

Не внемлютъ! — видятъ и не знаютъ!
Покрыты мздою очеса:
Злодѣйства землю потрясаютъ,
Неправда зыблетъ небеса.

* * *

Цари! — я мнилъ: вы боги властны,
Никто надъ вами не судья;
Но вы, какъ я, подобно страстны,
И такъ же смертны, какъ и я.

* * *

И вы подобно такъ падете,
Какъ съ древъ увядшій листъ падетъ!
И вы подобно такъ умрете,
Какъ вашъ послѣдній рабъ умретъ!

* * *

Воскресни, Боже! Боже правыхъ!
И ихъ моленію внемли:
Приди, суди, карай лукавыхъ,
И будь единъ царемъ земли!

Этою одою мы закончимъ изученіе Державина.

ЛЕКЦІЯ 9.

За Державинымъ слѣдуетъ рядъ поэтовъ лирическихъ, которые развиваютъ данное имъ направленіе въ разныхъ видахъ. Назовемъ и характеризируемъ главныхъ изъ нихъ.

Е. И. Костровъ (1750—1796), питомецъ Московскаго университета, продолжалъ оду торжественную, которая имѣла у него слишкомъ оффиціальный, академическій характеръ и не вышла изъ границъ посредственности. Онъ болѣе извѣстенъ, какъ даровитый переводчикъ десяти пѣсней Гомеровой Иліады (переведено еще болѣе, но потеряно) и поэмъ Оссіановыхъ. Гомера онъ переводилъ, правда, александрійскимъ стихомъ, но необыкновенно сильно и пластически. Костровъ же проложилъ путь другимъ нашимъ переводчикамъ Гомера — Гнѣдичу и Жуковскому, къ созданію русской терминологіи для изображенія нѣкоторыхъ обрядовъ и утварей древне-греческой жизни. Оссіана Костровъ переводилъ въ прозѣ. Его Гомеръ и Оссіанъ не мало содѣйствовали образованію нашего трагика Озерова.

В. В. Капнистъ (1756 — 1823), малороссіянинъ, другъ Державина, прославился особенно одою *На истребленіе въ Россіи званія раба* (1786). Любовь къ свободѣ вызвала эту благородную пѣснь и внушила Капнисту прекрасный стихъ:

Россія! ты свободна нынѣ.

Капнистъ склонилъ лирику Державина на тонъ болѣе элегическій. Особенно была извѣстна въ свое время его ода на смерть дочери (Юліи):

Уже со тьмою нощи
Простерлась тишина...

Много подражалъ Капнистъ Горацію въ его частной лирикѣ, и самъ написалъ нѣсколько замѣчательныхъ одъ въ томъ же родѣ: *Въ память береста*, *Обуховка* и другія. Личныя, душевныя чувства уже болѣе изобилуютъ у Капниста, чѣмъ у Державина, особенно въ позднѣйшихъ его произведеніяхъ. Но не одами Капнистъ удержалъ за собою славу, а своею замѣчательною комедіею: *Ябеда*, о которой скажемъ послѣ.

Ю. А. Нелединскій-Мелецкій (1751—1829), москвичъ родомъ, далъ лирикѣ еще болѣе личное, душевное направленіе. Не даромъ онъ сказалъ:

Каждое души движенье
Жертва другу моему.
Сердца каждое біенье
Посвящаю я ему.

Нелединскій прославился пѣснями, которыя похожи на романсы. Нѣкоторыя изъ этихъ пѣсенъ и донынѣ еще остались въ народѣ, какъ напримѣръ:

Выду я на рѣченьку,
Погляжу на быструю —
Унеси ты мое горе,
Быстра рѣченька, съ собой!

—

Охъ! тошно мнѣ
На чужой сторонѣ;
Всё постыло,
Всё упыло:
Друга милаго нѣтъ.

—

Милая вечоръ сидѣла
Подъ кустомъ у ручейка.

Долго между современницами Нелединскаго и послѣ него повторялись слова извѣстнаго романса, котораго первая строфа слѣдующая:

У кого душевны силы
Истощилися тоской;
Въ грусти дни влача постылы,
Кто лишь въ гробѣ зритъ покой:
На лицѣ того прогляпетъ
Лучъ веселья въ тотъ лишь часъ,
Какъ терять онъ чувства станетъ,
Какъ вздохнетъ въ послѣдній разъ.

У Нелединскаго нѣтъ уже оды. Ею изобилуютъ другіе два послѣдователя Державина: Херасковъ и Николевъ. Херасковъ въ свое время былъ болѣе извѣстенъ двумя поэмами: *Россіяда* и *Владиміръ*, которыя Мерзляковъ подвергъ подробному и строгому критическому разбору, своею поэмою въ поэтической прозѣ *Кадмъ и Гармонія*, и своими слезными драмами. Нынѣ произведенія Хераскова въ большинствѣ забыты, потому что чужды всякой оригинальности и представляютъ лишь плодъ изученія западныхъ подлинниковъ. Но прекрасная жизнь Хераскова, какъ друга просвѣщенія, какъ покровителя Новикова и основателя университетскаго пансіона, записана въ исторіи Московскаго университета чертами искренней благодарности. Николевъ оживлялъ еще нѣсколько оду, когда вносилъ въ нее нѣкоторую веселую шутку; но торжественную оду онъ умалилъ до той степени, на которой она подверглась бичу извѣстной сатиры Дмитріева *Чужой толкъ*. Но о немъ рѣчь еще впереди.

Изъ позднѣйшихъ лириковъ поколѣнія Державинскаго, князь И. М. Долгорукій замѣчателенъ, частію чувствительнымъ, частію легкимъ сатирическимъ направленіемъ. Его *Каминъ*, *Въ Пензѣ*, *Въ Москвѣ*, его *Война каминовъ*, *Авось*, *Везетъ*, *Живетъ* въ свое время плѣняли остроуміемъ. Но строфы изъ его *Завѣщанія* вызываютъ и теперь то искреннее простосердечное чувство, съ какимъ написаны:

О, вы, друзья мои любезны!
Не ставьте камня надо мной!
Всѣ ваши бронзы безполезны,
Они души не скрасятъ злой.
Среди могилъ, на взглядъ негодныхъ,
И въ кучѣ тѣлъ простонародныхъ
Пускай истлѣетъ мой составъ!
Повѣрьте, съ кѣмъ ни схорониться,
Земля все въ землю обратится:
Се равенство природныхъ правъ!
. . . . . .

Предъ Богомъ словъ не надо много;
Душевный вздохъ къ Нему дорога;
Онъ самъ ее намъ проложилъ.

***

Не славьте вы меня стихами,
Они не нужны мертвецамъ;
Пожертвуйте вы мнѣ сердцами,
Какъ онымъ жертвовалъ я вамъ.
Стихи отъ ада не избавятъ,
Въ раю блаженства не прибавятъ;
Въ нихъ только гордость и тщета.
Протокъ воды, двѣ-три березы,
Да ближнихъ искреннія слезы —
Вотъ монументовъ красота!

Поэтъ своимъ прозорливымъ взглядомъ какъ бы предсказывалъ иногда будущіе плоды возроставшаго эгоизма:

Другой всѣ люди стали вѣры,
Себѣ всякъ нынѣ строитъ храмъ.

Современникомъ же Державина былъ поэтъ, давшій новый, прекрасный оттѣнокъ русской поэзіи того времени, И. Ѳ. Богдановичъ (1743—1803), Малороссіянинъ и одинъ изъ первыхъ слушателей Московскаго университета. Мы сказали уже, что Русскій народъ и языкъ его, какъ выраженіе души, соединяютъ силу съ мягкостію. То же соединеніе встрѣчаемъ и въ поэзіи. Если Державинъ въ своей лирикѣ олицетворяетъ преимущественно русскую силу, то его современникъ, Богдановичъ, дополняетъ эту силу мягкостію. Вся слава Богдановича сосредоточена въ поэмѣ *Душенька*.

Содержаніе разсказа взято изъ сказки Апулея: «Золотой оселъ», передѣланной Лафонтеномъ въ поэму: «Амуръ и Психея». Страданія Психеи, гонимой Венерою за ея красоту, составляютъ сущность поэмы. Но Богдановичъ съумѣлъ греческо-француз-

скую Психею претворить въ существо истинно-русское, прелестное, граціозное, или, выразимся по-русски: *милое*. Русскій языкъ прелестью своихъ ласкательныхъ уменьшительныхъ указалъ поэту названіе для его героини, названіе народное, слышное и понятное сердцу каждаго Русскаго:

У Русскихъ Душенька она именовалась.
. . . . . .
Во славу Душенькѣ, у насъ отъ тѣхъ временъ
Поставлено оно народомъ въ лексиконѣ
Между пріятнѣйшихъ именъ,
И утвердила то Любовь въ своемъ законѣ.

Милое — одинъ изъ видовъ изящнаго въ нашей народной эстетикѣ. Понятіе это сродни тому, что̀ Италіянцы называютъ il vago, Французы — le gracieux, Нѣмцы — anmuthig. Красота милаго зависитъ не столько отъ красивой формы внѣшней, сколько отъ выраженія души въ лицѣ. Оно выражается у насъ стихомъ-пословицей: «Не по̀-хорошу милъ, а по̀-милу хорошъ». — Слово «*милое*» современно первымъ явленіямъ жизни Русскаго народа и встрѣчается впервые въ древнѣйшихъ договорахъ нашихъ князей. Карамзинъ съ своею эстетическою чуткостью ко всему русскому подмѣтилъ его и первый далъ ему то художественное значеніе, которое оно у насъ получило. Образы *милаго* встрѣчаются у насъ въ пѣсняхъ, особенно въ колыбельныхъ, дѣтскихъ, въ нашихъ сказкахъ, прибауткахъ къ нимъ, въ загадкахъ и въ пословицахъ. Языкъ въ своихъ уменьшительныхъ, ласкательныхъ, простирающихся даже на междометія, представляетъ безчисленные оттѣнки милаго. Особенно нѣжно звучитъ это милое въ нашемъ семейномъ быту, въ его уменьшительныхъ, исполненныхъ ласки и мягкости душевной.

Богдановичъ понялъ это, и его Душенька есть первое проявленіе *нашего милаго* въ художественномъ періодѣ русской поэзіи. Въ Душенькѣ Богдановича—зародышъ Свѣтланы Жуковскаго, Людмилы и Татьяны Пушкина. Объ этомъ миломъ меч-

талъ Гоголь, когда создавалъ свою Улиньку, но не достигъ идеала. Мысль Душеньки, скажемъ, еще носится въ будущемъ нашей поэзіи, къ которой можно примѣнить то, что Богдановичъ сказалъ о своей Душенькѣ:

Во всѣхъ ты, Душенька, нарядахъ хороша:
По образу ль какой царицы ты одѣта,
Пастушкою ли гдѣ сидишь у шалаша —
Во всѣхъ ты чудо свѣта,
Во всѣхъ являешься прекраснымъ божествомъ . . .

Войдемъ въ нѣкоторыя подробности поэмы. Прекрасна картина тріумфальнаго морскаго шествія Венеры, и въ немъ особенно Тритонъ, предлагающій ей отломокъ хрустальныхъ горъ на мѣсто зеркала.

Богиня, учредивъ старинный свой нарядъ
И въ раковину сѣвъ, какъ пишутъ на картинахъ,
Пустилась по водамъ на двухъ большихъ дельфинахъ.

Амуръ, простря свой властный взоръ,
Подвигнулъ весь Нептуновъ дворъ.
Узря Венеру, рѣзвы волны
Текутъ за ней, весельемъ полны.
Тритоновъ водяной народъ
Выходитъ къ ней изъ бездны водъ;
Иной вокругъ ея ныряетъ
И дерзки волны усмиряетъ;
Другой, крутясь во глубинѣ,
Сбираетъ жемчуги на днѣ,
И всѣ сокровища изъ моря
Тащитъ повергнуть ей къ стопамъ.
Иной, съ чудовищами споря,
Претитъ касаться симъ мѣстамъ;
Другой, на козлы сѣвъ проворно,
Со встрѣчными бранится вздорно,

Раздаться въ стороны велитъ,
Возжами гордо шевелитъ,
Отъ камней далѣ путь свой правитъ
И дерзостныхъ чудовищъ давитъ.
Иной, съ трезубчатымъ жезломъ,
На китѣ впереди верхомъ,
Гоня далече всѣхъ съ дороги,
Вокругъ кидаетъ взоры строги,
И чтобы всякъ то вѣдать могъ,
Въ коральный громко трубитъ рогъ;
Другой, изъ краевъ самыхъ дальныхъ,
Успѣвъ приплыть къ богинѣ сей,
Несетъ отломокъ горъ хрустальныхъ
На мѣсто зеркала предъ ней.

Есть въ поэмѣ и отношенія современныя. Веселые хороводы, жмурки и плетень со всякими играми, какія Душенька заводитъ у себя, напоминаютъ любовь Екатерины къ русскимъ народнымъ увеселеніямъ. Свободное обращеніе Душеньки съ журналистами указываетъ на ту же черту въ императрицѣ.

Зефиры наконецъ царевнѣ приносили
Различные листки, которые на свѣтъ
Изъ самыхъ древнихъ лѣтъ
Между полезными предерзко выходили,
И кипами грозили
Тягчить усильно Геликонъ.
Царевна, знавъ, кому не вѣдомъ былъ законъ,
Листомарателей свободъ не нарушала,
Но ихъ твореній не читала.

Богдановичъ вставлялъ нѣкоторыя наши сказочныя преданія въ содержаніе греческой поэмы. Особенно замѣчательно изображеніе Змѣя Горынича:

О, Змѣй Горыничъ, Чудо-юдо!
Ты сытъ во всяки времена,

Ты ростомъ превзошелъ слона,
Красою помрачилъ верблюда,
Ты всяку здѣсь имѣешь власть,
Блестишь златыми чешуями,
И смѣло разѣваешь пасть,
И можешь всѣхъ давить когтями...

Легкій, вольный стихъ разсказа Душеньки далъ образецъ для сказокъ Дмитріева, Панкратія Сумарокова и даже для басенъ Хемницера и Крылова. Богдановичъ любилъ русскія пословицы, но обходился съ ними весьма нецеремонно, перелагая ихъ въ циничные стихи съ риѳмами; можетъ быть, однакожъ, знакомство съ русскими пословицами послужило поэту къ созданію и вольнаго русскаго стиха.

Сказавъ о Душенькѣ, мы не можемъ пройти молчаніемъ вдохновенный трудъ нашего славнаго художника ваятеля-медальера графа Ѳ. А. Толстаго, который въ своихъ пластическихъ рисункахъ далъ превосходный художественный коментарій къ созданію Богдановича.

Другимъ замѣчательнымъ современникомъ Державина, въ царствованіе Екатерины, былъ Фонвизинъ (1745—1792). Москвичъ родомъ, одинъ изъ первыхъ студентовъ Московскаго университета, Фонвизинъ въ своей литературной дѣятельности представляетъ то сатирико-комическое направленіе, которое въ новомъ періодѣ нашей поэзіи сопровождаетъ ее отъ начала. Все движеніе нашего художественнаго слова обозначаютъ двѣ струи: одна заимствуетъ свой источникъ отъ идеальной жизни и полна вдохновеннаго восторга; другая, напротивъ, изображаетъ изнанку жизни и полна искренняго, честнаго смѣха. Поэзія Державина болѣе проникнута идеаломъ жизни, а если иногда и касается ея изнанки, то превращаетъ восторгъ не столько въ смѣхъ, сколько въ гнѣвное негодованіе сатиры. Поэзія Фонвизина дѣйствуетъ смѣхомъ комедіи.

Смѣшное — одинъ изъ отрицательныхъ видовъ изящнаго.

Смѣхомъ поэзія обличаетъ и поражаетъ все неразумное въ жизни. Русскій человѣкъ имѣетъ врожденную наклонность къ смѣшному и любитъ чистосердечно и искренно предавать смѣху всѣ свои недостатки. Такая наклонность служитъ вѣрнымъ залогомъ его совершенствованія. Въ пословицахъ своихъ онъ такъ выражается о смѣхѣ: «Всякій смѣхъ у воротъ стоитъ, дотуда не отойдетъ пока не отсмѣетъ»; «Въ чемъ живетъ смѣхъ, въ томъ и грѣхъ». Пословицы его противъ глупыхъ исполнены безпощаднаго остроумія. Еще въ древности Слово Даніила Заточника выражалось о нихъ, что дураковъ ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, а что они сами себя рождаютъ. Наши старинныя сказки и преданія исполнены комическаго остроумія. Русскій человѣкъ въ самомъ діаволѣ видитъ дурака и выражается о немъ иронически: «Самъ дуракъ въ яму залѣзъ, да и всѣхъ туда тащитъ». Одинъ изъ древнихъ русскихъ проповѣдниковъ XV вѣка, Григорій Цамблакъ, выразился такъ о діаволѣ: «Онъ изъ царства своего да изгнанъ будетъ и *смѣху да преданъ будетъ*»!

Мы уже знаемъ, какую страсть къ комическому имѣлъ Петръ Великій и какъ онъ въ своихъ пародіяхъ на обычаи отжившей старины предсказалъ развитіе нашей комедіи. Первымъ замѣчательнымъ произведеніемъ русской литературы новаго періода была не ода, не плодъ идеальнаго вдохновенія, а Кантемирова сатира, поражавшая грубую дѣйствительность жизни. Ода Ломоносова увлекла, напротивъ, въ міръ идеальный. Мы уже знаемъ, что творецъ русскаго слова въ поэзіи почти чуждался сатирическаго элемента, хотя не совсѣмъ. Современникъ его, Сумароковъ уже любилъ сатиру, въ ней болѣе отличался, чѣмъ въ одѣ и ввелъ ея стихію въ лирику. Въ одѣ Державина сатирическій элементъ получилъ еще большее развитіе. Ода-сатира, начатая Сумароковымъ, усовершенствована Державинымъ.

Мы уже знакомы нѣсколько съ комедіями Сумарокова и знаемъ, что нѣкоторые мотивы комическаго изобрѣтены имъ; но его комедія не создала еще стиля, не имѣетъ языка, безъ котораго нѣтъ художественной комедіи. Сумароковъ имѣлъ послѣдо-

вателя въ Лукинѣ, который написалъ комедію *Мотъ*, гдѣ вывелъ нѣсколько карикатуръ, снятыхъ съ подлинниковъ. Комедія Веревкина: *Такъ и должно* болѣе напоминаетъ слезныя драмы Дидерота. Замѣчательно въ ней лицо домоваго дурачка Фоки.

Къ числу комическихъ нашихъ писателей принадлежитъ и императрица Екатерина II. Ея комедіи хотя также лишены художественнаго достоинства и комическаго языка, но въ нихъ замѣтна остроумная наблюдательность и выведены многія рѣзкія черты современныхъ нравовъ. Особенно замѣчательны двѣ ея комедіи: *О, время!* (1772) и *Именины госпожи Ворчалкиной*. Въ первой изъ нихъ изображены три русскія барыни: Ханжахина, Вѣстникова и Чудихина, имена которыхъ даютъ уже намеки на ихъ характеры. Ханжахина олицетворяетъ грубое ханжество и суевѣріе: она сѣчетъ своихъ людей, когда они внезапнымъ приходомъ помѣшаютъ ея молитвѣ, и увѣрена, что шестнадцатый ребенокъ, рожденный ею, былъ камень, который носитъ она за пазухой. Чудихина боится сѣсть на томъ мѣстѣ, гдѣ 30 лѣтъ тому назадъ сидѣлъ покойникъ. Она пресерьезно говоритъ, что у нея въ животѣ щука, а въ спинѣ собака, и что она чувствуетъ, когда онѣ тамъ ссорятся. Во второй комедіи выведена дура Степанида, которую Ворчалкина держитъ для вранья. Въ этой же комедіи дворянинъ Дремовъ преважно хвалится тѣмъ, что дѣдушка его былъ названъ Дремовымъ отъ государя, который дремать изволилъ, когда велѣлъ его за услуги отечеству назвать Дремовымъ. — Мы видимъ, что всѣ эти черты, смѣшныя и грубыя, взяты изъ дѣйствительности, но воспроизведены не художественно.

Первымъ истиннымъ художникомъ въ русской комедіи является Фонвизинъ. Онъ же создалъ у насъ и комическій стиль или языкъ, безъ котораго невозможна комедія. Фонвизину посчастливилось болѣе другихъ писателей въ исторіи русской словесности. Князь П. А. Вяземскій посвятилъ ему классическую монографію, въ которой обозрѣлъ вѣкъ, жизнь и всю дѣятельность комика, литературную и гражданскую.

Фонвизинъ оставилъ намъ: *Чистосердечное признаніе въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ*, къ сожалѣнію недоконченное и письма изъ заграницы. Въ этихъ произведеніяхъ содержатся превосходные матеріалы для изученія біографіи и личности писателя.

Фонвизинъ родился и получилъ первоначальное воспитаніе въ старинной русской дворянской семьѣ. Но лишь только былъ учрежденъ Московскій университетъ и открыты двѣ его гимназіи для дворянъ и для разночинцевъ, какъ отецъ Фонвизина немедленно отдалъ двухъ своихъ сыновей въ первую. Фонвизинъ весьма комично разсказываетъ о своемъ первомъ ученіи въ университетѣ: какъ на экзаменахъ у латинскаго учителя пять пуговицъ его кафтана означали пять склоненій, а четыре пуговицы на камзолѣ — четыре спряженія; какъ ученики на вопросы учителя объ именахъ и глаголахъ, къ какому склоненію или спряженію они относятся, должны были отвѣчать, смотря по тому, за какую пуговицу онъ хватался, и проч. Золотую медаль Фонвизинъ, по словамъ его, получилъ изъ географіи, и вотъ за какой отвѣтъ. Учитель спросилъ, куда течетъ Волга. Одинъ ученикъ отвѣчалъ: *въ Черное*, а другой: *въ Бѣлое море*, Фонвизинъ же отвѣчалъ: *не знаю*. Въ этихъ смѣшныхъ разсказахъ трудно узнать, что̀ принадлежитъ истинѣ, и что̀ комическому остроумію автора. Мы знаемъ однако отъ самого Фонвизина, что въ Московскомъ университетѣ онъ познакомился съ французскою и нѣмецкою литературою; что съ большимъ сочувствіемъ онъ слушалъ лекціи логики профессора Шадена, который читалъ по-латыни. Изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что первые литературные опыты переводовъ Фонвизинъ совершилъ въ университетѣ подъ руководствомъ профессора Рейхеля и напечаталъ ихъ въ его же журналѣ.

Конечно, развитіе ума наукою въ Фонвизинѣ, при его природномъ дарованіи къ смѣшному, помогло Фонвизину развить комическій талантъ и озарить разумнымъ художественнымъ смѣхомъ все неразуміе окружавшей его тогда русской жизни. Мы замѣтимъ, что два нашихъ превосходныхъ комика, Фонвизинъ

и Грибоѣдовъ, были питомцами Московскаго университета: первый при самомъ началѣ его основанія, когда наука, перенесенная съ Запада, сильно спрыснула русскую почву въ молодомъ поколѣніи; второй при вторичномъ возрожденіи университета, когда онъ въ царствованіе Александрово по мысли Муравьева пріобрѣлъ новыя силы къ своему процвѣтанію.

Фонвизинъ одаренъ былъ отъ природы рѣдкою чувствительностію души. Такое психологическое явленіе встрѣчается почти во всѣхъ лучшихъ комикахъ. Комическій смѣхъ, при наружномъ весельѣ, скрываетъ глубину душевнаго чувства. Чувствительность увлекла поэта къ страсти и заблужденію. Онъ самъ искренно сознается въ тѣхъ паденіяхъ, которыя испытала его волнуемая душа. Литературнымъ памятникомъ его духовной борьбы осталось *Посланіе къ слугамъ моимъ Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ*. Есть преданіе, что оно было напечатано въ 1763 году, на масляницѣ, когда императрица Екатерина на три дня уничтожила цензуру и позволила печатать все. Позднѣе, чувствительность въ Фонвизинѣ, подъ вліяніемъ болѣзни, сказывалась сильною наклонностію къ меланхоліи. Фонвизинъ своею жизнію и поэзіею, такъ сказать, предсказываетъ Гоголя.

Два раза Фонвизинъ былъ за границею. Письма его оттуда представляютъ образецъ прозы, замѣчательной для своего времени, и если бы они не были изданы уже послѣ писемъ Карамзина, то Фонвизина смѣло можно бы назвать преобразователемъ русской прозы. Къ тому же, въ Фонвизинѣ не было того сочувствія ко всемірному образованію Запада, какое одушевляло Карамзина. Какъ комикъ, онъ, по свойству своего дарованія, подмѣчалъ болѣе изнанку въ жизни народовъ. Да и время, когда онъ путешествовалъ, много послужило ему въ этомъ: во Франціи общество было наканунѣ революціи и обнаруживало всѣ признаки нравственнаго разложенія. Многія наблюденія, касающіяся недостатковъ народнаго характера, остаются и донынѣ неизмѣнно вѣрны. Въ Римѣ Фонвизинъ глубоко сочувствовалъ художественной жизни Италіянскаго народа, но не увлекся религіозными яв-

леніями этой жизни, и глубокомысленно замѣтилъ, что папское богослуженіе представляетъ не столько служеніе Богу, сколько поклоненіе папѣ. Черты италіанскаго характера укрылись отъ глазъ Фонвизина: онъ замѣтилъ въ немъ лишь одни недостатки.

Фонвизинъ оставилъ намъ только двѣ комедіи: *Бригадиръ* и *Недоросль;* третья комедія, *Выборъ гувернера*, осталась недоконченною. Содержаніе комедій Фонвизина сводится къ одной идеѣ, ихъ одушевляющей,—къ идеѣ воспитанія. Эта мысль была мыслію его вѣка, она руководила Екатерину и ея государственныхъ сподвижниковъ. «Воспитаніе должно быть залогомъ благосостоянія государства», говоритъ Фонвизинъ устами Стародума въ Недорослѣ: «мы видимъ всѣ несчастныя слѣдствія дурнаго воспитанія. Ну, что для отечества можетъ выдти изъ Митрофанушки, за котораго невѣжды родители платятъ еще и деньги невѣждамъ учителямъ! Сколько дворянъ-отцевъ, которые нравственное воспитаніе сынка своего поручаютъ своему рабу крѣпостному! Лѣтъ черезъ пятнадцать и выходятъ вмѣсто одного раба двое: старый дядька, да молодой баринъ».

Замѣчательно, что всѣ важнѣйшія комедіи въ нашей словесности имѣютъ государственный характеръ. Да, русская комедія, по своему значенію, родня политической комедіи Аристофана. Не на отдѣльные нравы общества, не на личные характеры нападаетъ она, но на недостатки въ основахъ самой политической жизни общества: такъ Фонвизинъ обличаетъ недостатки въ воспитаніи, Капнистъ — въ судахъ, Грибоѣдовъ — въ формахъ свѣтской жизни общества, Гоголь—въ гражданской администраціи и во всемъ общественномъ устройствѣ.

Комедія «Бригадиръ» была написана въ 1763 году. Въ лѣтописяхъ русской словесности достопамятно дѣйствіе, которое эта комедія произвела на все современное общество въ Петербургѣ. Фонвизинъ читалъ ее въ Эрмитажѣ, въ кабинетѣ наслѣдника престола, въ гостиныхъ просвѣщенныхъ вельможъ того времени. Вѣрность схваченныхъ типовъ поразила. Въ бригадиршѣ

всякій узнавалъ бабушку, тетку; всѣмъ она была сродни. Комическій языкъ поражалъ всѣхъ жизнію, снятою на мѣстѣ. Общему очарованію много содѣйствовало мастерство Фонвизина читать комедіи. Извѣстно, что Фонвизинъ былъ большой мастеръ передразнивать другихъ. Такъ, копируя Сумарокова, онъ говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ. Онъ схватывалъ не одни только внѣшніе признаки человѣка, но и весь его характеръ. Онъ могъ не называть лицъ, когда читалъ свои комедіи; но всѣ узнавали ихъ по особенному голосу. Когда онъ читалъ слова бригадирши, то всѣ ее слышали и какъ будто видѣли воочію. Такимъ же комическимъ свойствомъ одаренъ былъ и Гоголь. Его комедіи, имъ самимъ читанныя, были гораздо лучше всѣхъ возможныхъ представленій на сценѣ.

«Недоросль» явился въ 1782 году. Память перваго представленія этой комедіи соединена съ словами, которыя Потемкинъ сказалъ автору при выходѣ изъ театра: «Умри, Денисъ, или больше ничего ужъ не пиши!» Такъ и случилось: Недоросль былъ послѣднею комедіею Фонвизина.

Въ Бригадирѣ Фонвизинъ поразилъ недостатки того воспитанія, которое, послѣ реформы Петровой, основывалось нерѣдко на однѣхъ пустыхъ формахъ французскаго разговорнаго языка въ общежитіи. Это былъ одинъ лоскъ внѣшній, скрывавшій внутри основу совершенно гнилую. Но мы пройдемъ лучше по порядку всѣ художественно созданныя лица этой комедіи — и въ нихъ всего ярче раскроется весь комизмъ ея содержанія.

Бригадиръ, выведенный Фонвизинымъ и давшій названіе комедіи, положилъ конецъ этому чину, прежде бывшему въ большой силѣ до злоупотребленія, какъ свидѣтельствуетъ извѣстный стихъ Державина:

И цѣлый свѣтъ сталъ Бригадиръ.

Бригадиръ является однимъ изъ вредныхъ слѣдствій реформы Петра, черствымъ плодомъ введеннаго имъ военнаго деспотизма и табели о рангахъ. Бригадиръ думаетъ, что все образованіе

молодаго человѣка должно состоять въ чтеніи артикула, военнаго устава и межевой инструкціи. О наукахъ, напримѣръ, о грамматикѣ, онъ такъ мыслитъ: «На что, сватъ, грамматика? Я безъ нея дожилъ почти до 60-ти лѣтъ, да и дѣтей взвелъ». Онъ увѣренъ, что если Богъ и не считаетъ волосъ на головѣ у всѣхъ людей, но у бригадира считаетъ ихъ непремѣнно: «ежели у пяти классовъ волосъ не считаютъ, такъ у кого же и считать ихъ Ему?» На справедливое замѣчаніе жены, что у Бога генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры въ одномъ рангѣ, онъ, съ угрозою сдѣлать ей, что на ея головѣ нечего и считать будетъ, возражаетъ: «Какъ можно подумать, что Богу, который все знаетъ, не извѣстенъ будто нашъ табель о рангахъ? Стыдное дѣло!»— Любимые предметы разговоровъ бригадира — баталіи, экзерціи, фортеціи, — все слова Петровой эпохи. Обожаніе табели о рангахъ и военный деспотизмъ уничтожили въ бригадирѣ всѣ человѣческія чувства, что особенно видно изъ его обхожденія съ женою и сыномъ. Бригадирша искренно сознается, что ея Игнатій Андреевичъ вымещалъ на ней вину каждаго рядоваго. Бригадиръ же выражается о женѣ, что она умна какъ корова, а прекрасна какъ сова. Ему ничего не стоитъ назвать ее даже при другихъ дурищей. Сыну своему онъ говоритъ: «Иванъ! не бѣси меня. Ты знаешь, что я разомъ ребра два у тебя выхвачу».

Не мудрено, что отъ такого отца произошелъ Иванушка, котораго можно назвать нравственнымъ уродомъ. Отецъ отдалъ его на руки французскому кучеру, а потомъ послалъ въ Парижъ. «Ему, т. е. кучеру, говоритъ Иванъ, долженъ я за любовь мою къ Французамъ и за холодность мою къ Русскимъ. Ежелибъ malheureusement я попалъ къ Русскому, который бы любилъ свою націю, я можетъ-быть и не былъ бы таковъ». — «Всякой, кто былъ въ Парижѣ, имѣетъ уже право, говоря про Русскихъ, не включать себя въ число тѣхъ, затѣмъ что онъ уже сталъ больше Французъ, нежели Русской». — «Тѣло мое родилось въ Россіи, но духъ мой принадлежитъ коронѣ Французской!» Эти слова ясно говорятъ объ отношеніи Ивана къ отечеству. По-

рвавъ съ нимъ всѣ связи, Иванъ, разумѣется, разрываетъ ихъ и съ семействомъ. Вотъ разговоръ его съ отцомъ: «Да какое право имѣете вы надо мною властвовать?» — Дуралей, я твой отецъ! — «Скажите мнѣ, батюшка, не всѣ ли животныя, апітанх, одинаковы?» — Это къ чему? Конечно, всѣ: отъ человѣка до скота. Да что за вздоръ ты мнѣ молоть хочешь?..... «Когда щенокъ не обязанъ респектовать того пса, кто былъ его отецъ, то долженъ ли я вамъ хотя малѣйшимъ респектомъ?». Объ отцѣ и матери онъ, зѣвая, такъ выражается: «Quelles espèces!»

Бригадирша — chef-d'oeuvre Фонвизина въ этой комедіи. Не даромъ современники были въ восторгѣ отъ этого типическаго характера. Бригадирша таскалась по всѣмъ походамъ за своимъ мужемъ *безъ жалованья*, какъ она выражается, и отвѣчала дома за то, чѣмъ въ строю мужа раздразнили. Пренаивно она разсказываетъ совѣтницѣ о варварскихъ поступкахъ своего мужа: «Однажды съ сердцовъ толкнулъ меня въ грудь; такъ вѣришь ли, мать моя, Господу Богу, что я насилу вздохнула. А онъ, мой батюшка, хохочетъ да тѣшится. Недѣль черезъ 5, 6 и я тому смѣялась, а тогда, мать моя, чуть было Богу души не отдала безъ покаянія». Когда совѣтница, выслушавъ это простодушное признаніе, спрашиваетъ бригадиршу: «Да какъ же вы съ нимъ жить можете, когда онъ и въ шутку чуть было на тотъ свѣтъ не отправилъ?» Бригадирша отвѣчаетъ ей: «Такъ и жить. Вѣдь я, мать моя, не одна за мужемъ». Бригадиршино: *Такъ и жить* достойно знаменитаго Корнелева: Qu'il mourût! въ Гораціяхъ.

Совѣтникъ ведетъ свое начало отъ лицъ, выведенныхъ еще Сумароковымъ. Это — ханжа, взяточникъ и лицемѣръ, лишенный всякаго чувства чести, и приказная строка, въ полномъ смыслѣ этого слова. Онъ увѣренъ, что кто умѣетъ толковать уложеніе и указы, тотъ нищимъ быть не можетъ. Онъ сочувствуетъ обычаямъ старины, когда за вину отца наказывали сына, а за вину сына отвѣчалъ отецъ. Ко всякому случаю у него готовы тексты Св. Писанія, а между тѣмъ чортъ сидитъ въ его тѣлѣ. Онъ думаетъ, что въ книгахъ не можетъ быть лжи, и вѣритъ всему пе-

чатному, какъ святынѣ. За безчестье себѣ и женѣ, онъ требуетъ деньги, опредѣленныя закономъ, не уступя изъ нихъ ни полушки. Совѣтница, жена его, помѣшана на романахъ и на французскомъ языкѣ. Она не умѣетъ говорить на немъ, но безпрерывно, по обычаю времени, перешедшему у насъ теперь въ современную журналистику, вставляетъ въ разговоръ французскія слова. Иванушка, въ признаніи своей любви къ ней, говоритъ, что все его несчастіе состоитъ въ томъ, что она Русская, и она съ нимъ соглашается.

Вотъ пять главныхъ лицъ комедіи. Но кромѣ ихъ еще есть лица нравственно-совершенныя, выводимыя въ противуположность порочнымъ. Таковы Добролюбовъ и Софья, дочь совѣтника. Эти лица представляютъ большой недостатокъ въ художественномъ созданіи, и благодаря имъ, авторъ нисколько не достигаетъ той нравственной цѣли, какую имѣлъ въ виду при ихъ изображеніи. Они холодны, скучны, чужды живаго комическаго языка и докучаютъ своими нравственными сентенціями. Зритель зѣваетъ отъ скуки при появленіи ихъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ ихъ ухода и выхода на сцену лицъ порочныхъ, заставляющихъ его отъ души смѣяться. Идеалъ добра тускнѣетъ въ этихъ холодныхъ и мертвыхъ изображеніяхъ добродѣтели; онъ ярче выступаетъ въ душѣ, когда она художественнымъ простодушнымъ смѣхомъ озаряетъ все неразумное въ жизни.

Дѣйствіе въ Бригадирѣ состоитъ въ перекрестной интригѣ между порочнымн лицами. Бригадиръ любезничаетъ съ совѣтницей и находитъ соперника себѣ въ сынѣ Иванушкѣ. Совѣтникъ неравнодушенъ къ бригадиршѣ. Его изъясненіе въ любви къ ней подаетъ поводъ къ презабавной сценѣ, едва ли не лучшей во всей комедіи, но не оцѣненной нашими критиками. Комизмъ состоитъ въ томъ, что бригадирша нисколько не понимаетъ любовнаго языка совѣтника и приходитъ въ неистовство, когда сынъ, заставшій совѣтника на колѣняхъ передъ матерью, объясняетъ ей, въ чемъ дѣло. Здѣсь бригадирша обнаруживаетъ замѣчательную чистоту нравовъ старинной русской жены, которая служила

сильною опорою въ семейной жизни предковъ и ставитъ бригадиршу высоко надъ всѣми другими порочными лицами комедіи.

Внѣшняя завѣса Петровой реформы скрыла отъ глазъ русскаго общества многія язвы, таившіяся глубоко внутри отечества. Фонвизинъ въ *Недорослѣ* смѣлою рукою художника отдернулъ эту завѣсу и обличилъ язвы. Здѣсь на первомъ планѣ является семейство Простаковыхъ. Въ Бригадирѣ мы видѣли деспотизмъ мужа надъ женою; здѣсь же, напротивъ, жена деспотически управляетъ мужемъ, крестьянами, и искажаетъ нелѣпымъ баловствомъ человѣческій образъ на родномъ сынѣ. Въ лицѣ Митрофанушки Фонвизинъ поразилъ отсутствіе человѣческаго воспитанія, чѣмъ страдали многія дворянскія семейства Россіи, и съ того времени имя Митрофанушки сдѣлалось у насъ именемъ комически-нарицательнымъ; а имя нарицательное *недоросль* — именемъ почти позорнымъ. Прежде званіе *недоросль изъ дворянъ* употреблялось даже въ нашихъ гражданскихъ актахъ, но комедія Фонвизина уничтожила его, какъ и чинъ бригадира. Такова сила комедіи!

Простакова — главное дѣйствующее лицо въ Недорослѣ. Въ ея образѣ мы видимъ весь тотъ вредъ, какой можетъ причинять обществу злая до безумія женщина, поставленная полновластною среди своего семейства. Простакова, между прочимъ, доказываетъ, что права женщины у насъ не были такъ стѣснены, какъ воображаютъ нѣкоторые порицатели древней русской жизни. Но злоба къ людямъ не изгладила окончательно въ Простаковой чувства любви: она любитъ безъ памяти своего Митрофанушку, но любитъ по-своему. Это любовь болѣе животная, нежели человѣческая. Простакова выразила сама характеръ этой любви словами: «У меня материнно сердце. Слыхано ли, чтобы сука щенятъ своихъ выдавала?»

Чтобы понять нравственную сторону Простаковой, приведемъ съ ея собственныхъ словъ ея родословную и характеръ ея отца, Скотинина: «Насъ дѣтей было у нихъ восьмнадцать человѣкъ: да, кромѣ мена съ братцемъ, всѣ, по власти Господней, примерли: иныхъ

изъ бани мертвыхъ вытащили; трое, похлебавъ молочка изъ мѣднаго котлика, скончались; двое о Святой недѣлѣ съ колокольни свалились; а достальныя сами не стояли, батюшка!» Вотъ что Простакова сама говоритъ о родителяхъ: «Старинные люди, мой отецъ! Не нынѣшній былъ вѣкъ. Насъ ничему не учили. Бывало, добрые люди приступятъ къ батюшкѣ, ублажаютъ, ублажаютъ, чтобы хоть братца отдать въ школу. Кстати ли! Бывало, изволитъ закричать: «Прокляну ребенка, который что-нибудь перейметъ у бусурмановъ, и не будь тотъ Скотининъ, кто чему-нибудь учиться захочетъ». Этотъ самый Скотининъ, не зная грамоты, былъ воеводою 15 лѣтъ; послѣ всякаго челобитчика, отворялъ сундукъ и что-нибудь въ него вкладывалъ. Лежа на этомъ сундукѣ съ деньгами, онъ умеръ съ голоду.

Другой образчикъ семьи представляетъ Скотининъ, братъ Простаковой. Личность его развита особенно въ обычаѣ громко прокричать: «Я!» когда услышитъ свое имя. Характеръ же его выражается въ симпатіи къ свиньямъ до такой степени, что и будущихъ дѣтей своихъ онъ готовъ называть поросятами. «Люблю свиней, сестрица!...» «Нѣтъ, сестра! я и своихъ поросятъ завести хочу».

Чтобы докончить характеристику этого рода, нельзя забыть и дядю Скотинина, Вавилу Фалелѣева, замѣчательнаго развитіемъ физической силы. Племянникъ его, Тарасъ, разсказываетъ о немъ, какъ онъ разъ, верхомъ на борзомъ иноходцѣ, разбѣжался хмѣльной въ каменныя низкія ворота и, забывъ наклониться, хватилъ себя лбомъ о притолоку. «Я хотѣлъ бы знать», спрашиваетъ Скотининъ, «есть ли на свѣтѣ ученый лобъ, который отъ такого тумака не развалился? А дядя, вѣчная ему память, протрезвясь, спросилъ только: цѣлы ли ворота?»

Простакова, однако, выдѣляется въ своей семьѣ тѣмъ, что уже чувствуетъ потребность воспитанія. Но удовлетворяетъ она этой потребности своеобразно. Въ Митрофанушкѣ развиты всего болѣе животные инстинкты. Ничто такъ не характеризуетъ его, какъ чтеніе псалтыри съ Кутейкинымъ: «Азъ есмь скотъ, а

не человѣкъ, поношеніе человѣковъ». Отношенія Митрофанушки къ отцу и къ матери видны изъ перваго его разсказа о томъ, какъ ему, съ вечера наѣвшемуся пироговъ, всякая дрянь лѣзла въ голову. На вопросъ матери: «Какая жъ дрянь?» онъ отвѣчаетъ: «Да то ты, матушка, то батюшка», — и при томъ еще съ такою подробностію: «Лишь стану засыпать, то и вижу, будто ты, матушка, изволишь бить батюшку». Ему жаль стало, но не битаго отца, а мать, которая устала, колотя своего мужа.

При Митрофанушкѣ находится его няня, Еремѣевна, образчикъ старинныхъ русскихъ нянь, но въ искаженномъ видѣ. Своею непоколебимою преданностію господамъ она стоитъ нравственно выше ихъ; но эта преданность не столько человѣческая, сколько животная, — преданность собаки, которую бьютъ и которая все такъ же ластится къ своимъ хозяевамъ. Но изъ устъ ея раздается человѣческій ропотъ, когда она говоритъ Кутейкину, что *благостыня* ей: по пяти рублей на годъ, да по пяти пощечинъ на день.

Митрофанушка имѣетъ трехъ учителей. Выгнанный изъ семинаріи Кутейкинъ представляетъ изнанку современнаго духовнаго сословія. Въ немъ съ глубокою ироніей поражена черта его корыстолюбія. Честный Цыфиркинъ представляетъ, напротивъ, типъ безкорыстія нашихъ старыхъ военныхъ. Фонвизинъ, въ изображеніи этихъ двухъ лицъ, потворствовалъ обществу, которое не сочувствовало духовенству, а льстило военной службѣ, ведшей начало свое отъ временъ Петра.

Третій учитель Митрофанушки—Нѣмецъ, но съ русскимъ именемъ, передѣланнымъ на нѣмецкій ладъ—Адамъ Адамычъ Вральманъ. Бывши прежде кучеромъ, онъ съ козелъ попалъ въ воспитатели дворянскаго сына. Его прежнее званіе напоминаетъ нѣмецкое происхожденіе *кучера* (Kutscher) въ Россіи. Вральманъ говоритъ ломанымъ по-нѣмецки русскимъ языкомъ. Эта черта взята Фонвизинымъ изъ нашихъ народныхъ нравовъ. Русскій любитъ посмѣяться надъ Нѣмцемъ и въ смѣшномъ видѣ изобразить его походку, платье, парикъ и ломку по-своему русскаго языка. О святкахъ, когда костюмируется русскій народъ, въ его

маскарадныхъ увеселеніяхъ вы нерѣдко встрѣтите наряженнаго Нѣмца съ исковерканною русскою рѣчью. Вообще, нѣтъ такого удовольствія Русскому, какъ потѣшиться надъ нѣмецкимъ человѣкомъ въ Россіи, точно такъ, какъ для Француза большое удовольствіе посмѣяться надъ Англичаниномъ. Впервые внесенный Фонвизинымъ въ русскую комедію, мотивъ Нѣмца, говорящаго по-русски, впослѣдствіи былъ очень плодовитъ въ нашихъ комедіяхъ и нашелъ множество подражателей. Вральманъ гораздо хитрѣе и Цифиркина, и Кутейкина. Тѣ, хотя и не важные учители, но честно и искренно настаиваютъ на томъ, чтобы Митрофанушка учился и въ чемъ-нибудь да успѣлъ. Вральманъ же, какъ хитрый Нѣмецъ, поддѣлывается подъ баловство матери и настаиваетъ на томъ, чтобъ Митрофанушка ничему не учился.

Недоросль, такъ же какъ и Бригадиръ, грѣшитъ изображеніемъ добродѣтельныхъ лицъ. Они бездушны и мертвы; но изъ нихъ надобно исключить Стародума. Это лицо живое, типъ характеристическій: это—старый, честный и благородный служака временъ Петровыхъ, который, обидѣвшись учиненною надъ нимъ неправдою, удалился отъ двора и службы и сохранилъ въ чистотѣ всю цѣлость благородной души своей. Вотъ прекрасная исторія этой отставки, выраженная притчею о табакеркѣ.

Стародумъ.

Отъ двора, мой другъ, выживаютъ двумя манерами: либо на тебя разсердятся, либо тебя разсердятъ. Я не сталъ дожидаться ни того, ни другаго; разсудилъ, что лучше вести жизнь у себя дома, нежели въ чужой передней.

Правдинъ.

Итакъ, вы отошли отъ двора ни съ чѣмъ?

(Открываетъ свою табакерку).

Стародумъ.

(Беретъ у Правдина табакъ).

— Какъ ни съ чѣмъ? Табакеркѣ цѣна пятьсотъ рублевъ. Пришли къ купцу двое. Одинъ, заплатя деньги, принесъ домой табакерку. Другой пришелъ домой безъ табакерки. И ты думаешь, что другой пришелъ домой ни съ чѣмъ? Ошибаешься. Онъ принесъ назадъ свои пятьсотъ рублевъ цѣлы. Я отошелъ отъ двора безъ деревень, безъ ленты, безъ чиновъ, да мое принесъ домой неповрежденно: мою душу, мою честь, мои правила.

Приведемъ еще замѣчательное опредѣленіе должности: «Должность! А, мой другъ! Какъ это слово у всѣхъ на языкѣ, и какъ мало его понимаютъ! Всечасное употребленіе этого слова такъ насъ съ нимъ ознакомило, что, выговоря его, человѣкъ ничего уже не мыслитъ, ничего не чувствуетъ. Еслибъ люди понимали его важность, никто не могъ бы вымолвить его безъ душевнаго почтенія. Подумай, что̀ такое должность. Это тотъ священный обѣтъ, которымъ обязаны мы всѣмъ тѣмъ, съ кѣмъ живемъ и отъ кого зависимъ. Еслибъ такъ должность исполняли, какъ объ ней твердятъ, всякое состояніе людей осталось бы при своемъ любочестіи, и было бъ совершенно счастливо. Дворянинъ, напримѣръ, считалъ бы за первое безчестіе не дѣлать ничего, когда есть ему столько дѣла: есть люди, которымъ помогать; есть отечество, которому служить. Тогда не было бъ такихъ дворянъ, которыхъ благородство, можно сказать, погребено съ ихъ предками. Дворянинъ, недостойный быть дворяниномъ — подлѣе его ничего на свѣтѣ не знаю!». Князь П. А. Вяземскій, въ своемъ классическомъ разборѣ комедій Фонвизина, называетъ Стародума *подобіемъ хора въ древней трагедіи*. Въ хорѣ трагикъ выражалъ или свои собственныя размышленія, возбуждаемыя дѣйствіемъ трагедіи, или размышленія всей лучшей стороны того общества, которое присутствовало при представленіи. Въ комедіяхъ древнихъ, какъ въ Аристофановыхъ, поэтъ выражалъ себя и свое общество въ такъ называемомъ *парабазѣ* (παράβασις). Греки, въ своемъ чудномъ сознаніи всѣхъ разнообразныхъ законовъ и явленій изящнаго, сознавали необходимость дополнять стихію смѣшнаго, комическаго открытымъ разумнымъ сознаніемъ

того идеала общественнаго добра, который искажался въ порокахъ и недостаткахъ общества. Въ парабазѣ онъ возстановлялся, и поэтъ отъ смѣха переходитъ къ серіознымъ думамъ и даже къ слезамъ. Французская комедія, которую мы усвоили себѣ, не поняла этого высокаго стремленія комедіи греческой. Она замѣнила парабазъ холодными резонерами, которые наводили скуку на зрителей. Фонвизинъ, къ сожалѣнію, послѣдовалъ примѣру французскихъ комиковъ; но въ созданіи Стародума онъ, по чувству художественному, сталъ выше ихъ. Гоголь, какъ истинный и полный художникъ, отвергъ вовсе стихію резонерства; но по требованію общественно-нравственнаго чувства, столь сроднаго комику, создалъ къ своему Ревизору отдѣльный парабазъ въ *Театральномъ разъѣздѣ*.

Въ Недорослѣ сходятся и переплетаются два дѣйствія. Одно изъ нихъ представляетъ любовную интригу, безъ которой немыслима новая комедія. Она сосредоточена около Софьи, племянницы Стародума. Узнавъ, что она будетъ его наслѣдницей, Простакова прочитъ за нее Митрофанушку. Братъ ея, Скотининъ, также ухаживаетъ за нею, узнавъ, что въ ея деревнѣ водятся отличныя свиньи, — и дядя является соперникомъ племяннику, что̀ подаетъ поводъ къ забавнымъ, но грубымъ домашнимъ сценамъ. Простакова устроиваетъ даже насильственное похищеніе Софьи, но все это прекращаетъ Стародумъ. Другое комическое дѣйствіе Недоросля не имѣетъ ни завязки, ни развязки, а состоитъ въ отдѣльныхъ картинахъ, относящихся къ воспитанію Митрофанушки. Сюда относится первое явленіе комедіи. Мать примѣряетъ новый кафтанъ на сына. Сцена эта имѣетъ глубокое значеніе, какъ въ самой комедіи, такъ и вообще въ новой русской общественной жизни, въ которой кафтанъ и вообще внѣшность получили столь важное значеніе на счетъ внутренняго достоинства. Воспитаніе новаго Русскаго человѣка временъ Петровыхъ какъ будто началось съ кафтана, а не съ головы и сердца. Портной Тришка, который ни у кого не учился, однако сшилъ кафтанъ, представляетъ образчикъ народной русской смышлености. Когда барыня спра-

шиваетъ его: «Да первой-то портной у кого же учился? Говори, скотъ!» Тришка отвѣчаетъ: «Да первой-то портной, можетъ быть, шилъ хуже и моего». Далѣе слѣдуютъ утреннія сцены Митрофанушки съ матерью и съ няней Еремѣевной; сцены уроковъ Кутейкина и Цифиркина, прерываемыхъ приходомъ Вральмана, и наконецъ, превосходныя сцены экзамена Митрофанушки, который совершается въ присутствіи Стародума. Все это дѣйствіе, хотя, повидимому, и состоитъ въ отдѣльныхъ, разрозненныхъ сценахъ, но представляетъ во внутреннемъ содержаніи глубокое, цѣльное единство. Здѣсь также во всемъ видна только внѣшность, не блистательная какъ въ высшемъ обществѣ, но столь же нелѣпая и безумная. Плоды такого воспитанія обнаруживаются въ заключительномъ поступкѣ Митрофанушки съ матерью,—поступкѣ, который представляетъ черту высоко-комическую, но вмѣстѣ показывающую, что комическое, на вершинѣ своего развитія, граничитъ съ трагическимъ. Когда Простакова, пораженная правосудіемъ правительства и оставленная всѣми, бросается обнимать сына, надѣясь въ немъ найдти себѣ утѣшеніе, и говоритъ ему: «Одинъ ты остался у меня, мой сердечный другъ, Митрофанушка!» — Митрофанъ отвѣчаетъ: «Да отвяжись, матушка! Какъ навязалась....». Тогда Простакова въ отчаяніи восклицаетъ: «И ты, и ты меня бросаешь! А! неблагодарный!» и падаетъ въ обморокъ. При этой сценѣ жалость смѣняетъ смѣхъ, и серьезная дума смежаетъ уста пораженнаго зрителя. Здѣсь-то выступаютъ невольно наружу тѣ внутреннія слезы, которыя подъ личиною смѣха скрываетъ всякая высокая комедія.

Въ развязкѣ Недоросля важную роль играетъ правительство: оно, какъ deus ex machina, является подъ конецъ, чтобы развязать всѣ узлы, положить преграду произволу крѣпостнаго права и возстановить общественное правосудіе, оскорбленное зрѣлищемъ безнравственныхъ поступковъ Простаковой. Почти всѣ наши комики сознавали эту законную силу правительства и выдвигали ее въ концѣ своихъ комедій.

Черты комическаго остроумія разсѣяны и во всѣхъ другихъ

сочиненіяхъ Фонвизина. Мы заключаемъ ихъ разборъ отрывками изъ его *Всеобщей придворной грамматики*, которая блещетъ смѣлымъ остроуміемъ и приноситъ честь, какъ ея автору, такъ и императрицѣ, позволявшей при своемъ Дворѣ говорить такъ искренно противъ этого же Двора. Авторъ предувѣдомляетъ, что рукопись этой Грамматики была найдена въ Азіи, гдѣ, какъ сказываютъ, былъ первый царь и первый дворъ. Древность сочиненія глубочайшая; на первомъ листѣ изображены слова: «вскорѣ послѣ всеобщаго потопа». Прочтемъ отрывки изъ него.

Вопр. Что̀ есть Придворная Грамматика?

Отв. Придворная Грамматика есть наука хитро льстить языкомъ и перомъ.

Вопр. Что̀ значитъ хитро льстить?

Отв. Значитъ говорить и писать такую ложь, которая была бы знатнымъ пріятна, а льстецу полезна.

Вопр. Что̀ есть придворная ложь?

Отв. Есть выраженіе души подлой предъ душою надменною. Она состоитъ изъ безстыдныхъ похвалъ большому барину за тѣ заслуги, которыхъ онъ не дѣлалъ, и за тѣ достоинства, которыхъ не имѣетъ.

Вопр. Что̀ есть число?

Отв. Число у двора значитъ счетъ, за сколько подлостей сколько милостей достать можно.....

Вопр. Что̀ есть придворный падежъ?

Отв. Придворный падежъ есть наклоненіе сильныхъ къ наглости, а безсильныхъ къ подлости. Впрочемъ, бо̀льшая часть бояръ думаютъ, что всѣ находятся предъ ними въ *винительномъ падежѣ;* снискиваютъ же ихъ расположеніе и покровительство обыкновенно *падежомъ дательнымъ*.

О глаголахъ.

Вопр. Какой глаголъ спрягается чаще всѣхъ, и въ какомъ времени?

Отв. Какъ у двора, такъ и въ столицѣ никто безъ долгу не живетъ; для того чаще всѣхъ спрягается глаголъ *быть должнымъ*. (Для примѣра прилагается здѣсь спряженіе *настоящаго времени*, чаще всѣхъ употребительнѣйшаго).

Настоящее.

Я долженъ.	Мы должны.
Ты долженъ.	Вы должны.
Онъ долженъ.	Они должны.

Вопр. Спрягается ли сей глаголъ въ прошедшемъ времени?

Отв. Весьма рѣдко: ибо никто долговъ своихъ не платитъ.

Вопр. А въ будущемъ?

Отв. Въ будущемъ спряженіе сего глагола употребительно: ибо само собою разумѣется, что всякій непремѣнно въ долгу *будетъ*, если еще не есть.

Фонвизинъ, подобно Сумарокову, дѣятельно способствовалъ обновленію русскаго театра. Но комедіи болѣе посчастливилось у насъ, чѣмъ трагедіи. Въ этомъ отношеніи наша литература сходствуетъ съ литературою древняго Рима. Современникомъ и ученикомъ Сумарокова былъ А. О. Аблесимовъ († 1784), который часто переписывалъ стихотворенія своего учителя. Комическая опера его *Мельникъ* имѣла успѣхъ народный, и долго оставалась на сценѣ, возбуждая сочувствіе въ публикѣ всѣхъ сословій. Причиной успѣха было то, что содержаніе оперы схвачено изъ народной жизни. Мельникъ-колдунъ есть у насъ типъ, который впослѣдствіи воспроизведенъ былъ Пушкинымъ въ его «Русалкѣ» и еще недавно графомъ А. К. Толстымъ въ его романѣ «Князь Серебрянный», но честь изобрѣтенія этого типа остается за Аблесимовымъ. Кромѣ того, въ этой оперѣ есть еще другое явленіе народной жизни, остроумно очерченное въ видѣ русской загадки:

Самъ помѣщикъ, самъ крестьянинъ,
Самъ холопъ и самъ бояринъ,

Самъ и пашетъ, самъ орётъ
И съ крестьянъ оброкъ беретъ.

Эта загадка есть русскій однодворецъ, плодъ отсутствія у насъ маіората и дѣленія наслѣдственныхъ имѣній поровну между братьями. Въ однодворцѣ сходилось у насъ и дворянство и крестьянство, подавая другъ другу руку.

Еще ближе къ Сумарокову былъ Я. В. Княжнинъ (1742—1789), начавшій драматическое поприще подъ его покровительствомъ и женатый на его дочери. Княжнинъ былъ ровесникомъ и соперникомъ, но силою дарованія неравнымъ Фонвизину. Они встрѣчались нерѣдко въ домѣ Нелединскаго-Мелецкаго и обмѣнивались между собою остроумными эпиграммами. Такъ, Фонвизинъ спрашивалъ у Княжнина: «Да когда же выростетъ твой Росславъ? Онъ все кричитъ: я Росъ, я Росъ!» — Онъ выростетъ, когда твоего Бригадира произведутъ въ генералы, отвѣчалъ Княжнинъ.

Княжнинъ писалъ трагедіи и комедіи. Первыя скоро были забыты, за исключеніемъ *Вадима Новогородскаго*, который былъ напечатанъ уже по смерти автора княгинею Дашковою и впослѣдствіи сожженъ публично за либеральныя идеи. Долѣе держались на сценѣ и привлекали публику комедіи Княжнина: *Хвастунъ*, *Чудаки*, и комическія оперы, особенно *Сбитенщикъ*. Пушкинъ мѣтко охарактеризовалъ Княжнина эпитетомъ *переимчиваго*. Въ свои трагедіи Княжнинъ вносилъ стихи и цѣлыя тирады изъ французскихъ трагиковъ. Въ комедіяхъ онъ также подражалъ Французамъ; въ «Хвастунѣ» — комедіямъ Корнеля и Грессета: «*Le Menteur*». Но «Хвастунъ» хвастовствомъ Верхолета и слуги его Полиста имѣлъ еще нѣкоторое отношеніе къ хвастовству свѣтскому, какимъ отличались у насъ свѣтскіе щеголи новой Петровской эпохи. «Чудаки» своими странностями также родня своенравнымъ оригиналамъ между русскими барами. Но и здѣсь въ Княжнинѣ виденъ переимщикъ и подражатель. Тромпетинъ и Свирѣлкинъ — копіи съ Трисотина и Вадіуса. Опера «Сбитень-

щикъ» взята изъ комедіи Бомарше «Севильскій цирюльникъ». Какъ ни старался Княжнинъ подладить своего сбитеньщика Степана подъ русскіе нравы, но это ему не удалось. Остроумный куплетъ о счастіи пережилъ оперу:

Счастье строитъ все на свѣтѣ,
Безъ него куда съ умомъ!
Ѣздитъ счастіе въ каретѣ,
А съ умомъ идешь пѣшкомъ.

Въ новомъ періодѣ русской словесности двѣ струи идутъ параллельно между собою, одна превышая другую: первая — оригинальная, вторая — подражательная. Оригинальную усвоили писатели геніальные и даровитые, подражательную — посредственные и бездарные. Первые дѣйствуютъ свободно по сочувствію къ народной жизни; вторые раболѣпствуютъ Французамъ и заимствуютъ ихъ произведенія. Фонвизинъ черпалъ художественный смѣхъ изъ источниковъ русской жизни; Княжнинъ — изъ французскихъ комедій и оперетъ.

Воспитаніе, какъ мы уже сказали, было господствующею идеею въ комедіяхъ Фонвизина. Но, какъ комикъ, онъ обнималъ и другіе вопросы общественной жизни, хотя и не пользовался ими для своихъ комедій. Таковъ былъ вопросъ о судопроизводствѣ, которое страдало у насъ издавна неправосудіемъ и лихоимствомъ. Однимъ изъ дѣятельнѣйшихъ средствъ къ водворенію правосудія Фонвизинъ почиталъ гласность и первымъ шагомъ къ ней печатаніе тяжбъ и рѣшеній судебныхъ. Вотъ какъ онъ выразилъ объ этомъ свои мысли въ письмѣ къ сочинителю *Былей и небылицъ*, т. е. къ императрицѣ Екатеринѣ, которая подъ этимъ именемъ печатала свои сочиненія въ Собесѣдникѣ. Фонвизинъ предложилъ императрицѣ вопросъ: отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Императрица отвѣчала: оттого, что вольныхъ типографій до 1782 года не было. Вслѣдъ за этимъ отвѣ-

томъ написано было имъ письмо, изъ котораго предлагаемъ отрывокъ:

«Вседушевно благодарю васъ за отвѣтъ на мой вопросъ: отчего тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства? Отвѣтъ вашъ подаетъ надежду, что размноженіе типографій послужитъ не только къ распространенію знаній человѣческихъ, но и къ подкрѣпленію правосудія....

«Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества. Многіе постыдятся думать то, чего дѣлать не страшатся. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ, воздастся достойная хвала праведнымъ судіямъ; возгнушаются честныя сердца неправдою судей безсовѣстныхъ и алчныхъ. О, если бъ я имѣлъ талантъ вашъ, г. сочинитель *Былей и небылицъ*, съ радостью начерталъ бы я портретъ судьи, который, считая всѣ свои бездѣльства погребенными въ архивѣ своего мѣста, беретъ въ руки печатную тетрадь, и вдругъ видитъ въ ней свои скрытыя плутни объявленными во всенародное извѣстіе. Если бъ я имѣлъ перо ваше, съ какою бы живостію изобразилъ я, какъ, пораженный симъ нечаяннымъ ударомъ, безсовѣстный судья блѣднѣетъ, какъ трясутся его руки; какъ при чтеніи каждой строки языкъ его нѣмѣетъ, и по всѣмъ чертамъ его лица разливается стыдъ, проникнувшій въ мрачную его душу, можетъ быть, въ первый разъ отъ рожденія! Вотъ г. сочинитель *Былей и небылицъ*, вотъ портретъ, достойный забавной, но сильной кисти вашей!»

Этими мыслями Фонвизинъ пролагалъ послѣдующимъ комикамъ, какъ, напримѣръ, Капнисту, Судовщикову и другимъ, путь къ изображенію неправды судовъ въ своихъ комедіяхъ.

Бесѣды Екатерины съ лучшими современными умами, бесѣды литературно-общественныя, съ содержаніемъ которыхъ знакомилъ ея журналъ Собесѣдникъ, были весьма плодотворны какъ для общества, такъ и для словесности. Въ этихъ бесѣдахъ зарож-

дались и затѣмъ высказывались многія живительныя идеи, которыя связывали людей, мыслящихъ единствомъ благородной цѣли— совершенствованія общественнаго. Комедія и сатира не имѣютъ иной задачи: комедія хохотомъ, а сатира негодованіемъ и шуткой, обличая язвы общества и поражая его пороки, черезъ это разумное ихъ познаніе возвышаютъ идеалъ гражданскаго благоустройства и нравственнаго воспитанія въ народѣ. Конечно, онѣ однѣ безсильны, чтобы окончательно водворить то и другое: онѣ предлагаютъ лишь средства отрицательныя; средства же положительныя заключаются въ чемъ-то высшемъ.

ЛЕКЦІЯ 10.

Писатель, стоящій между Державинымъ и Карамзинымъ, другъ обоихъ былъ И. И. Дмитріевъ (1760—1837). Къ нему питало особенное сочувствіе и все молодое поколѣніе, воспитанное Карамзинымъ. Симбирскъ былъ его родиной, Волга его вскормила — и онъ благодарно воспѣлъ ее.

Сатирою *Чужой толкъ* Дмитріевъ нанесъ рѣшительный ударъ торжественной одѣ Державина, когда она, въ лицѣ его безчисленныхъ подражателей, дожила до оффиціальности и не отличалась ничѣмъ, кромѣ пустаго звона. Дмитріевъ обличилъ борзыхъ нашихъ одописцевъ своими стихами:

А нашихъ многихъ цѣль — награда перстенькомъ,
Нерѣдко сто рублей, иль дружество съ князькомъ,
Который отъ роду не читывалъ другого,
Кромѣ придворнаго подъ часъ мѣсяцослова.

Остроумно онъ раскрылъ тайну сочиненія этихъ одъ въ слѣдующемъ сатирическомъ изображеніи:

И вотъ какъ писывалъ поэтъ природный оду:
Лишь пушекъ громъ подастъ пріятну вѣсть народу,

Что Рымникскій Алкидъ Поляковъ разгромилъ,
Иль Ферзенъ ихъ вождя Костюшку полонилъ,
Онъ тотчасъ за перо, и разомъ вывелъ: *Ода!*
Потомъ, въ одинъ присѣстъ: *такого дня и года!*
«Тутъ какъ?... *Пою!*.. Иль нѣтъ, ужъ это старина!
«Не лучше ль: *даждь мнѣ Фебъ?*... Иль такъ: *не ты одна*
«*Попала подъ пяту, о чалмоносна Порта?*
«Но что же мнѣ прибрать къ ней въ рифму, кромѣ чорта?
«Нѣтъ, нѣтъ! не хорошо; я лучше поброжу,
«И воздухомъ себя открытымъ освѣжу».
Пошелъ, и на пути такъ въ мысляхъ разсуждаетъ:
«Начало никогда пѣвцовъ не устрашаетъ;
«Что хочешь, то мели! Вотъ штука, какъ хвалить
«Героя-то придетъ! Не знаю, съ кѣмъ сравнить?
«Съ Румянцовымъ его, иль съ Грейгомъ, иль съ Орловымъ?
«Какъ жаль, что древнихъ я не читывалъ! а съ новымъ —
«Не ловко что-то все. — Да просто напишу:
«Герой, ликуй! ликуй! Герой ты!» возглашу.
«Изрядно! Тутъ же что? Тутъ надобенъ восторгъ!
Скажу: *кто завѣсу мнѣ вѣчности расторгъ!*
«*Я вижу молній блескъ! Я слышу съ горня свѣта*
«*И то, и то*... А тамъ?... Извѣстно: *многи лѣта!*
«Брависсимо! и планъ, и мысли, все ужъ есть!
«Да здравствуетъ поэтъ! осталося присѣсть,
«Да только написать, да и печатать смѣло!»
Бѣжитъ на свой чердакъ, чертитъ, и въ шляпѣ дѣло!
И оду ужъ его тисненью предаютъ,
И въ одѣ ужъ его намъ ваксу продаютъ.

Дмитріевъ самъ разсказывалъ, что Державинъ обидѣлся его сатирою; но размолвка между друзьями длилась не долго. Дмитріевъ самъ не писалъ торжественныхъ одъ, хотя и не отказывался отъ лирики. Онъ посвящалъ ее не современнымъ полководцамъ, а героямъ древней Руси. Въ *Ермакѣ* онъ воспѣлъ поко-

рителя Сибири, въ *Освобожденіи Москвы* — князя Пожарскаго. Когда потомки Ломоносова были избавлены отъ рекрутства, Дмитріевъ на эту царскую милость Павла откликнулся благородными стихами. Лирика сердечныхъ чувствъ и движеній, съ успѣхомъ начатая Нелединскимъ-Мелецкимъ, привлекала также Дмитріева. Его пѣсни: *Стонетъ сизый голубочекъ. Что съ тобою, ангелъ, стало?* и *Всѣхъ цвѣточковъ болѣ, розу я любилъ*, долго раздавались въ устахъ прекраснаго пола. Въ его подражаніяхъ элегіямъ Тибулла и въ нѣкоторыхъ антологическихъ пьесахъ мы видимъ зародышъ поэзіи Батюшкова; въ удачномъ переводѣ стихами Мольеровой сцены: Триссотинъ и Вадіусъ — начало нашего художественнаго комическаго стиха; въ остроумныхъ эпиграммахъ — колючее зерно безчисленныхъ эпиграммъ Батюшкова, Пушкина и другихъ. Въ художественной формѣ своихъ сказокъ Дмитріевъ подражалъ Лафонтену; въ вольномъ стихѣ разсказа продолжалъ и усовершенствовалъ стихъ Богдановича. Въ сказкахъ онъ имѣлъ достойнаго преемника по простотѣ разсказа, по остроумію изобрѣтенія, въ лицѣ *Панкратія Сумарокова*. Наконецъ, басни Дмитріева могли быть побѣждены у насъ только баснями Крылова, которому онъ указалъ дорогу и котораго безкорыстно и великодушно вызвалъ самъ на это поприще. Дмитріевъ отходитъ отъ школы Державина большею чистотою художественной отдѣлки стиха. Онъ во всемъ и ровнѣе и добросовѣстнѣе, благоразуміе вкуса сопутствуетъ ему вездѣ. Онъ не возносится такъ высоко какъ Державинъ, но за то и не падаетъ такъ низко.

Дмитріевъ умѣлъ остановиться во-время. Увидѣвъ успѣхи новыхъ поколѣній, онъ заблаговременно самъ отказался отъ пера и жилъ въ Москвѣ, въ мирномъ, но созерцательномъ бездѣйствіи, принимая живое участіе въ движеніи современной литературы. Мы помнимъ его въ это время. Онъ отличался чудною пластическою рѣчью, когда разсказывалъ анекдоты о своихъ современникахъ. Однажды только нарушилъ онъ литературное молчаніе, именно въ *Четверостишіяхъ*; но это не обошлось ему даромъ:

Пушкинъ и Языковъ осмѣяли ихъ въ рѣзкихъ пародіяхъ, поразительно сходныхъ съ подлинниками.

Отъ Дмитріева переходимъ къ младшему его другу, Карамзину, на изученіи котораго должны остановиться съ особеннымъ вниманіемъ. Какъ Державинъ представилъ намъ идею правды, такъ Карамзинъ — идею добра. Добро мы должны оказывать ближнему въ силу Божественной заповѣди любить его. Ближе всего къ намъ наше отечество, наши сограждане, какъ братья одной семьи, составляющей Россію. Но въ XIX вѣкѣ, когда всѣ народы стали сливаться въ одинъ общій союзъ человѣчества, уже стало невозможнымъ отдѣлять отъ сего послѣдняго свое отечество. Во взаимномъ союзѣ двухъ идей: отечества и человѣчества, можетъ только олицетвориться идея добра. Такъ понималъ и олицетворялъ ее Карамзинъ. Въ сердцѣ его соединялись двѣ любви, какъ онъ самъ то свидѣтельствовалъ въ письмахъ къ другу своему Дмитріеву. Описывая внутреннюю сладость исторической работы, Карамзинъ такъ выражается о ней: «Работа сдѣлалась для меня опять сладка: знаешь ли, что я со слезами чувствую признательность къ Небу за свое историческое дѣло. Знаю, что́ и какъ пишу; въ своемъ тихомъ восторгѣ не думаю ни о современникахъ, ни о потомствѣ: я независимъ, и наслаждаюсь только своимъ трудомъ, любовію къ *отечеству* и *человѣчеству*». Въ другомъ мѣстѣ выражена та же самая мысль: «Богъ видитъ, люблю ли человѣчество и народъ Русскій». Такъ дѣлается для насъ ясно въ сознаніи самаго историка, какъ два слитыя чувства къ человѣчеству и отечеству, воспитанныя въ немъ цѣлою жизнію, соединенно одушевляли его при главномъ трудѣ, которому онъ посвятилъ самыя зрѣлыя силы и самые плодотворные годы своей жизни.

Карамзинъ представляетъ превосходный образецъ соединенной любви къ человѣчеству и отечеству. Въ немъ эти два чувства уравновѣшивались, поддерживая и питая другъ друга. Примѣромъ своей жизни онъ доказалъ, что одно безъ другаго не можетъ быть полно. Любовь къ человѣчеству, не примѣненная къ нашимъ ближ-

нимъ, олицетворяемымъ для насъ въ отечествѣ, перерождается въ отвлеченный и праздный космополитизмъ. Любовь къ отечеству, не озаренная свѣтомъ любви къ человѣчеству, переходитъ въ узкій или квасной патріотизмъ. Карамзинъ научилъ Русскихъ избѣгать и той и другой крайности; но, къ сожалѣнію, не всѣ слѣдуютъ его примѣру.

Наша личность, обращенная всѣми своими сочувствіями къ добру и пользѣ человѣчества и не разорвавшая связей съ отечествомъ, можетъ служить прекраснымъ сосудомъ для того, чтобы передавать всемірное добро своему народу: такова была личность Карамзина. Жизнь Карамзина раздѣляется на двѣ части: въ первой всесторонним образованіемъ онъ готовитъ себя на подвигъ отечественный, во второй — обрекаетъ себя на служеніе отечеству въ Исторіи Государства Россійскаго. Разсмотримъ обѣ половины этой прекрасной, цѣльной жизни.

Н. М. Карамзинъ родился въ годину смерти Ломоносова, 1765 года декабря 1-го, въ селѣ Михайловскомъ, Оренбургской губерніи. Дѣтство свое онъ проводилъ въ Симбирскѣ, на берегахъ Волги. Въ младенчествѣ уже постигло его несчастіе: онъ лишился матери. Вотъ въ какихъ грустныхъ чертахъ онъ оплакиваетъ свое младенческое сиротство:

Ахъ! я не зналъ тебя!... ты, давъ мнѣ жизнь, сокрылась!
Среди весеннихъ ясныхъ дней
Въ жилище мрака преселилась!
Я въ первый жизни часъ наказанъ былъ судьбой!
Не могъ тебя ласкать, ласкаемъ быть тобой!
Другіе на колѣняхъ
Любезныхъ матерей въ веселіи цвѣли,
А я въ печальныхъ тѣняхъ
Рѣкою слезы лилъ на мохъ сырой земли,
На мохъ твоей могилы!...
Но образъ твой священный, милый,
Въ груди моей напечатлѣнъ,

И съ чувствомъ въ ней соединенъ!
Твой тихій нравъ остался мнѣ въ наслѣдство.

Это обстоятельство положило печать грустной меланхоліи на характеръ Карамзина. Онъ любилъ ей предаваться и считалъ ее первымъ источникомъ поэзіи, воображая, что элегія была первымъ ея родомъ. Грусть, впрочемъ, какъ мы уже сказали, сродна Русскому человѣку. Сиротство Карамзина могло послужить прекрасною колыбелью для этого чувства.

Дмитріевъ въ Запискахъ своихъ разсказываетъ, какъ въ 1770 году, въ Симбирскѣ, будучи 10-ти лѣтъ, былъ съ своимъ братомъ на чьей-то свадьбѣ, и какъ русская няня подводила пятилѣтняго мальчика къ новобрачной. Этотъ мальчикъ былъ Карамзинъ. Онъ, по его же словамъ, воспитался въ образованной русской семьѣ, гдѣ родители не стыдились говорить на природномъ языкѣ. Кромѣ русской няни, въ первоначальномъ воспитаніи Карамзина принималъ участіе Нѣмецъ-врачъ, человѣколюбивый, добрый, кроткій и любившій дѣтей. Карамзинъ читалъ съ нимъ басни Геллерта. Но любимымъ чтеніемъ Карамзина были, по обычаю того времени, сказки и романы, воспламенявшіе его воображеніе. Онъ самъ разсказывалъ, какъ, подъ вліяніемъ этого чтенія, однажды въ бурный вечеръ онъ забрался въ оружейную своего отца, схватилъ въ ней саблю и отправился на гумно, чтобы тамъ сражаться съ злыми волшебниками. Но этимъ мечтамъ вскорѣ явилась противодѣйствіемъ римская исторія. Восьми лѣтъ Карамзинъ уже читалъ эту исторію; Сципіоны и Аннибалы привлекали его и образовали будущаго историка.

Нельзя пройти молчаніемъ одного обстоятельства изъ жизни Карамзина. Когда императоръ Александръ Павловичъ, въ 1824 году, отправлялся въ Симбирскъ, Карамзинъ вручилъ государю записку о достопримѣчательностяхъ этого города, и въ нихъ указалъ на Бѣлый Ключъ и на столѣтняго старца Елисея Кашинцова, который звонилъ въ колокола въ тотъ день, какъ Симбирскъ праздновалъ полтавскую побѣду, и былъ гребцомъ на лодкѣ

Петра Великаго, когда онъ плылъ по Волгѣ въ Астрахань, отправляясь въ персидскій походъ. Этотъ Елисей Кашинцовъ угощалъ Карамзина въ его ребячествѣ баснею и чаемъ и, вѣроятно, передавалъ ему свои славныя воспоминанія. Сверхъ того, на Карамзина дѣйствовало въ его дѣтствѣ знакомство съ мѣстными дворянами. Въ одномъ изъ своихъ разсказовъ: *Рыцарь нашего времени*, смѣси правды съ вымысломъ, онъ славитъ этихъ *достойныхъ матадоровъ* провинціи, бесѣда которыхъ имѣла вліяніе на изображеніе характера его героя, Леона, подъ которымъ, по всему вѣроятію, должно разумѣть его самого. Онъ приводитъ договоръ братскаго общества дворянъ, которые клянутся честію благородныхъ людей жить и умереть братьями, стоять другъ за друга горою во всякомъ случаѣ, не жалѣть ни трудовъ, ни денегъ для услугъ взаимныхъ, поступать всегда единодушно, наблюдать общую пользу дворянства, вступаться за притѣсненныхъ и помнить русскую пословицу: *тотъ дворянинъ, кто за многихъ одинъ;* не бояться ни знатныхъ, ни сильныхъ, а только Бога и государя; смѣло говорить правду губернаторамъ и воеводамъ; никогда не быть ихъ прихлебателями и не потакать противъ совѣсти. «А кто изъ насъ не сдержитъ своей клятвы, тому будетъ стыдно, и того выключить изъ братскаго общества».

Вотъ съ какою благодарностію онъ обращается къ дворянамъ, которые дѣйствовали благотворно на его дѣтство: «Добрые люди! миръ вашему праху! Пусть другіе называютъ васъ дикарями: Леонъ въ дѣтствѣ слушалъ съ удовольствіемъ вашу бесѣду словоохотную, отъ васъ заимствовалъ русское дружелюбіе, отъ васъ набрался духу Русскаго и благородной дворянской гордости, которой онъ послѣ не находилъ даже и въ знатныхъ обрядахъ: ибо спѣсь и высокомѣріе не замѣняютъ ея, ибо гордость дворянская есть чувство своего достоинства, которое удалятъ человѣка отъ подлости и дѣлъ презрительныхъ! — Добрые старики! миръ вашему праху!» — Отъ этихъ-то дворянъ происходитъ то Симбирское дворянство, которое воздвигло у себя монументъ Карамзину.

Москва была второю, духовною родиной Карамзина. Тогда въ древней столицѣ университетъ развивалъ уже свою многостороннюю дѣятельность, и въ числѣ профессоровъ съ особенною пользою дѣйствовалъ профессоръ Шаденъ. Онъ, первый, познакомилъ молодыхъ ученыхъ Россіи съ философіею Канта. Шаденъ содержалъ пансіонъ для воспитанія молодыхъ дворянъ, и въ этой школѣ получилъ воспитаніе и Карамзинъ. Шаденъ переносилъ науку къ намъ съ Запада добросовѣстно и умѣлъ ее примѣнять къ основамъ русской жизни. Изъ устъ своего профессора Карамзинъ могъ воспринять сознаніе тѣхъ монархическихъ началъ, которымъ онъ остался вѣренъ въ теченіе всей жизни. Еще въ пансіонѣ Шадена уже образовался въ немъ будущій публицистъ. Въ то время была война между Англіей и Соединенными Штатами. Карамзинъ позже вспоминалъ о томъ, съ какимъ восторгомъ онъ читалъ донесенія торжествующихъ британскихъ адмираловъ, какъ имена Роднея и Гоу не сходили у него съ языка, какъ праздновалъ онъ съ товарищами ихъ побѣды и какого сочувствія былъ исполненъ къ Англійской націи.

Шестнадцати лѣтъ Карамзинъ окончилъ воспитаніе въ пансіонѣ Шадена и поступилъ на службу въ Преображенскій полкъ, куда записанъ былъ еще въ малолѣтствѣ подпрапорщикомъ. Въ Петербургъ онъ привезъ письмо къ Дмитріеву отъ отца его. Дмитріевъ съ любовію принялъ «румянаго и миловиднаго юношу», какъ говоритъ о немъ въ своихъ Запискахъ. Они сблизились. Къ этому времени относятся первые опыты Карамзина въ литературѣ. Онъ занимался тогда переводами и напечаталъ ихъ два: *Разговоръ Австрійской Маріи-Терезіи съ нашей императрицей Елисаветой въ Елисейскихъ поляхъ* и *Деревянная нога, идиллія Геснера* (1783). Любопытно прочесть хотя нѣсколько строкъ изъ послѣдняго перевода, который принадлежитъ семнадцатилѣтнему Карамзину. Здѣсь слышенъ первый, еще дѣтскій лепетъ нашего будущаго исторіографа. «Старикъ ободрился и началъ: потеряніе нѣкоторыхъ изъ васъ своихъ отцевъ, коихъ память должна пребыть незабвенна въ вашихъ сердцахъ, сдѣлало, что вы вмѣсто

чтобъ ходили повѣся голову, страдая подъ игомъ рабства, взираете нынѣ съ радостію на восходящее солнце, и утѣшительныя пѣнія распространяются повсюду».

Военная служба не привлекала Карамзина: онъ имѣлъ другое призваніе. По кончинѣ отца, онъ вышелъ въ отставку поручикомъ и переѣхалъ въ Симбирскъ. Здѣсь онъ едва не увлекся свѣтскимъ обществомъ своей образованной родины. Опытный за вистомъ, любезный съ дамами, ораторъ передъ отцами семействъ, онъ блисталъ и плѣнялъ всѣхъ. Но бездѣйствіе литературное было для него губительно. Онъ собирался переводить Вольтерову сказку о бѣломъ быкѣ, но съ нѣмецкаго перевода. Свѣтская пустота угрожала даровитому юношѣ. Отъ нея избавилъ Карамзина пріѣхавшій тогда въ Симбирскъ директоръ Московскаго университета И. П. Тургеневъ, который уговорилъ его переѣхать въ Москву. Здѣсь Тургеневъ познакомилъ Карамзина съ Новиковымъ, основавшимъ въ то время Дружеское Типографическое Общество. Тогда-то открылось для Карамзина новое поприще. Онъ получилъ возможность въ этой просвѣщенной атмосферѣ довершить свое образованіе. Общество Новикова было для него настоящимъ университетомъ.

Н. И. Новиковъ, одинъ изъ первыхъ студентовъ университета по его основаніи, но исключенный вмѣстѣ съ Потемкинымъ за нехожденіе на лекціи, которыя тогда читались только по латыни, принадлежитъ къ числу славныхъ и незабвенныхъ дѣятелей нашей литературы Екатерининскаго періода. Въ теченіе десяти лѣтъ, начиная съ 1780 года, онъ содержалъ университетскую типографію на откупѣ, который былъ ему данъ куратором Херасковымъ, и двинулъ просвѣщеніе общественное своею многосторонней дѣятельностію, въ которой умѣлъ соединять европейскую стихію съ народною русскою. О первой свидѣтельствуютъ *Московскія Вѣдомости*, разнообразныя изданія и безчисленные переводы, имъ напечатанные; о второй — 30 томовъ *Древней Россійской Вивліоѳики*, перваго печатнаго сборника документовъ и актовъ, касающихся русской исторіи.

Мы имѣемъ свидѣтельство самого Карамзина, какъ очевидца тому движенію, какое Новиковъ далъ книжной торговлѣ въ Москвѣ и во внутреннихъ городахъ Россіи. Въ 1767 году было только двѣ книжныхъ лавки въ Москвѣ, а книгъ не продавалось въ годъ и на 10,000 рублей. Въ 1792 году книжныхъ лавокъ было уже 20, и всѣ вмѣстѣ онѣ выручали около 200,000 рублей. Московскія Вѣдомости до Новикова расходились въ Россіи въ количествѣ не болѣе 600 экземпляровъ, а при Новиковѣ, въ теченіе десятилѣтняго откупа ихъ вмѣстѣ съ типографіею, число подписчиковъ возросло до 4,000. Кромѣ Москвы, завелись книжныя лавки и въ губернскихъ городахъ Россіи. Изъ Типографскаго Общества выходили книги самаго разнообразнаго содержанія, удовлетворяя потребностямъ всѣхъ сословій. Тогда и для грамотной части народа открылся источникъ чтенія новый и живительный. Новиковъ одинъ изъ первыхъ печаталъ народныя пѣсни. 449 заглавій его книгъ приведено въ спискѣ, по которому разсматривалъ ихъ преосвященный Платонъ. Но этотъ списокъ далеко не объемлетъ всей книжной дѣятельности Новикова. Къ сожалѣнію, этотъ незабвенный человѣкъ, достойный монумента, сдѣлался жертвою несправедливаго гоненія и умеръ въ деревенской ссылкѣ, въ одиночествѣ, въ крайней бѣдности, находя утѣшеніе только въ религіозныхъ письмахъ своего друга Гамалѣи.

Съ цѣлію оживленія книжной дѣятельности, Новиковъ привлекалъ въ основанное имъ Общество всѣхъ даровитыхъ людей молодаго поколѣнія. Студенты, семинаристы, даже церковно-служители соединялись у него вмѣстѣ, въ его типографіи. Въ числѣ самыхъ даровитыхъ изъ нихъ были Карамзинъ и А. А. Петровъ. Дружба соединяла ихъ, несмотря на противуположность характеровъ. Петровъ былъ угрюмъ, молчаливъ, твердъ какъ истинный мужъ и практическій философъ, но подчасъ насмѣшливъ; Карамзинъ, напротивъ, веселъ, любезенъ, мечтателенъ и чувствителенъ какъ младенецъ, но безъ малѣйшаго признака желчи. Оба друга съ восторгомъ слушали мистическія лекціи профессора Шварца о Богопознаніи и о высокомъ предназначеніи человѣка.

Шварцъ, другъ Новикова и основатель педагогической семинаріи при Московскомъ университетѣ, былъ въ своей философіи послѣдователемъ Іакова Бёма и Сен-Мартена. Записки его лекцій, черезъ его учениковъ, дошли даже до нашего времени. Близь Меншиковой башни у Чистыхъ Прудовъ, въ одномъ старинномъ домѣ жили оба друга. Карамзинъ долго еще помнилъ три перегородки своей квартиры, изъ которыхъ за одною было Распятіе подъ чернымъ крепомъ, а за другою бюстъ мистика Шварца. Впослѣдствіи, во время заграничнаго странствія, Карамзинъ въ Берлинѣ вспоминалъ о веселыхъ московскихъ вечерахъ и философскихъ спорахъ. Живя въ Москвѣ, Карамзинъ вмѣстѣ съ Петровымъ занимался литературами Запада. Морицъ, Ж.-Ж. Руссо, Штиллингъ, Стернъ, Оссіанъ, Шекспиръ, Лессингъ, Галлеръ были его любимыми писателями. Тогда-то образовалось въ немъ то строгое эстетическое чувство, которое впослѣдствіи постоянно его сопровождало. Теорія аббата Баттё служила ему руководствомъ при разборѣ писателей. Изъ Москвы Карамзинъ началъ переписку съ Лафатеромъ, физіогномикой котораго онъ занимался съ увлеченіемъ. Здѣсь же изучалъ онъ творенія Бонне́та, и особенно его *Созерцаніе природы*. Къ этому времени относятся многіе переводы, сдѣланные Карамзинымъ, какъ членомъ Дружескаго Общества: таковы *Бесѣды съ Богомъ*, *Штурмовы размышленія*, *Галлерова поэма о происхожденіи зла*, *Шекспиров Юлій Цезарь*, *Лессингова Эмилія Галотти*. Въ переводахъ соревновалъ Карамзину Петровъ, переведшій тогда съ нѣмецкаго перевода индійскую поэму *Бхагават-Гита*, которая и въ Западной Европѣ была еще необыкновенною новостью. Тогда же Карамзинъ, вмѣстѣ съ своимъ Агатономъ (такъ называлъ онъ Петрова, послѣ его смерти вспоминая объ немъ въ извѣстной статьѣ: *Цвѣтокъ на гробѣ моего Агатона*), издавалъ въ теченіе двухъ лѣтъ, при Московскихъ Вѣдомостяхъ, журналъ *Дѣтское Чтеніе*, вышедшее въ двадцати частяхъ и впослѣдствіи вновь изданное. Этотъ журналъ представляетъ для насъ занимательную школу Карамзинскаго слога. Отсюда, можно сказать, начинается новый

строй современнаго намъ языка. Что касается до содержанія и выбора статей, то и до сихъ поръ Дѣтское Чтеніе можетъ служить образцомъ вкуса и занимательности. Желательно было бы въ наше время встрѣтить новое его изданіе. Самое юное поколѣніе, конечно, читало бы его съ наслажденіемъ.

Довершивъ образованіе въ обществѣ Новикова, Карамзинъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ представилъ своему другу Дмитріеву, какъ онъ самъ говоритъ, «благочестивымъ ученикомъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка». Сохранивъ прежній веселый нравъ и любезность въ общежитіи, онъ обнаруживалъ въ своихъ мысляхъ и желаніяхъ одно стремленіе къ высокой цѣли.

Въ маѣ 1789 года Карамзинъ отправился заграницу, не на счетъ компаніи Новикова, какъ нѣкоторые увѣряли, но на собственномъ иждивеніи, какъ свидѣтельствуетъ Дмитріевъ. Тогда онъ простился въ Москвѣ, и навсегда, съ своимъ другомъ Петровымъ, память котораго осталась святыней его сердца. Карамзинъ путешествовалъ по Западной Европѣ не какъ Ломоносовъ, студентъ и школьникъ, не какъ Фонвизинъ, насмѣшливый комикъ, но съ полнымъ участіемъ къ западному образованію во всемъ томъ, что́ оно представляетъ прекраснаго въ человѣчествѣ, однако безъ пристрастія, безъ увлеченій, безъ отреченія отъ своего народнаго характера. Карамзинъ представляетъ первый образецъ просвѣщеннаго русскаго путешественника по Западной Европѣ. Вотъ почему его Письма нашли такой сильный отголосокъ въ нашемъ обществѣ и служили долго любимымъ его чтеніемъ.

Въ Кёнигсбергѣ Карамзинъ встрѣтился съ Кантомъ. Тогда еще не многіе въ Европѣ разумѣли ученіе славнаго философа Германіи. У насъ въ Москвѣ знакомилъ съ нимъ профессоръ Шаденъ. Едва ли Карамзинъ могъ понимать Канта, не читавши, какъ видно, его сочиненій; но въ общей идеѣ уже понималъ его значеніе въ наукѣ, придавая ему эпитетъ der alles zermalmende Kant (выраженіе Мендельсона). Въ Берлинѣ и Лейпцигѣ Карамзинъ чи-

талъ нѣмецкимъ ученымъ русскіе стихи, и они предсказывали ему будущее развитіе русской словесности. Въ Берлинѣ бесѣдовалъ онъ съ Морицомъ, въ Лейпцигѣ его плѣнили эстетическія лекціи профессора Платнера. Но особенно привлекъ его вниманіе Веймаръ, какъ столица просвѣщенія тогдашней Германіи. Памятны вопросы, которые Карамзинъ задавалъ въ Веймарѣ: «Здѣсь ли Виландъ? здѣсь ли Гердеръ? здѣсь ли Гёте?» Памятенъ также отвѣтъ, сдѣланный ему на вопросъ: «Дома ли они?» — Всѣ во дворцѣ. Гердеръ своимъ всемірнымъ гуманизмомъ привлекъ особенное сочувствіе Карамзина. «У него одна мысль, и эта мысль— цѣлый міръ»: такъ выразилъ онъ свое мнѣніе о Гердерѣ словами современнаго ему нѣмецкаго писателя. Свиданіе съ Виландомъ замѣчательно тѣмъ, что молодой русскій литераторъ своею искренностію и добротою побѣдилъ черствую суровость Нѣмца, любившаго Аонидъ, но ни мало не подражавшаго имъ въ своемъ обращеніи. Карамзинъ не видался съ Гёте, но замѣтилъ въ окнѣ его греческій профиль.

Два Швейцарца особенно плѣнили Карамзина: Лафатеръ въ Цюрихѣ и Боннетъ въ Женевѣ. Съ первымъ Карамзинъ началъ переписку еще изъ Москвы. Личное знакомство еще болѣе сблизило ихъ. Съ Боннетомъ онъ бесѣдовалъ о недавно умершемъ Галлерѣ, котораго предсмертное письмо Боннетъ самъ читалъ Карамзину. Въ его кабинетѣ Карамзинъ началъ русскій переводъ его книги: «Contemplation de la Nature». Чистыя религіозныя убѣжденія, соединенныя съ созерцательнымъ изученіемъ природы, влекли къ нему Карамзина. Не сочувствовалъ онъ воззрѣніямъ холодныхъ раціоналистовъ сѣверной Германіи; ему было и теплѣе и живительнѣе у философовъ Швейцаріи, которые разумомъ не отвергали сердца. Та же самая чувствительность дружила его съ Маттиссономъ, нѣмецкимъ поэтомъ, жившимъ въ Лионѣ воспитателемъ дѣтей у одного богатаго банкира. Въ Парижѣ молодой Скиѳъ Карамзинъ, въ Академіи Надписей и Словесности, имѣлъ счастіе узнать Бартельми-Платона. Лагарпъ былъ его сосѣдомъ по улицѣ. Историкъ Россіи Левекъ и Мармонтель, отличавшійся

въ своихъ сочиненіяхъ тономъ лучшаго общества, заслужили вниманіе Карамзина.

Къ сожалѣнію, Карамзинъ не побывалъ въ Италіи, и только Дрезденская галлерея познакомила его съ высокими произведеніями итальянскаго искусства. Въ Англіи Карамзинъ былъ, но не долго. Онъ читалъ англійскія книги, но не могъ говорить и понимать Англичанъ, произношеніе которыхъ затрудняло его. По «Письмамъ Русскаго путешественника» разсѣяно множество глубокомысленныхъ, остроумныхъ наблюденій Карамзина, которыя показываютъ, съ какимъ сочувствіемъ онъ наблюдалъ жизнь просвѣщенныхъ народовъ Запада и какъ въ то же самое время не измѣнялъ особенностямъ своего народнаго характера. Восемнадцать мѣсяцевъ длилось странствіе Карамзина. Оно воспитало въ немъ способность чувствовать красоты физическаго и нравственнаго міра. Приставая въ Кронштадтѣ къ русскому берегу, онъ воскликналъ въ восторгѣ: «Берегъ! отечество!» Говорить по-русски и слышать русскихъ людей было для него великимъ счастіемъ. Карамзинъ на дѣлѣ ощутилъ вѣрность своего прежняго замѣчанія, что для того, чтобы еще больше полюбить Россію, надобно было изъ нея выѣхать.

Довершивъ полное образованіе путешествіемъ по западной Европѣ, Карамзинъ, двадцати-пяти лѣтъ, выступилъ на поприще русской словесности, во всеоружіи мысли и слова. Это поприще его имѣетъ два періода: въ первомъ онъ преобразуетъ русскій слогъ и готовитъ внѣшнія формы рѣчи для совершенія великаго подвига — Русской Исторіи; во второмъ совершаетъ этотъ великій, главный подвигъ своей жизни.

Первый періодъ обнимаетъ 13 лѣтъ. На окраинахъ его стоятъ два извѣстные журнала: *Московскій Журналъ* и *Вѣстникъ Европы*. Каждому изъ нихъ Карамзинъ посвятилъ по два года: первому — 1791 и 1792, второму — 1801 и 1802. За время между этими двумя журналами выходили альманахи: *Мои Бездѣлки*, *Аглая*, *Аониды*. Къ этому же времени относятся *Письма Русскаго Путешественника*, которыя начали выходить въ Московскомъ

Журналѣ, всѣ повѣсти и множество переводовъ. Въ повѣстяхъ Карамзинъ открылъ новый міръ душевныхъ чувствъ и страстей для русскихъ писателей. Первый журналъ его имѣлъ характеръ болѣе литературный, второй — болѣе политическій. Здѣсь, въ первый разъ, Россія въ лицѣ Карамзина пріобрѣла славнаго публициста. Въ теченіе указанныхъ 13-ти лѣтъ Карамзинъ совершилъ полное преобразованіе въ русской словесности, вызвалъ въ ней новые интересы человѣческіе, общественные и личные, и далъ ей новыя, легкія, общедоступныя формы, тотъ слогъ, который донынѣ служитъ формой нашего языка.

Излагая внѣшнюю біографію писателя, необходимо заглянуть и въ его внутреннюю жизнь. Въ этотъ періодъ душа Карамзина, слѣдившаго за всѣми крупными событіями современной жизни, испытала много бурныхъ чувствъ. Осьмнадцатый вѣкъ, послѣднимъ кровавымъ актомъ заключившій свой исходъ, поколебалъ было вѣру Карамзина въ высокое призваніе человѣчества. Но вѣра въ Провидѣніе спасла его отъ отчаянія и бездѣйствія. Эти внутреннія перевороты души выражалъ Карамзинъ въ перепискѣ между двумя друзьями, Милодоромъ и Филалетомъ. Первый изображаетъ отчаяніе тѣхъ, которые, при видѣ кровавой зари заходящаго вѣка, усомнились въ успѣхѣ человѣчества, второй — утѣшительныя надежды молодаго поколѣнія.

«Помнишь, другъ мой, какъ мы нѣкогда разсуждали о нравственномъ мірѣ, ловили въ исторіи всѣ благородныя черты души человѣческой, питали въ груди своей зорное пламя любви, котораго вѣяніе возносило насъ къ небесамъ, и проливая сладкія слезы, восклицали: *человѣкъ великъ духомъ своимъ! Божество обитаетъ въ его сердцѣ!* Помнишь, какъ мы, сличая разныя времена, древнія съ новыми, искали и находили доказательство любезной намъ мысли, что *родъ человѣческій возвышается, и хотя медленно, хотя не ровными шагами, но всегда приближается къ духовному совершенству.* Ахъ! съ какою нѣжностію обнимали мы въ душѣ своей всѣхъ земнородныхъ, какъ милыхъ дѣтей небеснаго Отца! Радость сіяла на лицахъ нашихъ и свѣтлый ручеекъ, и зе-

леная травка, и алый цвѣточекъ, и поющая птичка, все, все насъ веселило! Природа казалась намъ обширнымъ садомъ, въ которомъ зрѣетъ божественность человѣчества».

«Кто болѣе нашего славилъ преимущества осьмагонадесять вѣка: свѣтъ философіи, смягченіе нравовъ, тонкость разума и чувства, размноженіе жизненныхъ удовольствій, всемѣстное распространеніе духа общественности, тѣснѣйшую и дружелюбнѣйшую связь народовъ, кротость правленій, и пр. и пр.?...

«Конецъ нашего вѣка почитали мы концемъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества, и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикою, умозрѣнія съ дѣятельностію; что люди, увѣрясь нравственнымъ образомъ въ изящности законовъ чистаго разума, начнутъ исполнять ихъ во всей точности, и подъ сѣнію мира, въ кровѣ тишины и спокойствія, насладятся истинными благами жизни...

«О, Филалетъ! гдѣ теперь сія утѣшительная система?... Она разрушилась въ своемъ основаніи!

«Осьмойнадесять вѣкъ кончается: что же видишь ты на сценѣ міра? Осьмойнадесять вѣкъ кончастся, и несчастный филантропъ мѣряетъ двумя шагами могилу свою, чтобы лечь въ ней съ обманутымъ, растерзаннымъ сердцемъ своимъ и закрыть глаза навѣки!... . .«Гдѣ люди, которыхъ мы любили? Гдѣ плодъ наукъ и мудрости? Гдѣ возвышеніе кроткихъ, нравственныхъ существъ, сотворенныхъ для счастія?—Вѣкъ просвѣщенія! Я не узнаю тебя — въ крови и пламени, не узнаю тебя — среди убійствъ и разрушенія не узнаю тебя!»

Филалетъ отвѣчаетъ Милодору: «Новыя ужасныя происшествія Европы разрушили всю прежнюю утѣшительную систему твою, разрушили и повергнули тебя въ море неизвѣстности и недоумѣній: мучительное состояніе для умовъ дѣятельныхъ!... Ужели, въ отчаяніи горести, будемъ проклинать міръ, природу и человѣчество? Ужели откажемся навѣки отъ своего разума, и погрузимся во тьму унынія и душевнаго бездѣйствія? — Нѣтъ, нѣтъ! сіи мысли ужасны...

....«Такъ, Милодоръ! я хочу спастись отъ кораблекрушенія съ моимъ добрымъ мнѣніемъ о Провидѣніи и человѣчествѣ, мнѣніемъ, которое составляетъ драгоцѣнность души моей. Пусть міръ разрушится на своемъ основаніи: я съ улыбкою паду подъ смертоносными громами, и улыбка моя, средп всеобщихъ ужасовъ, скажетъ Небу: *Ты благо и премудро: благо твореніе руки Твоей: благо сердце человѣческое, изящнѣйшее произведеніе любви Божественной!*. . . . .

«Соглашаюсь съ тобою, что мы нѣкогда излишне величали осьмойнадесять вѣкъ, и слишкомъ много ожидали отъ него. Происшествія доказали, какимъ ужаснымъ заблужденіямъ подверженъ еще разумъ нашихъ современниковъ! Но я надѣюсь, что впереди ожидаютъ насъ лучшія времена; что природа человѣческая болѣе усовершенствуется — напримѣръ, въ девятомнадесять вѣкѣ нравственность болѣе исправится; разумъ, оставивъ всѣ химерическія предпріятія, обратится на устроеніе мирнаго блага жизни, и зло настоящее послужитъ къ добру будущему».

Тридцати-восьми лѣтъ Карамзинъ посвятилъ себя историческому труду. Двѣ повѣсти, заимствованныя изъ древней русской жизни: *Наталья боярская дочь* и *Марѳа Посадница*, *Похвальное слово Екатеринѣ II* и политическія статьи въ Вѣстникѣ Европы служили къ такому труду переходомъ и нѣкоторымъ приготовленіемъ. Съ 1803 года принялся онъ за *Исторію Государства Россійскаго* и неуклонно служилъ ей до конца жизни.

Но Карамзинъ не нашелъ бы средствъ къ совершенію предпринятаго имъ великаго труда, если бы не встрѣтилъ себѣ покровителя въ бывшемъ питомцѣ, тогдашнемъ попечителѣ Московскаго университета, М. Н. Муравьевѣ. Это лицо памятно намъ не столько въ исторіи нашей литературы, сколько въ исторіи нашего просвѣщенія. Мы, вмѣстѣ съ товарищами по мѣсту воспитанія, помнимъ, съ какимъ восторгомъ читали стихи Муравьева изъ Эпистолы къ И. П. Тургеневу:

Изъ трехсотъ праздныхъ мѣстъ спартанскаго совѣта
Народъ ни на одно не избралъ Педарета:

«Хвала богамъ, сказалъ, народа не виня,
«Есть триста человѣкъ достойнѣе меня».

Три тома сочиненій Муравьева свидѣтельствуютъ, какъ дѣятельно и благоразумно онъ занимался воспитаніемъ императора Александра. Ученикъ профессоровъ Поповскаго, Барсова и Шадена, Муравьевъ былъ возстановителемъ Московскаго университета во второмъ полустолѣтіи его существованія, и вызвалъ какъ изъ-за границы, такъ и внутри отечества, новыхъ достойныхъ людей для того, чтобы двинуть науки впередъ, согласно современнымъ требованіямъ. Муравьеву, въ 1803 году, открылъ свою душу и Карамзинъ, замысливъ великій трудъ. Муравьевъ явился достойнымъ посредникомъ между нимъ и императоромъ Александромъ. Всѣ архивы Россіи, государственные и церковные, были открыты Карамзину. Всякую рукопись и всякій актъ онъ могъ имѣть у себя на письменномъ столѣ и изучать свободно. Отъ 1803 до 1816 года трудъ совершался въ Москвѣ зимою, а лѣтомъ въ 25-ти верстахъ отъ нея, въ селѣ Астафьевѣ, принадлежавшемъ князю Вяземскому. Здѣсь, до сихъ поръ еще, можно видѣть ту комнату, осѣненную липами, гдѣ трудился нашъ историографъ. Крестьяне и дворовые села Астафьева еще долго помнили утреннія прогулки, которыя Карамзинъ совершалъ верхомъ каждый день подъ дубки, саженные, по преданію, Петромъ Великимъ. Въ 1811 году, за годъ до нашествія Наполеона на Россію, историографъ читалъ въ Твери императору Александру отрывокъ изъ своей исторіи о нашествіи Батыя, и чтеніе такъ увлекло государя, что продолжалось за полночь. Трудъ шелъ непрерывно, всякій день; только однажды случился продолжительный перерывъ: это было въ 1812 году, когда Карамзинъ долженъ былъ на нѣкоторое время проститься съ своею исторіею. За нѣсколько дней до вступленія непріятеля въ Москву, въ домѣ графа Ростопчина, вдохновенный историкъ пророчилъ гибель Наполеону. Два экземпляра написанныхъ томовъ исторіи были готовы: лучшій изъ нихъ онъ отдалъ на сохраненіе женѣ, а другой въ архивъ

иностранныхъ дѣлъ. Онъ самъ хотѣлъ сѣсть на коня и примкнуть къ арміи, но просьбы семьи и неоконченное великое дѣло его удержали. За себя онъ благословилъ на брань Жуковскаго и уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ вслѣдъ за своимъ семействомъ. Послѣ великой всенародной жертвы, сожженія Москвы, онъ писалъ къ другу своему Дмитріеву: «Мнѣ больно издали смотрѣть на происшествія рѣшительныя для нашего отечества.... Вся моя библіотека обратилась въ пепелъ, но исторія цѣла: Камоэнсъ спасъ Лузіаду. Жаль многаго, Москвы еще болѣе: она возрастала семь вѣковъ... Какъ ни жаль Москвы, какъ ни жаль нашихъ мирныхъ жилищъ и книгъ, обращенныхъ въ пепелъ, но слава Богу, что отечество уцѣлѣло и что Наполеонъ бѣжитъ зайцемъ, пришедши тигромъ».

Въ 1816 году первые восемь томовъ Исторіи Государства Россійскаго были приготовлены къ изданію. Карамзинъ для этой цѣли долженъ былъ покинуть любимую Москву и переселиться въ Петербургъ, гдѣ его ожидала типографія. 60,000 рублей ас. было отпущено изъ казны на напечатаніе Исторіи. Въ 1818 году вышло первое изданіе первыхъ восьми томовъ. По свидѣтельству Пушкина, 3,000 экземпляровъ разошлись очень быстро, и потребовалось новое изданіе. Въ 1821 году вышелъ девятый томъ, содержащій ужасы Іоанна Грознаго, и цензурою котораго была совѣсть историка, по его же словамъ. За нимъ, въ 1824 г. послѣдовали два другіе, освѣнившіе драматическимъ вдохновеніемъ поэзію Пушкина.

Занятый окончаніемъ труда, осыпанный милостями царскими, почтенный дружбою матери народа и двухъ царей, которая нерѣдко приходила къ историку и разъ застала его больнаго въ халатѣ, Карамзинъ все-таки мечталъ о Москвѣ и стремился къ ней, какъ это видно изъ писемъ его къ Дмитріеву: «Исторія дастъ средства купить домикъ и умереть въ Москвѣ, гдѣ я жилъ, провелъ молодость, началъ старость. Тамъ должно мнѣ и умереть. Тамъ земля дружелюбнѣе откроетъ мнѣ свои нѣдра,

какъ старому знакомому. Берега Невы прекрасны; но я не лягушка и не охотникъ до болотъ».

Въ 1824 году вотъ что̀ узнаемъ мы о ходѣ историческаго труда изъ тѣхъ же писемъ къ Дмитріеву: «Еще главы три съ обозрѣніемъ до нашего времени, и поклонъ всему міру, не холодный, съ движеніемъ руки на встрѣчу потомству, ласковому или спесивому, какъ ему угодно. Признаюсь, желаю довершить еще съ нѣкоторою полнотою духа, живостью сердца и воображенія. Близко, близко, но еще можно не доплыть до берега. Жаль, если захлебнусь съ перомъ въ рукѣ, до пункта, или перо выпадетъ изъ руки отъ какого-нибудь паралича. Но да будетъ воля Божія! Въ сердцѣ моемъ есть желаніе еще сильнѣйшее: не пережить жены, сохранить дѣтей и друзей».

Чтобы имѣть понятіе о томъ состояніи духа, въ какомъ находился историкъ незадолго до кончины, прочтемъ еще отрывокъ изъ письма къ Дмитріеву, писаннаго въ самый мѣсяцъ его смерти: «Всѣ мои отношенія перемѣнились. Но остался Богъ тотъ же и моя вѣра къ Нему та же: если надобно мнѣ зачахнуть въ здѣшнихъ болотахъ, то смиряюсь духомъ и не ропщу. Имѣю часто сладкія минуты въ душѣ, и въ ней бываетъ какая-то сладкая тишина, неизъяснимая и несказанно пріятная». Силы старца между тѣмъ слабѣли, а трудъ не прекращался, духъ не измѣнялъ силъ, и твореніе историческое росло до насильственнаго перерыва, все въ томъ же величіи и красотѣ, если еще не выше. Уже корабль, по повелѣнію императора, былъ готовъ везти больнаго исторіографа къ берегамъ Италіи, гдѣ онъ былъ намѣренъ окончить свою исторію. Описавъ бѣдствія междуцарствія, онъ начиналъ уже разсказъ о спасеніи отечества въ 1612 году, какъ вдругъ Провидѣнію угодно было вырвать перо изъ рукъ историка на роковыхъ послѣднихъ словахъ: *Орышекъ не сдавался...* 22 мая 1826 года Карамзина не стало. Извѣстно, что онъ намѣренъ былъ довести свой разсказъ до восшествія на престолъ дома Романовыхъ, а всю новую исторію Россіи обнять въ общемъ обозрѣніи, котораго основныя мысли заключаются въ его *Запискѣ о древней и*

новой Россіи, написанной имъ еще въ 1810 году для императора Александра. XII-й томъ вышелъ въ 1829 году. Неблагодарно было бы миновать въ исторіи словесности забвеніемъ ту щедрую пенсію, которою императоръ Николай I достойно наградилъ великій трудъ. Семейство Карамзина до сихъ поръ получаетъ 50,000 рублей ас. ежегодно. Симбирское дворянство, въ 1846 году, воздвигло памятникъ своему славному согражданину.

Обозначивъ въ главныхъ чертахъ біографію Карамзина, мы перейдемъ теперь къ изученію его произведеній и раздѣлимъ изслѣдованіе наше на три части: въ 1-й разсмотримъ его какъ перваго русскаго гуманиста, во 2-й какъ писателя, въ 3-й какъ историка.....

ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ [1]).

Къ стр.

5 (Послѣ словъ: черта народнаго характера).

Русскій народъ и въ жизни признаетъ неизмѣннымъ только одинъ Божественный законъ, законъ вѣры и благодати, а изъ-подъ гражданскаго закона всегда старается какъ-нибудь вырваться.

13 (Послѣ словъ: названы совѣтниками).

Замѣчательно, что когда учреждены были у насъ министерства, то министерство народнаго просвѣщенія названо было русскимъ именемъ; но мы никакъ не рѣшились министерство юстиціи назвать министерствомъ правосудія. Такой поступокъ приноситъ честь нашей откровенности. Ужъ то хорошо, что мы министерство народнаго просвѣщенія не назвали министерствомъ публичной инструкціи. Въ этомъ мы видимъ вѣрный залогъ того, что со временемъ мы и министерство юстиціи переведемъ на русское нравы и достойно назовемъ *служеніемъ правосудію*.

---

[1]) Въ копіи, по которой печатались лекціи, оказались нѣкоторые пропуски; недостававшія въ ней мѣста возстановляются здѣсь по подлинной рукописи.

Къ стр.

47 (Послѣ словъ: якшаться съ чуждыми народами).

И въ лицѣ послѣдняго патріарха осократія противилась просвѣщенію.

63 (Послѣ словъ: перешли въ народную пословицу).

Рукою Шевырева на поляхъ приписано: «Вставить о произведеніяхъ свѣтскихъ личностей: Даніила Заточника, автора Слова о Полку Игоревѣ, Курбскаго, Котошихина».

66 (Послѣ словъ: въ большомъ почетѣ).

Извѣстно, въ какомъ почетѣ находилась до XVIII вѣка въ западной Европѣ астрологія со всѣми ея предразсудками. Извѣстно, какъ славный полководецъ тридцатилѣтней войны Валленштейнъ былъ ими одержимъ и какъ принесъ имъ въ жертву свою воинскую славу.

128 (Послѣ словъ: сочиненіе *о скудости и богатствѣ*).

Если Италія славитъ своего Бандини, предшествовавшаго Адаму Смиту, то мы также въ правѣ гордиться своимъ Посошковымъ.

129 (Послѣ словъ: надлежитъ цѣнить вещи грунтованныя:

Исполнить эту мысль даетъ возможность только освобожденіе крестьянъ.

149 (Послѣ словъ: среди нѣмецкой колоніи, которая его [Ломоносова] окружала).

Гигантъ боролся за Русскихъ, и желалъ, чтобы наука сдѣлалась собственностью его соотечественниковъ.

173 (Послѣ словъ: къ какому бы роду они ни относились).

Поэзія мыслящая сродни наукѣ. Такъ отъ мыслящей лирики Греческаго народа родилась его философія.

К стр.

174 (Послѣ словъ: были учениками Ломоносова).

Въ продолженіе своего болѣе нежели столѣтняго существованія, Московскій университетъ не всегда оставался вѣренъ высокимъ указаніямъ своего предначертателя, а нерѣдко отъ нихъ уклонялся и потому еще далеко не въ полнѣ совершилъ свое назначеніе. Если онъ хочетъ искренно его достигнуть, то долженъ записать въ сердцѣ своемъ всю жизнь Ломоносова неизгладимыми чертами, помнить то бѣдное званіе, откуда онъ вышелъ, нужды и препятствія, съ какими боролся ради науки, долженъ подобно Ломоносову оставаться неизмѣнно вѣрнымъ идеѣ науки и уразумѣть ее истинныя отношенія къ религіи, къ жизни, къ государству, къ искусству и словесности, точно такъ же какъ разумѣлъ ихъ Ломоносовъ. Въ этой непоколебимой вѣрности его завѣту и въ неуклонномъ его исполненіи заключается все будущее Московскаго университета.

175 (Вмѣсто словъ: князь Репнинъ и проч. до слова: Суворовъ).

Князь Репнинъ, побѣдитель Юсуфа, князь Прозоровскій, образователь у насъ легкой строевой конницы, графъ Панинъ, взявшій Бендеры, графъ Каменскій, первый тактикъ европейскій по мнѣнію Фридриха II, графъ Румянцовъ-Задунайскій и другіе.

177 (Послѣ слова: билетцы, въ самомъ концѣ страницы).

Страсти, его терзавшія всю жизнь, исказили его лицо. Современники говорятъ, что всѣ черты лица его, казалось, были на пружинахъ и онъ моргалъ безперерывно. Говорятъ, что лѣтомъ въ деревнѣ онъ въ ярости гонялся за мухами, когда онѣ мѣшали ему писать.

191 (Послѣ словъ: вездѣ мы видимъ въ немъ постоянную жажду правды).

Въ Русскомъ царствѣ, гдѣ рѣдко ее встрѣчали и теперь еще встрѣчаютъ, это была великая заслуга.

Къ стр.

195 (Послѣ словъ: въ Малороссію, гдѣ прежде его не было).

Отсюда началось имя *хохлака*, столь ненавистное для Малороссовъ.

202 (Послѣ словъ: оно вело къ театральному блеску, который любили тогда во всемъ).

Театральное путешествіе Екатерины II въ Крымъ, въ 1787 году, служитъ однимъ изъ яркихъ тому доказательствъ. Сегюръ, одинъ изъ участниковъ и очевидныхъ свидѣтелей этого путешествія, называетъ его страницею изъ *Тысячи и одной ночи* (une page des Mille et une nuits). Оно было предпринято съ цѣлью узнать разнообразные нравы народовъ, обитающихъ въ Россіи; но, по замѣчанію Сегюра, нравы народные было бы также трудно узнать изъ этого путешествія, какъ изъ волшебной оперы (une féerie d'opéra), на которую оно было похоже. Дороги во мракѣ ночей освѣщались горѣвшими лѣсами. Горы пылали въ огнѣ. Дворцы какимъ-то волшебствомъ возникали для пріема императрицы. Сады поспѣвали за одну ночь. То дикія пещеры, то храмы Діаны, то гаремы являлись на смѣну безпрерывной декораціи театральнаго странствія. Внезапные флоты наполняли воды. Полки казаковъ и татаръ прибѣгали изъ степей. Поселяне въ праздничныхъ одеждахъ разныхъ областей водили хороводы и пѣли пѣсни. Племена кочевыя, какъ напримѣръ, калмыки, располагались по берегамъ Днѣпра въ своихъ палаткахъ. Стада верблюдовъ, нарочно пригнанныхъ, паслись какъ будто въ аравійской пустынѣ. Господари Валахіи, кавказскіе князья, цари грузинскіе встрѣчали императрицу Россіи при ея выходахъ на берегъ. Въ заключеніе императоръ Австрійскій Іосифъ II, подъ именемъ графа Фалькенштейна, блисталъ въ свитѣ Русской государыни. Но вся эта блистательная декорація, стоившая Россіи несчетныхъ милліоновъ, прикрывала голодъ, терзавшій народъ внутри

Къ стр.

202 ея; а вдали, на западѣ, готовилась французская революція 1789 года.

Главнымъ героемъ и душою театральной стороны вѣка былъ Потемкинъ. Онъ весь и жилъ и дышалъ этою блестящею внѣшностью. Къ нему шли слова Сегюра: Je connais le prince de Potemkine: son coup de théâtre a eu lieu. Потемкинъ любилъ театральные подвиги: онъ заложилъ городъ Екатеринославль на высокой горѣ, гдѣ не было воды, и церковь, размѣрами огромнѣе римскаго Петра, въ которой никогда не было службы. Онъ любилъ блескъ брильянтовъ на своей одеждѣ и на башмакахъ своихъ. Его шляпа, обремененная драгоцѣнными камнями, спорила цѣнностью съ кафтаномъ Орлова, стоившимъ милліонъ рублей. Извѣстно, что Потемкинъ любилъ пересыпать брильянты изъ руки въ руку и тѣшился ихъ празднымъ блескомъ.

253 (Послѣ словъ: французскихъ комедій и опереттъ).

Фонвизинъ до сихъ поръ еще живетъ, а Княжнинъ давно уже умеръ для нашего общества.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ И ПРЕДМЕТОВЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ

ВЪ XXXIII ТОМѢ СБОРНИКА ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.

Арабская цифра, напечатанная жирнымъ шрифтомъ, означаетъ нумеръ статьи; остальныя же арабскія цифры указываютъ на страницы каждаго отдѣльнаго нумера. Римскими цифрами означены страницы «Извлеченій изъ протоколовъ отдѣленія», которыми начинается книга.

Абдулъ-Гамидъ, султ. **4.** 32. 46.

Аблесимовъ, А. О. **5.** 251.

Абнеръ. **4.** 91.

Ага-Мехметъ-ханъ. **4.** 277. 293.

Аделаида, сестра Людовика XVI. **4.** 172.

Адресы Отдѣленію русскаго языка и словесности отъ разныхъ учрежденій въ день столѣтія со времени учрежденія Россійской Академіи. XIX. XX.

Адріанъ, патр. **5.** 47. 114.

Академія Наукъ. Россійское Собраніе при Академіи Наукъ. V.—Съ Академіею Наукъ соединена Россійская Академія.—Россійская Академія преобразована во II Отдѣленіе Академіи Наукъ. XII. — Учреждена при Академіи премія Пушкина. XVIII.—На изданіе матеріаловъ для исторіи Академіи назначено по 5.000 руб. ежегодно, въ теченіе трехъ лѣтъ. **1.** 5.

Академія Россійская. См. Россійская Академія.

Аксаковъ, И. С. **1.** 17. **5.** 136. 137.

Аксаковъ, К. С. **5.** 8.

Acta Sanctorum. **1.** 47.

Александра Павловна, вел. княжна. **4.** 98. 223. 225. 281. 286. 287. 289. 316.

Александръ Павловичъ. VII. **4.** 96. 97. 100. 101. 194. 217—221. 223. 225. 226. 269. 289. 290. 327. 332. **5.** 182. 190. 191. 220. 260. 271. 275.

Александръ VI, папа. **5.** 37.

Алексій, митропол. **5.** 28.

Алексѣй Михайловичъ. Его «Урядникъ, или Новое уложеніе и устроеніе чина сокольничья пути». **5.** 61—63. 67. 76. 78. 113. 165.

Алексѣй Петровичъ, царев. **5.** 112.

Алипій, иконописс. **5.** 69.

Альбертъ. 4. 198.

Альдъ Мануцій. 5. 37.

Альзира. 4. 105.

Амфилохій, архим. Ему присуждена Ломоносовская премія. **1.** 2. 3.— Его ученые труды. **2.** 2—16.—Оцѣнка этихъ трудовъ академ. Ягичемъ. **2.** 7—108.

Анакреонъ. 3. 14. **5.** 217.

Анна Іоанновна. 5. 194.

Анна Ѳеодоровна, велик. княг. **4.** 282.

Ангальтскій домъ. 4. 249.

Ангальтъ, графъ. **4.** 241.

Ангальтъ-Бернбургскій принцъ. **4.** 30. 35. 305.

Анжуйскій домъ. 4. 191.

Анна Павловна, велик. княжна. **4.** 224.

Антіохъ. 2. 43. 45. 47. 48.

Антингъ, силуэтистъ. **4.** 273. 274.

Антонинъ, архим. **2.** 8. 9.

Антуанетта, принцеса Кобургская. **4.** 279.

Апостолъ, напечатанный Иваномъ Ѳедоровымъ. **1.** 52.

Аракчеевъ. XI.

Аристотель Фіоравенти. 5. 46.

Аристотель. 2. 32. **3.** 13.

Аристофанъ. 5. 238.

Армфельтъ. 4. 40. 44. 308.

Аррасскій епископъ. **4.** 201.

Арсеньевъ, акад. XIV.

Archiv für slavische Philologie, издаваем. въ Берлинѣ академик. Ягичемъ. **1.** 7. **2.** 86. 87. 95. 97. 113.

Артуа, графъ. **4.** 144. 170. 173. 200. 201. 203. 212. 246. 248. 254. 255. 281. 298.

Аѳанасьевъ. 5. 85. 87.
Багримъ, мурза. 5. 185.
Байронъ. 5. 142.
Балицкій, П. И. 2. 72.
Бальи, астрон. 4. 208.
Бандини. Дополн. 277.
Бандури. 2. 176.
Баратынскій, писат. 5. 137. 139.
Барнавъ. 4. 71. 79. 161.
Барсовъ, профес. 5. 174. 272.
Бартельми. 5. 2. 267.
Баттё, аббатъ. 5. 265.
Батый. 5. 272.
Батюшковъ, К. Н. 3. 90—94. 5. 136. 137. 257
Батюшковъ, П. Н. III.
Бауэръ. 4. 30. 208.
Бахеръ. 4. 267. 268.
Бахминъ, М. 5. 50.
Безбородко. 4. 181. 183.
Безсоновъ. 1. 50. 5. 113.
Бекетовъ, кадетъ. 5. 175.
Бельзэнсъ. 4. 125. 142. 167. 194.
Бельмонти. 5. 177.
Бёмъ, Іаков. 5. 142. 143. 265.
Бередниковъ. XIV.
Берингъ. 4. 33.
Берни, кардин. 4. 172.
Бернсдорфъ. 4. 296.
Бернулли. 5. 148.
Берчичъ. 2. 45. 49. 52—55. 61. 64.
Бецкій. 4. 226. 275.
Бибиковъ. 5. 186.
Бишофсвердеръ. 4. 80.
Бобровъ, художн. XX.
Бово, князь. 4. 107.
Богдановичъ, П. Ѳ. 5. 136—138. Его «Душенька». 5. 229—233. 257.
Богдановъ, Анат. П.
Бодянскій, проф. 1. 48.
Божеряновъ. XX.
Болтинъ, акад. VI. IX.

Бомбель. 4. 194. 296.
Бомарше. 5. 253.
Боннетъ. 5. 265. 267.
Боркъ. 4. 243.
Ботвиль. 4. 163.
Боткинъ, В. П. 1. 18. 37.
Бранкъ Младеновичъ. 2. 70.
Бретэль. 4. 169. 174. 192. 194. 207. 296.
Брюларъ. 4. 214.
Брюсъ, графъ. 4. 18.
Буало. 5. 131.
Будбергъ. 4. 279. 280. 312.
Будиловичъ. 2. 180.
Бужинскій Гавріилъ. 5. 128.
Бужинскій, Павелъ. 3. 30.
Булгаринъ, Ѳ. 1. 19.
Буличъ, Н. Н., проф. I. XVIII—XIX.
Булье, маркизъ. 4. 112—119. 131. 132. 136. 164—166. 169.
Буняковскій, В. Я., вице-презид. акад. наукъ. III.
Буслаевъ, акад. Его «Историческая грамматика». XV. 1. 48. 2. 76. 77. 84. 5. 42.
Бутковъ, акад. XIV.
Буфлеръ. 4. 296.
Бычковъ, А. Ѳ., акад. Имъ открыта въ рукописяхъ Публичной Библіотеки старинная русская повѣсть о «Василіи королевичѣ златовласомъ чешскія земли».— Его воспоминаніе объ А. Е. Викторовѣ. 1. 8. 46—53.
«Бѣлая Палата» въ Ростовѣ (Ярославск. губ.). II.
Бѣлинскій. 1. 45.
Бѣлостѣнецъ. 2. 48.
Бѣльскій, Иванъ. 5. 50.
Бѣляевъ, И. Д. 1. 49.
Бэрке Эдмундъ. 4. 128. 131. 142.
Бэръ, акад. XII. XVI.
Бюлеръ. 4. 112.
Бюхнеръ. Его «Stoff und Kraft». 1. 37. 38.
Бюэль. 4. 125. 126. 129. 130. 133. 135. 143. 146. 147. 165. 172. 177. 191. 299. 301. 302. 304.
Вагнеръ. 4. 244. 322—325. 333.
Ваза, графъ. 4. 314. 315. 317.
Вакеннцъ. 4. 114.

Валленштейнъ. **5.** 37. Дополн. 277.
Вальполь, посланникъ. **4.** 63. 64.
Ванъ-деръ-Ноотъ, адвок. **4.** 104. 228.
Варшавскій университетъ. XX.
Василевскій, С. В. **3.** 29. 30.
Василій Амасійскій. **5.** 55.
Василій Великій. **2.** 23. 28.
Василій Темный, велик. кн. **5.** 49.
Вассіанъ, святит. **5.** 65.
Ваттенбахъ. **2.** 8. 10. 14. 15. 18. 19. 149. 152. 161. 173.
Вахтмейстеръ. графъ, **4.** 22.
Вейнбергъ, П. И. I. XVIII, XIX. **1.** 1.
Венелинъ. XVI.
Вердеръ, профес. **1.** 14.
Веревкинъ, **5.** 235.
Веселовскій, А. Н., акад. I. Приготовилъ для печати продолженіе изслѣдованія своего о русскихъ былинахъ. II. XVIII. XIX.—Издалъ VI—X главы своихъ «Разысканій въ области русскаго духовнаго стиха». Его замѣтки по литературѣ и народной словесности. **1.** 7. 8.
Вико, филос. **5.** 3. 14.
Викторія, сестра Людовика XVI. **4.** 172.
Викторовъ, А. Е. Смерть его. I.—Его дѣятельность въ Московскомъ публичномъ и Румянцовскомъ музеяхъ. — Его образованіе, служба ученая и педагогическая, ученые труды. **1.** 10. 11. 46—53. **2.** 22. 26—28. 30—33.
Викторъ Гюго. **5.** 49.
Виландъ. **5.** 267.
Вимпфенъ. **4.** 129. 145. 146. 150.
Віомениль. **4.** 112.
Владиміръ Александровичъ, великій князь **1.** 1.
Владиміръ Мономахъ. **5.** 49. 65. 159.
Владиміръ Святой, вел. кн. русск. **2.** 109. **4.** 240. Его Исповѣданіе вѣры. **5.** 23. 48. 90.
Властарь. **2.** 28.
Вобанъ, графъ, **4.** 112.
Воейковъ. **3.** 91.
Волковъ, Ѳ. Г. **5.** 175. 176.
Волконскій, князь. **4.** 253.
Володимерко, князь галицкій. **2.** 98.
Вольное Россійское Собраніе при Московскомъ университетѣ. V.

Вольтеръ. **4.** 91. 131. 138. 145. 162. 191. 245. 321. 334. 335. **5.** 142. 174. 177. 178.

Вольфъ, Христіанъ. **5.** 142. 143. 147.

Вонифатьевъ, Стеф. **5.** 67.

Воронцовъ, графъ С. Р. **4.** 178.

Воскресенскій, Гр. **2.** 56.

Востоковъ, акад. XII—XVI. XIX. **2.** 39. **72.** 83. 87. 98.

Вяземскій, князь А. А. **4.** 181.

Вяземскій, князь П. А. XIV. **3.** 39. **5.** 136. 137. 139. 235. 247. 272.

Гавриловъ, литогр. **2.** 11.

Гага, графъ. **4.** 314—317.

Гаджибей (нынѣшняя Одесса). **4.** 35.

Гаевскій, В. П. XVIII.

Галіани, аббатъ. **4.** 139. 324.

Галичское четвероевангеліе 1144 года. 1. 3. **2.** 74—102.

Галлеръ. 5. 265. 267.

Гамалѣя. 5. 143. 264.

Гамель, акад. **5.** 89.

Гамель, докт. **3.** 90.

Ганка. XVI.

Гарвей. 4. 204.

Гардтгаузенъ. 2. 7—9. 10. 12. 18. 19. 24. 26. 27. 34. 145. 146. 155. 157.

Гаррикъ, трагикъ. **5.** 176.

Гаррисъ, посланн. **4.** 29. 56.

Гартманъ, Н. Н. XX.

Гассанъ-паша. 4. 34. 35.

Гастферъ. 4. 54.

Гвидо-Рени, живопис. **5.** 70.

Ге (*Георгъ*, кор. англ.) **4.** 5. 8. 10—13. 42. 52. 55. 66. 71. 74. 121. 155.

Гегель. 1. 13. 31. 37. **5.** 39.

Гегю (англ. король *Георгъ*, шведск. *Густавъ* и прусск. *Фридрихъ-Вильгельмъ*). **4.** 29. 30. 56. 63. 73. 121. 122. 176.

Гедвига, корол. польск. **4.** 240.

Гейманъ. 4. 112. 114—117. 119. 165. 166.

Гейне. 5. 142.

Гейнзель. 1. 7.

Гейтлеръ, проф. **2.** 13. 42. 59. 61. 64. 106. 108. 112. Мнѣніе академика Ягича о сочиненіи его «Die albanesischen und slavischen Schriften». **2.** 113—189.

Геллертъ. 5. 260.

Гельбигъ, авторъ сочин. «Russische Günstlinge». 4. 266.

Гельвецій. 4. 242.

Генріада. 4. 127. 132.

Генрихъ, принцъ. 4. 55. 56. 58. 59. 67—69. 72. 119. 128. 154. 190. 253—255. 258. 260. 264. 268. 311. 327.

Генрихъ IV. 4. 124. 127. 173. 174. 195. 202.

Генрихъ VIII, кор. англ. 5. 38.

Георгъ, кор. англ. 4. 243.

Гераклій, царь грузин. 4. 295.

Гердеръ. 5. 267.

Гермогенъ, патр. Его воззванія. 5. 66. 67.

Герцбергъ, графъ. 4. 29. 58. 60. 63. 64. 71—74. 77. 78. 81, 82. 84. 85. 92. 95. 103. 136. 150. 154—157. 204. 244. 254. 267. 268. 287.

Герцогиня Мекленбургская. 4. 278. 279. 311—313.

Герцогиня Орлеанская. 4. 214.

Герцогиня Саксенъ-Готская. 4. 105. 278. 284.

Герцогъ Брауншвейгскій. 4. 73. 85. 195. 197. 201. 206. 208.

Герцогъ Готскій. 4. 138. 249.

Герцогъ Зюдерманландскій. 4. 25. 38. 307.

Герцогъ Курляндскій. 4. 259.

Герцогъ Орлеанскій. 4. 162. 212—214.

Герцогъ Пармскій. 4. 159.

Герцогъ Саксенъ-Веймарскій. 4. 248. 249.

Гёрцъ, графъ. 4. 249. 267.

Гессенъ-Дармштадтскій ландгр. 4. 199. 244.

Гёте. 1. 23. 5. 142. 267.

Гиббонъ, истор. 4. 164. 177.

Гильфердингъ, А. Ѳ. 5. 4.

Гинтеръ. 5. 158. 159. 161.

Глинка. 2. 32.

Глинка. 5. 136.

Глуховъ. 4. 237.

Гнѣдичъ, Н. И. Нѣсколько данныхъ для біографіи его по неизданнымъ источникамъ. — Его записная книжка. — Свѣдѣнія о службѣ и литературныхъ трудахъ его. — Изъ переписки Гнѣдича. 3. 1—42. 47—76. 79—84. 87—98. 5. 136. 137. 226.

Гоголь, Н. В. 1. 15. 17. 18. 5. 2. 19. 122. 136—140. 182. 231. 237—239. 248.

Годунова, Ксенія. 5. 89.

Годуновъ, Борисъ. **5.** 46. 78.
Голиковъ, писат. **5.** 137.
Голицына, княг. **4.** 300.
Головацкій, Я. Ѳ. **2.** 85.
Головинъ. **5.** 115.
Головкинъ, графъ. **4.** 275. 276.
Голубинскій, Ѳ. А., проф. **1,** 47.
Гомеръ. **3.** 11—15. **5.** 226.
Гончаровъ, И. А. XVI. XVIII. **1.** 11. 29.
Горацій. **4.** 163. **5.** 183. 201. 217. 226.
Горскій, А. В., проф. **1.** 47. **2.** 2. 75. 88.
Гоу, адмир. **5.** 262.
Грабовскій. **4.** 234.
Грамматика, главнѣйшій предметъ для Россійской Академіи. V.
Грейгъ, С. А., адмир. III.
Грейгъ, адмир. **4.** 19. 22. 23. 25. 31.
Грейлеръ, проф. **2.** 129.
Грейфенштейнъ. **4.** 323.
Грессетъ. **5.** 252.
Гречъ, Н. И. **1.** 19. **3.** 91.
Грибоѣдовъ, А. П. **5.** 136. 139. 237. 238.
Григорій Богословъ. **2.** 28. 31. 53. 94. 180.
Григорій, архіеписк. Россійск. См. *Цамблакъ*.
Григоровичъ, В. И., проф. Объ открытомъ имъ на Аѳонѣ глаголическомъ четвероевангеліи. **1.** 9. 49.
Григоровичъ, Д. В. **1.** 45. **5.** 19.
Гриммъ. Переписка его съ императрицею Екатериною II. **4.** 1—339.
Гриньянъ. **4.** 278.
Гроссъ. **4.** 303.
Гротъ, Я. К., академ. Его ученые труды. — Его статьи въ періодическихъ изданіяхъ, сотрудничество въ шведскомъ журналѣ и начало изданія на французскомъ языкѣ писемъ къ императрицѣ Екатеринѣ II. IV. XV. XVII. XIX. XX. **1.** 6. 7.
Груберъ. **2.** 113.
Гумбольдтъ, Вильгельмъ. **1.** 23.
Густавъ III, кор. **4.** 1. 54. 55. 62. 81. 85. 170. 176. 307.
Густавъ-Адольфъ, кор. **4.** 19. 24. 25.
Гю (Густавъ, кор. шведск., и Фридрихъ-Вильгельмъ, кор. прусск.). **4.** 5. 8. 10. 13. 14. 16. 20. 42. 52. 55. 60. 66. 121. 170. 255. 257. 263. 268.

Гюбшманъ. 2. 111. 112.
Давыдовъ, Денисъ. 5. 136. 137.
Давыдовъ, И. И., акад. XIV.
Даль, В. И. 5. 10.
Дальбергъ. 4. 291.
Дама́ (Damas). 4. 278.
Даничичъ. 2. 81.
Данилъ, митропол. 5. 34—36.
Дашкова, княгиня, презид. Россійской Академіи. VI. 4. 188.
Де-Бремъ, сардин. мин. 4. 61.
Декоршъ, послан. 4. 212.
Де-Линь, князь. 4. 42. 47. 104. 145. 148. 150. 263. 327.
Де-Лоссъ, графъ. 4. 266.
Дельвигъ. 5. 130. 136. 137.
Деляновъ И. Д., министръ народнаго просвѣщенія. III.
Держава, сынъ Багрима. 5. 185.
Державинъ, Г. Р. VI. XX. 1. 6. 4. 52. 5. 17. 122. 125. 136—138. 144. 160. 180. — Жизнь Державина. — Главныя черты Екатерининa вѣка изъ его произведеній. — Державинъ-поэтъ. 5. 184—225. 226. 229. 233. 234. 239. 255—258.
Дерфельденъ. 4. 32. 287.
Джемсъ, Ричардъ, священ. 5. 89.
Джонъ Фальстафъ. 4. 15. 19. 24. 26—31. 46. 121.
Дильманнъ, проф. 2. 104.
Діонисій Ареопагитъ. 5. 30.
Діонисій Суздальскій. 5. 31.
Дидро. 4. 328.
Дмитріевъ, И. И. X. 5. 136. 137, 179. 190. 216. 228. 233. 255—258. 260. 262. 266. 273. 274.
Дмитревскій. 5. 176.
Дмитрій Донской. 5. 63. 163.
Дмитрій Палеологъ. 2. 29.
Дмитрій Ростовскій. 5. 5. 40. 41. 126.
Добровскій. 5. 4.
Долгорукій, князь И. М., поэтъ. 5. 228. 229.
Долгоруковъ Василій, князь. 5. 117.
Долгоруковъ-Корсаковъ, князь, вице-презид. Академіи Наукъ. XIII.
Дополненіе къ Областному великорусскому словарю. XIV.
Достоевскій, Ѳ. М. XVI. 1. 37.

Древле-славянская псалтирь Симоновская до 1280 года, изданіе архим. Амфилохія. **2.** 36—74.

Древняя Россійская Вивліоѳика. 5. 263.

Дружеское Типографское Общество. 5. 264. 265.

Дубельтъ, Л. В. **1.** 18.

Дюмурье. 4. 201. 235. 238.

Дю-Ру. 4. 130.

Дѣтское Чтеніе, журналъ Карамзина. **5.** 265.

Евстаѳій, архим. **1.** 50.

Екатерина II, императр. IV. **4.** 1—339. **5.** 129. 169. 171. 177. 181. 187. 191. 195. 198. 200. 202. 204. 207. 212. 232. 235. 237. 238. 253. 254. 279.

Екатерина Медичи. 4. 145.

Екатерина Павловна, велик. княжна. **4.** 99.

Елагинъ. 5. 175.

Елена Павловна, велик. княжна. **4.** 98. 223. 225. 281. 285—287. 289.

Елизавета Алексѣевна, императр. **4.** 220. 224—226. 289.

Елизавета Петровна, императр. **5.** 116. 129. 139. 148. 165. 169. 204.

Ереси религіозныя. 5. 31.

Ершовъ. 5. 84.

Ефраимъ. 4. 155. 156.

Ефремъ Сиринъ. 2. 86. 90.

Жанлисъ, графиня. **4.** 214. 215.

Жанъ-Батистъ Руссо. 5. 161. 174.

Жанъ-Жакъ Руссо. 5. 142. 265.

Жаркой. 4. 99.

Женэ. 4. 119. 171.

Жилле. 4. 198.

Житецкій, П. **2.** 85.

Житія святыхъ. 5. 68—71.

Жуковскій, В. А. X. XIV. **1.** 1. **5.** 9. 17. 84. 85. 136—140. 144. 213. 226. 230. 273.

Журданъ. 4. 306.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. 1. 7.

Жюинье, маркизъ. **4.** 246.

Загоскинъ, писат. **5.** 136.

Заіончекъ, 4. 235.

Зайнали Гассанъ-Беглербей, паша. **4.** 35.

Захарій. 2. 87.

Зейдлицъ. 4. 114.

Зельмира. 4. 86. 90. 106.
Зиновій, инокъ. 5. 39.
Злобинъ. 5. 78.
Зографское евангеліе. 1. 9.
Зубовъ, графъ Валер. 4. 34. 111. 181. 185. 236. 262. 293—295.
Зубовъ, графъ Плат. 4. 185. 225. 276.
Зубовъ Николай. 4. 254.
Ибрагимъ, паша. 4. 32.
Игельстромъ, баронъ. 4. 40. 43. 233. 288. 308.
Игорь, князь. 5. 72. 75.
Извѣстія Академіи Наукъ по Отдѣленію русскаго языка и словесности. XV.
Изембургъ, принцъ. 4. 199.
Изяславъ. 4. 240.
Иларіонъ, митроп. 5. 23.
Иліада. 3. 11. 14. 15. 18. 31. 5. 226.
Ильинскій, графъ. 5. 189.
Иннокентій, епископъ. XIV.
Исторія государства Россійскаго, Карамзина. 5. 259. 271. 273 — 275.
Исторія русской литературы, Касп. Смита. 1. 7.
Историческая грамматика, Буслаева. XV.
Италинскій. 4. 275. 276.
Іеверъ, княжество. 4. 249. 250. 253.
Іоакимъ, патр. 5. 40.
Іоаннъ Дамаскинъ. 2. 22.
Іоаннъ Златоустъ. 2. 21. 22. 27. 28.
Іоаннъ Лѣствичникъ. 2. 26. 27.
Іоаннъ Эксархъ. 2. 83. 152.
Іоаннъ III, царь. 5. 46. 165.
Іоаннъ IV Грозный. 5. 46. 49. 50—61. 68. 78. 90. 117. 165. 273.
Іоаннъ XXII, папа. 5. 28.
Іосифъ II, императ. 1. 7. 4. 56—58. 128. 263. Дополн. 279.
Іосифъ Волоцкій. 5. 32. 34. 39. 66.
Калайдовичъ. 2. 96.
Калонна. 4. 121. 142. 295.
Каменскій, генер. 4. 31. 32. 5. 175.
Камю. 4. 146. 150.
Кантакузинъ, Іоаннъ. 2. 32.
Кантемиръ, князь. 5. 2. 122. 130. 133—135. 234.

Кантъ. **1.** 23. 37. **5.** 262. 266.
Капнистъ, В. В. **3.** 12. 13. **5.** 136. 137. 139. 226. 238. 254.
Капрара, нунцій. **4.** 61. 138.
Караджичъ. XVI.
Карамзинъ, Н. М. X. **3.** 91. **5.** 2. 12. 17. 111. 122. 136. 137. 139. 140. 144. 192. 198. 230. 237. Свѣдѣнія о его жизни.— Новиковъ, какъ пособникъ въ образованіи Карамзина. — Пребываніе Карамзина за границей. — Литетатурная его дѣятельность. — Исторія государства Россійскаго. — Покровительство Муравьева. — Смерть его. **5.** 255—280.
Кардель. **4.** 184. 322—325. 333.
Карицкихъ, Настасья и Марья, сестры Гнѣдича. **3.** 87. 88.
Карлети. **4.** 255.
Карлъ I, кор. англ. **4.** 165.
Карлъ V, императ. **5.** 46. 157.
Карлъ XII. **4.** 19.
Кассіанъ. **5.** 33.
Кастера, истор. **4.** 6. 50.
Кастри, марш. **4.** 135. 150. 163. 170. 257. 259. 297. 304.
Кауницъ, князь. **4.** 84. 85.
Кауфманъ, Анджелика. **4.** 285. 286.
Качановскій, Влад. I.
Качеповскій, акад. XIV.
Кашинцовъ, Елисей. **5.** 260. 261.
Кварепги. **4.** 223. 287. 288.
Кельхенъ, лейбъ-хирургъ. **4.** 318.
Кинбурнъ, крѣпость. **4.** 3. 4.
Кипріанъ, митропол. **2.** 39. **5.** 29. 65.
Кириллъ Бѣлозерскій. **5.** 28. 65. 70.
Кириллъ, митроп. **2.** 100.
Кириллъ Туровскій. **2.** 96. **5.** 24.
Кирхгофъ. **2.** 119. 120. 122. 137.
Кирша Даниловъ. **5.** 110.
Клериссо, архитект. **4.** 332. 333.
Клерфей, австр. полковод. **4.** 265. 268.
Климентъ. **2.** 115. 140. 141. 166. 178.
Клоцъ, графъ. **2.** 154. 187.
Ключъ къ исторіи государства Россійскаго, Карамзина, составленный Строевымъ. X.
Книга Большому Чертежу, изд. Россійскою Академіей. X.
Кнорринтъ, генер. **4.** 33.

Княжнинъ, Я. В., академ. VI. **5.** 136—139. 175. 252. 253. Дополн. 280.
Кобенцель, графъ. **4.** 150. 204.
Козлянинова. **4.** 47.
Козодавлевъ, редакт. «Собесѣдника любителей россійскаго слова». VI.
Кольцовъ, поэтъ. **5.** 137.
Колычевъ. **4.** 338.
Коммиссія по присужденію Пушкинскихъ премій. XVIII.
Комитетъ для составленія общаго устава Академіи Наукъ. XIII.
Комитетъ по сооруженію памятника Пушкину. XVII.
Комнинъ, Іоаннъ. **2.** 23.
Кондаковъ Н. П., проф. Его альбомъ видовъ и древностей Синайскаго монастыря. **2.** 9. 10. 64.
Конде, принцъ. **4.** 144. 297. 298. 305.
Кондорсэ. **4.** 159. 208.
Константинъ Павловичъ, велик. князь. **4.** 97. 100. 220. 222. 231. 232. 278. 284. 289. 290.
Константинъ Философъ. **2.** 107. 109. 142. 143. 187—189.
Конфланъ. **4.** 114.
Копенгагенскій университетъ. **1.** 7.
Копіевичъ, И. **2.** 71.
Корнлла. **4.** 185.
Корнель. **5.** 252.
Корниловъ, И. П. III.
Коссовичъ, К. А. **5.** 4.
Костомаровъ, Н. И. **5.** 42.
Костровъ. **3.** 13. **5.** 136. 181. 226.
Костюшко. **4.** 233. 235. 237. 239. 241.
Котельниковъ, акад. IX.
Котляревскій, проф. **1.** 4.
Коцебу. **4.** 102. 103.
Кояловичъ, М. О. XIX.
Краонъ, князь. **4.** 107. 108.
Крашенинниковъ, акад. **5.** 180.
Крижаничъ. Его книга «Русское государство въ половинѣ XVII вѣка». **5.** 113.
Крузе, адмир. **4.** 38. 39. 42. 47.
Крыловъ, И. А. X. XIV. **5.** 9. 122. 136—138. 179. 233. 257.
Ксифилинъ, Іоаннъ. **2.** 32.
Куникъ А. А., акад. Его записка объ изданіи алфавитнаго указателя

книгъ на славянскихъ нарѣчіяхъ въ 1-мъ Отдѣленіи библіотеки Академіи Наукъ. II.

Курбскій, Андрей. **5.** 50—54.

Курицынъ, Ѳедоръ, дьякъ. **5.** 32.

Курфюрстъ Саксонскій. **4.** 228. 249. 264.

Кутузовъ, послан. **4.** 245.

Кюстинъ. **4.** 197. 198.

Лабзинъ. **5.** 143.

Лавровскій, П. А. **2.** 56.

Лагарпъ. **4.** 334. **5.** 267.

Ламанскій, В. И. **2.** 56.

Ламартинъ. **5.** 49.

Ламетъ. **4.** 79. 126. 161.

Ланской. **4.** 184.

Ла-Рошъ-Ламбертъ, графиня. **4.** 304.

Ласкарисъ. **5.** 1. 37.

Ласточка, стихотвор. Гнѣдича. **3.** 25.

Лаудонъ, фельдмарш. **4.** 42. 58.

Лафайэтъ. **4.** 104. 121. 122. 133. 162. 238.

Лафатеръ. **4.** 202. **5.** 265. 267.

Лафонтенъ. **5.** 174. 229. 257.

Лебрэнъ, живопис. **4.** 147. 285—287.

Левашовъ. **4.** 23. 24.

Левекъ, истор. **5.** 267.

Лежеръ, Луи. **2.** 173.

Лейбницъ. **5.** 47. 119. 120. 142. 143.

Лейонанкеръ, адмир. **4.** 39.

Лекенъ, трагикъ. **5.** 176.

Леоніана, шуточная поэма имп. Екатерины II. **4.** 102.

Леопольдъ, австр. императ. **4.** 43. 58. 61. 62. 73. 85. 128. 137. 156. 178. 191.

Лепехинъ, акад. VI. IX. XII.

Лермонтовъ, М. Ю. **5.** 136.

Лескинъ, проф. **2.** 9.

Лессингъ. **5.** 265.

Ливенъ, генер. **4.** 225. 281. 315.

Ливіо. **4.** 250.

Лицей Александровскій. XX.

Лобановъ, М. Е. **3.** 11. 16—18. 28—32. 94—96.

Логиновъ. **5.** 188.

Ломбардъ, мальтійск. кавалеръ. **4.** 3.

Ломоносовская премія. Присужденіе ея архимандриту Амфилохію. **1.** 2. **2.** 1—36.

Ломоносовъ, акад. XII. **5.** 9. 12. 16. 121. 122. 125. 131. 136. 138. 139. 140. 142—144. Свѣдѣнія о его жизни.—Ломоносовъ и наука.—Взглядъ его на отношеніе науки къ вѣрѣ, государству и народной жизни и на отношеніе наукъ между собою.—Ломоносовъ какъ словесникъ и поэтъ. **5.** 145—173. 174. 178. 180—182. 186. 198. 208. 213. 234. 257. 266.

Лоранъ. **4.** 323.

Лувуа. **4.** 58.

Луиза Баденская, принцесса, впослѣдствіи императрица. **4.** 220.

Лукинъ. **5.** 235

Луккезини, марк. **4.** 71. 235. 238. 244. 248. 255. 263. 268. 275. 287.

Лѣтописи. **5.** 67. 68.

Людовикъ XI. **5.** 38.

Людовикъ XIV. **4.** 124. 130. 131. 286.

Людовикъ XV. **4.** 170. 214.

Людовикъ XVI. **4.** 117. 118. 120. 150. 164. 165. 170. 175. 200. 204. 206. 235. 247.

Людовикъ XVII. **4.** 262. 264.

Людовикъ XVIII. **4.** 262. 265. 297. 298. 303. 305. 306.

Люкнеръ, генер. **4.** 110.

Лютеръ. **4.** 322. **5.** 115.

Магницкій. Его ариѳметика. **5.** 145.

Магометъ. **2.** 32.

Мадалинскій. **4.** 233. 241.

Маззей. **4.** 191. 228. 230.

Мазепа. **5.** 115. 117.

Майковъ, А. Н. Присужденіе ему полной преміи Пушкина. XVIII. **1.** 1.

Майковъ, А. Н. Его избраніе въ члены-корреспонденты Отдѣленія русскаго языка и словесности. XVI.

Макарій, митропол. **5.** 36. 49.

Макаровъ. **5.** 189.

Макартней. **4.** 261.

Максимовичъ, М. А. **2.** 102.

Максимъ Грекъ. **2.** 32. 39. **5.** 1. 37—39. 50. 66.

Максимъ, митроп. **2.** 100.

Малала, Іоаннъ. **1.** 47.

Малебраншъ. **4.** 328.

Malet Dupan. **4.** 256.
Малле, аббатъ. **3.** 12.
Мамоновъ. **4.** 184. 185.
Мансуръ, имамъ. **4.** 7.
Мануилъ Критскій. **2.** 30.
Манфредини. **4.** 204. 255.
Манштейнъ. **4.** 235.
Марабуты (Туркп). **4.** 9. 10. 14. 183.
Маріинское евангеліе. **2.** 45—47. 52. 54. 59. 61. 78. 146. 161.
Марія-Антуанетта. **4.** 165. 207. 208. 212. 213. 215.
Марія Павловна, велик. княжна. **4.** 98. 225. 285.
Марія-Терезія. **4.** 24.
Марія Ѳеодоровна, великая княгиня. **4.** 6.
Мармонтель. **5.** 2. 267.
Марколони, графъ. **4.** 154.
Матеріалы для исторіи Академіи Наукъ. На изданіе ихъ назначено по 5,000 руб. въ теченіе трехъ лѣтъ. **1.** 5.
Матица Сербская. XVI.
Маттисонъ, поэтъ. **5.** 267.
Матюшкина, граф. **4.** 226.
Мейеръ, Густ. **2.** 149.
Мелиссино. **5.** 175.
Менгсъ. **4.** 337.
Мендельсонъ. **5.** 266.
Мерзляковъ. **5.** 136. 181. 213. 217. 228.
Мерси, графъ. **4.** 207.
Местмахеръ. **4.** 260. 266.
Миклошичъ. II. **2.** 51. 53. 64. 67. 70. 83. 90. 98. 113. 117. 136.
Миллеръ, Вс. II. Мнѣніе академ. Ягича о его статьѣ «Къ вопросу о славянской азбукѣ». **2.** 108—113. **2.** 149. 184.
Миллеръ, Ѳ. Ѳ. проф. **1.** 1.
Миносъ. **4.** 159.
Мирабо. **4.** 71. 90. 124. 160—162.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь. **5.** 89. 165.
Михаилъ IX Палеологъ. **2.** 29.
Михайловскій. XIV.
Михельсонъ, генер.-лейтен. **4.** 32. 33.
Мицкевичъ. **5.** 2.
Могила, Петръ, Волошск. князь. **5.** 39.
Моклеръ, пасторъ. **4.** 324. 325.

Молешотъ. 1. 37.
Молитва. Гнѣдича. 3. 27. 28.
Моммзенъ. 5. 17.
Монморанси, 4. 132.
Монморень, франц. мин. 4. 10. 13. 147. 198.
Монтескьё 5. 2.
Монфоконъ. 2. 173.
Мордвиновъ, послан. 4. 186.
Мориць, писат. 5. 265. 267.
Моро. 4. 306.
Московскій университетъ. XX. 5. 139. 144. 174. 226. 228. 229.
Московскія Вѣдомости. 5. 263. 264.
Московское Общество любителей россійской словесности. XX.
Московское Юридическое Общество. XX.
Муравьевъ, М. Н. 136. 137. 237. 271. 272.
Муральтъ. 2. 29.
Муртаза Кули-ханъ. 4. 277. 293. 295.
Мусина-Пушкина. 5. 176.
Мусинъ-Пушкинъ, акад. IX.
Мусинъ-Пушкинъ, попечит. 1. 16. 18.
«Мысли объ исторіи русскаго языка», Срезневскаго. XV.
Мѣрило Праведное, книга. 5. 63. 64.
Надеждинъ. Его «Сонмище нигилистовъ». 1. 30.
Наполеонъ I. 4. 120. 241. 5. 272.
Нарышкинъ, об.-шенкъ. 4. 226.
Нарышкинъ, Л. А., оберъ-шталмейст. 4. 101. 102. 159. 189. 226. 289.
Нассау-Зигенскій князь, адмир. 4. 34. 39. 40—42. 47.
Невоструевъ, К. 2. 2. 75. 78. 88.
Неккеръ. 4. 60. 133. 136. 140 150. 162. 256. 259.
Некрасовъ, Н. 1. 15.
Нелединскій-Мелецкій. 5. 136. 139. 226. 228. 252. 257.
Нессельродъ. 4. 69.
Несторъ. Его лѣтопись. 5. 67. 68. 119.
Никитинъ, живопис. 5. 121.
Никифоръ, митропол. 5. 65.
Николаи, баронъ А. П. III.
Николай Павловичъ, императоръ. XII. 4. 290. 5. 173.
Николевъ, писат. 5. 228.
Никонъ, патр. 5. 16.

Нилъ, святой. **5.** 33.
Нилъ Сорскій. **5.** 33. 34.
Ноаль. **4.** 132.
Новиковъ, Н. И. V. **5.** 136. 143. 228. 263—266.
Нольке. **1.** 7.
Нолькенъ, баронъ. **4.** 17—20.
Нѣгошъ Даніилъ, черногорск. митропол. **5.** 116.
Обольяниновъ, лейтен. **4.** 2.
Огоновскій. **2.** 85.
Одинцовъ. **4.** 47.
Озерецковскій, акад. VI. IX.
Озеровъ. **5.** 136. 137. 139. 175.
Окландъ. **4.** 81.
Оленинъ, акад. IX.
Ольга Павловна, велик. княжна. **4.** 217. 424.
«Описаніе славянскихъ рукописей синодальной библіотеки». **1.** 2.
Опытъ Областнаго великорусскаго словаря. XIV.
Орлеанскій домъ. **4.** 191.
Орловъ, графъ А. Ѳ. **1.** 16. 18.
Орловъ, графъ Г. Г. **5.** 181. 183.
Орловъ, князь. **4.** 336.
«Основанія фонетики», Сиверса. **1.** 7.
Основьяненко. **5.** 136.
Оссіанъ. **5.** 226. 265.
Островскій, А. Н. XVI.
Остромирово евангеліе. **1.** 9. **2.** 56.
Отдѣленіе II, русскаго языка и словесности. Публичное засѣданіе онаго въ воспоминаніе столѣтія со дня открытія Россійской Академіи. III. — Положеніе объ Отдѣленіи. XIV.— Изданія Отдѣленія. XIV. XV.— На усиленіе средствъ Отдѣленія исходатайствованъ отпускъ по 5.000 руб. ежегодно. **1.** 4.
Отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 году съ Приложеніями къ нему. **2.** 1—191.
Отэнь. **4.** 169.
Павелъ, монахъ. **2.** 27.
Павелъ Петровичъ, I. VI. **4.** 6. **5.** 19. 189. 212. 220. 257.
Павловъ. **4.** 129.
Палеографическое описаніе греческихъ рукописей опредѣленныхъ лѣтъ съ IX по XVII вѣкъ, архим. **Амфилохія.** **2.** 7—36.
Палладій. **2.** 28.

Палласъ, акад. XII. **4.** 23. 48.
Панаевъ В. И., акад. XIV.
Панинъ, графъ. **4.** 202. 206. **5.** 175.
Партовъ, предсѣдатель Россійской Академіи. VII.
Пассекъ, генер. **4.** 228.
Пейкеръ, ценз. **1.** 16.
Пекарскій, акад. **1.** 4. **2.** 71.
Пелла. **4.** 157.
Перевощиковъ, акад. **5.** 153.
Переджи-Шанумъ, персид. принцесса. **4.** 293. 294.
Петіонъ, меръ. **4.** 191.
Петровъ, А. А. **5.** 264—266.
Петровъ, В. П. **5.** 136. 180—184.
Петръ, митропол. **5.** 28. 70.
Петръ I. **4.** 226. 247. **5.** 1. 16. 47. 78. 90. Петръ—первый представитель періода развитія личности.—Петръ въ дѣлѣ религіи, народности, языка и словесности. — Языкъ Петра, устный и письменный. — Черты личности Петра въ развитіи русскаго ума и слова. **5.** 111—125. 129. 138. 143. 158. 165. 169. 174. 234. 239. 261. 272.
Петръ III. **1.** 6.
Пиндаръ. **4.** 204.
Пироговъ, Н. И. **1.** 34. 37.
Пискаревъ, Д. **1.** 49.
Письма Русскаго путешественника, Карамзина. **5.** 268.
Питтъ. **4.** 66. 74. 79. 80. 111. 156. 183. 212. 256.
Піатоли. **4.** 228.
Платнеръ, проф. **5.** 267.
Плетневъ, акад. XIV. **1.** 6. 7. 12. 13. 45. **3.** 91.
Плутархъ. **4.** 44. 97.
Побѣдоносцевъ, К. П., оберъ-прокуроръ свят. син. III.
Повалишинъ, адмир. **4.** 37. 39. 42. 47.
Погодинъ, акад. XIV.
Пожарскій, князь. **5.** 223. 257.
Позднякъ, Д. П. **3.** 29—30.
Полевой, Н. **5.** 137.
Полозовъ. **3.** 39—41.
Полонскій, Я. П. Присужденіе ему преміи Пушкина. XVIII. **1.** 1.
Поль-Джонсъ. **4.** 14. 108—110.
Пономаревъ, А. И. **3.** 97. 98.
Понятовскій. **4.** 288.

Поповскій, профес. **5.** 174. 272.

Поповъ, А. **2.** 94.

Попъ, поэтъ. **5.** 183.

Порфирій, еписк. **2.** 18. 19.

Пословицы, поговорки, сказки и пѣсни русскія народныя. 5. 75—111.

Посошковъ Ив., крестьян. Его сочиненіе «О скудости и богатствѣ». **5.** 128. 129.

Поссевинъ, Антон. **5.** 50.

Посьетъ, генер.-адъют., мин. путей сообщенія: XX.

Потебня, А. **2.** 85.

Потемкинъ, князь. **4.** 4. 30. 32—35. 45. 47. 50. 52. 53. 99. 101. 107. 108. 110—112. 179—183. 189. 220. 325—327. **5.** 181. 183. 200. 202. 203. 207. 209. 239. Дополн. 280.

Потоцкій графъ, сенат. **5.** 189.

Потоцкій, Игнат. **4.** 263.

Поттъ, А. **2.** 83.

Поученіе Владиміра Мономаха. **5.** 49.

Преміи. Пушкина. XVIII, Жуковскаго. **1.** 1. Котляревскаго. **1.** 4.

Принцесса Баденская и ея дочери. **4.** 219. 220.

Принцесса Оранская. 4. 89.

Принцъ Ангальтъ-Цербстскій. 4. 249.

Принцъ Виртембергскій. 4. 106.

Принцъ Кобургскій. 4. 33. 34. 196. 201.

Принцъ Ксаверій Саксонскій. 4. 261.

Принцъ Нассаускій. 4. 14. 23. 36. 37. 104. 107. 117. 173. 191. 235. 238.

Принцъ Орлеанскій. 4. 213—215.

Прозоровскій, Д. **2.** 23.

Прозоровскій, князь. **5.** 175.

Прокоповичъ, Ѳеофанъ. **5.** 40. 118. 122. 126—128. 146.

Пугачевъ. 4. 18. 21. 325.

Пулковская астрономическая Обсерваторія. XII.

Пушкинъ, А. С. X. XVI. XVII. **1.** 7. 21. 35. 36. 38. 44. **5.** 2. 10. 16—18. 83. 84. 86. 106. 122. 125. 130. 136—140. 145. 191. 230. 251. 257. 273.

Пушкинъ, адмир. **4.** 39. 47.

Пушкинъ, графъ. **4.** 49.

Пыпинъ. 5. 42.

Рагузинскій. 5. 116.

Радзивиллъ, княгиня. **4.** 259.

Радзивиллъ, князь Антопъ. **4.** 259. 260.
Разумовскій, графъ. **4.** 15—18.
Раймондъ Медулльонскій. 2. 27.
Ранке, Леопольдъ. **1.** 11.
Ранен Топрасъ, истор. **4.** 324. 325.
Расинъ. 5. 174.
Рауль, фотогр. **2.** 9.
Рафаэль Менгсъ. 4. 217.
Рачкій, Фр. **2.** 113. 117. 141.
Редернъ, графъ. **4.** 155.
Рейтергольмъ. [illegible]. 296. 308. 310. 311. 317.
Рейфенштейнъ. 4. 172. 216. 217.
Рейхель, проф. **5.** 236.
Рекамье. 5. 2.
Ренанъ, Эрнестъ. **1.** 11.
Рене. 4. 75.
Реньеръ. 4. 169.
Ріокуръ, графъ. **4.** 153. 157.
Репнинъ, князь. **4.** 34. **5.** 175.
Рибасъ, генер. **4.** 35.
Рихманнъ. 5. 148.
Рихтеръ, Жанъ-Поль. **1.** 30.
Ришельё, герцогъ, Одесск. губернат. **4.** 79. 110—112.
Роберъ. 4. 167.
Родней, адмир. **5.** 262.
Розбергъ, адъюнктъ. XIV.
Розе, Іосифъ. **5.** 186.
Россійская Академія. Рѣчь о ея значеніи и дѣятельности. IV.—Связь ея съ «Собесѣдникомъ любителей россійскаго слова».—Лучшая пора жизни ея и упадокъ. — Прекращеніе отпуска суммы на содержаніе Академіи. VI.—Возвращеніе ей прежняго ея достоянія.—Прекращеніе существованія ея. VII. — Словарь русскаго языка. – Словарь, расположенный въ азбучномъ порядкѣ и русская грамматика. IX.— Періодическія и другія изданія академіи. IX и X.—Соединеніе Россійской Академіи съ Академіею Наукъ.—Россійская Академія преобразована во II Отдѣленіе Академіи Наукъ. XII.—Сношенія Россійской Академіи съ славянскимъ міромъ. XVI.
Ростопчина, графиня. **5.** 7.
Ростопчинъ, графъ. **5.** 272.
Ротшильдъ. 1. 43.
Рубіо, живописс. **5.** 69.

Рудишёльдъ. 4. 308.

Румовскій, акад. VI. IX.

Румянцовъ, графъ Н. П. Х. 4. 32. 61. 62. 130. 134. 187. 195. 236. 302. 5. 139. 175. 200. 203.

Русская Правда. 5. 48.

Русская Старина. 1. 7.

Русскій языкъ — выраженіе духа и характера Русскаго народа. — Три періода развитія русскаго слова: религіозный періодъ, развитіе элементалічнаго человѣческаго и развитіе элемента народнаго. 5. 1—111.

Руссо. 4. 151. 159.

Руффо. 4. 130.

Рыбниковъ. Его народныя русскія пѣсни. 5. 10.

Рѣчь Гнѣдича въ Обществѣ любителей россійской словесности. 3. 33—37.

Рюльеръ. 4. 198.

Савва, архіепископъ Тверской. 1. 48. 2. 7. 10. 12. 14. 20. 23—25. 30. 33. 173.

Савонарола, Іеронимъ. 5. 37.

Сакенъ. 4. 98.

Саксонскій домъ. 4. 228.

Сакъ, кавал. 4. 261.

Салтыковъ, графъ. 4. 37. 5. 177.

Самойловъ. 4. 30.

Сарти. 4. 225.

Сборники Святослава. 1. 9.

Сборникъ Отдѣленія русскаго языка и словесности. XV. 1. 7.

Свистуновъ. 5. 175.

Свят. Кириллъ. 2. 74. 104. 106. 109. 115—119. 123. 138. 126. 138. 139. 141. 143. 166. 167. 187. 5. 21—23.

Свят. Меѳодій. 2. 74. 104. 138. 139. 141. 187. 5. 22. 23.

Святославъ, вел. кн. 2. 67. 5. 47.

Севастьяновъ. 1. 49. 2. 18. 28.

Сегюръ, графъ. 4. 4 8. 99. 104. 132. 336. Дополн. 279. 280.

Седэнъ. 4. 334. 335.

Селлери, маркизъ. 4. 214.

Селимъ, султ. 4. 32. 66. 179. 245. 264.

Семенова, актриса. 3. 19.

Семибашенный замокъ. 4. 123.

Семонвиль. 4. 204.

Сенакъ де-Мельянъ. 4 188. Его сочиненіе: «La comparaison de St. Pierre de Rome avec Catherine II». 4. 189. 190.

Сенъ-Мартенъ. 5. 143. 265.

Сенъ-При. 4. 29. 122. 123. 171. 173. 177. 218. 278. 296.

Сенъ-Симонъ. 1. 41.

Сераіонъ, еписк. 5. 27.

Сербско-русскій словарь. XIV.

Сергій Радонежскій. 5. 70.

Симеонъ, царь. 2. 140. 167. 189.

Сіэсъ, аббатъ. 4. 242. 258.

Сиверсъ, проф. 1. 7.

Силовъ. 5. 183. 184.

Симеонъ Полоцкій. 5. 157.

Симолинъ. послан. 4. 169. 171.

Синклеръ. 4. 271.

Сиринъ, Исаакъ. 2. 28.

Скандербегъ (Георгій Кастріотъ). 5. 118.

Скопинъ-Шуйскій, Михаплъ, князь. 5. 89.

Скорина, Францискъ, докт. 1. 51.

Скоропадскій, гетм. 5. 117.

Скорый, фрегатъ. 4. 2.

Славинскій, П., священ. 3. 10.

Славяно-греко-латинская школа. 5. 146.

Словарь бѣлорусскаго нарѣчія. XIV.

Словарь Россійской Академіи. IX.

Слово Даніила Заточника. 5. 234.

Слово о полку Игоревѣ. 2. 96. 5. 72—75.

Смирновъ, свящ. 4. 270.

Смитъ, Адамъ. Дополн. 277.

Смитъ, Каспаръ. 1. 7. 4. 38.

Смотрицкій. Его славянская грамматика. 5. 145.

Снегиревъ, И. М. Его сочиненіе «О народныхъ русскихъ праздникахъ». 5. 106.

Собесѣдникъ, журналъ импер. Екатерины II. 5. 254.

Соболевскій, А. 2. 99—101.

Собраніе Россійское при Академіи Наукъ. См. *Академія Наукъ.*

Содомъ и Гоморра. 4. 160.

Софія-Августа, принцесса. 4. 250.

Сперанскій, Кузьма. 5. 78.

Сперанскій. М. М. Х. 5. 78.

С.-Петербургская духовная академія. XIX.

С.-Петербургскій университетъ. XIX.

Спренгтпортенъ, послан. **4.** 55.

Срезневскій, Вяч. **2.** 40. 56. 69.

Срезневскій, И. И., академ. Его ученые труды. XV. XIX. **1.** 47. 51. **2.** 7. 9. 11. 37. 86. 95. 140. 178.

Станиславъ, кор. польск. **4.** 228.

Стасовъ, В. В. **2.** 100.

Стединкъ, послан. **4.** 309. 310.

Стернъ. **5.** 143. 265.

Стефанъ Пермскій. **5.** 28. 63.

«Столѣтіе журнала Собесѣдникъ любителей россійскаго слова», брошюра. XX.

Стороженко, Н. И. XVIII.

Стояновскій, Н. И. III. **1.** 2.

Строгановъ, графъ. **4.** 167.

Строевъ, акад. Его Ключъ къ Исторіи государства Россійскаго, Карамзина. X. XIV.

Суворовъ-Рымникскій, князь А. В. **3.** 7. **4.** 33. 34. 47. 96. 110. 201. 273. 274. 287. 305. 339. **5.** 139. 175. 200. 203. 217.

Судовщиковъ. **5.** 254.

Сумароковъ, А. П. **5.** 136 — 139. 142. 149. 160. Сумароковъ — подражатель иностраннымъ писателямъ, основатель русскаго театра и первый русскій публицистъ.—Трагедія Сумарокова, оды, сатиры, комедіи, притчи и басни. **5.** 174—180. 233. 234. 239. 241. 251.

Сумароковъ, Панкратій. **5.** 257.

Сутерландъ, баронъ. **4.** 65.

Сухомлиновъ, М. И., акад. I. Его рѣчь о значеніи и дѣятельности Россійской Академіи. — Его отчетъ о дѣятельности Отдѣленія русскаго языка и словесности. IV—XVII. **1.** 1—46. **5.** 147.

Сушковъ, Н. В. **1.** 49.

Сюлли. **4.** 127.

Сюло. **4.** 160. 162.

Тамерланъ. **4.** 170.

Таммъ, шведск. ученый. **1.** 7.

Татариновъ, П. П. **3.** 30. 97.

Таубертъ, акад. **5.** 148.

Текели, генералъ-аншефъ. **4.** 7.

Тепловъ. **5.** 149.

Терезина Марронъ. **4.** 217.

Тихонравовъ, Н. С. **5.** 42.
Толстой, графъ А. К. **1.** 19. **5.** 251.
Толстой, графъ Д. А., през. Императорской академіи наукъ, министръ внутр. дѣлъ. III. **1.** 5.
Толстой, графъ Л. Н. XVI.
Толстой, графъ Ѳ. А. **5.** 233.
Томасиновъ мавзолей. 4. 59.
Третьяковскій. 5. 130—133. 157. 160. 174. 218.
Троепольская, актр. **5.** 176.
Тугутъ, австр. министръ. **4.** 265. 296. 297.
Тургеневъ, А. И. **5.** 2.
Тургеневъ П. П., директоръ Московск. университ. **5.** 263. 271.
Тургеневъ, И. С. I. XVI. **1.** 12—25. 28—46. **5.** 19.
Тутолминъ, генер.-губернат. **5.** 187.
Тэйлоръ, Исаакъ. **2.** 106. 110. 150. 152. 160—162. 165. 171. 185.
Тюммель, баронъ. **4.** 284.
Уваровъ, графъ С. С. X. XIII. **3.** 11—14.
Ундольскій, В. М. Его «Собраніе славяно-русскихъ лѣтописей». **1.** 49. **2.** 181.
Устряловъ, проф. **5.** 112.
Ушаковъ, адмир. **4.** 50. 99. 179. 182.
Фалькенштейнъ, графъ. Дополн. 279.
Фальконетъ. 4. 198.
Фарамондъ. 4. 126.
Фейербахъ. 1. 31.
Фёлкерзамъ, саксон. послан. **4.** 266.
Фельзенъ. 2. 10. 14. 18.
Фердинандъ, принцъ прусск. **4.** 259.
Ферзенъ, графъ. **4.** 145. 238. 239. 287.
Филаретъ, митроп., академ. XIV.
Филаретъ, патр. **5.** 89.
Филиппъ, митроп. **5.** 39. 70. 71.
Филиппъ Капетъ. 4. 191.
Филиппъ Эгалите. 4. 268.
Филиппъ V. **4.** 191.
Филипсталь. 4. 105.
Филологическія Записки, издаваемыя въ Варшавѣ. **1.** 7.
Филологическія Разысканія, Грота. XV. Третье изданіе ихъ. **1.** 7.
Финдлэтеръ, шотландск. перъ. **4.** 231. 232. 239. 256. 259. 260. 263. 269. 270—273. 278. 279. 285. 290. 301.

Фирсовъ. 2. 40.
Фихте. 5. 143.
Фокнеръ. 4. 67. 179.
Фоксъ. 4. 56. 179. 183. 184.
Фонвизинъ. VI. 5. 2. 136—139. 179. 180. — Его «Бригадиръ» и «Недоросль». 5. 233—253. — Его письмо къ императрицѣ Екатеринѣ II. 5. 254. 266. Дополн. 280.
Форстенбергъ, графъ. 4. 106. 108.
Фотій, святит. 5. 29. 30.
Фохтъ. 1. 37.
Фра-Беато Анджелико да-Фіезоле, живоп. 5. 69.
Франклинъ. 4. 78.
Францискъ I. 4. 297.
Францъ II, императ. 4. 247.
Френъ, акад. XIII.
Фридрихъ II. 4. 166.
Фридрихъ Великій. 4. 45.
Фридрихъ-Вильгельмъ, кор. прусск. 4. 46. 47. 53. 55. 57. 69. 72. 85. 103.
Фронсакъ, герц. 4. 110. 111.
Фурье. 1. 41.
Фусъ, акад. XIII.

Ханыковъ, адмир. 4. 37. 39. 47.
Характеристика писателей новаго періода русской словесности. — Раздѣленіе этого періода на три отдѣла: лжеклассическій, романтическій и художественно-національный. 5. 136—145.
Хемницеръ. 3. 21. 5. 136. 179. 233.
Херасковъ. VI. 5. 137. 139. 175. 228. 263.
Холмскій, Юр. 2. 87.
Хомутова, Марья. 3. 89.
Хомяковъ. 5. 137.
Храповицкій. 4. 52. 217. 5. 221. 222.
Христіернъ II, кор. датск. 5. 38.
Христіернъ III, кор. датск. 5. 46.
Христина, королева. 4. 20.

Цамблакъ, Григорій, святит. 5. 30. 234.
Циклопъ, Пародія Гнѣдича на Ѳеокритову идиллію. 3. 21.
Циммерманъ. 4. 103.
Циціановъ, генер. 4. 234.

Чатамъ. 4. 64. 260.
Чеботаревъ, Андр. 3. 90.
Челяковскій. XVI.
Черниковъ, Адамъ. 5. 40.
Чернышевъ, графъ. 4. 181.
Чернышевъ, князь Иванъ. 4. 60.
Чингизъ-ханъ. 4. 170.
Чичаговъ, адмир. 4. 37—39. 42. 44. 47. 52.
Четвероевангеліе Галичское 1144 года. 2. 74. 102.
Шаденъ, проф. 5. 143. 236. 262. 266. 272.
Шарлотта, корол. англ. 4. 243.
Шатобріанъ. 5. 2. 153.
Шафарикъ. XVI. 1. 50. 2. 51. 60. 106. 109. 113. 117. 141. 152. 154. 5. 68.
Шахматовъ, А. 2. 95.
Шаховской, князь. 5. 136. 137.
Шахъ-Багамъ. 4. 28.
Шварцъ, профес. 5. 264. 265.
Швейцеръ. 4. 107.
Шверинъ, графъ. 4. 312. 314.
Шевыревъ, акад. XIV. 1. 48. Лекціи о русской литературѣ, читанныя имъ въ Парижѣ въ 1862 году. 5. 1—280.
Шекспиръ. 5. 265.
Шеллингъ. 5. 143.
Шемяка, Дмитрій, князь. 5. 65.
Шериданъ. 4. 221.
Шибановъ, Василій. 5. 51.
Шиллеръ. 1. 22. 23. 25. 32. 5. 142. 170.
Ширинскій-Шихматовъ, князь П. А., акад. XIV. 3. 24.
Шишковъ, предсѣдатель Россійской Академіи. VII. VIII. X. XI. XII. 3. 24. 5. 137.
Школа злословія, комед. Шеридана. 4. 221.
Шлаффъ. 4. 18.
Шлёцеръ. 5. 68.
Шлиттъ. 5. 46.
Шовиньи. 4. 163.
Шомбергъ, графъ. 4. 44. 45. 106. 163. 332.
Шпильманъ, баронъ. 4. 84. 178. 204.
Штакельбергъ, графъ. 4. 34.
Штегельманъ. 4. 241.

Штейнбокъ, графъ. **4.** 310.
Штелинъ, акад. **1.** 6. **5.** 150.
Штиллингъ. **5.** 265.
Шуазёль, герц. **4.** 14. 174. 278. 304.
Шуваловъ, И. И. **4.** 70. 277. **5.** 148. 149. 158. 174.
Шуваловъ, графъ. **4.** 336.
Шульцъ, генер. **4.** 33.
Шумахеръ, акад. **5.** 148.
Шумскій. **5.** 176.
Щербатова, княжна. **4.** 184.
Щербатовъ, князь. **4.** 261.
Щербатовъ, князь, акад. VI. IX.
Щербинина. **4.** 188.
Эденъ. **4.** 81.
Эйлеръ, акад. XII. **5.** 148.
Эйхгофъ. **5.** 4.
Эллiотъ, лордъ. **4.** 243. 260.
Энсли, послан. **4.** 14. 212.
Эренсвердъ, шведск. адмир. **4.** 34.
Эршъ. **2.** 113.
Эстергази, графъ. **4.** 173. 175. 194. 299.
Эсхилъ. **3.** 14.
Юлія, принцес. Кобургская. **4.** 279—282.
Юнгъ, Артуръ. **4.** 272.
Юсуфъ-паша. **4.** 178.
Яворскій, Стефанъ. **5.** 40. 125.
Ягеллонъ, вел. князь литовск. **4.** 240.
Ягичъ, И. В., акад. I. XV. Его избраніе въ академики. XVI.—Его рецензія на изданное архим. Амфилохіемъ четверо-евангеліе 1144 года. Изданіе имъ Маріинскаго четвероевангелія глаголическаго письма конца X или начала XI вѣка.—Имъ оконченъ первый томъ Памятниковъ древнерусской письменности. Онъ продолжалъ издавать посвященный славянской филологіи журналъ. **1.** 4. 9. 10.—Его отчетъ о присужденіи Ломоносовской преміи въ 1883 г. и оцѣнка трудовъ архим. Амфилохія и профессоровъ Вс. Миллера и Гейтлера. **2.** 7—189.
Языковъ, Д. И. акад. XIII. XIV.
Языковъ, писат. **5.** 84. 136. 137.
Якоби. **5.** 188.
Яковлевъ. Плат. **3.** 29.
Якуфъ, паша. **4.** 32.

Яништъ, агрон. **4.** 271.
Янсонъ, Ю. Э. XIX.
Ярославскій Демидовскій Лицей. XX.
Ярославъ, вел. кн. **5.** 48.
Ѳедоровъ, Иванъ. **1.** 52.
Ѳеодоритъ, **2.** 55.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, царь. **5.** 63.
Ѳеодосій, основатель Кіевопечерской обители. **5.** 69.
Ѳеокритъ. **3.** 14.
Ѳофилактъ Болгарскій. **2.** 87.

BINDING SECT. SEP 27 1967

PG
2013
A65
t.33
no.2-5

Akademiia nauk SSSR. Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti
Sbornik

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY